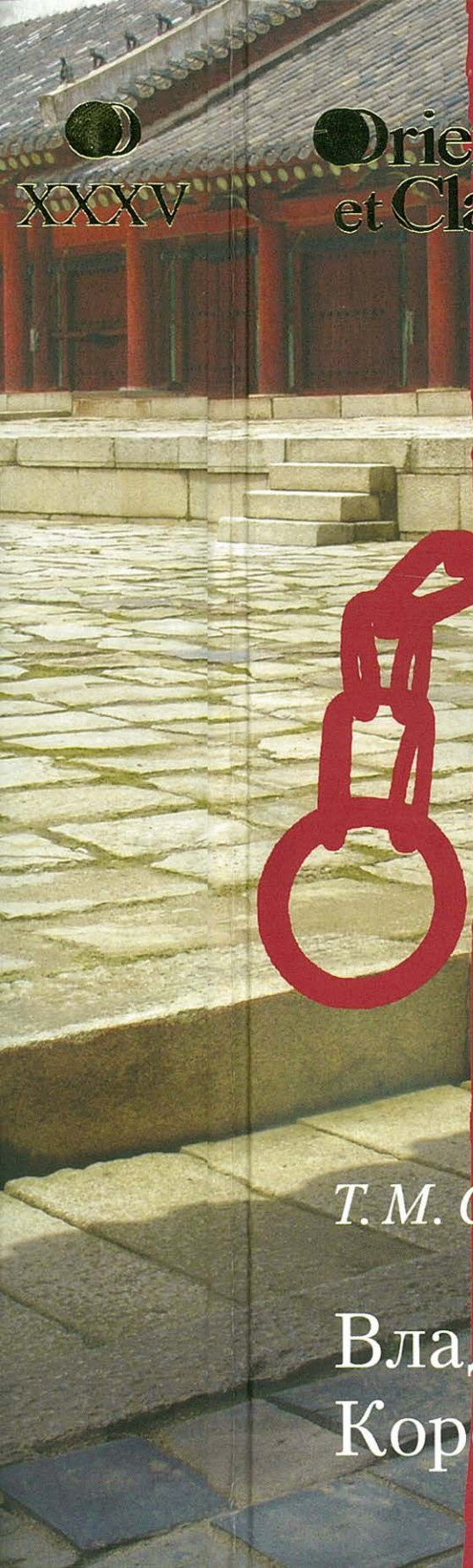

XXXV

Orientalia
et Classica

Т. М. Симбирцева

Владыки старой
Кореи

Orientalia et Classica

Russian
State University
for the Humanities

●**Orientalia**
et **Classica**
Papers of the Institute of Oriental
and Classical Studies

Issue XXXV

T.M. Simbirtseva

THE RULERS OF OLD KOREA

Moscow
2012

Российский
государственный гуманитарный
университет

● **Orientalia**
et **Classica**

Труды Института восточных культур
и античности

Выпуск XXXV

Т.М. Симбирцева

ВЛАДЫКИ СТАРОЙ КОРЕИ

Москва
2012

УДК 951.9
ББК 63.3(5Ко)
С 37

Orientalia et Classica:
Труды Института восточных культур и античности
Выпуск XXXV
Под редакцией И.С. Смирнова

Книга написана и подготовлена к изданию
при финансовой поддержке Академии корееведения
(Соннам, Республика Корея)

Художник *Михаил Гуров*

В оформлении переплета использовано фото автора:
«Палаты вечного покоя» в Чонмё – главном храме Чосона.
Ритуалы здесь проводятся и сегодня. Вид из восточных ворот

ISBN 978-5-7281-1289-1

© Симбирцева Т.М., 2012
© Гуров М.К., художественное
оформление, 2012
© Институт восточных культур
и античности, 2012
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2012

Оглавление

[От автора]	11
Династия Чосон. <i>Генеалогическое древо</i>	20
I	
От «первого среди равных» к «первому среди людей»	23
Ваны древности	23
Ваны Корё (935–1392)	36
Ваны Чосона и императоры Тэхан Чегук (1392–1910)	40
<i>Символы власти</i>	40
<i>«Путь вана» и история Чосона</i>	47
От монархии к республике	86
Потомки династии	94
Кто будет следующим монархом Кореи?	104
II	
Живое наследие ванов	108
Начало «исторического бума»	108
О «корейской волне» – <i>халлю</i>	114

Новая литература	124
Чосон и русско-корейские отношения	137
Карл Иванович Вебер	150
«Сеульский строитель» А.И. Середин-Сабатин	156
Новый «старый» Сеул	164
Коментатор истории	172
Старейшее научное общество	177

III

Наследие ванов и государство	184
Из истории летописания	184
«Геродот» корейской истории	188
Летописание в Чосоне	195
<i>Два типа летописей Чосона</i>	198
<i>Как составлялись силлок</i>	201
<i>Об объективности силлок</i>	205
<i>Архивное дело в Чосоне</i>	213
<i>Прочие «королевские» летописи Чосона</i>	218
Летописание в XX веке	224
<i>Историописание в колониальный период</i>	224
<i>Деятельность Комитета по составлению</i> <i>национальной истории</i>	225
<i>Новая жизнь летописей Чосона</i>	230
Памятники Кореи под охраной ЮНЕСКО	235
<i>Управление культурным наследием Республики</i> <i>Корея</i>	235
<i>«Всемирное наследие» ЮНЕСКО и Корея</i>	236
<i>«Память мира» ЮНЕСКО и Корея</i>	242
<i>«Нематериальное культурное наследие»</i> <i>ЮНЕСКО и Корея</i>	244

IV

Летописи династии Чосон	248
Истинные записи династии Чосон	248
<i>«Воплощение выдающегося исторического</i> <i>сознания корейцев»</i>	248
<i>«Универсальная ценность для всего человечества»</i>	252
<i>«Историк сказал»</i>	256
<i>Сохранившиеся тексты</i>	258
<i>Издания Чосон ванджо силлок</i>	259
Подневные записи королевского секретариата (<i>Сынджонвон ильги</i>)	261
<i>Ценнейший источник для изучения монархии</i> <i>на Дальнем Востоке</i>	261

<i>О государственном секретариате</i>	265
<i>Различия между Сынджонвон ильги и Чосон</i>	
<i>ванджо силлок</i>	269
<i>«Королевские дневники» – в народ!</i>	271
<i>Другие «королевские дневники»</i>	273
Книги установленных ритуалов (ыйгве)	274
<i>Что такое ыйгве</i>	274
<i>Как составлялись ыйгве</i>	278
<i>История ыйгве</i>	282
<i>Лучший образец ыйгве</i>	285
<i>Ыйгве в современном мире</i>	291

V

«Самый корейский из корейских дворцов»	294
Дворец как понятие	295
Система двух дворцов и история Чосона	303
Материалы по истории дворцов	316
«Большой ствол» Пэктусана и расположение дворцов	320
Дворец как образ сословного общества	333
Архитектура чосонских дворцов	339
Устройство дворцов и их обитатели	345
<i>Тронный зал</i>	351
<i>Внутренняя административная зона</i>	361
<i>Дворец госсовета</i>	366
<i>Дворец государя</i>	367
<i>Дворец королевы</i>	369
<i>Резиденции вдовствующих королев</i>	386
<i>Дворец наследника престола</i>	401
<i>Наложницы</i>	415
<i>Наксонджэ и конец династии</i>	421
<i>Фрейлины и служанки</i>	427
<i>Дворцовый парк Хувон</i>	432
Подлинное значение Чхандоккуна и Хувона	440

VI

Чонмё – Храм предков династии Чосон	442
Дорога к Храму	443
Что такое чонмё	448
Особенности почитания предков в Чонмё	450
Другие главные алтари Чосона	454
Символ государя	458
«Восточный Парфенон»	463
Устройство Чонмё	467
Порядок ритуала	476

Ритуальная одежда	479
Музыка и танец Чонмё	482
Поминальные таблички	486
<i>Категории поминальных табличек</i>	486
<i>Имя вана</i>	491
<i>Законы перемещения поминальных табличек</i>	499
<i>«Несдвигаемые» таблички</i>	501
<i>Последние таблички</i>	506
Чонмё и рождение конфуцианского государства	507
<i>История строительства чонмё в Корее</i>	507
<i>Приход конфуцианского ритуала в Корею</i>	509
<i>Рождение чосонских ритуалов</i>	511
<i>«Пять государственных церемоний»</i>	515
<i>Утверждение ритуала в народе</i>	520
Ключ к пониманию корейской культуры	524
VII	
Гробницы ванов Чосона	528
Редкий памятник государственной культуры	528
Церемония в Парке девяти гробниц	530
Гробницы ванов и <i>пхунсу</i>	542
Планировка и устройство гробниц	544
Государственные похороны	554
Гробницы ванов и судьба	559
Гробницы ванов и история	566
VIII	
Забывтый принц. <i>Вместо этилога</i>	573
<i>Приложение</i>	
Таблица 1. Легендарный, древний и императорский Китай. <i>Хронология</i>	590
Таблица 2. Правители ранних корейских государств и Корё. <i>Хронология</i>	595
Таблица 3. Размещение поминальных табличек ванов Чосона (династия Ли) в алтарях Чонмё	601
<i>Примечания</i>	608
<i>Указатель – иероглифический словарь</i>	
Понятия и литературные произведения	619
Имена	625
Имена собственные объектов архитектуры	628
<i>Литература</i>	630
<i>Об авторе</i>	640

*Посвящаю
Ауну*

Эта книга рассказывает о памятниках «королевской культуры» Кореи времен конфуцианской династии Чосон (1392–1910), находящихся под охраной ЮНЕСКО: летописях, дворце Чхандоккун, Храме государевых предков Чонмё, а также об их гробницах.

Чосон правила 518 лет – не слишком долго в сравнении с древнейшими царствами Дальнего Востока, но дольше всех – среди современных ей государств региона. За это время сменились две династии в Китае и два сёгуната в Японии. Ее поразительной устойчивости соседи удивлялись уже в средние века. В XX веке с этого необычного феномена началось изучение истории Кореи в США. За пять с лишним веков в Чосоне сложились первое в истории страны конфуцианское государство, общество и культура, без знания которых нельзя глубоко понять и современную Корею: ни ее руководителей, ни душу простого человека. Корейские монархи назывались ванами. «Ваны – наше все», – эту фразу я однажды услышала в разговоре корейских историков и удивилась: как метко сказано. Изучая в советские годы историю Кореи, мы никогда не интересовались ванами, увлеченные историей классовой борьбы, хотя в Корее на протяжении двух тысяч лет именно они

стояли в центре мироздания. Вокруг них вращалась вся жизнь страны, и у каждой эпохи было не только их имя, но и их лицо, а события, происходившие в монаршей семье, эхом откликались в судьбах подданных, литературе и навеки оставались в народной памяти.

В России специально историей ванов Чосона пока еще никто не занимался, и мне хотелось бы привлечь к этой теме внимание российского читателя. Она представляет собой интереснейший материал для научных изысканий, размышлений и сравнения, тем более что период Чосона охватывает зрелое средневековье и Новое время, которое в Корее наступило с «открытием» страны внешнему миру в 1876 г. и завершилось, как считают некоторые историки, с гибелью династии в 1910 г. По мнению других, Новое время продлилось и дальше, в колониальную эпоху, и завершилось с Освобождением Кореи в 1945 г. Потребовалось всего 35 лет, чтобы гордое своей древней историей и культурой государство, которое было настолько самодостаточным, что не поддерживало практически никаких отношений с соседями и слыло «страной-отшельницей», исчезло с политической карты мира. Почему рушатся государства? Есть ли какие-то общие закономерности или у каждого они свои?

В августе 2010 г. исполнилось 100 лет с тех пор, как император Сунджон (1907–1910) был вынужден подписать Договор об аннексии, и Корея на 35 лет превратилась в японскую колонию. В какой степени виноваты в этом ее последние монархи? Ответ на этот вопрос ищут в Корее и сегодня. Каждый раз, когда выходит новый учебник или исторический фильм, в прессе, ученых кругах и интернете поднимается острая дискуссия на эту тему. Это свидетельствует о том, что рана, нанесенная утратой независимости, еще болит. Коджона и Сунджона, последних правителей Чосона, осуждают за неспособность адекватно ответить на требования времени, провести модернизацию и реформы, за то, что они не добились сплочения сил внутри страны, игнорировали интересы крестьянства, не смогли защитить страну в осложняющейся международной обстановке, находили не тех союзников и т.д. Чосон стал первым в череде погибших в начале XX века империй. Вскоре после Корейской империи (Тэхан Чегук), как назывался Чосон в 1897–1910 гг., рухнули Цинская, Российская, Австро-Венгерская, Османская, Германская империи. Их значительное число само по себе свидетельствует, что гибель династий случайностью не была. Почему так высоки требования современных корейцев к своим последним монархам? Были ли они хуже, чем предыдущие, пользующиеся признанием? Только ли они виноваты в утрате Кореей независимости?

У современных историков в Корее есть склонность искать ответ в личностях монархов. На мой взгляд, он кроется, в первую очередь, в культурном и политическом наследии династии.

История Чосона – тема обширнейшая. У меня есть надежда, что с обращением к ней историческое корееведение в России, которое ныне находится в глубоком упадке, может обрести новое дыхание, тем более что основы для этого в нашей науке заложены прочные. Переведены крупнейшие памятники корейской письменной культуры, литературная классика, написан ряд серьезных исследований, есть собственная точка зрения на многие принципиальные вопросы. Техническая революция и глобализация позволяют нам двигаться дальше. Об упорной работе южнокорейского правительства и ученых по переводу и оцифровке огромного массива исторических источников и памятников и превращение их в достояние всего человечества с помощью интернета, я рассказываю в этой книге.

Из тем, связанных с чосонской историей, мне бы хотелось отметить одну, которая мне особенно близка. Это ранняя (1860–1910) история русско-корейских отношений, которые завязались именно в Чосоне при активнейшем участии вана Коджона (1864–1907), последнего монарха независимой Кореи. Личность это сложнейшая. О времени его правления написаны сотни книг, но такой, чтобы рассказала о нем самом, пока нет, и возможно, еще долго не будет, настолько противоречивы мнения в корейском обществе. Коджона в Корее называют «прорусским монархом». Это общепринятая точка зрения, и никто ее не оспаривает. Для установления отношений наших стран в XIX в. существовало много преград. Против этого возражали практически все государства, заключившие в 1880-х годах договоры с Кореей, в первую очередь Китай, Япония и Англия. Их дипломатические представители, находясь рядом с Коджоном, убеждали его в опасности России для Кореи, наличии у нее агрессивных замыслов против его страны. Но Коджон, которого часто называли «робким», «несамостоятельным» и даже «трусливым», сам выступил не только за скорейшее заключение договора об установлении отношений с Россией (это произошло в 1884 г.), но даже посылал тайных послов, чтобы ускорить это событие, и несколько раз обращался к российскому правительству с просьбой принять Корею под свое покровительство. Правда, обращался тайно, потому что открыто действовать в дипломатической сфере по собственному разумению он не мог. Сказывались не только иностранное давление, но и особенности политической культуры.

Учитывая международную обстановку, Россия его предложения принять не могла, да и главные ее интересы лежали далеко от Кореи. В этой стране ей было важно сохранение статус-кво, к которому стремился и Коджон. Союз наших стран не реализовался, но старый император сохранял дружеские чувства к России вплоть до конца своих дней, и я не могу избавиться от ощущения, что некоторые упреки, которые сегодня высказываются в его адрес, в определенной степени адресованы и нам. Видимо, пока историки наших стран не достигнут определенного взаимопонимания во взглядах на русскую политику в Корею конце XIX – начале XX в., не будет написана и книга о Коджоне как человеке и правителе. В совместном изучении его личности, не оставляющей никого равнодушным в Корею и пользующейся большим уважением в России*, я вижу один из путей к развитию научного сотрудничества и взаимопонимания наших стран.

Мир переживает бум биографической литературы. Много таких книг издается и в России. Есть среди них и посвященные правителям Востока: турецким султанам, японским и китайским императорам. А вот о монархах Кореи в нашей стране не написано ничего. Этот пробел в отечественной литературе автору хотелось бы несколько восполнить. В вышедших у нас в последние годы книгах разного уровня и содержания по истории Востока мне доводилось читать о «банщиках» из Корё (объединенном корейском государстве, существовавшем в 935–1392 гг.), которые «жили в Танской империи» (китайском государстве 618–907 гг.); о «самом выдающемся деятеле последнего тысячелетия» Чингисхане, который, хотя и жил в XIII в., но тем не менее «способствовал прекращению кровопролитных объединительных войн Трех государств на Корейском полуострове», относящихся в VII в. н.э. Или что подписание в 1876 г. японо-корейского Канхваского договора, «открывшего» Корею внешнему миру, привело в этом государстве к династическому кризису, когда «настроенная прояпонски королева начала борьбу за власть с бывшим правителем, поддерживавшим интересы Китая». А между тем королева Мин была самой последовательной противницей японского проникновения в Корею в 1880-х – 1895 гг., за что была жестоко убита японцами в собственной спальне. А ее тесть, «бывший правитель» (его звали Тэвонгун, т.е. Великий князь) был похищен китайцами и провел в ссылке в Баодяне три года за то, что был помехой китайским интересам в Корею. Странно представить, что из руководителей

---

* См.: Пак Б.Д. Россия и Корея. М., 2004; Ванин Ю.В. Корея и Гаагская мирная конференция 1907 г. // Восток. 2008. № 6. С. 45–56.

страны один отстаивал интересы Японии, а другой – Китая. В мировой литературе по-прежнему опираются, когда говорят о старой Корее, в основном, на японские и английские источники.

В ставшей бестселлером последних лет книге об императоре Мэйдзи говорится о том, что через несколько дней после убийства японцами его жены (королевы Мин) Коджон послал Мэйдзи и его супруге Харуко подарки и благодарственное письмо, в котором сообщал о своей радости по поводу майского договора между Японией и Китаем, принесшего Корее долгожданную «независимость», и что еще через несколько дней он подписал заявление, в котором осуждал погибшую супругу за то, что она «повергла правительство в хаос» и «торговала должностями и титулами». Какой ничтожный образ корейского монарха встает за этими краткими сведениями! Такое письмо, возможно, и было. Но писали его сами японцы. Известно, что в дни после убийства королевы ван вместе с сыном-наследником оказался под домашним арестом и всеми делами в государстве стал распоряжаться прояпонский «кабинет министров», руководимый японскими же «советниками». Отношение их к Коджону было таково, что он серьезно опасался за свою жизнь и принимал только ту пищу, что носили ему из российской миссии и домов американских миссионеров. Зная о привязанности Коджона к жене и о том шоке, который он пережил в роковое утро 8 октября 1895 г., когда ее убили, я убеждена, что того письма он сам не писал. А образ у российского читателя уже возник. «Ну и что? – рассуждают мои друзья и знакомые – невостоковеды. – Зато интересно читается». Может, оно и так, но мне трудно с этим согласиться, когда я представляю, что так формируется профессиональный кругозор молодых корееведов и общественное мнение в целом. Это еще одна из причин, почему я решила написать эту книгу.

Эта книга была написана и оформлена при финансовой поддержке Академии кореведения (Соннам) – крупнейшего научно-исследовательского учреждения Республики Корея, которое спонсирует корееведение по всему миру. Выражаю ей глубокую признательность. Также благодарю директора Института восточных культур и античности РГГУ, известного китаевода, профессора Илью Сергеевича Смирнова, при поддержке которого публикация книги осуществилась, несмотря на немалые трудности.

Неоценимую помощь оказали мне несколько корейских и российских ученых. Это, во-первых, сотрудник Института Кюджангак при Сеульском национальном университете, автор нескольких книг по Новой истории

Кореи, доктор Ён Капсу пояснения которого я вставила в текст с указанием его авторства. Доктор Ён, с которым мы когда-то вместе учились, помог мне поистине неоценимыми советами по библиографии, в организации моей поездки в Корею для сбора материалов и в подборе иллюстраций, щедро поделившись сокровищами личной библиотеки. В марте 2011 г. Ён Капсу трагически погиб. Незадолго до кончины он принял участие в конференции в Новосибирском ГУ «Образ России в Корее: четыре века российско-корейских отношений в новом освещении», где на основе не известных ранее документов показал, что основы добрососедства между нашими странами были заложены задолго до официального установления дипломатических отношений в 1884 г. Он с нетерпением ждал выхода этой книги и верил, что через осознание общего прошлого России и Корея станут друг другу ближе. Его уход – большая утрата и для науки, где он был одним из немногих ученых «новой волны», и для всех нас – его друзей и коллег.

Я благодарю старейшину российского корееведения Льва Рафаиловича Концевича и профессора университета Осло Владимира Михайловича Тихонова за их неизменную поддержку и консультации по библиографии, династийной и исторической периодизации и переводу и толкованию понятий из конфуцианской классики. Учебником В.М. Тихонова «История Кореи» я пользовалась как справочником, причем не только опубликованным в 2003 г. первым томом (до 1876 г.), но и любезно предоставленными мне рукописями расширенного первого тома (до 1904 г.) и второго тома (до 1945 г.), которые вышли в свет в серии *Orientalia et classica* РГГУ летом 2011 г. Существенную роль в формировании идеи книги сыграли советы доцента Университета Кунмин (Сеул) Андрея Николаевича Ланькова. Его внимание к иероглифическому написанию понятий поддержало автора в стремлении не отказываться от него в тексте. Ориентируясь в основном на студентов, я привожу названия классической китайской литературы, чосонских законов и ученых трудов, архитектурные, религиозные и прочие понятия с их иероглифическим написанием. Обычному читателю это, возможно, покажется чрезмерным, но именно в лесу иероглифов скрываются истинные ценности чосонской культуры.

Я признательна за консультации доценту ИВКА РГГУ Ольге Михайловне Мазо и кандидату архитектуры заместителю директора Санкт-Петербургского филиала НИИ теории архитектуры и градостроительства РААСН Светлане Сергеевне Лешоко. Не могу не сказать слов благодарности о профессоре университета Мёнджи (Сеул) Хон Сунмине, знатоке чосонских дворцов, который нашел

время встретиться со мной и поделиться знаниями и ценными фотоматериалами, а также о сотруднике Организации туризма Кореи Ли Пёнсоне, который не раз возил меня по «королевским» достопримечательностям своей страны. Ряд иллюстраций предоставил профессиональный фотограф, энтузиаст-краевед Ли Сонджон, ныне работающий в Муниципальном музее г. Ульсана. Венгерский кореевед-историк Карой Фендлер не раз присылал мне полезную информацию из интернета и оттиски из редких книг. Я очень ценю их вклад. Я благодарю литературного редактора Светлану Викторовну Веснину, чья кропотливая и тщательная работа позволила существенно улучшить содержание этой книги, а также отдавшего ей много сил и вдохновения художника издательства РГГУ Михаила Кирилловича Гурова. Книга никогда не была бы написана без финансовой, моральной и технической поддержки моего мужа Ауна, терпеливо разделяющего мои интересы на протяжении многих лет.

Должна пояснить выражение «династия Чосон». Оно не аналогично нашему «династия Романовых». Чосон – название государства, фамилия правившего в нем рода – Ли. Я использую выражение «династия Чосон» по аналогии с историей Китая, где принято говорить, например, «династия Цин», а не «династия Айсинь Гиоро». В современной российской и западной историографии в равной мере используются именованья «династия Чосон» и «династия Ли». Не все так просто в Корее. В южнокорейской литературе используется чаще всего обозначение «династия Чосон». Это объясняется тем, что выражение «династия Ли» напоминает многим в этой стране о временах национального унижения, поскольку именно по фамилии (Ли-*сси* ван – ваны из рода Ли) называли монархов Чосона японцы в колониальные времена. В КНДР, самоназванием которой является «Чосон», используется в основном название «династия Ли» (Лиджо). «Видимо, для того, чтобы отделить историю от современности», – пояснил мне кто-то из южнокорейских коллег.

Даты правления ванов в книге приводятся реальные, как это в основном принято сегодня, а не так, как было принято в традиционной хронологии, где первым годом правления вана указывали следующий за кончиной его предшественника. Исключение составляли ваны, вззошедшие на престол вслед за правителями, не удостоенными посмертного храмового имени. У них год вступления на престол не исключался. Отдельно поясню даты правления Коджона, 26-го вана Чосона и первого корейского императора. Я указываю их как 1864–1907 гг., хотя многие

авторы и справочники указывают годом его восшествия на престол 1863 г. Это связано с расхождениями между лунным и солнечным календарями. По традиционному летоисчислению, Коджон стал ваном в 13-й день 12-го лунного месяца года кехэ (14-й год правления Чхольчона). В пересчете на солнечный календарь, это 21 января 1864 г. Его предшественник на троне – Чхольчон – скончался 16 января 1864 г. Эти расчеты приводятся в новой книге Л.Р. Концевича «Хронология стран Восточной и Центральной Азии» (М., 2010). Из нее же я в основном заимствовала и даты китайской хронологии.

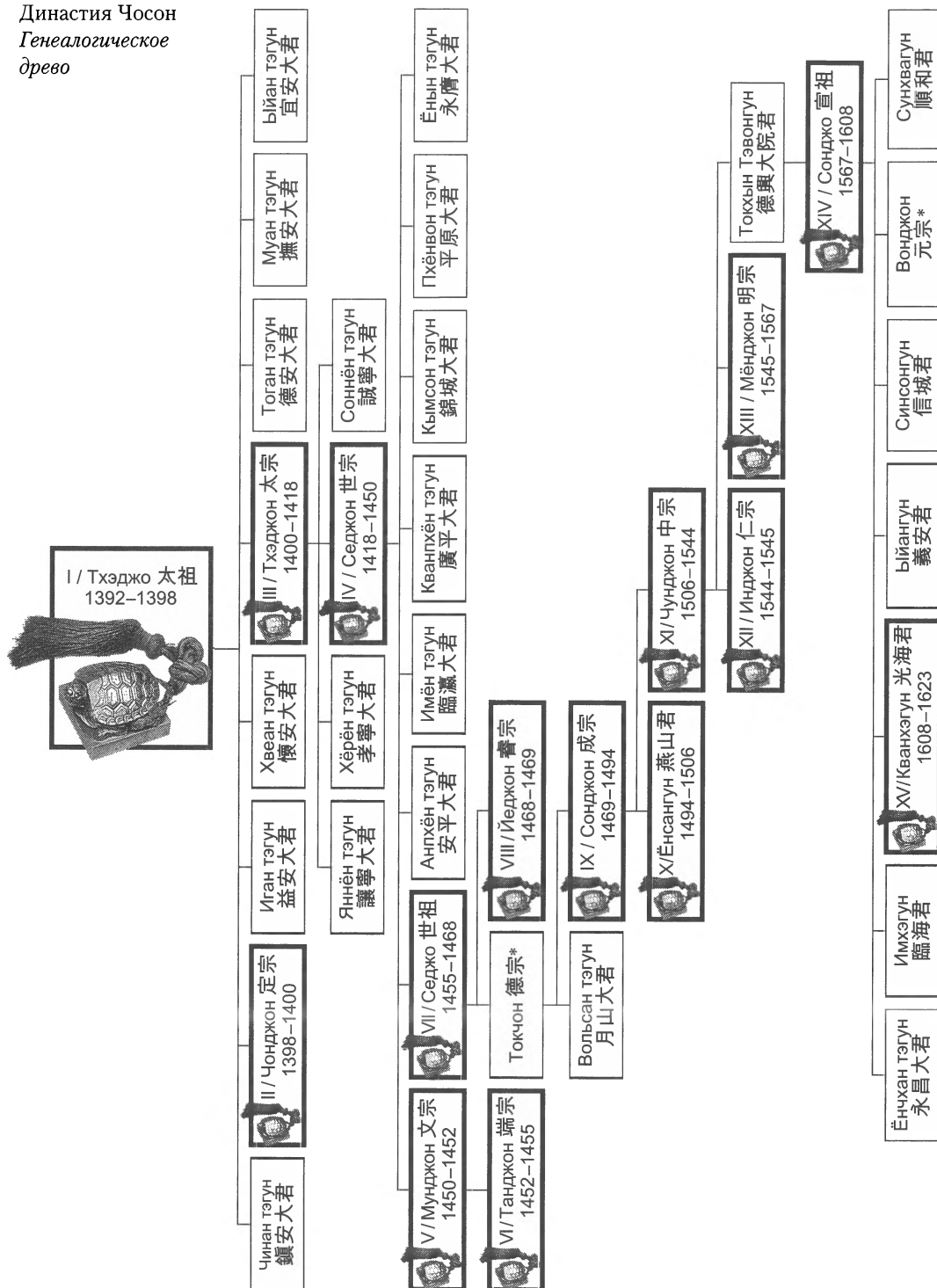
В книге много условных обозначений. Скажем, я говорю «европейцы», имея в виду одновременно и европейцев, и американцев. В Корее используется для них выражение «люди с Запада», но по-русски это не звучит. Я называю чосонских монархов ванами, а их главных жен – королевами, что тоже натяжка, потому что королевами в европейском смысле чосонские государыни не были, но другого, сколько-нибудь благозвучного названия для них мне найти не удалось, и я последовала за западной историографией, где, правда, и ванов тоже называют королями. Ваны – все же не короли, однако прилагательное от этого слова я решила не конструировать и предпочла традиционное – «королевский». Неуклюже звучит и выражение «вторая законная супруга вана», но как еще можно передать понятие *кеби*? *Кеби* – это главная супруга, на которой ван женился после кончины первой законной супруги, хотя из моего перевода можно понять, что у чосонского вана таких главных супругов было несколько, а это неверно. Или, скажем, как правильно перевести понятие «направление буддизма» *чон(джон)* 宗: «школа», «секта» или «орден»? Поскольку единой точки зрения нет, я перевожу как «школа». Название империи *Тэхан Чегук*, провозглашенной в 1897 г., я перевожу как «Корейская империя», хотя на этот счет есть разные мнения, и т.д.

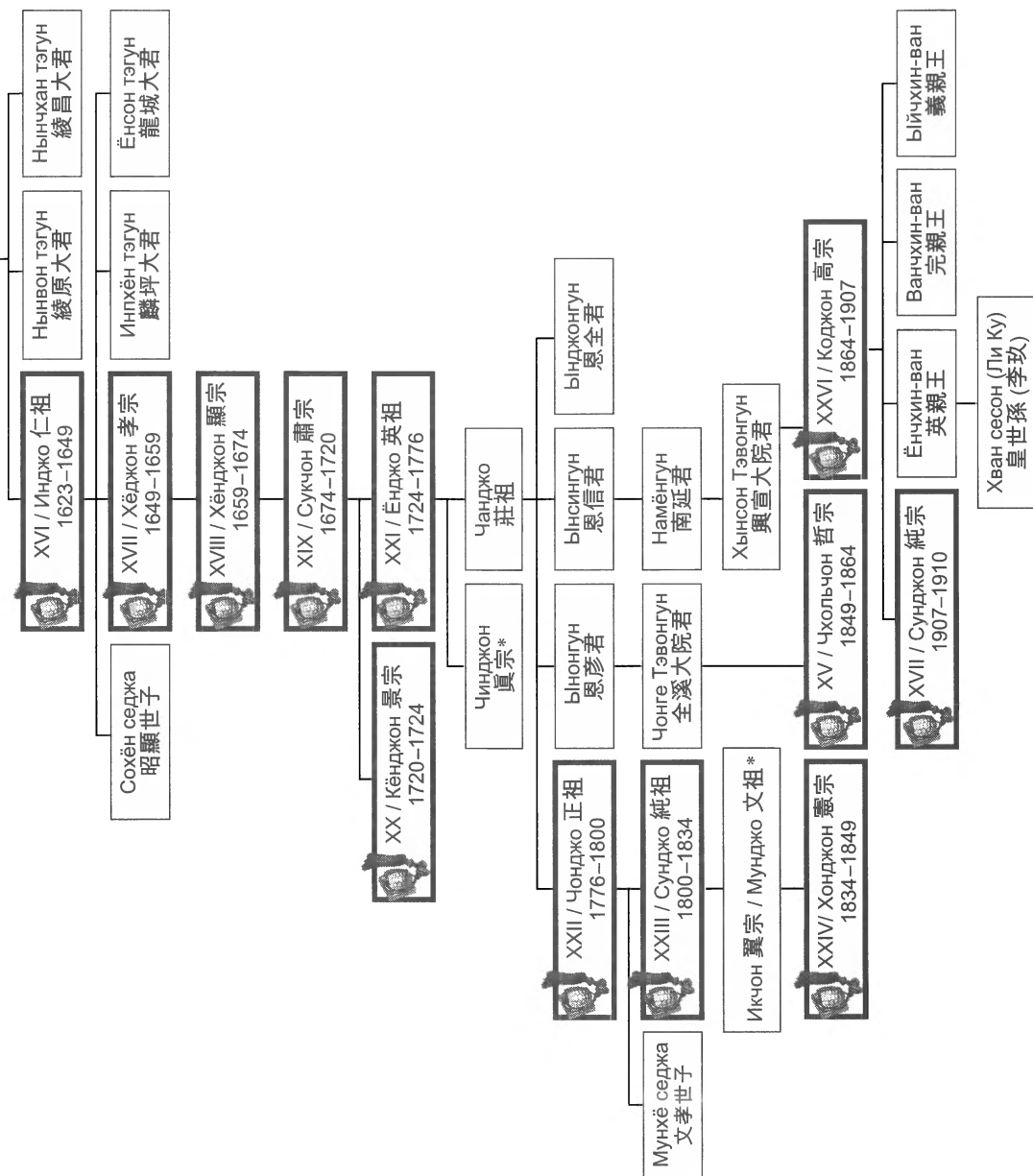
У нас пока переведено мало корейской исторической литературы, и многие понятия отсутствуют. Хочу надеяться, что этот пробел восполнят новые поколения исследователей. В качестве справочника для перевода понятий я использовала «Большой корейско-русский словарь» (М., 1976), а также «Описание письменных памятников корейской традиционной культуры» (тома I и II), составленное А.Ф. Троцевич и А.А. Гурьевой (СПб., 2007, 2009). Корейские понятия даны в транскрипции, разработанной Л. Р. Концевичем на основе транскрипции А.А. Холодовича для научно-популярных изданий.

Татьяна Симбирцева, апрель 2011 г., Москва

朝鮮王

Династия Чосон
Генеалогическое
древо

* Возведен в ваны посмертно

Что собой представляет корейский император? Властный ли это монарх? Креатура? Жрец? Воитель? Или, может, совершенно бесцветная личность, каких так много в странах с тенденцией к олигархическому образу правления, где царит придворная клика, а сам государь только бессильная марионетка?

Трудно ответить на эти вопросы. Неизвестно даже в точности, говорит «Journal des Débats», как имя корейского короля. Одна газета называет его Джи, другая – Ли-Инг-Кумом, третья – И. Хиенгом. Указывают еще, что его жена – американка, дочь миллионера. В «Готском альманахе» император назван вдовцом, а про покойную жену его говорится, что она была простой корейкой, дочерью какого-то Чирока, бывшего одно время министром, – и все. Как разобраться в этом хаосе данных, не поддающихся никакой проверке?

Курьезно, что происхождение династии корейского императора более известно, чем личность корейского императора. Рассказывают, что был некогда в северной провинции Китая государь, известный своим дурным образом жизни. У него была любовница. Однажды фаворитка, гуляя по берегу реки, увидела малое туманное пятно, принявшее форму яйца. Из этого яйца вышел желто-розовый ребенок, которого она, охваченная добрым чувством, поспешно отнесла к своему повелителю-королю. Он без удовольствия принял этот плачущий подарок. Самое туманное пятно, самое яйцо, ставшее ребенком, показалось королю подозрительным. Он приказал отнести ребенка в хлев, но свиньи не съели его, а стали ухаживать за ним. Когда доложили королю, он приказал отнести ребенка во дворец и осыпал милостями, назвав в порыве увлечения «Свет Востока». Ребенок рос, удивляя двор своей красотой, силой, ловкостью. Король позавидовал и сослал «Свет Востока». «Свет Востока» бежал к границам Китая. Прибыв на берега реки Ялу, преградившей ему путь, он остановился в недоумении. Взяв свой лук, он пустил стрелу в воду; тотчас же появились тысячи рыб и своими телами образовали для него мост. «Свет Востока» перешел по нему на чужой берег. Он нашел там любезный народ, избравший его королем. Этот народ были корейцы. Основанная его первым королем династия существует до сих пор, но о дальнейших его представителях известно очень мало или, вернее, ничего не известно.

*Вестник иностранной литературы.
Санкт-Петербург, 1904, № 2*

I

От «первого среди равных» к «первому среди людей»

Обращаясь к народу, Чумон сказал:
«Я получил приказ от Неба
И хочу основать здесь государство.
Придя сюда, неожиданно встретил
Трех мудрецов. Разве это не дар
Неба?!»...
Государство назвал Когурё,
потому его родовое имя стало Ко.

Самгук саги, XII в.

Ваны древности

Сколько царственных родов правили в Корее за всю ее историю? Интернет насчитал 12 монархий¹, которые, сменяя друг друга или соседствуя, существовали, по легендам или в реальности, на корейской земле с 2333 г. до н.э. до 1910 г., но в этом вопросе нет единомыслия. Числа фамилий точно не знает никто. Скажем, у правителей древнего Когурё родовая фамилия была Ко (高), но четверо из них – со второго (Юри-ван, 19 г. до н.э. – 18 г. н.э.) до пятого (Мобон-ван, 48–53 г. н.э.) – именовались Хэ (解), и неясно, то ли это записанная в летописях иная транскрипция китайскими иероглифами исконной фамилии Ко, то ли свидетельство борьбы за власть, то ли была иная причина. Как пишут, «упрощая картину, можно сказать, что за всю историю единого корейского государства им правили три династии: Силла (VII–X вв.), Корё (X–XIV вв.) и Чосон (XIV–XX вв.)»², но о генеалогических связях внутри правящих домов с такой же определенностью сказать нельзя. Однозначно признаны царственными следующие фамилии: Ко – в Когурё, Пуё (夫餘) – в Пэкче, Пак (朴), Сок (昔)

Когурё.
Черепица с ликом
антропоморфного
существа.
Первый портрет
правителя в Корее?

и Ким (金) – в Силла, Ван (王) – в Корё и Ли (李) – в Чосоне. Всего семь. В ранних, быстро исчезнувших с карты мира, корейских (или называемых таковыми) государствах правили также Ви (衛), Хэ, Тэ (大), Кён (甄) и другие Кимы. До сих пор можно встретить в Корее людей и с иными фамилиями, которые гордо именуют себя потомками монархов.

С давних времен правители Кореи назывались *ванами* 王. На европейские языки это переводится как «государь», «монарх», «царь», «король», что не точно. Титул *ван* впервые появился в Китае. Так называли себя правители Чжоу (周, 1122–221 гг. до н.э.), пока в 221 г. до н.э. «покоривший пять царств» основатель циньской династии не провозгласил себя первым императором (*хуанди*) – Сыном Неба, получившим от Небесного Владыки мандат на правление. Его посмертный храмовый титул Цинь Ши-хуанди (秦始皇帝), под которым он вошел в историю, отразил это великое событие. С тех пор все правители Китая носили титул императоров, а *ванами* стали титуловать родственников властителя и особо заслуженных сановников. Древние китайские летописи называли *ванами* и правителей соседних земель в эпоху Хань (漢, 206 г. до н.э. – 220 г. н.э.), в том числе и тех, где жили предки корейцев. Те «ваны» были вождями племенных союзов, и если не было у них сыновей, преемников их выбирали на собрании знатных людей. Были они и верховными шаманами, и если настигали народ засуха, наводнения или заморозки, несли личную ответственность и отвечали положением и жизнью. Их выбор был либо немедленно отречься, либо покончить с собой.

Первым «ваном» Кореи сегодня называют Тангуна (檀君, также Тангун вангом 檀君王儉), о котором легенда повествует, что он был сыном спустившегося с небес божества и медведицы, основал в 2333 г. до н.э. первое царство древних корейцев – Ко Чосон (古朝鮮, Древний Чосон)*, правил 1908 лет, а потом превратился в духа.

---

* Название 朝鮮 (в современном корейском чтении – Чосон, в китайском – Чаосянь) впервые было упомянуто в китайских письменных источниках V–III вв. до н.э. и прочно закрепилось в историографии после того, как Сыма Цянь включил «Повествование о Чаосянь» в свои эпохальные «Исторические записки» *Шицзи* (史記, I в. до н.э.). На сегодня общепринятым является мнение, что *чосон* было названием племени или племенного союза, жившего на Ляодуне и в северо-западной части Корейского полуострова задолго до конца II в. до н.э. Топоним *Чосон* с середины XIX в. вошел в русский и западноевропейские языки в буквальном переводе «Страна утренней свежести». Он звучит поэтично, однако не имеет ничего общего с существующими этимологиями (См.: Концевич Л.Р. Корееведение. Избранные работы. С. 249–256).

Тангун считается первопредком корейского народа. Его огромный мавзолей ныне возвышается в окрестностях Пхеньяна, напоминая каждому, от кого ведет Северная Корея свою родословную и почему именует себя «Чосон». На смену Тангуну пришли выходцы из Китая: сначала Цзи-цзы (箕子, кор. Киджа)**, затем Вэй Мань (衛滿, кор. Ви Ман)***. Появление китайских имен в корейской истории свидетельствует о начале вхождения древней Кореи в китайский цивилизационный ареал и что древнеchosонская государственность формировалась под определяющим влиянием более ранних и передовых по тому времени древнекитайских моделей. Ко Чосон просуществовал до 108 г. до н.э. и пал под ударами войск императора У-ди (武帝, 141–87 г. до н.э.) из династии Западная Хань (西漢, 206 г. до н.э.–25 г. н.э.).

На его территории были образованы четыре китайских округа. Окруженные местными племенами, в первую очередь – *когурё* 高句麗, они просуществовали несколько веков и постепенно исчезли с лица земли. Из них самым долговечным оказался Лолан (кор. Наннан 樂浪), с центром в бывшей столице Чосона в районе нынешнего Пхеньяна. Улицы здесь были мощеными, имелась система подземной канализации, добротные деревянные дома крылись черепицей. Кроме китайцев, жили в лоланской столице и представители протокорейской знати. Почетные титулы и китайские «престижные товары» (особенно печати и зеркала), которыми, не скупясь, награждали их местные власти, повышали их авторитет в глазах соплеменников, воспринимавших их теперь как носителей «высшей» культуры, что усиливало и социальное расслоение. Эти когурёсцы были первыми представителями своего этноса, кто стал усваивать китайскую иероглифическую письменность и основы конфуцианских представлений.

** Цзи-цзи, также Ци-цзи, – легендарный древнекитайский мудрец, дядя последнего правителя государства Шан–Инь, «пришедший на царство» в Чосон, где в 1121 г. до н.э. основал государство «Чосон Киджа». По преданию, оно наследовало «династии Тангуна», было признано домом Чжоу и просуществовало 929 лет (1122–194 гг. до н.э.). Большинство корейских историков ставят сегодня под сомнение существование Чосона Киджа, и это государство не включено корейским интернетом в список 12 монархий, существовавших когда-либо в корейской истории.

*** Вэй Мань – беженец из входившего в Чжоу княжества Янь (燕, кор. Ён, существовало в 854–222 гг. до н.э.), возможно, китаизированный протокореец, взойшедший в результате мятежа на трон Древнего Чосона и положивший начало его историческому наследнику – «Чосону Вэй Маня» (194–108 гг. до н.э.).

Наиболее распространенное в Корее изображение Конфуция. С картины китайского художника У Даоцзы (VII в.). Предположительно, оно было впервые привезено в страну в период Объединенного Силла (VIII в.).

Конфуцианство (儒學 / 儒教, кит. *жусюэ/жуцзяо*, кор. *юхак/югё*) – морально-этическое учение о принципах духовного совершенствования, идеального правления и общественного устройства, возникшее в Китае в VI в. до н.э. и оказавшее огромное влияние на развитие духовной и политической культуры всех государств Дальнего Востока. Также именуется «религией ученых», и в Корее чаще называлось именно религией (*югё*), ибо ставилось в один ряд с религиозными учениями буддизма (*пультё* 佛教) и даосизма (*тогё* 道教).

Основоположником его считается великий мыслитель Кун Цю (孔子, кор. Конджа, 551–479 г. до н.э.; другие имена – Кун-фу-цзы, Кун-цзы, Учитель Кун) из княжества Лу царства Чжоу, известный в западном мире как Конфуций. Ему приписывается авторство двух величайших литературных памятников – *Луньюй* (論語, кор. *Ноно*, «Беседы и суждения»), в котором изложены основы конфуцианства, а также первой на Дальнем Востоке летописи *Чуньцю* (春秋, кор. *Чхунчху*, «Весны и Осени»). Главным смыслом человеческого бытия и основой семьи Конфуций считал *сяо* (孝, кор. *хё*), т.е. «сыновнюю почитательность», подразумевавшую уважение к родителям и старшим вообще. *Хё* была одним из «трех (главных) устоев» (三綱, кор. *самган*), на которых основывалась человеческая мораль. В целом они были следующие:

1. Подданный служит государю – 君爲臣綱 (кор. *кунви синган*).
2. Сын служит отцу – 父爲子綱 (*пуви чаган*).
3. Жена служит мужу – 夫爲婦綱 (*пуви пуган*).

Представления о «трех устоях» нашли дальнейшее развитие в труде великого философа Мэн-цзы (孟子, кор. Мэнджа, 371–289 гг. до н.э.), названном «Мэн-цзы» по имени автора, где они были дополнены «пятью правилами [человеческих отношений]» (орюн 五倫):

- 1) правитель и подданный имеют чувство долга (君臣有義, кор. *кунсин юйи*);
- 2) отец и сын имеют родственную близость (父子有親, *пуджа ючхин*);
- 3) муж и жена имеют различие (夫婦有別, *пубу юбёль*);
- 4) старший и младший имеют порядок (т.е. субординацию) (長幼有序, *чанъю юсо*);
- 5) друзья имеют доверие (朋友有信, *пунъю юсин*).

«Три устоя – пять правил» (*самган орюн* 三綱五倫) – фундамент конфуцианской этики. На их основе сложилось мировоззрение, предполагавшее строго-иерархическое разделение между членами общества. Образцом для него служила семья, где каждому уже по рождению предопределено свое место. Каждый должен соответствовать своему месту – в этом залог процветания семьи и общества в целом. Эта идея была выражена в знаменитом изречении Конфуция: «Правитель должен быть правителем, а подданный – подданным; отец – отцом, а сын – сыном».

Государство рассматривалось как большая семья, где правитель выступал в роли отца. Главная фигура в социальном устройстве, он

призывался управлять народом «по-отечески» – не столько на основе законов и наказаний, сколько примером личной добродетели и высоко нравственного поведения, на основе обычного права, не обременяя народ тяжёлыми налогами и повинностями. В конфуцианском сознании было иерархизировано все сущее не только в обществе, но и в природе, а также в мире духов, главными из которых были предки. Их почитание на разных уровнях – основа ритуальной системы конфуцианства. Она называлась *ли* (禮, кор. *йе*). Осуществляемое через ритуал регулярное поддержание исторической памяти рассматривалось как залог всеобщего единства. Особое значение придавалось предкам правителей как праотцев всего народа. Они служили и образцом для подражания в управлении государством.

Социальному неустройству современного ему мира Конфуций противопоставлял идеальное общество «Великого единства» (кит. *Датун* 大同, кор. *Тэдон*), которое якобы существовало в первые годы династии Чжоу (1122–221 гг. до н.э.). Легендарное время «Пяти императоров» (五帝, XXVII–XXIII вв. до н.э.), особенно правления его последних государей – мудрецов Яо (堯, кор. *Ё*) и Шуня (舜, кор. *Сун*), а также правление их преемника Великого Юя (禹, кор. *У*) – «устроителя Китайской земли» после потопа (разлива р. Хуанхэ), основателя династии Ся (夏, 2205–1766 гг. до н.э.), Конфуций считал «золотым веком» человечества, когда не было войн и распрей, царили всеобщее равенство и подлинная забота государей о народе, и ставил главной задачей своего учения возрождение этого «золотого века». К VII веку легендарные государи древнего Китая стали образцом и для корейских правителей.

Иерархия и ритуал распространялись и на международные отношения. «Отцом» всех народов считался Китай – «Срединное государство», где люди подчинялись «цивилизованным», т.е. конфуцианским, нормам поведения и морали. Он был окружен «младшими братьями» и «детьми» – более «низкими» по культуре полуцивилизованными и «варварскими» народами и был призван их поучать и наставлять, действуя не принуждением, а собственным примером, и выступая в роли образца. Постепенно эти представления распространились на всех окружавших Срединное государство «варваров». У них появились ученые, которые познакомили свои народы с конфуцианской классикой. Эти народы приняли *ли* (ритуал) как модель для поведения и начали уважать китайскую цивилизацию. Самые долговечные завоевания Китая были культурные, не военные. Конфуций говорил, что относиться к «варварам», которые усвоили китайскую цивилизацию, надо как к китайцам. В зависимости от степени восприятия «цивилизации» различалось и отношение Китая к «младшим государствам». Оно варьировалось от пристального внимания и тесного общения через регулярные посольства (так было с Кореей) до редких церемониальных контактов (в случае, например, с Сиамом и Бирмой). В этом заключалась суть политики *садэ* (事大, «почитания старшего [государства]») – основы конфуцианского миропорядка.

Конфуцианство проникло на Корейский полуостров уже в конце старой эры. На этой основе у его насельников стал складываться особый тип психологии, пронизавшей впоследствии все корейское общество, определившей характер государственности и особый тип внешнеполитических отношений. *Садэ* для древних корейцев не была низкопоклонством. Заинтересованность в торговом и культурном обмене с китайцами сочеталась у них со все возрастающим стремлением изгнать их со своих земель. Оно катализировало процесс объединения, начавшийся у северных протокорейских племен в I в. до н.э. и достигло кульминации в 313 г., когда китайский округ Лолан был покорен их государством Когурё.

Его основателем считается Чумон (朱蒙, годы жизни 58–19 гг. до н.э., годы правления 37–19 гг. до н.э.). По легенде, он происходил из находившегося в районе реки Сунгари северного государства Пуё (夫餘)* и был сыном Небесного божества, снизошедшего на его мать – «дочь Речного божества» – в виде солнечного луча. Поскольку солнце в тот момент стояло в зените, Чумон позднее взял себе фамилию Ко (高), что значит «высокий». Он был замечательный лучник. Спасаясь от сводных братьев – сыновей пуёского правителя, которые завидовали его способностям, Чумон бежал на юг, в долину р. Ялуцзян (Амноккан), там основал государство Когурё, правил 18 лет, а когда скончался, получил посмертное имя Тонмён (東明) – «Свет Востока». В правление его потомка Чансувана («Долгожителя», 413–490) Когурё достигло расцвета и стало самым большим и сильным древнекорейским государством. Его территории простирались далеко за пределы полуострова.

«Золотой век» Когурё пришелся на период раздробленности в Китае, наступивший после развала империи Хань (в 220 г. н.э.) и длившийся до воцарения Суй (隋, кор. Су, 581–619), которая не пожелала терпеть на границе сильного соседа. Нашествие в 612 г. двухмиллионной армии императора Ян-ди (煬帝, 604–618) – невиданной еще в истории войн Китая с неханьскими народностями – и еще один его

---

* Пуё – протогосударство, созданное племенами *йемэк* (濊貊族) и существовавшее со II в. до н.э. до 494 г. Упоминается в «Исторических записках» (*Шицзи* 史記, кор. Саги) Сыма Цяня (рубеж II–I в. до н.э.). «Генетическим предшественником» ни одного из Трех государств протокорейцев не является, но в Корею его изучают как составную часть отечественной истории, так как преобладает мнение, что предки корейского народа проживали далеко за пределами Корейского полуострова и населяли Ляодун и все земли к западу и северу Ляохэ вплоть до Сунгари.

поход в 613 г. в конечном итоге сломили мощь Когурё, несмотря на то, что в 612 г. оно одержало убедительную победу над врагом в битве на р. Сальсу. Окончательно эта держава пала под ударами танского Китая и Силла в 668 г., но ее престиж и влияние были так велики, что спустя годы после её гибели силлакий ван писал одному из потомков некогда правившей в Когурё династии:

«Ваш предок ван – основатель Чумон – своими добродетелями переполнил северные горы, а его славные заслуги знают повсюду, вплоть до Южного моря, его могущество простирается над всеми землями Чхонгу^{**}, а его гуманным правлением оделись земли Хёнтхо^{***}. Его потомки беспрерывно наследовали друг друга, и не прерывались ветви основного дерева, а основанная им земля простиралась на тысячу ли»³.

Когурё было известно соседям как страна городов и крепостей. Они оказали заметное влияние на градостроительство в регионе в последующие времена. Некоторые дошли до наших дней. Но особенно из его культурного наследия известны величественные усыпальницы^{****} в окрестностях столиц Куннэсон (國內城, Цзиань, КНР) и Пхеньяна: наземные мавзолеи (*чхуксокпун* 築石墳) и подземные гробницы (*понтхобун* 封土墳), напоминавшие по интерьеру дворцы. В примерно 100 из них сохранились фрески – прекрасные образцы монументальной живописи, среди которых в 1949 г. был обнаружен и самый ранний из известных ныне портретов корейских монархов. Сначала считали, что это 16-й правитель Когурё ван Когугвон (331–371), павший в битве с пэкчесцами под Пхеньяном, но теперь преобладает мнение, что это его предшественник – ван Мичхон (300–331)⁴.

^{**} Чхонгу 靑丘 – «Зеленые холмы», древнее название Корейского полуострова, впервые упомянутое в китайском трактате «Книга гор и морей» (*Шань хай цзин* 山海經, кор. *Санхэгён*), авторство которого традиционно приписывается легендарному Великому Юю, но в реальности он был создан в века на рубеже старой и новой эры.

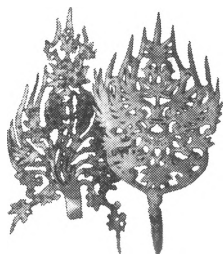
^{***} Хёнтхо (玄菟, кит. Сюаньту) – один из четырех китайских округов, учрежденных на территории Древнего Чосона после его завоевания в конце II в. до н.э. Эти округа были ликвидированы под ударами когурёских и пэкческих войск в 313–314 гг.

^{****} О гробницах Когурё см. в разделе «Всемирное наследие» ЮНЕСКО и Корея».

Гробница
20-го правителя Когурё
Чансу-вана (413–491),
известная больше как
«Гробница генерала»
(*Чангунчхон* 將軍塚).
Расположена
в окрестностях первой
столицы Когурё
Куннэсон на равнине
Тунгоу, у подножия горы
Луншань в окрестностях
современного г. Цзиань
(пров. Цилинь, КНР).
Высотой в 12,4 м, она
сложена из 1100
гранитных глыб в форме
семиэтажной пирамиды.
Склеп вана и его супруги
со следами росписи
на стенах, находится
на пятом этаже.
Это уникальное для
региона и единственно
известное когурёское
наземное погребение
типа «каменная насыпь»,
один из лучших образцов
когурёского зодчества.
Всего на равнине Тунгоу
обнаружено около десяти
тысяч могил Когурё.
Это самое большое
древнее захоронение в
Северо-Восточной Азии

Портрет государя.
Фреска на стене
когурёской гробницы
Анак № 3 (КНДР, пров.
Сев. Хванхэ, уезд Анак),
самое раннее из
известных изображений
корейских монархов,
предположительно –
Мичхон-вана (300–331)

Фрагменты золотой
короны из гробницы
Мурён-вана (VI в.) –
единственной гробницы
правителя Пэкче,
сохранившейся
до наших дней.
Из коллекции Государст-
венного центрального
музея РК (Сеул)

Самая древняя из сохранившихся летопись *Самгук саги* (三國史記, «Исторические записи Трёх государств», 1145) рассказывает о Мичхон-ване так:

«Мичхона раньше звали Ыльбуль (乙弗). Он был племянником вана Понсана, который заподозрил его отца (своего младшего брата) в измене и убил. Ыльбуль бежал и нанялся батраком в дом, где не знали, что он за человек, и заставляли бросать по ночам черепки и камни в лягушек из соседнего болота, чтобы те не квакали, а днем заготавливать дрова, так что он не знал ни минуты покоя. Много и других испытаний пришлось выдержать Ыльбулю. Его били палками по ложному доносу, он голодал и был одет в лохмотья. А в это время министр государства по имени Чхан решил свергнуть вана и отправил слуг на поиски Ыльбуля. Однажды на берегу реки они увидели на лодке мужчину, ко-

торый, несмотря на поникший вид, был необычайно стройным и изящным. Заподозрив в нем Ыльбуля, они поклонились и сказали: «Наш государь давно утратил сердца людей и совсем недостоин быть главою государства. Поэтому все сановники с глубоким почтением ожидают внука вана». Ыльбуль вернулся в столицу, сановники свергли вана, а затем вручили Ыльбулю государственную печать со шнуром и возвели ваном. Ыльбуль успешно воевал с китайскими округами Сюаньту и Дайфанем, расширил владения на запад и на юг и неоднократно посылал войска грабить Ляодун. Скончался на 32-м году правления. Его похоронили на возвышенности у реки Мичхон и нарекли [посмертным именем] ван Мичхон»⁵.

В войнах с китайским округом Дайфан (帶方, кор. Тэбан, на полуострове Хванхэ) крепло в III в. вожество Пэкче 百濟, вскоре ставшее еще одним государством Корейского полуострова. Его легендарным основателем считается Онджо (18 г. до н.э. – 28 г. н.э.), третий сын когурёского Чумона, но реально эту роль, как считают китайские летописцы, сыграл Кой-ван (234–286), который «учредил должности», т.е. заложил основы общегосударственной ранговой системы. С этого правителя в Пэкче стали строить величественные, по сравнению с прежними, усыпальницы правителей, символизировавшие их исключительное положение в новой политической системе. Они не были столь суровы и внушительны, как когурёские (не более двух метров над землей), и поражали не размерами, а изысканностью, сложностью замысла и мастерством исполнения; не имели ступенчатых перекрытий, и стены их плавно переходили в закругленный свод. В их сооружении широко

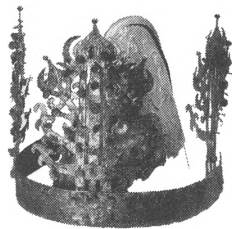
применялся узорчатый кирпич, картины на котором нередко были длинными художественными шедеврами.

Примером служит чудом сохранившаяся не тронутая до наших дней гробница Мурён-вана (501–523), по конструкции напоминающая современные ей китайские аналоги времен Южных династий (南朝, 420–589), с которыми Пэкче поддерживало активные дипломатические и торговые связи. Ее хозяин известен тем, что добился компромисса с аристократическими группировками, бросавшими вызов центральной власти, и положил начало последнему расцвету Пэкче, наступившему при его сыне Сон-ване – «Святом» (523–554). *Самгук саги* повествует о Мурёне так:

«Его звали Сама, он был вторым сыном младшего брата вана Модэ. Имел рост восемь чхок, брови и глаза были как писанные, отличался добротой и милосердием, великодушием и щедростью, чем снискал расположение народа. Ранее, потерпев на протяжении ряда лет поражение в войне с Когурё, государство Пэкче пришло в упадок и ослабело. Но в послании ко двору Лян, отправленном в 21-м году [его правления, т.е. 521 г.] говорилось, что “много раз громили Когурё, а сейчас установлены с ним добрые отношения, и снова Пэкче стало сильным государством”⁶.

Гробница Мурён-вана, где сохранилось почти три тысячи великолепных артефактов, была обнаружена в Унджине (ныне г. Конджу, Юж. Чхунчхон, РК) в 1971 г. Находка была названа «событием столетия», поскольку большинство памятников Пэкче было уничтожено во время его бесконечных войн с Когурё, начавшихся в 390-х годах и закончившихся только с гибелью обоих государств, а также войнами с Силла (с 550 г.) и Тан (VII в.). То немногое, что хранится сегодня в музеях Кореи: украшения, подвески, поясные пряжки из железа, бронзы и драгоценных металлов, – отличается тонкостью исполнения и богатством приемов и свидетельствует о высоком вкусе ювелиров Пэкче. К счастью, немало памятников архитектуры и искусства первых веков н.э., погибших в Корею, сохранилось до наших дней в Японии, торговые и культурные контакты с которой у Пэкче были особенно тесными. Через Пэкче Япония заимствовала китайскую письменность, производство шелка, литье бронзы, архитектуру и скульптуру храмов в связи с проникновением в VI в. буддизма⁷.

Пэкче погибло в 660 г. В последней роковой битве с объединенными танско-силласкими войсками у горы Хвансан (ныне волость Ёнчхон уезда Нонсан провинции Юж. Чхунчхон) до конца сражалась за своего государя, последнего правителя Пэкче Ёйджа-вана (641–660), пяти-тысячная дружина смертников во главе с воеводой Кебэком

Пэкческая корона из Гробницы № 9 (г. Наджу, пров. Юж. Чолла). Позолоченная бронза. Высота 25,5 см. «Национальное сокровище» № 295.

Из коллекции Государственного центрального музея РК (Сеул)

Эта корона правителя Пэкче – одно из немногих сохранившихся до наших дней изделий ювелиров этого государства, свидетельство их высокого мастерства. Она датируется V–VI вв. и символизирует связующую роль правителя как посредника между миром людей и духами Неба и Земли. Ее воплощают три вселенских дерева, уходящие могучими ветвями в небеса и опирающиеся на узкий обруч с мерцающими подвесками (образ воды и подземных сил). Стволы деревьев унизаны блестящими. Они переливались при движении и символизировали связь правителя (шамана) со светом, представление о которой возникло у прото-корейцев в бронзовом веке (X–III вв. до н.э.)

Одно из немногих захоронений правителей раннего Силла, принадлежность которого не подвергается сомнению, — могила в Кёнджу легендарного Тхархэ-вана (57–80 г. н.э.), правившего в чреде государей 4-ым. Он был первым «ваном» с фамилией Сок и потому считается также родоначальником этого клана (Сок-ssi 昔氏). Согласно «неофициальной истории» «Забытые деяния Трех государств» (*Самгук юса*, 1285), его отец был царем Страны драконов (*Ёнсон* 龍城), а мать — принцессой Женского царства (*Ёингук* 女人國). Фото 1977 г.

Всадник в доспехах — государь?
Сосуд из каменной массы. Силла. VI в.
«Национальное сокровище»
№ 91

(階伯 ?–660), который, зная, что назад не вернется, сам убил перед битвой жену и детей, чтобы они не достались врагу. Память о нем сохраняется в Корее и ныне.

Формирование Силла началось позже всех — с конца IV в. По легенде, это государство основал Пак Хёккосе (57 г. до н.э.—4 г. н.э.), родившийся из пурпурного яйца, за что и получил свою фамилию. Яйцо похоже на тыкву-горлянку, которая по-корейски называется также *пак* 朴. Когда ему исполнилось 13 лет, он вступил на престол. Его царство было названо Сораболь (徐羅伐) — «Новая страна»*, а позже переименовано в Силла. Пак Хёккосе правил 61 год, а потом вознесся на небо. Его потомки занимали трон до 184 г. н.э., потом их сменили по очереди роды Сок (昔氏, 184–356) и Ким (金氏, 356–500). В начале VI в. завершился ранний этап истории Силла, когда все члены Совета знати самочинно именовались «ванами».

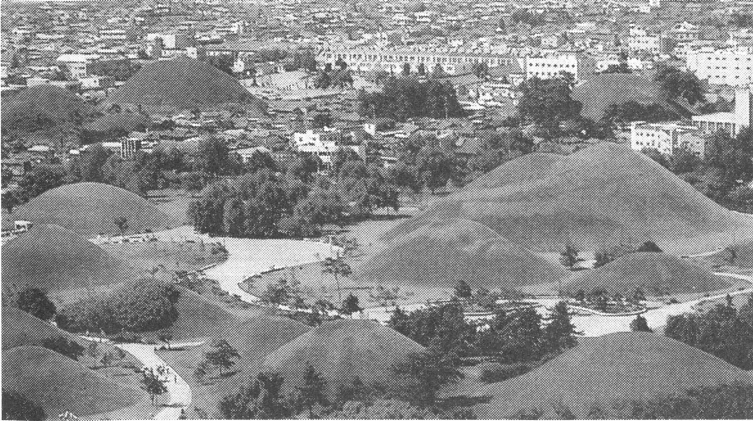
Титул *ван* корейские государи получали из Китая, что было утверждением их «цивилизованности» и легитимности. Когурё находилось в непосредственной близости от Срединной империи, и потому ванами здесь стали называть правителей с первых лет его существования. Согласно средневековой летописной традиции, ваном был уже основатель Когурё — легендарный Тонмён-ван, повелитель рыб и черепах. Реальные правители с титулом «ван» появились в Когурё к 30-м годам I века н.э., когда к власти в Китае пришла династия Восточная Хань (25–220 гг.), признавшая когурёского главу самостоятельным государем. Шестой ван Когурё стал первым, кому было присвоено посмертное имя по китайскому образцу — Тхэджо-ван (53–146), что означало «Великий предок». Он правил 93 года и скончался в 119-летнем возрасте, поставив рекорд долгожительства в корейской политической истории.

В Пэкче правитель поначалу именовался *орага* 於羅瑕, а народ звал его *конгильджи* 健吉之. Первые настоящие ваны там появились в середине III в. н.э. В Силла, земли которого были дальше всех от Китая — на юго-западе Корейского полуострова, вплоть до начала VI в. правили *косоганы* 居西干, *чхачхауны* 次次雄, *исагымы* 尼師今, *марипканы* 麻立干, и были они, судя по всему, верховные вожди и духовные лидеры — шаманы, хотя традиционная историография и их называет «ванами».

О шаманской роли этих суверенов свидетельствуют их регалии, обнаруженные во время раскопок могильных

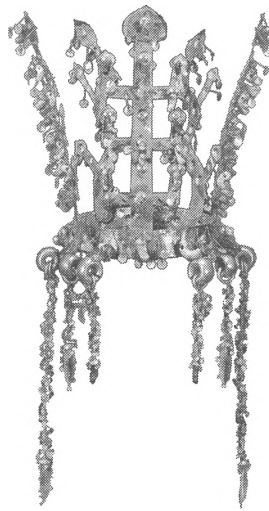
* Отсюда происходит современное название «Сеул», т.е. «столица».

Гробницы правителей-шаманов раннего Силла в г. Кёнджу (пров. Сев. Кёнсан, РК). Всего, согласно традиционной хронологии, в Силла правили 56 государей. Обнаружено 38 их гробниц, но лишь в некоторых случаях удалось определить достоверно, кому именно они принадлежали. Фото 1977 г.

курганов в силлаской столице Кёнджу, например, короны из чистого золота с навершиями в виде вселенских деревьев (и одновременно в форме иероглифа 山 «гора») и рогов оленей, с дождем бус по нижнему ободу, в которые вплетены нефритовые «когти тигра» (когок 曲玉), а также золотые пояса. Покрывавшие их узоры: деревья, олени, птицы – типичны и для одежды современных сибирских шаманов, как и амулеты из когтей медведей и тигров, дарящие, по поверию, их обладателям силу этих могучих животных. Курганы в Кёнджу – память о правителях раннего Силла, которые, возможно, были одними из самых политически влиятельных и богатых в мировой истории шаманов. Их строительство прекратилось на рубеже V–VI вв. Тогда же ушла в прошлое и традиция убивать рабов на похоронах знати, что связывают с проникновением буддизма. Видимо, оно началось задолго до того, как он был принят как официальная религия в 527 г. Несмотря на скудость сведений косвенно это подтверждают имена силласких ванаов после правления вана Нульджи (с 457 г.): Чабиван 慈悲王 – «Милостивый»; Соджиган 炤智王 – «Свет Мудрости», Чиджынван 智證王 – «Явивший Мудрость». Их можно интерпретировать как буддийские в отличие от имен их предшественников.

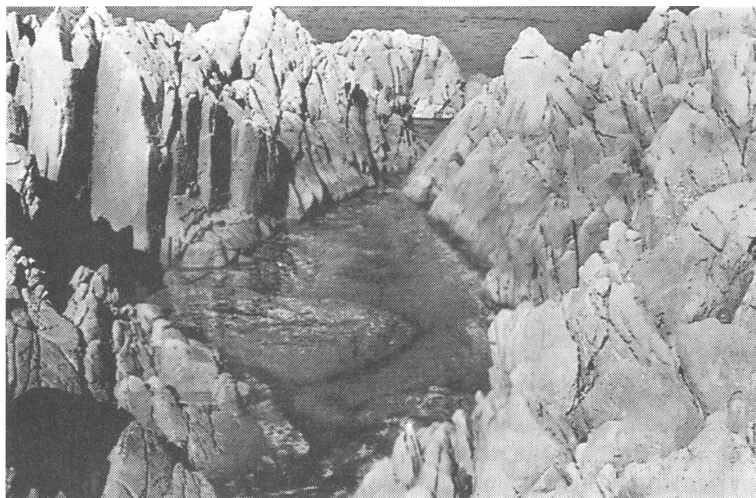

Самая знаменитая древнекорейская (силлаская) корона, предположительно принадлежала Соджи-вану (479–500) или Чиджин-вану (500–514). «Национальное сокровище» № 191. Из коллекции Центрального национального музея РК

Была обнаружена при раскопках гробницы Небесной Лошади (Чхонмачхон 天馬塚) в Кёнджу. Изготовленную из чистого золота корону украшают 77 нефритовых бусин. Их больше, чем на любой другой короне Силла. Высота – 27,3 см. Известно восемь полностью золотых древнекорейских корон: шесть были сделаны в Силла и две – в соседней с ним конфедерации Кая (вошла в состав Силла в 560-х годах)

В 514 г. правитель Силла (посмертное имя – Попхын 法興, т.е. «Взлет [буддийского] Закона») впервые получил от Китая титул *ван*, и это значило, что и его страна

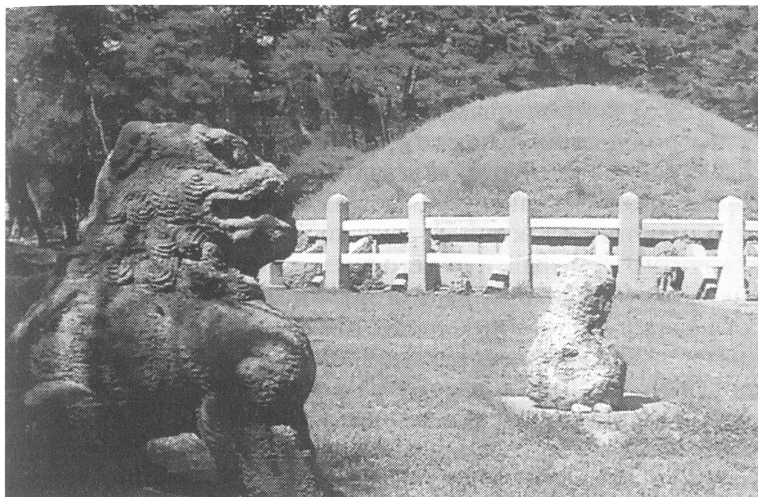
Подводная «гробница» Мунму-вана (661–681), старшего сына Тхэджон Муёль-вана, родоначальника ветви царственного клана Ким, правившего в Объединенном Силла до 780 г. Мунму-вану принадлежит заслуга реального объединения Трех государств. По буддийскому обычаю Мунму-ван после кончины был кремирован, а пепел, согласно завещанию, развеян над скалой в Восточном (Японском) море в нескольких километрах от Кёнджу. Она после этого стала называться «Скала великого вана» (*Тэванам* 大王巖). Жива легенда, что в этой заводи в центре скалы пребывает дух Мунму-вана, после смерти превратившегося в дракона и охраняющего с тех пор морские рубежи своей страны

отныне – «культурное», т.е. вошедшее в китайский цивилизационный ареал, царство. Тогда же привилась еще одна «цивилизованная» традиция — давать государям после смерти посмертные храмовые имена (кор. *мёхо* 廟號), отличавшие их от всех других смертных. Она сохранялась на протяжении всего монархического периода, 14 веков. Уже в 731 г. танский Китай признал силлаское государство «самым преданным из всех застенных вассалов», «страной гуманности и справедливости». То же отношение сохранялось неизменно и в дальнейшем, у других китайских династий.

С принятием буддизма и зарождением официального конфуцианского образования престиж государя как хранителя и покровителя учения Будды и образца конфуцианских добродетелей, безмерно вырос по сравнению с прежними вождями племен и старейшинами кланов. Он стал восприниматься всеми, независимо от родословной и клановой принадлежности, как верховный жрец и правитель-*чакравартин* — «вращающий колесо» [буддийского Закона] и объединяющий мир на основе справедливости и милосердия с помощью божественных сил и выдвинутых по способностям мудрых советников. Так было во всех Трех государствах, но в ожесточенной борьбе за влияние на полуострове Небо (и Китай) оказалось на стороне правителей Силла. Эпоха Трех государств закончилась в 660-х годах. После кровопролитных войн они слились под властью Объединенного Силла (668–935), ваны которого сделали попытку достичь полного контроля над всеми областями жизни и, казалось, преуспели в этом. Но расцвет длился недолго.

Уже через столетие началась борьба между сильными родами, которая привела к оттеснению от трона потомков

объединителя Силла Тхэджон Муёль-вана (654–661) и восшествию Вонсона (785–798), который вел происхождение от Нэмуля (356–402), первого вана по фамилии Ким в силлаской истории. Вонсон стал родоначальником правящего дома Силла позднего периода, вся история которого – время ожесточенного соперничества между его потомками. Оно привело к бедствиям и смуте. В 900 г. государство распалось на три части: Позднее Пэкче (Хубэкче 後百濟, 900–935), Позднее Когурё (Хугогурё 後高句麗, 901–918; после 918 г. – Корё) и собственно Силла, где власть настолько ослабела, что ван отдал приказ войскам ограничиваться лишь оборонной крепостей, признав тем самым свое бессилие в борьбе с мятежниками. В отсутствие прямых потомков в 912–927 гг. в Силла правили ваны по фамилии Пак, находившиеся в родстве с правящим домом по материнской линии. Затем преемственность была восстановлена. Последний силлаский ван Кёнсун (927–935) принадлежал к роду Ким, но дни государства были сочтены. В 931 г. Кёнсун заключил союз с государем Корё Ван Гоном (王建, годы жизни 877–943), а в 935 г. оформил мирное присоединение к Корё на выгодных для себя условиях – получил должность министра, корёскую принцессу в жены и район бывшей силлаской столицы (переименованной теперь в Кёнджу) в качестве «кормленного владения». После смерти в 979 г. был удостоен храмового имени, т.е. был признан ваном. На этом закончилась тысячелетняя история Силла. Как и в случае с Когурё и Пэкче, погибших через несколько лет после падения Суй, произошло это вскоре после гибели крупного китайского государства – Тан. Зависимость между событиями китайской и корейской истории была неоднозначной, но очень тесной с самых древних времен.

Гробница Сондок-вана (702–737) – 33-го правителя Силла, царствование которого считается «золотым веком» силлаской автократии, периодом расцвета ремесел, науки и искусства

Воин и лев у гробницы родоначальника клана Ким – Вонсон-вана (785–798), правившего в поздний период Объединенного Силла. Обычай ставить каменные скульптуры на могилах правителей возник в Корее именно в этот период

Черепица для украшения дворцов в эпоху Объединенного Силла. Из коллекции Государственного центрального музея РК

Ваны Корё (935–1392)

В 935 г. произошло новое объединение Корейского полуострова, на этот раз под эгидой династии Ван, основавшей государство Корё. Его столицей стал город Сондо – родина его основателя Ван Гона, которую он переименовал в Кэсон*. Первые корёские ваны – и Ван Гон (Тхэджо, 918–943)** и два его сына – были «первыми среди равных» в ее элите и править могли только уступками и по согласию. Слишком сильны были поначалу местные аристократы и «хозяева крепостей», чьи военные отряды помогли династии прийти к власти. Порядок начал восстанавливаться в правление третьего сына Ван Гона – Кванджона (949–975), когда были введены (958 г.) экзамены на чин *квэго* (科擧), заимствована китайская система одежды чиновников (960 г.) и стала складываться новая бюрократия, не связанная с «сильными родами».

Чтобы укрепить свой престиж, Кванджон назвал свою столицу «императорским стольным градом» (*хвандо* 皇都), а дворец – «императорским» (*хвансон* 皇城). Изменилась и лексика двора. Впервые в истории подданные стали называть своего правителя «Ваше Императорское Величество» (*Пхеха* 陛下), а он сам себя перед ними – *Чим* (朕), т.е. «Мы». Его повеления именовались «императорскими» (*чхикчо* 勅詔) и подписывал их «Император Страны к востоку от моря» (*Хэдон чхонджа* 海東天子). Главную супругу государя называли «императрицей» (*хванху* 皇后), наследника – «императорским кронпринцем» (*тхэджа* 太子), мать – «вдовствующей императрицей» (*тхэху* 太后). Но этот императорский антураж был исключительно для «внутреннего применения» и использовал его только Кванджон. Ваны раннего Корё никогда не забывали, что по статусу уступают властителям Срединного государства. Об этом свидетельствовали их поминальные таблички, где слово «император» никогда не писали, а максимум – «великий ван» (*тэван* 大王), а также те усилия, которые они прилагали, чтобы установить вассальные отношения то с одним, то с другим государством из тех,

* Кэсон (開城) [другие названия – Кэгён (開京), Сонгён (松京), Сондо (松都)] был столицей Корё в течение всего периода его истории (до 1392 г.). Ныне находится в КНДР (пров. Сев. Хванхэ).

** Ван Гон в 918–935 гг. был правителем «малого» Корё (高麗) – одного из «Трёх поздних государств» (Хусамгук). В 935 г. после разгрома Позднего Пэкче и мирного присоединения Силла его Корё объединило основную часть территории Корейского полуострова.

на которые распался Китай после гибели Тан (唐, 618–907)***, а затем и с династией Сун (宋, кор. Сон, 960–1279).

При внуке Ван Гона Сонджоне (981–997) в Корё сложились эффективный центральный аппарат и разветвленная административная система, укреплена армия и упорядочено взимание налогов. Реформы осуществлялись по китайским образцам, но с учетом местных прецедентов и специфики. В частности, «повозки и костюмы» корёские идеологи рекомендовали использовать местные и выступали против слишком частой отправки миссий в Сун, «чтобы нас не презирали в Поднебесной».

В 993–1019 гг. Корё трижды пережило нашествия войск киданьской империи Ляо (遼, кор. Ё, 907–1125) – сильнейших тогда на Дальнем Востоке. Хотя в 1019 г. Корё одержало над ними убедительную победу (в битве у крепости Куджу), учитывая расстановку сил, оно признало себя номинальным вассалом Ляо, приняло его инвентитуру и начало регулярно направлять ему посольства с данью. При этом частная торговля и культурные обмены с Сун пострадали мало. Наивысшего расцвета Корё достигло в правление Мунджона (1046–1083), когда политическая стабильность способствовала развитию искусств, книгопечатания и литературы. В значительной мере это было связано с возобновлением официальных контактов с Сун с начала 1070-х годов. В 1117 г. «старшим братом» Корё стала чжурчжэньская империя Цзинь (金, кор. Кым, 1115–1234). Как и Ляо, она была для корёской элиты «варварской», но силы были неравны и формальный сюзеренитет Цзинь над Корё сохранялся вплоть до разгрома ее монголами.

Конец XI – начало XII вв. ознаменовались в Корё внутривластными потрясениями. Они были связаны с усилением при дворе аристократических кланов, которые пытались воспользоваться восшествием на трон малолетних ванов – сначала Хонджона (1094–1095), затем Инджона (1122–1146), чтобы захватить бразды правления в свои руки. Дело дошло до того, что один из возвысившихся в этот период путем брачных связей аристократов – Ли Чагём (李資謙, ?–1126) – приказал своим «домашним войскам» сжечь дворцовый комплекс и сделал Инджона заложником, заперев в своем поместье. Вызволить правителя его сторонникам удалось, лишь переманив на свою сторону одного из командиров Ли Чагёма.

В 1135–1136 гг. разразилась смута, когда известный пхеньянский геомант, монах Мёчхон (妙淸) потребовал

*** Период 907–960 гг. в истории Китая называется эпохой Пяти династий и Десяти государств (五代十國時代).

от Инджона перенести столицу в Пхеньян, провозгласить Корё империей* и двинуть войска на Цзинь. Получив отказ, он поднял восстание, провозгласил создание «Государства великих свершений» (Тэвигук 大爲國) и начал мобилизацию войск. Мятеж был разгромлен правительственными войсками во главе с Ким Пусиком (金富弼, 1075–1151), лидером группировки высших гражданских чиновников. После этого влияние этих чиновников укрепилось, а военные стали подвергаться еще более жесткой дискриминации. Противоречие между ними обострилось до крайности в правление Ыйджона (1146–1170) и привело к масштабному восстанию военных 1170 г., в результате которого в стране на столетие установился режим военного правления (*мусин чонквон* 武臣政權, 1170–1270). На этом закончился *ранний период корёской истории*.

В 1196–1258 гг. реальными правителями страны были диктаторы из клана Чхве (崔), создавшие параллельную династию. Государи Корё, при формальном сохранении династии Ван, были отстранены от реальной власти. В 1258 г. последний военный диктатор был убит, и хотя борьба военных за власть продолжалась еще 12 лет, безвластие корёских ванов продолжилось уже по другой причине. В правление Коджона корёского (1213–1259) страна пережила пять опустошительных монгольских нашествий. В результате новым сюзереном Кореи стала монгольская династия Юань (元, кор. Вон, 1279–1368 гг.). Вассалитет, который был номинальным даже по отношению к «истинным» династиям Тан и Сун, обрел в этот период реальный смысл. Высшим учреждением в Корё стало монгольское Ведомство по покорению Востока, а ван стал его официальным главой, т.е. был включен в состав юаньского чиновничества. С 1276 г. государи Корё потеряли право на использование таких терминов как «августейшее повеление» (*сонджи* 宣旨), «государева амнистия» (*са* 赦), «его императорское величество» (*пхеха*), не совместимых, с точки зрения монголов, с вассальным положением страны. О том, насколько понизился в юаньский период статус корёских правителей, свидетельствуют их посмертные имена: Чхуннён-ван 忠烈王, Чхунсон-ван 忠宣王, Чхунсук-ван 忠肅王, Чхунхе-ван 忠惠王, Чхунмок-ван 忠穆王, Чхунджон-ван 忠定王. Иероглиф *чхун* здесь

---

* В это время распалась династия Сун, которую в Корё признавали своим «истинным» сюзереном (в отличие от неханьской Цзинь). Провозглашение империи в условиях отсутствия «истинного» сюзерена нарушением *садэ*, по мнению Мёчхона и его сторонников, не считалось.

означал «преданный» и подчеркивал зависимость Корё от Юаней. Ни Тан, ни Сун – «истинно ханьские» династии – никогда не требовали такого от корейцев. Это было неслыханно и способствовало росту антиюаньских настроений и укреплению национального достоинства.

Чувства эти проявились в полной мере в правление Конмин-вана (1351–1374), предпринявшего решительные меры по восстановлению центральной власти и независимости Корё. Его главным достижением стало отвоевание в 1356 г. северных пограничных территорий (ныне – провинции Северная и Южная Хамгён), которые целое столетие находились под прямым управлением монголов. В этих боях, а также в стычках с японскими пиратами, нападения которых участились, на корёском политическом небосклоне впервые взойшла звезда полководца Ли Сонге (李成桂, годы жизни 1335–1408), которому четыре десятилетия спустя было суждено основать первую в истории страны конфуцианскую династию – Чосон, когда традиционные отношения с Китаем (теперь уже династией Мин) были не только восстановлены, но и поднялись на невиданную прежде высоту.

Вплоть до середины Корё конфуцианство в Корее носило характер этической и политической философии, определявшей, главным образом, принципы управления государством. Оказывало оно и определенное культурное влияние, поощряя создание исторической литературы и развитие образования. Однако в тот период правительство не было полностью конфуцианским, не выступало оно и против буддийской церкви. Монгольское завоевание и развитие метафизического конфуцианства (неоконфуцианства) решительным образом изменили характер взаимоотношений между конфуцианством, буддизмом и обществом. Способствовали этому и социальные противоречия в Корё. Обрушившаяся на него юаньская агрессия и экономические тяготы ускорили процесс концентрации земельной собственности в руках олигархии – нескольких десятков «сильных родов», превративших к началу XIV в. значительную часть крестьян в своих полукрепостных и монополизировавших высшие чиновные должности. Олигархия в основном была проюаньская. Она не получала серьезного конфуцианского образования и предпочитала буддизм и монгольский язык конфуцианской этике. Последняя и стала знаменем произошедшего в конце XIV в. революционного переворота.

Скульптура военного чиновника у усыпальницы Конмин-вана, освободителя Корё от монгольского ига, в окрестностях Кэсона (КНДР). Эта усыпальница стала образцом для гробниц ванов Чосона

Неоконфуцианство (宋學 – кор. *сонхак*, т.е. «сунская наука»; или 性理學 – кор. *соннихак*, т.е. «наука о принципах бытия»; или 道學 – кор. *тохак*, т.е. «наука о Пути»; или 朱子學 – *Чуджахак*, «учение Чжу Си») – «новое конфуцианство», идеалистическая школа китайской философии, сложившаяся в основном в период Сун (X–XIII вв.). Его основоположниками были Чжоу Дуньи (1017–1073), Чжан Цзай (1020–1067), братья Чэн Хао (1032–1085) и Чэн И (1033–1107), а также Чжу Си (朱熹, кор. Чу Хи, а также Чуджа 朱子, 1130–1200) – самый знаменитый и особенно почитавшийся в Корее представитель этого направления. «Неоконфуцианство существенно отличалось от ортодоксальных взглядов включением в конфуцианский контекст буддийско-даосских космологических мотивов. В социально-политической области его сторонники выступали за сильное централизованное бюрократическое государство с независимой от внешней торговли экономикой, приматом земледелия над ремеслом и гарантиями от произвола двора для землевладельцев-чиновников (к этому слою принадлежали и сами основатели учения). Будучи многим обязанными буддийским и даосским доктринам, они, тем не менее, видели в буддизме идейного конкурента и особенно были настроены против монастырского землевладения (сокращавшего государственный и чиновничий земельный фонд). Неоконфуцианство отличалось догматизмом, претензиями на абсолютную истину и нетерпимостью к идейным противникам – чертами, свойственными классическому конфуцианству в значительно меньшей степени»⁸.

Ваны Чосона и императоры Тэхан Чегук (1392–1910)

Символы власти

История Чосона началась 17 июля 1392 года (по лунному календарю), когда Ли Сонге воссел на престол*. Вместе с ним к власти пришла новая элита – ортодоксальные неоконфуцианцы из числа средних и низших землевладельцев-чиновников. За содействие в установлении династии они (около двух тыс. человек) получили в награду титулы «заслуженных сановников» (*консин* 功臣), наследуемую землю и рабов и были назначены на ключевые посты. Новая знать провозгласила курс на создание

---

* С тех пор этот день имеет особое значение в политической истории Кореи. 17 июля 1948 г. была принята первая конституция Республики Корея, и это событие отмечается ежегодно как государственный праздник.

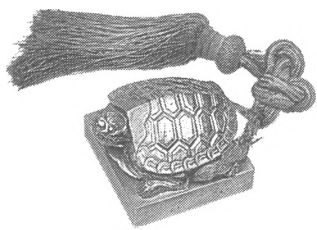

идеального конфуцианского государства, в котором, согласно с теорией власти Мэн-цзы^{**}, получивший Мандат Неба (*ихонмён* 天命) государь правит народом на основе принципа *токхиджуй* (德治主義), т.е. при помощи личной добродетели (*ток* 德), основанной на любви к народу (*ин* 仁). Он ее неустанно совершенствует, а Небо, соответственно, воздает ему за усилия на этом пути, проясняя волю в движении пяти элементов (*охэнга* 五行家), составляющем сущность природы. Народ, в свою очередь, служит вану путем исполнения конфуцианских правил и заповедей. Имела политическая философия Кореи и свою специфику, суть которой определялась представлением об отличном от императорского «пути вана» (*вандо* 王道) и огромным значением, которое уделяли новые идеологи развитию отношений *садэ* с Китаем.

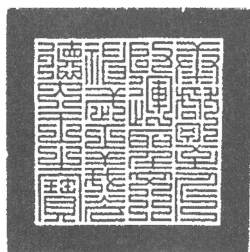
Курс на сближение с последним был взят незамедлительно. Сразу после провозглашения новой династии в минский Китай был отправлен посланник, и император Тай-цзу (太祖, 1368–1398) факт восшествия Ли Сонге признал, правда, поначалу только де-факто. Следующим стал вопрос о названии нового государства. После обсуждения их было предложено два: Чосон (по аналогии с Древним Чосоном) и Хварён (和寧, название места, где родился Ли Сонге)^{***}. Минский император предпочел первое. Оно стало официально использоваться с 15 февраля 1393 г. Восприятие его у корейцев и китайцев было различным. Первые стремились этим названием подчеркнуть преемственность новой династии с древнейшим корейским

^{**} Мэн-цзы (孟子, кор. Мэнджа, 372–289 гг. до н.э.) – великий китайский философ, продолжатель Конфуция, учившийся у Цзы-Си – внука Великого Учителя. Главный литературный труд – *Мэн-цзы*, названный по имени автора. «Создатель учения о человеческой природе, глубоко развитого конфуцианцами последующего времени. Автор концепции “человеколюбия и справедливости” как основы бытия и личного поведения, Мэн-цзы ставил высшей целью всякой науки и всякого правления народное благо. Также он являлся создателем теории “революции”, согласно которой, если правитель лишён необходимых нравственных качеств для того, чтобы быть хорошим вождем, люди имеют моральное право его свергнуть. В дальнейшем эта теория сделалась идейным источником всех революционных идей, которые только зарождались в средневековом Китае» (Конрад Н.И. Очерки истории китайской литературы... С. 148–152).

^{***} До времен Конмин-вана это место именовалось Хваджумок, затем было переименовано в Хварён, а в 1393 г. ему было присвоено название Йонхын (永興 – «Вечно цветущий»), которое звучало как благопожелание и более подходило родине основателя новой династии.

Посмертная золотая государственная печать основателя Чосона Тхэджо. Была изготовлена для увековечения его заслуг в правление Сукчона в 1683 г.
Из коллекции Государственного музея дворцовой культуры Когун (Сеул)

Оттиск государственной печати

государством Тангуна и Киджа (Цзи-цзы). Вторым было важно подчеркнуть свой сюзеренитет. Мудрец Цзи-цзы, живший в последние годы государства Инь^{*}, упоминался в *Лунъюй* Конфуция. О том, что он цивилизовал Чосон и наставил его народ, и потому следующее китайское государство Чжоу назначило его правителем Чосона и своим вассалом, говорилось в «Географическом описании» (*Дили чжи* 地理誌, кор. *Чириджи*) – разделе «Истории династии Хань» (*Ханьшу* 漢書, кор. *Хансо*) позднеханьского историка Бань Гу (班固, кор. Пан Го, 32–92 г. н.э.)^{**}. Это и стало основой для выбора.

В первые годы чосонские посольства в Пекин были весьма частые. Их задачей было добиться официального признания новой династии. Поскольку минский Китай девять лет отказывался это сделать и не посылал Ли Сонге и его преемникам золотую печать и текст инвеституры, они были лишены права использовать титул «ван Чосона» и именовались «Временно ведающие государственными делами Корё» (*Корё квонджи кукса* 高麗權知國事), что означало, что они были временными, неутвержденными правителями прежнего государства. Добиться желаемого удалось третьему вану, Тхэджону, в 1401 г. С тех пор государи Чосона получили право именоваться ванами и титуловать их стали: «Его величество великий монарх Чосонского государства» (*Чосонгук тэ кунджу чонха* 朝鮮國大君主殿下).

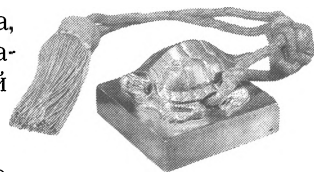
После этого дипломатические контакты двух стран были упорядочены. В минскую эпоху (1368–1644) Чосон регулярно отправлял посольства в Пекин для приветствий императора по случаю нового года по лунному календарю, а также к зимнему солнцестоянию (22 декабря). Соблюдение этой даты символизировало верность солнечному светилу, а следовательно, и китайскому владыке – Сыну Неба. Отправлялись посольства и для поздравлений императора и его наследного принца с днем рождения. Такие делегации возглавляли высокие сановники, а то и члены государевой семьи. В них входили от 300 до 600 человек – дипломаты, их секретари, переводчики, родственники,

^{*} Инь, также Шан, или Шан–Инь (商/殷, кор. Сан/Ын) традиционно датируется 1766–1122 гг. до н.э. Это вторая из «трех [древних] династий» (三代, кит. *Саньдай*, кор. *Самдэ*) китайской истории, куда входят также династии Ся и Чжоу.

^{**} В этом труде сохранились фрагменты законов Древнего Чосона. Начиная с Нового времени, корейские историки стали ставить под сомнение существование связи между реально существовавшим Киджа и государством Чосон Киджа, и вопрос остается открытым до сих пор.

охрана, прислуга, а также купцы. Были и другие посольства, чрезвычайные. Они передавали императору соболезнования или поздравления по случаю кончин, рождений и свадеб в его семье, извещали о выдающихся событиях и важнейших переменах в составе правящей фамилии в Корее. В ответ император отправлял в чосонскую столицу Хансон своих послов (не каждый раз, но регулярно), и ван оказывал им самые высокие почести. Бывало, что посланники просили для Чосона защиты. Так было, например, в конце XVI в., когда в Корею вторглись полки японского военачальника Тоётоми Хидэёси и началась беспрецедентная по масштабам и разрушениям Имджинская война (1592–1598). Минская династия, хотя уже и ослабела к тому времени под ударами маньчжуров, приняла в ней участие на стороне Кореи, и это ускорило ее гибель. С окончательным утверждением у власти в Китае «варварской» династии Цин (清, кор. Чхон, 1644–1911) число регулярных чосонских миссий в Пекин сократилось до одной – ко дню зимнего солнцестояния, а нерегулярные продолжали отправляться по-прежнему.

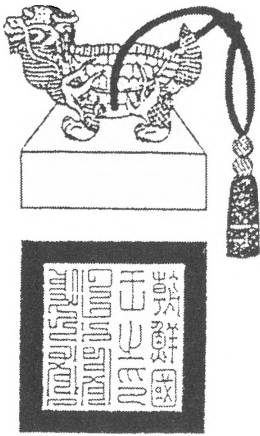
Взойдя на престол, ван сообщал об этом китайскому императору и получал от него, в подтверждение своего статуса, инвестиру – печать (*инсин* 印信) и письменное одобрение (*комён* 顧命). Каждый год он посылал дань императору и получал от него ответные дары, а также календарь, по которому велся отсчет корейской официальной истории. Тем самым эта история «встраивалась» в мировую историю, а «миром» для древней Кореи был Китай. В подчинении китайскому Времени, в первую очередь, и выражалось признание вассалитета. Девизы правления (年號 кит. *няньхао*, кор. *ёнхо*), которые обозначали даты в указах и генеалогических книгах корейских ванов, были китайские: «Великая воинственность» (*Хонму* 洪武, кит. *Хун-у*); «Бесчисленные годы» (*Маннёк*, 萬曆, кит. *Вань-ли*); «Прцветающее и лучезарное» (*Канхи* 康熙, кит. *Кан-си*), «Гармоничное и справедливое» (*Онджон* 雍正, кит. *Юн-чжэн*) и др. Датировка событий по девизам правления своих государей, как в других странах региона, почти не использовалась. Всего их насчитывается чуть более 20 за две тысячи лет монархии***.

Государственная печать (обо 御寶) вана Седжона, изготовленная

До настоящего времени дошли только посмертные государственные печати чосонских ванов, и потому такой широкий резонанс имело в Корее сообщение об обнаружении в 2008 г. прижизненной печати Коджона

*** Есть девизы и у современных корейских государств. Таковыми являются название Республики Корея – *Тэхан Мингук* (буквально «Великое народное государство Хан», с 1948 г.), и «эра *чучхе*» (主體, с 1912 г. – года рождения Ким Ир Сена) в КНДР. Период 1948–1962 гг. в Южной Корее носил название «эра Тангуна» (*Тангун кивон* 檀君紀元).

«Великая печать»
вана Ёнджо (1724–1776),
дарованная ему
цинским императором
в знак признания
законности
его вступления
на престол

Кроме государственных, в королевской семье пользовались множеством других печатей, которые воплощали статус, вкусы и художественные пристрастия, уровень образования, сферу интересов, отражали важнейшие события в жизни и даже степень расположения к другому человеку, поскольку печати считались прекрасным подарком

Первым в Корее провозгласил собственный девиз правления («Вечное процветание», Ённак 永樂) когурёский «Расширитель земель» ван Квангэтхо (391–412), при котором это государство начало достигать вершины могущества. В Силла приоритет в этом вопросе принадлежал вану Попхыну (514–540), при котором официальной религией стал буддизм и Силла вошло в круг «цивилизованных» государств. Девизом Попхына было «Заложение основ» (*Конвон* 建元). После него девизы имели все ваны Силла вплоть до государыни Чиндок (647–653), затем от них отказались по требованию танского Тайцзуна (太宗, 627–649), а в 650 г. приняли календарь Срединного государства. Объявляли девизы и желавшие возвыситься бунтовщики, например Ким Хончхан (金憲昌), который в 822 г. основал на бывших пэкческих землях «государство» Чанан 長安 (его девиз был «Изобилие радости», *Кёну* 慶雲), или недолго «царствовавший» в Пхеньяне в период дворцовой смуты в Корё геомант и политический авантюрист Мёчхон («Открытие небес», *Чхонгэ* 天開, 1135–1136). Поочередно четыре девиза провозглашал Кунъе (弓裔) – основатель Тхэбон (泰封, 901–918) – одного из «Поздних трех государств», на которые распалось в начале X в. Силла. Под девизом *Чонгэ* («Должное открытие», 正開) правил в Позднем Пэкче в 900–936 гг. его современник Кён Хвон (甄萱, ?–936).

В Корё девизы правления имели лишь основатель династии Ван Гон (посмертное имя Тхэджо, 936–943) и его сын, четвертый правитель Кванджон (949–975), провозгласивший себя императором. Девиз первого был – «Получатель небесного» (*Чхонсу* 天授), второго – «Светлое достоинство» (*Квандок* 光德, 950–951) и «Возвышающееся изобилие» (*Чунпхун* 峻豐, 960–963). Кванджон отказался от своего первого девиза с установлением вассальных отношений с династией Поздняя Чжоу (後周, кор. Худжу, 951–960), а от второго девиза – с новой китайской династией Сун (宋) в 963 г. В Чосоне, где неоконфуцианство было господствующей идеологией, а почитание Китая возведено в высший культ, девизы правления не использовались совершенно. Исключение составляют лишь два последних его монарха Коджон и Сунджон. В 1894–1895 гг. Коджон, еще будучи ваном, принял девиз правления «Открытие государства» (*Кэгук* 開國), в 1896 г. сменил его на «Установление *ян* (светлого начала)» (*Конян* 建陽). Это было связано с поражением Китая в войне с Японией, которое положило конец политике *садэ*. Отныне корейский монарх стал полным Хозяином Времени, ему больше не нужно было получать календарь у «старшего государства». В октябре 1897 г. Коджон провозгласил Корейскую Империю и ее девиз – *Кванму* (光武, «Светлая воинственность»). У его сына Сунджона (1907–1910) девиз был *Юнхи* (隆熙, «Великая радость»). Им и завершилась история Чосона.

«Почитание старшего государства» ярко проявлялось и в дворцовой культуре. Внешние символы власти корейского монарха были китайские:

- топор, меч и трезубец, которые несли перед ним при выездах из дворца;
- дракон, который вырезался на троне, был вышит на королевском флаге и на парадном шелковом одеянии, жалованном из Китая;
- и государственная печать (*куксэ* 國璽), золотая или нефритовая, в форме черепахи⁹.

Печать будущего вана Чонджо, которая была вручена ему в 1759 г. по случаю официальной церемонии в связи с признанием его «потомком королевского рода». На ее оттиске выгравирован почетный титул, которого он был удостоен по этому случаю

Государственная печать *куксэ* называлась также *кугин* (國印), *сэбо* (璽寶), *обо* (御寶), *тэбо* (大寶). Она символизировала власть вана и ее преемственность, ибо вручалась ему у гроба предшественника при восшествии на престол. Как важнейший государственный символ ее несли перед процессией во время официальных выездов монарха из дворца. В разные эпохи, а также в зависимости от назначения существовали различные виды государственных печатей, но в целом они были двух типов: *кугин* – ставились на документах, которые отправляли в Китай, и *обо* – ими скрепляли все прочие особо важные документы. Первые даровались китайским императором (это его действие называлось *саё* 賜與), и эта традиция сохранялась до «реформ года *кабо*» (1894–1896). Вторые изготавливались во дворце. История государственных печатей уходит в Корею в глубь веков. О том, что печать была уже у второго правителя Силла *чхачхауна* Намхэ (南解次次雄, 4–24 г. н.э.) упоминается в «Описании Трёх государств» (*Санъго чжи* 三國志) цзиньского (西晉) историка Чэнь Шоу (陳壽, 233–297). Известно, что золотую печать из Китая впервые глава корейского государства (Корё) получил от императора чжурчжэньского государства Цзинь. В дальнейшем такие печати посылали в Корё и юаньские, и минские императоры, причем последние заменили золотые печати на нефритовые – *оксэ* (玉璽). Из чосонских ванаов первым был удостоен такой печати Тхэджон (1400–1418). В Чосоне виды государственных печатей для внутреннего пользования (*обо*) были следующие:

- *симён чибо* (施命之寶), ставились на эдиктах (*кёсо* 敕書) и приказах (*кёджи* 敕旨) о назначении высших сановников четвертого и выше рангов;
- *юсо чибо* (諭書之寶) – на приказах о назначении губернаторов, их заместителей, а также командиров крупных военных гарнизонов на местах;
- *квэго чибо* (科舉之寶) – на документах, имевших отношение к дворцовым экзаменам на чин;
- *сосин чибо* (昭信之寶) – на внешнеполитических документах, связанных с отношениями с Японией и прочими государствами, кроме Китая.

Государственные печати изготавливали в придворном ведомстве Сансовон (尙瑞院), а ведали ими секретари вана (*тосынджи* 都承旨). Во времена Корейской Империи (1897–1910) названия этих печатей сменились на большую государственную печать (*Тэхан куксэ* 大韓國璽), императорскую печать (*хвандже чисэ* 皇帝之璽) и др.

Серебряная печать, подаренная ваном Ёнджо в 1776 г. своему внуку (будущему Чонджо), который тогда имел титул «потомок [королевского рода]» (*сесон* 世孫), в связи со своим 83-летием. Надпись на ней гласит «почтительный потомок [пусть прочтет] 83 классических произведений» (*хосон* 八十三書)

Печать в форме сказочного льва-оберега хэтхэ с колокольчиком на груди. Была изготовлена для наложницы вана Сукчона 1-го ранга (*сукпин*) госпожи Чхве (1670–1718), матери вана Ёнджо. На ней выгравировано: 淑嬪房印 (*сукпин панъин* – «печать супруги 1-го ранга»)

Личная печать вана Хонджона, который был прекрасным каллиграфом, ценителем и знатоком эпиграфики. Печать была изготовлена из камня по его эскизу. Надпись на ней можно перевести как «среди множества государственных забот – немного отдыха» (萬幾餘暇 *манги ёга*)

После смерти вана китайский император выступал последним судьей его человеческих качеств, жалую ему посмертный почетный титул из двух иероглифов (*сихо* 諡號). Титул этот, наряду с храмовым посмертным именем (*мёхо* 廟號), гравировали на поминальной табличке вана. Она являлась высшей государственной святыней. По китайским образцам и канонам были устроены главный дворец и храм предков царствующей династии Чосона.

В Европе такие межгосударственные отношения принято называть «вассальной зависимостью», но корейцы с этим термином не согласны. Многие века они видели в Китае духовного властелина, и он действительно проник своим культурным влиянием не только во всю внешнюю, но и внутреннюю жизнь этого народа. Соблюдение *садэ* было религией и идеологией, высшей честью, психологией и моралью, следованием идеалу, способом повысить престиж власти и гарантировать безопасность государства. Почти двухтысячелетняя история этой политики в Корее подтверждает правильность расчета: принятие вассалитета от сменявших друг друга в Китае разноплеменных династий не раз спасало полуостров от нашествий и разорения. Когда Японо-китайская война 1894–1895 гг. положила конец этому вассалитету, были сочтены и дни Чосона. Немалую выгоду получали корейцы и от торговли с Китаем, поскольку отправленные в виде дани дары возвращались обратно с излишком – в виде книг, предметов искусства, образцов достижений науки и техники и прочих необходимых вещей, игравших значительную роль в корейской культуре. Что касается верховной власти, то именно *садэ* сделало положение вана в Корее исключительным, ибо он единственный в своей стране получал от Китая право на власть.

За исключением эпохи «монголизации» (1274–1351), когда корёский наследник отправлялся заложником в Пекин, воспитывался там в монгольской среде и брал в первые жены юаньскую принцессу, китайские правители вмешивались во внутренние дела Кореи крайне редко. В своей стране ван был полновластен. Личность его была священна и окружена в народе мистической аурой. Он один пользовался правом распоряжаться государственным знаменем, печатью и регалиями. Он выбирал и назначал высших сановников государства, а прочих чиновников утверждал. От него исходили награды и милости. Он был отец и первосвященник своей страны, посредник между Небом и Землей, защитник и покровитель. Отношение к нему массы населения граничило с обожествлением. До начала XX в. частные лица не могли иметь портретов вана. Они помещались только во дворце, в особой комнате, и были окружены религиозным почитанием. Его имя

произносить никто не смел, его подпись на документах заклеивалась сверху накладкой; мимо дворца воспрещалось проезжать верхом или следовать в носилках.

При всей близости китайского и корейского дворов в корейской традиционной дворцовой культуре имелись и национальные особенности: все храмовые титулы, имена и прозвания ванов, хотя и записывались китайскими иероглифами, но читались по-корейски; в названиях чинов и титулов корейцами была выработана своя специфическая система, отличная от китайской; династийная и историческая периодизация Кореи также отличается от периодизации соседних стран. Подробно об этом рассказал Л.Р. Концевич в своей новой книге «Хронология стран Восточной и Центральной Азии» (М., 2010).

«Путь вана» и история Чосона

Концепция «путь вана» (*вандо*), определявшая ключевой для (нео)конфуцианства вопрос о способе управления государством, пережила в Чосоне ряд метафорфоз. Ван изначально не мыслился как абсолютный правитель, и вопрос о том, кто именно, с помощью чего и в какой степени может ограничивать его власть, был подоплекой практически всех значительных событий политической истории этого государства, в которой «времена его укрепления и ослабления неразрывно переплелись с чередой патетических трагедий, вызванных борьбой за власть среди знатных родов и их сторонников»¹⁰.

Широко распространено мнение, что в основе этой борьбы лежали особенности корейского конфуцианства – «узкого и провокационного»¹¹, т.е. нетерпимого и догматичного, враждебного всему новому, верностью учению оправдывавшего неравенство, насилие, политические интриги и жажду власти. «Единственное, что я знаю, – это Чжу Си; единственное, чего я не знаю, – это Чжу Си», – говорил Сон Сиёль (宋時烈, 1607–1689), самый «прямой» из чосонских догматиков, казнённый за непримиримость в вопросах престолонаследия. Немало правителей умерли при загадочных обстоятельствах, и причины их смерти так и не были выяснены. Подозревают, что от яда скончались семеро* из 27 ванов Чосона и еще два наследных принца**. Три вана были свергнуты (Танджон, Ёнсангун и Кванхэгун) и двое из

---

* Йеджон (1468–1469), Инджон (1544–1545), Сонджо (1567–1608), Хёджон (1649–1659), Кёнджон (1720–1724), Чонджо (1776–1800), Коджон (1864–1907).

** Сохён седжа (1612–1645) и Хёмён седжа (1809–1830)

них не удостоились храмового имени. Также двое получили его через столетия после кончины (Чонджон и Танджон). Перипетии их судеб и трактовка *вандо* в разные эпохи неразделимы, и явно не Небо выносило тут свой вердикт.

Но был у корейского неоконфуцианства и другой аспект – ярко проявлявшееся у лучших людей стремление к воплощению идеала и самосовершенствованию, доходящему до полного самоотречения. Из них в Чосоне сформировалась плеяда конфуцианских подвижников – не соискателей чиновных должностей, а убежденных последователей Учения и мыслителей, являвших пример высокой духовности. Немало из них отдали за убеждения свою жизнь. Выдающимися конфуцианцами, «совершенномудрыми государями» (*сонван* 聖王), признаны и два вана Чосона – Седжон и Чонджо. Их правления – два пика в развитии чосонской государственности. А в целом ее история делится на четыре периода – «начальный», «средний», «последний» и «завершающий».

Начальный период (1392–1468)

Седжон Великий (годы жизни 1397–1450, годы правления 1418–1450), «Яо и Шунь Восточной страны», был отмечен всеми талантами, которые полагалось иметь выдающемуся правителю: был милостив к людям (*ин*), справедлив (*ый* 儀), соблюдал правила и обычаи (*йе* 禮), обладал мудростью (*чи* 智) и искренностью (*син* 信). С детства отличался прилежанием в учебе, любил искусства (увлекался каллиграфией, играл на каягыме*), был почитителен к родителям и уважителен к старшим. Это и стало причиной, почему он, третий сын, был назначен наследником. Пережитая в молодости трагедия в семье: непримиримый разлад между его отцом Тхэджоном и дедом – отрекшимся от престола Тхэджо, многолетняя ссора между отцом и матерью – королевой из рода Мин (Мин-сси 閔氏)**, казнь четырех

* Каягым 伽倻琴 – старинный струнный музыкальный инструмент, который начали изготавливать в Корее примерно в начале VI в. по образцу инструмента *чжэнь* 箏 государства Цзинь (晉, 266–420) в Китае, о котором знаток музыки Фу Сюань (265–316) писал: «*Чжэнь* сверху круглый, что олицетворяет Небо, снизу – плоский, что олицетворяет Землю, в середине – полный, что соответствует Шести соединениям (Небо, Земля и четыре стороны света). 12 подставок для струн символизируют 12 месяцев. Именно таким был инструмент, служивший выражением гуманности и мудрости». (*Джарылгасинова Р.Ш.* Комментарии // *Самгук саги*. Т. 3. С. 228)

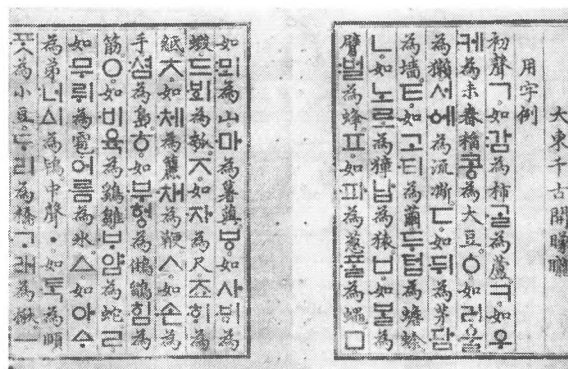
** Мать Седжона (посмертный титул – Вонгён ванху 元敬王后) – первая королева Мин в чосонской истории. Кроме нее были еще три – супруги Сукчона, Коджона и Сунджона.

дядьев – ее братьев, необходимость защищать от наветов собственную семью и рано проявившаяся тяжелая болезнь (диабет) сделали его осмотрительным, терпимым и сдержанным, наделили даром сострадания и проницательностью. «Был кроток внешне, но силен характером»¹². Имел он также и «самый пытливый и логический ум» среди всех чосонских монархов¹³ и энциклопедическое образование, что позволило ему стать не только покровителем науки и искусства, но и непосредственным создателем культурных шедевров – национальной письменности, известной сегодня как *хангыль*, и музыки государственных ритуалов.

Годы правления Седжона, когда Чосон стал превращаться в развитое конфуцианское государство, называют блестящей попыткой реализации *вандо*. Главной опорой монарха-реформатора и новой элитой страны стали ученые придворной Академии мудрецов (*Чинхёнджон* 集賢殿), которых он сам отбирал и о благосостоянии которых неустанно заботился, создавая им все условия для плодотворной работы. И это дало результаты. «Достижения Седжона в научной области были более замечательны, чем в любой другой период корейской истории», – пишут историки. Некоторые идут дальше, настаивая, что они «превзошли научный уровень Китая и арабского мира, не говоря уже о Западе»¹⁴. При этом обращается особое внимание на политический и идеологический характер науки при Седжоне, и это ключ к пониманию «пути вана».

Изобретение буквенно-слогового фонетического алфавита – высшее достижение той эпохи и всей чосонской культуры. Он был возведен в ранг государственного письма эдиктом Седжона «Наставление народу о правильном произношении» (訓民正音 *Хунмин чоным*, 1446). Создание собственного письма было продиктовано необходимостью управления централизованным государством, чтобы указы и распоряжения стали доступны широким слоям населения. Также оно стало универсальным и доступным средством письменной коммуникации. Широкий размах, который приобрело при Седжоне книгопечатание, позволило широко внедрить конфуцианские морально-этические устои в народ. Но главная задача правления Седжона была сформулирована в эпитафии на его могиле: «В год *пёньин* (丙寅, 1446) Его Величество впервые создал *Хунмин чоным* с тем, чтобы до конца отразить изменения начальных и конечных

Старейший из сохранившихся текстов *Хунмин чоным* (1446).

«Национальное сокровище» № 70.

Хранится в музее Кансон в Сеуле.

Находится под охраной ЮНЕСКО, список

«Память мира»

Фрагмент
официального портрета
Седжона кисти
современного
художника-этнографа,
выполненного
по чосонским образцам.
*Хранится Обществом
по увековечению памяти
о великом ване Седжоне*

звучков рифм, полностью объяснить все многочисленные китайские звучания...»¹⁵. Речь шла о создании вспомогательной транскрипционной системы для единообразного чтения иероглифов. Вот почему процесс изобретения корейского алфавита сопровождался параллельной работой над составлением корейских и упорядочением китайских рифмических словарей, которые также считаются важнейшим достижением лингвистической мысли при Седжоне. О последовательном курсе на утверждение неоконфуцианства во всех областях жизни свидетельствует наметившийся тогда подъем в исследовании сунской натурфилософии, чему способствовал активный культурный обмен с Китаем.

Не только прикладное, но и идеологическое значение имели успехи, достигнутые в правление Седжона в естественных и прикладных науках: сельском хозяйстве*, медицине**, в области создания точных механических часов, астрономии***. В 1432 г. во дворце была сооружена ориентированная по сторонам света каменная обсерватория высотой в 6,3 м, откуда еженощно вели наблюдения придворные звездочеты. Были впервые изготовлены прибор для измерения положения небесных светил *хончхоный* 渾天儀 и небесный глобус *чхонгуый* 天球儀. Соединенные воедино, они приводились в движение водяным колесом, исполняя роль космических часов. Были изготовлены и другие часы, а также одни из первых в мире дождемеров. О том, как это вписывалось в «путь вана», говорилось в описании одного из приборов:

«Совершенномудрый государь Яо считал астрономию важной, а император Шунь сам наблюдал за небом с помощью приборов. Эти приборы передавались из поколения в поколение и становились все более сложными. Иногда они назывались *ый* 儀, иногда *сан* 象,

* Они наиболее полно воплотились в энциклопедическом труде Чон Чхо (鄭招) и Пён Хомуна (卞孝文) «Популярные беседы о земледелии» (*Нонса чиксоль* 農事直說, 1430 г.).

** Основные труды – «Собрание рецептов корейской медицины» (*Хяньяк чипсонбан* 鄉藥集成方), составленное Ю Хэтхоном (兪孝通) и Но Чунне (盧重禮) в 1433 г., и первая в Корее медицинская энциклопедия «Собрание сведений по лекарскому искусству» (*Ыйбан ючхви* 醫方類聚), вышедшая уже после кончины Седжона в 1455 г.

*** Для уточнения календаря были составлены астрономические трактаты, в частности «Расчет движения семи основных светил вовне и внутри [Кореи]» (*Чхильджонсан нзвепхён* 七政算內外篇).

названия не были фиксированными. Наблюдение за Землей сверху вниз и за звездами снизу вверх позволяет людям определить точное время. Но если содержащиеся в книге знания устарели, кто может постичь ее смысл? В нужный момент наш мудрый монарх последовал примеру Яо и Шуня и восстановил древние приборы, такие как *кюнхё* 圭表 и *куру* 晷漏 (солнечные и водяные часы – Т.С.)»¹⁶.

«Политика *вандо* монарха и исследовательский дух ученых слились воедино, став подлинной научной революцией»¹⁷. Некоторые корейские историки, основываясь на получившем в XV в. распространение постулате *пхунтхо пудоннон* (風土不同論 – «ветры и земля [в Китае и Корее] – не одно и то же»), утверждают сегодня, что при Седжоне произошло превращение науки в «независимую от Китая», т.е. национальную. Но большинство склоняется к мысли, что корейцы вовсе не ставили целью подчеркнуть свою этническую специфику. Сознвая свое отличие от Китая, они вместе с тем стремились к конфуцианскому универсализму¹⁸, к «Великому единству» – *Датун* (кор. *Тэдон*), о котором впервые было сказано еще в древней «Книге истории» *Шуцзин*****, где восхвалялась мудрость Великого Юя, разделившего подвластные ему земли на девять областей. Они были первым «Великим единством» и первым административным делением государства в истории Китая. «Когда Небо, Земля и тьма вещей подобны телу одного человека, это называется *Датун*». Это древнее определение Поднебесной выражало идею централизованной социальной иерархии во главе со справедливым правителем¹⁹.

Принципиальный для правления вопрос о том, как объединить в гармонии новое общество, мир и природу, был разрешен Седжоном через создание новых ритуалов и собственной музыки для них – *аак* 雅樂. Как говорил в *Шуцзин* совершенномудрый Яо, «когда восемь тонов настроены и правила человеческой морали не утрачены, боги и люди – в согласии»²⁰. Ведущая роль в этом принадлежит великому теоретику Пак Ёну (朴堧, 1378–

**** *Шуцзин* (書經, кор. *Согён*, «Книга истории», или «Книга документов», VIII–V вв. до н.э.) – самый древний памятник китайской словесности, прозаическое произведение, где содержатся легендарные сведения о царствовании древних правителей Яо, Шуня и Юя, к эпохе которых относится начало становления государственности в Китае, но больше – образцы древнейших китайских уложений (прообраз законов) с элементами морали, так что *Шуцзин* «с этой точки зрения может быть оценен как первый памятник юридической литературы Китая». Редакция приписывается Конфуцию. (Конрад Н.И. Указ. соч. С. 120–121).

Празднование
Дня Седжона перед
его памятником
в центре Сеула перед
главными воротами
дворца Кёнбоккун

День Седжона широко
отмечается в Корее
15 мая, в день рождения
вана-просветителя
(родился в 1397 г.),
которого все корейцы
единодушно называют
величайшим человеком
в национальной истории.
Вспоминают Седжона
и в День корейской
письменности,
отмечаемый 9 октября.
Разворачивается
движение за
превращение этого дня
в общегосударственный
выходной

1458). По указанию Седжона он не только изучил древние китайские труды по музыке, но и создал на их основе оригинальную систему нотной записи, благодаря которой в Корее сохранились до сего дня самые древние на Дальнем Востоке мелодии. Инструменты для исполнения музыки ритуалов Пак Ён сначала делал сам, а потом основал мастерские по их изготовлению. Это было великое новшество, ибо до того времени инструменты исключительно импортировались из Китая, и звук их часто был чужд национальному восприятию²¹.

Седжон проводил активную внешнюю политику на северном пограничье страны. К 1443 г. он вернул все «владения предков» – близкие к Хварёну земли к югу от Амноккана и Тумангана*, и границы Кореи приобрели в целом те очертания, какие имеют и ныне. Это событие было подкреплено созданием капитального труда по географии *Пхальдо чириджи* (八道地理志 «Географическое описание восьми провинций», 1432) и внесло большой вклад в укрепление самосознания корейцев.

---

* Эти северные земли считаются «владениями предков» династии Чосон, поскольку здесь Ли Сонге родился и провел значительную часть жизни и здесь жили его отец, дед, прадед и пра-прадед, почитаемые как предки династии. Вместе с тем все они принадлежали к клану Ли из Чонджу (*Чонджу Ли-сси* 全州李氏), основанному, по семейному преданию, силаским сановником полного 1-го ранга Ли Ханом (李翰), который был женат на дочери потомка в 10-м поколении объединителя Трех государств вана Тхэджон-Муёля (654–660). Ли Сонге являлся потомком Ли Хана в 21-м поколении. Чонджу – город на юго-западе полуострова, в современной провинции Северная Чолла (Республика Корея).

Немалое значение имело и составление учеными Чипхёнджона истории предшествовавшей династии *Корёса* (高麗史, 1451). Так формировалась этнокультурная общность, гордая своими корнями и культурными достижениями и осознающая себя важной частью конфуцианского мира.

В этот период корейское конфуцианство впервые в истории стало подниматься, по мнению Дж. Грейсона, на «третий уровень влияния», начав все в большей степени определять мораль и духовные ценности общества**, причем не только правящего класса *янбан* (兩班), но и свободного сословия *янин* (良人), хотя инерция народного сознания и весьма препятствовала тому. Закреплялась и его основная особенность. Она заключалась в том, что образование, а следовательно, и возможности социального роста были доступны в Чосоне только для представителей правящего сословия. Это шло вразрез с одним из главных принципов конфуцианства (каждый сдавший экзамен имеет право на занятие должности), и это противоречие сохранялось вплоть до конца династии.

В 1455 г. трон был узурпирован вторым сыном Седжона принцем Суяном (Суян тэгун 首陽大君, 1417–1468), который сверг юного вана Танджона (1452–1455) и сам взошел на престол (храмовое имя Седжо, 1455–1468). Многие академики выступили с протестом и были казнены. С Чипхёнджоном было покончено. Но культурные изыскания длились еще несколько лет и увенчались изданием в 1474 г. «Великого уложения по управлению государством» (*Кёнгук тэджон*, 經國大典) – кодекса законов династии Чосон. Тем самым политическая система Чосона получила законодательное оформление. На этом завершился *начальный этап ее развития* (초기 初期) – время становления и расцвета.

** Дж. Грейсон выделяет три уровня распространения конфуцианства в Корею. Первый – культурное влияние. Оно возникло в период зарождения государственности и нашло выражение в заимствовании письменности (иероглифики), знакомстве с каноническими книгами, принятии философских концепций, создании формализованной системы образования. Второй – политическое влияние. Оно возникло на основе первого и нашло выражение в формировании и развитии бюрократии и системы государственного управления. Третий – социальное влияние. Оно начало развиваться только в Чосоне и коренным образом изменило общество – как его структуру, так и морально-этические ценности (Grayson J. Ibid. P. 49).

Портрет Седжона на современной купюре (РК) в 10 тысяч вон. Художник Ким Кичхан (金基和, 1913–2001) воссоздал облик вана по сохранившимся в архивах описаниям современников

Первую версию *Кёнгук тэджон* продолжали редактировать еще несколько лет. Полностью работа над ней была завершена в 1485 г. Этот текст назывался «исходный» (*вон* 原). Он был дополнен приложениями при Сукчоне (1688), а при Ёнджо (в 1740–1746 гг.) была подготовлена и издана его новая редакция «с приложениями» – *Сок Тэджон* (續大典), в которой были изменены и дополнены 137 из первоначальных 213 статей и вставлены 18 новых, касавшихся сбора налогов и органов управления. В 1785 г. главный закон страны был издан «с дополнениями» (*чын* 增) под названием *Тэджон тхонпхён* (大典通編), а в 1865 г. (при Тэвонгуне) вышла его последняя редакция («обобщающая» – *хве* 會) под названием *Тэджон хветхон* (大典會通).

Средний период (1469–1724)

Следующий, «средний период» (*чунги* 中期), охватывающий правления с Сонджона и до Кёнджона (8–20-й ваны, 1469–1724), начался с выхода на политическую арену группировки *саримпха* 士林派 – неоконфуцианских ученых из числа мелких и средних провинциальных янбанов. Они осуждали узурпацию трона Седжо и выступали за «правильное учение» (*чоннон* 正論). Сонджон (1469–1494) решил использовать их для ограничения чрезмерного влияния «заслуженных сановников» (*хунгунпха* 勳舊派), которые пользовались неограниченным влиянием как соратники, возводившие его отца Седжо на престол, и нередко были связаны с династией брачными узами. Противостояние этих двух сил вызвало ряд потрясений, получивших название *сахва* 士禍 – «(безвинных) избиений саримов». Их было всего четыре: в 1498 г. – *мыо* (戊午) *сахва*, в 1504 г. – *капча* (甲子) *сахва*, в 1519 г. – *кимё* (己卯) *сахва* и в 1545 г. – *ыльса* (乙巳) *сахва*. Они названы по годам 60-ричного календарного цикла.

О том, сколь серьезным испытанием *сахва* были для страны, говорит тот факт, что первые два «избиения» привели к свержению вана Ёнсангуна (1494–1506). Но также они стали горнилом, в котором закалялась корейская неоконфуцианская наука (*сахак* 私學) и формировались зрелые философские школы. Их опорными пунктами стали провинциальные частные академии *совоны*, или иначе – «храмы славы».

Идея и название «совон» (書院, кит. *шююань*) были заимствованы из Китая. *Шююань* в европейской синологической литературе переводят как «академия», или «литературный университет». Такие учреждения возникли в эпоху Тан в первую очередь как книгоиздательские центры, а иногда – книгохранилища. Тогда особенно известен был *Лицжэндянь шююань* (麗正殿書院), созданный при покровителе искусств Сюань-цзуне (玄宗, кор. Хёнджон, 685–762). В эпоху Сун уже

существовала целая система *шюань*. Тогда это были, в основном, училища или высшие школы, готовившие к экзаменам на получение ученой степени. Особенно был известен *Болудун шюань* (白鹿洞書院, кор. *Пэк рок тон совон*) – академия «Грот белого оленя» в Синцзы (пров. Цзянси), где в 937–943 гг. жил прославленный поэт Ли Бо. В 978 г. число учащихся в нем доходило до тысячи. Потом это училище пришло в упадок и было восстановлено благодаря усилиям Чжу Си, превратившего его в неоконфуцианский теоретический центр*. Если в Китае *шюань* были в основном учебными заведениями и отчасти поминальными алтарями, то в Корее они не только выполняли эти функции, но также являлись духовными центрами провинциальной неоконфуцианской интеллигенции – *саримов*, а в конце Чосона превратились в оплоты оппозиции и сепаратизма. Первый *совон* в Корее был создан в 1543 г. в уезде Пхунги (пров. Сев. Кёнсан) в честь первого проповедника неоконфуцианства в Корее Ан Хяна (安珣, 1243–1306).

В трудах мыслителей-*саримов* Ли Онджока (李彦迪, литературный псевдоним Хведжэ 晦齋, 1491–1553) и «корейского Чжу Си» Ли Хвана (李滉, псевдонимы Тхвеге 退溪, Тхведо 退陶, 1501–1570) были заложены основы отечественной политической теории. Образцом государственного устройства они видели идеальное неоконфуцианское государство во главе с «просвещенным монархом», чья основная задача – духовное самосовершенствование [соблюдение универсального принципа *ли* 禮 (кор. *йе*), т.е. ритуально-этических норм] – осуществляется с помощью мудрых советников (естественно, *саримов*), которых он приближает к себе, выдвигая на ключевые роли. Сторонники этих взглядов одержали верх в политических баталиях первой половины XVI в. Теперь от них, а не от вана исходило просвещение и высшее Знание.

Единство рядов, где каждый утверждает себя носителем истины, не могло сохраняться долго. После воцарения Сонджо (1567–1608) *саримы* стали распадаться на соперничающие группировки, и хотя их представители продолжали массово гибнуть в политических столкновениях и в дальнейшем, слово *сахва* тут уже не употребляют, поскольку речь о «правильности учения» уже не шла. Под предлогом осуществления верного «пути вана» (он также называется в этот период *кондо* 公道) они переходят к взаимной критике и интригам, или «борьбе фракций» (*пундан чончхи* 朋黨政治), где главная цель – захват постов и достижение преобладающего влияния при дворе. Эта борьба прошла несколько этапов.

* Флуг К.К. История китайской печатной книги сунской эпохи. X–XIII вв. М.-Л., 1959. С. 139–140.

Конфликт из-за назначения на должность к 1575 г. привел к образованию при дворе двух фракций, или как их еще называют, «партий»: «восточной» (*тондан* 東黨) и «западной» (*содан* 西黨). В 1591 г. их было уже три, ибо «восточные» распались на «северян» (*пугин* 北人) и «южан» (*намин* 南人). Их первые столкновения обходились без жертв, если не считать самоубийств некоторых оклеветанных соперников. Но вред этих склок для страны вскоре стал ощутимым, поскольку преданность «партии» ставилась выше государственных интересов. Разногласия в кабинете между «западными» и «восточными» не дали Чосону возможность подготовиться к японскому вторжению – Имджинской войне. «Западные» утверждали, что война неизбежна, «восточные» – что ее не будет, и не потому, что у них были для этого какие-то основания, а в пику соперникам. Война началась в 1592 г. (год *имджин* 壬辰), длилась шесть лет и нанесла тяжелейшие раны, став рубежом, по которому сегодня социально-экономическую историю Чосона делят на ранний и поздний периоды. Сохранить независимость удалось только благодаря мужественному сопротивлению народа, подвигам героев и помощи минского Китая.

Но и война не образумила соперников. В 1608 г. «северяне» распались на «больших северян» (*тэбукпха* 大北派) и «малых северян» (*собукпха* 小北派), и фракций стало четыре. Ван Кванхэгун, который был столь недалек от новиден, что приблизил к себе только одну из группировок, был свергнут. Вместо него на престол был возведен Инджо (1623–1649) – внук Сонджо от пятого сына, рожденного к тому же от наложницы. Может ли быть более красноречивое свидетельство упадка династии? Новым ударом по ней стал мятеж 1624 г., поднятый военным губернатором провинции Пхёнан Ли Квалем (李适, 1587–1624), который был недоволен вознаграждением за свое активное участие в свержении Кванхэгун. Дворец вана в Сеуле был сожжен, а сам он бежал в провинцию. Впервые в истории Чосона государь пошел на такой крайний шаг из-за действий подданного, и это было неслыханно.

В 1627 и 1636 гг. последовали еще два иностранных вторжения, на этот раз маньчжуров, и Корея была вынуждена признать вассалитет от их «варварской» династии Цин*. Это был жестокий удар по конфуцианскому ортодоксальному самосознанию. «Лекарством» от него стало возникшее тогда представление «Корея – маленький

---

* Династия Цин (清) была провозглашена князем Нурхацы на территории Маньчжурии в 1616 г. В 1644 г. цинские войска захватили Пекин, и власть династии установилась во всем Китае.

Китай» (*Со Чунхва* 小中華). Имелось в виду, что именно Корея отныне является главным носителем древней конфуцианской культуры, восприимчивой «истинно ханьской» династии Мин. В правление Хёнджона (1649–1659) оно трансформировалось в теорию «северного похода» (на Цинь!). Начавшиеся военные приготовления, однако, быстро прекратились в связи с ранней смертью государя.

При Хёнджоне (1659–1674) «межпартийная» борьба «западных» и «южных» вылилась в ожесточенные дискуссии 1659, 1663 и 1674 г. по вопросам придворного этикета – о правилах соблюдения траура членами правящей фамилии. Он утверждался как принципиальный для «правильного устройства» космоса и общества, но реально за этим спором стояло желание каждой из сторон утвердить себя монопольными толкователями конфуцианского догмата, а значит, и высшей силы в государстве. Как писала летопись, «полемика разделила дома и семьи; каждый в своем жилище замышляет нападение на другого; возникла буря, которая бушует во дворце, из-за чего нарушается ритуал и процветают интриги»²². Инициатором споров стал лидер «западных» Сон Сиёль, который сформулировал теорию «четырех случаев» наследования:

- «верное и истинное» (*ёкчон ённе* 亦正亦禮) – когда власть переходит к старшему сыну (*чанджа* 長子);
- «неверное и неистинное» (*пульджон пулле* 不正不禮)
- когда власть переходит к внуку, не являющемуся потомком *чанджа*;
- «верное, но неистинное» (*йеи пульджон* 不正不禮) – когда власть переходит к сыну, не являющемуся старшим;
- «неверное, но истинное» (*пулле иджон* 不禮而正) – когда власть переходит к внуку, являющемуся старшим сыном старшего сына.

По этой классификации получалось, что наследование власти Хёнджоном было «верным, но не истинным». Вывод испугал многих²³.

При Сукчоне (1674–1720) «межпартийная» борьба достигла своего пика. Ее целью стали монополизация всех должностей и физическое устранение соперников. Случавшиеся не раз в его правление радикальные «перемены власти» (*хвангук* 換局) сопровождались жестокими пытками и казнями побежденных. Поскольку речь шла о государственной измене, их четвертовали и обезглавливали, их сыновей тоже казнили, хотя и более «гуманно», жен и дочерей превращали в рабынь, а племянников и учеников ссылали. Десятки родственников, слуг и случайных людей гибли во время допросов. Навешивались ярлыки

«злодеев» и «верных». Вопрос о посмертной реабилитации также становился предметом столкновений. В 1680-х годах из «западных» выделилась самая радикальная из всех существовавших когда-либо группировка – «стариков» (*норон* 老論) во главе с Сон Сиёлем. Она сделала из Чжу Си объект религиозного почитания и причисляла любого к «еретикам» за малейшие сомнения в правильности чжусианских трактатов. Хотя в 1689 г. Сон Сиёль и более сотни его сторонников погибли, можно сказать, что в дальней перспективе именно эта партия одержала в конечном итоге победу, установив при дворе свою «диктатуру». Абсолютной она не была, но в значительной мере закрыла доступ к высшим должностям «чужим», что стало одной из причин расслоения и упадка янбанства в целом, приблизив конец сословной системы*. Образовавшийся в результате идеологической монополии «стариков» духовный тупик создал предпосылки для развития общественной мысли и поисков альтернатив неоконфуцианству. Результатом стало распространение идейного течения *сирхак* («за реальные знания») и католицизма с конца XVIII в.

Сирхак 實學 зародилось в начале XVII в. Оно началось с интереса к достижениям европейских естественных наук («реальных знаний»), сведения о которых в 1600 г. достигли Пекина (с основанием миссии иезуитов), а уже спустя несколько лет нашли отражение в энциклопедическом труде *Чибон юсоль* (芝峰類說, 1614) корейского мыслителя Ли Сугвана (李睟光, псевдоним Чибон 芝峰, 1563–1628). Он и считается зачинателем движения, которое достигло зенита в конце XVIII в. Своим интересом к естественным наукам сирхакисты резко расходились с конфуцианской традицией, которая признавала наукой лишь гуманитарные дисциплины, однако в Корее они все же рассматриваются в основном как одно из направлений позднесредневекового неоконфуцианства. Сирхакисты считали основой политического управления в первую очередь свободное крестьянство (янминов) и подчеркивали важность народного образования для успешного государственного развития. Одни из них (Лю Хёнвон, 柳馨遠, 1622–1673) видели путь правления народом в развитии ритуала (*йечхиджуый* 禮治主義), приводящего «путь человека» (*индо* 人道) в соответствие с «Небесной истиной» (*Чхолли* 天理). Другие, в частности крупнейший деятель *сирхак* Чон Ягён (丁若鏞, 1762–1836), оспаривали тезис о «небесном» происхождении власти и утверждали, что естественное состояние человека – отсутствие власти и регуляций, и что власть вождя или монарха возникает

---

* Важнейшим условием поддержания сословного статуса для корейских дворян-янбан было нахождение на государственной службе хотя бы одного представителя из трех последовательных поколений семьи.

из общественных потребностей. В России изучением *сирхак* много и плодотворно занималась доктор исторических наук Галина Давыдовна Тягай (1922–2006).

В знаменитой книге «Общий обзор истории “партий”» (黨議通略 *Таный тхонняк*) её автор – чиновник Ли Кончхан (李建昌, 1852–1898) выделил восемь причин возникновения в Чосоне феномена «борьбы партий»: «конфуцианское учение слишком тяжело», «имена слишком суровы», «письмена и слова слишком запутаны», «наказания слишком суровы», «двор слишком громоздок», «чиновничьи должности слишком чисты», «аристократия слишком сильна», «мир слишком долог». Адресую желающих в этом разобраться к написанной по первоисточникам детальной книге А.Н. Ланькова «Политическая борьба в Корее XVI–XVIII вв.» (СПб., 1995). О позиции ванов он, в частности, пишет:

«Вред, причиняемый постоянными распрями, хорошо осознавался наиболее честными, патриотическими и трезвомыслящими представителями всех слоев общества. В особом положении находились корейские ваны, которые видели, что борьба партий крайне затрудняет управление страной, а в отдельных случаях может привести даже к выступлению оппозиции под лозунгом замены вана. Поэтому ваны были заинтересованы в стабилизации положения в стране. Ваны стремились покончить с борьбой партий, но успеха не достигли, так как обычно ограничивались призывами к спокойствию и осуждением “партийной” системы с позиций конфуцианской морали»²⁴.

Поздний период (1724–1864)

Однако определенный успех все же был достигнут, когда появились «просвещенные» ваны, осмелившиеся противопоставить свои знания претензиям ортодоксов. Это произошло в начале *третьего*, «*позднего периода*» (후기 後期) *чосонской политической истории*, который охватывает правления с Ёнджо до Чхольчона (21–25-й ваны, 1724–1864). Этими ванами были Ёнджо и Чонджо, которых вместе с Седжоном также называют «тремя величайшими» ванами Чосона.

Придя к власти в 1724 г., Ёнджо поначалу назначил на ведущие должности «стариков», но постепенно стал привлекать и «молодых». В четкий политический курс эта тактика оформилась после 1728 г. Тогда в южных районах вспыхнул мятеж во главе с Ли Инджва (李麟佐, 1695–1728) – одним из лидеров «непримиримого» крыла партии «молодых», которое было недовольно восшествием на престол Ёнджо, так как его поддерживали «старики». Хотя мятеж был быстро подавлен, губительность последствий

Ёнджо в возрасте 50 лет (1744 г.) –

один из семи дошедших до наших дней

портретов ванов

(*оджин* 御眞).

Был нарисован

с натуры, утрачен

в дворцовом пожаре,

восстановлен

приказом Коджона

в 1900 г.

Такой облик государя

называли

«драконовым».

Он воплощал

идеального правителя

в конкретной

внешности.

Краски, шелк.

110,5×61,0 см.

Фрагмент.

Из коллекции

Государственного музея

королевской культуры

Когун (Сеул)

«борьбы партий» для страны он показал очень ясно. После него и началось последовательное осуществление ваном *тханпхёнчхэк* 蕩平策 – «политики умиротворения», что еще переводят как «политика равноудаленности» или «меры по беспристрастному [отбору на службу]». Слово «умиротворение» восходит к фразе из «Книги истории» (*Шуцзин*): «Не склоняйся, не создавай партий, путь владыки (王道) широк; не создавай партий и не склоняйся, путь владыки ровен»*. В университете Сонгюнгван была установлена «стела умиротворения» (*тханпхёнби* 蕩平碑), на лекциях в нем было запрещено упоминать обо всем, что могло оцениваться как «теория партийной борьбы» (*таннон* 黨論). Были закрыты 170 из 700 «храмов славы» (совон)**, ставших центрами сплочения янбанских группировок и разжигания фракционной розни. Были запрещены общественные (не семейные) поминальные службы в честь ее «героев» и браки между представителями одной группировки²⁵.

К середине XVIII в. «политика умиротворения» утвердилась как главенствующая, а авторитет центральной власти значительно повысился. Реализуя принцип «уважение к Небу значит любовь к народу» (*кёнчхон эмин* 敬天愛民), Ёнджо отменил самые жестокие и бессудные казни, восстановил существовавший в первые годы династии «барабан для жалоб» (*синмунго* 申聞鼓), в который мог постучать всякий, кто желал сообщить лично государю о злоупотреблениях чиновников, и подавал пример скромности в быту. При нем действовал строгий запрет на злоупотребление алкоголем и бытовую роскошь. Расширению социальной опоры правителя способствовало назначение на должности незаконнорожденных детей янбанов (*сооль* 庶孽), до того шансов на выдвижение почти не имевшие. Для крестьянства большое значение имело окончательное правовое оформление системы откупа полотном от армии. Эти изменения были закреплены в подготовленной в 1740–1746 гг. новой редакции кодекса законов Чосонской династии *Сок Тэджон*.

Велики и ученые достижения Ёнджо. Было широко известно его редкое пристрастие к конфуцианской мудрости: лекции по конфуцианской классике для государя устраивались необыкновенно часто – каждые пять–шесть дней. Заботясь об исправлении нравов*** и развитии наук****,

* 無偏無黨 王道蕩蕩 無黨無偏 王道平平. Перевод А. Ланькова. Указ. соч. С. 167.

** Были закрыты все совоны, созданные после 1714 г.

он поддерживал книгопечатание и сам написал немало трудов. Его перу принадлежат поэтические дополнения к «Музыкальной энциклопедии» 1493 г. (*Акхак квебом симун* 樂學軌範詩文), автобиография (*Одже часонпхён* 御製自省篇, 1746), «Назидание государя потомкам в форме вопросов и ответов» (*Одже кёнсе мундап* 御製警世問答), «Государевы наставления народу [о смысле “сыновней почтительности”]» (*Одже пэкхэнвон* 御製百行源), «Инструкции для военных чиновников» (*Виджан пхиллам* 爲將必覽) и пр. Крупнейшим культурным событием эпохи стал выход в свет в 1770 г. первой национальной «Корейской энциклопедии» (*Тонгук мунхон пиго* 東國文獻備考), подготовленной комиссией видных ученых. Она состояла из 100 книг и 13 разделов, посвященных истории, географии, административному устройству, состоянию отраслей экономики и пр.

Самое длительное в истории Чосона правление Ёнджо (почти 52 года) стало временем расцвета общества во всех областях. Было оно и одно из самых мирных. Но угли раздора продолжали тлеть. Рожденное ими пламя вырвалось наружу во время трагических событий 1762 г., когда по приказу Ёнджо был казнен его единственный сын и наследник, вошедший в историю под именем принца Садо (思悼世子, 1735–1762). До недавнего времени считалось, что причиной казни была психическая болезнь, выражавшаяся в убийстве прислуги, бродяжничестве и прочих неблагоприятных поступках. Однако в последние годы стала распространенной версия, что принц стал жертвой заговора. Она основывается на обнаруженных

Хваннёнги 黃龍旗 – королевский «флаг желтого дракона» – один из многих разновидностей флагов, использовавшихся в королевских процессиях эпохи Чосона. 139×155 см.

Большая коллекция таких флагов хранится в Государственном музее королевской культуры Когун в Сеуле

*** По его приказу были составлены и изданы «Записи о словах и деяниях Тхведо» (*Тхведо онхэннок* 退陶言行錄), посвященные великому философу Ли Хвану; «Толкование “Малого учения”» (*Сохак хуный* 小學訓義), назидательная «Книга для женщин в четырех частях» (*Ёсасо* 女四書, 1736), настольная книга для чиновника «О правильном исполнении долга» (*Мувоннок* 無冤錄), «Приложение к “Книге о пяти ритуалах”» (*Кукчо сок орей* 國朝續五禮儀), летопись жанра «Драгоценное зеркало», посвященная правлению Сукчона (*Сунмё погам* 肅廟實鑑, 1730) и др.

**** В частности, при Ёнджо велись обширные картографические работы, был издан ряд географических трудов, том числе «Описание избранных деревень» (*Тхэнниджи* 擇里志) сирхакиста Ли Чунхвана (李重煥, 1690–1752) и труды Чон Санги (鄭尙驥, 1678–1752), составившего наиболее точные карты Кореи того времени *Пхальдодо* (八道圖) и *Тонгук чидо* (東國地圖).

в 2000 г. в архивах дневниках очевидца событий – придворного секретаря, который вел подробные записи в дни, когда умирал медленной смертью принц Садо (11–21 мая 1762 г.). Они подтвердили существовавшие ранее предположения, что принц стал жертвой интриг «стариков», стремившихся предотвратить приход к власти поддерживавших его «молодых».

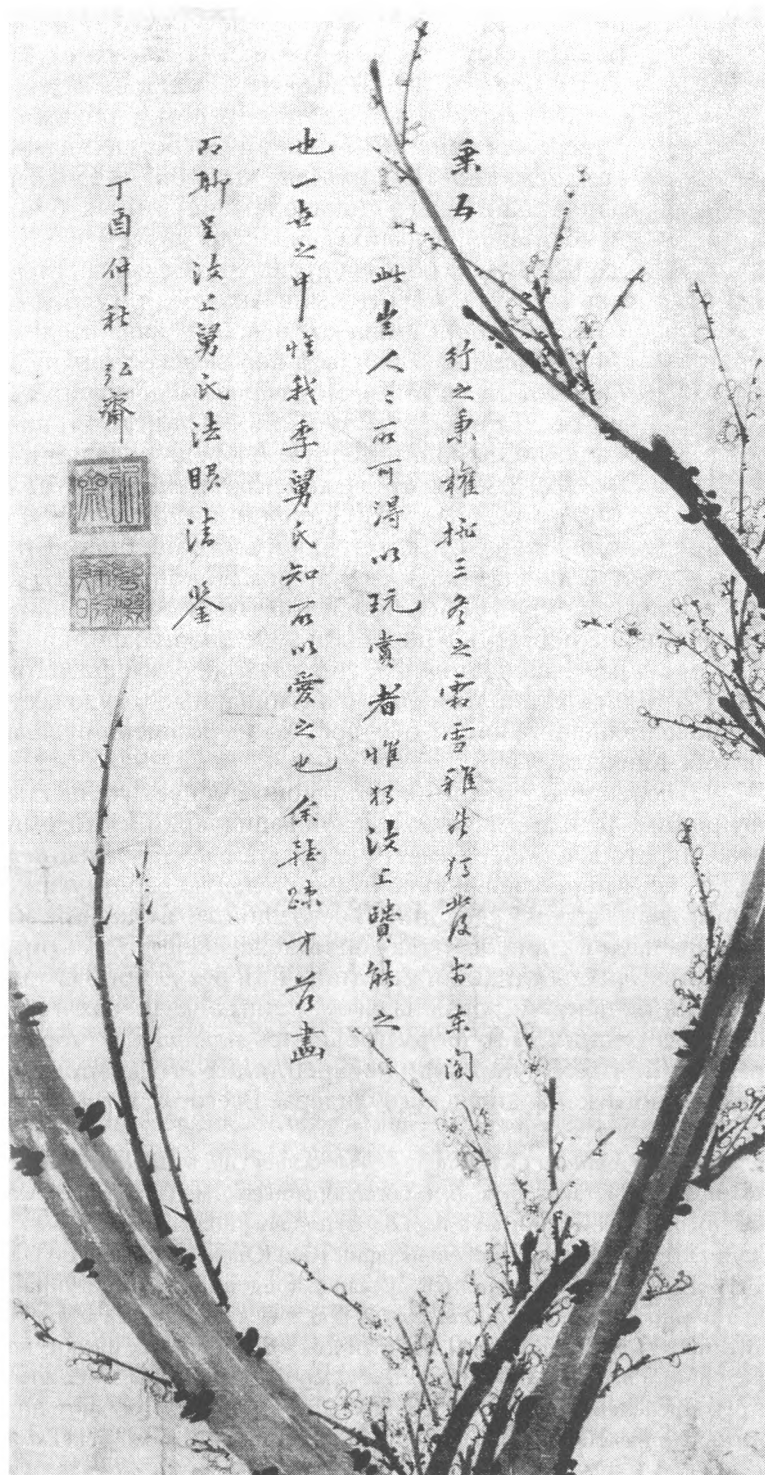
После 1762 г. корейский двор раскололся на две новые группировки: *сипха* (時派) и *пёкпха* (僻派). К первой принадлежали те, кто осудил казнь принца (обвиняли не вана, а придворных интриганов), ко второй – те, кто ее поддержал. Особенность этих группировок в том, что в каждой из них были и «старики», и «молодые», и «южные». Но сохранились и старые «партии». Даже несколько десятилетий последовательной «политики равноудаленности» не смогли полностью искоренить их влияние в политической жизни. «Старики» оставались сильнейшими и в правление следующего вана – Чонджо (1776–1800), которое называют «эпохой высшего расцвета королевской культуры Кореи за всю ее историю»²⁶.

Пережив в возрасте 11 лет семейную трагедию (казнь отца – принца Садо), Чонджо рано осознал, сколь опасна «фракционная» рознь. Он рос замкнутым и скрытным, проводя время в усердных занятиях, и стал человеком энциклопедических знаний, чьи интересы не ограничивались конфуцианской классикой. Он был сведущ в буддизме, *сирхак* и военном деле, был знаком с достижениями европейской науки в китайских переводах, писал стихи и прозу, увлекался каллиграфией и живописью. Продолжая ученые изыскания всю жизнь, он стал единственным ваном, оставившим потомкам полное собрание своих сочинений (*Хонджэ** *чонсо* 弘齋全書).

Уже в юности Чонджо четко осознал свои главные задачи: реабилитировать отца и утвердить себя как выдающегося государя, превосходящего всех подданных своей ученостью и талантами. Взойдя на трон, он продолжил «политику равноудаленности» Ёнджо, но пошел дальше него. Он провозгласил себя *кунса* 君師 – «монарх-наставник», встав в ряд с «совершенномудрыми государями» трех древних царств**. Такие монархи – большая редкость в истории. Они приходят к власти в результате смены

* Хонджэ – литературный псевдоним Чонджо.

** «Три [древние] династии» китайской истории – это легендарная Ся (夏, кор. Ха, датируется рубежом XXII/XXI вв. – началом XVII в. до н.э.), Шан-Инь (商/殷, кор. Сан/Ын, XVII–XI вв. до н.э.) и Чжоу (周, кор. Чу, XI–III вв. до н.э.).

Слива
(Мукмэдо 墨梅圖).
Картина кисти
вана Чонджо.
Тушь, бумага.
123,5 × 62,5 см. 1777 г.
Из коллекции Сеульского
национального
университета

Чуджакки (朱雀旗)
с изображением
треголового феникса –
один из многих
разновидностей флагов,
использовавшихся
в королевских про-
цессиях эпохи Чосон.
Размер 128 x 150 см

цикла в движении космоса по «высочайшему (небесному) предназначению» *хвангык* (君師, кит. *хуанцзи*) и обладают абсолютным превосходством (властью) над миром и людьми*. Утверждая принцип «великий ван осуществляет справедливость» (*тэгон чиджон* 大公至正), означавший, что подателем истинных благ и носителем высших ценностей является государь, и взяв за образец правление Седжона, главной опорой которого была Академия мудрецов (*Чипхёнджон*), Чонджо основал аналогичное учреждение – «Павильон королевского архива» (*Кюджангак* 奎章閣). Поначалу это действительно был архив, где хранилось эпистолярное наследие ванов, в первую очередь завещания (*юджо* 遺詔) и предсмертные указы (*комён* 顧命), образцы их живописи и каллиграфии. Но очень скоро он также стал и лучшей в стране библиотекой, научным и издательским центром. К концу XVIII в. в Кюджангаке хранилось более 180 тыс. книг. Главное его здание находилось в парковой зоне дворца, филиал – рядом с домом заседаний Госсовета. Еще один филиал, где хранились наиболее ценные антикварные и художественно исполненные книги, был построен в резиденции вана на о-ве Канхвадо.

Кюджангак соединил культурно-просветительские функции с функциями королевской канцелярии и с годами стал играть все более заметную роль в государственных делах, исполняя основную подготовительную работу перед принятием важных решений. В него набирали сдавших экзамены на чин способных людей моложе 36 лет. Здесь они не только работали, но и учились. Ван регулярно читал им лекции, присутствовал на ежемесячных экзаменах и составлял оценки. Так формировалась плеяда его сторонников (личных учеников) и укреплялся его авторитет как ученого конфуцианского лидера. Всего за правление

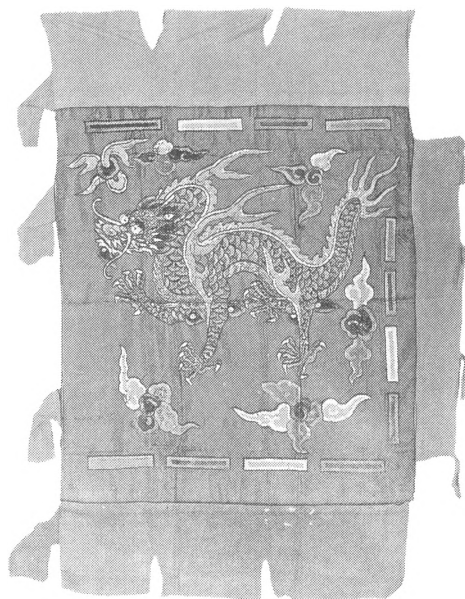
* Идея *хуанцзи* была впервые высказана еще в *Шуцзин*. Таблицы правлений таких особых («богоизбранных») монархов впервые были составлены в Китае в период Сун основоположником нумерологии в неоконфуцианской философии Шао Юном (邵雍, кор. Со Он, 1011–1077). Они назывались «Свыше predetermined управление миром» (*Хуанцзи цзинишишу* 皇極經世書, кор. *Хвангык кёнсесо*). В Корее такие таблицы выходили дважды: в 1544 г. накануне узурпации власти Седжо (*Хвангык чипхёндон* 皇極治平圖 – «Свыше predetermined Великое Спокойствие в стране, с иллюстрациями») и в начале XVII в. незадолго до свержения Кванхэгуна (*Ёктэ кинён* 歷代紀年 – «Летосчисление по эпохам»).

Чонджо (в 1781–1800 гг.) в Кюджангак было принято 138 человек. Среди них были и давно отстраненные от политической жизни провинциальные «южане», и разорившиеся янбаны, и незаконнорожденные, и дети мелких клерков и писцов, находившихся на низшей ступени служебной лестницы. Чонджо часто устраивал нерегулярные экзамены в провинциях, чтобы облегчить дорогу наверх местным талантам. Эта политика отражала возрастающую роль различных слоев в экономической, социальной и культурной жизни общества.

В результате в Кюджангаке собрались блестящие умы. Например, одним из его руководящих сотрудников был представитель наиболее радикального крыла *сирхак*, выходец из *сооль* Пак Чегэ (朴齊家, 1750–1805) – автор книги «О смысле “северного учения”» (*Пукхак ый* 北學議). В правление Чонджо сотрудниками Кюджангака был подготовлен дополненный вариант кодекса законов династии Чосон (*Тэджон тхонпхён* 大典通編, 1785), составлены ряд справочных изданий, например, дополненная 46 книгами (почти наполовину) новая редакция «Корейской энциклопедии» (*Чынбо Тонгук мунхон пиго* 增補東國文獻備考, 1782), и «Китайско-корейский словарь» (*Кюджан чонун* 奎章全韻, 1800). Для издания этих и других книг были изобретены и изготовлены отечественные виды медного наборного шрифта (*имджинджа* 壬辰字, *чонюджа* 丁酉字, *хангуджа* 韓構字 и др.).

Но главное внимание было обращено на труды, ставившие целью повысить престиж государственной власти. Так было издано собрание документов королевских канцелярий (*Мунвон побуль* 文苑繡轍) за период с начала династии до Чонджо* и предприняты грандиозные летописные проекты:

Чхоннёнги (靑龍旗) –
королевский
«флаг синего дракона»
времен Чосона

* В это собрание входили: поминальные королевские панегирики (*окххэммун* 玉冊文), обращения ванов к народу в связи с радостными событиями в правящем доме (*панго* 頒教) и по праздникам (*кёмун* 教文), соболезнования, направленные ваном сановникам (*вию* 慰諭), королевские назидания и инструкции новым членам правящего дома, например, жене наследника (*кёмёнмун* 教命文), тексты по случаю присвоения членам правящего дома почетных титулов (*чхукххэммун* 竹冊文), некрологи с перечислением заслуг ванов (*эчхэммун* 哀冊文) и сановников (*чемун* 祭文), ритуальные тексты для светских (*саннхэммун* 上樑文) и поминальных (*саджемун* 賜祭文) церемоний, обращения к государственным учреждениям (*кёсо* 教書), наградные листы (*нопхо* 露布) и пр.

Хёнмуги (靑龍旗) – королевский «флаг черного воина», т.е. черепахи, обвитой змеей.

завершена работа над «настойной книгой монархов» «Драгоценное зеркало правящей династии» (*Кукчо погам 國朝寶鑑*) и начато составление новой версии «королевских дневников» (*Ильсоннок 日省錄*, букв. «Записи каждодневных наблюдений»)*, завершившееся только с гибелью династии полтора века спустя. Покровительство, которое оказывал Чонджо живописи, способствовало тому, что при нем были созданы лучшие образцы иллюстрированных летописей *ыйгве*, в написании картин для которых участвовал член придворной Академии живописи *Тохвасо* (圖書署) величайший корейский живописец Ким Хондо (金弘道, 1745–1809?), который тоже был, видимо, незаконнорожденным и стал известен исключительно благодаря государю.

Провозгласив целью создание «государства для всех» (*самин кукка 士民國家*, букв. «государство чиновников и народа»), Чонджо проявлял повышенное внимание к нуждам среднего и низшего сосло-

вий. Он первым начал давать аудиенции простолюдинам и за 24 года своего правления рассмотрел более пять тысяч челобитных и ходатайств – больше чем любой другой ван Чосона. Вынесение смертных приговоров было при нем окончательно утверждено как прерогатива государя, и Чонджо много раз перепроверял дела смертничко», пытаясь найти смягчающие обстоятельства. Желая защитить отечественных ремесленников от конкуренции со стороны гораздо более развитого китайского ремесла, Чонджо не раз ограничивал или запрещал импорт предметов роскоши. В 1791 г. он издал указ, отменивший монополии «придворных фирм» на торговлю рядом товаров и поощривший провинциальных купцов к торговле в столице, что знаменовало начало формирования общенационального рынка. В осуществление идеала «богатое государство – сильная армия» (*пугук канбён 富國強兵*), он реформировал и укрепил армию, создав королевскую гвардию взамен прежних «пяти армий», каждая из которых была связана с той или иной придворной «партией».

Чонджо вошел в историю как образцовый «почтительный сын» (*хёджа 孝子*). Стремясь реабилитировать отца – принца Садо, он присвоил ему посмертно самое почетное

* См. об этих летописях в разделе «Другие “королевские дневники”».

для аристократа имя-титул (*сихо*) Чанхон (莊獻) – «Достойный и почтительный», повысил статус его поминального алтаря (с *мё* 廟 до *кун* 宮) и могилы (с *мёсо* 墓所 до *вон* 園). В дальнейшем могила Садо была перенесена в г. Сувон, где в 1794–1796 гг. была возведена с применением новейших механизмов замечательная крепость Хвасон 華城 – выдающийся памятник позднего средневековья, считающийся воплощением «сыновней почтительности» в архитектуре. Хотел Чонджо перенести туда и столицу, но смерть помешала ему реализовать этот план.

Историк Ли Тхэджин сравнивает Чонджо с просвещенными абсолютными монархами Европы, видя сходство между ними в том, что он пытался строить свою политику, основываясь на Знании, концентрировавшемся в Кюджангаке. В попытках Чонджо усилить королевскую власть через контроль над новыми течениями в обществе доктор Ли видит многообещающее начало самостоятельной (автохтонной) модернизации корейского общества. Однако реализоваться ей не было суждено. Чонджо умер скоропостижно на 48-м году жизни в июне 1800 г. Официальная причина – заразное кожное заболевание. Вокруг этой смерти ходит немало слухов, и они, возможно небезосновательны. Правление Чонджо было близко к диктатуре. Лишь однажды при нем одержали верх придворные «партии». Это произошло в 1791 г., когда по их настоянию были казнены двое чиновников-«еретиков» – приверженцев католицизма, публично отказавшихся от конфуцианских жертвоприношений покойным родителям как от «идолопоклонства». Тогда же были сожжены китайские переводы христианской литературы и полностью запрещен ввоз из Китая католических книг, но на более широкие репрессии Чонджо не пошел. Наличие католиков среди «южан» давало «старикам» весомый повод для нападок, но приверженность правителя «политике равноудаленности» удерживала контролируемый «стариками» репрессивный аппарат от жестокой расправы как с католиками, так и оппозиционной интеллигенцией в целом.

После вступления на престол малолетнего сына Чонджо началась эпоха, представлявшая собой резкий и печальный контраст веку восемнадцатому. До конца «позднего периода» Чосона в 1864 г. три вана подряд (Сунджо, Хонджон, Чхольчон) вступали на трон в юном возрасте, и в результате родственники их жен из кланов

Пэхоги (白虎旗) – королевский «флаг белого тигра». Эпоха Чосон.

Пэктхэкки 白澤旗 – королевский флаг с изображением белого фантастического животного, символизирующего милость государя.

андонских Кимов (*Андон Ким-сси*, 安東金氏) и пхуньянских Чо (*Пхуньян Чо-сси*, 豐壤趙氏) начали доминировать в государственных делах, что получило название *седо чончхи* (勢道政治) – «правления родственников жен вана». Их безраздельная гегемония продолжалась более 60 лет и сопровождалась упадком государства, разгулом коррупции, гонениями на католицизм и любое свободомыслие, а также голодом, эпидемиями и народными восстаниями. К концу правления Чхольчона правящий дом был на грани коллапса.

С 1960-х годов в южнокорейской историографии возникло течение, представители которого стремились создать альтернативу так называемой «теории стагнации», согласно которой корейское общество само по себе неспособно к переменам без прямого влияния извне. Эта теория оформилась в японской историографии в колониальный период и служила для оправдания колонизации Корейского полуострова.

В противовес ей корейские историки сделали попытку сформулировать «теорию независимого развития корейского общества», и история Кореи в XVIII – первой половине XIX в. с возникшими тогда изменениями в экономике, торговле и ремеслах и социальной нестабильностью стала объектом их особого внимания. Эти века они рассматривают как переходный период от феодализма к современности и выделяют в особый период – Раннего нового времени (*кынсеса* 近世史). При этом одни (Чон Окча) видят «начало модернизации» в возникшем при Чонджо новом политическом климате. Подчеркивая интенсивное развитие в то время общественной мысли, они видят в нем одновременно и результат изменяющейся социально-экономической ситуации, и «шпору» социальному развитию. Другие (Ан Пхёнгук) концентрируют внимание на хаосе и видят в частых восстаниях и бунтах XIX в. коллапс старой системы и зарождение новой социальной силы – «народа» (*минджун* 民衆), который начал постепенно приобретать ведущее положение в борьбе за более модернизированное (современное) общество.

Завершающий период (1864–1910)

Вторжение западных держав стало водоразделом корейской истории. Оно положило конец эпохе Средневековья и дало старт Новому времени. С января 1864 г. начался *четвертый, «завершающий период»* (*мальги末期*) *политической истории Чосона* (1864–1910), который охватывает правления двух последних (26-го и 27-го) монархов: Коджона и Сунджона.

Его первое десятилетие вошло в историю как «эпоха Тэвонгуна (大院君)», т.е. буквально «Великого князя» – по почетному титулу отца Коджона Ли Хаына (李昰應, 1820–1898), железной рукой правившего Кореей в 1864–1873 гг.* В истории страны не найдется другого периода, столь неразрывно связанного с личностью одного человека. Это тем более необычно, что Тэвонгун не занимал в государстве никакой официальной должности.

Ли Хаын/Тэвонгун являлся потомком Ёнджо в 5-м поколении (по усыновлению), и по этой причине, когда умер бездетный Чхольчон, именно его сын Мёнбок (будущий Коджон) имел наибольшие права на престол, поскольку все другие возможные претенденты были отправлены андонскими Кимами в ссылку, а то и казнены. Тэвонгун был также прямым потомком в 7-м колене 3-го сына Инджо принца (*тэгун*) Инпхёна (麟坪大君, 1622–1658). Этот принц в детстве учился у лидера политической фракции «южан» (*намин*) Юн Сондо (尹善道, 1587–1671) – известного поэта и литератора, и потому его потомки, в том числе и Ли Хаын, ассоциировались с «южанами». Женившись, будущий Тэвонгун породнился с кланом Мин, принадлежавшим к фракции «стариков» (*норон*). В детстве он получил прекрасное конфуцианское образование; хорошо рисовал, сочинял стихи на ханмуне**. Наставником его был величайший каллиграф и крупный ученый, представитель позднего *сирхак* Ким Чонхи (金正喜, псевдоним Чхуса 秋史, 1786–1856). Реформаторская программа умеренных сирхакистов, родственные связи с величайшими ванами династии и представителями соперничающих придворных группировок, особенности характера и биографии, – все эти факторы оказали немалое влияние на политику Тэвонгуна, определив ее своеобразие. Важны они и для понимания личности его сына – вана Коджона,

Ли Хаын (1820–1898), более известный как Тэвонгун (Великий князь) – единственный в корейской истории человек, носивший этот титул при жизни. *Салонное фото.* 1882 г.

* Полный титул – Великий князь Хынсонский (Хынсон Тэвонгун 興宣大院君). Людей с титулом Великий князь (Тэвонгун) было за историю Чосона всего четверо, причем трое получили его посмертно. Первым (в 1570 г.) его был удостоен отец Сонджо – Токхын Тэвонгун (德興大院君). Другими тэвонгунами были биологические отцы Инджо (1623–1649) и Чхольчона (1849–1863).

** *Ханмун* (漢文) – корейизированный китайский классический язык. Являлся основным письменным языком Кореи с первых веков новой эры до конца XIX в. Отменен как официальный в правление Коджона в 1896 г. в ходе «реформ года *кабо*».

которого все больше людей признает в последние годы «отцом корейской модернизации».

Род Ли Хаына был беден, хотя и был ветвью правящего клана. Закон запрещал представителям таких родов сдавать экзамены на чин, и государственная служба была для них невозможна. Единственное, что оставалось Ли Хаыну, – поступить в одно из церемониальных ведомств, где «служили» подобные ему сыновья, внуки и прочие потомки государей, но от нищеты это его не спасло. Вскоре он службу оставил и буквально «ударился в загул». Не заботясь о «сохранении лица», он стал проводить время среди городских низов, что способствовало возникновению у него необычного для дворян-янбанов отношения к людям низкого происхождения. Он шатался по кабакам, пел на свадьбах простолюдинов (у него был прекрасный голос), громко скандалил, дружил с нищими и бандитами и время от времени посещал дома андонских Кимов, выпрашивая подачки. Они считали его безобидным неудачником и даже не предполагали, что «за маской пьяного клоуна в нем скрывался амбициозный тигр»²⁷. Но так оно и было.

Став к началу 1860-х годов самым близким к трону по генеалогии представителем королевского рода в Сеуле, он тайно плел интригу, чтобы проложить сыну Мёнбоку, а значит и себе, путь к власти. Зная, что право выбрать преемника после смерти бездетного Чхольчона принадлежит старейшей во дворце вдовствующей королеве Чо (趙氏, посмертное имя Синджон ванху 神貞王后, 1808–1890) и не имея доступа во дворец, он завязал знакомство с двумя ее племянниками, раскрыл свои планы, пообещал содействие в борьбе против их соперников – андонских Кимов – и нашел всестороннюю поддержку сначала у них, а потом и у их тетки. Смерть Чхольчона в январе 1864 г. застала занятых распрями придворных врасплох, и они не смогли возразить, когда королева Чо назвала имя преемника – Ли Мёнбок (李命福). Новому вану было всего 12 лет, и хотя первоначально (до 1866 г.) регентом при нем официально была королева Чо, она с самого начала доверила всю власть Ли Хаыну – теперь уже Великому князю (Тэвонгуну).

Укрепление государства и восстановление престижа правящего дома, возвращение их к состоянию, в котором они находились в лучшие – первые – десятилетия династии, стали главной задачей Великого князя. По духу он был не новатором, а реставратором, и его время нередко именуют эпохой *юсин* (維新), т.е. реставрации. Придя к власти, Тэвонгун начал суровую кампанию против коррупции, упразднил утративший эффективность высший

исполнительный орган – Пограничное ведомство *Пибёнса** и передал его функции Госсовету (*Ыйджонбу* 議政府) – как в ранние годы Чосона, когда гражданские и военные функции между органами власти были строго распределены. Была проведена реформа налогообложения, в результате которой подушный налог стали облагаться и янбаны, утратившие таким образом свою важнейшую привилегию, а чиновники были лишены возможности взимать с крестьян неправомерные проценты за зерновые ссуды. Эти изменения нашли отражение в составленной в то время новой редакции кодекса законов *Тэджон хветхон* (1865).

В кадровой политике Тэвонгун продолжил «политику равноудаленности» Ёнджо и Чонджо. Число занимающих должности родственников королей и представителей «стариков» и «молодых» при Тэвонгуне существенно уменьшилось и возросло число «северян» и «южан». На ответственных постах оказались несколько представителей сирхак, в том числе Пак Кюсу (朴珪壽, 1807–1876), внук великого сирхакиста Пак Чивона (朴趾源, 1737–1805). В определенных пределах перестало играть роль и благородное происхождение. Тэвонгун окружил себя людьми низких сословий. Это были не только сельские писцы и незаконнорожденные дети янбанов, как при Чонджо, но и традиционно подвергавшиеся дискриминации выходцы с северо-запада и из Сондо (Кэсона). Рабам было разрешено сдавать военные экзамены. Прецедент был создан в 1866 г., когда раб по имени Хан блестяще сдал такой экзамен и получил свободу и право военной службы. Политика Тэвонгуна по предоставлению равных возможностей людям всех слоев общества имела далеко идущие последствия. В его правление на госслужбу пришли будущие политики новой формации: лидеры движения «за открытие [страны]» (*кэхва ундон* 開化運動) Ким Оккюн (金玉均, 1851–1894) и Хон Ёнсик (洪英植, 1855–1884), глава прояпонского «реформистского» правительства 1894–1896 гг. Ким Хонджип (金弘集, 1842–1896), военачальник и дипломат О Юнджун (魚允中, 1848–1896) и др.²⁸

Тэвонгун попытался вдохнуть новую жизнь в королевский клан Ли из Чонджу. В 1869 г. был принят закон,

Портрет Тэвонгуна с его собственноручным пояснением. Написан к его 60-летию (1880 г.) придворным художником Ли Ханчхолом (1808-?), который писал также Чхольчона и Коджона. По мнению потомков Великого князя, этот портрет особенно приближен к оригиналу. 167 x 74,8 см. Краски, шелк. Исторический музей Сеула

* *Пибёнса* (備邊司, Пограничное ведомство) являлось высшим государственным (совещательным) органом Чосона по рассмотрению вопросов внутренней, внешней и военной политики в 1555–1865 гг.

позволявший прямым потомкам ванов, кроме сыновей и внуков, сдавать экзамены на гражданский и военный чин. За исключением первых лет династии, никогда еще так много членов клана не поступали на службу, как при Тэвонгуне. В 1864 г. были посмертно реабилитированы 18 опальных принцев, казненных с конца XV в. по ложному обвинению в государственной измене. Путем «усыновления» мертвых были формально «восстановлены» некоторые роды правящего клана, важные для его генеалогии, но долгое время уже не существовавшие. Были приняты законы, направленные на повышение статуса членов фамилии. Например, мужья принцессы стали получать после женитьбы полный 1-й ранг (раньше они получали неполный 1-й или полный 2-й ранг).

Пиком политики Тэвонгуна по укреплению государственного престижа стало восстановление Кёнбоккуна. Отстроенный первым еще в начале династии, этот гигантский дворец лежал в развалинах со времен Имджинской войны (1592–1598). Работы начались в мае 1865 г., длились 7 лет и 5 месяцев и обошлись в 8 млн. *нян* (300 тонн серебра)*. Это был самый амбициозный и дорогостоящий проект в истории династии. Его осуществление вызвало рост налогов и инфляции, насильственные «сборы пожертвований» у состоятельной части населения, массовую мобилизацию рабочей силы – в первую очередь крестьян – и привело к резкому падению популярности режима²⁹.

Другой реформой Тэвонгуна, вызвавшей крайнее недовольство особенно в правящем сословии, было закрытие в 1872 г. провинциальных конфуцианских академий *совон*. Были оставлены только 47 из них – наиболее значимых. Дж. Грейсон назвал это событие «концом корейского конфуцианства как официальной идеологии»³⁰, но с этим трудно согласиться, поскольку традиции конфуцианской государственности сохранялись правительством Чосона до его последних дней. Отмена *совонов* привела к возрождению в провинции школ *хянгё* (鄉校), игравших ведущую роль в конфуцианском образовании на местах в ранний период династии, а экзамены на чин *квато* проводились вплоть до «реформ года *кабо*» (*кабо кэхёк*, 甲午改革, 1894–1896). Закрывая *совоны*, Тэвонгун ставил целью восстановление баланса сил между династией и привилегированным (янбанским) сословием. В середине XIX в. число *совонов* вместе с поминальными алтарями превышало три тысячи. Они были не только оплотом

* В 1866 г. из-за беспрецедентного финансового кризиса корейское правительство стало импортировать деньги из Китая – *лян* (兩, кор. *нян*). Также *нян* – мера веса, равная примерно 37,5 г.

оппозиции, но и крупными земле- и рабовладельцами и при этом не платили налогов и не выполняли повинностей, что наносило немалый ущерб государственной казне. После их упразднения к военным реестрам были добавлены 100 тыс. человек; тысячи гектаров земли стали облагаться налогом. Хотя мера отвечала реальным потребностям страны, она стала одной из причин отстранения от власти Тэвонгуна, которое поддерживали практически все его бывшие сторонники.

К эпохе Тэвонгуна относится начало империалистического проникновения в Корею. Хотя первые корабли западных государств появились у берегов страны еще в 1797 г. и в дальнейшем посещали ее неоднократно, до 1866 г. это были лишь эпизоды, никакого влияния на ход истории не оказавшие. Осенью 1866 г. на о-в Канхвадо прибыла французская эскадра во главе с адмиралом Роузом. Она стала откликом на развернутые Тэвонгун с начала того же года массовые гонения на католиков, в ходе которых были казнены девять французских миссионеров. Пришельцы захватили летнюю резиденцию ванов, вывезли архивы и книги, произведения искусства, 13 ящиков серебра, но вынуждены были уйти, столкнувшись с отчаянным сопротивлением местного гарнизона. В том же году в окрестностях Пхеньяна было сожжено судно «Генерал Шерман». Оно принадлежало американскому купцу У. Престону, желавшему силой навязать Корее торговлю, а часть товаров на его борту принадлежала действовавшей в Тяньцзине английской компании Meadows & Co. К 1868 г. относится экспедиция в Корею немецкого авантюриста Э. Опперта. В 1871 г. произошли новые столкновения с иностранцами на Канхвадо. На этот раз это была американская эскадра адмирала Дж. Роджерса, который безуспешно провел здесь несколько недель, пытаясь демонстрацией силы навязать договор о торговле. Уход иностранцев Тэвонгун воспринял как победу над «западными варварами», как доказательство их «ничтожности перед нашими моральными принципами». По его приказу по всей стране были расставлены столбы с надписями, предупреждавшими о самых суровых наказаниях за контакты с иностранцами. Тэвонгун вошел в европейскую историографию как олицетворение непримиримой ксенофобии. На деле это было не совсем так. Именно к его правлению относятся первые переговоры Кореи с иностранным государством – Россией. Они состоялись в обстановке секретности в конце 1869 – начале 1870 г. в пограничном городе Кёнхыне и были связаны с массовым переселенцем корейцев в русский Южно-Уссурийский край в связи с неурожаем и голодом.

Для большинства корейцев того времени мир вне Кореи, за исключением Китая и в определенной степени – Японии, словно не существовал, во всяком случае не имел к ним отношения. Вызов, который бросили Чосону иностранные корабли, появившиеся у корейских берегов в конце 1860-х – начале 1870-х годов, заставил Тэвонгуна применить на практике принципы внешней политики, которые передавались без изменений со времен японского нашествия в конце XVI в. Он прибег к изоляционизму. Сколько бы его в дальнейшем за это ни критиковали, он был всего лишь стражем дипломатической традиции, концентрировавшейся на этикете и ритуале. Она не была приспособлена для адаптации к изменениям во внешнем мире. Это стало причиной ухудшения отношений с Японией после «реставрации Мэйдзи» (кор. *Мёнчхи юсин* 明治維新) в 1868 г.

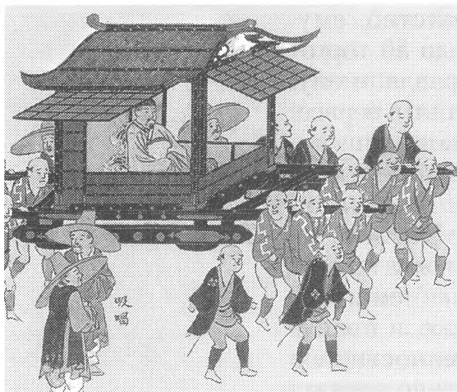
О тношения Кореи с Японией назывались *кёрин* (交隣 – «обмен между соседями»). По средневековому обычаю, они были оформлены как даннические, и «старшей» в них выступала корейская сторона. В первые годы Чосона вступить в такие отношения с его правительством мог любой японский князь, получив от него в знак согласия медную печать со своим именем. Корейское правительство признавало только те японские документы, которые скреплялись такой печатью. Японских послов принимали в столице как «гостей государства». Им предоставлялась особая резиденция, их проживание полностью обеспечивалось. Японцы подносили вану «дань» и получали в ответ дары (в основном рис и ткани), стоимость которых значительно превышала полученное. Ездили в Корею и частные японские торговцы. Они селились вдоль всего юго-западного побережья и свободно путешествовали внутри страны. Никаких соглашений, регулировавших их пребывание и передвижение, не существовало.

В первой половине XV в. Тхэджон и Седжон стали принимать меры к постепенному ограничению деятельности японцев в Чосоне. Был снижен уровень официальных лиц, занимавшихся приемами японских послов (до заместителя и помощника министра ритуалов), последних обязали следовать в Сеул только предписанным маршрутом. Проживание японцев было ограничено тремя портами в пров. Кёнсан (Пусан, Чепхо и Йомпхо); экспорт золота и серебра запрещен. Соглашение года *кехэ* (*Кехэ якчо*, 癸亥約條, 1443 г.) сделало главным посредником в отношениях между двумя странами князя (яп. *даймё* 大名) о-ва Цусима, который был особо в них заинтересован в связи со скудостью продовольственных ресурсов его владений.

Чтобы не провоцировать цусимцев на пиратство, ему было предоставлено право посылать в Корею до 50 торговых кораблей в год. Немало мешков риса направляли ему лично – в качестве дара. Несмотря на ограничения, в первое столетие торговля Чосона с японцами процветала, а число японских поселенцев в трех разрешенных корейских портах стабильно росло.

Политико-экономический упадок в Чосоне во времена Ёнсангуна (1494–1506) положил этому конец. У японцев возникли трения с местным населением из-за земли, чиновники подозревали их в шпионаже, и правительство приняло меры к сокращению численности тех иностранцев, кто жил в Корее постоянно, и стало жестко пресекать несанкционированную торговлю. В результате в 1510 г. в порту Чепхо произошел бунт японских поселян, на помощь которым пришел отряд пришлых самураев. Они захватили порт, его начальник, помощники и 272 корейца были убиты, а 800 домов разрушены. Результатом стал рост враждебности. По Соглашению года *имсин* (*Имсин якчо*, 壬申約條, 1512) Чепхо стал единственным портом, разрешенным для японской торговли, а число прибывающих ежегодно японских кораблей уменьшилось вдвое. Имджинская война лишила это соглашение силы.

После нее отношения были нормализованы с подписанием в 1609 г. между Министерством ритуалов Чосона и цусимским даймё Соглашения года *кию* (*Кию якчо*, 己酉約條), которое сохраняло значение вплоть до 1868 г. По нему, единственным местом двусторонней торговли стал порт Пусан в округе Тоннэ; количество посылаемых с Цусимы торговых кораблей сократилось до 20, а военный правитель Японии сёгун получал право посылать два корабля с ограниченным числом команды. Все корабли должны были прибывать в установленное время, иметь сертификаты со специальной печатью и выставлять «дань» и товары для продажи прямо в порту. Их главными покупателями определялись корейские чиновники, которые платили рисом, тканями и другим, по предварительному соглашению. Местом пребывания японских официальных лиц и команд кораблей назначался «Японский дом» (*Вэгван* 倭館) в ближних окрестностях Пусана, ставший постоянным торгово-дипломатическим представительством Японии в позднем Чосоне. Они могли там находиться в течение определенного периода, в который их обеспечивали всем необходимым за корейский счет. *Вэгван* представлял собой окруженное стеной поселение площадью несколько гектаров, где имелись корабельный док, здания официальных ведомств, склады, магазины, рестораны и ремесленные мастерские. Его возглавлял *кванса*

Корейские послы
по пути в Эдо
на встречу с сёгуном.
Японская картина
1711 г.
(фрагмент)

(館事), живший здесь постоянно. Никому не позволялось входить в «Японский дом» без разрешения корейских властей.

Роль князя Цусимы в отношениях с Кореей не ограничивалась коммерцией. Он был уполномочен посылать в Корею послов двух классов. Они назывались по-корейски *тэчхаса* (大差使 – «великие послы») и *сочхаса* (小差使 – «малые послы»). Первые информировали корейское правительство о важнейших японских событиях, например, кончине сёгуна или вступлении во власть его преемника. Вторые выражали соболез-

нования в связи с кончиной чосонского вана, сопровождали на родину корейских рыбаков, потерпевших бедствие у японских берегов, и пр.

«Великий посол» обычно прибывал со свитой из 20 человек на корабле с командой из 70 моряков. В его честь давали в «Японском доме» пять приемов, на которых располагались чиновники протокольного отдела Министерства ритуалов, которых специально направляли для этой цели из столицы. Послы представляли четыре различных письма от князя Цусимы, написанные по стандартной форме, преподносили «дань» и подарки заместителю и помощнику министра ритуалов*, голове округа Тоннэ и начальнику порта Пусан. В ответ они также получали письма (князю Цусимы) и подарки, из которых особое значение имели поднесенные прибывшими из столицы чиновниками, поскольку они фактически были от центрального правительства, хотя и подавались как личные. В статусе официальных гостей послы и сопровождающие находились в Пусане пять дней и имели право остаться после этого еще на 55 дней. Прием японских послов требовал больших средств, и это стало одной из причин свертывания корейско-японских контактов к началу XIX в.

Корея обычно посылала свои миссии в японскую столицу Эдо через три года после объявления о приходе к власти нового сёгуна. Они считались приглашенными военным правительством (яп. *бакуфу* 幕府, кор. *макпу*) через цусимского князя. В 1607–1810 гг. Корея послала 12 миссий, по 400–500 человек в каждой. Первые 11 миссий посетили Эдо, последние – только Цусиму. После 1810 г. Корея трижды получала приглашение направить миссию

* Именно эти чиновники относительно невысокого уровня руководили в Чосоне всеми делами, связанными с отношениями с Японией.

в Японию, но всякий раз это откладывалось по финансовым соображениям**.

С наступлением эпохи Мэйдзи цусимские власти более не захотели мириться со своим униженным положением в отношениях с Чосоном. В мае 1868 г. они подали в японское правительство меморандум с требованием их реформы. В течение нескольких дней было проведено обсуждение и приняты такие решения:

- 1) наложить табу на использование в направляемых в Корею дипломатических документах иероглифов, встречающихся в именах японских императоров и корейских ванов за пять поколений от ныне правящих. До этого не позволялось использовать только иероглифы, встречавшиеся в именах любого из ванов династии Ли;
- 2) заменить печать, используемую в официальной переписке. Если ранее цусимский даймё получал ее от корейского правительства, то теперь предлагалась печать с надписью «Министерство иностранных дел», выданная японским императорским правительством;
- 3) поднять титул и ранг князя Цусимы, чтобы сделать его равным по статусу корейским чиновникам, с которыми он имел дело;
- 4) использовать титул *тэнно* (天皇, император) в официальных письмах к правительству Кореи, подняв таким образом статус японского суверена выше статуса корейского правителя. До этого дипломатические документы, которыми обменивались две страны, подписывались «ваном Кореи» и «ваном Японии», что было, по выражению крупнейшего американского историка-корееведа Дж. Пале (J. Palais, 1934–2006), «a false story» (ложное утверждение)³².

В 1869–1872 гг. Япония четырежды отправляла в Пусан официальные миссии с документами, оформленными по новому образцу, но правительство Тэвонгуна принять их категорически отказалось на том основании, что они не соответствовали принятым стандартам. Это вызвало у японцев возмущение и дало повод к возникновению в военных кругах планов завоевания Кореи (*сейканрон* 征韓論). В сентябре 1875 г. к берегам Кореи была послана эскадра во главе с флагманом «Унё» (雲揚, кор. Унян)*. Ее моряки высадились на Канхвадо в виду форта, сознательно провоцируя инцидент. Корейцы открыли огонь,

Корейские послы в Японии.
Японская картина 1811 г., где подчеркивается их экзотическая внешность.
(фрагменты)
Из частной коллекции.

** Важным источником для изучения корейско-японских отношений в 1598–1841 гг. является книга «Собрание правил пограничных отношений» (*Пённе чибё* 邊例集要), составленная предположительно в правление Хонджона.

но лишь легко ранили двух человек. В ответ японские корабли начали бомбардировку и высадку десанта. Форт был сожжен. Японская сторона объявила произошедшее «оскорблением флага» и получила предлог для навязывания дипломатических и торговых связей. В 1876 г. на Канхвадо был направлен японский посол Курода Киётака (黒田清隆, 1840–1900) с пятью кораблями, и Коджон был вынужден приступить к переговорам. Так был заключен Канхваский договор, первый пункт которого декларировал Корею и Японию «независимыми» государствами, что отражало желание японской стороны освободиться от представлений о Корее как вассале Китая³³. Но ни Китай, ни Корея значение этого пункта поначалу не осознали.

Подписание договора – первое крупное деяние Коджона, которому удалось в 1873 г. отстранить от власти не желавшего уходить отца и утвердиться на престоле. Объективно у него не было иного выбора, но двор его не поддержал, и все дальнейшие шаги по адаптации государства к новым условиям ему фактически пришлось определять и предпринимать в одиночку. Период 1876–1886 гг. – время «открытия» Кореи и начало Нового времени в ее истории.

Первым официальным договором с западным государством в истории Кореи был договор с США от 22 мая 1882 г. Его подписание означало переворот в национальном сознании, и не удивительно, что подготовка к нему вызвала сильное противодействие внутри страны. В Корее общепринятой является точка зрения, что его преодолению способствовал «страх перед Россией», посеянный книгой китайского дипломата Хуан Цзуньсяня (黃遵憲, кор. Хван Чунхон, 1848–1905) «Стратегия для Кореи» (*Чосон чхэнняк* 朝鮮策略), которая была написана специально для Коджона в 1880 г. Объявив Россию «самой большой и самой опасной страной в мире, лелеющей мечты о завоевании всех окрестных территорий из-за холодного климата ее коренных владений», Хуан Цзуньсянь предложил Корее «отражать российскую угрозу» путем укрепления вассальных отношений с Цинами (которые «любят Корею более любых других вассальных владений»), союза с Японией и установления дипломатических отношений с Америкой, что, по мысли Хуана, создавало своего рода международный заслон «агрессивным поползновениям» России на Корею. Но, по мнению историка Ён Капсу, «страх перед Россией» никак не объясняет, например, факт

---

* Этот эпизод называется в корейской историографии *Унянхо сакон* (雲揚號事件), а также *Канхвадо сакон* (江華島事件).

подписания 4 апреля 1882 г. в пограничном городе Кёнхыне русско-корейского договора о взаимном предупреждении об эпидемиях. Он был заключен между пограничными властями и утвержден центральным государственным органом Кореи — Общим управлением государственными делами (*Тхонни киму аmun*). Сведения об этом договоре были обнаружены южнокорейским историком Ли Сонгыном еще в 1961 г., но не получили дальнейшего освещения, поскольку не вписывались в существующие представления о внешней политике Кореи в тот период.

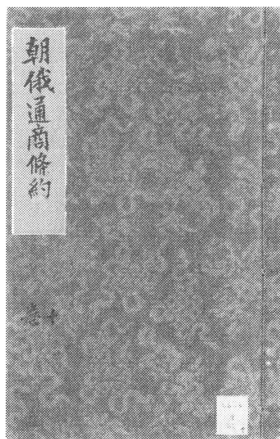
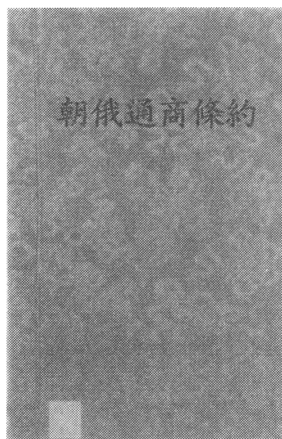
Как считал Ён Капсу, факт заключения договора об эпидемиях подтверждает наличие у корейского правительства собственного мнения о России, основанного на опыте взаимодействия с русскими через пограничные власти г. Кёнхына с тех пор, как по Пекинскому договору 1860 г. у наших стран появилась общая граница. Немаловажную роль здесь сыграло и «покровительство, оказываемое в России переселившимся в ее пределы корейцам»³⁴.

Подписание корейско-американского договора 1882 г. состоялось в Чемульпхо (совр. Инчхон) на борту американского военного корабля и под «присмотром» эскадры китайских военных кораблей под командованием адмирала Дин Жучана. 6 и 30 июня 1882 г. также под патронажем Китая были заключены корейско-английский и корейско-германский договоры. Перспектива установления западного присутствия в Корее побудила Китай подчеркнуть перед миром свое преобладающее влияние в этой стране. С 1882 г. он взял курс на активное вмешательство во внутренние дела Чосона, который продолжался вплоть до начала Японо-китайской войны в 1894 г. и получил в корейской историографии название «политика закабаления» (*йесокхва*). Такая политика была для Чосона беспрецедентна. Она вызвала возмущение и побудила Коджона к поискам нового «старшего брата» в дипломатических отношениях. Таким «братом» он выбрал Россию.

Документы свидетельствуют, что с 1882 г. Корея, несмотря на активную антирусскую пропаганду Китая, Англии и Японии, начала активно искать сближения с нашей страной. В июне 1882 г. – феврале 1884 г. русскую дипломатическую миссию в Токио несколько раз посещали приближенные к Коджону корейские сановники. Они выражали надежду на «скорейшее заключение корейско-русского договора без всякого посредничества

Портрет-оджин (фрагмент) вана Коджона. В 1981 г. портрет был подарен Государственному центральному музею РК коллекционером Ли Саннёном.

Внешний вид первого в истории Корейско-русского договора о торговле (Чо-А тхонсан чояк 朝俄通商條約), подписанного 25 июня / 7 июля 1884 г. Единица хранения типа «материальное культурное наследие г. Сеула (юхён мунхваджэ)» № 108. Из коллекции Государственной центральной библиотеки РК (Сеул).

или содействия Китая, который оградит их страну от притязаний последнего». В апреле 1884 г. к пограничному комиссару Южно-Уссурийского края Н.Г. Матюнину явился корейский чиновник, который сообщил, что он послан «лично королем, чтобы узнать, не желает ли русское правительство заключить с Кореей трактат..., и если будет согласие отправить с этой целью посланника на пароходе в открытый порт Инчхон, к нему тотчас же будут высланы уполномоченные с нашей стороны для со-

провождения»³⁵. Русско-корейский договор был подписан в Сеуле после коротких переговоров 7 июля (25 июня по старому стилю) 1884 г. без участия Китая.

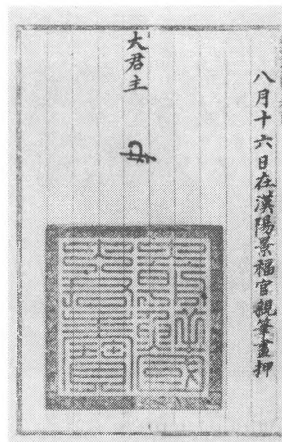
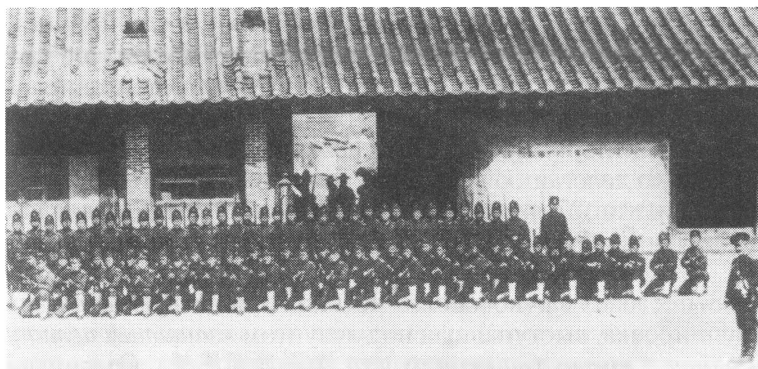
В конце 1884 – начале 1885 г., замминистра иностранных дел Чосона барон П.Г. фон Мёллендорф* дважды, по указанию Коджона, тайно посещал русскую дипмиссию в Токио и добивался установления над Кореей русского «покровительства», которое мыслилось корейской стороной как несколько модернизированный аналог тех отношений, которые ранее связывали Корею с Китаем. Летом 1885 г. барон был снят со всех своих должностей и под давлением держав покинул Корею после неудачной попытки Коджона пригласить через него русских военных инструкторов для модернизации корейской армии и создания тем самым предпосылки для образования военного альянса двух стран. Вынужденное увольнение П.Г. фон Мёллендорфа было личным поражением корейского вана, который не обладал достаточной властью для проведения самостоятельного и независимого внешнеполитического курса.

* Немецкий ученый-востоковед и дипломат Пауль Георг фон Мёллендорф (1847–1901) вошел в историю Кореи как первый европеец, приглашенный этой страной на государственную службу. Он прибыл в Корею в декабре 1882 г. и пробыл в ней до середины лета 1885 г., работал в различных должностях от генерального инспектора таможен до заместителя министра (чхампхан) иностранных дел и принимал активное участие в самых важных политических событиях, связанных с открытием страны внешнему миру, ее поисками нового места в системе международных отношений. В южнокорейскую и западную историографию П.Г. Мёллендорф вошел как «прорусский» политик, поскольку стремился сделать Россию новым «старшим братом» Кореи вместо одряхлевшего Китая, гарантом и защитницей ее суверенитета и безопасности.

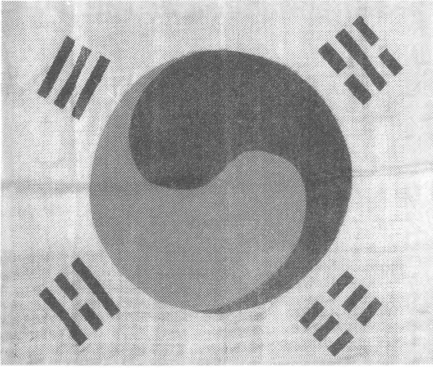

В западной историографии существует мнение, что «желание Мёлендорфа защитить суверенитет Кореи, опираясь на Россию, было его заблуждением, фатальным для будущего Кореи»³⁶. При этом критика в адрес Коджона не высказывается. Дело представляется так, будто Мёллендорф действовал по собственному разумению. Вряд ли можно с этим согласиться. Мёллендорф был советником и исполнителем планов Коджона, и фатальным скорее было то, что планы эти, в первую очередь по приглашению русских военных инструкторов, потерпели полное фиаско. Подтверждением тому является поведение корейских солдат во дворце Кёнбоккун в ночь, когда отрядом японцев и их корейских сторонников была убита супруга Коджона королева Мин (8 октября 1895 г.). Оно показало, что приглашенные корейским правительством «со всеобщего согласия» на работу отставные американские военные не смогли их научить ничему.

Не желая нарушать статус-кво на Корейском полуострове, царское правительство оставляло без ответа предложения Коджона об установлении «покровительства», но он предпринимал попытки в этом направлении не раз и после 1885 г. Они увенчались успехом, когда в мае – июне 1896 г. участвовавшая в коронации Николая II корейская делегация договорилась о присылке в Корею русских военных инструкторов. Они работали в Сеуле с 20 октября 1896 г. по 18 марта 1898 г. и подготовили первый боеспособный отряд королевской гвардии, преданный к тому же своему государю. Это было высшее достижение русско-корейских отношений в XIX в.

Страница
Корейско-русского
договора 1884 г.
с подписью К.И. Вебера
и печатью
и последняя страница
Корейского-русского
договора 1884 г.
с подписью
«Великий монарх»
(Тэ кунджу 大君主)
и печатью Коджона

Один из первых *тхэгыкки*. 1880-е годы. Ранние национальные флаги Кореи существенно различались размером и видом. Точные параметры круга и триграмм были определены в период империи указом от 8 декабря 1900 г., но перестали соблюдаться в годы японского колониального господства, когда флаг стал символом борьбы за независимость и изготавливался тайно в сложных условиях. Сегодня *тхэгыкки* является официальным флагом Республики Корея. Он был утвержден как государственный символ постановлением ее правительства от 15 октября 1949 г.

Линия Коджона на развитие связей с Россией и сдерживание с ее помощью вмешательства в дела Кореи внешних сил получила название «привлечение России» (*инарон 引俄論*). Она закончилась с поражением России в Русско-японской войне (1904–1905). Но, по мнению историка Хо Тонхёна, ее отголоски можно проследить во взглядах деятелей национально-освободительного движения колониального периода и многих корейцев в период после падения «железного занавеса» в конце 1980-х³⁷.

К началу 1880-х годов относится и появление в Корее государственной символики современного образца, в первую очередь флага. Вопрос о нем встал в преддверии заключения Чосоном договоров с западными государствами и был впервые затронут в трактате Хуан Цзуньсяня «Стратегия для Кореи». В нем автор аргументировал его необходимость и предложил в качестве варианта китайский флаг с изображением дракона, только не пятипалого, а четырехпалого. Это, по мысли Хуана, должно было напоминать о вассалитете Кореи по отношению к Китаю. Вновь этот вопрос возник перед подписанием Корейско-американского договора в ходе консультаций между полномочным корейским посланником Ким Хонджипом и китайским представителем Ма Цинчунем (馬建忠, кор. Ма Кончхун). Ма предложил использовать изображение древнего символа конфуцианской космологии «великого предела» (*тхэгык*) в окружении 8 триграмм, символизировавших 8 провинций Кореи. Так родилась идея корейского национального флага *тхэгыкки* (太極旗). Он впервые был официально использован при заключении Корейско-американского договора 1882 г. и представлял собой красно-синее на белом фоне изображение «великого предела» – двух вселенских начал *ян* и *инь* в круге.

В том же году флаг был дополнен четырьмя триграммами. Автором этого проекта являлся деятель «движения за открытие» (*кэхва ундон*) Пак Ёнхё (朴泳孝, 1861–1939), который в октябре 1882 г. возглавлял третью корейскую официальную делегацию в Японию и использовал его во время этого визита. 27 января 1883 г. корейский МИД утвердил флаг Пак Ёнхё. Так появился современный *тхэгыкки*.

В 1870-х годах в руководстве Чосона господствующей стала группировка, выступавшая под лозунгом «защитим истину и изгоним ересь» (*виджон чхокса* 衛正斥邪思想). Отстаивая

старые порядки с ортодоксальных неоконфуцианских позиций, ее сторонники настоятельно рекомендовали вану отказаться от любых контактов с «заморскими разбойниками», а если они попробуют вторгнуться в Корею, – «взять на службу талантливых и верных подданных из провинции», «казнить предателей» и вооружить простонародье для отпора врагу. Основоположником этой идеологии был конфуцианский философ Ли Ханно (李恒老, 1792–1868). В 1905–1910 гг. ее под ее лозунгами вели партизанскую борьбу против японских колонизаторов отряды справедливости (*ыйбён* 義兵).

Ортодоксам противостояла другая, более гибкая, придворная группировка, отстаивавшая тезис «*восточная нравственность – западная техника*» (*тондо соги* 東道西器). Крайне малочисленная, она признавала необходимость модернизации путем заимствования достижений зарубежной науки и техники при сохранении национальной культуры и самобытности. Ее лидером был Коджон, которого поддерживало малое число столичных чиновников из числа поздних сирхакистов, а также богатые представители среднего сословия *чунин* (中人, в основном купцы, переводчики и врачи), участвовавшие в торговом обмене с Китаем и Японией и имевшие представление об изменениях «за четырьмя морями». В начале 1880-х годов это течение распалось на два направления: умеренное (за постепенные реформы) и радикальное (за немедленный переход к реформам по японскому образцу), но второе сошло на нет с подавлением неудачной попытки политического переворота, организованного его сторонниками в декабре 1884 г. С 1896 г., благодаря деятельности Общества независимости (*Тоннип хёнхве* 獨立協會), идеология *тондо соги* стала распространяться в народе и получила развитие в идеях просветительского движения (*кемон ундон* 啓蒙運動, 1905–1910), сохранявших значение до конца колониального периода.

Идеологи позднего Чосона оставили без ответа вопросы о том, как конкретно должна страна перестраиваться внутренне и вести поиск своего места в изменившемся мировом порядке. Никаких рекомендаций на этот счет не содержалось и в трудах сирхакистов. Однако бедная, переживавшая упадок, не имевшая ни армии, ни флота маленькая монархия, даже утратив своего многовекового внешнего покровителя (Китай)* 29 лет (если считать от Канхваского договора 1876 г. до договора о протекторате 1905 г.) сохраняла при Коджоне свою независимость

---

* Конец двухтысячелетней истории *садэ* – «политики уважения старшего (государства)» – наступил для Кореи после поражения Китая в Японо-китайской войне 1894–1895 гг.

Коджон-император.
Официальный портрет.
Фрагмент. Конец XIX в.
Краски, шелк.
210 x 116 см.
Из коллекции
Музея Когун (Сеул)

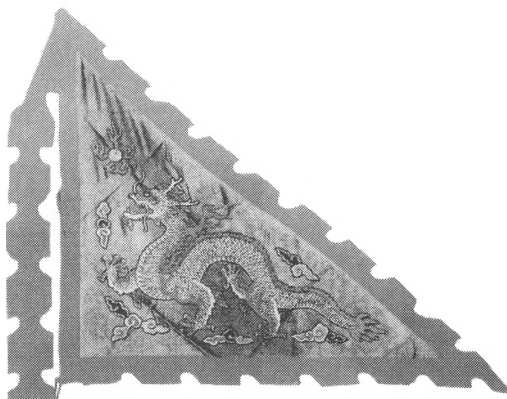
и даже начала модернизацию, хотя к ней не были готовы ни элита, ни народ. В значительной мере этому способствовало противоборство за влияние на Корейском полуострове крупнейших держав: Китая, Англии, России, а также набирающей силы Японии. Умелое лавирование между ними в соответствии с конфуцианской стратегией «бороться с одними «варварами» силами других «варваров»» позволяло Коджону сохранять власть. Победа Японии над Китаем в 1895 г. и над Россией в 1905 г. положили конец его усилиям и истории династии.

Возможно, что именно беспомощность советников, оказавшихся неспособными поддержать его в период тяжелых для страны испытаний, подтолкнула Коджона к мысли провозгласить империю. Это освободило его, пусть и на короткое время, от тех пут, что мешали править по собственному разумению всем его предшественникам. Во времена империи и началась по-настоящему модернизация корейского общества.

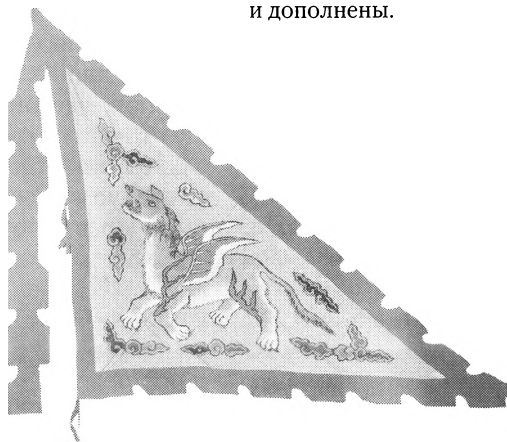
Когда в 1897 г. Коджон провозгласил себя первым в истории страны императором, свою страну он переименовал в Корейскую империю (*Тэхан Чегук* 大韓帝國) и возвел посмертно в ранг императоров восемь колен своих предков. Его стали называть «Его Высочество Император Великого Государства Хан» (*Тэ Хангук Хвандже Пхеха* 大韓國皇帝陛下). Государственным символом стал его родовой знак – цветок сливы (*оят ккот*). Он появился на деньгах, орденах, военной форме, марках, открытках, официальных зданиях, мебели, посуде и других предметах быта, изготавливавшихся для императорской семьи. 17 августа 1899 г. был торжественно провозглашен Основной закон Корейской империи (*Тэ Хангук кукче* 大韓國國制), объявлявший «абсолютную власть» корейского государя «вечной и неизменной формой правления» и дававший ему «священные и неограниченные полномочия» в вопросах командования вооруженными силами, заключения договоров, финансах и т.д. Хотя большинство ученых считает иначе, по мнению некоторых историков (В.М. Тихонов, Хо Тонхён), идеалом современной государственности для Коджона в 1899–1904 гг. была не конституционная монархия японского образца, в которой реальная власть принадлежала олигархическим группировкам в правительстве, а абсолютизм Российской империи.

Было составлено новое уложение о ритуалах *Тэхан йеджон* (大韓禮典), пошены в статусе члены правящего дома: королевы (*ванху* 王后) стали называться императрицами (*хванху* 皇后), наследник [вана] (*ван седжа* 王世子) – императорским наследником (*хвантхэджа* 皇太子), прочие принцы (сыновья вана – *ванджа* 王子) возвышены до ванов (*чхинван* 親王). По этой причине у взрослых сыновей Коджона было, в отличие от их предшественников, по два дворцовых имени – по старому и новому образцу: принц Кан 垞 – Ыйчхин-ван 義親王, принц Ын 垠 – Ёнчхин-ван 英親王. Руководство дворцовым гарнизоном было реформировано, приняты меры к перевооружению на новый лад. Влияние дворцового ведомства существенно возросло. В сентябре 1900 г. в уголовные законы было внесено дополнение, по которому «любые преступления против императорского дома и государства» карались смертной казнью с конфискацией имущества.

Но укреплению династии это не способствовало. Похоже, имя Коджон несчастное в корейской истории. Чосонский Коджон стал последним монархом независимой Кореи. Его вынудили отречься от престола, и на нем закончилась история свободного Чосона, как некогда на Коджоне корёском закончилась история раннего Корё и началась эпоха господства монголов. А может, это имя ему выбрали намеренно. Имя ван обретал только после смерти, и составляли его уже при японцах. Пришедший после него к власти в 1907 г. его сын – император Сунджон был всего лишь марионеткой в руках колонизаторов, на основании Договора о протекторате от 17 ноября 1905 г. учредивших в Сеуле свою генеральную резиденцию и передавших ей непосредственное управление страной. Отныне корейский император не мог без согласия японского генерал-резидента издавать законы, указы, распоряжения, назначать и увольнять чиновников, принимать на службу иностранцев, проводить административные реформы и пр. Как писал русский очевидец, «верховное управление Кореей сосредоточено в канцелярии генерал-резидента, и национальное корейское правительство играет при этом незавидную роль ширмы и простого орудия, лишённого самой малой доли самостоятельности».

Камуги (甘雨旗) – «флаг сладкого дождя» с изображением дракона. Использовался в официальных церемониях в эпоху Чосон, но особенно – во времена империи, когда государственные ритуалы были существенно обновлены и дополнены.

Чогунги (赤熊旗) – императорский «флаг красного медведя», символизировавшего величие монарха.

Юринги (遊麟旗) – императорский «флаг мудрого единорога», символа службы государству.

Цветок сливы – герб Корейской империи и ее правящей фамилии.

Произошли перемены и в обиходе. Портреты императора, наследного принца и прочих лиц семейства стали печататься на открытках и продаваться где угодно. Имя монарха перестало быть священным, теперь его писали без всякого стеснения. Мимо дворца ездили верхом и в экипажах все, кому вздумается. Даже дворцовые ворота нередко открывались для всадников в форме японских офицеров. Наружные часовые дворца выставлялись уже от войска местного японского гарнизона, и лишь внутри дворца лично император охранялся почетным караулом гвардейского отряда и жандармами, но под командой и контролем тех же японцев. В 1907 г. корейская армия была распущена и император стал

полностью беспомощен, не имея возможности идти в чем бы то ни было против воли японцев. «Никакой реальной силой, кроме нравственного сочувствия населения, он уже не располагал, и поэтому была неувидительна странная покладистость его и солидарность с японскими начинаниями даже в областях, ограничивающих и умаляющих самого императора»³⁸.

Корейская империя окончательно рухнула в 1910 г. под нажимом Японии при попустительстве, а то и прямой поддержке великих держав. Последние императоры Коджон и Сунджон оказались под негласным арестом в своих дворцах, где тихо угасли в полной изоляции под бдительным оком японской администрации, и звали их в этот период уже не как во времена империи, а «Их Высочества из Токсугуна и Чхандоккуна» – по названиям дворцов, где они обитали. Титулы эти свидетельствовали о том, что никакой официальной роли в жизни своей страны они больше не играли. Их могилы, хотя и получили статус «королевского холма» (*нын* 陵), но то была уже не почать, доставшаяся по праву, а результат изобретательности оставшихся им преданных старых сановников.

От монархии к республике

Корея была монархической страной в течение почти двух тысяч лет – с периода Трех государств, формировавшихся в начале новой эры. Последняя династия Чосон правила в Корее пять веков – до тех пор, пока император Сунджон не отрекся в 1910 г. от престола под давлением внешних сил и страна не стала японской

колонией. Но подлинный взрыв протеста и монархических чувств вызвало не это событие (Сунджон, человек крайне болезненный и слабый правитель, был малопопулярен), а вынужденное отречение 20 июля 1907 г. после 43 лет правления его отца Коджона, который, как писал русский современник, «в свое время был самым выдающимся из корейских правителей, и вокруг его особы и имени сконцентрированы все наиболее крупные и важные события последних лет независимого существования Кореи. Свержение его с престола является моментом, за которым Корея как самостоятельное государство прекратила свое существование»³⁹.

Протест начался с народного восстания под лозунгами «Смерть предателям-министрам!», «Бейте японских разбойников!» в Сеуле, где были разгромлены редакции «Кунмин синмун» (Гражданская газета) – органа прояпонского общества *Ильчинхве* (一進會, «Единение и прогресс») и сожжены дома особенно активных пособников колонизаторов. Вскоре он перекинулся в другие города. Генерал-резидент Кореи Ито Хиробуми (伊藤博文, 1841–1909) направил против восставших войска. Бои продолжались семь дней. Улицы столицы были залиты кровью, тысячи корейцев арестованы и брошены в тюрьмы⁴⁰.

В 1908 г. сопротивление протекторату приняло хронический характер. Японии пришлось поддерживать этот режим ценой «неослабного напряжения сил и значительных расходов». В декабре 1908 г. для умирения восставших было организовано путешествие Сунджона по стране в сопровождении генерал-резидента Ито. Как писал генеральный консул в Корее А.С. Сомов, «японцы вспомнили, что в их руках имеется еще одно оружие – престиж императора, который они до сего времени усиленно унижали. Но теперь он понадобился. Они вынули его из футляра, пообчистили и пустили в ход... Впервые после 500 лет корейцы удостоились увидеть своего повелителя... невзрачным, без волос* и в японском хаки».

* Имеется в виду отрезанный *сантху* – пучок на голове, являвшийся неотъемлемой принадлежностью каждого взрослого мужчины в Корее с незапамятных времен и отмененный в ходе «реформ года кабо» в 1895 г.

Ван Коджон и его наследник – принц Чхок, сын королевы Мин, будущий император Сунджон. Этот снимок был сделан примерно в 1890–1891 гг. русским архитектором А.И. Серединым-Сабатиным, строившим в то время здание европейского типа во дворце Кёнбоккун.

Любезно предоставлен автору для публикации его внучкой Натальей Петровной Роджер, проживающей в Калифорнии (США).

Этот портрет сегодня многие считают изображением королевы Мин. Он был опубликован в 1906 г. с подписью: «Придворная дама в полном парадном облачении» в книге «Уходящая Корея» американского миссионера, журналиста и историка Г. Халберта, жившего в Корее в 1886–1907 гг. и близкого к императору Коджону. Неясно, когда и кем была сделана фотография, кто первым назвал эту даму «королевой Мин» и на каком основании. Ревнителю конфуцианских ценностей, согласно которым, никто посторонний не мог видеть лица государыни, категорически отказываются признать изображенную на ней женщину королевой.

Однако «невзрачным» Сунджон казался, видимо, только иностранцам. Его путешествие по стране вызвало у его подданных совсем иные чувства. В г. Тэгу корейцы легли поперек рельс и не давали увезти императора. В северной части Кореи студенты и учащиеся школ вышли встречать его с корейскими национальными флажками, за что министр народного просвещения поплатился портфелем, а директор одной из школ был уволен, так как ответил, что ученики встречали своего императора, а не японского князя. Во время его поездки еще более усилилась деятельность партизан, и японцы вынуждены были усилить охрану всех выходов из дворца старого императора Коджона, опасаясь его контактов с населением. А они, несомненно, существовали. Из уст в уста передавался рассказ о том, как бывший монарх выразил протест против вмешательства японцев в его частную

жизнь, а именно против составления ими его рациона. Он заявил: «Вы, японцы, захватили в этой стране все. Вы вмешиваетесь в дела внутренние, во внешние сношения – решительно во все. У меня остался только мой желудок. Но знайте, что вмешательства в отношения мои к собственному желудку я не потерплю, хотя бы требовали того десять генеральных резидентов»⁴¹.

В 1908 г. было принято решение о бегстве Коджона из японского плена. По плану заведующего канцелярией старого императора Хён Сангёна, которому было поручено организовать побег, предполагалось, что император-отец незаметно покинет Сеул и приедет в порт Инчхон, где его будет ждать пароход из Шанхая, купленный на имя корейского коммерсанта. На этом пароходе Хён рассчитывал переправить Коджона во Владивосток. Однако император отказался от этого плана, опасаясь, что японцы задержат пароход в Корейском проливе. В конце октября 1908 г. было решено, что Коджон отправится на север к партизанам провинции Хамгён, а оттуда через русско-корейскую границу перейдет на русскую территорию⁴². Но планам этим не было суждено сбыться.

Самым ярким актом, совершенным в защиту монархии накануне ее гибели, стал подвиг патриота-националиста Ан Чунгына (安重根, 1879–1910), который 26 октября 1909 г. застрелил на вокзале в Харбине (во время встречи с русским министром финансов В.Н. Коковцовым) виднейшего государственного деятеля Японии князя Ито Хиробу-ми, с которым участники корейского освободительного движения связывали самые трагические события Новой

Коджон – император.
Конец 1890-х –
начало 1900-х годов.

Королева Ом
(1854–1911)
в парадном дворцовом и
европейском
костюмах – главная
супруга Коджона после
смерти королевы Мин,
мать принца
Ёнчхин-вана (другое
имя Ли Ын, 1897–1970),
последнего
официального
наследника
Чосонской династии.

Национальный герой
корейского народа
Ан Чунгын

истории своей страны. Судя по прессе, эхо того выстрела слышали во всем мире. Ан Чунгын и сегодня почитается как национальный герой в обеих частях Кореи. Главный автор проекта первой японской конституции (1889), премьер-министр Японии в 1885–1888, 1892–1896, 1898 и 1900–1901 гг., Ито сыграл важную роль в событиях, которые привели к аннексии Кореи. В ноябре 1905 г. он возглавлял дипломатическую миссию, которая вынудила корейских министров подписать Договор о покровительстве (протекторате), лишивший Корею права внешних сношений. В марте 1906 – июне 1909 гг. Ито служил первым японским генеральным резидентом в Корею и был непосредственно причастен к отречению Коджона от престола (20 июля 1907 г.), роспуску корейской армии (1 августа 1907 г.) и Договору семи статей (24 июля 1909 г.), обязывавшему корейское правительство не принимать без одобрения генерального резидента ни законов, ни распоряжений.

Ан Чунгын был сторонником паназиатизма, поклонником императора Мэйдзи и не верил, что Япония хотела колонизовать Корею. Он считал, что Ито ввел в заблуждение своего монарха, воевавшего с Россией во имя сохранения независимости Кореи. Во время суда в Порт-Артуре в феврале 1910 г. он выступил с пламенной речью, в которой перечислил преступные деяния Ито Хиробуми в Корею и подчеркнул, что, наказав его, выполнил «верноподданнический долг». «Для человека высшее и святое – это личность государя, – сказал Ан. – Князь Ито посягнул на эту священную власть. Можно ли этот его поступок назвать поступком верноподданническим как по отношению к японскому императору, так и к корейскому? Корейский народ, будучи оскорблен до глубины души, поднял оружие за правое дело... Князь Ито говорил об упрочении независимости Кореи, но то были только слова. На деле же он захватил в свои руки все – начиная со сношений с иностранными державами и юстиции и кончая делами управления, путями сообщения и почтой. Таким образом, он является в действительности государственным изменником»⁴³. Суд приговорил Ан Чунгына к смертной казни через повешение. Обжаловать приговор он отказался. В этом его поддержала мать, убеждавшая сына оставаться твердым до конца. «Страна, которая может выставить таких людей, еще не погибла», – написал живший в Сеуле иностранец. Но корейская монархия, защитником которой ощущал себя этот герой, все же перестала существовать.

Ан Чунгын оставил потомкам несколько сочинений, в том числе трактат о мире на Востоке, где он объяснялся в любви к «желтым братьям» и ненависти к России, но одним из общественных защитников на

его процессе корейской эмигрантской общиной был приглашен русский человек – ответственный редактор монархической корейской газеты во Владивостоке «Тэдон конбо» (大東共報), отставной капитан К.П. Михайлов. В праве выступить на суде ему в конечном счете было отказано, но посетить Ан Чунгына в тюрьме и побеседовать с ним ему удалось, о чем сообщалось на страницах его газеты.

За 1907–1909 гг. японцами было убито 17 тыс. и ранено 36 тыс. участников партизанских «армий справедливости» и подозревавшихся в связях с ними. В дальнейшем волна национально-освободительного движения пошла на убыль, хотя планы восстановления монархии в определенных кругах еще некоторое время вынашивались. Одним из последних отзвуков этих настроений стало создание в 1913 г. в провинции Южная Чхунчхон тайного религиозного общества во главе с Квак Хэнилем и Ли Кандоном, ставившего целью восстановление династии. Влияние его распространилось и на соседние провинции, но вскоре оно было раскрыто. Как показали в дальнейшем Первоапрельское движение 1919 г. (крупнейшее антиколониальное выступление, поводом к которому стала смерть Коджона – по слухам, от отравления) и демонстрации лета 1926 г. в связи с кончиной последнего императора Сунджона, династия и тогда оставалась для всего народа символом свободного отечества.

Значительная часть возникших в колониальный период новых религий концентрировались вокруг горы Керёнсан около Тэджона, особенно в деревне под названием Синдонэ (新都内, «Внутри новой столицы»), поскольку местность эта ассоциировалась с пророчеством, что именно здесь будет основана столица новой династии, которая придет на смену Чосону⁴⁴.

Последний корейский император Сунджон и его супруга императрица Юн (1894–1966).

Но были и другие тенденции. Со времени «открытия» Кореи в 1876 г., по мере того как слабела монархия, в обществе зрели представления об ином, нежели абсолютная монархия, государственном устройстве. В 1884 г. в Сеуле была сделана неудачная попытка государственного переворота, вошедшая в историю как «переворот года *капсин*» (*капсин чонбён* 甲申政變). Его готовила группа молодых реформаторов – деятелей «движения за открытие [страны]» во главе с чиновником министерства финансов Ким Оккюном (1851–1894). Они намеревались осуществить – «капиталистическую революцию сверху», т.е. провозгласить конституционную монархию и открыть путь ускоренному буржуазному развитию Кореи по японскому образцу.

Заговорщики убили нескольких видных сановников, захватили Коджона в заложники, но хотя их поддерживал отряд японских солдат (охрана посольства), смогли продержаться у власти всего три дня. 6 декабря 1884 г. дворец Чхандоккун был взят по просьбе королевы Мин китайскими войсками, а Коджон и его двор оказались под полным контролем китайского генерала Юань Шикая (袁世凱, 1869–1916). *Капсин чонбён* закончился провалом. Он привел к усилению иностранного присутствия в Корее и вызвал в обществе лишь самую негативную реакцию*. Несколько его участников были убиты, а Ким Оккюну пришлось бежать из Кореи в Японию, где он скрывался десять лет от мщения Коджона и королевы Мин. 28 марта 1894 г. он был убит в Шанхае агентом монаршей четы, который неотступно следовал за ним все эти годы. Тело Ким Оккюна было привезено в Корею, разрублено на части, а куски разосланы – во устрашение – во все провинции страны. Четвертование было наказанием первой степени. Так казнили особо опасных государственных преступников. Следующим по тяжести было отсечение головы. Так закончилась первая в корейской истории попытка ограничить монархическую власть.

Несколько более «мягко» Коджон (тогда уже император) обошелся с деятелями самой первой в Корее националистической организации и первой партии современного типа – Общества независимости, которые в 1898 г. подали ему петицию с просьбой рассмотреть вопрос о возможности создания при нем выборного консультативного органа. Соперники из числа дворцовых консерваторов обвинили

---

* Тем не менее, некоторые историки в Корее считают организаторов *капсин чонбён* «альтернативной силой», которая при ином стечении обстоятельств могла бы обеспечить Корее независимость и предотвратить ее колонизацию.

их в желании свергнуть монархию, и Коджон немедленно отдал приказ об аресте лидеров Общества. Развернувшиеся в центре Сеула уличные бои между студентами и стоявшей на стороне консерваторов (фактически – правительства) гильдией бродячих торговцев были пресечены военной силой. Так закончилась первая попытка ввести в стране элементы парламентского строя. Тогда число сторонников нового образа правления не превышало нескольких тысяч.

В 1907 г. в Корее возникла первая организация, ставившая целью установление республиканского устройства, – просветительское Общество нового народа (*Синминхве* 新民會). Оно было тайным. Опасность для него представляла не доживавшая свои дни обессиленная монархия, а японские колонизаторы, взявшие Корею в том же 1907 г. под свой протекторат. Возглавлял *Синминхве* Ан Чханхо (安昌浩, 1878–1938) – выходец из крестьян, один из первых националистических лидеров Кореи, один из двух предположительных авторов «Патриотической песни» (*Эгукка*, 愛國歌), ставшей впоследствии гимном Республики Корея. В 1911 г. Общество было разогнано.

Ряды сторонников республики существенно выросли после Синьхайской революции 1911 г. в Китае, а Февральская революция 1917 г. в России подвигнула Пак Ынсика (朴殷植, 1859–1925) и других лидеров корейской эмиграции в Китае издать «Декларацию национального единения» (*Тэдон тангёль сонон* 大同團結宣言, июль 1917 г.), в которой заявлялось о том, что монархия в Корее исчерпала себя, и предлагалось создать временное корейское правительство в изгнании на основе республиканских принципов⁴⁵.

С 1919 г. точка зрения, что после освобождения формой государственности в Корее должна быть не монархия, а республика, среди борцов за независимость стала преобладающей. Созданное в Шанхае после Первомартовского движения временное правительство в изгнании называло себя «правительство Народной Республики Тэхан» (*Тэхан мингук чонбу* 大韓民國政府). С прошлым было покончено. После освобождения в обеих частях Корейского полуострова были провозглашены республики (1948). Север, казалось, забыл о ванах полностью, а на Юге единственным напоминанием о них служили Музей королевской культуры, созданный на территории дворца Токсугун в Сеуле еще в колониальный период (в 1938 г.), и Управление имуществом бывшей королевской семьи. Ни одно из новых правительств не проявило ни малейшего интереса к потомкам последних монархов Кореи, главные из которых проживали в Японии.

Потомки династии

Первой фигурой среди потомков династии был единственный в истории династии «императорский наследник» (*хвантхэджа*) Ёймин (1897–1970), младший сын Коджона и сводный брат Сунджона. Ёймин *хвантхэджа* – имя посмертное. В детстве и юности его называли Ён-ван (英王) или Ёнчхин-ван (英親王) – титулом, которым его наградили в 1900 г. отец. С 1926 г., когда скончался Сунджон и он стал главой бывшего королевского рода, к нему обращались «Ли ван (李王)», а с 1945 г. звали в основном Ли Ён (李垠), по первому дворцовому имени. Биографы, чьи первые книги о нем появились в 1960-х годах, все чаще зовут его Ёнчхин-ван*, т.е. наиболее уважительно, и я также буду это имя использовать, следуя общей тенденции.

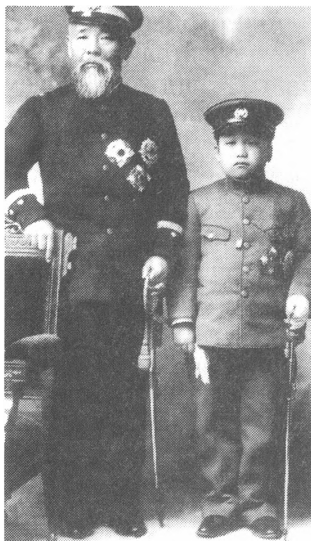
Матерью Ёнчхин-вана была королева Ом (Ом би 嚴妃, 1854–1911), вторая главная супруга Коджона. Несмотря на то, что она происходила из незнатной семьи и учиться ей в детстве не довелось, ее помнят сегодня как покровительницу современного женского образования, на пожертвования которой в 1906 г. были созданы три школы для девочек, одна из которых после Освобождения превратилась в крупный женский университет Сунмён (淑明). Придя во дворец в 8-летнем возрасте, Ом к середине 1880-х годов стала свитской фрейлиной королевы Мин. Тут ее заметил Коджон. Узнав о связи мужа с ее фрейлиной, королева хотела ее казнить, но Коджон заступился, и ограничились увольнением. После смерти королевы Коджон вспомнил об Ом и вновь приблизил к себе. Говорят, что без участия Ом бегство Коджона в русскую дипломатическую миссию в феврале 1896 г. вряд ли бы состоялось. Ёнчхин-ван родился 20 октября 1897 г. – через 8 дней после провозглашения Корейской империи. Это было воспринято как добрый знак. Его мать получила почетное дворцовое имя и была произведена в «драгоценные наложницы» (*квин* 貴人), а затем – в королевы (*сунби* 純妃). В 1901 г. была удостоена ранга «драгоценной супруги» (*квиби*) и почетного титула Сунхон *хвангвиби* («драгоценная императорская супруга Сунхон» 純獻皇貴妃). Власть ее при дворе была полной, но официально императрицей она так и не стала. В традиционном обществе правитель не мог долго вдоветь. Законы и обычаи требовали от него официально жениться

* Ким Ёльхан. Инган Ли Ён (Ли Ён как личность). Сеул: Хангук ильбоса, 1971; Его же. Инган Ёнчхин-ван (Ёнчхин-ван как личность). Сеул: Тхамгудан, 1984 и др.

как можно быстрее, поскольку рождение наследников было одной из его важнейших обязанностей. Но первый корейский император официальной супруги не имел. Единственной императрицей при Коджоне была королева Мин, которую он возвел в этот титул посмертно в октябре 1897 г.

Ёнчхин-ван рос, окруженный любовью родителей и обожанием их фрейлин и служанок, которым своих детей иметь было не положено. Он был идеальным принцем: усердно занимался, был почтителен, держал себя с достоинством. В марте 1907 г. его официально помолвили с Мин Кабван – девушкой из уважаемой провинциальной конфуцианской семьи, находившейся в родстве с покойной государыней. Спокойное течение жизни изменилось, когда 20 июля 1907 г. его отец отрекся от престола. Через две недели Ёнчхин-ван был назначен наследником бездетного Сунджона, а в декабре 1907 г., несмотря на протесты родителей, увезен в Японию под предлогом получения «достойного образования». На самом деле все понимали, что едет он в Японию в заложники.

Сохранилось описание прощания Ёнчхин-вана с отцом 4 декабря 1907 г. Коджон был немногословен. «Что бы ни случилось, терпи и жди своего часа», – сказал он. Потом взял кисть, крупно написал иероглиф *인* 忍 (терпение) и вручил сыну. Заботу о Ёнчхин-ване взял на себя первый генеральный резидент Японии в Корее Ито Хиробуми. Он лично сопровождал его до Токио. На вокзале их встречали наследник Ёсихито, члены императорской фамилии и высшие аристократы. Для проживания ему была предоставлена постоянная резиденция в центре Токио и несколько слуг, все пожилые мужчины. Новая обстановка резко контрастировала с жизнью дома, где была семья. С января 1908 г. началось обучение. Три года с ним занимались на дому лучшие японские преподаватели. В январе 1911 г. принц поступил в Гакусюин – учебное заведение для детей императорской фамилии, а через восемь месяцев был принят в кадетскую школу на 2-й курс подготовительного отделения. В то время военная карьера была единственно возможной для японского аристократа. Из-за малого роста и слабого телосложения он испытывал трудности с военными предметами, но по другим получал лишь

Принц Ёнчхин-ван, единственный в корейской истории «императорский наследник», и первый генеральный резидент Японии в Корее Ито Хиробуми. 1907 г.

«Царская невеста» Мин Кабван (1897–1968). В 1907 г. была официально просватана за Ёнчхин-вана, но женой его так и не стала, потому что его увезли в Японию и женили на принцессе Масако. Храня традиции королевского дома, Кабван всю жизнь оставалась одинокой, став в Корее символом женского достоинства, преданности и японской несправедливости. Фото 1919 г.

лучшие оценки. Поведение его было безукоризненным, преподаватели ставили его в пример. Радуюсь успехам брата, Сунджон слал ему из Сеула поздравительные телеграммы после каждого экзамена. После аннексии Кореи по указу японского императора статус Ёнчхин-вана был понижен с «императорского наследника» до «наследника вана» (*ван седжа*), т.е. сына вассала.

Летом 1911 г. Ёнчхин-ван впервые побывал дома. Повод был печальный – 20 июля умерла его мать. Официальной причиной смерти называют брюшной тиф, но в генеалогической книге династии говорится, что королева скончалась после просмотра присланного из Токио фильма («движущихся фотографий»), где ее сын был снят во время военных занятий. Забирая принца, японцы обещали, что он будет регулярно приезжать домой на каникулы, но обещание не сдержали. Постоянные напоминания О результата не имели. Когда в июле 1911 г. прислали тот самый фильм, она смотрела его вновь и вновь. Сердце не выдержало, и через два дня она скончалась.

По возвращении в Токио с похорон Ёнчхин-ван стал ежедневно посылать отцу письма, в которых справлялся о здоровье и желал благополучия. С давних пор такие письма писали родителям почтительные дети, находясь с ними в разлуке. Это называлось *мунан* 問安. В 1913 г. он окончил подготовительное отделение, а в 1915 г. и полный курс кадетской школы и поступил в офицерское училище сухопутных войск. Вскоре разнеслись слухи о его предполагаемой помолвке с японской принцессой Насимотономия Масако, с которой они никогда до того времени не встречались. Коджон был решительно против этого брака, а сеульская «Независимая газета» (Тоннип синмун) назвала его «проклятием династии». Официально о помолвке было объявлено 3 августа 1916 г.

В мае 1917 г. Ёнчхин-ван окончил училище и в декабре получил первое офицерское звание – второго лейтенанта. В январе 1918 г. во второй раз посетил Сеул. Это был его первый официальный визит на родину, и японские колониальные власти через прессу старались придать событию максимальную торжественность. В августе того же года Ёнчхин-ван ненадолго опять приехал домой – из-за болезни отца.

Свадьба с Масако была назначена на 25 января 1919 г. Подготовка шла полным ходом, но буквально накануне, 21 января, скончался Коджон. Свадьбу отложили. Ёнчхин-ван срочно выехал в Сеул, где вместе с Сунджоном участвовал в церемониях. На официальном прощании 3 марта присутствовали не больше 70 корейцев. Многие его проигнорировали, потому что, по решению колониальной

администрации, обряды по корейскому монарху проводились по японским обычаям. Покидая через неделю Сеул, Ёнчхин-ван вместе с печалью по отцу увозил надежду. Ее подало нараставшее в Корее Первомартовское движение. Ставшее самым крупным антиколониальным выступлением в истории страны, оно было через несколько месяцев жестоко подавлено.

28 апреля 1920 г. состоялось бракосочетание Ёнчхин-вана и Масако. Брак оказался счастливым. Японская принцесса полностью разделила судьбу своего мужа и вошла в корейскую историю под именем Ли Панджа, как ее имя читается по-корейски. 18 августа 1921 г. у них родился сын Чин – «символ гармонии Японии и Кореи», как писали в японских газетах. Однако не все было так благобно. «Хотя корейцы тоже считались “детьми” японского императора и их особая близость с японцами подчеркивалась, в реальности дискриминация сохранялась», – пишет биограф Масако Хонда Сецуко⁶⁶. Наличие межнациональной напряженности подтверждает резня корейцев, спровоцированная японскими властями после большого Токийского землетрясения 1 сентября 1923 г. По японским данным, тогда было убито 2534 проживавших в Японии корейца, по корейским – 6661. В октябре 1923 г. в Токио был арестован корейский анархист Пак Ёль за подготовку покушения на японского императора.

Посещая официальные мероприятия во дворце, супруги Ли ловили косые взгляды. Японская аристократия не желала признавать Ёнчхин-вана «своим». Не были довольны им и корейцы. В мае 1922 г. во время посещения супругами Ли с ребенком родственников в Сеуле (Сунджона) их 8-месячный сын Чин, вверенный попечению дворцовых женщин, вдруг скоропостижно умер. Смерть была столь неожиданной, что возникли слухи об отравлении. Смерть Чина потрясла супругов. Представление о том, что думали о Ёнчхин-ване его соотечественники, дает письмо неизвестного корейца, переданное его охране в 1927 г., когда он находился в Гааге, совершая поездку по Европе:

«Ваше Величество, я рад, что вы посетили в Европу и были приняты главами многих государств. Вместе с тем я очень сожалею, что Вы безразличны к своей стране и ее династии. В 1907 г. Ваш отец послал тайных представителей в Гаагу, добиваясь, чтобы

Ёнчхин-ван и принцесса Масако (кор. имя Ли Панджа) вскоре после свадьбы, которая состоялась 28 апреля 1920 г.

договор о протекторате над Кореей признали недействительным*. Если бы Вы помнили об этом, Вы бы заявили европейским журналистам: «Я не японский аристократ, я императорский наследник корейского престола». Проживающие в Европе корейцы от вас ожидали именно этого. Мы планировали похитить вас из японского плена и отвезти в Шанхай или в Россию, но Вы слабы душой. Вы наслаждаетесь путешествием в обществе японских военных. Как жаль... Призываю Вас не забывать о высоких помыслах Вашего отца императора Коджона...»⁴⁷.

Письмо это Ёнчхин-вану тогда не передали. Но о настроениях соотечественников он знал. Некоторые корейские газеты, например, сеульская «Тоннип синмун», называли его не иначе как «мальчишка Ын» (Ына 垸兒) и печатали статьи, где осуждали за то, что он, регулярно бывая на аудиенции у японского императора, не бросился на него с саблей. Помня наказ отца, Ёнчхин-ван все переживал молча и лишь как-то сказал жене: «Меня нельзя назвать простым корейцем. Не могу я стать и японцем. Я ни то, ни другое, просто существо».

Военная карьера Ёнчхин-вана между тем развивалась стабильно. В 1923 г. он закончил Академию сухопутных войск, служил на разных должностях, главным образом при штабе, или преподавал. В 1935 г. стал полковником, в 1943 г. получил назначение в штаб командования ВВС и к концу войны стал генерал-лейтенантом. Он не оставил ни строчки мемуаров, но биографы Ёнчхин-вана убеждены, что все эти годы о своей ответственности как наследника корейского трона он не забывал. Ссылаясь на очевидцев, они рассказывают, что, прожив практически всю жизнь в Японии, он и на склоне лет говорил на прекрасном корейском языке, в котором сохранялись изысканные обороты речи чосонского двора. Заботясь об обучающейся в Токио корейской молодежи, он на свои средства

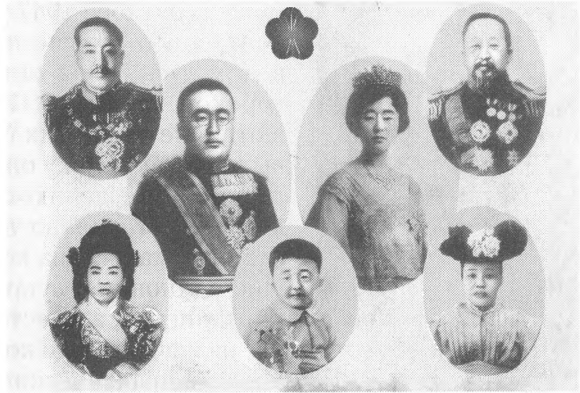
* В 1907 г. Коджон послал своих доверенных лиц – Ли Сансоля (1870–1917), Ли Джуна (1859–1907) и Ли Виджона (1887–?) – на 2-ю Международную мирную конференцию в Гааге (состоялась 15 июня – 18 октября 1907 г.), чтобы они выступили там с разоблачением сфабрикованного японцами договора о протекторате. Он надеялся, что связанные с Кореей договорными обязательствами государства Запада окажут на Японию нажим и колонизация страны будет остановлена. Пламенные выступления корейских посланников нашли некоторый отклик в западной прессе, но главной цели не достигли. Эти события привели к отречению Коджона, которое произошло под давлением Ито Хиробуми и прояпонских министров 20 июля 1907 г. во дворце Кёнунгун, занятом несколькими сотнями японских солдат.

в 1933 г. организовал при своем доме гостиницу выходного дня для курсантов военных училищ, в 1940 г. – общежитие для девушек-студенток и стипендиальный фонд в их поддержку. В 1937 г. с началом японской агрессии в Китае Ёнчхин-ван устроил в одной из комнат своего особняка алтарь, где в поминальные дни почитал таблички чосонских ванов. Вместе с ним совершал ритуалы в алтаре и его сын Ли Ку (李玖), родившийся в 1931 г.

В 1944 г., когда война уже подходила к концу, был гонец из Сеула от императрицы Юн. Она призывала Ёнчхин-вана продемонстрировать своим поведением, что он не японский аристократ, а корейский императорский наследник, иначе, предостерегала она, «когда Корея станет независимой, Вашему Величеству некуда будет идти». Принц выслушал молча и поведения не изменил, но слова императрицы, как оказалось, были пророческими. 15 августа 1945 г. в Корею пришло долгожданное Освобождение. Представление о том, какие мысли одолевали тогда последнего наследника Чосона, дает запись его беседы с офицером-корейцем Ли Хёнгыном, выпускником токийского военного училища.

«Сейчас, когда Корея стала свободной, одно мне хочется сказать непременно, – сказал Ёнчхин-ван. – Наше государство было поглощено Японией, поскольку его обороноспособность была очень слаба. С древности в Корее господствовал принцип «образованности – уважение, военному делу – пренебрежение» (*мунджон муби* 文尊武卑). Корейцы не задумывались о войне. Они слагали стихи, наслаждались искусствами, и их военное искусство захирело. В детстве я видел во дворце отца только гражданских чиновников. В результате мы не смогли противостоять японской армии. Хочу попросить прощения за такую политику ванов династии и заявить, что для защиты независимости сильная армия – непереносимое условие. Молодые корейские военные, служившие в Японии и имеющие подготовку и опыт, должны немедленно ехать на родину и посвятить себя созданию национальной армии».

Для Ли Хёнгына эти слова стали, по его собственному признанию, «незабываемым уроком на вся жизнь». Он вернулся на родину и в 1948 г. был удостоен военного удостоверения «номер один» за вклад в создание южнокорейской армии.

Бывшие монархи Кореи и их наследники. Японская открытка середины 1930-х годов. Изображены: справа сверху и снизу – император Коджон и королева Ом; слева сверху и снизу – император Сунджон и императрица Юн; в центре – императорский наследник принц Ёнчхин-ван, его супруга принцесса Масако (Ли Панджа) и их сын Ли Ку (1931–2005).

Ёнчхин-ван в 1950-х годах

В октябре 1947 г. в жизни Ёнчхин-вана и Ли Панджа наступили резкие перемены. В связи с упразднением ведомства двора они утратили статус членов императорской фамилии. При этом полагалась компенсация, но в отличие от других бывших аристократов, Ли Ёну ее не выдали, поскольку он служил в японской армии, а на таких людей, по решению объединенного американского командования, это право не распространялось. Зарегистрировавшись как «лица корейской национальности, проживающие в Японии», супруги потеряли полноценное японское гражданство, а вместе с ним и право на военную пенсию (ее назначали только гражданам Японии). Им пришлось продать практически все, весьма немалое, имущество (оно оценивалось в 9,6 млн. иен) для уплаты огромных (78%) налогов, которые объединенное командование наложило на богатых. Они уволили всех слуг, поселились в одной комнате, а остальную часть дома сдали в аренду. Пришлось отказаться от увлечений – оранжереи, фотографии, гольфа. Но долги росли, и вскоре они стали бедняками.

Принц надеялся вернуться в Корею, и обратился по этому вопросу лично к Ли Сынману, когда тот посещал Японию в феврале 1950 г. «Хотите на родину – так езжайте», сказал ему президент, но паспорт не предоставил. Эта встреча не оставила надежд⁴⁸. Хотя Ёнчхин-ван неоднократно подтверждал в интервью корейским журналистам свою лояльность правительству республики, Ли Сынман относился к нему крайне негативно, всерьез считая политическим соперником. До сих пор историки задаются вопросом, стал бы он президентом, если бы Ёнчхин-ван приехал в Корею сразу после Освобождения. Но он не приехал, держался в стороне от бурной политической жизни тех лет и постепенно оказался в полной изоляции. Старые сослуживцы, с которыми не было особо близких отношений и раньше, больше его не посещали. В 1950 г. на учебу в Америку уехал единственный сын Ли Ку. Всю жизнь Ёнчхин-ван и Масако были вынуждены подчиняться чьей-то воле, и этот горький опыт не позволил им запретить сыну поступить так, как ему хотелось. Вскоре после отъезда сына их дом посетила приятельница, бывшая одноклассница Масако. Она долго стучала, но никто не вышел. Дверь оказалась не заперта. Войдя внутрь, женщина увидела Ёнчхин-вана. Он сидел за столом, глядя прямо перед собой и ничего не замечая вокруг, и его тело казалось оледеневшим⁴⁹.

Лишения негативно повлияли на здоровье последнего корейского кронпринца. Он перенес два инсульта. Жизнь неожиданно начала меняться, когда в результате военного переворота в Южной Корее к власти 16 мая 1961 г.

пришел генерал Пак Чонхи (朴正熙, 1917–1979). Пак не был законным преемником предшествующего правительства, и ему не хватало подтверждения легитимности своей власти. И тогда он решил поддержать уже угасавшего Ёнчхин-вана, чтобы укрепить свой статус и получить поддержку у народа на волне массовых антияпонских настроений. Возможно, сыграло роль и то, что и сам Пак Чонхи был офицером японской армии. При одинаковом с Ёнчхин-ваном прошлым он был президентом, а тот – изгнанником. В результате в 1963 г. Ёнчхин-ван и его супруга вернулись в Корею. Но принц даже не смог осознать этот факт. При полете к родине он перенес очередной инсульт, сразу с самолета был доставлен в больницу, где провел практически без сознания последние семь лет своей жизни. Он скончался 1 мая 1970 г.

Супруга Ёнчхин-вана японская принцесса Масако (Ли Панджа) была первым в истории членом императорской японской семьи, вступившим в брак с иностранцем. Она закончила свои дни как гражданка Южной Кореи, прожив в этой стране 26 лет. В 1969–1985 гг. она написала несколько книг воспоминаний, вышедших и на японском, и на корейском языках. Одна была опубликована в переводе на английский под заголовком «Весь мир – один» (“The World is One”, 1973), но более соответствовало содержанию ее название на корейском языке: «По воле ветра, по воле волн» (*Парам ту-нын тэро, мулькёль чхи-нын тэро*, 1980). Приведем фрагмент из этого интереснейшего повествования:

Принцесса Масако в детстве (справа) с родителями и младшей сестрой

«Мой отец Масако, принц Моримаса, был четвертым сыном принца Асахико, но позже был усыновлен как наследник кланом Насимото и потому носил имя Насимото Моримаса. Принц Куни Куниёси, отец императрицы Нагако (супруги Хирохито, 1903–2000), был моим дядей, а сама Нагако – моей двоюродной сестрой. С наступлением эпохи Мэйдзи перед членами императорской семьи открылись возможности военной службы в армии и флоте. Мой отец избрал путь профессионального военного, закончив Военную академию. Моя мать была второй дочерью маркиза Набесима Наохиро, который служил посланником Японии в Риме. Ее звали Ицуко – «Дитя итальянской столицы», потому что она там родилась. В огромный особняк деда,

Ли Панджа в последние годы жизни

построенный в смешанном японско-западном стиле в горной местности Нагата, любили приезжать император Мэйдзи и императрица – для отдыха от государственных дел. Насимото Моримаса женился на Ицуко Набесима 28 ноября 1900 г., и я, родившаяся 4 ноября 1901 г., была их первой дочерью. Я появилась на свет во дворце Насимото в Токио. Дом моих родителей состоял из двух зданий, соединенных длиннейшим коридором. Здание в западном стиле было оборудовано подъездами и включало несколько гостиных. Первоначально этот дом был построен Миура Горо, который позднее продал его министерству императорского двора. Миура сыграл важную роль в колонизации Кореи и истории королевской семьи*. Когда много позже я узнала об этом, я тайно содрогнулась от ужаса, увидев в этом руку судьбы, соединившую меня с династией Ли задолго до моего рождения...»⁵⁰.

«Все в нашей с мужем жизни происходило против нашей воли, и мы были бессильны противиться судьбе», – такова главная мысль, красной нитью проходящая через книги Ли Панджа. Они рассказывают, как она, японская принцесса, чью кандидатуру незадолго до того рассматривали как возможную супругу молодому кронпринцу Японии – Хирохито, однажды утром проснулась и узнала из газет, что ей суждено выйти замуж за наследника корейского престола. Счастье девушки было принесено в жертву политическим расчетам, но оно все же состоялось. С мужем вместе они прожили 50 лет, вырастили сына, дождались возвращения в Корею, о котором мечтали много лет, отметили бриллиантовую свадьбу. После смерти мужа Ли Панджа всецело посвятила себя благотворительности. По примеру свекрови королевы Ом она организовала в Сеуле два центра профессионального обучения для умственно отсталых, глухонемых и больных полиомиелитом детей. Первый из них она назвала «Чэхэн» (慈行會) – литературным псевдонимом покойного мужа. В 1972 г. южнокорейское правительство наградило ее орденом «За заслуги перед нацией».

Забываясь о поддержании родственных связей, Ли Панджа фактически возглавила клан мужа. При ее активном участии была создана Организация потомков бывшей корейской королевской семьи Ли из г. Чонджу (*Чонджу Ли-сси Тэдон чонъягвон* 全州李氏 大東 正約院), которая с 1969 г. на свои средства возродила поминальные ритуалы

---

* В 1895 г. Миура Горо, будучи японским посланником в Корею, стал организатором заговора, в результате которого была убита королева Мин.

в Храме предков династии Чонмё и в алтарях у королевских гробниц. Сейчас эти ритуалы находятся под охраной ЮНЕСКО. Стабилен интерес к судьбе Масако в Японии, где о ней пишут личные биографы. В Корее на сайтах и в книгах Ли Панджа упоминается в связи с концом династии неизменно. Есть публикации и на английском. В 1970-х годах один из близких знакомых Ли Панджа – американский писатель Эдвард Адамс, родившийся и много лет проживший в Корее, с большим сочувствием поведал миру о последних представителях чосонской династии в своих книгах «Дворцы Сеула» и «Путеводитель по корейскому культурному наследию». Первая из них была посвящена «Принцессе Ли Панджа и мистеру Ли Ку, внуку короля Коджона».

17 июля 2008 г. широко отмечалось 60-летие со дня провозглашения Республики Корея. В этот день вечером случайно по телевизору я увидела фрагмент теле-ток-шоу, в котором приняли участие члены южнокорейского парламента и видный историк-русист доктор Ли Инхо, которая в 1998–2000 гг. была послом Республики Корея (РК) в России. Обсуждалась тема: сколько лет корейскому государству (оно было названо *ури кукка* – «наше государство») – 60 или 89? Имелось в виду определение точки отсчета его истории: со дня официального провозглашения Республики Корея 15 августа 1948 г. или со времени Шанхайского временного правительства, созданного в апреле 1919 г. (в разгар Первомартовского движения в Корее) обосновавшимися в Шанхае уже с 1910-х годов корейскими политэмигрантами? Члены парламента говорили высокие слова о духе независимости и отстаивали точку зрения, что РК («нашему государству») – 89 лет. Ли Инхо, возражая, выдвинула разумный аргумент, что поскольку паспорта с печатью «Республика Корея» стали выдавать с 1948 г. и другие государства признали ее именно в это время, то это и надо считать датой ее создания. Я была согласна с аргументами с Ли Инхо в ответе на конкретный вопрос: сколько лет Республике Корея? Однако меня поразило, что корейцы, которые в любом справочнике о своей стране подчеркивают свою «пятитысячелетнюю историю» и рассказывают о легендарном Тангуне, основавшем первое корейское «государство» в 2333 г. до н.э., в данном споре сознательно сокращали период своей государственности до нескольких десятилетий. Как же быть с двумя тысячами лет монархии? Участники той передачи в понятие «наше государство» ее не включили. Когда я потом спросила у коллег, то мне ответили: «Это с политической точки зрения, потому что в южнокорейской конституции

Республика Корея названа преемницей именно Шанхайского временного правительства, но, с другой стороны, ощущение духовной преемственности с периодом монархии существует у всех нас».

Отдыхая в Хургаде в конце 2009 года, я посетила ночное шоу, рассказывавшее туристам о пятитысячелетней истории и культурном наследии Египта. Под ночным небом вставали один за другим нарисованные лучами лазеров величественные храмы, пирамиды, статуи, построенные древними владыками. «Спасибо тебе, Эхнатон! Спасибо тебе, Хатшепсут! Спасибо тебе, Рамзес! – гремел голос диктора на русском языке. – Да здравствует вечный Египет, да продолжится его вечная история!». Так славили древних правителей люди, которые по происхождению не имели с ними ничего общего.

Кто будет следующим монархом Кореи?

Монархизм как политическое движение, имеющее своей целью установление и сохранение монархии, или как приверженность монархическим ценностям в Республике Корея, по мнению большинства ее граждан, отсутствует. Из интервью с историком Ён Капсу:

«Нынешний интерес в обществе к дворцовой культуре не имеет ничего общего с мыслью о возвращении к монархическому строю. Интерес к своей культуре вырос колоссально, а продолжением этого стал и рост интереса к элитарной дворцовой культуре, занимающей важнейшее место в историко-культурном наследии. Это следствие возникшего желания познать свое культурное наследие в целом. Чтобы разобраться в нем, нужно понять, кто входил в королевскую семью, как конкретно эти люди жили. Поэтому сейчас и появилось так много литературы, где рассказывается об этом. Но людей, которые бы хотели вернуться в прошлое, к монархическим временам, в Корею не найти. Как известно, народ Южной Кореи сверг Ли Сынмана, долгие годы вел борьбу против военных диктатур Пак Чонхи, Чон Духвана и Но Тхэу (Ро Дэу). В этой борьбе они добились демократии, они гордятся этим завоеванием и привержены ему. При нашем поколении, думаю, не будет таких людей, кто бы захотел вернуться к монархии.»

Однако есть и другие мнения. Как заявил в 1996 г. англоязычной «Korean Newsreview» профессор Сеульского университета образования (*Соул кёюк тэхаккё*) Ан Чхон, «дверь Корейской империи никогда не была закрыта.

Я думаю, что существуют хорошие возможности для восстановления монархии в этой стране. Это единственная правительственная система, которая может объединить и удержать вместе разделенные Кореи». Ан Чхон – автор книги «Королевская семья жива», ставшей плодом его многолетних исследований. Он один из сторонников идеи о принятии закона о сохранении императорской семьи в Корее, который рассматривает как первый шаг к неизбежному введению в Корее конституционной монархии⁵¹.

Идея восстановления прежней славы династии Чосон стала предметом обсуждения во многих сеульских газетах и гостиних в 1995–1996 гг., когда корейцы искали альтернативы президентской системе, престижу которой был нанесен удар скандалами, связанными со взятками и коррупцией двух корейских президентов: Чон Духвана и Но Тхэу (Ро Дэу). «Еще недавно восстановление монархического правления в Корее казалось столь же вероятным, как превращение Корейского полуострова в 51-й штат США, – писала в те дни "Korea Herald", – но сегодня это не столь странно, как может показаться на первый взгляд». «Это не PR-компания, не часть комедии, а подлинный политический гамбит, направленный на возрождение монархии в Корее», – заявило агентство «Ёнхап». – Те, кто выступают в поддержку этой идеи, говорят, что старая система может пригодиться однажды, когда сильному и непредвзятому правительству придет время объединять две Кореи, разделенные с конца Второй мировой войны».

Идея «новой корейской монархии» не всем сегодня кажется фантазией. Не так давно (в конце 1990-х) ходили слухи о контактах крупных политических фигур с роялистами. Они сообща рассматривали возможность создания правительства кабинетного типа, которое будет достаточно гибким, чтобы отражать множество политических кредо под руководством приемлемой для большинства харизматической фигуры, каковой может быть конституционный монарх.

Династия Чосон была последним легитимным правительством единой Кореи. Учитывая сложившиеся традиции передачи власти, ее потомки имеют законное право на то, чтобы возглавить будущее объединенное государство на полуострове. «Южная и Северная Кореи могут начать процесс объединения под управлением возрожденной династии Чосон», – сказал представитель Объединенного общества по сохранению Императорского дома. Эта организация была создана 24 ноября 1992 г. на собрании в отеле «Сеул», где встретились 90 представителей разных слоев населения. После салюта национальному флагу был избран председатель собрания –

Щит с изображением Тонмён-вана, мифического основателя государства Когурё, на улице современного Пхеньяна. Кадр из немецкого кинофильма «Гробницы Когурё под охраной ЮНЕСКО» (2006, реж. Ева Витте), показанного несколько раз по российскому телеканалу «Культура». Голос диктора за кадром: «Сегодня в Северной Корее принято считать покойного главу государства Ким Ир Сена потомком Тонмёна, первого короля Когурё, вечного защитника корейской земли». С 1970-х годов северокорейские учебники изображают Когурё как огромную и мощную империю, подчинившую большинство соседних народов, утверждая преемственность с ней КНДР

Ли Кёнгиль (1922–1996), внук императора Коджона от его пятого сына Ыйчхин-вана (1877–1955), известного также под именем Ли Кан. Главным активистом движения является его сводный брат Ли Ёнгиль, десятый сын Ыйчхин-вана, известный в народе как принц Ли Сок (род. в 1940 г.). В 2006 г. под его председательством был создан Фонд королевской культуры (*Хвансиль мунхва чэдан* 皇室文化財團).

Коджон и Сунджон умерли соответственно в 1919 и 1926 гг. Но история корейских монархов на этом не закончилась. Их наследие живо и сегодня. В северной части Корейского полуострова правит «коммунистическая» династия Кимов, доказывающая, как и ваны предыдущих эпох, свою легитимность летописанием, своим девизом правления и календарем, ритуалами в гробницах легендарных и ближайших предков, соблюдающая традиции ванов в повседневном быту. В октябре 2010 г. на съезде Трудовой партии Кореи (ТПК), приуроченном к празднованию 65-й годовщины со дня ее основания, в Пхеньяне был официально объявлен преемник лидера КНДР Ким Чен Ира. Им стал его младший сын 27-летний Ким Чонын (金正恩, род. в 1983 г.). Проведение съезда ТПК – событие экстраординарное и крайне редкое. На последнем из них, состоявшемся в 1980 г., ряд ключевых постов в государстве был передан Ким Чен Иру, который после смерти своего отца Ким Ир Сена в 1994 г. принял на себя управление страной. Теперь по аналогии предполагается постепенная передача властных полномочий от Ким Чен Ира к Ким Чоныну*. Традиционно в корейской истории назначение наследника

* С момента образования КНДР в 1948 г. и до июля 1994 г. страной руководил президент Ким Ир Сен, который являлся бессменным лидером ТПК. В 1980 году на VI съезде ТПК Ким Чен Ир был провозглашен вторым по значимости руководителем в партийной иерархии, в 1990 г. официально объявлен преемником Ким Ир Сена на высших партийных и государственных постах. В 1990–1993 гг. занимал пост первого зам. председателя Государственного Комитета обороны (ГКО) КНДР. С 24 декабря 1991 г. Ким Чен Ир является Верховным главнокомандующим Корейской народной армии. 20 апреля 1992 г. ему присвоено звание маршала. 9 апреля 1993 г. избран председателем ГКО КНДР (переизбирался в 1998, 2003, 2009 гг.). 8 октября 1997 г., по истечении срока траура после кончины Ким Ир Сена, был избран генеральным секретарем ТПК.

являлось прерогативой правящего монарха. Теперь это право принадлежит в Северной Корее генеральному секретарю ТПК.

Население КНДР, воспитанное на идеях *чучхе* 主體 и уверенное в том, что «без вождя Корея не может состояться как государство», положительно восприняло такое известие. «Нашему народу выпала честь служить великому председателю Ким Чен Иру и великому лидеру Ким Ир Сёну. Теперь мы будем иметь честь служить молодому генералу Ким Чоньуну», – сказал в интервью национальному телевидению высокопоставленный северокорейский чиновник⁵². Несколько дней спустя тот же чиновник, встречаясь с делегацией китайских женщин, подчеркнул, что «избрание товарища Ким Чоньун^{**} заместителем председателя Военного комитета ЦК ТПК является историческим событием в развитии корейской революции... Это вселило огромные уверенность и радость в корейский народ, а также способствовало тому, чтобы дело корейской революции развивалось непрерывно и поступательно»⁵³.

Китай дал молчаливое согласие на назначение преемника. Он остается единственным военно-политическим союзником КНДР и стремится принимать участие в решении всех её проблем как во внешней, так и внутренней политике. Руководители обеих стран характеризуют их отношения как традиционно дружественные, очень тесные, подобные «губам и зубам», объединенные «общими горами и реками»⁵⁴.

Как когда-то Чосон в XIX в., Северную Корею называют «страной-отшельницей», но состояние это не может продолжаться долго. Приближается время, когда и это окруженное завесой секретности государство откроется миру и будет искать свое место в новой системе международных отношений. И в этих новых условиях опыт последних монархов Чосона, пытавшихся адаптироваться к новым реалиям и боровшихся за сохранение независимого положения своего государства в условиях контактов с совершенно незнакомой им до того западной цивилизацией, приобретет особое значение.

Памятник в Пхеньяне основателю КНДР Ким Ир Сёну (1912–1994). Кадр из того же фильма

^{**} В исходном тексте это имя записано как «Ким Чен Ун» – в три слова по аналогии с устоявшимися в русском языке формами написания имен северокорейских руководителей – Ким Ир Сен, Ким Чен Ир. «Ун» вместо «ын» пишут в русской прессе в том случае, если она основывается на англоязычных источниках, где корейская буква «ы» передается как «у».

II

Живое наследие ванов

История Чосона – это ни в коем случае не прошлое, она продолжается и сегодня, в нашей жизни. Только верно поняв направление развития и историю правящей династии Чосона, можно познать современность и заглянуть в будущее.

Пак Ёнъю, писатель

Книга Ю Хонджуна
«По местам моего
культурного наследия».
1993 г.

Начало исторического бума

В 1993 г. в Сеуле вышла книга историка искусства Ю Хонджуна «По местам моего культурного наследия» – первая на подобную тему, написанная специально для популярного читателя, чтобы «поделиться счастьем, которое дает понимание истории и культуры своей страны». Она состояла из 16 очерков о различных районах и памятниках Кореи, материалы для которых автор собирал на протяжении 20 лет, посещая их в разное время года и записывая в дневник мельчайшие детали увиденного. «Музеи на Западе, – писал Ю Хонджун в своей книге, – это лишённые жизненной силы лагеря пленников чужеземной культуры, братская могила шедевров. У нас же вся страна – музей. Трудно найти в мире другую такую страну, где на протяжении как минимум трех тысячелетий (а если заглянуть глубже, то семи – восьми тысяч лет) на одной территории живет единый народ, связанный общностью происхождения, кровными узами, обычаями, языком, судьбой. Куда ни пойдешь в нашей стране, везде встретишь памятники материальной культуры и духовного наследия.

Они повсюду: и в величавых дворцах славных делами ванов, и в отдаленной деревушке».

Книга имела огромный успех. К маю 1994 г., т.е. всего за год после выхода ее впервые в свет, было выпущено 22 дополнительных тиража. Ю Хонджун стал чрезвычайно знаменит. Университеты и общества наперебой приглашали его выступить с лекциями, и на них приходило так много народу, что люди стояли в проходах и висели на галерке – настолько велико было желание послушать рассказы о своей стране. Как пишут сегодня в блогах в интернете: «Книга Ю Хонджуна породила “большой синдром” и способствовала возрождению интереса к нашему культурному наследию, стимулировала возникновение нового интереса к осознанию нашей идентичности, интереса к тому, что казалось отжившим и давно ушедшим в историю».

Успех Ю Хонджуна был не случаен. Он был предопределен теми глубокими изменениями, которые произошли в Южной Корее к началу 1990-х годов, когда страна прошла уже долгий и трудный путь на пути к демократизации, покончила с военными режимами, добилась впечатляющих успехов в экономике и во всем мире заговорили о корейском «экономическом чуде». Стабилизировалась и жизнь народа. Если раньше людям приходилось работать по воскресеньям, то теперь появился значительный средний класс, представители которого уже могли себе позволить не работать в этот день, а отдохнуть вместе с семьей. Стало расти число собственных автомобилей, на которых все больше семей выезжало в выходные за пределы города. Куда именно отправиться, что посмотреть? Книга Ю Хонджуна отвечала на этот вопрос и потому стала для многих настольной. «То, что находится сейчас за стеклянными витринами музеев – всего лишь «заблудившиеся», оторванное от корней наследие. Лишь тот памятник можно оценить по-настоящему, который находится на месте, для которого был предназначен», – эти слова Ю Хонджуна воодушевляли тысячи людей.

Были и международные предпосылки: новое «открытие» Кореи со времени Олимпиады в Сеуле в 1988 г. и бурный рост ее контактов с внешним миром. Общеизвестным стало то, что полноценная жизнь культуры немыслима без памяти о ее прошлом, без осмысления классического наследия, равно как и без соотнесения себя с другими культурными традициями. Падение «железного занавеса», глобализация, информационная революция, развитие в Корее международного туризма, знакомство южнокорейцев, которые до 1988 г. могли ездить за рубеж только по служебной надобности, с выдающимися памятниками старины Европы: музеями, дворцами, соборами, монументами,

галереями, связанными с историей царствовавших династий, – породили в Южной Корее стремление лучше познать собственное монархическое прошлое и познакомиться с ним мир. Его подкрепляло патриотическое желание заявить о том, что Корея, о которой пока так мало знают, занимает достойное место в мировой цивилизации. Продолжением этого стал и рост интереса к элитарной дворцовой культуре, занимающей важнейшее место в историко-культурном наследии.

Крупнейшим явлением культурной жизни Южной Кореи стал выход в конце 1995 г. мюзикла *Мёнсон хванху* («Императрица Мёнсон»)*, названного по посмертному имени главной героини – королевы Мин, супруги последнего монарха независимой Кореи Коджона (1864–1907). В основу либретто легла история ее убийства группой японских заговорщиков и их корейских пособников в октябре 1895 г. за то, что она была самой последовательной в корейском правительстве противницей японского проникновения в Корею. Почти четверть века правила королева страной «из-за занавески», и ни один мужчина, за исключением мужа и нескольких приближенных, никогда не видел ее лица, поскольку этого требовали конфуцианские правила и дворцовый этикет. Но написавший сценарий мюзикла знаменитый писатель Ли Мунёль пренебрег этой условностью. Он заимствовал главную идею у жившего в Америке в первой половине XX в. корейского писателя Генри Чана, который назвал королеву Мин «корейской Елизаветой I, Английской». Как известно, Елизавета I (1558–1603) до сих пор «значит для англичан чуть ли не больше, чем остальные короли вместе взятые», поскольку при ней Англия превратилась в великую морскую державу и приобрела весьма обширные колонии на нескольких континентах. Яркая, светская, умная и проницательная, изучающая языки, пьющая шампанское с иностранными посланниками «открывательница Кореи», – такой появилась королева Мин перед своей страной в середине 1990-х и была принята на ура!

Неукоснительное следование традиции: затворничество, повиновение, неучастие в политике, – главное, что веками требовалось от корейских королей, уже больше никого не интересовало. С одной стороны, созданный Ли Мунёлем облик королевы как выдающейся государственной деятельницы, выступающей на равных с иностранными дипломатами в решении важных международных проблем, отразил гордость народа повышением статуса

* В зарубежном прокате «The Last Empress».

Южной Кореи в мире с конца 1980-х годов и вхождением ее в десятку первых производящих экономик. С другой стороны, явленная миру после почти ста лет забвения королева стала знаменем нарастающего феминистского движения, добившегося в последние годы поразительных успехов. Роль женщин в социальной жизни резко возросла. Судя по опросам социологов, если в 1990-х годах значительная часть населения только «ставила под сомнение необходимость неопременного главенства в семье мужа», то на нынешний день в Республике Корея официально отменена ориентированная на мужчину система регистрации домашних хозяйств, по которой свои отношения с населением государство строило через глав семей исключительно мужского пола. Теперь главой семьи может быть и женщина, и государство официально признает ее в таком статусе. Отказ от патриархальной системы кровного родства – это поистине революционное изменение.

В Южной Корее, где на руководящие должности в государственных и частных компаниях женщин начали назначать лишь в конце 1990-х, уже в 2006 г. впервые в истории страны женщина (Хан Мёнсук) возглавила правительство, став премьер-министром. Предсказатели пророчат наступление новых, более благоприятных времен в Корее тогда, когда президентом будет избрана женщина, и в избирательной президентской кампании 2007 г. участвовала лидер оппозиционной партии Ханнарадан Пак Кынхе, дочь «отца корейского экономического чуда», президента Кореи в 1963–1979 гг. Пак Чонхи. В апреле 2008 г. Ли Соён стала первой южнокорейской женщиной-космонавтом, совершив полет на МКС на российском «Союзе». Какие поразительные и быстрые перемены в той области, которая, казалось бы, меньше всего поддается влияниям – в области духовных и семейных ценностей! И символом этой феминистической революции является королева Чосона.

На постановку мюзикла *Мёнсон хванху* было потрачено 1,2 млрд. вон (1,5 млн. долларов)¹. На первых представлениях, которые шли 11 дней, был полный аншлаг. Желающих было так много, что продавали «стоячие» билеты. По срокам подготовки, стоимости, количеству задействованных актеров и вспомогательного персонала спектакль стал рекордным в истории корейского

Сцены из мюзикла
«Императрица Мёнсон».
В главной роли –
актриса Ли Тхэвон.
2002 г.

Королева Мин
в исполнении актрисы
Су Э в историческом
кинофильме «Словно
искра, словно бабочка»
(*Пуль ккот чхором, наби*
чхором, 2009).
Постеры

шоу-бизнеса. Он, как писали, «разжег историческое сознание зрителей, заставил их задуматься об истории своей страны, которую так часто искажали, и показал, что корейский мюзикл может быть мирового класса». Спектакль был удостоен национальных премий за 1995, 1996, 1997, 1998, 2000 гг., а его постановщика Юн Ходжина Министерство культуры и туризма назвало «человеком культуры 1996 года». Вскоре его либретто было переведено на английский язык и при поддержке правительства Республики Корея (РК) он был показан за рубежом, став в 1997 г. первым азиатским мюзиклом, поставленным на Бродвее. О нем с похвалой писала американская пресса: «New York Times», «New York Post», «USA Today». Как отметил министр культуры и туризма Намгун Чин, «этот мюзикл был поставлен на сценах Нью-Йорка – города, который является родиной этого вида искусства, и получил наивысшие оценки у ведущих мировых критиков и публики. Он демонстрирует превосходный уровень нашей культуры и выполняет важную роль по ознакомлению с ней людей в разных странах». В 1998 г. мюзикл вновь был поставлен в США. За один месяц только в Нью-Йорке было дано 29 представлений. В 2001 г. он с успехом прошел в Лондоне, в 2003 г. – в Лос-Анджелесе, в 2004 г. – в Канаде.

Успех *Мёнсон хванху* так вдохновил деятелей искусства, что в 2006 г. был поставлен новый мюзикл на историческую тему – «Королевская мечта под луной» (*Исан-ый ккум*), который, как писали на сайтах, «открыл новый этап в истории корейских мюзиклов». На этот раз он был

посвящен постройке ваном Чонджо Хвасонской крепости. Этот находящийся ныне под охраной ЮНЕСКО выдающийся памятник не имеет аналогов в корейской истории и считается воплощением в архитектуре «сыновней почтительности» (хё 孝) – главного человеческого достоинства у конфуцианцев. Поставленный ведущим деятелем современного корейского театра Ли Юнтхэком мюзикл получил благосклонную оценку критиков, которые назвали его отличительной особенностью «попытку воссоздать атмосферу Чосона как можно точнее, при том что музыка спектакля представляет собой симбиоз традиционной корейской и современной западной музыки». В 2008 г. мюзикл был поставлен вновь, с новыми костюмами и декорациями. Но его успех у публики не шел ни в какое сравнение с успехом мюзикла о королеве Мин. В сентябре 2008 г., когда мои студенты из РГГУ поехали на языковую практику в Корею, они написали мне: «Сейчас по всему Сеулу расклеены афиши мюзикла *Мёнсон хванху*».

Несмотря на то, что королева Мин признается «самой политически влиятельной женщиной из всех представительниц династии Ли», специальные посвященные ее жизни и деятельности труды появились в Корее только с начала 1990-х годов. Это в значительной мере объясняется крайней скудостью биографических сведений. Династийные хроники и дворцовые записи – главный источник информации о женах вана – обычно писали о них скупое: чаще всего – в связи с бракосочетанием, рождением детей или кончиной. Другие причины – политические – связаны с сильнейшим японским влиянием на историческую науку и общественное сознание в Корее на протяжении всего XX столетия. Поскольку королева Мин была убита в результате заговора, организованного японским посланником в Корее Миура Горо, объективной оценки ее личности в годы колониализма ожидать в Корее не приходилось. В официальной историографии о ней предпочитали умалчивать, считая «воплощением всех зол разлагающейся династии». Ситуация стала меняться, когда в 1988 г. в Токио вышла книга «Убийство королевы Мин» писательницы Цунода Фусако, которая вызвала большой интерес у японского читателя. В том же 1988 г. книга была переведена на корейский язык и опубликована в Республике Корея, где была моментально распродана. Она же побудила южнокорейских писателей и историков дать собственные версии и оценки личности королевы Мин. Окруженная до того «заговором молчания» Мин би (просто «королева Мин») стала превращаться в Мёнсон хванху («покойную императрицу Мёнсон») – уважаемую «мать Кореи», героиню отечественной истории. Улучшение отношения к королеве на родине, несомненно, было связано с общим потеплением международного климата в начале 1990-х годов, ослаблением в Южной Корее антикоммунистического Закона

Королева Мин
и ван Коджон
в фильме «Корейский
полуостров»
(Ханбандо, 2006)

об охране государства (*Кукка поанбон*)* и улучшением отношений с нашей страной, поскольку в официальной южнокорейской историографии ей до сих пор ставят в вину то, что она «планировала изгнать японцев с Корейского полуострова, заключив союз с Россией».

О «корейской волне» – *халлю*

Актер Ан Сонги
в роли вана Чонджо
в кинофильме
«Вечная империя»,
1995 г.

С середины 1990-х годов в Южной Корее стали выходить фильмы и сериалы, где главным действующим лицом наряду с ванами, сановниками, королевами, наложницами, скоморохами, фрейлинами была дворцовая материальная культура: здания старинных дворцов, прекрасные костюмы, парики, танцы, красочные ритуалы и шествия, убранство покоев – зрелище стало не менее важно, чем сюжет.

Одним из первых фильмов такого содержания стал фильм 1995 г. режиссера Пак Чонвона «Вечная империя» (*Ёнвонхан чегук*) по одноименному роману Ли Инхва, посвященному Чонджо. «Это захватывающая костюмированная драма, где геометрия дворцовой архитектуры имеет беспрецедентно большое значение, – писали о нем критики. – Основанный на знаменитом корейском романе сюжет начинается со смерти в дворцовой библиотеке и представляет собой сложнейшее хитросплетение интриг и обмана. Операторская работа особенна тем, что съемка ведется с фиксированных ракурсов, но в постоянно меняющейся перспективе, быстро перемещаясь из угла в угол. Впечатление усиливает фон действия – лабиринт дворцовых помещений. Это пиршество для глаз и проявление высокого кинематографического мастерства».

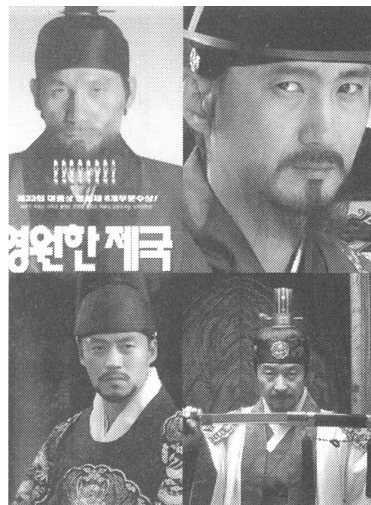
Новый этап наступил после 2001 г., когда страны Восточной и Юго-Восточной Азии захлестнула «корейская волна» – *халлю* (韓流). Возникнув как мода на южнокорейскую поп-музыку и телесериалы, она способствовала продвижению на местные рынки корейской одежды, еды, курсов корейского языка, культурных продуктов и туризма. Постепенно из моды на все корейское *халлю* переросла в «транснациональное культурное течение, которое бросает вызов западной культурной гегемонии в Азии» и «создает позитивное пространство символического значения в постколониальной Азии не только для корейцев,

* Этот закон сохраняется и до сих пор, несмотря на многочисленные протесты демократических сил.

но и для других азиатских обществ, которое может явиться основой для формирования «азиатского блока» как регионального сообщества»². Существенную часть «корейской волны» составили телесериалы, в том числе и исторические. Именно их противопоставил южнокорейский шоу-бизнес растущей популярности японской National Gross Cool^{**}, главной «ударной силой» которой были комиксы и мультипликация. В 2001 г. (пик первой «корейской волны») Южная Корея заработала на экспорте продуктов поп-культуры 2 млрд. долл. «Похоже, что корейский темперамент затрагивает сердца людей по всему миру. Сейчас мы можем сказать: корейское – это интернациональное», – написал некто Пак в своем блоге в Интернете. Но это было только начало. Как подсчитал Центр экономических исследований Кореи, вышедший в 2003 г. телесериал «Зимняя соната» (*Кёль сонга*), за год международного проката один принес Корею 3 млрд. долл. прибыли, в том числе 840 млн. долл. от иностранных туристов – поклонников фильма, желавших побывать в местах, где жили их любимые герои³.

«Корейская волна» зародилась в Китае в конце 1990-х годов. Начавшись с роста интереса местной молодежи к южнокорейской поп-музыке, она, по мнению южнокорейских аналитиков, «заполнила пустоту, образовавшуюся в результате больших перемен в этой стране». Название *халлю* возникло с легкой руки южнокорейских глянцевого журналов и пошло от одноименного сборника южнокорейских шлягеров, который в 2001 г. стал в Китае «хитом № 1». После большого турне по крупным городам КНР в том же году певца Пак Чёнэна, чья песня «Hope» лидировала в Китае в хит-парадах, и актера Ким Минёна, ставшего идиолом китайских подростков после проката сериала «Мистер Q», в Китае возникли «мания-группы», состоявшие из фанатов южнокорейских поп-певцов. Тогда же на китайском телевидении стали показывать корейские телесериалы, вызвавшие огромный интерес аудитории.

«Певец и актер Ан Чэук сделал для своего народа то, что не смогли сделать ни политики, ни бизнесмены, ни дипломаты. Его популярность в Китае даже превзошла Леонардо ди Каприо в последних опросах, – писала «Korea Herald» в августе 2001 г. – Молодое поколение

В 1988–2010 гг.

11 южнокорейских артистов сыграли роль вана Чонджо в различных фильмах и телестановках.

Четверо представлены в этой роли на фото.

Сверху по часовой стрелке алтеры:

Ан Сонги,
«Вечная империя»,
1995 г.;

Ан Нэсан,
телестановка KBS
«Хансонская песня»
(Хансон пёльгук),
2007 г.;

Ли Соджин,
50-серийная телестановка
MBC «Исан»
(по литературному
псевдониму Чонджо),
2007 г.;

Хан Мёнгу,
кинофильм «Портрет
красавицы» (*Мииндо*),
2008 г.

^{**} Это можно примерно перевести примерно как «международная привлекательность страны в области национальной массовой культуры», подразумевается беспрецедентно выросший в последние годы японский «культурный» экспорт.

китайцев не только слушает южнокорейскую поп-музыку и смотрит южнокорейские сериалы. Новое поколение потребителей, именуемое “Korea tribes” агрессивно копирует корейский образ жизни: от моды на одежду и до пластической хирургии. Наиболее ревностные поклонники «корейской волны» совершают путешествия в Корею – чтобы увидеть вживую своих идолов и посетить места, где снимались их любимые сериалы». Так было не только в Китае.

Дискуссионный сайт корееведов (2001 г.):

Росс Кинг, адъюнкт-профессор Университета Британской Колумбии, декан Школы корейского языка, Объединение школ иностранных языков «Конкордия» (Ванкувер, Канада).

«Летом 2001 г. я был удивлен тому количеству подростков, которые записались в группы по изучению корейского языка в нашу школу. Все подростки были родом из Миннеаполиса и Сейнт-Поль (Миннесота), в основном – дети беженцев из Лаоса периода вьетнамской войны. Эти ребята знали о южнокорейских поп-звездах, актерах и рок-рэп и т.д. певцах намного больше, чем преподаватели. Они могли петь песни на корейском языке, но при этом не знали, что они означают. Это были самые мотивированные и прилежные учащиеся, преисполненные желанием «быть корейцами». Влияние корейской поп-культуры действительно впечатляет.»

Ким-Рено Ёнги, профессор кафедры корейского языка, культуры и международных отношений, университет им. Джорджа Вашингтона (Вашингтон).

«Во время поездки во Вьетнам летом 2001 г. я с удивлением узнал от почтенного консьержа в высокклассном отеле в Хошимине, что он и многие его друзья с большим интересом и постоянством смотрят корейские телесериалы. У меня создалось впечатление, что эти вьетнамские зрители нашли в южнокорейских теледрамах нечто «азиатское», «не-западное», то, что им близко самим, например, семейные ценности (это слово употребил сам консьерж). Корейские актеры были гораздо больше похожи на них самих, нежели актеры из голливудских фильмов, и потому сериал был для них более реалистичным и понятным. Похоже, что небольшой «азиатский» аромат в очевидно вестернизированных продуктах корейской культуры и есть то, что привлекает азиатскую аудиторию, включая японцев, действуя как своего рода противоядие против чрезмерно гомогенизированной, или «колониальной», мировой культуры. Есть и такое мнение, что многие вьетнамцы и китайцы хотели бы добиться такого же экономического и культурного уровня, как корейцы, поскольку признают, что он высок. Мне это показалось своего рода азиатской солидарностью. Если

---

* http://koreaweb.ws/mailman/listinfo/koreanstudies_koreaweb.ws

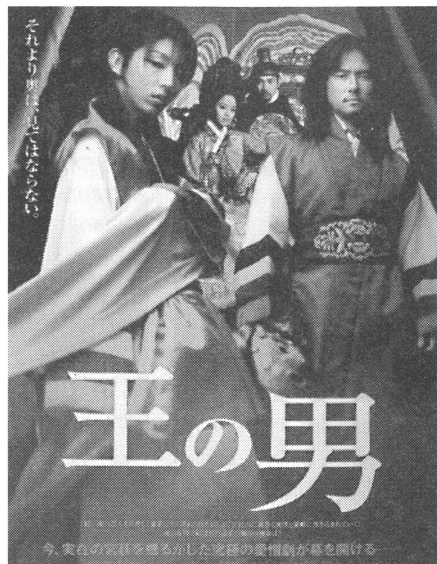
же подойти к явлению с другой стороны, то есть нечто заразительное в этих корейских сериалах. Если вы начали смотреть какой-то из них, то уже трудно от этого отказаться.»

Джордж Калландер, аспирант кафедры восточно-азиатских языков и культур Колумбийского университета (Нью-Йорк).

«Я провел в этом году четыре месяца в Монголии и был удивлен росту числа «корейских следов» по сравнению с предыдущим годом. Хотя южнокорейская музыка не приобрела там большой популярности, другие виды поп-культуры, несомненно, вызывают большой интерес. Монголы буквально прилипают к телевизорам, когда транслируются южнокорейские мини-сериалы. Я помню, что однажды, когда я сидел в такси (а такси там – это любая остановившаяся по вашему сигналу машина), водитель как раз слушал аудиозапись такого телесериала. В маленьких бутиках продают одежду и аксессуары из Сеула, многие крупные магазины предлагают южнокорейскую косметику. Самый большой видеосалон в городе (он полон южнокорейских фильмов) принадлежит выходцу из Южной Кореи. Два месяца назад в Улан-Баторе открылся принадлежащий южнокорейцам самый современный в стране торговый центр, где действуют первые в стране эскалаторы. 90% товаров в нем – из Южной Кореи.»

Чхве Ёнхо, кафедра истории, Гавайский университет в Маноа, Гонолулу

«В последнее время южнокорейские мыльные оперы приобрели большую популярность на Гавайях. В Гонолулу есть телестудия, вещающая на корейском языке. Она принадлежит выходцу из Южной Кореи и регулярно транслирует сериалы с титрами на английском языке. Эти сериалы привлекают множество зрителей, причем не только корейцев, но и европейцев, а также японцев и других азиатов. Я не раз встречал в кафе и магазинах людей, которые беседовали между собой об этих сериалах. Было несколько случаев, когда меня останавливали и задавали вопросы, имеющие отношение к этим фильмам. Я знаю пожилую пару, которая попросила своих детей и внуков не звонить им, когда они смотрят свои любимые сериалы. Несколько человек говорили мне, что им нравятся корейские драмы, поскольку те посвящены преимущественно теплым семейным и просто человеческим отношениям, чего они не находят в американском обществе. Один человек сказал мне, что они содержат «здоровые и цельные семейные ценности». Другой сказал, что любит эти сериалы, поскольку в них очень мало насилия. Популярность южнокорейских телесериалов в последнее время широко обсуждается на страницах крупнейших газет в Гонолулу.»

Афиша исторической кинодрамы
«Шут короля»
для проката в Японии.
2005 г.

Актер Чон Чинён
в роли злодея на троне –
не удостоенного
посмертного имени
чосонского вана
Ёнсангуна –
в исторической драме
«Шут короля»
(Ван-ый намджа,
2005 г.)

Афиша телевизионной исторической драмы «Государыня Чхончху» (*Чхончху тхэху*, 2009, KBS), посвященная матери корёского вана Мокчона (правил в 997–1009 гг.)

Силинг Чень, аспирант, Институт социальной и культурной антропологии, Оксфордский университет, уроженец Гонконга

«Пять лет назад в Гонконге приобрела особую популярность южнокорейская мода: одежда и аксессуары. Сначала их продавали, главным образом, владельцы маленьких бутиков, но теперь их можно найти и в других магазинах. Корейские фильмы и телесериалы появились на экранах Гонконга немного позже. Многих юных зрителей привлек фильм «Рождество в августе». Немалые очереди выстраивались за билетами на фильмы «Свири» и «Король-обманщик» (*Панчхик-ван*). Капиталовложения в корейские культурные продукты стали весьма выгодными для дельцов медиа-бизнеса. Некоторые южнокорейские актеры, герои сериалов, приобрели в Гонконге личную популярность (Хан Сою, Ким Ынха). Несомненно, работники корейского медиа-бизнеса приложили немало усилий для продвижения своих продуктов. Корейские сериалы дублируются на Putonghua тайваньскими телеканалами. Потом их запускают на кабельное телевидение, которое транслирует их даже в Англии, где я сейчас нахожусь.»

Отношение к *халлю* в самой Корее неоднозначное. Дискуссия относительно ее характера ведется с уже с 2001 г. Эксперты условно делят точки зрения участников дискуссии на националистическую, неолиберальную и постколониальную.

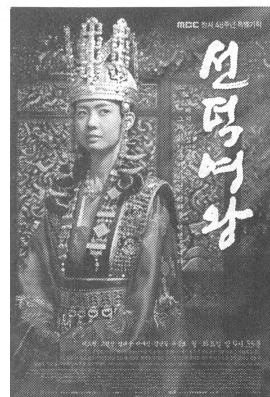
«Националисты» испытывают гордость за «корейскую культуру», популярность которой говорит о том, что Корея, наконец, вошла в ряды передовых наций. Эта гордость – реакция на национальное унижение, испытанное во время финансового кризиса 1997 г. По их мнению, *халлю* воплотила «корейскую мечту» (сравнить с «американской мечтой»).

Сторонники этой точки зрения считают, что воплощенные в ней конфуцианские семейные ценности противостоят погоне за сенсацией, характерной для американской и японской поп-культур. Считая халлю отражением широко распространенных в Азии антияпонских настроений, «националисты» рассматривают ее как возможность установить собственную идентичность, место нации в этом мире, а также как «проявление энергии, не находившей должного выхода в течение 5000 лет».

Неолибералов привлекает больше всего то, что путем использования корейских поп-идолов в рекламе значительно возросли продажи – от компьютеров до мобильных. Они считают, что это лучший способ улучшить имидж Кореи в мире, и озабочены тем, как усилить халлю и способствовать ее дальнейшему развитию. Для этого предлагают увеличивать масштабы производства, регулировать качество и освободить продукцию «корейской волны» от «националистической лихорадки».

Позиция сторонников постколониальной точки зрения такова: «10–20 лет назад мы беспокоились о социальном влиянии американской и японской культур на нашу страну. Мы укоряли молодежь за то, что она ими увлекается, и принимали меры, чтобы защитить от них нашу страну. Когда американское и японское культурное вторжение переросло во вторжение экономическое, мы были в гневе и протестовали. Теперь, когда “ботинок надет на другую ногу”, мы не задумываемся серьезно о том, что “корейская волна” означает для других людей. Если бы мы могли посмотреть на себя со стороны, мы бы испытали стыд. Давайте соберем все, что можно продать! Давайте максимально используем любую возможность, чтобы увеличить нашу долю на рынке! А не занимаемся ли мы тем, что можно назвать “культурный суб-империализм”?».

В 2004 г. продукты южнокорейской масскультуры в странах Азии принесли экономике страны доход в 1,42 млрд. долл. в виде налога на добавленную стоимость, а общая выручка с продаж товаров, услуг поп-культуры и туризма, связанных с феноменом “корейской волны” в Китае, Японии, Гонконге, Тайване и Таиланде, составила 2,14 млрд. долл. В общей структуре экономики РК сегмент товаров, связанных с халлю, достиг 918 млн. долл. (7,2% общего объема экспорта страны). Доходы от иностранных туристов достигли 825 млн. долларов. Кинофильмов было экспортировано на сумму 58,3 млн. долл., что на 88,1% выше, чем в 2003 г., а объем продаж телсериалов увеличился на 69,6% и составил 71,5 млн. долл. Основная часть экспортированной южнокорейской телевизионной

«Государыня Сондок».
Две афиши
исторической драмы,
посвященной первой
женщине на корейском
троне (правила в Силла
в 632–647 гг.)

Афиша исторического телесериала «Чумон», посвященного основателю государства Когурё

Япония (19%), Китай (18,6%), Гонконг (3,3%) и Сингапур (3%). Феномен *халлю* стал объектом научных исследований, и за последние годы десятки южнокорейских ученых защитили по нему диссертации. В стране и за рубежом изданы множество книг и статей, появились кафедры и научно-исследовательские центры «халлюлогии» (*халлюхак*), но в России внимание исследователей он пока не привлёк⁴.

«Корейская волна» продолжается и сегодня. Южнокорейские телесериалы идут в Средней Азии: Узбекистане, Киргизии, Казахстане, Таджикистане. В 2006 г. они достигли Индии, когда национальный телерадиовещательный канал DD-1 показал местной публике две драмы: «Дух моря» (*Хэ син*) и «Великая Чангым» (*Тэ Чангым*). В северо-восточных районах Индии, особенно в Манипуре, южнокорейские фильмы приобрели настолько большую популярность, что вошли в моду корейская одежда и прически (как у героинь и героев корейских сериалов), палочки для еды и корейская посуда, язык и даже образ жизни. Появились люди, которые спят не на кровати, а на полу – как это принято в Корее. Как сообщала недавно «Хиндустан таймс», хотя в вузах Манипура нет корейских отделений, молодежь в последнее время нередко употребляет в разговоре корейские слова и выражения, например, *аннён* / *аннёнхасео* (привет / здравствуйте), *саранхэё* (люблю), *пали-пали* (быстро) и *оттокхе* (как быть?). Удивительно, писал автор статьи, что молодые люди, не знающие корейского языка, поют песни по-корейски. Это считается оригинальным и стильным. Молодые индийцы признают, что корейская культура является разнообразным дополнением к национальной культуре и продуктам Голливуда и что культурная жизнь Кореи, которую они видят в фильмах и сериалах, ближе к их жизни и обществу, традиционным

музыке, танцам и играм, даже верованиям. Делаются попытки создания клипов, где индийские песни накладываются на корейский видеоряд⁵. В Англии приобретают популярность южнокорейские электронные игры. Местные корееведы видят в этом способ привлечь английскую молодежь к изучению Кореи⁶.

В 2004 г. широкую популярность в Южной Корее, а затем и за рубежом: на Тайване, в Гонконге, Китае, Японии, Юго-Восточной Азии, – снискал сериал крупнейшей в Южной Корее частной телерадиовещательной корпорации МВС «Великая Чангым» (*Тэ Чангым*)*. Он был посвящен жившей в начале XVI в., при ване Чунджоне (1506–1544) некоей Чангым – первой женщине в корейской истории, ставшей личным врачом государя. Чангым была реальным лицом, о ней есть краткие упоминания в летописях. В Японии появилась электронная игра на сюжет сериала. О том, что его поклонники нашлись и в Москве, свидетельствует открытие в начале 2008 г. корейского ресторана с аналогичным названием. Как указано в посвященном этому сериалу буклете, «главная тема сериала – упорство Чангым, а также изображение корейской традиционной культуры, включая королевскую кухню и методы врачевания». Содержание фильма (из буклета):

«Согласно предсмертному желанию своей матери, Чангым в 10 лет поступила ученицей на королевскую кухню. Ее смелость, любознательность, доброта и преданность помогают госпоже Хан стать во главе королевской кухни. Во дворце Чангым переживает немало испытаний, поскольку более одарена, чем другие ученики. Но трудности не обескураживают ее. Чангым продолжает изучать кулинарию и все больше проникается ее философией, суть которой в том, чтобы дать едоку здоровье и счастье. Госпожа Хан понимает, насколько талантлива девочка, и решает сделать ее своей приемницей. Однако из-за интриг завистников – фрейлины Чхве и ее группировки – госпожу Хан и Чангым изгоняют из дворца, понижают до статуса рабынь и направляют на работу в управу на острове Чеджудо, что на самом юге Кореи. По дороге госпожа Хан умирает. На Чеджудо Чангым встретила знаменитую женщину-врача Чандок, у которой стала учиться медицине. Через несколько лет упорного труда она становится хорошим врачом. Чтобы лечить людей, ей пришлось приложить немало усилий, чтобы избавиться от ненависти в своем сердце. Ее слава врача способствует тому, что ее вновь приглашают во дворец. Здесь она не раз показывает свое искусство: ставит верный диагноз королю, тогда как другие врачи (мужчины) лечат

---

* Продюсер – Ли Пёнхун, в главной роли Ли Ёнэ

Кадр из сериала
«Великая Чангым»

его от тифа, и определяет, что именно неверное лечение является причиной его хронического заболевания; спасает от смерти королеву, излечивает принца от ветрянки. За эти заслуги король присваивает ей титул «Великая Чангым» и дает 3-й чиновный ранг. Благодаря этому она становится членом кабинета министров, несмотря на сопротивление сановников, поскольку женщина никогда еще в правительство страны не входила. Случается так, что король полюбил Чангым, но не сделал ее своей наложницей, потому что понимал, что ее главное предназначение – лечить людей.

Фильм заканчивается тем, что Чангым успешно делает первое в истории кесарево сечение крестьянке.

Важнейшую часть фильма составляют красочные сцены приготовления блюд для королевского стола и его сервировки. Как в фильме «Вечная империя» одним из главных действующих лиц был сам королевский дворец, так в *Тэ Чангым* главным героем стала «дворцовая кухня», что способствовало росту интереса к ней в Южной Корее и появлению соответствующих ресторанов, а также развитию международных «кулинарных обменов» и «кулинарного туризма». На сайтах появились рецепты, объяснения особенностей и категорий «дворцовых блюд». Ведущим среди них является сайт Института корейской королевской кухни (*Кунджун ымсик ёнгуwon*).

Сайт Института корейской дворцовой кухни (www.food.co.kr).

«Блюда королевского стола, которые ныне считаются самой истинной корейской традиционной кухней, 30 лет назад были зачислены правительством в число объектов нематериального культурного достояния Южной Кореи под № 38. Тогда и был основан наш Институт, которым с первых дней руководит Хван Хэсун («Носитель знаний 2-го поколения»), которая является преемницей покойной Хан Хисун («Носитель Знаний 1-го поколения»), которая была главой королевской кухни и обслуживала последних императоров Чосона. Несмотря на то, что о королевской кухне сейчас много говорят, только наш Институт является истинным преемником королевской кухни. Он ее пропагандирует (проводит лекции, мастер-классы, фестивали) и издает кулинарные книги. Его задачи – профессионализация и глобализация этой кухни, подготовка специалистов и сбор связанной с ней культурной информации.»

«В отличие от других корейских исторических сериалов, герои *Тэ Чангым* очень современные, – сообщает буклет Организации туризма Кореи – Чангым воплощает новую силу женщины XXI столетия. Отношения героев фильма скорее либеральны и рациональны, чем строго иерархичны.

Новые нюансы темы и нетрадиционные характеры подчеркнуты новейшими методами съемки. Для сериала характерны короткие диалоги и быстрая смена эпизодов. Визуальный эффект от костюмов красочен, но утончен. Действие сопровождается самой современной техномузыка, снискавшая популярность у юных зрителей. Они расппевают главную песню фильма «Онара». Об успехе исторических сериалов свидетельствует тот факт, что в речи молодого поколения появились словечки и интонации их героев».

Стоит подчеркнуть, что вышеуказанная брошюра, на разных иностранных языках рассказывающая о фильме *Тэ Чангым*, издана Организацией туризма Кореи, т.е. государством, которое принимает самое активное участие в продвижении корейской массовой культуры за рубеж. В 2009 г. *Тэ Чангым* считался самым известным из сериалов и фильмов «корейской волны». Популярность его оказалась столь велика, что корпорация МВС построила в столичной провинции Кёнги в уезде Янджу одноименный тематический парк, где воссоздана атмосфера дворцовой жизни 500-летней давности, в которой жила и трудилась героиня сериала. Сюда ежедневно приходят толпы иностранных туристов, особенно японцев и китайцев. Снимался фильм в живописных местах Кореи (например на о. Чеджудо), в интерьерах выдающихся культурных памятников (Хвасонской крепости и дворца Чхандоккун), в буддийских монастырях и этнографическом заповеднике «Традиционная деревня» (*Минсокчхон*, пров. Кёнги). Все эти места объединены в туристические маршруты, рассчитанные на поклонников Чангым.

Что было бы в Корее, если бы в ней после 1945 г. сохранилась монархия? Попытка представить это была сделана в фантастической комедии «Дворец» (*Кун*), поставленной в 2005 г. телерадиокорпорацией Эм-Би-Си по популярным комиксам для девочек. Она была признана одной из самых интересных и популярных телевизионных постановок («драм») 2006 г. и уступила по популярности только сериалу «Чумон», посвященному основателю древнего государства Когурё.

Действие фильма происходит в Корее, где сохраняется монархия и правит королевская семья, и концентрируется вокруг отношений наследного принца Ли Сина и его невесты Чхэгён. Ли Син любит балерину Хёрин, но она отвергает его предложение, намереваясь посвятить себя искусству. По настоянию семьи Ли Син должен жениться

Афиша к телесериалу «Дворец».

Приведу пояснения моей студентки, второкурсницы Института восточных культур и античности РГГУ Туйаары: «На фотографии показаны Ее Высочество-мать, с сыном – ваном Сонджо (младший), его женой и детьми: кронпринцем Ли Сином и принцессой Хемён. У нее был еще один сын (старший), тоже ван. Он погиб в автокатастрофе. У него остались сын Ли Юль (бывший кронпринц) и жена. Из Англии приезжает двоюродный брат Ли Сина – Ли Юль. Он был наследным принцем до того, как его отец умер. И здесь начинается борьба за престол»

на Чхэгён, к которой безразличен, но постепенно она завоевывает его сердце. В центре фильма – бракосочетание Ли Сина и Чхэгён и картины того, как Чхэгён любима в народе (по аналогии с принцессой Дианой). Комедия была переведена на английский язык и вышла на DVD в США. В 2006–2008 гг. сериал был показан по телевидению Сингапура, Таиланда, Филиппин, Малайзии, Канады, Турции⁷. Снискал он большую популярность и в самой Корее. Под его влиянием в интернете возникли две организации, одна из которых ставит целью сохранение королевских традиций, а другая – восстановление Королевского дома как государственного символа. «Хотя эти организации утверждают, что насчитывают по несколько тысяч членов, действительных активистов намного меньше», – говорят официальные лица. Потомки королевской фамилии сообщили, что встречались со своими интернет-сторонниками, но из этого ничего не вышло: «Это в основном молодые люди 20–30 лет. Они предложили нам общественную поддержку, но не деньги, а именно они нужны на создание официального органа по охране культурного контента Королевского дома как части отечественной истории»⁸.

Новая литература

В последние годы XX в. в Южной Корее возникло новое направление исторических исследований: подробное изучение так называемой «дворцовой культуры» – государственной деятельности и повседневной жизни монархов из последней правившей на Корейском полуострове династии Чосон (1392–1910), которая впервые была представлена обществу как одно из высших национальных достижений. Появилась обширная литература (как научная, так и художественная), переписывающая и оценивающая по-новому династийную историю и рассказывающая в деталях о характерах, судьбах, болезнях, лечении и обстоятельствах смерти монархов, их семейных и родственных отношениях, любимых женщинах и сексуальной культуре, проблемах престолонаследия и влиявших на него «человеческих факторах», привычках и привязанностях, расписании дня, отдыхе и хобби, титулах, генеалогии, почетных именах и языке, их дворцах, символах, тронных залах и личных покоях, туалете, ритуалах, этикете, образовании, путешествиях и гардеробе, манерам за столом,

меню по разным случаям и любимым блюдах, дворцовых запретах и табу, суевериях и пророчествах, рождении и похоронах, дворцовой иерархии, фрейлинах и прислуге и т.д. и т.п.

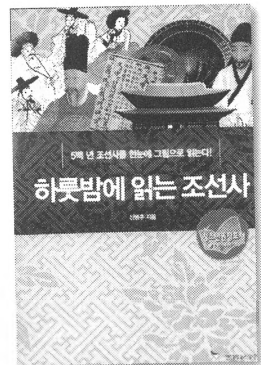
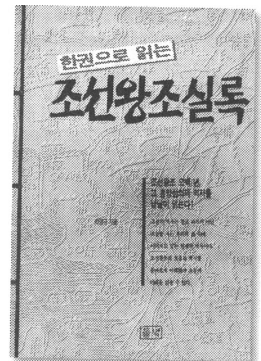
Книги о дворцовой культуре, которые историки начали публиковать с середины 1990-х годов, привлекли большое внимание читателей. Постепенно тема начала наполняться все новым содержанием. Она способствовала приходу в историческую науку новых исследователей, в том числе женщин, в то время как еще совсем недавно история была в основном «доменом мужчин». Женщины принесли в науку новые идеи, связанные с переосмыслением роли женщины в отечественной истории. Их книги, написанные под влиянием зародившегося в 1970-е годы и ныне интенсивно развивающегося феминизма, способствовали привлечению обширной женской аудитории. Начали писать о ванах и простые люди – любители истории.

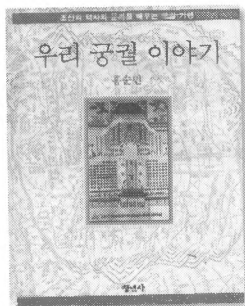
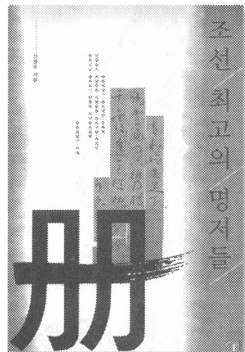
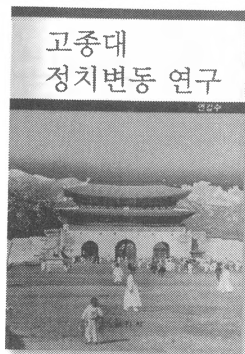
К письменному слову у корейцев с древних времен было самое трепетное отношение. «Вряд ли был в Чосоне сколько-нибудь грамотный человек, который бы не оставил своих записок. В письменных памятниках, оставленных нам нашими предками, растворены представления той эпохи о смысле человеческой жизни и ее культура. Читая эти памятники, знакомясь с историческим фоном и идеями автора, можно прикоснуться не только к реалиям жизни и мыслям предков, но и глубже познать культуру, к которой они принадлежали, идеологию того времени... Побывавший у корейских берегов в 1866 г. француз Жубер был крайне поражен, увидев, как чосонцы читают книги, и, как говорят, сказал так: “В этой стране есть одна особенность, которая вызывает восхищение и которой не увидишь в других местах: в каждом доме, как бы беден он ни был, есть книги. Нам остается только этому позавидовать”. Корейцы в Чосоне так любили книги, что это даже ущемило самолюбие приезжего француза»⁹, – пишет Син Пёнжу, автор популярной книги «Выдающиеся литературные памятники Чосона» (2006).

Интересно отметить, что почти аналогичную запись оставил в своих знаменитых очерках кругосветного путешествия «Фрегат “Паллада”» И.А. Гончаров, который в составе экспедиции адмирала Е.В. Путятина в 1854 г. посетил Корею и был, вместе с другими ее участниками, первым русским, ступившим на ее землю:

«Корейцы шли за нами. Рослый, здоровый народ... Славные солдаты вышли бы из них: а они заражены китайской ученостью и пишут стихи! Отец Аввакум написал им на бумажке по-китайски, что мы, русские, вышли на берег погулять и трогать у них ничего не будем.

Некоторые из множества книг по истории Чосона и империи, выходящих в последние годы в Корее

Один из них прочитал и сам написал вопрос: “Русские люди, за каким делом пришли вы в наши края, по воле ветров на парусах? И все ли у вас здорово и благополучно? Мы люди низшие, второстепенные, видим, что вы особые, высшие люди”. И все это в стихах¹⁰.

Находясь летом 2008 г. в Сеуле, я подолгу простаивала в крупнейшем в городе книжном магазине *Кёбо* перед полками с книгами, посвященным истории Кореи. Еще удобнее было в расположенном поблизости книжном магазине *Ёнпхун*, где поставлены лавочки для покупателей, на которых можно было сидеть часами, читая и выбирая нужную книгу.

«О династии Чосон – в одном томе», «История Чосона – за один день», «Удивительные события в истории Чосона», «История Чосона – в лицах», «История Чосона – в литературных памятниках», «История Чосона – в интернет-блогах», «История Чосона – в картинках», «Популярная история Чосона», «Хроники династии Чосон в сценариях сериалов KBS», «Неофициальная история Чосона (то, что не вошло в официальные хроники)», «История Чосона и корейская геомантия», «Чосон, его жители и я»;

«Ваны Чосона», «Рассказы о ванах Чосона», «Биографии ванов Чосона», «История чосонских ванов, более интересная, чем роман», «Императоры Кореи», «Потомки империи»;

«Королевы Чосона», «500-летняя история королей Чосона», «Женщины Чосона», «Фрейлины – “дворцовые цветы”», «Евнухи и фрейлины», «Дворцовые женщины – матери принцев Чосона», «Образование королевских детей в Чосоне», «Политика и двор в эпоху Чосона»;

«Рассказ о наших дворцах», «Деревья наших дворцов», «Дворцовая культура Чосона», «Ритуалы и повседневная жизнь монархов Чосона», «Культура еды периода Чосон», «Как рожали в королевской семье Чосона», «Выдающиеся письменные памятники Чосона», «История борьбы “партий” при чосонском дворе», «Кисэн и мясники: два лица низшего сословия в Чосоне», «Чосонские аутсайдеры», «Сеул в эпоху Чосон», «Конфуцианство эпохи Чосон», «Новый взгляд на финансы Чосона»;

«Династия Чосон и Китай», «Чосонский сонби* и японский самурай»;

«Из неофициальной истории Чосона: рассказы о необычных людях и гениях», «Биографии замечательных людей Чосона», «Люди, работавшие во дворцах Чосона», «Профессионалы Чосона» (о картографах,

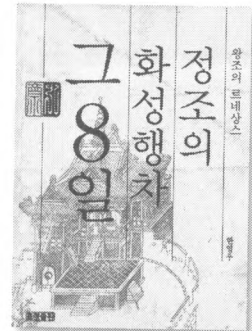
* Сонби – неслужилые ученые-конфуцианцы. Обычно жили в провинции, являясь образцом учености и достойного поведения.

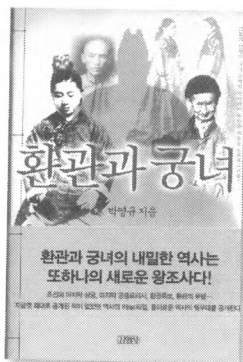
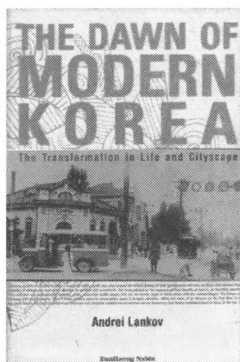
изобретателях, художниках, сонби), – вот лишь часть названий книг, которыми со второй половины 1990-х годов зачитывается южнокорейская аудитория.

Были среди них не только ученые труды и популярные изложения исторических хроник. Были биографии отдельных представителей династии: только о королеве Миня насчитала в каталоге Кёбо 62 наименования, при этом около многих названий было написано «распродано». Были мемуары и фотоальбомы, комиксы и детективы – жанр, популярность которого стала расти в Корее только в последние годы: «Шестнадцать преступлений, потрясших Чосон» (86 тиражей), «Жестокая история чосонских дворцов», «Женщины, погубившие Чосон», «Лабиринты Чосона» (о зафиксированных в хрониках преступлениях и поиске преступников), «Отравления ванов периода Чосон», «Тайны гробниц чосонских ванов». Никогда не изучавшей корейскую историю в таком ключе, мне было это в новинку. Была многотомная серия переводов с западных языков старинных книг по Корее, написанных иностранными писателями, моряками, путешественниками и дипломатами, жившими или бывавшими в Корее в конце XIX – начале XX вв.: Опперта, Халберта, Гейла, Макензи, Бишоп, Кемпа, Гилмора¹¹. Среди них и «Записки русских путешественников по Корее» в переводе ныне покойного А.Т. Иргебаева (переиздавались с 1994 г. неоднократно, под разными названиями)¹² и «Корея. Очерки природы, жизни, государственного строя»¹³ польского исследователя Вацлава Серошевского (написана после посещения Кореи осенью 1903 г.). Переведена книга старейшего в России исследователя истории российско-корейских отношений Б.Д. Пака «Корейцы в Российской империи» (1993)¹⁴.

Были огромные книги, как например труд Чи Тухвана в 26 толстых томах, каждый из которых посвящен одному вану Чосона (пока вышли 13 томов – до Инджо), или «История Чосона в картинках» (вышли 11 томов – до Кванхэгун). 300-страничная книга Ким Чебана «Кончина императора Коджона» целиком написана в стихах. Как было указано на переплете, «Ким Чебан – экономист, выпускник университета Конгук, аспирант университета Корё и Иллинойского университета в США, ныне специалист по экономическому анализу в государственной компании. Имеет глубокий интерес к истории Востока, ищет новые факты. В его стихах нет поэтической красоты, но в них есть исторические факты и правда».

Ким Чебан не был единственным экономистом среди авторов. Я насчитала по меньшей мере еще троих. Кроме ученых, писателей, журналистов и сценаристов,

исторические труды пишут сегодня в Корее сотни энтузиастов-любителей: архитекторы, юристы, педагоги, воспитатели, реставраторы, геоманты, ботаники, врачи, философы; специалисты по туризму, эстетике, традиционным ремеслам, буддийским рукописям, каллиграфии, народным играм. Каждый находит в истории Чосона что-то близкое себе и обретает благодарных читателей.

На автобусной станции в Чонджу, административном центре провинции Северная Чолла, в книжной лавочке были выставлены «Анекдоты из 500-летней истории Чосона», «Страна ванов, страна подданных», «500 лет династии Чосон: рассказы о чудесном». В автомате по продаже книг на платформе метро в Инчхоне, наряду с книгами «Как стать богатым» и «Как определить судьбу по группе крови», продавалась книга «Сведения метеорологического ведомства в хрониках династии Чосон». Интерес вызывают даже королевские охотники. Осенью 2007 г. я поместила на международном корееведческом сайте рассказ о тогда еще здравствовавшем Валерии Юрьевиче Янковском (1911–2010) – нашем современнике и соотечественнике, старейшем писателе России, представителе знаменитой семьи приморских первопроходцев и предпринимателей, легендарных охотников на тигров, в 1922–1946 гг. жившем в Корее. Спустя какое-то время я получила письмо из Сеула, в котором автор просил меня передать его письмо лично Валерию Юрьевичу. Вот что он в нем написал:

«Уважаемый господин Валерий Янковский, имею честь представить. Меня зовут Ли Чонбом. Я профессор рентгенологии в больнице при университете Чунан (Сеул). В годы моей молодости (в 1960-х годах) я как-то прочитал книги на корейском языке «Рассказы о секретах охоты (Дикие животные Кореи)» (Сеул, 1965) и Ли Санно. «Великие охотники мира» (Сеул, 1969)¹⁵, где кратко рассказывалось о Вашей семье и содержался волнующий рассказ о Вашей и Вашего отца охоте на тигров. С тех пор имя Янковских стало для меня легендой. Вам известны корейские охотники Ли Юнхве и Кан Ёнгын? Они были связаны с корейской королевской семьей. В тех книгах говорилось, что они были знакомы с Вашим дедом – Михаилом Янковским. В своей книге 1936 г. шведский натуралист Стен Бергман писал, что Вы были лучшим охотником в Корее. Я считаю Вас не только великим охотником, но и великим человеком, который пережил огромные трудности и победил. Я был очень рад узнать, что Вы здравствуете. Спасибо Вам, господин Янковский. С наилучшими пожеланиями, Ли Чонбом».

В.Ю. Янковский был чрезвычайно рад этому письму и ответил на него с благодарностью. Он сохранил о Корее самые

теплые воспоминания, что нашло отражение на страницах его 13 книг и во многих рассказах. 17 апреля 2010 г. Валерий Юрьевич скончался на 99-м году жизни и похоронен во Владимире. До последнего дня он переписывался с южнокорейским историком Чон Сонхва, который пишет сейчас книгу о жизни Янковских в Корее.

В том, что в современной Южной Корее ванам посвящена обширная литература, нет ничего необычного. Правители во всех их многообразии: родоначальники, старейшины, вожди, а впоследствии – ваны, – являлись центральными фигурами корейской устной и литературной традиции с догосударственных времен и до конца XIX в. Древнейшим видом корейского устного народного творчества были героические мифы об «основателях» древних государств, родов и кланов, сохранившиеся в письменных памятниках и в устной передаче. Первая запись такого мифа зафиксирована в сочинении «Критические суждения» (*Лунхэн* 論衡, кор. *Нонхён*) китайского философа Ван Чуна (王充, кор. Ван Чхун, 27–ок. 97 г. н.э.). Это был миф о Тонмёне, предке государств Когурё и Пэкче.

Фрагменты корейских мифов включили в себя дошедшие до наших дней и другие древнекитайские династийные истории: «Описание Трех государств» (*Саньго чжи* 三國志, III в.), «История Поздней Хань» (*Хоу Ханьшу* 後漢書, V в.) и др., а также корейские исторические сочинения и эпиграфика. Но наиболее подробно они представлены в самых старых из сохранившихся корейских исторических сочинений – официальной летописи *Самгук саги* (1145) и «неофициальной истории» «Забытые деяния Трех государств» (*Самгук юса* 三國遺事, 1285) буддийского наставника Ирёна (一然, 1206–1289). Особенностью изложения мифов в этих памятниках явилось реконструирование несуществующего исторического базиса путем хронологизации «деяний» мифических основателей правящих домов и соотнесения их с китайской историей. Индивидуальная биография строилась по традиционной схеме: начиналась с сообщения о происхождении героя, затем следовали описания его деяний, а в конце, как правило, приводилось «славословие» (*чхан* 讚). Собрание биографий завершалось «суждением» (*рон* 論). Представляя героя как человека необычного, авторы сравнивали его поступки или ситуации, в которых он оказался,

Семья знаменитых охотников Янковских: отец Юрий Михайлович (второй слева) и трое его сыновей. Валерий – крайний справа. Корея, 1936 г.

Михаил Иванович Янковский (1842–1912), основатель рода, первопроходец Приморского края, известный предприниматель и великий охотник

с китайскими образцами – известными героями китайской истории и их подвигами. Они видели назначение своего труда в том, чтобы возвеличить государство и дать современникам модель достойного поведения. *Самгук саги* и *Самгук юса* послужили образцом для составления всех последующих исторических хроник и компиляций типа чосонской *Кукчо погам* («Драгоценное зеркало правящей династии»).

Правители были и героями ранней корейской поэзии. Обработкой корейских мифов и исторических преданий стала поэма великого поэта XIII в. Ли Кюбо (李奎報, 1168–1241) «Тонмён-ван» (1241). Считая правление легендарного Тонмёна «золотым веком» корейской истории, Ли Кюбо воспел его, чтобы выразить разочарование состоянием дел в государстве, которое в период военного правления (1170–1258) пришло в упадок. В поэме рассказано о необыкновенном рождении Тонмёна и его удивительных подвигах: «Пусть все в поднебесье знают, что и наше государство основал совершенномудрый человек!». Одним из первых произведений, написанных на изобретенной в 1446 г. национальной письменности хангыль, была прославлявшая новую династию Чосон «Песнь о драконах, летящих в небо» (*Ёнбиочхонга* 龍飛御天歌). В ней рассказывалось о подвигах основателя династии Ли Сонге (Тхэджо), его сына Тхэджона и их предков, заложивших основу славного рода. Их творческая энергия уподоблялась шести летящим драконам, воплощавшим вселенскую созидательную энергию *ян* (陽). В *сиджо* (時調) – самом известном жанре корейской поэзии, появившемся на рубеже XIV–XV вв., гармоничное единство природы и человека, как правило, связано с милостью государя, а состояние мира (гармония или хаос) определяется его личностью и поступками. Рядом с темой верности государю развивалась и патриотическая тема, связанная с военными победами первых государей династии. Вплоть до конца XIX в. люди в литературе делились в основном на государей и подданных, и для каждого существовал образец должного поведения – в соответствии с его местом в социуме. Конкретным людям, с их индивидуальной внешностью и характерами, в этой литературе места не было. Современная литература свидетельствует, что в наши дни к личностям ванов впервые в истории появился интерес.

Почему пишут сегодня книги по истории Чосона? В 1996 г. в Сеульском университете была защищена первая в истории страны докторская диссертация по истории дворцов Сеула, а ее автор – историк Хон Сунмин получил прозвище «дворцовый профессор» (*кунгволь пакса*). Вот что он

написал в предисловии к своей книге «Рассказ о наших дворцах» (1999):

«Число людей, посещающих дворцы Сеула, велико. Но если приглядеться, то станет ясно, что большинство посетителей воспринимают дворцы просто как парки, и им все равно, что это именно за дворец. В последние годы интерес к нашему культурному наследию, в том числе и к дворцам, о которых еще недавно люди мало что знали, растет. Появились и книги о дворцах, но истории в них отведено весьма незначительное место. Сообщают в основном, когда было построено то или иное здание, когда разрушено, когда восстановлено. Эти сведения важны, но их недостаточно, поскольку в них нет сведений о людях. Как историк не могу избавиться от чувства, что нам предлагают скорлупу, выбросив ядро. Во дворцах ваны исполняли свою основную обязанность – управляли государством. Таким образом, дворцы были высшими государственными учреждениями. Кроме того, ваны во дворцах жили: ели, спали, отдыхали, гуляли. Жили здесь и члены их семьи, фрейлины, рабы, клерки, писари, солдаты, торговцы, врачи. Это был маленький город, где вместе жили люди разных сословий и профессий. Сегодня дворцы умерли. Хозяева давно их покинули; обветшали и разрушились их покои, оставшиеся здания перестроены. Это неизбежно, поскольку со сменой эпохи меняются и ее культурные символы. И все же я хотел бы, чтобы люди видели дворцы живыми. Надо воспитывать чувство любви к дворцам. Чем лучше знаешь – тем глубже любовь. У дворцов, как у людей. Чтобы их лучше узнать, надо вдуматься, понять их природу и сущность, взглядеться в историю, и тогда экскурсия по мертвым дворцам превратится в увлекательное путешествие по живым дворцам, в аллеях которого все еще звучит эхо шагов ванов. Эту книгу я написал для тех, кто хочет услышать это эхо¹⁶.»

Составивший по летописям и опубликовавший в 1996 г. собственное изложение пятисотлетней истории династии Чосон в одном томе (к 2008 г. она выдержала 175 дополнительных тиражей, а к концу 2009 г. – более четырехсот!) Пак Ёнгю рассказал о поводе, побудившем его взяться за перо, следующее:

«В бытность мою редактором в одной газете у меня выработалась привычка часто заглядывать в энциклопедии. Как-то раз понадобилась информация об отце 9-го вана династии Чосон Сонджона. Так заинтересовался, что начал потихоньку просматривать материалы обо всех 27 ванах династии и постепенно осознал, что сведения в справочниках не только не полны, в них концы с концами не сходятся. И тогда я решил составить собственное изложение «Летописей династии Чосон» в одном томе. Погрузился в книги. Уволился из газеты, поскольку времени на службу, учитывая огромный объем материалов, которые предстояло просмотреть, не оставалось. В процессе работы

я еще раз осознал, насколько неправильное у нас сложилось представление о чосонском обществе. Оно не было, как мы с легкостью утверждаем, «чрезвычайно закрытым и инертным», это был целый мир, в глубине которого скрывались страсть и сила. Я не хочу навязывать читателю свое мнение. Я лишь желаю, чтобы он когда-нибудь почувствовал то же, что и я. У меня нет намерения восславлять чосонское общество и его ванов. Я лишь хочу показать, что в том обществе подспудно зрели новые явления и что мы, так и не разобравшись с тем новым, слишком легко от него отказались под давлением японской агрессии и наплывом навязанной нам западной цивилизации. Надеюсь, что при прочтении этой книги перед читателем откроются новые стороны чосонского общества¹⁷.»

Исследовательница Пён Вонним, автор книги «Женщины в корейской истории» (1995), «Коджон и Мёнсон» (2002), «Королевы Кореи» (2006), поясняет¹⁸:

«Я заинтересовалась историей корейских женщин, когда в 1980-х годах приехала на учебу в Германию. Каждый раз, когда немцы спрашивали меня об этом, я чувствовала, насколько мало знаю. Тогда книг о женщинах в корейской истории было крайне мало, а те, что имелись, были написаны мужчинами, которые либо писали о женщинах с традиционной точки зрения, либо просто перечисляли события, в которых участвовали женщины, ничего не сообщая о том, какой была их жизнь, как сформировалась окружавшая их историческая среда. Это побудило меня написать книгу «Женщины в корейской истории» (1995). Работая над ней, я нашла много материалов. То, что до сих пор на эту тему не писали, происходило не потому, что нечего было писать, а потому что большинство историков – мужчины, а они в большинстве своём, будучи преисполнены предубеждения, просто игнорировали эту тему. Я пришла к мысли, что имеющаяся литература, вся посвященная истории мужчин, является неполной, и у меня возникла дерзкая мысль восполнить существующий пробел. Исследовав жизнь политических деятельниц корейской истории в культурном контексте традиций, обрядов и обычаев, я пришла к выводу, что участие женщин в социальной и политической жизни в нашей стране началось задолго до того, как до нас дошло влияние феминистического движения на Западе. Для того, чтобы достичь равноправия женщин с мужчинами, не достаточно назначения нескольких женщин на руководящие посты, хотя сегодня это рассматривается как успех движения за освобождение женщин. Увидев, в каком жестоком окружении приходилось жить женщинам правящей фамилии, какие духовные страдания они переносили, я не могла не задавать себе вопрос: а стоит ли вообще стремиться к тем ценностям, к которым стремится современная женщина?»¹⁹

Каждый из авторов подходит к теме по-своему, различна их мотивация, но в каждой цитате звучит слово «впервые»:

впервые стали писать о «живых дворцах», впервые доступно изложили историю последовательного правления ванов Чосона, впервые задумались о роли женщины в управлении государством. Это значит, что переживаемый Южной Кореей сегодня общенародный «исторический бум» беспрецедентен и вызван не только праздным любопытством зажиточных граждан к личной жизни бывших правителей. Каждый автор ищет в прошлом ответы на трудные вопросы современности. Обращаясь к прецедентам, как принято в конфуцианском обществе, корейское общество проецирует их на современность; из бездны времен возрождаются забытые лица и возникают другие, ранее неизвестные, и живут, служа уже иным целям, вдохновляя или способствуя заживлению старых ран, выполняя лечебную функцию или являясь предвестниками новых тенденций.

Просматривая книги в *Кёбо*, я обратила внимание на книгу большого формата, которая называлась «Убийство королевы Мин. Секретные русские документы». Раскрыв ее, я узнала, что публикация осуществлена усилиями и за счет председателя Общества по увековечению памяти императрицы Мёнсон (*Мёнсон хванху чхумо саонхве*) госпожи Ли Ёнсук. Был указан и номер телефона. Я позвонила и получила приглашение прийти. Встреча состоялась в доме госпожи Ли в окрестностях древнейшего конфуцианского храма Сеула – Алтаря Земли и Злаков (*Саджиктан*). Секретарь провела меня в просторный кабинет с панельным телевизором, старинной, обитой бархатом, европейской мебелью и огромным окном – скорее, прозрачной стеной, выходившей в сад. Видневшаяся там крошечная зеленая лужайка и нескольких причудливо изогнутых сосен были естественным продолжением комнаты – прием, характерный для традиционной корейской архитектуры. И я подумала: сколько же может стоять такой садик в этом старинном районе, где переулки настолько узки, что в них с трудом проезжает автомобиль?

В кресле у стены сидела почтенных лет, нарядно одетая дама со следами былой красоты – госпожа Ли. Ее биография – история богатой женщины, посвятившей себя бизнесу, благотворительности и общественной деятельности. В разные годы она была председателем разных Обществ: корейско-мексиканской дружбы (1978), гражданских обменов между Кореей и Россией (1989), возрождения корейской традиционной культуры (1995). В 1998 г. стала исполнительным директором Института по изучению

Госпожа Ли Ёнсук.
Фото автора.
2008 г.

истории корейской католической церкви. В 1995 г. организовала и спонсировала выставку традиционной корейской одежды в Музее искусства народов Востока в Москве. Все ее экспонаты были подарены этому нашему музею, и, как станет ясно из последующего рассказа, этой коллекцией он обязан королеве Мин. Созданное в 1967 г. Общество по увековечению памяти этой правительницы было одним из первых и главным детищем Ли Ёнсук. Вот что она мне об этом рассказала:

«В 1944 г. я окончила Токсонский женский промышленный колледж (*Токсон ёджа сироп хаккё*) – одно из старейших учебных заведений нового типа в Корее. Он находится на территории Унхёнгуна – родового поместья Великого князя Тэвонгуна, где в 1852 г. родился будущий ван Коджон и где в 1866 г. состоялось его бракосочетание с королевой Мин. Связи с родной школой не теряла, а в 1967 г. стала председателем общества его выпускниц. В тот год, когда я как-то входила в ворота школы, на меня спустилось черное облако и какой-то голос отчетливо сказал: «Узнай больше о королеве Мин и расскажи о ней другим (*Минби-рыль палькхёра*)». С того дня я сильно заболела. Никакие лекарства не помогали, и я пошла к известному астрологу. Он велел мне подняться на гору Манисан* на острове Канхвадо и молиться там. «Это важная работа, связанная с судьбой страны. От тебя многое зависит. Нашей истории 5000 лет. Надо сделать так, чтобы страна жила лучше», – добавил он. 13 января** я пошла с подружкой, куда он сказал. На реке был лед. Я его разбила, облилась водой, расстелила коврик и целый день молилась под открытым небом. Потом в голове стали появляться письма. Я не могла их прочесть, но ноги сами повели меня в Кёнбоккун на место гибели королевы. Здесь она мне явилась – стройная, худощавая, совсем не похожая на свое известное фото. Она была вместе с сыном – будущим императором Сунджоном, еще мальчиком. Их сопровождал русский казак. Опять появилось облако. На нем были японцы, которые стали убивать королеву и падать на землю по одному. Я не знала, что все это значит. Пошла в католический храм и провела там поминальную мессу *чеса****. С тех пор регулярно заказываю ее в Мёндонском соборе в дни рождения королевы. Она приходит ко мне по-прежнему, когда

* На этой горе высотой 468 м находится алтарь *Чхамсондан*, в котором, по легенде, приносил жертвоприношения Небу прародитель корейского народа, сын небесного божества и медведицы Тангун.

** Один из самых холодных дней в году в Корее.

*** Стоит отметить, что глубоко верующая католичка Ли Ёнсук называла поминальную мессу в храме *чеса* – так, как называют жертвоприношения духам предков в конфуцианском ритуале.

**** Клан Ли из Чонджу.

***** Чонмё – Храм предков королевской фамилии в Чосоне. Подробно о нем рассказано в Главе V.

считает нужным. В 1997 г. я побывала в Москве и во исполнение воли императрицы, желавшей укрепления дружественных отношений между Кореей и Россией, заказала там в католическом храме мессу, посвященную памяти ее самой, ее супруга и сына – императоров Коджона и Сунджона, а также российской императрицы Екатерины. Были несколько священников, в том числе из Мёндонского собора в Сеуле, профессора, бизнесмены, из россиян – представители корейской диаспоры в Москве. На 80-летие со дня кончины императора Коджона в 1999 г. я тоже заказала поминальную мессу – в Сеуле. Для нее я приготовила русские чай, водку, посуду. Он любил русское. Люди из его клана**** проводят *чеса* иначе, в основном в Чонмё****. Я же провожу *чеса* как католик. Клан королевы – йонхынские Мины (驪興 閔氏) – оказывает мне почтение. До недавнего времени к памяти королевы относились пренебрежительно, теперь же память о ней стала восстанавливаться».

Официальный портрет
королевы Мин,
написанный по заказу
госпожи Ли Ёнсук

В 1989–1992 гг. госпожа Ли спонсировала исследования пяти видных корейских историков в области изучения биографии королевы Мин, благодаря чему в 1992 г. вышла в свет первая по данной теме в Корее коллективная монография – «Убийство императрицы Мёнсон»²⁰. Его авторы сосредоточили основное внимание на причинах и обстоятельствах трагической гибели королевы. Они стремились опровергнуть официальную версию, которую вот уже более 100 лет отстаивают японцы, утверждающие, что убийство это было спланировано и организовано исключительно японским посланником в Корее, отставным генералом Миура Горо (三浦梧樓, 1846–1926) и что японское правительство не имело к нему никакого отношения. В 2001 г. эта тема получила дальнейшее развитие в книгах Чхве Мунхёна «Истинные обстоятельства убийства императрицы Мёнсон: необъявленная война японцев против России» и «Императрица Мёнсон и Корейская империя». В их предисловиях автор также выражал благодарность почетному президенту Ассоциации корейских женщин-предпринимательниц (*Хангук ёсон кёндже хёпхве*) Ли Ёнсук.

К 100-летию со дня гибели королевы Мин в 1995 г. по заказу госпожи Ли художником Квон Очханом (псевдоним Хвабэк) был написан ее парадный портрет, который сегодня растиражирован во многих исторических книгах и альбомах. Он уникальный не только потому, что это первое в Корее портретное изображение королевы Мин, но еще и потому, что до него портретов королев Чосона (ни парадных, ни обычных) с конца XV в. не писали.

Госпожа Ли показала мне документ. Он удостоверял, что Музей дворцовой культуры в Сеуле принял на хранение еще одно выполненное по ее заказу художественное произведение – официальный портрет императора Сунджона кисти того же Квон Очхана. Он был выполнен на основе документов и консультаций со специалистами для выставки в этом музее, посвященной 100-летию со дня провозглашения Корейской империи в 1997 г. Это первый в истории официальный портрет Сунджона. Усилиями Ли Ёнсук и при поддержке Корейского женского конфуцианского общества *Ерим* и Ассоциации потомков королевского рода Ли из Чонджу 8 октября 1995 г. – в день, когда исполнилось 100 лет со дня смерти королевы, на месте ее гибели на территории дворца Кёнбоккун была торжественно установлена памятная стела. На ее открытии, кроме прочих гостей, выступил советник Российского посольства А.Т. Иргебаев. 13 ноября 1998 г., в день 147-летия со дня рождения королевы, поминальные церемонии с участием ее потомков, губернской и местной администраций

и общественности были проведены в ее родном доме в деревне Нынхёлли (уезд Йоджу, Кёнги).

Возрождая память о королеве Мин, госпожа Ли Ёнсуک руководствуется древними представлениями о почтительности, по которым потомки живут тем лучше, чем лучше сохраняют память о предках (ухаживают за их могилами, проводят на них регулярные обряды). Таким предком для нее является убитая врагами «мать страны» – королева Мин. Не являясь историком, она почувствовала несправедливость в том, что в Корее, где столь уважают борцов за независимость и их потомков, забыта одна из самых ярких представительниц этой борьбы, трагически погибшая потому, что была самым решительным и деятельным анти-японским политиком в корейском руководстве. Госпожа Ли увидела в этом «непочтительность» и сделала все, что могла, для исправления ситуации.

Чосон и русско-корейские отношения

«Большинство литературы, которая выходит сейчас по Чосону, написано для широкой публики. С серьезными исследованиями она ничего общего не имеет», – предупредил меня коллега – историк Ли Минвон, автор книги «Убийство королевы Мин и бегство вана Коджона в русскую миссию». Меня же, наоборот, привлекало это многообразие как новое прочтение корейским обществом своей истории. Что имел в виду Ли Минвон под «серьезными исследованиями»? Несомненно, работу с хрониками и архивными документами. Но и эти материалы тоже составлялись разными людьми. Кроме того, вырванные из контекста, рассмотренные не в комплексе (без учета материалов желательного всех задействованных сторон) или с предубеждением, они также могут служить противоречивому толкованию событий и фактов, иначе не было бы в корейской историографии столь большого разброса мнений по множеству вопросов, скажем, по истории русско-корейских отношений.

У нас с Ли Минвоном при сохранении взаимоотношения и приятельских отношений идет давний спор об объективности исторических документов. Он возник в пору, когда я в 1994–1996 гг. писала в Сеульском национальном университете магистерскую диссертацию об искажениях истории русско-корейских отношений в южнокорейской историографии. Ли Минвон наличие этих искажений,

как и достоверность русских архивных материалов, с которыми я сравнивала написанное корейскими историками, ставил под сомнение. По его мнению, достоверность исторического документа определяется в первую очередь тем, представитель какой страны его составил, и в этом плане самыми ценными являются английские и американские источники. По ним Ли Минвон и написал свою книгу по истории русско-корейских отношений. «Являясь самой могущественной страной мира, Англия собирала чрезвычайно аккуратную информацию не только по Китаю, Японии и России, но также по финансовому и военному состоянию Кореи, а США различными способами детально изучали внутреннюю и внешнюю политику корейского двора...», – так он объяснил это в предисловии. Русские материалы, по его мнению, уступают английским и американским в силу «своего особенного характера», и использующие их историки «вместо того чтобы подчеркнуть пассивность Российской империи в Корее в конце XIX в., часто преувеличивают возможности и роль корейской стороны». Еще более категорично высказался старейший в Корее автор, пишущий по русско-корейским отношениям, – почетный профессор Ханянского университета Чхве Мунхён: «Ограниченность русских документов в том, что все они подчинены государственным интересам. Исследователю стоит их смотреть лишь тогда, когда он понял состояние международных отношений в целом. В противном случае – это бессмысленно»²¹.

Вопрос имеет прямое отношение к гибели Чосона. Тут надо пояснить, что в южнокорейской историографии сложилась точка зрения, что в конце XIX в. Корея была исключительно пассивной жертвой внешней агрессии («Мы – привыкший повиноваться власти крестьянский народ, и по-другому и быть не могло», – объяснял мне Ли Минвон) и все, что в стране происходило, было результатом не действий ее правительства, а происков держав – особенно Японии и России. Тем самым ответственность за колонизацию страны Японией с корейцев снималась, и находился виноватый. Как писал южнокорейский историк Кан Мангиль, «осознание истории как процесса, в котором главную роль играет сам корейский народ, у него еще не сложилось. Чтобы такое осознание сформировалось и окрепло, нация сама должна быть готова взять на себя ответственность за неудачи прошлого, и это даже важнее, чем исправление искажений в изложении истории Кореи и прославление ее выдающегося исторического наследия»²². Российские историки утверждают: «Россия в конце XIX – начале XX в. объективно была гарантом корейской независимости». Южнокорейские историки с этим категорически

не согласны. Зато называют «традиционно дружественными» отношения страны с западными странами, хотя в XIX в. они отправляли военные экспедиции к корейским берегам: в 1866 г. – США и Франция, в 1871 гг. – США, в 1885–1886 гг. – Англия.

Россия, в отличие от других крупных держав никогда не вторгалась на корейскую территорию. В 1860-х годах она дала приют тысячам крестьян из северных провинций Кореи, бежавших от голода и притеснений в своей стране. Эти люди получили в России землю наравне с русскими переселенцами и жили намного лучше, чем на родине. Они были первыми представителями своего народа, чьи права и обязанности были определены в соответствии с законами цивилизованного европейского общества (в первой русской конституции 1905 г.). Не признается, что самим фактом своего присутствия на Корейском полуострове Россия в конце XIX – начале XX в. сдерживала агрессивные поползновения Китая, Японии и Англии на корейскую территорию и суверенитет, что именно с уходом России из Кореи эта страна превратилась в японскую колонию.

В южнокорейской исторической науке сложились стереотипы и определенный круг тем. Историки за них крепко держался, и новые концепции в академическую среду проникают с трудом. Тем интереснее познакомиться с мыслями «людей со стороны», не закованных в рамки традиции и предубеждений и вместе с тем живущих внутри той же историко-культурной среды. Если считать, что дилетант – это автор, который не использует первоисточников, то стоит подчеркнуть, что в Корее среди историков нет единства во мнении о том, что такое первоисточник. Например, один доцент Ханнамского университета в статье по истории русско-корейских отношений как-то подчеркнул, что использует только первоисточники, и назвал среди них шесть статей южнокорейских историков, в том числе три собственных, две книги американских и одну – английских авторов времен «холодной войны» и два сборника документов: один корейский, другой – французский²³. В 1990-х годах этот доцент считался экспертом, его приглашали для консультаций по истории русско-корейских отношений серьезные государственные учреждения, но был ли он, закованный в рамки академических стереотипов и политических предубеждений, более точен в описании и трактовке событий прошлого, чем те экономисты, бухгалтеры и воспитатели, которые пишут сегодня по истории Чосона, руководствуясь здравым смыслом, житейским и профессиональным опытом и любовью к отечественной истории? Аналогичными «первоисточниками» пользуются в своих трудах и многие другие южнокорейские историки.

О тношение к русским документам сказалось не только на исторической литературе Южной Кореи, но и на судьбах первых южнокорейских авторов, которые в своих исследованиях на них опирались. В частности, не получил признания Пак Тхэгын – первый в своей стране специалист по истории раннего (до 1860 г.) этапа корейско-русских отношений, переводчик и комментатор дневников генерала Син Нью (申瀏, 1619–1680) – первого корейца, лично встретившегося и беседовавшего с русским человеком (в 1658 г.) и оставившего об этом записи²⁴. При подготовке этих дневников к изданию Пак Тхэгын перевел несколько документов из только что (в 1969 г.) вышедшего в то время первого тома сборника «Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы»²⁵. Можно только догадываться, как он их достал в те годы, когда между РК и СССР не было никаких контактов. Их сведения совпали с содержанием аналогичных корейских материалов. В 1974 г. он перевел на корейский язык относившиеся к Корее фрагменты путевых заметок И.А.Гончарова «Фрегат “Паллада”. Очерки путешествия»²⁶. Так в Южной Корее впервые узнали об экспедиции адмирала Е.В.Путятина и русско-корейских контактах в 1854 г. В 1984 г. Пак Тхэгын опубликовал в переводе на современный корейский язык 12 фрагментов из «Пекинских дневников»*, проливавших свет на более чем 150-летнюю историю российско-корейских контактов в китайской столице²⁷. До него эти дневники для изучения истории русско-корейских отношений никогда не использовались.

В своих исследованиях истории русско-корейских отношений Пак Тхэгын был первопроходцем. Статьи других авторов на затронутые им в 1970–1980-х годах темы стали появляться в РК только после 1997 г. Хотя его выводы не противоречили общепринятой в годы «холодной войны»

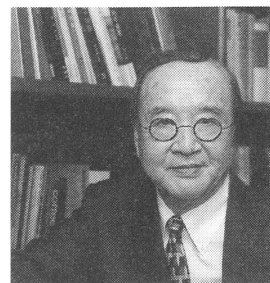
* «Пекинские дневники» (*Ёнхэннок* 燕行錄, от старого названия Пекина *Ёнхэн*) – личные записи о поездке в Китай корейских посланников, которые, хотя и не были официальными, но составлялись с конца XVI в. почти всегда, по сложившейся традиции. По разным оценкам, их было от 500 до 700. Обнаружено и исследовано около 400. Они изданы на языке оригинала (на *ханмуне*) в Южной Корее в 100 томах [*Ёнхэннок чонджип* (Полное собрание «Пекинских дневников»). В 100 тт. Ред. Им Киджун. Сеул: Изд-во Университета Тонгук, 2001]. Есть также 12-томное собрание в переводе на современный корейский язык (*Кугёк Ёнхэннок сонджип*). Оно было издано в 1976 г. и ныне полностью размещено на сайте Института переводов корейской классики <http://db.itkc.or.kr/>. В 2008 г. вышла из печати новая редакция этого собрания (*Синпхён кугёк Ёнхэннок сонджип*), в 17 тт., подготовленная тем же институтом.

концепции (так называемой «русской угрозе» Корее), значение его трудов трудно переоценить. Сейчас Пак Тхэгын уже много лет (1933 г.р.). Он так и не защитился и не стал *кёсу* (профессором)**, хотя непременно бы им стал, если бы занимался другой темой, например, корейско-американскими отношениями. Много лет он возглавлял общественное движение «Поиск наших старинных книг», работал в книжном центре им. Пак Чивона при университете Мёнджи (*Эл-Джи ёнам мунго*) в Сеуле, где сегодня хранятся более 12 тыс. старинных книг (XVI – первая половина XX в.), вышедших в Китае, Монголии и на Западе и имеющих отношение к Корее.

Пак Тхэгын обратился к русско-корейским отношениям в период диктатуры генерала Пак Чонхи, когда господствовал антикоммунистический Закон об охране государства, а слово «Россия» было синонимом слову «коммунизм». Историей русско-корейских отношений тогда никто не занимался, и сама мысль о возможности ее изучения была крамольной. Свой интерес к истории взаимоотношений двух наших стран он сохраняет всю жизнь. В 2005 г. я послала ему через коллегу свою статью в журнале «Восточная коллекция», где было рассказано о его исследованиях обстоятельств посещения Кореи экспедицией адмирала Путятина. Пак Тхэгын в ответ прислал мне красивые часы и журнал со своей статьей о русско-корейских контактах в Пекине на английском языке. В этом новом исследовании главный акцент был сделан уже не на отсталости от Запада живших в духовной миссии в Пекине русских, а на их дружеских отношениях с посещавшими миссию корейцами и их вкладе в развитие представлений корейцев о России, а также российского корееведения. Завершало его стихотворение, которое в январе 1817 г. член корейского посольства Чо Инён (趙寅永, 1782–1850) преподнес в память о встрече главе IX Русской духовной миссии в Пекине отцу Иакинфу (Н.Я. Бичурину, 1777–1853):

Даже в разлуке, разделенные тысячами ли,
Мы все равно будем под одним небом.
И если в будущем одолеет меня по вам тоска,
Я оседлаю своего Пегаса (Небесного коня 天馬)²⁸.

В 2002 г. в Сеуле при финансовой поддержке Корейского фонда вышел в свет первый (и для Кореи, и для России) каталог русских архивных документов по истории

Пак Тхэгын.
Фото Ли Сонджона.
2010 г.

** Судя по последним публикациям, в настоящее время (2010 г.) Пак Тхэгын является приглашенным профессором университета Квандон (г. Каннин, пров. Канвон, РК).

русско-корейских отношений²⁹ – обширный (843 стр.) свод переводов на корейский язык в сокращении документов за 1884–1950 гг. из Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного военно-исторического архива и Государственного архива Российской Федерации. Сегодня его используют в своих исследованиях большинство южнокорейских историков, занимающихся историей России в целом и российско-корейских отношений, в частности. Всего таких людей в РК около 50. Составителем каталога был южнокорейский исследователь доктор Пак Чонхё (朴鍾孝), историк по призванию, посвятивший жизнь, по его собственному признанию, «восстановлению истины и справедливости в отношениях России и Кореи». Это еще одна судьба, на которую русские документы оказали очень большое влияние.

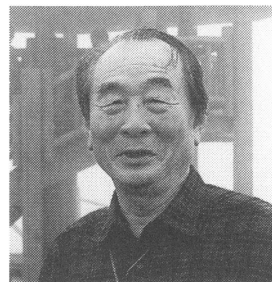
Пак Чонхё родился в 1937 г. в провинции Северная Чолла на юге Корейского полуострова. В 1958 г. поступил на отделение русского языка и литературы в университет иностранных языков Хангук (Сеул), где его учителем русского была Калерия Вэллс, украинка по национальности. Она приехала в Корею вслед за мужем – американским военным, с которым познакомилась в Германии. Миссис Вэллс тепло относилась к своим ученикам и нередко приглашала их к себе домой. Пак ее так уважал, что когда она уезжала из страны, сделал ей, хотя весьма нуждался, дорогой подарок – кольцо из чистого золота. Таких вещей у него никогда не было, и только купив его, он узнал, что изделия из такого золота быстро деформируются. Но не это было в данном случае главным. В 1962 г. Пак Чонхё поступил в аспирантуру в университет Ёнсе, выбрав темой будущей диссертации русскую историю. Но защититься не удалось, поскольку в те годы в Южной Корее не было ни одного специалиста, который мог бы стать его научным руководителем. Не было также ни книг, ни материалов, которые можно было бы использовать в работе. В последние месяцы учебы в Ёнсе Пак Чонхё написал письмо советнику-посланнику американского посольства в Сеуле, в котором просил предоставить ему возможность поехать в США для дальнейшей учебы. Они встретились. Советник, глядя на него с любопытством, спросил, почему его интересует российская история, которой никто в его стране не занимается, и подарил один том «Истории России», опубликованный американским военным ведомством, и номер журнала «Америка». Оба издания содержали резкую критику СССР. «Так я понял, – рассказывал доктор Пак, – что даже если я и поеду в Штаты, то непредвзято изучать историю России я там не смогу. И я поехал в Японию. Но и там учеба не сложилась. Как-то зашел

в аптеку, но ее работник-японец, узнав, что я из Кореи, отказался меня обслуживать и захлопнул за мною дверь. И я вернулся домой».

На родине Пак Чонхё ожидали новые трудности. Работу, где бы требовались его знания, найти не удалось: в годы «холодной войны» специалисты по России не требовались. Менять специальность он не собирался и защищаться по другой теме не стал. По его словам, в формировании его стойкого интереса к России огромную роль сыграли произведения Льва Толстого, особенно его философско-нравоучительные рассказы и притчи, которые он еще в школе прочитал семь раз. Чтобы обеспечить семью, Пак обратился к занятию предков: уехал в родную деревню и стал земледельцем и трактористом. Дела пошли успешно: провинциальные власти трижды награждали его призами за высокие показатели в выращивании риса. Шли годы, но мечту своей молодости он никогда не оставлял. Остается загадкой, как за повседневным крестьянским трудом он не забыл русский язык, не растерял тяги к знаниям. И судьба дала ему шанс.

В 1988 г., когда после Олимпийских игр в Сеуле начались первые контакты РК с Россией, Пак Чонхё написал письмо М.С. Горбачеву. Послал он его через знакомых в двух экземплярах: один – из Гонконга, а другой – из США, поскольку прямые контакты с соцстранами, в том числе и почтовая переписка, были запрещены. В письме он просил разрешения приехать в СССР для продолжения изучения русской истории. Время было бурное, переходное. Обе страны возлагали большие надежды на установление отношений, и такое разрешение Пак Чонхё было дано. В 1990 г. он стал первым южно-корейским исследователем, официально приехавшим в нашу страну для подготовки кандидатской диссертации в Институте российской истории РАН.

Ему было 53 года. Жизнь без семьи и друзей, без достаточных финансовых средств, в непривычном окружении, где даже еда представляла собой проблему, была чрезвычайно трудна. Но это были и счастливые годы. Настойчивые усилия принесли свои результаты. В 1993 г. Пак Чонхё защитил кандидатскую («Россия и Корея. 1895–1898»), а в 1995 г. – докторскую диссертацию («Русско-японская война и Корея»). Это были первые диссертации, защищенные в России гражданином Республики Корея. Написанные хорошим русским языком, они были опубликованы в Москве³⁰ и быстро стали библиографической редкостью. Это были первые издания, где история России была показана с точки зрения южнокорейского исследователя. В 2003 г. докторская диссертация Пак Чонхё

Пак Чонхё.
Фото 2006 г.

вышла в Токио, уже на японском языке. За эти достижения университет Хангук на собрании бывших выпускников в отеле «Лотте» в Сеуле в 2002 г. наградил доктора Пака призом «Выпускнику, прославившему свою *Alma mater*». На корейском языке его обе диссертации не опубликованы до сих пор.

Почти 15 лет Пак Чонхё неустанно работал в русских архивах, став одним из лучших в мире знатоков собранных в них документов по русско-корейским отношениям. Он объездил их практически все: в Москве и Петербурге, Иркутске и Владивостоке. Добрался до самых редких документов, к которым до него не прикасалась рука исследователя, и сделал немало открытий. В частности, обнаружил до того не известные биографические сведения о первом дипломатическом представителе России в Корее К.И. Вебере и его преемнике А.Н. Шпеере, личные письма императора Коджона Николаю II. О каждой своей находке доктор Пак информировал соотечественников, публикуя в научных и общественно-политических журналах и газетах, выступая по радио и телевидению, участвуя в десятках конференций. Он написал более 40 статей о самых сложных и малоизвестных событиях и явлениях в отношениях наших стран: об отношении к России королевы Мин; о первых корейских дипломатических посланниках в России Мин Ёнхване (1896) и Ли Помджине (1900–1910); о Русской духовной миссии в Корее, о битве крейсера «Варяг» в Инчхонской бухте, с которой 8 февраля 1904 г. началась Русско-японская война; о поездке тайных посланцев Коджона на организованную по инициативе России и ее усилиями 2-ю Международную мирную конференцию в Гааге (15 июня – 18 октября 1907 г.); о расследовании русскими правоохранительными органами убийства японского сановника Ито Хиробуми, совершенного в 1909 г. в Харбине патриотом-националистом Ан Чунгыном; о роли СССР и США в расколе Кореи в 1945 г. и многом другом.

Статьи Пак Чонхё впервые в его стране представляли события русско-корейских отношений не по пересказам английских, японских, китайских и американских авторов, а на основе российских архивов, до того совершенно не известных. В своей стране он получил прозвание «прорусского историка». Это не означает «отстаивающего русскую точку зрения». Она у него своя. Это означает, что он работает по русским документам и не разделяет негативных представлений об истории русско-корейских отношений, сложившихся в корейской историографии за 35 лет колониального господства и десятилетия «холодной войны». В последние годы эти представления в южно-корейской историографии стали меняться, стали не столь

резкими и однозначными, как в прошлом, и в этом есть большой вклад доктора Пака.

В 2004 г. Пак Чонхё seriously заболел. Сказались годы напряженной работы, когда он днем проводил часы в архивных хранилищах, а по вечерам переводил и классифицировал собранное. Ему пришлось прервать работу и вернуться на родину. После операции болезнь, к счастью, отступила, но новые гранты, которые и раньше не были щедрыми, перестали поступать. На постоянную работу не приглашают: мешают и репутация «прорусского», и недоверие к русским документам, и возраст. Заслуги Пак Чонхё в южнокорейском обществе, конечно, в определенной мере признаны. Иногда он читает лекции в университетах или выступает по радио или телевидению, ему заказывают статьи на актуальные темы современных международных отношений в АТР. Но осуществить главное: вернуться в Россию, чтобы поработать в архивах и окончить задуманное – подготовить многотомный аннотированный каталог русских документов, имеющих отношение к Корее, – не удастся. С учетом астрономических цен на жилье в Москве своих средств ему на это не хватит.

Из письма Пак Чонхё от 26 октября 2008 г.:

«Я занимался изучением русских архивов не потому, что искал славы. Моя цель была – заложить правильные основы изучения русско-корейских отношений, т.е. поставить его на основу документов, первоисточников. Из-за этого меня нередко критикуют здесь, в Корее. Как правило, это делают полные невежды, и мое положение не позволяет им ответить. Символом русско-корейских отношений я выбрал первого преподавателя русского языка в Корее Н.Н. Бирюкова (1861–1916). Моя идея – представить его к награде Министерства по делам ветеранов РК. Поэтому я собираю материалы о нем, пишу статьи, направил все необходимые сведения в наградной комитет, установил отношения с его внучатой племянницей Еленой Митрофановной Бирюковой, живущей в Москве. Пока у нас историю пишут в основном по американским и японским материалам. Но я думаю, что исправление искажений в истории русско-корейских отношений – дело обязательное и неизбежное. Трудно сказать – когда, но это произойдет.»

В середине января 2008 г. Пак Чонхё направил письмо на сайт Комитета по приёму президентского поста, собиравший наказания граждан только что избранному тогда президенту Ли Мёнбаку, которое озаглавил как «Проект по осуществлению политики укрепления дружественного сотрудничества между Республикой Корея и Россией». В нем он выразил озабоченность охлаждением в то время отношений между двумя странами и призвал нового главу

государства принять меры для их улучшения. Попросил и поддержать издание его каталога русских архивных документов за 1917–1980 гг. Адресат на обращение не откликнулся, но в народе доктор Пак нашел немалую поддержку. На вышеупомянутый сайт поступили отклики граждан, выразивших поддержку ученому-подвижнику:

«От души выражаю благодарность Пак Чонхё, написавшему это письмо в комитет. Упорно работающий без какой-либо поддержки проф. Пак – действительно выдающийся человек. Прошу новое правительство его поддержать. Подпись: Alpus.»

«Проф. Пак получил докторскую степень в России. Он скрупулезно изучает влияние России на Северо-Восточную Азию, а на Россию в Корею никто не обращает внимания. Надеюсь, что комитет окажет ему всестороннюю поддержку, чтобы он мог и дальше продолжать свои исследования. Подпись: Далекое облако (*Тын курым*).»

«Выражаю благодарность Пак Чонхё – уникальному специалисту по истории корейско-русских отношений – и надеюсь, что он и дальше будет продолжать свою работу на благо будущих поколений исследователей. Прошу новое правительство поддержать его труды и издание собрания документов, тем более что требуются совсем небольшие средства. Подпись: Поклонник учености (*Чхвехак*).»

Пак Чонхё не теряет надежды на публикацию каталога русских документов по Корею с резюме их содержания на корейском языке. Это более тысячи страниц печатного текста. Не имея возможности нанять помощника, он набирает их сам на компьютере. «Я часто вспоминаю о Москве и тех, кого я там знаю. Я люблю Россию и русских. Хотя я и голоден был в Москве», – это фраза из его письма в марте 2007 г.

Постскриптум. В марте 2010 г. из Сеула пришла радостная весть: подготовленный доктором Паком двухтомный сборник «Документы по Корею из Архивов внешней политики Российской империи и Российской Федерации» принят к печати. Он вышел в свет в конце мая 2010 г. в сеульском издательстве «Сонин»³¹.»

Можем ли мы достичь с корейцами взаимопонимания и найти точки соприкосновения в оценке истории русско-корейских отношений? Я убеждена, что сделать это необходимо, потому что в этом залог добрососедства наших стран, и что это возможно, пусть и в далеком будущем, если обе стороны будут проявлять заинтересованность и основываться на исторической правде. Есть ли вообще она – историческая правда? Весной 2008 г. я смотрела

по российскому телевидению интересную дискуссию на эту тему, предложенную популярным телеведущим Андреем Максимовым. Хотя участвовавшие в ней историки высказывали иное мнение, дилетанты победили и был сделан общий вывод, что правды исторической нет, а люди пишут об истории, исходя из своих пристрастий или представлений, политической конъюнктуры, коммерческого заказа и пр. Я не согласна с этим выводом. Правда есть, поскольку есть факты, которые невозможно опровергнуть. Сколько бы ни было разных людей на свете, никто не сомневается в том, что на свете были Чингисхан и Сталин, что в 1904–1905 гг. шла Русско-японская война. Это и есть история.

Мне вспоминается встреча с одним из моих научных оппонентов, самым яростным сторонником теории о «русской угрозе» Корее, председателем корейского Исторического общества Чхве Мунхёном в декабре 2004 г. Понимая, что вряд ли в чем-то смогу его убедить, я просто указала ему на две цитаты из его же книги. В одной из них говорилось, что Русско-корейский договор 1884 г. был самым несправедливым и неравноправным из всех договоров с западными державами, заключенных Кореей в 1880-х годах. В другой (через несколько страниц) отмечалось, что все эти договоры были идентичными по содержанию, поскольку на этом настаивал Китай – сюзерен Кореи в то время. Я задала доктору Чхве только один вопрос: которая из двух цитат соответствует истине? Он долго не мог найти, что ответить.

Потом мы еще долго сидели в кафе, я задавала ему вопросы по его выступлениям в газетах, но все ждала ответа на главный вопрос. Доктор Чхве смотрел на меня почти с отвращением. Несколько раз он надевал пальто и уходил, но потом возвращался опять. Я знала, как ему трудно. С одной стороны, ему было обидно, что какая-то «девчонка» (я была моложе его лет на 25), не профессор и не доктор (я была только кандидат наук) смеет выискивать недочеты в его труде! С другой стороны, он был добросовестным историком, который писал, как его учили, во что он верил. Он был убежден, что прав, и искал, как поставить меня на место. Его беда была в том, что он пользовался клише. Так, как он писал о России, писали все корейские историки на протяжении десятилетий, начиная с 1945 года и даже раньше. В их работах по русско-корейским отношениям я часто находила совершенно одинаковые фразы и цитаты. Они так привыкли к этим многолетним повторам, что никто их уже не редактировал и не обдумывал. Это несоответствие заместил еще Джордж Ленсен, рано погибший в автокатастрофе американский историк с русскими

корнями, автор обширного труда «Баланс интриги» (1983), который в отличие от подавляющего числа своих коллег во всем мире пользовался при описании политической ситуации в Корее в XIX–XX вв. и русскими архивными документами. Он писал:

«Историки, журналисты, дипломаты – практически все искажали внешнюю политику царской России. В условиях, когда ученые, оценивавшие Россию как агрессивное государство, составляли подавляющее большинство, основное внимание уделялось аргументам, свидетельствовавшим о российской агрессии, и по-другому быть не могло. Однако при ближайшем рассмотрении становится очевидно, что содержание работ этих авторов мало различалось, поскольку все они опирались на крайне ограниченное число исторических материалов или просто цитировали друг друга. Причина заключалась не в намеренном стремлении к искажению фактов, а в незнании русского языка, что не позволяло читать подлинные русские материалы. Кроме того, русские исторические архивы долго были недоступны для иностранцев»³².

Чхве Мунхён мучительно искал ответ на мой вопрос, на который, как я была уверена, иного ответа, кроме признания ошибки, быть не может. Поразительно, но ошибку он не признал и приемлемый для самого себя ответ все же нашел! «Первая точка зрения принадлежит английскому автору Кернану*», – сказал он.

– Кто такой Кернан? Почему вы цитируете его, если есть первоисточник? Тексты всех первых договоров Кореи с западными странами опубликованы, и нетрудно убедиться, что текст Русско-корейского договора 1884 г. идентичен всем прочим договорам Кореи – с США, Англией, Германией.

– Как, вы не знаете Кернана? Тогда о чем мы можем с вами говорить?

Кернана я действительно не читала. Выход был найден, и профессор сохранил лицо. «Она не знает Кернана», – повторил он несколько раз, обращаясь к присутствовавшему во время нашей встречи профессору Мун Хису. На том мы и расстались.

Летом 2008 г. я увидела в книжном магазине новую книгу Чхве Мунхёна по истории русско-корейских отношений. Достаточно было лишь бегло ее полистать, чтобы стало ясно, что свою точку зрения он не изменил. Опираясь все на те же труды английских, американских, китайских и японских историков времен «холодной войны», а также на

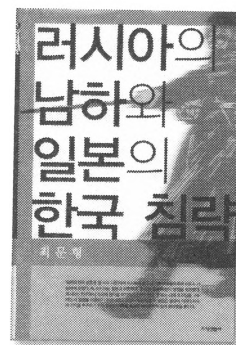
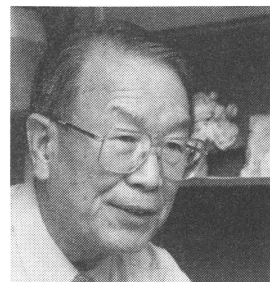
---

* *Kiernan E.V.* British Diplomacy in China. 1880–1885. Cambridge, 1939.

свои собственные, он поставил целью теперь уже в отдельной книге «ясно показать, как Россия своим продвижением в Восточную Азию способствовала японской агрессии в Корее, что в 1884–1904 гг. она сдерживала действия в ней Китая и Японии, потому что опасалась, что те страны раньше нее захватят вождеденную Корею, и уж никак не во имя корейской независимости». Россия тоже была агрессором, и тут она ничем не отличается от Японии».

Чхве Мунхён дал категорический ответ на вопрос, кто виноват в том, что Корея стала колонией, который и сегодня крайне волнует корейское общество: «Колонизация есть совместный продукт империалистов – западных держав и в первую очередь России, помогавших агрессивным замыслам японцев по имя собственных интересов»³³. Он подчеркнул, что написал эту книгу, «желая преодолеть существовавшее до сих пор направление исследований и создать основу для работы будущих поколений историков». Под «существовавшим до сих пор направлением исследований» он, видимо, понимает работы южнокорейских историков сравнительно молодого поколения, которые с конца 1990-х годов начали осторожно пересматривать исключительно негативные оценки истории русско-корейских отношений, сложившиеся в южнокорейской историографии. Если вспомнить уже упоминавшуюся его цитату, о том, что «исследователю стоит смотреть русские документы лишь тогда, когда он понял состояние международных отношений в целом. В противном случае – это бессмысленно», то можно сказать, что и сегодня доктор Чхве «состояние международных отношений в целом» пока так и не понял, поскольку в его новой книге не цитируется ни один русский документ.

Наша, на вид бесплодная, встреча с Чхве Мунхёном была для меня необходимой. Я увидела живого человека, много лет отстаивающего тезис об исконной враждебности России и Кореи и искренне в том убежденного. Она утвердила меня во мнении, что обязательно надо высказывать свою точку зрения, доводить ее до оппонентов и выслушивать их аргументы. Вскоре после своей защиты в Сеульском университете магистерской диссертации на тему «Процесс установления дипломатических отношений между Россией и Кореей в конце XIX в. Критика теории о русской угрозе Корее» в начале 1997 г. я получила письмо от присутствовавшего на ней аспиранта Ён Капсу с подробным разбором моей работы. Особое внимание он обратил

Профессор Чхве Мунхён и обложка его книги «Русское “продвижение на юг” и японская агрессия в Корее» 2007 г.

³³ Намек на тезис российской историографии о том, что российская политика в Корее в конце XIX в. объективно способствовала сохранению ее независимости.

на мое утверждение, что корейские историки намеренно искажают реальные события русско-корейских отношений в угоду политической конъюнктуре. «Мы о многом не знали и не знаем сегодня. В этом главная причина», – писал Ён Капсу. Его письмо положило начало нашим сохранявшимся до его безвременной кончины в 2011 г. профессиональным и личным контактам, в основе которых лежит признание важности любых исторических источников. Но, как показал опыт с Чхве Мунхёном, дело было не только в незнании. Сегодня многие русские документы стали в РК доступны, но доктор Чхве принципиально не желает о них знать.

Тактики игнорирования придерживается не только он. В Музее дворцовой культуры на территории дворца Кёнбоккун в Сеуле есть большой зал, где целую стену занимает хроника правления Коджона. Под 1884 годом там указаны три события: создание первого в истории Кореи почтового ведомства современного типа, заключение Договора о дружбе и торговле с Италией; неудачная попытка политического переворота (*капсин чонбён*). О том, что 7 июля 1884 г. был подписан первый Русско-корейский договор о дружбе и торговле, положивший начало официальным отношениям двух стран, в этой хронологии упоминания нет, несмотря на то что Россия играла в то время на полуострове очень важную роль, в отличие от Италии. Под 1888 годом в хронике упомянуто единственное событие: принятие закона о телеграфном сообщении, а о подписании Правил для сухопутной торговли между Россией и Кореей не говорится*.

Но народная память, видимо, устроена иначе, чем официальная. Об этом свидетельствует корейский интернет, где можно найти множество любопытной информации, в том числе и касающейся наших соотечественников или просто считающихся «русскими» людей, живших в конце Чосона в Корее и совершенно забытых в России.

Карл Иванович Вебер

Карл Иванович Вебер (17.VI.1841–8.I.1910, корейское имя Випхэ 韋貝) был первым официальным русским дипломатическим представителем в Корее. Он прослужил в этой стране 12 лет: с 1885 г. – временным поверенным, а в 1888–1897 гг. еще и генеральным консулом.

* Сведения приводятся на лето 2008 г.

Его подпись стоит на первых официальных соглашениях, подписанных между нашими странами: Договоре о дружбе и торговле (7/VII/1884) и Правилах для сухопутной торговли (20/VIII/1888). Он же их и готовил, заложив тем самым практическую основу всех будущих русско-корейских отношений.

Время его пребывания в Корее стало периодом невиданного сближения наших двух стран, пиком которого стало пребывание вана Коджона и его наследника принца Чхока (будущий император Сунджон) в Русской дипломатической миссии. Опасаясь, что и их постигнет участь несчастной королевы, убитой японцами и корейскими изменниками 8 октября 1895 г., они бежали из дворца, где всеми делами заправляли японцы, и прожили под одной крышей с К.И. Вебером целый год (12/II/1896 – 20/II/1897). Чтобы понять, как могло такое экстраординарное событие произойти, надо разобраться в особенностях политической ситуации в Корее в то сложное и тревожное время, когда русские интересы в ней представлял Карл Иванович.

Последняя четверть XIX в. была для Кореи временем прежде невиданных перемен. Открытие ее портов для внешней торговли и установление дипломатических отношений с ведущими державами в 1876–1886 гг. дали толчок ожесточенному соперничеству держав за преобладающее влияние в стране. Ведущую роль в нем играли Китай, проводивший «политику закабаления» (*йесокхва*) Кореи с целью превращения ее в свою провинцию, и стремившаяся к колонизации Кореи Япония, хотя в то время она тщательно маскировала свои тайные намерения. Политике в Корее этих обеих держав противостояла политика России, интересам которой отвечало сохранение в Корее статус-кво, поскольку утверждение в этой стране враждебных сил представляло бы угрозу русским дальневосточным владениям, которые не были достаточно защищены. Ситуация осложнялась глобальным русско-английским противостоянием. Оно сделало самую могущественную в мире державу тех лет Англию японским союзником в Корее. США также склонялись на сторону Японии. Когда в конце 1895 г. американские дипломаты в Сеуле предприняли шаги, чтобы поддержать сторонников Коджона, пытавшихся освободить главу государства из-под домашнего ареста, госсекретарь Р. Олни нашел их действия «достойными сожаления».

Особенность положения Вебера заключалась в том, что его действия в защиту корейского суверенитета шли в русле инструкций русского МИД, в то время как его иностранные коллеги в этом вопросе поддержки своего

правительства не имели. Это придавало ему особый вес в дипломатическом сообществе в Сеуле. Надо отметить, что российский МИД считал Корею «неперспективной» для приобретения каких-либо экономических или стратегических выгод и особенной заинтересованности в ее делах не проявлял. Не случайно корейские историки называют русский курс в Корее в 1884–1894 гг. «пассивным». Вебер же, напротив, был одним из немногих, кто понимал значимость Кореи для России как ближайшей соседки на Дальнем Востоке, и участвовал в ее политической жизни, видимо, более активно, чем того желало его правительство.

Можно только предполагать, какого напряжения сил потребовал от К.И. Вебера тот прием главы корейского государства в своем доме в течение столь долгого периода. В этом событии, которое было воспринято как мировая сенсация и которое до сих пор вызывает неоднозначные оценки у корейских и западных историков, сплелись и международные факторы, и политические расчеты, и личные мотивы сторон. Сыграли в нем роль и доверительные отношения, которые установились за десять лет общения между конфуцианским монархом Коджоном и кадровым русским дипломатом Вебером. Это был редчайший случай, и многим эта дружба откровенно не нравилась. Как доносил в 1896 г. в Санкт-Петербург представитель министерства финансов в Сеуле Д. Покотилов, «как сам господин Вебер, так в особенности его жена и живущая в доме дальняя родственница семьи г-жа Зонтаг, прямо не надышатся на своего гостя. Разговоры о короле и о том, что он сделал или сказал тогда-то или по какому-то случаю, положительно не сходят у них с языка. При этом все стараются свести на придворные обычаи настоящих дворов, называя, например, королевских наложниц “фрейлинами” и т.п. Считаю необходимым конфиденциально сообщить, что участие нашего представителя в личных делах короля довольно сильно бросается в глаза»³⁴.

Как видно, господин Покотилов не считал корейский двор «настоящим» и не признавал значимости происшедшего в те дни в русской миссии. Он явно следовал новым веяниям в русском правительстве, курс которого на Дальнем Востоке в то время коренным образом менялся в связи с кончиной Александра III (1881–1894) и восшествием на престол Николая II (1894–1917). Зрело решение о том, чтобы уступить преобладающее влияние в Корее Японии, чтобы избежать с ней в будущем столкновения. Вебер становился неудобен, поскольку был слишком самостоятелен и слишком горячо отстаивал необходимость энергичных мер против японских поползновений

на суверенитет Кореи. Летом 1895 г. поступило указание о его отзыве из Сеула и назначении послом в Мексику. Оно было тяжелым ударом для Карла Ивановича. Предчувствуя ожидающие Корею катаклизмы, он не хотел ее оставлять и даже написал письмо министру иностранных дел А.Б. Лобанову-Ростовскому, где была такая фраза: «Для меня весьма тяжело оставлять Корею, которой я посвятил более 10 лет своей службы». Коджон дважды обращался к Николаю II с настойчивой просьбой оставить Вебера на его посту, благодаря чему Карл Иванович смог задержаться в Корее до начала 1897 г.³⁵

Доверие корейского монарха сделало Вебера в Корее «всемогущим человеком» (omnipotent man), по выражению американского историка Халберта. Это значимая историческая фигура. Вместе с тем биографические сведения о нем весьма скудны. В России до 1979 г. о нем практически не писали, потом стали упоминать, а его «выдающаяся роль в становлении, развитии и упрочении русско-корейских отношений» была постепенно признана только после развала СССР. Импульс к поиску биографических сведений о К.И. Вебере был дан с установлением дипломатических отношений между Россией и Республикой Корея в 1990 г. Первым автором, написавшим о нем специальную статью, был Пак Чонхё (1992 г.). На сегодня о Вебере известно следующее.

Карл Фридрих Теодор (Карл Иванович) фон Вебер (нем. Carl Friedrich Theodor von Waeber) родился в немецкой семье 5 июня 1841 г. в Либаве – так назывался до 1917 г. порт Лиепая (Леераја) на берегу Балтийского моря на территории современной Латвии. В XIX в. это была Курляндская губерния Российской империи. Его отец, сын лютеранского проповедника, окончил курс наук в Йенском и Дерптском университетах и служил учителем Либавского сиротского училища. В семье было пятеро детей. Карл был третьим. В 1861–65 гг. он учился на восточном факультете Санкт-Петербургского университета. В 1866–1870 гг. находился в Пекине по направлению Министерства иностранных дел, где совершенствовал знание китайского языка. Пять лет работал в Японии: вице-консулом и секретарем в Хакодате (1871–1873) и вице-консулом в Йокогаме (1874–1875). Затем почти девять лет (1876–1884) был консулом в Тяньцзине в Китае. В 1882 г. ему было поручено подготовить заключение договора с Кореей – единственной из сопредельных стран, с которой у России не было официальных отношений. С тех пор Карл Иванович приступил к глубокому изучению этой страны, причем не только как дипломат, но и как ученый.

Он собирал карты Кореи и отдельных провинций, планы и описания столицы и крупных городов. Еще находясь в Тяньцзине, он писал в письме от 20 марта 1884 г.: «Я с утра до позднего вечера занимаюсь своими картами и дорожу каждою секундою, оставляя все остальное, не относящееся до Кореи, в стороне». В 2004 г. была обнаружена коллекция корейских рукописей, ксилографов и старопечатных книг, которую К.И. Вебер самым первым среди русских дипломатов подарил в 1892 г. Санкт-Петербургскому университету. Другие книги из его библиотеки на корейском языке университет приобрел у его вдовы после его кончины. Во многих из них остались сделанные его рукой пометки³⁶.

Оставила семья Веберов и след в корейской культуре. После пребывания Коджона в Русской миссии были построены первые европейские здания на территории императорского дворца Кёнунгун, при корейском дворе стали изучать европейский придворный этикет, зазвучала европейская духовая музыка, стали подавать кофе и блюда европейской кухни. При поддержке императора родственница К.И. Вебера Антуанетта Зонтаг, которая обслуживала его в миссии, открыла первую в Корее гостиницу «иностранный типа», которая несколько лет оставалась лучшей в стране.

Из всех дипломатических представителей западных держав в Сеуле только Вебер представлял абсолютную монархию и был, по выражению английской писательницы И. Бишоп, ее «преданным слугой». Возможно, это было главным, что сближало Коджона и Вебера. Первый мечтал об абсолютной власти, второй, в отличие от всех остальных, понимал, что это значит. По мнению некоторых исследователей (Хо Тонхён), провозглашая Корейскую империю вскоре после ухода из русской миссии в октябре 1897 г., Коджон взял за образец ее устройства именно Российской империю.

Слишком глубокая вовлеченность в корейские дела стоила Веберу карьеры. В 1897 г. недовольство Вебером в Петербурге усилилось, особенно в связи с его «чрезмерно активной» деятельностью в связи с русскими военными инструкторами в Корее. Как известно, они были приглашены в Корею при активном участии Вебера и создали первое в стране элитное военное подразделение, преданное, к тому же собственному государю. Это не устраивало японцев. Они оказали серьезный нажим на официальный Петербург, и Веберу пришел приказ немедленно выехать в столицу «для объяснения по делам службы». Как писал видевший его по пути в Россию чиновник, «он очевидно никак

не мог примириться с фактом отозвания его из Кореи и все время о ней говорил».

Еще раз Вебер вернулся в Корею в качестве чрезвычайного посланника в октябре 1902 г. для вручения корейскому императору высочайшей поздравительной грамоты и знаков ордена св. Андрея Первозванного по случаю празднования им 40-летия своего царствования. Находясь в Сеуле, он составил «Записки о Корее до 1898-го года и после», в которых оставил ряд ценных наблюдений очевидца и непосредственного участника событий. 3 мая 1903 г. он выехал в Петербург. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Очевидно только, что о Корее он не забывал до последних дней жизни. Сохранились рукописи его работ по корейскому языку: «О корейском языке и корейском чтении китайских иероглифов» и «Пробная транскрипция всех городов Кореи», датированные 1908 г.

В 2009 г. в русском интернете была кем-то размещена фотография могилы «Карла фон Вебера, посланника российского императора в отставке», находящейся в Нидер-Лёсниц, г. Радебойль, район Мейсен, в Саксонии³⁷. Так стали известны место и дата его кончины – 8 января 1910 г., а также имя его супруги – Евгения фон Вебер, урожденная Маак (17 декабря 1870 – 24 ноября 1921 г.). Выражаю огромную благодарность тому, кто обнаружил эту историческую могилу и сделал сведения о ней всеобщим достоянием.

Идут поиски и его портрета. Об этом я знаю не только по рассказам коллег, но и из корейских блогов, в которых как-то нашла такую ссылку: «Портрет Карла Вебера – 1886 г.». Я очень волновалась, пока ее открывала. С экрана на меня глянул исполненный достоинства высокий худой мужчина с небольшой бородой и усами лет 45–50 в мундире с эполетами и белых перчатках. Он? Примерно таким я себе его и представляла. Но никаких пояснений, откуда портрет заимствован, не было. «Вебер» был снят на фоне кирпичной стены, но в 1886 г., насколько мне известно, кирпичных зданий в Сеуле еще не было. Не дали результаты и консультации со специалистом по русским официальным мундирам конца XIX в. Они, как оказалось, имели очень большое сходство, например, с французскими, и часто менялись. Некоторое время спустя я выяснила, что на том снимке был изображен русский военный агент в Корее подполковник фон Раабен и что сделан снимок был в 1903 г.

Могила К.И. Вебера.
Г. Радебойль, Германия.
*Фрагмент фото
из Интернета*

Русский военный агент
в Корее подполковник
Леонид Рудольфович
фон Раабен.
Сеул, 1903.
Архивное фото

По просьбе доктора Пак Чонхё были предприняты поиски во французских архивах. В результате была обнаружена весьма нечеткая фотография с указанием, что на ней изображен К. Вебер. Он стоит поодаль, в профиль, в группе людей, в пальто и котелке. Лицо почти неразличимо. Хочется верить, что новые находки не за горами.

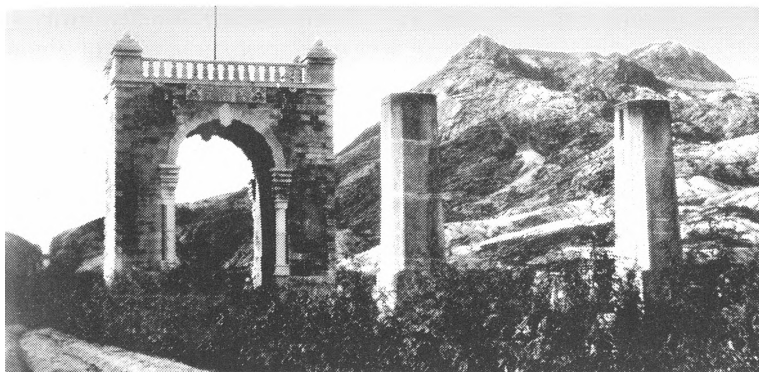
«Сеульский строитель» А.И. Середин-Сабатин

А.И. Середин-Сабатин.
Фото из семейного
архива. 1890-е годы.

Саль Пхаджон 薩巴丁, Саль Пхаджин 薩巴珍, Саль Пхарён 薩巴玲. Так звали в Корее Афанасия Ивановича Середина-Сабатина (1860–1921) – первого западного архитектора. Русский подданный, украинец по национальности, он жил в этой стране 20 лет (в 1883–1904 гг.) и построил около полутора десятков сооружений, значение которых трудно переоценить. Они ознаменовали приход в Корею эпохи Нового времени, составили основу нового строительства и стали местом важных событий в ее истории. Самый известный проект Середина – мемориальные Ворота независимости (*Тоннимун* 獨立門), возведенные в Сеуле в 1897 г. в честь окончания многовековой вассальной зависимости от Китая. В конце XIX – начале XX в. они были символом страны для всего мира. Их изображения помещали в газетах и журналах, на почтовых открытках, в книгах о путешествиях на разных языках.

Ворота были сооружены вскоре после Японо-китайской войны (1894-1895) на месте «Ворот принятия милости» (Ёнынмун 迎恩門), через которые в Сеул торжественно въезжали на протяжении почти пяти веков послы из «старшего государства» (Китая) и куда навстречу к ним выезжал из дворца ван. Первое в Корее сооружение *смешанного европейско-корейского стиля* национального уровня, Ворота символизировали окончание многовековой вассальной зависимости и свободолюбивые устремления Кореи. Закладка первого камня Ворот состоялась 21 ноября 1896 г., а их торжественное открытие – ровно год спустя, при большом стечении народа. Строительство обошлось в 5 тысяч вон. Пятую часть выплатил Коджон, остальное были «народные» деньги, пожертвованные чиновниками, торговцами, студентами. Хотя в стране с давних пор существовала традиция сооружать мемориальные ворота в честь выдающихся людей (например, почтительных детей и преданных жен), они обычно возводились из дерева, в виде небольшого павильона под черепичной крышей.

Мемориальные Ворота независимости (*Тонниммун*) – самый известный проект А.И. Середина-Сабатина. Две колонны перед ними – руины «Ворот принятия милости». Вдали – гора Инвансан («Милостивый ван»). Фото 1906 г. немецкого путешественника Германа Сандера (1868–1945).

Из коллекции Государственного этнографического музея, Сеул

Ворота *Тонниммун* не имели с ними ничего общего. Хотя они называются «ворота», это именно арка, сооруженная из 1850 гранитных блоков в формах неороманской архитектуры по типу Триумфальной арки в Париже, что свидетельствовало об уже имевшихся в то время в Корее представлениях о Европе и ее культуре, а также о стремлении следовать новым образцам в отличие от прошлых времен, когда образцы были китайские.

Афанасий Иванович родился в 1861 г. в г. Лубны Полтавской губернии, в семье разорившегося помещика. О его детских годах и юности известно крайне мало. По семейной легенде, когда ему было 14 лет, он уехал к жившему в Санкт-Петербурге дяде. Тот отправил его в морское училище, где юноша выучился на штурмана дальнего плавания. В этом качестве он попал на Дальний Восток (видимо, около 1880 г.), но вскоре бросил море и прожил оставшуюся часть жизни в Корее, Китае и Приморье.

Более достоверные сведения о его биографии относятся к периоду, когда он в 1883 г. прибыл с женой в Корею из Шанхая в числе первых 30 европейцев, нанятых на службу корейским правительством, и поселился в Чемульпхо – маленькой рыбацкой деревушке на берегу Жёлтого моря, в 50 км от столицы (ныне г. Инчхон). Чемульпхо был одним из трех портов, открытых по договорам с Японией (1876 г.), а затем с США, Англией, Германией, Россией. Именно здесь в первую очередь стали селиться европейцы, и встала задача превратить Чемульпхо в удобный для захода большегрузных судов порт и соответствующий стандартам международный селтлмент.

Именно эту задачу и начал решать, прежде всего, Середин. Вскоре по приезде он представил свой первый проект – здание морской таможни. За ним последовали причалы, иностранное торговое представительство, первый общедоступный сквер. В 1888 г. он составил Генеральный план застройки Чемульпхо как первого города

Легендарное здание русской дипломатической миссии, построенное А.И. Серединым-Сабатиным в 1891 г. Это был первый европейский особняк представительского класса в корейской столице, но особенно знаменит он тем, что в нем 375 дней жил ван Коджон.

Покои Коджона в Русской дипломатической миссии.
Архивное фото.

европейского типа. Он был одобрен Коджоном и подписан консулами семи государств. Сегодня Инчхон – крупнейший город Южной Кореи. В нем мало что осталось от прежних времен, но имя первого строителя его жители помнят. О нем упоминается на сайте городской администрации и в проспекте местного краеведческого музея, который расположен в последней постройке Середина в Чемульпхо – здании Дипломатического клуба (1902).

В 1889 г. Афанасия Ивановича пригласили для работы в столице. В 1890–1891 гг. по его проекту в Сеуле был возведен первый европейский особняк представительского класса – Русская дипломатическая миссия. Она стала центром политической истории Кореи, когда в ней 375 дней (12 февраля 1896 г. – 20 февраля 1897 г.) жил ван Коджон.

«Король занимал в Миссии две прекрасные высокие комнаты, снабженные такою обстановкою и такими удобствами, которых он, конечно, никогда не имел в своем дворце. Рядом был выстроен большой барак под королевскую кухню, а двор Миссии был весь застроен корейскими домами самых разнообразных фасонов, в которых были канцелярии главных министерств. Тут министры ожидали своей очереди для докладов и тут же велись текущие дела... Даже был проведен телефон от Министерств Двора и Военного, с которыми король мог сноситься в любой

момент. Сонм придворных лиц, евнухов и гаремных дам наполняли Миссию, ожидая приказаний своего властелина. Десантный отряд из 80 человек охранял неприкосновенность высокого гостя...»³⁸, – так описывал это время очевидец – драгоман миссии Е.Ф. Штейн.

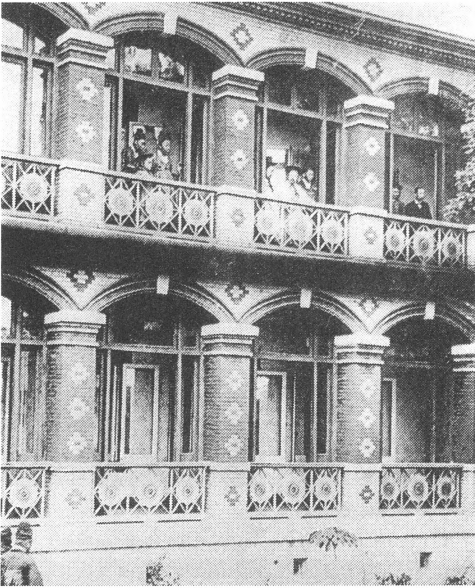
Это был период наибольшего сближения наших стран, главным событием которого стала деятельность в Корее русских военных инструкторов. С августа 1896 г. по март 1898г. они подготовили первый в истории страны боеспособный современный отряд из 2400 человек, и притом верный законному государю. Под давлением Японии и Англии им пришлось вскоре покинуть страну, но их трудами была создана реальная альтернатива японскому влиянию и гарантирована, пусть и на время, стабильность дружественного правительства. Появление собственной гвардии придало Коджону уверенности, и 12 октября 1897 г. он провозгласил Чосон империей. Его резиденцией стал новый дворец Кёнунгун (с 1907 г. – Токсугун) – первый, где появились постройки европейского и смешанного типа, что определило его своеобразие. Они возводились по проектам А.И. Середина-Сабатина.

В 1896–1900 гг. он построил в Кёнунгуне пять уникальных зданий. Из них особенно значимым считается «Дворец проникающего света» (*Чунмёнджон* 重明殿). Первоначально это была королевская библиотека, «дворцом» не именовавшаяся. Она приобрела общегосударственную значимость и статус дворца в 1904–1905 гг., когда после большого пожара в центральной части Кёнунгуна превратилась в главную резиденцию императора Коджона и его сына – наследного принца Чхока (拓). 18 ноября 1905 г. в *Чунмёнджоне* был подписан договор о протекторате, лишивший Корею права внешних сношений и передавший ее администрацию под контроль японского генерального резидента в Сеуле. Он стал предпосылкой аннексии страны в 1910 г. В корейской историографии этот документ именуется «договор года ыльса» (*ыльса чояк* 乙巳條約), а в народе – «волчий договор» (*ыльса ныгак*). Это одна из трагических страниц корейской истории. В японское время Чунмёнджон оказался за территорией Токсугуна, попал в частные руки, долгие годы был обычным домом, и интерьеры его были полностью утрачены. Интерес к нему стал возрождаться с 1983 г., когда здание было признано исторической достопримечательностью Сеула. В конце XX в. оно было выкуплено правительством и к августу 2010 г. полностью восстановлено как «место, где новые поколения могут получить важный исторический урок».

А.И. Середин-Сабатин был единственным в корейской истории придворным архитектором-европейцем.

Трёхэтажная башня – единственная часть Русской дипломатической миссии, сохранившаяся до сего дня. В основании башни обнаружены секретная комната и потайной ход. Жива легенда, что в конце 1890-х годов по приказу Коджона подземный ход был вырыт также между дворцом и русской миссией. Его ищут и сегодня. Фото автора. 1996 г.

Самая крупная постройка А.И. Середина-Сабатина в Кёнунгуне «Дворец доброты и достоинства» (Тондокчон 惇德殿) для малых приёмов. В 1907 г. в нем короновался на царство Сунджон. Здание было снесено в 1920-е годы. Воспоминанием о нём осталась эта фотография начала 1900-х годов

На фрагментах фотографии: Коджон наблюдает с балкона дворца военный парад. По правую руку от него принц Чхок (будущий Сунджон). В крайнем левом углу, рядом со старым евнухом, – маленький Ёнчхин-ван

Доверием государя он очень дорожил и в своей переписке именовал себя «архитектор Его Величества короля Кореи». Коджон к нему, несомненно, благоволил и выделял из других, и тому была, кроме прочего, и глубоко личная причина.

На рассвете 8 октября 1895 г. Середин, находясь по делам службы во дворце, вместе с инструктором королевской стражи американцем В. Даем стал свидетелем

беспрецедентной драмы – убийства японцами и их корейскими сторонниками королевы Мин – супруги Коджона и матери наследника. Показания Середина и Дая позволили разоблачить организатора заговора, японского посланника Миура Горо, и его сообщников, и выслать их из страны. В те дни их цитировала пресса всего мира. Не раз писал об убийстве королевы и сам Середин. Известны его статьи в газетах «Санкт-Петербургские ведомости», «Дальний Восток» во Владивостоке, «Жизнь на восточной окраине» в Чите.

Последний период (1901–1904) деятельности Сабатина в Корее ознаменовался строительством Дипломатического клуба в Инчхоне и отеля «Зонтаг» в Сеуле. Это были не сугубо функциональные постройки 1883–1888 гг. и не уникальные парадные резиденции 1896–1900 гг. в Сеуле. Они впервые предложили массовому клиенту невиданную в стране до того времени «западную роскошь». Судя по описаниям, Дипломатический клуб имел неизвестные до того в Корее теннисный корт, место для игры в пинг-понг и общественную библиотеку. Сохранились видовые открытки начала XX века с панорамным изображением отеля «Зонтаг» и надписью: «Единственный первоклассный отель в иностранном стиле в пределах города». Это было первое такого рода заведение в истории Кореи, с 25 комнатами для почетных гостей на втором этаже (с ванными) и обычными номерами и рестораном – на нижнем. Здесь останавливались в 1904–1905 гг. Джек Лондон, У. Черчилль, Ито Хиро-буми, дочь американского президента Теодора Рузвельта.

Приходили сюда отдохнуть и пообедать в ресторане и богатые корейцы, для большинства из которых это было первое знакомство с европейской культурой. Здесь встречались политики, дипломаты и журналисты. Это был центр светской жизни корейской столицы в первое десятилетие XX в.

А.И. Середин-Сабатин был первым русским на корейской службе, первым русским, ступившим на землю центральной Кореи, отцом первого европейца, родившегося на корейской земле. В Корею прошли его лучшие годы. Здесь он имел работу и признание, здесь родились его шестеро детей. Его статьи в русской прессе говорят о том, что он хорошо знал эту страну. Сопричастность к важнейшим событиям корейской истории и близость к императору, которого он уважал и которому сочувствовал, еще больше связала Середину с Кореей. Когда Русско-японская война заставила, бросив все нажитое, покинуть Корею в феврале 1904 г., несколько месяцев он и его семья жили на Украине у родственников, но их тянуло назад. «Условия жизни и сами люди в Европейской России нам были чужды... Мы привыкли к жизни на Дальнем Востоке, где дышалось много легче...», – писал его сын Петр.

Вскоре после заключения Портсмутского мира (5 сентября 1905 г.) Афанасию удалось получить какую-то должность, и в конце 1905 г. вся его семья уехала в Нагасаки. А в 1907 г. он, по причине «какого-то нервного расстройства», бросил жену и детей и уехал сначала во Владивосток, потом – в Европейскую Россию и умер в 1921 г. «то ли в Ростове-на-Дону, то ли в Царицыне-на-Волге». Петр ездил к нему незадолго до смерти, уговаривал вернуться, но ничего не добился. В наследство от отца ему достались два охотничьих ружья, рисовальные принадлежности, фотоаппарат, галстуки, альбом по архитектуре и собрание гравюр.

Хотя не все еще наследие Середину в Корею выявлено, оно известно корейским исследователям достаточно подробно, ибо он был «первым работавшим в Сеуле иностранным архитектором», и потому «для изучения корейской архитектуры Нового времени нет более важной фигуры»³⁹. Но остается главный вопрос – об архитектурном образовании Середину, о котором не известно ничего. Не пролили на него свет и обнаруженные в 2009 г. автобиографические записи его старшего сына Петра (1885–1964). Он называет отца «одаренным самоучкой» и добавляет: «в течение года он был в петербургской Академии художеств». Вряд ли сын разорившегося помещика официально учился в этой элитной академии, подготовка к поступлению в которую

требовала немалых средств и времени. Возможно, он посещал бесплатные вечерние курсы рисования для народа, работавшие при Академии в 1870-х годах. Но было ли этого достаточно, чтобы построить все те здания, о которых рассказывалось выше? Достоверно известно пока одно: Середин имел какой-то диплом, дававший ему «право 2-го разряда». Это он сообщил сам в письме в Русскую миссию в Сеуле за сентябрь 1895 г. Оно сохранилось в архивах.

Профессия «архитектор» появилась сравнительно недавно. В России – в эпоху Петра I (в начале XVIII в.), а в Японии – только в 1947 г. А вот «зодчие», т.е. люди, занимавшиеся планировкой и строительством, искусственным созиданием материальной среды, были во всех странах испокон веков. Множество старинных культурных памятников создано усилиями людей, не имевших официального диплома. Они учились у старших мастеров и строили, руководствуясь опытом, исходя из реальных условий, потребностей, вкусов заказчика и представлений о красоте. Середин, судя по всему, был одним из таких людей. Он работал в Корее в ту пору, когда этой стране еще только предстояло создать свои представления о потребностях Новой эпохи и соответствовавшей им архитектуре. По мнению экспертов, ценность его творчества в первую очередь не в качестве произведений, а в факте самого их появления внутри совершенно другой традиции.

В России первым сообщением об А.И. Середине-Сабатине как архитекторе стала небольшая заметка, опубликованная в Хабаровске в 2000 г. московским искусствоведом А.Ф. Крашенинниковым⁴⁰. Хотя приведенные им сведения были краткими и фрагментарными, именно он открыл профессионалам в нашей стране имя человека, который, судя по всему, был самым первым русским зодчим в дальневосточной Азии.

Изучение истории русско-корейских отношений началось в России в конце 1950-х годов. Главными документальными источниками для него стали фонды центральных архивов СССР, в первую очередь, донесения русских дипломатических представителей в Корее. При этом отмечалось, что эти люди были «проводниками империалистической политики царской России на Дальнем Востоке, и поэтому требуют, естественно, критического подхода». Из осторожности советские авторы иногда не писали даже инициалов тех, на которых ссылались. В результате об авторе летописи *Самгук саги* (1145) Ким Пусике мы сегодня знаем больше, чем о наших соотечественниках – дипломатах, путешественниках, мореплавателях, губернаторах, офицерах, казаках, предпринимателях, ученых, авторах первых книг и словарей, чья деятельность по укреплению русских позиций на Дальнем Востоке со второй половины XVII в. дала основание

южнокорейскому историку Хо Тонхёну сказать на конференции в Новосибирске в 2009 г.: «Россия была первой западной страной, с которой корейцы вступили в контакт, а после установления официальных дипотношений 1884 г. оказала огромное влияние на общий ход корейской истории».

Первые биографические статьи появились после развала СССР. Их и сегодня еще крайне мало и издаются они в малотиражных изданиях. Их авторы – энтузиасты: далекие от науки потомки или ученые-подвижники, занимающиеся этим для души «в свободное от основной работы время». «Забытые имена» – эта фраза обычная в заголовках этих публикаций.

О том, что ситуация постепенно меняется и в официальной науке, свидетельствуют изменения, сделанные во втором издании (2004 г.) главной русской книги по истории русско-корейских отношений – «Россия и Корея» Б.Д. Пака. Если в первом издании (1979) в ней утверждалось, что особую роль в «установлении добрососедских отношений с трудящимися Востока» сыграли большевики, действовавшие вопреки «империалистической политике царизма», то ныне признано значение деятельности царского правительства, которое «стремилось углублять экономические, политические и культурные связи с Кореей и способствовало установлению дружественных связей между двумя государствами, которые в дальнейшем... полностью разорвать оказалось невозможно». Если раньше подчеркивалась «реакционная сущность царизма», который проводил политику по сохранению независимости Кореи, «расчитывая на распространение в будущем своего доминирующего в ней влияния», то ныне современная Россия прямо утверждает преемницей корейского направления внешней политики царской России, а главной задачей книги указано «обоснование исторического права России на присутствие в Северо-Восточной Азии и активное участие в решении проблем Корейского полуострова, в первую очередь мирного объединения Кореи». Но возможно ли это, не вспомнив предшественников? Приведенные во втором издании новые сведения о Ким Оккюне, Мин Ёнхване, Ли Помджине отразили достижения последних лет, когда было положено начало совместным исследованиям русских и южнокорейских ученых*. Их предметом стали биографии корейцев – участников русско-корейских отношений в доколониальный период. Что касается русских, то они по-прежнему остались только упомянуты.

---

* Примером служит состоявшаяся в Москве в 2002 г. международная конференция, посвященная первому постоянно жившему в Санкт-Петербурге корейскому дипломатическому представителю Ли Помджину (李範晉, 1852–1910), в которой приняли участие 7 южнокорейских и 11 российских исследователей. (Корея и Россия. Традиции и современность. К 150-летию со дня рождения Ли Пом Чина. Сб. статей / Дипломатическая академия МИД России. М.: Научная книга, 2002. 236 с.).

Новый «старый» Сеул

Двенадцать лет прошло после моего возвращения из Кореи, когда я жила там более трех лет, и девять лет – после выхода моей книги «Корея на перекрестке эпох». Сегодня мне нередко говорят, что Корея уже больше на перекрестке эпох не стоит, что она уже совсем не та, что была в середине 1990-х, что моя книга устарела. Если иметь в виду социальное развитие Республики Корея и ее экономические достижения, то эти люди, несомненно, правы. И все же я считаю, что Корея по-прежнему стоит на перекрестке эпох, только если в 1990-х она стремилась освободиться от традиции, приблизившись в образе жизни и уровне демократизации к США и Западной Европе, то теперь, когда она прошла уже немало по этому пути, корейцы прилагают усилия к тому, чтобы быстро умирающие традиции удержать. Забота о поддержании исторической памяти здесь играет огромную роль. Находясь в Сеуле летом 2008 г., я имела возможность в этом лично убедиться. Северная часть города – самая старая – буквально уставлена стелами, памятными досками, напоминающими о событиях и людях прошлого. Их начали ставить с 1990-х годов, но большинство появились совсем недавно.

Я жила в современном офистеле (нечто среднее между офисным зданием и общежитием; днем его используют как офис, а вечером – как жилое помещение) в центре старого города, в нескольких минутах ходьбы от главного чосонского дворца Кёнбоккун. Район этот сплошь застроен комплексом жилых и офисных зданий, где квартиры – одни из самых дорогих в стране. Это «умные» дома, оснащенные по последнему слову науки и техники, где все автоматическое: двери, лифты, освещение, вентиляция, к чему вскоре будут добавлены еще и солнечные батареи. Комплекс называется по-корейски «Утро дворца Кёнхигун», по-английски «King's Garden». Двор его украшен по образцу средневековых дворцов и переполнен декоративными камнями *сусок*, ручьями в причудливых каменных руслах, бьющими из валунов родниками, изображениями символов долголетия, воротами *пуллоmun* (不老門, опять-таки долголетия) из цельной гранитной глыбы, скульптурами чешуйчатых львов *хэтхэ* – оберегов от пожара, необычными растениями, сложенными из диких камней изгородями. Все это выглядит необычайно красиво и стильно, гармонично сочетаясь со зданиями из стекла и бетона, модернистскими скульптурами, фонтанами, автостоянками. В одном месте сохранено место раскопок древней постройки, обнаруженное во время строительства.

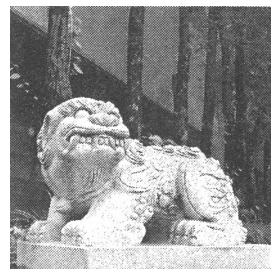
Титульная табличка (*пхёнэк*) на главных воротах современного жилого комплекса «Утро дворца Кёнхигун» хотя и написана азбукой, по изысканности дизайна не уступает иероглифическим образцам старины

Комплекс «Утро дворца Кёнхигун» – это настоящий «живой» дворец. Ухоженный, обжитый, наполненный человеческим присутствием, он расположен на территории, которую некогда занимал настоящий Кёнхигун – построенный в 1617 г. В колониальное время он практически исчез с карты города. С конца 1980-х годов начались восстановительные работы, которые ведутся и поныне. Продолжением Кёнхигуна, его современным воплощением стал жилой комплекс King's Garden.

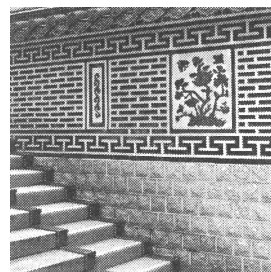
Мой офистель назывался «Ёнбиочхонга». Произнесенное вслух, это название эпической поэмы «Песнь о драконах, летящих в небо» – первого (1447 г.) в Корее художественного произведения, написанного на национальном алфавите. Последний слог в этом слове *-ga* означает «песнь». На вывеске моего офистеля последний слог в этом названии был написан иероглифом 家. Он тоже читается *-ка (-ga)*, но означает «дом» – «Дом драконов, взлетающих в небо». Оригинальная игра слов, с прямым указанием на старину. Прямо у выхода из офистеля находился маленький элегантный «сад камней» из белой и черной гальки. На краю его была помещена черная мраморная плита с надписью, в которой говорилось, что на этом месте стоял дом «отца» корейской лингвистики Чу Сигёна (周時經, 1876–1914), автора первых грамматик корейского языка (1906, 1908 и 1910 г.)⁴¹. Вышедшие сразу после заключения Договора о протекторате 1905 г., его книги способствовали укреплению самосознания корейцев и были важным событием в национальной истории.

В окрестностях своего офистеля я регулярно находила аккуратные, единого образца гранитные стелы, поставленные городской администрацией и сообщавшие сведения по истории этой местности. Из них я узнала, что в этом районе со времен Имджинской войны 1592–1598 гг. стояло Военное ведомство (*Хуллён тогам* 訓練都監), а с 1881 г., когда оно было упразднено, находилась первая офицерская школа нового типа; что в начале марта 1919 г. здесь состоялся массовый митинг, на котором прозвучал призыв создать Временное правительство Хансона*. Были мемориальные доски и памятники, поставленные различными организациями: церквями, музеями, компаниями, универсамами. Стел было много, и я начала их «коллекционировать». Было интересно перемещаться от одной к другой, читать, фотографировать и представлять, что и как тут происходило. Моей главной задачей было найти в Сеуле места

* Тут важно, что именно Хансона, как Сеул назывался до 1910 г., а не Кёнсона (Кэйдзё), как называли его японцы, понизившие его в статусе с *си* (город) до *пу* (административный округ).

Хэтхэ – фантастический полу-лев, полу-дракон у входа в King's Garden мало отличается от тех, которые стояли у ворот чосонских дворцов как оберег от пожара

«Цветочная стена» вдоль входной лестницы комплекса – копия тех, какие с XVII в. стали воздвигать во дворцах

Дворы и подъезды к комплексу по подобию дворцов украшают миниатюрные садики с деревьями и камнями причудливых форм

и здания, сохранившиеся от времен Коджона, и таблички были хорошими указателями и справочным материалом. Особенно много их было на Инсадоне.

Гигантская кисть – символ и неперменный атрибут конфуцианской учености – у входа на Инсадон

Инсадон (仁寺洞) – старейший район Сеула. Расположенный между дворцами Кёнбоккун и Чхандоккун на севере и второй секцией центральной улицы Чонно (鍾路) на юге, он сохранил старинную планировку и состоит из главной дороги протяженностью в 350 метров и разбегающихся в стороны от нее причудливыми ручейками бесчисленных переулков, улочек, дорожек, тупиков и дворов. Район невелик. По периметру быстрым шагом его можно обойти меньше чем за час. И можно только удивляться тому, как в нем умещаются, как сообщает туристический буклет, 45 художественных галерей, около 50 антикварных и букинистических магазинов, 40 писчебумажных и 51 сувенирная лавка и художественный салон, 32 чайных домика, десятки ресторанов и трактиров. Они буквально за каждой дверью, и эта теснота – живое воплощение средневекового представления о городском пространстве, где каждый уголок был населен.

Инсадон сегодня – это крупнейший культурный центр страны, куда ежедневно приходят тысячи людей – как приезжих, в том числе и иностранцев, так и сеульцев. Движение транспорта здесь ограничено, а по выходным и вовсе запрещено. Здесь отдыхают всей семьей, назначают свидания, встречаются с друзьями, сидят на лавочках, покупают подарки, знакомятся с новинками современного и образцами традиционного искусства. Здесь можно провести несколько приятных часов, разглядывая витрины, а потом зайти в уютный ресторан и насладиться вкусом традиционной кухни, которая чрезвычайно разнообразна: от живых осьминогов до лапши ручного изготовления. Все строения в центре Инсадона – одноэтажные, как это было всегда. Только в последние годы, после ожесточенных споров между ревнителями старины и поборниками рынка, закончившихся победой последних, здесь появились несколько трех-четырёхэтажных построек из стекла и бетона и иностранные названия на вывесках: «Seven – Eleven» (круглосуточный мини-маркет), «Sturbucks» (кофейня), «Daily Bread» (европейская булочная). Раньше все вывески здесь были исключительно на корейском языке. Выбранные с большим старанием, с намеком на известные исторические события, персонажей, книги или стихи, каллиграфически написанные, они считались лицом Инсадона. Хорошие вывески ценят здесь и сейчас. Чтобы сохранить традиционный дух, «Старбакс» попросили написать вывеску по-корейски. Это единственное предприятие этой

компании в стране с такой вывеской. Здесь проводятся фестивали национальных музыкальных инструментов, блюда из разных районов страны, костюмированные шествия с десятками участников, возвращающие зрителя в прошлое – к эпохе Чосона.

Инсадон – старейший центр торговли антиквариатом в стране. Она возникла здесь в начале XX в., когда королевский двор стал приходить в упадок, и прислуга и фрейлины из расположенных рядом дворцов стали продавать свои вещи. Сегодня на Инсадоне расположено более 40% всех южнокорейских антикварных магазинов. Они наполнены всевозможными диковинами – памятью об ушедших временах: старой керамикой, сундуками, ларцами и ящичками, шляпами из конского волоса, картинами и образцами каллиграфии, мебелью, каменными статуями, ювелирными изделиями. Цены – на разный вкус и кошелек: от десяти до сотен тысяч долларов. Некоторые предметы столь велики, что выставлены на улице. Гранитные, заросшие красивыми водяными растениями «прудики», каменные поилки, мельничные жернова, стоявшие некогда у входа в деревни обереги, буддийские скульптуры придают улочкам Инсадона неповторимый колорит.

В одном из магазинов – «Предметы восточного искусства» (*Тонъёхон* 東藝軒), где все экспонаты собраны тематически – обстановка женских покоев традиционного корейского дома XVIII в., я оказалась единственной посетительницей, и его продавец и одновременно владелец с большим знанием дела рассказал мне о назначении представленных в его экспозиции ящичков и разнообразных столиков, сюжетах инкрустаций ларцов, сундуков и секретеров. Как особый раритет, отдельно, был выставлен стул, на котором когда-то сидел Ли Сынман – первый президент Республики Корея (в 1948–1960 гг.). Но особенно меня поразил крошечный сосуд из тыквы-горлянки необычного черного цвета, с объявленной стоимостью в 3 млн. вон – около 3000 долларов. «Неужели кто-то заплатит за это такую сумму? Почему эта ваза такая дорогая?» – спросила я. «Конечно, заплатит, – без тени сомнения ответил хозяин. – Знатоков немало. А стоит он так дорого потому, что здесь использована необычная техника: у этой вазы, вырезанной из кожуры тыквы, есть венчик на основании, а это чрезвычайная редкость».

На Инсадоне находится Общество корейских любителей книги, и много букинистов. Их магазины стали появляться здесь в японское колониальное время, вслед за антикварами. Один из старейших букинистических магазинов – «Дом восточной книги» (*Тонмунгван* 東文館) принадлежит одной семье уже на протяжении трех поколений.

Его более 50 лет назад открыл дед нынешнего владельца. Старинные книги написаны иероглификой (на ханмуне) и потому особенно популярны среди японских и китайских туристов. Они дороги, и японцы покупают их значительно чаще, чем китайцы. Есть среди покупателей и корейцы: профессора университетов, коллекционеры. Особенно востребованы книги по археологии и истории.

Если история Инсадона как торгового центра насчитывает столетие, то его история как места, где проживали самые знатные и влиятельные люди страны, уходит к началу периода Чосон. Принцы и принцессы – женатые и замужние дети ванов и их потомки, а также родственники королей, которым не разрешалось жить во дворцах, министры, сановники, генералы начали здесь селиться вскоре после основания Сеула в 1394 г., и элитный статус района сохранялся вплоть до конца XIX в. Находились здесь и некоторые дворцовые ведомства – придворная Академия живописи (Тохавон 圖書院), аптекарское управление Чоныйгам (典醫監), наградное ведомство Чхунхунбу (忠勳府) и др.

Пять веков Инсадон и его окрестности были ареной, где разворачивались важные события чосонской истории. В «Северной деревне» Пукчхон (北村), расположенной через дорогу и все еще сплошь застроенной традиционными домами (*ханок* 韓屋), в 1450 г. доме своего восьмого (любимого) сына умер Седжон Великий. На Инсадоне жил выдающийся реформатор Чо Кванджо (趙光祖, 1482–1519) – директор Управления литературы (*Хонмунгван* 弘文館) и ближайший советник вана Чунджона (1506–1544), отстаивавший превосходство закона над людьми и мечтавший об идеальном обществе, где высокая степень образованности и духовной зрелости правителей и подданных исключает коррупцию и делает ненужным принуждение. Чо Кванджо продержался при дворе лишь три года, а потом был казнен по обвинению в «предательстве», а реально за то, что слишком решительно покусился на привилегии «заслуженных сановников». В 1610 г. он был канонизирован и с тех пор почитается в Алтаре Конфуция, как и другой житель Инсадона – сын «образцовой матери» Син Саимдан (申師任堂, 1504–1551), один из высших сановников Кореи в 1580–1584 гг., великий неоконфуцианский философ Ли И (李珥, псевдоним Юльгок 栗谷, 1536–1584). Его иногда называют «предшественником философского материализма» в Корее, поскольку он был прагматиком, и целью философствования было для него не метафизическое «познание *ли*» или личное самоусовершенствование, а конкретная, практическая польза (*силли* 實利) в политике и экономике. Многие представители корейской элиты

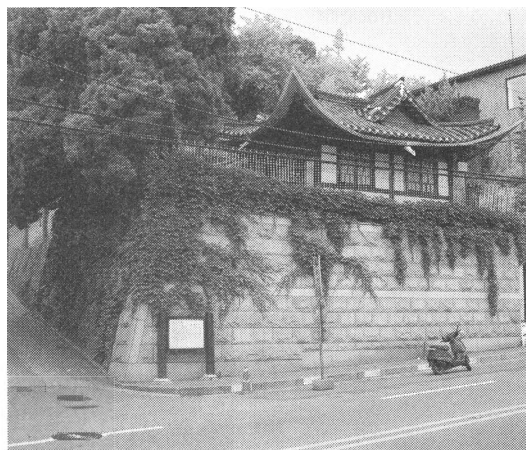

Унхёнгун – дворец Великого князя Тэвонгуна в Инсадоне. Здесь в 1852 г. родился Коджон – 26-й ван Чосона и первый император Кореи, а в 1866 г. состоялось его бракосочетание с «дочерью Мин Чирока» – королевой Мин

конца XVIII – начала XIX в. были его последователями.

В XIX в. на Инсадоне проживала верхушка андонских Кимов – влиятельного клана, почти 60 лет узурпировавшего через браки своих дочерей с монархами политическую власть в стране. С борьбы с ними началось правление Коджона. Ее возглавил отец юного вана Великий князь Тэвонгун, живший тут же – в поместье Унхёнгун 雲峴宮. В этом поместье в 1852 г. родился Ли Мёнбок – так тогда звали Коджона, а в 1866 г. состоялось его бракосочетание с королевой Мин (ее тогда звали «дочь Мин Чирока»). Это была одна из самых пышных и торжественных государственных церемоний своего времени. Сейчас в Унхёнгуне находится музей дворянского быта.

Минутах в 10 ходьбы, рядом с буддийским монастырем Чогеса, стоит *Уджончхонгук* 郵政總局 – старейшее в Корее здание почтового ведомства современного типа. В нем 4 декабря 1884 г., на торжественном банкете, посвященном его открытию, началось одно из крупнейших событий Новой истории Кореи – «переворот года капсин». Дом одного из руководителей переворота Пак Ёнхё (朴泳孝, 1861–1939), который был не только очень богатым человеком, но и зятем предшествовавшего вана Чхольчона (1849–1863), до сих пор стоит неподалеку. Он был построен в середине XIX в. и является одним из самых старых домов Инсадона. Сегодня в нем расположены художественная галерея «Кёниль» и чайный домик. Мемориальной таблички на доме Пак Ёнхё не заслужил, так же как и живший рядом другой прояпонский деятель – Ли Ванён (李完用, 1858–1926). В ночь с 17 на 18 ноября 1905 г.

Старинная родовая усадьба клана Минов, где в девичестве жила в 1860–1866 гг. будущая супруга Коджона. Пукчхон. 2008 г.

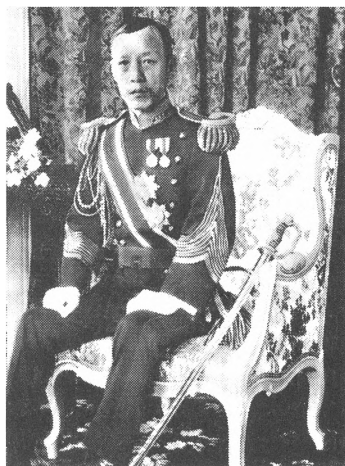
«Пять министров-предателей». Слева направо: министр образования Ли Ванён; министр внутренних дел Ли Чиён; министр иностранных дел Пак Чесун; военный министр Ли Кынтхэк; министр сельского хозяйства, торговли и промышленности Квон Чунхён

он (тогда министр образования) вместе с четырьмя другими членами кабинета поставил свою подпись под договором о протекторате. Их называют «пять министров-предателей» (*ыльса оджоксин* 乙巳五賊臣). Последствия договора были катастрофическими как для страны, и для судеб многих людей.

30 ноября 1905 г. в знак протеста против его подписания в доме своего друга на Инсадоне, оставив прощальное «Письмо моим 20 миллионам соотечественников», покончил жизнь самоубийством Мин Ёнхван (閔泳煥, 1861–1905) – близкий родственник королевы Мин, сановник и дипломат. Он известен как первый кореец, совершивший кругосветное

путешествие и как глава первой корейской официальной делегации в Россию, которая в мае 1896 г. участвовала в торжествах по случаю коронации Николая II в Москве. Тогда Мин Ёнхван побывал и в других русских городах, в частности, в Нижнем Новгороде, пересек всю Сибирь на поезде и написал путевые заметки «Парус в море под осенним небом» (*Хэчхон чхубом* 海天秋帆). В 2007 г. они были переведены на современный корейский язык и изданы историком Чо Чэгоном⁴².

Памятник национальному герою Мин Ёнхвану. Инсадон

Мин Ёнхван.
Фото конца 1890-х годов

Не пользовавшийся большой популярностью при жизни, Мин Ёнхван своей трагической гибелью обрел в своей стране бессмертие. В 1907 г. Коджон пожаловал его посмертно титулом «Преданный и справедливый герой» (*Чхунджонгон* 忠正公), в 1962 г. он был награжден правительством РК орденом «За заслуги в строительстве государства» (*Конгук*). В экспозиции музея университета Корё в Сеуле представлена шкатулка с кусочками бамбука (символ стойкости), который пробился через щели в полу, на котором покончил жизнь Мин Ёнхван. На месте его гибели стоит красивый памятник из бронзы

и красного мрамора: на треугольном постаменте – мемориальная надпись и цитата из прощального письма. Неподалеку, в сквере рядом с почтовым ведомством, Мин Ёнхвану поставлен и памятник в полный рост.

Здание самой первой в Корее современной почты (реконструкция). В день ее открытия 4 декабря 1884 г. начался политический переворот года *капсин*, инициированный группой радикалов-реформаторов во главе с Ким Оккюном.

Несколько мест на Инсадоне связаны с историей Первомартовского движения – самого крупного в истории страны антиколониального выступления, в котором приняли участие около 2 млн. человек. Поводом для него стала смерть 21 января 1919 г. Коджона – последнего монарха независимой Кореи. Памятная стела на месте построенной в 1904 г. церкви *Сындон кёхве* напоминает, что это колыбель движения, ибо в подвале этой церкви в феврале 1919 г. был напечатан текст «Декларации независимости», всколыхнувшей всю Корею. Этот документ был впервые зачитан прилюдно также на Инсадоне – в ресторане «Тхэхвагван» 28 февраля 1919 г. Сейчас на его месте расположено офисное здание «Тхэхва билдинг», где о событии 90-летней давности напоминает большая картина на первом этаже.

На этом месте некогда находилось дворцовое Аптечное ведомство *Чоныйвон*. Рядом находилась Придворная академия живописи Тохвасо. Инсадон. 2008 г.

Поиск памятных мест в лабиринтах Инсадона и Пукчхона был очень непростым занятием. Например, я никак не могла найти дом, в котором королева Мин жила до своего замужества в 1866 г., хотя многие книги упоминали о его существовании. Решить проблему помог необычный экскурсовод по имени Чо Ёнхи, с которым меня познакомили в Центре туристической информации на Инсадоне, куда я зашла за консультацией.

Национальные лидеры зачитывают «Декларацию независимости» 28 февраля 1919 г. Картина в офисном здании «Тхэхвагван». Инсадон. 2008 г.

Комментатор истории

По меньшей мере до 1997 г. понятия «экскурсовод» как профессия в Корее не было. В Сеуле ежедневные экскурсии проводились только во дворце Чхандоккун. Вел их обычно молодые девушки, усердно пересказывавшие стандартное содержание. Они назывались *анневон* (букв. сопровождающие). Так же называли и стюардесс. Ситуация резко изменилась в конце 1990-х годов, когда на экскурсоводов возник быстро растущий спрос и были открыты специальные курсы для их подготовки. Особый интерес новая профессия вызвала у «молодых» пенсионеров – преподавателей университетов, журналистов, научных работников, учителей. В Корее выходят на пенсию в 60 лет (а иногда и раньше). При этом по данным Всемирной организации здравоохранения на май 2007 г., средняя продолжительность жизни мужчин в Южной Корее – 75 лет, женщин – 82 года. Возникшая новая профессия стала прекрасной возможностью для еще полных сил и знающих людей остаться в строю. С их приходом профессия экскурсовода стала усложняться, возникли ее новые категории. *Анневон* в музее остались, но их переименовали в *гайд*. Люди более высокого уровня называются «добровольные помощники» (*чавон понсаджа*) или «комментаторы истории» (*ёкса хэсольса*). Кто это такие? Ответ я нашла на сайте Чо Ёнхи:

«Если яйцо разбивается самостоятельно, изнутри, из него появляется на свет полная жизни птичка. Если яйцо разбивает другой, снаружи, получается всего лишь яичница. Мы не одноразовые «яичницы» и не шопинг-гиды, пересказывающие, как попугай, рассказы, написанные другими. Рассказывая людям об истории, мы ищем свои собственные, идущие из сердца слова, чтобы пробудить в них ответные чувства. Мы надеемся, что наше живое, взволнованное повествование не оставит равнодушными наших друзей по глобальной деревне. Мы – добровольные помощники, которые любят эту работу и отдают ей все. Говорить надо от себя, своими словами – только тогда будет толк, вылетит полная жизни птичка, а если не получается – стоит сменить занятие...»

«Мы – якоря. Дело якоря – на время удержать корабль на месте. Человечество – путешественник, плывущий на корабле по морю истории. Якорь позволяет остановиться и внимательно осмотреться вокруг. История была до нас, живет вместе с нами и будет жить вечно. Как нельзя остановить время, так нельзя остановить и ход жизни. То, что мы пережили, навечно вплетено в ткань истории. Рассказывая о ней, мы на какое-то время останавливаем время, помогаем нашим слушателям окунуться в его глубины и почувствовать его вкус. Мы – якоря, соединяющие историю и людей, плывущих по жизни.

Мы не объясняем. Мы не можем это сделать, да это и невозможно. Мы всего лишь передаем то, что было. В наших рассказах важна точность. В них нет места воображению, предположениям или предсказаниям. Мы должны передавать факты, как есть. Так возникает чудесное ощущение остановленного мгновения истории. Мы – якоря истории, и в этом источник нашей силы...»

«Официально нас называют *мунхва юсан хэсольса* – «комментаторы культурного наследия». Это такое высокое звание, что захватывает дух! Культурное наследие – огромная тема. Говорить о нем трудно, даже если просто заучить и пересказывать факты. А мы должны рассказывать об истории со знанием дела – так, как некогда это делали высокоученые *сонби*, да еще и по-английски. Для этого надо много учиться. Не только изучать культурное наследие, но проникнуться духом *сонби* и стать посланниками культуры. Когда-то в окрестностях Чхонгечхона* жил знаменитый рассказчик – Чон Кису. Говорят, народ валом валил, чтобы его услышать. Прошло 100 лет, и вот опять появился на рассказчиков спрос... Чон прекрасный был мастер своего дела, но была у него слабость: он рассказывал за деньги. Впрочем, он был всего лишь *ияги-ккун* – сказитель. Мы же денег за свою работу не берем. Мы вызвались на эту роль добровольно. Мы – среднее между учеными *сонби* и народным сказителем Чон Кису...»

Надо пояснить, что *сонби* – такие же символы чосонского общества, как самураи – средневекового японского. Так называли образованных людей, с успехом сдавших экзамены, но не пошедших на службу по принципиальным соображениям. Появившись как социальная группа в XV в., они вплоть до конца Чосона были воплощением конфуцианских добродетелей: высокой учености, честности, справедливости, скромности, готовности пожертвовать собой во имя страны. Известным примером подлинного *сонби* и «комментатора истории» служит самодеятельный летописец эпохи правления Коджона Хван Хён (黃玹, псевдоним Мэчхон 梅泉, 1855–1910).

«Записки Мэчхона» считаются важнейшим источником для изучения Нового времени в Корее. В 2006 г. их сокращенный перевод на современный корейский язык был опубликован профессором университета Ёнсе Хо Кёнджином. Вот что он написал в своем предисловии о причинах, побудивших его взяться за столь трудоемкую работу:

«Полный перевод “Записок Мэчхона” составил бы около пяти тысяч страниц. Учитывая это, я пришел к выводу, что будет целесообразно выбрать из них самые значительные события эпохи.

---

* Небольшая речка в северной части Сеула.

Портрет Мэчхона кисти
Чхэ Ёнсина. 1911 г.
Разм. 120,7 x 72,8 см,
*Из частной коллекции,
«сокровище» № 1494*

Хван Хён родился в дворянской семье в деревне Сосок (ныне пров. Южная Чолла) и с детства проявил большие способности в учебе. В 1883 г. он с успехом прошел первый тур экзаменов в Сеуле, но первым кандидатом его не признали, поскольку он был выходцем из провинции, а таких людей обычно дискриминировали. Глубоко возмущенный несправедливостью, он вернулся домой с мыслью никогда не служить, но спустя

Политика Тэвонгуна и его вражда с королевой Мин, коррупция среди временщиков из ее клана, вторжение иностранных держав, противостояние сторонников «открытости» и ортодоксов, восстание тонхаков и борьба отрядов справедливости *ыйбён*, бессилие Коджона и Сунджона, эмиграция наших соотечественников в Китай, США, Мексику и Россию, «Общество независимости» и формирование гражданского сознания, каскад стремительно разворачивавшихся реформ и гибель государства в период между договором о протекторате 1905 г. и договором об аннексии 1910 г., – обо всем этом сегодня стоит вновь прочитать. Многих читателей возмутят описанные в этой книге бездарность и коррупция властей и злодеяния, которые японцы совершали, чтобы аннексировать нашу страну. Глядя на то, как сегодня они искажают историю в своих учебниках, как заявляют претензии на остров Токто, мы вновь отчетливо осознаем, что история повторяется»⁴³.

Выслушав внимательно мои пожелания, Чо Ёнхи предложил встретиться на следующий день, чтобы он мог подготовиться и составить для меня конспект. Я пришла. Это была незабываемая, блестящая экскурсия, на которой я была единственным слушателем. Кажется, не было уголка на Инсадоне, который бы он не знал, как свои пять пальцев. Он стучался в двери (например, мастерских по изготовлению цветных эмалей или в храм «новой» корейской религии Чхондогё), и они перед нами дружелюбно отворялись. Он заходил в места, куда сама я бы зайти никогда не решилась, например, во двор Конституционного суда, и охранники пропускали нас как добрых знакомых. Оказалось, что на территории суда в середине XIX в. жили племянники вдовствующей королевы Чо, с которыми Тэвонгун задумывал свою великую интригу по возведению сына на престол. Рядом находился дом уже упоминавшегося Пак Кюсу, министра правой руки при молодом Коджоне, чья поминальная табличка была помещена в Алтарь заслуженных сановников в Чонмё, что означало признание его «лучшим человеком» своей эпохи. Он особенно известен тем, что, будучи во времена Тэвонгуна губернатором провинции Пхенан в 1866 г., отдал приказ поджечь американский корабль «Генерал Шерман», приблизившийся, несмотря на предупреждения властей, к Пхеньяну и обстреливавший мирных жителей. Выйдя в 1874 г. в отставку, Пак Кюсу открыл в своем доме своего рода школу, где читал лекции по трудам

своего деда – выдающегося писателя, лидера радикального «северного течения» (*пукхак*) Пак Чивона (1737–1805), и высказывал собственные мысли о необходимости открытия страны самостоятельными усилиями, пока это не произошло под угрозой извне. Его слушателями были Ким Оккюн, Пак Ёнхё и другие будущие руководители заговора 1884 г. Пак Кюсу был главным советником Коджона при подписании Канхваского договора 1876 г. с Японией, ознаменовавшего начало Нового времени.

На территории суда растет редкое старое дерево – 600-летняя белая сосна. Она зарегистрирована как «памятник природы № 8». Один из ее стволов расходится надвое. Господин Чо сказал, что это символ раскола страны. Этой сосне он посвятил на своем сайте проникновенное эссе «История – это старое дерево». В северной части Инсадона в «Северной деревне», которая до сих пор остается заповедником старинной архитектуры, господин Чо показал мне объект моих поисков: дом, где в семье родственника Мин Хёнтхэ жила в девичестве королева Мин. Посетить его было нельзя, но мы постояли рядом, прочитали табличку. Неподалеку находилась стела, гласившая, что на этом месте в 1885 г. по повелению Коджона американским врачом и миссионером Г. Алленом (Hogace Newton Allen, 1858–1932) была основана первая в истории Кореи больница (*Кванхевон* 廣惠院), где лечили методами западной медицины. Позднее на ее базе был создан первый медицинский колледж. Ныне это многопрофильная клиника Северанса при университете Ёнсе.

Мы встретились днем в начале третьего, разошлись – в начале девятого вечера. Господин Чо рассказывал без отдыха шесть часов! Притом что его рабочий день заканчивается в пять и было очень жарко. Я несколько раз предлагала завершить экскурсию, но он неумоимо шел вперед. Поразительно, что если за коллективную экскурсию с гидом, которой участвует около 20 человек (например, в Чхандоккуне) надо заплатить 5 тыс. вон (5 долларов), то за многочасовой индивидуальный расказ по местам, которые я выбрала сама, мне не надо было платить ничего. Желая хоть как-то отблагодарить своего лектора, я пригласила его на ужин – в место, какое он сам пожелает. Он выбрал трактир «Ссорам», славящийся замечательной лапшой ручного изготовления. Нас обслуживала сама хозяйка – Сон Мисук. Гордясь своим заведением, она рассказала, накрывая на стол, что когда при президенте Ким Ёнсаме в президентском дворце бывали приемы, ее приглашали готовить. Президент Ким был известен своей любовью к лапше ручного приготовления. Он даже подчеркивал это свое пристрастие, так как оно

пять лет, в 1888 г., следуя приказанию отца, вновь сдал экзамены – уже более высокого разряда (на звание *сэнвон*) и получил право занять государственную должность. Однако царящий в столице произвол правящей группировки (он назвал их «безумцы беззакония» – *токкэби нара мичхигвани*), вызвал у него негодование, и он вновь вернулся на родину, где, живя отшельником в деревне Вольгок в горах Чирисан, написал свой знаменитый труд «Записки Мэчхона» (*Мэчхон ярок* 梅泉野錄). В нем, опираясь на свидетельства очевидцев, слухи, собственные наблюдения, Хван Хён описал ход событий в стране в течение 47 лет: с 1864 г. (первого года правления Коджона) до 1910 г. Записки отразили видение эпохи интеллигентом, переживавшим за судьбы пребывавшего в упадке отечества. Особенно подробным был раздел, начиная с 1884 г. Узнав об аннексии Кореи, Хён Хван покончил жизнь самоубийством, оставив прощальные стихи и завещание, в котором писал, что в случившемся со страной есть и его личная вина

свидетельствовало о простоте нрава и привычек, импониравшей народу. В «Ссоре» нам удалось немного поговорить просто о жизни, а не об истории.

Чо Ёнхи – бывший журналист. Родился в 1947 году. До 2007 г. (т.е. до выхода на пенсию) работал в крупном медиаконцерне на радио «Тона пансон». Но потом пришлось уйти: «Надо было уступить место молодым». Очень любит дело, которым занимается: «Я не историк, но очень люблю историю». Число слушателей не имеет значения. Он одинаково рассказывает и для одного, и для многих; на корейском и английском языках. Каждый день он сопровождает разных людей: и корейцев, и иностранцев, которые сами определяют, что они хотели бы посмотреть. Лучшими своими клиентами он считает посла Голландии, пришедшего на экскурсию с десятью сотрудниками, а также японскую семейную пару, полюбившую Корею благодаря телесериалам и приехавшую специально с нею познакомиться – за то, что они задавали ему много вопросов. Каждый день он встает в 4 часа утра, чтобы подготовиться к новой встрече, слушает радио на английском языке («чтобы всегда быть в тонусе»), пишет эссе на своем сайте. Они у него интересные: небольшие по объему, насыщенные историческими фактами и романтическими образами. Чувствуется большой опыт журналистской работы.

Отзывы с сайта Чо Ёнхи.

«Я приехал с другом из провинции, чтобы посмотреть достопримечательности Сеула, зашел на Инсадон. Ходил здесь и там, пока не оказался в Унхёнгуне. Это старый типично корейский дом *ханок*. Вроде бы нечего особенно смотреть, это не Кёнбоккун, но когда я послушал рассказ господина Чо Ёнхи, «комментатора истории», мое отношение изменилось. Тогда я понял, что до сих пор ничего не знал ни о *ханок*, ни о нашей истории. Из того, что рассказал господин Чо, я не знал 97%. Он прочитал об Унхёнгуне более 30 книг. Его рассказ был настолько увлекателен, что за те два часа, что длилась экскурсия, я не соскучился. Господин Чо сопровождает гостей совершенно добровольно, его энтузиазм и преданность своему делу удивительны. До этого я слушал многих экскурсоводов в музеях, но такое понятное и интересное объяснение я слышал впервые. Если кому-то надо будет познакомиться с Сеулом – обратитесь к господину Чо. Сон Ёну, студент 1-го курса.»

«Мы очень полезно и интересно провели время, слушая господина Чо. Привлекли его эрудиция, доброжелательная манера, но главное – мы ощутили глубину его энтузиазма и любви к своему делу. Спасибо вам, господин Чо, за то, что вы заново открыли нам Сеул, его историю и тех, кто в нем когда-то жил. Без подписи.»

«Ваша экскурсия, господин Чо, была именно тем, чего я в Корее ждал. Энде Лим.»

«Наша вчерашняя экскурсия была незабываемой. Вы показали мне чудеса Кореи, и я этого никогда не забуду. Мы наслаждались каждой остановкой во время тура. Вы показали мне мои корни. Спасибо за предоставленные возможности лучше узнать Корею. Полли Юн.»

«Ваш тур был одним из неожиданных удовольствий, которые мы испытывали в Сеуле. Китти (Сингапур).»

«Спасибо за тур по Тондэмуну и Наксану. Вид с вершины холмов был восхитительный. Спасибо за ваши рассказы о президенте Ли Сынмане и королеве Сон. Я был потрясен историей ее любви. Ben Seah.»⁴⁴

Чо Ёнхи меня удивил многим: своим неожиданным вниманием ко мне, тщательностью, с которой он готовился к нашей встрече, обширными познаниями по истории и географии Сеула, интересом к человеческим качествам исторических персонажей, что совершенно не характерно для официальной науки, юношеской восторженностью, неутомимостью, огромной работоспособностью, самоотречением («Буду здесь работать, пока позволит здоровье»). Последним сюрпризом, который он мне преподнес, было эссе, написанное им на своем сайте вскоре после нашей встречи. Оно называлось «Танины слезы. О русской женщине-историке». В нем он поместил много важных для меня сведений о здравствующих потомках монаршей семьи, но также из него явствовало, что Чо Ёнхи воспринял меня как монархистку, недовольную тем, что в Корее после освобождения установилась республиканская форма правления.

Старейшее научное общество

Единственными, кто водил экскурсии по Сеулу и стране (для англоговорящей публики) уже с конца 1960-х годов, были активисты Корейского отделения Азиатского королевского общества – Royal Asiatic Society – Korea Branch (RAS-KB)*. Это сохраняющееся и ныне самое старое в мире научное и просветительское корееведческое общество является наследием Чосона, и я хотела бы обязательно о нем рассказать.

* <http://www.raskb.com/>

Лого Корейского
отделения Азиатского
королевского общества

Создатели RAS-KB на заседании Совета по переводу Библии на корейский язык. Сидят: второй слева Горас Андервуд, далее вправо Джеймс Гейл и Джордж Джонс. Фото 1890-х годов

«Швейные машинки Зингер». Среди них нашлись 17 человек, которые с первых дней своего пребывания в Корее всерьез заинтересовались ее языком, историей и культурой. Они и стали основателями Отделения. Сегодня их имена звучат для знакомых с корейской историей как легенда: Г.Б. Халберт, Г. Андервуд 1-й, Г. Аппенцеллер, Дж. Джонс, Дж. Гейл... Эти люди не были учеными в строгом смысле, но постоянно жили в Корее, занимались избранной темой годами, и качество их исследований было очень высоким. Они собирались каждый раз, когда у кого-то из них был готов доклад для презентации, и приглашали на эти встречи всех желающих. На заседаниях зачитывались тезисы, затем проходило обсуждение. В дальнейшем доклады печатались в «Трудах Отделения» («Transactions of the RAS-KB»), выходявших ежегодно.

Hulbert, Homer Bezaleel (1863–1949) – миссионер-методист, в Корее с 1886 г. Один из первых на Западе приступил к изучению корейской истории и языка, создатель теории принадлежности корейского языка к дравидской группе («A Comparative Grammar of the Korean Language and the Dravidian Dialects of India», Seoul, 1906). В 1901–1905 гг. издавал в Сеуле ежемесячный журнал «The Korea Review», большинство статей для которого писал сам. Автор книг «History of Korea» (Seoul, 1905; 2nd ed. New York, 1962) и «The Passing of Korea» (London, 1906), которая была посвящена «Его Величеству Императору Кореи и корейскому народу». Как доверенное лицо Коджона в 1907 г. ездил в США, чтобы передать правительству его просьбу защитить Корею от усиливающегося японского вмешательства. Присутствовал на 2-й Международной мирной конференции в Гааге, где тайные посланники Коджона пытались выступить с разоблачением сфабрикованного японцами договора о протекторате. Обе миссии закончились неудачей, и Халберт был вынужден покинуть Корею. Вновь посетил ее в 1949 г., его принимали как почетного гостя. Во время этого визита он скончался и был похоронен в Сеуле.

Underwood, Horace Grant (1859–1916) – американец, пресвитерианский миссионер, просветитель, переводчик. Работу в Корее начал в 1885 г. с преподавания физики и химии в первом современном госпитале Сеула Кванхевон. В 1887–1910 гг. один из переводчиков Библии на корейский язык (*хангыль*)*. В 1915 г. избран президентом Корейского христианского колледжа (*Кёнсин хаккё* 敬新學校) – ныне университет Ёнсе. Составитель (при участии Г.Б. Халберта и Дж. С. Гейла) «Краткого словаря корейского языка» (A Concise Dictionary of the Korean Language. Vol. 1. Yokohama, 1891); автор книги «The Call of Korea» (New York, 1908). Скончался в 1916 г. в США, по завещанию похоронен в Сеуле. Родоначальник рода Андервудов, постоянно живущего в Корее уже на протяжении пяти поколений. Его сын и внук (обоих звали Горас, Андервуды 2-й и 3-й) являлись президентами RAS-KB.

Appenzeller, Henry Gerhard (1858–1902) – первый (с 4 апреля 1885 г.) миссионер Североамериканской методистской епископальной церкви в Корее. Один из переводчиков Библии на корейский язык. Просветитель, основатель первого частного учебного заведения западного типа – школы *Лэджэ хактан* («Училища, воспитывающего таланты»). Издатель (с 1889 г.) первого в истории Кореи ежемесячного журнала – «Кёхве» («Церковь»), основатель (с 1892) и редактор (1895–1898) самого популярного среди иностранной общины в Сеуле в 1892–1899 гг. журнала «The Korean Repository», который ныне считается ценным источником для изучения Кореи Нового времени. Утонул в 1902 г. во время кораблекрушения недалеко от порта Мокпхо.

Jones, George Heber (1867–1919) – один из первых миссионеров Североамериканской методистской епископальной церкви, секретарь основанного в 1887 г. в Сеуле Постоянного комитета по переводу Библии на корейский язык (*хангыль*); первый исследователь корейских религий, автор книги «Korea. The Land, People and Customs» (1907).

Gale, James Scarth (1863–1937) – канадец, сотрудник американской Северной пресвитерианской миссии, работал в Корее в 1888–1923 гг. Один из переводчиков Библии на корейский язык. Есть мнение, что он оказал большее влияние на корейский язык в 1890–1910 гг., чем кто-либо – как из иностранцев, так и из корейцев. Участвовал в составлении «Краткого словаря корейского языка» Андервуда (Yokohama, 1891), составитель «Корейско-английского словаря» (Yokohama, 1897; 2nd ed. Seoul 1911–1914; 3rd ed. Seoul, 1931); автор грамматики «Korean Grammatical Forms» (1st ed. Seoul, 1894; 2nd ed. Seoul, 1903; 3rd ed. Seoul, 1916). Первым стал переводить произведения европейской литературы на корейский язык

---

* Новый Завет вышел в Сеуле в 1900 г., Ветхий Завет – в 1910 г

непосредственно с языка оригинала (до этого они переводились с китайского и японского). Первым таким произведением в Корее стал вышедший в 1895 г. роман «Путь пилигрима» (Pilgrim Progress, по-корейски *Чхонно ёкчон* 天路歷程) английского писателя и проповедника Дж. Баньяна (John Bunyan, 1628–1688). Переводчик на английский язык знаменитого романа «Облачный сон девяти» (*Куунмон* 九雲夢) Ким Манджуна (金萬重, 1637–1692) («The Cloud Dream of the Nine», London, 1922); автор книги «The History of the Korean People» (Seoul, 1927?). Основатель Корейского музыкального общества (1917) и двух средних школ в Сеуле, в том числе для девочек, профессор Теологической академии в Пхеньяне*.

В 1900–1941 гг. (с перерывом в работе в 1902–1911 гг.) членами Отделения были в общей сложности около 200 человек. Они подготовили 66 докладов, некоторые из которых уникальны, ибо зафиксированные в них аспекты корейской культуры исчезли под натиском цивилизации в последующие годы. Это, например, доклады об охоте в Корее и ее особенностях (Г. Андервуд 1-й), о корейском оружии (Бутс), о сигнальных башнях (Кун). Е.М. Кейбл первым обратился к изучению истории отношений Кореи с США, и его доклад об атаке американской эскадры на корейский форт на о-ве Канхвадо в 1871 г. остается и поныне самым полным в историографии. Были пионерами и другие члены Отделения: Каммингс («Птицы Кореи»), Руфус («Астрономия в Корее»), госпожа Бутс («Введение в корейскую музыку»). Особенное значение имели «Труды Отделения» за 1939 г., где Джордж Маккюн и Эдвин Райшауэр представили систему романизации корейского алфавита, которая и поныне считается серьезными учеными самой совершенной и используется значительной частью зарубежных корееведов, например Ассоциацией корееведения в Европе. Впервые подверглись изучению корейское искусство, старые монеты, традиционная медицина, еда, климат, горное дело, экзаменационная система и пр. Сегодня с этими статьями каждый может познакомиться в Библиотеке социальных наук (*Сахве квахак чарё-вон*), которая насчитывает около полутора тысяч редких книг о Корее и размещается около парка Саджик в Сеуле**.

* Полные тексты некоторых работ этих авторов, а также многих старых книг по Корее на английском языке размещены на нескольких сайтах, в том числе на <http://hompi.sogang.ac.kr/anthony/BooksKorea.htm>.

** Полный список трудов Общества за 1900–1999 гг. см. в «Transactions of the RAS-KB». Т. 75, 2000. С. 49–64.

В 1941 г., с началом войны на Тихом океане, Отделение прекратило свое существование. Его иностранные члены были высланы, а местные по законам военного времени были обязаны прервать любые контакты с зарубежными организациями. Отделение стало возрождаться после Корейской войны (1950–1953), когда в страну вернулись некоторые его прежние активисты, а затем стали прибывать для продолжения учебы первые корееведы-профессионалы – выпускники первых корейских отделений, открывшихся в вузах Европы и США после 1945 г. Многие из тех, кто тогда выступал с популярными лекциями в Корейском отделении Азиатского королевского общества, в будущем стали светилами мирового корееведения (Мартина Дойхлер, Кейт Ховард, Ф. Альфорд и др.). Оно и сегодня с удовольствием предоставляет свою трибуну не только признанным ученым, но и молодым исследователям, и я настоятельно рекомендую всем коллегам, кому доведется побывать в Сеуле, непременно выступить в RAS-KB или посетить его лекции, которые организуются по вечерам дважды в месяц в гостинице «Сомерсет» на Инсадоне. В разные годы в Обществе выступали известные ученые – как корейские (Джордж Пэк, Сон Поги, Кан Мангиль, Ку Тэёль), так и западные (В. Гриффис, М. Петерсон, С. Палмер, Р. Провайн, Г. Гомперц, Дж. Грейсон, Р. Рутт, Д. Стейнберг). С середины 1990-х годов начали выступать в Отделении и российские корееведы (перечисляю в хронологическом порядке): Т.М. Симбирцева, В.М.Тихонов, А.Н. Ланьков, Д.А. Самсонов. Здесь можно встретить писателей, переводчиков, потомков знаменитостей, деятелей искусств, бизнесменов, путешественников. Тематика выступлений, как и публика, самая разнообразная, а атмосфера самая теплая.

Расцвет Азиатского королевского общества в Корее пришелся на 1960–1970-е годы, когда в нем состояло более 3 тыс. членов. Это была новая эпоха, когда число иностранцев в Южной Корее стало довольно значительным (дипломаты и сотрудники посольств, американские военнослужащие, сотрудники международных организаций и их семьи, бизнесмены). В отличие от прежних времен, когда иностранцы жили в Корее долгие годы и хорошо были в ней адаптированы, эти люди находились в стране временно и на короткий срок и в большинстве своем ничего о ней не знали. Существовала у них и проблема досуга. Мест, куда им можно было пойти в свободное время, почти не было, как и телевидения, кинофильмов и турфирм, а путешествовать самому без знания языка и местности было затруднительно, поскольку тогда в Корее еще мало кто знал английский язык.

Смена аудитории нашла отражение в лекционной работе Отделения. Доклады стали значительно короче, а их изложение – более доходчивым. В 1957–1999 гг. RAS-KB выпустило 42 сборника «Трудов»: 167 докладов – по четыре в каждом выпуске, в то время как в 1900–1941 гг. один доклад иногда составлял целый том.

Рост интереса к Корее в 1960-х побудил RAS-KB предпринять публикацию книг, представляющих особый интерес или научную ценность. Ныне их издано 25. Это, в частности, переводы оригинальных источников, например, «Журнал Гамеля» (1668) или «Католическая церковь в Корее: ее истоки, 1566–1784» о. Хуана Руиза де Медина, а также труды М. Дойхлер, Дж. Грейсона, Г. Ледъярда, С. Палмера⁴⁵, составляющие «золотой фонд» мирового корееведения. К числу заслуг Отделения относится серия репринтных изданий старых книг: шеститомное переиздание журнала «Корея ревью, 1901–1906», «Корейские очерки» Д.Гейла, «Путешествие к западному побережью Кореи и Великому острову Лу Чу» Бэзила Холла (1818), «Корея и ее соседи» И. Бишоп (1897), «Корейские заметки» Г. Алена (1908), «История корейского народа» Дж. Гейла, «Недипломатические мемуары» В. Сэндса, «Пятнадцать лет среди “узелков”» и «Андервуд Корейский» (1918) Лилиас Андервуд, «Я вышла замуж за корейца» Агнесс Ким (1953), «Корея и старые режимы Восточной Азии» Нельсона и др.⁴⁶. К 2000 г. было выпущено 13 репринтных изданий.

С середины 1960-х годов в дополнение к лекциям Отделение начало проводить и экскурсии. Они пользовались огромной популярностью. На поездки по стране (их проводилось до 80 в год) записывались сотни людей, и приходилось заказывать для них целые поезда. В 1995 г. мне довелось побывать на такой экскурсии в Канджине – городе на самом юге Корейского полуострова в Южной Чолла, где в 1653–1666 гг. жил после кораблекрушения голландский моряк Гендрик Гамель, автор «Дневника Гамеля» (Амстердам, 1668) – первой в Европе книги о Корее. Экскурсоводом был ее переводчик со стародатского языка на английский, долгие годы живший в Корее миссионер Общины Тэзе Жан-Поль Байс, и эта поездка осталась незабываемым воспоминанием.

Сегодня RAS-KB организует до 40 экскурсий в год: пешеходные экскурсии по Сеулу и Сувону, походы в горы и живописные места южного побережья, посещения монастырей и храмов, спуски на плотках по рекам и пр. Но желающих принять в них участие уже несравнимо меньше, несмотря на то что число иностранцев в Корее многократно возросло. Это связано с тем, что у них появились новые возможности для проведения досуга, поскольку

ку услуги на английском языке предлагают теперь в Корее и многие туроператоры, и кабельное и спутниковое телевидение, и кинотеатры. Интерес к деятельности Общества упал, и для RAS-KB, существующего в основном на членские взносы, наступили трудные времена. Самый низкий уровень членства с середины 1960-х годов был в 2005 г. – менее 700 человек. Преодолеть кризис удалось в значительной степени за счет корейцев – энтузиастов, добровольно взявших на себя значительную часть организационной работы, чтобы не допустить роспуска старейшего научного общества страны. Сегодня число членов превысило 900, и его президент Питер Бартоломью, живущий в Корее более 30 лет бизнесмен, ставший за эти годы также и признанным знатоком традиционной корейской архитектуры, уверен, что самое трудное позади.

RAS-KB – престижная международная организация. Его почетным президентом традиционно является действующий посол Великобритании в Корее. Активное участие в работе Общества принимают послы США, Голландии, Испании и других западных стран, которые обычно остаются его пожизненными членами. Генеральный менеджер Отделения госпожа Су Бэ имеет титул леди и звание «почетный гражданин Великобритании». Ими ее наградила в 2001 г. английская королева за успешную и многолетнюю деятельность по ознакомлению англичан и других живущих в Корее иностранцев с культурой и историей этой страны. Раз в год (в июне) Отделение организует прием по случаю своего «дня рождения» для своих членов – «Садовую вечеринку» (Garden Party). Обычно она проходит в британском посольстве или резиденции американского посла. Оба здания являются прекрасно сохранившимися памятниками времен позднего Чосона. «Вечеринку» – яркое, сопровождаемое ярмарками изделий прикладного искусства и книг, танцевальными представлениями, показами традиционной моды и дегустацией блюд мероприятие – посещают многие знаменитости корееведческого мира, и там стоит побывать. Вступить в Общество может всякий желающий и любая организация. Около 700 членов Отделения проживают в Корее, свыше 200 – за рубежом, в 30 странах мира. Коллективными членами Отделения являются библиотеки Гарвардского, Вашингтонского, Кембриджского университетов и Кливлендского музея искусств, Итальянская школа восточно-азиатских исследований, Йельский и Шеффилдский университеты. Списки членов публикуются в «Трудах» Общества каждый год. К сожалению, российские университеты, библиотеки и музеи там не значатся⁴⁷.

III

Наследие ванов и государство

История государства, описывая
добродетели и пороки государей
и их слуг, показывает их достоинства
и недостатки десятку тысяч
будущих поколений,
и, если не составлять истории,
как бы могли видеть их достоинства
и недостатки последующие
поколения?

*Исабу, видный сановник
государства Силла, VIв.*

Заново отстроенный
в последние годы
Архив летописей
на горе Одэсан
(уезд Пхёнчхан-гун,
пров. Канвон)

Из истории летописания

В конфуцианском мире история имеет особое значение. Здесь с незапамятных времен государственная идеология доказывала легитимность своих основных положений путем апелляции к историческим прецедентам, что привело к возникновению характерного для китайского культурного ареала, в том числе и для Кореи, «культы истории». Самой древней летописью на Дальнем Востоке считается *Чуньцю* (春秋, кор. *Чхунчху*, «Вёсны и Осени») – хроника древнекитайского княжества Лу. Она охватывала период Вёсен и Осеней (770–476 гг. до н.э.) и представляла собой не столько изложение событий, сколько лаконичную оценку их с точки зрения конфуцианской политической морали. Написанная, по преданию, самим Конфуцием, она вошла в состав конфуцианского «Пятикнижия»*, которое легло в основу традиционного китайского образования и сопоставимо по своей значимости на Дальнем Востоке с Библией. *Чуньцю* стала образцом для последующих летописей, составление которых стало со временем неотъемлемой частью культуры по всем странам конфуцианского региона.

С первых веков новой эры, одновременно с процессом формирования государства, началось вхождение Кореи в китайский культурный ареал: изучение письменного китайского языка и конфуцианской классики, восприятие китайских философских концепций и государственных институтов. Официальным годом начала распространения конфуцианства в Корее считается 372-й, когда когурёский государь Сосурим (371–384) создал *Тхэхак* (太學, букв. «Великая школа») – первое на полуострове конфуцианское учебное заведение для сыновей правящей элиты. Но конфуциански образованные люди появились здесь раньше. Примером этих ранних ученых мужей можно считать упомянутых в летописях А Чикки (阿直岐) и Ван Ина (王仁, 373–?), которые посетили Японию в правление пэкческих ванов Кынчхо (346–375) и Кынгусу (375–384) и первыми познакомили японцев с конфуцианством. Известно, что Ван Ин, приехавший в Японию в свите пэкческого принца, привез с собой 10 экземпляров «Бесед» Конфуция и один экземпляр пособия для изучения китайской письменности «Тысячесловие» (*Цянь цзы вэнь*, кор. *Чхонджамун* 千字文)¹.

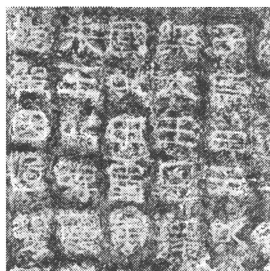
В Пэкче первая хроника – «Исторические записи» (*Согги* 書記) была составлена интеллектуалом китайского происхождения Ко Хыном (高興, кит. Гао Син) в 375 г. н.э. Тогда же появились и первые хроники в Когурё – «Записи о прошлом» (*Юги* 留記). В Силла, третьем раннем государстве Корейского полуострова, куда конфуцианство пришло значительно позже, первая летопись под названием «История государства» (*Кукса* 國史) была составлена в 545 г. Ее автором был ученый Кочхильбу (居柒夫).

Ранние летописи не сохранились, но об их содержании можно судить, например, по тексту, высеченному на величественной шестиметровой стеле, которая была воздвигнута в 414 г. на могиле «Расширителя земель» вана Квангэтхо (391–413) когурёского. В нем рассказывалось о происхождении правящего рода Когурё от героя Чумона – сына небесного божества, приводилась его генеалогия, описывались военные походы Квангэтхо и его заслуги в разгроме внешних врагов. Так формировалась общая память народа, обосновывалась легитимность власти, утверждались ее связь с корнями, преемственность и незаменимость.

---

* «Пятикнижие» (*Уцзин* 五經, кор. *Огён*) – общее название для пяти канонических книг: 1) *Ицзин* (易經, кор. *Ёккён*, «Книга перемен»), 2) *Шуцзин* (書經, *Согён*, «Книга истории»), 3) *Шицзин* (詩經, *Сигён*, «Книга гимнов и песен»), 4) *Лицзи* (禮記, *Йеги*, «Записи о совершенном порядке вещей, правления и обрядов», или «Записи о ритуале»), 5) *Чуньцю*.

Стела у могилы
вана-завоевателя
Квангэтхо
в окрестностях
Куннэсона – древней
столицы Когурё
на равнине Тунгоу
(совр. г. Цзиань,
пров. Цилинь, КНР).
Воздвигнута в 414 г.,
высота 6,34 м,
находится под охраной
ЮНЕСКО.
Фото 1913 г.
*Из коллекции
Государственного
центрального музея РК
(Сеул)*

На четырех сторонах
стелы высечен текст
(1802 иероглифов),
подробно в эпическом
стиле повествующий
о походах и подвигах
покойного. Это первое
из сохранившихся
крупных сочинений
древних корейцев,
выдающийся памятник
эпиграфики. В России
подробно его изучением
занималась
Роза Шотаевна
Джарылгасинова

Ранние исторические сочинения были тесно связаны с древними мифами. Они также на первый план выдвигали фигуру «основателя» и тщательно фиксировали знаки «законности» пребывания его и его потомков у власти, данной им Небом (необычное происхождение от божеств и животных, браки с иноземными царевнами или фантастическими женщинами, удивительные подвиги). Но в летописях «основатели» выступали уже в существенно преображенном и систематизированном виде. В соответствии с рациональным духом конфуцианства они были представлены реальными фигурами, действовавшими в реальных обстоятельствах в реальные исторические эпохи (точкой отсчета времени служили правления китайских императоров) и сами бывшими воплощением исторического Времени, представленного в виде длинной цепи смен правлений сначала глав родов, потом владений и гегемоний и, наконец, государств. Время протекало по циклам, которые были связаны с волей Неба, пятью стихиями, круговоротом этих сил, саморазвитием нравственных устоев и, наконец, с законами возвышения и падения владений и правящих домов. Фиксировавшие эти процессы летописи были само Время, запечатленное в письменном слове. Они были священны, ибо основывались на способах историописания, заложенных Конфуцием. Также они удовлетворяли насущные потребности государственной политики: прославляли правящую династию, ее основателей и предков, подавали прямые и косвенные советы правителю, подкрепляя их историческими прецедентами и разбором причин гибели предшествующей династии и «неправедных» государей.

Освещение жизни и деятельности правителей было основной задачей летописцев. События общенародного значения (войны, взаимоотношения с соседними государствами, борьба с засухой, наводнениями, строительство городов и много другое) преподносились либо через отношение к ним «ванов», либо в том случае, если эти события какой-то стороной их касались. Общество делилось на государей и подданных, но это не были конкретные люди. Для каждого существовал образец должного поведения – в соответствии с его местом в социуме. Следование этим образцам рассматривалось как залог процветания государства, средство его укрепления в эпохи бурь и катаклизмов, а именно его конфуцианцы, в представлениях которых не было места загробной жизни, ставили высшей ценностью. Монарх был воплощением государства, а все остальные были важны постольку, поскольку способствовали выполнению его функции достойного правления, следованию «пути вана». Летописи были всеобъемлющими и по охвату

событий, и по значимости как для живущих, так и для будущих поколений. Это был вердикт, который подводил окончательный итог прошлому и в дальнейшем почти никогда не пересматривался, и наказ потомкам, определявший сохранение преемственности в будущем. Оценки, высказанные в летописях, сохраняют свое значение и сегодня.

«Геродот» корейской истории

По истории древней и новой
Книги прилежно читая,
Нужно было б учиться
На этих примерах.

Ким Пусик*

Никто не знает, с какого именно времени возникли в Корее специальные государственные учреждения, занимавшиеся составлением исторических трудов или контролем за их содержанием. Но достоверно известно, что с X в. в Корё (936–1392) уже существовало специальное правительственное учреждение, ведавшее историографией, которое называлось *Чхунчхугван* (春秋館, Историческое управление, или Управление «Вёсен и Осеней» – в память о первой Конфуциевой летописи). Его главой, т.е. главным государственным историографом (*камсу кукса* 監修國史) и одновременно редактором истории государства, был первый министр (*сиджун* 侍中). Самым знаменитым руководителем этого ведомства в истории Кореи был Ким Пусик (金富軾, псевдоним – Нвечхон 雷川, 1075–1151), прославившийся в веках как составитель самой ранней из сохранившихся до наших дней корейских летописей. Она называется «Исторические записи Трех государств» (*Самгук саги* 三國史記, 1145).

Убежденный конфуцианец, Ким Пусик придавал особое значение историческим записям и урокам, которые можно извлечь из истории, и твердо верил в силу летописного слова. Его собственная жизнь подкрепляла эту

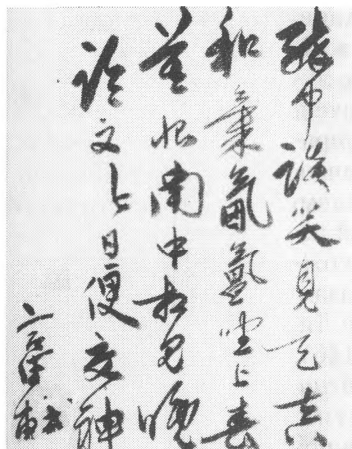
---

* Фрагмент одного из немногих дошедших до наших дней стихотворений этого автора, сохранившегося в поэтической антологии «Избранная поэзия Восточной страны» (*Тонмунсон* 東文選, 1478), составленной по приказу Сонджона группой ученых во главе с директором Управления литературы (*Хонмунгван*) Со Коджоном (徐居正, 1420–1488).

веру. Человек очень знатный по рождению (потомок ванов предшествовавшей династии Силла), Ким начал службу, когда сразу после успешной сдачи государственных экзаменов в правление Сукчона (1096–1105) был назначен чиновником Военного ведомства г. Ансо. Вскоре, за литературные способности он был переведен в столицу и назначен начальником Податного ведомства, а затем – смотрителем придворной библиотеки. С цитаты, удачно выбранной из китайской летописи, началось его стремительное восхождение к самым вершинам власти. В частности, он доказал незаконность претензий на ведущую роль в государстве Ли Чагёма – отца двух главных жен вана Инджона (1123–1146), вспомнив к месту высказывание носившего титул *тайгун* (大君, кор. *тэгун*) отца основателя Ханьской династии Гао-цзу (高祖, 206–195 г. до н.э.): «На небе не бывает двух солнц, а на земле – двух государей, поэтому император, хотя и сын, является государем, а *тайгун*, хотя и отец, является подданным». Ли Чагём не нашел достойных контрагументов, и Ким Пусик был повышен до министра.

В жизнеописании Ким Пусика в «Истории Корё» (*Корёса*) рассказывается о письме Ли Чагёма вану, где он не назвал себя его подданным, что вызвало дискуссию об этикете. Все сановники, ссылаясь на «древние книги», считали, что только родители вана или его жены могут не кланяться государю и что Ли Чагём прав. Только Ким Пусик придерживался иного мнения и смог настоять на своем. Не удивительно, что «ван всегда считал мнение Ким Пусика самым правильным». Ким преданно служил шестерым ванам. Он трижды принимал участие в проведении экзаменов на государственные должности, и ван «очень хвалил его за отбор талантливых людей». В *Корёса* дается краткая его характеристика: «Ким Пусик был полным и добродушным человеком, тело имел крупное, лицом был темен, а глаза его были выразительными. Его литературная слава гремела на весь свет».

В 1123 г., когда Ким Пусику было 49 лет, в Корё прибыл посол сунского Китая в сопровождении ученого и дипломата Сюй Цзина (徐兢). Пусик сопровождал их в поездке по стране и явно произвел на гостей большое впечатление. По возвращении на родину Сюй Цзин написал книгу «Государство Корё в рисунках и записях» (*Гаоли туцзин* 高麗圖經, кор. *Корё тогён*), где отметил: «По широте и глубине познаний в области древности и современности Ким Пусика в Корё ни с кем нельзя сравнить» и поместил его портрет и родословную. Книга была преподнесена императору Хуй-цзуну (徽宗, 1101–1126), который счел ее настолько интересной и полезной, что повелел отпечатать ее с досок и широко распространить в Поднебесной².

Записанное рукой
Ким Пусика
семисложное
четверостишие
на ханмуне —
корейзированном
китайском
классическом языке,
который вплоть
до конца XIX в. был
главным в корейской
письменной культуре.

Из коллекции
Института
по составлению
национальной
истории РК

Наставник наследника престола, член придворной академии *Халлимвон* (翰林院), обязанностью которой было, кроме прочего, «преподнесение уроков» вану, крупный военачальник, в XII в. Ким Пусик был один из «трех знатнейших» (*самгон* 三公) и обладал наивысшим чиновным рангом (*тхэбо* 太保); был приравнен к представителям царствующего рода; имел титулы «заслуженного сановника», главы Правительственного совета (*Сансосон* 尙書省) и «столпа государства». Живший в эпоху смут, восстаний и угрозы иностранного нашествия и выступавший за укрепление государства, он принял беспрецедентно грандиозный летописный проект, чтобы (как он писал в письме к государю) «увековечить деяния» предшествовавших царств, подчеркнуть законность наследовавшей им династии Корё, а также выявить «добро и зло государей и государынь, преданность или вероломство их слуг, спокойствие или опасности в государстве, благоденствие или мятежность народа, что могло бы служить назиданием для потомков». Руководило им и патриотическое желание заставить «нынешних мужей» изучать не только китайские классические книги, но и «дела нашего государства», в которых они «оказываются в полном невежестве, не знают ни начала, ни конца»³. Так он видел основные задачи составления летописей. Таковыми они остались и впредь.

Самгук саги – не первая летопись подобного содержания в Корее. По свидетельствам других средневековых авторов, Ким Пусик взял за основу «Древнюю историю Трех государств» неизвестного автора, составленную, видимо, в начале периода Корё (X в.), отредактировав ее в соответствии с насущными идеологическими задачами. Опирался он и на летописи, утраченные уже к XII в. или впоследствии: «Древние записи трех Хан» (*Самхан коги* 三韓古記), «Древние записи Страны, что к востоку от моря» (*Хэдон коги* 海東古記), «Древняя история Силла» (*Силла коги* 新羅古記), — а также пользовался трудами первых выдающихся корейских конфуцианцев: Ким Тэмуна (金大問, конец VII–VIII вв.)* и Чхве Чхивона (857–910?). Другими источниками послужили китайские исторические сочинения: «История Троецарствия» (*Саньго чжи* 三國志, V в.), «История Поздней Хань» (V в.), «истории» династий Лян и Суй (VII в.), а также Тан (X в.) и пр.

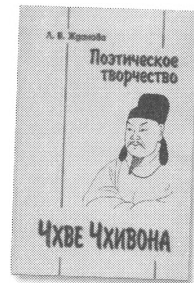
* Эти труды Ким Тэмуна — жизнеописания видных силласцев «Разные жизнеописания [страны] Петушиного леса» (*Керим чапчон* 鷄林雜傳), «История хваранов» (*Хваран сеги* 花郎世記) и «Жизнеописания высших священников» (*Косын чон* 高僧傳).

Чхве Чхивон (崔致遠, псевдоним Коун 孤雲 – Одинокое облако, 857–910?) – один из первых корейских «четырёх великих конфуцианцев», заложивших фундамент корейской конфуцианской традиции; первый в истории крупный корейский поэт, писавший на *ханмуне*; выдающийся писатель и историк, один из 18 конфуцианских святых, первым канонизированный (в 1020 г.) и почитаемый до наших дней в Алтаре Конфуция Мунмё (Сеул). В юности Чхве Чхивон отправился в столицу танского Китая Чанъань, где в 18 лет с первого раза сдал государственные экзамены на чин, потом 10 лет служил на разных должностях, получил признание как ученый и литератор. В 885 г. вернулся на родину, но понимания не встретил. Силла в конце IX в. переживало острый кризис. Как писал историк, «не знали предела бесчинства лстивых и угодливых, взятки имели общее хождение, несправедливо давались награды и наказания, приходили в упадок законы государства». Желая послужить родной стране, Чхве Чхивон предложил двору свой опыт администратора и знания ученого, но его советам не доверяли. Ему пришлось покинуть столицу, но деятельная натура его не могла примириться с вынужденным бездействием, и он начал писать историю. Так появились труды, ставшие образцом для историков последующих эпох. Ими, в частности «Хронологией государей» (*Чеван ёндэрёк* 諸王年代曆), пользовался Ким Пусик при составлении *Самгук саги*. До наших дней они не дошли. В последний период жизни, взяв семью, Чхве Чхивон укрылся в храме Хэинса в горах Каясан (современная пров. Южная Кёнсан), где оставался до конца своих дней.

Самгук саги – важнейший исторический источник, в котором дано хронологическое изложение ранней истории Кореи на протяжении тысячелетия (I в. до н.э. – X в. н.э.), снабженное комментариями составителя. Для Кореи этот памятник имеет такое же значение, как «Истории» Геродота (484–425 гг. до н.э.) для западного мира, «Исторические записки» (*Шицзи* 史記) патриарха китайской историографии Сыма Цяня (司馬遷, между 109 и 91 гг. до н.э.) для древней истории Китая и сопредельных стран или «Повесть временных лет» Нестора (начало XII в.) для истории Древней Руси. Написанные на основе не дошедших до нас летописей и исторических сочинений прежних времен, «Исторические записки Трёх государств» состоят из 50 книг, которые подразделяются на:

Чхве Чхивон. Средневековый портрет

Прекрасную книгу о нем «Поэтическое творчество Чхве Чхивона» (1998) написала петербургский литературовед Л.В. Жданова (1946–1999), посвятившая этому исследованию около трех десятилетий труда и ушедшая из жизни так же, как и великий поэт, – исчезнув бесследно

- *Понги* (本紀) – «основные записи», или погодные хроники царствований отдельных правителей (28 книг)*;
- *Пхё* (表, кит. *бяо*) – хронологические таблицы (3 книги),
- *Чанчи* (雜誌, кит. *цзачжи*) – разные описания (9), куда входили книги-чхэк о жертвоприношениях и музыке; цветах одежды, повозках и конской упряжи, посуде и утвари, жилищах; географии; должностях и чинах;
- *Ёльчон* (列傳, кит. *ле чжуань*) – биографии (10 книг), включавшие жизнеописания «достойных чиновников» и иных людей, которые иллюстрировали ту или иную основополагающую морально-этическую (конфуцианскую) добродетель или, наоборот, ее противоположность: гуманность – жестокость, преданность – предательство, верность долгу, сыновняя почтительность и пр.

Самгук саги стала, наряду с китайскими летописями, стандартом для последующих поколений корейских историографов. С нее составление официальных летописей в Корее стало исключительно прерогативой государства.

Множество различных наслоений, языковая сложность (наличие малопонятных слов корейского происхождения в иероглифической записи и давно забытых понятий культуры, отделенной от нас тысячелетием, использование китайских иероглифов для обозначения корейских имен и географических названий и пр.), смешение исторических событий с легендами – все это делает *Самгук саги* одним из труднейших для понимания и исследования исторических памятников Кореи. И можно гордиться тем, что первым европейским языком, на который он был переведен, был русский. Инициатором этого грандиозного проекта и переводчиком первых двух томов стал российский ученый Михаил Николаевич Пак.

Михаил Николаевич Пак (1918–2009) – глава российско-го корееведения на протяжении более полувека. Одним из первых защитился в СССР по истории Кореи (1947). Видимо, он был в этом третьим, после М.П. Кима (1939) и Н.Г. Старосельцева (1941). Переводчик и комментатор *Самгук саги* и фрагментов из китайской летописи *Саньго чжи*. Автор более 300 работ, в том числе разделов по Корее в энциклопедиях и большинстве вузовских учебников по истории Востока советского периода. Составитель оригинальной концепции феодализма и ранней государственности в Корее и университетского курса

М. Н. Пак.
Фото автора. 1995 г.

* Из 28 книг-понги 12 составляют летописи Силла, 10 – летописи Когурё, 6 – летописи Пэкче.

истории Кореи с древнейших времен до наших дней. Всю жизнь работал в МГУ, подготовил 12 кандидатов и докторов наук (больше, чем кто-либо из отечественных корееведов) и создал научную школу русского исторического корееведения. Среди его учеников – Р.Ш. Джарылгасинова, Ю.В. Ванин, С.В. Волков, Рю Хакку, В.М. Тихонов, К.В. Асмолов и др., чьи имена хорошо известны каждому, кто занимается Кореей в нашей стране. Училась у него и автор этой книги. С распадом СССР исчезла постепенно и эта школа. Однако осталось ее научное наследие, фундаментальные труды, и нет сомнений, что в будущем она будет возрождена, как на протяжении веков в эпохи укрепления государственности неизбежно возрождалось и летописание.

В одном из своих интервью⁴ М.Н. Пак сказал, что толчком к началу работы над переводом *Самгук саги* послужили трагические события, связанные с насильственным переселением корейцев с Дальнего Востока в Среднюю Азию в 1937 г. и репрессии, обрушившиеся на его собственную семью. Сознание глубокой несправедливости происходящего, переживание за несчастную судьбу своего народа пробудили в нем хорошо понимаемое в контексте конфуцианской культуры стремление глубоко заняться национальной историей. Так возник замысел, на реализацию которого ушло полвека.

Первый том полного научного комментированного перевода *Самгук саги* (летописи Силла) вышел в 1959 г. и сразу поставил М.Н. Пака в ряд ведущих корееведов мира. Второй том (летописи Когурё и Пэкче) увидел свет в 1995 г. В третьем томе (Разные описания. Биографии), опубликованном через 43 года после первого (в 2002 г.), М.Н. Пак был ответственным редактором вместе с Л.Р. Концевичем. Перевод и комментарии осуществили совместно практически все специалисты по традиционной Корее нашей страны: Р.Ш. Джарылгасинова, Л.Р. Концевич, А.Ф. Троцевич, С.В. Волков, В.М. Тихонов, А.В. Соловьев, – цвет отечественной науки. Издание заложило основы углубленного изучения Кореи по первоисточникам в России, ввело Корею в контекст изучения древней истории Востока. Оно получило самые высокие оценки в научных кругах и у нас, и за рубежом и стало предметом особой гордости отечественной корейской диаспоры. В начале 1990-х годов именно М.Н. Пак был избран первым президентом Ассоциации российских корейцев – первой национальной организации представителей этого народа в нашей стране. Утратив в XX в. национальные язык и обычаи, они сохранили присущее конфуцианскому миру «чувство истории», которое оказалось одним из самых живучих сторон национальной идентичности.

Первая страница первого квона *Самгук саги* (Хроники Силла). После заголовка, более мелким шрифтом приводятся сведения о главном составителе – Ким Пусике. Так начинаются все квоны. С этого экземпляра летописи из коллекции дипломата и востоковеда П.А. Дмитриевского (1851–1899), ныне хранящегося в Институте восточных рукописей в Санкт-Петербурге, и был сделан русский перевод. Это издание сборное, 1–3-я и 5-я части ее – рукопись, 6-я – ксилограф, а 4, 7 и 8-я части напечатаны подвижным (наборным) шрифтом. Судя по всему, выходили они в разное время, и потому точная датировка полного экземпляра невозможна. Всего в рукописном отделе Института восточных рукописей хранятся 32 старокорейских исторических манускрипта. Еще четыре касаются административной системы Чосона, 9 – законодательства, 5 – ритуалов и пр. Всего 169 названий, 940 единиц хранения. Они ожидают своих исследователей

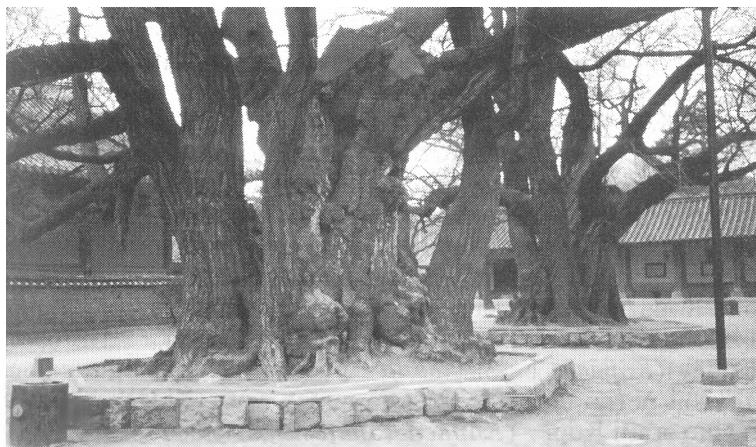
Следующий перевод *Самгук саги* на европейский язык вышел через 47 лет после выхода ее первого тома в Москве. На этот раз в США. Это был аннотированный английский перевод одной части – «Летописей Пэкче» (*Пэкче понги* 百濟本紀), подготовленный исследователем из Азиатского центра Гарвардского университета Джонатаном Бестом⁵. Если М.Н. Пак обращал главное внимание в своих комментариях к *Самгук саги* на формационные характеристики и вопросы социально-экономической истории ранних государств на Корейском полуострове, по которым в то время в Корее шел жаркий спор, то Дж. Бест поставил целью сравнить

содержание летописи с тем, что наука знает о древней Корее сейчас. За последние полвека были переосмыслены прежде известные письменные и археологические первоисточники и открыты новые, а также написано немало трудов в разных странах. Хотя оба автора – и Ким Пусик в XII в., и Дж. Бест в XXI в. – решали в принципе одну и ту же проблему – «составление ответственной, разносторонней и логически последовательной истории Пэкче, основываясь на ограниченных и фрагментарных свидетельствах», их версии коренным образом различны. «Написание истории – это в конечном счете упорядоченный акт творческого воображения, – отметил Дж. Бест в предисловии. – Все исторические труды содержат толкования, от содержания которых зависит и выбор фактов». При всей трудности перевода и трактовки древние летописи имеют для пытливого исследователя непреодолимое обаяние. Их будут переводить и в будущем, всякий раз открывая что-то свое, незамеченное предшественниками и созвучное новым временам. Как точно сказала в одной телепередаче профессор РГГУ Н.И. Басовская, «исторический источник бесконечен. Весь вопрос в том, какой вопрос мы ему зададим».

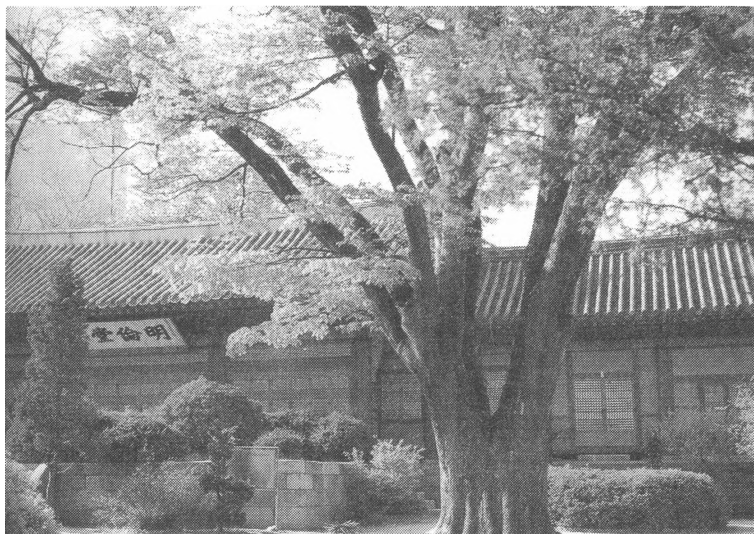
Летописание в Чосоне

С ослаблением централизованного государства историография приходила в упадок и вновь возрождалась с его укреплением. Расцвет летописания настал в Корее с приходом к власти династии Чосон в 1392 г., когда

Два дерева гинко во дворе конфуцианского университета Сонгюнган в Сеуле были посажены в год его основания (1398) его первым ректором. Символизируют социальную гармонию, а также дуализм мироздания. Считается, что их саженцы были привезены с родины Конфуция, который наставлял учеников, сидя под такими деревьями. В Китае и других странах региона придерживаются мнения, что это были абрикосовые деревья, но только не в Корее, где термин «абрикосовый алтарь» ассоциируется с китайским даосом Чжуан-цзы (IV в. до н.э.)

Мённюндан (明倫堂) – Зал для лекций по конфуцианской классике в университете Сонгюнгван (成均館) – главном учебном заведении Чосона, где занятия ведутся и в наши дни. Сонгюнгван был основан в Хансоне (Сеуле) в 1398 г., чем была продолжена традиция конфуцианского образования, заложенная в Когурё с открытием в 372 г. «Великой школы» Тхэхак.

В Объединенном Силла с 682 г. существовала Высшая государственная школа *Кукхак*, в Корё с 992 г. самым верным путем к успешной чиновной карьере была учеба в государственном университете *Кукчагам* («Школа Сынов Отечества»). В 1356 г. эта школа была переименована в *Сонгюнгван* и с тех пор это название используется для главного конфуцианского вуза страны неизменно. На Корейском полуострове есть еще один Сонгюнгван – в г. Кэсоне (КНДР), бывшей столице Корё. Он охраняется государством как памятник культуры и символ преемственности

возникло первое в истории страны государство, в котором идеологической и религиозной основой было неоконфуцианство – догматичное и непримиримое к любому инакомыслию. Роль *Чхунчхугвана* и придворных историков-*сагванов* существенно возросла. Работая как штатные сотрудники во всех министерствах и ведомствах с первых и до последних дней Чосона (1392–1910), они составили чрезвычайно детальные исторические сочинения разных видов: по правлениям и учреждениям, подневные и по периодам, полные и сокращенные – «лучшие образцы восточноазиатских хроник, не сравнимые с другими по объему и подробности изложения»⁶. Вершиной их трудов стали *силлок* (實錄) – летописи жанра «истинные записи».

Почти сразу после вступления на престол основателя Чосона началось составление обобщающей официальной истории низвергнутого Корё. Это было необходимым условием утверждения легитимности новой династии. Первый ее вариант *Корё кукса* (高麗國史) был составлен к 1396 г. первым министром государства Чон Тоджоном (鄭道傳, 1342–1398), который также был ближайшим соратником вана-основателя, видным литератором и философом. Но вскоре Чон погиб, его текст подвергся значительным сокращениям и редактуре и, в конце концов, был отвергнут. Работа над составлением официальной истории Корё продолжалась более полувека, прежде чем в 1449–1451 гг. был создан ее окончательный вариант – «История Корё» (*Корёса*) в 139 *квонах*^{*}. Тогда же был написан и другой исторический труд на ту же тему – «Извлечения из истории Корё» (*Корёса чорё* 高麗史節要, 1452).

Тэсонджон (大成殿 «Дворец великого свершения») – Главный алтарь в Алтаре Конфуция (Мунмё) на территории университета Сонгюнгван в Сеуле, где хранятся 190 поминальных табличек знаменитых китайских мудрецов – Великого Учителя, «четырех святых» (*сасон* 四聖); «десяти просветленных» (*сипчхоль* 十哲), сунских «шести мудрецов» (*юкхён* 六賢) и др., и 18 табличек великих корейских конфуцианцев, начиная с «отца конфуцианской учености» в Корее Соль Чхона (жил в VII в.)

Красноречиво название летописей Корё – *Корёса*. Они не удостоились почетного названия *силлок*. Это отразило отношение к предшественникам чосонского руководства, которому было важно оправдать свой приход к власти путем вынесения деяниям корёской династии негативной оценки. Она выразилась и в том, что основной раздел – погодные хроники правителей, которые обычно в дальневосточных летописях, в том числе у Ким Пусика, назывались «Основные записи», в *Корёса* был озаглавлен *Сега* (世家, кит. *шицзя*), как именовались обычно дополнительные разделы, содержавшие биографии аристократов и чиновников. Таким образом, деяния правителей государства Корё были низведены до ранга деяний «наследственных (знатных) домов». Кроме основного раздела *Сега* (46 квонов), *Корёса* состояла из тех же разделов, что и *Самгук саги*:

Сокчон тэдже (釋奠大祭) – большое жертвоприношение в Храме Конфуция на территории университета Сонгюнгван в Сеуле, совершаемое и в наши дни ежегодно во 2-м и 8-м лунных месяцах. *Фото 1990-х годов*

* *Квон* (卷, кит. *цзюань*) – «книжная единица». Это значит «свиток», «тетрадь», «раздел». Сочинение может состоять из одного квона или нескольких. Каждый квон состоит из произвольного количества листов, но, как правило, не больше ста. Несколько квонов сшивались в одну книгу (*чхэк* 冊), в которой их могло содержаться любое количество.

Чон Тоджон (鄭道傳, псевдоним Самбон 三峰 – Три вершины, 1342–1398) – видный военачальник, государственный деятель, писатель, неоконфуцианский мыслитель. Его называют «архитектором чосонского государства». Составитель первых трактатов о новой ритуальной музыке Чосона (1393), первого свода законов Чосона –

- *Чи* (志) – Описания (сведения о традициях, ритуалах, музыке, астрономических наблюдениях и т. д.) – 39 книг;
- *Ёнпхё* (年表) – Хронологические таблицы – 2 книги;
- *Ёльчон* (列傳) – Биографии – 50 книг;
- *Моннок* (目錄) – Индекс – 2 книги. Всего – 139 книг.

Корёса стала последней корейской летописью типа *саги* и последней династийной хроникой, оформленной в соответствии с правилами, по которым окончательный вариант летописи сошедшей с исторической сцены династии составлялся ее преемницей.

Два типа летописей Чосона

Хроники Чосона в широком смысле делились на два типа. Во-первых, это были *сачхо* (史草) – подневные записи каждого существенного события государственной жизни (в первую очередь жизни вана) или того или иного учреждения. Ежедневно, закончив работу, историки-регистраторы (*сагваны* 史官) подавали составленные за день записи в *Чхунчхуван*. Там их помесечно, а

затем погодно подшивали в книги-*чхэк* наряду с другими документами: меморандумами, эдиктами, административными докладами, указами о назначениях и увольнениях и пр. Включались и донесения провинциальных чиновников. Так составлялись подневные *сиджонги* (時政記, административные записи), а также хроники по определенной тематике, например:

- «Подневные записи королевского секретариата» (*Сынджонвон ильги* 承政院日記),
- «Королевские дневники» (*Ильсоннок* 日省錄) дворцовой библиотеки-архива Кюджангак,
- «Регистрационные записи Пограничного ведомства Пибёна» (*Пибёнса тыннок* 備邊司謄錄),
- «Собрание всеподданнейших докладов» (*Тонмун хвиго* 同文彙考) Ведомства дипломатической переписки *Сынмунвон* (承文院) и др.

Подшитые в книги по годам *сиджонги* и тематические хроники представлялись вану для утверждения. Подробнейшие хроники составлялись и в администрации каждого провинциального губернатора. Особое место в огромном своде подневной документации чосонских времен занимали летописи центральных ведомств, в которых по годам, месяцам, дням и часам фиксировались события в жизни монарха с момента восшествия его на престол и до кончины с указанием мельчайших деталей, вплоть до одежды, типа паланкина, настроения, самочувствия и выражения лица в тот или иной момент. Особую важность имели «Подневные записи королевского секретариата» (*Сынджонвон ильги*), поскольку на их основе составлялись летописи второго типа, которые назывались *силлок* (實錄, кит. *шилү*) – «истинные записи (правления)».

Силлок представляли собой сокращенное изложение подневных записей (*сиджонги*) и разновидность погодных хроник (*пхённёнчхе* 編年體), в которых по дням, месяцам и годам фиксировались важнейшие, т.е. имевшие отношение к монарху, дворцовые события, а также содержание поданных на высочайшее имя докладов, документов и донесений.

В отличие от хроник первого типа, которые составлялись непосредственно на месте событий и были, таким образом, «первоисточником», «истинные записи» были «вторичным» документом. Они составлялись после смерти монарха, с участием высших сановников, и представляли собой подборку тщательно отобранных фактов с включением оценок историографов. От них зависело место, которое занимал усопший ван (или предыдущая династия) в истории, и отношение к нему (ней) потомков.

Главная их цель (и это подчеркивало их название) – обеспечить «объективную и беспристрастную» оценку правления и личных достоинств монарха (под ними подразумевалось соответствие конфуцианским канонам и нормам поведения) для передачи будущим поколениям. Хотя при их составлении учитывались «пожелания» правящего вана и старшей королевской матери, никто из них не мог видеть их готовый текст никогда и ни при каких условиях – для обеспечения «объективности». Когда впоследствии возникала необходимость обратиться к хроникам для поиска прецедентов в решении важных государственных вопросов, в архив направляли специального чиновника, который делал выборку из *силлок* по нужной теме и представлял ее на рассмотрение правителя.

Чосон кёнгук чон
朝鮮經國典 (1394),
первой истории предшествующей династии
Корё кукса (1396). Его
антибуддийские труды,
особенно «Разносторонняя критика учения господина Будды»
(*Пулъсси чанпён*
佛氏雜辨, 1398), стали
в Чосоне обоснованием
официального гонения
на буддизм и внесли
немалый вклад в развенчание его доктрины
в глазах образованной
части общества. Бескомпромиссный последователь Чжу Си, Чон выступал за создание идеальной монархии, где государева власть жестко ограничивается бюрократией, в первую очередь полномочиями ее главного представителя – первого министра, которым он сам и являлся. Потому его конфликт с тронем, заинтересованным в укреплении власти государя, был заранее предreshен и стал причиной его гибели. Чон Тоджон был убит во время «первой войны принцев» 1398 г. и числился 467 лет государственным преступником, пока не был официально реабилитирован в 1865 г. во время развернутой Тэвонгуном кампании по укреплению престижа правящей фамилии

Сколько бы ни было в Чосоне хроник разных видов, *силлок* были вершиной летописания, ибо содержали вердикт о правлении и делали его Историей. Именно ради их составления трудились десятки придворных историков: изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год, из века в век. Конфуцианцы мало интересовались жизнью после смерти и верили, что путем занесения имен и деяний в официальные хроники, можно достичь бессмертия – вечной славы или вечного позора. *Силлок* содержали урок потомкам, служили сохранению преемственности и незыблемости устоев и были священны.

Содержание *силлок* было строго регламентировано. Обязательно включались сведения, имеющие политическое значение: о деяниях вана по управлению государством и основных событиях его личной жизни, официальных мероприятиях, крупных дворцовых событиях, высших сановниках, донесениях монарху, его ответах на них и пр. Их дополняли сообщения о стихийных бедствиях, законодательстве, налогах и податях, военных и международных вопросах, ритуалах, медицине, музыке, искусстве, религии, культуре, обычаях и т.д. Поскольку при составлении «истинных записей» одним из источников являлись записи различных ведомств, в том числе и провинциальных, содержали они и немало сведений о событиях повседневной жизни страны, в том числе курьезных. В *силлок* вана Тхэджона (1401–1418), например, сохранился рассказ о слоне, которого в знак добрососедства подарил ему князь японского острова Цусима. Невиданный «подарок» не нашел должного понимания. Слон много ел, кроме того, не знакомые с его повадками корейцы его просто боялись. В результате слона сначала направили на остров Чандо (пров. Чолла), потом в Сеул, после чего записи о его злоключениях прерываются⁷. Разнообразие содержания в *силлок* стало уменьшаться с начала XIX в., с упадком династии.

Из истории «истинных записей». Первые сочинения жанра *шиллу* появились в Китае в период Южных и Северных династий (南北朝, 420–588), когда Яо Сы-лянь создал два тома исторических записей императоров государства Лян (梁, 502–557). Начиная с эпохи Тан (唐, 618–907) составление «истинных записей» правления каждого императора стало в Китае обязательным. Самые старые из ныне сохранившихся в Китае летописей этого вида – *Жуй-цзун шилу* (睿宗實錄, в пяти цзюанях – по-корейски *квон* 卷) – «Истинные записи (правления) Жуй-цзуна», правившего в 684–690 и 710–712 гг. танского императора, и *Тай-цзун шилу* (太宗實錄) – «Истинные записи правления Тай-цзуна», правившего в 976–997 гг. императора

династии Сун 宋 (в 20 *цзюанях*). Постепенно *шилу* стали составлять и в других странах конфуцианского региона. В Японии первые *дзицуроку* (так по-японски читается китайское слово *шилу*) составили в IX в. Это были «Истинные записи правления японского императора Монтоку»* (*Нихон Монтоку тенно: дзицуроку* 日本文德天皇實錄) и «Истинные записи о трех императорах Японии» (*Нихон сандай дзицуроку* 日本三代實錄)**, но дальнейшего развития эта практика не получила. В Японии с X в. власть императоров начала слабеть и с конца XII в. вплоть до революции Мэйдзи 1868 г. реальными правителями были не они, а военные правители *сёгуны*. Составлялись «истинные записи» в чжурчэньском государстве Цзинь (金 1115–1234), но ни одна из хроник не сохранилась и все сведения о них ограничиваются цитатами из *Цзиньши* (金史 «История Цзинь»), при составлении которой они широко использовались. С конца XVIII в. их составляли во Вьетнаме, где они назывались *тхык лук*.

В Корее *силлок* начали составлять в период раннего Корё, когда укрепилась центральная власть после двух столетий смут и междоусобиц Позднего Силла и первых лет новой династии. Хроники первых семи ванов этой династии (от Тхэджо до Мокчона: 918–1009) были составлены в XI в. «корейским Конфуцием» Чхве Чхуном (崔沖, 984–1068), погибли во время киданьского нашествия 1011 г. и были восстановлены по высочайшему приказу в 1022–1034 гг. Традиция составления *силлок* продолжалась на протяжении всего царствования Корё, хотя в период военного правления (1170–1258) и монгольского (юаньского) господства (1270–1368) влияние конфуцианства в Корее ослабло, что оказало негативное влияние на летописание. Хроники последних четырех ванов Корё (1352–1392) были составлены уже в Чосоне (1398), где оно получило новое развитие, став предметом каждодневных забот государства.

Как составлялись *силлок*

Написание собственно текста хроники правления начиналось сразу после кончины вана, когда создавался Временный комитет по ее составлению (*Силлокчхон* 實錄廳). Один из трех высших государственных сановников назначался его главой (*чхонджэгван* 總裁官), а его помощниками – чиновники полного третьего ранга и выше. Непосредственно отвечал за работу администратор

* Правил в 850–858 гг.

** Охватывали период с 858 по 887 гг. Последняя так называемая «официальная история» 正史 Японии.

неполного шестого ранга (*нанчхон* 郎廳). Рабочая группа состояла из Руководящего управления (*Точхон* 都廳) и от трех до шести палат *пан* (房), составлявших черновые рукописи – каждая свою часть. Их работа держалась в тайне, чтобы защитить от возможного влияния извне. Это был еще один способ гарантировать достоверность труда.

После изготовления палатами первого черновика (*чхочхо* 初草), *Точхон* его проверял, составлял на его основе второй черновой текст (*чунчхо* 中草) и направлял руководству в *Силлокхон*. Там вновь проверяли точность

Корёса

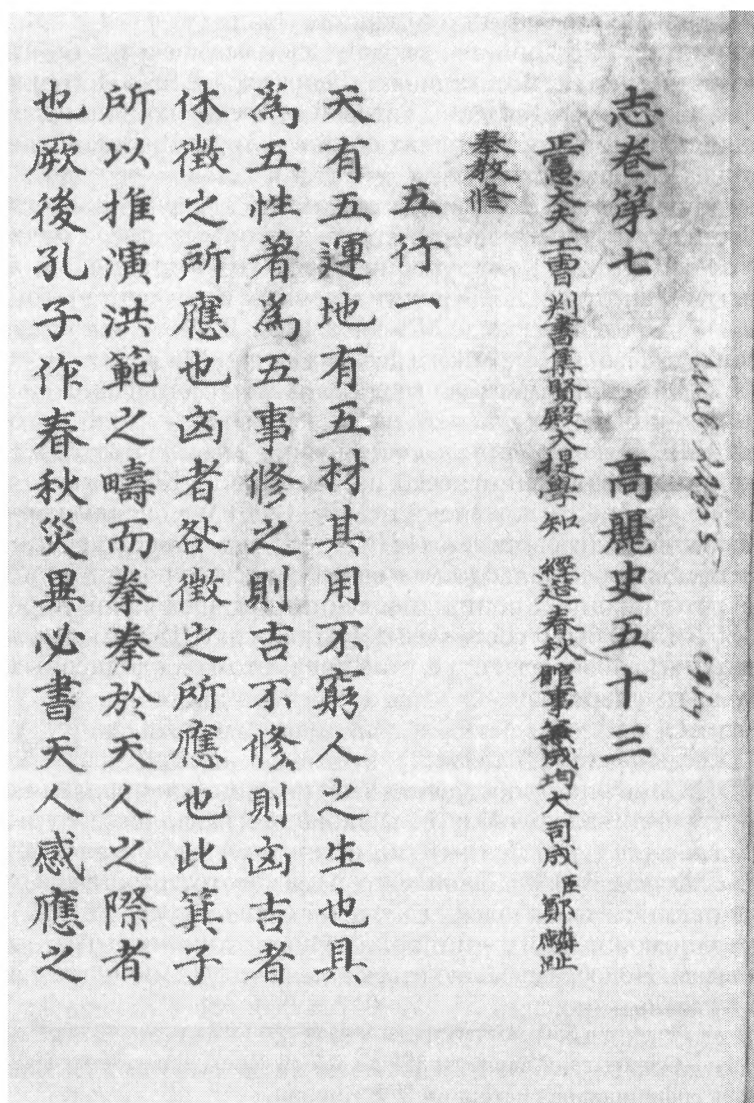
(«История Корё», 1451).

Рукописный лист из экземпляра в 82 книгах (25 из них утрачены), хранящегося в фонде китайских ксилографов Восточного отдела Научной библиотеки СПбГУ.

Данная книга-чхэк 34 (*квон* 53) относится к разделу

«наследственные дома», т.е. хроники государей Корё, и является одной из трех рукописных книг этого экземпляра. Остальные книги – ксилографические.

Памятник из коллекции К.И. Вебера

содержания, композицию и стиль хроники и составляли окончательный текст (*чончхо* 正草). Черновики во избежание огласки секретной информации отправляли в *Сегом-джон* 洗劍亭 – стоявшее недалеко от дворца специальное учреждение, где их буквально мыли в воде^{*} и готовили к последующему использованию. С одной стороны, это объяснялось экономией, потому что бумага в то время была редкой и дорогой. С другой, – опасением, что компрометирующая информация и нелицеприятные оценки влиятельных современников просочатся за пределы книгохранилища и вызовут нежелательный общественный резонанс.

«Истинные записи (правлений)» отдельных монархов вместе составляли «истинные записи (правлений)» династии в целом. В Корее была составлена только одна такая хроника – в Чосоне. В Южной Корее она называется чаще всего *Чосон ванджо силлок* (朝鮮王朝實錄) – «Истинные записи (правления) династии Чосон» (далее – ЧВС). Под таким названием она помещена под охрану ЮНЕСКО. В Северной Корее, но иногда и в Южной, а также в нашей отечественной литературе, ее именуют *Лиджо силлок* 李朝實錄 – «Истинные записи (правления) династии Ли».

Общие правила составления силлок:

1. Один *квон* охватывал один год правления, хотя были и исключения (шесть, два и даже один месяц).

2. В начале *силлок* помещалась краткая информация о монархе: его посмертное (храмовое) имя (*мёхо* 廟號), дополнительное «взрослое имя» *чахо* (字號), прочие имена и литературные псевдонимы; сведения о родителях, год, месяц и день рождения, образование, дата провозглашения наследником. Если ван был усыновлен, приводились сведения о биологических родителях и обстоятельствах усыновления.

3. Изложение велось по годам, месяцам и дням, в чем сходство *силлок* и погодных хроник *нёндэги* (年代記), но это не просто перечень событий, поскольку текст включает в себя немало критических замечаний и комментариев историков-регистраторов и составителей. Особенностью «истинных записей» Седжона и Седжо является наличие в них приложений под названием «Описания» (*Чи*). К *силлок* Танджона приложены документы, связанные с восстановлением посмертно его королевского титула. Этот раздел называется *Вихо* (位號).

^{*} Это было возможно, поскольку корейская бумага изготавливалась в основном из коры шелковицы и не уступала по прочности ткани.

Обложка и страница
из *Седжон Чанхон*
тэван силлок
(世宗莊憲大王實錄) –
«Истинных записей
[правления] Великого
вана Седжона,
Блюстителя
[конфуцианского]
Закона».

Составлены в 1453 г.
в рукописном варианте,
в 1472 г. отпечатаны
в трех экземплярах.
Таким образом, имеется
четыре экземпляра этой
хроники. Она состоит из
163 *квонов*, из которых
первые 127 – погодные
хроники, а остальные –
приложения,
разделенные
по содержанию:
«пять ритуалов»
(128–135), нотные
записи (136–147),
географические
описания (148–155)
и календарь (156–163),
обобщающие
достижения покойного
в научной и культурной
областях.

Из коллекции
Кюджангака

4. Способ изложения. В начале каждого квона в первой строке писали: «Силлок такого-то вана, квон номер такой-то». В следующей строке записывали дату: номер года правления вана, сезон, месяц, дату (*канджи* 干支 – знаки 10- и 12-ричных циклов). Отсчет времени правления вана начинался обычно со следующего года после его восшествия на престол, но отсчет правления Седжо (1455–1468), Чунджона (1506–1544) и Инджо (1623–1469) велся непосредственно с года их вступления на престол, чем подчеркивалось отрицание ими своей преемственности с предыдущим правлением. Под годом правления помещался девиз правления китайского императора. Это была дань традиционной политике «уважения старшего (государства)» – *садэ*. При смене даты или переходе к новому содержанию ставили разделительный значок ○.

5. Текст писали большими буквами без пробелов, но при упоминании ванов – как живущего, так и предыдущих – перед словом, обозначающим их действие, делали пробел. Когда требовалось дополнительное пояснение, его делали в сносках маленькими буквами. Комментарий начинался фразой «историк сказал» (*сагван валь* 史臣曰). Он записывался чуть ниже предыдущего абзаца или в сноске.

6. *Силлок* завершались описанием кончины монарха, после чего составляли приложение, куда входили запись деяний вана (*хэннок* 行錄), его жизнеописание (*хэнджан* 行狀), перечень заслуг (*сиджан* 諡狀), некролог (*эчхэнмун* 哀冊文), описание могилы (*нынджимун* 陵誌文) и др.

Об объективности силлок

История была культом, придворные историки-*сагваны* – его жрецами, а *силлок* – их продуктом и потому – священным текстом. Читая описания работы *сагванов* в корейских изданиях, бывает трудно избавиться от ощущения, что речь идет о чем-то сакральном, в описании которого здравый смысл отступает перед верой. Приведу фрагмент статьи в популярном журнале «Любовь к культурному наследию». Автор – профессор факультета воспитания частного университета Чхонун (пров. Южная Чхунчхон) Ким Кёнсу:

«Известно высказывание одного вана: «Я не боюсь никого, кроме Неба и сагвана», – которое показывает ту степень влияния, которой обладали придворные историки. Их кисти боялись и монархи, и самые влиятельные чиновники, и политические группировки, ибо их запись о чем-то недостойном поступке оставалась в веках. Так они ограничивали злоупотребление властью и способствовали укреплению конфуцианских ценностей в управлении государством.

Принцип «правильно писать историю», т.е., опираясь на мораль, объективно записывать факты, которым сам был очевидцем, в урок будущим поколениям, сагван не нарушал, даже если возникала опасность его жизни. При этом текст составлялся так, что право судить оставалось за читателем. Руководствуясь заповедью «записываю и ничего не добавляю от себя» (*сурибуджак* 述而不作), на которой основывались еще «Вёсны и Осени» (*Чуньцю*), он хранил заветы Великого Учителя.

Ван никогда не мог расслабиться ни в поведении, ни в речах. Историки-сагваны следовали за ним повсюду и записывали все, сказанное им где бы то ни было: на аудиенциях, заседаниях Госсовета, королевских лекциях, банкетах, охоте, или когда он нежился в горячих источниках. Фиксировались также обращенные к вану речи сановников. Иногда ван встречался со своими придворными в неофициальной обстановке, но и тут присутствовали историки-регистраторы. На эту должность брали особо отличившихся литературными способностями на экзамене. Учитывали и родословную, тщательно изучая ее до четырех колен по матери и отцу. Если выбирали сагвана для ведения официальной хроники, то учитывали его взгляды и убеждения. Это показывает, насколько боялись в то время истории, и насколько она была важна»⁸.

О том, что описываемый Ким Кёнсу идеал мог быть далек от действительности, свидетельствует, например, история создания уже первой *силлок* периода Чосон – основателя династии Тхэджо (1392–1398). Приказ о её составлении царствовавший тогда Тхэджон (1400–1418, личное имя Ли Панвон 李芳遠) отдал сразу после кончины отца в 1408 г. Многие сановники и ученые выступили против такой поспешности. Они считали, что поскольку многие из участников событий еще живы, это может повлиять на ее объективность. Но Тхэджон приказ не отменил, заявив, что запись будет более точной, «пока память свежа». «Хроники правления Тхэджо» (*Тхэджо Канхон тэван силлок* 太祖康獻大王實錄) были составлены в 1413 г.

Тхэджон был пятым сыном, т.е. имел слабую «легитимность», и компенсировал недостаток прав на престол напором и жестокостью. Он пришел к власти после двух кровопролитных «войн принцев» (1398 г. и 1400 г.), в ходе которых он убил не только самых близких соратников отца (в том числе Чон Тоджона), возводивших его на престол, но и двух своих малолетних сводных братьев, один из которых являлся официальным наследником. Затем вынудил к отречению своего старшего брата Чонджона (1398–1400), сменившего отца на престоле. Основатель династии, который, видя неумеренное властолюбие Панвона, в 1398 г. отрекся от престола, чтобы предупредить гибель от его руки других своих детей, питал к нему столь глубокую неприязнь, что однажды направил к нему

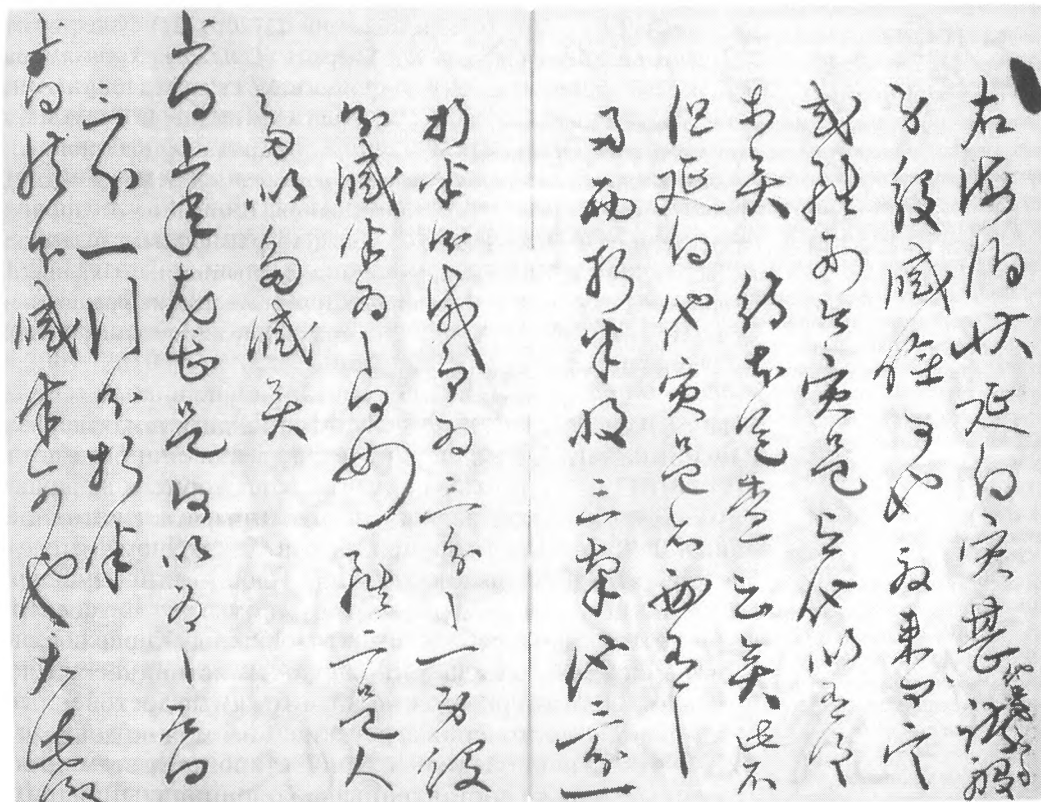
убийц. Заговор закончился неудачей. Исполнители были казнены, а пропасть между отцом и сыном еще более углубилась. Тхэджон был заинтересован в скорейшем написании хроники правления отца, чтобы иметь возможность лично влиять на ее содержание, нейтрализовав противников. Его собственные *силлок* были составлены в 1431 г. В 1442 г. вместе с хрониками Чонджона (составлены в 1426 г.) они подверглись редактуре, в связи с «наличием ошибок» в освещении «войн принцев» 1398 г. и 1400 г.

«Морем истины, охватывающим все стороны жизни Чосона» называют ЧВС и профессиональные историки. Они также настаивают на том, что этот памятник «более объективен», чем другие, признавая, однако, «определенную ограниченность ЧВС как исторического источника». Приведу мнение историка Юн Ёнина, посвятившего этому вопросу специальную статью:

«Когда подчеркивается особая точность и объективность ЧВС, надо иметь в виду, что это говорится в сравнении с другими летописями, составленными в Восточной Азии в эпоху до Нового времени, а не

Первоначальный черновик записей придворного историка – тот, который составлялся непосредственно на месте событий и еще не подвергся дальнейшей редактуре. На сегодня сохранился 161 том подобных записей.

Фото из журнала «Koreana»

в абсолютном смысле. ЧВС – официальная хроника. Она сконцентрирована на ванах. Описания природных или культурных явлений помещались в нее потому, что имели какое-то значение для политики. Важно помнить и то, что не все *силлок* сделаны на одном уровне. Последние хроники Чосона, например *Хонджон силлок*, весьма неполные, разделы в них неравноценны по объему и содержанию. Повторяются большие фрагменты, иногда отсутствуют важные сведения. Поскольку *силлок* составлялись в разное время разными людьми, различными были и затронутые в них аспекты. Играли роль степень образованности и личные предпочтения составителей.

Исторический дух был присущ далеко не всем историкам-*сагванам*. Не слишком приглядные для королевской семьи или влиятельных сановников эпизоды описывали туманно или их вовсе убирали. Изучение истории Чосона только по *силлок* весьма затруднительно, ибо их материалы не дают полной картины.

В Чосоне ван, если хотел, всегда мог приказать *сагвану* уйти. В позднем Чосоне усилилась борьба дворцовых группировок. *Сагваны* нередко принадлежали к одной из них и писали исходя из личных убеждений и пристрастий. Отбор историков зачастую осуществлялся партией, которая в данный момент была у власти.

Бывало и так, что при смене влияния происходило переписывание уже составленной хроники. По этой причине параллельно с анналами Сонджо (1567–1608) и Кёнджона (1720–1724) существуют их «исправленные» (*суджон 修正*) версии (*Сонджо суджон силлок* и *Кёнджон суджон силлок*), у хроники Хонджона (1834–1849) есть «улучшенный» вариант (*Хонджон кэсу силлок 憲宗改修實錄*), а у летописи Сукчона (1674–1720) есть вариант «дополненный и исправленный» (*Сукчон силлок погволь чоно 肅宗實錄補闕正誤*). Но это касается лишь некоторых ванов. В отличие от процесса внесения поправок, который существовал в Китае в период династии Мин, в Корее сохраняли и исходный вариант хроники, и исправленный, чтобы будущие поколения могли их сравнить и вынести объективную оценку. Это придает содержащимся в ЧВС сведениям большую ценность»⁹.

«Историк сказал 史臣曰». Мне не дает покоя фраза Юн Ёнина: «Когда подчеркивается точность и объективность ЧВС, надо иметь в виду, что это говорится в сравнении с другими летописями, составленными в Восточной Азии в эпоху до Нового времени, а не в абсолютном смысле». На мой взгляд, чосонские хроники – достойный источник изучения не менее чем любые другие документы исторический источник. Я уже писала о том, что в Южной Корее сложилась неписанная шкала достоверности исторических документов: если американские, значит, самые достоверные, английский – достоверные, русские – им можно доверять только отчасти, японские – с одной стороны, совсем не достоверные, и даже составленные в колониальный период

силлок и другие своды документов по Корее вызывают в Корее сомнение, а с другой стороны именно японские материалы идут по важности сразу после американских. В оценке корейских источников мнения разнятся. Одни считают, что они обладают наивысшей, не сравнимой ни с какими другими источниками достоверностью, другие – что корейские *силлок* стоят выше китайских или японских хроник, но уступают по достоверности всем прочим (американским?) материалам. Убеждена, что относительная или абсолютная объективность не существует, как не бывает абсолютной доброты, относительного счастья и пр. Нет «объективных» и «необъективных» документов. Ценность имеет любой первоисточник, но рассматривать его надо в контексте культурного ареала и эпохи, с учетом характера информации, личности составителя – его происхождения, социального и должностного положения, семейного положения, национальной и религиозной принадлежности и многих других факторов. Даже отсутствие информации о каком-то событии может быть весьма красноречиво. Приведу пример из истории русско-корейских отношений.

В бытность мою аспирантом факультета корейской истории Сеульского национального университета мне не раз пришлось убедиться в том, насколько непоколебимо веруют корейские историки в объективность *силлок*, их «высокую достоверность и надежность содержания». Это было одной из причин, почему моя защита диссертации, в которой я основывалась в первую очередь на российских документах, проходила очень тяжело. Под сомнение был, например, полностью поставлен второй раздел, посвященный посещению Кореи в 1854 г. флотилией адмирала Е.В. Путятина, на том основании, что в корейских летописях этот факт не зафиксирован. Во главе комиссии стояла знаток чосонских летописей профессор Чон Окча, которая в 2007–2010 гг. являлась президентом Комитета по составлению национальной истории (КСНИ). Сомнение удалось разрешить, когда я упомянула в ответном слове, что в экспедиции принимало участие 463 человека, у всех них этот факт упомянут в службных списках и что трое из них, в том числе секретарь Е.В. Путятина великий русский писатель И.А. Гончаров, оставили об этом опубликованные воспоминания. Строгая комиссия, пересилив предубеждение, приняла этот аргумент, и я вспоминаю тот момент с благодарностью. Воспитанные на убеждении, что «русская угроза» Кореи всегда существовала, именитые корейские историки прислушались к мнению новичка, отстаивавшего совершенно противоположное мнение. Благодаря этой терпимости, я получила степень магистра СНУ, чем горжусь и сегодня.

И все же Юн Ёнин был в определенной мере прав, когда писал, что корейские летописи охватывают все стороны жизни Чосона. Это действительно ценнейший и подробнейший исторический документ, значение которого я ни в коем случае не хочу умалить, и некоторые сведения об экспедиции Путятина в нем сохранились. Проф. Чон Окча не знала об этом, поскольку включены они были в хроники не центрального правительства, а провинциальной администрации. Какой бы ни был знаток летописей, он просто физически не может знать о них все, учитывая их огромный размер. Факт появления русской флотилии неподалеку от острова Комундо* был зафиксирован в «Официальных записях губернаторства Чолла» (*Чолла камён керок* 全羅監營啓錄), причем там был указан не только год, месяц и день прибытия каждого из приплывавших по очереди кораблей, но даже и час¹⁰. Записи эти обнаружил опять же Пак Тхэгын¹¹.

Документы разных стран дополняют друг друга, и их сравнение позволяет глубже, подробнее представить изучаемое историческое событие или явление. И не важно, корейская ли это силлок, донесение американского дипломата или отчет русской местной администрации. Мне не раз приходилось слышать от российских коллег и даже дипломатов, что в истории русско-корейских отношений уже нечего изучать, потому что «и так уже изучено». Имелись в виду труды с включением большого количества российских документов на эту тему, изданные Б.Д. Паком¹². Но это был лишь первый этап работы. Мы были до конца 1990-х годов совершенно незнакомы с корейскими источниками по этой теме, не знали, как трактуют их южнокорейцы. Изменились в последние два десятилетия и наши собственные взгляды. После установления дипотношений между нашей страной и РК в 1990 г. перед учеными встала новая задача: переосмыслить уже сделанное в изучении истории контактов двух стран, обсудить, понять друг друга и написать новые труды, где в равной мере были бы представлены материалы и точки зрения обеих сторон. Шаги в этом направлении уже делаются, хотя сотрудничество ученых в этой области – пока дело сугубо личное. И вот что любопытно. В Корее число сторонников точки зрения, что Российская империя Корее никогда не угрожала, пусть медленно, но растет, а в России, наоборот, уменьшается. Мысль о российской исконной агрессивности проскальзывает даже в отечественные учебные пособия, и если наше государство не поддержит исследования в области истории русско-корейских отношений, русскому престижу на Востоке будет нанесен большой ущерб.

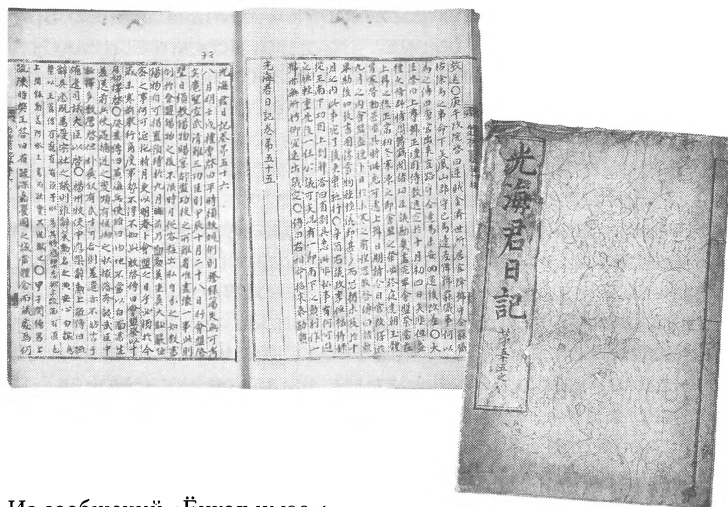
* Тогда на европейских картах он назывался Порт Гамильтон.

Авторитет династийных хроник до настоящего времени настолько высок, что не переосмысливаются и их вердикты в отношении заслуг ванаов. На их основании два чосонских монарха не удостоились почетного храмового имени, т.е. не были официально признаны ванами. Это Ёнсангун (1494–1506) и Кванхэгун (1608–1623). С Ёнсангуном все ясно: это был необузданный и аморальный человек, закрывший конфуцианский университет и устраивавший в его зданиях попойки, собравший, насильно отрывая девушек от семьи, огромный гарем и нанесший престижу государства большой урон. Однако Кванхэгун оценивается сегодня многими, в том числе и российскими историками, как один из самых выдающихся монархов династии, чья умелая внешняя политика, ловкое лавирование в отношениях с воевавшими друг с другом угасающей Минской и набиравшей силу Цинской династиями обеспечили его государству пусть шаткий, но мир, столь нужный после разрушительной Имджинской войны (1592–1598).

Попытка замирения с «варварами» (маньчжурами) стоила Кванхэгуну трона. Его политика была истолкована окружением как нарушение извечного миропорядка, т.е. *садэ* («почитания старшего [государства]»), как преступление против сюзерена – ханьского Китая (под *хань* 漢 здесь имеется в виду «истинно китайские династии», которые одни, по мнению корейских ортодоксов, являлись носителями подлинных конфуцианских ценностей). Кванхэгун был свергнут, и клеймо «недостойного правителя» остается на нем до сих пор как печальный пример современным политикам. Зато «достойным правителем» считается, например, Хёджон (1649–1659), отдавший основные силы подготовке к «походу на север», т.е. против Цинского Китая, что поражает своей нерациональностью хотя бы потому, что размеры двух государств несопоставимы. К тому же, планы эти строились после двух маньчжурских нашествий, когда Цины показали Чосону свою мощь. Закончилось все тем, что в 1654 и 1658 гг. корейские отряды принимали участие в Албазинских войнах – вооруженных столкновениях объединенной цинской армии с русскими казаками на Амуре, и не по собственной воле.

Авторитет летописей по-прежнему кажется непрекаемым, но народный «исторический бум» постепенно начинает вносить свои коррективы. Об этом свидетельствует, например, фестиваль «Печальная история Танджона» (*Танджон эса* 端宗哀史), посвященный памяти юного вана, свергнутого собственным дядей – принцем Суяном, который вошел в анналы под именем Седжо (1455–1468).

Хроники не удостоенного посмертного храмового имени Кванхэгун называются *ильги* («подневные записи»), хотя характер изложения и содержание в них идентичны *силлок*. Состоят из 64 книг и охватывают период в 15 лет и 1 месяц – с восшествия на престол в феврале 1608 г. до низложения в марте 1623 г. Они имеют ту особенность, что составлялись по дневниковым записям разных чиновников, сборникам министерских документов, неофициальным историям, а не по подневным записям дворцовых историков, ибо последние сгорели во время бунта Ли Кваля 1624 г., т.е. фактически сразу после начала работы по составлению этих хроник. В 1627 г. она была прервана нашествием маньчжуров (*чонмё хоран* 丁卯胡亂), возобновилась в 1632 г. и была завершена в 1634 г. Также это единственная из хроник чосонских ванов, у которой сохранился, кроме окончательного варианта *чончхо* (2 экземпляра), еще и второй черновой текст (*чунчхо*), со множеством правок красной тушью, по которым можно проследить, как шла редактура. Дважды – в правления Сукчона

Из сообщений «Ёнхап ньюс»:

26 марта 2008 г. в уезде Йонволь (пров. Канвон) состоялся фестиваль, представляющий собой костюмированную реконструкцию похорон вана Танджона (1453–1455), несчастного 6-го монарха династии Чосон. Он прошел на его могиле и в доме, где 17-летний ван скончался, приняв по приказанию Седжо яд. Накануне состоялась церемония проводов *кёнджонный* (жертвоприношения, совершаемые перед дверями дома во время выноса гроба), смысл которой – в пожелании вечного покоя усопшему. В шествии участвовала тысяча жителей уезда. Во время фестиваля были совершены и другие ритуалы: танцы в масках, отгоняющих злых духов, троекратное возжигание благовоний, чтение приветственного слова и сжигание *чукалма* – макетов лошадей из бамбука и бумаги в натуральную величину. Несмотря на дождь и ветер, на фестивале присутствовало 5 тыс. туристов. «Этот фестиваль впервые был проведен в 2007 г. – в связи с 550-летием со дня кончины Танджона. Мы планируем проводить его ежегодно, привлекая историков и других специалистов, чтобы наполнить его особым культурным содержанием», – сказал в интервью глава уезда Пак Сонгю.

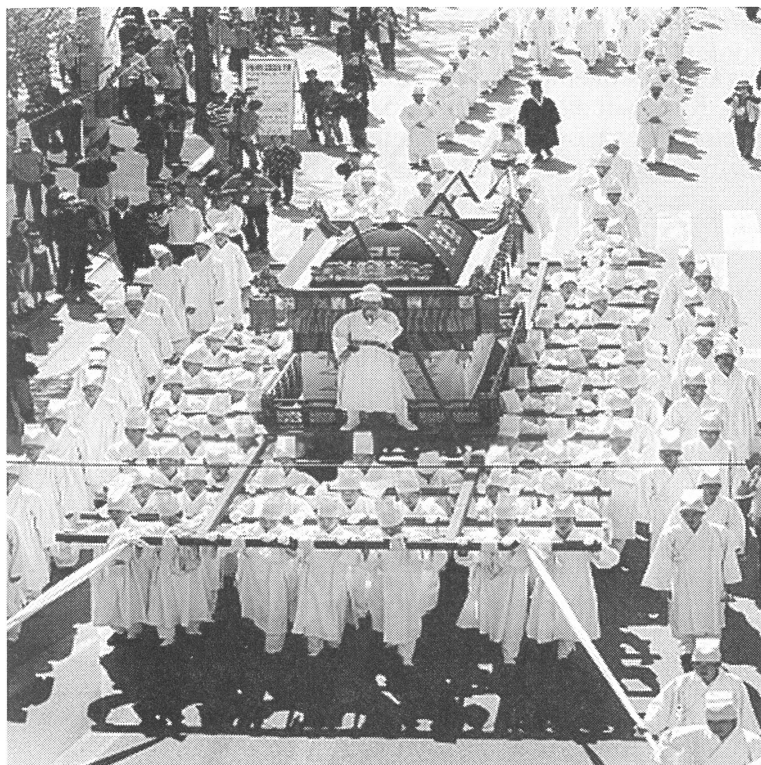
Этот фестиваль – не первая попытка возродить память о Танджоне. После гибели в 1457 г. он не был признан ваном, не получил храмового имени (*мёхо*) и вошел в анналы династии под именем Носангун. Летопись его короткого правления не была удостоена названия *силлок* и называлась *Носангун ильги* 魯山君日記 – «Подневные записи (правления) Носангуна», поскольку составлявшие ее высшие чиновники все были причастны к его свержению и гибели. Более чем через два века, в 1698 г. при Сукчоне (1675–1720) Носангуну было присвоено храмовое имя Танджон, а в 1704 г. его хроники стали именоваться *силлок*, т.е. он был признан достойным ваном.

Что касается Кванхэгуна, то в 2002 г. народным голосованием на сайте «Кибер-Чосон» (www.1392.org) ему было присвоено храмовое имя Хеджон 惠宗, его супруге — посмертный титул Хеджан ванху (惠章王后), а его могила повышена в статусе до королевской и переименована в Ёллын (烈陵). Но, как указывает корейская Википедия, признание это неофициальное. «Кибер-Чосон» был создан Обществом почитания Чосона, к участию в котором приглашаются все желающие. Энгузиастов, судя по оглавлению, очень много, и свои статьи на сайте они датируют не по григорианскому календарю, а с 1392 г., т.е. с начала Чосона, так что сейчас для них идет не 2010-й, а 619-й год.

Архивное дело в Чосоне

Важной государственной задачей в Чосоне было не только составление, но и сохранение *силлок*. Этой цели служило, во-первых, постепенное увеличение числа их копий. Первые три хроники правлений (Тхэджо, Чонджона и Тхэджона) были написаны в двух экземплярах от руки, как это было в Корё. С 1472 г. их стали печатать, причем как ксилографическим способом, так и наборным шрифтом: первоначально в трех экземплярах (хроники

и Чонджо — обсуждался вопрос об издании этих хроник ксилографическим способом или наборным шрифтом, но они так и остались в рукописи. Как пишет «народный историк» Пак Ёнгю, «поскольку составителями хроники были люди, принимавшие активное участие в свержении Кванхэгуна, вряд ли можно рассчитывать на объективность их изложения»

Похороны вана — костюмированное шествие во время фестиваля «Печальная история Танджона» в Йонволе (пров. Канвон) — в связи с 550-летием со дня его кончины.
Фото агентства Ёнхап, 2007 г.

Каждому придворному историку было положено, вернувшись домой из дворца, вести личный дневник, записывая по памяти все, что он увидел и услышал за день, и снабжая текст собственными комментариями. Такие дневники назывались «домашние рукописи с историческими записями» (*каджан сачхо* 家藏史草); они регулярно использовались при составлении *силлок*.

На фото – образец одного из них, относящийся к 1638 г. – временам Инджо (1623–1649). Видимо, при составлении хроник Кванхэгуна важным источником послужили именно такие «домашние рукописи»

Седжона), а затем – в четырех, что, учитывая большой размер издания, высокие к нему требования и щедрые правительственные дотации, способствовало и развитию книгопечатания в Корее.

Ни средств, ни усилий не жалели в Чосоне и на неустанное совершенствование системы архивов (*саго* 史庫). Каждый экземпляр «истинных записей» хранился в отдельном хранилище. В первые годы Чосона, как в Корё, их было два: в Сеуле (*Чхунчхугван*) и в г. Чхунджу (пров. Чхунчхон). При Седжоне (1418–1450) были построены еще два: в Сонджу (星州 пров. Кёнсан) и Чонджу (全州, пров. Чолла)*. Таким образом, все архивы раннеchosонского периода находились в больших городах.

Во время Имджинской войны (1592–1598) все копии *силлок*, кроме чонджуской, погибли**, но вскоре были

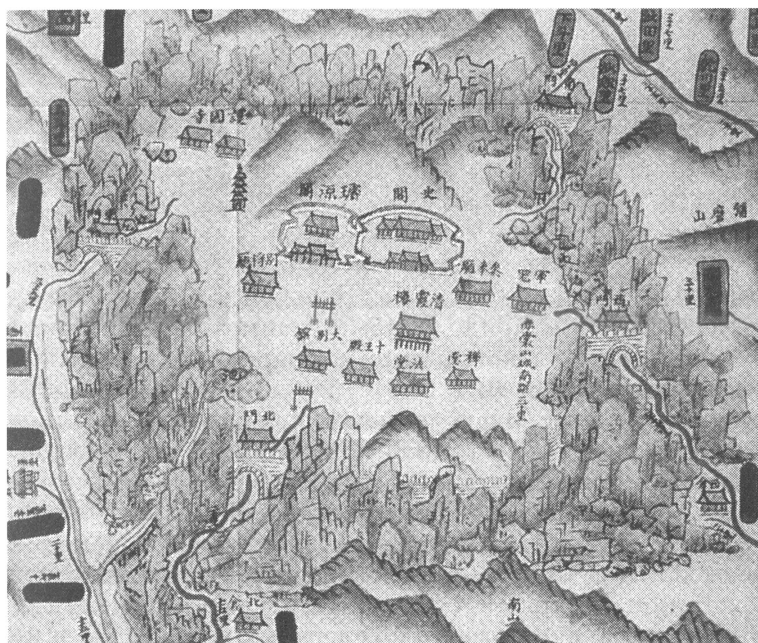
* Напомню, что Чонджу был местом происхождения (*пон* 本) правящего рода Чосона. Хранилище *силлок* в этом городе возвели на территории дворца Кёнгиджон 慶基殿, построенного в 1442 г. для хранения портрета основателя династии Ли Сонге. Дворец сохраняется и поныне, в нем размещен Музей чосонской дворцовой культуры.

** Хранившийся в Чонджу экземпляр *силлок* был спасен героическими усилиями двух людей Ан Ыя (安義) и Сон Соннока (孫弘祿), которые, рискуя жизнью, перенесли его в горы Нэджансан, за что навсегда остались в народной памяти. Затем этот экземпляр одно время хранился в горах Мёхянсан (КНДР – пров. Юж. Пхёнан), где также имелся королевский архив.

восстановлены по чонджускому тексту, с которого было сделано четыре списка, и вместе с оригиналом число экземпляров *силлок* достигло пяти. Чтобы их разместить, были построены новые архивы, причем не в городах, а, за исключением оставшегося в Сеуле *Чхунчхугвана*, глубоко в горах, имена которых им и присваивались:

- Архив на горе Чонджоксан (鼎足山史庫, о-в Канхвадо, на территории совр. г. Инчхона, пров. Кёнги),
- Архив на горе Чоксансан (赤裳山史庫, уезд Муджу-гун, ныне пров. Сев. Чолла),
- Архив в горах Тхэбэксан (太白山史庫, Понхва-гун, ныне пров. Сев. Кёнсан) и
- Архив в горах Одэсан (五臺山史庫, уезд Пхёнчхан, пров. Канвон).

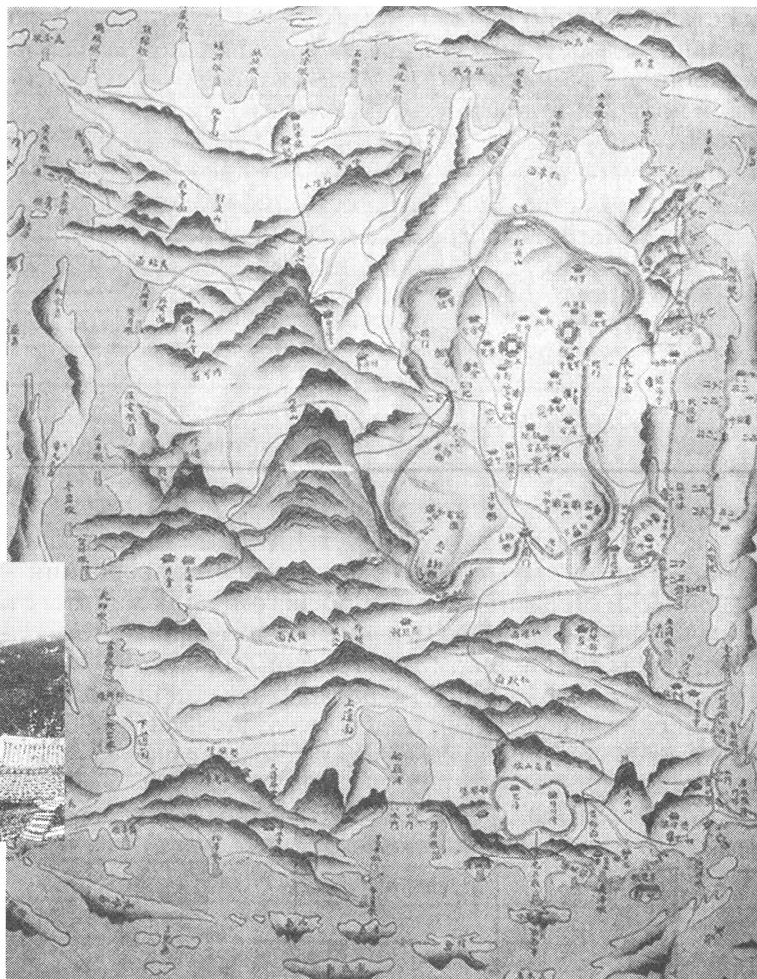
Строительство было быстро завершено, несмотря на то что обошлось казне в огромную сумму. И не только потому, что здания книгохранилищ были возведены в отдаленных районах, где поблизости не было ни жилья, ни дорог, но и потому, что это были особенные строения – с двойными стенами и храмом-оберегом – для защиты от огня. Общее руководство мерами по защите архивов выполняли главы местной администрации. Борьба с пожаром в архиве была обязанностью расположенных поблизости буддийских монастырей, где были созданы специальные команды из монахов (по 20 человек в Чоксансане и Одэсане, 50 – в Чонджоксане).

Архив на горе Чоксансан (уезд Муджу-гун, пров. Сев. Чолла) на карте 1872 г. Указаны его составляющие: 1) хранилище королевских генеалогических книг (*сонвон погак* 璿源譜閣) и 2) хранилище *силлок* (*сагак* 史閣); а также буддийский монастырь, на который была возложена охрана архива, склады противопожарного оборудования и вооружения

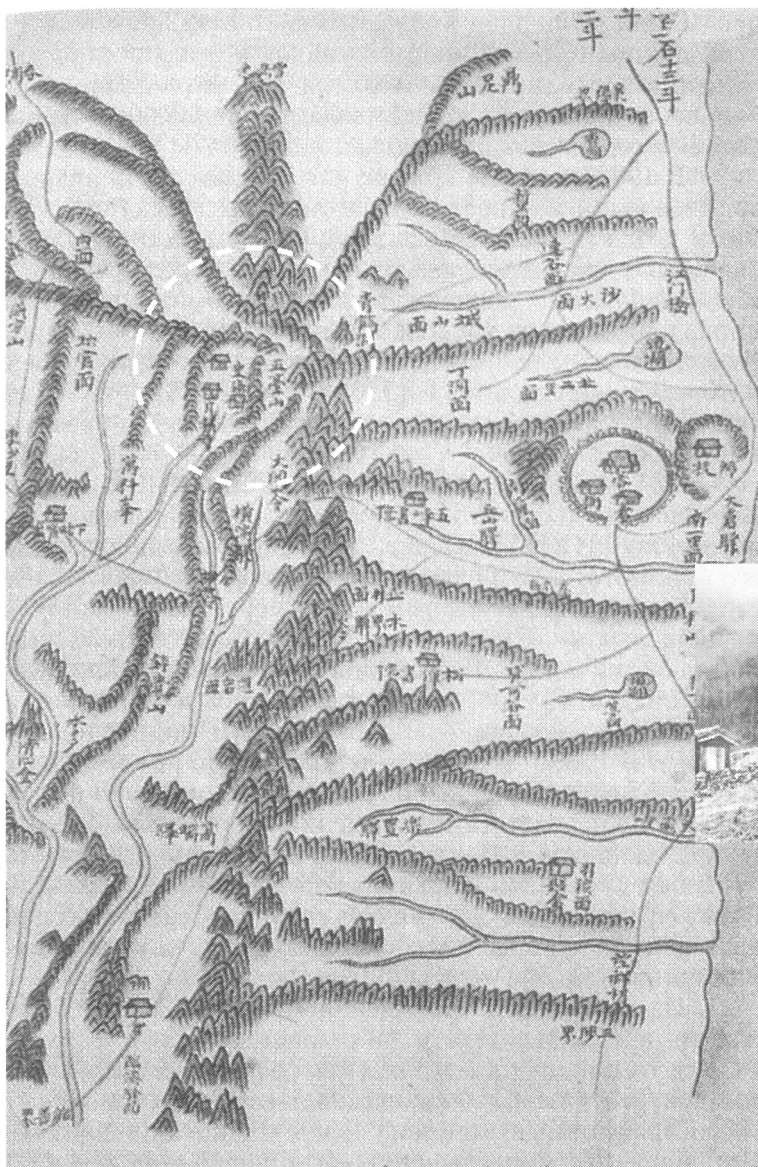
Старинная карта
с изображением архива
на горе Чонджоксан
(о-в Канхвадо),
где хранился главный
(рукописный)
экземпляр
Чосон ванджо силлок

Тот же архив на фото
конца XIX в.

На картах соответствующих районов периода Чосон архивы изображались всегда – как важный географический объект. Были они и важными духовными символами. Изображение архива на горе Одэсан присутствует на пейзаже Ким Хондо (1745–?), написанном по приказу вана Чонджо. Открыть двери хранилища, где находились *силлок*, даже просто для проветривания мог только историк *сагван*, специально командированный из столицы. Это назначение считалось почетным. Список людей, допущенных в королевские архивы, утверждался на самом верху и печатался в специальной книге *Силлок хёнджиан* (實錄形止案), где также оговаривались условия хранения, возможные причины, время и правила открытия дверей хранилища, приводился список других книг, допущенных для хранения вместе с *силлок*, их количество и пр.

Старинная карта с изображением Архива на горе Одэсан (основан в 1606 г.)

Архив на горе Одэсан. Фото конца XIX в. В 1913 г. находившиеся здесь *силлок* были вывезены в Японию и возвращены в 2006 г. В кампании по их возвращению активное участие приняли монахи близлежащего монастыря Вольджонса 月精寺, который в Чосоне отвечал за охрану этого архива от воров и пожаров

Эти правила и условия неоднократно пересматривались*. Со времен Инджо (1623–1649) стали изготавливать по четыре экземпляра *силлок*. Изменение произошло после того, как во время бунта Ли Квалы (1624) хранившийся в столице в *Чхунчхугване* экземпляр летописи погиб при пожаре. С тех пор от хранения летописей в столице

* В настоящее время в Кюджангаке хранится свыше 500 книжечек *Силлок хёнджиан*.

отказались. В период японского колониального господства архивы Кореи пришли в упадок и были отстроены заново в последние годы XX столетия. Хотя *силлок* там больше нет, они остаются символами «письменного духа», которым гордится национальная культура.

В 1908 г. тексты из всех четырех провинциальных архивов были перенесены в Сеул, в королевскую библиотеку Кюджангак. В 1910 г., сразу после аннексии Кореи, она была упразднена, а её архивы были переданы в ведение *Ливанджик* – ведомства, созданного японцами для управления делами корейского двора. В 1911 г. коллекции Кюджангака были перемещены в японское генерал-губернаторство в Сеуле, в 1928–1930 гг. – в библиотеку Кёнсонского императорского университета и частично увезены в Японию.

После освобождения, с открытием в 1946 г. на базе Кёнсонского университета Сеульского национального университета (СНУ) управление Кюджангаком было передано его библиотеке. В 1962 г. в ней был создан Комитет текстов Кюджангака, который после переезда собрания в кванаксанский (冠岳山) кампус СНУ (Сеул) в 1975 г. был повышен до Административного управления текстами Кюджангака. До 1992 г. оно находилось в подчинении библиотеки, а затем стало отдельным подразделением СНУ. В 1989 г. в СНУ было выстроено новое здание Кюджангака, которое в 2005 г. было расширено. В феврале 2006 г. в результате объединения королевской библиотеки Кюджангак и Центра по изучению корейской культуры был образован Институт корееведения Кюджангак СНУ (*Кюджангак хангукхак ёнгуwon*), где и сегодня хранится значительное число выдающихся литературных памятников Кореи.

На сайте этого учреждения на конец 2009 г. были размещены полные тексты 88 старинных книг в формате PDF, в том числе *Самгук саги*, свод законов династии Чосон *Кёнгук тэджон*, «Королевские дневники» (*Ильсоннок*), «Регистрационные записи Пограничного ведомства Пибёнса» (*Пибёнса тыннок*), «История Корё» (*Корёса*), «Драгоценное зеркало правящей династии» (*Кукчо погам*) и др. Также оцифрованы коллекции старых карт, «книг установленного ритуала» (*ыйгве*) и государственных документов колониального периода.

Прочие «королевские» летописи Чосона

Кроме *силлок*, были и другие исторические сочинения, которые составлялись после кончины монарха. Размеры ЧВС и крайняя ограниченность доступа к ней затрудняли пользование этой летописью и делали

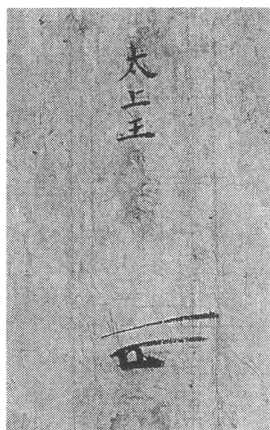
практически невозможным использование ее в качестве пособия для изучения истории страны, а следовательно и для разработки государственной политики, которая традиционно основывалась на прецедентах. Необходим был доступный и компактный официальный труд, и потому был создан другой важный исторический памятник – сокращенная версия *силлок*, известная под общим названием «Драгоценное зеркало правящей династии» (*Кукчо погам* 國朝寶鑑). «Настольная книга» монархов, «Зерцало» было сводом примеров хорошего правления и составлялась в несколько этапов на протяжении 450 лет.

Инициатором создания первого «выпуска» «Зерцала» был Седжон Великий (1419–1450), который приказал подготовить описания правлений ванов Тхэджо и Тхэджона. Но из-за его кончины работу эту завершить не удалось, и первый выпуск *Кукчо погам* был подготовлен в 1457–1458 гг. (при Седжо) специально для этого созданным временно ведомством Сучханчхон (修撰廳). Он назывался «Драгоценное зеркало четырех монархов» (*Саджо погам* 四朝寶鑑), состоял из семи книг и включал описания правлений 1-го и 3-го, 4-го и 5-го ванов династии: Тхэджо, Тхэджона, Седжона и Мунджона. В дальнейшем «Зерцала» правлений отдельных ванов были составлены в 1684 г. (*Сонмё погам* 宣廟寶鑑) и 1730 г. (*Сунмё погам* 宣廟寶鑑). При Чонджо (1776–1800) все «зеркала» были объединены под общим названием *Кукчо погам* и дополнены описаниями образцов достойного правления еще 13 ванов династии. С этого времени их тексты стали хранить в Храме предков династии Чонмё, а также в специально построенном для них Зале увековеченных стратегий (*Понмодан* 奉謨堂) в главном дворце Чхандоккун*. По приказу Чонджо были напечатаны десятки копий *Кукчо погам* и распространены среди чиновников.

Собрание пополнялось в 1847 г. (*Самджо погам* 三朝寶鑑) и затем в 1908 г., когда в правление Сунджона были составлены два последних погам: правлений Хонджона (1834–1849) и Чхольчона (1849–1863). Тогда и завершилось составление летописи «Драгоценное зеркало правящей династии» (общий объем – 90 *квонов* в 28 книг). В отличие от *силлок*, она составлялась частями, по прошествии длительного времени после кончины монарха (монархов), и главными составителями ее были не высшие чиновники государства, а старшие придворные сагваны. *Кукчо погам* было значительно меньше, чем *силлок*, по объему, а потому в нем было

---

* Чхандоккун был главным дворцом Чосона с начала XVII в. до восстановления Кёнбоккуна в 1867 г.

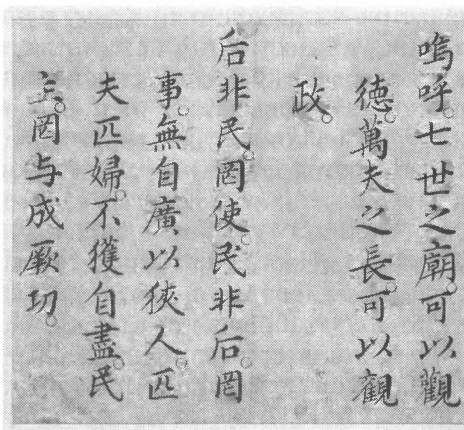
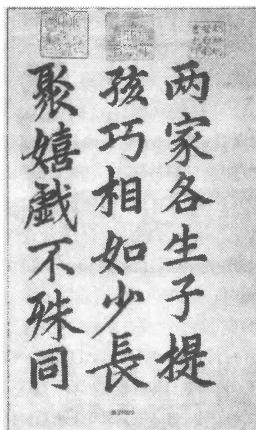
Слева направо:
Личная подпись
вана-основателя Тхэджо.

Из коллекции
Центрального
государственного
исторического музея;
Каллиграфия Сонджо
(1567–1608).

Стихи танского поэта
Хан Ю (韓愈, 768–824),
содержащие наказ
сыну усердно изучать
конфуцианскую
классику. Было
даровано сыну –
принцу Ёйчхану.
В 1630 г. текст был
отпечатан
ксилографическим
способом.

Из коллекции
Кюджангака;
Собственноручная
запись Инджо (1623–
1649), одного из лучших
каллиграфов среди
ванов Чосона

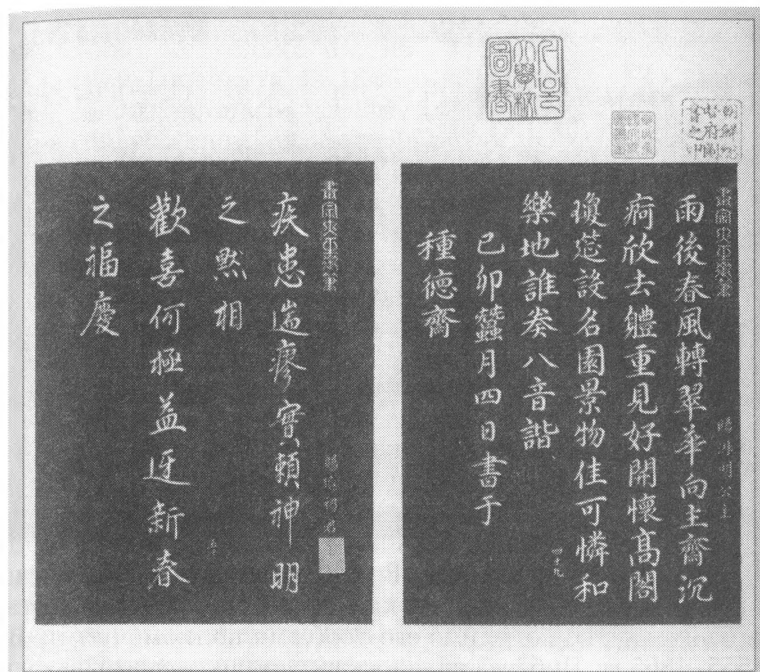
Образец эпистолярного
наследия Хёджона
(1649–1659). Из коллек-
ции Кюджангака

легче искать нужную информацию. Оно было доступно и вану, и высшим чиновникам, в отличие от *силлок*.

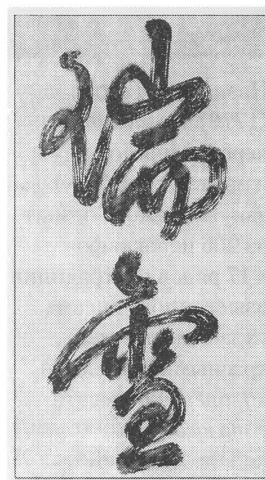
Подводя итоги краткому обзору летописания в Чосоне перечислим созданные в этот период основные летописные своды, связанные с деятельностью и основными событиями в жизни монархов. Кроме *силлок* и *Кукчи погам*, это «Подневные записи королевского секретариата» (*Сынджонвон ильги*) – самая большая в мире летопись (242,5 млн. иероглифов, 3243 книг-чхэк), которая велась

Эпистолярное наследие Сукчона (1674–1720), воспроизведенное по ксилографическим оттискам. Справа – поэма из 40 иероглифов, дарованная принцессе Сукмён в 1699 г. Фрагмент слева – поздравительное письмо принцу Ёнину (будущему вану Ёнджо) по случаю его выздоровления.

Из коллекции
Кюджангака

Образец каллиграфии Ёнджо (1724–1776). Благопожелательная надпись состоит из двух иероглифов со 瑞 – «доброе предзнаменование» и соль 雪 – «снег», т.е. «снег как предвестник доброго урожая». Была в 1776 г. отпечатана ксилографическим способом и подарена заслуженному сановнику.

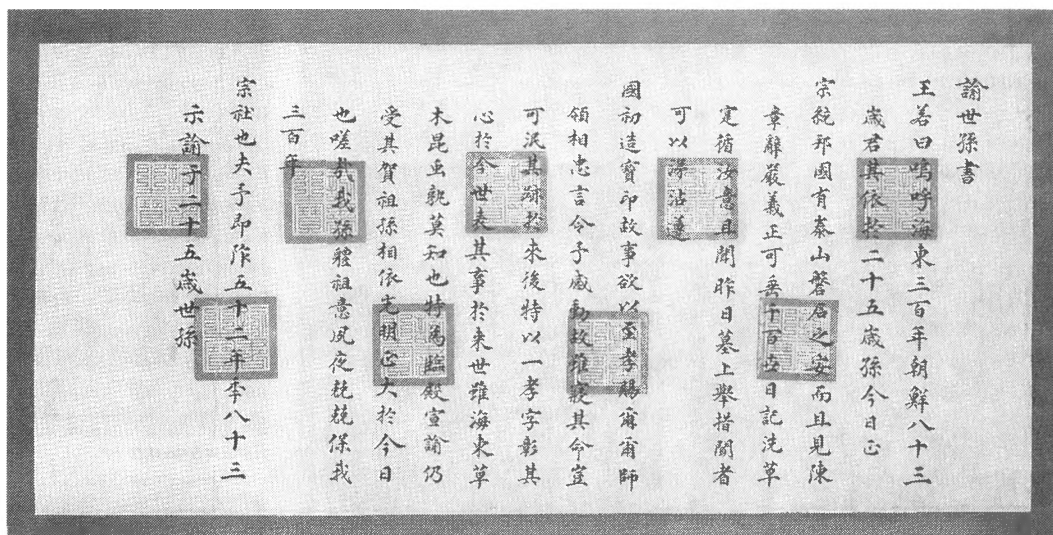
Из коллекции
Кюджангака

ежедневно в течение 288 лет (1623–1910); «Королевские дневники» (*Ильсоннок*)*, которые велись королевской библиотекой Кюджангак на протяжении почти полутора веков, с начала правления Чонджо в 1776 г. и до конца династии Чосон в 1910 г. (2329 книг). Составлялись сборники литературных произведений (*опхиль* 御筆), образцов каллиграфии и живописи монархов. Хранившиеся во дворце, они свидетельствовали об их способностях и заслугах и служили примером для наследников. Полное собрание поэзии и прозы ванов называлось *Ёльсон одже* (列聖御製) – «Собрание собственноручных творений совершенномудрых государей наших». Во времена Ёнджо (1724–1776) была составлена антология избранных произведений усопших монархов.

Среди летописей, непосредственного отношения к персонам ванов не имевших, но чрезвычайно важных для истории государственного управления Чосона, надо отметить в первую очередь «Регистрационные записи Пограничного ведомства Пибёнса» (*Пибёнса тыннок*), которые велись подневно и охватывают период в 276 лет. Пибёнса первоначально было подразделением

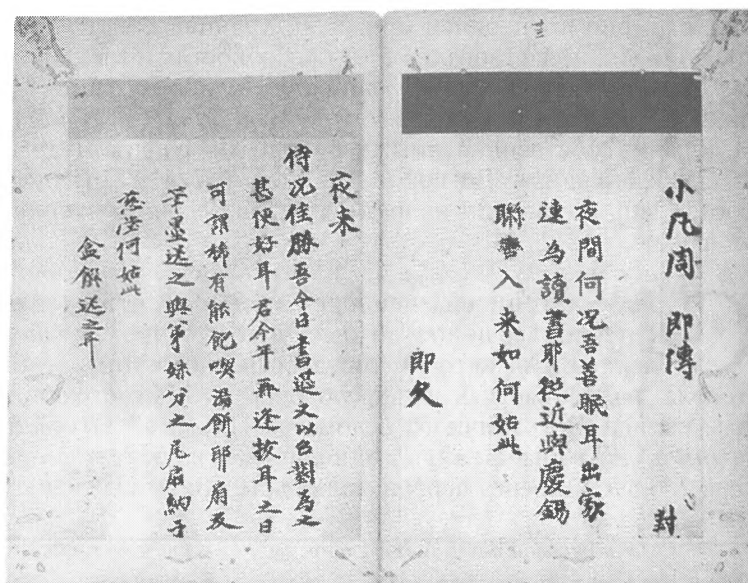
* О *Сынджонвон ильги* и *Ильсоннок* будет рассказано в следующей главе.

Назидание Ёнджо (1776), написанное перед кончиной внуку и наследнику, будущему вану Чонджо. Состоит из 206 иероглифов в 17 рядов и в традиции изысканного письма украшено девятью красными оттисками королевской печати типа *юсо чибо*, использовавшейся для повседневных документов, в первую очередь для переписки с чиновниками

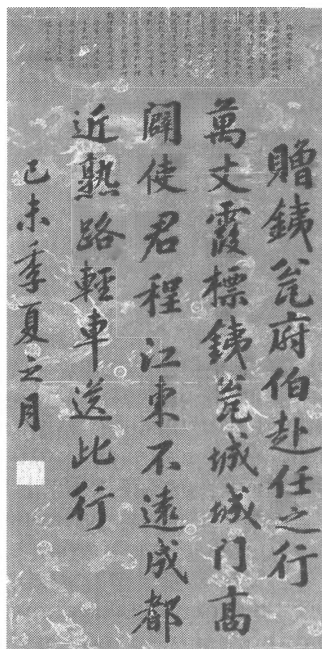
Военного министерства. В 1510 г. в связи с ростом внешней военной угрозы как на севере, так и на юге правительство наделило его особыми полномочиями. В 1555–1865 гг. Пибёнса являлось высшим (совещательным) органом Чосона, но со временем утратило свою эффективность. Во времена Тэвонгуна (1865) оно было упразднено и заменено на Госсовет (*Биджонбу*) – как в ранние годы Чосона. Записи Пограничного ведомства велись, видимо, с первых лет его существования, но в период Имджинской войны были утрачены. Сохранились записи за 1617–

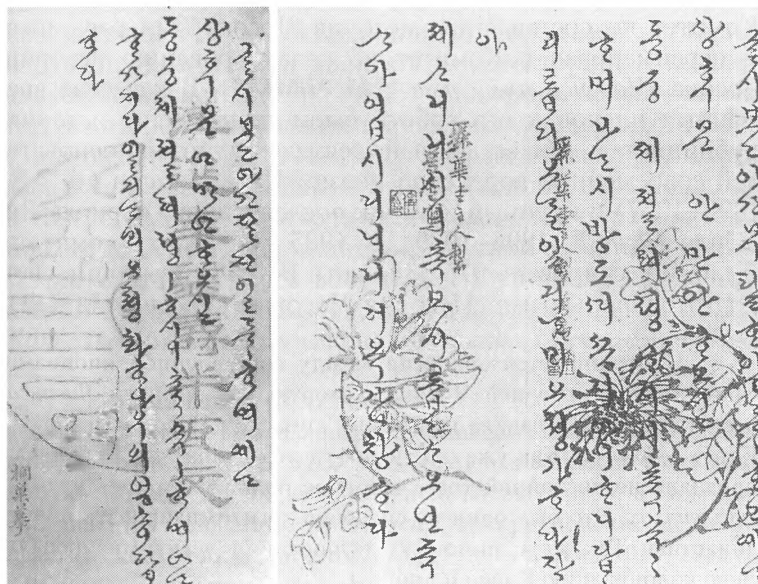
Личное письмо Сунджо (1776–1800).
Из коллекции
Государственного музея
королевской культуры
(Сеул)

1865 гг., но *Пибёнса тыннок* включают не только их, но и записи Госсовета за 1865–1892 гг. Эти летописи существуют в единственном рукописном экземпляре (273 книги), зарегистрированы как «национальное сокровище» (*кукпо*) № 152 и хранятся в Институте корееведения Кюджангак при Сеульском национальном университете.

Важные сведения по истории внешних контактов Чосона содержит «Собрание всеподданнейших докладов» (*Тонмун хвиго* 同文彙考), составленное Ведомством дипломатической переписки *Сынмунвон* по приказу Чонджо в 1784–1788 гг. Первоначально представляло собой собрание дипломатических документов (в 79 книгах), связанных с корейско-китайскими (*садэ*) и корейско-японскими (*кёрин*) отношениями со времен правления вана Инджо (1623–1649). Не раз дополнялось вплоть до 1881 г. Состоит из двух частей: основной (129 разделов-квонов в 60 книгах-чхэк) и приложения – 36 книг.

Образец каллиграфии Чонджо (1799). Выполнена в традиции «подлинного корейского стиля» (*Тонгук чинчхе* 東國眞體), разработанного каллиграфом Ли Со (1662–1723) и получившего особое развитие в XVIII в. Наказ вновь назначенному голове города Чхорон, выезжающему к месту должности. Размер 201,8×73,3 см. Из коллекции Государственного центрального музея (Сеул)

Письмо мужу (Коджону) королевы Мин. Из коллекции КСНИ

Летописание в XX веке

Историописание в колониальный период

После падения Чосона в 1910 г. встал вопрос о необходимости составления полной истории династии, как того требовала традиция. Японские колониальные власти взяли этот труд на себя, поставив целью доказать закономерность колонизации Кореи. Используя тезис о ее неспособности к самостоятельному развитию (*тхяюльсон* 他律性), они стремились показать историю Чосона до прихода японцев как «застойную историю “служения старшему” *садэ*», и таким образом оправдать колониальную политику. В 1915 г. при японском генерал-губернаторстве был создан орган, аналогичный Чхунчхугвану – Чхунчхувон (春秋院). В конце 1921 г. его заменил организованный по приказу японского генерал-губернатора Комитет по составлению истории Чосона (*Чосонса пхёнчхан вивонхве* 朝鮮史編纂委員會), который по совместительству возглавлял заместитель генерал-губернатора по политическим вопросам – второе лицо колониальной администрации. В качестве советников в нем состояли высшие сановники Чосона, служившие Коджону в пору, когда он был монархом, а потом переметнувшиеся на сторону японцев и известные как «прояпонская группировка» (*чхинильпха* 親日派): Ли Ванён, Пак Ёнхё, Квон Чунхён. Рядовыми сотрудниками были десять корейцев – знатоков конфуцианской классики и девять японцев.

По особому распоряжению губернатора в июне 1925 г. Комитет по составлению истории Чосона был расширен и переименован в Комитет по редактированию истории Чосона (*Чосонса пхёнсухве* 朝鮮史編修會). В качестве временных членов к его работе были привлечены историк, публицист и общественный деятель, один из основателей современной корейской поэзии Чхве Намсон (崔南善, 1890–1957) и крупный историк послевоенного периода Ли Пёндо (李丙燾, 1896–1989). К 1935 г. в работу комитета было инвестировано 975 534 иены. В 1938 г. вышли в свет подготовленные им «История Чосона» (*Чосонса* 朝鮮史)*

---

* Напрашивается аналогия между составленной японцами официальной историей Чосона, которую они называли *Чосонса*, и составленной в начале правления династии Чосон «Историей Корё» – *Корёса*. Как уже отмечалось выше, династия Корё была признана не достойной того, чтобы ее полная летопись называлась *силлок*. Это был один из способов легитимизировать новую династию. Так же с помощью летописания легитимизировали свою колонизацию Кореи и японцы.

в 37 томах и «Общее собрание исторических материалов периода Чосон» (*Чосон сарё чхонган* 朝鮮史料叢刊) в 102 томах. Деятельность комитета прекратилась в августе 1945 г. с окончанием колониальной эпохи.

В 1927–1934 гг. специальным Комитетом при колониальном Дворцовом ведомстве *Ливанджик* (李王職) были составлены и в марте 1935 г. опубликованы хроники Коджона (*Коджон тхэ хвандже силлок* 高宗太皇帝實錄), охватывавшие период 1864–1907 гг., а также хроники Сунджона (*Сунджон хёхвандже силлок* 純宗孝皇帝實錄), которые описывали четыре года правления Сунджона (1907–1910) и 16 последующих лет вплоть до его кончины в 1926 г. Комитет по их составлению по очереди возглавляли то японские, то корейский чиновники – заместители главного управляющего *Ливанджик*, но реально работой руководил профессор Кёнсонского (Сеульского) императорского университета Ода Сёго (小田省吾).

Чипкёндан (緝敬堂) – бывшая библиотека Коджона в Кёнбоккуне, где в первые годы после освобождения Кореи находилась Академия национальной истории

Деятельность комитета по составлению национальной истории

В марте 1946 г., через полгода после Освобождения, в южной части Кореи была создана Академия национальной истории (*Куксагван* 國史館), которая по замыслу организаторов должна была продолжить традиции Исторического управления *Чхунчхугван* и восстановить преемственность в составлении отечественной истории, нарушенную в период японского протектората и колониального господства (1905–1945). Академия, первым директором которой был назначен профессор университета Корё Син Сокхо (申奭鎬, 1904–1981)**, первоначально располагалась в *Чипкёндан* (緝敬堂) – бывшей библиотеке Коджона в Кёнбоккуне – и находилась в ведении образовательного отдела при американской военной администрации. В марте 1949 г., через восемь месяцев после провозглашения Республики Корея, приказом президента № 417 *Куксагван* был реорганизован в *Кукса пхёнчхан вивонхве*

** Его имя вошло в опубликованный в 2008 г. список претендентов на включение в «Словарь прояпонских деятелей», издание которого готовил тогда НИИ национальных вопросов (*Минджок мундже ёнгусо*). По мнению независимых экспертов, в этом просматривается тенденция записывать в «прояпонские деятели» практически всех интеллигентов, кто работал в Корею в 1910–1945 гг., а не жил в эмиграции.

(國史編纂委員會) – Комитет по составлению национальной истории (КСНИ) при Министерстве образования РК.

В первый период (до 1987 г.) его деятельности был сделан основной упор на сбор, составление и публикацию исторических документов внутри страны. Поскольку Республика Корея официально провозгласила себя преемницей Временного правительства, созданного в Шанхае в 1919 г., основное внимание уделялось истории национально-освободительной борьбы корейского народа, а также военной истории и борьбе с иностранными вторжениями в целом. Это героическое содержание воплотилось в изданной в 1973 г., в годы военной диктатуры Пак Чонхи, 25-томной «Истории Кореи». Она отразила дух эпохи, когда господствовала идеология «государственной безопасности», основанная на логике холодной войны. Также, как указывается в обзорах КСНИ, она была «составлена для того, чтобы облегчить публике доступ к результатам научных исследований». Был сделан шаг к популяризации исторического знания, естественно, в нужном для государства русле. Но главное изменение состояло в том, что в отличие от прошлых эпох, народ стал превращаться в важнейший объект историописания.

В 1949–1987 гг. комитетом были выпущены пяти-томная «История корейского движения за независимость» (*Хангук тоннип ундонса* 韓國獨立運動史), 56 томов «Собрания материалов по истории движения за независимость корейского народа» (*Ханминджок тоннип ундонса чарёджип* 韓民族國獨立運動史資料集) и 9 томов приложений, 30 томов «Материалов по истории движения за независимость в Корее» (*Хангук тоннип ундонса чарё* 韓國獨立運動史資料). Были опубликованы солидные сборники, посвященные истории японской агрессии в Корее (1876–1905), протектората (1905–1910) и колониального правления (1910–1945).^{*} В дальнейшем сюда прибавились собрания документов по истории РК новейшего времени^{**}. К 2004 г. широкой публике стали доступны свыше 200 тыс. старых книг и иных публикаций, около 2 млн. документов

^{*} «36 лет истории под японским колониальным игом» (*Ильчехимняк ха Хангук 36нёнса*) – в 13 тт. (1966–1978), 60 томов «Записей японской дипломатической миссии в Корее» (*Чу Хан Ильбон консагван кирок*), 11 томов «Документов периода японского протектората (1905–1910)» (*Тхонгамбу мунсо*).

^{**} 17 томов «Истории Республики Корея в документах» (*Чарё Тэхан Мингукса*), 57 томов «Собрания материалов по современной истории Кореи» (*Хангук Хёндэса чарё чипсон*).

Кампус Комитета
по составлению
национальной истории
в Квачхоне.
Современный вид

нового и новейшего периодов, в том числе и собранных за рубежом, и опубликовано 160 сборников и трудов. Эти труды были спонсированы комитетом, который в 1988–2003 гг. на поддержку исторических исследований выделил 3 млрд. вон (около 3,5 млн. долларов***).

В 1993–2003 гг. была создана уже 53-томная «История Кореи», показавшая, какой большой путь прошла с 1973 г. южнокорейская историческая наука, и отразившая огромные перемены в стране, связанные с окончанием периода военных правлений, развитием гражданского общества и демократии. Также в ней «обосновывалась самостоятельность развития корейской истории и разоблачался колониалистский подход к ней японского империализма». Хотя в целом «История» основывалась на хронологическом принципе, содержание ее в рамках разных периодов было классифицировано по отраслям (политика, экономика, общество, международные отношения, культура и искусство), каждой из которых был посвящен отдельный том.

Издания КСНИ с самого начала широко распространяли по библиотекам, научно-исследовательским институтам, университетам, научным обществам. В результате история, описание, изучение и знание которой в традиционном обществе были уделом избранных, впервые стала достоянием каждого, не зависимо от статуса, возраста и пола. Это было крупнейшим достижением, предопределившим начало народного «исторического бума» в конце XX в. После принятия в 1987 г. Акта о сборе исторических материалов и их сохранении (Закон № 3976), КСНИ вышел из подчинения Министерства образования и получил

*** Подсчеты весьма приблизительные. В 1988 г. обменный курс был около 700 вон за доллар, а в начале 1998 г., например, поднялся почти до 1700 вон. Потом опять цена доллара опустилась до 900–950 вон за доллар. Примерно 850–900 вон за доллар – средний курс того периода.

собственное здание в Квачхоне (вблизи Сеула). Сегодня это не только крупнейшая государственная организация, но и авторитетный НИИ, тесно связанный с академическими кругами во всей республике, а также за рубежом.

Во второй период, наступивший с начала 1990-х годов, масштабы деятельности КСНИ вышли за пределы страны, что было связано с провозглашенным в это время официальным курсом на глобализацию и началом эпохи интернета. Комитет начал систематический сбор материалов по истории Северной Кореи и отношений двух корейских государств*. Тем самым был сделан шаг к «Истории объединенной Кореи», составление которой станет государственной задачей первостепенной важности после грядущего объединения Корейского полуострова.

Важнейшим направлением деятельности КСНИ стала компьютеризация исторических материалов: изготовление CD-ROMов, открытие специальных веб-сайтов и их обслуживание. В эту работу постепенно включились и другие научные учреждения. По инициативе КСНИ и при поддержке Министерства информации и коммуникаций РК был организован консорциум по созданию «Объединенной информационной системы по истории Кореи» (Integrated Data System of Korean Historical Materials). Первоначально он объединял КСНИ, Институт корееведения Кюджангак СНУ (*Кюджангак хангукхак ёнгуwon*), Институт переводов корейской классики (*Хангук коджон понёгwon*) и Академию корееведения (*Хангук чонсин мунхва ёнгуwon***) в Соннаме. К середине 2010 г. в него входили, кроме упомянутых, еще девять крупных правительственных учреждений. Это Государственная центральная библиотека (*Куннип чунан тосогван*), Библиотека Национального собрания (*Кукхве тосогван*), Национальное архивное управление (*Кукка кировон*), Министерство по делам ветеранов (*Кукка похунхо*), Институт по изучению национально-освободительной борьбы корейского народа (*Тоннип кинёмгван*), Управление культурным наследием (*Мунхваджэ чхон*), Центр по развитию корееведения (*Хангук кукхак чинхынwon*), Портал знаний по Корее (*Кукка чисик пхотхол*), управляемый Министерством информации и коммуникаций; Национальный исследовательский фонд

* К 2004 г. были изданы «Собрание исторических материалов по Северной Кореи» (*Пукхан кванге сарёджип*) – 41 том (1983), «Материалы по истории отношений Северной и Южной Кореи (*Нам-Пукхан кванге сарёджип*) – 25 томов (1994–1996), «Указатель материалов по Северной Кореи» (*Пукханса чарё моннок*, 1986).

** С 2005 г. называется *Хангукхак чунан ёнгуwon*.

по Корею (*Хангук хаксуль чинхын чедан*)¹³. КСНИ возглавляет этот консорциум. Сведения о его информационных проектах приводятся на официальном сайте www.history.go.kr.

Сайты перечисленных учреждений, каждый из которых представляет собой мощный информационный пул, составляют «Объединенную систему информации по истории Кореи» (www.koreanhistory.or.kr). Благодаря ей, а также «Базе данных по корейской истории» (<http://db.history.go.kr/>), желающим доступен огромный массив сведений (на осень 2008 г. – более 800 тыс. статей), который пополняется ежедневно. Для ориентации в нем создан «Тезаурус корейской исторической терминологии» – разделенный маркерами индекс (33 тысячи слов, данные на 2004 г.). Поиск осуществляется по периодам (древность, средневековье, новая и новейшая история), тематике (есть сайты по буддизму, генеалогиям, памятникам культуры, национально-освободительному движению и движению за демократизацию, документам местного значения и пр.), а также по разделам («Старые книги», «Старые материалы», «Книги», «Материалы», «Продолжающиеся издания», «Классика в переводе на современный язык», «Исследовательские материалы», «Библиографические аннотации», «Личности», «Карты», «Словари», «Хронологические таблицы», «Интернет-ресурсы», «Культурное наследие», «Эпиграфические материалы» и пр.). Есть отдельные собрания: «Материалы газет нового и новейшего времени» и аудио-материалов. Приводятся сведения по архивам и изданиям отдельных учреждений и информационных служб^{***}. Их сайты открываются лозунгом «Даешь правильное знание нашей истории!».

Специальная база данных объединяет относящиеся к Корею документы из зарубежных архивов (<http://khmc.history.go.kr>), сбор которых стал главным направлением в работе КСНИ с 2001 г. (ТРЕТИЙ ПЕРИОД), и уже в первые пять лет на него было выделено 10 млрд. вон (около 10 млн.

^{***} (<http://www.koreanhistory.or.kr/webhosting/>). Это, например, Общество изучения Силла, Научное общество по изучению древних документов (*Хангук комунсо хакхве*), Корейское научное общество по изучению новой и новейшей истории, Научное общество по изучению национально-освободительного движения (*Хангук минджок ундонса ёнгусо*), Научное общество по изучению корейской истории (*Хангукса хакхве*), Институт частных дневников (*Хангук инмульса ёнгусо*), Информационная служба поиска подлинных текстов старинных материалов библиотеки Чонно (*Чонно тосогван*) и пр.

долларов) из бюджета Министерства образования и людских ресурсов. Приоритет отдается архивам США, где в 2001–2003 гг. в Управлении национальными архивами и административными записями (NARA – National Archives and Records Administration) были собраны около 2 млн. страниц документов Госдепартамента, военного ведомства, учреждений по оказанию помощи за рубежом. В Японии в 2001–2004 гг. было собрано около 1,5 млн. страниц. В результате была опубликована библиографическая серия «Общий свод зарубежных материалов» (*Хэве сарё чхонсо*, 2002): по США – 4 тома, по Японии – 1 том. В России и Европе к 2004 г. были собраны 294 851 документ, 62 микрофильма, 11 аудиозаписей (tapes), 2 карты, 3 книги¹⁴. Материалы классифицируются по содержанию и переводятся. Некоторые перенесены на видео, что позволяет видеть оригинал.

Новая жизнь летописей Чосона

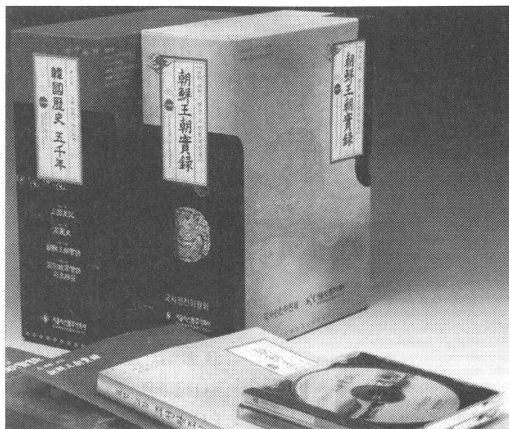
Каковы бы ни были приоритеты КСНИ в разные периоды, работа с документами Чосона оставались в поле его зрения неизменно. В 1955–1970-х годах вышли фототипические издания «Истинных записей династии Чосон», «Записей Пограничного ведомства Пибёнса» (*Пибёнса тыннок*), «Подневных записей королевского секретариата» (*Сынджонвон ильги*). В 1967–1972 гг. КСНИ составил по официальным записям чосонского двора и опубликовал «Историю эпохи Коджона» (*Коджон сидэса* 高宗時代史) в 6 томах. Ровно полвека заняло создание «Библиотеки материалов по истории Кореи» (*Хангук сарё чхонсо* 韓國史料叢書), включившей отредактированные копии ряда рукописных документов на ханмуне, в том числе 92 тома «Записей и документов правительственных учреждений» (*Какса тыннок* 各司謄錄) – переписки местных и центральных правительственных учреждений за 1577–1910 гг. (изданы в 1981–2004 гг.).

Работа по компьютеризации корейской истории началась в начале 1990-х годов с изготовления CD-ROMа «Индексы к *Пибёнса тыннок*». Затем был осуществлен перевод на CD-ROM оригинальных (на ханмуне), но уже снабженных разделительными знаками текстов *Чосон ванджо силлок* и *Сынджонвон ильги*, изданных факсимиле в 1950–1970-х годах. Затем началась работа по их оцифровке. В 1995 г. Институт по созданию информационной базы по корееведению «Соул систем» выпустил CD-ROM «Летописи Чосона в переводе на корейский язык» (*Кугёк Чосон ванджо силлок*). Реализация проекта потребовала инвестиций в сумме 5 млрд. вон (около 6 млн. долл.) и усилий тысяч специалистов¹⁵. Цена такого диска

в пересчёте на американскую валюту превышала 5 тыс. долларов, но он стоил того. Создание CD-ROMа было названо «научной революцией». Он стимулировал исследования по вопросам, которые прежде не привлекали внимания исследователей. Возникла возможность написания широчайших по временному охвату трудов, где бы прослеживалась эволюция политики, экономики, общества, культуры, искусства и пр. за всю историю Чосона. Открылись перспективы исследований на стыке наук. Важнейшим достижением, достигнутым в процессе оцифровки *силлок*, была разработка поисковой системы. Искать в электронной версии ЧВС намного легче, чем в книгах – достаточно набрать сочетание двух или нескольких слов. Так удалось в значительной мере преодолеть серьезнейшее препятствие в деле изучения этого памятника – его огромный размер.

В 1999 г. были выложены в интернет изданные ранее «История эпохи Коджона» (*Коджон сидэса*) и «Записи и документы правительственных учреждений» (*Какса тыннок*). С 22 декабря 2005 г. на сайте (<http://sillok.history.go.kr>) стал доступен самый значительный летописный памятник Кореи – «Летописи династии Чосон» – как на ханмуне (53 млн. иероглифов), так и в переводе на корейский язык (210 млн. знаков). Он состоит из 1893 *квонов* и 888 *чхэк* и содержит описание 172 тыс. событий. Справки доступны не только по правлениям отдельных ванов, но и по ключевым словам: именам, географическим названиям, названиям книг и пр. Есть и цветные изображения, которые в связи с трудностями оцифровки в CD-ROM с текстом летописи включены не были: изображения государственных церемоний, нотные записи, астрономические таблицы и пр. На сайте есть информационная служба, где можно задать вопрос по содержанию памятника и получить квалифицированный ответ. Оцифровка летописи в оригинале и в переводе на современный корейский язык, как и специального сайта для нее была выполнена КСНИ во главе с его президентом, известным историком Ли Манёлем (возглавлял Комитет в 2003–2006 гг.).

В результате летописи Чосона впервые в истории превратились в достояние самых широких народных масс. В южнокорейском языке даже возникло новое слово для обозначения этого явления – *тэджунхва* (大衆化, букв.

CD-ROM «Летописи Чосона в переводе на корейский язык». 1995 г.

«массовизация»), под которым имеется в виду, что «народ стал важнейшим объектом в изучении и толковании летописей, что это толкование стало осуществляться с народных позиций и обращено к народу». Подчеркивается, что корейское *тэджунхва* исторического знания – явление выдающееся и по своим масштабам не имеет в мире прецедентов.¹⁶

Надо отметить, что представленная в 2005 г. электронная версия ЧВС охватывала период с 1392 по 1863 г., т.е. летописи правлений Коджона и Сунджона (1864–1910) в нее включены не были. Причиной явилось то, что они «были составлены в колониальный период». Хотя при составлении этих летописей в 1930–1934 гг. использовались корейские источники: «Подневные записи королевского секретариата» (*Сынджонвон ильги*), «Королевские дневники» (*Ильсоннок*) и др., при подготовке электронной версии возобладало мнение, что «хотя эти хроники имеют большое значение для изучения новой истории Кореи, составляли ее японцы, нарушая строгие правила и стандарты, существовавшие в Чосоне, и есть опасность искажений, поэтому, прежде чем включить эти хроники в основной текст *Чосон ванджо силлок*, требуется большая редакторская работа». По той же причине не были они признаны и «национальным сокровищем» (*кукпо*) и не включены в список мирового наследия ЮНЕСКО, как хроники других ванов Чосона.

Но нашлось немало людей, требовавших восстановления *Чосон ванджо силлок* в полном объеме, поскольку последняя «является сводом сведений о деяниях в с е х монархов Чосона». Эти люди напоминали, что хроники и предшествовавших Коджону ванов нередко составлялись с учетом интересов отдельных людей и политических групп, и приводили в пример силлок Сонджо, Хёнджона и Кёнджона, содержащие противоречивые сведения. В результате в 2007 г. «истинные записи» правлений Коджона (52 *квона* в 52 книгах) и Сунджона (22 *квона* в 8 книгах) также были выложены в интернете на сайте КСНИ.

Из блогов:

«Когда просматриваешь хроники Коджона и Сунджона, первым делом возникает мысль о том, насколько были неправы те люди, которые считали, что смотреть их не надо, поскольку их составляли японцы. С их утверждениями можно было бы согласиться, если бы в этих хрониках не было бы никаких материалов, где бы осуждалась Япония. Но в реальности это не так. Среди многочисленных докладов, поданных в период Коджона на высочайшее имя, таких немало. Описано много эпизодов, которые показывают японцев

в нелицеприятном виде. Поскольку королевская семья не была для японцев такой уж враждебной силой, резоннее выглядит предположение, что японцы составляли *силлок*, стремясь как можно точнее передать содержание многочисленных документов. Хотя бы во имя молчаливого «сотрудничества» с корейской монаршей фамилией они не желали преступить черту, за которой могут возникнуть нежелательные проблемы. Кроме того, даже если японцы так сильно извратили факты при составлении хроник Коджона и Сунджона, то в настоящее время у нас есть достаточно других достоверных материалов, чтобы эти искажения заметить». Подпись – *Пак Сонхо*¹⁷.

Оцифрованные *силлок* Коджона и Сунджона содержат исходный текст из 3,2 млн. иероглифов и перевод на современный корейский язык, в который включены 17 разделительных маркеров, а также дополнения, выполненные в том же стиле, что и хроники. Как заявили представители КСНИ, «данные две хроники являются источниками первостепенной важности для изучения истории Чосонской династии и Новой истории Кореи и представляют собой историческую и литературную ценность, но при этом они существенно отличаются от предыдущих хроник»¹⁸.

Вот как эту разницу объясняет историк Ён Капсу:

«*Силлок* составлялись после смерти вана на основе черновых исторических записей, которые велись во время его правления. Новый ван не мог вмешиваться в эту работу, поскольку это могло привести к искажениям в содержании летописи. Не мог он увидеть и ее результат – никогда, ни при каких условиях. Кроме того, общее руководство составлением хроники осуществлял премьер-министр или другой чиновник самого высокого уровня. Обычно эти люди служили при дворе и в период предыдущего правления. Таким образом, еще и по этой причине при составлении *силлок* возможность ошибок по незнанию исторических фактов была сведена к минимуму.

Коджон и Сунджон скончались в японский колониальный период. Поэтому хроники их правления были составлены не по каждодневным черновым записям придворных историков, а представляют собой всего лишь выжимки из *Ильсоннок* и *Сынджонвон ильги*. Кроме того, их составляли не придворные историки, а в основном просто специалисты в области конфуцианской классики. Участвовали в этой работе и бывшие сановники, занимавшие при Коджоне высокие посты, но таких было немного. Работу составителей контролировала японская администрация. Таким образом, хроники Коджона и Сунджона были лишь подобием “истинных записей”, и в этом их отличие от всех остальных».

«Истинные записи династии Чосон» переведены, оцифрованы и помещены в интернет для свободного пользования. Но работа над ними не закончена.

Из газет:

«В октябре 2007 г. Министерство образования РК объявило о создании Института переводов классических текстов, задача которого – завершение перевода всего письменного наследия прошлого на современный корейский язык. К настоящему времени переведены лишь 23% официальных и 12% прочих текстов, написанных в старой Корее, где в качестве письменного языка, особенно в официальных документах до 1895 г., использовался классический китайский язык, или ханмун, который сейчас практически забыт. Ассигновано 8,527 млрд. вон (свыше 7 млн. долларов), которые пойдут на подготовку переводчиков (1,498 млрд.), перевод, административные расходы, создание и поддержку Центра материалов по национальной культуре (2,79 млрд.). Правительство тем самым взяло в свои руки руководство деятельностью по переводу классических документов, которой до того занимались в основном профессора университетов и исследователи научных учреждений. Новый институт сосредоточит свои усилия в первую очередь на новом переводе «Истинных записей династии Чосон»¹⁹.»

Остается вопрос: можно ли считать династийную историографию Чосона завершенной? Обратимся к мнению А.Н. Ланькова, который ныне является единственным русским специалистом по летописям Чосона. Он, в частности, пишет: «Из правивших в Корее династий только по Силла (VII–X вв.) и Корё (X–XIV вв.) были составлены официальные истории. Когда в 1910 г. династия Ли была свергнута с престола японскими колонизаторами, она не оставила “династии-наследницы”, так что утверждать официальный текст истории было бы уже некому. Вдобавок, времена и вкусы переменялись, традиционная история на древнекитайском языке, написанная по канонам двухтысячелетней давности, более уже не казалась особо привлекательной. В результате династия Ли так и осталась без официальной истории. Такая же судьба постигла и ее современницу – последнюю китайскую династию Цин»²⁰.

Однако, полная официальная история Чосона все же, похоже, будет написана и преемственность утверждена. Как следует из вышесказанного, летописание продолжает сохранять свое значение в Корее и сегодня. Изменились форма и методы его составления, приоритеты в изложении (теперь они тесно связаны с глобальными изменениями), народ, а не ваны, стал главным его объектом, но не изменились его основные задачи – укрепление авторитета государства, которое ныне через историографию позиционирует себя как носителя новых демократических идеалов и утверждает место Кореи в мировой истории.

Памятники Кореи под охраной ЮНЕСКО

Управление культурным наследием Республики Корея

Большую роль в развитии «исторического бума» в РК сыграло признание целого ряда корейских памятников культуры общечеловеческим достоянием. В 1988 г. правительство РК присоединилось к Конвенции ЮНЕСКО по охране Всемирного культурного и природного наследия. Наступала эпоха глобализации, и актуальной стала задача пропагандировать достижения корейской национальной культуры не только в своей стране, но и в мире. Она была возложена на Управление культурным наследием РК (*Мунхваджэ чхон*, www.cha.go.kr).

Это влиятельное правительственное учреждение, расходный бюджет которого в 2007 г. превысил 427 млн. долларов*, так же как и Комитет составления национальной истории, выросло на монархическом наследии. Оно было создано 8 ноября 1945 г. как Ведомство по управлению имуществом бывшей императорской семьи Чосона (*Ку хвансиль саму чхон*). Сфера его деятельности существенно расширилась в 1961 г., когда он был переименован в Администрацию культурного наследия (*Мунхваджэ кваллигук*) и в его ведение было передано содержание и управление памятниками культуры не только Чосона, но и других эпох. Новый этап в деятельности администрации наступил в 1983 г., когда в ней были созданы три отделения: по управлению наследием, его сохранению и управлению королевскими дворцами и гробницами. К тому времени при ней уже восемь лет существовали Институт культурного наследия (*Мунхваджэ ёнгусо*) и Этнографический музей (*Минсок панмультган*), основанные в 1975 г. В 1990 г. у Института появились отделения в Кёнджу, Пуё и Чханвоне. Был открыто Отделение по сохранению реликвий Приморского района Мокпхо (пров. Южная Чолла).

В настоящее время *Мунхваджэ чхон* имеет статус департамента при Министерстве культуры, спорта и туризма и подчиняется непосредственно министру. В его ведении, кроме 18 общих и административных отделов, находятся один головной и пять провинциальных НИИ,

---

* Из них 320 млн. долларов пошли на консервацию и управление культурным наследием; 14,3 млн. – на разработку основ политики в области культурного наследия; 39,8 млн. – на исследования и восстановление культурного наследия; 9,3 млн. – на подготовку специалистов; 44,3 млн. – на административные расходы.

где разрабатываются новейшие методы реставрации и сохранения памятников и ведется поиск достойных сохранения культурных объектов. Существуют Школа традиционного культурного наследия (*Хангук чонгхон мунхва хаккё*), где готовят менеджеров культуры и реставраторов, Государственный музей королевской культуры (*Куннип когун панмюльгван*) и др. На попечении управления находятся пять дворцов и Храм предков чосонской династии (Чонмё) в Сеуле и 14 комплексов королевских захоронений периода Чосон в разных частях страны. В последние годы важным направлением его деятельности стало развитие связей в области культурного наследия с Северной Кореей, но приоритетом неизменно остается работа по представлению корейских памятников в ЮНЕСКО.

В 1995 г. под охрану ЮНЕСКО были взяты первые три корейских памятника. В 2010 г. в списки этой организации входили уже 23 (южно)корейских памятника в трех категориях: «Всемирное наследие», «Память мира» и «Нематериальное культурное наследие». Восемь из них были созданы в период Чосон (1392–1910). В этой книге будет подробно рассказано о шести из них, имеющих прямое отношение к «дворцовой культуре», ибо все они – символы королевской власти. В реестре «Память мира» это летописи «Истинные записи династии Чосон», «Записи королевского секретариата» и «Книги установленного ритуала». В списке «Всемирное наследие» – это сеульский дворец Чхандоккун и 40 королевских гробниц. К «комплексному наследию», занесенному одновременно в списки «Всемирное наследие» и «Нематериальное культурное наследие», относится Чонмё.

Как пишут корейские историки, «из пятитысячелетней истории Кореи эпоху Чосон можно назвать периодом, когда национальная культура обрела свою наиболее завершенную форму. Если так, то культуру королевской семьи, сформировавшуюся в этот период, можно назвать цветом эпохи Чосон»²¹.

«Всемирное наследие» ЮНЕСКО и Корея

В 1972 г. ЮНЕСКО приняла Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия (вступила в силу в 1975 г.). С начала 1980-х начал составляться Список всемирного наследия ЮНЕСКО, где термин «всемирное наследие» (World Heritage) подразумевает «самые выдающиеся по значимости культурные и природные достопримечательности, которые необходимо в принципе сохранять и оберегать в течение неограниченно длительного времени, так как они будут нужны людям

всегда. Это, естественно, предполагает их изучение, познание, использование не только нынешним, но и будущими поколениями». Главная цель списка — «сделать известными и защитить объекты, которые являются уникальными в своём роде для культурной традиции или цивилизации, которая существует до сих пор или уже исчезла, или представляют собой шедевр человеческого созидательного гения».

Эта первая программа ЮНЕСКО по защите мировых памятников охватывала культурные ценности определенного рода:

- памятники – произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;
- ансамбли – группы изолированных или объединенных строений, чья архитектура, единство или связь с пейзажем представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;
- достопримечательные места – произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие собой выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии.

Согласно условиям конвенции, объект может быть отнесен к всемирному культурному наследию, если он полностью соответствует одному или нескольким из следующих критериев:

- I – шедевр творческого гения человека;
- II – уникальный объект архитектуры, монументального искусства, градостроительства, а также особо ценные участки культурного ландшафта;
- III – демонстрация культурных традиций исчезнувших или современных цивилизаций;
- IV – уникальные здания или архитектурные ансамбли, включая ландшафт, связанные с важнейшими вехами в человеческой истории;
- V – яркий пример традиционного поселения или системы землепользования;
- VI – демонстрация современных идей, верований, течений в искусстве, живых традиций человечества²².

К ноябрю 2007 г. Конвенцию ратифицировали 185 государств и территорий. К 1 августа 2008 г. в списке Всемирного наследия ЮНЕСКО значилось 878 объектов:

679 культурных, 174 – природных и 25 – смешанных в 145 странах. Среди них:

- 23 российских (15 культурных и 8 природных), в том числе исторические центры Ярославля и Санкт-Петербурга, московский Кремль и Красная площадь, белокаменные соборы Владимира и Суздаля, церковь Вознесения в Коломенском (Москва), историко-архитектурные ансамбли Троице-Сергиевой лавры, Соловецких островов и Кижей; озеро Байкал, вулканы Камчатки, «золотые горы Алтая», Сихотэ-Алинь и пр.²³
- 37 китайских (26 культурных и 11 природных), в частности, Великая Китайская стена; дворцы императоров Минской и Цинской династий в Пекине и Шэньяне; могилы Конфуция и Цинь Ши-хуанди; Алтарь Неба и Летний дворец в Пекине; классические сады Сучжоу; стоянка первобытного человека в Чжоукоудяне; пещерные храмы Юньган; национальный парк Лушань и пр.
- 14 японских (11+3), в том числе исторические памятники древних столиц Нара и Киото, синтоистский храм на острове Ицукусима; средневековый замок Химедзи; храмы и алтари Никко; Мемориал мира в Хиросиме; и пр.

В этот список входит то, что называют «гордостью человечества»: Ватикан и исторический центр Рима, лондонский Тауэр, афинский Акрополь; мавзолей Тадж-Махал в Агре (Индия), храмовый комплекс Боробудур (Индонезия), Венеция и ее лагуны (Италия); старинные кварталы Люксембурга; место рождения Будды Лумбини (Непал); Куршская коса (Литва); руины древнего города Мачу-Пикчу (Перу) и т.д.

В 1995 г. в Список всемирного наследия ЮНЕСКО были внесены первые три южнокорейских памятника (все – «национальные сокровища»):

- 1) Буддийский храмовый комплекс VIII в., состоящий из рукотворного грота-храма Соккурам 石窟庵 и монастыря Пульгукса 佛國寺 («Царства Будды») на горе Тхохамсан, в 16 км от г. Кёнджу (пров. Сев. Кёнсан). Шедевр дальневосточного буддийского искусства и архитектуры.
- 2) Чангён пханджон 藏經板殿 – книгохранилище из двух зданий в буддийском монастыре Хэинса 海印寺 в горах Каясан (пров. Юж. Кёнсан). Построено в XV в. специально для хранения *Корё Тэджангён* («Корёская Трипитака» 高麗大藏經) – собрания буддийских текстов, выгравированного на 81 258 деревянных досках в 1237–1248 гг. Это одно из старейших сооружений

подобного рода в мире построено с применением уникальных технологий, позволяющих сохранять деревянные блоки.

- 3) Чонмё 宗廟 – Храм предков династии Чосон в Сеуле (XIV в.), старейшая из сохранившихся в мире конфуцианских кумирен подобного рода, облик которой остался почти неизменным с XVI в. В нем до сих пор совершаются сопровождаемые музыкой, песнями и танцами поминальные церемонии, которые продолжают традиции, заложенные еще в первые годы династии.

К середине 2009 г. в Список всемирного наследия ЮНЕСКО входили уже девять южнокорейских памятников культуры и один природный. Это, помимо вышеупомянутых:

- 4) Исторический заповедник Кёнджу (включая священную гору Намсан) – столицы государства Силла (первые века н.э. – 935 г.), одного из крупнейших городов Восточной Азии VII–X вв. н.э. Это «музей под открытым небом», где сохранилось множество реликвий: скульптур, рельефов, пагод, гробниц, а также руин монастырей, дворцов и жилых зданий, которые свидетельствуют об этапах развития буддийской и светской архитектуры в древней Корее.
- 5) Дворцовый комплекс Чхандоккун 昌德宮 в Сеуле (XV в.) – «самый корейский» из корейских дворцов, любимая резиденция чосонских монархов, главная арена национальной истории XV–XX вв.
- 6) Сувонская крепость (другое название – крепость Хвасон 華城; пров. Кёнги, 1794–1796) – воплощение «сыновней почтительности» в архитектуре, выдающийся образец оборонного зодчества, в котором соединились новейшие для того времени достижения фортификации как Востока, так и Запада.
- 7) Дольмены в уездах Кочхан (пров. Сев. Чолла) и Хвасун (Юж. Чолла), а также на о-ве Канхвадо в окрестностях г. Инчхон (Кёнги) – «доисторические кладбища» из многих сотен дольменов – захоронений из гигантских каменных глыб, которые хотя и характерны для мегалитической культуры всего мира (I тыс. до н.э.), но нигде больше не встречаются в столь концентрированном виде.
- 8) 40 гробниц правителей династии Чосон, расположенных в основном в радиусе 40 км от крепостной

---

* Тут важно, что именно Хансона, как Сеул назывался до 1910 г., а не Кёнсона (Кэйдзё), как называли его японцы, понизившие его статус с города си до административного округа *пу*.

стены старого Сеула, «отличающиеся уникальными строительными особенностями и расположением в соответствии с конфуцианскими и геомантическими принципами».

- 9) Вулканический остров Чеджудо и его лавовые пещеры – редкий по красоте памятник природы, сохранивший к тому же свидетельства, по которым можно проследить историю формирования нашей планеты. Состоит из трех объектов: 1) пещеры в горе Комунорым (검운 오름. «Орым» на чеджудоском диалекте значит «гора», «пик») – разветвленная система лавовых пещер с многоцветными «потолками» и «полами»; 2) гора Ильчхульбон (полное название – Сонсан ильчхульбон 城山日出峰) из вулканического туфа, поднимающаяся, подобно крепости, из вод океана; и 3) потухший вулкан Халласан 漢拏山 – самая высокая (1950 м) гора Республики Корея с живописными водопадами, причудливыми скалами и озером в кратере.

К началу 2010 г. в «списке ожидания» ЮНЕСКО находились семь культурных и природных памятников Южной Кореи, предложенные ее правительством для признания их мировым достоянием. Это:

- 1) упоминаемая в «Самгук саги» так называемая «трех-летняя крепость» (самнён сансон 三年山城), образец фортификации Силла (470-473 гг. н.э.);
- 2) чудом сохранившаяся нетронутая гробница пэкческого Мурён-вана (501-522) в Конджу (Юж. Чхунчхон);
- 3) гончарные печи в Канджине (Юж. Чолла), где изготавливалась славившаяся на весь Дальний Восток селадонная керамика;
- 4) знаменитый красивыми пейзажами и древними буддийскими монастырями природный заповедник Сораксан (пров. Канвон);
- 5) заповедник конфуцианской культуры деревня Хахве (Андон, пров. Сев. Кёнсан), известная также как выдающийся образец «благоприятного расположения» с точки зрения традиционной геомантии (*пхунсу чир*);
- 6) этнографическая деревня Андон в окрестностях Кёнджу (Юж. Кёнсан), где представлены хорошо сохранившиеся образцы традиционной застройки периода Чосон – жилища знати и простого народа;
- 7) один из самых больших в мире (33359 кв. м) «заповедников динозавров», где сохранились 1800 отпечатков следов и гнезда с окаменелыми кладками яиц этих древних рептилий, живших около 80 миллионов лет назад (уезд Хвасун, Юж. Чолла).

В 2004 г. в Список ЮНЕСКО был включен один памятник КНДР: комплекс гробниц с настенными росписями Когурё, относящихся к III–VII в. н.э. и расположенных в Пхеньяне, провинциях Южная Пхёнан и Северная Хванхэ, а также г. Нампхо. Всего на территории Китая и Кореи обнаружено около 10 тыс. гробниц, из них около 90 – с настенными росписями, из которых около 30 находятся в Северной Корее. Эти захоронения правителей, членов их семей и аристократов сохранили уникальные живописные свидетельства повседневной жизни и религиозных верований древних когурёсцев. Фрески и конструкция гробниц – высшее достижение их науки и культуры. Это важное звено погребальной типологии, ибо погребальные обычаи Когурё оказали влияние на другие культуры региона, в том числе Японии. Вопрос о том, какому государству принадлежит наследие Когурё, является предметом ожесточенного спора между Китаем, с одной стороны, и обоими корейскими государствами, с другой. Он ведется уже более 20 лет и приобрел столь острые формы, что его часто называют «войной историй»²⁴. Желая примирить стороны, в 2004 г. ЮНЕСКО включило в свой список гробницы Когурё дважды: как северокорейский и как китайский памятник. Наследие Когурё как китайский памятник включает руины ранних столиц Гонэй (国内) и Ваньду (丸都), городище Уньюй (五女), 12 гробниц правителей, 26 могил членов их семей и аристократии, стелу Квангэтхо-вана (414 г.) и погребальные предметы из гробницы его сына Чансу-вана (413–491). Они сосредоточены в основном в уезде Хуаньжэнь (пров. Ляонин) и в г. Цзиань (пров. Цзилинь)²⁵.

В 2000 г. КНДР выдвинула на включение в Список всемирного наследия еще шесть памятников:

- 1) Горы Мёхянсан (妙香山, уезд Хянсан, пров. Сев. Пхёнан), знаменитые своими живописными вершинами (высотой от 1000 до 1900 м, высочайшая – Пиробон 毘盧峰) и буддийскими реликвиями, в т.ч. руинами примерно 20 старинных монастырей;
- 2) Реликвии столицы государства Корё (918–1392) Кэсона 開城, среди которых крепостные стены, руины королевского дворца, конфуцианский университет Сонгюнгван, королевские гробницы, буддийские монастыри и старинные жилища;
- 3) Исторические реликвии Пхеньяна 平壤, самого древнего города Корейского полуострова, и его окрестностей, включающие стоянки древних людей периодов верхнего палеолита (Комынмору), неолита и бронзового века;
- 4) Горы Кымгансан 金剛山, или «Алмазные горы» (уезды Кымсан и Косон, пров. Канвон), считающиеся самыми

- живописными горами во всей Корее. Знамениты также многообразной растительностью, типичной сразу для нескольких зон: от умеренной до субарктической, и буддийскими реликвиями: монастырями, барельефами на скалах, скитами отшельников;
- 5) Пещеры района Куджан (球場, пров. Сев. Пхёнан), представляющие собой карстовые образования четвертичного периода. Крупнейшая пещера Рёнмун начинается на высоте 370 м и состоит из двух основных тоннелей и примерно 20 ответвлений.
  - 6) Горы Чхильбосан (七寶山, уезд Мёнчхон-гун, пров. Сев. Хамгён) в зоне вулканической деятельности Пэктусана, известные причудливыми формами скал.

«Память мира» ЮНЕСКО и Корея

Программа ЮНЕСКО «Память мира» была создана в 1992 г. для «сохранения в разных странах мира документального наследия, мемуаров и библиотечных коллекций, отражающих разнообразие языков, народов и культур и позволяющих проследить эволюцию мысли, открытий и достижений человеческого общества. Она ставит целью привлечь внимание общественности к их важности и является результатом осознания общественностью уязвимости и хрупкости памятников документального наследия»²⁶. В реестр «Память мира» заносятся памятники письменности, содержание которых выходит за пределы истории или культуры одного государства, которые отразили важные общемировые явления, или исполнение которых отличается высоким совершенством.

На 1 августа 2009 г. реестр включал 193 памятника. Среди них — «золотые списки» императорских экзаменов времен китайской династии Цин, письма намибийского вождя Хендрика Витбуя и оригинальные граммофонные пластинки с записью музыки уругвайского композитора Карлоса Гарделя; карты Российской империи, Евангелие Хитрово конца XIV в., а также рукописи и переписка Ганса Христиана Андерсена, фильмы братьев Люмьер, дневник погибшей во время холокоста юной голландки Анны Франк, труд Николая Коперника, архив Комитета народного образования Польши за 1773–1787 гг., документирующий первую в Европе крупную реформу образования, и пр. Южнокорейских памятников в реестре значилось семь — больше, чем у любой другой страны Азии. Это:

1. «Наставление народу о правильном произношении» (*Хунмин чоным* 訓民正音) — эдикт вана Седжона 1446 г., которым в ранг государственного письма вводился изобретенный в то время буквенно-слоговой

- фонетический алфавит, считающийся наивысшим достижением корейской культуры не только XV в., но и всей средневековой эпохи (включены в реестр в 1997 г.);
2. «Истинные записи династии Чосон» (*Чосон ванджо силлок*) – самая длительная по времени (1392–1863) и самая объемная среди дошедших до наших дней летописей жанра *силлок* в мире (53 млн. иероглифов) (1997);
  3. «Подневные записи королевского секретариата» (*Сынджонвон ильги*) – самая большая в мире летопись (242,5 млн. иероглифов, 3243 книг-чхэк), которая велась ежедневно в течение 288 лет (1623–1910) (2001);
  4. «Извлечения из “Антологии учений великих сон-буддистских наставников о постижении природы Будды”, составленные заслуженным монахом Пэгунем» (*Пэгун хвасан чхорок Пульджо чикчи симчхе ёджоль* 白雲和尚抄錄佛祖直指心體要節), – «первая в мире книга, набранная металлическим шрифтом»; вышла в 1377 г., за 80 лет до Библии Й. Гутенберга (2001);
  5. «Книги установленного ритуала династии Чосон» (*Чосон ванджо ыйгве* 朝鮮王朝儀軌) – иллюстрированные записи важнейших государственных церемоний периода Чосон (2007);
  6. «Корёская Трипитака» (*Корё Тэджангён* 高麗大藏經) – «Полное собрание буддийских священных текстов: сутр, комментариев и дисциплинарных правил династии Корё» (1237–1251). Также именуется «Кореана Трипитака», или «Великая Трипитака на 80 тысячах досок» (*Пхальман Тэджангён* 八萬大藏經), так как текст ее вырезан на 81 137 деревянных досок – для печати ксилографическим способом. Один из ценнейших источников по дальневосточному буддизму, отличающийся большой полнотой (6000 глав), отличной сохранностью и высоким качеством исполнения. Работа по его созданию внесла значительный вклад в развитие корейской филологии, каллиграфии и книгопечатания. Хранится в храме Хэинса в горах Каясан (пров. Сев. Кёнсан). (2007);
  7. «Зерцало восточной медицины» (*Тоный погам* 東醫寶鑑) – энциклопедия, составленная в 1613 г. Хо Чуном, придворным медиком вана Кванхэгуна. «Важный источник знаний по лечебной практике и профилактике, который содержит сведения о развитии медицины в Восточной Азии и издание которого предвосхитило создание в XIX в. государственной системы профилактического здравоохранения» (2009)²⁷.

Как видно из списка, «королевские» летописи Чосона (№№ 2, 3, 5) взяты под охрану ЮНЕСКО полностью.

*«Нематериальное культурное наследие» ЮНЕСКО
и Корея*

17 октября 2003 г. в Париже Генеральная конференция ЮНЕСКО приняла Международную конвенцию об охране нематериального культурного наследия. Дополняя Конвенцию 1972 г. об охране всемирного культурного и природного наследия, касающуюся только исторических и природных памятников, она охватывала фольклор и традиции устного творчества, включая языки как носители нематериального культурного наследия, зрелища, ритуалы и праздники, навыки и обычаи, связанные с природой и окружающим миром, а также традиционные ремесла. Для защиты этой самой хрупкой формы культурного наследия Конвенция предусматривала проведение инвентаризации подлежащих охране национальных памятников, создание Межправительственного комитета, а также составление двух перечней: Репрезентативного списка нематериального культурного наследия и Списка памятников этого наследия, нуждающихся в срочных мерах по спасению²⁸.

По решению II Сессии Межправительственного комитета по охране нематериального культурного наследия, прошедшей 3–7 сентября 2007 г. в Токио, составление этих списков началось в сентябре 2009 г. Но первые 90 шедевров нематериального наследия были включены в Репрезентативный список уже в 2008 г. Среди них были народные мелодии Албании с характерным одноголосым строем, танец Мбенде Жерусарема из Зимбабве, сохранившийся в Уганде способ изготовления тканей из древесной коры, традиционные кукольные театры Японии (*бунраку*), Индонезии (*ваян*) и Сицилии (*Opera dei Pupi*), древняя музыка Ирака *магам*, уникальные «культурные пространства» Бойсун в Узбекистане (музыка, песни, ритуалы) и острова Кину в Литве (музыка, игры, ремесла, танцы, обряды), старинный карнавал в масках в городе Бенш (Binche) в окрестностях Брюсселя, сказители древнего казахского эпоса *акыны* и их искусство, пекинская опера, индийские ведические песнопения и санскритский театр Кутияттам, вьетнамская дворцовая музыка *нанак*, песчаные картины Вануату и пр.

Россия представлена в этом списке двумя номинациями – традиционной культурой (фольклор, музыка, обычаи) старообрядцев (семейских) Забайкалья и якутским героическим эпосом *олонхо*, в котором, помимо актерского и певческого мастерства, сказители должны обладать даром импровизации и ораторским искусством, а также немалой

выносливостью, ибо самые крупные сказы-олонхо исполняются в течение нескольких ночей.

У Республики Корея в этом списке восемь памятников. Кроме ритуалов Чонмё, которому посвящена в этой книге отдельная глава, это:

1. *Пхансори* – зародившийся в XVIII в. эпический сказ, исполняемый в течение нескольких часов соло в особой горловой манере в сопровождении барабана;
2. *Каннын танодже* 江陵端午祭 – народный праздник в сопровождении музыки, танцев, представлений и обрядов, отмечаемый в г. Канныне (пров. Канвон) по случаю дня *тано* (пятый день пятого лунного месяца). День *тано* – важнейший в годовом сельскохозяйственном и обрядовом цикле – широко отмечался с древности повсеместно в начале лета между сбором урожая ячменя и высадкой рисовой рассады, но в Канныне приобрел особенно широкий масштаб и сложные формы, в которых нашли отражение конфуцианские, шаманские, буддийские и даосские верования²⁹.
3. *Чхоёнму* 處容舞 – танец в масках на сюжет легенды об изгоняющем злых духов сыне Дракона Чхоёне, со времени правления Хонгана (875-886) в Объединенном Силла регулярно исполнявшийся по по радостным случаям при дворе корейский государей вплоть до последних лет Чосона и дошедший до наших дней благодаря усилиям энтузиастов.
4. *Канган суллэ* – многочасовые ритуальные хороводы в сопровождении музыки и обрядовых песнопений, исполняемые с древности незамужними девушками и детьми в юго-западных частях Кореи (Южная Чолла) в полнолуние по важнейшим праздникам традиционного календаря: в новый год (*соллаль*), *тано* и особенно в праздник урожая *чхусок* (15-й день 8-го лунного месяца). Свое название получили по регулярно повторяющемуся припеву, однако сейчас уже достоверно неизвестно, что именно он означает.
5. *Чеджу Ёндын кут* – двухнедельный шаманский кут в честь духов ветра, дождя и моря (бабушки Ёндын и Повелителя драконов) с целью испросить у них тихой воды и обильного улова, который исполнялся в рыбацких деревнях на острове Чеджудо в преддверии весны (во 2-м лунном месяце) с древности, а ныне проводится в алтаре Чхильморида в районе Конип-тон, г. Чеджу.
6. *Намсадан нори* – представления мужских трупп бродячих актеров (до 40 человек), в которых соединялись: 1) крестьянская музыка, отличительной особенностью которой являются резкие звуки металлических

гонгов и барабанов: 2) танцы в масках на четыре традиционных сюжета, 3) хождение по канату акробата, который одновременно обменивается шутками с находящимся внизу клоуном, 4) кукольное представление на семь сюжетов с повествованием сказителя и музыкой, 5) борьба силачей в сопровождении шуточной словесной перепалки и 6) мастерское кручение обруча. Ныне искусство *намсадан* сохраняют в Южной Корее профессионалы.

7. *Ёнсанджэ* (靈山齋) – буддийский поминальный обряд в сопровождении костюмированных танцев и песнопений, чайной церемонии и ритуального пира, проводимый на 49-й день после кончины и знаменующий прибытие души усопшего к воротам рая. Проводится в наши дни в буддийских монастырях школы *Тхэгоджон* 太古宗, в первую очередь в ее главном храме Понвонса 奉元寺 в Сеуле.

«Если в конце 1990-х годов доход на душу населения в Южной Корее составлял примерно 10 тыс. долларов в год, то в 2007 г. он вырос до 17 690 долларов – т.е. почти на 77%. Сегодня эта страна занимает 49-е место в мире по размеру валового национального продукта. Правительство президента Ли Мёнбака выдвигает амбициозные планы и рассчитывает, что в ближайшие годы страна превратится в четвертую производящую экономику мира с доходом на душу населения в 40 тыс. долларов, что соответствует примерно современному уровню Швеции и Голландии» (из прессы). Думается, что упоминания о Швеции и Голландии с их давними монархическими системами здесь не случайны. Корея активно стремится войти в клуб передовых стран мира и заявляет об этом не только своим быстрым экономическим ростом, но и предьявляет для этого древние исторические корни.

Создаются научные фонды, спонсируется корееведение по всему миру. При поддержке государства, университетов, местных органов управления и пр. возрождаются древние праздники и обычаи, регулярно проводятся требующие больших финансовых затрат реконструкции значительных исторических событий – в виде фестивалей, театральных постановок и шествий. Граждане активно принимают участие в этой гигантской работе. К востоку от Суводна многочисленных туристов привлекает «Этнографическая деревня» – живой музей под открытым небом, где воссоздан быт корейцев таким, каким был несколько столетий назад, и где трудятся гончары, ткачи, кузнецы в белых *ханбоках* (традиционных костюмах), сохраняя древние секреты ремесла.

Костюмированное шествие «Сдача экзаменов на государственный чин в университете Сонгюнган». Участники – сотрудники сеульской мэрии, члены исторических обществ и просто любители отечественной истории. Сеул, 1995 г. Фото автора

В южных частях страны сохраняются деревни (Сонип на Чеджудо, Наганьпсон в Южной Чолла и Чхонхактон в Южной Кёнсан), где живут так, как жили предки сотни лет назад – за каменными оградами, в традиционных домах. Несмотря на то что жизнь под соломенной крышей без удобств, автомобиля, телефонной связи и пр. представляет немалые трудности, люди тем не менее идут на них, частично – из патриотизма, частично – из практических соображений, поскольку государство предоставляет значительные льготы. «Зачем это нужно – жить без канализации и водопровода и ходить за водой к колодцу, если рядом, в нескольких минутах езды, раскинулись благоустроенные современные города?» – спрашивают сторонние наблюдатели, но их мнение мало кого волнует.

В 2006–2009 гг. шесть волостей Южной Кореи (первые в Азии) вступили в ряды международного движения Cittaslow (За «медленный город»), зародившегося в Италии в 1999 г. с целью «противостоять быстро движущемуся и гомогенизирующемуся миру», поддерживать многообразие культур и особенностей городов как основы человеческих ценностей. В корейском разделе на сайте этого движения говорится: «Мы, люди, должны жить в гармонии с ритмом Природы, только тогда наша жизнь будет полной и счастливой. «Жить медленно» – значит жить в унисон с движениями нашего разума. Подлинно передовая страна – та, что руководствуется своей культурой и искусством, стремится к гармонии с Природой и всеми живыми существами, плюс – экономика. Обещаем отдать все силы развитию Cittaslow в Корее». Корея подчеркнуто продолжает сохранять традиции, утверждая, таким образом, свою национальную идентичность в условиях глобализации и стирания межнациональных границ.

IV

Летописи династии Чосон

Обязанность чиновников Исторического управления в том, чтобы прямо писать о словах и действиях государей и делах их правления, а равно о правоте и неправильных действиях подданных, об их достоинствах и недостатках, и не было государств, в которых бы не придавали значения должности историков.

*Чхве Гён, видный сановник
государства Корё, 1389 г.¹*

Королевский секретарь.
Фрагмент
картины-панчхадо
из «Книги ритуала,
установленного
в год ыльмё (1795) при
высочайшем посещении
усыпальницы принца
[Садо]» (*Вонхэн ыльмё
чонни ыйгве*). 1795 г.

Истинные записи династии Чосон (Чосон ванджо силлок)

*«Воплощение выдающегося исторического
сознания корейцев»*

В октябре 1997 г. высшее достижение корейского летописания «Истинные записи династии Чосон» (*Чосон ванджо силлок* – ЧВС), «воплощение выдающегося исторического сознания (*ёкса ыйсик*)» корейцев, первая и последняя в истории Кореи династийная хроника типа «истинных записей», была признана ЮНЕСКО наследием письменной культуры человечества и включена в реестр «Память мира». Подробно о *силлок* было рассказано в предыдущей главе. Здесь же остановлюсь, главным образом, на значении, которое придают этому памятнику в Корее. Приведу официальную оценку, опубликованную на сайте Управления культурным наследием РК с некоторыми дополнениями, которые даны мелким шрифтом:

Во-первых, эта летопись представляет собой собрание записей о последовательном правлении 25 монархов –

от основателя Тхэджо (1392–1398) до Чхольчона (1849–1863), которые велись регулярно, без перерывов, на протяжении 472 лет. Это самая длительная по охвату времени историческая запись в мире. Даже самая большая китайская летопись этого жанра «Истинные записи великой династии Цин» (*Дацин личао шилу* 大清歷朝實錄, 4404 *цзюаня*) охватывает период только в 296 лет.

Хотя та версия «Истинных записей династии Чосон», которая помещена под охрану ЮНЕСКО, охватывает периоды правления 25 монархов Чосона, правивших в 1392–1863 гг., в нее входят 28 хроник с учетом того, что хроники Сонджо (1567–1608), Кванхэгун (1608–1623) и Хёнджона (1659–1674) существуют в двух редакциях. Хроники не удостоенных почетного посмертного имени Ёнсангуна и Кванхэгун в них называются ильги (日記 «подневные записи»), но характер изложения содержания в них идентичен силлок.

Летописи правлений Коджона и Сунджона (1864–1910) под охрану ЮНЕСКО помещены не были. Таким образом, полный текст ЧВС состоит из 30 хроник и охватывает не 472 года (1392–1863), а все 518 лет династии (1392–1910) плюс еще 16 лет – до конца жизни последнего корейского императора (Сунджона) в 1926 г., т.е. 534 года корейской истории.

Первую *силлок* периода Чосон начали писать в 1408 г., сразу после смерти основателя династии Тхэджо. Работа над последней завершилась в 1935 г., т.е. составление полного текста заняло 527 лет.

Во-вторых, ЧВС – самая объемная по содержанию среди исторических книг этого жанра в мире (1893 квона в 888 книгах). По сравнению с ней кажется скудной японская летопись *Нихон сандай дзицуроку* («Истинные записи о трех императорах Японии»), а летопись последней вьетнамской династии Нгуен (南阮朝) *Дай Нам Тхык Лук* – (Đại Nam thực lục – «Истинные записи Дайнама») состоит из 548 *куен* (цзюаней). Китайская летопись *Хуан Мин шилу* («Истинные записи царственной династии Мин») состоит из 2964 цзюаней, но она превосходит ЧВС только количеством томов, по не по объему. ЧВС состоит из 53 млн. иероглифов, а *Хуан Мин шилу* – всего лишь из 16 млн.

В-третьих, ЧВС очень разнообразна по содержанию и фактически является своего рода энциклопедией, не имеющим аналогов ценнейшим историческим письменным памятником, где собраны сведения о политике, обществе, экономике, законодательстве, религии и быте, а также по астрономии, географии, музыке, науке, природным катаклизмам, космическим явлениям, международным

отношениям в Северо-Восточной Азии. Это обширный свод сведений о жизни всех слоев населения Кореи того времени – от вана до крестьянина.

Как указывают корейские историки, китайские летописи жанра «истинные записи» отражали только факты, непосредственно касающиеся государственной политики Китая, и содержащаяся в них информация не составляет и половины того объема сведений, которым «могут похвастаться» ЧВС. Особенностью упомянутых вьетнамских «истинных записей» было то, что, «помимо исторических сведений, в них содержатся собранные отдельно жизнеописания великих людей разных эпох. Однако с точки зрения содержания вьетнамские хроники считаются весьма бедными и поверхностными, поскольку в них описывались главным образом дворцовые политические дела». Японские *дзицуроку* «превосходны как с точки зрения объема, так и содержания, однако в отличие от корейских хроник, их оригинал не сохранился»².

В-четвертых, ЧВС отличается высокой достоверностью и надежностью содержания. Ее составляли чиновники-профессионалы, которым в работе была обеспечена независимость описания и секретность их работы – с момента записи до времени окончательной редакции.

В-пятых, изданная подвижным наборным шрифтом ЧВС является свидетельством высокого уровня и долгой истории книгопечатания в Корее. Первые три хроники в ней – ванов Тхэджо (1392–1398), Чонджона (1398–1400) и Тхэджона (1400–1418) были написаны от руки, изысканной каллиграфией. Со времен Седжона их начали печатать наборным металлическим и деревянным шрифтами, чего не было ни в Китае, ни в Японии и требовало высокого мастерства. В эпоху Корё корейцы первыми в мире изобрели подвижный металлический шрифт. В Чосоне эти традиции были продолжены. Переход к массовому производству наборных шрифтов обеспечил высокий уровень создания летописей.

В основном ЧВС отпечатана наборными деревянными шрифтами, но ее главный текст, хранившийся в Чонджоксанском архиве (на о-ве Канхвадо), и (кроме вышеупомянутых *силлок* трех первых ванов) два варианта хроник Кванхэгунга остались в рукописи.

В-шестых, ЧВС, которая велась до последних дней Чосона, полностью сохранилась в оригинале до наших дней, что является практически беспрецедентным в мире. Когда работа

по составлению «истинных записей» предыдущего правления заканчивалась, их отпечатывали в четырех экземплярах и, во избежание их утраты, направляли на хранение в четыре различных архива, находившиеся в горах.

В-седьмых, ЧВС – ценный источник для изучения истории и международных связей государств Восточной Азии: Японии, Китая, Монголии и др.

Некоторые сведения о сохранившихся в мире летописях типа «истинные записи»

Страна, название	Охватываемый период	Объем в квонах (<i>цзюанях</i>) и книгах-чхэк	Объем в иероглифах
Корея, «Истинные записи династии Чосон» (朝鮮王朝 實錄 <i>Чосон ванджо силлок</i>) – вариант под охраной ЮНЕСКО	472 года (1392–1863), т.е. время правления 25 ванов из 27	1893 квона, 888 чхэк. Состоит из 28 хроник, т.к. <i>силлок</i> Сонджо, Кванхэгун и Хёнджона существуют в двух редакциях	53 млн.
Корея, «Истинные записи династии Чосон» – полный вариант	534 года (1392–1926 – 518 лет династии + 16 лет до кончины последнего монарха Сунджона)	1967 квон, 948 чхэк (27 правителей, 30 хроник)	56,2 млн.
Китай, «Истинные записи царственной династии Мин» (皇明實錄 <i>Хуан Мин шилу</i>)	260 лет, период 13 из 16 императоров (общий период царствования – 276 лет: 1368–1644)	2964 <i>цзюаней</i>	16 млн.
Китай, «Истинные записи великой династии Цин» (大清歷朝實錄 <i>Дацин личао шилу</i>)	296 лет (общий период царствования – 267 лет: 1644–1911)	4404 <i>цзюаня</i>	
Вьетнам, «Истинные записи Дайнама» (大南實錄 <i>Дай Нам Тхык Лук</i>)	148 лет (1778–1925)	548 <i>куен</i>	
Япония, «Истинные записи об императоре Японии Монтоку» (日本文德天皇実録 <i>Нихон Монтоку тенно: дзицуроку</i>)	9 лет (850–858)		
Япония, «Истинные записи о трех императорах Японии» (日本三代實錄 <i>Нихон сандай дзицуроку</i>)	30 лет [период трех императоров: Сэйва (858–876), Ёсэй (876–884) и Коко (884–887)]		

«Универсальная ценность для всего человечества»

«Чосон ванджо силлок – историческая запись, отразившая коренные особенности нашей истории и культуры, их наиболее типичный и лучший продукт. Одновременно ее изучение может внести большой вклад и в изучение всемирной истории. Главным критерием для включения документального памятника в реестр ЮНЕСКО “Память мира” является его “универсальная ценность для всего человечества”, и ЧВС такой ценностью обладает. Она достойна того, чтобы ею гордилось все человечество», – подчеркивает историк Юн Ёнин, автор специальной статьи о ЧВС в сборнике, подготовленном Управлением культурным наследием РК и посвященном памятникам Кореи под охраной ЮНЕСКО. Познакомимся с ее основными положениями.

«Особенности ЧВС как исторического источника. Силлок составлялись на государственном уровне во всех конфуцианских странах: в Корее, Китае, Японии, Вьетнаме, но результаты этого процесса существенно различались в зависимости от того, насколько последовательно составители следовали конфуцианским принципам. Сравним ЧВС с *Хуан Мин шилу*, которая охватывает период правления 13 из 16 минских императоров. В отличие от Чосона у династии Мин, за исключением периода *Ваньли* (1573–1619), на протяжении почти 200 лет не было системы регулярного придворного летописания. Ее отменил основатель династии Чжу Юаньчжан (посмертное имя Тайцзу, 1368–1398), которому не понравились записи, составленные историографами в его правление. Так что *шилу* династии Мин не составлялись на основе повседневных записей. Большое влияние на содержание китайских летописей оказывала и политическая обстановка в стране. Например, «истинные записи (правления)» Тайцзу переписывалась дважды, поскольку составлялась в правление императора Чэнцзу (1402–1424), который узурпировал трон, свергнув императора Хуэйди (1398–1402), племянника Тайцзу.

Таким образом, несмотря на то что *Хуан Мин шилу* – один из основных источников для изучения периода Мин, его содержание следует принимать с определенными оговорками. В Китае, где императорская власть была чрезвычайно сильна, придворные историки не записывали факты, связанные с нарушением императором нравственных норм и долга правителя. Но в Чосоне, где власть монарха была несравнимо слабее, летописи обладали, благодаря этой особенности, политической системы большей последовательностью в следовании конфуцианским идеалам

(*чхунсильсон*), большей достоверностью (*конджонсон*) и объективностью (*кэкквансон*).

Международное значение ЧВС. Одним из важнейших условий для изучения всемирной истории является наличие подробных и длительных по охвату времени источников. ЧВС в полной мере отвечает этим требованиям, ибо представляет собой систематическую запись истории на протяжении 500 лет. Ее значение очень велико для познания истории и культуры государств и народов не только Кореи, но и Китая, Монголии, Маньчжурии, Японии, особенно – их контактов. Китайские материалы превосходят все другие и по объему, и по качеству. Однако надо отметить, что китайские династии не придавали отношениям с соседями большого значения, и их записи по данной тематике непропорционально малы в общем огромном объеме исторических материалов. Многое из того, что не зафиксировано в китайских летописях, можно обнаружить в ЧВС, а в изучении истории китайско-корейских контактов без нее просто невозможно обойтись.

Изучение содержания ЧВС, касающегося контактов Чосона с Северным Китаем и монголами Маньчжурии, чжурчжэнями, королевством Рюкю* и пр., может способствовать преодолению исторической односторонности, поскольку вышеупомянутые народы почти не оставили исторических записей, либо оставили такие, которые основывались на традиционных узких представлениях о верховном господстве китайских императоров.

Не только в Китае, но и на Западе пока господствует заблуждение, что центром этого региона всегда был Китай, в который уходит корнями и вся его культура. Его можно сравнить с основанным на ориентализме** мнением о том, что центром зарождения Нового времени был Запад, откуда оно распространилось на соседние страны. Однако постулат, что исключительно Китай был центром политики и культуры Восточной Азии, не имеет под собой основания. Его сторонники игнорируют наличие и обратного течения в виде культурных и научных влияний из подобных Кореи «окраин» в «центр». ЧВС – один из исторических источников, которые могут способствовать изменению существующих подходов к изучению истории Восточной Азии в период средневековья.

---

* Ныне – о-в Окинава.

** Ориентализм – по определению известного американского ученого Э. Саида, «западный стиль доминирования, реструктурирования и обретения авторитета над Востоком».

Стоит сделать попытку использовать ЧВС и для изучения всемирной истории в целом. В ней заключен большой смысл, о чем свидетельствуют уже нашедшие отклик за рубежом работы профессора исторического факультета Сеульского национального университета Ли Тхэджина, исследовавшего на основе ЧВС период с 1500 г. по 1750 г. и выдвинувшего теорию о «малом ледниковом периоде» (*собинги* 小氷期) во всемирной истории, пик которого пришелся на XVII в. Он показал, что произошедшие в это время встречи Земли с громадными скоплениями метеоритов привели к похолоданию климата, что существенно повлияло и на ход человеческой истории. Возможно, что исследования Ли Тхэджина ведут к созданию нового, отличного от существовавшего доньше, толкования истории. Видимо, не является простым совпадением то, что именно в XVII в. в Китае произошла смена династий, а Корея, Япония, Маньчжурия и многие другие страны и регионы пережили сильные потрясения. Изучение «малого ледникового периода» почти целиком основывается на ЧВС, и вряд ли найдется в мире другой памятник, на основе которого можно было бы провести подобные исследования. В огромных по объему «истинных записях» династий Мин и Цин сведения о небесных светилах и природных явлениях были, в отличие от ЧВС, очень краткими. В условиях чрезвычайно сильной императорской власти по-другому и быть не могло, потому что в соответствии с конфуцианским учением необычные небесные явления и природные катаклизмы толковались как свидетельства «плохого правления»*. Другая причина в том, что в условиях длительной борьбы между Минами и Цинами в XVII в. регулярные астрономические наблюдения вести было крайне затруднительно. Не вели их в то время и в Европе, что было связано с господствовавшими религиозными установками.

---

* Как указывает исследователь *силлок* Син Пёнджу, ЧВС включает очень подробные записи о наводнениях, граде, заморозках, засухе и пр. Только о землетрясениях она упоминает около 1500 раз, и это несмотря на то, что и Корею они являлись, как и в Китае, знаками «плохого правления». Он поясняет это тем, что Корея была аграрной страной и природные явления оказывали очень большое воздействие на ее экономику. Определяли они и политику правительства, ибо в случае повторения катаклизмов, ван требовал от подданных подавать меморандумы с предложениями о способах преодоления их последствий, принимались меры по оказанию помощи пострадавшему населению. В самых серьезных случаях подвергались наказанию чиновники ведомства по наблюдению за природными явлениями.

Одной из областей, где изучение ЧВС могло бы дать особо впечатляющие результаты, является историческая лингвистика восточноазиатских народов. Охватывающая пять веков, эта летопись может дать вдумчивому исследователю много сведений об эволюции корейского языка, этимологии слов, стилях и особенностях в разные периоды *ханмуна*, записанных *иду*** устойчивых словосочетаниях (идиомах), образованных из китайских корнеслов. В изобилии содержит она и иностранные слова, особенно имена собственные и географические названия монголов, киданей, чжурчжэней и пр. У этих народов не было своей письменности***, и они в основном записывали эти понятия иероглифами, исходя в первую очередь из их звучания, а не значения. В ЧВС они записывались в соответствии либо с современным китайским (периодов Юань или Мин), либо корейским (времен Корё и Чосона) произношением иероглифов. Если читать по-корейски записанные в соответствии с китайским звучанием иероглифов монгольские или чжурчжэньские слова, то отличие от исходного слова будет, несомненно, очень большим. А вот записанные с учетом корейского произношения, эти названия весьма близки к исходному варианту, и в этом плане в ЧВС много записанных иероглифической иностранных слов, которых нет в китайских летописях. Можно предположить, что, сравнивая китайское и корейское произношение иероглифов, можно добиться немалых успехов в восстановлении исходного звучания языков северных народов, и ЧВС здесь – один из важных материалов для исследования.

Весь мир наблюдает сегодня за Республикой Корея, изумленный ее выдающимися экономическими достижениями, и на этом фоне в мире постепенно растет и научный интерес к изучению нашей страны, вызванный желанием лучше узнать ее культурные истоки. В этих условиях ЧВС может стать выдающимся посредником между мировым сообществом и корейской историей и культурой. ЧВС – это

** *Иду* 吏讀 – «чиновничье письмо», изобретенное около VIII в. и бывшее в ходу вплоть до конца XIX в. преимущественно в делопроизводстве.

*** На самом деле письменности существовали и у киданей (с 920 г.), и у чжурчжэней (с 1119 г.), и у монголов (с начала XIII в.). Во всех случаях они вводились основателями империй (Ляо, Цзинь и Чингиз-хана) в первую очередь для ведения летописей нового государства. Но автор прав в том, что письменности эти много заимствовали от китайской иероглифики, не соответствовавшей фонологическому строю языков, и потому восстановление их звучания представляет большую сложность.

памятник, который важен не только для нас. Он получил признание как важнейший источник для изучения мировой истории. И это большой успех, достигнутый в процессе глобализации корейской культуры³».

«Историк сказал...»

Юн Ёнин отметил большое значение ЧВС для изучения истории отношений Китая, Кореи, Японии, Окинавы, Монголии, народов Маньчжурии. Я бы добавила сюда «и ранних русско-корейских отношений». В России эту летопись в этом плане никогда не изучали, но в Корее прецедент есть, причем весьма обнадеживающий.

В 1860-х годах в истории российско-корейских отношений начался новый период, который в отечественной историографии называется «временем установления реальных контактов», поскольку именно тогда между двумя странами возникла общая граница, начались торговые отношения и переселение корейцев в российские пределы. В южнокорейской литературе он характеризуется как «период попыток России проникнуть в Корею»⁴, с целью, кроме прочего, «навязывания» торговых отношений⁵. Относительно переселения указывается, что Россия «сманивала» к себе корейских крестьян, предоставляя им различные льготы. Тезис этот встречается в письмах головы города Кёнхына к администрации Южно-Уссурийского края за 1867–1869 гг.⁶. Он вошел и в *Коджон силлок* и до сих пор кочует из одного исторического сочинения зарубежных авторов в другое как доказательство «русской агрессивности». Другие факты о раннем переселении корейцев в Россию до 1990-х годов в Южной Корее почти не рассматривались, настолько непреложным считалось слово летописи. При этом никто не задумывался, что оно (это слово) было выбрано из множества других как наиболее соответствующее идеологии «холодной войны», последствия которой в историографии не преодолены и по сей день.

Но и в годы жесткого противостояния двух мировых систем все же было основанное на корейских хрониках значительное зарубежное исследование, где о «сманивании» не было сказано ни слова. Я имею в виду книгу «Правление Тэвонгуна. 1864–1873. Реставрация в Корее в период династии Ли» (1972)* южнокорейского историка Чо Чинняна (曹直亮, 1927–1966). Она была написана по материалам защищенной им в 1960 г. в Гарвардском университете докторской диссертации. В ней исследователь

* Ching Young Choe. The Rule of the Taewŏn'gun. 1864–1873: Restoration in Yi Korea. Harvard University Press, 1972. 150 p.

впервые уделил серьезное внимание переселению корейцев в российские пределы в 1860-х годах как важной составляющей истории Кореи в период, предшествовавший «открытию» страны. Поскольку доктор Чо Чиннян безвременно скончался в 1966 г., его книга была завершена и опубликована его супругой Мартиной Дойхлер, которая ныне является почетным профессором Лондонского университета и признается крупнейшим знатоком чосонских летописей в Европе. Основываясь на данных корейских *силлок*, их подробном и тщательном изучении, а не фрагментарном цитировании фраз, доктор Чо сделал вывод, что причины, вызвавшие эмиграцию корейцев в Россию, были главным образом экономического характера.

Он показал, что холодный климат, недостаток осадков и ранние заморозки были постоянным бичом сельского хозяйства в северных районах Кореи вдоль р. Туманган, но несмотря на это военная и трудовая повинности и земельные налоги здесь были особенно высоки, а злоупотребления чиновников – хроническими и безнаказанными. В результате многие города и поселки приходили в запустение. «Возникновение границы между Россией и Кореей и русская *охранительная* (курсив мой – Т.С.) политика по отношению к корейским иммигрантам, дали жителям северных корейских земель шанс на лучшую жизнь», – такой вывод сделал Чо Чиннян, основываясь на хрониках правления ванов Ёнджо, Хонджона, Чхольчона и *Пибёнса тыннок*.

Аналогичные выводы делают и российские историки. Они указывают, что, согласно «Правилам для поселения русских и инородцев в Амурской и Приморской областях» (1861), колонистам, желающим переселиться в Приамурский край предоставлялось право выбора свободных участков казенной земли во временное владение или в полную собственность в размере до 100 десятин на семью, они освобождались от подушных податей навсегда, от воинской повинности – на 10 лет и от платы за пользование землей – на 20 лет. Эти крайне выгодные условия и особенно легкость приобретения больших участков земли, место для которых определялось по собственному усмотрению переселенцев, и были, по нашему мнению, главным фактором, привлекавшим корейцев на русскую территорию⁷.

Книга доктора Чо оставалась единственной в своем роде до конца XX века. В том смысле, что она опровергала (хотя автор такой цели специально не ставил) миф о русской враждебности Кореи, причем на материалах летописей. На родине автора в Республике Корея она никогда не была ни переведена, ни опубликована. В последние годы превращение корейских летописей в достояние широких народных масс (*тэджунхва*) привело к появлению в Южной

Корее новых, непредубежденных, исследователей, которые продолжили изучение ранних русско-корейских контактов по многим корейским первоисточникам, в том числе по *силлок*. К ним относился и доктор Ён Капсу⁸. Их работы с привлечением самой авторитетной книги эпохи традиционного общества будут, несомненно, способствовать снятию напряженности, которая продолжает существовать в области историографии между Россией и Кореей.

Сохранившиеся тексты

В колониальный период хранившиеся на о-ве Канхвадо на горе Чонджоксан (1181 книг-*чхэк*) и в горах Тхэбэксан в провинции Кёнсан (848 *чхэк*) экземпляры ЧВС были перемещены в Кёнсонский императорский университет (ныне – Сеульский национальный университет, или СНУ). Там, в бывшей королевской библиотеке Кюджангак, они оба находились до 1985 г., после чего тхэбэксанский экземпляр был перенесен в пусанское отделение Государственного архива (*Кукка кирогвон*), где находится и по сей день.

- 1) Хранящийся в Кюджангаке экземпляр *Чосон ванджо силлок* (из главного архива *силлок* в Чонджоксане) является «национальным сокровищем» (*кукпо*) № 151–1. Он рукописный и самый ценный, так как именно он единственный сохранился во время Имджинской войны и с него в XVII в. были сделаны копии *силлок* ванов раннего Чосона. Состоит из 1707 *квонов* в 1187 книгах. В нем отсутствуют 11-й том (*квон*) «Хроник Мунджона (1450–1452)» (*Мунджон силлок*) и *квоны* 70, 71, 80, 132 и 133 «Хроник Сонджона (1469–1494)». Формат: 55×30 см.
- 2) Хранящийся в пусанском отделении Государственного архива тхэбэксанский экземпляр – наиболее полный. В нем отсутствует только 11-й *квон* *Мунджон силлок*. Состоит из 1707 *квонов* в 848 *чхэк*. Это «национальное сокровище» № 151–2. Формат: 43×32 см.
- 3) Экземпляр из архива в Одэсане (787 книг) в 1913 г. был перенесен в Токийский императорский университет, но был утрачен в результате землетрясения 1923 г. От него сохранились 74 книги, из которых 27 книг-*чхэк** вернулись в Корею в 1932 г. и сейчас хранятся в Кюджангаке («национальное сокровище» № 151–3). Остальные 47 *чхэк*** были возвращены

* 20 книг – хроники Чунджона (1506–1544), 7 – хроники Сонджо (1567–1608).

** 9 книг – хроники Сонджона, 30 – хроники Чунджона и 8 – хроники Сонджо.

в РК летом 2006 г. благодаря широкому народному движению, в котором особенно активное участие приняли буддийские монахи.

- 4) «Национальным сокровищем» № 151–4 является 21 книга (*чхэк*) ЧВС, которые в 1972 г. были составлены из разрозненных страниц летописи (общим числом 558) неясного происхождения, относящихся ко временам Чонджона – Кванхэгуна (1398–1623). Хранятся в Кюджангаке.

Таким образом, в РК хранятся четыре экземпляра летописи, полностью или частично, – всего 2124 *чхэк*. Еще один экземпляр ЧВС – из Чоксансанского архива – несколько десятилетий хранился в Чансогаке (藏書閣) – созданной в 1911 г. личной библиотеке бывших монархов Чосона в Сеуле, а во время Корейской войны, когда летом 1950 г. северокорейская армия ненадолго вошла в город, был захвачен ею в качестве военного трофея и сейчас хранится в Госархиве и Центральном историческом музее КНДР. Он состоит из 1707 разделов (*квон*) и 1187 книг (*чхэк*).

Издания Чосон ванджо силлок

Историческая ценность ЧВС столь велика, что начиная с 1927 г. она неоднократно переиздавалась – как в Корее, так и в Японии, несмотря на гигантские размеры. Перечислим издания:

- 1929–1932 гг. – первое (фототипическое) издание в 30 экз. под названием *Лиджо силлок* было подготовлено в Кёнсонском императорском университете на основе экземпляра, хранившегося в Тхэбэксане (и частично – в Чонджоксане). 22 экземпляра было отправлено в Японию, 8 – остались в Корее.
- 1951–1955 гг. – вышеуказанное издание переиздано (с уменьшением размеров листа) в 50 томах в Токио университетом Гакусюин, который до 1945 г. был учебным заведением для отпрысков императорской семьи.
- 1955–1958 гг. – факсимильное издание размером 1/8 оригинала (тхэбэксанский экземпляр) издано КСНИ в Сеуле. Состояло из 48 томов и имело вид собрания сочинений европейского типа. Было направлено в ведущие библиотеки в стране и за рубежом. В 1963 г.к нему были изданы индексы (*Чосон ванджо силлок чхон сэгин* 朝鮮王朝實錄總索引) в одном томе.
- 1968–1993 гг. – «предварительный перевод» летописи на современный корейский язык и ее издание в 413 томах в Республике Корея. Перевод был начат Обществом по увековечению памяти о Седжоне Великом***.

*** *Седжон тэван кинём саопхве*, образовано в 1957 г.

С 1972 г. к этой работе подключилось Общество по развитию национальной культуры*. На осуществление проекта потребовалось 25 лет. Над ним трудились в общей сложности около 2500 человек. Его бюджет составил 5 млрд. 200 млн. вон (свыше 6 млн. долларов). В РК очень высоко оценивают символическое значение этого перевода, поскольку оно облегчило труд исследователей и «способствовало возрождению исторического сознания» в народе. Вместе с тем признано, что в реальности это был рассчитанный только на специалистов и очень трудный для чтения обычным человеком текст, в котором исторические понятия записывались без каких-либо комментариев, иероглифами, с добавлением к ним корейских суффиксов *тхю*, облегчающих чтение китайских текстов. Именно этим и вызвано принятое южнокорейским правительством в 2007 г. решение подготовить новый перевод ЧВС.

- ок. 1970–1991 гг. – перевод летописи на современный корейский язык Институтом по изучению классики (*Коджон ёнгусо*) при Академии общественных наук КНДР и его публикация (401 том). Эта редакция включала в себя хроники правления всех ванов Чосона начиная с основателя династии Тхэджо и до Сунджона.

Перевод написанной на ханмуне ЧВС на современный корейский язык как в Северной, так и в Южной Корее – выдающееся достижение, сделавшее этот памятник впервые в истории широко доступным. Работа над переводом была крайне сложной и длительной, особенно потому что в тексте летописи содержатся специальные и нередко уже давно вышедшие из употребления и забытые исторические понятия из разных областей человеческой деятельности. Наличие двух вариантов перевода дает основание предположить, что после объединения Кореи начнется новый этап в работе над этой летописью – создание единого варианта перевода.

Летописи правлений отдельных ванов (*пунлю чип* 分類集) издавались за последние полвека и в КНДР, и в РК. Первый из них, посвященный правлениям с Тхэджо до Седжо (1392–1468) в двух томах, был опубликован Академией общественных наук КНДР в 1960 г. В 1987–1994 гг. аналогичное издание в 12 томах, которое охватывало 1392–

---

* *Минджок мунхва чхуджинхва*, образовано в 1965 г. при содействии Министерства культуры и образования, в 2007 г. переименовано в *Хангук коджон понёгвон* – Институт перевода корейской классики.

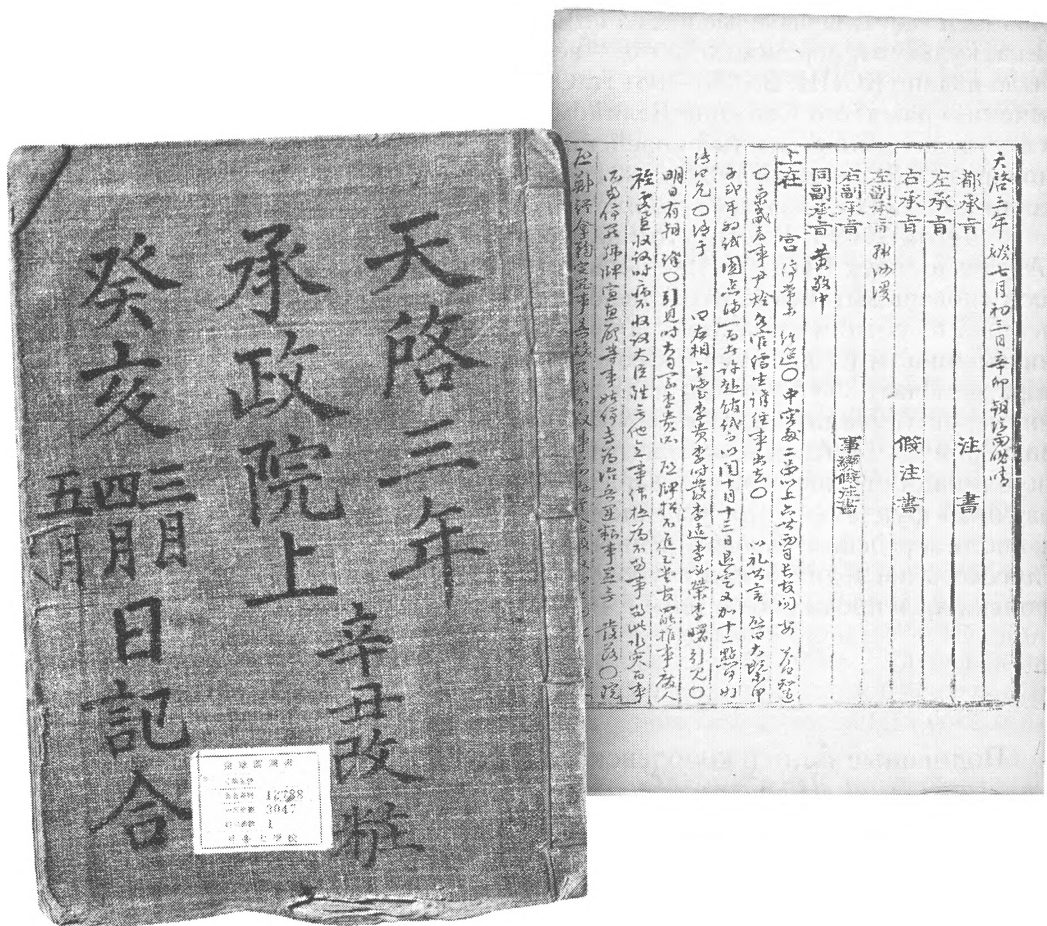
1494 гг. и где ЧВС была расписана по ванам и темам (политика, культура, церемонии, и пр. – всего 11 434 ссылки), было издано КСНИ. В 1976–1981 гг. Обществом по увековечению памяти о Седжоне Великом в РК была издана в переводе на современный корейский язык *силлок* этого монарха (136 *квонов*). В 1988–1990 гг. КСНИ опубликовал хроники Кванхэгуна в трех томах.

Летом 2009 г. Институтом национальной классики (Академия наук КНДР) в Пхеньяне был выпущен «Большой словарь китайских иероглифов» в 10 томах, составленный по сотням старинных документов и памятников письменности на ханмуне, включая *Лиджо силлок*. Словарь включает 308 500 словарных статей и более 600 тыс. примеров (цитаций, иллюстративного материала). Как подчеркнуло Центральное телеграфное агентство КНДР, «публикация гигантского словаря закладывает прочный научный фундамент для успешной систематизации созданного корейским народом ценного национального классического наследия и для глубокого изучения истории, фольклора и прочих областей»⁹.

Подневные записи королевского секретариата (*Сынджонвон ильги*)

*Ценнейший источник для изучения монархии
на Дальнем Востоке*

В сентябре 2001 г. в реестр «Память мира» ЮНЕСКО был включен еще один памятник летописного наследия Чосона – «Подневные записи королевского секретариата» (*Сынджонвон ильги*, далее СИ). Решение об этом было принято на состоявшейся в Чхонджу (пров. Сев. Чхунчхон) Пятой встрече специального Международного консультативного комитета ЮНЕСКО, где его члены решали главный вопрос: «Зачем помещать под охрану ООН *Сынджонвон ильги*, если в нем уже значатся летописи-*силлок* династии Чосон?». «Видимо, – пишет исследователь из королевской библиотеки Кюджангак Син Пёнджу, – этот вопрос возник потому, что другие страны, у которых нет нормальных государственных письменных памятников (*чедэро твен кукка кирок муль*), не представляли себе, что официальные записи могут систематически составляться в разных государственных учреждениях. То, что мировым письменным наследием были признаны две корейских официальных летописи, свидетельствует о том, насколько

Обложка и страница
текста одной книги СИ.
Из коллекции
Кюджангака

выдающейся была письменная культура Чосона. В ее основе лежит неизменное стремление фиксировать все на бумаге, «последовательный письменный дух» (*чхольджохан кирок чонсин*). Именно он стал главным фактором, способствовавшим рождению СИ – самого грандиозного по объему письменного памятника в мире»¹⁰.

До наших дней дошли 3243 дневника королевского секретариата охватывающие 288 лет династии: с 12 марта 1623 г. (1-го года 16-го вана Инджо) до 29 августа 1910 г. (4-го года 27-го монарха – Сунджона). Дневники более раннего времени погибли во время Имджинской войны (1592–1598) и в дворцовом пожаре во время бунта Ли Квалы в 1624 г. Если бы они сохранились, то объем СИ составил бы более 6400 чхэк. Но и в нынешнем виде их размеры огромны: 242,5 млн. иероглифов, 382 487 листов средним размером 40 x 28 см, 3243 книг-чхэк. Для сравнения: ЧВС содержит 53 млн. иероглифов в 888 книгах, *Эр ши у ши*

(二十五史 «25 династийных историй» Китая)* – 40 млн. иероглифов в 3386 *цзюанях*.

Но не выдающийся размер является главным достоинством СИ. Комитет ЮНЕСКО признал его памятником письменности мирового значения как «прекрасно сохранившийся и один из самых длительных по времени составления (288 лет) образец средневекового дальневосточного летописания жанра “подневных записей”». Вот что говорится о значении этого памятника на сайте Управления культурным наследием РК:

«СИ – самый подробный письменный памятник, раскрывающий все секреты династии Чосон. Наряду с ЧВС, *Ильсоннок* и *Пибёнса тыннок* он является гордостью нашей культуры и истории. Поскольку «Истинные записи династии Чосон» составляли в первую очередь именно на его основе, то как исторический источник он имеет большую значимость, чем *силлок*, которые, к тому же, в процессе составления многократно редактировались. Существующие в единственном экземпляре СИ зарегистрированы как «национальное сокровище» РК (№ 303, 9 апреля 1999 г.) и внесены ЮНЕСКО в реестр памятников мирового письменного наследия, имеющих общечеловеческое значение (сентябрь 2001 г.).

СИ – ценнейший источник для изучения монархии, причем не только в Корее, но и во всех странах Дальнего Востока. Из него можно почерпнуть подробнейшие сведения о системе управления, методах принятия решений, идеологии, политике, внешних контактах, армии и т.д. Они содержат документы по всем отраслям государственного делопроизводства: доклады вану о делах по шести министерствам (*кепхум* 啓稟), приказы о поощрениях и наказаниях (*чонджи* 傳旨), освобождении чиновников от должности и отпусках (*чонса* 政事), доклады на высочайшее имя (*сансо* 上疏), указы (*соню* 宣諭), материалы расследований в связи с должностными нарушениями (*чхончху* 請推) и пр. «Дневники королевского секретариата» содержат наибольшее число исторических записей о династии Чосон за все ее пятисотлетнее царствование. Фиксируются как важнейшие события, так и повседневная рутина двора: рабочий распорядок и личная жизнь ванов, расписания лекций по конфуцианской классике и присутственных дней чиновников (с отметками, кто, когда и где реально присутствовал), ученые дискуссии, совещания, административные акты, события во внутренних (женских) покоях дворцов и соответствующие распоряжения и пр.

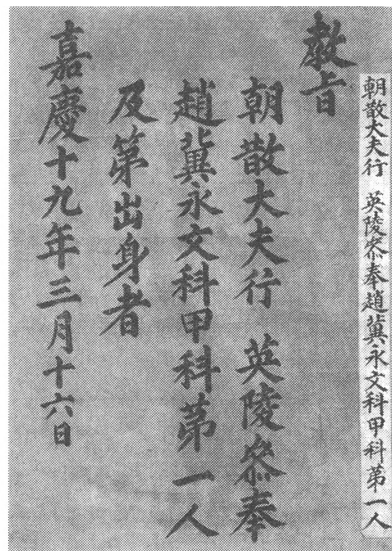
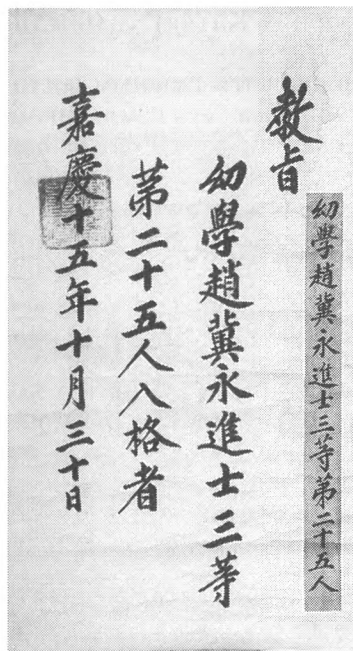
---

* Охватывает двухтысячелетний период истории Китая со времен *Шицзи* Сыма Цяня.

«Белый сертификат» (пэкпхэ 白牌), 1810 г. Выдавался от имени вана успешно сдавшим в столице экзамены первой ступени (сокквэ), которые были двух видов: на знание конфуцианской классики и по классу словесности. Победителям в первом виде экзаменов присваивалась ученая степень сэнвон («учащийся»), во втором – степень чинса («продвинутый муж»; иногда переводится как «доктор словесности»). Выслужив определенный период или пройдя курс обучения (обычно трехсотдневный) в Государственном университете Сонгюнгван, сэнвоны и чинса могли сдавать экзамен второй, «большой», ступени (тэкквэ).

Из коллекции
Государственного
центрального музея.
Размер 86,0 x 49,0 см.

«Красный сертификат» (хонпхэ 紅牌), 1814 г. Выдавался победителям последнего (третьего) тура «экзамена большой ступени», который проводился в присутствии государя

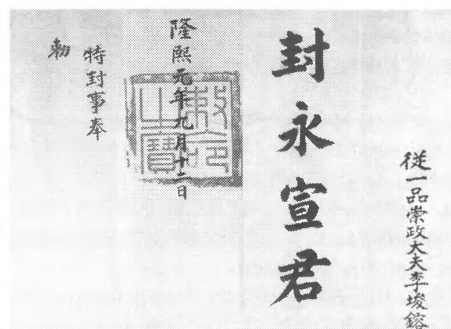
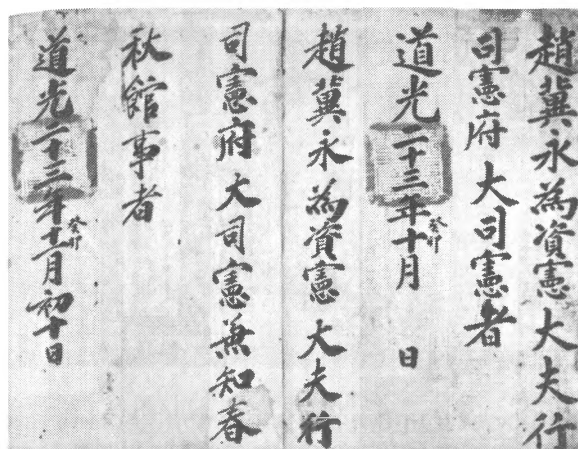
СИ – литературный памятник, который составлялся на протяжении нескольких веков. Признана его ценность для изучения эволюции корейского языка и ханмуна, в том числе тех больших перемен, которые стали происходить в языке после 1876 г., т.е. в период открытия портов, когда Корея стала испытывать все возрастающее влияние Японии и Запада.

СИ имеют естественнонаучное значение. Они содержат данные ежедневных метрологических наблюдений за 288 лет; это одни из старейших записей такого рода в мире. Если в ЧВС даты записаны только в соответствии с 60-ричным годовым циклом (канча), то в СИ используется, как канча, так и китайский солнечный календарь, что создает возможность их сравнения, облегчает и уточняет перевод дат на современное летоисчисление. (научная и статистическая ценность).

СИ являются ценным источником по истории религии, в частности, католицизма. По ним можно проследить, как он проникал в Корею и какова была реакция на него конфуцианского общества.

Дневники СИ, составленные после реформ 1894 г., показывают, как усиливалось проникновение Японии во внутренние дела, как постепенно ограничивалась власть монарха, что делает их источником первостепенной важности для изучения истории Нового времени.

О государственном секретариате

Согласно словарям, секретариат – это «отдел учреждения, организации, выполняющий работу организационно-исполнительного характера». Секретариаты были и есть у всех глав государства во все времена и всегда являются их «правой рукой». Не составлял исключение и Чосон, где государев секретариат под названием *Чхунчхувон* (в продолжение традиций Корё) был важнейшим придворным учреждением уже во времена вана-основателя Тхэджо. Первые годы династии ознаменовались реформами и переименованиями во всех областях. В 1400 г. сменил название и королевский секретариат, который отныне стал именоваться *Сынджонвон*. Ему был присвоен статус учреждения полного третьего разряда (*чёнъ Зпхум аmun* 正三品衙門), а главной его функцией определено, согласно кодексу законов Чосонской династии (*Кёнгук тэджон*, 1474), «доведение до слуха подданных высочайших приказов и эдиктов». Не случайно одним из его неофициальных названий было *хувон* (喉院), где *ху* означает «горло» (т.е. «горло монарха, передающее без изменений его повеления»).

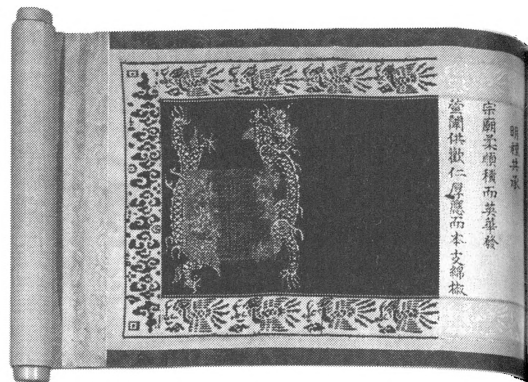
На деле обязанности королевского секретариата были значительно шире. Его секретари-*сынджи* 承旨 (всего шестеро) составляли деловое расписание монарха и аналитические записки к совещаниям и для принятия решений по самому широкому спектру вопросов (от образования до обороны), а также осуществляли подготовительную и организационную работу, связанную с участием вана в государственных мероприятиях: церемониях в Храме предков Чонмё, экзаменах-*квэго*, приеме иностранных посланников, официальных банкетах, поездках по стране и пр., вызывали на прием чиновников. Секретари специализировались согласно профилю министерств:

Королевский указ-*кёджи*, выданный чиновнику Чо Киёну в связи с его назначением на должность в государственный цензорат Сахонбу. Занимая различные должности, чиновники регулярно получали от вана подобные документы. У некоторых их число доходило до 100. Потомки Чо Киёна собрали из них целую книгу. Из коллекции Государственного центрального музея. Размер 56,0 x 73,0 см.

Приказ (*чхинмён* 勅命) императора Сунджона о присвоении его племяннику Ли Чунёну почетного титула Ёнсонгун

Хёнпхан –
титульная доска,
которой был награжден
королевский секретарь
Мин Ёнхван
в день
первого полнолуния
22-го года правления
Коджона (1885),
по случаю присвоения
ему ванаом *хо* –
литературного
псевдонима «Кеджон»
(«Коричный сад»).

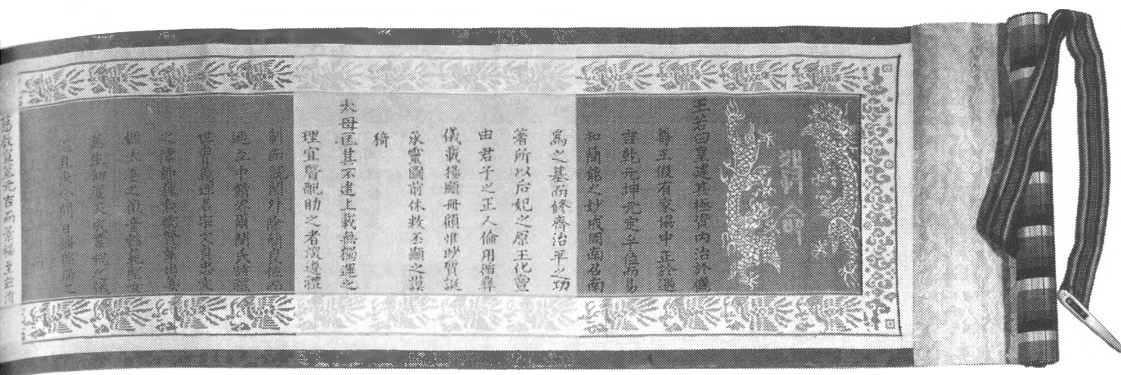
Размер 60,5×28,6 см.
Из коллекции музея
Университета Корё

секретарь по вопросам о присвоении чинов (он был старшим), секретарь по делам церемоний, армии, финансов, наказаний, общественных работ. Большинство учреждений и чиновников, кроме высших, должны были обращаться к вану только через *Сынджонвон*. Через его сотрудников на рассмотрение государя передавались документы, доклады и меморандумы. Проходившая через секретариат документация представляла собой полное собрание материалов о деятельности вана по управлению государством.

Некоторые функции его сотрудников выходили за пределы чисто секретарских. В частности, они отвечали за безопасность дворца – хранили ключи от его ворот и выдавали пропуски на вход и выход. Секретари по совместительству занимали должности в Управлении, занимавшемся чтением лекций вану по конфуцианской классике, т.е. являлись экспертами, так сказать, «по идеологической части». Еще два сотрудника – *чусо* (注書) – были фактически историки-*сагваны* и одновременно значились по Историческому управлению *Чхунчхугван* и принимали участие в составлении *силлок*. По степени влияния *Сынджонвон* уступал только Госсовету *Ыйджонбу* и шести министерствам. И хотя ранги его сотрудников были невысоки (*сынджи* – полного 3-го ранга, *чусо* – полного 7-го), это была хорошая «стартовая площадка» для карьерного продвижения. Многие из них впоследствии поднимались до министров. И это неудивительно, ведь им как наиболее приближенным к своей особе чиновникам покровительствовал сам государь.

Главной задачей секретариата было составление дневников. За эту работу отвечали все его сотрудники, но непосредственно их писали *чусо*. Каждый готовый дневник они подавали на утверждение вану, причем было строжайше запрещено показывать его до этого кому бы то ни было. До времен Кёнджона (1720–1724) размер одного

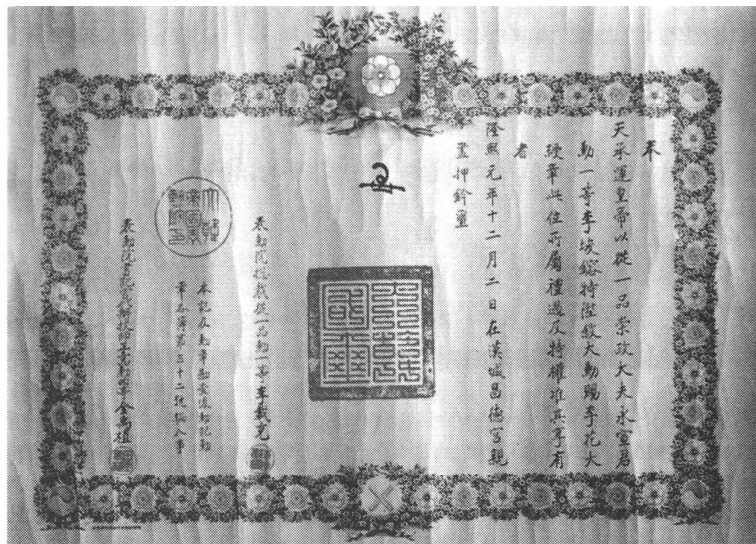
дневника не был строго определен, и бывало, что он охватывал период от двух до пяти месяцев. С правления Ёнджо (1724–1776) составление дневника стало помесечным. Объём – от 70 до 200 листов (в среднем – 125). Иногда составлялось по два дневника за месяц и даже больше. Все записи были подписаны реальными именами (*сильмён* 實名) секретарей и писцов, которые несли персональную ответственность за содержание и одновременно как очевидцы выступали гарантами его достоверности. Дневники хранились в здании секретариата, которое всегда находилось рядом с тронным залом главного дворца, и это было еще одним показателем особой близости *Сынджонвона* к монарху и его роли в политической жизни государства. В раннем Чосоне главным дворцом был Кёнбоккун, а с XVII в. – Чхандоккун, причем в последнем здании секретариата было уже не одно, а два – чтобы ускорить прохождение документов.

Записи свидетельствуют, что впервые СИ были использованы как справочник при составлении *силлок*, т.е. самого главного государственного документа страны, в правление 5-го вана династии Мунджона (1450–1452). К ним обращались регулярно и по другим вопросам, например, когда возникала необходимость уменьшить налоги из-за эпидемии чумы или в связи с ритуалами в Чонмё. Были случаи, когда степень наказания за государственные преступления также определялась на основе прецедента, зафиксированного в СИ.

Составление дневников продолжалось 507 лет – вплоть до 1907 г., когда секретариат был упразднен. Их содержание охватывает эпохи зрелого и позднего средневековья и значительной части Нового времени: с открытия страны в 1876 г. и до аннексии 1910 г. С началом инициированных японцами реформ года *кабо* в июне 1894 г. влияние королевского секретариата стало уменьшаться – по мере того, как ослабевала династия. Он был переименован

Кёмён (敎命) – письменное наставление Коджона (1866) своей супруге по случаю возведения ее в королевы. Текст в 34 столбца написан на пятицветном шелке и завершается изображением двух драконов с оттиском государственной печати. Размер 37,5×289 см. Одновременно с *кёмён* королева получала «нефритовую книгу» и золотую печать. Аналогичные наставления хотя и не столь роскошного вида, а также «бамбуковую книгу» и нефритовую печать получали наследник, его супруга, их сын и его супруга при возведении их в таковой статус.

Наградное
свидетельство
с оттиском печати
и подписью
Сунджона

Выгравированный на медной доске указ-кёджи Сунджона (1910) о присвоении жене старшего сына Тэвонгуна (т.е. его тетке) почетного титула «королева (*ванби*) Хынчхин (興親王妃)». Во времена империи титул *ванби* могли носить жены не только государя, но и высших аристократов из числа его родни

в *Сынсонвон*, и его записи стали называться *Сынсонвон ильги* (承宣院日記). Затем его название изменялось еще несколько раз. Однако способ составления и содержание дневников оставались прежними. Если видеть только текст, без заголовка, различить записи *Сунджонвона* и, скажем, *Сынсонвона*, невозможно, поэтому все составленные королевским секретариатом материалы сегодня объединены под общим названием *Сунджонвон ильги*.

О том большом значении, которое придавалось дневникам королевского секретариата, свидетельствует история их неоднократного кропотливого восстановления. Они неоднократно гибли в дворцовых пожарах и после 1624 г.

В частности, в 1744 г. (20-й год Ёнджо) сгорели 1796 дневников за 130 лет. В 1746 г. Ёнджо отдал приказ о постройке здания временного ведомства (*ильгичхон* 日記廳) для работы над их восстановлением, а спустя еще год *сагваны* представили ему на рассмотрение 548 дневников, составленных взамен утраченных. По количеству это было в три раза меньше, чем сгорело, но в целом содержание сохранилось, за что ручался подписавшийся под ним коллектив авторов – придворных историков и редакторов. Аналогичное произошло при Коджоне. При пожаре 1888 г. погиб 361 дневник королевского секретариата, на следующий год государь отдал приказ о постройке *ильгичхон*, и еще через год утраченное было полностью восстановлено.

*Различие между Сынджонвон ильги
и Чосон ванджо силлок*

Как первоисточнику, на основании которого составлялись силлок, дневникам королевского секретариата придается особое значение. СИ значительно более детальны и потому почти в пять раз больше по объему, чем «истинные записи». Их писали ежедневно, они включают стенограммы практически всех событий, в которых принимал участие глава государства, а также полные тексты любых докладов на высочайшее имя как из столицы, так из провинции, и потому дают представление о малейших нюансах политических изменений в стране: подневно, ежемесячно, погодно, по правлениям и т.д. Это подробнейшая биография любого чосонского монарха, которая содержит детальные сведения о его здоровье и психологическом состоянии, методах и лекарствах, которыми его лечили, блюдах, которыми его кормили, о событиях в семье, его окружении, одежде и пр. Точно указаны даты, время и места, где он исполнял свои государственные обязанности, описаны маршруты, повозки, сопровождение и прочий антураж, сопутствующие события. Почти дословны изложения бесед вана с разными людьми. От пристального взгляда секретарей не ускользают даже выражение его лица и настроение. Эти действительно «Дневники королей», как иногда корейцы переводят на английский язык название *Сынджонвон ильги*, только написанные не ими самими, а их секретарями под их наблюдением.

Чтобы наглядно представить разницу в том, как составлялись ЧВС и СИ, корейские историки приводят такой пример. В *Коджон силлок* в записи от 3-го дня 3-го лунного месяца 3-го года Коджона (1866) кратко упоминается о том, что ван присутствовал на экзаменах по конфуцианской классике в павильоне Чхундандэ в Чхандоккуне. В дневниках секретариата запись на эту тему во много раз обширнее. Указывается, в какой одежде, когда и какой дорогой шествовал государь к этому месту, перечисляются встречавшие его сановники и весь ход экзамена: от выбора фрагмента из классики, который участникам предстояло прокомментировать, и выдачи экзаменационных бланков до процедуры обсуждения результатов и отбора лучших, описывается церемония их награждения и сами награды. Включено подробное изложение бесед вана с сановниками, в то время как кандидаты писали свои сочинения.

Или другой пример. Одним из широко известных эпизодов средневековой корейской истории является женитьба в 1759 г. 66-летнего Ёнджо на 15-летней девушке из клана Ким из Кёнджу, которая стала его второй главной женой (*кеби*), а после своей смерти вошла в историю под

именем королевы Чонсун (貞純王后, 1745–1805). В *Ёнджо силлок* об этом бракосочетании написано: «В 9-й день 6-го месяца 35-го года Ёнджо состоялись третьи смотрины (*сам кантхэк* 三揀擇), во время которых была выбрана дочь Ким Хангу. Временем бракосочетания был назначен “час быка” 22-го дня 6-го месяца, а отец невесты был пожалован почетным титулом “Пувонгун охинский”^{***} и должностью 3-го полного ранга в *Толлёнбу*»^{***}.

В СИ все представлено намного подробнее. В записях за 2-й день 6-го месяца 35-го года Ёнджо подробно описываются состоявшиеся в этот день вторые смотрины, на которых были отобраны шесть претенденток, а в записях за 9-й день того же месяца – процесс обсуждения окончательной кандидатуры с высшими сановниками, чьи выступления приводятся в подробностях. Из записей явствует, что министр ритуалов, например, настаивал на необходимости особо тщательно выбрать благоприятный день, когда ван по древней традиции отправится в отдельный дворец – *нёлъгун*, где будет жить в ожидании бракосочетания невеста, и пр. Это шествие за невестой и встреча с ней в «доме родителей»^{****} называлось *чхинён* 親迎 и было кульминацией свадебной церемонии. О нем в *силлок* говорится кратко: «Государь покинул дворец Оыйгун»^{*****} и совершил церемонию *чхинён*. Но в СИ рассказывается об участвовавших в шествии чиновниках (с указанием должностей, рангов и позиции в процессии), о разговоре, состоявшемся у вана с некоторыми из них по прибытии, о беседе в тот день вана с личным врачом и т.д. и т.п. Это позволяет восстановить события того дня в малейших деталях.

^{*} Вплоть до конца XIX в. сутки в Корее делились на 12 «часов», называвшихся именами мифологических животных – знаков восточного зодиака. Сутки начинались в 11 часов ночи с «часа крысы» (23-01 часа). За ним следовали «час быка» (с часу до трех ночи), «час тигра» (с трех до пяти утра) и т.д.

^{**} Пувонгун 府院君 – почетный титул первого разряда, который обычно присваивался тестю государя, а Охин 鰲興 – название местности, из которой он происходил. Обычно королеву выбирали из дочерей людей благородного происхождения, но не занимающих высоких должностей, чтобы исключить их вмешательство в дела правления.

^{***} Толлёнбу 敦寧府 – церемониальное придворное учреждение, где числились близкие родственники королевской семьи.

^{****} В этом была особенность королевской брачной церемонии. В обычных семьях жених действительно приходил за невестой в дом родителей.

^{*****} Дворец Оыйгун 於義宮 – личная резиденция ванов в нескольких сотнях метрах от Чхандоккуна (округ Хёджедон близ центральной улицы Сеула Чонно). До наших дней не сохранился.

Но не всё, что происходило во дворце, секретариат описывал столь подробно. О том, что к вану непосредственного отношения не имело, «королевские дневники» повествуют гораздо лаконичнее, чем *силлок*. Например, *Сунджо силлок* в записи от 11-го дня 3-го месяца 17-го года правления (1817) очень подробно описывают церемонию, знаменовавшую начало школьных занятий наследного принца (*седжа*) Хёмёна (孝明世子, 1809–1830). В СИ о ней лишь упомянуто. Более подробна в ЧВС и информация, скажем, о стихийных бедствиях или происшествиях на местах, поскольку эта летопись составлялась по документам различных ведомств, в том числе и провинциальных. Кроме того, в *силлок*, в отличие от СИ, помещался и комментарий *сагвана*. По этой причине корейские историки считают, что СИ были более объективны, чем *силлок*. По их мнению, ЧВС и СИ взаимно дополняют друг друга, и рассмотренные вместе, представляют собой гораздо более содержательный исторический источник, чем по отдельности.

«Королевские дневники» – в народ!

Сынджонвон *ильги* существуют в единственном экземпляре, который хранится в Кюджангаке при СНУ и не выдается никому для обеспечения сохранности. Поскольку текст летописи – это записанные от руки черновые записи, их чтение в подлиннике представляет собой огромные трудности. В 1961–1977 гг. КСНИ осуществил дешифровку текста (*тхальчхо* 頃處), что сделало его доступным для владеющей иероглификой заинтересованной аудитории. Чтобы стало ясно, что именно это была за работа, приведу пояснения доктора Ён Капсу.

Существует несколько способов написания иероглифов. По сложности и подробности их можно разделить на *чонсо* (篆書) – иероглифическая вязь, *йесо* (隸書) – деловое письмо, *хэсо* (楷書) – обычный (уставный) почерк, *чхосо* (草書) – скоропись. *Чонсо* – самый древний шрифт. Он, в свою очередь, бывает двух видов: «сложная вязь» (大篆 *тэджон*; кит. *дачжуань*) и несколько упрощенный *соджон* (小篆, кит. *сяочжуань*).

Самые ранние иероглифы были пиктограммами, т.е. картинками. И как картины, они отличались сложностью и красотой. По приказу первого китайского императора Цинь Ши-хуанди (秦始皇帝 221–210 г. до н.э.) письменность была упрощена и унифицирована. Так появился иероглифический стиль *сяочжуань*. Написание иероглифов, которое существовало до этого, т.е. неупрощенное, стали называть «сложная вязь». Но сделанное в III в. до н.э. «упрощение» было относительное. Иероглифы по-прежнему оставались крайне сложными

и художественными, поэтому выполненные старинными почерками иероглифы часто используются в восточной живописи и печатях.

В дальнейшем упрощение написания иероглифов производилось регулярно. По убыванию степени сложности их можно расположить так: *чонсо* – *йесо* – *хэсо*. Сегодня более всего распространены иероглифы, выполненные почерком *хэсо* – обычным уставным почерком. Записанный быстро *хэсо* называется *хэнсо* (行書) – полускоропись – или *чхосо* – скоропись. *Чхосо* – это очень сокращенные знаки, именно их использовали в Синджонвоне, когда стенографировали речи вана и пр. При этом иероглифы настолько трансформировались, что читать их могли лишь единицы – те, кто прошел специальную подготовку. Чтобы их прочел обычный образованный человек, их надо перевести в *хэсо* – обычный уставный почерк. Именно этот процесс перевода из скорописи в устав называется *тахльчхо*, что можно условно перевести как «дешифровка».

В 1960-х годах в провинции еще были живы люди, которые с детства изучали иероглифику в местных школах. Именно их и пригласил КСНИ для этой работы. Поскольку в Корее число владеющих иероглификой людей постепенно сокращается, то сегодня расшифровать дневники дворцовой канцелярии было бы много труднее».

Потребовалось 18 лет, чтобы перевести текст *Синджонвон ильги* со скорописи на уставное письмо. Параллельно шла подготовка к изданию памятника фототипическим способом. Он полностью был опубликован в 1961–1977 гг. в 141 томе, примерно по тысяче страниц в каждом. Издание состояло из двух частей: 126 книг (*чхэк*) периода правления Инджо – Чхольчона (1623–1863) и 15 книг периода Коджона – Сунджона (1864–1910). Они вместили все 3243 *чхэк* первоисточника. Издание облегчило доступ к содержащейся в СИ информации, но число изучающих его исследователей и поныне остается незначительным.

В 1990-х годах начался новый этап работы над памятником. К его переводу на современный корейский язык приступило уже упоминавшееся выше Общество по развитию национальной культуры. КСНИ занялся его оцифровкой и к 2000 г. выпустил на CD-ROM семь томов (1 млн. иероглифов) из 141-томного фототипического издания 1961–1977 гг. С 2001 г., когда ЮНЕСКО признало мировое значение *Синджонвон ильги*, началось осуществление гигантского проекта, рассчитанного до 2010 г. и призванного способствовать глобализации корейской культуры, – полное размещение изданных фототипическим способом текстов СИ в интернете. В 2003 г. пользователям стала доступна (www.koreanhistory.or.kr) первая часть памятника (1–28 книги-*чхэк* из 141): с 1-го года

Инджо (1623) до 46-го (последнего) года Сукчона (1720). В работе приняла участие и Академия корееведения, которая сканировала и поместила в интернете тексты СИ за период со 2-го года [правления] Чхольчона (1851) до 4-го года Сунджона (1910).

«Можно сказать, что по-настоящему мы приступили к изучению СИ только сегодня, – пишет хранитель чосонских летописей в Кюджангаке Син Пёнджу. – Этот памятник получил мировое признание, и по мере того как страница за страницей будет раскрываться перед нами его содержание, мы будем все лучше и полнее узнавать и историю позднего Чосона, которая была славным временем культурного подъема, с одной стороны, и болезненного перехода к модернизации в условиях иностранной агрессии – с другой. Все яснее будут обрисовываться перед нами и люди той эпохи: и ваны, и их чиновники, и весь народ. СИ воплощают выдающееся письменное наследие наших предков. Они дают нам возможность увидеть прошлое – как оно было в реальности, почувствовать его живое дыхание – и одновременно выполняют роль “зеркала современности”. В нашем письменном наследии кроется великая мудрость и большой потенциал. Оно станет прочной опорой в деле превращения Кореи в передовое культурное великое государство образца XXI в.»¹¹.

Другие королевские дневники

Среди чосонских династийных хроник есть еще одна, которую как и *Сынджонвон ильги*, именуют «королевскими дневники». Это *Ильсоннок* (日省錄) – букв. «Записи каждодневных наблюдений». Начало им положили детские дневники будущего вана Чонджо. Он начал их писать в восьмилетнем возрасте (1760), и это были его письма к деду – правящему вану Ёнджо, в которых мальчик в основном справлялся о его здоровье и высказывал благопожелания. Характер полноценной летописи *Ильсоннок* приобрели после вступления Чонджо на престол и основания им библиотеки-архива Кюджангак (1776). Именно ее служащим, своим наиболее преданным сторонникам, поручил ван составление новых «королевских дневников» – *Ильсоннок*. При этом Чонджо руководствовался не только политическими, но и чисто практическими соображениями. Ему был нужен справочник государственного управления, который всегда был бы под рукой, и в котором ему было бы легко ориентироваться.

Записи *Сынджонвон ильги* были чрезвычайно детальными, а следовательно, очень объемными, и найти в них нужную информацию было трудно. Кроме того, они писались трудночитаемой скорописью. По приказу Чонджо

Ильсоннок стали вести обычным (уставным) почерком *хэсо*. Изменился и стиль записей. Они оставались подневными, но каждый новый день в них начинался с новой страницы, а каждое событие – с заголовка и новой строки, что помогало ориентироваться в тексте. Незначительные или повторяющиеся события опускались или только упоминались. Хотя в целом содержание *Ильсоннок* было практически тем же, что и *Сынджонвон ильги*, они все же были короче, и ван мог читать их лично, не обращаясь к помощи *сагванов*, что ускорило процесс принятия государственных решений и весьма способствовало, по мнению корейских историков, успеху политики Чонджо, чье время правления получило у них название «последнего золотого века» корейской культуры.

Ильсоннок охватывают период с 1752 г. (год рождения Чонджо) и до конца династии. Они составлялись в Кюджангаке на протяжении почти полутора веков (1776–1910) и разрослись до огромных размеров (2327 книг), что делает их ценнейшим источником для изучения позднего Чосона, с одной стороны, и очень затрудняет работу с ним, с другой. По этой причине исследователей *Ильсоннок* также, как и СИ, очень мало. Предпринимаются меры, чтобы исправить положение. В 1982–1996 гг. Кюджангак, где по-прежнему хранится *Ильсоннок*, но уже не при королевском дворе, а при Сеульском национальном университете (СНУ), выпустил фототипическое, в 86 томах, издание этого памятника. С марта 1997 г. Институт корейской культуры (*Хангук мунхва ёнгусо*) при СНУ при финансовой поддержке Фонда развития этого университета приступил к его оцифровке. Предполагается его несколько сократить, составить индексы и перенести содержание на CD-ROM, что, по мнению исполнителей проекта, позволит поднять изучение позднего Чосона на новый уровень.

Книги установленных ритуалов (*ыйгве*)

Ыйгве доказывают, что самое
традиционное есть самое глобальное.
*Син Пёнджу, историк*¹²

Что такое ыйгве

14 июня 2007 г. хранящиеся в Кюджангаке и Чансогаке *ыйгве* (儀軌) – рукописные, художественно оформленные книги ритуалов, составленные в период Чосон «для будущих поколений во избежание ошибок», были признаны ЮНЕСКО «сокровищем мировой

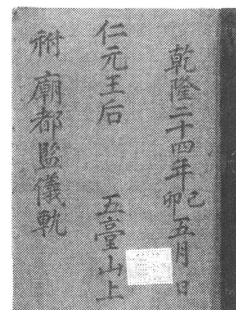
письменной культуры» – за их редкость, изысканность и 300-летнюю историю. Они стали шестым памятником корейского письменного наследия, зарегистрированным ЮНЕСКО с 1997 г. в реестре «Память мира».

Что такое *ыйгве*? Это слово состоит из двух частей: *ыйре* 儀禮 – «церемония, ритуал» и *квебом* 軌範 – «образец, норма, пример», т.е. буквально это «образец [для проведения] церемонии». На сайте Управления культурным наследием РК это слово переводится на западные языки как «протоколы государственных церемоний». В книге Син Мёнхо на английском языке «Культура королевского двора периода Чосон» (2004) *ыйгве* названы «руководство по проведению государственных мероприятий; записи церемоний [с участием] королевской фамилии». Представляется, что оба варианта неточны. В европейской культуре протокол – это «акт, составленный уполномоченными на то должностными лицами (судебными или административными) в удостоверение тех или иных событий», т.е. это конкретное описание. «Руководство» – это «учебное пособие по какому-нибудь предмету»*, т.е. понятие общее, дающее представление об основах. *Ыйгве* представляли собой своего рода симбиоз протокола и руководства. Известный российский исследователь корейской классической литературы А.Ф. Троцевич переводит это понятие как «книга установленного ритуала». Этот перевод мне кажется наиболее адекватным, и я буду его использовать в своем описании. Таким образом, *ыйгве* в настоящем изложении – женского рода (книга).

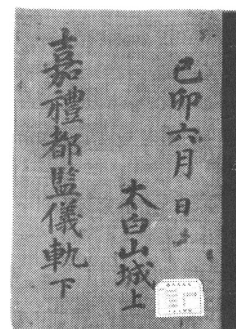
Ыйгве – разновидность летописи, которая составлялась по совершению государственной (т.е. с участием вана и членов правящей фамилии) церемонии и описывала в малейших деталях все, что имело отношение к ее организации и проведению: подготовку и ответственных за нее лиц всех уровней, ход, место действия, участников, их одежду, атрибуты, транспортные средства, описи выданных подарков и наград, любые расходы и пр. Каждая *ыйгве* была посвящена конкретному ритуалу, а их собрания представляли собой подробнейший учебник ритуалов Чосона в целом, к которому обращались всякий раз, когда возникала необходимость совершить государственную церемонию. Один раз совершенный ритуал после описания в *ыйгве* превращался в прецедент, следование которому становилось обязательным для потомков.

* Малый словарь Брокгауза и Эфрона: <http://slovari.yandex.ru/dict/brokminor/article/33/33309.html>

** Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1978. С. 633.

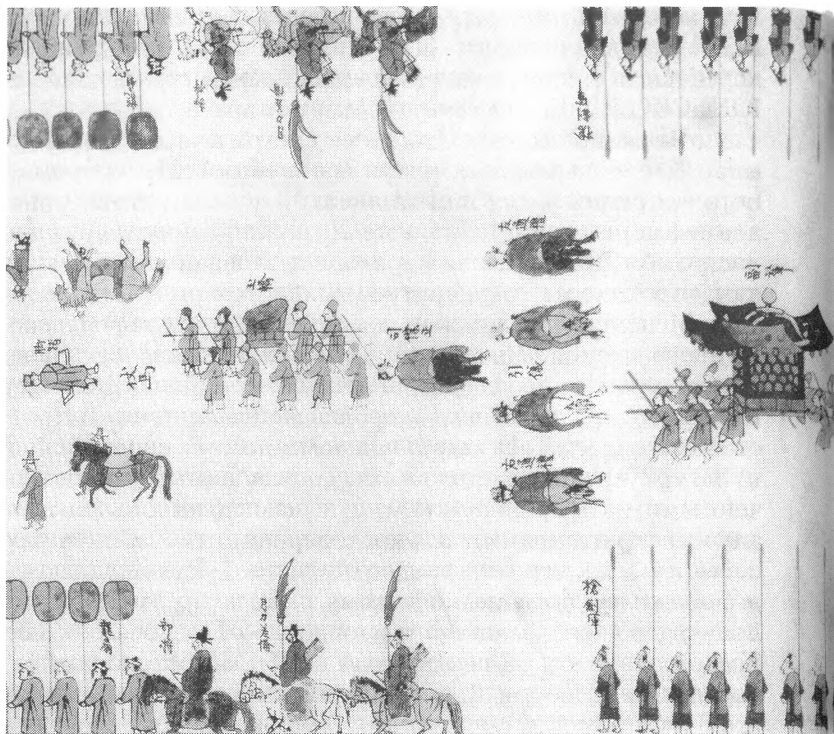
Имвон ванху пумё тогам ыйгве. Обложка «книги установленного ритуала», составленной в связи с упокоением поминальной таблички жены Сукчона в Храме предков династии Чонмё в 5-м месяце года *кимё* (1759). Кроме даты и названия, указан архив, где хранится экземпляр, – на горе Одэсан

Карё тогам ыйгве. Обложка второго тома «книги установленного ритуала», составленной по случаю женитьбы вана Ёнджо в 6-м месяце года *кимё* (1759). Кроме даты и названия, указан архив, где хранится экземпляр, – на горе Тхэбэксан

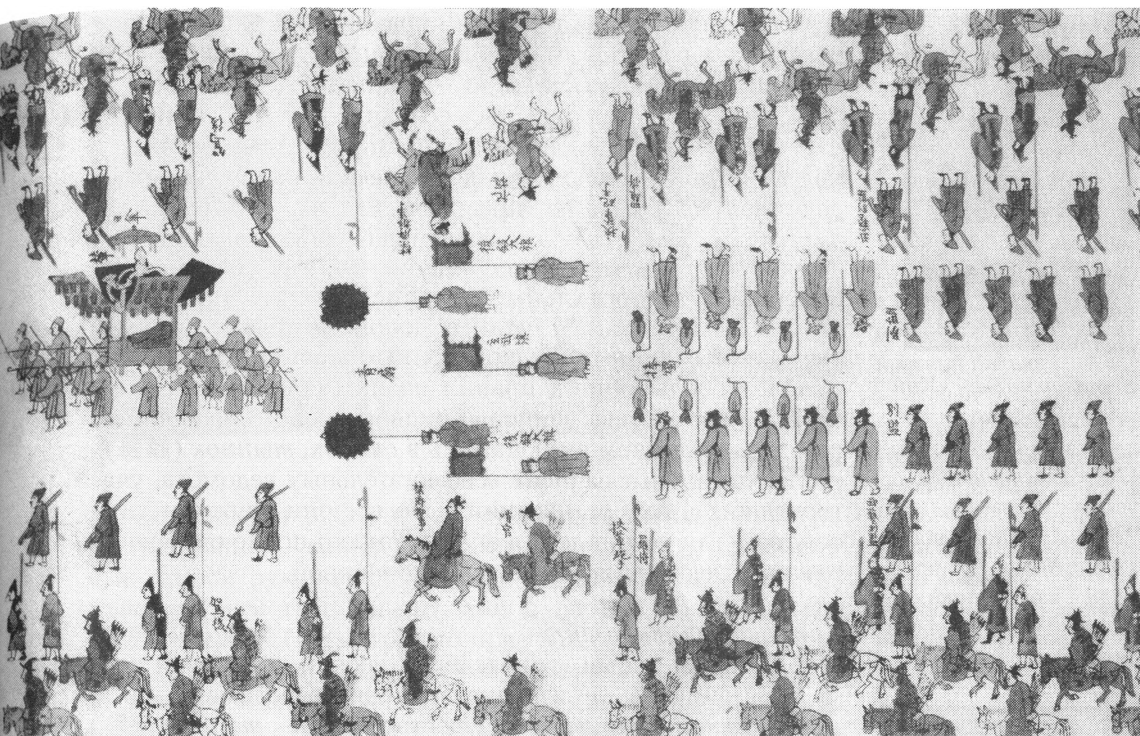
Карте тогам ыйгве.
Фрагмент картины-*панчхад* из «книги установленного ритуала», составленной по случаю женитьбы вана Ёнджо в 6-м месяце года *кимё* (1759). Она запечатлела шествие вана Ёнджо за невестой (будущей королевой Ким, посмертное имя Чонсун ванху) перед введением ее во дворец. Впереди видны пустые носилки-*пурён* (副輦), которые непременно несли перед носилками вана во время церемониальных шествий. За ними следуют носилки вана. В ознаменование праздничного события, занавески в них подняты и собравшемуся народу предоставлена редкая возможность лицезреть своего монарха.

*Из коллекции
Кюджангака*

Кроме исключительной подробности в описании, была у *ыйгве* и другая особенность: они включали изображения – картины, чертежи, схемы, планы, карты. Особое место занимали среди них картины-*панчхад* (班次圖) – особый жанр бытовой живописи, первоначальной задачей которой было показать положение в церемонии участников в соответствии с их рангом, должностью и функцией. Эти картины рисовали очень подробно и тщательно, чтобы люди могли ясно понять, что от них требуется. Готовясь к церемонии, они, в том числе и ван, по несколько раз репетировали, глядя в *панчхад*. По картине определяли и расположение атрибутов: флагов, зонтов, вееров, трезубцев, секир, цветов и пр. Иногда *панчхад* были настолько красивы, что переносились в цвете на многостворчатые ширмы, которые в изобилии украшали присутственные места и личные покои дворцов, являясь одним из символов королевской власти и воплощением роскоши. Были они также и особым видом наград, которыми государь удостоивал по особым случаям родственников или отличившихся сановников.

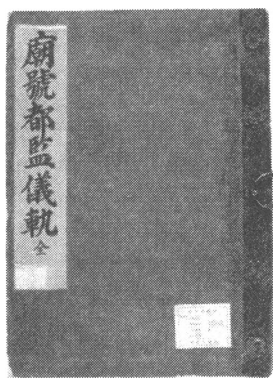
Государственный ритуал приобрел в Чосоне огромное значение. Первые труды, написанные Чон Тоджоном после восшествия династии на престол, были посвящены ритуальной музыке, а важнейшим документом страны являлось

с 1474 г. «Государственное уложение о пяти церемониях» (*Кукчо орей* 國朝五禮義). Работа над ним продолжалась несколько десятилетий, и утверждено оно было одновременно с кодексом законов *Кёнгук тэджон*. Ритуал был неотъемлемой частью «пути вана» – модели идеального поведения самостоятельного правителя своего народа и одновременно «удельного князя», не забывающего о «долге» перед императором. Утверждение Чосона как «цивилизованного» государства происходило через встраивание национальной обрядности в систему китайских ритуалов. Заимствовались, в первую очередь, буква и форма, и на их основе создавались новые пантеон святых и система государственных ритуалов. С переходом к неоконфуцианству как господствующей религии главными объектами поклонения корейцев стали их собственные предки. Они заменили «интернациональные» буддийские божества, и это способствовало углублению прото-этнического самосознания. В полностью ритуализированной культуре средневековья церемонии были важнейшим способом социальной коммуникации, в т.ч. и управления государством. В них видели основу процветания и источник силы, и Чосон со среднего периода стал превращаться в настоящее «царство церемоний» (*ыйре чонгук* 儀禮全國).

Кёнмогун ыйгве – «Книга установленного ритуала дворца Кёнмогун», 1784 г., посвященная устройству ваном Чонджа поминального алтаря отца – принца Садо – в окрестностях Чхангёнгунга и совершаемым в нем обрядам

Мёхо тогам ыйгве, составленная в 1890 г. в связи со сменой посмертного имени-титла мёхо вана Ёнджо (ранее он был Ёнджон). В книге в деталях описаны обстоятельства этого события, а также процесс присвоения супруге Ёнджо дополнительного почетного титула

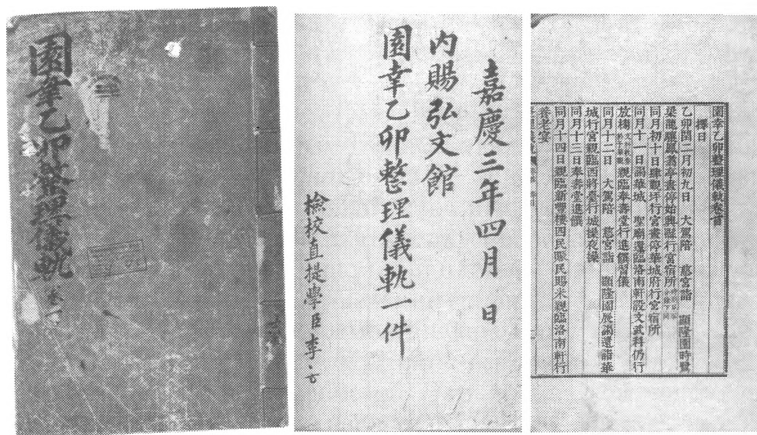
Бесконечно повторяемый правящим домом всеохватный ритуал закреплял представление, что правитель – это государство, а общество – принадлежность государства. Через ритуал внушалось сознание преобладания государственных интересов над личными, и потому его роль с ходом истории росла. Ритуал обеспечивал живучесть государственного сознания, превратив его в культурную традицию¹³. *Ыйгве* стали ее важнейшей составляющей и по значению превосходили, по мнению многих современных историков, все остальные летописи. Кроме «книг установленного ритуала», были в Чосоне и другие документы, описывавшие государственные церемонии: *ыйджу* (儀註) – своды общих правил по их проведению*, *ильги* (日記) – «подневные записи» придворных летописцев, которые в дальнейшем включались в *силлок*, *тыннок* (膳錄) – «регистрационные записи» вспомогательных ведомств, участвовавших в их организации**. Но все они служили лишь основой для составления *ыйгве*. Только после одобрения ее ваном церемония считалась законченной.

Как составлялись ыйгве

Первым шагом к проведению любой дворцовой церемонии было создание временного ведомства по ее планированию и осуществлению – *тогам* (都監). Его структура в целом совпадала с той, что имел *силлокчхон* – временное ведомство по составлению *силлок*. Во главе него стоял Генеральный контролер (*Тоджеджо* 都堤調). На эту должность назначался по совместительству один из трех высших сановников: премьер Госсовета или его заместители. Его помощниками были 3–4 чиновника полного 3-го ранга и выше – обычно главы министерств. Рабочие функции выполняли 2–3 главных администратора (*точхон* 都廳), 4–8 администраторов (*нанчхон* 郎廳), 6 проверяющих (*камджогван* 監造管) и несколько палат (*пан* 房) исполнителей, число которых менялось в зависимости от важности события. В некоторых случаях в ведение тогама передавались дополнительные подразделения, например, строительное или ремонтное, если ему было поручено, скажем, возведение или приведение в порядок специальных помещений для бракосочетания или почитания поминальных табличек. Сотрудники каждого из подразделений обязаны были составлять детальные отчеты о своей работе.

* Составлялись ДО проведения церемонии на основе различных исторических книг и определяли последовательность проведения ритуала в целом.

** Составлялись в процессе подготовки и проведения церемонии, фиксировали каждый этап работ.

Их ежедневные рабочие записи назывались *тыннок* (регистрационные записи): *точхон тыннок* (регистрационные записи руководящего органа *тогама*), *ильбан* (一房) *тыннок* (регистрационные записи первой палаты), *ибан* (二房) *тыннок* (регистрационные записи второй палаты) и т.д. По окончании церемонии все записи обобщались, и составлялось адресованное потомкам детальное описание события – как словесное, так и образное, с иллюстрациями.

Полное название *тогама* зависело от содержания церемонии, а оно, в свою очередь, определяло и название *ыйгве*, особенно большое число которых было связано с жизнью вана и членов его семьи: от рождения до кончины и после нее. Так что «книги ритуала» – это своего рода иллюстрированная история правящего дома Чосона. Например, ведомство *Тхэсиль* 胎室 *тогам* фиксировало события, связанные с захоронением плаценты новорожденного первенца вана, и последующие трансформации этого захоронения, если этот принц в дальнейшем восходил на престол (возведение вокруг него гранитной ограды, изменение названия и пр.). *Седжа чхэнне* 世子冊禮 *тогам* занималось церемонией назначения наследника престола или признания сына наследника продолжателем рода; *Карё* 嘉禮 *тогам* – организацией королевского (вана или наследника) бракосочетания. Соответственно, составленные этими ведомствами «книги» назывались *Тхэсиль тогам ыйгве*, *Седжа чхэнне ыйгве* и т.д.

Были *ыйгве*, связанные с выбором невесты и возведением в королевское достоинство новобрачной супруги вана или супруги наследника, составлением прижизненного или посмертного хвалебного титула (*чонхо* 尊號) для вана, королевы или вдовствующей королевы (этим занимались соответственно *Чонсун* 尊崇 *тогам* и *Чхинхо*

Обложка книги «Ритуал, установленный в год *ыльмё* (1795) при высочайшем посещении усыпальницы принца Садо» (*Вонхэн ыльмё чонни ыйгве* – далее *Чонни ыйгве*) из плотной бумаги желтого цвета с тисненым рисунком, прошита толстой красной нитью.

Тушью от руки написано название сочинения.

Под ним – номер книги (*квон* первый 券 一).

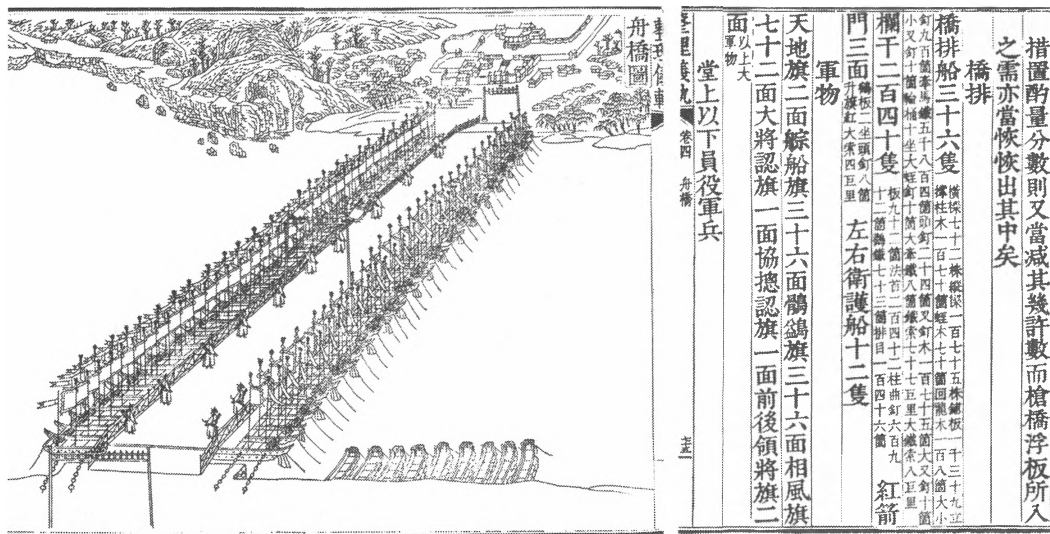
Иероглиф «единица» записан на стертом иероглифе 首 («головная»). В правом нижнем углу – общее количество книг в сочинении – 5 (共五). Оно состоит из трех разделов: «выбор дня (для проведения ритуала)», «перечень мест» и «иллюстрации». Размеры 37,5×24 см.

Шмуцтитул той же летописи. Указана дата – «Государь лично пожаловал дворцовой библиотеке на 3-м году правления под девизом Цзя-цин (1798), в 4-й луне».

Первый лист первой книги *Чонни ыйгве*

Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург). Памятник поступил из коллекции дипломата П.А. Дмитриевского

Вонхэн ыльмё чонни
ыйгве. 1795.
Чертеж-картина
«Наплавной мост»
из головного раздела
летописи

Список материалов и их
количества, пошедших
на постройку моста.
Там же, квоп 4

稱號 тогам). Исполнению жреческих обязанностей – ваном в Алтаре Земли и Злаков и королевой – в Алтаре богини шелководства – были посвящены Чхынгён 親耕 тогам ыйгве. «Книги» с названием Ёнджон 迎接 тогам ыйгве касались официального приема китайских посланников. Изготавливались ыйгве и в связи с другими значительными и регулярными приемами и пирами, а также по случаю выезда вана из дворца, написания его портрета, почитания поминальных табличек; начала занятий наследника в конфуцианском университете, его вступления во взрослый возраст («надевание шапки») и пр.

Стоит обратить внимание на то, что среди чосонских ыйгве нет таких, что описывают коронацию. Это связано с тем, что она обычно проходила во время траура по усопшему предшественнику, примерно через пять дней после его кончины, и не могла быть подготовлена заранее. Зато сохранилась «Книга великого ритуала Коджона» (Коджон тэре ыйгве 高宗大禮儀軌), связанная с коронацией первого в истории Кореи императора 12 октября 1897 г.

Когда умирал ван или его главная супруга, составлялись Кукчан 國葬 тогам ыйгве, а когда умирал наследник или его супруга – Йеджан 禮葬 тогам ыйгве*, где описывалось изготовление различных предметов для погребального ритуала: посуды и керамики, которые опускали в могилу вместе с телом вана, бытовых принадлежностей, музыкальных инструментов, паланкина на который ста-

* Кукчан и йеджан – названия государственных похорон высшего и второго уровней.

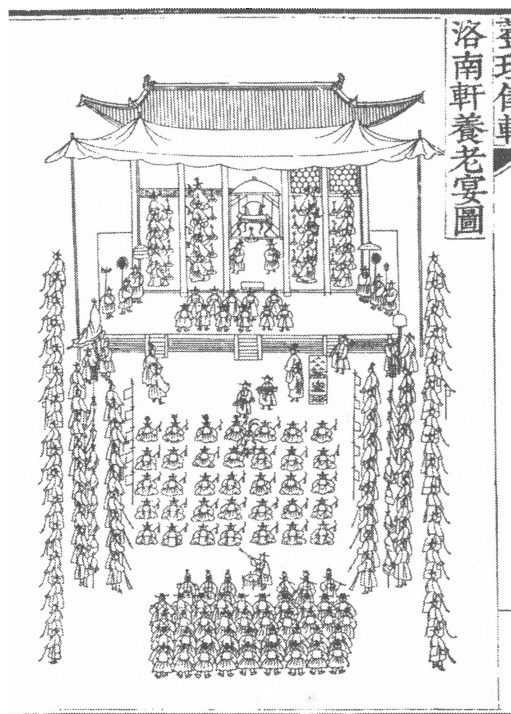
вили гроб, мемориального камня, посуды для обрядов поминовения, печатей и пр. Поскольку похоронный ритуал был самый сложный и длительный из всех (для вана – семь этапов, около трех лет) и в одной «книге» вместить всю информацию было невозможно, составлялись также дополнительные *Пинджон/хонджон 殯殿/魂殿 тогам ыйгве* (описывала процедуры в период от кончины до помещения тела на похоронные дроги – подготовку погребальных одежд, покойницкой и гроба, траурной одежды и т.д.)^{**}, *Саннын 山陵 тогам ыйгве* (все о возведении гробницы), а также *Пумё 祔廟 тогам ыйгве* (о церемонии упокоения поминальной таблички в Чонмё). *Ёнгон 營建 тогам ыйгве* описывали строительство дворцов и крепостей. Одна из них, посвященная сооружению крепости в Хвасоне (ныне – Сувон), послужила основой для восстановления этого выдающегося памятника корейского средневековья, разрушенного в ходе Корейской войны 1950–1953 гг. В последние годы оказались востребованными и другие «книги ритуалов», на основании которых королевские церемонии стали восстанавливать Управление культурным наследием и местные администрации.

Были также *ыйгве*, непосредственного отношения к королевской семье не имевшие. Например те, что составлялись в связи с публикацией важнейших в идеологическом плане книг – *силлок*, «Драгоценного зеркала правящей династии» (*Кукчо погам*), «Книги о “трех отношениях” с иллюстрациями» (*Самган хэнсильдо 三綱行實圖*)^{***}. В них описывался процесс работы над ними и их издания, условия их распределения, хранения и пр. Некоторые «книги ритуалов» касались составления панегириков в честь выдающихся чиновников, проверки и уточнения списков государственных рабов и пр.

^{**} *Пинджон* и *хонджон* – временные «дворцы», которые возводили на территории главного дворцового комплекса на разных этапах официального траура. В первом покоился гроб вана или королевы до захоронения в гробнице. Во втором на разных этапах хранились их временные поминальные таблички вплоть до момента изготовления окончательной поминальной таблички и помещения ее в Чонмё.

^{***} «Три отношения» в конфуцианстве – это отношения между государем и подданным, родителями и детьми и между мужем и женой. Впервые книга с таким названием была составлена и издана в Корее при Седжоне (1434). Она была разделена на три части. В первой содержались жизнеописания 110 почтительных сыновей (*хёджа* 孝子), во второй – 112 верноподданных (*чхунсин* 忠臣) и в третьей – 94 добродетельных жен (*ёллё* 烈女), заимствованные из китайских и корейских летописей. Каждое сопровождалось иллюстрациями. В дополненном виде *Самган хэнсильдо* была переиздана при Кванхэгуне (1617).

Ритуальная картина-чертеж «Пир, организованный государем Чонджо для старцев в павильоне Наннамхон» [походного дворца Хвасонской крепости в 14-й день 2-го лунного месяца (1795 г.)] из *Чонни ыйгве*. В той же летописи сообщается, что пир состоялся в час дракона (7-9 часов утра) и в нем участвовали специально прибывшие из столицы премьер-министр Хон Наксон и еще 14 старейшин из высоких чинов, а также 384 местных (из Хвасона) старейшины – представители разных слоев служилого сословия в возрасте 61 года и старше, в т.ч. трое 99-летних. Ван в военном костюме типа *юнбок* (戎服) – со множеством складок на поясе и широкими рукавами – взшел в павильон после того, как в 8 часов утра стук барабана возвестил, что подготовка к пиру завершена. Одновременно вошли прибывшие из Ханяна чиновные старцы, опираясь на посохи. Имевшие 2-й ранг и выше прошли «внутрь столбов», под навес, где находился государь. Более младшие по чину разместились на лестнице, а старцы незнатные, поддерживаемые сыновьями и/или

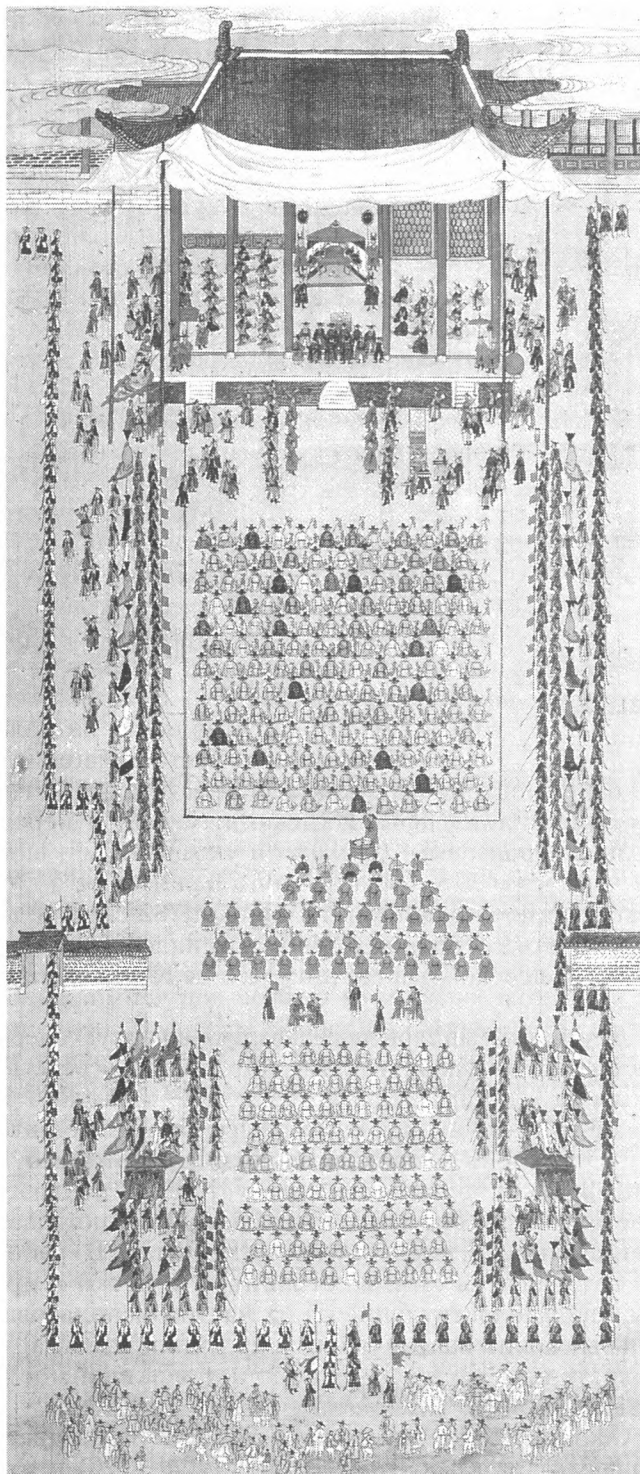

Ыйгве также делят по типу событий, которые в них описывались (радостные или печальные события в жизни государства), по годам их издания и по правлениям, по учреждениям, в которых они хранятся, и пр. Большинство из них состояли из нескольких тетрадей (*квонов*), объединенных в одном томе. Но бывали и многотомные.

История ыйгве

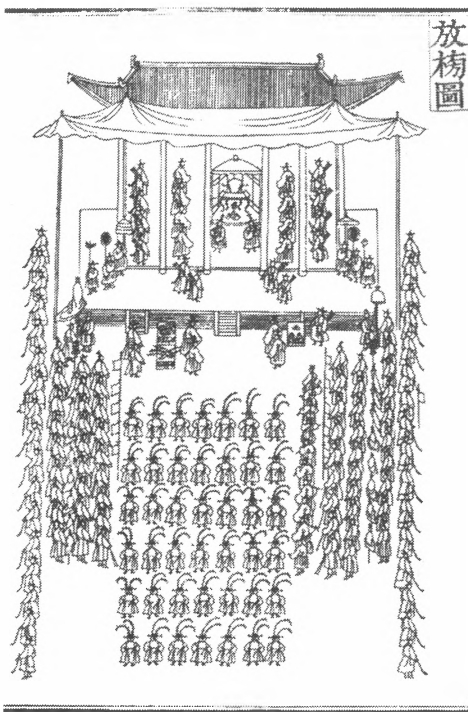
Самое раннее упоминание о «книгах установленного ритуала» в корейских летописях относится к 1361 г. (10-му году корёского Конмин-вана). В нем говорится о том, что во время нашествия на Корё «красных повязок» (1360–1361 гг.)^{*} хранившиеся в Историческом ведомстве *ыйгве* с описаниями поминальных ритуалов были закопаны

^{*} Так назывались участники восстания в Китае (1351–1368), которое привело к падению династии Юань (1271–1368). Они носили особый головной убор – красную повязку (красный – цвет Майтрейи). В 1358 и 1361 г. они совершили два похода на Корею. Во время второго похода они захватили и разграбили корёскую столицу, заставив вана бежать и искать убежища в провинции. Оба нашествия, разорившие северные и центральные районы Корё, были отбиты корёскими войсками.

внуками сели рядами перед ней. Всем приглашенным от имени вана были розданы желтые шелковые платки, которые они привязали к верхней части своих посохов, а также по рулону шелка и посохи из особого дерева – в подарок. Затем подали угощение. Рассказывается, какую музыку и в каком порядке исполняли, кто и с какими словами обращался к вану и какие яства стояли на его столе. В конце пира выставили столы и для собравшихся зевак, а всего было приготовлено 425 столов – столько всего было едоков на том пире. Выступавшие на пиру певцы получили в награду по 1 рулону холста

Тот же «Пир для старцев в павильоне Наннамхон» на одной из створок восьмичастной дворцовой ширмы, написанной по материалам *Чонни ыйгве*. Перед тронем рядами селят старцы. К посоху каждого прикреплены платки и букеты цветов. Далее за ними внутри ритуального пространства музыканты с барабанами. В самом низу – ожидающие снаружи дети и внуки приглашенных старцев

Успешные соискатели
чиновной должности
после экзамена
в походном дворце.
На головных уборах –
дарованные ваном
по этому случаю
бумажные цветы
(*осахва* 御賜花)

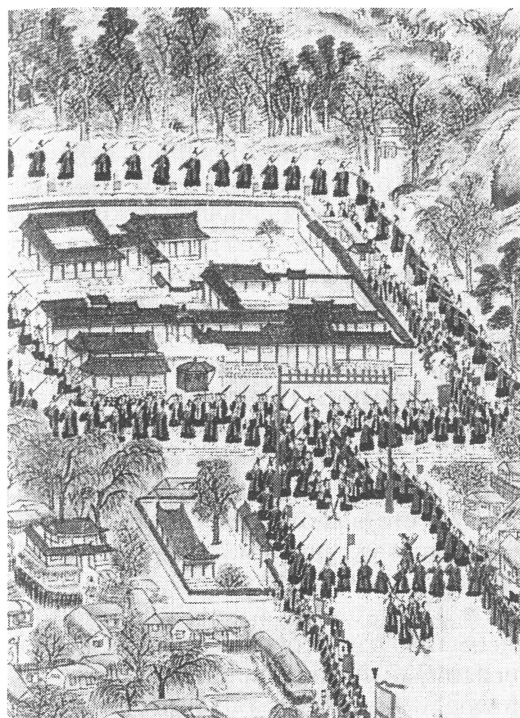
в нем были подчеркнуты красной краской, а текст писали лучшие каллиграфы. Изысканным был и переплет: из шелка, с бронзовыми замками и украшением в виде бутонов хризантем. Это была не книга для чтения, а книга – художественное произведение. После 1782 г. такие *ыйгве* стали хранить в основном в новом филиале Кюджангака в летней королевской резиденции на о-ве Канхвадо в устье р. Ханган.

Другие экземпляры передавались в первую очередь в министерство ритуалов и Чонмё, которые непосредственно отвечали за государственные церемонии, а также в Историческое управление, использовавшее их при составлении *силлок*. Эти копии были справочными, и потому бумага, каллиграфия и переплет в них уступали по качеству королевскому экземпляру, а иллюстрации помещались не всегда и не были высокохудожественными. В «рабочих» *ыйгве* встречаются смятые страницы, пометки и другие следы, свидетельствующие об их частом использовании. Остальные копии направлялись в провинциальные архивы, не обязательно во все, а выборочно, в зависимости от количества копий.

С конца XVII в. число *ыйгве* стало расти. Расцвет жанра пришелся на правление Ёнджо (1724–1776), который

для их безопасности в землю, и что несмотря на меры предосторожности пятая часть их погибла. В Чосоне, как сообщают *силлок*, первые *ыйгве* были посвящены ритуальным танцам во время церемоний в Храме предков царствующей династии Чонмё и закладке дворца Кёнбоккун (1394). С тех пор они составлялись регулярно, но, поскольку изготавливались всего в одном–двух экземплярах и хранились в столице, в годы Имджинской войны (1592–1598) все они погибли. Из сохранившихся *ыйгве* самыми старыми являются две «книги» 1600 г., где описываются поминальные ритуалы и похороны главной супруги Сонджо (1567–1608) королевы Пак (посмертное имя Ыйин ванху 懿仁王后, 1555–1600). Они хранятся в Институте-архиве Кюджангак при СНУ.

В позднем Чосоне, со времен Сукчона (1675–1720), *ыйгве* стали составлять в 6–8 экземплярах, которые существенно различались по исполнению. Самый роскошный (*орамккон* 御覽件) предназначался государю. Он изготовлялся на толстой, красивой, молочного цвета бумаге. Строки

прожил необычайно долгую для корейского вана жизнь – 82 года (1694–1776). При нем были созданы новые ритуалы – в ознаменование его дней рождений и юбилеев, награждением его все новыми почетными титулами и пр. Многие старые ритуалы были дополнены, упорядочены или повышены в своем значении, как это было, например, с королевскими стрельбами из лука (*тэсаре* 大射禮), проводившимися под особую музыку по окончании жертвоприношений в Алтаре Конфуция (Мунмё 文廟) на территории университета Сонгюнган, или ритуалом собственноручного проведения ваном борозды на священном поле в Алтаре Земли и Злаков (*Саджиктан* 社稷壇), или разведения королевой тутового шелкопряда (*чхинджамне* 親蠶禮). Много новых ритуалов возникло в правление Коджона – первого корейского императора. В них, а следовательно, и в *ыйгве*, нашло отражение повышение его статуса.

Лучший образец *ыйгве*

Лучшие образцы *ыйгве* были созданы в эпоху «просвещенного вана» Чонджо (1776–1800). Особенно знаменита «Книга ритуала, установленного в год *ыльмё* (1795) при высочайшем посещении усыпальницы принца

«Шествие к гробнице в крепости Хвасон». Фрагмент картины на створке 8-частной ширмы. В центре – временный «походный дворец» (*хэнгун*), где процессия останавливалась в первый и предпоследний дни шествия.

Чертеж-картина того же дворца. *Вонхэн ыльмё чонни ыйгве*. 1795

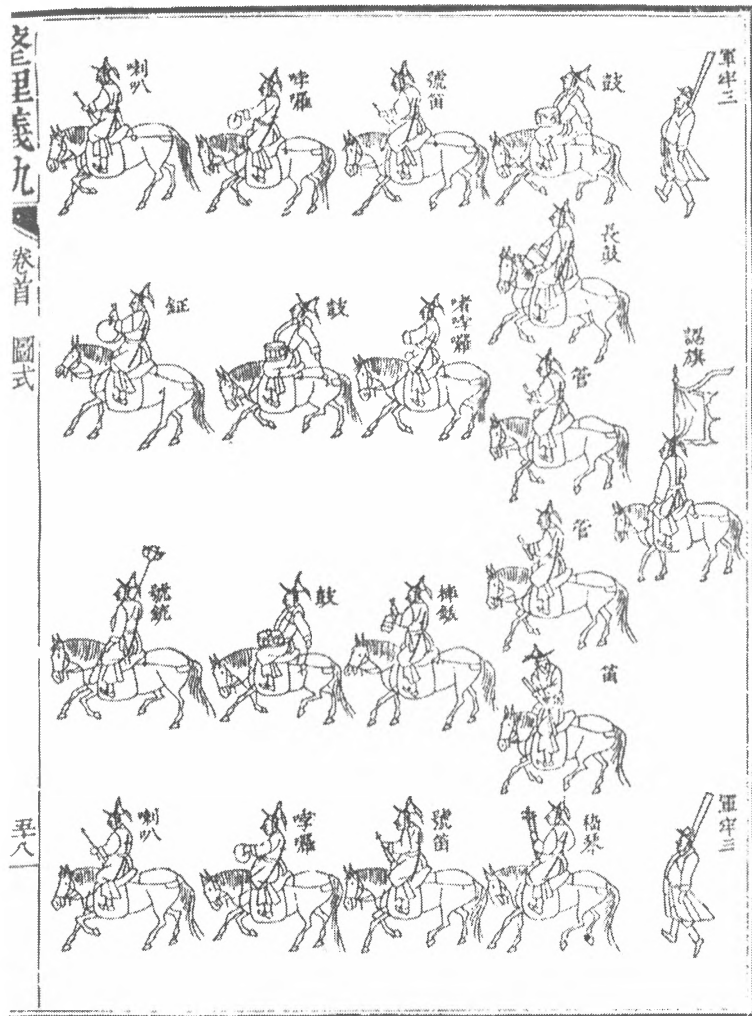
[Садо]» (*Вонхэн ыльмё чонни ыйгве* 園幸乙卯整理儀軌 – далее *Чонни ыйгве*), ныне хранящаяся в Кюджангаке. В ней описывается продолжавшееся восемь дней беспрецедентно грандиозное (около 6 тыс. участников) шествие из Хансона (совр. Сеул) в крепость Хвасон*, организованное Чонджо по случаю 60-летнего юбилея (*хвеган* 回甲) своих родителей. Запечатлено оно и на составляющей важнейшую часть *ыйгве* картине-*панчхад*о. Столь же грандиозная, как и само событие, она создавалась в течение двух лет группой художников придворной Академии живописи во главе с великим Ким Хондо.

Картина исполнена на 63 листах, имеет 15,4 метра в длину и включает изображения 1779 человек и 778 лошадей, выполненные в малейших деталях. Была изначально черно-белой, но в 1994 г. был изготовлен ее цветной вариант. В последние годы это произведение стало настолько популярно, что его выполненная керамической плиткой 200-метровая копия украшает излюбленное место отдыха сеульцев: построенную в 2000 г. набережную речки Чонгечхон в самом центре столицы. Кроме этой *панчхад*о в *Чонни ыйгве* помещены и другие изображения: 1) 14 видов дворцовых танцев, исполненных во время пира в походном дворце Хвасонской крепости; 2) украшавших этот пир цветов; 3) использованной на нем посуды; 4) расположения гостей на банкете в честь старейшин в павильоне Наннамхон; 5) церемонии поклонения в алтаре Конфуция в местной конфуцианской школе (*хянгё* 鄕校); 6) группы кандидатов на государственные должности, успешно сдавших экзамен по конфуцианской классике, проведенный по случаю события; 7) военных учений, 8) стрельбы из лука; 9) раздачи риса нуждающимся; 10) паланкина королевы-матери***; 11) наведения наплавного моста через р. Ханган; 12) главного банкета в павильоне Ёнхидан и пр. Всего 112 листов гравюр. Все они помещены в головном разделе (*квон су* 卷首), который, кроме них, содержит план проведения церемонии (*тхэгиль* 擇日) и список людей, отвечающих за проведение церемонии и создание *ыйгве* (*чвамок* 座目). В прочих пяти разделах (*квонах*) *Чонни ыйгве* содержатся:

* Иероглиф *вон* 園 указывает на гробницу принца Садо Хённюнвон (縣隆園), которая была по статусу ниже королевской, называвшейся *нын*.

** Расстояние 41,6 км.

*** Мать Чонджо не была в то время официально королевой. В тексте *Чонни ыйгве* ее называют «дама Хон из дворца Хегёнгун» 惠慶宮洪氏. Подробно см. о ней в разделе «Дворец наследника престола».

Королевские музыканты, шествующие в процессии.

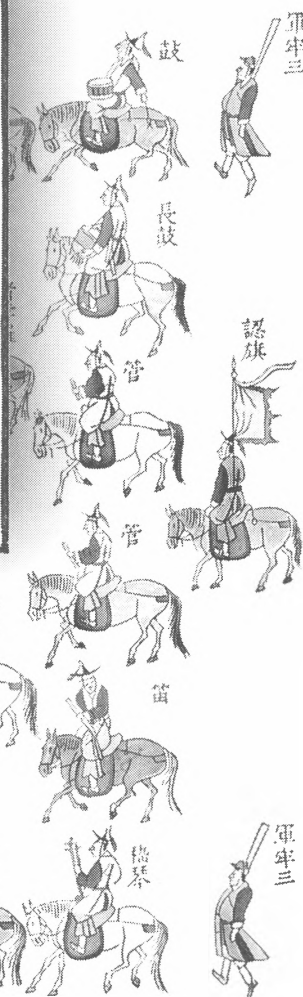
Фрагмент картины-панчадо.

Чонни ыйгве.

1795 г.

И тот же фрагмент в цвете.

Картина была окрашена в начале 1990-х годов

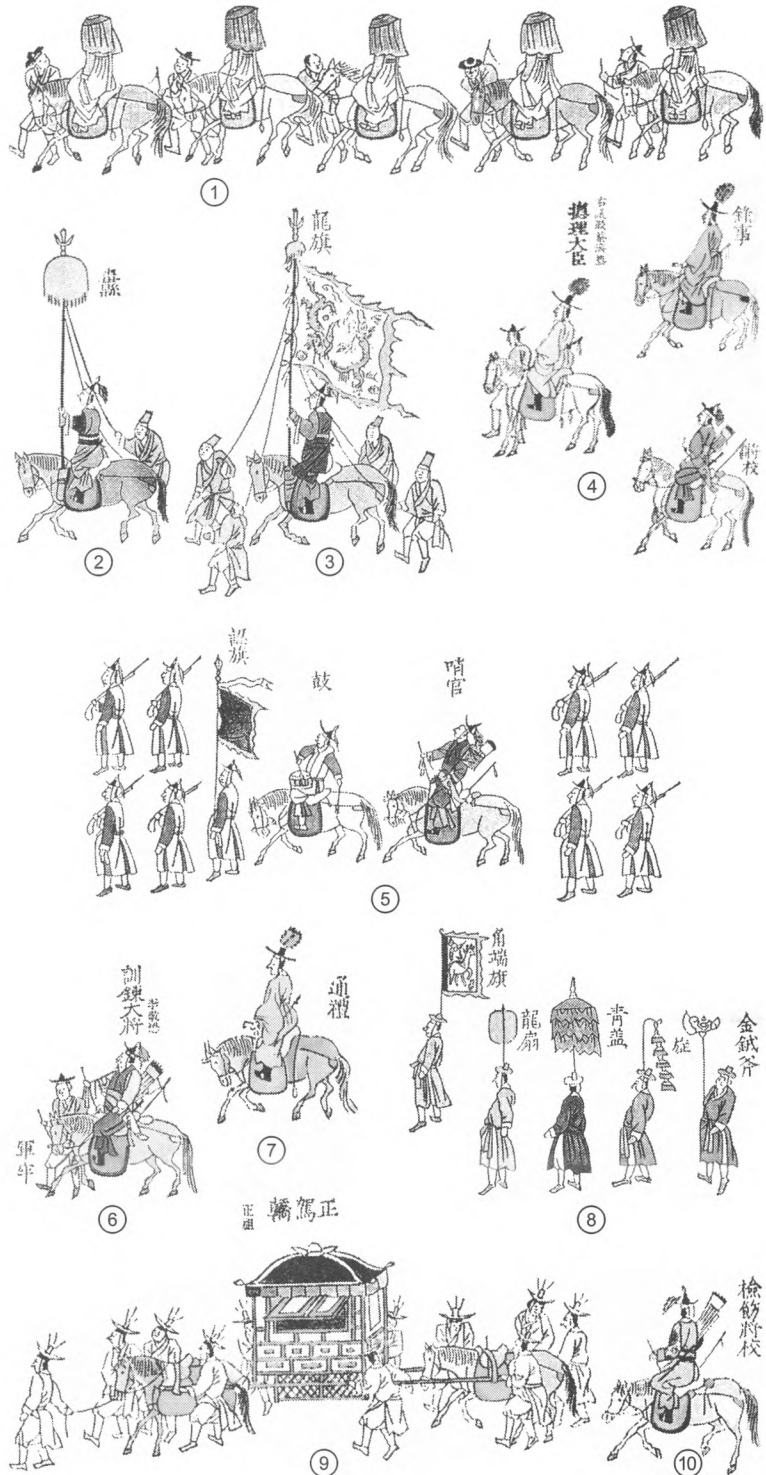

Участники королевского шествия:

- ① придворные дамы;
- ② конный оруженосец с ритуальным трезубцем;
- ③ конный знаменосец с королевским штандартом;
- ④ премьер-министр с секретарем и телохранителем;
- ⑤ солдаты, глашатай с барабаном и начальник стражи среднего звена;
- ⑥ командир гвардии;
- ⑦ чиновник министерства ритуалов;
- ⑧ носильщики королевских атрибутов – зонтов, флагов, вееров и пр.;
- ⑨ носилки Чонджо в окружении слуг и погонщиков лошадей;
- ⑩ офицер охраны.

Фрагменты картины-панчадо.
Чонни Ыйгве,
1795

Первый раздел: 1) приказы вана (*чонгё* 傳敎); 2) беседы вана с сановниками (*ёнсоль* 筵說); 3) слова песен (*акчан* 樂章); 4) текст приветственной речи, обращенной к даме Хон из дворца Хегёнгун (*чхиса* 致詞); 5) стихи и проза, сочиненные по случаю ваном (*одже* 御製); 6) оценки стрельбы вана из лука (*оса* 御射); 7) указания главного распорядителя церемонии подчиненным (*чоннён* 傳令); 8) приказы о командировании на церемонию военных (*куннён* 軍令).

Второй раздел: 1) подробная опись церемоний, исполняемых во время банкета по случаю 60-летнего юбилея родителей вана (*ыйджу* 儀註); 2) подробные разъяснения исполнителям церемоний (*чольмок* 節目), 3) рекомендации сановников вану (*кеса* 啓辭).

Третий раздел: доклады сановников вану и документы, которыми обменивались в связи с данной церемонией различные дворцовые ведомства.

Четвертый раздел: 1) меню всех трапез (*чханпхум* 饌品), откушанных во время процессии его участниками: от вана и его матери до сановников, с указанием даты, времени и вида трапезы (утренняя закуска, завтрак, дневная закуска, обед, ужин, ночная закуска). Указаны не только названия блюд, но и продукты, которые пошли на их приготовление, стоимость их, а также цветов на столах (всего 68 листов); 2) опись посуды, использованной для каждой из трапез, в том числе стоимость каждого предмета (*киён* 器用, 28 листов); 3) опись подушек для сидения, ширм, перегородок, столиков и скамеек с указанием, откуда доставлены (*пэсоль* 排設); 4) виды и количество использованных в ритуале атрибутов (*ыйджан* 儀仗); 5) списки сумм и места выдачи выплат сановникам и офицерам – участникам процессии на содержание их слуг (*панджон* 盤纏, 11 листов); 6) списки выданных «командировочных удостоверений» по ведомствам и военным подразделениям (*чанпхё* 掌標); 7) записи о паланкинах вана и его матери (*кагё* 駕轎, 24 листа). Указаны их размер и вид; тип, количество и стоимость пошедших на их изготовление материалов; профессии ремесленников, их изготавливавших, стоимость их «трудодня»; 8) записи о наплавном мосте через Ханган, сооруженном специально для процессии – сделанный ваном чертеж моста, тип и количество пошедших на него материалов, виды и количество украшавших мост флагов; списки имен нескольких сот участвовавших в строительстве чиновников, музыкантов, солдат (*чугё* 舟橋); 9) записи о лошадях и простолюдинах (*сабок чонне* 司僕定例): списки конюхов, возничих, коновалов, носильщиков государева паланкина, следовавших за ним мелких чиновников и писарей и пр. – всего 436 человек.

Паланкин
дамы Хегёнгун, матери
Чонджо. Здесь необычно
то, что паланкин
не несут носильщики,
а тянет лошадь, что
было связано с особой
длительностью пути.
Фрагмент картины
шествия-панчхадо.
Чонни ыйгве, 1795 г.

Пятый раздел: 1–3) списки гостей – дамы (нэбин 內賓), мужчины (вебин 外賓), почтенные старцы с указанием возраста (чхамён ноин 參宴老人); 4) следовавшая за паланкином вана свита придворных (пэджон 陪從); 5) списки военных, оставшихся в столице (юдо 留都); 6) списки выступавших на банкете певцов и танцовщиц кисэн с указанием возраста (коннён 工伶); 7) списки дозорных и тайных соглядатаев (танма 塘馬); 8) список успешно сдавших экзамен на государственный чин, проведенный по случаю данного события, с указанием имени, возраста и места происхождения (панмок 榜目); 9) хронология всех событий, произошедших во время восьмидневной церемонии (санджон 賞典, 69 листов). Из помещенного здесь списка вознаграждений явствует, что люди высокого звания получили шкуры леопардов и оленей, лекарства, шелк, вышивки со знаками должностного отличия на официальные одежды, посуду. Солдатам, художникам, ремесленникам выдали рулоны льна и хлопка; 10) общий подсчет расходов (чэён 財用) расходов¹⁴.

«Чонни ыйгве содержит огромный объем сведений по самым разным отраслям: политике, административному управлению, военному делу, финансам, транспорту, литературе, строительству, ремеслах, культуре ритуала. По ней можно изучать и жизнь народа. Она позволяет понять, почему время Чонджо называют «ренессансом династии». Больше всего вызывает восхищение воплощенный в ней последовательный письменный дух. Это запись не только о высокопоставленных людях, но и о ремесленниках, артистах-кисэн, рабах и пр. В этой записи все прозрачно и открыто, что свидетельствует о высоком уровне правления. Если представить монархическую эпоху в виде леса, то эта ыйгве – лишь одно дерево в этом густом лесу, но при этом одно из лучших»¹⁵, – писал один из первых исследователей ыйгве в Республике Корея историк Хан Ёну*, автор популярной книги, которая не только известна в своей

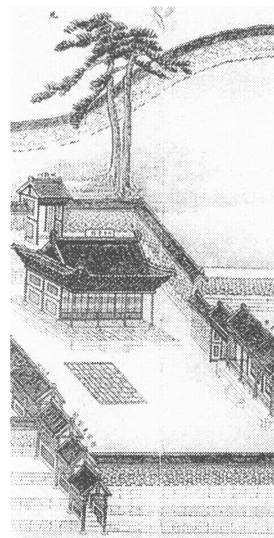
* В середине 1990-х годов Хан Ёну был директором Института Кюджангак СНУ.

стране, но, благодаря Корейскому фонду, есть сегодня во всех центрах корееведения в России. Хотелось бы привлечь к ней внимание отечественного студенчества как к интереснейшему источнику по изучению традиций позднего Чосона.

Ыйгве в современном мире

Сохранилось 3895 томов *ыйгве***, где описаны церемонии примерно 650 видов. Около 80% находится в Кюджангаке при СНУ (2940 томов по 546 церемониям). Это собрания из министерства ритуалов Чосона, а также архивов в горах Одэсан и Тхэбэксан. В королевской библиотеке Чансогак при Академии корееведения в г. Соннаме находятся *ыйгве* (490 томов по 287 церемониям), которые раньше хранились в Чонмё и в архиве на горе Чоксансан около г. Муджу. 174 (по другим сведениям – 191) *ыйгве* (297 квонов) хранятся в Национальной библиотеке в Париже, причем 30 из них существуют в единственном экземпляре. Они были захвачены в качестве военного трофея во время нападения французов на летнюю резиденцию чосонских ванов на о-ве Канхвадо в 1866 г.*** При этом свыше 90 *ыйгве* (в основном – «королевские» экземпляры) погибли в огне, а филиал Кюджангака, где они хранились, – сожжен. В начале ХХI в. его восстановили.

Интересна судьба французской коллекции *ыйгве*. О ней не было известно в Корее более ста лет, пока в 1979 г. она не была обнаружена сотрудницей Национальной библиотеки в Париже Пак Пёнсон (род. в 1928 г.). Ее открытие способствовало возникновению интереса к *ыйгве* в обществе. «За разглашение профессиональной тайны» Пак была уволена из библиотеки и с тех пор посвятила жизнь тому, чтобы добиться возвращения этого культурного наследия своей страны на родину. Также именно ей принадлежит честь открытия в 1985 г. в хранилищах французской Национальной библиотеки еще одного книжного сокровища старой Кореи – второго тома «Извлечений из «Антологии учений великих сон-буддистских наставников о постижении природы Будды», составленных заслуженным монахом Пэгунум» (*Пэгун хвасан чхорок Пульджо чик-чи симчхе ёджоль* 白雲和尚抄錄佛祖直指心體要節, 1377). Сегодня это издание многие признают одной из первых в мире книг, напечатанных с использованием наборных

Отделение библиотеки-архива Кюджангак в летней резиденции чосонских ванов на о-ве Канхвадо, построенное в 1782 г. для хранения королевских сочинений и образцов каллиграфии, а также записей с описаниями важнейших церемоний государства, в том числе и «королевских» *ыйгве*. Фрагмент старинного плана (*Канхва пугун чондо* 江華府宮殿圖)

** По сообщению агентства Ёнхап от 14.09.2010, в Корее хранится 3563 *ыйгве*, в том числе 703 оригинала.

*** Этот эпизод называется в корейской историографии *пёнбин яньё* (丙寅洋擾)

металлических шрифтов. В апреле 2001 г., одновременно с *Сынджонвон ильги*, она была внесена ЮНЕСКО в реестр «Память мира». Эта книга была привезена во Францию дипломатом Коллином де Планси, служившим в Корее в 1888–1891 и 1896–1901 гг., затем попала в руки коллекционера, а после его кончины в 1950 г. была подарена Национальной библиотеке.

Пак Пёнсон – автор нескольких книг о письменных памятниках и книгопечатании в Корее на французском и корейском языках. Она отказалась от личной жизни и одиноко живет в пригороде Парижа, посвящая все свое время составлению библиографических описаний *ыйгве*. В корейском народе она стала фигурой легендарной и послужила прототипом главной героини в популярном историческом детективе «Тайны книг Кюджангака». Вопрос о возвращении *ыйгве* обсуждается на межгосударственном уровне, но договоренность пока не достигнута. «Эти книги были захвачены даже не во время войны, а незаконно вывезены после неудачного [для Франции] столкновения с корейским гарнизоном, и то, что Франция их не вернула до сих пор, свидетельствует о том, что в этой стране еще и сегодня сохраняется дух империалистической эпохи конца XIX в.», – пишут южнокорейские СМИ.

Агентство Ёнхан. 19 марта 2010 г.

Президент Ли Мёнбак обратился к министру иностранных дел Франции Бернару Кушнеру, прибывшему в Сеул с двухдневным визитом, с официальной просьбой передать Республике Корея в постоянную аренду старинные книги из королевской библиотеки на о-ве Канхвадо, захваченные во время французского вторжения в 1866 г. Обращение предпринято в ответ на решение французского суда, который в феврале 2010 г. рассмотрел предъявленный южнокорейской общественной организацией иск и подтвердил собственность Франции на 296 корейских книг. Всего в 1866 г. французскими экспедиционными войсками было похищено 297 *ыйгве* – «книг установленных ритуалов», и только одна из них была возвращена на условиях постоянной аренды – в 1993 г. президентом Ф. Миттераном*. Как сообщил информированный источник, «два правительства к настоящему времени провели несколько раундов переговоров и пришли к выводу, что передача книг Корею в постоянную аренду – наиболее реалистичный выход». По конвенции ЮНЕСКО 1970 г., подлежат возврату только те культурные ценности, которые были получены незаконным путем после ее подписания. Все другие независимо от того, как они были приобретены, могут

---

* Это были *ыйгве*, составленные в связи с кончиной и похоронами госпожи Пак, наложницы Чондо и матери Сундо (1801–1834).

быть зарегистрированы как «национальное достояние», и именно это произошло с корейскими текстами в Национальной библиотеке Франции. Б. Кушнер пообещал оказать максимальное содействие. Это первый визит главы иностранного ведомства Франции в Южную Корею за последние 7 лет.

167 корейских «книг установленных ритуалов», в том числе 81 оригинал, хранятся в Японии, в Ведомстве императорского двора. В августе 2010 г., в канун столетия аннексии Кореи, японское правительство приняло решение о возвращении Кореи их всех, кроме четырех, купленных в частном порядке¹⁶. Две *ыйгве* хранятся в восточном отделе Научной библиотеки Санкт-Петербургского университета. Одна посвящена «ритуалу, установленному в год *ыльмё* (1795) при высочайшем посещении усыпальницы принца Садо», вторая – «ритуалу проведения пира во дворце». Это памятники из коллекций русских дипломатов К.И. Вебера (1841–1910) и П.А. Дмитриевского (1851–1899), приобретенные ими в годы службы в Кореи в конце XIX в.

В интернете создана база данных по *ыйгве*, где информация представлена несколько иначе, чем в случае с другими письменными памятниками. Разработано специальное «бюро», позволяющее увидеть как изображения, так и текст *ыйгве* (<http://kyuarchive.snu.ac.kr/>).

Информация Управления культурным наследием РК

Ыйгве отразили основные церемонии династии Чосон в огромном объеме изображений и текстов, и прецедентов им в мире нет. Пока не выявлено, составлялись ли подобные книги систематически в других конфуцианских странах: Китае, Японии, Вьетнаме. Нельзя недооценивать значение конфуцианства в мировой истории. Оно существовало не в малом уголке мира. Площадь его распространения в несколько раз превышала размеры Западной Европы, а по числу своих приверженцев оно превосходило население Европы, Юго-Западной Азии и Среднего Востока вместе взятых. По меньшей мере до XIV в. конфуцианский ареал был одним из крупнейших культурных зон мира. Однако после нескольких варварских нашествий китайские ритуалы стали утрачивать свои первоначальные формы. Особенно много письменных памятников, описывавших ритуалы, погибло в Китае в результате вторжения монголов. В отличие от Китая, Корея не испытала подобного и сохранила традиционное наследие в первозданном виде, благодаря чему смогла продолжить следование тысячелетней традиции в исполнении ритуалов. *Ыйгве* – это летописи, в которых сохраняется наследие прошлого, забытое в большинстве конфуцианских обществ. Это не записи маленькой монархии. Они выражают суть конфуцианской традиции, которая некогда охватывала значительную часть человеческого общества¹⁷.

V

«Самый корейский из корейских дворцов»

По обычаю здесь бережливы в питании
и любят строить дворцы

*Из описания корейских племен
в Санъго чжи, конец III в. н.э.*

Фигура льва-хэтхэ
у ворот дворца
Кёнбоккун в Сеуле

В декабре 1997 г. сеульский дворец периода Чосон Чхандоккун («историческая достопримечательность» государственного значения *сэджок* 史蹟 № 122) и примыкающий к нему парк *Хувон* были включены в Список всемирного наследия ЮНЕСКО как «выдающийся образец дальневосточной дворцовой архитектуры и паркового дизайна, в котором постройки гармонируют с окружающей природой и топографией местности при сохранении естественного древесного покрова»¹. Газеты с гордостью писали, что, таким образом, Южная Корея вошла в число 34 государств из 151, которые подписали Конвенцию ООН об охране всемирного культурного и природного наследия и у которых зарегистрировано пять и более памятников мирового значения.

Дворец как понятие

Всего в Сеуле пять королевских дворцовых комплексов периода Чосон. Дворцов другой династии здесь нет и не могло быть, поскольку каждая династия обычно основывала свою столицу, а династия Ли государства Чосон была в Корее последней. Этот город, который на протяжении шести веков назывался Ханян 漢陽, Хансон 漢城, Кёнсон (京城, яп. Кэйдзё), Сеул, – великое детище чосонских ванов. Столицей считался город, где пребывал ван. Ван жил во дворце, и таким образом столицей был город, где находился дворец. Именно наличие дворца, а также алтарей предков династии (*чонмё*) и духов земли и злаков (*сэдджиктан*) делало город столицей, и потому с городской стены, алтарей и с Кёнбоккуна – «Дворца цветущего счастья» – началась в 1394 г. постройка Сеула. Ею руководил высший сановник и главный идеолог династии, философ и писатель Чон Тоджон. Он и дал название первому дворцу, позаимствовав строфу из *Шицзина*^{*}:

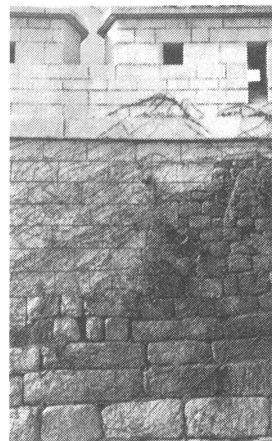
Ныне вином напоил допьяна,
Нас напитал от великих щедрот.
Тысячи лет да живешь, государь!
Светлое счастье твое да растет!².

В этих стихах переводчик А.А. Штукин передает слово *кёнбок* как «светлое счастье». *Кён* 景 в знаменитом толковом словаре раннеханьского времени *Эр я* («Приближение к изысканному»)^{**} объяснялось как «большой» (大也), а в позднеханьском словаре *Шо вэнь цзе цзы* («Толкование знаков»)^{***} объяснялось как «сияющий» 光也 или «цветущий». Таким образом, название Кёнбоккун понималось

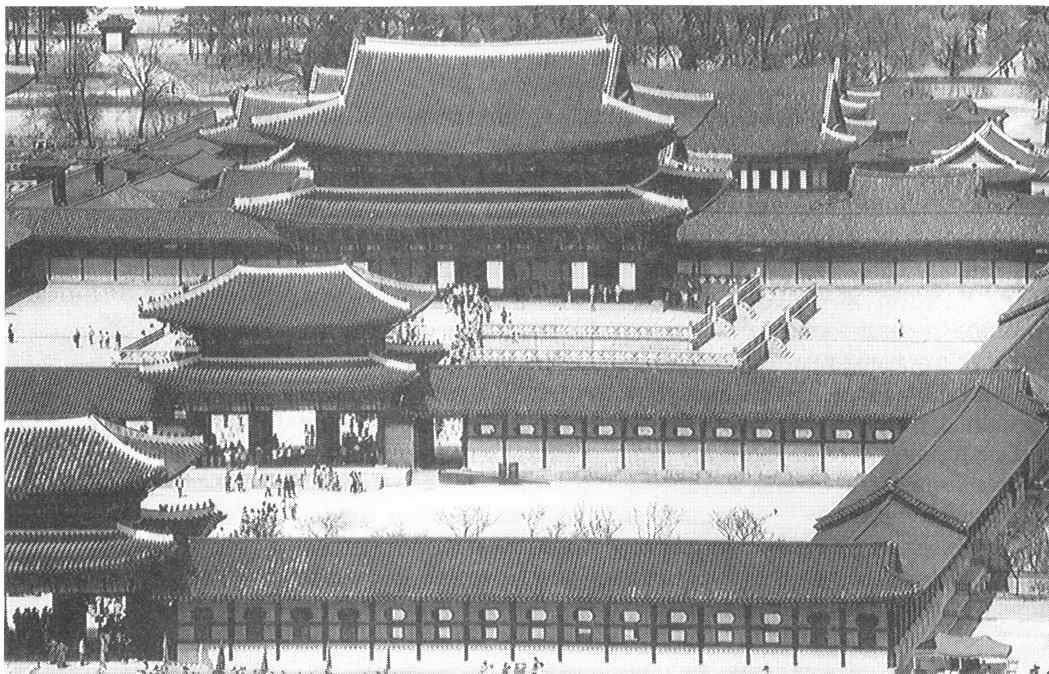
^{*} *Шицзин* (詩經 кор. *Сигён*) – «Книга песен», китайская антология из 305 поэм, датируемых в основном эпохой Чжоу (XI–VI вв. до н. э.) объединившая практически все поэтическое наследие древнего Китая. Ее содержание было тесно связано с дворцом как местом пребывания правительства и всех главных государственных и религиозных торжеств и зрелищ.

^{**} *Эр я* (кор. *Иа*, 爾雅) – первый толковый китайский словарь. Традиция приписывает его Чжоу-гуну – брату первого чжоуского правителя Чжоу-вана (XI в. до н.э.), а редактуру – Конфуцию и его ученикам.

^{***} *Шо вэнь цзе цзы* (說文解字, кор. *Сольмун хэджа*) – «Толкование знаков», или полный перевод «Объяснение простых и рассечение сложных знаков», – первый полный китайский иероглифический словарь, составлен Сюй Шэнем (ок. 58–ок. 147 гг. н.э.), содержит 9353 иероглифа.

Фрагмент старой сеульской стены, дошедший до наших дней и надстроенный для уподобления первоначальному облику в 1970-х годах. Столичные стены были впервые построены в 1396 г. Первоначально они были каменными только в наиболее опасных с точки зрения обороны местах. Остальная их часть была земляная. В 4-м году Седжона (1423) стена была перестроена из натурального камня. Подбирались небольшие камни округлой формы 30–40 см в диаметре. Увидеть их можно и теперь в некоторых местах. При Сукчоне (1674–1720) стена была перестроена вновь. На этот раз ее сложили из крупных, примерно квадратной формы камней около 60 см в длину

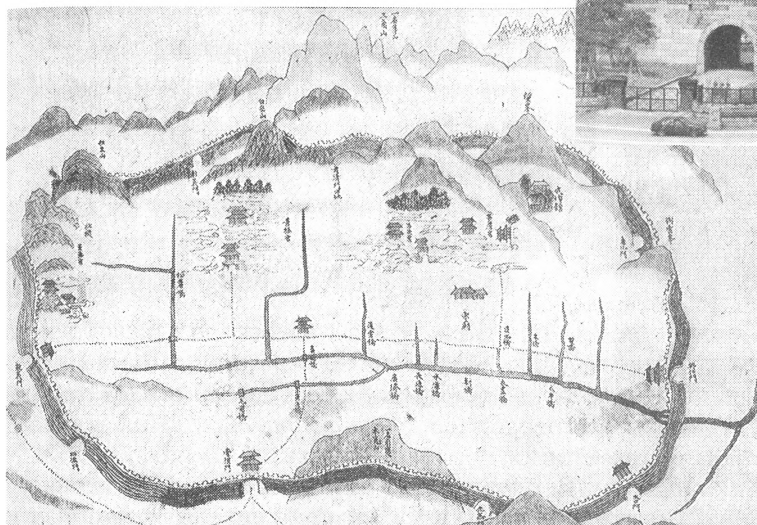

Дворец Кёнбоккун – первый и крупнейший дворец Чосона. Современный вид. На реконструкцию дворца, которая началась в 1990 г. и продолжается сегодня, к 2010 г. было выделено государством около 155 млн. долл. Фото из журнала «Koreana»

как «очень большое счастье», или вечное блаженство, которого можно достичь, культивируя конфуцианскую нравственность. Оно отражало решимость молодой, отказавшейся от буддизма как государственной религии династии неотступно следовать заветам конфуцианских мудрецов. Это проявилось и при строительстве столицы и ее главного дворца. Оно началось одновременно в 10-й луне 1394 г. – с возведения стен, которые по канонам, должны были образовать квадраты.

С давних пор на Дальнем Востоке мир представлялся в виде квадратов, последовательно вписанных друг в друга, и еще со времен Чжоу такими стенами окружали владения удельных князей, превращая их в маленькую копию Земли. В их столицах внутри квадрата крепостных стен имелась такая же стена, опоясывавшая дворец правителя. В Китае стены сооружали не только по границам уделов, но и всей страны, о чем напоминает и сегодня Великая китайская стена. В отличие от городских стен в Китае, почти всегда прямоугольных в плане, стены чосонской столицы растянулись по гребням гор, образуя неправильной формы кольцо. Когда строительство городской стены было завершено, в 1395 г. название города изменили с Ханяна на Хансон 漢城 – «Крепость на реке Хан». Современное название «Сеул» – исконно корейского происхождения и не имеет иероглифического эквивалента. Буквально оно означает

«Ворота уважения морали» (*Суннемун*), или «Большие южные ворота» (*Намдэму*) – главные ворота Сеула. «Национальное сокровище» № 1. Это важнейшее здание Чосона и старейшая (1398 г.) в городе деревянная постройка погибло в пожаре 10 февраля 2008 г. и в настоящее время отреставрируется заново. Фото 1970-х годов

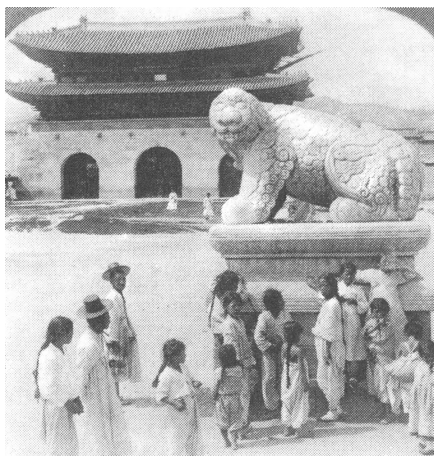
«столица». Есть версия, что оно произошло от «Сораболь» (徐羅伐) – одного из названий Кёнджу – столицы Силла, и так же называли иногда и саму эту страну.

Стены городов имели больше символическое значение и потому могли присутствовать «лишь символически». Их сооружали наскоро, не слишком заботясь о прочности. Главными оборонительными сооружениями были крепостные башни, служившие одновременно воротами. Ворота как вход в священное внутреннее пространство являлись важной частью символики древних китайских городов. В них, по верованиям, обитал божественный покровитель города, на них вывешивали трупы поверженных врагов, головы казненных изменников³. Все это было учтено и при строительстве Сеула, где вместе со стенами возвели восемь ворот, из которых пять сохранились и поныне. Они были настолько важны, что их духу поклонялись в главном храме страны – Чонмё.

Четверо городских ворот, поставленных по основным сторонам света, считались главными. В их названия вошли иероглифы, обозначающие четыре из пяти основных добродетелей конфуцианца (*осан* 五常): милость (*ин* 仁), справедливость (*ый* 義), вежливость (*йе* 禮) и мудрость (*чи* 智)*. Они назывались (в порядке значимости): «Ворота

Карта Хансона (都城圖). Горы и воды. Показаны восемь городских ворот. В городской стене также существовал акведук, по которому текла небольшая речка Чхонгечхон

* Пятая добродетель – искренность (син 信).

Кванхвамун 光化門 – главные ворота Кёнбоккуна и одна из самых значимых построек чосонской эпохи – «национальная икона», как называют ее современные исследователи. Построенные первоначально в 1395 г., эти ворота являются почти ровесниками Сеула. Тогда же перед ними были установлены две гранитные фигуры фантастических, покрытых чешуей, львов *хэтхэ* – оберегов дворца от пожаров. Одна из них на этом снимке. 1903 г.

Общий вид Кванхвамуна в 1900 г., который сегодня считается «классическим». Так эти ворота выглядели с тех пор как были восстановлены (после Имджинской войны 1592–1598 гг.) в 1865 г. одновременно с Кёнбоккуном

уважения морали» (*Суннемун* 崇禮門) на юге, «Ворота растущего благоволения» (*Хынинмун* 興仁門) на востоке; «Ворота почитания справедливости» (*Тоныймун* 敦義門) на западе и «Ворота почитания чистоты» (*Сукчхонмун* 肅淸門, тут *чи* заменили на *чхон*) на севере. В наши дни они называются «Большие южные» (*Намдэмун*), «Большие восточные» (*Тондэмун*), «Большие западные» (*Содэмун*) и «Большие северные» (*Пуктэмун*) ворота, но есть немало людей, кто выступает за возрождение старых названий.

В воротах стояла стража, которая пропускала внутрь посетителя только после тщательного досмотра, а то и обыска. Иногда за вход взималась пошлина. В городе не мог жить любой желающий. Это была привилегия, которой обладали особо приближенные к монарху люди: члены королевской семьи, сановники и их родственники, чиновники и их слуги. Эта система сохраняется ныне в Пхеньяне.

В стене вокруг дворца Кёнбоккун ворот было четверо. Они символизировали основы мироздания и круговорот природы. Самые главные – южные – назывались Кванхвамун (光化門 «Ворота прихода света»), восточные – Кончхунмун (建春門 «Ворота установленной весны»). Они ассоциировались с солнцем, зарождением жизни, энергией *ян* 陽. Западные ворота – Ёнчхунмун (迎秋門 «Ворота встречи осени») – символизировали угасание. Север был местом, где господствовала энергия *ым* (陰, кит. *инь*), он ассоциировался со смертью и зимой. Его символизировал образ обвитой змеей черепахи – «черный воин» (*хёнму*). По нему называли северные ворота – Хёнмумун (玄武門). Большое значение имели и ворота внутри дворца. Их размеры и архитектура зависели от местоположения и определялись канонами.

Кёнбоккун стал «главным дворцом» (正宮 *чонгун*, или 法宮 *попкун*) Чосона. Его создатели взяли за образец Гугун (紫禁城 кор. *Чагымсон*) – императорский дворец минской династии, строившийся примерно в те же годы (1406–1420) в Пекине. В дальнейшем были воздвигнуты по его подобию еще четыре дворцовых комплекса: Чхандоккун (昌德宮 «Дворец цветущей добродетели», 1405); Чхангёнгун (昌慶宮 «Дворец светлого ликования», 1484); Кёнхигун (慶熙宮 «Дворец ликования и радости», 1617); Кёунгун (慶運宮 «Дворец умножаемой радости», 1897, с 1907 г. – Токсугун 德壽宮 «Дворец достойного долголетия»). В дальнейшем я буду называть их «большие дворцы», потому что есть еще дворцы, которые условно можно назвать «внутренние» и «малые внешние».

Корейские дворцы, хотя и ориентированы на китайские образцы, не так велики по площади и размеру зданий. Не так геометрична их планировка, потому что они стоят в предгорьях, а в Китае – на равнине. Однако корейцы гордятся ими не меньше, чем китайцы Гугуном, считая, что «Сеул – город, где расположено самое большое количество королевских дворцов в мире»⁴. С европейской точки зрения это утверждение спорное (в Санкт-Петербурге, как пишет Википедия, императорских дворцов было восемь), но не безосновательное. Вопрос в разнице понятий.

в правление Коджона периода регентства Тэвонгуна (1864–1873) и вплоть до Корейской войны, когда ворота сгорели. До этого, в 1927 г. после постройки на территории дворца здания японского генерал-губернаторства они поменяли свое местоположение – были на несколько метров перенесены. Были восстановлены в 1968 г., однако при этом были допущены искажения во внешнем облике ворот. В 1995 г. правительство РК приняло решение об их сносе и постройке заново – в соответствии с обликом времен Коджона. Работы начались в 2006 г. и завершились в августе 2010 г., к 65-летию Освобождения

Ворота Кванхвамун после последнего капитального ремонта. Открыты для прохода в августе 2010 г.

Фрагмент картины
Ан Чунсика
(安中植 1861-1919)
«Весенний рассвет
у Пэгаксана»
(白岳山春曉圖). 1915 г.
В центре – Кванхвамун –
главные ворота
Кёнбоккуна. Тушь
на шелке, 125,9×51,5 см.
Национальный
центральный музей
Кореи, Сеул

В колониальные годы
такая картина была
написана неспроста

В европейском представлении дворец – это «большое монументальное парадное здание, выделяющееся своей архитектурой, резиденция царствующих лиц или высшей знати и место пребывания их ближайшей свиты и прислуги». Дальневосточный «большой дворец», в том числе и корейский *кунгволь* (宮闕), – это, во-первых, резиденция монарха и его семьи, откуда осуществлялось управление страной. Во-вторых, это не здание и даже не группа зданий, а город в городе, маленькая копия Земли, где в иерархическом порядке были сгруппированы четко очерченные глухими стенами зоны («дворы»), сектора и кварталы с сотнями разнообразных построек церемониального, политико-административного и бытового назначения.

Как указывал один из «трех величайших» чосонских ванов Чонджо, «дворец – место, где живет ван и откуда он осуществляет управление страной. Люди четырех сторон света взирают на него с трепетом, на нем концентрируется жизнь подданных и к нему стремятся их сердца. Чтобы демонстрировать величие, дворец должен быть большим, его название – прекрасным, а вход в него – строго ограничен. Его облик должен быть не роскошным, но замечательным»⁵. Так оно и было. Видевшая своими глазами в середине 1890-х годов Кёнбоккун английская путешественница и писательница Изабелла Бишоп писала:

«Я шесть раз была во Дворце и всегда – с растущим удивлением от его сложности и восхищением его причудливостью и красотой. Каждый, кто поднимается по его каменной лестнице с каменной балюстрадой, у основания которой стоят каменные львы на каменных пьедесталах, и проходит через громадные ворота с тремя арками, бывает поражен количеством больших, украшенных флагами, дворов, огромными залами для аудиенций, павильонами, зданиями всех типов, каменными мостами, узкими проходами и воротами с двухъярусными резными крышами...»⁶.

Дворец был сакральной областью, окруженной тайной. Здесь жил священный ван, обладавший Мандатом Неба, и все, связанное с ним, было табу. Людям воспрещалось что-либо знать или говорить о дворце. Он был объектом поклонения. Любопытство каралось. Сюда могли входить лишь те, кто имел специальное разрешение. Чиновникам, допущенным к особе монарха, предписывалось пять раз в день мыть руки, чтобы ее не осквернить. Исходящая из дворца информация была крайне ограничена и обнародовалась по специальному повелению. Поэтому дворцы в Чосоне, как и в Китае, называли «запретными». За брошенный в сторону дворца камень, а тем более пущенную стрелу или выстрел полагалась казнь через повешение.

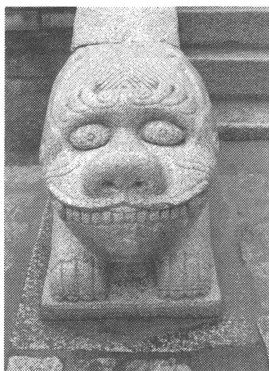
За попытку перелезть через ограду дворца – сто ударов палкой. Смертная казнь предусматривалась и за разглашение любых сведений, с ним связанных.

Общение обитателей дворца с внешним миром было крайне ограниченным. Даже не всякой служанке разрешалось его покидать хоть на время. На этот случай ей выдавали специальный значок, который крепился на одежде и который надо было показывать страже при входе и выходе. Не имевших значка не пропускали. Не удивительно поэтому, что в дворцовом языке даже в середине XIX в. сохранялись слова и обороты, которыми пользовались еще в эпоху Силла. Говорили, что они вошли в лексикон двора еще в те времена, когда последний ван Силла Кёнсун (927–935) сдался на милость победителя – Ван Гона, основателя династии Корё. Последовавшие за ним фрейлины и служанки перешли во дворец Ван Гона, принеся с собой и язык. Сохранились в дворцовом языке Чосона и монгольские слова – с тех времен, когда после покорения Корё монголами, пять последовательно правивших корёских ванов (с Чхуннёля, 1274–1308, до Конмина включительно, 1351–1374) были женаты на монгольских принцессах. Было в дворцовом языке и очень большое количество слов периода Корё (935–1392), потому что основатель Чосона Ли Сонге три года после восшествия на престол жил в столице Корё Кэсоне во дворце прежней династии, и новая челядь перемешалась с фрейлинами, служанками и евнухами старой эпохи. Во дворце существовали два особых речевых стиля. Один использовали придворные и прислуга, другой – ван.

В каждый определенный период чосонской истории одновременно использовались два «больших дворца»: «главный» (*пюкун*) и «дополнительный» (*игун*). Они не были «постоянной величиной». «Дополнительный» мог стать главным. Эта специфическая, являющаяся особенностью чосонского дворцового быта, «двойная система» стала складываться уже в правление Тхэджона (1400–1418). «Дополнительный дворец» был нужен из соображений безопасности, чтобы государь мог переехать туда в случае пожара и прочих непредвиденных обстоятельств или просто из желания сменить обстановку. В разные сезоны отдавались предпочтение разным дворцам. Менял ван место проживания и тогда, когда во дворце видели

Смена караула у дворцовых ворот. Эта церемония была возрождена в начале XXI в. как воспоминание о былом великолепии чосонских монархов

Каменная скульптура-оберег – одна из тех, что стояли у входов в дворцовые «королевские здания»

привидение, если во дворец ударяла молния, если приходил большой зверь, в случае пожара, если кто-то заболел и возникала опасность эпидемии. По статусу *игун* был одной ступенью ниже, но как официальное место деятельности вана имел ту же планировку, что и *пункун*, и не отставал от него по площади.

Существовали и другие дворцы («малые внешние»), в названия которых входил иероглиф *кун* (дворец). «Особыми» дворцами (*пёльгун* 別宮) назывались, например, «королевские дачи» за пределами дворцовых комплексов, где по окончании церемонии смотрин ожидала будущего супруга невеста вана или наследника престола. *Пёльгун* занимали третью ступень в иерархии дворцов. *Хэнгун* (行宮) – «дорожные» дворцы (4-я ступень) – строили по пути следования вана к могилам предков или на источники для лечения, чтобы он мог отдохнуть, поскольку любое путешествие в паланкине в сопровождении огромной свиты занимало несколько часов, а то и дней. Редчайшим образцом частного *кун* является сохранившаяся в Сеуле до наших дней усадьба «Дворец облачной вершины» (Унхёнгун 雲峴宮), принадлежавшая биологическому отцу Коджона Хынсону Тэвонгуну. Ее столь высокий статус объясняется тем, что в ней в 1852 г. родился будущий ван Коджон.

До аннексии в 1910 г. в Сеуле были и другие дворцы *кун*, расположенные за территорией больших дворцов *кунгволь*. В частности, *Чханыйгун* 彰義宮, где Ёнджо (1724–1776) жил до восшествия на престол. Он был сыном 19-го вана Сукчона (1674–1720) от наложницы, наследником предшествовавшего, 20-го, вана Кёнджона (1720–1724) не являлся и потому как обычный женатый принц жил в городе рядом с дворцом. Его усадьба была повышена до *кун* после его воцарения. Аналогичную историю имела резиденция будущего вана Инджо (1623–1649) *Оыйгун* (於義宮).

Дома женатых принцев (не наследников престола) и замужних принцесс назывались не *кун*, а *пан* (бан) 房, и слово *кунбан* 宮房 было синонимом понятия «королевская семья». Дворцами *кун* называли также алтари,

Алтарь «Семь дворцов» (Чхильгун) и сегодня стоит в старом Сеуле к западу от президентской резиденции Чхонвадэ

установленные в память о биологических матерях ванов, не являвшихся законными супругами. В позднем Чосоне в Сеуле было шесть таких алтарей. Накануне колонизации Кореи в 1908 г. их объединили в один – *Юккун* (六宮 «Шесть дворцов»). В 1929 г. в их число вошел еще алтарь королевы Ом (1854–1911) – второй главной супруги Коджона и матери последнего наследника Чосонской династии Ёнчхивана (1897–1970), и алтарь стали называть *Чхильгун* (七宮 «Семь дворцов»).

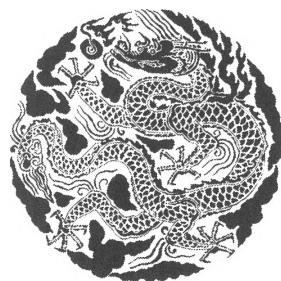
Система двух дворцов и история Чосона

И все прошло... Все минуло, как сон, –
Ворота Кванхвамун, дворец и служба⁷.

Чон Чхоль (鄭澈, 1536–1594)

Решение о переносе столицы в Ханян было принято Тхэджо в конце августа 1394 г. 4 декабря 1394 г. началось строительство дворца и завершилось десять месяцев спустя – 29 сентября 1395 г. Вскоре было завершено и строительство главной дворцовой стены (длиной около 3300 м) с четырьмя воротами. Всего во дворце было около 50 групп зданий разного назначения⁸. 27 октября 1395 г. во дворце состоялся пир, а в конце декабря 1395 г. ван с семьей переехал в Кёнбоккун. Он стал главным дворцом страны (*пюккун* 宮宮). Но единственным оставался недолго.

Как уже говорилось, особенностью дворцовой культуры Чосона являлось одновременное использование двух дворцов: одного «главного» и одного «дополнительного». Толчком к возникновению «системы двух дворцов» послужили трагические события в королевской семье. В 1398 г. в Кёнбоккуне произошло кровопролитие, вошедшее в историю династии как «первая война принцев». Претендовавший на престол пятый сын основателя Ли Панвон (李芳遠, 1367–1422) и его дружинники убили здесь двух его сводных братьев и сестру – детей Тхэджо от второй жены королевы Кан (Синдок ванху, 1356–1396), в том числе назначенного наследником Ли Пансока (李芳碩, 1382–1398). Также были убиты ближайшие соратники Тхэджо. Среди них был и Чон Тоджон, бывший, кроме прочего, и «крестным отцом» как самого Кёнбоккуна, так и его главных строений, ибо названия им выбирал он. С тех пор к главному дворцу многие стали относиться как к несчастливому месту, и предубеждение это сохранилось до конца династии. Глубоко потрясенный, Тхэджо отрекся от престола. Новым ваном стал Ли Пангва

Дракон – символ чосонских ванов

(李芳果, 1357–1419), его второй сын от первой жены, вошедший в анналы под посмертным именем Чунджон (1398–1400). «Вторая война принцев» произошла в 1400 г., когда в соперничестве за престол столкнулись дружины Панвона и его старшего брата Ли Пангана (李芳幹, 1364–1421). Панвон победил, и безвластный Чунджон, чтобы сохранить себе жизнь, уступил ему трон.

Так воцарился Ли Панвон – ван Тхэджон (1400–1419). У него не было оснований любить Кёнбоккун – место, где жили души убиенных им родственников, и это побудило его построить в 1405 г. еще один дворец, ставший его главной резиденцией. Название Чхандоккун ему присвоили сразу, а вот выбор названий его построек продолжался почти столетие. Рядом, к востоку, на месте, где теперь находится Чхангёнгун, был воздвигнут дворец Тхэджо «Дворец достойного долголетия» *Токсугун*. Он принадлежал к разряду *пёльгун* – «отдельный дворец». Сюда Тхэджон регулярно приходил для выражения «сыновней почтительности» ненавидевшему его отцу вплоть до его кончины в 1408 г. Спустя пять веков в Токсугун будет по аналогии переименован дворец Коджона после его вынужденного отречения от престола.

В 1418 г. Тхэджон и сам удалился в *пёльгун*, специально для него построенный рядом с отцовским Токсугуном. На трон взошел его третий сын Седжон – величайший из «трех великих ванов» Чосона, создатель национальной письменности *хангыль*. Но случилось это 27 лет спустя, а в первые три года реальным правителем страны оставался Тхэджон, теперь уже «Ваше Величество Ван-Отец» (*Санван Чонха* 上王殿下). Помня опыт Тхэджо и желая подготовить сына к делам правления, он сохранил за собой верховное командование армией и поставил дело так, чтобы Седжон ежедневно докладывал ему обо всех важных делах и издавал указы только после его одобрения. Контролировать ситуацию было тем легче, что Седжон в эти годы, подчиняясь воле родителя, продолжал жить в его бывшей резиденции. Таким образом, в 1405–1422 гг. главной ареной корейской политической жизни был Чхандоккун. Что касается Кёнбоккуна, то он использовался в этот период для особо важных государственных мероприятий: при приеме иностранных послов, сдаче экзаменов на чин (*кваго*) высшей ступени, для банкетов с участием всей королевской семьи, – а также в случае эпидемии.

После смерти Тхэджона Кёнбоккун опять стал главным дворцом. Вплоть до 1592 г. ваны жили преимущественно в нем, но королевы предпочитали скрытый в густом лесу Чхандоккун, который больше чем раскинувшийся

на открытой равнине главный дворец отвечал их уединенному образу жизни. В 1482 г. в систему «двух дворцов» были внесены поправки, когда Сонджон (1469–1494) отдал приказ о восстановлении того «отдельного» дворца, где в последние годы жизни жил после отречения Тхэджон. Его превратили в резиденцию вдовствующих королей, поменяв название на *Чхангёнгун* – «Дворец светлого ликования». С Чхандоккуном его разделяла лишь стена, функционально они дополняли друг друга и получили общее название – «Восточный дворец» (*Тонгволь* 東闕).

Второй этап в «системе двух дворцов» начался с Имджинской войны – с захвата японцами Пусана 13 апреля 1592 г. Враг стремительно продвигался к столице. Это заставило корейский двор поставить, наконец, точку в давнем и ожесточенном споре о том, кто будет преемником Сонджо. Им был спешно провозглашен его сын от наложницы Кванхэгун (годы жизни 1575–1641), чья кандидатура вызывала наибольшие возражения. Но Сонджо был уже по тем представлениям стар (годы жизни 1551–1608), время было тревожное, и всем пришлось примириться с этим выбором. 30 апреля государь с семьей и свитой бежал в Ёйджу на крайний северо-запад страны. 5 мая 1592 г. в город вошли японцы, а еще через несколько дней дворцы были сожжены. Хроники дают противоречивые сведения относительно того, чьих рук это было дело. Судя по составленной в правление Кванхэгуна (1608–1623) основной версии *Сонджо силлок*, дворцы сгорели после прихода в Хансон вражеских войск и были ими подожжены. По исправленной версии той же летописи (*Сонджо суджон силлок* 宣祖修正實錄), составленной после свержения Кванхэгуна его противниками, это сделали городские низы, которые воспользовались тем, что дворцы были оставлены без охраны, разграбили их, а затем подожгли. Пожар начался с административных зданий, где хранились списки государственных рабов. Трудно сказать, кто тут прав. Корейским историкам милее первая версия, но они признают, что составлявшие хроники Сонджо придворные историки в обоих случаях не могли быть очевидцами, ибо писали через несколько лет после событий. Участник корейской кампании 1592–1593 гг. японский генерал Оодзэки оставил описание сеульских дворцов накануне их гибели в своих «Записях о покорении Чосона» (朝鮮征伐記):

«Мы прошли вглубь Кёнбоккуна. Он был совершенно пуст, все ворота открыты настежь. Дворец словно плыл на облаке, крыши его светились, и своим прекрасным обликом он напоминал великолепие

Согодан («Дворец прежнего государя») – старейшее здание на территории Кёнунгуна (с 1907 г. – Токсугун). В нем жил в 1593–1608 гг. и скончался ван Сонджо. Он не имеет росписи на стенах, так как не был официальной резиденцией монарха. При возведении на этой территории в конце 1890-х годов императорского дворца Коджон сохранил его как дорогую сердцу память о великом предке и именно его он созерцал из построенного Сабатиным «Павильона умиротворенного созерцания». Фото Н. Чесноковой. 2009 г.

Сонджо вернулся в Сеул в октябре 1593 г. Все дворцы лежали в развалинах, и он поселился в нескольких сотнях метров к югу от Кёнбоккуна, в доме потомков принца (*тэгуна*) Вольсана (月山大君, 1454–1488), старшего брата Сонджона (1469–1494). Дом был перестроен для Сонджо в «походный дворец» (*хэнгун*). Здесь он и умер 14 лет и 4 месяца спустя, так и не успев восстановить ни одного из столичных дворцов. Главными причинами было тяжелое финансовое положение страны, а также то, что при дворе долго не могли решить, какой именно из дворцов восстанавливать первым. Большинство сановников, считая Кёнбоккун «несчастливым местом», выступали за Чхандоккун, хотя по логике надо было восстанавливать главный дворец. Точку в спорах поставил Кванхэгун, сразу после восшествия на престол приступивший к восстановлению Чхандоккуна, а затем и Чхангёнгуну. Работы были довольно быстро завершены, но ван не спешил туда перебираться. До 1615 г. он продолжал жить в «походном дворце» отца, который был назван *Согодан* (昔御堂) – «Дворец прежнего государя», а образовавшийся вокруг него комплекс вспомогательных зданий стал именоваться *Кёнунгун* (慶運宮 «Дворец умножаемой радости»).

По мнению историков, главной причиной этого нерационального поведения была слабая легитимность

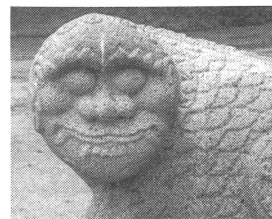
дворца древнего княжества Цинь*. В спальнях еще стоял аромат косметики, столь сильный, что изливался за стены. Лежали забытые роскошные зеркала с коралловыми ручками. Украшенные жемчугом постели (циновки и одеяла – Т.С.) были брошены в беспорядке, все двери открыты. Дворцы никто не охранял, повсюду царило безлюдие и запустение. Доблестный Кониси поклонился «Нефритовому трону». Под впечатлением от торжественности и изысканности обстановки он не смог сдержать слезы, и следом за ним прослезились и другие офицеры»⁹.

* Дворец Циньгун (秦宮), или Циньский дворец. Начал строиться в 350 г. до н.э. по приказу циньского Сяо-гуна в г. Сяньян (недалеко от совр. г. Сиань пров. Шэньси), который стал столицей удельного княжества Цинь в Китае. Княжество существовало в 778–207 гг. до н.э., а потом смогло объединить Китай.

Кванхэгуна как наследника престола. Он был сыном не королевы, а наложницы, причем не старшим, а вторым. Первый сын – принц Имхэгун (臨海君, 1574–1609) – при назначении преемника был обойден отцом «за отсутствие достоинств», и по этой причине китайский император, согласие которого в этом случае было обязательным, отказался признать Кванхэгуна и упорствовал в этом решении еще 16 долгих лет. Новым ударом для Кванхэгуна, пока он был наследным принцем, был брак Сонджо после смерти главной (бесплодной) жены с королевой Ким (Инмок ванху, 1584–1632), в результате которого в 1606 г. у него родился сын принц (*тэгун*) Ёнчхан (永昌大君, 1606–1614), чьи права на престол были безупречны. Придворные ортодоксы встали на его сторону. Так с появлением маленького принца у Кванхэгуна прибавилось врагов, а борьба группировок обострилась.

Историки рассматривают нежелание Кванхэгуна вернуться в Чхандоккун как проявление защитных инстинктов, потому что этот дворец был местом свержения уже двух ванов: Танджона (1452–1455) и Ёнсангуна (1494–1506). Сыграли роль и прорицатели, которыми, боясь заговора, он себя окружил. Они предостерегали его от переезда в Чхандоккун, опираясь на толкование знаков на местности – *пхунсу*. Однако походный Кёнунгун не годился для роли *попкун*, и в апреле 1615 г. Кванхэгун вернулся в Чхандоккун, который таким образом стал главным дворцом страны, но не надолго. Здесь правителя преследовали, по его собственному признанию, призраки, и это не удивительно, поскольку, придя к власти, он убил или сослал всех своих соперников, заточил под домашний арест королеву Инмок, казнил ее отца и восьмилетнего сына, обвинив их в государственной измене.

Уже весной следующего года он отдал приказ о строительстве нового дворца *Ингёнгун* (仁慶宮, «Дворец гуманности и радости») за Алтарем духов Земли и Злаков на западе столицы, а потом, когда геомант Ким Иллён «обнаружил» чуть севернее, в районе Семун-дон «на месте дома принца Вонджона» место выхода «энергии вана» (*ван ки* 王氣), там началось возведение еще одного дворца – *Кёндоккун* (慶德宮 «Дворец цветущей добродетели»). В 1623 г., когда подготовка к переезду Кванхэгуна в Кёндоккун была в разгаре, он был свергнут в результате дворцового переворота, который в корейской историографии высокопарно называется «восстановление справедливости ваном Инджо» (*Инджо панджон* 仁祖反正), но как считает современный народный летописец Пак Ёнгю, он «весьма смахивал на государственную измену»¹⁰. Любопытно, но предсказание об «энергии вана» в доме принца Вонджона

Каменный зверь
из дворца Кёнбоккун

Заброшенный дворец.
Кёнбоккун в XVIII в.
Картина кисти великого
Чон Сона
(鄭數, 1676–1759).
Слева, на краю пруда,
видны несколько
столбов. Это все,
что осталось тогда
от павильона на воде
Кёнхверу,
предназначенного
для официальных
приемов

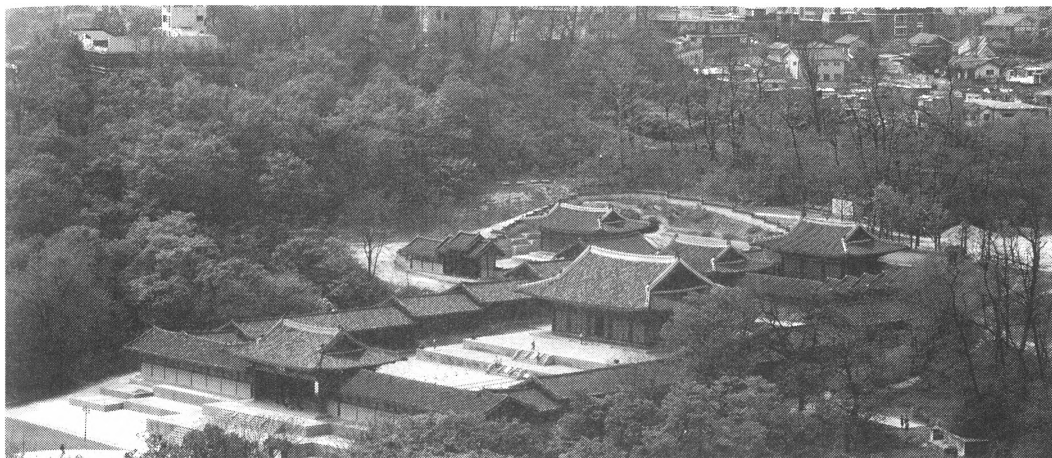
сбылось, потому что этот принц, сводный брат Кванхэгунa, был отцом следующего вана Инджо.

Вопрос о своей легитимности был главным, занимавшим Кванхэгунa все время его пребывания на престоле. Повлиял он и на его политику по постройке дворцов, поскольку именно они являются символами королевской власти. И все же, по мнению Хон Сунмина, «дело было не столько в символах, сколько в том, что широкомасштабное строительство позволяло Кванхэгуну изучать финансы страны* и привлекать новых людей – не родовитых, но лично ему преданных, чтобы создать себе социальную опору при дворе. Оно было важным рычагом управления страной в условиях ожесточенной

фракционной борьбы. Однако Кванхэгун не выдвинул в его пользу разумных аргументов и опирался в основном на слова геомантов. Возведение новых дворцов осуществлялось, не взирая на финансовые трудности и политическую обстановку. Это лишило правителя поддержки сановников и народа и, в конце концов, стало одной из причин его падения»¹¹.

Заслуги Кванхэгунa перед страной, которой он фактически руководил в тяжелейшее военное время и в восстановительный период, не были признаны двором. Не получила должной оценки современников и его внешняя политика, которую сегодня многие корейцы оценивают как «смелую и реалистичную». В 1609 г. он заключил договор о торговле с даймё о. Цусимы (*Кию якчо*), через которого традиционно осуществлялись корейско-японские контакты. Тем самым были возобновлены прерванные Имджинской войной отношения и снята напряженность на южных границах. Стремясь любой ценой сохранить

* Это был один из немногих ванах династии, серьезно занимавшихся экономическими вопросами лично. Именно по его инициативе была усовершенствована система налогов, и стало возможным осуществлять их выплату не отдельными предметами и продуктами, а их рисовым эквивалентом (*тэдонми* 大同米), что способствовало возрождению экономики Кореи на протяжении всего XVII в.

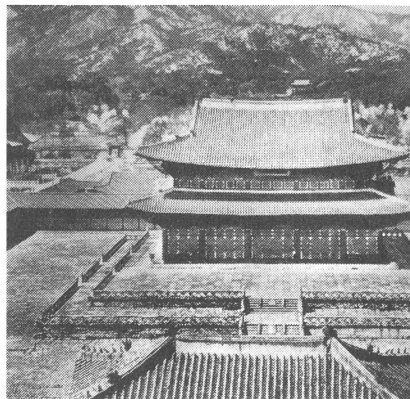

мир для своей лежавшей в развалинах измученной страны, в отношениях с Китаем Кванхэгун маневрировал между столкнувшимися в ожесточенной борьбе Минами, чьи силы были на исходе, и крепнувшим маньчжурским (т.е. «варварским») государством Цин. Посылая по требованию Минов войска в их поддержку, он одновременно предпринимал шаги к замирению с цинским владыкой Нурхаци. Это было неслыханным вызовом *садэ* («уважению к старшему [государству]»), и гнев двора против правителя нарастал. В этом противостоянии низкий статус его матери, носившей титул супруги 2-го ранга*, был сильным аргументом против него, и потому в 1610 г. он посмертно возвел ее в ранг королевы (Консон ванху 恭聖王后), чтобы легитимизировать свое место в генеалогической линии ванов Чосона. Также он переименовал ее могилу в королевскую гробницу – *Соннын* 成陵. Но это ему не помогло.

После его свержения его мать была лишена всех почестей. Пострадали и другие члены семьи Кванхэгун. Его супруга не смогла примириться с тем, что теперь она «низложенная королева Ю» (*пхеби Ю-сси* 廢妃 柳氏, 1576–1624), впала в безумие и скончалась через год на о-ве Канхвадо, где их с мужем содержали под строгим надзором, не выпуская за ворота. Вскоре погибли его сын («низложенный наследник» *пхеседжа* 廢世子) и невестка, предпринявшие попытку бежать из заключения. Бывший монарх остался в полном одиночестве. Оно стало его уделом до последнего дня, но прожил он еще 18 лет – на удивление долго, несмотря на то, что горевшая мщением вдовствующая королева Инмок, высокий статус которой

Кёнхигун после реставрации.
Современный вид

** Полное имя: конбин Ким сси 恭嬪 金氏, 1553–1577.

Вид на Кёнбоккун, который в 1869-1895 гг. был главным дворцом Чосона.

Фото 1890 г.

Тронный зал
Кынджонджон
(«Зал ревностного правления»)
в Кёнбоккуне
Фото 1890 г.

с воцарением Инджо был восстановлен, не раз посылала к нему убийц. Видно, были при дворе сочувствующие ему, которые всякий раз вовремя предупреждали его об опасности. Что касается Инджо, то он до конца видел в Кванхэгуне соперника, и когда в стране поднимались волнения, приказывал вывезти узника на корабле далеко в море. Так было во время бунта в столице в 1624 г. и нашествия маньчжуров 1636 г. Последние четыре года жизни Кванхэгун провел на самом отдаленном острове – Чеджудо. Сохранились свидетельства, что он жил очень просто и старая служанка звала его Старик (*Ёнгам*). Косвенным признанием его заслуг потомками стало восстановление с конца 1980-х годов построенного им в 1617 г. Кёндоккуна (в 1760 г. он был переименован в *Кёнхигун* 慶熙宮 – «Дворец счастья и добра»), который сегодня вновь стал одним из украшений южнокорейской столицы.

Судьба Кванхэгуна стала назидательной для всех последующих ванов Чосона, которые были обязаны хорошо знать историю. Она постоянно напоминала им о том, как можно поплатиться за чрезмерную самостоятельность и решения, у которых нет прецедента. Только самые решительные и легитимные (т.е. рожденные королевой) могли на такое пойти. У последних ванов Чосона не было ни решительности, ни полной легитимности. Об этом надо помнить, задумываясь о причинах падения династии. Когда Коджон в 1880-х годах стал искать нового сюзерена взамен дряхлеющего и превращавшегося постепенно в полуколонию европейских держав цинского Китая, рядом с ним не оказалось ни верных друзей, ни преданных соратников.

Крушение Кванхэгуна не стало началом новой жизни хансонских дворцов. Через год, в 1624 г., на столицу совершили набег отряды Ли Кваля (李适, 1587–1624) – военного чиновника, одного из организаторов «восстановления

справедливости ваном Инджо». Он был недоволен распределением чинов и наград, последовавшим за переворотом, и поднял бунт. Впервые в истории Чосона мятеж вынудил государя бежать в провинцию (г. Конджу, пров. Южная Чхунчхон). Вернулся он через две недели. За это время значительная часть недавно отстроенных Чхандоккуна и Чхангёнгунна была сожжена, поэтому Инджо пришлось переехать в ненавистный ему, связанный с Кванхэгуном, Кёндоккун.

Инджо чаще всех других ванов династии покидал столицу в связи с чрезвычайными событиями. В январе – апреле 1627 г., когда произошло первое нашествие маньжуров на Корею, он жил на Канхвадо. В декабре 1636 г., когда началось второе нашествие, бежал в горную крепость Намхан (пров. Кёнги), возглавил ее оборону, но был вынужден сдаться в январе 1637 г., признав зависимость от династии Цин. Эти бурные события и ожесточенная придворная борьба сказались и на дворцах. Ремонтные работы в Чхандоккуне начались только в 1647 г. Его не строили заново, а переносили постройки из Ингёнгунна. В результате Ингёнгун исчез без следа, а Чхандоккун вновь приобрел прежнее величие. Так возродилась «система двух дворцов», но их набор уже был другой. Главным дворцом стал Чхандоккун вместе с Чхангёнгунном, т.е. «Восточный дворец» (Тонгволь), а «дополнительным» – Кёндоккун (Кёнхигун). Его стали называть по аналогии «Западный дворец». Таковыми они оставались около 250 лет – до восстановления Кёнбоккуна в 1868 г. Тогда он ненадолго опять стал «главным», а Чхандоккун – «дополнительным» дворцом. 1868–1895 гг. – третий и последний этап в «системе двух дворцов».

Коджон навсегда покинул Кёнбоккун вскоре после убийства в нем королевы Мин 8 октября 1895 г. Если представить, как в ту роковую ночь отряд убийц шел через весь огромный комплекс в его парковую зону, где на королевской «даче» Кончхонгун (乾清宮, «Дворец ясного неба») жил с семьей глава государства, как открывались одни за другими перед ним глухие ворота, у которых, по вековой традиции, должна была стоять стража, то возникает мысль, что дворец в конце XIX в. был уже не тот, и что обитателей его больше некому было защитить.

Лotosовый пруд в парковой зоне Кёнбоккуна. Он был любимым местом прогулок и катания на лодках Коджона. На его северном берегу стояла его неофициальная резиденция – Кончхонгун, построенная в 1873 г., т.е. в год, когда он реально начал править страной, освободившись от опеки отца, и когда наладились его отношения с женой. Кончхонгун стал их любимым семейным «гнездом».

На круглом острове в центре этого пруда «Беседка далеко летящего аромата» (Хявонджон 香遠亭) – одна из красивейших в Кёнбоккуне.

Фото автора 2008 г.

Женские покои в Кончхонгуне и пристройка Окхору (на каменных столбах справа), где была убита королева Мин. А.И. Середин-Сабатин, ставший невольным очевидцем этой трагедии, находился тогда в нескольких шагах от этого здания. *Фото начала XX в.*

во дворце и которого принесла к королевским покоям охваченная ужасом толпа слуг. Это было жутко. Мои студенты всегда спрашивают, почему Коджон не бросился защищать жену. Думаю, что физические действия подобного рода были несовместимы с его статусом, с представлениями о чести и достоинстве, которые для главы государства были важнее привязанности и семейных уз. Насилие не соответствовало «пути вана», которого всегда учили, что «император Шунь правил лишь тем, что сидел на троне лицом к югу», и вере в могущество магической силы *ток* (кит. дэ), которой, как считалось, волей Неба одарен монарх. Еще одной из причин были глубокий шок и естественный страх. Посвягательство иноземцев на жизнь коронованной особы в покоях дворца было делом неслыханным, и не только в корейской истории, беспрецедентным по своей жестокости и наглости. Да и что он мог сделать безоружный? Ванов не готовили к самозащите, и они не носили при себе ни мечей, ни сабель. После той ночи, вопреки очевидному, Коджон несколько недель надеялся, что его умная супруга смогла обмануть врагов и спастись, как удавалось ей это не раз и в прошлом. Потом надежда угасла. Также находившийся во время убийства матери в Кончхонгуне принц Чхок (будущий Сунджон) так никогда и не оправился от потрясения.

12 февраля 1896 г. ван бежал с сыном в Русскую дипломатическую миссию, прожил в ней до 20 февраля следующего года, а потом вернулся уже в Кёнунгун – новый дворец, специально для него к этому времени отстроенный. Вскоре он стал первым императорским и оставался единственным дворцом Чосона вплоть до

Кончхонгун был полностью снесен в колониальный период и восстановлен в конце 2007 г. Я побывала в нем летом 2008 г. Судя по расположению построек в этом подворье, лежавшего в постели Коджона от убийц отделяли лишь несколько метров и он, несомненно, слышал, как звенели клинки, как убивали и бросали из окон придворных дам, как кололи штыками королеву. Что там происходило, подробно описал А.И. Середин-Сабатин, который в ту ночь и утро находился на службе

отречения Коджона в 1907 г. Тогда он был переименован в Токсугун («Дворец достойного долголетия») и стал частной резиденцией. В ней Коджон и скончался 21 января 1919 г. на 67-м году жизни. Последний монарх Кореи, император Сунджон, с первых дней правления и до последних своих дней жил в Чхандоккуне. Здесь (во дворце Тэджоджон) он отрекся от престола в 1910 г., здесь и умер 25 апреля 1926 г. в возрасте 52-х лет.

Несмотря на то, что Кёнбоккун был построен первым, по времени реального проживания в нем ванов он уступает Чхандоккуну и примыкающему к нему Чхангёнгуну. Кёнбоккун сгорел в начале Имджинской войны (1592) и был восстановлен 276 лет спустя, в правление Коджона (1868), который использовал его как свою главную резиденцию (*попкун*) до 1896 г. Таким образом, его история составляет 225 лет: 197 лет до Имджинской войны и 28 лет в Новое время. Чхандоккун использовался 505, а Чхангёнгун – 426 лет, и потому именно эти дворцы считаются эпицентром чосонской истории. Здесь она и закончилась. В тронном «Зале гуманного правления» (*Инджонджон*) 22 августа 1910 г. был подписан договор об аннексии Кореи – «чтобы поддержать мир и стабильность в Корее, способствовать процветанию и благополучию корейцев и гарантировать безопасность иностранным гражданам и подданным».

Согласно этому договору, ушедшее в историю Чосонское государство стало именоваться Ли *сси* Чосон 李氏朝鮮, а также Лиджо 李朝. Императорская семья была понижена в ранге до Ли *ванга* (李王家 – род ванов Ли), Коджон, которого в 1907–1910 гг. именовали «императором-отцом» (*тхэхвандже* 太皇帝) стал Ли *тхэваном* (李太王) – «ваном-отцом из рода Ли», а император Сунджон Ли *ваном* (李王, «ван [рода] Ли»). Имелось в виду, что они теперь подданные японского императора (по аналогии со старым Китаем, где ваны были вассалами). Дворцовое ведомство *Куннэбу* изменило название на *Ливанджик* (Ведомство по делам ванов рода Ли). Его обязанности были определены Приказом об императорской фамилии № 34 от 30 декабря 1910 г., по которому оно приступало к работе с 1 февраля 1911 г. За один день до этой даты, 30 января 1911 г. большинство сотрудников Дворцового ведомства (326 человек) были уволены, а его деятельность прекращена. Те, кто не был уволен, перешли в Ливанджик, в первую очередь, – работавшие в Куннэбу японские чиновники. Именно они и их доверенные лица из корейских аристократов и чиновников стали главными фигурами в окружении бывших монархов в их последние годы.

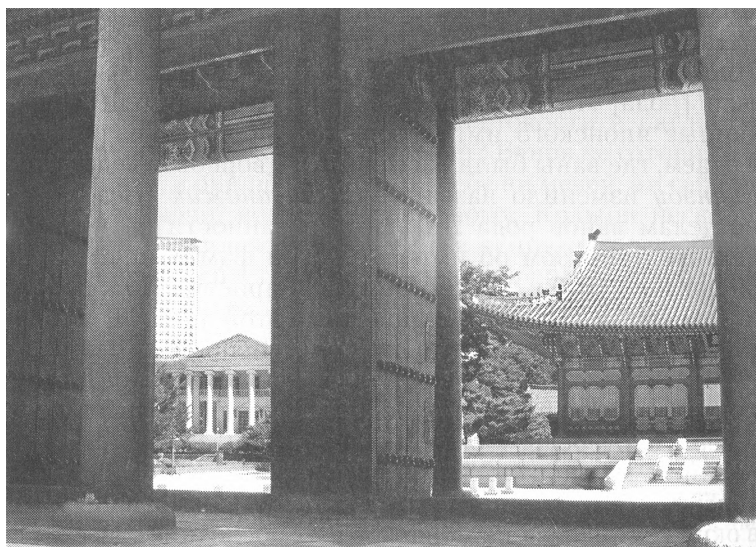
Заросший травой двор у стены Тронного зала *Кынджонджон* в 1903 г. Вскоре после гибели супруги Коджон навсегда покинул «оскверненный» Кёнбоккун. Не захотел там жить и его сын и преемник – император Сунджон, и дворец вновь стал приходить в запустение

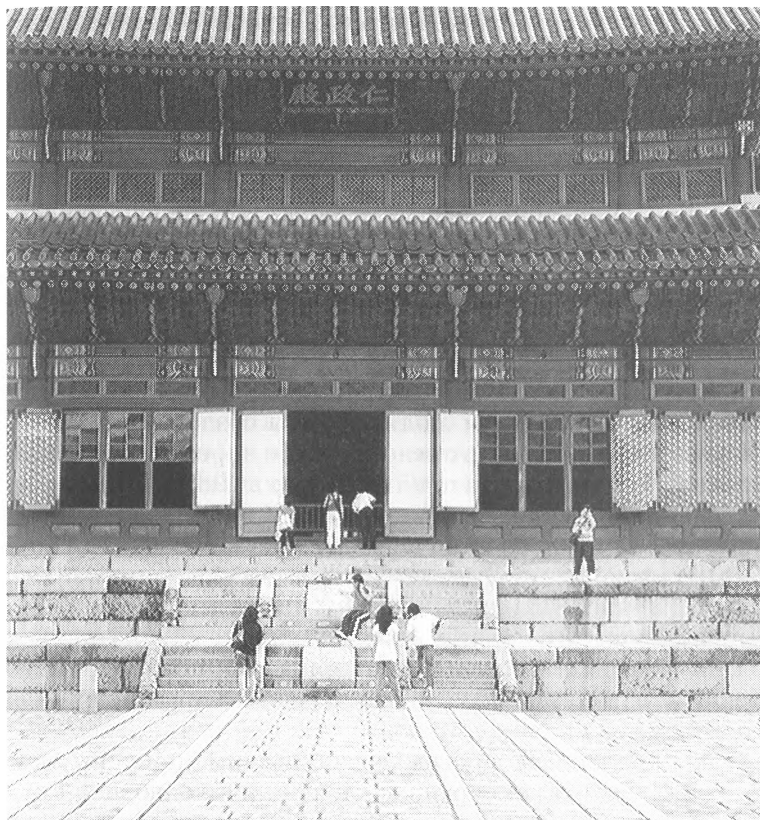
Их стараниями началась и перестройка Чхандоккуна, особенно тронного зала и «административной зоны» вокруг. Уже в годы протектората они заменили в Инджонджоне пол на деревянный, перевесили окна, а на коньке крыши поместили в ряд медные цветки сливы (*оят ккот*).

«Во времена Корейской империи эти цветы служили гербом правящего дома, – пишет Хон Сунмин. – По ним назывался тогда второй по значению орден – *Ихва тэхунджан* (李花大勳章), их можно видеть и на документах, и на официальных мундирах. Но мы никогда не украшали подобным образом свои здания. Японцы, искажая нашу историю и культуру, никогда не действовали наоборот. Они искали аргументы в наших же исторических материалах, а найдя, трактовали в свою пользу. Так обстоит дело и с не имевшими прецедента цветами сливы на коньке Инджонджона. Они использовали их, чтобы поставить под сомнение престиж корейского правящего дома»¹².

Из важных государственных зданий рядом с Тронным залом остались лишь три, в том числе алтарь *Сонвонджон* (璿源殿 «Храм прекрасных основ»), где ваны совершали поминальные церемонии перед портретами своих предшественников в дни их рождения, смерти и особые дни. В Корё портреты покойных ванов и королей (*оджин* 御眞) почитались больше, чем их поминальные таблички, – подобно тому, как почитались статуи Будды. Они помещались в специальных алтарях (*чинджон* 眞殿) в буддийских монастырях рядом с королевскими гробницами или во дворце. Практика эта продолжилась и в Чосоне, когда ван-основатель Тхэджо поместил портрет своего отца

Два лика Токсугуна.
Сквозь ворота видны
справа – последний
в корейской истории
традиционный тронный
зал *Чунхваджон* (中和殿,
построен в 1902 г.),
а слева – европейского
типа «Каменный
дворец» (*Сокчоджон*
石造殿), строительство
которого началось
вскоре после
провозглашения
империи в самом конце
1890-х годов,
а завершено в 1910 г.,
уже после ее гибели

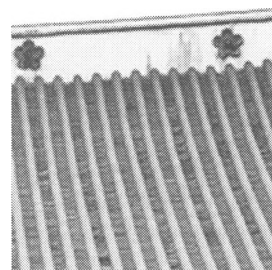

Тронный зал
в Чхандоккуне, где
в 1910 г. был подписан
договор об аннексии
Кореи.

Фото Ли Сонджона
2010 г.

(посмертное имя Хванджо) в отдельном алтаре при столичном монастыре Хынчхонса. Аналогичные алтари с посмертными портретами были построены по его приказу и у гробниц его обеих жен. При Тхэджоне все королевские портреты были собраны в Чхандоккуне в общем алтаре. Так началась история Сонвонджона. Вплоть до правления Сонджона (1469–1494) ванов и их главных супругов рисовали при жизни. В дальнейшем это стали рассматривать как «вредное наследие Корё», и портреты стали в основном посмертными.

Бывший в Чосоне святилищем, Сонвонджон при японцах свои функции утратил. В 1921 г. японцы построили для него новое здание в северо-западной части парка, и портреты были перенесены туда. *Пинчхон*, где собирались сановники до или после аудиенции у вана, был переоборудован в *очхаго* 御車庫 – «королевский гараж». В нем стояли повозки и автомобили, причем не столько Сонджона и его супруги, которые не были любителями быстрой езды, сколько японских чиновников, приезжавших сюда как по служебной надобности, так и для увеселений в «Секретном

Оят ккот –
цветки сливы на коньке
крыши Тронного зала
в Чхандоккуне

саду». Для их удобства некоторые ограды и здания были снесены, проложена дорога и построен пандус, ведущий прямо к дверям Тэджоджона – главного дворца (тогда уже бывших) императора и императрицы.

С приходом японских колонизаторов окружавшее дворцы табу было снято. Они превратились в парки, куда мог прийти всякий. Об увиденном во дворцах можно было уже говорить без страха. Но взгляд этот был поверхностный и односторонний. Внутренняя жизнь дворцов по-прежнему была окутана тайной. Продолжавшаяся многие века, она не сводилась к постройкам, определенной одежде или пище. Ее нельзя было ни увидеть глазом, ни потрогать рукой, ни ощутить постороннему, потому что главным тут были люди, дворцы создавшие и в них обитавшие. Последние представители королевской семьи жили в Чхандоккуне и покинули мир в 1989 г. Тогда окончательно прервалась и жизнь дворцов.

Материалы по истории дворцов

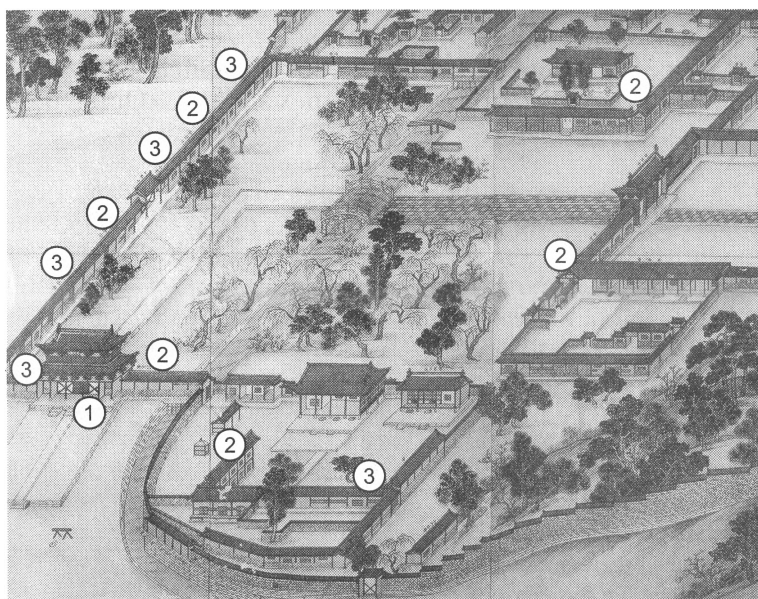
О живленный долгим человеческим присутствием, Чхандоккун сохранился лучше других дворцов, хотя и его не пощадило время. Когда-то в нем было несколько сот построек, сейчас осталась лишь пятая часть, и далеко не все сохранили первоначальный облик. Представить, каким был этот дворец в свою лучшую пору, позволяют исторические материалы. Это, во-первых, составленный в правление Сунджо в 1827–1830 гг. «План Восточного дворца» (*Тонгвольдо* 東闕圖)* – цветная картина на 16 шелковых «листах», хранящаяся ныне в музее Университета Корё (Сеул). План этот чрезвычайно подробен: на нем нарисованы в деталях 542 значительных здания с указанием их названий, и потому он используется как главный справочник при восстановлении дворца, которое ведется уже много лет.

Другими источниками являются две различных книги с одинаковыми названиями «Описание дворцов» (*Кунгвольджи* 宮闕志), составленные в правления Хонджона (1834–1849) и Сунджона (1907–1910) соответственно. В первой из них (5 *квонов* в 5 книгах, автор неизвестен) описывается география Сеула в целом, а также дворцы Кёнбоккун, Чхандоккун, Чхангёнгун и Кёнхигун. Указано

---

* «Национальное сокровище» № 249. Размер 273×584 см.

расположение каждого значительного здания и его конструктивные особенности, перечислены происходившие в них политические и культурные события, а также кто в них родился или умер, приводятся посвященные им стихи ванов и наследных принцев, а также ритуальные тексты, зачитанные во время церемоний, проводимых перед возведением крыши (*саннянмун* 上樑文). Особенно большое значение имеет эта книга для восстановления облика Кёнхигуна, полностью исчезнувшего в колониальное время. Другое «Описание дворцов» (хранится в Кюджангаке) посвящено только Кёнбоккуну, Чхандоккуну и Чхангёнгуну, их архитектурным особенностям. Описаны практически все здания, ворота, крытые галереи (*хэнгак*) и коридоры (вплоть до туалетов) с указанием площади и прочих размеров, но в отличие от первого «Описания» не указаны годы постройки. Эта книга была составлена после перестройки Чхандоккуна в самом конце династии, когда туда переехал после восшествия на престол Сунджон. Сохранились также восемь «книг установленных ритуалов» *ыйгве*, имеющих отношение к Чхандоккуну, три – к Чхангёнгуну и одна – к обоим дворцам одновременно. Они составлялись в правления Инджо, Хёджона, Сунджо и Коджона, представляют собой собрание подробнейшей документации о ремонте и восстановлении и включают чертежи зданий и использовавшихся при строительстве механизмов, описание хода работ, калькуляцию израсходованных материалов и средств и пр.

«План Восточного дворца» (Тонгвольдо, 1827–1830). Фрагмент с изображением главных ворот Чхандоккуна (Тонхвамун) (№ 1) и прилегающей к ним местности с помещениями для охраны (№ 2), складами (№ 3), водным потоком и мостом и др.

За несколько месяцев до аннексии русский кореевед В. Песоцкий получил редкую возможность посетить Чхандоккун – резиденцию еще правившего Сунджона. По впечатлениям от увиденного он написал несколько проникновенных очерков, которые были изданы в 1910 г. в Санкт-Петербурге в виде брошюры под названием «Корея накануне аннексии. Император Кореи и его двор». В них он рассказал о переменах, произошедших во дворце в годы протектората. В сопровождении японского чиновника он прошел ворота, где «стояла охрана в лице часовых от японского местного гарнизона», и осмотрел подворье Тронного зала, которое назвал «дворцом»:

«Приемная обставлена вполне роскошно. Обстановка европейская, но японской работы. На стенах зеркала, картины (японские), на полу ковры; освещение электрическое, люстры, канделябры; на окнах гардины и портьеры; по углам японские ширмы»...

Побывал он и в «императорском парке», где познакомился в особом помещении с «императорским шелководством» и побывал в нескольких павильонах:

«Обстановка корейская и лишь местами есть европейская мебель. В каждом павильоне для императора устроено сиденье в виде низенькой отоманки с одним подручным валиком. Эти сиденья разных цветов: желтого, красного, синего. Над окнами портьеры, на балконах занавесы – везде шелк, бархат. В общем, оригинально, красиво, но не богато».

Главное, что привлекло внимание русского посетителя, была императорская сокровищница, вернее, вновь созданный исторический музей из трех зданий. «Осмотреть его мимоходом – преступление для корееведа. Упомяну о нем в чайнии, что другие при посещении Сеула сочтут непременно долгим посетить это место», – пишет В. Песоцкий и приводит перечень того, что в музее находится:

- а) коллекция статуй Будд, принадлежащих королям нынешней династии и предшествовавшим, здесь же стол в виде комода из золота, усыпанный драгоценными камнями, на этом столе лучшие статуи;
- б) коллекция оружия, отдельные образцы которого восходят к глубокой старине;
- в) снаряжение, доспехи, седла, предметы походной и боевой жизни, сбруи, регалии;
- г) огромные литые дракон и тигр;
- д) предметы домашнего обихода; разные редкие вещи;
- е) носилки императора, наследника и пр.;

- ж) повозки, двуколки и одноколки императора и наследника для мирного и походного времени;
- з) котлы, тазы, чашки, чайники, вазы времен 900–1400 годов.

В двух других зданиях:

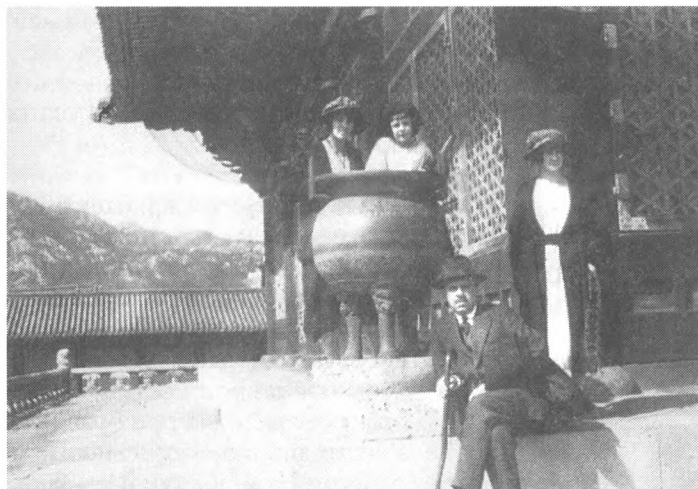
- а) гребенки, вазы, шкатулки;
- б) коллекция монет от самых древних времен до наших дней;
- в) бритвы;
- г) масса сосудов различной работы, представляющих эпох корейского искусства.

«Мне кажется, что в Сеуле для корееведа этот музей – наиболее интересное место». Песоцкий не скрывает надежды привлечь внимание исследователей к его сокровищам, потому что «вероятно, после аннексии японцы не охотно будут охранять национально-корейские достопримечательности и постараются убрать их к себе домой на острова». Так и случилось. К сожалению, сам Песоцкий не смог подробно осмотреть эту «замечательную редкость». «С грустью приходится сознаться, – пишет он, – что желание наблюдать текущую жизнь берет верх и мешает уделить время, средства и труд на подобное обозрение, изучение и описание таких исторических мест, как упомянутый дворец и его сокровища». В заключение он пожелал успеха другим, «кто возьмется за это дело и приготовит, таким образом, ценный вклад в историческую науку о Корее».

В дальнейшем русским ученым не довелось исполнить этот наказ, и никаких работ на эту тему в России не имеется. Можно предполагать, что в колониальные годы этот музей посещал один из основоположников российского научного корееведения В.Г. Подставин (1875–1924),

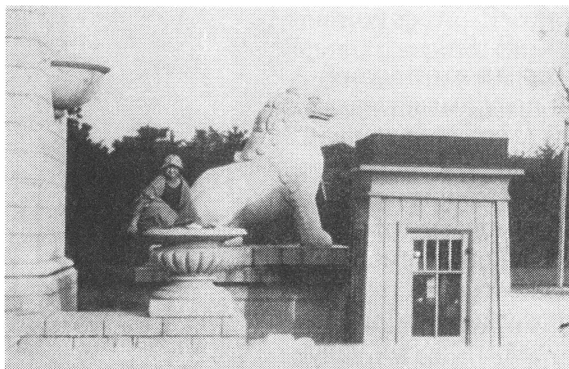
Два фото Кёнбоккуна с подписью «Старый корейский дворец. Тронная зала». Из архива С.В. и Н.Н. Чиркиных. 1923–1927 гг.

Предоставлены автору их сыном К.С. Чиркиным (Хейворд, США)

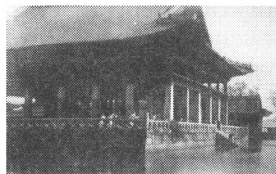
который в 1922–1923 гг. жил с семьей в Сеуле в эмиграции после поражения белого движения и падения Владивостока. Косвенным подтверждением тому служит семейный альбом его друзей, также эмигрантов, Сергея и Натальи Чиркиных, живших с ним в те годы по соседству. В нем сохранилось несколько фотографий корейских дворцов той поры, в том числе и с подписью «Музей»

*Фото из семейного
альбома Чиркиных*

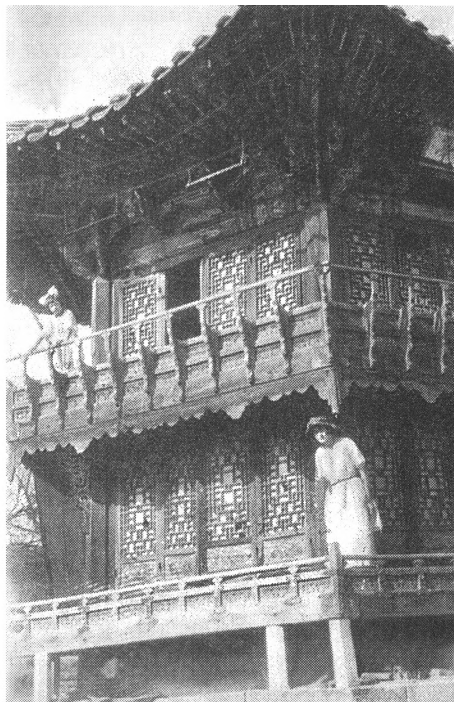

«Музей».
1926 г.

«Павильон на воде».
Кёнхверу. Кёнбоккун.
1925 г.

«Павильон королевы».
Кёнбоккун. 1920-е годы

«Большой ствол» Пэктусана и расположение дворцов

Структура и архитектура дворца следовали правилам древних трактатов, и символизировали легитимность, порядок, безграничную власть монарха, его связь с Небом, гармонию с подданными, «отцом» которых он считался, и природой страны. Именно природа и, в первую очередь, географическое положение не только применительно к данной местности, но и к территории страны в целом, определила своеобразие корейских дворцов – как всех вместе, так и по отдельности, и именно за гармонию с ландшафтом Чхандоккун называют «самым корейским» из них.

Представления чосонцев о географии Корейского полуострова существенно отличались от современных, по крайней мере европейских. С ними стоит разобраться, потому что они составляют важную особенность рассматриваемого нами предмета – корейской дворцовой архитектуры, которая принципиально отличает ее от китайской, несмотря на то что именно последняя, основанная на трактатах *Чжоу ли* («Чжоуский этикет»)* и *Лицзи* («Записки о ритуале»)**, бралась корейскими строителями за основу с незапамятных времен. В этих книгах был выдвинут главный принцип столичной застройки: *цзомяо юсы* (左廟右社 кор. *чвамё уса*), что означало «слева (от дворца) – Алтарь предков (правящей династии), справа – Алтарь духа Земли»¹³. На его основе и были воздвигнуты Кёнбоккун – в центре, алтари Чонмё и Саджиктан – слева и справа. Выражение *Чонмё Саджик* означало «королевская фамилия и вся страна». С них начался город Ханян. «Правое» (восток) и «левое» (запад) определялись относительно центра. Центром мира был ван, восседающий на троне лицом на юг.

Но были и другие, чисто национальные принципы, определившие место и облик чосонских дворцов. В их основе лежало особое отношение корейцев к горам страны, которые все вместе представлялись одним живым гигантским деревом и делились на один «большой ствол» (*тэган* 大幹), одно «ответвление ствола» (*чонган* 正幹), 13 «главных ветвей» (*чонмэк* 正脈) и множество малых (*чимэк* 地脈) и мелких «ветвей». Разница между «ответвлением» и «главной ветвью» определялась тем, служила ли данная горная цепь водоразделом между бассейнами крупных рек или нет. Если река была, то – горы считались «главной ветвью» (*чонмэк*), если нет – «ответвлением» (*чонган*). *Чонган* был единственный – *Чанбэк* (長白) *чонган*, известный сегодня как хребет Хамгён. Горы и реки воспринимались как единое целое и

* *Чжоу ли* (кор. *Чуре* 周禮) – «Чжоуский этикет», одна из книг конфуцианского «Тринадцатикнижия». Текст сложился к концу III в. до н.э., но традиция приписывает авторство Чжоу-гуну (XI в. до н.э.), который за свои добродетели и мудрость приравнивается к великим императорам древности Яо и Шуню. *Чжоу ли* рассматривает мироустройство в соответствии с древними космогоническими и календарными представлениями и предписывает упорядочивать жизнь общества (т.е. «подстраивать» ее в унисон с подчиненной воле Неба вселенной) через ритуал.

** *Лицзи* (кор. *Йеги* 禮記) – «Записки о ритуале», одно из главных произведений конфуцианского канона. Текст трактата сложился в IV–I вв. до н.э.

«Большой ствол
Пэктусана».

Данные с сайта
[http://daegan.net/
mountain/
backdudaegan_3.htm](http://daegan.net/mountain/backdudaegan_3.htm)

Высота перечисленных
гор на разных сайтах
различна и требует
дальнейших уточнений

упомянутые вместе являлись синонимом понятия «родная природа». Не случайно пейзажная живопись называлась в старину *сансухва* (山水畵) – «картины гор и вод». Наиболее полно эти представления нашли отражение в труде чиновника Министерства ритуалов, одного из деятелей движения *сирхак* («за реальные знания») Син Кёнджуна (申景濬, псевдоним Ёам 旅庵, 1712–1781) «Описание гор» (*Сангёнпхё* 山經表), где были уточнены понятия «большого ствола» и «ветвей», а горы классифицированы по категориям: *сан* 山 – гора, *пон* 峰 – вершина, *ён* 嶺 – перевал, гребень горы; *чхи* 峙 – возвышенность, и т.д. Они живы и сегодня, поэтому буду писать о них в настоящем времени.

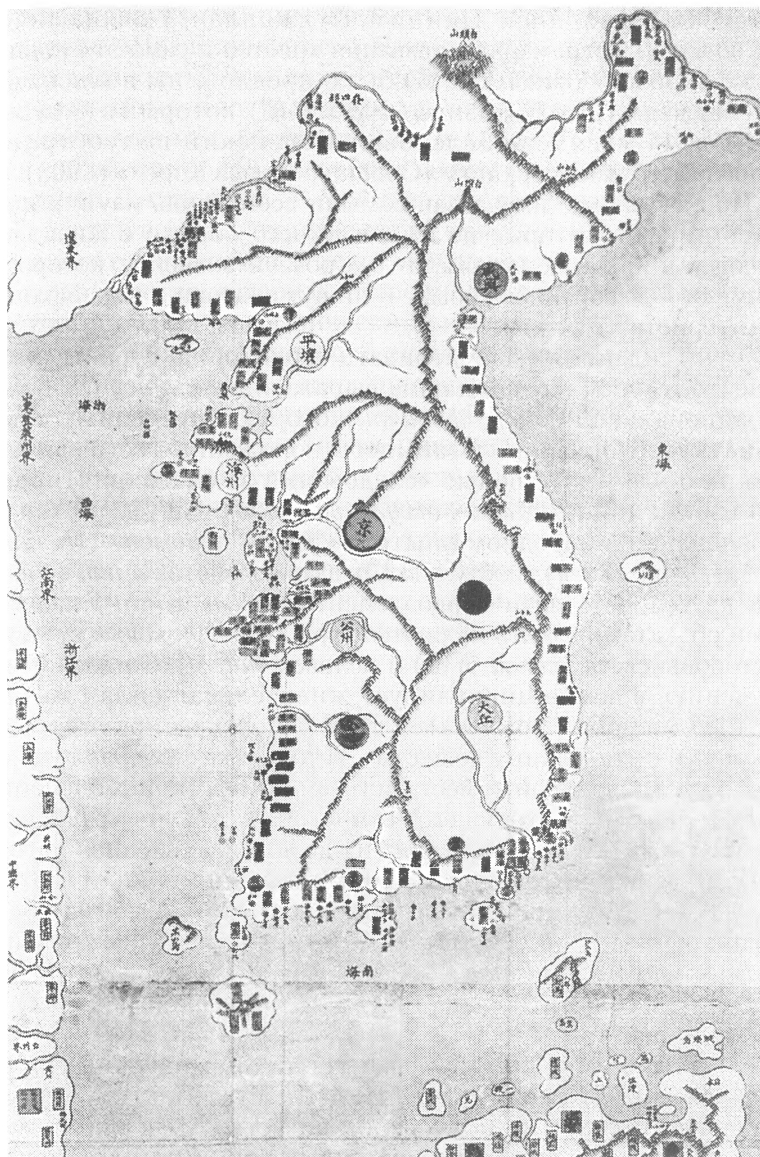
«Большой ствол» называется «Пэктусанским» (*Пэкту* 白頭 *тэган*) и представляет собой цепь значительных горных кряжей и вершин. Это «хребет» (*кынголь* 筋骨) полуострова. Пэкту тэган начинается на крайнем севере с высочайшей горы полуострова – священного Пэктусана (2744 м), который считается «главным предком» всех гор (*чоджонсан* 祖宗山), и спускается через горы Пхотхэсан (2289 м) и Турюсан (2309 м)* в восточном направлении, служа границей бассейнов крупнейших рек Амноккана и Тумангана.

Затем он сворачивает к югу и идет параллельно побережью Восточного (Японского) моря, на довольно значительном от него расстоянии. Это участок, где основными вехами служат вершины Чхайльбон (1743 м), Чхоронсан (1085 м), Турюсан (1324 м) и Чхугарён (752 м). Здесь «большой ствол» делает резкий поворот на восток, к побережью, и идет через горы Кымгасан (1638), Чинбурён (529), Сораксан (1708), Одэсан (1563), Тэгваллён (832), Тутхасан (1353) – к Тхэбэксану (1567).

С этого места он отклоняется в юго-западном направлении и продолжается через Собэксан (1421), Чуннён (689), Ихварён (548), Соннисан (1508). Замыкает «большой ствол» цепь гор, где основными «точками» являются Чхупхуннён (221), Хванхаксан (1111), Самдобон (1172), Тогюсан (1614) и, наконец, Чирисан (1915 м). На этой самой высокой, после Пэктусана, горе материковой части Кореи «большой ствол» заканчивается. Его общая протяженность 1625 км, из которых 690 км приходится на территорию РК**. Он проходит через большинство

* На территории Кореи имеется две горы с названием Турюсан, обе в КНДР. Данная гора находится в пров. Рянган. С нее начинается хребет Пуджоллён. Вторая возвышается в уезде Хвачхон-гун, пров. Канвон.

** Это расстояние от Чирисана до горы Хяннобон (1296 м) в уезде Косон, пров. Канвон (РК), которая является «соединением» двух звеньев «большого ствола» – Кымгасана и Сораксана.

Пэкту тэган на старинной карте (朝鮮日本琉球國圖). Кругами обозначены крупнейшие города, словно плоды, висющие на ветвях гигантского «дерева», образованного отрогами Пэктусана, квадратами – более мелкие поселения

провинций Кореи, а если не проходит, то охватывает своими «ветвями», и потому название *Пэкту тэган* до сих пор является синонимом понятия «территория страны», причем полной, неразделенной Кореи. Он образует районы, формируя естественные границы между ними. Они учитываются в административном делении страны, начиная с периода Трех государств.

Если объяснять, из каких гор состоит «большой ствол» Пэкту, в сегодняшних понятиях, то это горные

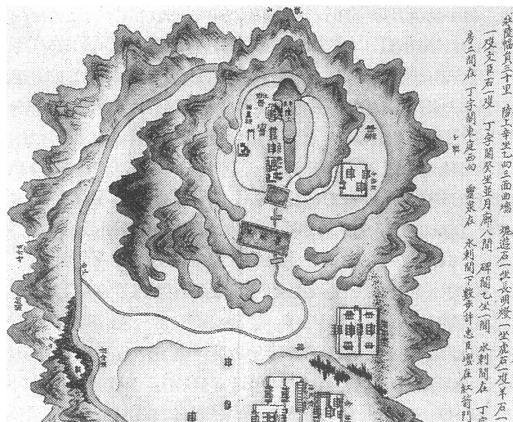
хребты Мачхоллён, Нанним, Пуджоллён, Тхэбэксан и Собэксан. Современные названия хребтов и само это понятие «хребет» (*санмэк* 山脈) были предложены японским географом Кото Бундзиро (小藤文次朗), который в начале XX в. 14 месяцев обследовал Корейский полуостров, после чего написал книгу «Очерки рельефа Кореи» (1903)¹⁴. «Но эти данные им названия были всего лишь научными терминами, которые не имели ничего общего с жизнью людей и никак не отражали то огромное значение, которое имели для корейцев горы», – пишут знатоки в корейском интернете¹⁵.

Тенденция рассматривать территорию страны как нечто живое (дерево) нашла выражение в *пхунсу* (風水) – национальной форме *фэншуй*, которую определяют как «науку об описании взаимного положения географических объектов» с целью «следования за благоприятным и избежания вредного» (*чхугиль пхихюн* 追吉避凶)¹⁶. Она основана на народном опыте и «Книге перемен» (*Ицзин* 易經, кор. Ёккён), постулатах о взаимодействии *инь* – *ян* и круговороте пяти первоэлементов (*охэн* 五行). Главными объектами *пхунсу* являются горы (*сан* 山), воды (*су* 水), стороны света (*панви* 方位) и человек (*ин* 人). Согласно ее учению, в земле циркулирует живительная сила *сэн ки* (生氣), подобно тому как в теле человека циркулирует кровь и питательные вещества. И такая же сила разлита в воздухе. Важно найти места встречи (*хёль* 穴) нисходящего «небесного» и восходящего «земного» *ки*, где они уравниваются друг друга и где сила их действия особенно благодатна. Применительно к формам природного ландшафта существуют четыре стандартных вида точки *хёль*: «гнездо», «щипцы», «грудь» и «выступ». Пространство перед точкой *хёль* именуется *мёндан* 明堂 – «дворец света»¹⁷. Это наиболее благоприятное место для человеческой жизнедеятельности.

С точки зрения *пхунсу*, источником жизненных сил Кореи как «земли» (*чи ки* 地氣) является Пэктусан. Его энергия стекает на полуостров по «стволу» и «ветвям» *Пэкту тэгана* и выходит на поверхность там, где горы снижаются и образуется равнина. Найдя в этих местах *мёндан* и построив там должным образом дом, деревню или город, люди получают доступ к этой могучей положительной энергии. Основоположник корейской геомантии как науки (*пхунсухак* 風水學) последний великий монах Силла Тосон (道誡, 827–898), который был столь уважаем, что получил посмертно, уже в Корё при Сукчоне (1095–1105), титул «государева наставника» (*ванса* 王師), писал: «Наша страна – это земля, где энергия, исходящая от гор с Пэктусана до Чирисана, приводит в движение реки и дает

рост деревьям». С ним согласны и современные комментаторы. «Представление о *Пэкту тэган* представляется более важным, чем сухие геологические названия гор, присвоенные иностранцами, потому что оно отражает представление о жизненной силе народа, о его единстве со своей природой и глубоко уходит в историю нашей страны. *Пэкту тэган* – граница, которая разделяет страну на восток и запад, определяет ее природные особенности и является важнейшей основой, без которой понять культуру, общество, историю, природу этой земли невозможно. Это природно-географический символ Корейского полуострова, основа, на которой зиждутся жизнь и ценности корейского народа», – пишут словари и блоги¹⁸.

Считается до сих пор, что живущий в месте, где концентрируются «силы земли», человек получает возможность, благодаря удачному расположению своего дома, достичь процветания и избежать несчастий. Еще важнее «правильно» захоронить предков, которые, находясь в земле, получают от нее *ки* напрямую и в значительно большем объеме, чем живые, а потом передают ее потомкам. Так выражается «любовь мертвых к живым» (*чхинджа камын* 親子感應).

Просто найти *мёндан* – «идеальное место» выхода на поверхность земной энергии – недостаточно. Окружающая местность также должна отвечать критериям, и потому строительство в Корее всегда начиналось с изучения и толкования топографии, которое состояло из:

- 1) общей оценки местности с точки зрения соответствия облика окружающих гор определенным зрительным образам – «драконам» (это называлось *каннёнбоп* 看龍法) и законам «сохранения ветра» (*чанпхунбоп* 藏風法);

Мёндандо
(明堂圖 «Изображение идеального места»).

Две картины
неизвестных авторов.

Конец XVIII в.

Из коллекции Чансогака

- 2) точного определения местонахождения точки *хёль* (*чонхёльбоп* 定穴法) и характера течения близлежащих водных потоков (*тхыксубоп* 得水法). От этого зависело
  - 3) решение, какого типа здесь должна быть постройка – *ян* (жилое помещение, поселение, буддийский храм) или *ым* (*инь*) (могила, поминальный алтарь) и как она будет размещаться на местности (*чвахяннон* 坐向論).
- Входило в задачу геомантов также толкование степени благоприятности данного места для конкретного хозяина будущей постройки, подача советов, как эту степень повысить, назначение «счастливого» дня для начала строительства и пр.

Лучшими участками считались *пэсан имсу* (背山臨水 «горы сзади смотрят на водный поток»), имевшие:

- 1) две горы-«дракона» на севере – одну, очень высокую, далеко сзади [она называлась «гора-предок» (*чосан* 祖山)] и вторую – вблизи и поменьше («гора-хозяин» – *чусан* 主山). Они обе ассоциировались со знаком воды;
- 2) небольшую гору на юге («гора-стол» – *ансан* 案山), знак огня, который нейтрализовался водным потоком между горой и постройкой;
- 3) невысокие горы на востоке и западе.

Эти горы воспринимались как хранители местности и сторон света и в соответствии с древней космологией именовались по символизировавшим их фантастическим животным. «Гора-хозяин», таким образом, была *ху хёнму* (後玄武) – «черный воин сзади», «гора-стол» – *чон чуджак* (前朱雀) – «красный феникс спереди». Та, что на востоке, называлась «зеленый дракон слева» (*ча чхоннён* 左青龍), та, что на западе, – «белый тигр справа» (*у пэкхо* 右白虎)*. Между горами на севере и юге должен был течь водный поток, уравновешивавший «огонь» и «воду». Важным было определение того, куда будет выходить фасад. Предпочтение отдавалось южному направлению, но иногда большее значение приобретал вид, открывавшийся из главного входа здания. Чаще всего это был вид на гору – единственный неизменный и вечный элемент природы.

Именно эти представления сыграли главную роль в выборе места для столицы Чосона. Когда дело касалось не частного дома, а государева дворца, выбор

* В дальневосточной космологии, белый тигр – символ Запада, зеленый дракон – Востока. Повелителем Севера считался «черный воин» *хёнму* – черепаха, обвитая змеей. На Юге властвовал *чуджак* – красный феникс. Эти символы учитывались и в *пхунсухак*.

этот приобретал особое значение, ибо влиял на судьбу государства в целом. Он был доверен Чон Тоджону и второму ближайшему соратнику Ли Сонге – буддийскому монаху Мухаку, обладавшему выдающимися способностями в области *пхунсу*.

Мухак *тэса* (無學大師, 1327–1405) – последний в истории Кореи буддийский монах, носивший высший титул «государев наставник», глава ордена Чогеджон (曹溪宗) школы *дхьяны* (т.е. медитации: 禪 кит. *чань*, яп. *дзэн*, кор. *сон*), знаменитый геомант и прорицатель, соратник Ли Сонге, почитаемый и ныне как один из основателей Сеула. Его биография весьма типична для того смутного времени. Выходец из «подлого» сословия *чхонмин* (его отец изготавливал головные уборы *кат*), он в 18 лет уехал учиться в юаньский Китай, где сблизился с монахом Хегыном (惠勤, 1320–1376), будущим наставником Конмин-вана. По возвращении в Корё Хегын пытался приблизить Мухака ко двору, но встретил серьезную оппозицию своих учеников, не желавших терпеть присутствие в своих рядах человека столь низкого происхождения. Около 1377 г. Мухака посетил генерал Ли Сонге, и монах первым предсказал ему, что он будет ваном, основателем нового государства. Так началась их дружба, закончившаяся только с кончиной Мухака несмотря на то, что сторонники Ли Сонге, убежденные неоконфуцианцы, занимали непримиримую позицию в отношении буддизма.

Видимо, Мухак глубоко переживал кризис буддийской сангхи, руководство которой погрязло в роскоши и коррупции, и много лет стремление исправить положение пересиливало в нем все прочие. Имевшиеся противоречия начали проявляться вскоре после восшествия новой династии на престол. Последние годы Мухак провел в монастыре Хвеамса 檜巖寺 (г. Янджу, пров. Кёнги), которому верующий буддист Ли Сонге не раз на протяжении многих лет жертвовал средства. Здесь он жил некоторое время после своего отречения в 1498 г. Сразу после смерти Мухака в 1405 г. 90% храмовых земель было конфисковано, 80 тыс. монастырских рабов приписано к государственным учреждениям, а все монахи, не имевшие государственного сертификата, возвращены в мир. Влияние буддизма было окончательно подорвано. В 1407 г. на средства Ли Сонге в Хвеамса была поставлена на могиле Мухака памятная стела, основание которой сохраняется поныне и имеет в музейной иерархии статус «достояние» (*помуль*) № 388.

«Великий наставник»
Мухак (1327–1405)

В 1393 г. Чон Тоджон и Мухак вместе совершили поездку по стране и остановили внимание на небольшом поселении Ханян в долине Хангана, на месте которого когда-то находилась Виресон (慰禮城) – первая столица королевства Пэкче, заложенная, согласно *Самгук саги*, его основателем легендарным Онджо в первые годы новой эры. Геомантические очертания Ханяна они нашли наиболее благоприятными¹⁹. Он стоял на конце *Ханбук чонмэк* 漢北正脈 – «северо-ханганской ветви», которая «отростает» от «большого ствола» в самом его центре, от горы Чхугарён, и идет на юго-запад, до устьев Хангана и Имджингана. В период Объединенного Силла это был административный центр одной из девяти провинций, в Корё – одна из «трех малых столиц», т.е. здесь испокон веков имелся государев дворец и с геомантической точки зрения «сила вана» была очень велика.

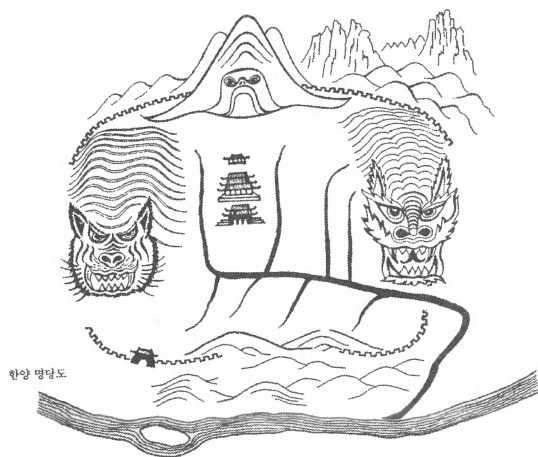
В памяти людей сохранялось предсказание создателя геомантического учения *пхунсухак* монаха Тосона, который еще в X в. писал: «Ханян – место, где концентрируются силы всех гор и рек страны. Здесь непременно будет государев град, и хозяевами его станут [люди с фамилией] Ли». Помнили эти слова и носившие фамилию Ван (王) ваны Корё, которые, бросая вызов судьбе, не раз приказывали высаживать в этой местности сливовые сады, а когда они вырастали – их полностью вырубать. Это происходило потому, что слово «слива» – по-корейски *оят*, записывается иероглифически как *ли* 李 – так же, как и фамилия с тем же звучанием²⁰.

Договорившись о месте для столицы, Чон Тоджон и Мухак разошлись во мнении относительно места для главного дворца. Мухак предлагал рассматривать центральной точкой отсчета гору Инвансан (仁王山). Чон Тоджон настаивал на том, что лицо вана, сидящего на троне, должно быть по канонам обращено к югу, а не к востоку, и видел центром строительства подножие Пугаксана (北岳山). Мухак возражал, что расположенные к югу напротив Пугаксана горы Кванаксан (冠岳山) по очертаниям напоминают знак огня (火) и могут вызвать пожары. Однако Чон был убежден, что Ханган, текущий между дворцом и пожароопасной горой, сможет нейтрализовать ее вредоносную силу и, в конце концов, победил. Дворец был выстроен у подножия Пугаксана, а для безопасности у его главных ворот были поставлены гранитные обереги – покрытые чешуей львы-*хэтхэ* (獬豸). Место для главного города страны было найдено удачно и горы помогли: династия Чосон правила более пяти веков.

Вот как описывает «дворцовый профессор» Хон Сунмин географию раннего Сеула. Вряд ли живущий

на равнине русский человек мог бы так ее «одушевить»: «Уже на исходе, встречаясь с Ханганом в его основном течении, *Ханбук чонмэк* вздымается трехголовым Пукхансаном (北漢山, 836,5 м). От него цепь идет на юг, неожиданно извивается и поднимается подобным груди молодой матери Пэгаксаном (百岳山 «Большая белая гора»)*. Далее “ветвь” тянется на восток, еще раз собирается с силами и порождает пологий Ынбонсан (鷹峰山 «Гора с соколиной вершиной»), а за ним и двугорбый Наксан (駱山 «Гора-верблюд»), образуя левый “рукав”. На запад от Пэгаксана тянутся горы Инвансан («Милостивый ван») – это правый “рукав”. Лицом к Пэгаксану плотно “сидит” Намсан (南山 «Южная гора»)**²¹. «Вздымается, извивается, собирается с силами, порождает», – эти слова доктор Хон употребляет потому, что горы представляются корейцам драконами: хорошими и плохими, живыми и мертвыми. Он дает описание идеального с точки зрения *пхунсухак* места. Пэгаксан – «гора-хозяин». Намсан – «гора-стол». На востоке «зеленый дракон» – Тхараксан, на западе «белый тигр» – Инвансан. Было бы логично считать Пукхансан, Пэгаксан и пр. женского рода, поскольку это «гора», но в российском корееведении традиционно корейские горы – мужского рода, например «священный Пэктусан», и я также буду следовать этой традиции.

Сеул на старинной
геомантической карте

* Второе название – Пугаксан («Большая северная гора»). За свои геомантические свойства и замечательные пейзажи эта гора зарегистрирована как историко-природный памятник РК. Такими же памятниками считаются горы Каясан (с монастырем Хэинса), Соннисан (с монастырем Попчуса), Чирисан (монастырь Хваомса) и Чогесан (монастыри Сонгванса и Сонамса).

** Наксан в Чосоне назывался Тхараксан 駱駝山, Намсан – Монмёнсан [Мок-мёнсан] 木覓山.

Самые главные здания новой столицы, символизирующие легитимность и «обеспечивающие прочность» государства, расположились в «благоприятных местах» у подножия или на склонах гор на севере. Под «легитимностью» подразумевалась непрерывная сакральная связь с заветами древних мудрецов Китая, духами-хранителями страны и собственными предками, доказавшими своими деяниями право на престол. На просторном плато у «хозяина» Пугаксана – главный дворец Кёнбоккун. «Дополнительные» дворцы Чхандоккун и Чхангёнгун, Храм предков династии Чонмё и конфуцианская академия Сонгюнгван – на востоке, на выступающей далеко вперед «подошве» Ынбонсана, под прикрытием «Горы-верблюда». На западе, на мелких «ветвях» Инвансана, – государственный алтарь духов Земли и Злаков *Саджиктан* и дворцы Кёнхигун и Кёнунгун.

Хотя организация чосонских дворцов следовала одной (китайской) модели, все они были разными, и главным фактором, предопределявшим их своеобразие, был местный ландшафт. Больше всего соответствовал классическим образцам главный дворец Кёнбоккун. Он располагался на равнине, и его многочисленные постройки стояли симметрично, в строгом порядке, образуя замкнутый стенами прямоугольник. Согласно канону, он был ориентирован по оси «север – юг». Но в отличие от китайских дворцов, строившихся в центре столицы, в Корее дворцы обычно возводили в ее северной части. Полным нарушением правил считается с точки зрения национальной эстетики Кёнхигун, построенный в спешке после пожара в 1617 г. Кванхэгунум (1608–1623). Дворец Кёнунгун (ныне – Токсугун) был перестроен из усадьбы аристократа в резиденцию императора Коджона, вскоре после его возвращения в 1897 г. из Русской дипломатической миссии, где он провел более года и у него появился некоторый вкус к европейской культуре. Сказалось это и на постройках его нового дворца, который «был далек от классических образцов». По сравнению с вышеперечисленными прихотливо раскинувшиеся у подножия Ынбонсана Чхандоккун («Дворец цветущей добродетели») и Чхангёнгун («Дворец светлого ликования») «при сохранении естественности, одновременно строго упорядочены, построены по всем правилам традиционной дворцовой архитектуры»²². В Чхангёнгуне большинство построек обращено на юг, но тронный зал *Мёнджонджон* (明政殿) и главные ворота *Хонхвамун* (弘化門) – на восток. С геомантической точки зрения это значит, что в целом дворец ориентирован на восток. В Чхандоккуне все здания в целом ориентированы на юг,

причем по трем осям. Таким образом, «хотя эти дворцы не столь упорядочены, как Кёнбоккун, они естественны, а если судить с точки зрения *пхунсу*, в них за кажущимся беспорядком скрывается порядок» (Хон Сунмин). Китайские дворцы, тянувшиеся с юга на север, ориентировались на Полярную звезду как на вершину мироздания, а в Корее таким вселенским центром были горы во главе со священным Пэктусаном.

Сусон чондо 首善全圖.

Карта Ханяна, одним из названий которого было Сусон.

Размер 67,5×82,5 см.

Составлена,

предположительно, знаменитым

географом Ким Чонхо

(金正浩, 1804?–1866?)

в 1824–1834 гг.

Деревянное клише

этой карты является

национальным

«достоянием» (*помуль*)

№ 853. Из коллекции

Музея университета

Корё, Сеул

1 – Кёнбоккун;

2 – Саджиктан;

3 – Кёнхигун;

4 – Кёнунгун;

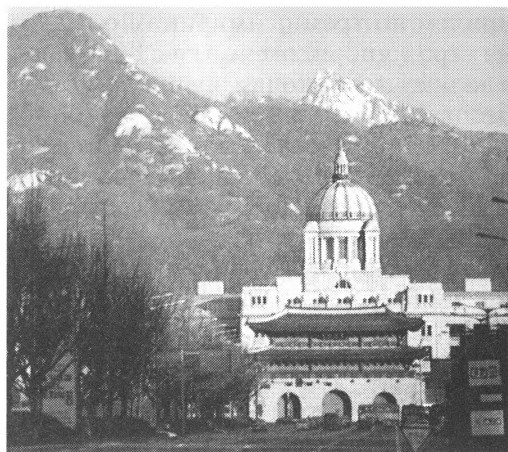
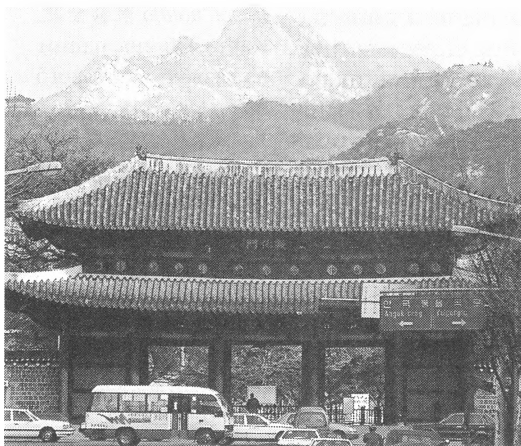
5 – Чхандоккун;

6 – Чхангёнгун;

7 – Чонмё

Чхандоккун и Чхангёнгун были расположены рядом, дополняли друг друга функционально* и нередко воспринимались как единое целое. Было у них и общее

* Чхангёнгун был построен в 1482–1485 гг. как продолжение Чхандоккуна, где не стало хватать места для многочисленных вдовствующих королев.

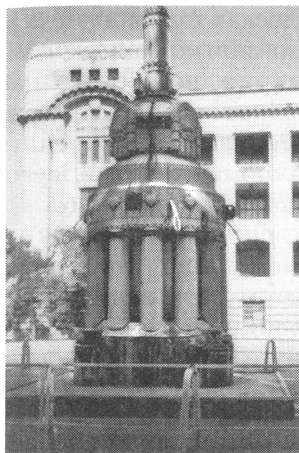

Тонхвамун (敦化門) –
главные ворота
Чхандоккуна.
«Достояние» (*помуль*)
№ 383. Это фото
подарил автору
«дворцовый профессор»
Хон Сунмин.
Оно хорошо показывает
геоматические
особенности этого
дворца. Горы вдали
последовательно:
Ынбонсан,
Пэгаксан
и Пукхансан

Этот архивный снимок
здания бывшего
японского
генерал-губернаторства
подтверждает
основанные
на национальной
геомантии *пхунсухак*
аргументы корейцев
в пользу его снесения.
Перед ним – ворота
Кванхвамун.
Сзади – гора Пэгаксан.
Из книги Хон Сунмина

название – «Восточный дворец» (*Тонгволь* 東闕), а также
общий парк – *Хувон* (後苑 «Сад/парк в глубине», т.е. в
северной части), значительно превосходивший по площа-
ди оба дворца. Хувоны имелись во всех дворцах. Это было
место отдыха ванов, их семьи и приближенных, но *хувон*
в Тонгволе приобрел особую славу – за красоту природы
и изысканность парковой архитектуры. Его название
стало именем собственным, и далее, упоминая Хувон
в Чхандоккуне, я буду писать это слово с большой буквы.
«Чхандоккун и Хувон существовали внутри природы,
не причиняя ей никакого вреда, и в этом – квинтэссен-
ция нашей архитектуры. За ними находился конфуци-
анский университет Сонгюнгван, за Сонгюнгваном –
гора Ынбонсан, за Ынбонсаном – Пэгаксан, за ним –
Пукхансан, и вдали за Пукхансаном – Пэктусан. Если
Кёнбоккун в полной мере соответствовал образцам,
то Чхандоккун превосходил эти образцы. Это самый
корейский из корейских дворцов. Именно это и стало
причиной, почему Чхандоккун был признан ЮНЕСКО
мировым достоянием», – пишет доктор Хон Сунмин.

Представление о «большом стволе», питающем Корею
энергией и являющимся источником её силы и процветания,
занимало и занимает важное место в системе ценностей ко-
рейцев. По их мнению, не случайно колонизаторы-японцы,
стремившиеся любой ценой подчеркнуть подчиненное
положение Кореи и унижить ее национальное досто-
инство, построили массивное здание своего генерал-
губернаторства именно на территории главного дворца
Кёнбоккун – сразу за воротами Кванхвамун, разорвав
их связь с «большим стволом» Пэктусана. Простоявшее
свыше 70 лет, оно в 1996 г. было снесено при одобрении
подавляющего большинства населения, считавшего, что

оно «перекрывает жилы страны», и убеждения европейцев – любителей корейской старины, отстаивавших со своих позиций добротное историческое здание, оказались тут бессильны.

Шпиль с купола
опущенный на землю.
С его снятия
начался снос здания
бывшего японского
генерал-губернаторства.
Осень 1995 г.
Фото автора

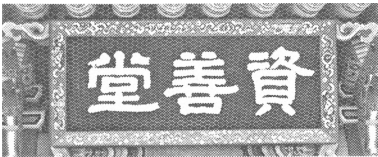
Дворец как образ сословного общества

В «больших дворцах» жили и исполняли свои обязанности (каждый на своем месте, в строгом соответствии с сословной принадлежностью и должностью) сотни людей. В первую очередь, конечно, ван и члены его семьи: королева (*ни* 妃), вдовствующая королева-мать (*тэби* 太妃), наследник (*седжа* 世子) с супругой (*седжа пин* 世子嬪), неженатые и незамужние дети, наложницы вана и наследника, — а также множество чиновников, военных, евнухов, фрейлин, служанок, крепостных чернорабочих и пр.²³

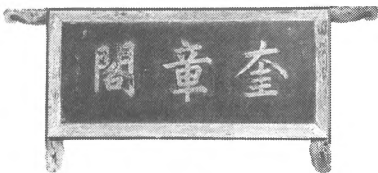
И люди, и все здания в «большом дворце» были взаимосвязаны, подобно органам в теле человека, и одновременно, как и корейское сословное общество, строго делились по статусу. Важным показателем было собственное имя здания. В Кёнбоккуне, где в конце XIX в. насчитывалось свыше 800²⁴ построек, свое имя имели из них около 170. Если дворцовый комплекс сравнить с обществом, то это была его «знать». Из трех иероглифов, составлявших обычно имя собственное постройки, последний был своего рода «титолом». Такие дома были своего рода «князьями», «маркизами», «графами», «баронами» в иерархии дворцовой архитектуры. Их «титулы» вырезали на особым способом

Кётхэджон.
Образец титульной
таблички на здании
высшего разряда
чон/джон

Часондан.
Титульная табличка
на здании 2-го разряда

Кюджангак –
титульная табличка
здания 3-го разряда.
Образец каллиграфии
вана Сукчона (1696 г.),
при котором библиотека
с таким названием была
создана впервые

обработанных деревянных досках (*хёнпхан* 懸板), которые вывешивали горизонтально над входом в здание. Эти доски – вид средневекового национального искусства, в котором каллиграфия соединилась с мастерством книгопечатников, плотников и резчиков по дереву. Всего «титулов» было восемь: *чон(джон)*, *тан(дан)*, *хан*, *как(гак)*, *чэ(джэ)*, *хон*, *ру(ну)*, *чон(джон)* – *殿堂閣閣齋軒樓亭*. Их присваивали, в первую очередь, в зависимости от статуса хозяина. Высшего класса были те постройки, которые имели отношение к вану, его главной супруге, а также вдовствующей королеве – верхушке социальной иерархии, т.е. «внутренние дворцы».

Важнейшими были здания, названия которых оканчивались на *чон/джон* (殿), по-китайски *дянь*. *Дянь* в древнем Китае значило «палаты», «огромное здание». Они могли предназначаться для проживания, но в основном использовались для наиболее значимых государственно-социальных целей. Самыми первыми так стали называть алтари предков правителей, а впоследствии слово это было усвоено для царских тронных залов и тех зданий буддийских монастырей, где находились их главные святыни²⁵. Название созданного Седжоном Великим знаменитого научного учреждения *Чипхёнджон* (集賢殿) обычно переводят как «Павильон собрания мудрецов», но с этим трудно согласиться. Тут употребление иероглифа *джон* имеет особый смысл. Он подчеркивал глубину знаний тех, кто собирался в здании, и значимость их труда. То есть это буквально «Храм науки, где собираются мудрецы», или Академия мудрецов.

Величие *чон/джон* во дворцах подчеркивалось их расположением вблизи главной оси комплекса, где по канону должны были находиться личные апартаменты вана (*чхимджон* 寢殿) и королевы (*чунджон* 中殿), а также важнейшие общественные здания: тронный зал (*чонджон* 正殿), зал заседаний госсвета (*пхёнджон* 便殿), семейный поминальный алтарь с портретами предшествовавших ванов династии (*сонвонджон* 璿源殿). Только при наличии этих построек комплекс признавался дворцом, то есть местом пребывания вана. Если вспомнить, что «больших дворцов» в Сеуле за всю историю Чосона было пять и все они ныне существуют, то получится, что в этом городе дворцов, т.е. «сооружений, где пребывали царствующие лица», по меньшей мере, 25. Сегодня именно на исторические здания класса *чон/джон* и *кун* 宮 направлены

в первую очередь усилия государства, ведущего во дворцах огромную восстановительную работу. С них началось возрождение сеульских дворцов после катаклизмов XX в., в которых они утратили огромную часть своих построек.

Чон/джон могла называться и отдельная комната особого значения внутри большого *чон*. Например, опочивальня вана в западной части его резиденции *Каннён-джон* (康寧殿) в Кёнбоккуне, где он спал осенью (запад соответствовал осени), называлась «Дворец исполненных свершений» (*Кёнсонджон* 慶成殿). Именование построек в соответствии со сторонами света (относительно центральной оси комплекса) было еще одним способом подчеркнуть значение их хозяина и указывало на его место в социуме.

Королева жила в «центральной дворце» (*чунджон*), наследник – в «восточном дворце» (*тонгун* 東宮), наложницы – в «заднем (северном) дворце» (*хугун* 後宮), и эти же слова служили их обитателям прижизненными именами-титулами. «Центр» был выше сторон света, «восток» – выше «севера». В словах *тонгун* и *хугун* иероглиф *гун* тот же, что и в названии дворцовых комплексов (например, Кёнбоккун), но в данном случае (как подразделение большого комплекса) он обозначал небольшую группу зданий, несколько ниже королевских по статусу, где жили и исполняли свои обязанности младшие (по иерархии) члены правящего дома.

Тан 堂 не уступали *чон* в размерах, но по статусу были на ранг ниже, и больше использовались в бытовых целях, чем для общественно-значимых мероприятий. Ван или королева могли быть хозяевами *тан*, а кто-либо другой – лишь в исключительном случае, как это было в случае с дворцом *Чунхидан* (重熙堂 «Дом глубины и света») на территории Чхандоккуна, который был построен в 1782 г. для долгожданного наследника (*седжа*) Чонджа – принца Мунхё (文孝世子, 1782–1784).

Хан 閣 и *как* (гак) 閣 (оба 3-й разряд) – это обычно дополнения к *чон* или *тан*, либо соединенные с ними конструктивно, либо стоявшие вблизи отдельно. Они были не только ниже по статусу, но и меньше по размеру. *Как* (гак) также было типовым названием для первого этажа в двухэтажных зданиях. Вторым назывался (*ру*)*ну* 樓. Наглядным примером служит знаменитая библиотека Кюджангак в Запретном саду Чхандоккуна. Первый его этаж – собственно Кюджангак (книгохранилище), второй – павильон для занятий Чухамну (宙合樓), из которого открывается прекрасный вид на пруд и парк. Кроме того, *ру* (*ну*) 樓 – обычно назывались большие беседки

Образец каллиграфии Коджона (1885 г.).

Коннёнхан – титульная табличка на пристройке к Поксудан (福綏堂) – личным покоям королевы Мин в Кончхонгуне. Название содержит аллюзию на «Книгу перемен», где гексаграмма «земля» ䷁ названа 坤. То есть это «Дом спокойной страны/земли». По иронии судьбы королева была убита в непосредственной близости от него

Окхору 玉壺樓 – титульная табличка изящной пристройки при опочивальне во дворце Кёнбоккун, где была убита королева Мин. *Окхо* означает «ваза из нефрита», но понималось также и как «лед в нефритовой вазе». В китайской классической поэзии (у Ван Чанлина, 王昌齡, 698–755) это выражение означало «стремление к высокой душевной чистоте»

Чибокчэ –
эта изысканная
табличка висела
на столь же
прекрасном здании
библиотеки Коджона
в Кёнбоккуне
(здание 4-го разряда)

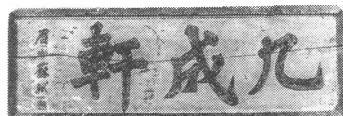

с деревянным полом (*мару*) на высоте примерно человеческого роста. Иногда их пристраивали к большим дворцам. Могли они также стоять отдельно, в непосредственной близости. Самая знаменитая размерами (113 x 128 м) и красотой беседка класса *ру* (*ну*) стоит на большом пруду во внешней зоне Кёнбоккуна к западу от зала заседаний Госсовета (*пхёнджон*). Это *Кёнхверу* (慶會樓 «Павильон радостных собраний»), где в теплое время года проходили большие и малые пиры и приемы.

Чэ (*джэ*) 齋 и *хон* 軒 – оба 4-го разряда. Их хозяевами могли быть ван или королева, но главным образом они были предназначены для наложниц, неженатых и незамужних принцев и принцесс (но не наследника) или придворных, постоянно живших во дворце. *Чэ* в основном были жилыми, *хон* – общественными постройками. В конструктивном плане они различались тем, что *хон* в отличие от *чэ* имел прихожую с деревянным (неотапливаемым) полом.

Чон 亭 (5-й разряд) – обычно небольшая беседка на берегу пруда, ручья или в лесу, предназначенная для созерцания пейзажа. Беседки хотя и были зданиями последнего разряда, их *хёнпхан* по разнообразию каллиграфии значительно превосходят всех другие.

Иерархия зданий существовала не только во дворцах. С давних пор в монастырях название здания, где находится главное изображение Будды, т.е. высшего божества, заканчивалось на *чон*. Аналогично алтари Конфуция

Кусонхон. Эта *хёнпхан* – единственное, что осталось от церемониальной постройки, возведенной А.И. Серединым-Сабатиным рядом с Тронным залом в Кёнунгуне около 1900 г.

Квалламджон –
хёнпхан в форме
древесного листа
на беседке в парке
Хувон в Чхандоккуне

и в Сонгюнгане, и в провинции назывались *Тэсонджон* (大成殿). К этой высшей категории относились и алтари, посвященные усопшим монархам правящей династии. Алтари, где на местном уровне почитались духи-хранители страны, района или деревни, назывались *сонхвандан* (城隍堂), или *сонандан* (一堂). Названия алтарей второго и третьего разрядов, посвященных памяти выдающихся людей, также заканчивались на *тан*. Примером служат *садан* 祠堂 в провинциальных конфуцианских «академиях» (совон), где почитались прославившие округу достижениями на государственной службе или внесшие вклад в развитие конфуцианства.

Частный дом никогда не мог иметь в названии иероглиф *чон/джон*. Как бы он ни был велик, максимум, на что можно было рассчитывать, было *кун/гун* или *тан/дан*. Естественно, что *чон/джон* во дворце по великолепию архитектуры существенно превосходил *чон/джон* в буддийском монастыре, но по классу они были равны. Таким образом, целевое назначение постройки имело главное значение в определении ее статуса. Конечно, вышеприведенное толкование «титолов» зданий весьма условно, существовало множество вариаций. Главное в том, что приоритет отдавался зданиям государственно-общественного назначения, затем следовали жилые дома и ландшафтные постройки.

Выбору названий («почетных титулов») элитных зданий дворцовых комплексов придавалось очень большое значение. Они также свидетельствовали о статусе.

Чурён – вертикальные доски, украшавшие стену административного здания в Чхандоккуне, где воспроизведены распоряжения (*сугё* 受教) Чонджо. Левая гласит: «Сколь бы высокую должность не занимал чиновник, если он не Учитель [конфуцианской классики], в здание ему вход запрещен» (雖大官文衡非先生母得升堂). Правая: «Любой из чиновников может отлучиться с рабочего места только по долгу службы» (凡閣臣在直非公事母得下廳).

Из коллекции

Государственного музея дворцовой культуры, Сеул

Кроме того, как и имя у людей, они, как считалось, влияли на судьбу постройки и ее хозяина. Они выбирались тем тщательнее, чем значительнее было здание, и работу эту поручали обычно признанным знатокам конфуцианской классики. Такие названия содержали аллюзии на классическую литературу, указывали на основную функцию обитателя постройки или содержали ему наставление или пожелание, как в случае с названием Кёнбоккун. Иногда это был набор из благопожелательных иероглифов, обозначавших «пять видов счастья». Согласно «Книге истории» (*Шуцзин*), они были следующие: долголетие (*су* 壽), богатство (*пу* 富), здоровье тела и спокойствие духа (*каннён* 康寧), любовь к целомудрию (*юходок* 攸好德), спокойная кончина дома от старости (*коджонмён* 考終命)*.

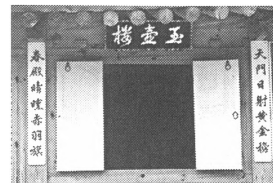
Важно было не только само слово, но и то, каким образом оно записано и вырезано на доске *хёнпхан* (или *пхёнэк* 扁額), и где именно она помещена. Если дом делился на части – *чон*, *как*, *чэ* и пр., то собственное титульное имя могла иметь каждая из частей. Наличие нескольких *хёнпхан* на здании говорили о его особом значении или, скажем, высоком образовании его хозяина. Иногда *хёнпхан* вешали в совсем скромных постройках, например, в тех, что предназначались для самостоятельных занятий кронпринца. Это было ему назиданием, напоминанием о мудрости древних и необходимости у них учиться. Для *хёнпхан* было важно и то, каким видом каллиграфии они написаны, и кто именно их написал. Некоторые дошедшие до нашего времени таблички написаны ванами, среди которых было немало хороших каллиграфов. Особенно славилась красотой почерка Инджо, Хёджон и Хёнджон, хотя писали для *хёнпхан* и другие монархи. В Кюджангаке (под номером 奎10293) хранится собрание таких досок, надписи на которых – ксилографы королевской каллиграфии.

Традиция украшать свои дома и общественные сооружения табличками с их названиями существовала в Корее не только во дворцах. Увлекались их изготовлением многие образованные люди. Это было особым видом литературно-художественного творчества, способом самовыражения. Сегодня мало кто в Корее знает иероглифику настолько, чтобы читать *хёнпхан*, а главное – толковать их смысл, хотя в старину это было для любого образованного человека подобно перелистыванию страниц любимых книг в библиотеке. Одновременно это был и праздник

* К «шести проявлениям несчастья» древние китайцы относили: сокращенную бедствиями жизнь, болезнь, горе, нищету, уродство тела, слабость ума.

*Чурён королевской
«дачи» Наксонджэ
на окраине
Чхандоккуна*

*Хёнпхан и чурён
на беседке Окхору
при спальне королевы
Мин в Кончхонгуне.
Современная
реконструкция.
Кончхонгун не был
официальной
резиденцией монаршей
пары, на что указывает
отсутствие росписей на
стенах (*танчхон* 丹青).
Его главным
украшением была
каллиграфия и
написанные ею строфы
из классической поэзии*

для глаз. «Титульные доски» на зданиях «читали, как стихи, – смотрели, как картину». В 2008 г. вышла книга, подготовленная по заказу Управления культурного наследия РК группой историков из университета Ёнсе²⁶. В ней разъясняется содержание всех 230 сохранившихся дворцовых хёнпхан и свыше 300 чурён (柱聯) – вертикальных надписей, как правило, поэтического содержания, которыми украшали столбы дома. Предлагается новый вид экскурсий: знакомство с дворцами по этим доскам. Они рассматриваются как «великолепная возможность познакомиться с богатой культурой предков». Хотя искусство изготовления хёнпхан ушло в прошлое, в наши дни свои названия, хотя и довольно простые, написанные по-корейски (азбукой), имеют в Корее и жилые многоэтажки, и общественные здания.

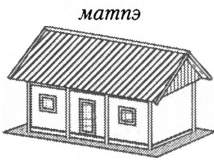
Архитектура чосонских дворцов

Как и другие страны Дальнего Востока, традиционная Корея была страной деревянной архитектуры и каменных строений почти не знала. Типичными были сооружения из дерева с массивными крышами и относительно «слабыми» стенами, которые не столько несли нагрузку, сколько выполняли ограждающую и теплоизолирующую функции. По этому принципу строились и дворцы,

и дома простолюдинов. Это не удивительно, если учесть, что здесь относительно теплый климат, а летом часто идут обильные дожди. Дерево позволяло оптимально соединить, слить воедино творения рук человеческих и творение природы – окружающий ландшафт. Другим важнейшим строительным материалом был камень, которого в «стране гор» Корею очень много и который использовался с периода Трех государств в основном для постройки гробниц и фундаментов общественных зданий. Каменное основание позволяло снять нагрузку с деревянных свай и увеличить размеры постройки. Крестьянские дома фундаментов обычно не имели и опирались на врытые в землю столбы. Считалось, что гармоничное сочетание архитектуры с пейзажем возможно только тогда, когда они состоят из одного и того же материала. Дворцы и храмы сливались с окружающей рощей, становились ее рукотворной частью. Природа «прорастала» архитектурой, а архитектура – природой. Эти принципы ярко воплотились в чосонских дворцах, где были построены здания, воплотившие все достижения строительства того времени, представления о величии и красоте, а также о мировом и социальном порядке.

Главным фактором, по которому с точки зрения представительности оценивался традиционный дом, в том числе и во дворцах, была крыша. Они классифицировались не только по конструкции, но и в соответствии с тем, чем были покрыты: соломой и хворостом, деревянной щепой, каменными дощечками или глиняной черепицей. Во дворцах, за редким исключением, почти все здания были покрыты черепицей. Крыши, в зависимости от облика, делились на три основных вида: простейшие двускатные (*матпэ*); четырехскатные с коньком (*уджингак*), где вынос карниза был невелик и почти не имел изгиба; спускавшиеся ступенями роскошные «восьмигранные» (*пхальчак* 八作), с двумя торцовыми фронтонами и большими выносами изогнутых карнизов. В беседках крыши делали четырех-, шести- или восьмискатные. В особых случаях возводили крыши в форме иероглифов *чон* 十, *син* 十 и комбинированные.

Размер и высота крыши в первую очередь зависели от того, каким образом соединялись столбы и балки, и именно это определяло, выглядело ли здание величественным или простым и легким. Существовало три способа соединения опор и крыши: *миндори*, *конпхо* и *иккон*. *Миндори*, самый простой, использовался в обычных домах. На столбы поперечно укладывались балки, сверху,

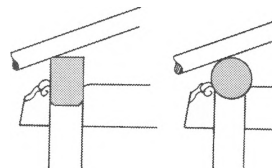

Разновидности
крыш*

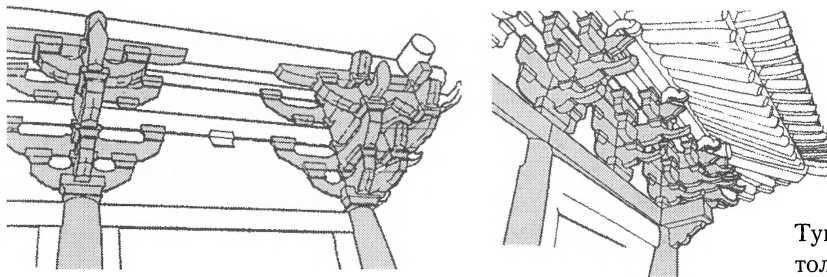
* Схема из кн.: Тянь В.Д. Буддийские храмы средневековой Кореи. М.: Вост. лит. РАН, 2001. С. 46.

под углом – стропила, затем доски или тростник, а затем основной кровельный материал.

Если здание было достаточно велико, *миндори* не применялся, поскольку крыша при этом получалась слишком низкой и пропускала мало света. Нельзя было поднять крышу и слишком высоко, так как это вело к попаданию внутрь дождя. Крыша требовала точного расчета соотношения размера и высоты. Конструкции, которые использовались при сооружении достаточно больших и высоких крыш (во дворцах, монастырях и памятных сооружениях), назывались *тугон* 斗拱. Они представляли собой комбинации кронштейнов, или конструктивные «узлы» пазового типа, которые, находясь между крышей и опорой, служили для передачи нагрузки от крыши на опоры и далее на фундамент. Тугоны образовывали бесчисленные композиции, различавшиеся по форме кронштейнов, ярусности, размещению относительно опоры и пр., и играли не только функциональную, но и художественную роль. Строительный метод, когда тугоны устанавливали по осям колонн, назывался *чусимпхо*, если добавляли тугоны еще и между колоннами – *тапхо*.

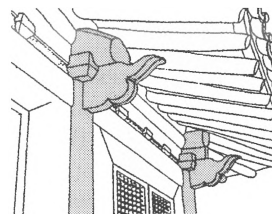

Простейший способ соединения столбов и крыши – *миндори*. Вид балки в разрезе**

Тугоны установлены только по осям колонн – способ *чусимпхо* 柱心包; тугоны установлены по осям и между колонн – *тапхо* 多包

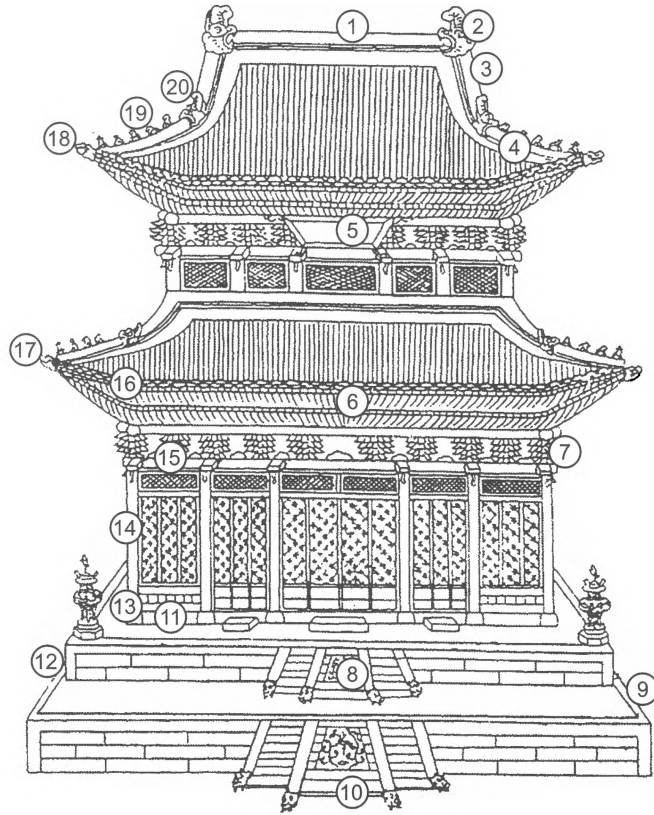
Тугоны соединялись различными способами, образуя многочисленные варианты архитектурной композиции (*чхульмок* 出目). Они были характерны для домов с высокими крышами и выносными карнизами. Особенность таких домов заключалась в том, что они были внутри выше, чем выглядели снаружи. Если над столбом снаружи устанавливали два *чхульмока*, то внутри – три. Если снаружи три – внутри четыре. Самыми сложными по конструкции были тугоны разновидности *иккон*, где кронштейны имели форму птичьего крыла, а их окончания, выходившие на фасад из плоскости стены, – форму «бычий язык». Таких «языков» могло быть несколько. Чем тяжелее крыша – тем больше.

Одиночный «бычий язык» под крышей. Соединение в стиле *чхо иккон*

** Иллюстрации в данном параграфе отсюда и далее заимствованы из кн.: *Хон Сунмин*. Рассказы о наших дворцах. С. 116–117.

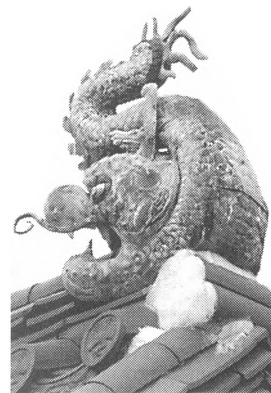
Основные части дворца высшего разряда – схема из «Ыйгве по строительству Тронного зала дворца Кёнунгун 中和殿營建都監儀軌» (1902), который первоначально был таким же, как и тронные залы в других комплексах, но в результате пожара 1904 г. утратил часть былого величия, так как был восстановлен не с двухъярусной, а с одноярусной крышей, каким сохраняется и сегодня

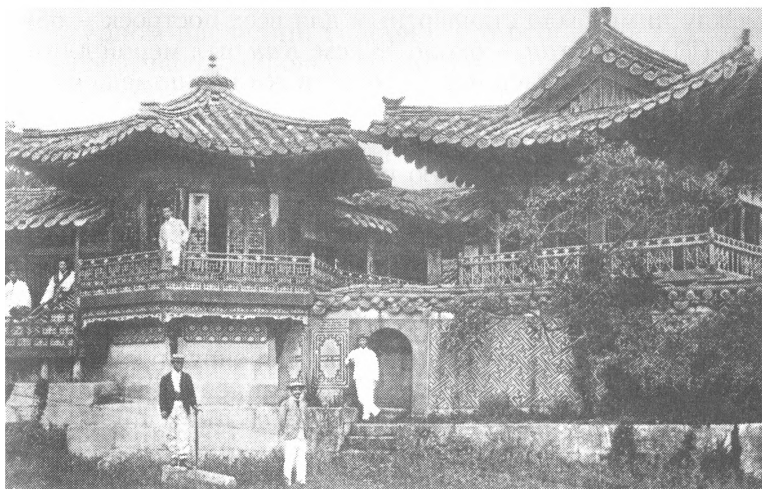
1. Конек крыши (ёнмару);	длины, а также площади помещения;
2. Украшение в виде головы дракона (чхвиду);	12. Стилобат (цоколь) здания (кидан);
3. Гребень ската крыши (нэрим мару);	13. Каменная «подушка» в основании несущего столба (чхуттоль);
4. Гребень стрехи (квн мару);	14. Столб;
5. Табличка с названием здания (пхёнэк, хёнпхан);	15. Горизонтальная балка (пан);
6. Карниз;	16. Стреха (чхома);
7. Кронштейны на столбах, поддерживающие крышу (конпхо, или тугон);	17. Стропила (чхунё), выходящие за периметр здания, образуя выносной карниз
8. Каменная панель с барельефом символа государственной власти – фениксов или драконов (тапто);	18. Украшение по углам крыши в виде головы дракона или черепахи (тхосу);
9. Каменная платформа перед зданием (вольдэ);	19. Глиняные фигурки животных-циклических знаков зодиака и пр. (чалсан);
10. Пространство в центре лестницы, над которым проносили паланкин вана (ога);	20. Резное украшение в виде головы дракона (ёнду);
11. Кан – расстояние между столбами (ок. 182 см), было также мерой	

Главная крыша Чосона –
тронного зала
Кынджонджон
в Кёнбоккуне

Чхвиду (驚頭) –
фигурная черепица
в виде дракона
с конька крыши
королевского
кабинета-библиотеки
в Кёнбоккуне.
Символизировала
присутствие
вана

«Королевская» черепица
с изображением дракона

Королевская резиденция
с крышами шестигранной
(слева) и пхальчак.
Фото из журнала
«Природа и люди»
(СПб., ноябрь 1910 г.)
с подписью «Дворец
в Сеуле, где произошло
убийство корейской
императрицы»

«Павильон радостных собраний» Кёнхверу – в Кёнбоккуне. Самая большая постройка типа – *ру* в чосонских дворцах. Современный вид

Чапсан – декоративные глиняные фигурки, которые украшали и оберегали крыши значимых зданий. Их число и местоположение указывало на статус постройки. Принято считать, что это (в разных сочетаниях) герои китайского классического романа конца XVI в. «Путешествие на Запад» (西游记 *Сиюцзи*): странник, дракон, феникс, лев, цилинь, небесный конь, морской конек, рыба, чешуйчатый лев *хэтхэ*, нечто под названием *ху* 吼 и обезьяна. Роман повествует о путешествии монаха Сюаньцзана по Шёлковому пути в Индию за буддийскими сутрами в сопровождении царя обезьян Сунь Укуна. *Фото автора. 2008 г.*

Рассчитывая размеры и пропорции крыш, учитывали также высоту и толщину несущих деревянных опор, на которых они держались. Особую прочность конструкции обеспечивала требовавшая высокого мастерства техника их установки на «подушки» из естественного камня. Ее особенность заключалась в том, что камень не шлифовали, а так подгоняли к его поверхности основание столба, что они соединялись почти намертво. Такое слияние природных материалов считалось свидетельством естественной красоты.

Величина и высота крыши определяла все остальные параметры здания: размеры фундамента, высоту цоколя и лестниц; количество, толщину и высоту несущих опор и высоту «каменных подушек» под ними; число «бычьих языков» над столбами, размер выноса и степень изгиба карнизов и пр. Количество несущих столбов обычно было нечетным: три, пять, семь – до одиннадцати. Расстояние между ними было стандартным для всех построек – один *кан* (間), или *кхан*, – около 182 см. *Кан* был мерой длины, и также называлась мера площади жилых помещений, в разное время составлявшая от 2,12 до 2,72 кв. м²⁷.

Главные общественные здания дворцов – тронные залы – имели наибольшую площадь пола, высокие двухъярусные крыши *пхальчак*, за пределами дворцов допускавшиеся лишь на столбчатых или близких им по рангу воротах, и были крыты зеленой черепицей. Зеленый цвет символизировал «восток», а также и Корею, располагавшуюся к востоку от Китая. Аналогично, только с одноярусными крышами, строили личные покои монархов. Одноярусную зеленую крышу имеет сегодня резиденция президента РК, которая называется *Чхонвадэ* (靑瓦臺) – «Дом на холме под зеленой черепицей». На холме – потому, что с него видны все четыре стороны света, т.е. вся страна.

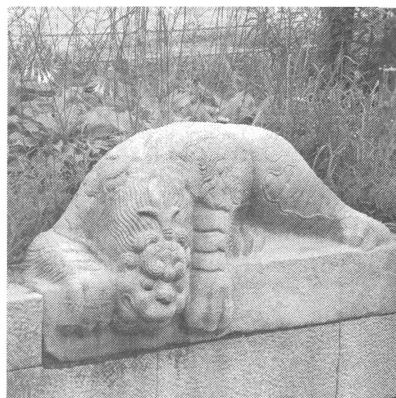
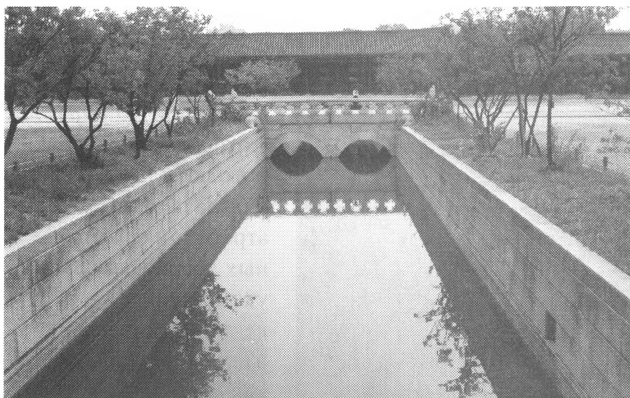

Пятицветная роспись *танчхон*, воплощавшая пять первоэлементов Вселенной (*охэнга*), украшала стены, балки, потолки и перекрытия и была неотъемлемым атрибутом официальных дворцовых зданий, указывавшим на пребывание в них вана и/или королевы. На фото – крыша крыльца дворца Хиджондан – официальной резиденции императора Сунджона в Чхандоккуне. Ее особенность – золотые цветки сливы, герб Империи и ее правящего рода. Фото 2008 г.

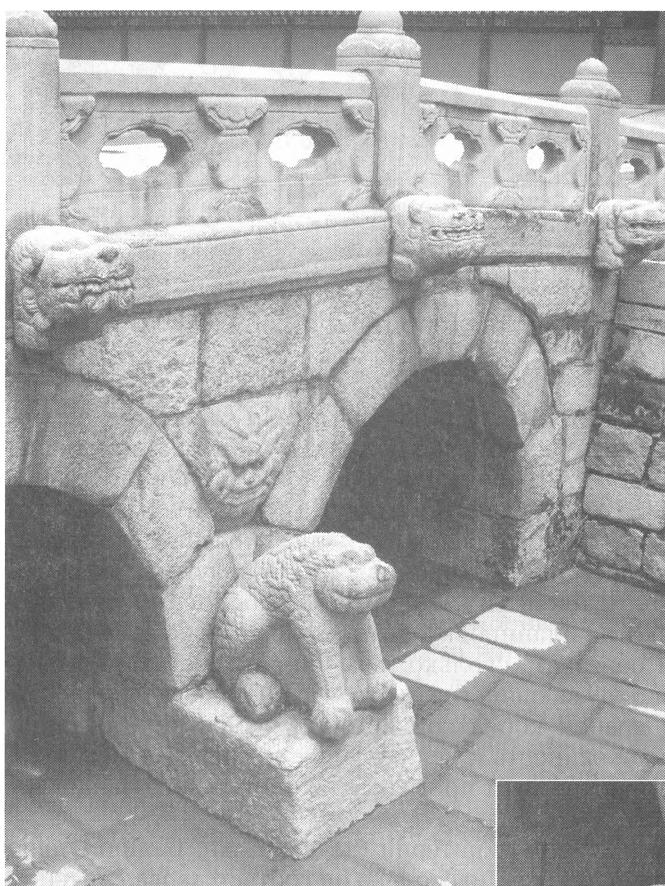
Устройство дворцов и их обитатели

При следовании китайской модели корейские дворцы в своем устройстве обладали чисто национальными особенностями, и Чхандоккун – в наибольшей степени. Это ключ к пониманию того, почему именно этот дворец – не самый большой и не самый древний – представляется современным корейцам столь значимым в своем культурном наследии. Говоря о его особенностях, они указывают на планировку, которая не столько отвечает китайским образцам, сколько гармонично сочетается с очертаниями окружающих гор, на то, что он дольше других был главной ареной корейской истории, отмечают его самую лучшую сохранность и великолепие его парка *Хувон*, являющегося прекрасным примером национального ландшафтного дизайна.

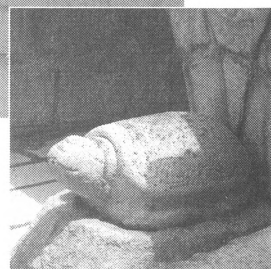
Но в старину критерии были иными. Величие дворца определялось тем, насколько он соответствовал древним китайским канонам. Именно к этому стремились средневековые строители, и не случайно европейским туристам, впервые посетившим дворцы Сеула, они обычно кажутся похожими, причем не только друг на друга, но и на то, что доводилось им видеть в других странах конфуцианского

Мосты
через водный поток
за главными воротами –
обязательный элемент
дворцового комплекса.
Как понятие они
назывались *кымчхонгё*
(禁川橋 «мост над
запретным потоком»),
но имели и собственное
имя. Считалось, что,
пройдя по такому мосту,
человек очищался
от суетных мыслей.
«Мост вечного
продолжения»
(Ёнджэгё 永濟橋)
через канал
перед тронным залом
в Кёнбоккуне
и охраняющее его
каменное чудовище.
Фото автора

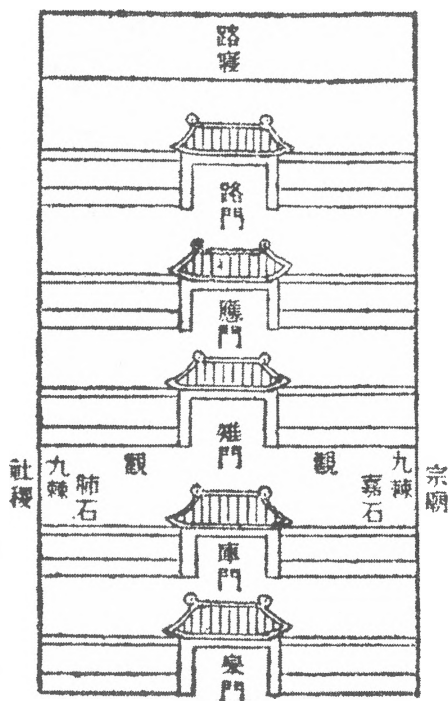

«Мост
над шелковым
потоком»
(Кымчхонгё 錦川禁)
в Чхандоккуне
и охраняющие его
фантастическое
животное и черепаха

ареала. В каждом чосонском дворце есть главные ворота – самые большие по размеру в комплексе, за ними – водный поток с каменным мостом. Снова ворота – поменьше, за ними двор, потом опять ворота, еще и еще – в три, два или один пролет, высокие и низкие, узкие и широкие, всегда крытые. Стены разной высоты и толщины вокруг широких прямоугольных дворов, угрюмо-глухие или веселые, с узорчатой кирпичной кладкой; черепичные крыши, иногда высокие, словно парящие в небе, иногда низкие, волной переходящие одна в другую, нередко украшенные досками с иероглифическими надписями, глиняными фигурками оберегов (*чансан* 雜像) и головами драконов; сквозные галереи с рядами красных деревянных столбов по периметру тронных залов, причудливые переходы между зданиями; резные ставни окон, двери всевозможных форм и размеров в самых неожиданных местах, бронзовые чаши на трех ногах, каменные фигуры полульвов-полурыб – оберегов от пожара, причудливые камни (*квисок* 貴石), драконы и фениксы, регулярный орнамент стенных и потолочных росписей, – это есть во дворцах и в других странах Дальнего Востока. Только постепенно, побывав несколько раз в сеульских дворцах, начинаешь различать их в «лицо» и чувствовать их своеобразие.

В основе планировки дворцов на средневековом Дальнем Востоке лежал принцип «пять ворот – три двора» (*у мынь сань чао* 五門三朝, кор. *омун самджо*), изложенный в шестом разделе *Чжоу ли* «Записи о ремесленных работах» (*Као гун цзи* 考工記, кор. *Когонги*). Согласно ему, дворец должен был быть прямоугольным, ориентированным с севера на юг, с четырьмя, по сторонам света, воротами, среди которых южные – главные. Он должен был быть обнесен высокой стеной и разделен стенами поменьше на пять последовательных секторов, соединенных меньшими, чем входные, воротами, расположенными по одной оси. Эти ворота назывались «ведущие к воде» (阜文), «складские» (庫門), «малые» (稚門), «гостевые» (應門) и «большие» (路門). Первые три сектора составляли «внешнюю зону», или «двор» (*веджо* 外朝), четвертый был «двором большой политики» (*чхиджо* 治朝), пятый – «двором покоя» (*ёнджо* 燕朝), а потому еще существовало понятие «три двора» (*самджо* 三朝). Большие дворы дробились на множество малых. Это был мир стен, ворот и дверей.

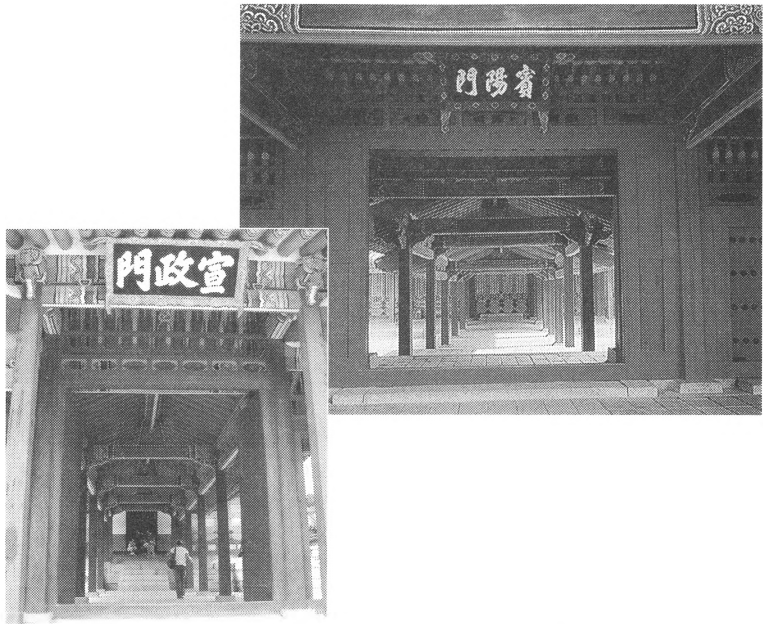

Планировка китайского дворца. Из энциклопедии минских времен *Саньцай тухуй* (三才圖會, «Собрание карт и иллюстраций о Трех основах»), собрано и нарисовано Ван Ци (王圻) и его сыном Ван Сы-и (王思義), издано в 1609 г.

«Ворота распространения доброты»
Чинсонмун 進善門 – вторые по порядку (но не по значению) в Чхандоккуне после главных ворот Тонхвамун. Они располагались сразу за мостом на «дороге вана», которая шла к тронному залу. Аналогично было и в других дворцах, где трехстворчатые ворота с собственными именами вели во «внешнюю» зону дворца к важнейшим государственным зданиям. *Фото Ли Сонджона. 2010 г.*

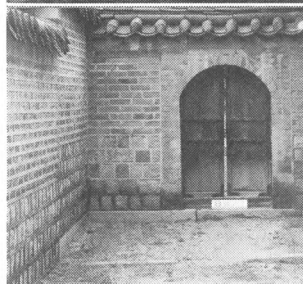
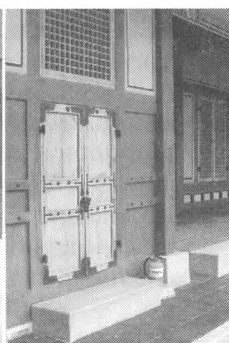
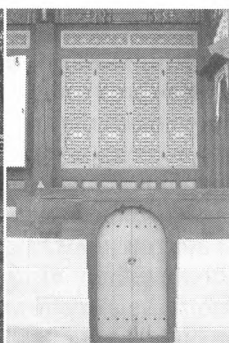
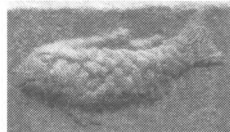

«Ворота установления справедливости» (Сонджонмун 宣正門) в Чхандоккуне (слева) и «Ворота пребывания светлого начала» (Пинянмун 賓陽門) в Чхангёнгуне. Такие галереи вели от тронного зала ко «дворцу госсовета» и соединяли «двор большой политики» (чхиджо) со «двором покоя» (ёнджо)

«Ворота полной луны» (Манвольмун 滿月門) в Наксонджэ (Чхандоккун) и знаменитая своей исключительной красотой «цветочная» стена. *Фото из книги Хон Сунмина*

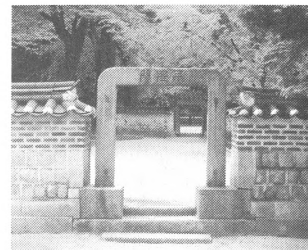
Среди ворот дворца особо значимыми были те, что вели к местам пребывания вана, на что указывали таблички с их титульными именами.

Эти ворота Осумун (漁水門) в парке Хувон в Чхандоккуне вели к кабинету для занятий главы государства и его библиотеке Кюджангак. Буквально их название означает «Ворота рыбы и воды», под чем подразумевалось неразрывное единство правителя и его подданных. Об этом единстве напоминало и барельефное изображение рыбы как символа вана на цоколе этих ворот. Рядом находились воротца маленькие безымянные, предназначенные для иных посетителей. Фото Ли Сонджона. 2010 г.

Ворот и дверей во дворцах было несметное количество. Даже безымянные, они своим оформлением, размером и местоположением строго соответствовали статусу хозяев, уровню постройки и назначению

«Ворота
долгой радости»
(Чаннанмун 長樂門)
усадьбы Наксонджэ
в Хувоне. Она была
построена как «дачная»
резиденция главы
государства.
Надпись на хёнпхан –
образец каллиграфии
Тэвонгуна.

«Ворота вечной
молодости»
(Пулломун 不老門)
в парке Чхандоккуна
не свидетельствовали
о статусе, а служили
благопожелательным
символом.
Пройди через них –
и обретешь бессмертие.

Фото Ли Сонджона

На практике, из-за особенностей рельефа и конкретных потребностей, полного соответствия древнему трактату не было даже в расположенных на равнинах дворцах Пекина и Нанкина, а в гористой Корее, обладавшей к тому же собственными представлениями о красоте и пользе, отклонения были весьма существенны. И все же испокон века прилагались усилия, чтобы по мере возможности следовать стандарту. Об этом свидетельствуют развалины дворцов периодов Трех государств и Корё. Господство канона кажется очевидным и в чосонских дворцах. Все они строились по одной схеме и состояли из четырех больших зон: «большой политики» (*чхиджо*), административной (*кволлэ какса* 關內各司), частной жизни вана и его семьи (*ёнджо*) и парка для отдыха (*хувон* 後苑). Первые две вместе составляли «внешнюю» часть дворца (*веджон* 外殿), третья и четвертая «внутреннюю» (*нэджон* 內殿). Они воплощали *ян* и *инь* (陽陰). Так же был устроен и традиционный корейский дворянский дом, где во «внешней» части (*саранчхэ*) жили, спали, занимались литературным трудом и принимали гостей мужчины, а во «внутренней» (*анчхэ*), почти не выходя наружу, готовили, пряли, шили, нянчили детей женщины. Такой дом, как бы ни был знатен и богат его хозяин, не мог превышать по площади 99 *кхан*. Больше были только дворцы.

Особое значение
в государстве имели
ворота тронных залов.
«Ворота гуманного
правления»
(Инджондмун)
в Чхандоккуне,
где короновались
на царство восемь
ванов Чосона.
Современный вид.
Фото Ли Сонджона.
2010 г.

Тронный зал

Деление дворца основывалось на том, для кого и для каких целей была та или иная его часть предназначена. «Внешняя зона» была центром государственного и административного управления. Ее ядром и также центром «зоны большой политики» был тронный зал (*чонджон*). Всего таких залов в чосонской столице было пять – по одному на каждый дворец. Это были самые высокие и большие здания в стране. Главный из них – *Кынджонджон* (勤政殿 «Зал ревностного правления») – высился в Кёнбоккуне. Его особое значение подчеркивала его площадь пола в 35 кхан (около 90 кв. м), в то время как следующий по размеру, находившийся в Чхандоккуне *Инджонджон* (仁政殿 «Зал гуманного правления») составлял только 20 кхан. Одноэтажное здание тронного зала венчала двухъярусная, словно взлетающая ввысь, и украшенная головами драконов и фигурками *чапсан* черепичная крыша с большими изогнутыми выносами, которые скрывали в своей тени конструкцию кровли. Это стремление к высоте искусствоведы выделяют как общую особенность парадных зданий Кореи, отличающую их от китайских аналогов, обычно вытянутых по горизонтали²⁸. Шесть массивных столбов по фасаду образуют пять пролетов, закрытых легкими ажурными перегородками*. Каждый увенчан четырьмя тугонами «бычий язык», играющими роль могучей капители.

Гармонию конструкции подчеркивала двухъярусная (как и крыша) необычно высокая каменная терраса с двумя маршами каменных лестниц, украшенная резными каменными перилами, каменными фигурами фантастических животных-оберегов – покровителей сторон света (*сасин* 四神), которые также считались хранителями Кореи, а также символов дальневосточного календарного солнечно-лунного цикла: мыши, быка, тигра, зайца, дракона и пр. Архитектура Тронного зала подчеркивала величие и могущество монарха, а эти животные напоминали о его роли Хозяина Времени, чьей задачей, как носителя Мандата Неба, было реализовывать волю Небес путем неуклонного соблюдения смены дня и ночи и править в соответствии с движением небесных светил. Поэтому в комплексах дворцов находились астрономические обсерватории и водяные часы, которые отсчитывали время небесное и определяли время человеческое.

* Расстояние между пролетами столбов называлось *кан* 間.

О размерах здания говорили, сколько канов оно имеет в длину и ширину. Так что кан был мерой измерения и длины помещений, и площади их пола.

Тронный «Зал ревностного правления» в Кёнбоккуне

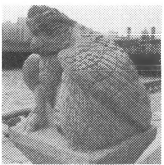
Каменные покровители сторон света (*сасин*) на террасе тронного зала Кынджонджон в Кёнбоккуне:

Зеленый дракон (восток)

Белый тигр (запад)

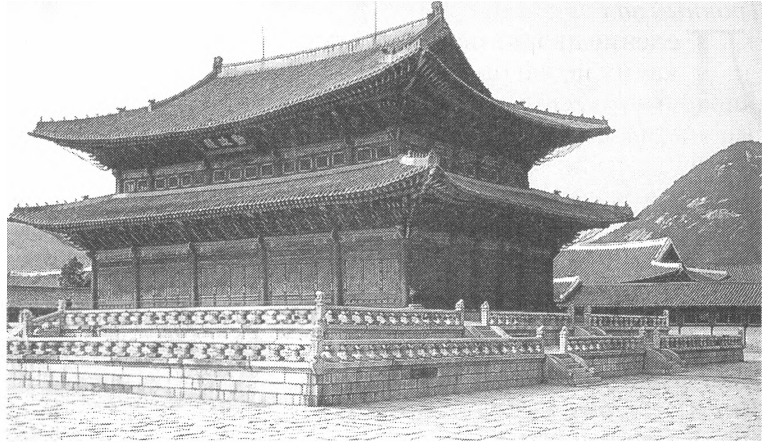
Красный феникс (юг)

Скульптуры символов дальневосточного календарного солнечно-лунного цикла – на террасе Кынджонджона: Лошадь

Бык

А всего таких скульптур 10, по неизвестной причине отсутствуют Собака и Свинья

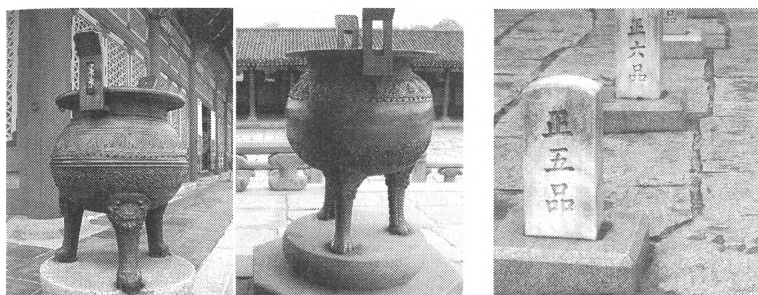

Утро в Чосоне начиналось примерно в 4 часа со звука дворцовых колоколов в павильоне с водяными часами. Это означало: ван объявляет официальное начало дня. Колокола звонили 33 раза, и каждый удар воплощал одну из 33 буддийских божественных сфер, составляющих Вселенную. Это было сигналом для звона колоколов на главных дворцовых воротах, на колокольне на центральной улице Чонно (т.е. «Колокольная»), на Великих Южных и Восточных воротах в городских стенах, после чего открывались четверо главных городских ворот, и все приходило в движение. В полдень во дворце стучал барабан, сообщая народу, что утренние дела завершены и начинается подготовка к дневному приему пищи. Примерно в 10 часов вечера колокола во дворце звонили 28 раз, оповещая о начале комендантского часа, и четверо главных ворот закрывались. 28 ударов символизировали 28 астральных позиций (созвездий) и были просьбой к небесам о ночном покое. На улицы выходила ночная стража с дубинками. Так дворец регулировал ход жизни в столице, а с нее брала пример вся страна.

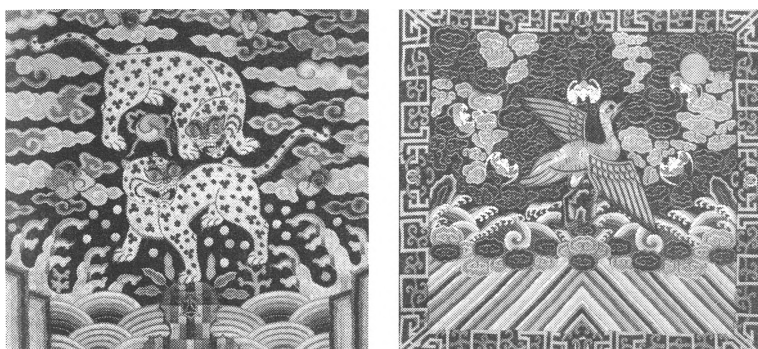
Перед залом простирался обширный, мощеный каменными плитами двор, окруженный высокой стеной с тремя воротами. Южные, как всегда, были главные и самые большие – в три пролета. В иерархии ворот они по статусу уступали только главным входным воротам дворца. В Кёнбоккуне они назывались «Ворота неустанного правления» (*Кынджонмун* 勤政門), в Чхандоккуне – «Ворота гуманного правления» (*Инджонмун* 仁政門). От центральной секции главных ворот к Тронному залу вела «королевская дорога» (*одо* 御道). Она была несколько выше уровня двора и была предназначена только для вана, что подчеркивало его исключительный статус.

Вдоль *одо* стояли рядами разграничительные столбики (*пхумгесок* 品階石) с указанием рангов, в соответствии с которыми строились по время аудиенций и падали ниц чиновники. Гражданские – в восточной части двора, военные – в западной. Считается, что отсюда и пошло название правящего сословия Чосона – *янбан* (兩班), букв. «две группы» [государственных служащих – гражданских и военных]*. Всего было 9 рангов. С первого по третий делились на

Котлы на трех ногах – неперменный атрибут двора тронных залов. Считалось, что владыки царствуют, пока в их дворцах стоят эти треножки и что впервые их изготовил сам отец человечества Фуси

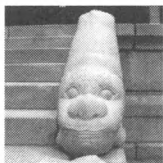
Столбики (*пхумгесок*) с указанием рангов на площади перед тронным залом

Хюнбэ с двумя тиграми. Вышитая нашивка на официальном костюме военного чиновника высшего ранга

Хюнбэ с одним журавлем – знак отличия гражданского «великого мужа, внимающего указаниям», т.е. сановника второго уровня

полный (*чёнпхум* 正品) и неполный (*чонпхум* 從品). Ранги с четвертого по девятый такого разделения не имели, все были категории *чонпхум* 從品. Обладатели трех полных (*чёнпхум* 正品) рангов также делились, в свою очередь, на две группы. Представители одной имели право находиться в зданиях, где пребывал государь, и именовались «великие мужи с правом прохода» (*тхонджон тэбу* 通政大夫). Это были высшие сановники. Отличительной чертой их официального костюма были нашивки на груди (*хюнбэ* 胸背)

* Большинство *янбанов* владели землей, практически все получали конфуцианское образование и имели теоретически право и возможность сдать экзамен и занимать любые должности, вплоть до высших. Для поддержания сословного статуса *янбанской* семьи хотя бы один человек из трех последовательных поколений должен был состоять на государственной службе.

Такие чудовища охраняли пролеты лестниц важнейших зданий, над которыми проносили, или по которым ступал монарх.

Фото Н. Чесноковой

двумя вышитыми журавлями у гражданских, и двумя тиграми – у военных. Представители другой находились рядом с государем могли лишь в особых случаях и назывались «великие мужи, внимающие указаниям» (*тхонхун тэбу* 通訓大夫). Это были старшие чиновники-исполнители, у которых *хюнбэ* были с одним журавлем или тигром соответственно.

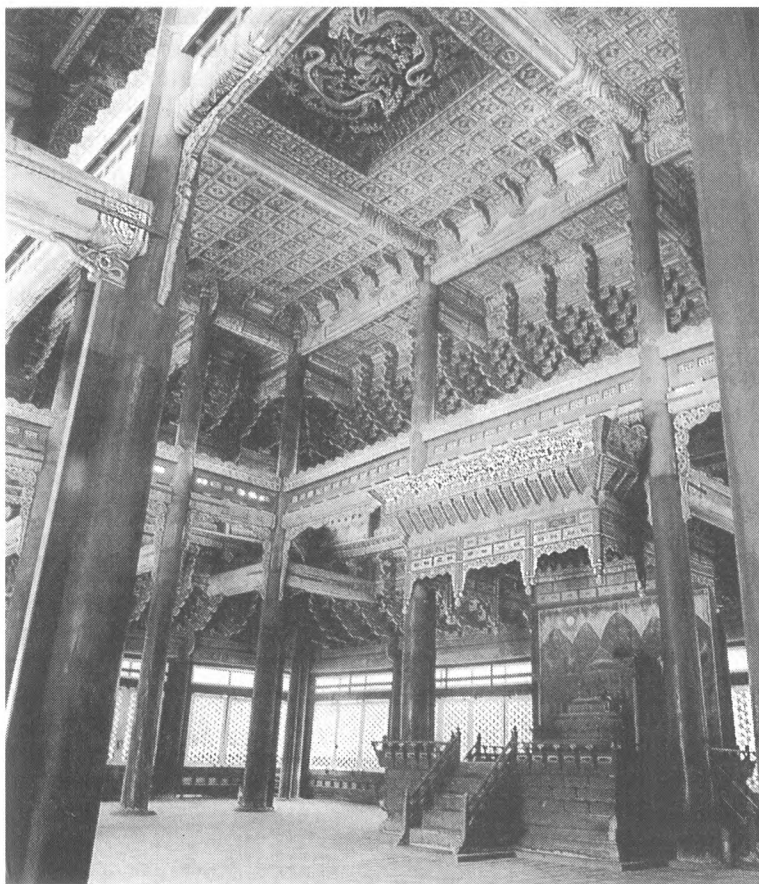
До наших дней в тронных залах сохранились кое-где большие металлические кольца, прочно вделанные в камень в разных местах в полу двора, а также – в карнизе крыши. К ним привязывали огромный тент, прикрывавший территорию от солнца и непогоды во время церемоний. Вдоль стены размещались галереи, образованные длинными рядами высоких красных столбов с перекрытиями. В них находились стража, отделения Королевского секретариата *Сынджонвон*, где придворные историографы вели подробные записи происходящего (одни – слов вана, другие – его действий), и Ведомство по составлению и изданию высочайших указов *Йемунгван* 藝文館, хранилища музыкальных инструментов, королевских кистей и чернил, ритуальных текстов и благовоний.

В Тронном зале каждого из чосонских дворцов на высоком постаменте стоял обращенный на юг королевский трон. Его называли «Нефритовый трон» (*окчва* 玉座), или «Драконовый трон» (*ёсан* 龍床). Сзади его прикрывала роскошная шестичастная деревянная ширма с резьбой в виде голов драконов, которую украшала большая картина на шелке с изображениями Солнца (восток), Луны (запад) и пяти горных пиков (*ирволь обон пён* 日月五峯屏). Небесные светила воплощали силы *ян* и *инь*, а также вана и королеву, а пики – пять первоэлементов (вода, огонь, дерево, металл, земля) и пять основных направлений света (восток, запад, юг, север и центр). О космогонии напоминали и основные цвета картины: красный, зеленый, синий, белый и золотой. Золотом были обведены контуры гор, среди которых одна была выше других. Другими элементами композиции были вода (трехструйный водопад, низвергающийся в волны моря) и сосны – символы вечности.

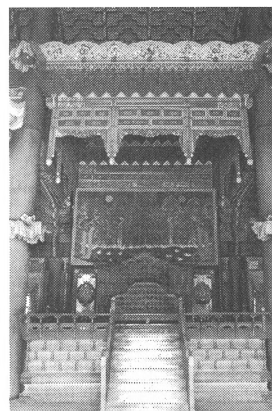
Все вместе это означало, что находящийся в центре мироздания монарх в соответствии с волей Небес вечно управляет из центра «четырьмя сторонами света», т.е. страной. Хотя сам образ был заимствован из Китая, только в Корее он стал одним из важнейших символов монаршей власти, который не встречается, как утверждают корейские историки, больше нигде. Ширма *ирволь обон пён* была непременной декорацией любых светских мероприятий, в которых участвовал государь. Ее изображение

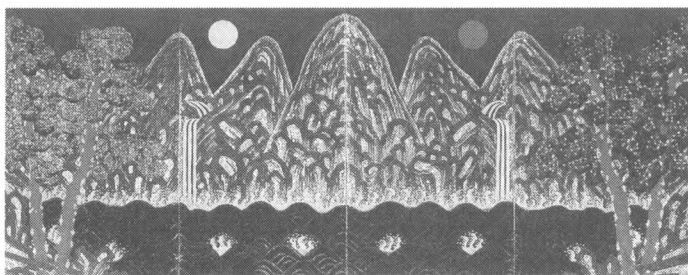
Резные позолоченные
фигуры двух драконов
на расписном плафоне
тронного зала

Интерьер тронного зала.
Старинная фотография

«Нефритовый»,
или «Драконовый»
трон – на возвышении
под балдахином.
Старинная фотография

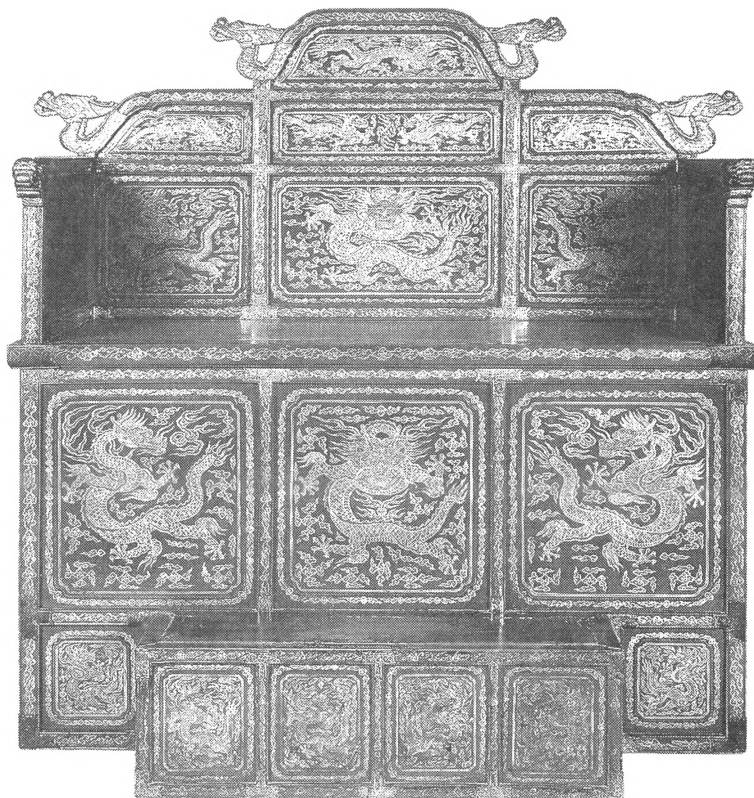

Важнейший символ
королевской власти –
картина на шелке
с изображениями
Солнца (восток), Луны
(запад) и пяти горных
пиков (*ирволь обон пён*),
непрерывно стоявшая
за тронном

Пара драконов в облаках. Потолочная роспись в створе ворот Алтаря Неба (Вонгудан), воздвигнутого в Сеуле после провозглашения Чосона империей в 1897 г. В нем корейский государь впервые в истории стал обращаться непосредственно к Небу

Дракон. Нагрудный и наплечный знак на одежде вана 2-го разряда. Золотое шитье

Королевский трон, расписанный драконами.
Из коллекции музея Когун

на дворцовых картинах означало его присутствие. Ставили такие ширмы и за королевскими портретами в дворцовых поминальных алтарях.

Балдахин над тронном был расписан сложными геометрическими узорами и украшен в Кёнбоккуне резными фигурами двух позолоченных драконов, ассоциировавшихся на Дальнем Востоке с абсолютным превосходством вообще, а значит и с любым государем, но в первую очередь – с китайским императором. В Тронном зале в Чхандоккуне на потолке балдахина над тронном были вырезаны два феникса. Они были символом власти именно вана. Драконы и фениксы – эти образы были во дворцах главными. Их изображали в камне и дереве, в живописи, декоративной росписи официальной архитектуры и ритуальных предметах.

Дракон, считающийся воплощением зла в христианской традиции, в Азии всегда рассматривался как благопожелательный символ. Хозяин дождя, он нес плодородие на поля. Он сулил удачу и был воплощением высших благ. Лучшим из снов было увидеть во сне дракона. Обнимать его во сне, верхом на нем взбираться на небо, видеть дракона, спускающегося к человеку, получить от него шар, – такие сны давали надежду на успешное прохождение экзамена на государственный чин, рождение сына. Взбираться на летящем драконе на небо – к достижению благородного звания²⁹. Дракон воплощал абсолютное превосходство, и потому выступал как символ монарха. В традиционном Китае было несколько типов драконов. В период Сун символом императора в Китае был трехпалый дракон. К концу этой династии народы Северного Китая и Маньчжурии начали добавлять к этому изображению когти. К юаньскому времени с императором Китая и его сыновьями ассоциировался уже пятипалый дракон. Аристократы и крупные чиновники носили изображения четырехпалых драконов. Эта традиция сохранялась в минскую и цинскую эпохи, но постепенно эмблемы с пятипалыми драконами стали носить и знать, и высшие чиновники. Поскольку японцы заимствовали образ дракона еще до сунских времен, у их драконов обычно три пальца. В Корее символом высшей власти формально был четырехпалый дракон, но церемониальная одежда вана украшалась изображениями пятипалого дракона, костюмы его сыновей – четырех-, а внуки – трехпалого.

На потолке балдахина над тронном в Кёнбоккуне были изображены драконы семипалье, вызывающие сегодня недоумение историков. Старинная фотография

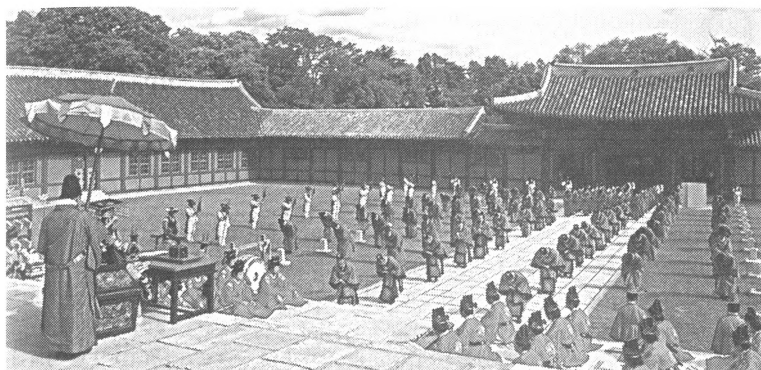
Королевская
курильница. Атрибут
убранства тронного зала

Ван появлялся в тронном зале прикрываемый темной красно-синей ширмой в сопровождении евнухов, фрейлин, ближайших министров и телохранителей, восходил по ступеням и садился на трон. По обе стороны вставала стража в полном облачении. Бронзовые курильницы распространяли аромат, играла торжественная музыка, и все присутствовавшие четырежды кланялись. Так начинались приемы. Размеры зала, высота и сложная архитектура его крыши и массивных деревянных колонн, пышный декор и предметы обстановки (разноцветные флаги, гигантский зонт, золотые королевские печати и ритуальные мечи), многочисленность свиты и богатство одежд – все подчеркивало величие государя, его власть над миром людей и природой.

Тронный зал был предназначен исключительно для церемониальных и представительских целей. В первую очередь для приветствий и поздравлений нескольких типов. Церемонии *мангволле* (望闕禮) проводились в первый день первого лунного месяца, в день зимнего солнцестояния, в дни рождения китайских императоров (они назывались «праздник тысячи осеней» *чхончхуджоль* 千秋節) и наследника. *Харе* (賀禮) – в дни рождения ванов, их главных супруг и вдовствующей королевы-матери, и здесь главным распорядителем был наследник престола, который вместе с членами королевского рода в расширенном составе и сановниками зачитывал именинникам поздравления и возглашал здравицы. Более простая форма *харе*, когда наследник с чиновниками приветствовали государя, проводилась в первый день каждого месяца и в день полнолуния. Каждый месяц в 5-й, 11-й, 21-й и 25-й день во дворе Тронного зала собирались чиновники для приветствий и оповещения вана о своем приходе на службу. Эта церемония называлась *чохве* (朝會 «утреннее собрание»), и ее участники были в повседневной одежде, в отличие от других случаев. Главная их поза на королевских аудиенциях – большой поклон. Чтобы посмотреть вану в лицо, требовалось особое разрешение, и суровое наказание ждало того, кто осмеливался сделать это по собственной воле.

Проводились в тронном зале церемонии провозглашения наследника (*седжа чхэкпон йе* 世子冊封禮), а также коронации (*чыгвисик* 卽位式). О последней надо сказать особо. Ваны не выбирали место коронации по желанию. Оно зависело от того, в каком дворце скончался предыдущий монарх и где стоял временный склеп (*пиджон*), в котором сохранялось до похорон его тело. День этот не был праздничным. Он проходил примерно на пятый день после кончины государя, в печали и стенаниях, назывался *сонбок* (成服) – «[день] надевания траурной одежды» – и был частью похоронной церемонии (*санне* 喪禮). Главным этапом

коронации было вручение наследнику хранившейся в *пинджоне* рядом с телом усопшего большой государственной печати (*оксэ*), после чего он и становился законным монархом. Это происходило в главных воротах тронного зала. Пройдя с печатью через двор, он поднимался на трон и принимал поздравления сановников. Так в «Зале гуманного правления» в Чхандоккуне короновались восемь ванов: Ёнсангун, Хёджон, Хёнджон, Сукчон, Ёнджо, Сунджо, Чхольчон и Коджон.

Еще одной церемонией во дворе тронного зала был последний этап *кваго* – экзаменов на государственную должность для гражданских чиновников, на которых отбирали будущих сановников страны. Они проводились раз в три года, и в них принимали участие 33 лучших кандидата (по числу 33 буддийских божественных сфер) из сдавших экзамены районного и провинциального уровней. Сидя с утра и до заката во дворе перед тронным залом, они писали ответ на вопросы, которые им дал сам ван. В это время сам он выезжал на место за пределами дворца, где проводились аналогичные экзамены для 28 соискателей должностей военных чиновников, и наблюдал, как экзаменующиеся соревновались в стрельбе из лука, выезде, владении копьем, рукопашном бое. На подведение итогов требовалась неделя, после чего и гражданские, и военные участники экзаменов собирались перед воротами тронного зала. Выкликались имена, и успешные кандидаты проходили внутрь двора, где строились в ряды. Опять же гражданские – на востоке, военные – на западе. Их награждали красными табличками с их именами и результатами. Ван поздравлял их, от его имени им вручали цветы и организовывали банкет. Занявшие первое место (*чанвон* 壯元) награждались также «почетными зонтами» (*кэ* 蓋) и в дальнейшем пользовались особым расположением монарха. В позднем Чосоне, начиная с Сукчона, эти экзамены стали проводить в Запретном саду в Чхандоккуне.

На этой южнокорейской почтовой открытке 1980-х годов запечатлена церемония *харе* (приветствия вана чиновниками) в тронном зале Инджонджон в Чхандоккуне. О том, что это костюмированная реконструкция особенно явно свидетельствует двор: он не мощен камнем, как во времена монархии, а представляет собой травяной газон, как в период японской колонизации и первые десятилетия после Освобождения. В последние годы дворам тронных залов возвращен их первозданный вид

Важным событием в жизни вана и его двора был прием иностранных послов (*пинне*), который также проходил в тронном зале. Это была одна из «праздничных дворцовых церемоний» (*каре*). Средневековая Корея была частью китаецентричного конфуцианского мирового порядка. Суть ее дипломатии отражала формула *садэ кёрин* 事大交隣 – «служить старшему (государству), поддерживать мирные отношения (с соседями)». «Старшим государством» был Китай, соседями – японцы, чжурчжэни, рюкюйцы. Степень церемонии определялась национальностью гостей и их клановым статусом. Послы из Китая назывались «императорскими» (*чхикса* 勅使), других стран – «государственными» (*кукса* 國使).

Государственных послов ван встречал, сидя на троне в одежде «второго уровня». Главный *кукса*, с «государственным письмом» (*куксо* 國書) в руках, в сопровождении переводчика и остальных членов делегации под звуки музыки входил во двор тронного зала через западные ворота. Собравшись в западной части двора, они четырежды низко кланялись монарху. Затем *кукса* и его заместители поднимались на террасу зала с западной стороны и, не входя внутрь, преклоняли колени на специальном возвышении, а следом за ними – и остальные члены делегации. Старший посол передавал *куксо* секретарю, который клал его на столик подле вана. Тот расспрашивал посла о здоровье его монарха и благодарил за усилия, предпринятые для его посещения в столь длительной поездке. *Кукса* и его заместители спускались вниз по западной лестнице и занимали места во дворе. На этом церемония заканчивалась. За ней следовал дворцовый банкет с участием государя, где плясали танцоры, играла музыка, подавались во множестве изысканные блюда и спиртные напитки.

Если при приеме «государственных послов» ван исполнял роль «старшего», то при приеме «императорских послов» он превращался в подданного. Чтобы их встретить, он лично, в сопровождении огромной свиты, отправлялся на окраину столицы в *Мохвагван* (慕華館 «Зал почтения [Китая]») за «Большими западными воротами» (Содэму). Это был один из немногих случаев, когда ван имел право покидать дворец.

Вместе с гостями шествие возвращалось во дворец, где на троне уже стояла табличка с золотой надписью (*квольпхэ* 闕牌), символизировавшая китайского императора. В ее присутствии ван не мог находиться внутри зала и оставался за его пределами в ожидании, когда главный *чхикса* его позовет. Он также не мог войти в свой тронный зал спереди и пользовался восточной дверью. Наследный принц и министры входили через западную

Сосуд с изображением дракона. Рисунок кобальтом по белому фарфору *пэкча*, который получил особое распространение в королевском быту во второй половине Чосона, так как воплощал сдержанность и скромность истинного конфуцианца. Использовался как для вина, так и для цветов. Высота 47,2 см. Из коллекции Государственного музея дворцовой культуры Когун (Сеул)

дверь. Императорский посол, с императорским письмом в руке, ступал во двор через главные ворота, шел по «королевской дороге», поднимался по ступеням к трону и помещал письмо перед императорской табличкой. Ван и все присутствовавшие кланялись как подданные китайского императора. Затем ван поднимался на платформу, преклонял колени перед послом, после чего они вместе совершали обряд жертвенных подношений. Хозяином церемонии выступал китайский посол, поэтому он занимал место в восточной части Зала, а ван оставался в западной. Ритуал завершался, когда король и посол дважды кланялись, стоя друг к другу лицом³⁰.

Внутренняя административная зона

Под «внутренней административной зоной» дворца (*кволлэ какса*) подразумевалась территория внутри дворца вокруг тронного зала, где размещались различные дворцовые учреждения. Их число с ходом времени возрастало, и в позднем Чосоне, когда главной резиденцией монархов стал Чхандоккун, стало такое множество, что не обо всех сегодня известно. Коротко перечислю основные.

I. Политические и административные учреждения

- *Йемунгван* (藝文館) – Ведомство по составлению и изданию высочайших указов;
- *Чхунчхугван*, составлявший исторические хроники;
- *Сынджонвон* – королевский секретариат;
- *Сынмунвон* (承文院) – Ведомство дипломатической переписки;
- Управление литературы *Хонмунгван* (弘文館). Оно было создано после упразднения Академии достойных (Чипхёнджон) во времена Седжо. Его сотрудники подбирали по указанию вана книги и участвовали в обсуждениях с его участием конфуцианских и исторических трактатов;
- архив-библиотека Кюджангак (филиал), ставшая со времен Чонджо важным местом выработки государственных решений;
- государственные цензораты *Сахонбу* (司憲府) и *Саянвон* (司諫院). Первый отвечал за контроль над чиновничеством и имел право оспаривать предлагавшиеся государем (по рекомендации Министерства чинов) кандидатуры на должности. Второй давал критическую оценку решениям и личному поведению государя;
- *Кёсогван* (校書館校), отвечавший за королевские печати, издание конфуцианских трудов и благовония;

Министр времен позднего Чосона. На этом архивном фото запечатлен Чо Бёнсик, родственник вдовствующей королевы Чо, приемной матери Коджона, глава коллегии иностранных дел, подписавший в 1888 г. с корейской стороны «Правила сухопутной торговли» с Россией

Высший гражданский чиновник в costume разряда *чобок* 朝服, который надевали по случаю крупных торжеств во дворце и который был упразднен в 1899 г. Его главной отличительной чертой был головной убор *кымнянгван* 金梁冠, число золотых полос на котором указывало на ранг. Больше всего полос (пять) было у чиновников полного первого ранга, то есть премьер-министра.

Чиновник высшего ранга в «рабочей» придворной одежде. Конец Чосона

- *Квангванчхон* (觀光廳), готовивший экзамены кваго высшей ступени;
- *Квансангам* (觀象監) – Ведомство наблюдений за природными явлениями. Его подразделения занимались наблюдением за звездами и погодой и толкованием полученных результатов с целью выбора наиболее благоприятных дней для проведения государственных мероприятий, в первую очередь, ритуалов, а также изучением географии и геомантическим толкованием местности для строительства дворцов и королевских гробниц;
- Следственное управление, занимавшееся допросом государственных преступников, и при нем тюрьма, и пр.

Чиновники различных рангов не смешивались, встречаясь в «залах заседаний», стратифицированных по статусу. Присутственным местом высших сановников: членов Госсовета и министров – являлся *пинчхон* (賓廳). Начальники приказов решали свои вопросы в *чончхоне* (政廳), сотрудники государственных цензураторов – в *тэчхоне* (臺廳). Секретари вана работали в *Сынджонване* и т.д. Предусмотрены были также места для отдыха чиновников, также по рангам. Существовала служба, доставлявшая им питание из специальной кухни – *чубан* 廚房, или *чувон* 廚院.

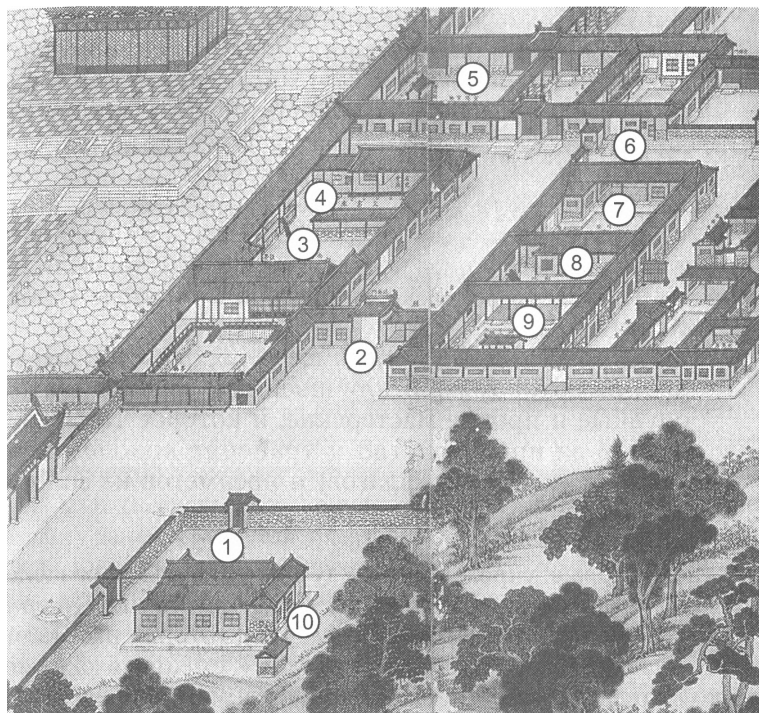
II. Военные учреждения

В первую очередь *Нэсамчхон* (內三廳) – дворцовая охрана, состоявшая из семи отрядов по 100 солдат каждый. Были также подразделения, занимавшихся личным сопровождением вана и членов его семьи, а также Ведомство королевских глашатаев (*Сонджонгван чхон* 宣傳官廳), включавшее и военный оркестр из 60 музыкантов, сопровождавший вана во время выходов из дворца. Общее командование дворцовым гарнизоном, численность которого в иные времена достигала 2 тыс. человек, осуществляло *Нэбёнджо* (內兵曹).

III. Организации, управлявшие дворцовым имуществом

Ведомство государственных рабов (*Нэсуся* 內需司); королевская конюшня (*Тхэбокси* 太僕寺), отвечавшая и за паланкины; конторы по строительству и ремонту, уборке территорий и очистке водоемов, мастерские по изготовлению церемониальных тентов, луков и стрел для дворцовых ритуальных стрельб, веревок и пр. Многочисленные склады заполняли «входную» часть дворца – внешнюю зону.

Отдельно следует упомянуть Ведомство королевских печатей (*Сансовон*), библиотеки, архивы документов и хранилища, из которых особо важными были следующие:

Часть «внутренней административной зоны» к востоку от тронного зала в Чхандоккуне. Фрагмент «Плана Восточного дворца» (Тонгвольдо 東闕圖). 1824–1830 гг.

Из коллекции Музея университета Корё

1. Пинчхон – место заседаний высших сановников;
2. Ворота Ёнёнмун;
3. Сансосон (尙書省) – Хан Ёну считает это учреждение управлением архива расположенного рядом Королевского секретариата;
4. Архив (мунсого 文書庫);
5. Ведомство королевских глашатаев (Сонджонгван чхон);
6. Чанбан (長房) – помещение для служащих;
7. Кунбан (弓房) – мастерская по производству луков и стрел;
8. Чувон – кухня;
9. Продуктовое ведомство (Консанчхон);
10. Пост для измерений (чхыккан 測杆)

- собственноручной каллиграфии (опхиль 御筆), литературных произведений (одже 御製) и портретов монархов (оджин 御眞),
- их посмертных (кымбо 金寶), а также прижизненных памятных (сделанных по случаю) и художественных печатей (огин 玉印),
- королевских поминальных «книг» из нефрита (окчхэк 玉冊),
- «бамбуковых книг» с почетными титулами (чукхэк 竹冊) и письменных наставлений ванов наследникам и их супругам по случаю возведения их в этот статус (кёмён 敕命)*;
- генеалогических книг правящего дома (Сонвон почхон 璿源譜牒) и пр.

IV. Учреждения бытового обслуживания королевской семьи и двора

- Нэыйвон (內醫院) – Аптечно-медицинское ведомство;
- Консанчхон (供上廳) – Продуктовое ведомство, обеспечивавшее весь дворец съестными припасами,

* Составлялись кёмён и по случаю возведения в статус королев. Они также хранились во дворце.

Гражданский чиновник
в парадном облачении.
Конец Чосона

Старший евнух

и потому в его подчинении находилось множество подразделений, занимавшихся производством, поставкой и хранением рыбы и мяса, соли и топлива, риса и прочих круп, соусов и специй, вин для ритуалов и дворцовых банкетов, масла и овощей и пр.;

- **Саонвон** (司饗院) – Ведомство королевской кухни, готовившее отдельно для вана и других живших во дворце членов королевской фамилии, а также поставлявшее для них посуду, которую производили на фабрике королевского фарфора в Пунвоне (пров. Кёнгидо).
- **Саныйвон** (尙衣院) – Ведомство королевской одежды, при котором работали швейные, вышивальные, обувные и прочие мастерские, и которое также отвечало за производство и хранение королевских регалий (например флагов) и предметов из золота и серебра.

Другие бытовые учреждения будут упомянуты в разделе «Фрейлины и служанки», здесь же упомяну **Нэбанвон** (內班院) – Ведомство евнухов (*нэси* 內侍), которые работали по всему комплексу «вахтовым методом», сменяясь каждые несколько дней. Отработав, они шли по домам за пределами дворца, а пока работали, жили в гостинице при Нэбанвоне. Приходящих евнухов было в разные времена от 200 до 250 человек. Еще 140 жили во дворце постоянно. Около 40 из них обслуживали лично государя, 12 – королеву. Евнухи контролировали качество приготовления дворцовой пищи, отвечали за королевские кисти и прочие канцелярские принадлежности, охраняли внутренние ворота и двери, выполняли личные поручения, убирали в покоях, ухаживали за садами и доставляли к королевскому столу фрукты и т.д. Образуя иерархию, они делились по рангам: от неполного 2-го (*сансон* 尙膳) до неполного 9-го (*санвон* 尙苑). Главным евнухом дворца был *тэджон нэси* (大殿內侍) – постоянно находившийся при вane камердинер. В отличие от Китая, где практиковалась насильственная кастрация, в Чосоне евнухов рекрутировали либо из числа людей, родившихся с неразвитыми гениталиями, либо из тех, кто лишился их в молодости в результате травмы. Во времена Корё (935–1392) евнухи имели большое влияние при дворе, но после воцарения Чосон были понижены в сословии, и их роль в дворцовой жизни резко сократилась. Поскольку евнухи своих детей иметь не могли, они продолжали род, усыновляя детей родственников. В сеульском округе Новон-дон на горе Чхоансан находится братская могила дворцовых евнухов, признанная недавно официально «исторической достопримечательностью»³¹.

Офицер среднего звена
в парадной форме.
Конец XIX в.

Дворцовые солдаты
«старой» армии.
1890 г.

В средневековом сословном обществе чем выше было положение человека, тем больше людей его сопровождало, куда бы он ни шел, и обычай этот сохранялся вплоть до середины 1890-х годов. Описание такой свиты оставил в мемуарах живший в Корее в 1884–1905 гг. американский миссионер, врач и дипломат Горас Н. Аллен (1858–1932). Он рассказал, что, кроме четырех носильщиков паланкина, в свиту даже весьма среднего «человека при должности» обычно входили гонцы, криком извещавшие встречных о приближении своего господина и «награждавшие» ударами дубинок тех простолюдинов, кто не успел спешиться и пасть в грязь при его приближении; телохранитель, камердинер с тюком одежды на случай, если хозяин решит переодеться, хранители его печати, трубки и обязательного «ночного» горшка, а также два слуги, которые поддерживали хозяина при спуске из паланкина и почти несли его, когда он поднимался по лестницам, «слишком озабоченный государственными делами и умственным трудом, чтобы двигать ногами». Если он ехал на лошади, его с двух сторон поддерживали по конюху, а третий в это время вел лошадь за поводья³². У людей очень высокого положения слуги были гораздо многочисленнее, также добавлялись знаменосцы и трубачи. Таким образом, каждый штатный чиновник приходил на работу во дворец в сопровождении толпы народа. Кроме приходящих, было много таких, кто жил во дворце постоянно, и потому он казался столь же населенным, как и сама столица.

Существовала еще и внешняя административная зона (*квольве какса* 關外各司). Поскольку ван был высшей властью во всех областях и основные решения принимал именно он, около главных ворот Кёнбоккуна уже с первых месяцев его существования слева и справа стояли рядами здания Госсовета (Ыйджонбу), шести министерств, цензора Сахонбу, столичной управы и пр., чиновники которых регулярно отправлялись во дворец по деловой надобности. Улицу перед Кванхвамуном называли «Улицей шести министерств». Стоят там министерства и сегодня. С XVII в., когда главным дворцом, т.е. основным местом пребывания монарха, стал Чхандоккун, *квольве какса* переместилась к его воротам.

Дворец госсовета

«Внутренняя зона» (*нэджон*), по правилам, должна была находиться к северу, за «зоной большой политики». Это было сердце дворцового комплекса, где каждый в своем «дворе» жили ван с королевой, наследник с супругой (*седжа пин* 世子嬪), вдовствующая королева-мать (*тэби* 太妃), королевские наложницы (*хугун* 後宮), многочисленные фрейлины и служанки (*куннё* 宮女). Здесь было больше всего построек, имевших собственное имя. Размеры дворцов, форма крыш, детали убранства подчеркивали высокий статус обитателей *нэджона* и одновременно разделяли их согласно строгой дворцовой иерархии.

«Дворец госсовета»

Сонджонджон.

Современный вид.

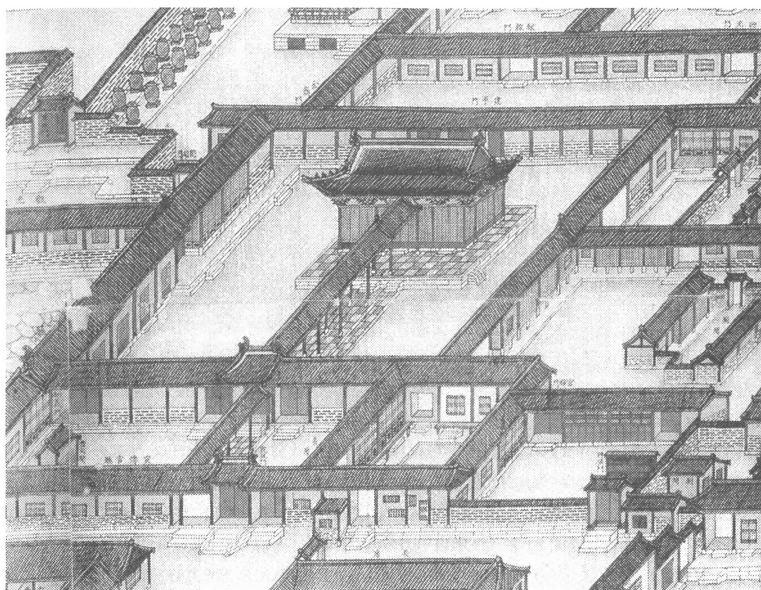
Фото

из туристического
буклета

Пара драконов,
играющих
среди облаков.
Такие картины висели
обычно во «дворце
госсовета» (*пхёнджон*),
где ван встречался
с сановниками
для обсуждения
государственных дел.
Фото Н. Чесноковой.
Кёнбокун. 2009 г.

Связующим звеном между «внешней» и «внутренней» зонами был *пхёнджон* (便殿 «дворец госсовета») – небольшой дворец с зеленой четырехскатной черепичной крышей, характерной для самых значительных зданий, однако, одноярусной. Ее венчал гребень с головами драконов по краям, что говорило о присутствии вана. В этом дворце тоже стоял трон, только низкий, без постамента со ступеньками. Ван и сановники ежедневно встречались здесь в рабочем порядке. В Кёнбоккуне это был *Саджонджон* (思政殿 «Зал обдуманного правления»), в Чхандоккуне – *Сонджонджон* (宣政殿 «Зал справедливого правления»). *Пхёнджон* стоял к северу от тронного зала – иногда во «внешней», иногда во «внутренней» зоне дворца – и соединялся с «административной зоной» крытой галереей. В отличие от тронного зала, *пхёнджон* был невелик, разделен на отдельные комнаты, а пол в нем был деревянным, чтобы можно было сидеть часами, обсуждая дела государственного правления. Проводились здесь и банкеты с участием десятков гостей, например, в честь старейших сановников. А если ван был малолетним, отсюда от его имени правила его мать, но чаще бабка, не всегда биологическая. Со вре-

«Дворец госсовета»
Сонджонджон
на «Плане Восточного
дворца».
Слева видна крытая
галерея, ведущая в него
из тронного зала

мен Хонджона (с 1834 г.) в качестве «дворца госсовета» в Чхандоккуне использовали *Хиджондан* (熙政堂 «Дом блестящего правления»), который первоначально служил дворцом наследнику и потому отличался большими размерами и богатством архитектуры и убранства.

Дворец государя

За *пхёнджоном* стоял спальный дворец государя (*чхим-джон* 寢殿). Здесь он проводил больше всего времени: занимался, облачившись в удобную одежду, повседневными делами, встречался с доверенными сановниками, отдыхал, – и потому вместе со спальным дворцом королевы этот дворец являлся сердцем всего дворцового комплекса. В раннем Чосоне «спальным» был «Дворец благоденствия» *Каннён-джон* (康寧殿) в Кёнбоккуне, построенный заново в последние годы на том же месте по старым чертежам и документам. Слово «благоденствие» в его названии – это третье из «пяти счастлиих» (*обок* 五福) в конфуцианских представлениях, под которым понималось «физическое здоровье и спокойствие духа». «Пять счастлиих» подразумевали не просто человеческие радости и утехы, но символизировали воздаяние, которое непременно получает человек, если неотступно следует этическим правилам и совершенствует свои достоинства. Дворец сгорел в Имджинской войне, был отстроен заново при Коджоне, после пожара в Чхандоккуне в 1917 г. перенесен туда, несколько перестроен и под названием *Хиджондан* использовался в 1920–1926 гг. как резиденция бывшего императора Сунджона.

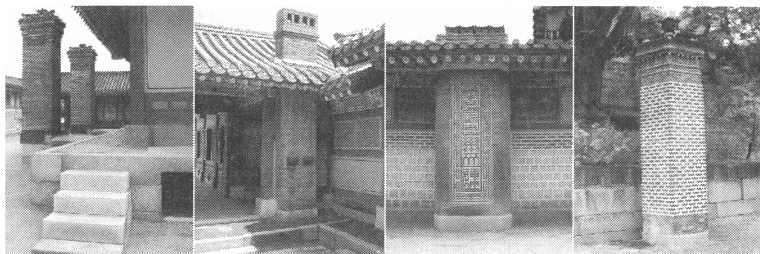
«Дворец благоденствия»
(*Каннёнджон*) –
резиденция вана
в Кёнбоккуне.
Современный вид

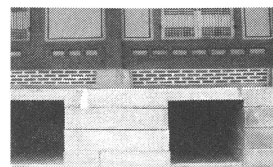
Согласно правилам, спальня Сына Неба (китайско-го императора) состояла из шести спальных помещений (*чхим*); вассалам, каковыми считались и правители соседних государств, полагалось три. Столько и было у чосонского вана. *Каннёнджон* был весьма велик – 11 канов (около 20 м) в длину и 5 в ширину – и состоял из трех секций. Центральная представляла собой прихожую с деревянным полом (*мару*). К ней по бокам (с востока и запада) прилежали собственно спальные помещения из девяти небольших комнат каждая. Центральная из этих комнат являлась королевской спальней, а в соседних по периметру располагались по две *чимиль сангун* 至密尙宮 – охранявшие сон вана придворные дамы. *Чимиль* означает «ночной покой», а *сангун* – дворцовый титул 5-го полного ранга – высший, который могла иметь чиновница. Его получали женщины, прослужившие во дворце более 30 лет. Всегда неподалеку ожидала вызова и другая прислуга: те, кто отвечал за питание, одежду, воду для мытья. Они назывались «исполнители королевских поручений» (*тэджон чхаби* 大廳準備). Предполагалось, что ван встречает посетителей в центральном помещении, живет весной и летом в восточном, а осенью и зимой – в западном. Согласно учению о пяти элементах, восток соответствовал весне, запад – осени, и перемещение вана в зависимости от времени года служило, как считалось, естественной адаптации к сезонным изменениям. Эта практика имела и символическое значение, ибо воплощала представление о связи государя с ходом Времени, но не всегда соблюдалась, и ван чаще спал в комнате с отапливаемым полом (эта система отопления называется *ондоль*) в восточной части своей главной резиденции.

Личные покои и спальни королевских особ можно безошибочно угадать среди множества построек жилой части дворца. Они имеют самый высокий уровень полов и цоколи с дверцами – входами в отопительную систему.

Дворцовые трубы

Ходы в отопительную систему в цокольных помещениях королевских спален

Королевские спальни имели по несколько *ондолей* и отапливались не через очаг на кухне, как в обычных домах, а через специальные топки, особым обожженным древесным углем *сун*, который не издает запаха и не коптит при горении. Дым выходил за пределы дворца через систему труб разнообразных размеров и форм, которые естественно вписывались в интерьер дворов и ландшафт миниатюрных садов, являясь неотъемлемым элементом их дизайна.

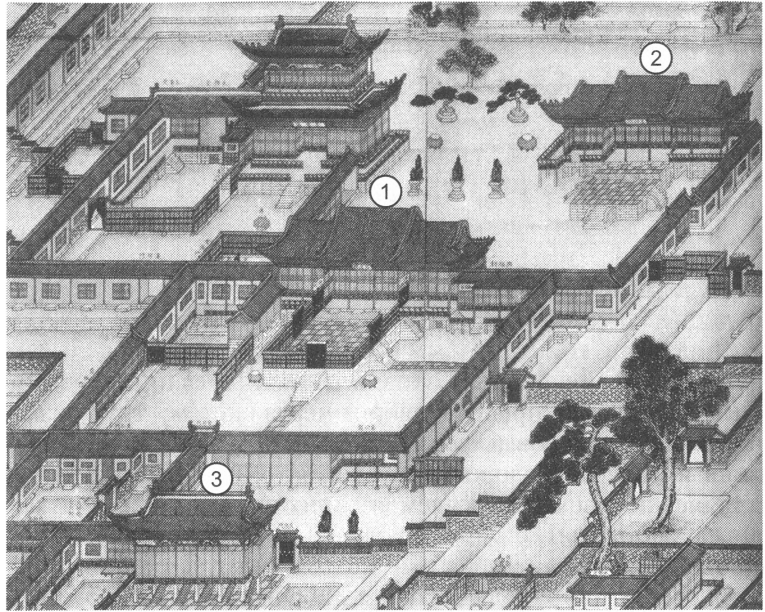
Дворец королевы

Аналогично был устроен и дворец королевы, который находился рядом, но в отдельном блоке. Он, как и у вана, состоял из трех спальных помещений, по которым государыня должна была перемещаться в зависимости от сезона. Они назывались *кун*. Поэтому система опочивален монаршей четы в Чосоне называлась *сам чхим* – *сам кун* (三寢三宮 «три мужских – три женских [опочивальни]»). Полностью соответствовал этим правилам Кёнбоккун, где до Имджинской войны стояли по отдельности спальные дворцы вана и королевы – из трех залов каждый.

Покои королевы называли «Центральный дворец» (*Чунджон*). Это же слово служило его хозяйке именем. К ней обращались – *Чунджон мама* (中殿媽媽), что можно перевести как «Ваше Величество из Центрального дворца». Так же звали в Китае императрицу. Во времена Корё существовал обычай давать королеве еще и «красивое имя» (*михо* 美號), например «Достойная королева» (Ток *пи* 德妃) или «Ясная» (Сук *пи* 淑妃), поскольку супруг у вана было много (6–7) и было необходимо их различать. В Чосоне, где у монарха могла быть одновременно только одна главная жена, от этой практики отказались. При Седжоне была сделана попытка сменить обращение *чунджон* на *ванби* (王妃) – «королева»*, но это слово не прижилось и осталось

* Седжон считал, что одинаковое с китайской императрицей именование чосонской королевы нарушает основополагающий принцип мирового порядка – *садэ*, т.е. «уважения к старшему (государству)», т.е. Китаю.

«Дворец великого свершения» Тэджоджон (№ 1) на «Плане Восточного дворца» (Тонгвольдо). В нем жили и скончались Сонджон, Инджо, Хёджон, Хёнджон, Чхольчон и Сунджон. Его особенность – отсутствие ёнмару, т.е. гребня крыши, украшенного головами драконов, что было характерно для всех женских палат высшего разряда. То же отличие имеет и здание под № 2. Это «Дворец добрых предзнаменований» (Чипсанджон 集祥殿), построенный в 1667 г. Хёнджоном для своей матери, вдовствующей королевы Инсон. Под № 3 – Хиджондан, использовавшийся как дворец наследника, а с 1834 г. как место заседаний госсовета и кабинет вана

лишь для обозначения главной супруги в третьем лице, да и то не всегда. В «Истинных записях династии Чосон» здравствующих королей почти неизменно называли *чунджон*. Персональное имя у них появлялось после кончины, когда для них выбирали почетное посмертное имя *сихо*, к которому непременно добавлялось слово *ванху*: Синдок *ванху* (神德王后 – «покойная королева «Священная добродетель»»), Вонгён *ванху* (元敬王后 – «покойная королева «Наивысшая почтительность»») и пр.³³

Королева считалась «матерью страны» и образцом для всех женщин государства. Она приходила во дворец после долгого (до двух лет) отбора и длинной чреды церемоний (*каре*). Самой главной из них была церемония *чхэк-ни* (冊妃 «возведения»), символизировавшая появление в стране новой государыни. На нефритовой дощечке, которую ей вручали в этот торжественный день, были начертаны заповеди (*окчхэн.мун* 玉冊文), которые отныне становились для нее главными: «Королева должна обрести мудрость жены, чтобы оказывать царственному супругу поддержку в осуществлении его священных замыслов». О ее роли говорило и название ее дворца в Кёнбоккуне – *Кётхэджон*, заимствованное из *Ицзин* («Книги перемен»): «Небо и Земля обмениваются *тхэ*» (天地交泰 *тяньди цзя-отай*, кор. *чхонджи кётхэ*). Это понималось так: «Король и королева должны быть подобны взаимодействующим в гармонии Небу и Земле, если хотят, чтобы их потомки процветали, а государство было прочным». Во время

Имджинской войны *Кётхэджон* сгорел*, и резиденцию королевы перенесли в ставший в XVII в. главным дворцом Чхандоккун. Ее назвали *Тэджоджон* (大造殿) – «Дворец великого свершения», что подчеркивало главное предназначение его хозяйки: рождение наследника, которое не только обеспечивало продолжение династии, но и имело важнейшее политическое значение.

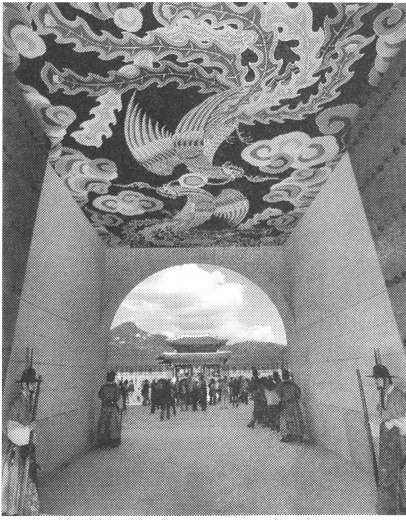
Согласно *Кёнгук тэджон* («Великому уложению по управлению государством»), наибольшими правами на престол обладал старший сын королевы. Передача власти именно от нее и именно ему была залогом стабильности династии, ибо ограждала ее от раздоров и интриг из-за престолонаследия. А опасность этого была велика. Два правителя в истории Чосона были свергнуты и не удостоились почетного храмового имени, т.е. не были признаны ванами: Ёнсангун (1494–1506) и Кванхэгун (1608–1623). Причиной считается их «недостойное» поведение, но в подоплеке потрясших всю страну событий, связанных с их свержением, лежали несчастная судьба и низкий статус их матерей. Первый был сыном низложенной королевы (*пхеби* 廢妃), второй – сыном наложницы.

Способствовать рождению наследника и была призвана архитектура «центрального дворца», особенностью которой являлось отсутствие *ёнмару* – гребня крыши, украшенного головами драконов. Дракон воплощал вана и силу *ян* и был неуместен в покоях королевы, где господствовала *инь* и ее символ – длиннохвостый золотой феникс (*понхван* 鳳凰). Его пятицветная окраска воплощала честность, благопристойность, мудрость, гуманность и искренность, – женские достоинства *инь* (*ымдок* 陰德), которыми в полной мере королева должна была обладать. Изображения феникса украшали парадную одежду государыни, ее туалетные принадлежности и головные украшения. Феникс и дракон, изображенные вместе, были символом счастливого брака.

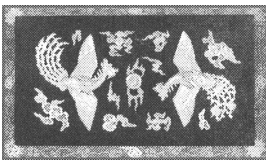
Феникс-*понхван* – этот образ фантастической птицы («гибрид» традиционного для США «танцующего» журавля и петуха или фазана) появился в Китае позднее, чем образ дракона – возможно, в конце периода Вёсен и Осеней (770-476 гг. до н.э.), т.к. он упомянут в *Луньюй* Конфуция. Предположительно, он пришел в Корею одновременно с иероглификой, то есть в начале новой эры, как солярный символ. Примером его ранней иконографии является Красный феникс (*чуджак*) в монументальной живописи на стенах когуреских гробниц (V-VII вв. н.э.),

---

* В дальнейшем был восстановлен дважды: в 1867 г. и в последние годы XX в.

Пара фениксов.
Роспись в створе
главных ворот
Кванхвамун
в Кёнбоккуне.
Современная
реконструкция.
Фото из журнала
«Кореана», 2010 г.

Резное украшение (*ногэ*)
в виде играющих
в облаках позолоченных
фениксов или драконов
размещалось по центру
потолков тронных залов
или «дворцов госсовета»
и служило символом
государевой власти.
Общий размер
117,5×206×2 см.
Из коллекции музея
Когун

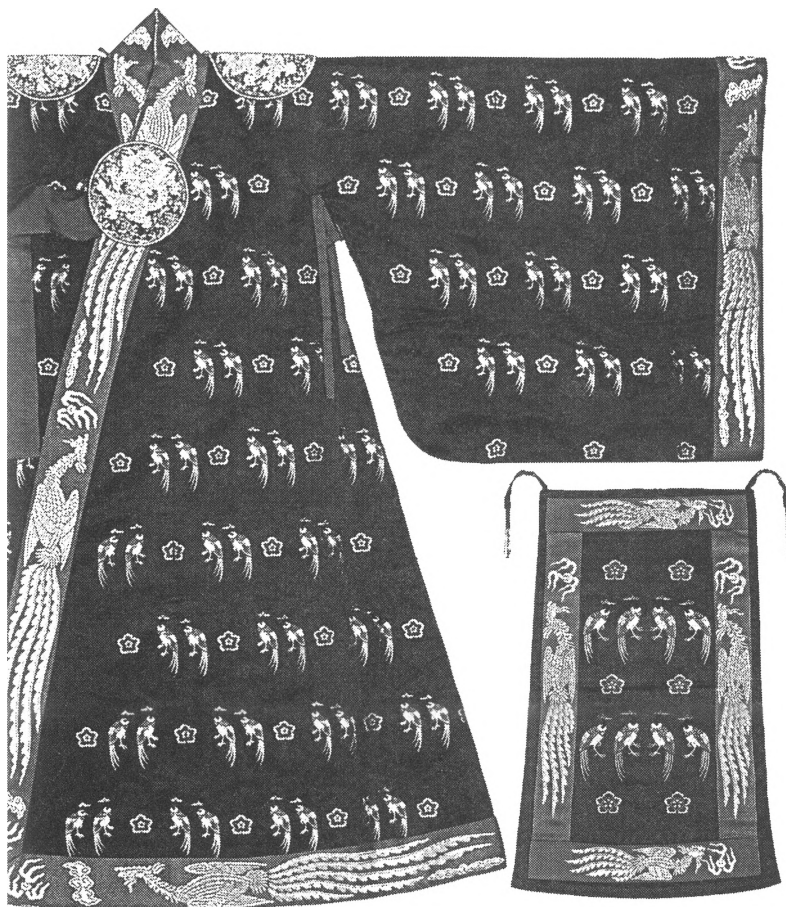
где он символизировал Юг и был одним из четырех стражей сторон света (*сасин*). Появление этой птицы считалось добрым знаком и предвещало рождение великого мудреца (согласно легенде, явление феникса предшествовало рождению, например, легендарного правителя древнего Китая, «государя-мудреца» Шуня). Сына, проявившего незаурядные способности, называли «взлетающим фениксом», а резные фениксы над тронном ванах напоминали об «отцовстве» по отношению к ним китайского императора. Форму феникса имеет и рукоятка государственной печати (*куксэ* 國璽) Республики Корея, где он выступает символом мира и хорошего правления. Крылья его слегка приподняты, словно он «заботливо прикрывает ими корейский народ»³⁴.

Было у этого символа и другое значение. Эта птица покровительствовала семейным парам и воплощала единение и гармонию в семье. Поскольку *пон* означает феникса-самца, а *хван* – самку, фениксов нередко изображали парами. Считалось, что единственное дерево, на которое феникс садится, – это китайское зонтичное дерево павлония (кор. *одон*, *Firmiana simplex*), которое имеет ярко-зеленую кору. Когда муж отправлялся в дальнее путешествие, жена сажала такое дерево во дворе, чтобы феникс способствовал его благополучному возвращению.

В раннем Чосоне дворец королевы был самым большим во «внутренней зоне» дворца, что соответствовало канону и подчеркивало ее наивысший статус в дворцовой иерархии. Сохранилось его штатное расписание времен Седжона (1424). В нем значились: две смены свитских фрейлин (12 человек) и помощников на кухне (8 человек), 8 горничных, 2 прачки для одежды королевы, две банщицы, две свечницы, шесть поваров, готовивших завтрак, 4 повара для других трапез и один – готовивший лично для вана, по одному повару отвечали за варку риса и приготовление паровых хлебцев *тток*, двое в две смены готовили соевый творог *тубу*. Были еще две смотрительницы посуды, четыре водоноски, два работника холодного погреба, по четыре смотрителя дровяного склада и амбаров, четыре истопника, четыре знахарки лечебных трав и четыре лекарки, пользовавшиеся с помощью лечебных ванн и примочек, четыре виночерпия, четыре смотрителя серебряной посуды, четыре накрывальщицы стола, четыре дворника, два уборщика покоев и две просто уборщицы, два служки для мелких поручений, две гонца, два посыльных при старших

слугах, два стража ворот, одна швея и еще другие люди с неясными функциями – всего 119 человек. Были также и крепостные, но их количество неизвестно.

О численности двора королевы в другие эпохи данных не сохранилось, но известно, что число прислуги во дворцах в целом постепенно возрастало. Как и во всех других дворцах, слуги в *чунджоне* жили в непосредственной близости от хозяйки, в каморках, на которые были разделены крытые галереи по периметру подворья. Это были люди разных сословий, и чтобы они не смешивались, территория двора была разделена боковыми постройками на три большие части и небольшими изгородями еще на несколько частей. Такое многократное членение двора было характерно для всех главных жилых подворий.

Расшитая фениксами парадная одежда королевы и ее деталь – «передник» (*пхесиль*). Из коллекции Государственного музея дворцовой культуры Когун (Сеул)

Была в «центральном дворце» и своя бухгалтерия, которая получала деньги из государственной казны и тратила их по распоряжению своей хозяйки. Так же жили и дворцы

Сосуд
из белого фарфора
с рисунком в виде
летающего феникса.
Получившие
распространение
в позднем Чосоне,
такие изделия
использовались
для подачи вина
на королевских пирах
и во время
жертвоприношений,
а также как вазы
для цветов

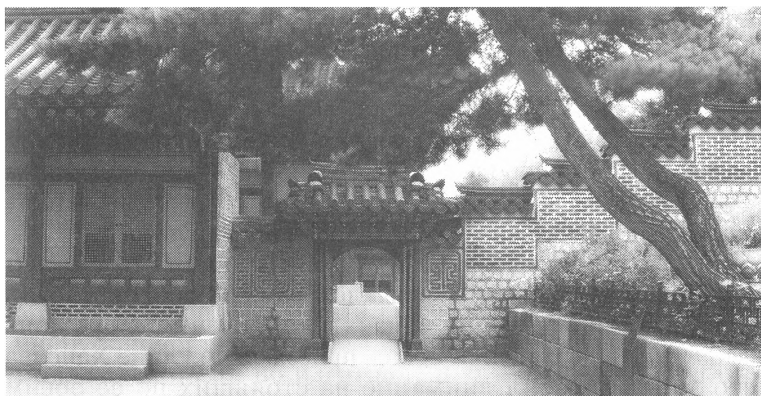
вана, наследника и вдовствующих королей. На протяжении всего времени правления династии между государственным казначейством и дворцовыми бухгалтериями шла с переменным успехом борьба: первое стремилось поставить вторые под свой контроль, а вторые отчаянно сопротивлялись. Правительство не раз принимало дополнения к законам, объединявшие хозяйства дворцов в единое целое. Но, похоже, в реальности они выполнялись далеко не всегда. Мать вана Чонджо упоминала в своих мемуарах, что самая вкусная еда, которую ей довелось пробовать, была во времена ее молодости во дворце королевы Инвон (仁元王后, 1687–1757, третья жена Сукчона), из чего можно заключить, что и в XVIII в. каждый дворец жил обособленно, подобно семье. Это весьма красноречивый факт.

Даже если члены королевской семьи, в том числе ван и королева, порознь, а что, как не общий стол, укрепляет чувства? Раздельное проживание монаршей четы, начавшееся середине XV в., препятствовало формированию близких отношений между супругами, которые не знали друг друга до бракосочетания и не имели возможности познакомиться близко в супружестве. О любви говорить не приходилось, ибо общение ограничивалось обязательным «выполнением супружеских обязанностей», официальными приветствиями по случаю и встречами насквозь проникнутых этикетом семейно-клановых пирах. В летописях сохранились упоминания о доставке блюд из дворцов королев вану, обычно в связи с болезнью последнего, например, такие: «Когда Инджон (правил в 1544–1545 гг.) заболел и не мог есть, королева приказала приготовить в своем дворце еду и хотела поднести её вану», или «Когда Ёнджо (1724–1776) лежал на смертном одре, наследник (будущий ван Чонджо) приказал подать ему приготовленную во дворце королевы женшеневую кашу (*сок миым*)». Видимо, это были исключительные случаи, из-за чего они и привлекли внимание придворных историков. Единственной королевой позднего Чосона, которой удалось добиться привязанности мужа, была королева Мин, жена Коджона. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что их имена историки часто упоминают вместе, чего не скажешь о других государях.

Только в первые годы и в конце правления династии сиятельные супруги жили вместе. Разделение началось, когда Седжон (1418–1450), подавая пример подданным, построил своей супруге отдельный спальня дворца, чтобы привести практику в соответствие с конфуцианским принципом о разделении полов (*нубу юбёль* 夫婦有別).

Как главная женщина страны, королева была обязана служить для жительниц Чосона образцом «достойного поведения». Согласно неоконфуцианским правилам, жизнь женщины (в первую очередь, конечно, знатной, хотя в определенной степени влиял он и на жизнь простонародья) ограничивалась «внутренними» покаями дома, и выход из него являлся для нее событием исключительным. Для государыни этот принцип также подразумевал воздержание от любого участия в государственных делах, и ее дворец ему в полной мере отвечал. Он не только находился в самой глубине «внутренней зоны» и тщательно охранялся, но был окружен глухой изгородью и садом, которые скрывали от посторонних все, что происходило внутри. Утопающий в зелени небольшого, но изысканного сада с причудливыми камнями (*квисок*) и необычными деревьями, которые лелеяло не одно поколение садовников, уютный дворец королевы был самой закрытой территорией дворца и его сердцем. Чтобы дойти до него, нужно было пройти, минуя стражу, девять дворов.

Королева покидала дворец крайне редко, и мало кто знал ее в лицо. В позднем Чосоне из мужчин, кроме супруга, никто не имел возможности встречаться с ней лично. В изданных в 1930 г. в Лейпциге мемуарах барона П.Г. фон Мёллендорфа (1847–1901), который был первым европейцем на корейской службе (в 1882–1885 гг.) и исполнял обязанности начальника корейских таможен, а потом и замминистра иностранных дел, я нашла упоминание о его беседе лицом к лицу с королевой Мин³⁵. Это было редчайшее событие. Произошло оно в сложный период, когда Чосон боролся за выживание в условиях усиливавшегося китайского и японского вмешательства, и государыня, желая поддержать супруга, нарушила запрет и приняла участие в «большой политике», как это делали ее предшественницы пятью веками раньше.

Ворота дворца королевы Кёнхэджон в Кёнбоккуне. Они безымянны и очень малы, что показывало, сколь мало значили для обитательницы дворца связи с внешним миром. Рядом – сосны «взлетающий журавль»

Кётхэджон.
Женские дворцы представляли собой особо сложные комплексы построек разного типа. На этом фото в глубине на цоколе слева – покои, в центре на двух каменных столбах – летняя беседка с деревянным полом (*мару*), справа – крытая галерея; оконные ставни с частым резным узором предохраняли от нескромных взглядов

Дворец королевы
в Кёнбоккуне.
Современное фото

Летописи свидетельствуют, что в раннем Чосоне королевы участвовали в государственных мероприятиях наравне с мужьями и встречались с мужчинами лицом к лицу. Первая государыня Чосона, вторая супруга Тхэджо (1392–1398) королева Кан 康氏 (Синдок *ванху* 神德王后, ?–1396) дала банкет в своем дворце в честь китайских послов. Супруга Тхэджона (1401–1418), первая в чосонской истории королева Мин 閔氏 (Вонгён *ванху* 元敬王后, 1365–1420), в 1406 г., когда в Хансон прибыл монгольский посол Гантимур, принимала его, вместе с мужем восседая на троне. В 1408 г., облачившись в парадные одежды, она встречала у ворот дворца послов из минского Китая, а на банкете в их честь стояла во главе свиты фрейлин. В 1421 г., сразу после провозглашения наследника, чиновники прошли в покои супруги Седжона (1419–1450) королевы Сим 沈氏 (Сохон *ванху* 昭憲王后, 1395–1446) и поздравили ее. Согласно составленной к середине XV в. первой версии государственного уложения «Пять ритуалов» (*Оре* 五禮), чиновники были обязаны совершать ежедневный церемониал утреннего приветствия не только вана, но и его главной супруги. Когда Седжон покидал дворец, его заменяла его королева. У нее хранилась одна половинка особой круглой деревянной бирки, и она разрешала открыть ворота дворца только тому, кто предъявит другую.

С годами разделение мужчин и женщин стало углубляться. Говорят, что ему в немалой степени способствовал эпизод, произошедший в начале правления Сонджона (1469–1494). Китайский посол, проезжая по улице Хансона (столицы), обратил внимание на стоявших по ее обеим

сторонам и наблюдавших за церемонией женщин. Обратившись к корейцу-переводчику, он спросил: «Уж не жены ли это чиновников?». Переводчик, смекнув, что имеет в виду гость, слукавил, ответив, что это продажные женщины, а жены достойных людей в соответствии с правилами этикета все сидят по домам, и выходить на улицу им нет никакой причины. После этого право открывать и закрывать ворота дворца в отсутствие вана было передано наследнику. После 1636 г., когда Чосон после двух нашествий маньчжуров был вынужден признать вассалитет от маньчжурской династии Цин, правила в Чосоне ужесточились. Более строгого соблюдения правил неоконфуцианского этикета стали требовать не только от *янбанов*, но и от простолюдинов. Усилилось и разделение мужчин и женщин. Таким образом был выражен протест против захватчиков и подчеркнута преемственность с поверженной «варварами» истинно «ханьской» династией Мин, превращение Кореи в главную носительницу неоконфуцианских ценностей. В 1606 г. Сонджо попытался закрывать рынки во время посещения столицы китайскими послами, чтобы торговли на близлежащих улицах не бросались в глаза. Многие воспротивились, и тогда власти пошли на компромисс: обязали мужчин и женщин стоять при проходе китайцев раздельно, по разным сторонам дороги. А уже через 60 лет военный министр Ли Себёк докладывал: «В нашей стране разделение мужчин и женщин строже, чем в Китае»³⁶. Нашло это отражение и в архитектуре Центрального дворца, где стены стали выше, а окружающий его сад – гуще.

Углубление разделения полов способствовало развитию декоративно-прикладного искусства. Возник новый его жанр: *ккот там* – «цветочные стены». Чтобы глухие стены вокруг дворцов не вызывали у дам уныния, их стали строить очень красивыми: со сложной двухцветной кирпичной кладкой и разноцветными керамическими картинами с изображением стеблей бамбука (долголетие и стойкость), цветов хризантем (достойная старость), плодов граната (изобилие), персика (долголетие), сливы (весна, обновление), а также символов долголетия. Также украшали и выступавшие из земли в задней части двора трубы дымоходов, превратившиеся из построек хозяйственного назначения в изысканный элемент ландшафтного дизайна.

Искусство компенсировало женщинам издержки домашнего заточения. С XVII в. интерьеры дворцов королей и покоев наложниц, а затем и женской половины в домах знати стали украшаться все более изысканной и разнообразной мебелью, с металлическими накладками или инкрустацией перламутром и рогом. «Расцвела» вышивка. Более сложными по изготовлению и оформлению стали

Журавль – символ долголетия. Барельеф на керамике над входом в женский дворец. Кёнбоккун

Шестигранная «цветочная» труба дымохода, украшенная символами долголетия, свастиками и цветочным орнаментом (XIX в. «достояние»-*помуль* № 811), и «причудливый камень» *квисок* из Амисан (峨嵋山) – «Райского сада» за дворцом королевы Кётхэджон в Кёнбоккуне. Такие сады являлись неременным украшением жилых дворцов чосонских монархов

«Цветочная» стена во дворце королевы в Кёнбоккуне

Современные фото

постельные принадлежности – одеяла, подушки, валики, более разнообразными – ювелирные украшения. Элегантная и рафинированная жизнь двора стимулировала развитие искусства Чосона. Предметы для него изготавливались лучшими мастерами из лучших материалов, служа не только практическим потребностям, но и воплощая блеск и достоинство правящего дома. Аналогичные вещи не позволялось иметь другим слоям общества, но дворцовый стиль в значительной степени влиял на вкусы массового потребителя. Многие его прекрасные образцы хранятся сегодня в Музее королевской культуры на территории дворца Кёнбоккун. Судя по всему, именно королевы были самыми «продвинутыми» потребительницами достижений научно-технического прогресса в быту. Европейская мебель, занавески, предметы сервировки стола, светильники, кухонное оборудование стали использоваться в Корее в первую очередь во дворцах королей в Кёнбоккуне и Чхандоккуне – с начала 1890-х годов.

«Спальные» дворцы Кёнбоккуна *Каннёнджон* и *Кётхэджон* сгорели в Имджинской войне в 1592 г. и были восстановлены в правление Коджона в 1865–1867 гг. Как это ни удивительно, но сегодня тот *Кётхэджон* XIX в. стоит в Чхандоккуне. Он был перенесен туда по решению японской администрации после пожара 1917 г., который уничтожил апартаменты, где жили на покое Сунджон и его супруга императрица Юн, и предоставлен им в качестве новой резиденции. При этом ему было присвоено название сгоревшего дворца *Тэджоджон* 大造殿. Здесь и скончался последний владыка старой Кореи. Во время грандиозной реконструкции Кёнбоккуна, предпринятой корейским правительством в 1991–2009 гг., обе опочивальни первых государей Чосона были отстроены заново.

Было бы неверно считать, что королева не встречалась ни с кем, кроме своих служанок. Она отдавала много времени поддержанию связей в семье и обществе, что дополняло деятельность вана и служило примером для всех женщин в государстве в деле укрепления социального статуса семьи. Королева организовывала не менее четырех десятков в год обязательных женских банкетов и приемов – по случаю дней рождений членов правящего дома, по календарным праздникам, в дни поминовения усопших предков и пр., куда приглашались родственницы, главные жены знати, именитые старухи – иногда донесколько сот человек. Были также банкеты «нерегулярные», по случаю бракосочетаний, присуждения почетных титулов, окончания траура и пр. Многие здания во дворцах были предназначены именно для них.

Также королева ежегодно проводила ритуал почитания богини шелководства Сонджам (кит. Сяньцань) в алтаре *Сонджамдан* 先蠶壇 в большой тутовой роще к северу от дворца* и совершала *чхинджамне* 親蠶禮 – церемонию собственноручного сбора листьев шелковицы, которая, согласно государственному уложению, была официальной церемонией второго уровня и по значимости уступала лишь церемониям почитания предков династии и духов Земли и Злаков. В ней принимали участие самые знатные женщины страны. Как сообщают «книги установленного ритуала» (*ыйгве*), место для ее проведения готовили 150 солдат в течение целого месяца. Разведение тутового шелкопряда и прядение считалось таким же важным женским занятием, как выращивание риса для мужчин. Шелководство широко пропагандировалось. В Хансоне были созданы плантации тутовых деревьев и организованы фермы, где разводили шелкопряда и пряли нить. Район этих плантаций получил название *Чамсиль* 蠶室, что значит «шелководческая ферма». Оно сохранилось в топонимике Сеула и поныне.

Много тутовых деревьев высаживалось и во «внутренней зоне» чосонских дворцов, где были построены специальные павильоны *нэ* (內) *чамсиль* для разведения шелкопряда королевой и супругой наследника. Считалось, что эта их работа не только побуждает к труду всех женщин государства, но и помогает культивировать терпение. Оно было столь же важно для них как образованность для мужчин, и не случайно в XVIII в. *нэ чамсиль* стоял в Чхандоккуне рядом с королевской библиотекой Кюджангак.

Несмотря на то, что кодекс поведения предписывал королеве затворничество и молчание, она была центральной публичной фигурой и общество активно вмешивалось в ее личную жизнь. О необходимости родить королеве напоминала во время каждодневных утренних встреч вдовствующая королева. Не беременна ли королева? – этим интересовались министры и чиновники, неслужилые янбаны и простой люд. Ваны и их супруги жили и спали раздельно, и организация воплощавшей «встречу Неба и Земли» их встречи для зачатия потомства была делом государственным. Выбором благоприятного дня занималось дворцовое Ведомство астрономических наблюдений (*Квансангам*) с обязательным участием наиболее осведомленных о состоянии здоровья государей фрейлин *чеджо сангун* (提調尙宮). Следовало избегать первого

* В наши дни в этом месте в столичном округе Сонбуктон установлен памятный камень.

и последнего дней месяца, полнолуния, дней змеи и дракона и дней с плохой погодой. В день единения царственных супругов число охранявших спальню фрейлин сокращали до двух, выбирали самых пожилых. Беременность королевы воспринималась как крупнейшее государственное событие. В этот период для нее вступал в действие особый свод правил (*тхэгё* 胎教), а жизнь ее превращалась в непрерывный ритуал, за соблюдением которого пристально следили окружающие. Поначалу она по утрам читала и заучивала выгравированные на нефритовых табличках наставления древних мудрецов. С третьего месяца – прекращала контакты с внешним, полным волнений, миром и не слушала новостей. С мужем обменивалась письмами. Избегала сладкого, не слушала звуков флейты, соблюдала молчание в доме, заботилась о своем внутреннем состоянии и выбирала особую одежду. С пятого месяца: в дневное время – дежурные евнухи, по вечерам – фрейлины – читали ей вслух «Тысячесловие» (*Чхонджамун* 千字文), «Начальный курс обучения для детей» (*Тонмон сонсып*)** и «Драгоценное зеркало о правильного поведения» (*Мёнсим погам*)***, что было предназначено, видимо, не столько королеве, сколько ее развивающемуся плоду. С седьмого месяца королева избегала мясного и переходила на еду из бобов, овощей и морепродуктов, постоянно смотрела на изображения символов долголетия (облаков, солнца, сосны и бамбука, гриба бессмертия *пулlochxo*, черепах, оленей и журавлей), вышивала и стегала одежду, сосредотачиваясь и беспрестанно молясь о рождении сына³⁷.

** *Тонмон сонсып* 童蒙先習 – учебник основ конфуцианских знаний, написанный для детей одно время служившим при дворе чиновником и конфуцианским ученым Пак Сему (朴世茂, 1487–1554) как продолжение «Тысячесловия», которое использовалось на начальном этапе обучения. Основной упор – на толкование «пяти главных принципов человеческих отношений» (*орюн* 五倫). Переиздание книги 1760 г. предваряло предисловие, написанное ваном Ёнджо.

*** *Мёнсим погам* 明心寶鑑 – составленный в правление вана Чхуннёля (1275–1308) династии Корё чиновником Министерства ритуалов Чху Чоком (秋適) учебник основ конфуцианства для детей. В Чосоне неоднократно переписывался и усовершенствовался, использовался одновременно с *Тонмон сонсып*. Содержал выдержки из классической литературы (*кёнсо* 經書) и старинных исторических трактатов (*сасо* 史書), а также цитаты в поэзии и прозе из древних китайских мудрецов. Слово *мёнсим* в названии не имело отношения к династии Мин (明朝), а означало духовное совершенствование на основе соблюдения «пяти главных правил человеческих отношений».

Тхэсиль 胎室 – кумирня в виде урны в Чхангёнгуне, где захоронена плацента и пуповина вана Сонджона. Среди правящей фамилии и аристократии Чосона был распространен обычай увековечивать установкой таких урн память о рождении старших сыновей и обеспечивать им хорошее будущее. Они стояли во многих «благоприятных» местах страны. В 1928 г. все королевские *тхэсиль* были перенесены в Коян (пров. Кёнги) в гробницу Сосамнын – для лучшей сохранности, а *тхэсиль* Сонджона установили в Чхангёнгуне – для исследований, как лучше всех сохранившуюся. Сзади справа видна памятная стела, на которой выгравирована история ее создания

За месяц до родов во дворце создавалось временное Ведомство родильных покоев (*Сансильчхон* 産室廳) во главе с генеральным контролером (принцем крови), в который еще, кроме трех чиновников, входили пять врачей-мужчин (*ойи* 御醫), две фельдшерицы (*ыйнё* 醫女), иглоукалывательница, два фармацевта, ответственный за пуповину и плаценту и его помощник, «страж времени» и геомант. Если родить должна была наложница, создавался аналогичный офис более низкого статуса *Хосанчхон* (Офис родовспоможения 護産廳). Возводились родильные покои, которые всегда были переполнены людьми, включая и высших сановников. Их стены размечали знаками, обозначавшими 24 основных направления. Из них выбиралось наиболее благоприятное для расположения постели роженицы, которое в зависимости от предзнаменований регулярно менялось. Особым образом готовили постель: на слои соломы, пустых соломенных мешков и травяных матов клали шерстяную подушку, промасленную бумагу, шкуру белой лошади и накрывали тончайшей рисовой соломой. Под головой лошади помещали шелк, а над ней – шкуру белки-летяги, воплощавшую просьбу о рождении сына. К потолку прикреплялись поводы, чтобы королева хваталась за них во время родов, и колокол, чтобы звонить в случае осложнения. Во время родов королева держала предметы, «ускорявшие» процесс: изображения морского конька и ласточки, и немедленно откладывала их, когда ребенок появлялся на свет. У постели роженицы неотлучно находились фельдшерицы, которые непрерывно докладывали о ее состоянии врачам-мужчинам, дежурившим снаружи. В королевской библиотеке Чансогак при Академии корееведения в Соннаме сохранились детальные записи о родах королей и королевских наложниц.

Появление у королевы (или супруги наследника) первого сына было событием общенародного масштаба. О нем в первую очередь оповещали предков династии. Три дня продолжались церемонии в Чонмё. Затем о радости узнавали все подданные. На 7-й, 14-й и 21-й дни чиновники (как столичные, так и из провинции) поздравляли молодую мать. Во дворце шли пиры. Особенно широко праздновал рождение сына (наследного принца Мунхё в 1782 г.) ван Чонджо, который объявил амнистию преступникам и организовал пышный банкет для членов семьи и сановников на 100-й день. Хотя прецедента тому не было, сановники ему не возразили. О рождении у вана второго и последующих сыновей, а также принцесс предкам не сообщалось³⁸.

Из истории династии. Из 38* королей Чосона 17 были бесплодны, принцы и принцессы часто рождались нездоровыми, и чем ближе к концу династии, тем меньше было у ванов детей.

У 20-го вана Кёнджона (1720–1724) было две главных жены, но не было наследников. 23-й ван Сунджо (1800–1834), хотя и имел сына (наследного принца Хёмёна, 1809–1830) от главной супруги – королевы Ким (Сунвон ванху 純元王后, 1789–1857), но он рано умер, как и их трое дочерей. Ни одна из двух главных жен 24-го вана Хонджона (1834–1849) – королевы Ким 金氏 (Хёхён ванху 孝顯王后, 1828–1843) и Хон 洪氏 (Хёджон ванху 孝定王后, 1831–1903) – не родила ему детей. 25-й ван Чхольчон (1849–1863) имел сына от королевы Ким (Чхорин ванху 哲仁王后, 1837–1878), но он не прожил и шесть месяцев. От девяти наложниц у него родилось еще пять сыновей и семь дочерей, но все умерли в раннем детстве, и только дочь – принцесса (онджу) Ёнхе 永惠翁主, от наложницы Пом (*сугый* Пом *сси* 淑儀范氏), дожила до 13 лет и даже успела выйти замуж. У Коджона было пятеро детей от главной жены королевы Мин и еще восемь от шести наложниц, но до зрелого возраста дожили только четверо. Его сын Сунджон был бесплоден. По мнению многих, отсутствие сыновей у главных жен последних ванов Чосона стало одной из причин деградации и гибели династии.

Исследовательница Пён Вонним называет главной причиной бесплодия королев стресс. Слишком сильными

---

* Сюда входят все главные супруги реально правивших ванов, чьи поминальные таблички хранятся в Храме предков династии Чонмё. Не входят супруги свергнутых и не получивших официального признания правителей Ёнсангуна и Кванхёгуна, хотя при жизни они, конечно, были королевами.

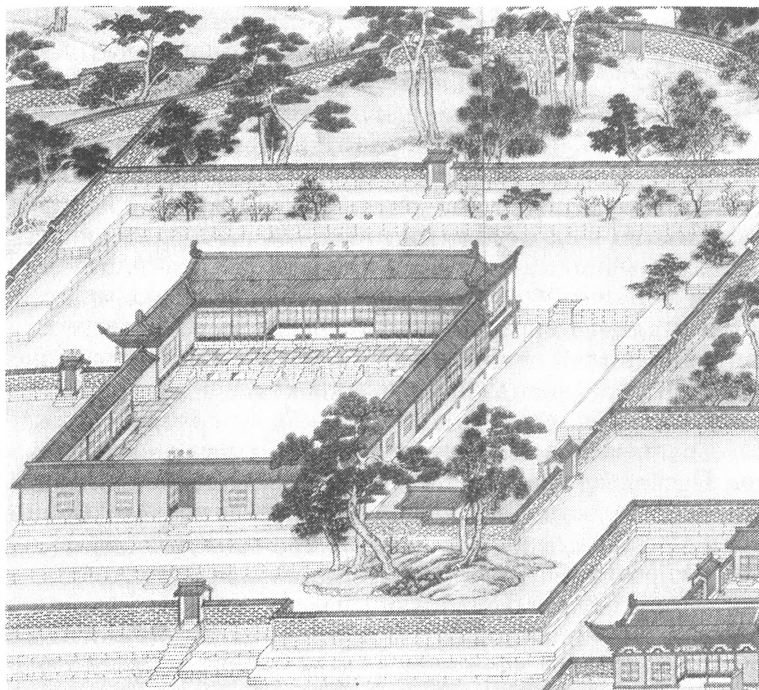
были общественное давление и вмешательство в их личную жизнь. Она ссылается на немецких ученых из Гессенского университета, которые исследовали детскую рождаемость и смертность в одном из районов Германии (Остфрисланде) в XVIII–XIX вв. и пришли к выводу, что детей умирало значительно больше в семьях, где была жива свекровь. Они рождались слабыми, потому что постоянные ссоры и напряженность в семье препятствовали нормальной беременности их матерей. Эти выводы подтверждаются и историей чосонского двора³⁹.

Кроме давления старших, были у королей и другие стрессы, связанные с постоянными интригами, которые плелись среди наложниц, королевской родни и сановников. Подробно рассказывают об этом три знаменитых произведения дворцовой литературы: «Записки в год кечхук» (*Кечхук ильги* 癸丑日記), составленные фрейлиной вдовствующей королевы Ким (Инмок ванху 仁穆王后, 1584–1632); «Повесть о королеве Инхён» (*Инхён ванху чон* 仁顯王后傳) неизвестного автора-женщины, служившей при дворе предположительно, в правление Чонджо*, и автобиографическое повествование *Ханджуннок* матери вана Чонджо дамы Хегёнгун (惠慶宮, 1735–1815), в котором описывается несчастная судьба ее мужа принца Садо, казненного в 1862 г. Последнее произведение особенно известно. Его много раз переводили на современный корейский язык. По нему в 1989–2007 гг. были поставлены в Южной Корее 10 телесериалов. Его популярность стала мировой после выхода в свет в 1996 г. его перевода на английский язык, прекрасно выполненного известным историком корейской «дворцовой культуры», профессором Университета штата Иллинойс (США) Джахён Ким-Хабош (?–2011).

Несколько слов о *Ханджуннок* и его авторе. Заглавие это переводится одними специалистами как «Записанное в страданиях» (閑中錄)⁴⁰, а другими как «Записанное на досуге» (恨中錄). Разночтения вызваны тем, что оно по этимологии иероглифическое, но записано на *кунмуне* – корейской азбуке (한글), которая обозначила его звучание, но не смысл. В результате оно стало толковаться двояко, поскольку *хан* может пониматься и как «досуг» 閑, и как «страдание» 恨. Записки Хегёнгун неоднократно переписывались с добавлениями, и каждый переписчик писал по-своему. В хранящемся в Санкт-Петербурге списке они озаглавлены иероглифически как «Записанное

* Эта повесть была переведена на русский язык Г.Е. Рачковым и издана в сборнике «Записки о добрых деяниях и благородных сердцах» (Ленинград: Художественная литература, 1985).

Дворец Чагёнджон в Чхангёнгуне. Фрагмент «Плана Восточного дворца». Чагёнджон построил в 1777 г. Чонджо для матери – дамы Хегёнгун. Дворец стоял на холме, откуда открывался вид на поминальный алтарь ее мужа – принца Садо. Ван Сунджо написал «Записки о Чагёнджоне» (*Чагёнджонги*), где отмечал, что по своему величию он не уступал тронным залам. В японское время дворец был снесен и на его месте было построено в японском стиле здание королевской библиотеки Чансогак.

Сейчас на этом месте газон и памятная табличка, рассказывающая о Чагёнджоне и судьбе дамы Хегёнгун

в страданиях», и этот вариант является у нас общепринятым. Видимо, госпожа Хон намеренно подобрала столь многозначный заголовок. Внешне в нем были соблюдены приличия, поскольку воспитанной в строгих конфуцианских традициях женщине, тем более столь высокого положения, не пристало открыто говорить о своих переживаниях. Отсюда и нейтральное – «на досуге». Но по содержанию это трагедия судьбы, и потому – «в страдании».

Хегёнгун была дочерью главного министра Хон Понхвана (洪鳳漢), и именно так ее звали до замужества. В девять лет она вышла замуж за наследного принца Садо и стала именоваться «главная супруга наследника господжа Хон» (*седжа пин* Хон *сси* 世子嬪洪氏). В 1762 г., после смерти Садо, ее титул был изменен на *хебин* 惠嬪, потому что она теперь была уже не женой, а матерью наследника (будущего Чонджо). После восшествия на престол Чонджо она, получила новое, более высокое по статусу, имя-титул – Хегёнгун, по названию пожалованного ей сыном дворца, и носила его до кончины. Ее первое посмертное имя (*сихо*) было *Хонгён пин* (獻敬嬪), как подобало супруге 1-го ранга – матери вана. В 1899 г. Коджон возвел ее мужа в ваны, а в 1903 г. – в императоры. Соответственно и жену стали именовать сначала королевой (Хонгён ванху 獻敬王后), а затем – императрицей (Хонгёный хванху 獻敬懿皇后).

Резиденции вдовствующих королев

Согласно *Кёнгук тэджон*, уединенные покои вдовствующей королевы (ее называли *тэби* 大妃 – «великая королева») должны были находиться сразу за *чунджоном* – дворцом действующей королевы (*ванби*). Отведенное ей законом место свидетельствовало о том, что ее статус был ниже, чем у королевы. О том же говорило и количество положенной ей прислуги – всего 29 человек вместе с фрейлинами. Но история династии сложилась таким образом, что *тэби* как старейший член правящего дома стала с годами второй после вана по значимости фигурой в государстве и приобретала тем больше прав и привилегий, чем меньше их становилось у королевы и супруги наследника. По этой причине, как это ни покажется странным, не было у нее и своего собственного дворца. Поскольку «почитание» старейшины рассматривалось как свидетельство выдающейся сыновней почтительности, ваны Чосона в основном жили под одной крышей с «великими королевами», и в их семьях сложилась практика, аналогичная той, что была и в обычных семьях, где свекровь была полновластной хозяйкой, особенно на женской половине. О том, как эта практика сложилась во дворце, надо рассказать особо.

Дворец вдовствующей
королевы *Чагёнджон*
в Кёнбоккуне.
Фото из буклета конца
1990-х годов

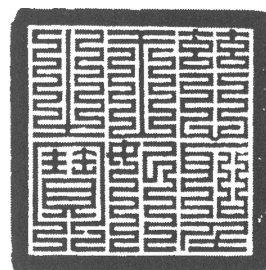
Номинально первой «великой королевой» в истории Чосона была жена второго вана Чонджона королева Ким (Чонан ванху 定安王后 金氏, 1355–1412), которая получила этот титул, когда ее муж, якобы добровольно, а на деле под страхом смерти, уступил трон Тхэджону. После этого супруги спешно покинули столицу и никакого участия в политической жизни больше не принимали. Более того, у Чунджона не было посмертного имени *мёхо* вплоть до 1681 г. Следовательно, не считалась до того времени королевой и его жена. Первый и третий ваны Тхэджо

и Тхэджон отреклись от престола и заканчивали свой век в отдельных дворцах. Вместе с ними пребывали и их супруги, которые к тому же скончались раньше них. Раньше мужей умерли также супруги Седжона королева Сим (Сохон ванху 昭憲王后, 1395–1446) и Мунджона – королева Квон 權氏 (Хёндок ванху 顯德王后, 1418–1441). Шестой ван династии Танджон был свергнут, его супруга лишена королевского звания и скончалась в изгнании. Так что до 1468 г. вдовствующих королев в правящей фамилии не было.

Первой настоящей вдовствующей королевой в истории Чосона стала супруга седьмого вана Седжо, мать правившего чуть более года (1468–1469) Йеджона и бабка Сонджона королева Юн 尹氏 (Чонхи ванху 貞熹王后, 1418–1483), пережившая мужа на 15 лет. Именно в правление Сонджона было завершено составление свода законов Чосона *Кёнгук тэджон* (1474), согласно которому вдовствующая королева должна была проживать в Кёнбоккуне в своей личной резиденции – дворце Мунсоджон (文昭殿). Однако в реальности все сложилось иначе. Поскольку Сонджон (годы жизни 1457–1494, правил 1469–1494) вступил на престол в 12 лет, королева Чонхи стала регентом и жила с ним в одном дворце целых семь лет. Надо отметить, что тогда еще была жива мать Сонджона, больше всего известная как «вдовствующая королева Инсу» – Инсу тэби 仁粹大妃* (посмертное имя Сохе ванху 昭惠王后, 1437–1504). Соответственно та, Чонхи, носила титул «старшей вдовствующей королевы» (*тэван тэби* 大王大妃).

Из истории династии. Инцидент, случившийся в ранний период Чосона, сыграл главную роль в том, что не министры или родственники по отцу, а вдовствующие королевы стали выполнять роль регентов при малолетних ванах. Первым ваном Чосона, восшедшим на престол в детском возрасте, был Танджон (1452–1455), внук Седжона Великого. Ему было всего 11 лет, и его отец Мунджон (1450–1452) на смертном одре просил своего младшего брата принца (*тэгун*) Суяна (首陽大君) и старших сановников поддержать юного монарха. Они обещали, однако острая борьба за власть между ними привела к низвержению Танджона. Вместо того чтобы помочь юному вану, министры и родственники помогли Суяну узурпировать трон.

Чтобы предотвратить подобное в будущем, было решено, что юному королю в подобной ситуации должна помогать женщина – близкая ему по крови любящая мать или бабушка, тем более что эти

Оттиск посмертной печати (*обо*) Чонхи ванху (1418–1483), первой вдовствующей королевы Чосона. Из дворцовой генеалогической книги (*сонвонбо* 璇源譜)

* Она была женой не правившего вана, а возведенного в ваны посмертно под именем Токчон 德宗 старшего сына Седжо кронпринца Ыйгёна (懿敬世子, 1438–1457), скончавшегося вскоре после провозглашения его наследником.

женщины долго жили во дворце и обладали немалым политическим опытом. Роль регента обычно выполняла старейшая королева. Так как женщинам участие в политике было запрещено, она руководила государством «из-за бамбуковой занавески» (это называлось *сурём чхонджон* 垂簾聽政), т.е. сидела на заседаниях кабинета за ширмой, скрытая от посторонних взглядов. Поскольку большинство королев не владели *ханмуном* – корейизированным классическим китайским языком, на котором составлялись государственные документы, секретари ежедневно «перекладывали» их содержание для правительницы на национальную письменность *кунмун**. Если она составляла документ собственноручно, они аналогично переводили его с *хангыля* на *ханмун*.

Кроме Сонджона, еще 6 ванов Чосона взошли на престол в юном возрасте: Мёнджон – в 11, Сонджо – в 15, Сукчон – в 13, Сунджо – в 10, Хёнджон – в 6 и Коджон – в 12 лет. В каждом случае, регентство принимала на себя вдовствующая королева и добровольно снимала с себя эту обязанность, когда ван подходил к 20-летию.

Между вдовствующей королевой Чонхи и юным Сонджоном существовали очень близкие отношения. Фактически она и растила его, поскольку его отец и ее сын наследный принц Ыйгён скончался через два месяца после его рождения, и дед (Седжо) с бабушкой взяли ребенка себе. Неудивительно поэтому, что сразу по его восшествии на престол она перебралась во дворец, где первые годы распоряжалась по собственному разумению почти безраздельно. У Сонджона было 12 жен и наложниц только официально. Он был одним из «дон жуанов» чосонской истории, и немалую роль здесь сыграла королева Чонхи, которая, чтобы обеспечить себе полную власть, намеренно отвлекала внимание внука от государственных дел и даже учебы, сначала очень рано женив его один и второй раз, а потом посылая ему все новых наложниц. На публике она объясняла свою особую заботу о гареме Сонджона тем, что уже стара и хочет как можно быстрее увидеть правнуков. Тогда же вдовствующие королевы впервые в истории династии столкнулись в соперничестве за влияние на вана с королевой. Из этой борьбы они вышли победительницами, показав всем, кто во дворце настоящий хозяин. Низложение королевы Юн стало уроком для всех будущих королев.

Из истории династии. Королева Юн, не удостоенная посмертного почетного имени и вошедшая в историю как «низложенная королева» Юн (Юн *пхеби* 尹廢妃, ?–1482), была дочерью чиновника Чхунчхугвана. В 1473 г. она была выбрана в гарем Сонджона и получила ранг наложницы неполного 2-го ранга *сугый*. Красивая

---

* Современное название – хангыль.

и жизнерадостная, она вызвала любовь монарха и в 1474 г., после смерти его первой супруги королевы Хан (Конхе ванху 恭惠王后, 1456–1474) заняла ее место. В том же году родила Сонджону первого сына Ёнсангуна 燕山君. Отличалась ревнивым характером, чем изрядно докучала мужу. В 1477 г. у нее был обнаруженмышьяк, пошли разговоры о том, что она хотела отравить вана и его фавориток из наложниц. В раздувании эпизода особую роль сыграла вдовствующая королева Чонхи. Тогда Юн чуть не низвели до статуса наложницы *пин*. Спасло ее только заступничество вана. В 1479 г. произошел новый скандал. Юн обвинила мужа в том, что он слишком часто посещает других женщин, и оставила на его лице следы ногтей. Это вызвало гнев Сонджона, его матери и бабки, и в результате Юн, несмотря на протесты некоторых сановников, была низложена за «действия, несовместимые с ее статусом», изгнана в родительский дом, и контакты с внешним миром для нее были запрещены.

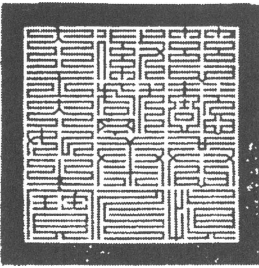
Когда в 1483 г. Ёнсангун был провозглашен наследником, сторонники Юн стали подавать вану меморандумы, где указывали, что негоже его матери жить, словно обычной простолюдинке. Они предлагали выделить ей отдельное место проживания на территории дворца и оплачивать ее содержание из казны. Активизировались и их соперники, не желавшие возвращения Юн во дворец, особенно королева-мать Инсу (королева Чонхи в тот год скончалась) и новая супруга (Чонхён ванху 貞顯王后 尹氏, 1462–1530). Но наследник рос, и Сонджон направил к Юн евнухов и фрейлин, чтобы они ознакомились с тем, как она живет. Те же, по наущению королевы Инсу, доложили ему, что она не проявляет никакого раскаяния. Возмущенный Сонджон приказал сановникам «обсудить вопрос». Те вынесли вердикт о «даровании» ей яда, и Юн была казнена. После ее кончины на ее могиле не установили подобающую памятную стелу. Но, помня о наследнике и шадя его чувства, Сонджон приказал установить на ней камень с надписью «Могила госпожи Юн» и каждый сезон проводить на ней поминальные обряды.

Умирая, Сонджон оставил распоряжение (*юмён* 遺命), которым запрещал в течение 100 лет после своей смерти обсуждать вопрос о Юн *пхеби*. Но ее сын Ёнсангун, взойдя на престол, ослушался приказа. Прозрение относительно обстоятельств смерти матери наступило у него в 1504 г. – в год *капча*. Он загорелся мщением. Результатом стали гонения (*капча сахва*), когда около 20 придворных были казнены, десятки были брошены в тюрьму или сосланы. Пострадали и их многочисленные родственники. Жизнь бабки Инсу Ёнсангун превратил в кошмар, и она скончалась от нервного расстройства. Массовые репрессии стали одной из причин, приведших к свержению Ёнсангуна в 1506 г. Тогда же его мать потеряла посмертный королевский титул Чехон ванху 齋獻王后 и титульное название гробницы Хверын 懷陵, полученные на короткое время от почтительного сына⁴¹.

Печальная история Юн *пхеби* показала, насколько серьезными могли быть последствия разлада в королевской семье для всей политической системы. Но этот опыт никого не научил, и *тэби* и в будущем не раз становилась фактором нестабильности в государстве. Некоторые мужественные сановники иногда подавали ванам меморандумы (*сансомун* 上疏文), предупреждая о недопустимости их совместного проживания в одном дворце со вдовствующими королевами, но отклика не находили, и если в конце XV–XVI вв. вдовствующие королевы не обязательно жили во дворце вана, то с 1623 г., когда, свергнув Кванхэгуну, на престол вззошел Инджо, это стало традицией.

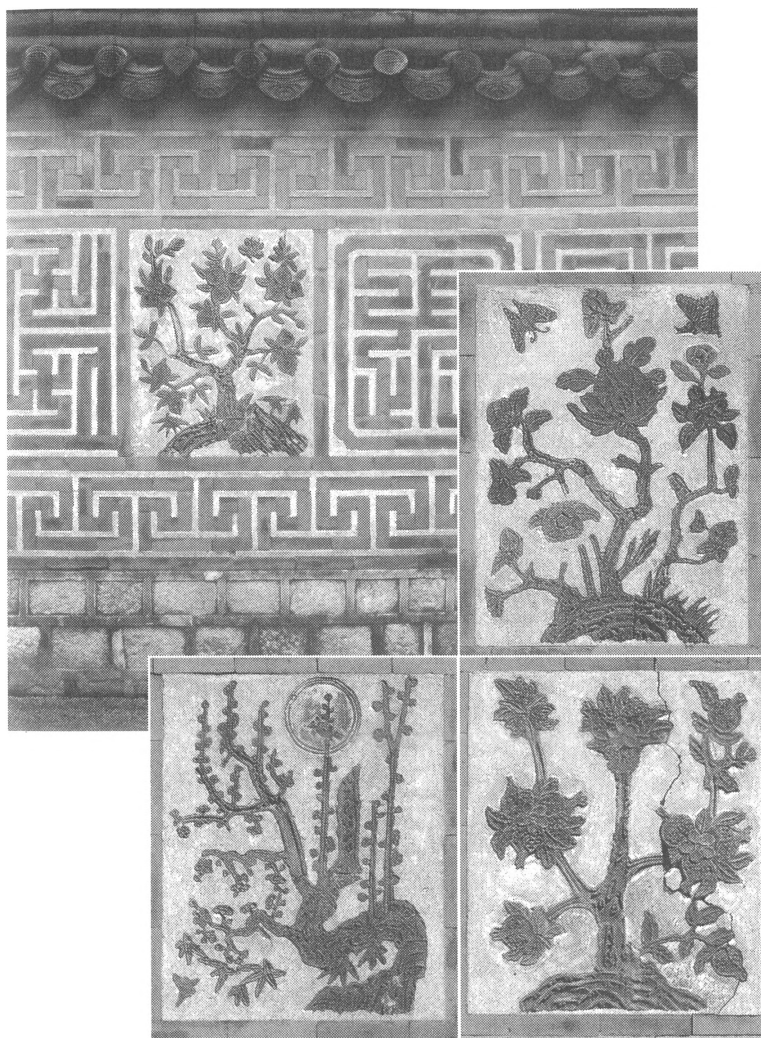
Она началась с того, что Инджо приказал вернуть из ссылки, в которую ее послал ненавистный ему Кванхэгун, вторую супругу Сонджо вдовствующую королеву Ким (Инмок ванху, 1584–1632) и в знак «особой почтительности» поселил ее с собой вместе в одном дворце, что было явной политической демонстрацией. Его преемник Хёджон (1649–1659) жил под одной крышей с приходившейся ему мачехой королевой Чо 趙氏 (Чаннэль ванху 莊烈王后, 1624–1688). Старшая (*тэван тэби*) и младшая (*тэби*) вдовствующие королевы сопровождали повсюду в переездах по дворцам следующего вана Хёнджона (1659–1674). Они, как сообщается в летописях, постоянно ссорились до такой степени, что сановники официально предупредили вана, что не стоит держать их вместе. Делила кров с ваном Инджо бездетная третья супруга Сукчона королева Ким (Инвон ванху 仁元王后, 1687–1757). Вместе с Сонджо жила его мачеха, также бездетная, супруга Чонджо королева Ким (Хёый ванху 孝懿王后, 1753–1821), аргументировавшая это тем, что так повелели ей предсказатели. Таким образом, у вдовствующих королев было намного больше шансов влиять на вана, чем у их отдельно проживавших жен.

Во времена Коджона за ним постоянно следовали, в каком бы дворце он не жил, старшие и младшие вдовствующие королевы: мать Хонджона королева Чо (Синджон ванху, 1808–1890) и супруга Чхольчона королева Ким (Чхорин ванху, 1837–1878). Правда, они жили хотя и рядом, но всегда все же отдельно. Кровным родственником их Коджон не был, но так подчеркивалась преемственность. Для Коджона она была особенно важна, потому что его вступление на престол стало возможным только благодаря тому, что являвшаяся тогда старейшиной правящего дома Синджон его усыновила. За это он до конца дней почитал как мать именно ее, а не свою настоящую родительницу, и в благодарность воздвиг для Чо в конце 1860-х годов в Кёнбоккуне один из самых роскошных дворцов ее

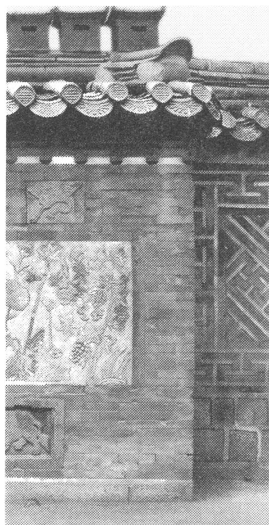
Оттиск печати
вдовствующей
королевы
Чо (1624–1688),
второй главной супруги
Инджо, именовавшейся
при жизни после смерти
мужа в 1649 г.
по почетному титулу
Чаый *тэби* (慈懿大妃).
Посмертное имя-титул –
Чаннэль ванху
(莊烈王后)

статуса за всю историю Чосона – *Чагёнджон* (慈慶殿 «Дворец любви и счастья»), где она жила до своей кончины. Он состоял из трех зданий, и главное имело площадь в 40 *кхан* (около 100 кв. м, больше Тронного зала!). Отличалось оно и особым убранством. В нем и поныне сохраняется самая красивая в стране «цветочная стена». Она выложена шестигранным узором «пчелиные соты» с вкраплениями цветов, свастик и иероглифов, которые называют шедевром каллиграфии. По словам Хон Сунмина, ощущение такого же совершенства возникает у него при созерцании оттисков главной государственной печати в Чосоне (*оксэ*), создание которой по классическим образцам доверялось лучшим мастерам.

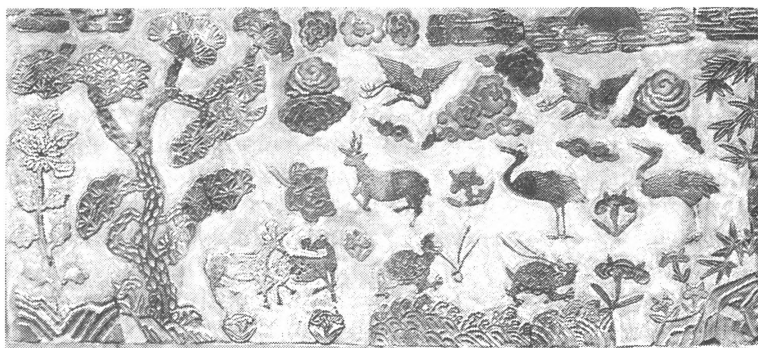
Стена Чагёнджона – «Дворца любви и счастья», где в Кёнбоккуне жила приемная мать Коджона вдовствующая королева Чо, – считается самой красивой «цветочной стеной» Чосона.

Благопожелательные картины с «цветочной стены» Чагёнджона – резиденции самой главной женщины Чосона – с изображениями персиков бессмертия, пионов и бабочек (изобилие), орхидей (сдержанность), цветущей сливы (символ рода) и пр.

Сокровище
Кёнбоккуна –
«цветочная труба»
в резиденции
вдовствующей
королевы Чагёнджон.
Для экономии места
она вмонтирована
в стену и объединяет
10 дымоходов.

Благопожелательная
фреска. Фрагмент деко-
ра знаменитой «цветоч-
ной» трубы
из Чагёнджона.
На ней изображены
символы долголетия:
сосна, солнце, облака,
олень, бамбук, журавль,
черепаха, скала, волны и
«трава вечной жизни», –
а также лотосы
(символ чистоты),
виноград (плодородие),
летучие мыши
(счастье/богатство)
и пр.

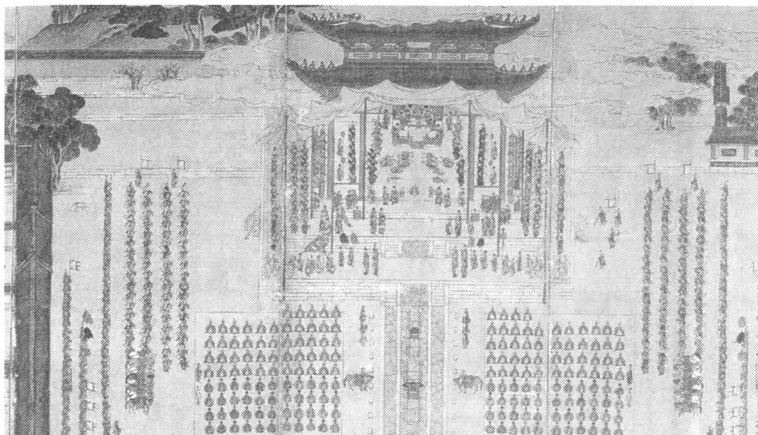

Кроме права регентства, были у вдовствующих коро-
лев и другие права и преимущества. Ее нельзя было низло-
жить*, в отличие от королев или супругов наследников. Ее
можно было только почитать. Ее голос был решающим при
выборе королевы или супруги наследника. Как старший
член семьи, она, даже если была неграмотной, становилась
советницей вана в политических делах, поскольку счита-
лось, что почтенный возраст и жизненный опыт позволяют
ей делать это вполне квалифицированно. От имени старшей
королевы китайскому императору сообщали о кончине вана.
Ей принадлежало право назначать преемника, если преды-
дущий ван скончался, не оставив наследника и завещания.
Правда, тут не всегда последнее слово оставалось за коро-
левой, иногда одерживали верх другие силы, и ей не оста-
валось ничего иного, как формально одобрить их выбор и
вручить государственную печать их избраннику. Но как
бы там ни было, в XIX в. право выбрать наследника было
использовано старшими королевами дважды: при назначе-
нии Чхольчона и Коджона. Некоторые корейские историки
настаивают на том, что «женщины королевской фамилии
были полностью исключены из политической жизни»⁴².
Однако пример вдовствующих королев свидетельствует
о том, что это было не так. Перечислю некоторых из вдов-
ствующих королев, исполнявших роль регентов при мало-
летних монархах:

– супруга Седжо королева Юн (Чонхи ванху) правила
1 год и 2 месяца при сыне – 19-летнем Йеджоне

* Единственной низложенной вдовствующей королевой за всю
историю Чосона была вторая главная супруга Сонджо королева
Ким (Инмок ванху, 1584–1632), но осмелившийся на такой шаг
Кванхэгун дорого заплатил за нарушение законов почтительно-
сти. Его отношение к королеве Ким (она приходилась ему мачехой)
вызвало при дворе и в обществе много протестов и стало одной из
причин его свержения в 1623 г.

Празднование юбилеев
вдовствующей королевы
Чо (посмертное имя
Синджон ванху, 1808–
1890), матери Хонджона
(1834–1849)
и приёмной матери
Коджона.

Фрагменты дворцовых
ширм, написанных
по картинам из *ыйгве*:
вверху –
изображение приема
в честь ее 40-летия
в тронном зале дворца
Чхандоккун;

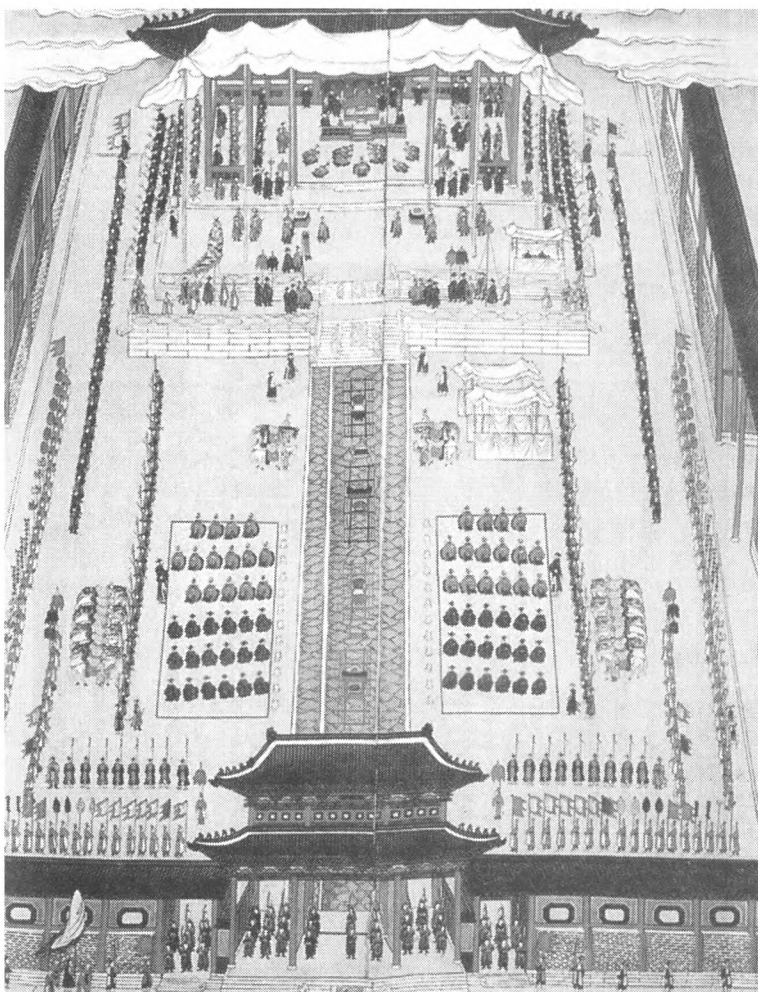
ниже –
«Пир в год чонхэ»

(*Чонхэ чинчхан*

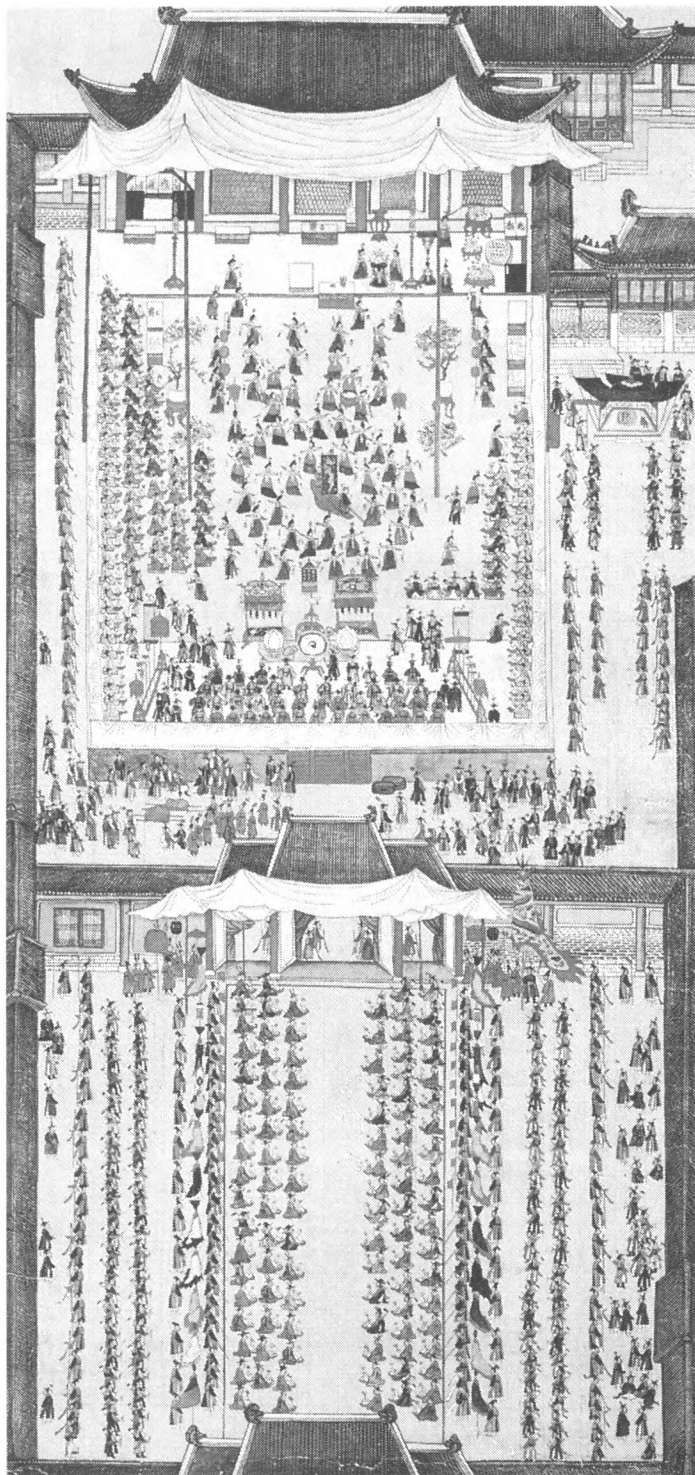
丁亥進饌) –

запечатлен прием
по случаю ее 80-летия
в Кёнбоккуне.

*Из коллекций музеев
университета Тона
и Когун*

Картина на створке восьмичастной королевской ширмы из Музея Когун. Пир 13 февраля 1795 г. по случаю 60-летнего юбилея матери Чонджо – дамы Хегёнгун – в павильоне Понсудан Хвасонской крепости, специально построенном для события. Понсудан в самом верху символизирует присутствие Хегёнгун. О присутствии Чонджо свидетельствует напольное сидение слева от этого здания, перед которым стоят три сервировочных столика, заполненных яствами. Перед павильоном пять столбов, поддерживающих тент, под ним в центре разворачивается представление, по сторонам сидят приглашенные родственники и гости. Перед ними – столики с цветами – дар хозяйки. В верхней части сцены исполняется танец с барабанами, который исполнялся обычно при поднятии третьей чары на пирях. Ниже танцовщицы водят хоровод, в центре – лодка под парусом с изображением дракона. Этот танец исполнялся обычно в конце пира. Нижняя часть картины отделена от верхней изображением изгороди,

- в 1468–1469 гг., а когда он скончался, – 7 лет при внуке Сонджоне, которого сама (в обход правил) избрала на правление;
- третья супруга (*кеби*) Чунджона королева Юн (Мунджон ванху 文定王后, 1501–1565), 8 лет правила страной при Мёнджоне (годы его жизни 1534–1567 гг., правил в 1546–1567 гг.);
  - супруга Мёнджона королева Сим (Инсун ванху 仁順王后 沈氏, 1532–1575) около года исполняла эту функцию при Сонджо (1552–1608, правил в 1567–1608 гг.);
  - вторая супруга Ёнджо королева Ким (Чонсун ванху) была 4 года регентом при Сунджо (1790–1834, правил в 1800–1834 гг.);
  - супруга Сунджо королева Ким (Сунвон ванху) правила страной дольше и активнее других решентш: 12 лет при внуке Хонджоне (годы жизни – 1827–1849, правил в 1835–1849 гг.) и 1 год при малограмотном, назначенном ею самой на престол ване-крестьянине Чхольчоне (1831–1863, правил в 1849–1863 гг.). Ей принадлежит главная «заслуга» в укреплении при дворе (путем личного влияния и женитьбы малолетних ванов на своих родственницах) клана Андонских Кимов, чье господство продолжалось практически всю первую половину XIX в. и привело страну на грань развала.

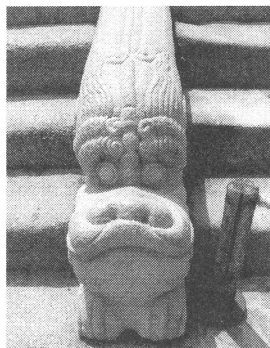
В целом, по подсчетам женщин-историков, вдовствующие королевы управляли Чосоном 1/8 часть его истории, т.е. около 65 лет⁶¹.

В конце сентября 2010 г. правящая в КНДР Трудовая партия Кореи произвела в генералов младшего сына (Ким Чонына) и младшую сестру своего верховного лидера Ким Чен Ира, что стало, по мнению СМИ, самым ярким свидетельством планов по династической передаче власти. Ким Чоныну нет и 30 лет и о его политическом опыте ничего не известно. Нет ни одной его фотографии, сделанной во взрослой жизни, не записано ни одного его высказывания. Ким Хёнхи – сестре Ким Чен Ира – 64 года. Она – жена одного из самых влиятельных сподвижников главы государства. «Ее повышение, возможно, является попыткой защитить молодого и неопытного Ким Чонына от махинаций придворной клики в случае внезапной смерти “великого руководителя”, который перенес инсульт два года назад и теперь выглядит изможденным», – писала английская «Таймс». Ким Хёнхи работала в ведомствах страны, занимающихся международными вопросами, а также легкой промышленностью, и является членом Центрального комитета Трудовой партии с 1988 г. По слухам, она сильная личность с взрывным темпераментом и огромным влиянием⁴⁴.

за которой лицом к лицу сидят за столиками гости. Они собрались по тому же поводу, но в другом месте. Таким образом, данная картина – это план, объединяющий события, связанные общей темой, но происходившие в разном месте и в разное время

Конечно, лишь незначительная часть вдовствующих королев активно участвовала в политике и жила в одном дворце с ваном, как упоминалось выше. Это был редкий шанс, воспользоваться которым могли, да и хотели, лишь единицы. Ваны Чосона жили довольно мало – в среднем 46 лет. Трое не дожили до 30 (Танджон, Йеджон и Хонджон), восемь умерли до 40. Только пятеро пережили 60-летие. Так что их жены становились вдовами рано, иногда – в 20 лет, и потому при дворе обычно жили одновременно две-три вдовствующие королевы – матери правящих (*тэби*) и предшествующих ванов (*тэван тэби*). Каждой из них полагалась достойная резиденция и штат фрейлин и прислуги.

Чхангёнгун –
«царство дворцовых
женщин» и место
отдыха монархов.
Общий вид.
Фото 1990-х годов

Каменный обегер
Чхангёнгун

Поскольку в классическом устройстве дворцов такого количества построек этого класса предусмотрено не было, ван Сонджон, при дворе которого впервые здравствовали сразу три вдовствующие королевы*, в 1482 г. отдал приказ о возведении для них специального дворцового комплекса. Он получил название Чхангёнгун («Дворец светлого ликования»). В нем есть тронный зал и «зал госсвета», но ваны в нем никогда не работали и почти никогда не жили, в связи с чем «внешняя зона» (административные учреждения и ведомства) в нем полностью отсутствовали. Он был дополнением Чхандоккуна, с которым его разделяла только стена.

Чхангёнгун был «царством женщин», уютным, с особой архитектурой. Он воплотил самые «буйные» (в рамках канона, конечно) фантазии заказчиц и являл собой причудливое сочетание традиционного жилища с многообразными беседками, переходами, лесенками, балкончиками, спускающимися рядами крыш, резными окнами и дверями, фигурными воротцами, декоративными изгородями, и все

* Его мать королева Хан (Сохе ванху, она же – королева Инсу) и супруги Седжо и Йеджона королевы Юн (Чонхи ванху) и Хан (Ансун ванху 安順王后 1445?–1498).

«Зал высокой учености»
Сунмундан (崇文堂)
за тронным залом
Чхангёнгуна
зовет к покою и мирной
беседе. Здесь монарх
вел ученые беседы
с избранными
студентами
университета
Сонгюнган

это в окружении ухоженного сада-парка с красивыми цветами, редкими деревьями, соснами формы «взлетающий журавль», камнями-*квисок*, каменными прудами, мостками и фонарями. Кроме вдовствующих королей жили в Чхангёнгуне и супруги наследников, и наложницы, родившие детей. Здесь появились на свет принц Садо, ваны Чонджо и Хонджон. Здесь провела почти всю свою жизнь, родила сына и написала, глядя на поминальный алтарь своего казненного супруга, свои мемуары дама Хегёнгун.

Были у вдовствующих королей и другие дворцы. В раннем Кёнбоккуне это был 3-го разряда *Консунгак* (建順閣 «Павильон установленной покорности»)**, а в Чхандоккуне – более высокий по статусу *Чипсанджон* (集祥殿 «Дворец средоточия добра», 1-го разряда), построенный в 1667 г. Хёнджоном для матери – королевы Чан (Инсон ванху 仁宣王后 張氏 1618–1674). В правление Сунджо (1833) этот дворец сгорел, а в 1920 г., когда после пожара восстанавливались спальные палаты Сунджона и его супруги королевы Юн, вместо него был поставлен

«Дворец приветствия света» Кёнчхунджон (景春殿) – крупнейшая резиденция вдовствующей королевы в Чхангёнгуне, расположенная рядом с дворцом царствующей четы. Жили в нем также и королевы, и старшие наложницы. Использовался он и как родильные покои. В нем появились на свет ваны Чонджо (1776–1800) и Хонджон (1834–1849). На это и намекает название дворца – образец каллиграфии их почтительного сына и любящего деда Сунджо

** Восстановлен в последние годы. Входит в комплекс жилых покоев королевы.

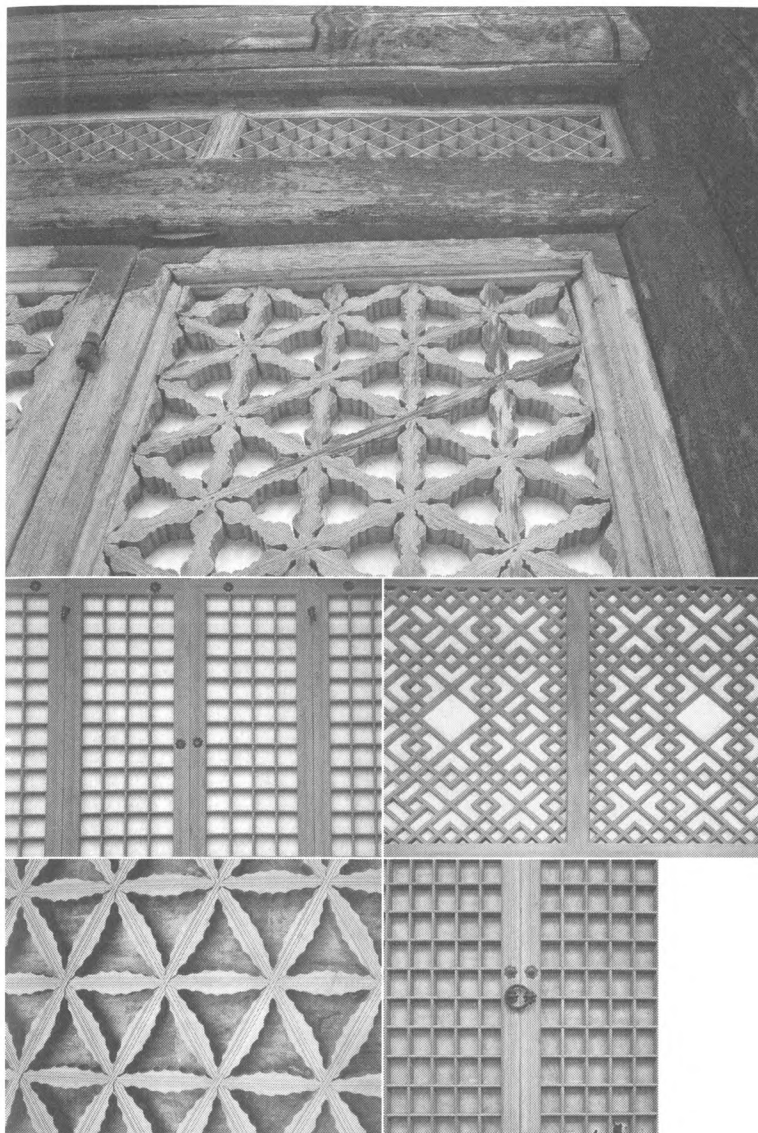

«Зал долголетия
и покоя»
Янхвадан (養和堂) –
одна из резиденций
«великих королей»
в Чхангёнгуне
(построена в 1833 г.).
В 1878 г. в нем
скончалась
Чхорин ванху, вдова
Чхольчона (1849–1863).
Фото 2008 г.

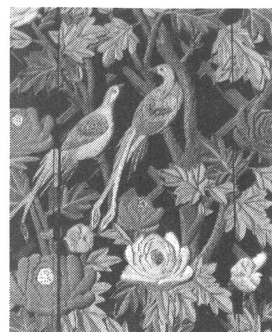

Хамвонджон (含元殿 «Дворец сдержанности и совершенства»), который сохраняется и сегодня. Небольшой по размеру (2 x 6 *кхан*), он уютен и наряден. Особенно красивы закрытые летние веранды с западной и восточной стороны, на высоких каменных опорах, с изящными резными перилами. Их ажурные стены позволяли хозяйке дворца любоваться внутренним двором, террасированным садиком и цветником, оставаясь невидимой для посторонних. Затворничество – вот был в конфуцианском обществе удел женщины, тем более вдовы, и это подчеркивала архитектура.

Обычная *тэби* каждое утро и вечер принимала ритуальные приветствия от короля, королевы, наследника и его супруги, и изредка, по особым случаям, присутствовала на дворцовых мероприятиях и больших семейных банкетах, где распоряжалась как старший член королевской фамилии. Ее «круглые» даты отмечались как большой государственный праздник, и сотни чиновников собирались для поздравлений перед главным тронным залом страны. Хроники упоминают о мудрых советах, которые давали королевы-матери своим сыновьям-правителям. Иногда они писали назидательные книги. Например, мать Сонджона

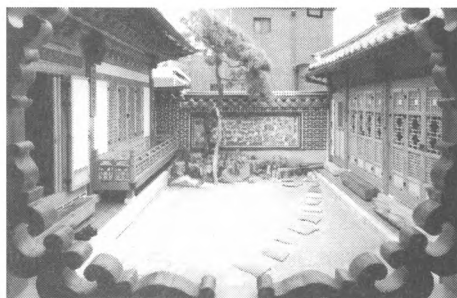

Резные деревянные
решетки на окнах
дворцовых покоев.
Современный вид

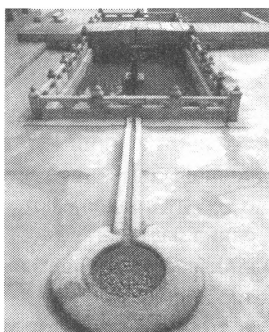
Оконные решетки
были особенно
причудливы в женских
покоях дворцов.
*Старинное фото
из книги Э. Адамса*

Сегодня традиции дворцовых резчиков по дереву продолжают редкие мастера. Одним из них является Сим Ёнсик, удостоенный звания «живого культурного достояния» РК. Свой дом в «Северной деревне» Пукчон в Сеуле он превратил в настоящий дворец, где в решетках окон и дверей ни один из орнаментов не повторяется. Он открыт для посещения любому желающему

Внутренний дворик
этого дома.
Фото из буклета

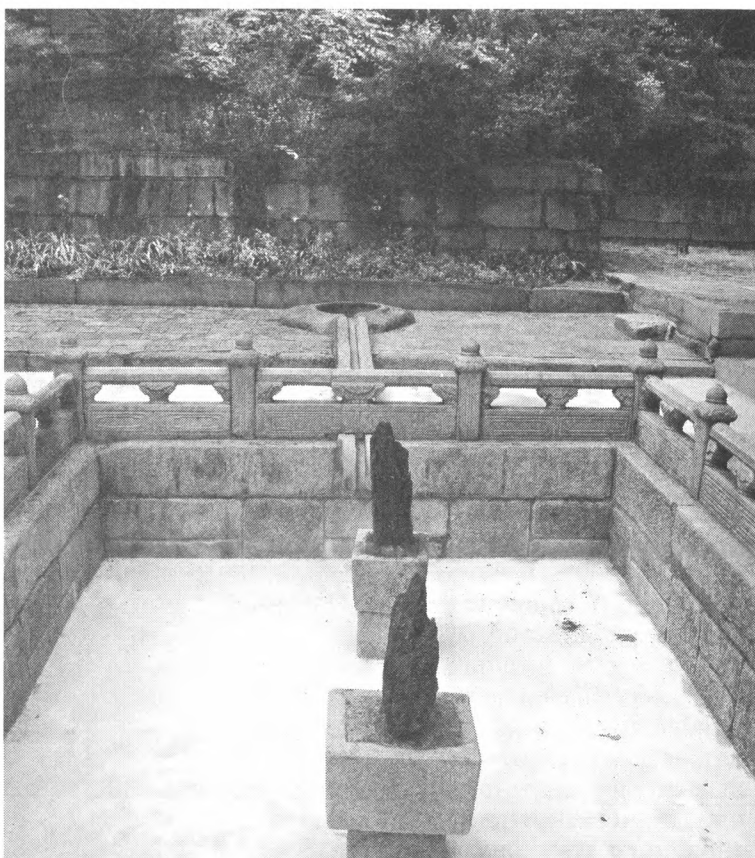
Виды из окна женских покоев – «цветочная» труба, причудливый камень-*квисок* и терраса маленького садика

Круглый колодец, вода из которого течет в квадратный пруд – архитектурная аллегория гармонии Неба и Земли.

Квадратный каменный пруд украшенный причудливыми камнями (*квисок*)

Парк у восточной стены опочивальни вана в Чхангёнгуне

королева Инсу (та, что сыграла зловещую роль в судьбе низложенной королевы Юн), была автором *Нэхун* (內訓) – собрания образцов должного поведения преданных жен и почтительных детей, которое регулярно перепечатывалось вплоть до конца династии.

Дворец наследника престола

К середине XV в. основными зданиями «внутренней зоны» Кёнбоккуна были три дворца: зал заседаний Госсовета *пхёнджон* и два *чхимджон* – спальных дворца вана и королевы. Во времена Седжо (1455–1468) сюда был перенесен еще и дворец наследника, который до этого находился за дворцовой стеной. Он располагался к востоку от центральной оси комплекса и потому назывался *Тонгун* (東宮, «Восточный дворец»). Также (*тонгун*) называли и его хозяина. Это было символично, поскольку наследник считался «солнцем перед рассветом».

Как уже упоминалось, приоритетным правом на престол в Чосоне пользовался старший сын королевы. Его обычно назначали наследником в семилетнем возрасте*. Но если он был болен, страдал «отсутствием достоинств» или если у королевы вообще не было сына, наследником становился один из сыновей вана от наложницы. В этом было отличие королевской семьи от обычных домов, где сын наложницы правопреемником быть не мог и глава семьи должен был усыновить кого-то из родственников мужского пола, чтобы передать ему бразды правления и имущество. По правилам, выбирать самого достойного среди принцев должны были старшие сановники в ходе дискуссии (*конджоый* 建儲議), но в реальности решающее слово имел отец – ван, а если он умирал, не назначив наследника и не оставив завещания, то наследника назначала вдовствующая королева – самый старший член правящей фамилии, и тогда, чтобы повлиять на нее, в ход пускались интриги, сотрясавшие устои государства.

Из истории династии. Из 27 ванов династии Ли старшими сыновьями королевы были семеро: Мунджон, Танджон, Ёнсангун, Инджон, Хёнджон, Сукчон, Кёнджон. Кроме них на престол восходили вторые и прочие сыновья, сыновья второстепенных жен, внуки, племянники – тем чаще, чем ближе был конец династии. Что касается Чхольчона (1849–1863) и Коджона (1864–1907), то они оба являлись родственниками предшествующих ванов в седьмом колене и были усыновлены вдовствующими королевами. Это произошло потому, что все близкие и обладавшие способностями потенциальные

---

* О церемонии провозглашения наследника рассказано в разделе «Тронный зал».

Ёнингун
(延祔君, 1694–1776) –
будущий ван Ёндо.
Единственный
дошедший до наших
дней прижизненный
портрет чосонского
принца, написанный
с натуры. 1714 г.
Краски по шелку.
Размер 183×87 см.
Национальное
«сокровище»
№ 1491.

Портрет серьезно
пострадал в годы
Корейской войны
(1950–1953).
Ныне восстановлен.
*Из коллекции
Музея Когун*

претенденты в результате происков влиятельных родов были обвинены в антигосударственных заговорах и либо находились в тюрьме, либо погибли.

Идеальный кронпринц поселялся в *тонгуне* сразу после бракосочетания, а женили его обычно в возрасте 10 лет. Примерно столько же было и его супруге. Так как они были еще детьми, проходило еще несколько лет, прежде чем они вступали в супружеские отношения. Согласно «Великому уложению по управлению государством» (*Кёнгук тэджон*), это было допустимо с 14 лет. Во время женитьбы принц мог официально взять себе и двух наложниц.

Тонгун в Кёнбоккуне, где до Имджинской войны жили все наследники, был весьма велик и состоял из двух зданий, главным из которых был «Дом, где лелеют добродетель» (*Часондан* 資善堂). В войну дворец сгорел, и кронпринцы стали жить в тонгунах на территории Чхандоккуна или Кёнхигуна. *Часондан* был восстановлен в первые годы правления Коджона, когда в 1865–1867 гг. было предпринято грандиозное строительство Кёнбоккуна, но жить в нем до вступления на престол довелось только Сунджону (1907–1910), последнему императору Кореи. Судьба этого здания отразила судьбы династии. В 1915 г. оно было продано японской администрацией некоему японцу по имени Окура. Он перевез его в Токио, установил в саду у своего дома, назвал «Чосонским домом» (朝鮮館, кор. *Чосонгван*) и сделал частным музеем. В 1923 г. во время Токийского землетрясения дом сгорел. Сохранились лишь ступени и каменные опоры. Рядом с тем местом позднее была построена гостиница «Окура», к ней вела вишневая аллея, а камни Часондана поставили в ее конце. В 1993 г. их обнаружил профессор частного университета Могвон (г. Тэджон) историк архитектуры Ким Чондон*. О его находке стало широко известно. Южнокорейское

* Хотелось бы добавить, что Ким Чондон был первым, кто обратился к изучению жизни и наследия А.И. Середина-Сабатина. В своей докторской диссертации «Изучение проникновения западной архитектуры и его влияния на корейскую архитектуру Нового времени» (1990 г.) он посвятил ему несколько страниц, после чего к этой теме обратились и другие – сначала в Корее, а с 2000 г. – и в России.

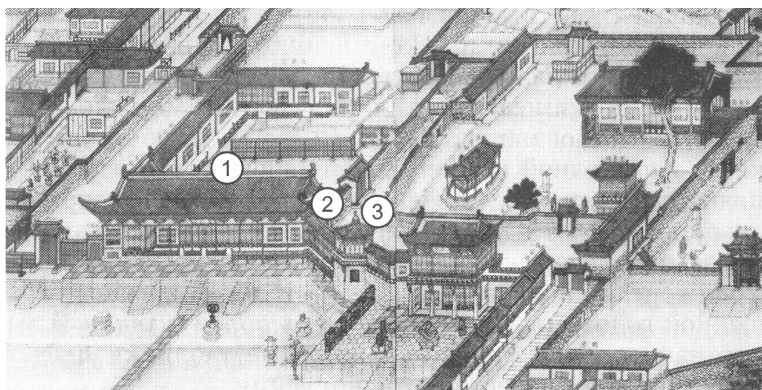
правительство потребовало их возврата, и 28 декабря 1995 г. 288 камней, лежавших некогда в основании дворца наследника в Кёнбоккуне, вернулись на прежнее место. Сильно поврежденные огнем во время землетрясения, для повторного использования они оказались непригодны⁴⁵.

Дворец наследника в Чхандоккуне, о котором нам сегодня известно только по архивным материалам, назывался «Дом глубины и света» (*Чунхидан* 重熙堂). Он был построен в 1782 г. ваном Чонджо для наследника – принца Мунхё (1782–1784), но тот рано умер, и первым жившим здесь наследником был внук Чонджо принц Хёмён (1809–1830) – единственный сын Сунджо. Судя по старинным планам, Чунхидан был одним из самых больших единичных зданий на территории дворцового комплекса. В его широком дворе стояли предметы, выдававшие интересы и вкусы его строителя: флаги на высоких мачтах для измерения направления ветра (*чхыкпхунги* 測風器), солнечные часы, дождемеры и пр., а также каменные фонари и особо

Ёнингун, рожденный дворцовой водоносной, тем не менее, уже в шесть лет был официально признан сыном Сукчона, а в 1721 г. – наследником. Взошел на престол в 1724 г. не как *ван седжа* (т.е. наследник отца), а как *ван седже* (王世弟, т.е. «продолжатель королевского рода»), поскольку унаследовал трон от старшего сводного брата Кёнджона (1721–1724), который детей не имел

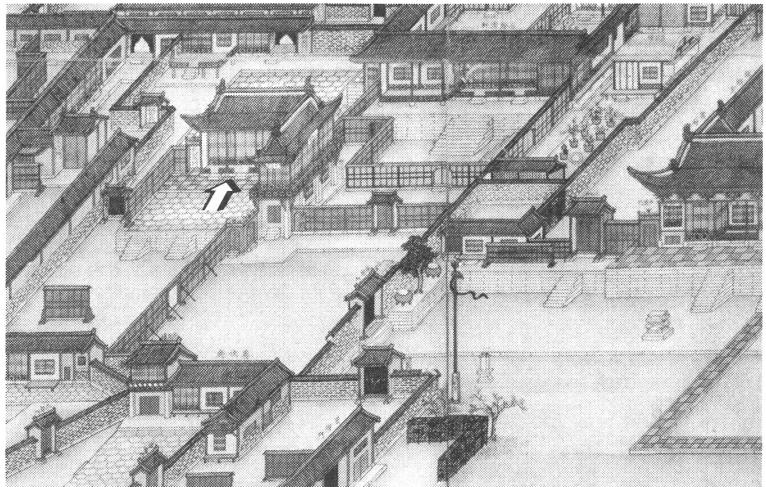
Библиотечный павильон и коридор не сохранившегося Чунхидана.
Фото 2008 г.

Дворец наследника Чунхидан на «Плане Восточного дворца» (№ 1). На сегодня от него сохранились лишь библиотечный павильон (№ 3) и связывавший его с главным зданием коридор (№ 2)

причудливые натуральные камни (*квисок*), напоминавшие о безграничном многообразии природы. История Чунхидана тесно связана с молодыми годами Коджона. Здесь 21 января 1864 г. (по европейскому календарю), сразу после провозглашения его ваном, состоялась церемония «надевания (ему) шапки» (инициации), в феврале и марте 1866 г. прошли в три этапа смотрины, на которых ему была выбрана супруга – будущая королева Мин, здесь состоялся и свадебный пир. В Чунхидане Коджон занимался государственными делами до полного завершения строительства Кёнбоккуна в 1872 г. После 1891 г. упоминания о Чунхидане в дворцовых записях прекратились. Предполагается, что он был разобран и куда-то перенесен.

«Дом сосредоточения и справедливости» (*Сонджонгак*) на «Плане Восточного дворца». Его стены, а также стены и ворота прилегающих подворий красного цвета, что означало зону высшей секретности. «Дом» дошел до наших дней в существенно перестроенном виде и с другим названием – «Лечебное ведомство» *Нэйивон*. Изменения эти произошли в японский период

Тонгун в Чхандоккуне был окружен множеством вспомогательных зданий. Важнейшим из них было подворье, где главным был «Дом сосредоточения и справедливости» (*Сонджонгак* 誠正閣), построенный в конце XVIII в. для наследного принца как кабинет по изучению конфуцианской классики*. На «ученую» функцию здания указывало его название, с любовью выбранное и каллиграфически написанное для сына ваном Чонджо. Оно было заимствовано из *Дасюэ* (大學, «Великое учение», кор. *Тэхак*), одной из главных канонических книг конфуцианства, где «сосредоточение» (*соный* 誠意) и «справедливость» (*чонсим* 正心) указывались как два из семи этапов морального совершенствования правителя. Высокий статус Сонджонгака подчеркивал форма и декор крыши, украшенной головами драконоподобных орлов (*чхвиду* 鸞頭), цветная роспись *танчхон*, титульные таблички *пхёнэк* и превосходное качество их исполнения.

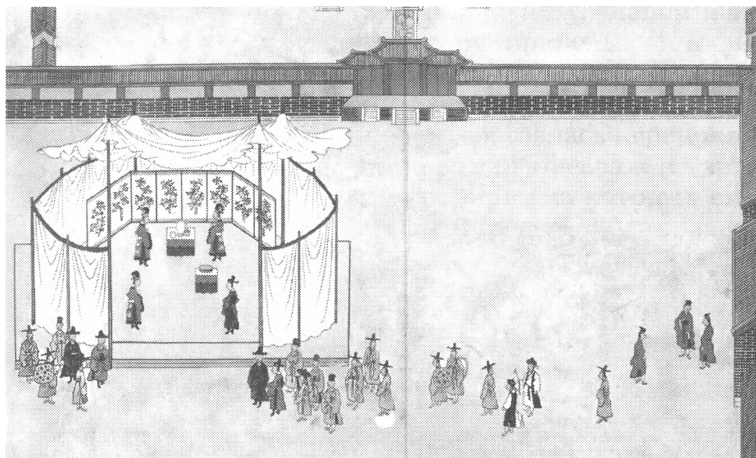
Здание типа *нугак*, прилегавшее к восточной стене Сонджонгака. Состоит из двух частей: павильона – *гак* на невысоком каменном цоколе (с отапливаемым полом) и высокой беседки класса *ру* с деревянным полом (для отдыха в жаркое время). Беседка имеет два названия, о чем свидетельствуют ее титульные доски-*пхёнэк*:

«Беседка весенних вестей» (*Почхунджон* 報春亭, на южном фасаде) и «Беседка радостного дождя» (*Хиуру* 喜雨樓, восточный фасад).
 Фото Ли Сонджона, 2010 г.

На старинных планах «Дом сосредоточения и справедливости» обведен красным, что означало «посторонним вход строго воспрещен». Двор был окружен стеной с тремя охраняемыми воротами в отличие от женских дворцов, где вход чаще всего был только один. Его пересекали переносные деревянные изгороди, разграничивавшие входящих в соответствии с их статусом и родом деятельности. Другой их функцией было обеспечить принцу максимальные условия для концентрации, чтобы ничто, происходившее снаружи, не отвлекало его от главной обязанности – учебы. К ней он приступал каждое утро, после того, как официально поприветствовал вана, его главную супругу и королеву мать. С этих приветствий и расспросов о том, хорошо ли они провели ночь, начинался его день. Так он совершенствовал «сыновнюю почтительность». Соблюдение этого порядка означало «достоинство принца» (*ток* 德, кит. дэ), которое было, наряду с происхождением, основанием для назначения его наследником. Его нарушение, как и халатное отношение к учебе, грозили принцу низложением, как это произошло с Яннён *тэгуном* (讓寧大君, 1394–1462) – старшим сыном Тхэджона*. Вместо него наследником был назначен третий сын Чхуннён *тэгун* (忠寧大君), вскоре ставший ваном и вошедший в историю под именем Седжона Великого.

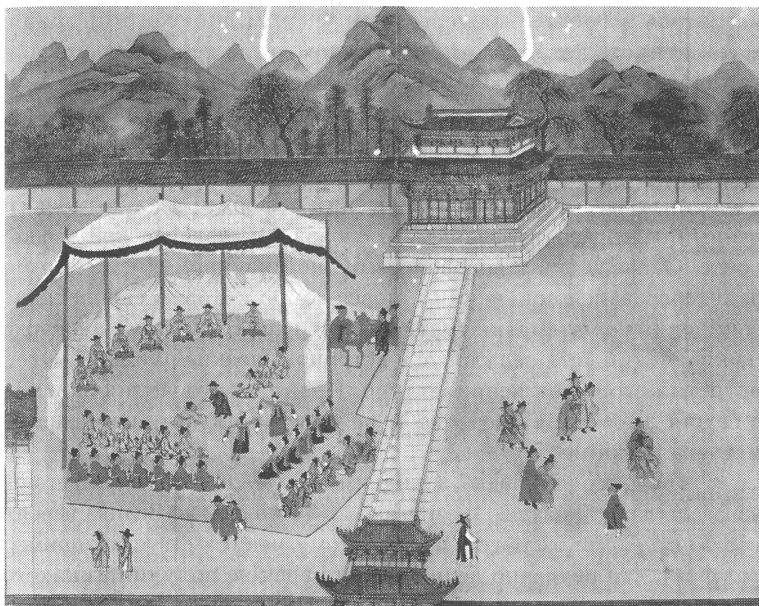
* Как сообщают *Тхэджон силлок*, причиной низложения Яннён тэгун стало «неправильное» изучение последним *Дасюэ*. При этом поясняется, что больше, чем принц, был виноват его наставник в конфуцианской классике Ким Ква, который при разборе этого произведения делал основной упор на примеры недостойного поведения в семье.

«Встреча гостей». Последний лист из *Судогё чхон* (水道橋帖) – дворцового художественного альбома, составленного по случаю посвящения во взрослые («надевания шапки», она предшествовала женитьбе) принца Хёмёна (1809–1830), старшего сына и наследника Сунджо. Изображает последний этап церемонии, когда наследник дает во дворце пир в честь чиновников и obsługi, участвовавших в ее организации и проведении. Размер 42,3×57,7 см. Музей Когун

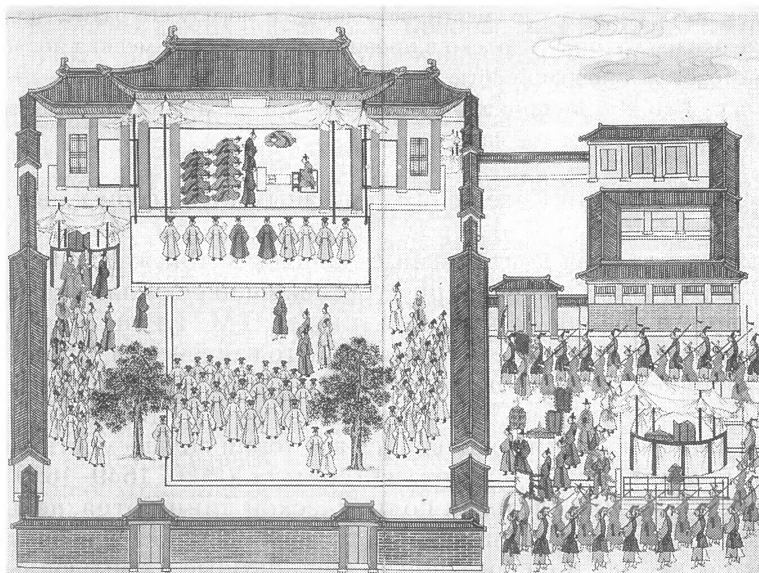

Основы существовавшей в Чосоне системы образования наследного принца (она называлась *соён* 書筵 – «сидение над книгами») были заложены уже в первый год династии, когда в 1392 г. было создано специальное ведомство (*Седжа квансок* 世子官屬), в 1456 г. реорганизованное в *Седжа сиганвон* 世子侍講院), в обязанности которого входили обслуживание, обучение и обеспечение безопасности наследника. Порой численность его штата доходила до 300 человек. Роль наставников (*соёнгван*) принца доверялась выдающимся знатокам. Например, во времена Седжона их назначали из числа членов *Чипхёнджона* – придворной Академии мудрецов, где состояли лучшие умы своего времени. Наставниками будущих ванов Инджона (1544–1545) и Хёджона (1649–1659) были крупные сановники и философы Ким Инху (金麟厚, псевдоним Хасо 河西, 1510–1560) и Сон Сиёль (宋時烈, псевдоним Уам 尤庵, 1607–1689) канонизированные как святые конфуцианского пантеона в 1796 и 1756 гг. соответственно.

При обучении наследника на всем протяжении правления династии основной упор делался на «Малое учение» (*Сяосюэ* 小學, кор. *Сохак*) и «Канон сыновней почтительности» (*Сяоцзин* 孝經, кор. *Хёгён*), и это надо подчеркнуть особо, ибо имеет, на наш взгляд, непосредственное отношение к гибели династии. Менялись времена и общество, развивались культура, наука и техника, много нового принесли с собой впервые ступившие на китайскую землю в 1582 г., а на корейскую – в 1628 г. и 1653 г. европейцы, но корейские принцы оставались к этому безучастны, потому что их учителей, да и всю систему, это абсолютно не интересовало. Более того, любознательность, выходящая за рамки установленного, воспринималась как опасная и была наказуема.

«Дворцовый банкет
в честь наставников
наследного принца»
(*Соёнгван саяндо*
書筵官賜宴圖) в тронном
зале Кёнбоккуна.
Картина 1535 г. – редкое
изображение дворца
до Имджинской войны.
*Из коллекции музея
Когун*

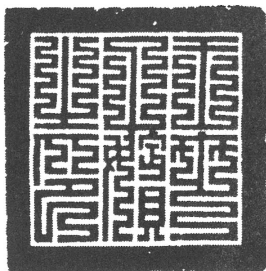
«Поступление
наследного принца
в университет
Сонгюнгван»
(*王世子入學圖*).
Дворцовая картина
1817 г. Бумага, краски.
Размер 24,0×37,5 см.
Музей Когун

Из истории династии. Подтверждением сказанному служит история сына Инджо наследного принца Сохёна (昭顯世子, 1612–1645). В 1636–1644 гг. он жил с семьей заложником при маньчжурском дворе – сначала в Шэньяне, а в 1644 г. – в Пекине, где познакомился с главой миссии иезуитов в Китае Адамом Шаллем (Adam Schall von Bell, 1591–1666), жившим в китайской столице с 1622 г. и осыпанным милостями императора. Шалль, один из «трех великих

иезуитов» в Китае, был серьезным ученым широкого профиля: математиком, астрономом, механиком, а также и выдающимся синологом, одним из родоначальников этой науки⁴⁶. В 1626 г. он перевел на китайский язык и опубликовал в Пекине первое описание телескопа Галилея, которое получило огромную известность. В дальнейшем Шалль сам смонтировал такой телескоп и на основании сделанных с его помощью наблюдений реформировал китайский лунный календарь, вызвав немало споров в конфуцианской ученой среде. Оказавшись в водовороте бурной научной жизни, Сохён заинтересовался новинками и повез домой в Корею европейские сочинения по математике, астрономии и христианству в переводе на китайский, а также глобус и астрономические приборы. Отец встретил его очень неприветливо. Принц от огорчения занемог, а спустя два месяца умер, якобы не выдержав курса интенсивного иглоукалывания.

«Тело его почернело, а лицо изменилось настолько, что его не узнавали даже близкие», – записано в *Инджо силлок*. Велика вероятность, что Сохён был отравлен. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что неудачно лечивший его врач не получил никакого наказания, которое в других обстоятельствах было бы неизбежно. Похороны его были проведены по сокращенному ритуалу, а не так, как подобало в случае смерти наследника, и могилу его разместили не около столицы, а далеко в провинции. Через три месяца после похорон все приближенные Сохёна были сосланы, его супруга госпожа Кан 姜氏 по приказу Инджо приняла яд, два сына сосланы на Чеджудо и там умерщвлены.

Оттиск печати
(инджан 印章)
госпожи Кан, супруги
наследного принца
Сохёна

«Взойди принц Сохён с его серьезным интересом к европейской культуре на трон, Корея смогла бы, возможно, обогатить себя контактами с Западом в той же степени, как это удалось регулярно торговавшей с голландцами Японией времен Токугава», – пишет В.М. Тихонов⁴⁷. Однако история не знает сослагательного наклонения. Эпизод с принцем Сохёном не оказал никакого влияния на течение чосонской истории. Вместо него государю Инджо наследовал его второй сын, оставшийся в истории под посмертным именем Хёджон – «Почтительный» (孝宗, 1649–1659). Он неизменно следовал политической линии отца, ненависть которого к цинским варварам была безгранична, и так же, как и он, вынашивал амбициозные планы войны с Китаем.

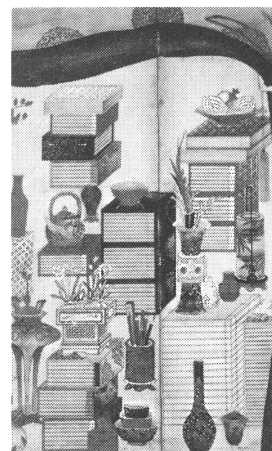
Правления Инджо и Хёнджона – уникальный этап в чосонской истории, когда «уважение к старшему [государству]» (*садэ*) проявлялось не к современной китайской династии (Цин), а к династии погибшей (Мин). Цины быстро привели строптивых ванов к повиновению, принудив Хёджона в 1654 г. и 1658 г. дважды (во второй раз – за свой счет) участвовать в тяжелых «карательных»

походах против русских казаков на Амуре, именуемых в русской историографии «вторая и пятая Албазинские войны». Это был редчайший в позднем Чосоне случай, когда корейские солдаты воевали на чужой территории. С этого времени ведется отсчет истории русско-корейских отношений.

Все ваны, правившие впоследствии, хорошо помнили историю Сохёна. А если кто не помнил и пытался что-то в государстве реформировать, ему об этом настойчиво напоминали, и потому тем больше кажется заслуга Коджона, открывшего страну внешнему миру и ставшего «отцом корейской модернизации» вопреки традиции и воле окружающих его людей. За это он заплатил хотя и не смертью, но полным политическим одиночеством, трагедией личной судьбы и осуждением потомков.

Сяосюэ – книга конфуцианских канонов для начального детского обучения – была составлена в 1187 г. одним из основоположников неоконфуцианства Чжу Си (朱子, 1130–1200, кор. Чуджа) на основе *Дасюэ* («Великое учение»), самого краткого (1755 иероглифов) произведения из главных конфуцианских канонов. Вопрос о том, кто был автором *Дасюэ*, до сих пор вызывает споры. Чжу Си считал, что это был любимый ученик Конфуция Цзэн-цзы (曾子, 505–435 гг. до н.э., кор. Чынджа). Другие приписывали его написание внуку Конфуция Цзы-сы (子思, 492–431 гг. до н.э., кор. Часа). В действительности, текст не существовал до III, а может быть, и II в. до н.э. Чжу Си преобразовал текст, разделив на «каноническую часть» (205 иероглифов) и «комментарий» с включением примеров образцового поведения людей. В «Малое учение» включались работы по дому (уборка), а также обучение «шести искусствам»: хорошим манерам, рисованию, стрельбе из лука, управлению колесницей, каллиграфии и счету. В Корее *Сохак* стала распространяться с начала Чосона и считалась важнейшим средством воспитания конфуцианского мировоззрения. Эту книгу называли «введением во все науки и абсолютно необходимой основой человеческого образования». В начале XVI в. она была переложена на национальный алфавит и постепенно распространилась среди народа. По ней учились в частных городских и общинных деревенских школах, провинциальных академиях *совон*. Идеологи неустанно работали над ее усовершенствованием. Завершающая редакция под названием *Хэдон сохак* (海東小學 «Малое учение Страны, что к востоку от моря», т.е. Кореи) вышла в последние годы династии, при Коджоне, и содержала примеры достойного конфуцианского поведения из истории страны.

«Картина с книжными полками» (冊架圖).
Фрагмент четырехчастной ширмы – типичного украшения кабинетов конфуцианских ученых, в т.ч. и во дворцах.
XIX–XX вв.
Шелк, краски.
Размер 142,8×57 см

Другой учебник чосонских кронпринцев – «Канон сыновней почтительности» (*Хёгён*, кит. *Сяоцзин*), – это один из канонических текстов конфуцианства. В эпоху Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) он вошел в число «Семи канонов» (七經 *Цицзин*, кор. *Чхильгён*) наряду с *Луньюй* и *Чуньцю* Конфуция, *Шицзин* («Книга песен»), *Шуцзин* («Книга истории»), *Лицзи* (禮記 «Записки о ритуале», кор. *Йеги*), *Чжоу ли* (周禮 «Чжоуский этикет», кор. *Чуре*). В конфуцианской традиции *Сяоцзин* считается записью поучений по поводу принципа «сыновней почтительности» (*сяо*, кор. *хё*), адресованных Конфуцием его ученику Цзэн-цзы. Составлен, вероятно, в IV–II вв. до н.э. В нем рассматривается: 1) значение «сыновней почтительности» как основы общества, 2) конкретные особенности проявления *хё* в зависимости от социального статуса: от вана до низших сословий, 3) величие *хё* как человеческого достоинства. Эта книга начала распространяться в Корее еще в период Силла (с конца VII в.). Известно, что ее содержание уже тогда выносилось как тема для сочинения во время экзаменов на чин. В Чосоне много раз редактировалась и переиздавалась. В правление Сонджо (1567–1608) была издана с комментариями на корейском языке. *Хёгён* и *Сохах* оставались главными учебниками кронпринцев и молодых ванов вплоть до конца династии.

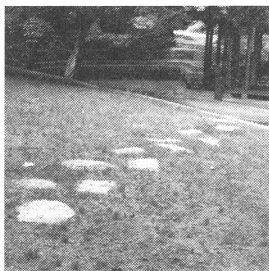
Из истории династии. Когда Коджон в 13-й день 12-го лунного месяца года *кехэ* (21 января 1864 г.) после окончания церемонии коронации воссел в полных регалиях на «Драконовом троне», первым делом к нему обратился старейший сановник Чон Вонён (鄭元容, 1783–1873) со следующим наставлением: «Хорошо или плохо управляется государство, бедствуют или процветают подданные, – все полностью зависит от того, как учится государь. Какими бы блестящими ни были врожденные мудрость и ум Вашего Величества (*Чонха* 殿下), если Вы не будете усердно учиться, то как Вы усовершенствуете свои достоинства и освоите путь управления государством? Поскольку Ваше Величество молоды, Ваши ученые достижения еще не столь глубоки и остается много классических книг и исторических трудов, которые Вы пока не прочитали. Сейчас самое время сосредоточиться на учебе». Следом с тем же к вану обратились председатель Госсовета Ким Чвагын, министр левой руки Чо Тусун и другие, увещевавшие вана усердно слушать лекции. Об этом есть подробная запись в *Коджон силлок*. Эти люди составляли отныне окружение юного вана. Всего за неделю до этих событий 11-летний Коджон (тогда его еще звали Мёнбок) играл с обычными мальчишками около своего ветшающего дома на Инсадоне. Теперь его домом был дворец, и мать с отцом у него стали другие – вдовствующая королева и ее покойный муж, а на смену друзьям по играм пришли пожилые наставники и чопорные фрейлины.

Жизнь монархов и их семей была подчинена железной дисциплине. Со времен Сонджона (1469–1494) существовало строгое правило: ван должен трижды в день слушать лекции по конфуцианской классике. Это был важнейший пункт в его рабочем графике. Первая лекция – с 7 до 9 часов утра, вторая – днем, с 11 до 13 часов, и последняя – с 14 до 16 часов. Расписание могло изменяться в зависимости от сезона. Например, зимой, когда дни короче, одну лекцию сокращали. Лекции готовили в Ведомстве по толкованию конфуцианских текстов (*Кёнъёнчхон* 經筵廳). Они включали толкования трактатов и высказываний древних мудрецов, историю царств, практические наставления. Иногда обсуждались проблемы, вызвавшие споры в обществе или вопросы по правильному управлению народом. Работники королевского секретариата ежедневно вывешивали на дверях Кёнъёнчхона белую доску с записью, оповещавшей о расписании лекций для монарха на следующий день. За день до лекций вану приносили книги, чтобы он мог к ним подготовиться, или же ему читали вслух. Аналогично было и образование наследника.

Маленький и скромный павильон *Бйудухан* (倚斗閣) в глубине дворцового парка Хувон служил местом для чтения и размышлений кронпринца Хёмёна, наследника Сунджо

Немалые усилия предпринимались и для выработки у него подлинно королевского благородства. Прошедший официальную церемонию избрания в наследники принц ежедневно под руководством наставников полировал приходящие вану манеры и стать. От него требовалось быть величавым и неторопливым, отдавать приказы, не смущаясь, и иметь стать государственного мужа, внушительность и командный вид, вызывающий трепет и страх у подданных. Его походка должна была быть особенной, исполненной достоинства, неспешной. Во дворце Чхандоккун в Запретном саду Пивон около пруда Пандоджи до сих пор сохранились камни, уложенные на газоне таким образом, чтобы

Уложенный камнями газон в Хувоне, где юные кронпринцы вырабатывали «счастливую походку» (*пхальча корым*)

«Учебный» павильон Пхёмуса (砭愚榭) в «Секретном саду» Хувон, рядом с которым происходили такие тренировки. Хан Ёну расшифровывает его название как «Беседка, где ставят [акупунктурные] иглолки невежде», что в сочетании с названием соседней беседки Тондокчон («Высокого достоинства») означает «Осознав свое невежество, обретаешь высокое достоинство»

принц, ступая по ним, вырабатывал правильную походку. Главное было усвоить *хэнбобон* (行步法) – порядок шага. Перед тем, как сделать шаг, надо было втянуть подбородок, собрать воздух в желудке и сильно выпятить живот. Во время ходьбы следовало с силой взмахивать руками и энергично выбрасывать ноги вперед, ступнями в стороны. Такая походка называлась *пхальча корым*, что буквально можно перевести как «важная», или «судьбоносная (счастливая) походка», поскольку *пхальча* (八字) – это «восьмерка», ассоциировавшаяся с удачей, а также «судьба, рок». Судя по документальным фильмам, именно такая походка была у северокорейского лидера Ким Ир Сена.

Не каждый может быть ваном. Ваном надо родиться, и тогда подобающее достоинство вырабатывается естественным путем. Когда же в 1849 г. и 1864 г. на трон один за другим взошли люди случайные – Чхольчон и Коджон, о жизни во дворце не имевшие ни малейшего представления, эта задача стала особенно актуальной. Чхольчон, по свидетельствам, так никогда и не приобрел королевской осанки. У Коджона на это ушли долгие годы, задержав его возмужание и приобретение уверенности в себе как правителя.

Из истории династии. За 500-летнюю историю Чосона у 27 ванов было всего 260 детей, примерно по 10 у каждого. Из них 49 сыновей носили титул *тэгун*, т.е. родились от главной жены – королевы. Сыновей от наложниц и дворцовых женщин (*куннё*) было 93. Дочерей-принцесс от главных жен (*конджу* 公主) – 36, от наложниц – 82 (*онджу* 翁主). Сыновей было больше, чем дочерей.

Больше всего детей – 29 – было у третьего вана – Тхэджона (1400–1418). Сыновей больше всего – у четвертого вана Седжона – 18 человек. Дочерей было больше всего у того же Тхэджона – всего 17. Сделав эти подсчеты, корейские историки пришли к выводу, что самые многодетные ваны были и самыми успешными в политике. Отмечая, что «герои любят женщин», они видят секрет этого успеха в личной жизненной силе. Ваны раннего Чосона, эти многодетные отцы, были деятельными и волевыми, выносили решения по собственному разумению и действовали самостоятельно. Но время шло, и с годами детей у ванов становилось все меньше. Участились случаи, когда ван умирал, не оставив наследника, и тогда преемника выбирали в результате долгих обсуждений, споров и интриг.

В результате взойшедший на престол не как легитимный наследник, а по случайности и потому не подготовленный к роли главы государства новый ван чувствовал себя обязанным, и окружение постоянно оказывало на него давление, не позволяя забыть об «услуге». Он уже не был волен поступать по собственному разумению, даже в важнейших вопросах. «Такого быть не должно» – такова была реакция приближенных на любые его слова, на каждое

движение. И если наследственные права вана не были безупречными, ему ничего не оставалось делать, кроме как уступить. Это вело к стрессу, у вана рождались слабые дети или он рано умирал. История последних ванов Чосона, из которых никто, начиная с Сунджо, не имел здоровых детей, – наглядный пример сказанному⁴⁸.

В Чосоне четыре кронпринца выполняли роль регентов при отцах-ванах. Это:

- принц Хян 昀 (годы жизни 1414–1452), будущий Мунджон, правивший вместо Седжона в последние восемь лет его жизни (1442–1450);
- принц Кванхэгун (1575–1641), будущий монарх с тем же именем, исполнявший обязанности главы государства во время Имджинской войны (1592–1598) при Седжо;
- принц Садо 思悼世子 в правление Ёнджо (в 1749–1761 гг.);
- принц Хёмён (孝明世子, 1809–1830) в правление Сунджо (в 1827–1830 гг.).

Передача им регентских функций была связана с серьезной болезнью монарха или чрезвычайной ситуацией в стране. Для всех них это вовлечение в политическую жизнь оказалось трагичным. Принц Хян надорвался на напряженной работе под неусыпным оком великого отца, и когда ему пришлось вступить на престол, был уже тяжело больным человеком. Он правил всего два года и умер, оставив престол маленькому сыну, беспомощностью которого воспользовались его дядья и свергли его с престола. Во время регентства у Кванхэгуна возник серьезный конфликт с отцом – ваном Сонджо. Принц Хёмён, используя свое положение, попытался отстранить от участия в политике могущественных временщиков – родственников королевы из клана Андонских Кимов – и умер через три года. Его сын Хонджон, взойдя 1835 г. на престол, возвел отца в ваны посмертно. Он почитался в Чонмё под именем Икчон 翼宗 до 1899 г., а затем был возведен в императоры с именем Мунджо (文祖), полный титул «император Мунджоик» (文祖翼皇帝). Таким образом, он стал одним из предков Коджона, которому как первому императору в истории Кореи требовались не четыре колена достойных предков, а шесть. Тогда посмертно титулов императоров были удостоены также Тхэджо и четыре предшествующих вана, начиная с Чонджо.

Самой трагичной из всех принцев-регентов была судьба Садо. Его казнь по приказу отца стала печальнейшим событием, наложившим мрачный отпечаток на основные события политической истории Чосона конца XVIII – первой половины XIX в.

Из истории династии. Принц Садо (1735–1762) был вторым сыном Ёнджо. Он родился от наложницы-«супруги» госпожи Ли (*ёнбин* Ли *сси* 嬪李氏) и уже в два года был объявлен наследником, потому что его старший сводный брат – наследный принц Хёджан (孝章世子) – умер, а его отцу было 43 года – почтенный возраст по тем временам. Принц рано проявил незаурядные способности. В три года читал перед отцом-монархом и сановниками отрывки из *Хёгён* («Книга сыновней почтительности»), а к семи годам изучил не только «Тысячесловие» (*Чхонджамун*), но и *Тонмон сонсып* – учебник «пяти принципов» (*орюн*) для детей. Увлекался каллиграфией, писал стихи, которые потом раздавал сановникам, и уже высказывал им свое мнение по поводу событий из истории государства.

С 14 лет Садо начал помогать отцу в управлении страной, и тогда стала проявляться неприязнь к нему мачехи – королевы Ким (Чонсун ванху 貞純王后, 1745–1805), приближенной к ней наложницы-*сугый* госпожи Мун (淑儀文氏) и придворной группировки «стариков» (*норон* 老論). Послушав их наветы, Ёнджо, резкий, склонный к крайностям и поспешный в суждениях, вызвал сына к себе и подверг суровой критике. Как считала впоследствии жена Садо госпожа Хон (Хегёнгун), эта незаслуженная обида дала толчок развитию у принца психического заболевания. Он стал убивать дворцовых служанок, приглашать буддийских монахинь для увеселений*, тайком выходить из дворца (что было запрещено этикетом) и даже побывал в Квансо (пров. Пхёнан). Болезнь нарастала внезапными приступами. Они регулярно повторялись, и в 1761 г. по наущению отца королевы Чонсун и его сторонников некто На Кёнон 羅景彦 подал на высочайшее имя список «десяти плохих поступков» наследника. Ёнджо пришел в ярость. Вызвав сына, он обвинил его в государственной измене и приказал ему покончить жизнь самоубийством, а когда тот отказался, лишил титула наследника, низвел до простолюдина и заточил в сундуке для хранения риса. Садо умер в этом сундуке от жажды и голода спустя восемь дней. Ему было 27 лет. В дальнейшем Ёнджо, видимо, сожалел о своем жестоком поступке. Об этом свидетельствует посмертное имя, которым он наградил казненного – Садо (思悼), что означает «тоскую и храню память». Однако могила принца вплоть до смерти отца называлась *мёсо* 墓所 – как у простолюдинов. Чтобы возвести на престол внука – будущего Чонджо, необходимо было уничтожить связь между ним и его опальным отцом. В результате Чонджо был «усыновлен» первым сыном Ёнджо, своим дядей, принцем Хёджаном (1719–1728), скончавшимся в детстве за 24 года до его рождения. Взойдя на престол, Чонджо посмертно вернул родному отцу статус наследного принца, а связанный с Садо кровным родством Коджон возвел его в 1899 г. в ваны, а в 1903 г. – в императоры.

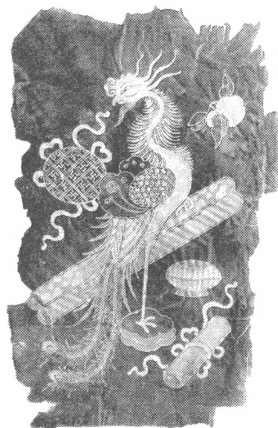
* Это было осквернением дворца, ибо буддийские монахи причислялись к низшему сословию и даже вход в столицу им был запрещен.

Наложницы

Согласно *Кёнгук Тэджон*, королевские наложницы делились по четырем рангам: *пин* 嬪 – «супруга» (полный 1-й ранг), *квшин* 貴人 – «драгоценная» (неполный 1-й), *сый* 昭儀 – «ясная обликом» (полный 2-й), *сугый* 淑儀 – «чистая обликом» (неполный 2-й), *соён* 昭容 – «ясная лицом» (полный 3-й), *сугён* 淑容 – «чистая лицом» (неполный 3-й), *совон* 昭媛 – «ясная и красивая» (полный 4-й), *сугвон* 淑媛 – «чистая и красивая» (неполный 4-й). Число наложниц было неограниченно. Их жилые покои по правилам должны были находиться за Центральным дворцом (т.е. дворцом королевы). Поэтому наложниц так и называли *хугун* 後宮, т.е. «[живущие] за дворцом». В ориентированном с востока на запад Чхангёнгуне они в реальности жили в его восточной части – по левую руку от дворца королевы, но тоже в самой глубине, на границе с дворцовым парком.

Существовало два способа стать наложницей. Первый – официальный. Когда в королевской семье долго не было наследника, объявлялся набор из числа янбанских дочерей. Статус выбранной таким образом наложницы был высок, ибо она сразу получала ранг и становилась членом семьи монарха. Другой способ – когда наложницей становилась фрейлина или служанка, вызвавшая у вана любовные чувства. Это называлось «удостоиться милости» (*сынын* 承恩). Путь к признанию в обществе у этих женщин был намного труднее. Поскольку дворцовых женщин было несколько сот и замужество для них, кроме как с ваном, было запрещено, конкуренция здесь была очень сильна. Вызвать любовь вана было почти несбыточной мечтой для служанки. В *Седжон силлок* сохранилась история головокружительного взлета одной из них, госпожи Ким, которая смогла подняться до супруги 1-го полного ранга *пин*, за что получила в современной историографии прозвание «самой замечательной корейской Золушки».

История «корейской Золушки» Ким (*синбин* Ким-сси 愼嬪金氏), рассказанная историком Син Мёнхо. В юности госпожа Ким была государственной крепостной (*конноби* 公奴婢) в ведомстве *Нэджаси* (內資寺), отвечавшем за продовольствие для дворцовых банкетов. Когда ей было 12 лет, на престол взошел Седжон (1397–1450, правил в 1419–1450). Он был третьим сыном Тхэджона и официальным наследником не являлся. Долгие годы кронпринцем был его старший брат Яннён тэгун, но он вызвал недовольство отца и был разжалован, а на его место назначен Седжон. Спустя три месяца Тхэджон удалился на покой, а он взошел на престол. У Седжона, в отличие от брата и родителей, не было своего штата женской прислуги, а тут она ему неожиданно потребовалась в большом количестве.

Золотой «женский» феникс с лакированной шкатулки, захороненной вместе с королевской наложницей госпожой Ким 28 сентября 1735 г. Его иконография не такая сдержанная, как у «мужского» феникса

«Портрет красавицы»
(*Мииндо*) кисти певца
женской красоты
великого Син Юнбока
(申潤福, 1758–?).
Роспись по шелку.
113,9×45,6 см.
Художественный музей
Кансон

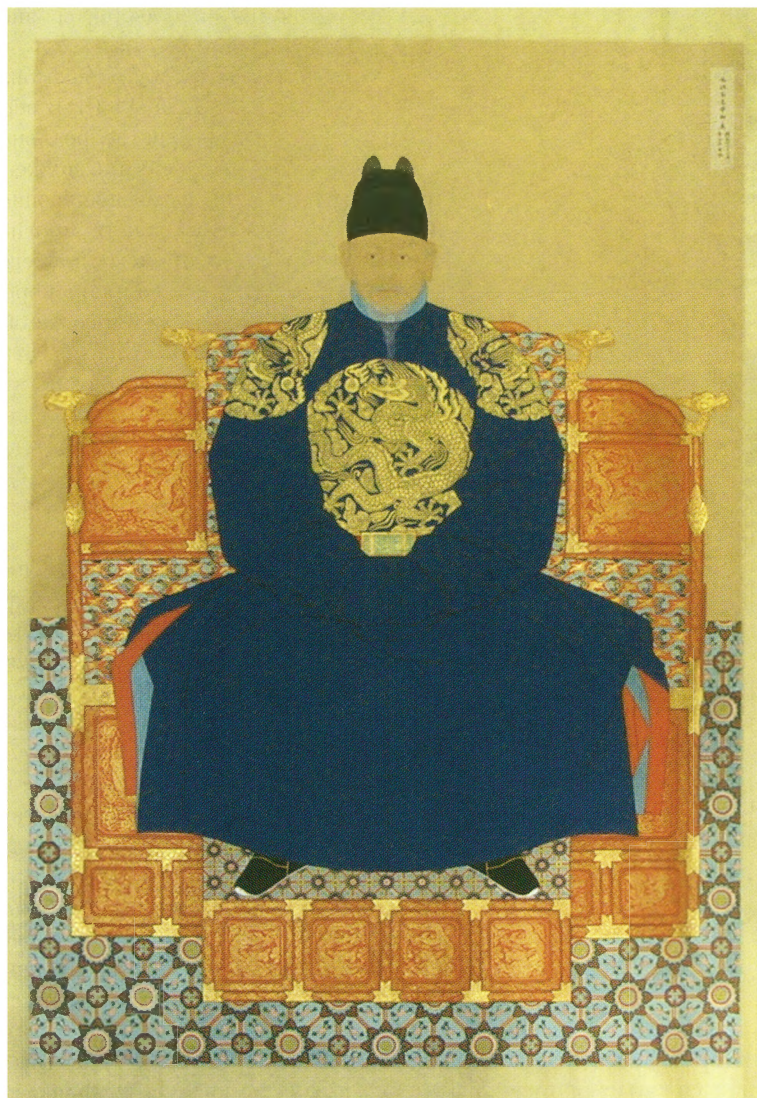
Взять себе служанок брата он не мог, и во дворце срочно начался набор женщин. Попала в него и Ким, которую назначили горничной в опочивальню супруги Седжона королевы Сим (Сохон ванху 昭憲王后, 1395–1446). В первые годы все дела правления в государстве реально решал Тхэджон. Подозревая, что родственники по женской линии дурно влияют на сына, он начал постепенно уничтожать их одного за другим. Пострадали многие члены как клана Мин, из которого происходила его собственная жена и мать Седжона, так и из клана королевы Сим. Потом встал вопрос и о низложении ее самой. Седжон встал на защиту жены, и этого удалось избежать. Когда закончился трехлетний траур по Тхэджону, с 7-го года правления Седжона у него и его жены королевы Сим каждый год рождалось по сыну. В 1425–1527 гг. один за другим появились на свет принцы Кванпхён, Кымсон и Пхёнвон тэгуны. Седжону исполнилось тридцать. Он входил в лучшую пору своей жизни.

А потом по непонятной причине королева Сим вдруг перестала рожать детей. По дворцу поползли слухи. А в это время Седжон с госпожой Ким полюбили друг друга. Ван давно приметил приветливую и красивую горничную своей жены. 12 августа 1427 г. у них родился первый ребенок. Седжону было 30, Ким – 21. Госпожа Ким естественно была повышена из горничных в наложницы. Всего в 1427–1439 гг. она родила вану восемь детей: шесть сыновей и двух дочерей и стала, таким образом, второй по количеству сыновей наложницей во всей истории Чосона. А больше всего сыновей (семерых) среди наложниц родила в Чосоне наложница Сонджона *сугый* Хон (洪氏). Эта история не могла бы считаться историей Золушки, если бы у нее не было счастливого конца. Многие наложницы закончи-

ли свои дни в печальном одиночестве оттого, что у них не сложились хорошие отношения с королевой. К счастью, у госпожи Ким этого не произошло, потому, что Седжон, любя госпожу Ким, не забывал и свою главную супругу. Похоже, он к ним относился одинаково, и они не испытывали ревности друг к другу.

В 1434 г. королева вновь забеременела и родила Седжону младшего сына. Заботу о ребенке она поручила не кому-нибудь, а госпоже Ким, что свидетельствует о сохранении ее к ней доверия. Королева Сим, хотя и могла выступить «мачехой» в этой истории, смогла преодолеть ревность и потому до последних дней пользовалась привязанностью Седжона. Она родила ему восемь сыновей и двух дочерей – больше, чем любая другая королева за всю историю Чосона. По представлениям того времени, эти две женщины были в полной мере счастливы, ибо имели и сыновей, и дочерей. Когда исполнился 21 год с тех пор, как госпожа Ким стала работать во дворце, Седжон сделал ее *квин* – супругой

Официальный портрет Тхэджо (朝鮮太祖御眞), основателя Чосона, – самое почитаемое среди изображений ванов в период династии. Был написан по минскому образцу в 1393 г., вскоре после восшествия на престол. После кончины в 1408 г. его копии хранились в специальных алтарях в Кёнбоккуне (Сеул), на родине ближайших предков в Хамхыне и основателя клана в Кёнджу, а также в Пхеньяне, Кэсоне, – всего в 26 важнейших местах.

До нашего времени дошла единственная копия, сделанная в 1872 г. дворцовым художником с обветшавшего оригинала по приказу Коджона.

С 2010 г. хранится в Государственном музее г. Чонджу (Сев. Чолла). «Достояние» № 931. Роспись по шелку. 150×218 см

«Ширма Солнца, Луны и Пяти вершин» (*ирволь обон пён*) – главный символ королевской власти в Чосоне, и конфуцианский, и национальный средневековый образ мира, где ван выступал как центр. Национальный он потому, что с помощью такой ширмы, которую ставили везде, где бы ван ни находился, любое место его пребывания превращалось в идеальный *мёндан* – самое «благоприятное» место, а сам он оказывался под защитой всех живительных сил своей земли, «хребтом» которой были ее горы. Они собирательно изображены в виде Пяти Вершин. В конфуцианском смысле, изображенные на ширме восходящие одновременно Солнце и Луна – это неразрывно связанные друг с другом стихии *инь* и *ян*, источники тьмы и света и нескончаемых регулярных метаморфоз во Вселенной, подобных тому, как эти светила ежедневно всходят и заходят в положенное для них время.

Небо – одно (一), это *ян*. Земля и вода вдвоем (二) воплощают *инь*. Земля неподвижна и растит, и кормит из своих теплых темных недр мириады земных существ, среди которых самый совершенный – это человек, а среди людей – ван. Пять вершин – это пять первоэлементов (*охэн*). Водопады по их сторонам, т.е. вода, вместе с Солнцем и Луной – источник жизни.

Считалось, что усаживаясь перед ширмой, ван замыкал триаду Земля – Небо – Человек, объединяя их в гармонии (三+|=王), и это было залогом процветания государства. «Правильное» восседание монарха на троне было особенно важно и считалось высоким искусством. Чтобы им в полной мере овладеть, монарх был обязан неустанно совершенствовать свои добродетели, чтобы никто из людей не мог с ним в этом сравниться.

Полная карта
Восточной Страны
Тонгук тэджондо
東國大全圖.

1740 г.

Краски, шелк.

272,7×147,5 см.

*Государственный
центральный музей
(Сеул)*

Карта составлена
по высочайшему указу
географом Чон Санги
(鄭尙驥, 1678–1752).

Была первой
корейской картой,
где был применен
масштаб

(100 *ли* – 1 *чхок* 尺),

что давало
возможность весьма
точно определять
расстояние
между объектами.

Включает в себя
2580 названий гор,
рек, островов, уездов,
волостей, крепостей,
в том числе китайских
и японских.

Выделены горы
во главе с Пэктусаном,
что отражает
традиционное
представление
корейцев
о географии страны
как о древе
или теле человека

неполного 1-го ранга, а вскоре и супругой полного 1-го ранга *пин*. Когда Седжон умер, госпожа Ким ушла в буддийский монастырь, и даже просьбы детей остаться не смогли поколебать ее решимости удалиться от мирской жизни. Она провела долгие годы в молитвах о своем покойном супруге и скончалась в 1464 г. в возрасте 57 лет⁴⁹.

Эта история звучит как сказка. Статус наложницы не гарантировал спокойной, счастливой и даже богатой жизни. Главными достоинствами *хугун* считались скромность и подчинение во всем старшим. Когда у них рождался ребенок, его обычно забирали и передавали кормилице, а потом фрейлинам и наставникам на воспитание. Она считалась всего лишь его биологической матерью, и он(она) посещал ее в специально отведенные для этого дворцовым расписанием дни и часы. «Главной матерью» такой ребенок считал королеву. Сохранились слова наложницы Ким, «супруги» 1-го полного ранга (*инбин* 仁嬪) Сонджо (1568–1608), матери его девяти детей и родной бабушки вана Инджо: «Когда у королевых нет сына и будущее страны в опасности, детей рожаем мы, наложницы. При этом мы просто одалживаем Его Величеству свои чрева, потому что воспитывать по-матерински таких детей мы не можем».

Печальна была старость не имевших детей наложниц. Заболев, они покидали дворец. То же происходило, если умирал ван – их супруг. Около столичных Восточных ворот (Тондэмун) для них был устроен приют-скит, где они, став монахинями, заканчивали дни в молитвах за упокой монарха. Придя по дворец почти ребенком, *хугун* навсегда отрывалась от родителей и родного дома. Она вызывала ревность королевы и соперниц – самых влиятельных женщин страны. Ее использовали как орудие придворной борьбы, часто без ее ведома или согласия, а если она была матерью вана, то покоя ее душе не давали даже после смерти.

«Павильон встречи весны» (Ёнчхунхон 迎春軒) в Чхангёнгуне, где жила любимая наложница Чонджо госпожа Пак в ранге супруги (*сунбин* Пак *сси*) – мать его сына и наследника (будущего Сунджо). Чонджо часто здесь бывал, имел здесь кабинет, здесь и скончался летом 1800 г. Когда-то вокруг стояли многочисленные домики придворных фрейлин, сейчас на их месте – газон

Крошечный террасированный садик «Павильона встречи весны» – место прогулок и любования природой королевской наложницы

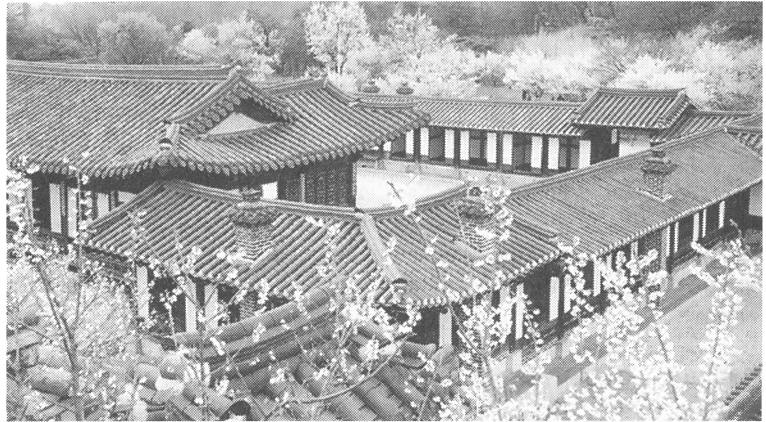
Фотографии
2008 г.

С историей любви вана Хонджона к прекрасной наложнице связан «Дом радости и добра» *Наксонджэ* (樂善齋) – одно из самых известных и популярных у туристов мест Чхандоккуна. Лучше сохранившееся, чем другие, это уютное подворье на крайней восточной границе дворца дает возможность заглянуть в личную жизнь ванов и получить представление о быте королевской семьи.

«Дом радости и добра»
(Наксонджэ)
на восточной окраине
Чхандоккуна.
Фото из буклета

Наксонджэ.
Хёнпхан с надписью,
исполненной китайским
мастером Е Чжисянем.
Фото Ли Сонджона,
2010 г.

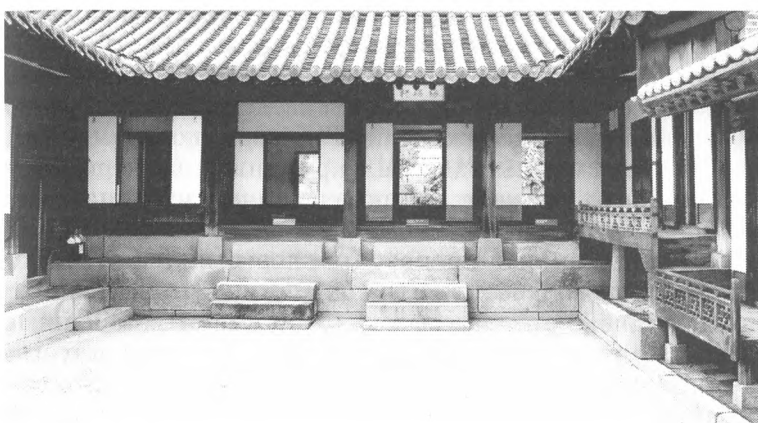
Наксонджэ был построен в 1847 г. как резиденция 24-го вана династии Хонджона (1835–1849, годы жизни 1827–1849) в стиле традиционных янбанских домов *ханок* 韓屋. Он был скромен и лишен свойственных официальным постройкам и резиденциям росписей и другого декора, что подчеркивало его приватность. Тот год был для этого вана знаменательным. Ему исполнилось 20 лет. Закончился период регентства его бабки – супруги Сунджо, вдовствующей королевы Ким (Сунвон ванху 純元王后, 1789–1857)*. Он начал править страной самостоятельно и впервые смог устроить свое жилье по собственному усмотрению. Кроме того, у него появилась любимая наложница – 14-летняя Ким *кёнбин*, носившая титул «уважаемой супруги» (敬嬪 *кёнбин*), что по штатному дворцовому уложению означало «второстепенную супругу» (наложницу) 1-го полного ранга. Имени ее история не сохранила, хотя люди ее помнят и сегодня. Ким *кёнбин* приглянулась государю еще тогда, когда его в 1844 г. женили вторично. Она была одной из трех кандидаток на роль королевы, прошедших «отборочный конкурс» и дошедших до «финала». Хотя Хонджону

* Была главной женой (королевой) вана Сунджо (1801–1834) и матерью рано скончавшегося наследного принца Хёмёна, возведенного посмертно в ваны под именем Икчон. Хёмён был отцом Хонджона.

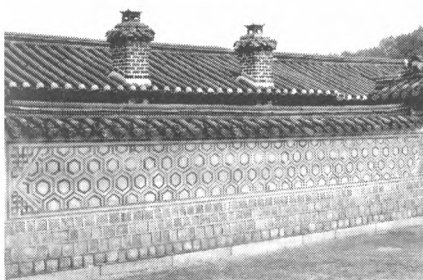

Наксонджэ.
Первый от входа двор
перед покоем вана –
«Домом радости
и добра», по которым
именовалось и все
подворье. Справа –
пристроенный к покоям
павильон с деревянным
полом класса *ну/ру*.
Слева – галерея
со служебными
помещениями
и комнатками для слуг.
В глубине за стеной –
изысканная беседка
Пхёнвонну
с шестигранной крышей

«Флигель
ниспосланного счастья»
(*Сокпокхон*) –
покои наложницы Ким
кёнбин в Наксонджэ

Одна из узорчатых стен
Наксонджэ

Даже печные трубы
и колодец
на хозяйственном дворе
Наксонджэ
радуют глаз эстета

тогда было всего 16 лет, он уже был вдовец – его первая супруга королева Ким (Хёхён ванху 孝顯王后, 1828–1843), на которой его женили в 1837 г., скончалась годом ранее.

В 1844 г. выбор бабки, несмотря на высказанное внуком предпочтение, пал на девушку из клана Хон 洪氏, которая и стала королевой (Хёджон ванху 孝定王后, 1831–1903). Прошло три года, за это время у королевы Хон родилась лишь одна дочь, которая к тому же быстро умерла. Так у Хонджона появилось право взять себе наложницу, и он вспомнил о Ким. С ней он хотел разделить свое новое жилище, а третьим обитателем Наксонджэ, по его замыслу, должна была стать престарелая королева Сунвон, ушедшая на покой в связи с его совершеннолетием. Ей было предназначено уединенное здание в самой глубине Наксонджэ, которое он назвал «Дом долголетия и покоя» (*Суганджэ* 壽康齋). Войти в него можно было через воротца в ограде вокруг покоев Ким *кёнбин*, которые назывались «Флигель ниспосланного счастья» (*Сокпокхон* 錫福軒), а в них, в свою очередь, вели ворота из покоев вана, которые собственно и назывались Наксонджэ. Таким образом, подворье состояло из трех смежных дворов, окруженных по периметру галереями со служебными помещениями и комнатками для слуг.

Оттиски личных печатей Хонджона, вошедшего в историю как «король-художник» и поклонник эстетической красоты (*михва-ый ван*)

Хонджон был прекрасным поэтом, каллиграфом и художником, и Наксонджэ был ему не только домом, но и студией. Созданные по его образцам изысканные печати до сих пор хранятся в Музее королевской культуры в Кёнбоккуне. Он был поклонником китайских каллиграфов, и его покои в Наксонджэ украшала *хёнпхан* с этим названием, исполненная китайским мастером Е Чжисянем (葉志先), который был другом великого Ким Чонхи*. *Чурён* (вертикальные надписи на столбах) в его доме принадлежали кисти одного из «четырех величайших каллиграфов цинского Китая» Вэн Фангана (翁方綱 1733–1818). О его интересе к Китаю и китайскому искусству свидетельствовали необычный для Кореи узор резных деревянных решеток на окнах и дверях всех трех зданий Наксонджэ, везде разный, отвечающий характеру и положению обитателя, изображения винограда и летучих мышей** на перильцах веранд и большая беседка под шестискатной крышей, возвышавшаяся за домом хозяина на холме. Из нее открывался замечательный вид на Сеул, гору Инвансан и крыши Чхандоккуна. Она называлась *Пхёнвонну* 平遠樓 –

* Ким Чонхи (金正喜, псевд. Чхуса 秋史, 1786–1856) – великий корейский каллиграф, знаток эпиграфики.

** Слово «летучая мышь» по-китайски аналогично по звучанию слову «счастье/богатство».

«Близость с далекой страной», и слово это над ее входом также было написано китайским каллиграфом. Рядом в центре цветочной стены – круглые *Манвольмун* 滿月門 («Ворота полной луны») – единственные такого рода во всем дворце.

Три года прожил Хонджон в Наксонджэ, наслаждаясь творчеством и жизнью с любимой женщиной. Удовлетворение давало и чувство исполненного долга по отношению к старшему члену семьи. А в 22 года он умер. Но, видимо, и три года счастья для вана было много. Мало у кого в истории династии такое было, и, может, потому о Наксонджэ и Хонджоне сегодня так много пишут на блогах в интернете⁵⁰.

Наксонджэ и конец династии

В дальнейшем в Наксонджэ жили пережившие мужей королевы и наложницы, в 1884–1894 гг. его часто использовал для дел правления Коджон. Но особо он знаменит тем, что именно здесь закончилась история династии Чосон, продолжавшаяся еще почти 80 лет после гибели ее государства. В 1910–1926 гг. уже после отречения от престола здесь не раз подолгу жил с женой последний монарх Сунджон, а когда он скончался в 1926 г., сюда окончательно переехала и провела остаток жизни его супруга – императрица Юн (Сунджонхё хванху 純貞孝皇后尹氏, 1894–1966). Наксонджэ был ее резиденцией 30 лет (с перерывом в 1950–1960 гг.).

Императрица Юн родилась на Мёндоне в Сеуле в 1894 г. в семье Юн Тхэгёна (尹澤榮, 1876–1935), служившего в дворцовом ведомстве *Сиганвон* 侍講院, которое занималось образованием наследного принца Чхока – сына Коджона и королевы Мин. В 1904 г. скончалась жена наследника (Сунмён хванху 純明孝皇后, 1872–1904), и встал вопрос о выборе ей преемницы. Решающую роль в таких делах обычно играла старейшая королева. Поскольку таковой в то время не было (последняя вдовствующая королева Чосона скончалась в 1903 г.), роль главного выборщика была предоставлена старшей наложнице Коджона королеве Ом (1854–1911). Она включила Юн в список кандидаток. Та успешно прошла трехступенчатый конкурс, включавший собеседование, тест на образованность, проверку происхождения и внешних данных, и стала победительницей, произведя впечатление на дворцовую комиссию начитанностью и выдержкой. В декабре 1906 г. состоялось пышное бракосочетание. Супруги переехали в Токсугун, а год спустя, когда Коджон отрекся и Сунджон вззошел на престол, перебрались в Чхандоккун. Юн было 13 лет.

Ходили упорные слухи, что Юн Тхэгён дал королеве Ом, питавшей слабость к подаркам, немалую взятку за то, чтобы она взглянула на его дочь благосклонно. По другой легенде, важную роль в лоббировании кандидатуры девочки сыграл ее дядя Юн Тогён (尹德榮, 1873–1940), служивший личным секретарем Сунджона. Оба брата тесно и не без пользы для себя сотрудничали с японцами. Слухи явно небезосновательны, ибо, став ближайшими родственниками императора, они не только повысили свой социальный статус, но и стали вхожи к государю в любое время, чем регулярно пользовались, чтобы влиять на Сунджона в нужном их покровителям ключе. Юная императрица – почтительная дочь, строго воспитанная в конфуцианской традиции, стала, сама того не желая, орудием в политической игре, главной целью которой было уничтожение государства, которое возглавлял ее муж. Так бывало и в прошлом, и вряд ли она могла что-то предпринять. Оставался духовный протест. Судьба, сделав Юн «матерью» гибнущего государства, развела ее со старшими родственниками по разные стороны невидимых глазу баррикад.

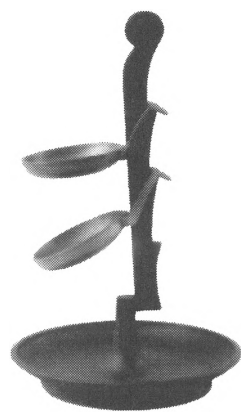
С первых дней на престоле Юн регулярно участвовала в заседаниях кабинета, сидя за занавеской, скрытая от посторонних глаз. Присутствовала она на них и в драматические дни августа 1910 г., когда японцы и их восемь сторонников из числа корейских министров и сановников, среди которых был и ее дядя, «обрабатывали» Сунджона, требуя подписать Договор об аннексии. Живший в те годы при императоре уже упоминавшийся Кондо Сиросукэ прямо называет Юн Тогёна «номером один среди корейских сановников, способствовавших аннексии Кореи», ибо он, «добровольно стоя в авангарде политической линии генерал-резидента, сделал все возможное, чтобы убедить Его Высочество в том, что аннексия – единственный путь к сохранению достоинства и славы корейского царственного дома»⁵¹. Это было похоже на многочасовой допрос, которому подвергают, сменяя друг друга, следователи, чтобы вырвать у преступника признание. Юн Тогён не давал покоя даже дома.

Слабый и болезненный Сунджон, не имевший рядом ни друзей, ни соратников, как мог, сопротивлялся, но дух его слабел, и тогда императрица тайком унесла во внутренние покои, скрыв в складках широкой юбки, государственную печать (*куксэ*), без которой подписание договора не могло состояться. Этот эпизод известен каждому корейцу. Тогда печать буквально вырвал из ее рук Юн Тогён, войдя в закрытую для всех женскую половину дворца на правах родственника. За эту заслугу он был пожалован колониальными властями титулом виконта, а

в 1935 г. включен в составленный японским генерал-губернаторством «Почетный список заслуженных корейцев» (*Чосон конноджа мёнга*, включал 353 имени). Сторонники версии об отравлении Коджона в январе 1919 г. считают главным возможным исполнителем этого злодеяния именно его. В последние 15 лет жизни Юн Тогён успешно «трудился» в историческом ведомстве Чхунчхувон при генерал-губернаторстве, где как «очевидец» составлял летопись династии Чосон, за счет которой вознесся и к гибели которой приложил руку.

После отречения Сунджон и Юн остались жить в своей резиденции в Чхандоккуне. Средства им отныне выделяло Ливанджик – ведомство по делам бывших корейских монархов, где главную роль играли японцы. Японцы управляли имуществом чосонских ванов, по своему разумению перестраивали и сносили их дворцы, собирались в дворцовых парках на вечеринки, открывали в них зверинцы, устраивали выставки их сокровищ, вывозили ценное, продавали открытки с их изображениями и при этом экономно решали, сколько выдать Сунджону средств, кого он может пригласить в гости по случаю какого-то события, во что ему одеться, что подать к столу, куда и на чем ему ехать и кого поздравлять, когда он сможет увидеться со сводными братом Ёнчхин-ваном и сестрой принцессой Токхе. Их Сунджон очень любил, но видел очень редко. Те жили в Японии, и не по своей воле. Своих детей у Сунджона и Юн не было.

Единственное, что им осталось, было строгое соблюдение традиций в личном быту и красноречивое своей невысказанностью несогласие, которое колонизаторы, судя по запискам Кондо, ощущали. Когда Сунджона не стало, Юн покинула центральный дворец Чхандоккуна Тэсонджон и укрылась, как и подобает вдовствующей королеве, на окраине дворца, в Наксонджэ. Здесь она жила почти безвыходно до последних дней. Одиночество с ней делили несколько старых служанок. Из них старшей была *сангун* Ким Мёнгиль, которая пришла во дворец вслед за Юн из ее родного дома еще в 1906 г. и находилась с тех пор рядом неотлучно, пройдя путь от «мамки супруги наследника» (*понбан наин*) до чиновницы полного 5-го ранга. Как уже упоминалось, Ким Мёнгиль оставила воспоминания. Их записали журналисты и издали в 1977 г. под названием «В окрестностях Наксонджэ». Это интереснейший памятник эпохи. Редкими гостями последней императрицы были несколько старых сановников, да две последние официальные наложницы Коджона госпожи Ли (дворцовый титул Кванхвадан 光華堂) и Ким

Масляный светильник, спутник бессонных ночей.
Музей Когун

(Самчхуктан), также жившие в уединении, но за пределами дворца. Они скончались соответственно в 1963 и 1970 г.

Вместе с тем «осколком средневековья» бывшая императрица не была. Она хорошо играла на фортепиано, брала уроки вокала, свободно говорила по-китайски, японски и английски, много читала. После 1945 г. она утратила статус члена монархического дома, превратившись в обычную гражданку Республики Корея. До начала Корейской войны (июнь 1950 г.) продолжала жить в Наксонджэ, а при приближении северокорейских войск впервые за много лет покинула Чхандоккун и пешком (что было невообразимо для традиционной королевы) дошла несколько сот метров до Унхёнгуна – усадьбы, где родился Коджон и которая по-прежнему принадлежала его родственникам по боковой линии. Там ее приютили. Рассказывают, что один из ее слуг донес о ней северокорейцам, а те мобилизовали ее в трудотряд. К счастью, физического вреда ей не причинили. В 1960 г. ей было разрешено вернуться в Наксонджэ. В день, когда она скончалась (3 февраля 1966 г.) все газеты страны поместили о ней некрологи, рассказы и воспоминания. «Закончилась эпоха», – таков был рефрен этих публикаций. Захоронение императрицы Юн рядом с Сунджоном в гробнице Юрын состоялось на 11-й день. Следовавшая за гробом скорбящая толпа была столь многочисленной, что повредила ворота Тондэмуна, через которые выходила из столицы. Это было событие, напомнившее своими масштабами и торжественностью похороны ванов во времена Чосона.

В самом отдаленном месте Наксонджэ – «Доме долголетия и покоя» *Суганджэ*, более трех десятилетий жила принцесса (*онджу*) Токхе (德惠翁主, 1912–1989) – единственная и, как свидетельствуют летописи и воспоминания очевидцев, нежно им любимая дочь Коджона от 7-й жены наложницы Ян *квин* (дворцовый титул Поннёндан 奉寧堂). Принцесса родилась в 1912 г., когда ее отцу исполнилось 60, и он считал ее появление на свет светлым знамением в начале нового цикла своей жизни. В 1925 г. она была увезена в Японию, где в 1928 г. ее выдали замуж за японского аристократа. От этого брака родилась дочь, трагически ушедшая из жизни вскоре после окончания Второй мировой войны. В 1962 г. Токхе было дано разрешение вернуться на родину. С детства она страдала тяжелым нервным расстройством. Первые признаки болезни у нее появились в день кончины отца 21 января 1919 г. До конца дней принцесса была убеждена, что он был отравлен, и всегда носила с собой

Золотая шпилька для прически в форме феникса, украшенная жемчугом и драгоценными камнями.
Из коллекции Музея Когун

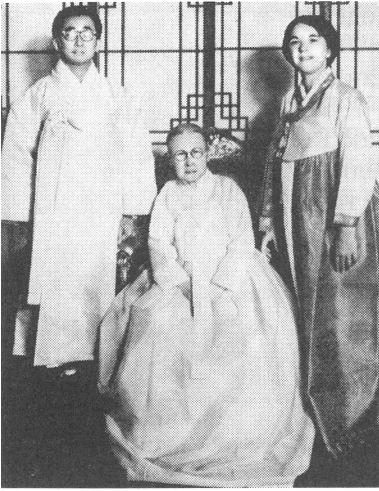

Инкрустированный перламутровыми изображениями благопожелательных символов ларец для женских туалетных принадлежностей.
Из коллекции Музея Когун

бутылочку воды, чтобы быть уверенной, что яд не подсыплют и ей.

Всего на восемь дней пережила Токхе Ли Панджа (японская принцесса Насимотономия Масако, 1901–1989), супруга единственного «императорского наследника» Кореи принца Ёнчхин-вана. Она также жила до последнего дня в Наксонджэ, но в новом здании – японского типа, построенном после пожара 1917 г. О ней было рассказано в первой главе, а здесь мне хотелось бы кратко представить ее второго сына Ли Ку (1932–2005), который после кончины матери стал главой клана Ли из Чонджу. Он родился и вырос в Японии. В 1950 г. уехал в США, где получил образование и степень магистра архитектуры, стал американским гражданином и женился на американке. Ли Ку никогда не думал, что будет жить в Корее, но это произошло, потому что величайшим желанием его отца было жить именно там. Оно осуществилось в 1963 г., когда южнокорейское правительство разрешило Ёнчхин-вану вернуться вместе с семьей. Тогда же Наксонджэ было перестроено под их резиденцию. Вскоре в корейском дворце впервые поселилась европейская женщина.

Джулия Маллок (Julia Mullock, род. в 1923 г.) – единственная «западная» женщина в истории королевского дома Ли. Невестка Ёнчхин-вана и Ли Панджа (Масако), жена их сына Ли Ку, она жила вместе с ними в Наксонджэ в 1963–1974 гг. Отец Джулии был украинским эмигрантом. Шахтер по профессии, он приехал с женой в США в поисках лучшей доли, видимо, в начале 1920-х годов. Когда девочке было 7 лет, он умер. Мать вышла замуж вторично. Джулия рано стала самостоятельной. Два года служила в армии, где, как это ни удивительно, заинтересовалась искусством, закончила Школу искусств в Нью-Йорке, получила диплом дизайнера и в 1955 г. стала работать в принадлежащей китайцу Пэю архитектурной фирме (Mr. Pei Architectural Firm). Два года спустя сюда устроился и Ли Ку. Джулия была на восемь лет старше мужа, но это не помешало их браку. Они поженились в октябре 1958 г. Примерно тогда Ли Ку получил американское гражданство, удачно выполнил несколько заказов и стал преуспевающим проектировщиком. Будущее казалось светлым и очевидным. Жизнь сделала крутой поворот, когда в 1962 г. молодая пара получила приглашение от корейского правительства посетить Корею. Встреча на уровне вип-персон государственного значения произвела на них огромное впечатление. Их авто по дороге из аэропорта в гостиницу сопровождал почетный кортеж мотоциклистов. В 1963 г. супруги вслед за родителями Ли Ку постоянно поселились в Наксонджэ.

Ли Ку и Джулия
с императрицей Юн
в Наксонджэ.
*Фото 1963 г. из книги
Э. Адамса*

Много лет спустя Джулия отметила в одном из интервью, что приезд в Корею имел катастрофические последствия для их брака. Сразу же по приезде клан Ли из Чонджу, признавший Ли Ку своим официальным главой, стал давить на него, требуя развода с бездетной, и к тому же иностранной женой, и в конце концов преуспел. В 1974 г., поняв, что брак не спасти, Джулия навсегда покинула Наксонджэ, а через несколько лет и Корею, переселившись на Гавайи, где когда-то была счастлива с супругом.

В 2000 г. крупнейшая частная телерадиовещательная компания Южной Кореи MBC выпустила документальный фильм «Последнее письмо Джулии», в котором она вспоминала (весьма сдержанно) о годах, проведенных в корейской королевской семье. Фильм был построен в форме ее прощального письма мужу, иллюстрированного видеорядом. Письмо читала диктор. Вот отрывок из этого письма:

«...Архитектор по специальности, ты был опьянен красотой Наксонджэ. Можно считать счастьем и благословением то, что нам довелось жить в таком месте. Когда я оглядываюсь назад, кажется чудом, что это произошло со мной, дочерью простых крестьян, переселившихся из украинской деревни в Пенсильванию... Кто мог подумать, что я, став взрослой, выйду замуж за принца из дальней страны, буду жить во дворце и увижу столько всего замечательного. Это получилось случайно, веле-нием судьбы»⁵².

Мне довелось лично встретиться с Джулией Маллок. Было это летом 1999 г., когда она ненадолго приехала в Сеул с Гавайев. Нас познакомил переводчик на английский язык со староголландского первой (1668) книги о Корее в Европе «Журнала Гамеля»⁵³ миссионер Жан-Поль Байс, который давно был с ней знаком как один из членов правления Royal Asiatic Society (Korea Branch) и почетатель всего королевского. Джулия уже тогда страдала серьезной болезнью суставов и передвигалась в основном на коляске. Но когда мы пришли, сделала усилие над собой и прошла несколько шагов нам на встречу, тяжело припадая на одну ногу.

– Боже мой, вы совсем как русская! – воскликнула она, удивленно глядя на меня и мой павлово-посадский платок на плечах. Удивление ее было искренним, хотя она заранее была предупреждена о том, какая именно гостя к ней придет.

– Да я же и есть русская, – я тоже удивилась.

Не давая мне опомниться, Джулия удалилась в соседнюю комнату и вскоре вышла с похожим платком на плечах. Павлово-посадским. Было странно даже, что она привезла его с собой в кратковременную поездку в Корею.

– Видите, у меня тоже есть такой. Я часто думаю о своем отце и своих украинских корнях, – сказала Джулия.

Я подарила ей привезенный из России большой эстамп – Храм Спаса-на-Крови на берегу канала Грибоедова в Петербурге. Я не знала заранее о возможности нашей встречи, и эстамп привезла из Москвы на всякий случай. Он оказался как нельзя кстати. Джулия долго и взволнованно рассматривала его, расспрашивала о храме и даже украдкой смахнула слезинку. Потом я рассказывала о себе и Москве. Джулия внимательно слушала, задавала несколько вопросов. В ней чувствовался опыт светского общения. Но моя попытка расспросить ее саму о подробностях ее жизни в настоящем дворце, рядом с японской принцессой и настоящими фрейлинами, которые служили когда-то еще императрице Юн, успехом не увенчались. Она подарила мне свою фотографию, снятую в Наксонджэ рядом со старой фрейлиной, а потом перевела разговор на другое. Вскоре мы откланялись. Я слышала, что Джулия все еще живет на Гавайях, вместе с приемной дочерью – корейкой Евгенией, которую они вместе с Ли Ку удочерили в начале 1970-х годов.

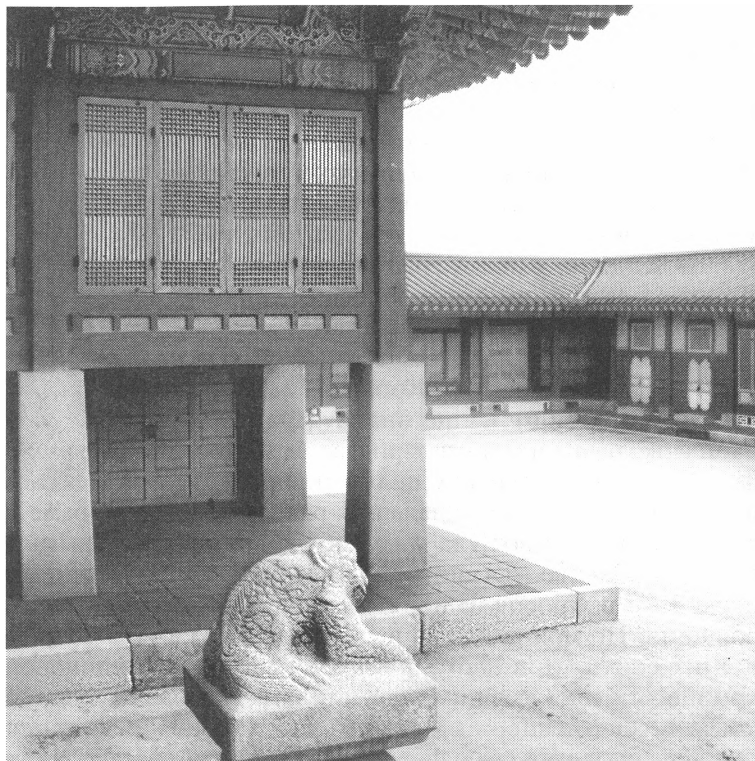

Джулия Маллок и одна из последних фрейлин Чосона *сангун* Ким Мёнгиль. Наксонджэ, 1980 г. Это фото – подарок автору от Дж. Маллок

Фрейлины и служанки

Весь женский обслуживающий персонал дворца (фрейлины и служанки) назывался «дворцовые женщины» (*куннё* 宮女). Члены королевской семьи, хотя и жили в одном дворце, но в разных зданиях, вели хозяйство отдельно и имели каждый своих *куннё* – в количестве, соответствовавшем их статусу. Оно было оговорено уже в первой редакции *Кёнгук тэджон* (1474) и в дальнейшем не раз пересматривалось. В раннем Чосоне их было несколько десятков на весь дворец. К концу династии их число выросло примерно до 500, хотя цифра эта не была постоянной. Примерно по сто было у вана, королевы и вдовствующей королевы, по несколько десятков – у наследника, его супруги и наложниц. После отречения Коджона в 1907 г. японцы сократили число дворцовых женщин до 200, и старый император воспринял это крайне болезненно. Обычно *куннё* жили в крошечных комнатках, на которые

Двор перед палатами
вдовствующей
королевы.
В глубине видны
крытые галереи,
где жили ее фрейлины
и служанки, а также
находились склады.
Кёнбоккун.
Современное фото

делились крытые галереи по периметру двора, окружавшего дворец их господина (госпожи).

Фрейлины – дворцовые чиновницы – получали документ о назначении (*иммёнджан* 任命狀) и отвечали за еду, уборку, передачу приказов и поручений и пр., т.е. за обслуживание вана и его семьи в официальной деятельности и повседневной жизни. Они имели ранги с полного 5-го по 9-й. Старшей была *чеджо сангун* (提調尙宮 начальница), которая постоянно находилась при вane и имела влияние не меньше министерского. Далее следовали ее заместительницы (*пу* 副 *чеджо сангун*), «ожидющие приказаний» (*тэрён сангун* 待令尙宮), «мамки» королевских детей (*помо сангун* 保姆尙宮), секретарши (*синё сангун* 侍女尙宮), дамы-ревизоры (*камчхаль* 監察 *сангун*), просто дамы (*сангун*, «почитаемая во дворце») и т.д., вплоть до самой младшей фрейлины (*чубёнгун* 奏變宮). Особое место среди *куннё* занимала кормилица вана (*понбо пуин* 奉保夫人) – самое близкое к нему лицо женского пола в штате дворца. Она постоянно находилась в его свите и имела 1-й полный ранг.

Фрейлины в Корее существенно отличались от фрейлин, например, в царской России, где это были представительницы знатных дворянских фамилий, составлявшие

свиту императриц и великих княгинь и имевшие право на замужество. При выходе замуж это звание с них снималось, но они сохраняли право быть представленными императрице и получать приглашения на балы в Большом зале Зимнего дворца вместе с мужьями. В Корее фрейлины набирались из дочерей среднего и низшего сословий в 5–7-летнем возрасте, через 15 лет становились штатными служанками (*наин*), а еще примерно через столько же лет – *сангун*. В балах они не участвовали и права выйти замуж не имели, по крайней мере до выхода в отставку, что было возможно обычно к 40 годам. Именно поэтому, несмотря на престижность положения такой женщины и ее материальный достаток, родители неохотно отдавали своих дочерей для службы во дворец. В конфуцианском обществе статус уважаемой женщины имела только замужняя женщина, имевшая детей. Незамужняя пожилая дочь, пусть и обеспеченная, была для рода лицом нежелательным, и в целом в обществе их престиж не был высок.

Описание фрейлин, увиденных «западными» глазами, оставила американская миссионерка Лилиас Хортон-Андервуд, прибывшая в Корею в 1888 г. и вскоре приглашенная королевой Мин стать ее личным врачом. Приглашение принесли в ее дом фрейлины свиты, которые были «ногами, глазами и ушами» жившей в изоляции королевы, выполняли ее поручения и извещали ее обо всем, что делалось за пределами дворца:

«Эти женщины не являются дамами высокого ранга, как при дворах других монархов, поскольку благородные дамы не могли бы выдерживать публичности дворца, которой требует от них корейский обычай. Их набирают детьми или юными девушками из среднего или низкого классов и полностью отделяют от других, чтобы они посвятили себя всецело службе их величествам... Относятся к ним с определенным уважением только потому, что они имеют отношение к королевской семье. По случаю всех государственных событий они надевают на себя огромное количество фальшивых волос, что придает им особенно нелепый вид; они сильно напудрены и надушены, их брови выбриты и нарисованы карандашом; они носят длинные струящиеся богатые одеяния, позолоченные украшения в волосах и на талии и представляют собой печальное зрелище как женщины, у которых даже украшения, как кажется, только подчеркивают их мучительную непривлекательность...»⁵⁴.

Совсем иное впечатление о фрейлинах дворца вынес Кондо Сиросуке 權藤四郎介, около 13 лет, в 1907–1910 гг., проработавший в *Ливанджик* – дворцовом ведомстве при японском сначала генерал-резидентстве, затем – генерал-губернаторстве в Сеуле (в те годы – Кёнсонбу). Отметив

Старшая фрейлина (*чеджо сангун*) в парадной одежде с «большой» прической *ттогуджи*. Такой облик был следующим по разряду после парадной одежды королевы, старшей наложницы (*пин*) и супруги наследника (*седжа пин*)

Дворцовая женщина
времен Коджона.
Конец XIX в.
О ее высокой сословной
принадлежности
свидетельствует закладка
ттольчам в причёске,
которую обычно
носили знатные дамы

в своих дневниках, что они все отличались прекрасной внешностью, он пишет:

«По роду службы я часто соприкасался с фрейлинами. Речь их была особенной, все они были умны, не терялись ни перед кем, даже и перед мужчинами, а при решении вопросов, касательных дворца, не раз заставляли меня уступить. До сих пор остались в памяти Чо Чонын, именовавшаяся «кормилицей короля» (*понбо пуин*), и главная сангун Ким Чхунъён. Обоим им было уже за 60, но их глаза и брови по-прежнему были прекрасны. Полные телом, они выглядели намного моложе своих лет и в сочетании с изысканной речью и изящными манерами являли тип настоящей корейской красавицы»⁵⁵.

Многие современные авторы не согласны с Лилиас Андервуд. Они скорее склоняются к мнению Кондо, желая

видеть в женщинах дворцов гордых и счастливых, исполненных достоинства красавиц. Но известен факт, что в периоды, когда Корея переживала засуху, что всегда воспринималось как кара свыше за нарушение монархом «пути вана», из тюрем на волю отпускали мелких преступников, а из дворца – «несвершившихся» фрейлин, т.е. не удостоившихся «милости» вана девственниц, чтобы они могли выйти замуж. Это совершалось в надежде успокоить небеса, чтобы они даровали стране долгожданный дождь, и свидетельствует о том, что несправедливость положения *куннё* обществом сознавалась.

Фрейлины почти не оставили дневников и мемуаров. Кроме упоминавшихся выше, редкое исключение составляет книга «В окрестностях Наксонджэ» (*Наксонджэ чубён* 樂善齋周邊, 1977), написанная *сангун* Ким Мёнгиль, которая более полувека служила последней корейской императрице Юн. В 2001 г. умерла последняя фрейлина Чосона – Сон Огём (成玉艷)⁵⁶. Тогда в Корею и начался активный поиск любых памятников их наследия для составления «истории женщин (herstory)». Его ведут энтузиастки при поддержке государства и местных администраций. Одним из спонсоров выступает, в частности, Фонд женщин и семьи при Сеульской мэрии (*Соуль си ёсон каджок чэдан*).

Фрейлинам подчинялись женщины низшего статуса: служанки-простолюдинки (*наин* 內人) и разнорабочие

крепостные (*ханё* 下女). По роду деятельности служанки делились на «хранительниц спальни» (*чимиль* 至密)*, портних (*чхимбан* 針房), вышивальщиц и прочих рукодельниц (*субан* 繡房); прачек (*седатпан* 洗踏房), фельдшериц и знахарок (*ыйнё* 醫女), а также поварих разной специализации, из которых одни обслуживали приемы и банкеты, или готовили еду, посылавшуюся в виде королевского дара или награды (*нэсоджубан* 內燒廚房), а другие каждодневно готовили пищу для вана и его семьи (*весоджубан* 外燒廚房), причем, как уже упоминалось, каждый из них имел свой стол. Были и поварихи, специализировавшиеся на изготовлении прохладительных и прочих напитков, а также печений и сладостей (*сэнгвабан* 生果房). Это были действительно мастера своего дела. Корейская кухня вообще трудоемкая, а королевская – особенно, отличалась она и особым разнообразием. Ее описания сохранились в книгах установленного ритуала «Большой государственный банкет» (*Чинён ыйгве* 進宴儀軌) и «Малый государственный банкет» (*Чинчхан ыйгве* 進饌儀軌), а также в поваренной дворцовой книге *Ымсик палгы* (飲食—記) с иллюстрациями, где не только перечислены все подававшиеся во дворцах блюда, но и подробно описаны способы их приготовления. Эта книга была для дворцовых поваров настольной. Сегодня она хранится в Кюджангаке.

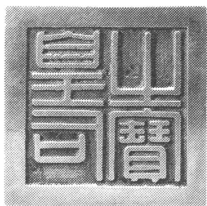
Профессионалами дворцового обслуживания самого низкого разряда были умывальщицы и банщицы (*сесуган* 洗手間), уборщицы столов и мойщицы посуды (*тхвесонган* 退膳間), истопницы (*погичхо* 僕伊處), свечницы и лампадницы (*тынчхокпан* 燈燭房), водоноски (*мусури*), прислуга фрейлин (*каксими*), посыльные и пр. Поясню, что стоящие в скобках названия специальностей дворцовых служанок – это одновременно и название дворцовых учреждений бытового обслуживания. По ним этих женщин и именовали.

Особую группу служанок составляли те, кто пришел во дворец вслед за супругой наследника после ее выхода замуж из дома ее родителей (*понбан* 本房 наин). Они были ее самыми доверенными людьми и оставались таковыми и тогда, когда она становилась королевой. Их было немного, и к дворцовой иерархии они не принадлежали⁵⁷.

Дворцовые актрисы-кисэн перед выступлением в костюмах для «дворцового танца» (*кунджунму* 宮中舞), сопровождавшего различные мероприятия в честь радостных событий в королевской семье.
Фото 1890 г.

* Сюда отбирали особенно красивых девушек, и их статус был среди служанок самый высокий.

Посмертная печать королевы Мин, дарованная ей в связи с провозглашением ее императрицей в 1897 г.

Шестигранная «Беседка высокого достоинства» (Тондокчон 尊德亭, 1644) расположена на берегу небольшого ручья в том месте, где он разливается живописным озером. Она старейшая и самая представительная из сохранившихся в Хувоне. Ее отличают двухъярусная крыша, *хёнпхан* кисти Чонджо и потолочные росписи (зеленый и желтый драконы в окружении богатого орнамента). Здесь проводили время в размышлениях и любовании природой наследные принцы, чьи кабинеты для занятий были расположены совсем рядом.

Фото раннеколонизального периода

Из истории династии. Как свидетельствуют летописи, в целом у 27 ванов Чосона было 159 женщин: будь то официальные жены – королевы, или женщины, вызвавшие любовь вана и ставшие наложницами (*хугун*), или те, кто был мимолетным увлечением и был вознагражден одним из 8 рангов фрейлин двора. По рангам это 27 *ванби* – т.е. королев, 15 *кеби* – тоже главных супругов, на которых ван официально женился повторным браком из-за смерти первой супруги или развода, 98 фрейлин и 19 дворцовых служанок. В среднем – по шесть женщин на каждого вана. Больше всего их было у известного скандальным поведением Ёнсангуна (1495–1506) – 15 вместе с королевой. Одна-единственная супруга, без наложниц (Мёнсон ванху 明聖王后, 1642–1683) была у Хёнджона (годы жизни 1641–1674, правил в 1659–1674 гг.).

Дворцовый парк Хувон

Лучше всего в Чхандоккуне сохранился *Хувон* – самый большой (площадью 34 га) и прекрасный дворцовый парк Чосона. Из примерно 250 построек старого времени в нем и поныне стоят 230. Особенно много среди них беседок и павильонов – столь разнообразных, что можно только удивляться фантазии их создателей, но есть и небольшой «дачный дворец» – копия дома аристократа, маленькая «ферма» для разведения королевой шелкопряда, скромные «домики для занятий» наследника, библиотеки и хранилища королевской каллиграфии. Среди других достопримечательностей рукотворные пруды и ручьи, мосты и мостики, каменные «светильники», «ворота долголетия» и колодцы, причудливые камни (*квисок*), скалы с высеченными каллиграфическими надписями – образцами творчества ванов, редкие или замечательные древним возрастом растения. Все это разбросано среди леса, который и сегодня, сто лет после конца династии, еще красив и силен и остается редким островом природы посреди гигантского мегаполиса.

«Лotosовая беседка»
(Пуёнджон 芙蓉亭, 1792)
в форме иероглифа 亞
на «Лotosовом пруду»
(Пуёнджи) стоит
напротив «Павильона
вселенского единства».
Чонджо любовался ею
всякий раз,
когда бывал в своей
библиотеке.

«Павильон вселенского
единства» Чухамну –
самое известное
историческое здание
Хувона.

*Фотографии
Ли Сонджона, 2010 г.*

«Беседка Великого
предела»
(Тхэгыкчон 太極亭)
в долине
Нефритового потока.
Ее хёппхан – кисти
Сонджо (1567–1608)

Беседки вокруг
«Нефритового потока».
Старинное фото.
Дар проф. Хон Сунмина

Ручей в каменном русле,
высеченном
в естественной скале, –
«Нефритовый поток».
Фото Ли Сонджона

«Беседка у прозрачной
воды» Чхоньиджон

Самым живописным местом Хувона считается «Нефритовый поток» (*Оннючхон* 玉流川). Так назвал маленький ручей в укромной долине в самой северной его части ван Инджо (1623–1649), приказавший создать это чудо по образцу древнего Силла, где у подобного водоема пировали и сочиняли стихи ван и придворные аристократы. Большая скала преграждает движение его воды, заставляя ее извернуться, пройти по каменной канавке и излиться в гранитную чашу миниатюрным водопадом. Многие ваны посвящали «Нефритовому потоку» свои стихи.

По берегам – пять летних беседок (*чонджа* 亭子), из которых четыре покрыты черепицей, а одна («Беседка у прозрачной воды», *Чхоньиджон* 清漪亭) – соломой, перед ней – маленькое рисовое поле, с которого брали солому для крыши. Вместе – и поле, и крыша – воплощали круговорот жизни: рожденное из земли исполняло свое предназначение и вновь возвращалось в землю. Основание павильона – четырехугольное (символ Земли), потолок – восьмиугольный, а крыша – круглая (символ Неба). Так архитектура беседки отражала старинное космогоническое представление «Небо – круглое, Земля – квадратная» (*чхонвон чибан* 天圓地方), или иначе: «Смотрим с Земли на Небо». Было в Секретном саду и другое поле – «десяти злаков». Эти поля воплощали принцип достойного правления: «Уважение к Небу есть любовь к народу» (*кёнчхон эмин* 敬天愛民). Здесь же были установлены приборы для астрономических и метеорологических наблюдений, необходимых для успешного ведения сельского хозяйства – основы экономической жизни страны. Они напоминали об обязанностях вана перед народом.

В Хувоне любовались природой, отдыхали, гуляли и охотились, читали и предавались размышлениям, беседовали, писали стихи, пировали, стреляли из лука, наблюдали за состязаниями в военных искусствах. В 1704–1907 гг. здесь стоял «Алтарь большого воздаяния» (*Тэбодан* 大報壇), где регулярно проводились церемонии в память об императорах китайской династии Мин (1362–1644). С одной стороны, это было знаком благодарности за помощь, которую она оказала Корее в Имджинской войне в конце XVI в., а с другой, – скрытым протестом против пришедшей ей на смену «варварской» (маньчжурской) династии Цин и утверждением Чосона преемником Минов как последнего носителя истинно конфуцианских ценностей. На берегу Весеннего пруда (*Чхунданджи* 春塘池) у подножия террасы Ёнхвадан проходили экзамены на государственный чин высшей ступени под председательством вана. Об этом пруде писал сочинение на экзаменах Ли Моннён – главный

«Беседка любви
к лотосу»
(Эрёнджон 愛蓮亭)
на пруду с таким же
названием
построена в правление
Сукчона (1692).
Из ее квадратных,
оформленных
причудливой резьбой
проемов открывается
вид на парк,
подобный картине
в художественной раме

«Беседка любования
[природой]»
(Квалламджон 觀纒亭)
с крышей в форме веера
и удивительной
по красоте титульной
доской хёнпхан –
одна из красивейших
в Хувоне

Эрёнджон вдохновила
создателей фильма
«Великая Чангым»
на создание аналогичной
беседки на съемочной
площадке, откуда видом
на дворцовый парк
может любоваться
каждый желающий

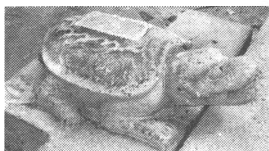
герой знаменитой классической «Повести о Чхунхян» (*Чхунхян чон* 春香傳): «Краски весны на Весеннем пруду и нынче такие же, как и в древности». Повесть прекрасно перевела на русский язык Аделаида Федоровна Троцевич.

На берегу «Лotosового пруда» (*Пуёнджи* 芙蓉池) на холме до сих пор стоит главное здание знаменитой библиотеки вана Чонджо (1776–1800). В конце XVIII–XIX в. на его первом (закрытом) этаже, который назывался Кюджангак, хранились 26 тыс. старинных книг. Со второго (открытого) этажа, где находился кабинет вана, ему (Человеку) открывался великолепный вид на квадратный пруд (он символизировал Землю) с круглым островом посередине (Небо), и потому этот этаж назывался «Павильон вселенского единства» (*Чухамну* 宙合樓).

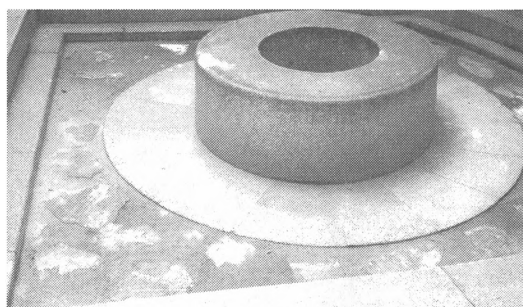
Аллея Хувона.
Фото Ли Сонджона.
2010 г.

Корейцы называют Хувон местом, где «природа и человек сливаются воедино»⁵⁸. «В парковом дизайне китайцев природа всегда была рукотворна, – пишет Хон Сунмин. – Около Гугуна в Пекине есть созданные человеком Северное (北海), Среднее (中海) и Южное (南海) моря, а из земли, вынутой из недр при их создании была построена искусственная гора Цзиншань (景山). Здесь все, начиная с гигантских размеров, подавляет человеческую душу. У китайцев все искусственно, а другими словами – идет вопреки природе. Так же искусствен и противен природе парковый дизайн японцев, только у них в своем духе. Все очень аккуратное, деликатное, нарочито неодинаковое. Природа, созданная по японскому образцу. Красоты природы нет, есть лишь бросающаяся в глаза красота человеческого замысла. В отличие от этих стран, в Корее при

Каменная черепаха – страж крошечного каменного «Пруда прозрачной яшмы» (Пинокчи 氷玉池), воспетого в стихах Сукчоном, Чонджо и Сунджо

Колодцы Хувона

строительстве домов природу не нарушали, ее привлекали. При создании садика за домом делали так, чтобы он был органически соединен с находившейся за ним горой. Дом не вредил природе, она его мягко обнимала. Минимум человеческого вмешательства, гармония с природой. В этом дух нашего паркового искусства и архитектуры. Чхандоккун – их лучший образец⁵⁹. «В Чхандоккуне и Чхангёнгуне, как ни в каком другом дворце, выразилось характерное для корейской архитектуры стремление свести человеческое присутствие к минимуму и, не нанося вред природе, создать удобное жизненное пространство. В этом особая красота корейских дворцов, которую нельзя почувствовать ни в Запретном дворце Пекина, ни во французском Версале», – подчеркивает Хан Ёну⁶⁰.

Эту «особую красоту» живого дворца мне однажды посчастливилось не только увидеть своими глазами, но и ощутить. Было это, когда я в июне 1996 г. посетила знаменитую ежегодную Garden Party Азиатского королевского общества. В тот год она проходила в резиденции американского посла – Habib House, которая расположена в квартале Чондон, на границе дворца Токсугун в самом центре Сеула, и представляет собой великолепно воссозданный современный образец традиционной корейской дворцовой архитектуры и ландшафтного дизайна. Поразили огромные окна, за которыми, словно картина в раме,

раскинулся ухоженный парк с прудом и ручьем в причудливом каменном ложе, соснами изысканных форм, каменными фонарями и фигурами львов-хэтхэ. Находясь снаружи, он, как когда-то и во дворцах, был главным украшением интерьера, увеличивал внутреннее пространство и создавал ощущение воздушности и парадности. Когда я вошла внутрь, мне показалось, что стало легче дышать.

Внутренний дворик в Доме Хабиба – резиденции американского посла в Сеуле. В центре – искусственный пруд в форме моллюска «морское ушко», обрамленный каменным руслом ручья. Такие пруды строили в древнем Силла, а затем и в Чхандоккуне. Фото из буклета

История этой резиденции началась, когда в 1884 г. первый американский дипломатический представитель в Корее Люциус Фут купил в этом месте старинное дворцовое здание, где когда-то, как говорят, обитали королевские наложницы, и приспособил его под свое жилье. В дальнейшем он продал дом с участком американскому правительству. К 1972 г. здание обветшало. Встал вопрос о его сносе, но тогдашний (1971–1974) посол США в Республике Корея Филип Хабиб был категорически не согласен. Он был убежден, что здание имеет архитектурную и историческую ценность и должно быть сохранено, и развернул настоящую кампанию в защиту здания. Его поддержали эксперты и энтузиасты, и, в конце концов, американские законодатели согласились на проект Хабиба, выделив на его реализацию 1,5 млн. долларов. Старинное здание было восстановлено, а поскольку оно было уже мало, рядом с ним – построено новое, тоже в традиционном корейском стиле. Авторами проекта стали известные корейские архитекторы Син Ёнхун и Чо Чэён, которым удалось совместить красоту старины с современными удобствами. Строительство началось в конце 1974 г. и завершилось в апреле 1976 г. Филип Хабиб тогда уже покинул Корею, но резиденция теперь носит его имя⁶¹.

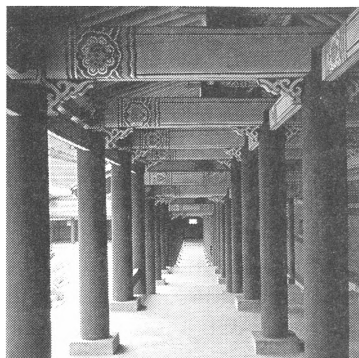
Подлинное значение Чхандоккуна и Хувона

Помню, после посещения зимой 1998 г. Эрмитажа моя корейская подруга Суджин некоторое время молчала, а потом спросила, как я отношусь к тому, что в королевских дворцах Кореи нет такого великолепия. Она была явно подавлена увиденным. Я же даже представить себе не могла, чтобы корейский ван поставил посреди парадного зала двухметровую малахитовую чашу, серебряный саркофаг, мраморную статую Аполлона или обвесил стены гобеленами и картинами в золоченых рамах. На легких деревянных стенах они абсолютно бы не смотрелись и казались нелепыми. Кроме того, в климатических условиях Кореи, где дома являются естественным продолжением окружающей природы и где окна постоянно открыты, картины бы долго не провисели – покрылись плесенью и погибли бы. Об этом я и сказала Суджин. Она успокоилась и после этого ходила по русским дворцам с удовольствием.

«Корейские дворцы не были ни роскошными, ни величественными, – пишет Хан Ёну. – Некоторые корейцы, побывав за границей и повидав там внушительные дворцы, гробницы и храмы, не могут скрыть разочарования. “Почему наши дворцы такие маленькие и скромные?” – спрашивают они. Кто-то объясняет это слабостью государственной власти. Но это неверно. Если бы ваны стремились к роскоши и излишества, у них было достаточно возможностей, чтобы этого достичь. Дело в том, что они не “не могли”, а “не хотели” этого. Политическая культура конфуцианства предполагала любовь к народу. Роскошь не допускалась. Наши монархи не желали накладывать на подданных дополнительное бремя, тем более что образцами поведения для них были жившие под соломенной крышей мудрые правители древности Яо и Шунь. Они хотели быть ближе к своему народу, и потому во дворцах было немало построек, похожих на обычные корейские дома. Надо помнить и о том, что те страны, которые в прошлом строили огромные и роскошные здания, сегодня бедны. Не приходится говорить и о развитии в них демократии»⁶².

В корейских книгах и на сайтах написано много разного о значении Чхандоккуна. Указывается, что это живая традиция и блестящий образец национальной архитектуры, имевшей существенное отличие от китайских классических канонов и образцов и ныне удостоенной, благодаря ЮНЕСКО, всемирного признания; что это воплощенная история страны за более чем пять веков,

в которой смешались радостные и трагические события и которая и сегодня заставляет волноваться сердца. Но я обратила внимание и на мнение «дворцового профессора» Хон Сунмина, который видит в возрождающемся в последние годы интересе к чосонским дворцам путь к общенародному переосмыслению событий прошлого.

Бесконечность
и повторяемость
как главный закон
Вселенной и социума.
Галерея,
образованная рядами
массивных
красных столбов, –
традиционный
элемент
архитектуры
тронного зала

«В колониальный период наши дворцы пережили много печальных изменений, – пишет доктор Хон. – Хувон открыли для публики, а стали называть “Секретный сад” (秘苑, Пивон). В Чхангёнгуне устроили зоопарк и ботанический сад, а сам дворец переименовали из дворца (*кун*) в парк (*вон* 園 – Чхангёнвон). Место, где еще недавно жили монархи, их семьи, свита и слуги, стало зверинцем и местом для зевак. В Кёнхигуне построили школу, а дворцовые постройки распродали, как и территорию, – по частям. В Кёнбоккуне стали проводить ярмарки и выставки, сносили здания, перед Тронным залом построили генерал-губернаторство. Это был поистине дьявольский замысел. После освобождения территория дворцов долгое время продолжала оставаться для нас лишь местом для прогулок. Сейчас ситуация несколько изменилась, но в полной мере того, что произошло с нашими дворцами, мы еще не осознали. Не поняли мы должным образом и значение дворцов как центра государственной политики и жизненного пространства огромной эпохи. И как логическое продолжение этого, мы еще не осознали того места, которое занимала династия Чосон в нашей истории. Надо преодолеть стену времени и увидеть дворцы в период расцвета, почувствовать замысел их создателей и обитателей. Дворцы изменялись с ходом времени, оставаясь при этом памятниками событиям, которые в них происходили. Их изучение – одно из важных условий понимания истории в целом. В этом подлинное значение Чхандоккуна и Хувона»⁶³.

VI

Чонмё – Храм предков династии Чосон

Разве же не было
Достоверно ведомо встарь,
Что веления Неба
Приносит земле государь?

*Ли Кюбо. Государь Тонмён.
XIII в.*

Дорога ритуала в Чонмё

9 декабря 1995 г. Храм предков династии Чосон Чонмё в Сеуле был включен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО как «сохраняющий свой облик с начала XVII в. образец конфуцианского храма, где почитались духи усопших ванов династии, уникальное в мире по своей архитектуре пространство ритуала, идеально гармонировавшее с проводившимися в нем церемониями в сопровождении музыки и танцев, которые продолжают и сегодня»¹. 18 мая 2001 г. под охрану ЮНЕСКО были приняты проводящиеся в Чонмё церемонии и сопровождающая их музыка (*Чонмё череак*) как концентрированное выражение духовного наследия, имеющего глубинную связь с традициями и историей корейского народа. Они были одной из первых номинаций в формировавшемся с того же года «Регистрационном списке нематериального культурного наследия» ЮНЕСКО.

Дорога к храму

Один из самых необычных памятников конфуцианского мира Чонмё находится в тихом, уединенном парке в самом центре Сеула, в нескольких минутах ходьбы от главных ворот дворца Кёнбоккун по центральной улице Чонно. Построенная первой в городе, эта улица была самой большой и главной в средневековой Корее, поскольку соединяла два основных архитектурных символа: дворец, где обитал ван (*янтхэк*, «дом на свету»), и Чонмё – алтарь, где обитали его предки (*ымтхэк*, «дом во мраке»), и именно по ней в раннем Чосоне (до 1592 г.) и в самом его конце (1864–начале XX в.) совершались *кодун*, или *кодон* (舉動) – величественные шествия монарха со свитой для совершения в их честь церемоний, бывшие крупнейшим событием для всего народа. В дни жертвоприношений с Чонно убрали лавки и вкапывали вдоль нее в землю шестиметровые фонари – освещать путь вана, когда он будет возвращаться с церемонии, которая проходила на рассвете. Сотни кули рассыпали красную землю шириной в стопу человека по середине улицы, так как предполагалось, что монарх не должен ступать на почву, на которую уже ступала нога его подданного. Вдоль дороги стояли эскадроны всадников, отделяя ее от благоговейно молчаливой толпы, численность которой составляла десятки тысяч человек (по меньшей мере, половину города), вместе с большим количеством народа из провинции, которые специально шли пешком три–четыре дня, чтобы увидеть самое главное зрелище.

«В монотонный городской пейзаж: коричневые горы, стены, крыши и дороги, в черном или белом население, – *кодон* врывался, как солнце. На рассвете из ворот дворца начинали вытекать волны цвета и великолепия: процессии чиновников, флагоносцев с шелковыми баннерами, дворцовых писцов, курящих длинные трубки. Шли барабанщики, флейтисты, лучники; солдаты с фитильными ружьями. Галопом мчались курьеры, носильщики рысью несли закрытые черные и цветные паланкины. Сотни дворцовых чиновников в коричневых халатах и голубых шароварах, с плюмажами из перьев петуха на шляпах ехали на пони, восседая на седлах необыкновенной высоты... Так проходило несколько сот, а может, и тысяч человек, и все же это еще не была сама процессия, а лишь пролог к ней.

Через два часа выстреливала пушка во дворце, тяжело ударял колокол на Чонно, и рев труб и визг дудок оповещал, что государь покинул дворец... Королевскую процессию возглавлял роскошно одетый “командующий головного отряда”, сидевший на пони и подерживаемый слугами за ноги; за ним следовали толпы сановников, каждый со своей свитой; солдаты, переносчики ритуальных

предметов и знаменосцы с парчовыми флагами; слуги (до 100 человек в ряд); алебардщики; знатные люди – каждый со своими флагносцами; кавалеристы в позолоченных шлемах; охотники на тигров в черных войлочных шляпах... Восемь мужчин, регулярно меняясь, несли в украшенном леопардовой шкурой черном кресле высоко возвышавшегося над толпой министра. Вновь шли дворцовые служители в великолепных одеждах, генералы, сановники, государственные деятели... Телохранители и городские полицейские лихорадочно раздавали направо и налево удары похожими на весла дубинками; барабанщики нещадно били в барабаны; визжали рожки. Затем толпами шла личная свита монарха – в желтом платье и бамбуковых шляпах с накладками в виде розеток, носильщики королевских штандартов и войска. Пронесли символ королевской семьи – чудовищный зонт из красного шелка. Новые знатные люди, новые солдаты, музыкальные инструменты... Затем шли королевские кресла. Первое из них, под балдахином из красного шелка, пустовало, поскольку считалось, что именно по нему в первую очередь нанесет удар потенциальный цареубийца. Перед ним несли гигантский трезубец. Следом, вознесенный высоко вверх четырьмя десятками носильщиков в роскошных одеждах, на великолепном кресле из красного лака, богато украшенном кистями и под балдахином с “крыльями” для защиты от солнца, являлся Ван, чье бледное апатичное лицо ни разу не изменяло своего выражения за все время, пока его несли со всем великолепием и блеском через молчаливую толпу.

Шедшие следом гранды, слуги, солдаты, носильщики знамен, лучники, чиновники, всадники и лошади образовали процессию кронпринца, которого также несли в красном паланкине и который выглядел еще более бледным и бесстрастным, чем его отец. Завершавший процессию арьергард растягивался на четверть мили. На этом великое шествие государя *кодон* завершалось, и толпа в белом вновь наполняла убогие улицы»².

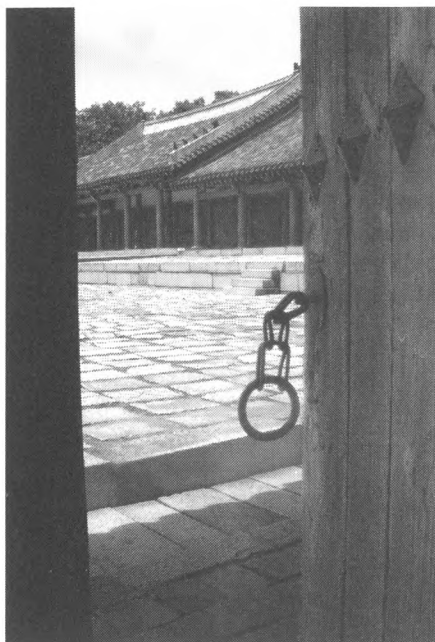
Так описала шествие Коджона по Чонно в своей знаменитой книге «Корея и ее соседи» английская путешественница Изабелла Бишоп. В начале 1894 г. ей довелось увидеть то, что она назвала «одним из самых замечательных зрелищ, которое она когда-либо видела», шоу, подобного которому нет нигде на свете, «единственным спектаклем этой цивилизации, где все великолепие мира концентрируется вокруг монарха». В том королевском *кодоне*, одним из последних в истории династии, приняли участие пять тысяч слуг и чиновников и шесть тысяч солдат – весь сеульский гарнизон. До гибели династии оставалось 16 лет. Бишоп подсчитала, что он обошелся казне в 25 тыс. долларов – огромные деньги по тем временам. Но в контексте старой корейской культуры эти подсчеты значения не имели, поскольку речь тут шла о самом главном, от чего зависели власть, достоинство и сама жизнь династии.

Чонмё. Общий вид.
Фото 2006 г.
Предоставлено
проф. Хон Сунмином

Главные ворота Чонмё

Чонмё.
Взгляд в запретное

Дорога к главному храму страны Чонмё считалась судьбоносной для государства. Сохранилась легенда, что однажды, когда ван Чонджо (1776–1800) направлялся в Чонмё для совершения ритуалов, он встретил неподалеку от храмовых ворот женщину с маленькой девочкой на спине. Пораженный красотой ребенка, он спросил женщину, кто она такая. Через служанку та ответила, что это дочь Ким Чосуна. К удивлению государя девочка вдруг отругала служанку за неправильный ответ. «Ты должна была сказать, что я дочь *сынджи* Ким Чосуна», – как взрослая сказала она. Сынджи – должность дворцового секретаря. Чонджо задал девочке еще несколько вопросов, и она отвечала с необычной для ее лет рассудительностью. Живость ее ума произвела на государя впечатление. Он приказал взять ее во дворец, а несколько лет спустя помолвил с принцем-наследником. Ей было 11 лет, когда она стала королевой³.

Нетрудно догадаться, кто способствовал рождению этой легенды. Умная девочка – это королева Ким (Сунвон ванху, 1789–1857), стараниями своего отца ставшая женой наследника – будущего вана Сунджо (1800–1834). С этого брака началось возвышение клана Андонских Кимов, которые в первой половине XIX в. полностью подчинили себе государственное управление, приведя страну в упадок. Чтобы пресечь ропот и критику в народе, Кимам нужно было «чудо», подтверждавшее их права и привилегии, и они придумали легенду, где самым «чудесным» было место встречи вана с будущей «матерью страны» – на дороге к Чонмё.

Считались чудотворными и главные ворота Чонмё. Сегодня они не имеют названия, но в лучшие времена Чосона они назывались *Чхангёммун* 蒼葉門 (пишется «чхан-ёп-мун»). *Чхан* означает «зеленый, свежий», *ёп* – «лист дерева». Это название «Ворота зеленых листьев» указывало, что Чонмё – не место, где царит смерть, как в гробнице, а что духи ванов из рода Ли из Чонджу продолжают направлять своих живых преемников, ведя их и страну к процветанию. Была серьезная причина для того, чтобы ворота главного храма стали безымянными. В последнее столетие династии, когда она вступила в полосу затяжного кризиса, в народе все чаще стали вспоминать старинное пророчество, гласившее, что династия Ли будет царствовать пять веков. Этот срок подходил к концу. Иероглиф *чхан* 蒼 можно разделить на три части: 十十 – т.е. «двадцать»,

«Королевский колодец» (оджон 御井) у ворот Чонмё, из которого ваны пили воду, входя и выходя из храма. Он единственный сохранился в пределах «четырех великих ворот» Сеула. В любую жару уровень воды в нем был постоянным, а сама вода, как считалось, обладала магическими свойствами. Простолюдины проводили около него церемонии в честь «короля драконов». Однако после строительства подземной автостоянки в 1980-х годах свои необычные свойства колодец утратил

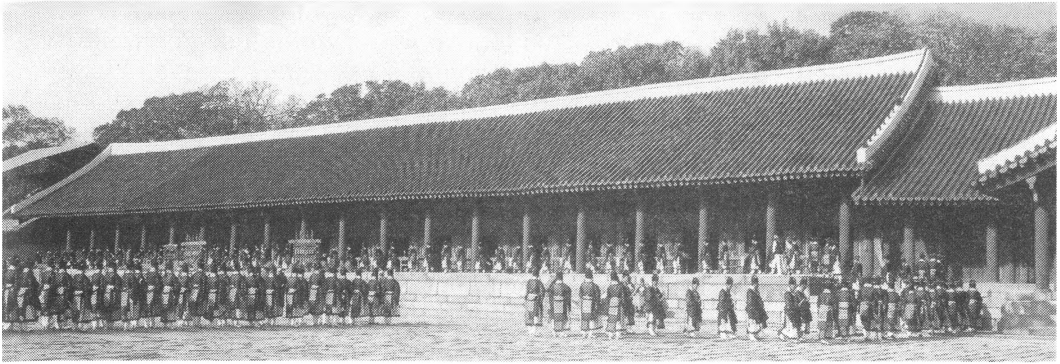
Оберег у колодца – гранитная черепаха

八 – «восемь» и 君 – «правитель». Также делится и иероглиф 葉, только вместо «правитель», там 世 – «поколение». Вместе получается «двадцать восемь поколений правителей». Из опасений, что эта символика отразится на судьбе династии, табличку с названием с ворот сняли, но это не смогло предотвратить неизбежного. 27-й монарх Чосона Сунджон стал последним.

Что такое «чонмё»

Слово *чонмё* 宗廟 – не имя собственное, но в Корее Чонмё один, и потому я пишу это слово с большой буквы. «Чонмё» – понятие китайского происхождения. По-китайски оно читается *цзунмяо* и состоит из двух частей: «предок» (*цзун*, кор. *чон/джон*) и «алтарь» (*мяо/мё*). Одновременно оно и чисто корейское, поскольку именно в Корее этим словом обозначали «храм (алтарь) предков (царствующей) династии». С древних времен в Китае история каждого государства начиналась с разрушения поминального алтаря предыдущей династии и сооружения собственного. Он служил визуальным подтверждением получения Мандата Неба основателем династии, посмертным храмовым именем которого традиционно было Тайцзу (太祖 «Великий предок», кор. Тхэджо). Этим определялась его особая политическая значимость. Храм в честь Тайцзу обычно именовался *таймяо* (太廟 «алтарь Великого предка», кор. *тхэмё*), реже – *цзомяо* 祖廟. В Китае он не был главным. Первым был Храм Неба, где император напрямую обращался к верховному божеству. В Корее, где субординация по отношению к Китаю обычно четко соблюдалась, для храма предков династии предпочитали с VII века название *чонмё*, а не *тхэмё* (*таймяо*). В отличие от Китая, он был главным в Корее, где прямое отношение к Небу имел только основатель династии, непосредственно от него получавший Мандат на правление. От основателя, а не от Небес передавалась легитимная власть его преемникам на троне, и потому не было для вана в государстве ничего важнее, чем осуществляемая через регулярные ритуалы, в первую очередь в Чонмё, связь с усопшими предшественниками.

Чонмё, где хранятся поминальные таблички ванов и королей, был главным храмом Чосона более пяти веков. Сегодня это самый большой конфуцианский культовый комплекс в Корее (его площадь 18,7 га) и самый старый из сохранившихся в мире. В Китае, где и зародилась традиция создания подобных храмов, сохранился «Алтарь Великого предка» *Таймяо* последней династии Цин (1644–1911), но поскольку она пришла к власти на два с половиной века позднее, чем Чосон, он не столь древен. В XX в. *Таймяо* был перестроен и его первоначальный облик не сохранился, в отличие от Чонмё, который сгорел в Имджинской войне (1592), был восстановлен в 1608 г., и с тех пор за 400 лет ни разу не пострадал от пожара и лишь пережил несколько плановых ремонтов. Не проводятся в *Таймяо* и ритуалы. Как сообщают корейские авторы, они прекратились «во времена коммунистической революции». В Чонмё они

продолжаются и сегодня, хотя и с несравнимо меньшими размахом и частотой. Когда-то только регулярных сезонных ритуалов в этом храме ежегодно проводилось в среднем семь: в конце года в день *набиль* 臘日 и в связи с наступлением каждого из главных четырех сезонов (*саси тхэхян* 四時大享), причем приход весны и осени отмечался дважды. В наши дни чонмёский ритуал (*Чонмё чере* 宗廟祭禮) организуется один раз в год в первое воскресенье мая усилиями Ассоциации потомков чосонского правящего рода (*Чонджу Ли сси Тэдон чоньягвон* 全州李氏大同宗約院). Таким образом, Чонмё – это единственный действующий храм подобного рода в мире.

Хотя ритуалы в нем сегодня и весьма сокращены, они по-прежнему сопровождаются древнейшей из той, что известна, корейской музыкой, уникальными песнями и танцами и сохраняют в первозданности «приметы милой старины», возвращающие нас во времена их создателей: Седжона Великого, ученых мужей из Академии мудрецов Чипхёнджон, а также Седжо. Несмотря на то что в 1910 г. эти церемонии утратили государственный статус, а в 1945–1968 гг. на время прекратились, их удалось восстановить с помощью законоуложений и летописей, особенно «книг установленного ритуала» (*ыйгве*), где подробно описано все, относившееся к ритуалу в Чонмё: от устройства алтарей до порядка и жестов церемоний. Дошли до наших дней и жертвенные сосуды, и символические предметы, которых касались руки ванов.

Как указано на сайте Управления культурного наследия, «Чонмё – место, где гармонично соединились особая архитектура, церемонии, ритуальные блюда и посуда, одежда, музыкальные инструменты, музыка и танец. Его комплексная церемониальная культура имеет самую длительную историю в современном мире. Она сложилась к 1462 г. и сохраняется шесть веков почти без изменений. Она основывается на образцах, сформировавшихся в Китае

Ритуал в Главном алтаре Чонмё.

Современная реконструкция.

В отличие от чосонских времен, он проводится днем.

Двери всех 19 камер открыты.

Перед каждой парами стоят жрецы-сановники в парадных костюмах, готовые приступить к жертвоприношениям.

В старину они стояли так по несколько часов – неподвижно, на камнях, в любую погоду, ожидая, когда к их двери подойдет главный жрец – ван.

Фото из коллекции Музея Когун.

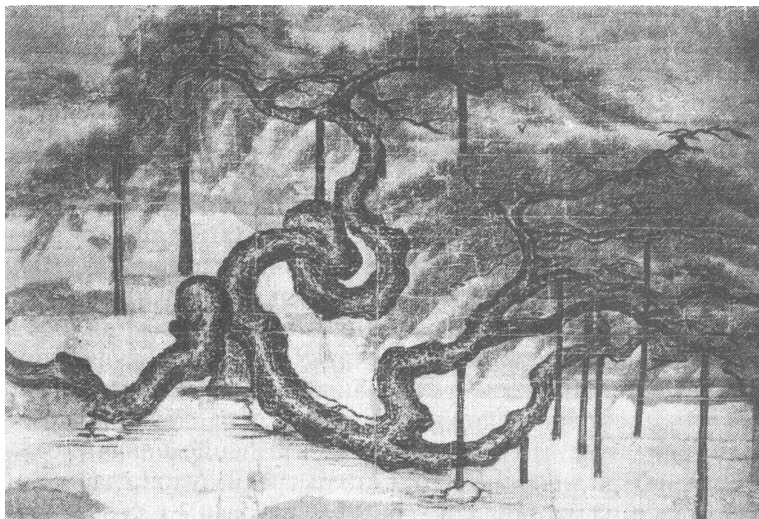
еще во времена династий Ся, Шан и Чжоу (XXII–III вв. до н.э.). Это важнейшее культурное наследие, которое может служить основой для изучения древней культуры Дальнего Востока»⁴.

Особенности почитания предков в Чонмё

В конфуцианстве объекты религиозного почитания делятся на три группы: *чхон чи ин* (天地人). Это духи Неба, Земли и людей. Ритуалы в честь небесных духов в Корее назывались *са* 祀, Земли – *че* 祭 и людей – *хян* 享. Разновидностью последних были *сокчон* 釋奠 в честь Конфуция и конфуцианских мудрецов. *Че* и *са* вместе образовали слово *чеса* 祭祀 – «жертвоприношение», или «поминальный ритуал».

В Чосоне поклонялись множеству божеств, как и в Китае, но кроме Неба (*чхон*). Помимо предков каждой семьи, почитались духи Земли и Злаков, Луны, Солнца, планет и созвездий, ветра и дождя, гор и скал, рек и водоемов, старых деревьев и камней, шелководства и врачевания, городов и деревень, крыш, ворот, амбаров, могил; духи Конфуция и других мудрецов, как китайских, так и отечественных, древних правителей, выдающихся чиновников и героев. Сюда надо отнести также верных престолу, защитивших государство и оказавших ему услуги, почтительных к родителям, знаменитых ученостью и прославивших родную округу, сохранивших целомудрие и справедливость и пр. Их алтари и жертвенники были повсюду, в том числе и в королевских дворцах. Не было в Чосоне только Храма Неба, поскольку право обращаться к Небу напрямую имел только китайский император. У каждого божества было свое место в пантеоне, и почиталось оно определенной группой людей в определенные дни года.

В официальной религии Чосона одни боги были такие же, как в Китае, другие просто носили китайские имена, третьи, в первую очередь предки кланов, были исконно корейскими. Была у них своя, отличная от китайской, иерархия, нередко по-иному понимались их смысл и природа. Но если дух корейского конфуцианства был весьма своеобразен, то буква его основывалась на древних китайских трактатах, и это объединяло ее с китайскими религиозными верованиями. Из этих трактатов корейским конфуцианством были заимствованы основные понятия, и истинность веры определялась степенью им соответствия.

Символ
конфуцианской веры.
«Сосна в Саджиктане»^{*}
кисти великого
живописца Чон Сона
(1676–1759).
Тушь, бумага.
61,5×112 см.
Из коллекции музея
Университета Корё
(Сеул)

Великий русский синолог Н.Я. Бичурин называл конфуцианство «религией ученых».

Официальной датой прихода конфуцианства на Корейский полуостров считается 372 г. н.э., когда в Когурё был основан *Тхэхак* 太學 – конфуцианский университет. Но в реальности оно начало распространяться раньше, постепенно накладываясь на уходящие корнями в глубину веков местные культы природы и предков и трансформируя их. Значение, которое придавалось тому или иному божеству, в зависимости от эпохи менялось, как и сами обряды. На заре истории, когда зависимость человека от природных стихий была особенно велика, им поклонялись прежде всего. В составленной в III в. н.э. исторической хронике *Санъго чжи* (三國志 «Описание Трёх государств», кор. *Самгукчи*) ее автор Чэнь Шоу, опираясь на сведения, привезенные из похода на Корейский полуостров вэйского полководца Гуанью Цзяня, рассказывал, что когурёсцы в обоих концах своих поселений строят большие дома, где совершают жертвоприношения добрым и злым духам, поклоняются также звездам и духам предков. В 10-м месяце они устраивают жертвоприношения Небу, и все люди собираются в центре страны на большое собрание, называемое *тонмэн* 東盟 – «клятва Востоку». А племена *е* (вэй) в 10-м месяце проводят праздник *мучхон* (舞天), во время которого «днем и ночью пьют вино, поют и пляшут». Похожий праздник *ёнго* 迎故 отмечали в «иньском начальном месяце», т.е. в 12-м месяце лунного календаря, и другие древние предки корейцев – пуёсцы⁵.

^{*} Подробнее на с. 454.

Во времена Корё (935–1392) почитали Небо в круглом алтаре (*вонгудан* 圓丘壇) и духов сторон света – в квадратном (*пантхэкхан* 方澤壇). Имелись также алтари в честь предков правящей фамилии (*чонмё*), духов земли и злаков (*саджиктан* 社稷壇) и множества других, например, в честь духа холода (*сахандан* 司寒壇), где свершались ритуалы, если зимой температура была необычно высока или долго не выпадал снег, или когда в 12-м лунном месяце закладывали лед в погреба, или в весеннее равноденствие (*чхунбун* 春分), когда открывали двери погребов. Эти обряды унаследовали и в Чосоне за исключением тех, что проводились в *вонгудане* и *пантхэкхане*, т.е. алтарях небесных духов. С превращением в этот период конфуцианства в главенствующую религию, основной упор государством был сделан на поминовение предков, что сопровождалось падением значимости остальных ритуалов. Предки стали среди духов главными. Ритуалы в их честь были усовершенствованы и строго упорядочены. В результате была создана сложная пятичастная система ритуалов для государевой семьи, основанная на «Уложении о пяти государственных ритуалах» (*Кукчорёый* 國朝五禮義), и четырехчастная система для семей служилых и свободного люда, согласная с «Книгой семейных ритуалов» Чжу Си (*Чжу Си цзяли* 朱子家禮, кор. *Чуджа каре*).

Как и для всех чосонцев, «высшей инстанцией» для корейского вана были его усопшие предки, заботившиеся о благосостоянии живущих потомков. Но было у них и отличие от предков в обычных семьях. Оно состояло в том, что в 1392–1897 гг., вплоть до провозглашения империи, когда впервые в ее столице был построен Храм Неба, предки вана были первостепенными государственными божествами, защитниками и покровителями Чосона. Чонмё был посвящен, в первую очередь, именно им и был главным храмом страны. Через почитание в Чонмё предки династии утверждались и предками всего народа.

В Чонмё совершала ритуалы самая знатная семья в стране – правящая фамилия из клана Ли из Чонджу, и его жрецом был сам государь, получивший через предка-основателя Мандат Неба на правление, а тот, в свою очередь, получил этот мандат благодаря достоинствам и заслугам своих выдающихся предков. От других семейных поминальных алтарей Чонмё отличался не только размерами и особой сложностью и пышностью проводившихся в нем ритуалов, но и количеством табличек поминаемых предков, особым способом их отбора и расположения в алтарях. Весьма отличался он и от китайского Таймьяо, который не только не имел, по мнению корейского двора, «достаточной

внушительности», но и основывался на ином принципе почитания в нем предков. Если в Чонмё «живые потомки шли к усопшим предкам», то в Тяймё таблички предков выносили в место ритуала, т.е. «мертвые шли к живым», что могло восприниматься как нарушение основополагающего принципа конфуцианского учения – «сыновней почтительности» хё.

Как предписывалось «Книгой семейных ритуалов» Чжу Си, в Чосоне чиновные (знатные) кланы *садэбу* 士大夫 имели (за редким исключением для знатнейших семейств) только один алтарь и следовали правилу «четырех поколений», по которому поминальные жертвоприношения в родовых алтарях (*садан* 祠堂) проводились перед поминальными табличками четырех ближайших предков по линии отца: прапрадеда (*коджо* 高祖), прадеда (*чындожо* 曾祖), деда (*чо* 祖) и отца (*ту* 父). По прошествии пяти поколений табличку изымали из алтаря и хоронили в общей с предшественниками могиле. Отныне предок становился дальним. Поминальные ритуалы в честь дальних предков проводились одновременно – в третьем или десятом месяце по лунному календарю ежегодно и довеку – пока живет род. На государственном уровне, где основным руководством в данном вопросе являлось «Уложение о пяти государственных ритуалах» (*Кукчо орей*), почитали не четырех, а всех бывших монархами предков и число их с годами естественным образом росло. В Чонмё два главных алтаря – *Чонджон* (正殿) и *Ённёнджон* (永寧殿), и в них хранятся, в подтверждение преемственности правления, 83 поминальные таблички – 35 ванов, 48 королев, но отсутствуют поминальные таблички двух низложенных монархов – Ёнсангуна (1494–1506) и Кванхэгуна (1608–1623), которые этой чести не были удостоены за недостойные поведение и правление. Это еще одна особенность этого храма, поскольку предки в обычных семьях почитались независимо от их прижизненных моральных и служебных качеств.

Всего в Чосоне правили 27 ванов, но в Чонмё почитаются 35 ванов, при этом реально из них правили 25 (включая Коджона и Сунджона – императоров государства Тэхан чегук). Девять «дополнительных» ванов – это предки основателя династии и отцы (биологические или приемные) отдельных монархов, удостоенные титула вана посмертно в знак признания их особых заслуг. Они назывались *чхуджонван* 追尊王. Еще один из почитаемых носит посмертный титул *хвантхэджа* – «императорский наследник». Его был удостоен принц Ёнчхин-ван (1897–1970) – последний официальный наследник династии, на котором она закончилась. Первые из тех, чьи таблички упокоены в Чонмё, – прапрадед и прадед основателя династии

Мокчо и Икчо, – жили в XIII в. Чонмё, таким образом, – воплощение истории царственного рода за восемь веков^{*}.

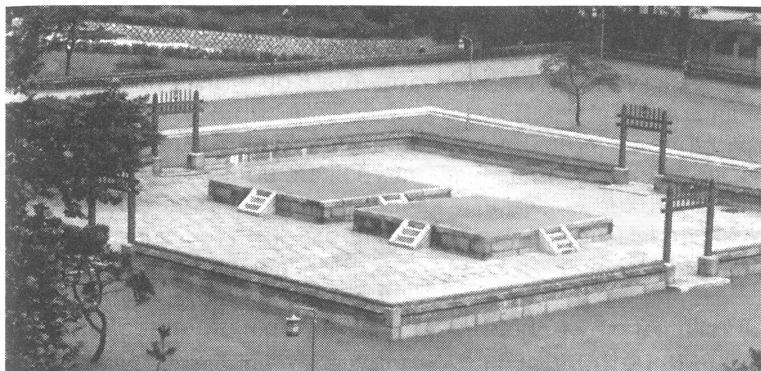
Почитались в Чонмё и прославившиеся верностью (*чхун* 忠) образцовые чиновники (не ниже 2-го ранга, общим числом 88). Им был посвящен специальный алтарь *Консиндан* 功臣堂, и быть удостоенным поминальной таблички в нем было высшей честью для государственного мужа. Тем самым они признавались самыми выдающимися людьми своей эпохи. Так поощрялось служебное рвение. Самыми первыми «верными сановниками» были признаны соратники Ли Сонге Чо Чун (趙浚, 1346–1405) и Ли Чиран (李之蘭, 1331–1402), способствовавшие возведению его на престол. «Лучшими людьми» времен Коджона были избраны Пак Кюсу (朴珪壽, 1807–1877) и Мин Ёнхван (閔泳煥, 1861–1905).

Был в Чонмё и Алтарь семи духов (*Чхильсadan* 七祀堂), которым поклонялись как монаршая семья, так и народ. Это дух человеческой судьбы (*Самён чисин* 司命之神); дух жилых домов (*Сахо* 司戶 чисин); кухонного очага (*Саджо* 司竈 чисин); крыш (*Чунню чисин*); городских ворот (*Кунмун* 國門 чисин); казней и наказаний (*Коннё* 公厲 чисин) и служебных командировок (*Кукхэн* 國行 чисин). Единство божеств в одном храме, и то, что в ритуалах в нем участвовали не только члены царственного клана Ли, но и люди с другими фамилиями (сановники), символизировали духовное единство всего общества.

Другие главные алтари Чосона

Как требовал канон, еще одним важнейшим общегосударственным культовым учреждением Чосона был *Саджиктан* (社稷壇) – «Алтарь духов Земли и Злаков», и выражение *Чонмё Саджик* означало «королевская фамилия и вся страна». Саджиктан был построен в столице одновременно с Чонмё и, по образцу древнейших алтарей Китая, представлял собой квадратное возвышение из утрамбованной земли под сенью могучего дерева, единственного на всей территории – воплощения мифологического «мирового древа», соединявшего Небо и Землю. Образ этого дерева – фантастической, таинственной, «драконовидной» сосны, редчайшей и по своему облику, и по

^{*} См. таблицу 3 «Размещение поминальных табличек ванов в алтарях Чонмё» в Приложениях.

древности, запечатлен на картине великого живописца Чон Сона (鄭敼, псевдоним Кёмджэ 謙齋, 1676–1759), хранящейся ныне в музее Университета Корё в Сеуле. Сейчас в Саджиктане такого дерева нет. Вполне возможно, что эта сосна никогда не существовала в действительности, что это художественный символ, созданное воображением мастера отражение суеверного страха и других чувств верующего, возникавших у него при мысли об этом закрытом для обычного смертного святилище.

Ритуалы в Саджиктане шли в унисон с круговоротом природы и движением Космоса. Весной и осенью ван совершал здесь жертвоприношения в честь «Божественного земледельца» Шэньнуна (神農, кор. Синнон) и «господина-зерно» Хоу-цзи (后稷 кор. Худжик), – собиравшего большие урожаи управителя земледелия при императорах Шуне и Юе, а по другим данным – при Яо (т.е. в XXIV–XXIII вв. до н.э.). Обращенные к Хоу-цзи песни-моления об урожае содержались уже в самом древнем памятнике китайской классической литературы *Шицзин*. Хоу-цзи – посмертный титул. По преданию, при жизни он именовался Ци и был родоначальником княжеского рода Чжоу. Затем ван отправлялся на жертвенное поле (*тонджокчон* 東籍田), в четырех километрах к востоку от столицы, где весной совершал ритуал *чхингённе* (親耕禮), во время которого лично проводил плугом первую борозду, а осенью – ритуал *чхинйере* (親刈禮), когда собирал серпом урожай. Тем самым он подавал пример всему народу, который представляли на церемонии наследник, два десятка избранных чиновников, 40 столичных старейшин и 50 крестьян из провинции Кёнги, каждый из которых приходил сюда со своими быками, плугом или серпом. По правилам, вану и наследнику полагалось посадить во время церемонии по 80 кг семян каждого вида, но в реальности они лишь начинали дело, а прочие завершали его. Быков вана во время церемонии вели два крестьянина, а само

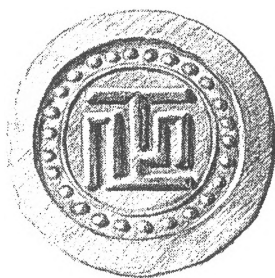
Алтарь Саджиктан в Сеуле, где проводились церемонии в честь духа Земли (*Са*) и духа Злаков (*Чик*). В земледельческой Корее имел исключительное значение. Согласно «Великому уложению по управлению государством» (*Кёнгук тэджон*), был главным государственным алтарем, хотя ваны отдавали явное предпочтение Чонмё. *Фото 1980-х годов*

«Ван и высшие сановники» (потомки бывшего королевского рода Ли из Чонджу) совершают жертвоприношение в Саджиктане. *Фото 2002 г. Предоставлено доктором Ён Кансу*

поле трижды вспахивалось перед тем, как на него вступал царственный земледелец.

Ритуалы в Саджиктане для Кореи имели огромное значение. С их помощью ван не только побуждал народ к труду, подчеркивал роль земледелия как главного мужского занятия, давал надежду на урожай, но и демонстрировал свои высокие моральные качества, свое подобие идеальным правителям древности, которые были «любовью к людям подобны Небу и неустанно заботились о народе».

Образцом трудолюбия для женщин и просительницей изобилия от их имени у богов выступала королева, ежегодно в «день змеи» 3-го лунного месяца совершавшая ритуалы в Алтаре шелководства (*Сонджамдан*) за малыми восточными воротами дворца. Этот алтарь, также являвшийся культовым учреждением государственного значения, хотя и второго порядка, был посвящен богине шелководства Сяньцань (先蠶, кор. Сонджам), в которую, по легенде, перевоплотилась Силин (西陵, кор. Сорын) – главная супруга Желтого императора, первой на земле начавшая разводить шелковичных червей⁶.

Иероглиф *чон*
(正 «истинное»),
синоним ортодоксии.
Черепица
из Алтаря Конфуция
в Сонгюнгване.
Прорисовка С. Палмера.

Четвертым государственным храмом Чосона был Алтарь Конфуция *Мунмё* (文廟) в университете Сонгюнгван (成均館), через ритуалы в котором подчеркивалась преданность конфуцианской традиции. В нем ван и сановники поклонялись в первую очередь великим китайцам древности:

- самому Великому Учителю Куну;
- «четырем совершенным» (四聖) – его главным последователям, а именно: Янь-цзы, Цзэн-цзы, Цзы Сы, Мэн-цзы;

Янь-цзы (顏子, кор. Анджа, также Янь Юань, 521–491 гг. до н.э.) – один из любимых и наиболее почитаемый ученик Конфуция. В *Луньюй* говорится о нем следующее: «Янь Юань как-то спросил Конфуция о том, что такое человечность. Учитель ответил: “Быть человечным – значит победить себя и обратиться к ритуалу. Если однажды победишь себя и обратишься к ритуалу, все в Поднебесной признают, что ты человек. От самого себя, не от других, зависит обретение человечности”. “А не могли бы вы объяснить более подробно?” – продолжал спрашивать Янь Юань. Учитель ответил: “Не смотри на то, что чуждо ритуалу. Не внемли тому, что чуждо ритуалу. Не говори того, что чуждо ритуалу. Не делай ничего, что чуждо ритуалу”. Янь Юань сказал: “Я хоть и не сметлив, позвольте мне заняться исполнением этих слов”».

Цзэн-цзы (曾子, кор. Чынджа, также Цзы-юй 曾參, 506–437 гг. до н.э.) – ученик Конфуция. Ему приписывают, наряду с Цзы Сы,

авторство книги «Великое учение» (*Дасюэ* 大學, кор. *Тэхак*) и «Книги о сыновней почтительности» (*Сяоцзин* 孝經, кор. *Хёгён*).

Цзы Сы (子思, кор. Часа; также Кун Цзи 孔伋, ок. 483 – ок. 402 гг. до н.э.) – единственный внук Конфуция. Учение деда изложил в систематической форме в фундаментальных трактатах *Чжунюн* (中庸, кор. *Чуньён* «Учение о середине»), где весь традиционный уклад жизни сведен к «пяти отношениям», и *Дасюэ* («Великое учение»). Основатель одной из восьми философских школ, на которые разделилось раннее конфуцианство после смерти Конфуция. Учитель (?) Мэн-цзы.

Мэн-цзы (孟子, кор. Мэнджа, также Мэн Кэ, 371–289 гг. до н.э.) – выдающийся философ, автор *Мэн-цзы* – одного из главных конфуцианских канонов, где впервые особое внимание было уделено «пяти правилам [человеческих] отношений» (*орюн* 五倫), составляющих основу конфуцианской этики.

- «десяти просветленным» (十哲) – его любимым ученикам;
- «шестерым мудрым» (六賢) – жившим в Сун в XI–XII вв. основоположникам неоконфуцианства (в первую очередь Чжу Си);
- знаменитым мудрецам периодов всех китайских династий начиная с Чжоу.

Число поминальных табличек великих китайцев к концу Чосона достигло в Мунмё 190. Почитаемых в Мунмё корейцев было 18. Это 14 великих ученых Чосона и по двое из Силла (Соль Чхон и Чхве Чхивон) и Корё (Ан Хян и Чон Монджу).

Соль Чхон (薛聰, псевд. Чхонджи 聰智, даты жизни неизвестны – VII в.) – «отец конфуцианской учености» в Корее, изобретатель письменности *иду* 吏讀. По легенде, это произошло около 680 г. Канонизирован в 1022 г.

Чхве Чхивон* (崔致遠, псевдоним Коун 孤雲, 857–910?) – один из первых корейских «четырёх великих конфуцианцев», государственный деятель, политический и военный стратег, историограф, каллиграф, прославленный поэт корейской древности, автор произведений, которые считаются «основой и началом сочинений Восточной страны [Кореи]» – так оценил творчество Чхве Чхивона Хон Сокчу (1774–1842), министр и литератор времен Сунджо⁷.

Ан Хян (安珣, псевдоним Хвехон 晦軒, 1243–1306) – первый проповедник неоконфуцианства в Корее. Канонизирован в 1319 г.

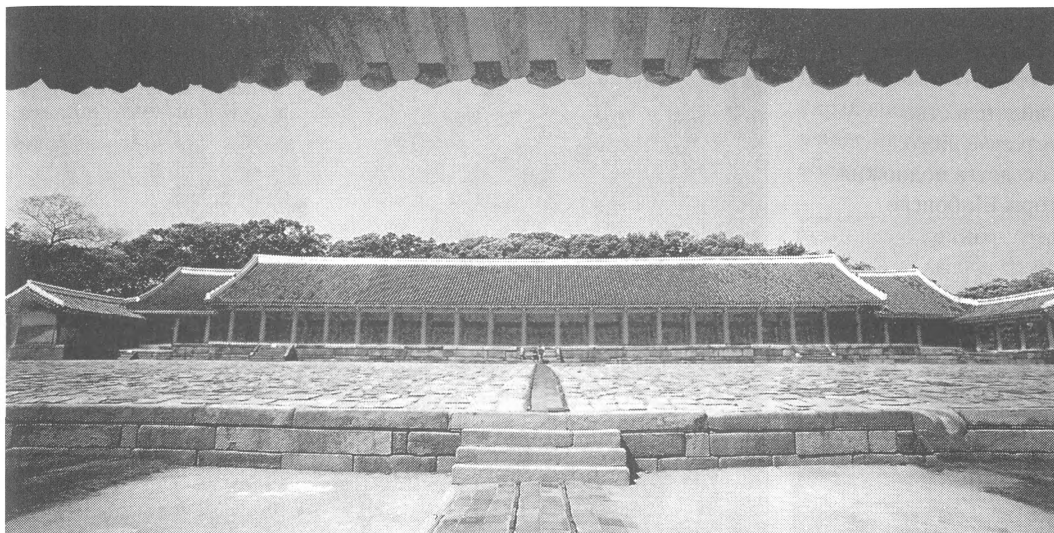
* Подробнее о нем см. на с. 191.

Чон Монджу (鄭夢周, псевдоним Пхоын 圃隱, 1337–1392), сановник и видный ученый, который остался в народной памяти как «идеальный верноподданный», который предпочел смерть предательству своего государя – последнего вана Корё, но почитается в Чонмё в первую очередь как один из первых последователей неоконфуцианства. Канонизирован в 1517 гг.

Ритуалы в четырех государственных алтарях (Чонмё, Саджиктан, Мунмё и Сонджамдан) складывались с первых дней династии. Отправляются раз в год они и сегодня, кроме Сонджамдан. Среди корейских конфуцианцев не было единого мнения относительно того, какой из алтарей выше по статусу: Чонмё, Мунмё или Саджиктан. Великий философ и политический деятель Ли И (李珥, псевдоним Юльгок 栗谷, 1536–1584) ставил превыше всего Мунмё. Но хотя ритуалы и в Саджиктане, и в Мунмё были государственными и первые были определены в «Кодексе законов Чосонской династии» (經國大典 *Кёнгук тэджон*) как главные, они уступали по размаху тем, что проводились в Чонмё. Правящий дом отдавал явное предпочтение ритуалам Чонмё перед другими.

Символ государя

Главным жрецом, единственным человеком в стране, обращавшимся во время регулярных ритуалов напрямую к духам-покровителям государства, был ван, и это утверждало его божественную природу и центральную роль в обеспечении процветания страны. Заменить его мог только наследник или, по особому назначению, высший сановник. «В незримом фокусе отраженного в ритуалах вселенского круговорота стоял правитель – “единственный” из людей и единственно недвижимый среди всеобщего движения. В нем сходились жизненные силы, “семена” всего сущего, отчего он обладал таинственной способностью изнутри, без насилия воздействовать на все живое. Эту мистическую преобразующую силу в Китае называли *дэ* (德, кор. – *ток*). Благодаря правителю всходили хлеба и созревали плоды, рассеивались зловредные влияния в мире и благоденствовал народ. Неурожай или нашествие врагов, мор или усобица – это были признаки немощи государя, и за это все он был в ответе. Государство мыслилось как тело государя. В дальневосточной традиции правитель не был индивидом, «лицом» или даже должностью. Он был

Чонджон – Главный алтарь Чонмё. Свой нынешний облик он приобрел в 1836 г., став одним из самых больших строений Дальнего Востока

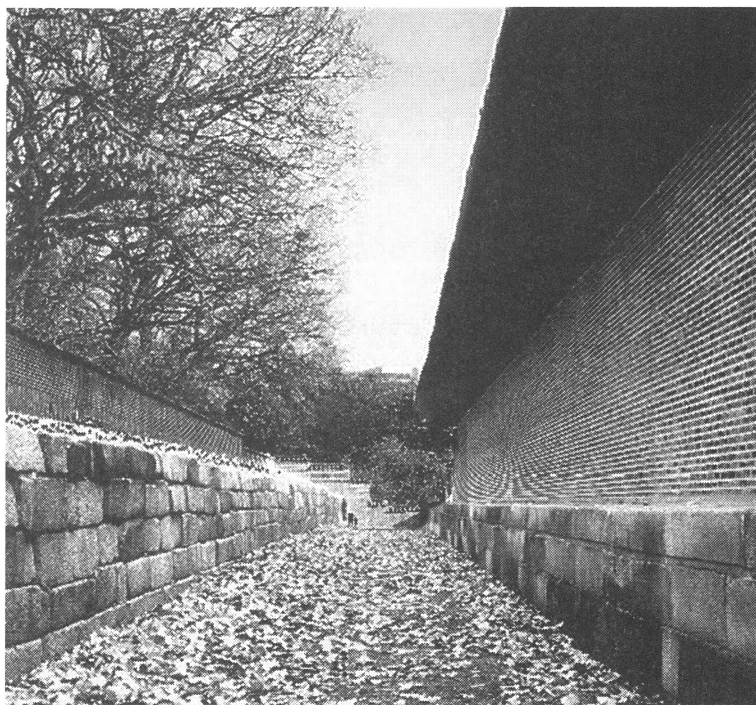
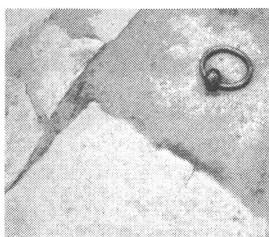
Дополнительный алтарь Ённёнджон начали возводить во времена Седжона (1418–1450). Его особенность – крыша из трех секций, приподнятая в центральной части над местом, где хранятся таблички четырех предков основателя династии

Присутствием, и притом столь же вездесущим, сколь и сокровенным, ибо нет ничего неприметнее того, что сполна присутствует повсюду»⁸. Дэ (*ток*) – важнейшее понятие в оценке личности правителя. В дальнейшем это слово встретится нам неоднократно, и я буду переводить его как «достоинство».

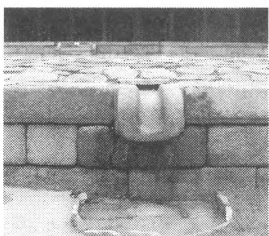
«Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует», – говорил старший современник Конфуция, великий китайский мудрец Лао Цзы (老子). Ван покидал свой дворец чрезвычайно редко: для встречи китайских послов у западных ворот столицы, посещения алтарей и могил предков, ритуальной охоты или руководства военными маневрами или поправки здоровья на горячих источниках. Для своего народа он был больше символом, чем живым человеком. И такой же безликой кажется и архитектура Чонмё.

Чонмё – типичный образец средневековой дальневосточной архитектуры, устройство которого принципиально не отличается от дворцов или буддийских монастырей, строить которые по единой схеме начали в Коре

Задняя стена
Главного алтаря.
Это фото –
свидетельство
естественного
соседства подножия
горы Ынбонсан
(его границу очерчивает
стена слева)
и культовой постройки,
возведенной без ущерба
окружающей среде.
*Предоставлено
проф. Хон Сунмином*

Вбитые
в гранит площадей
железные кольца
для крепления
защитных тентов
напоминают о суровых
погодных условиях,
в которых нередко
проходили ритуалы

Гранитный водосток

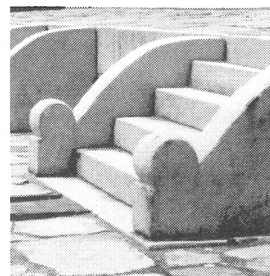
еще со времен Трех государств. Как и они, Чонмё представляет собой группу окруженных общей стеной и объединенных в подворья по функциональному принципу сооружений, но при этом явно уступает им внешне. В Чонмё нет «цветочных» стен, нарядных зданий, причудливых беседок, как во дворцах, но роль его была важнее. Если дворцы символизировали земную власть и богатство правителя, то этот храм – его божественную сущность.

Возникнув в Северном Китае в эпоху Чжоу, за века истории конфуцианская храмовая архитектура менее всего подверглась изменениям. Чисто конфуцианских элементов декора никогда не существовало, и хотя конфуцианские храмы Восточной Азии сегодня украшены некоторыми символами, все они заимствованы из буддийских и даосских храмов, и представлены скупой и лаконично. Наиболее аскетичной за пределами Северного Китая была архитектура в Корее. Это касается всех видов построек, но конфуцианских в особенности. Декоративные детали в них крайне скудны. В устройстве Чонмё более всего отразились приверженность старине и эстетические ценности конфуцианства. Его внешняя простота поразительно контрастировала с пышностью проводившихся здесь ритуалов, и это наводит на мысль о том, что Чонмё, как пространство ритуала, был сценой, своего рода

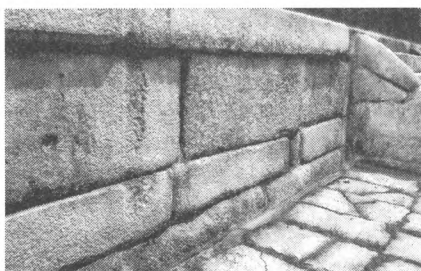

Гранитное крыльцо
восточного флигеля
Главного алтаря
украшено декором
в виде клубящихся
облаков

Главное крыльцо
Ённёнджона.
«Лестница духов»,
по которой могли
перемещаться только
поминальные таблички

Гранитные блоки
цоколей главных
алтарей датируются
XVII-XIX вв.
Они различны по форме,
размерам и качеству
обработки, отражая
этапы истории
Чонмё

Брусчатка
главных площадей
из грубо отесанных
каменных плит
явно не создана
для удобной ходьбы

театром, где самое главное – действие и актеры, среди которых ведущим был монарх.

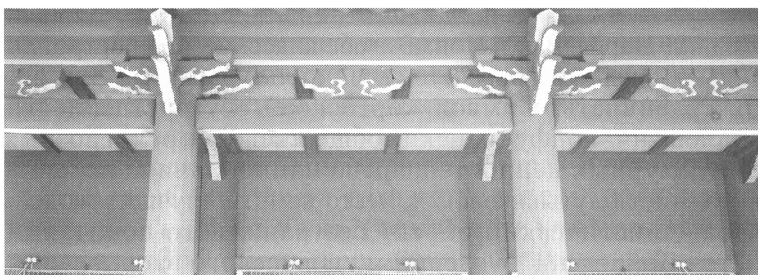
Ван был высшим жрецом государства. В Чонмё он проводил самые сложные из предписанных этикетом ритуалов. Но, по сути, вся его жизнь представляла собой сплошной ритуал, начиная с момента, как он ступал за порог своей спальни – единственного места, где ему позволено было быть простым смертным. Он становился символом по мере того, как завтракал, облачался с помощью придворных дам и евнухов в подобающие его положению и конкретному дню и случаю одежды, надевал головной убор. Следующее превращение наступало, когда он покидал пределы своей резиденции и к нему присоединялась свита. Жизнь вана была цепью ритуальных превращений. От него требовалась точность выбора слова, жеста и поступка, действие всегда «ко времени». В этом был «путь вана» (*одо*), мерило его достоинства (*ток*), и не случайно ваны, не выросшие во дворце, как например Чхольчон (1849–1863), взойдя на престол, так и не освоили секрет этих постоянных трансформаций.

Ваны, судя по всему, были хорошими актерами. Записи древних китайских знатоков ритуала (а корейцы тщательно им следовали) дают представление о том, сколь тщательно должен был следить за собой участник разных ритуалов в ту эпоху – например, обряда жертвоприношения предкам. Сыну, собравшемуся почтить покойного родителя, перед началом церемонии полагалось «стоять, выражая свою почтительность легким поклоном». Приступив к исполнению обряда, он должен был «выказать радость». Когда он приносил жертвы, ему следовало «являть своим видом почтительность и воодушевление». Покидая зал для жертвоприношений, он должен был «нести на лице печать благоговейной торжественности» и т.д. Как предполагает китаевед В.В. Малявин, древний Китай не знал театра, потому что древние китайцы не имели потребности в созерцании некоего отвлеченного образа их чувств, ибо их подлинным театром была их собственная жизнь. По его мнению, в наследие от тех времен осталась особая чувствительность китайцев в общении, их способность и сегодня тонко чувствовать малейшие перемены в настроении собеседника⁹. То же можно сказать о Корее, где эту «тонкую чувствительность» мне не раз доводилось почувствовать самой. Подтверждение этой мысли можно найти и в замечании о «единственном спектакле этой цивилизации» Изабеллы Бишоп, четырежды (в 1894–1897 гг.) побывавшей в Корее и близко познакомившейся с государевой семьей и дворцовыми обычаями.

«Восточный Парфенон»

Чонмё в Корее называют «Восточным Парфеноном». Как пишут искусствоведы, «подобно тому, как этот древнегреческий храм является высшим достижением своей эпохи и воплотил основные черты классического стиля, получившего в последующие времена широкое распространение в Европе, Чонмё в наиболее совершенном и чистом виде отразил основные принципы и дух зародившегося три тысячи лет назад в царстве Чжоу восточного строительства и вобрал в себя универсальные черты, которыми должна обладать каноническая храмовая постройка»¹⁰.

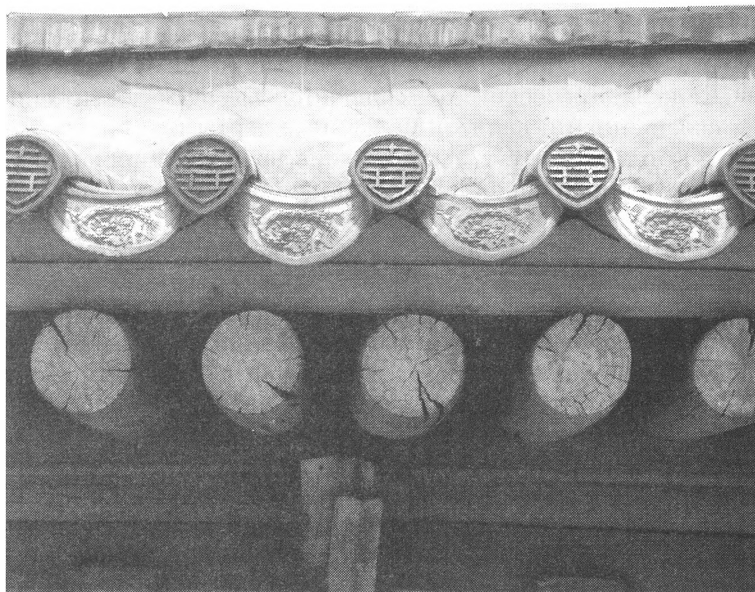
Это утверждение покажется странным побывавшему в Чонмё европейцу, представляющему, что такое Парфенон. Построенный в V в. до н.э. главный храм древних Афин, он является одним из символов не только античной культуры, но и красоты вообще. Это сделало его спустя века образцом для подражания, когда в XVII–XIX вв. в Европе стал развиваться новый художественный стиль – классицизм. Чонмё нельзя назвать прекрасным. Не стал он и «прародителем» стиля, как это было с Парфеноном, а наоборот, сам «вобрал в себя универсальные черты». Не похож он и на древние китайские постройки трехтысячелетней давности, ибо в то время совершенномудрые государи, как рассказывают легенды, обитали в домах под соломенной крышей. Алтари Чонмё крыты черепицей. Летописи сообщают, что когда в 669 г. до н.э. в храме предков правителей Лу, на родине Конфуция, появились стропила, украшенные резьбой, а деревянные колонны храма покрыли красным лаком, в придворных кругах поднялась буря протестов из-за того, что правитель отошел от «целомудренных» обычаев отцов чжоуской державы, воздвигавших себе храмы и дворцы с некрашеными столбами и соломенными крышами¹¹. В Чонмё столбы крашены красным лаком. Известно, что при его возведении перед строителями была поставлена задача сделать его более величественным, чем это было в Китае.

Маленький деревянный «барабан» со знаком «великого предела» у Южных ворот, куда «входили» духи

Дополнительную внушительность этому красноречивому в своей сдержанности архитектурному пространству придают крытые красным лаком и подчеркнутые голубовато-зеленым балки и «бычьи языки» перекрытий

Черепица, украшенная
иероглифом *хи* 喜
(радость)
и изображениями
четырёхпалых
драконов, –
скупой декор крыши
Главного алтаря.
Видны грубо
обрубленные балки,
и это не небрежность
строителей

Обереги-чапсан
на крыше Ённёнджона
возглавляет
пришедший
из китайского
фольклора
Царь обезьян –
герой и волшебник,
который в корейском
конфуцианстве
воспринимался
как символ духовного
самосовершенствования
и просветления.
Голова дракона *ёнду* –
знак вана

И Парфенон, и Чонмё – обе классические постройки, только каждая в контексте своей культуры. Я бы не стала их сравнивать. Символ корейской государственности, воплощение конфуцианских общественных, религиозных и культурных ценностей, арена национальной истории в течение полутысячелетия, место памяти «лучших людей» эпохи, мистический объект безграничного почитания, источник легенд, суеверий и творческого вдохновения,

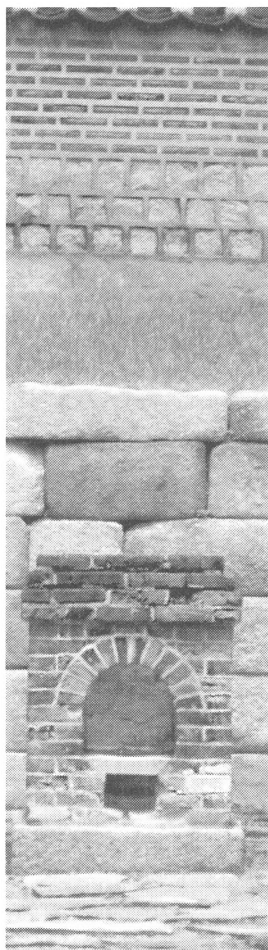
модель общества и мироздания, единственное в своем роде пространство ритуала, Чонмё уникален по-своему. Это знаковая культовая постройка, и за ее внешней простотой скрываются сложнейшие понятия. «Классицизм» Чонмё заключается в первую очередь в том, что это воплощенный в архитектуре конфуцианский книжный канон.

В культе предков, игравшем первостепенную роль в верованиях корейцев в период Чосон, не было ничего нарочито грандиозного и величественного. Почитая предков, они, как и китайцы, поклонялись не статуям, не иконам, а стилизованным до полной условности образам богов – деревянным табличкам. Даже у ванов они умещались в одном сундучке, и правитель без труда мог взять его с собой, отправляясь в военный поход или в изгнание. Так случилось во время Имджинской войны, когда Сонджо, спешно покидая Сеул перед вступлением в него японских войск, взял таблички предков с собой как главный багаж в скитаниях.

Традиция использовать каменные и деревянные таблички в религиозных обрядах зародилась в Китае на заре цивилизации. Исследователи древних иероглифов, в частности Б. Калгрэн, считают, что правая составляющая иероглифа *цзу* (祖, кор. *чо*, «предок»), которая воспроизводилась уже на гадательных костях эпохи Шан–Инь и обозначала понятие «дед, предок», представляет собой изображение фаллосообразной поминальной таблички¹². В Шан–Инь сложился и обычай передавать главенство в доме старшему сыну от главной жены, который одновременно с властью и имуществом получал право совершать жертвоприношения предкам. Та же система была принята и на государственном уровне, поскольку на раннем этапе семейно-клановая организация и государство полностью совпадали. Со временем поминальные таблички стали помещать в алтарях – первоначально по одному на каждого предка с супругой. Потом алтари были объединены в один с отдельными комнатами-камерами для каждой пары.

История каждой династии в Китае начиналась со строительства алтарей Неба, Земли и Злаков, а также предков. Первое связанное с *таймё* (чонмё) правило было изложено в *Чжоу ли* («Чжоуский этикет», III в. до н.э.). Оно определяло принцип выбора места для их строительства и гласило: *ц з о м я о ю с ы* (左廟右社, кор. *чвамёуса*), т.е. «слева (от дворца) – алтарь предков династии, справа – алтарь Земли и Злаков».

В *Лицзи* («Записки о ритуале», IV–I вв. до н.э.) оговаривалось количество дозволенных алтарей в зависимости от статуса: «Сын Неба почитает семерых предков, удельный князь (*чеху*) – пятерых». Императору полагалось иметь семь поминальных алтарей, вану –

Печь для сжигания
ритуальных писем

пять, высокопоставленным чиновникам 1–4 рангов (*тэбу* 大夫) – три, чиновникам более низкого ранга (*са* 士) – один. В минское время число алтарей для императора увеличилось до девяти, и потому в *таймё* минских и цинских императоров было девять камер для хранения табличек. В чосонском Чонмё почитались 35 ванов и потому имелось 35 камер-алтарей. Простолюдинам алтарей иметь не разрешалось, и они проводили поминальные церемонии дома.

Определялся в *Лицзи* и порядок размещения табличек: *сань чжао сань му* (三昭三穆, кор. *самсо саммок*), т.е. в центре – основатель (*тайцзун*), слева – его предки во втором, четвертом и шестом колене; справа – в третьем, пятом и седьмом. Ряд предков слева от родоначальника считался «отцовским», а справа – «сыновним». Это для императора. Для удельного правителя, к которым относились и ваны, правило было *эр чжао эр му* (二昭二穆, кор. *исо имок* – «в центре – основатель, слева – предки во втором и четвертом колене; справа – в третьем и пятом»).

В период Поздней Хань (25–220 г. н.э.) отдельные алтари объединили в одно здание, разделенное на комнаты-камеры (*тхэсиль* 太室), каждая из которых была отведена определенному предку. Так родилась система *тун тан и ши* (同堂異室, кор. *тондан исиль*), т.е. «общий храм – отдельные камеры».

Еще одно правило *си шан* (西上, кор. *сосан*) – «запад – главное» определяло приоритеты в размещении табличек внутри алтарей. Главенствующим местом была признана западная часть алтарной постройки. В ней и должна была помещаться отныне поминальная табличка основателя, а таблички его преемников в хронологическом порядке следовали в восточном направлении от него.

Поначалу, когда по прошествии соответствующего социальному статусу рода числа поколений предок становился дальним, его табличку сжигали и подносили ему жертвы раз в год, одновременно со всеми другими дальними предками. Это правило действовало для всего населения. В дальнейшем было принято решение о недопустимости сжигания табличек государей, и их стали сохранять. В сунское время (960–1279) появилась система *бемё* (別廟, кор. *пёльмё* – «дополнительный алтарь»). Согласно ей, рядом с главным алтарем стали строить дополнительный, куда переносили таблички предков старше седьмого (пятого) поколений.

Так сложились главные принципы устройства поминальных алтарей государей в Китае: *цзюмё юсы*; «Сын Неба почитает семерых предков, удельный князь – пятерых»; *эр чжао эр му*; *тун тан и ши*; *си шан*; *бемё*. Все они нашли воплощение в архитектуре Чонмё.

Устройство Чонмё

«Спустишься с коня» – гласит надпись на каменной стеле у входа в это святилище. Здесь все выходили из паланкинов, в том числе и монарх. Перед предками он был не более чем один из множества в бесконечной веренице потомков. Свита оставалась снаружи, а внутрь проходили только посвященные: те, кто имел непосредственное отношение к ритуалу. Средняя секция ворот была предназначена для духов. Она и сегодня открывается только для них, раз в год в день ритуала. Справа входил ван, слева – наследник. Войдем и мы следом.

Сразу за воротами начинается дорога. Она выложена камнями столь неровными, что идти по ним можно только медленно и осторожно, как и подобает приближаться к божествам. Центральная ее часть чуть приподнята. Это дорога духов (*синхьянно* 神香路), по которой несли поминальные таблички, курильницы и ритуальные тексты. По бокам – дорога вана (*оро* 御路, справа) и дорога наследника (*седжаро* 世子路). Сопровождающие (только мужчины) шли по утоптанной земле по сторонам. Женщинам вход в Чонмё был воспрещен, кроме, конечно, царственных духов королев. Это правило распространялось и на все другие алтари в стране, кроме Сонджамдан.

Вскоре дороги расходятся. Дорога духов ведет к центральным воротам главного алтаря. Две другие сворачивают к Дому королевского почтения (*Осуксиль*). Это подворье, из трех скромных, на низком цоколе, т.е. не отапливаемых, зданий по периметру двора, где ван и наследник, войдя через западные ворота, проводили в полном молчании несколько часов, омываясь холодной водой, сосредотачиваясь и облачаясь в церемониальные одежды. Здесь заканчивалась подготовка к ритуалу, к которой ван приступал за семь дней до его начала. Духовно и физически очищаясь, он медитировал, постился, не пил вина, не ел лука и чеснока, не слушал музыку, не выносил приговоров и вообще не занимался судебными делами, уклонялся супружеского ложа, не посещал больных и умерших и пр. Спустя несколько часов, когда наступало назначенное астрологами время, ван выходил через восточные ворота Осуксиль и по «дороге вана» проходил через Восточные ворота главного алтаря Чонджон на площадь.

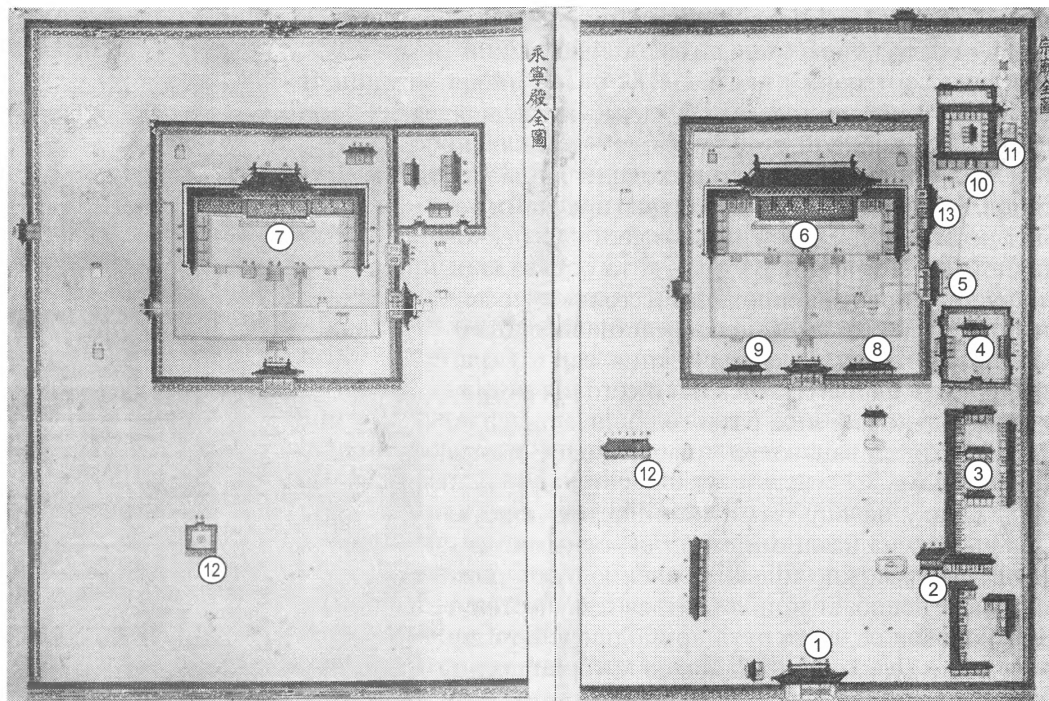

«Кто бы ты ни был, спустись с коня», – гласит надпись на стеле у входа в святилище

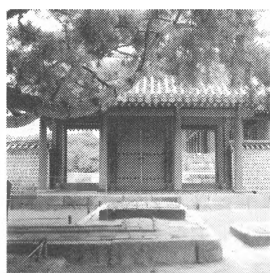

Западные ворота Дома королевского почтения, где дорога ритуала разделяется надвое

План Чонмё.
Картина со старинной
дворцовой ширмы, где
представлены основные
постройки храма:

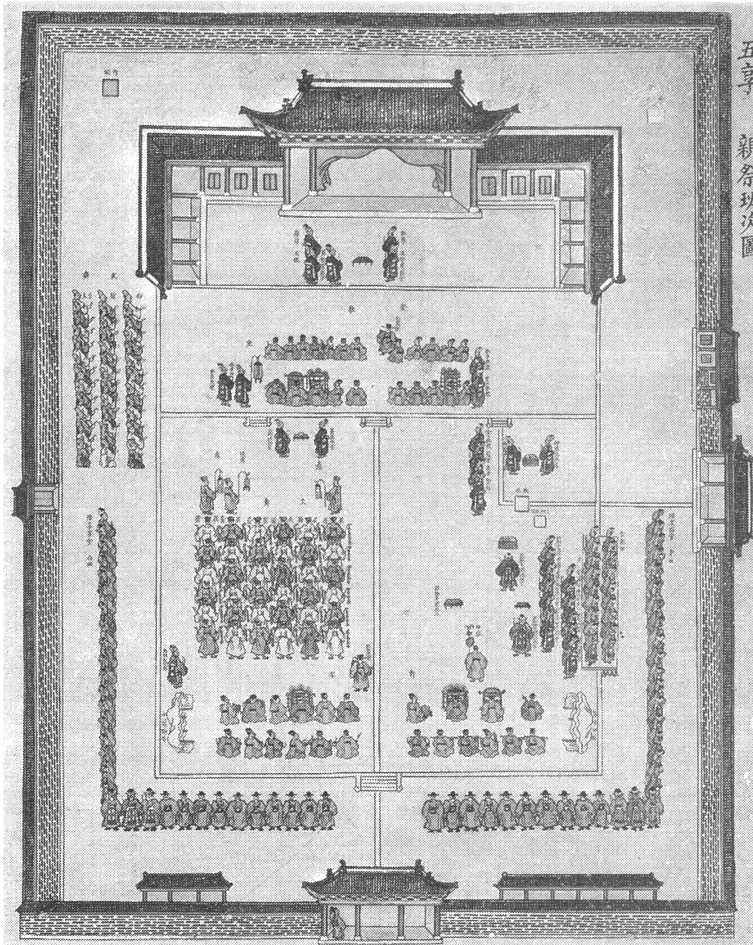

Трехстворчатые
Восточные ворота
Главного алтаря.
Центральный проем –
только для вана.
В правый и левый
входили наследник
и сановники

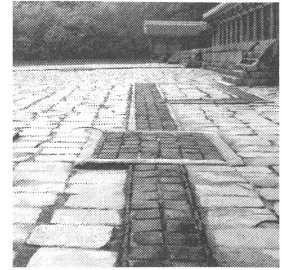
① Главные ворота;	④ Осуksиль 御肅室;	⑨ Алтарь семи духов
② Павильон	⑤ Восточные ворота	Чхильсadan 七事堂;
«Размышлений	Главного алтаря;	⑩ Кухня
о предках страны»	⑥ Главный алтарь	Главного алтаря
Манмёру 望廟樓;	Чонджон 正殿;	Чонсачхон 典祀廳;
③ Склад благовоний,	⑦ Дополнительный	⑪ Колодец;
ритуальных	алтарь	⑫ Хранилища
предметов,	Ённёнджон 永寧殿;	музыкальных
место пребывания	⑧ Алтарь	инструментов
сановников	заслуженных	Аккончхон 樂工廳
Хяндэчхон 香大廳;	сановников	⑬ Помещение
③ Алтарь Конмин-вана;	Консиндан 功臣堂;	для прислуги

Занятие исходной позиции (*чхви* 就位) являлось начальным этапом ритуала. Выйдя на площадь, ван останавливался в ее восточной части на «своем месте»: выложенной темным камнем площадке *пханвидэ*. Во время ритуала ему предстояло подняться отсюда по ступеням на верхнюю террасу и пройти вдоль всей длины алтаря к западному его концу, где находилась табличка Основателя. Так подчеркивалась его роль связующего звена между прошлыми и будущими поколениями рода и превосходство власти духов над властью светской. В обычной жизни ваны ходили пешком крайне мало.

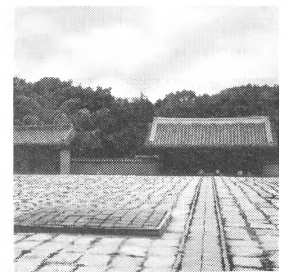
Расположение участников церемонии в Чонмё.
Картина с дворцовой ширмы XIX в.
Музей Когун

«Дорога вана» фиксировала все этапы ритуала. Для этого на ней были оборудованы площадки *пханвидэ*. С прибытия вана на *пханвидэ* у восточного крыла Чонджона ритуал начинался

Одновременно через южные Ворота Духов в алтарь вносили ларец с благовониями и текстами молитв. Это было сигналом для оркестра. Он начинал играть и сразу приходили в движение танцоры (и они же одновременно певцы), вошедшие перед тем через Западные ворота. Точное соблюдение направления движения было чрезвычайно важным.

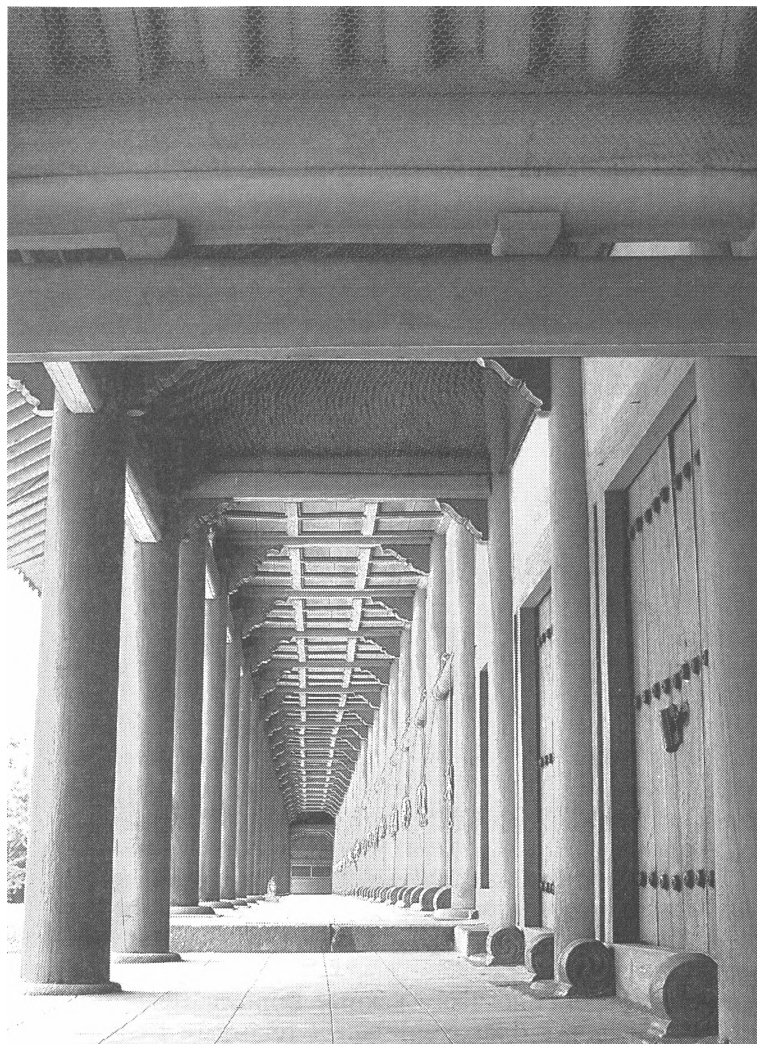
Площадь перед Главным алтарем – это выложенная камнем приподнятая платформа 109×69 м, занимающая почти все пространство двора. Сам алтарь стоит на каменном цоколе в ее северной части (подобно тронному залу во дворце), к нему ведут две каменные лестницы. Алтарь очень длинный и от того кажется еще более приземистым. Его длина – 101 м, площадь 1270 кв. м. Свой нынешний облик Чонджон приобрел в 1836 г. и стал, таким образом, одним из самых больших деревянных строений Дальнего

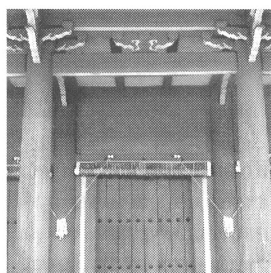
Когда ван достигал *пханвидэ* в центре площади рядом с «дорогой духов», ритуал завершался

На каменном цоколе
в северной части
площади
Главного алтаря стоит
его главная постройка –
хранилище
49 поминальных
табличек особенно
заслуженных, а также
последних ванов
и их главных супругов

Галерея в Чонджоне –
главное пространство
чосонского королевского
ритуала

Двери алтарных камер.
Всего их в Главном
алтаре 19

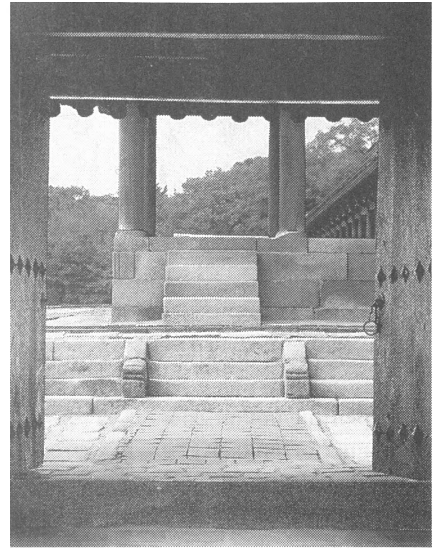
Востока вслед за «Золотым храмом» буддийского монастыря Тодайдзи в городе Нара в Японии (площадь 3300 кв. м) и Тронным залом Тайхэдянь («Зал Высшей гармонии», 3350 кв. м) во дворце минской и цинской династий Гугун в Пекине.

Словно оберегающие крылья, с флангов алтарь «обнимают» флигеля, каждый длиной по 5 кхан (9 м). Ряд могучих красных (этот цвет, по поверью, отпугивает злых духов) столбов поддерживает крышу галереи, идущей по его фасаду. Их 20 – необычно много для традиционной постройки, и они кажутся лесом. В их повторении задается ритм, свойственный ритуалу, который состоял из строгой последовательности множества одинаковых

действий перед каждой из хранящихся здесь табличек ванов и длился несколько часов. Тень галереи – переходное пространство между миром мертвых и миром живых, здесь и свершаются жертвоприношения.

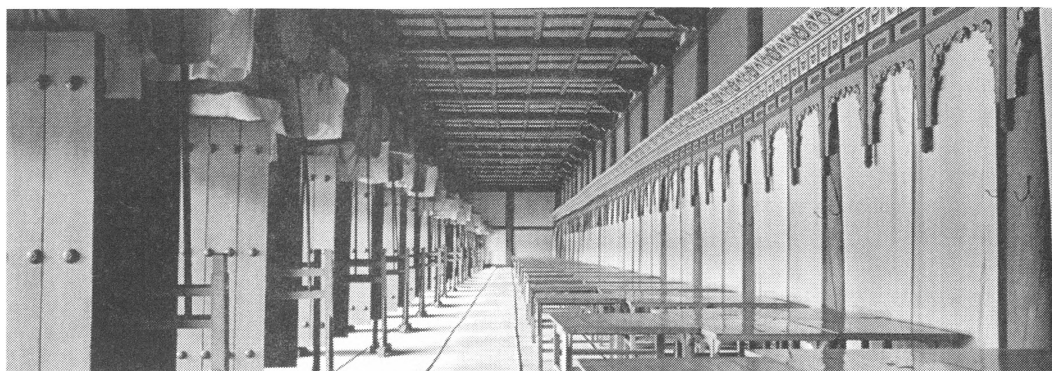
Господствующий прием в архитектуре Чонмё – повторы и симметрия. 19 красных двустворчатых деревянных дверей, идущих друг за другом по фасаду Чонджона, ведут в алтарные камеры (*тхэсиль*), где хранятся 19 табличек ванов и 30 – их королев. На крайнем западе в первой *тхэсиль* (принцип *сосан*) хранятся таблички Тхэджо, затем Тхэджона (3-й ван), Седжона (4-й), Седжо (7-й), Сонджона (9-й), Чунджона (11-й), Сонджо (14-й), Инджо (16-й), Хэджона (17-й), Хёнджона (18-й), Сукчона (19-й), Ёнджо (21-й), Чонджо (22-й), Сунджо (23-й), Икчона (*чхуджонван*, т.е. пожалован титулом вана посмертно), Хонджона (24-й), Чхольчона (25-й), Коджона (26-й), Сунджона (27-й) и их королев. Всего 49 табличек наиболее значительных правителей династии, четырех ближайших предков последнего императора Сунджона и его самого (все с супругами).

Устройство дополнительного алтаря Ённенджон весьма напоминает главный, и он отличается от Чонджона в основном меньшими размерами и формой крыши. Если в Чонджоне она прямая, то в Ённенджоне разделена на три секции. Центральная приподнята, обозначая место, где хранятся таблички четырех предков основателя династии: Мокчо, Икчо, Тоджо и Хванджо. В обе стороны от их алтарных комнат отходят секции по шесть камер каждая. К западу находятся таблички Чонджона (3-й), Мунджона (5-й), Танджона (6-й), Токчона (произведен в вана посмертно), Йеджона (8-й), Инджона (12-й). В восточной части – таблички Мёнджона (13-й), Вонджона (произведен в вана посмертно), Кёнджона (19-й), Чинджона и Чанджо (оба произведены в ванов посмертно) и «императорского наследника» Ёймина (*Ёймин хвантхэджа*). Всего в 16 камерах Ённенджона хранятся 34 таблички. Это правившие очень недолго или не правившие вообще ваны, и остается неясным, почему среди упокоенных здесь помещен находившийся на престоле 23 года Мёнджон (1546–1567). Тема неудавшегося правления подчеркнута архитектурой задней части алтаря, которая не представляет собой сплошную кирпичную стену, как в Чонджоне, а разделена деревянными полуколоннами, обозначающими границы каждой камеры.

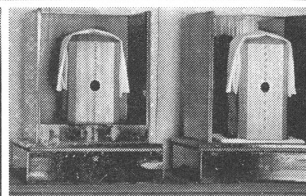
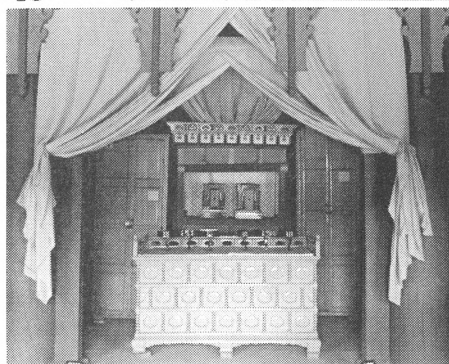

В Чонмё, как нигде в другом месте, соблюдались законы *пхунсу*, и каждый объект был строго соотнесен с важнейшими элементами местности. Эту фотографию предоставил профессор Хон Сунмин, подчеркнув, что в чосонские времена с этого места (из центральной секции Восточных ворот Чонджона) в крайнем проеме восточного крыла алтаря открывался вид на Инвансан – «Гору милостивого вана».

Ныне его закрывают разросшиеся деревья

Внутренние покои
Главного алтаря;
Алтарная комната;
Поминальные
таблички

Внутренние покои Главного алтаря. Общий вид. Слева – входные двери, их число равно числу алтарных комнат с табличками (*синсилъ* 神室), которые находятся справа за занавесями желтого, королевского, цвета. Как видно, входные двери, хотя и соотносятся каждая с определенной алтарной комнатой, открываются в единое пространство еще одной галереи.

Постамент с поминальными табличками в глубине алтарной комнаты. Перед ним ставили стол с ритуальной пищей. Порядок проведения ритуала, размеры табличек, свойства дерева для их изготовления и пр. был подробно описан в *Кукчо орей* (XV в.), и этим правилам следуют ритуалы Чонмё и сегодня.

Поминальные таблички – священные сокровища династии, обиталища духовной сущности усопших ванов. На фото – поминальные таблички Седжона (слева) и его супруги королевы Сохон из рода Сим, хранящиеся в третьей камере Главного алтаря. Если королева умирала раньше мужа, он был обязан жениться вновь, и тогда в алтаре ставили таблички обоих его супругов. Две мужские таблички при одной женской – дело невозможное, поскольку даже если раньше умирал ван, на повторный брак королева права не имела*.

* Изображения внутренних покоев алтаря и пояснения к ним были предоставлены автору доктором Ён Капсу. Приводятся полностью

В алтарях Чонмё нет окон, и в них всегда царит мрак. Каждая алтарная камера – это своего рода пещера: 3 м в ширину и 10 – в глубинѹ. Она состоит из «передней», где хранятся погребальные символы: веера с изображениями топоров *пу*, двойных луков и облаков, – и отделенной занавесом алтарной комнаты, где на высоком постаменте, словно на троне, стоят поминальные таблички: на западе – вана (накрытая белой тканью), на востоке – королевы (под тканью голубой)¹³. В обычной жизни Восток превалировал над Западом, но в этом царстве *инь* было наоборот. Все таблички в Чонджоне обращены «лицом» на юг, подобно тому, как обращено на юг лицо восседающего на троне вана. На юг открываются и двери камер. В Чонмё это происходило всегда ночью, чтобы солнечный свет не потревожил покой предков.

Большое значение имела для ритуала ориентация в пространстве. Поклоняться божествам следовало, стоя лицом к северу. Алтари ванов находились в северной части подворий, *заслуженных сановников Консиндан* и «Семи духов» *Чхильсадан* – в южной. Первый – к востоку, второй – к западу от главного алтаря. Таблички ванов «смотрят» на юг, «семи духов» – на восток, заслуженных сановников – на запад аналогично аудиенциям в тронном зале, где государь восседал в северной части дворца лицом на юг, а к востоку и западу от него рядами стояли чиновники.

В *Консиндане*, кроме принципа «запад – старше (всех других направлений)», действовало правило «север – старше юга». Таблички заслуженных сановников в соответствии с чином устанавливались рядами по правлениям ванов. В самой северной части алтаря – те, кто служил Основателю – Тхэджо (1392–1398). Второй ряд составляли заслуженные сановники второго правителя Чонджона (1398–1400), третий – третьего вана Тхэджона (1400–1418) и т.д. Аналогично, по рангам, размещались и таблички «семи духов». На севере находился самый старший из них – Дух человеческой судьбы. За ним следовали духи дома, городских ворот, кухонного очага, крыши, общественных работ, публичных казней и путешествий по государственной надобности соответственно.

«Дорога вана» проходит только через те места, которые имели непосредственное отношение к ритуалу, и поэтому движение по ней позволяет представить все его основные этапы. Но есть в Чонмё места, которые эта дорога минует. Это, в первую очередь, павильон «Размышлений о предках страны» *Манмёру* справа от входа, где ван отдыхал, глядя на главный алтарь и сосредотачиваясь перед церемонией. Пруд около этого павильона,

Алтарь заслуженных сановников

(Консиндан)

к востоку от Главного алтаря. В нем, разделенные рядами по правлениям, почитались 88 поминальных табличек образцовых высших чиновников, что означало признание их «лучшими людьми» своего времени

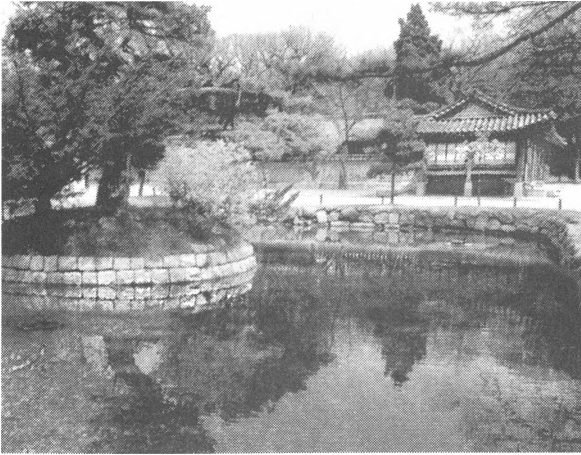
Алтарь

«семи духов»

(Чхильсадан)

к западу от Главного алтаря.

Как и Консиндан, он стоит вне платформы площади, где проходил главный ритуал, что подчеркивало приоритеты и субординацию

Манмёру на краю мертвого пруда

как и многие пруды в различных ритуальных комплексах и дворцах, имеет квадратную форму. В центре островок – в форме круга. Круг – Небо, квадрат – Земля. Но если во дворцах в таких прудах резвились разноцветные ручные карпы, а в его глубине били источники, то пруд в Чонмё мертв, и ничто не нарушает покоя его водной глади.

К востоку от Манмёру находится поминальный Алтарь Конмин-вана, где хранится двойной портрет этого правившего в 1351–1374 гг. 31-го правителя ди-

настии Корё и его супруги юаньской принцессы Луго (кор. Ногук тэджан 魯國大長公主, ? – 1365), заслужившей любовь своего мужа тем, что, забыв о своем происхождении, разделяла с ним заботы о судьбах страны. За это корейцы ее помнят и сегодня. Заслуги Конмин-вана, который смог не только положить конец юаньскому вмешательству в дела Чосона, но и восстановил некоторые утраченные северные территории, высоко ценил основатель Чосона Тхэджо, по приказу которого был поставлен этот алтарь и написан портрет. Во время Имджинской войны они сгорели и были восстановлены в начале XVII в. В наши дни по инициативе созданного гражданами Общества памяти Конмина-вана в его алтаре в Чонмё дважды в год проводятся поминальные церемонии.

Рядом находится ведомство Хяндэчхон, где хранились благовония, ритуальные предметы и посуда и где ожидали своего выхода рядовые участники церемонии. Музыкальные инструменты хранились в противоположной стороне Чонмё в помещениях под названием Аккхончхон, по одному напротив каждого из алтарей.

Есть еще одно место, куда не ведет «дорога вана», но которое имело очень важное значение для ритуала. Это кххня Чонсачхон из четырех зданий по периметру квадратного двора с очагом посередине. Здесь перед ритуалами особыми ножами с инкрустированными серебром ручками резали скот, тщательно разделявали туши и раскладывали мясо, внутренности, жир, кости, шерсть и пр. по определенным для данного продукта сосудам: чашам, чанам, кастрюлям, подносам, сундукам и пр. Готовые блюда раскладывали также каждое по своим по сосудам.

Ритуальная посуда (*чегу* 祭器) частично следовала образцам Чжоу, частично была чисто корейской, и ее,

Курильница
с головой дракона.
Латунь. Высота 18 см.
Из коллекции
Музея Когун (Сеул)

таким образом, можно делить по происхождению. Заимствованные из Китая сосуды первоначально были описаны в «Государственном уложении о пяти ритуалах» (*Кукчо орей*, 1474), а затем в книге «Ритуальные сосуды и принадлежности» (*Чегги тогам ыйгве* 祭器都監儀軌), составленной при Кванхэгуне (1611). Сосуды корейские были описаны в правление Ёнджо высокопоставленным сановником, активистом Школы ритуалов Ли Чэ (李緯, 1680–1746) в труде «Справочник по четырем ритуалам» (*Саре пхёллам* 四禮便覽), который сначала существовал в рукописи, в 1844 г. был издан, а в 1900 г. – переиздан с дополнениями. Как видно уже из названий упомянутых письменных источников, сосуды китайские использовались для государственных церемоний, корейские – для ритуалов в служилых семействах.

Посуда для государственных ритуалов, согласно *Кукчо орей*, делилась в зависимости материала, из которого изготавливалась, и по форме на следующие группы:

- плетеную из бамбука для фруктов и сухих продуктов (*пён*);
- деревянную для влажных продуктов (*ту* 豆);
- подносы для «трех жертв» из сырого мяса (*чо* 俎);
- *по* – квадратные (Земля – *ым*) и *кве* – круглые (Небо – *ян*) ларцы с крышкой и без, для зерновых;
- металлические высокие чаши для бульонов на ножках и без (*хён*, *тын* 橙)
- и пр.

Всего – 63 вида. Особенно разнообразны были сосуды для жертвенного вина. Они были трех классов (*чун*, *и*, *нве*), которые, в свою очередь, делились в зависимости от нанесенного на них узора (птица; горы и облака; злаки) или формы (корова, слон и пр.). Значение этих символов определяло сезон, в который применялся сосуд. Также сосуды делились на группы *ым* – *ян* (*инь-ян*), духи – люди (*син* 神 – *ин* 人), вежливость – справедливость (*йе* 禮 – *ый* 義). Посуда символизировала, как и весь ритуал в целом, Вселенную, все движения которой основаны на взаимодействии *инь* и *ян*, а также пяти первоэлементов. Также она подчеркивала роль монарха, приводящего с помощью ритуала законы Неба и Земли в гармонию с миром людей. Для некоторых видов посуды была важна ориентация по сторонам света на жертвенном столе, для других – декор. Например, сосуды с изображением горы и облаков символизировали моление о дожде¹⁴.

К востоку от кухни – окруженный стеной колодец (*чеджон*), вода из которого использовалась исключительно для ритуалов. Она отличалась необыкновенным вкусом и не пересыхала даже в засуху.

Сосуд для жертвенного вина с декором в виде дракона (龍尊). Латунь.

Высота 27,8 см.

Эпоха Чосон.

Из коллекции

Музея Когун (Сеул)

Порядок ритуала

Подобно тому как разделенные этикетом обитатели дворцов собирались в определенные дни на официальные банкеты, которыми и ограничивалось в основном их общение, также в алтарях собирались несколько раз в год на свои пиры и их духи. В ночь накануне обряда из камер выносились поминальные таблички и водружались на постаментах перед столами, уставленными в строгом порядке ритуальными яствами и напитками – каждый в определенной посуде. В этом царстве ритуала не было ничего лишнего и все имело свое место. Все было продумано до мелочей, многократно отрепетировано и описано в *ыйгве*. Каждая деталь была освящена опытом предыдущих династий и древними каноническими трактатами. Церемонии совершались в унисон с космосом, и потому в подворьях алтарей не было ни одного растения, чтобы ничто не мешало поступлению к ним энергии Небес.

Церемонии начинались на рассвете и обычно состояли из трех этапов: призывания, угощения и проводов духов. Призывание духов (*сингванне* 晨祿禮) было прерогативой вана. Вымыв руки в бронзовом тазу *и* 彝 с изображениями рыб и водорослей, он троекратно возжигал благовония в бронзовой, с орнаментом в виде молний и летящих драконов, курильнице, чтобы вызвать с небес улетевшую туда духовную суть человека *хон* 魂. Три ножки курильницы символизировали мироздание: Небеса, Землю и Человека. Затем ван выливал на землю (для этого в каменном полу были сделаны отверстия) ковшик вина для *пэк* 魄 – животной, или низшей, души, оставшейся в могиле вместе с телом умершего. Ковшик (*ёнчхан* 龍瓚) был серебряным и украшен головой дракона. Лившееся из его открытой пасти вино было особым: смесь перебродившего настоя проса и трав с ароматом орхидеи. Предлагалась и вода из священного колодца – в двуручной бронзовой чаше с изображением лесной птицы, символизировавшей «милость правителя» (*ин* 仁). Путь душе *пэк* освещала желтая свеча в высоком темном подсвечнике на витой ножке, стоявшая на жертвенном столе. Нагар с нее помощники убирали во время ритуала особыми ножницами и складывали в особый сосуд.

Когда духи прибывали и размещались в своих табличках, им подносили подарки – рулоны шелка (*пхебэк* 幣帛), а также яства. Жертвенная еда делилась на: каши и паровые рисовые хлебцы *тток*, бульоны, мясо и рыбу (в том числе сушеные), фрукты, солено-квашенные продукты и вино. Как свидетельствует составленная в 1707 г. «Книга установленного ритуала в Чонмё» (*Чонмё ыйгве*), видов каши было

четыре, хлебцев – пять, фруктов – пять, сушеного мяса и рыбы (*пхо*) – два, соленой рыбы и морепродуктов (*чоткаль*) – четыре, мяса и рыбы – семь, квашеных овощей *кимчхи* – четыре, бульонов без специй – три, бульонов со специями – три вида. К пище-*ян* относилась еда, не подвергшаяся обработке (ююба, хурма и каштаны), продукты сушеные (мясо и рыба) и красного цвета. К пище-*инь* – «мертвые», т.е. обработанные продукты, водянистые блюда (супы, квашеные овощи) и блюда белого цвета. Это деление определяло сервировку жертвенных столов. Блюда-*ян* размещались в правой и нижней части стола (восток – юг), блюда-*инь* – в левой и верхней (запад – север). «Право» и «лево» определялось относительно духа, помещающегося в поминальной табличке. Чтобы у духов «возбудить аппетит», на широком трехногом подносе сжигали печень жертвенных животных; смешанную с их жиром и просом.

Следующим этапом ритуала было троекратное поднесение вина каждому из упокоенных в алтаре предков в трехногих, в виде лодок на покрытом узорами цилиндрическом основании, бокалах *чак*. Первым подносил вино ван (эта роль называлась *чхохонгван* 初獻官 – «подносящий первым»), вторым – наследник (*ахонгван* 亞獻官 – «подносящий следующим») и последним – премьер-министр (*чонхонгван* 終獻官 – «завершающий»). Другими важными лицами церемонии были возглашающий и помощники – церемониймейстеры (министр ритуалов и старшие сановники). В это время по очереди на древних инструментах исполнялась особая величественная музыка: *потхэпхён* (保太平 «сохранения мира») и *чондэоп* (定大業 «установления великих деяний»). Первая славил «достоинства» (*ток* 德) усопших монархов, т.е. их успехи во времена мира, а вторая воспевала «заслуги» (*кон* 功) тех из них, кто восстановил государство во времена хаоса. В кульминационные моменты звучал *пхёнджон* 編鍾 – музыкальный инструмент из 16 подвешенных на перекладинах в два ряда бронзовых колоколов, издававший «звуки славы». При этом другие инструменты замолкали. В такт музыке по очереди исполнялись два танца: гражданских (*мунму* 文舞) и военных (*муму* 武舞) чиновников. Это не столько танцы в привычном смысле, сколько ритуальные движения, подчеркивающие определенные моменты ритуальных подношений. Во время второй, третьей и четвертой

Ритуал в Чонмё.
Фото 1970-х годов
из книги Э. Адамса

ритмических фраз танцоры плавно и слаженно двигаются. В первой и последней – замирают в почтительной позе. Выражением лица и движениями танцоры создают зрительный образ поклонения и благоговения, выражаемого параллельно в словах песни. Под *потхэпхён* исполнялся гимн, начинавшийся примерно так:

«Нелегко Мандат Неба, но государство процветает, когда в нем царит Достоинство (*ток*). Наши прославленные мудростью ваны правили по воле Неба и оставили в наследство божественные замыслы и священные подвиги. Управляйте судьбой, несите мир, пестуйте народ с милосердием. Откройте путь следующим за вами и помогите им. Пусть их род живет вечно. Как можно описать словами ваши величественные деяния? Поём хвалу, как подобает...».

Далее в гимне перечислялись заслуги каждого конкретного государя, чья табличка хранилась в главном алтаре. Подносящееся на этом этапе вино было уже другим, более сладким. После трех возлияний ван вкушал жертвенной пищи и вина, чтобы получить благословение от предков. Это называлось «вкушение благословения» (*ымбонне* 飲福禮). После этого шелковые дары и написанные обращения к духам сжигались в специальной яме у западной лестницы Главного алтаря (завершающий этап *маннё* 望燎). Ван лично наблюдал за этим завершающим этапом церемонии, после чего процессия в свете фонарей возвращалась во дворец¹⁵.

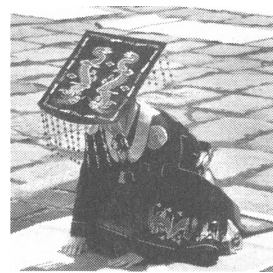
Церемонии были долгими и требовали огромного терпения и внимания. После нескольких дней поста, ночью, когда хочется спать, надо было часами стоять на месте на каменной платформе, в постоянной готовности, чтобы

Ритуал в Чонмё.
Фото издательства
«Тэвонса».
Конец 1990-х годов.

вступить в ритуал в строго определенный момент и совершить все действия в соответствии с правилами. Малейшее нарушение грозило сорвать все грандиозное событие: духи требовали строжайшей дисциплины. Погода могла быть любой: и палящий зной, и мороз, и дождь. Чтобы защитить от них участников, в камни площади были вделаны каменные кольца, к которым привязывали тент, но и он был слабой защитой от неудобств. Ритуал был монотонной и длительной процедурой. Он требовал выносливости и терпения, но только так, через испытание, мог осуществиться контакт мертвых и живых.

О том, насколько это трудно, поведала в своей книге «Время и династия» Ли Панджа, супруга Ёнчхин-вана, последнего кронпринца Чосона. По ее словам, когда в 1963 г. их сын Ли Ку переехал на постоянное жительство в Южную Корею, как признанный глава бывшего королевского рода Ли из Чонджу он сразу начал принимать ведущее участие в проводимых кланом поминальных ритуалах. Практически не проходило недели, чтобы он не выезжал с этой целью на одну из могил ванов (*нын*) или членов их семей (*мё, вон*), разбросанных по всей стране. Но трудности в связи с постоянными разъездами были ничто по сравнению с физическими мучениями, которые он испытывал во время ритуалов в Чонмё, во время которых надо было по несколько раз делать «большие» поклоны перед поминальной табличкой каждого предка. За одну церемонию их набиралось несколько сот, от чего в первый год кожа у него на коленях лопалась и из ран текла кровь, так что после этого он несколько дней не мог двигаться. На следующий год Ли Ку стал привязывать наколенники из губки, но они быстро разрывались и колени кровоточили по-прежнему¹⁶.

Ритуал в Чонмё.
«Большой поклон» вана

Ритуальная одежда

«Кодекс законов Чосонской династии» (*Кёнгук тэджон*) определял шесть видов церемониальной одежды для участников ритуалов в соответствии с рангом. Ее покрой и фасон были в целом одинаковы, различались головные уборы и аксессуары, которые были самыми сложными и богатыми у вана. На «великую церемонию» в Чонмё он надевал самую парадную из трёх видов официальной королевской одежды – *тэребок* (大禮服), которая также предписывалась для приема китайских

Костюм высшего разряда (ритуальный) чосонского вана. На фото – Ли Ку (1931–2005), сын Ёнчхин-вана и Ли Панджа (Масако), последний прямой потомок ритуала в Чонмё. На его короне – 24 нити *рю*. Фото 1970-х годов из книги Э. Адамса

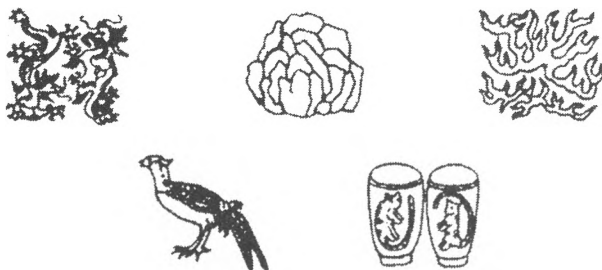
ратора символов на нем было 12) был «двуслойный» и состоял из нижнего кафтана почти до пола и чуть более короткого верхнего, с очень широкими и длинными рукавами, закрывавшими кисти рук. Его дополняли аксессуары: *пхесыль* (蔽膝) – алый (как и шаровары) «фартук», спускавшийся от груди до колен, чтобы одежда вана не испачкалась во время коленопреклонений. К поясу сзади крепился *хусу* (蔽膝) – плетеный из ярких шелковых нитей и украшенный по нижнему краю кистями прямоугольныйник, а по бокам – пара длинных нефритовых украшений (*пхео*к). Костюм дополняли подбитые ватой носки и туфли из оленьей кожи алого цвета – в тон шароварам. В руках ван держал ритуальную нефритовую табличку кю 圭.

Девять эмблем на *тэребок* символизировали величие и достоинства монарха. На верхнем платье их было пять. Эта часть одежды соотносилась с космогонической

послов, официальных аудиенций и бракосочетаний. Она была черного цвета, который символизировал познание и ученость, способность проникать в непознанное. По этой причине все головные уборы мужчин в средневековой Корее были черного цвета. Тэребок состояла из короны *мёллюгван** (冕旒冠) и «костюма девяти символов» (*куджан-бок* 九章服). Корону сверху накрывала плоская дощечка, спереди и сзади которой свисали по девять нитей (*рю/лю* 旒), унизанных девятью бусинами пяти цветов каждая: голубого, красного, желтого, черного и белого. Они перемежались кусочками нефрита. Чосонские ваны носили на короне 18 *рю* до 1897 г. Когда в 1897 г. в Корее была провозглашена империя, их число увеличилось до 24 – как у минского императора. Густо свисавшие перед глазами *рю* символически защищали государя от лицезрения зла. Небольшие наушники по сторонам оберегали его слух от неподобающих речей. «Костюм девяти символов» (у минского импе-

* В наши дни слово «*мёллюгван*» используется в основном в христианской лексике и означает терновый венец Христа.

силой *ян*, и потому число знаков на нем было нечетным. Они были такие:

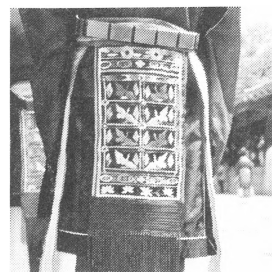
дракон (по одному на плечах), гора (одна, на спине), а также огонь, феникс (*хвачхун* 華蟲) и комбинация «тигр-обезьяна» (*чони* 宗彝) – по одному на каждом из рукавов. Дракон воплощал монарха, гора – вызываемый им священный трепет, огонь – ясность его ума, тигр – бесстрашие, обезьяна – мудрость. Феникс придавал одежде особую красоту.

Нижний халат соответствовал *инь* (ым), и потому на нем было четное число (четыре) изображений, соотносившихся с этой стихией:

топор (黼 *по*), воплощавший право монарха карать и миловать подданных, пара стилизованных луков (黻 *пунль*), символизовавших его ведущую роль в отвращении народа от недостойного поведения, а также рисовое зерно (粉米 *пунми*) и водяная трава *чо* (藻), имевшие декоративное значение.

Как и ван, другие главные участники церемонии также держали в руках таблички-жезлы (размер 33 x 5 x 3,5 см), но у чиновников они назывались *холь* 笏 и делались для 1-4-го рангов из слоновой кости, для 5–9-го рангов – из дерева. Округлая сверху и квадратная снизу, *кю/холь* помогала, как считалось, концентрации внимания путем ее постоянного созерцания. Высокие черные шапки чиновников различались числом золотых полос. Во времена империи (1897–1910) для первого ранга их было семь, для второго – шесть и т.д. Ранги шестой и седьмой имели по две полосы, а восьмой-девятый – по одной. До этого высшие сановники носили по пять полос. Шапки крепились на голове длинной костяной шпилькой (головкой справа).

К поясу сзади крепился *хусу*

Ритуальная одежда жреца-сановника. Чонмё, 1995 г.

Музыка и танец Чонмё

Понятие «ритуальная музыка Чонмё» (*чонмё череак*) включает инструменты и музыкальное исполнение, песни и танцы. Это древнейшая музыка из той, что дошла до наших дней, причем в первоначальном виде. От силласких *хянга* или песен Корё сегодня остались только слова, и потому переоценить значение ритуальной музыки Чонмё невозможно¹⁷.

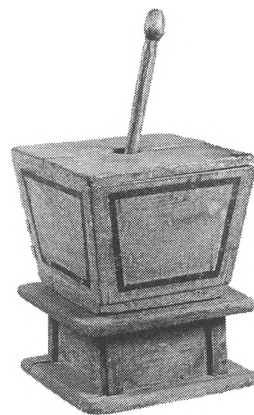
Конфуцианские государственные ритуалы не могли считаться совершенными, если их не сопровождали музыка, пение и танцы, подчеркивавшие их исключительность. По легенде, подобную церемониальную музыку и танец исполняли во дворце в XXIII в. до н.э. при восшествии на трон совершенномудрого Шуня. В позднем Чжоу она звучала и во дворце, и в храмах. Конфуций считал церемониальную музыку воплощением совершенной красоты, прообразом подлинной гармоничной жизни. В древний свод конфуцианских текстов «Шестиканоние», сложившийся к IV в. до н.э., входил *Юэцзин* (樂經 «Канон музыки», кор. *Аккён*) – позднее утраченная книга о роли музыки. Только государь мог в полной мере понять смысл храмовой музыки, она была неременной спутницей совершенного правления. Если *йе* (禮, ритуал) утверждал должный иерархический порядок во время контактов людей с божествами, то церемониальная музыка *аак* 雅樂, выражавшая космический ритм бытия, устанавливала между ними гармонию, без которой контакт был невозможен. Музыка являлась делом огромной политической важности. Государство, не имевшее своей ритуальной музыки, считалось варварским, и каждая династия в Китае устанавливала свою систему музыкальных ладов. «Новая династия – новая музыка» (一代之興一代之樂), – гласило древнее правило.

Конфуцианская ритуальная музыка пришла на Корейский полуостров в правление корёского Йеджона (1105–1122). Во время нашествия «красных тюрбанов», в 1361 г. захвативших Кэсон, почти все музыкальные инструменты погибли. В 1368 г. минский император Тай-цзу даровал вану Корё Конмину новые инструменты, но их звучание не было приятным. Как считают современные специалисты, объяснялось это тем, что в то время манера исполнения в Корее существенно отличалась от принятой в Китае.

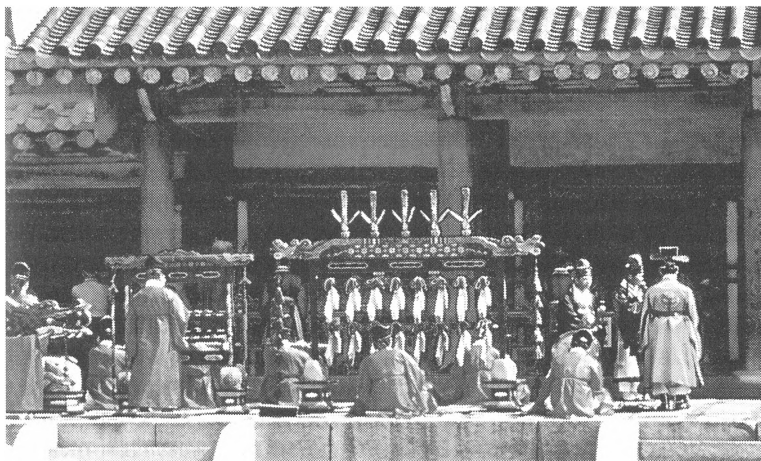
В правление Седжона Великого началась работа по созданию собственной ритуальной музыки Чосона, для чего было предпринято интенсивное изучение всех китайских образцов – с древности до династий Сун и Мин,

а также образцов Корё. В результате учеными Академии мудрецов был написан трактат о церемониальной музыке и ее национальных особенностях, а в 1447 г. Седжон сочинил (как пишет летопись, всего за один день) два произведения *потхэпхён* и *чондэон*, ознаменовавших рождение новой музыки и показавших зрелость династии. Первое из них, славящее мирные заслуги ванов, состоит из 11 частей, второе, воспевающее их военных подвиги, – из 15. Поначалу они не были признаны храмовой музыкой и исполнялись при дворе. При Седжо число мелодий *чондэон* было сокращено до 11, сократили и песнопения в соответствии с реальной продолжительностью ритуала. В них вставили дополнительно несколько фраз, в первую очередь моления о даровании почтительным потомкам счастья и долголетия. Впервые произведения Седжона были исполнены в Чонмё в 1464 г., и с той поры они почти не изменились. Благодаря изобретенному в XV в. способу нотной записи, они сохранились и исполняются в ритуалах Чонмё и в наши дни. Современные исследования показали, что в основе их лежат унаследованные от Корё национальные мелодии¹⁸.

Музыканты в Чонмё были организованы в две группы по принципу *ян – инь*. Как сообщает музыкальная энциклопедия «Основы музыкознания» (*Акхак квебом* 樂學軌範, сост. Сон Хён и др, 1493), в оркестре *тынга* 登架 (он символизировал *ян* и располагался на высокой террасе алтаря) было 36 музыкантов и дирижер, в значимые моменты стучавший деревянной погремушкой-*пак* в виде сложенного веера или поднимавший или опускавший флаг. Ниже на площади, лицами к северу, сидели музыканты оркестра, воплощавшего *инь*. Он назывался *хонга* 軒架 и состоял из 72 музыкантов.

Деревянный гонг *чхук* оповещал о начале музыкального исполнения. Он воплощал весну и помещался в восточной части оркестра

Оркестр *тынга*. Ритуал в Ённёнджоне. 1995 г.

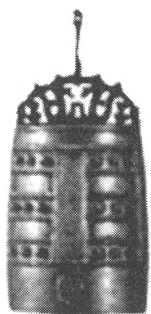
Музыканты оркестра *хонга*, готовящиеся к ритуалу.

Сзади видны *пхёнгён* (каменные пластины на раме) и *пхёнджон* (медные колокола на раме) – важнейшие инструменты чосонского государственного ритуала.

Фото конца XIX в.

Тот же оркестр во время ритуала в наши дни

Один из колоколов *пхёнджона*.

В Корею этот древний ударный инструмент был завезен из Китая в эпоху Корё, а при Седжоне здесь стали изготавливать собственные *пхёнджон*, «с корейским звучанием».

Общим числом 16, колокола *пхёнджона* были одного размера, но звучали по-разному, что определялось толщиной их стенок

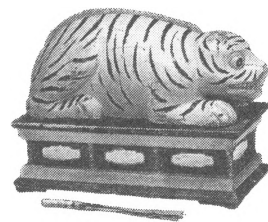
В раннем Чосоне в Чонмё играли на трех десятках инструментов, делившихся по происхождению на три группы. Одни были заимствованы из храмовых ритуалов древнего Китая и восходили ко временам Конфуция (*аак* 雅樂), другие – из эпох Тан и Сун (*танак* 唐樂), и третьи были чисто национальными (*хянак* 鄉樂). В настоящее время из них используются 14. Это *пхёнджон* (編鍾, «чжоуский» ударный инструмент, представляющий собой 16 медных колоколов, закрепленных в два ряда на раме), *пхёнгён* (編磬, «шанский» ударный инструмент – 16 жадеитовых пластин, закрепленных в два ряда на раме), *панхьян* (方響, «танский» ударный инструмент – 16 металлических пластин, закрепленных в два ряда на раме), *чхук* (деревянный гонг в форме ящика с молотком, просунутым сквозь

верхнюю крышку), *о* (鼓, «сунский» ударный инструмент в виде тигра, с 27-ю зарубками вдоль спины), *пак* (拍 «танские» деревянные «кастаньеты» в виде веера), *тан пхири* («танская флейта», с восемью отверстиями, из которых одно находится внизу), *тэгым* (大金, или *чин*, «древнекитайский» латунный гонг), *хэгым* (奚琴, «сунская» двухструнная скрипка), *аджэн* (牙箏, «танские» семи-струнные гусли), *чангу* (барабан в форме песочных часов, на одну ударную поверхность которого натягивается коровья, а на другую – лошадиная шкура), *тхэпхёнсо* (太平簫, деревянный горн с раструбом из латуни), *чольго* (節鼓, изобретенный при Седжоне средний барабан на деревянном ящике), *чинго* (晉鼓, «сунский» большой барабан на четырехногой подставке, использовался в хонга). Поскольку ритуалы происходили ночью, в оркестре стоял фонарь – *чочхок* 照燭.

Музыкантов было 109, и столько же танцоров: 38 «гражданских чиновников» (они танцевали под музыку *потхэпхён*) и 71 «военный чиновник» (под музыку *чондэоп*). Всего 218 человек. В конце династии это число сократилось, а в наши дни в ритуалах Чонмё участвуют 50 музыкантов и 64 танцора. Для статуса церемонии было важно количество рядов танцоров. В Чонмё их обычно было шесть, а во времена Империи – восемь и столько же сохраняется сегодня. В настоящее время «гражданские чиновники» держат в левой руке палку *чхок* с драконьей головой и перьями на конце и бамбуковую флейту с тремя отверстиями (*як*) – в правой. «Военные чиновники» держат маленькие деревянные щиты и деревянные топоры, которыми периодически ударяют друг об друга. В Чосоне число предметов в военных танцах достигало 50. Гражданский танец исполняется во время «призывания духов» и поднесения первой чаши вина. Военный – при поднесении второй и третьей чаш. Танцоры уходят с площади, когда убирают жертвенные столы¹⁹.

Исполняемые ныне в Чонмё танцы представляют собой вариант, восстановленный в японское колониальное время по составленному в Чосоне их описанию с картинками *Сиён мубо* (時用舞譜). Дворцовая музыка передавалась из поколения в поколение сотрудниками дворцового музыкального ведомства *Чанагвон* (掌樂院). В 1946 г. церемонии в Чонмё прекратились, но музыку сохранили энтузиасты. Ныне ее исполняет Национальный оркестр корейской дворцовой музыки, в котором есть подлинные мастера. Ритуальные танцы изучают и исполняют ученики старших классов Государственного училища корейской музыки (*Куннип кугак кодын хаккё*). Для повышения интереса публики к этому уникальному культурному наследию иногда ставятся они и на театральной сцене.

О (鼓).

Звук этого инструмента оповещал об окончании музыкальной фразы или произведения.

Для этого по зарубкам на его спине проводили бамбуковой щеткой.

Высота 27,3 см.

Из коллекции
Музея Когун

Ритуал в Чонмё.

Танец гражданских чиновников в исполнении учащихся Государственного училища корейской музыки

Поминальные таблички

Категории поминальных табличек

Поминальные таблички упокаивались в Чонмё по окончании траура. Для вана или вдовствующей королевы он официально составлял три года, а в реальности примерно 27 месяцев. Трехлетний траур по родителям был обязателен для всех членов общества, независимо от статуса. Именно столько лет после рождения ребенок нуждался в особой заботе родителей и потому, согласно учению, каждый был обязан отплатить своим родителям, соблюдая траур три года после их кончины. Этот поминальный обряд составлял суть *хё* – «сыновней почтительности». Поскольку ван и королева считались «отцом и матерью государства», траур по ним также длился три года.

По королеве, которая умирала при жизни мужа, траур был годовой, по истечении которого ван имел право жениться вновь. Похоронные обряды для вана или королевы были чрезвычайно сложными и состояли из семи этапов. Во время них поминальные таблички трижды видоизменялись, и в ходе этих трансформаций усопшие владыки обретали имена, под которыми оставались в истории.

Корейцы верили, что душа покидает человека после смерти и будет скитаться в загробном мире, если ей не обеспечить должное «пристанище». В конфуцианском обществе, где главной добродетелью считалась сыновняя почтительность, важнейшей заслугой считалась забота о загробном существовании предков. Поэтому для них изготавливали деревянные таблички *синджу* (神主 «дух хозяин»), которые были объектом наибольшего почитания, и именно их бросались спасать первым делом при пожаре или иной опасности. Поначалу почитали не таблички, а священные деревья. Во времена «трех древних династий» Ся, Шан–Инь и Чжоу возводили алтари *са* 社 духам Земли и сажали рядом деревья, в которых, как считалось, эти духи и поселяются. В Ся предпочитали сосну, а в Чжоу – каштан. Эти деревья в алтарях называли *синджу*. Оттуда и пошла, по одной из версий, в позднейшие времена вера в поминальные таблички.

Древние простые понятия о поминальных табличках в чосонских королевских ритуалах чрезвычайно усложнились. На различных этапах траура «вместилищем души» усопшего вана или королевы по очереди выступали три разных предмета: *хонбэк*, *уджу* и *ёнджу*. Был у монархов и еще один вид табличек – *випхан* 位版 – для «внутрисемейного пользования». У знати видов табличек было два: *хонбэк* и *випхан*, у свободных простолюдинов – один.

Хонбэк (魂帛 «шелк для духа») изготавливали из белого шелка в день смерти. Это было временное «одеяние», в котором дух покойного предстояло пребывать около пяти месяцев, вплоть до похорон*. *Хонбэк* хранилась вместе с одеждой усопшего в специальном ящике, на красном «троне духа» перед гробом. Все ритуалы в предшествовавший похоронам период происходили перед ним. Ко дню похорон изготавливали новую табличку *уджу* 虞主 – из тутового дерева. Ее еще называли *санджу* 喪主, поскольку слово *сан* (桑 «тутовник») является омонимом слова *сан* 喪 – «траур». Она была временной, туда переселялся дух усопшего во время похорон. Ее готовили заранее, мыли в ароматной воде и вырезали на ней храмовое имя (*мёхо* 廟號), посмертный титул (*сихо*) усопшего и заканчивали фразой «великий ван».

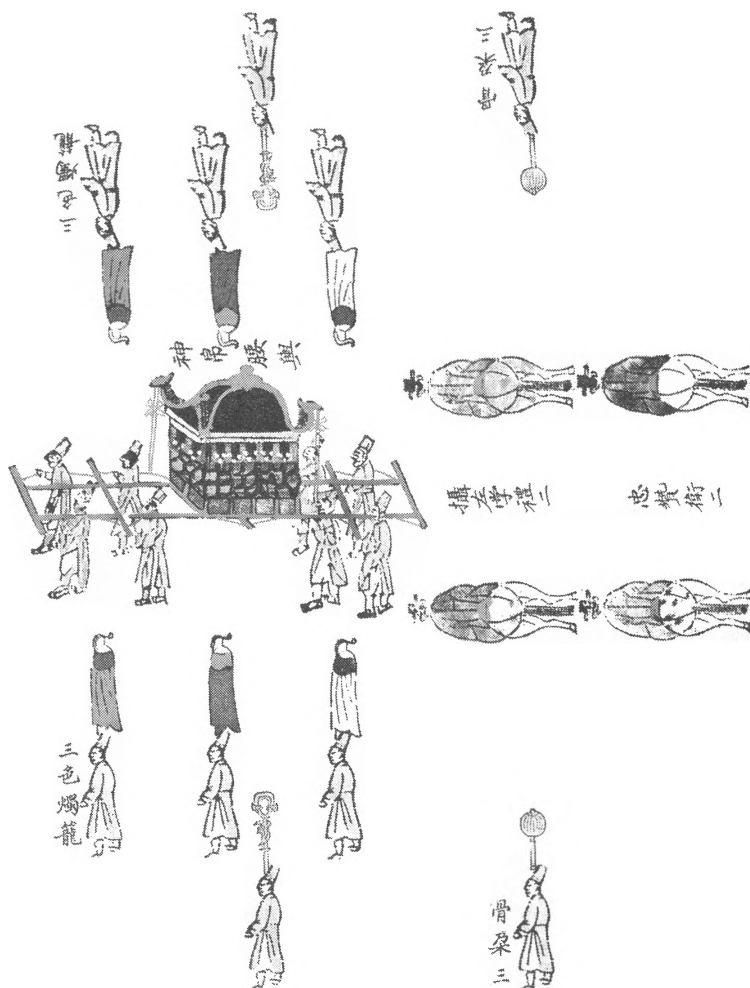
На табличке главной супруги вана писали выбранное ей сразу после кончины почетное имя-титул *сихо* (諡號) из двух иероглифов с добавлением слова *ванху* 王后 – «[покойная] королева». Например, у супруги Тхэджона *сихо* было Вонгён ванху (元敬王后) – «покойная королева „Великая Почтительность“». Она скончалась в 1420 г. – за два года до смерти своего супруга. Ее поминальная табличка хранилась в специальном алтаре во дворце до окончания траура по Тхэджону в 1424 г., а затем их таблички были помещены в Чонмё одновременно. Перед этим событием к ее *сихо* на табличке был добавлен *хвихо* 徽號 – посмертный хвалебный титул «Лучезарная Добродетель и Светлая Заслуга» (*Чхандок Соэль* 彰德昭熱).

Во время государственных похорон (*куксан* 國喪, или *кукчан* 國葬) душа покойного переселялась из *хонбэк* в *уджу*. После захоронения тела в гробнице *уджу* отвозили обратно во дворец. Там она ровно год хранилась в специальном алтаре (*хонджон* 魂殿), куда ее помещали после «первого ритуала упокоения» (*чхоудже* 初虞祭), а всего за время трехлетнего траура по государю полагалось провести таких семь ритуалов. В служилых семьях ограничивались тремя.

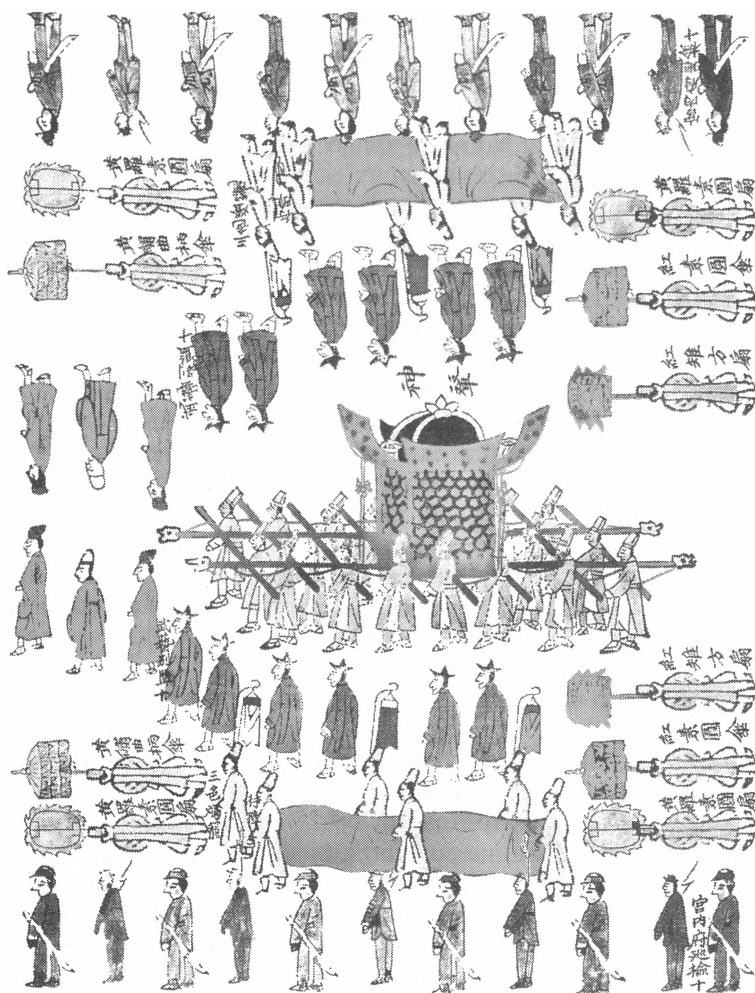
Через год (после церемонии *ёнджеса* 練祭祀, знаменовавшей годовщину со дня кончины) *уджу* хоронили в Чонмё вместе с *хонбэк*. Для этого в пределах ограды Чонмё существовала священная поляна – единственное место в этом храме, покрытое травой, что ассоциировалось с могилой. В тот же день потомки усопшего снимали одни траурные одежды, которые они носили в течение минувшего года, и надевали другие – из мягкой конопли

* Королевские похороны обычно проводили в выбранный астрологами благоприятный день в пятом после кончины месяце.

Похороны императрицы
Мёнсон. Шествие.
Паланкин, в котором
поминальная табличка
хонбэк
(«шелк для духа»)
следует перед гробом
к месту погребения.
Фрагмент
картины-панчадо из
«Книги установленного
ритуала Ведомства
по проведению похорон
императрицы Мёнсон»
(*Мёнсон хванху*
кукчан тогам ыйгве
明成皇后國葬都監儀軌,
1897–1898 гг.)

(*ёнбок* 練服). Душа усопшего «переоблачалась» вместе с ними – в новую табличку *ёнджу* (練主), которую хранили во временном алтаре *хонджон* («дворец духа») на территории дворца два года – до окончания трехлетнего траура, а потом помещали навеки в Чонмё. Она была из каштанового дерева в память о том, что каштаны высаживали в алтарях Духа Земли в период Чжоу. Поэтому эта поминальная табличка иначе называлась *юльджу* (栗主 «каштановый хозяин»). На *ёнджу* вана тушью писали его посмертный титул (*сихо*), храмовое имя (*мёхо*) и полученные почетные и хвалебные титулы – прижизненные (*чонхо* 尊號) и посмертные (*хвихо*) – и покрывали ее воском. Иногда, спустя время, достижения усопшего вана могли пересматриваться. Например, ему могли присвоить новые титулы. В таком случае с дощечки стирали

Похороны императрицы Мёнсон. Шествие. Паланкин, в котором поминальная табличка *уджу* следует перед гробом к месту погребения. Фрагмент той же картины

предыдущую запись и наносили новую. *Ёнджу* была главным видом поминальной таблички, именно ее помещали в Чонмё, именно на ней окончательно фиксировалось храмовое имя вана — *мёхо*, которым его называют и сегодня. Таким образом, Чонмё был местом, где ван обретал имя, а его правление становилось Временем и эпохой в истории страны²⁰.

Уджу была атрибутом похорон, поэтому за ее изготовление отвечало Ведомство государственных похорон (*Куксан тогам*). За *ёнджу* отвечало Ведомство поминальных ритуалов. В «Государственном уложении о пяти ритуалах» (*Кукчо орей*) подробно расписывались размеры и способы изготовления *уджу* и *ёнджу*. Они были очень похожи, только сделаны из разного дерева. Обе размером 30×16 см, прямоугольные, но со срезанными углами, чтобы

образовался восьмиугольник. Верх был округлым, что делало табличку подобной перевернутой чаше. Сверху вниз и по бокам просверливались дырочки, чтобы обеспечить доступ духу внутрь. Хранились они обернутые красным шелком в двойном ларце из древесины старой сосны.

Когда проходило два года после смерти монарха, проводили церемонию *сандже* 祥祭 (*сан* – «благоприятный»). Предполагалось, что к этому дню боль утраты уменьшилась и жизнь начинает возвращаться в нормальное русло. Два месяца спустя проводили ритуал *тамдже* 禫祭, в названии которого *там* был омонимом иероглифа *там* 淡 – «спокойствие, безразличие». *Тамдже* знаменовал собой окончание траура. Ему предшествовал *пумёдже* 祔廟祭, связанный с помещением поминальных табличек в Чонмё. Это была одна из церемоний высшей важности в государстве. Для ее подготовки создавалось временное Ведомство по внесению таблички в Храм предков (*Пумё тогам*), которое брало на себя все приготовления: дополняло и переписывало некролог покойного вана и надписи на посмертных печатях, готовило ларцы и паланкины для табличек, некролога, посмертных печатей, уточняло процедуру ритуала, проводило его репетицию. За день до церемонии о ней оповещали духов в *хонджоне* во дворце и в Чонмё и, чтобы освободить место, переносили две таблички пятого поколения из Чонджона в Ённедзон. На пути процессии в местах предполагаемых остановок устанавливались тенты.

Пумёдже начинался с подношений перед табличками во дворце. Затем процессия торжественно переносила их в Чонмё. По дороге к ней присоединялись паланкины с табличками заслуженных сановников, особо отличившихся перед усопшим монархом. Их было в среднем пятеро на каждого усопшего вана, и их сопровождавший немалыми спорами и конкуренцией отбор, в котором принимал участие новый ван, заканчивался за несколько недель до церемонии. Иногда табличку сановника добавляли впоследствии.

К моменту прибытия процессии в Чонмё все таблички из алтарей уже были вынесены наружу для проведения ритуала. Он начинался с возгласания: «В этот благоприятный день мы сообщаем вам, что ван такой-то и королева такая-то предполагают войти в Храм государевых предков». После этого табличка вана помещалась в западной части приготовленной алтарной камеры, а табличка королевы – в восточной. Их накрывали тканью и рядом размещали текст некролога и посмертные печати. В *Консиндан* помещали новые таблички заслуженных сановников и свершали поминальные жертвоприношения перед табличками

всех ванов и сановников, затем с музыкой возвращались во дворец, где поздравляли вана. Он оповещал народ о конце траура, даровал амнистию преступникам, а для членов Ведомства по внесению таблички в Храм предков в знак благодарности за труды давал торжественный обед. Так в Храме предков династии появлялись новые таблички, а в пантеоне духов-защитников государства – новые святые.

В раннем Чосоне, кроме алтарей Чонмё, существовал еще один, располагавшийся во дворце, дополнительный алтарь – *Мунсоджон* (文昭殿 «Света образованности»). Он считался чисто семейным и был таким же, как и у знатных, т.е. чиновных, семей (*садэбу*), с той лишь разницей, что кроме четырех ближайших предков по отцовской линии ван почитал в нем еще и Основателя династии (как получателя Мандата Неба). Хранившиеся в нем таблички были такие же, как у знати. Они назывались *випхан* и состояли из двух частей – верхней, закругленной как человеческая голова, и нижней, служившей ей основанием. *Випхан* делали из каштана, на них писали только посмертный титул *сихо* (с обеих сторон) и их размеры были одинаковыми и для ванов, и для чиновников – 34×13×2,5 см.

Имя вана

Ван, как и его подданные, имел несколько имен. Это было связано с древней традицией избегать использования *понмён* 本名 – основного имени человека, которое присваивалось ему родителями вскоре после рождения после консультаций с астрологами на основании его *саджу пхаль ча* 四柱八字 – восьми иероглифов, обозначающих год, месяц, день и час рождения. Еще в период Цинь (221 г. до н.э. – 206 г. н.э.) в Китае возникло табу на упоминание после смерти прижизненного имени человека. Поначалу оно касалось императоров, но постепенно распространилось на все население, а в Корею этот обычай дошел в период Трех Государств. Постепенно табу становилось все строже. Стали избегать не только написания иероглифов имени, но даже их звучания. По этой причине чосонским принцам обычно давали имена с очень редкими иероглифами, потому что когда он становился ваном, иероглиф его имени становился табу для последующих поколений, что могло вызвать проблемы.

Существовали два главных правила, которыми пользовались для соблюдения табу. Один – заменять запретный иероглиф другим, со сходным смыслом, но звучащим иначе. Другой, называвшийся *кёльпхиль* (缺筆, дефектная запись), заключался в том, чтобы опустить несколько черт из запретного иероглифа. Оба правила были применены,

когда с восшествием на престол Тхэджо табу стал иероглиф *тан* – утро 旦, потому что это было личное имя вана Основателя. Вместо *тан* использовали другой иероглиф с тем же значением – *чо* 早 (утро), который одновременно имел значение «морская черепаха». Поскольку верхний элемент иероглифа «черепаха» представлял собой все тот же *тан* – «утро», горизонтальный элемент в нем стали опускать, несмотря на то что в результате получился несуществующий знак.

Имена и титулы ванов, которые присваивались им на протяжении жизни в связи с важными событиями в их судьбе, а также после смерти, содержатся в родословной династии Ли «Генеалогия неиссякаемого источника прекрасного нефрита» (*Сонвон кебо* 璿源系譜), которая пополнялась всякий раз, когда на трон восходил новый государь. «Прекрасным нефритом» (*сонвон*) назывались прямые потомки вана. В древние времена монарха метафорически сравнивали с нефритом или золотом, и понятие «золотые ветви и нефритовые листья» (*кымджи огён* 金枝玉葉) означало людей королевского происхождения. Прижизненные имена включали:

- *амён* (兒名) – «детское имя», которым называли ребенка в быту родители;
- *хви* (徽/諱 – «красивое имя»/«избегаемое имя») – личное имя, которое присваивалось в раннем возрасте во время ритуала принятия в члены правящего дома, что не было для детей вана делом автоматическим. Это имя при жизни вана строго табуировалось. Например, *хви* Седжона было То 禱 – «счастливый», а также «манжета», а писали вместо этого Хёль 櫛 – «рукав/манжета». После кончины *хви* вписывалось в родословную в качестве одного из посмертных титулов;
- *ча* (字) – «взрослые имена», которые давались по случаю «надевания шапки», т.е. вступления в совершеннолетие, и женитьбы;
- *хо* (號) – псевдонимы, например литературные, которых могло быть неограниченно много, хотя были ваны, например, Седжон, которые *хо* не использовали;
- *чонхо* 尊號 – хвалебные титулы, которыми вана награждали чиновники при жизни в ознаменование значительных событий. Могли быть очень длинными (до 58 иероглифов).

Принцы носили особые титулы, и каждый из них соотносился с определенной местностью (округом или уездом), в которой принц имел земельное владение. Например, четвертый сын Седжона известен в истории как Имён *тэгун* (臨瀛大君, 1419–1469). Но это не личное имя.

Имён – старое название г. Каннун, а *тэгун* значит буквально «великий/большой принц», что означало, что он был сыном королевы. В именах Ёнсангун и Кванхэгун первая часть титулов обозначает местности, а третий иероглиф *гун* (君, «принц») означает, что они были сыновьями от второстепенных жен²¹.

Особое внимание уделялось посмертному имени вана, которое записывалось на поминальной табличке *ёнджу*, хранившейся в Чонмё. Оно состояло обычно из 12 иероглифов и трех видов имен: дарованного китайским императором посмертного титула *сихо* (два иероглифа), храмового имени *мёхо* (два иероглифа) и составленного сановниками почетного титула *чонхо*, представлявшего собой соединение нескольких прижизненных титулов покойного. Составление посмертного имени вана было важнейшим государственным делом и длительным процессом, который был составной частью системы официальных ритуалов и начинался сразу после «государственных похорон» (*кукчан*) – так назывались похороны усопших монархов.

Первым составлялся *сихо* (諡號) – посмертный титул, в котором выносилось финальное суждение о покойном как человеке. Его вану выбирал в первую очередь китайский император, как сюзерен Чосона выступавший конечным земным судьей его жизни и деяний. Основанием для выбора служил некролог *хэнджан* (行狀), который со специальным посланником посылали из Хансона в Пекин. Некролог составлялся в два этапа. Сначала состоявшие при Верховном государственном совете (*Ыйджонбу*) архивариусы тщательно изучали жизнь вана (или королевы) по записям королевской канцелярии Сынджонвон и готовили резюме – всеобъемлющее описание высказываний и деяний покойного. Запись передавали чиновнику – способному писателю, который с учетом мнений нового вана и вдовствующей королевы составлял текст и представлял Госсовету на рассмотрение. *Канхон* (康憲 «Крепость Закона») – такое посмертное имя выбрал минский император Чэн-пзу (1402–1424) основателю династии Тхэджо; *Чанхон* (莊憲 «Блуститель Закона») – так был оценен его внук Седжон, и т.д.

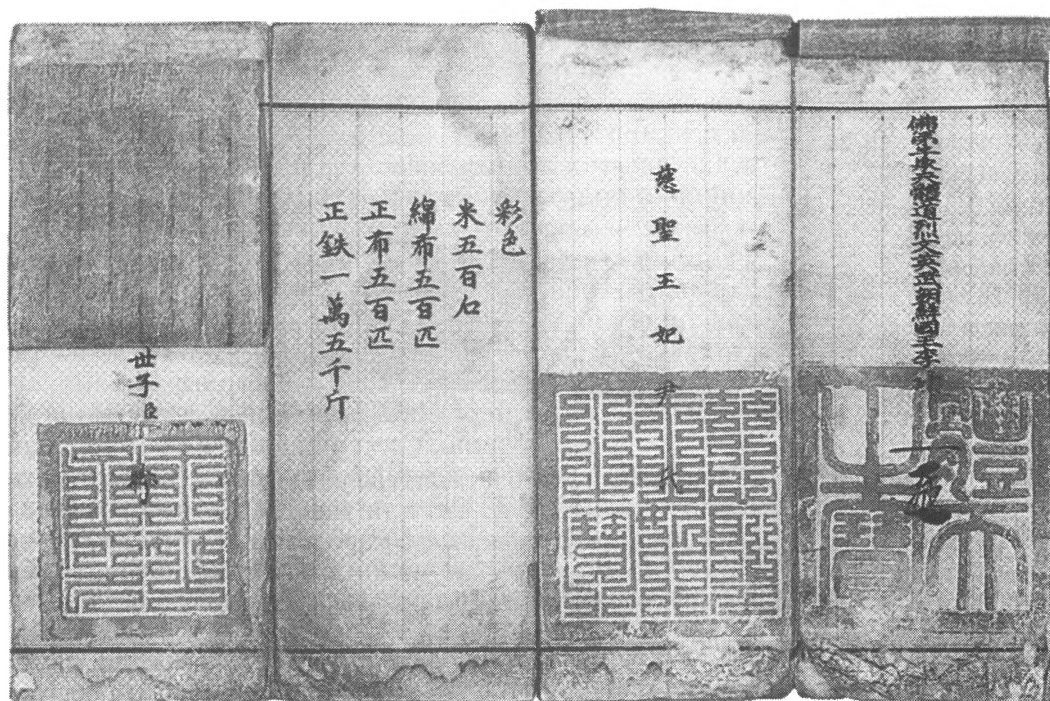
Из истории династии: До падения династии Мин в 1644 г. перед присвоенным китайским императором *сихо* на табличке писали: «посмертный титул, дарованный Великой Мин» (*юмён чынси* 有明贈諡). После маньчжурских вторжений в Чосон в 1627 и 1636 г. многие конфуцианцы выступили с возражением против того, чтобы писать на поминальной табличке вана «посмертный титул, дарованный Великой Цин». Ван Хёджон (1649–1659), который

провел восемь лет в заложниках у Цинов, был резко настроен не только против этой фразы, но и против самого *сихо*, полученного из их рук. Надпись все же продолжали делать, но настолько маленькими буквами, что они практически не читались. Эта практика продолжалась до конца Чосона.

По возвращении посланника на родину проводилось обсуждение в Госсовете, в ходе которого к выбранному китайским императором *сихо* добавлялись новые иероглифы посмертного почетного титула. Варианты для обсуждения отбирало Министерство церемоний. Всего в *сихо* вана могло быть четыре, шесть или восемь иероглифов. Особо выдающихся правителей почитали дополнительными четырьмя иероглифами, так что максимально их могло быть 12. Выбранное Госсоветом посмертное имя передавали на изучение вану. Он либо одобрял его, либо приказывал повторить обсуждение.

Из истории династии: Одно из самых длинных посмертных имен *сихо* среди чосонских ванов имеет Седжо (1456–1468), который, как упоминалось, был узурпатором. О том, как оно составлялось, рассказывает *силлок* его сына, правившего всего год (1468–1469) Йеджона. Хроники сообщают, что после обсуждения в Госсовете Седжо было присвоено *сихо* из восьми иероглифов: «Выдающийся Ученый» (烈文 Ёльмун), «Героический Воин» (英武 Ёнму), «Священный Духом» (聖神 Сонсин), «Гуманный и Почтительный» (仁孝 Инхё). Однако Йеджону это показалось недостаточным. По его требованию Госсовет спешно собрался вновь и составил титул уже из 18 иероглифов, куда были добавлены такие эпитеты, как «Получатель Небесного и Воплощение Пути» (承天體道 Синчхон Чхедо), «Высшее Достоинство и Благородное Достижение» (至德隆功 Чидок Юнгон), «Великолепная Проницательность» (明睿 Мёнъёе). Йеджон и тут был неудовлетворен и потребовал добавить еще «Непреклонный и Внушающий Страх» (毅肅 Ыйсук). Так было отобрано 20 иероглифов вместо стандартных 12. Дополнительные восемь являлись *чонхо* – почетным титулом, который Седжо носил при жизни и был составлен его министрами, с одной стороны, чтобы восславить его заслуги, а с другой чтобы успокоить предков монаршего дома и духов государства относительно обстоятельств, приведших Седжо на трон. Это умиротворяющее *чонхо* был таким: «Получатель Небесного и Воплощение Пути, Выдающийся Ученый и Героический Воин» (承天體道 烈文英武).

Выбирая столь тщательно посмертное имя своему отцу, Йеджон не только демонстрировал сыновнюю почтительность и еще раз подтверждал легитимность правления отца, а следовательно, и свою. Дело было еще и в том, что он, как и отец, был вторым сыном, т.е. его право на престол не было безупречным. Повышение статуса отца через посмертное имя служило для него залогом повышения и своего собственного авторитета как правителя.

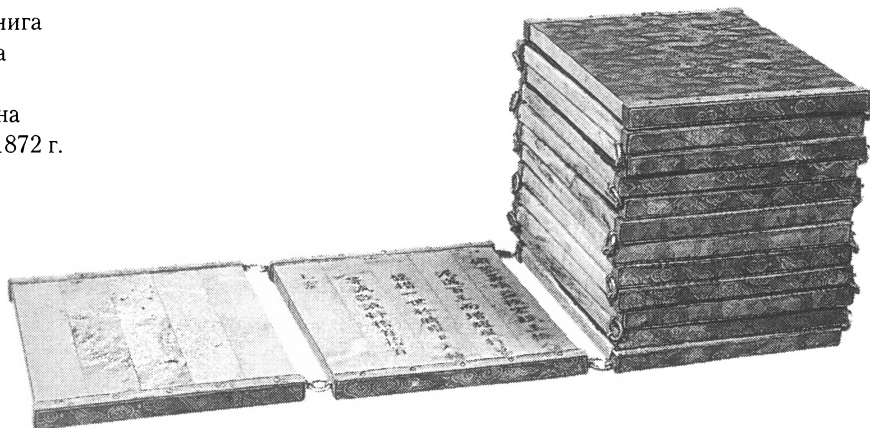

Редкий документ с подписями и печатами членов королевской семьи. Приведу пояснение к нему доктора Ён Капсу:

На крайней справа странице иероглифами написаны слова «ученик Будды» (佛弟子), титул и фамилия вана (承天體道烈文英武朝鮮國王李) и его личное имя Ю, за которым следует его собственноручная подпись, скрепленная печатью. На ее оттиске написано 體天之寶 (чхечхон чибо), т.е. (примерно) «печать Небесного по сущности [государя]». Обычно личное имя вана никогда не использовалось, но в данном случае, поскольку из всех ванов Чосона Седжо был самым истовым приверженцем буддизма и речь идет о пожертвовании для Будды, сделано исключение. При этом написание имени Ю намерено искажено. На второй справа странице значится титул и имя его жены «Священная Мать государыня Юн» (Часон ванби Юн-сси 慈聖王妃尹氏), и стоит оттиск ее печати. Женщины в Чосоне личную подпись ставили крайне редко. Поэтому личная подпись королевны Юн тут отсутствует, и вся относящаяся к ней запись сделана секретарем. Крайняя слева страница содержит оттиск печати наследного принца (будущий Йеджон). Она меньше по размеру и скромнее по исполнению. Оттиск гласит: «Наследник и подданный Хван» (седжа син Хван 世子臣璽). Иероглиф имени Хван 晄 также дан в дефектной записи. Поскольку на документе, где содержалось имя вана, никому другому официальную подпись ставить не дозволялось, вместо подписи принц просто написал уставом свое личное имя.

Свидетельство о пожертвовании, сделанном в 1464 г. ваном Седжо монастырю Санвонса на горе Одэсан

Поминальная книга
окчхэк Тхэджона
(1400–1418).
Была изготовлена
при Коджоне в 1872 г.
Общий размер
26,4×215,3 см;
размер одной
«страницы»
19,1×26,4 см,
толщина 1,8 см.
Количество
страниц
варьировалось
в зависимости
от размера текста

На заседании Госсовета определяли и посмертные титулы королев. Санкция на это или участие Китая не требовалось. Храмовые имена *мёхо* королевам не присваивалось, у них было только *сихо* из двух иероглифов. Например, *сихо* супруги Коджона королевы Мин (1852–1895) до октября 1897 г. было Мёнсон ванху (明成王后) – «[покойная] королева “Яркое Сверхшение”», где Мёнсон является ее посмертным именем и одновременно титулом. Любопытно, что в нашей отечественной литературе эту правительницу называют «Мин Мёнсон», соединяя, таким образом, имя прижизненное и посмертное. Но фамилии в царстве духов не требовались, и называть королеву надо либо прижизненным именем – «королева Мин», либо посмертным («покойная» королева Мёнсон». В 1897 г. Коджон, провозглашая себя императором, возвел в императрицы и покойную супругу. Так она стала Мёнсон *тхэ хванху* (明成太皇后) – «[покойная] великая императрица “Яркое Сверхшение”», и именно так, подчеркнуто уважительно, ее называют в настоящее время в Корее, хотя до середины 1990-х годов её называли просто Мин *би* (королева из рода Мин), как при жизни ее называли в народе. Таким образом, *сихо* как форма особого уважения сохраняет значение и сегодня.

Сихо могли иметь не только ван или королева, но и самые знатные подданные, для которых это имя-титул было высшей почестью и даровалось по петиции семьи усопшего особым комитетом из высших сановников после обсуждения в Хонмунгване и Министерстве ритуалов. Одно и то же *сихо* могло быть у разных людей. Скажем, посмертный титул Мунджон (文正 «Образованный и преданный [князь]») имели за время династии по меньшей мере 85 человек, в том числе Сон Сиёль и Ли Ик. Судя по энциклопедии *Чынбо мунхон пиго* 增補文獻備考 (1908), всего в истории Кореи, начиная с периода Трех государств, был

2541 человек (не ваны), удостоенный *сихо*. Формально для составления *сихо* были определены 300 иероглифов, но в реальности использовались только 120.

Когда *сихо* было выбрано, оно гравировалось на оловянной (высотой в 4,5 см) печати – *сибо* 諡寶, которую затем покрывали золотом. Одновременно изготавливались *сичхэк* (諡冊) – посмертные «книги» из нефрита и латуни, на «страницах»-пластинах которых гравировались *сихо* и панегирики покойному королю. Количество пластин зависело от степени, в которой усопший был признан достойным восхваления. Содержание клишировали на бумагу, так что *сичхэк* имели и бумажный вариант.

Последнее слово в оценке жизней покойных правителей имели духи из Чонмё. Они были последней инстанцией, где посмертный титул усопшего «утверждался» окончательно. Это происходило во время специальной церемонии в Чонмё (*чхонси чонмёый* 請諡宗廟儀), во время которой духам предков сообщалось о кончине правителя и его посмертном имени и высказывалась просьба принять его к себе. За ней следовал ритуал (*сансичхэк поый* 上諡冊寶儀) представления в Зале королевского гроба текста панегирика с *сичхэк* и оловянной печати, которые после этого помещались в ковчег на столе перед гробом, где хранились до похорон.

В это время главные министры страны (ранга 2-го неполного и выше) выбирали для покойного храмовое имя – *мёхо* (廟號), название алтаря, где будет находиться поминальная табличка покойного в течение трехлетнего траура – он назывался *хонджон* («дворец духа»), и название будущей гробницы усопшего – *нынхо* 陵號. Окончательное решение по ним принимал ван, без консультаций с духами Чонмё. Если *сихо* было призвано дать оценку человеческих достоинств вана (королевы), то *мёхо* – это оценка вана как правителя. По ним о нем судили будущие поколения, по ним мы сегодня называем чосонских монархов.

Храмовые имена *мёхо* чосонских ванов: Тхэджо, Чонджон, Седжон, Чонджо и пр. – состоят из двух иероглифов. Первый – индивидуальный, а второй – либо *-чо* (джо) 祖, «предок», либо *-чон* (джон) 宗, «продолжатель рода». То, как усопший ван исполнял свои обязанности правителя, оценивалось по двум критериям. Первая – «заслуги» (*кон* 功), под чем понималась способность восстановить порядок во времена хаоса. Вторая – «достоинства» (*ток* 德), т.е. достойное продолжение «славного» или «мирного» правления предшествующих ванов. Иероглиф *чо* 祖 включали в *мёхо* вана, чтобы подчеркнуть его «заслуги».

Он фигурирует в посмертных именах тех, на чье правление выпали бунты, войны и прочие сложные обстоятельства. Иероглиф *чон* /*джон* 宗 подчеркивал достоинства вана и означал, что он правил в период сравнительного мира и процветания. «Восстановление государства» (-*чо*) ценилось выше, чем «сохранение мира» (-*чон*). Из 27 ванов Чосона посмертные имена заканчиваются на *чо* у семерых.

Были случаи, когда уже избранное *мёхо* исправляли через несколько лет, а то и десятилетий. Например у Сонджо (1567–1608) первоначальное *мёхо* было Сонджон (宣宗, букв. «Гуманный Продолжатель»). В этом имени подчеркивались не столько его заслуги в правлении, сколько личные достоинства. Однако несколько лет спустя имя изменили на Сонджо («Гуманный Предок»). На этом настояли несколько его верных сановников, считавших, что роль этого монарха в отражении японского нашествия 1592–1598 гг. заслуживает наивысшей оценки. Кроме Сонджо, с -*чон* на -*чо* было изменено *мёхо* еще у трех ванов Чосона. Ёнджон было изменено на Ёнджо (1724–1776), Чонджон – на Чонджо (1776–1800) и Сунджон (1800–1834) – на Сунджо. В случае с Ёнджо основанием для «повышения» уровня храмового имени был вклад вана в развитие неоконфуцианства, а у Чонджо и Сунджо – их роль в укреплении истинной веры и идеологии – неоконфуцианства и защите его от ереси – христианства. Это было сделано в начале правления Коджона, когда быстрое увеличение количества сторонников католицизма и угроза вторжения западных держав стали представлять угрозу ортодоксальному учению. Таким образом, имя вана было и способом укрепления идеологических основ государства.

Критерии выбора *мёхо* были весьма противоречивы. Инджо (1623–1649) желал войти в историю с окончанием -*чон* (*джон*), о чем неоднократно говорил своим министрам, но, когда он умер, они, сославшись на его заслуги в низложении «отступника» Кванхэгуна и трудности в управлении государством, выпавшие на его долю во время двух маньчжурских вторжений в Корею в 1627 и 1636 гг., присвоили ему *мёхо* с окончанием «предок», а вот ван Чунджон так и не получил посмертное имя Чунджо, хотя на этом весьма настаивал его преемник Инджон (1544–1545), имея в виду роль отца в низвержении тирана Ёнсангуна. Но министры воспротивились, и замена произведена не была.

Из истории династии: Большие трудности возникли с *мёхо* уже многократно упоминавшегося выше Седжо. Хотя обычно этот вид имени выбирался после похорон, как минимум через пять месяцев после кончины, его наследник Ёеджон приказал приступить к его обсуждению уже на 16-й день после нее. Он словно предчувствовал

и свою скорую смерть. Члены Госсовета предложили варианты: Синджон (神宗), Йеджон (睿宗) и Сонджон (聖宗). Ни одно из предложенных имен не включало иероглиф -чо, так как министры опасались, что это будет истолковано новым ваном как осуждение узурпации Седжо. Новый ван был оскорблен этими предложениями. Он был вторым сыном и хотел, чтобы восшествие его отца на престол рассматривалось как великое достижение. Хроники Йеджона знакомят нас с ходом его мыслей:

– Разве есть кто-либо в этой стране, кто не знает заслуги Его Величества, покойного вана, в деле восстановления государства? Разве не может быть его храмовым именем Седжо (世祖)? – спросил ван.

Один из высших сановников Чон Инджи осторожно ответил:

– Мы не осмеливались обсуждать имя Седжо, потому что у нас в государстве уже есть Седжон.

– Но разве не было в Китае в ханьский период и Седжо, и Седжона? Почему же вы сомневаетесь?

В конце концов, министры рекомендовали мёхо Седжо. Если бы не настояние Йеджона, храмовое имя 7-го монарха Чосона скорее всего было бы Синджон²².

Законы перемещения поминальных табличек

«Живые здания, где царят мертвые» – так называют в Корее алтари Чонмё, потому что они разрастались по мере того, как росло число усопших ванов, и рост этот не столько определялся волей людей, сколько подчинялся законам природы, словно они были растениями или животными. Чтобы понять, как это происходило, надо вникнуть в законы перемещения поминальных табличек, которые были у королевской семьи особыми, и познакомиться с ролью, которую они играли в политической истории страны.

Мертвые предки были активными участниками жизни живых потомков. Во время церемоний в Чонмё им докладывали обо всех важных событиях в семье и государстве. «Участвовали» они и в политической борьбе. Постоянно менявшаяся расстановка сил при дворе не раз приводила к тому, что одни таблички из алтарей Чонмё изымались (это называлось *чхульхян* 黜享), а другие, наоборот, туда помещались (*чхухян* 追享). Это порождало сложную борьбу по вопросу о ритуалах – как в реальной жизни, так и в схоластической сфере. Нередко этому предшествовали драматические события.

Наиболее известные из них связаны с именем Танджона (годы жизни 1441–1457, правил в 1452–1455 гг.). Поминальные таблички его и его супруги королевы Сон 宋氏 (Чонсун *ванху* 定順王后, 1440–1521) были упокоены

в Чонмё в 1698 г. – через два с половиной века после кончины юного монарха. Именно тогда они и обрели эти имена, а прежде Танджона называли «принц Носангун 魯山君». *Носангун ильги* 魯山君日記 (а не *силлок*) назывались до того времени и составлявшие очень долго, в 1464–1469 гг., хроники его короткого правления. Чтобы Танджон получил достойное вана имя, немало людей положили свои жизни.

Узурпация трона Седжо (в корейской историографии этот эпизод называется *кею чоннан* 癸酉靖亂 – «подавление беспорядков года *кею*») взорвала конфуцианский мир, казавшийся столь спокойным и стабильным в первые годы династии. С протестом выступили многие видные сановники и ученые, считавшие, что преданность монарху должна быть абсолютна и неизменна. Особенно известны «шесть мертвых верноподданных» (*сарюксин* 死六臣) и «шесть живых верноподданных» (*сэннюксин* 生六臣). Первые готовили покушение на Седжо, чтобы восстановить Танджона на троне, но их заговор раскрылся, и они были казнены в июле 1455 г. вместе с 70 своими сторонниками. Вторая группа выбрала путь пассивного протеста: отказалась сотрудничать с новым правителем и устранилась от любого участия в политической жизни. Так в Чосоне появилась философская группировка *саримпха* (士林派) – «идеалисты». Они считали своим духовным отцом конфуцианского ученого позднего Корё Киль Чэ, который отказался признать династию Чосон и остался верным Корё, но при этом сохранил свою жизнь.

Киль Чэ (吉再, псевд. Кымо санин 金烏山人 – «Отшельник с горы Кымосан», 1353–1419) служил в позднем Корё в университете Сонгюнган и был учеником сановника и конфуцианского ученого Чон Монджу, прославившегося непоколебимой верностью государю и за то убитого (см. о нем выше). Киль Чэ также отказался служить новой династии, но, в отличие от своего учителя, решил сохранить свою жизнь. Он уехал из столицы на родину в г. Куми (пров. Кёнсан) и много лет скрывался в пещере на вершине горы Кымосан. Легенда гласит, что его ученики и последователи тайком приносили ему еду, а после его кончины основали у подножия горы совон («храм славы»), где совершали ритуалы в его память.

Одним из «живых верноподданных» был Ким Сисып (金時習, 1435–1493), когда-то высокопоставленный сановник, а потом изгой, скиталец и писатель, чьи «Новые рассказы, услышанные на горе Золотой Черепахи» (*Кымо синхва* 金鰲新話), прекрасно переведены в России. Их название содержат намек на Киль Чэ, чей псевдоним звучал так же «Кымо санин», хотя и записывался иначе. Ким Сисып был настолько потрясен убийством молодого вана,

что добровольно стал бродячим буддийским монахом, т.е. человеком низкого сословия. Это показывает глубину его возмущения, потому что он, неоконфуцианец, вдруг обратился к религии, которую до того презирал²³.

За восстановление справедливости в отношении Танджона пострадали также «шесть выдающихся сынов королевской семьи» (*юкчонъён* 六宗英), «шесть верноподанных» (*юкчольсин* 六節臣) и множество других. Памятный список деяний этих героев (в одной книге) был составлен в правление Чонджо.

Жаркие дебаты разгорались и в связи с помещением в Храм табличек людей, которым титул вана был пожалован посмертно (*чхуджонван*). Такими людьми, кроме четырех предков основателя, были отец Сонджона (храмовое имя Токчон, 1438–1457), отец Инджо (Вонджон, 1580–1619), приемный отец Чонджо кронпринц Хёджан (Чинджон, 1719–1728), биологический отец Чонджо кронпринц Садо (Чанджо, 1732–1762) и отец Хонджона кронпринц Хёмён (Мунджо, 1809–1830), первоначально упокоенный в Чонмё под именем Икчон. Иногда эти дебаты перерастали в борьбу не на жизнь, а на смерть. Усилия по реабилитации отца – принца Садо, к смерти которого были причастны многие члены правящей фамилии и влиятельные сановники, приблизили кончину вана Чонджо, о таинственных обстоятельствах которой пишут в историях и романах и сегодня.

Борьба группировок при дворе приводила к перемещению табличек и в Алтаре заслуженных сановников, куда таблички то дополнительно помещались, то убирались. Все зависело от того, какая группа доминировала в тот момент. Суть разногласий, связанных с помещением табличек в Храм предков династии и изъятием их из него, не ограничивалась ритуалом. Они были частью ожесточенного соперничества за власть и влияние при дворе, и ван и его министры рассматривали Чонмё как священное место, где решались вопросы законности и власти. В Чонмё разыгрывалась главная драма политической истории и конфуцианской культуры того времени, и многие историки видят в ней главную причину ослабления и гибели Чосона²⁴.

«Несдвигаемые» таблички

Как уже говорилось, в служилых семьях Чосона в родовых алтаря почитали прямых предков по мужской линии до четвертого колена (до прапрадеда) включительно. На государственном уровне (у правящего рода) к списку четырех ближайших предков по отцу по правилам добавлялся еще основатель династии Тхэджо. Поскольку

Тхэджо был получателем Мандата Неба, его табличка должна вечно покоиться в главном алтаре, и почитать ее должны были все ваны династии, независимо от того, потомками его в каком колене они были. Табличка Тхэджо имела статус «постоянной», или «несдвигаемой» (*пильчхонви* 不遷位).

Система «несдвигаемых» табличек зародилась в начале правления Цинь Ши-хуанди – первого в истории Китая императора (221–210 гг. до н.э.), которому принадлежит заслуга объединения Китая после веков раздробленности и вражды удельных князей. Придя к власти и желая укрепить свои позиции среди местной знати, он раздал участки земли удельным князьям. Эти первые получатели уделов стали именоваться *тхэджо* 太祖 – «великий предок». Табличка «великого предка» получала статус «несдвигаемой» в родовом поминальном храме, т.е. оставалась там навечно и символизировала знатность и древность рода на вечные века. В дальнейшем статус «несдвигаемых» стал дароваться табличкам тех потомков, которые проявили себя как образцовые правители. Первыми людьми, чьи таблички получили в Китае статус «несдвигаемых» за личные достоинства их обладателей, были основатели государства Чжоу Вэнь-ван (文王, кор. Мун-ван) и У-ван (武王, кор. Му-ван)*. Первый, отличавшийся духовным совершенством, воплотил в себе «достоинство» дэ (德, кор. ток), второй прославился воинской доблестью, т.е. имел «заслуги» (功 кон). За это они получили вечную «прописку» в поминальных храмах предков всех китайских династий вплоть до последней – Цин. В дальнейшем к ним были добавлены таблички Яо, Шуня, Юя и «Трех Властителей» седой древности (Фуси, Шэньнуна и Суйжэня, которые правили, по преданию, в XXX–XXVII вв. до н.э.).

Практика награждения путем дарования поминальным табличкам статуса «несдвигаемых» распространилась по всему конфуцианскому ареалу, в том числе и в Корее – со времен Трех государств. Считалось, что она способствует улучшению правления, а стремление получить для своей таблички такой статус стимулирует государей брать пример с совершенномудрых царей прошлого. Например, в Объединенном Силла статус «несдвигаемой» был дарован табличке Тхэджона Муёль-вана (654–661), от которого вели происхождение ваны раннего периода этого государства (до 780 г.). В Корё этот статус имели поминальные

---

* У-ван, первый правитель государства Чжоу в Китае, правил по легенде в 1122–1115 гг. до н.э. Его отец Вэнь-ван, хотя и именовался в историографии правителем, в реальности никогда не царствовал. Он был главою удела Чжоу и заслужил благоволение Неба своими личными качествами

таблички основателя Ван Гона (918–943, посмертное имя Тхэджо), второго монарха Хеджона (943–945) и Хёнджона (1009–1031). Хеджон, старший сын Ван Гона, был удостоен этой чести за «укрепление династии» (это было «достоинство» – *ток*), а Хёнджон – за отражение нашествий киданей в 1010 и 1018 гг. (это была «заслуга» – *кон*). Только у вана-основателя Корё посмертное имя заканчивалось на *-джо*. Все остальные, независимо от заслуг и достоинств, именовались на *-чон/-джон*.

Первоначально в Чонмё был только один главный (для табличек ванов) алтарь – Чонджон. В нем было семь камер-алтарей (принцип устройства *тондан исылъ* – «общий храм – отдельные камеры»), из которых четыре были заняты табличками предков вана-основателя. В 1408 г. умер Тхэджо, в 1419 г. Чонджон, в 1422 г. – Тхэджон. Когда был соблюден трехлетний траур по последнему и его табличка упокоилась в Чонмё, алтарь оказался заполненным (по принципу расположения табличек *исо имок* – «в центре – основатель, слева – предки во втором и четвертом колене; справа – в третьем и пятом»), и царствовавшему тогда Седжону пришлось решать, где будет помещена его собственная табличка, пристраивать ли к существующему алтарю новые камеры или построить дополнительный алтарь. После долгих обсуждений было решено по примеру династии Сун построить к западу от Чонджона дополнительный алтарь и перенести туда таблички четырех предков основателя. Таким образом, в устройстве Чонмё нашел воплощение еще один канонический принцип устройства поминальных храмов: *нёльмё* («дополнительный алтарь»), а порядок расположения табличек в главном алтаре изменился на соответствующий принципу *сосан* («запад – главное»).

Второй алтарь называли Ённенджон 永寧殿 – «Палаты вечного покоя», где под «вечным покоем» подразумевались неизменная гармония и тесная связь предков и потомков династии как залог процветания правящего рода и государства. Это было прямоугольное здание из четырех камер для табличек (размером в 1 *кхан* каждая) и дополнительными помещениями по 1 *кхану* по сторонам. Но это было временное решение. Уже 13-й ван Мёнджон (1545–1567) вновь столкнулся с нехваткой места в алтарях. В 1546 г. главный алтарь Чонджон был увеличен на 4 *кхана*. В нем стало 11 алтарных камер, а его длина достигла 20 м. Поскольку сановники возражали против бесконечного расширения Чонджона, был разработан новый принцип хранения табличек: по прошествии пяти поколений они перемещаются из главного алтаря в дополнительный, однако таблички наиболее выдающихся ванов – вроде Тхэджона

и Седжона – не переносятся, а навечно остаются в главном алтаре. Тем самым они признавались «совершенно мудрыми» правителями (*сонван* 聖王). Это относится ко всем ванам в главном алтаре до Чонджо включительно. Таблички ванов, начиная с Хонджона (1834–1849) и до Сунджона (1907–1910), хранятся в главном алтаре, но это не имеет отношения к их заслугам или достоинствам. Таблички остались там потому, что династия прервалась до того, как прошло пять поколений со времени их кончины.

Когда наступало время передвигать табличку из главного алтаря в дополнительный, министр ритуалов или другие высшие сановники могли обратиться к вану с петицией и просить даровать его табличке статус «несдвигаемой». Ван обсуждал вопрос с сановниками, и если они приходили к консенсусу, статус даровался, но нередко разгорались и дебаты. К концу династии эта процедура стала формальной, и табличка отца или деда вновь взойшедшего на престол вана обычно удостаивалась постоянного места в главном алтаре. Когда решение было принято, об этом оповещали духов Чонмё на специальной церемонии. Чем больше у вана было прямых предков с «несдвигаемыми» табличками, тем выше был его авторитет.

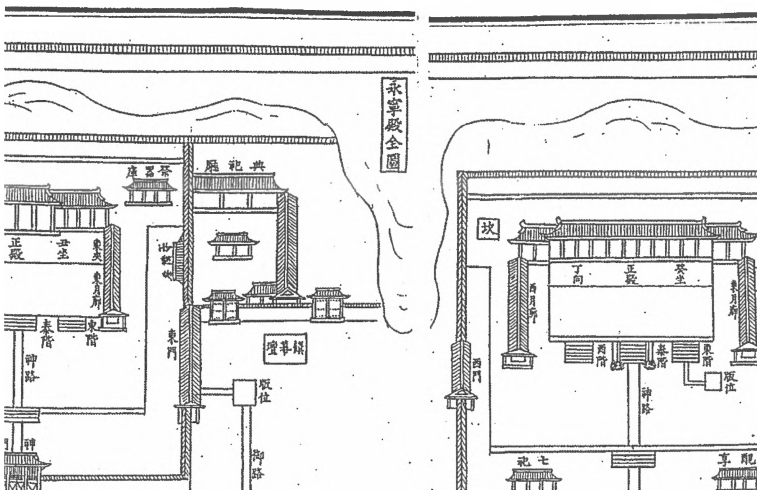
В правление Инджо (1623–1649), в 1635 г., его отцу было посмертно дарован титул вана (Вонджо), а его табличка упокоена в Чонмё. В результате у Инджо оказалось в Чонмё пять предков, первым из которых был Сонджон (1469–1494). Инджо решил пожаловать табличке Сонджона «несдвигаемый» статус и выступил на церемонии в Чонмё со следующим обращением к духам (*чечун* 祭文):

«Его мудрость и королевское достоинство были безграничны, его правление – славным... Он был милостив в решении дел в государстве и умиротворял народ своей справедливостью. Управляя, он был беспристрастным и редко прибегал к наказаниям. Соблюдались пристойность, а музыка достигла идеала. Люди всех четырех сторон света наслаждались миром и выбирали путь достойного поведения. Горы плакали и воды были в печали в день, когда он покинул этот мир. Даже дети восхищались его обходительностью и выдающимися свершениями... В Китае с древности монархи, имевшие достоинства и заслуги, почитались вечно в главных алтарях. Мы единодушно пришли к решению упокоить так же [табличку Сонджона]. Я, ваш покорнейший сын, постоянно думающий об оставленном мне наследии, прошу вас принять жертвенные подношения в знак того, чтобы табличка [Сонджона] оставалась несдвигаемой в главном алтаре в течение ста поколений. Прекрасные ритуалы совершаются по достижении соглашения. Чтя вашу память, я покорнейше вам докладываю». *Инджо силлок*, запись от 3-го лунного месяца 1635 г.²⁵

Алтари Чонмё продолжали расти на основании прецедентов из истории китайских династий Чжоу, Хань, Сунь и Мин почти до середины XIX века. В последний раз алтари достраивались в 1836 г., когда они приобрели сегодняшний облик.

«Несдвигаемыми» могли быть и таблички в поминальных алтарях чосонской знати. Если предок клана награждался этим статусом (решение об этом принимал ван), то специально для его таблички сооружался отдельный алтарь, и клан начинал, таким образом, почитать пять поколений предков в двух алтарях, что ставило его в исключительное по сравнению с другими положение. Это было особой, очень редкой, привилегией, даваемой за выдающиеся заслуги на службе или в знак признания заслуг в «спасении государства в беспокойные времена». Чтобы облегчить бремя расходов на ритуалы почитания «несдвигаемой» таблички, государство жаловало клану специальное поле, не облагаемое налогами. Таблички тех, кому был пожалован статус *пульчхонви* за обширные познания и вклад в развитие учебного (философского) наследия (*хактхон* 學統), почитались в Алтаре Конфуция в академии Сонгюнгван. Срок почитания *пульчхонви* устанавливался навечно.

Важнейшим источником для изучения государственных ритуалов Чосона является рукописная «Книги установленного ритуала в Чонмё» (宗廟儀軌 Чонмё *ыйгве*) в 9 книгах, хранящаяся в королевских библиотеках Кюджангак и Чансогак. Составленная первоначально в 1697 г., она отразила перемены в облике Чонмё в связи с ремонтами, а также изменения в изготовлении, параметрах и размещении табличек, порядке и организации ритуалов,

Фрагмент плана Чонмё (Чонмё чондо, 宗廟全圖) времен Хёнджона (1659-1674), когда Ённёнджон был расширен на две алтарные комнаты и общее их число достигло 12. При этом Главный алтарь состоит на плане из 15 алтарных комнат, как это было от Мёнджона (1544-1567) до Ёнджо (1724-1776). Из рукописной Чонмё *ыйгве*, 1697 г.

включая музыку, песни и танцы, музыкальные инструменты, жертвенную пищу, ритуальные предметы и посуду, произошедшие со времени принятия «Уложения о пяти ритуалах» в 1474 г. Основой для Чонмё *ыйгве* послужили приложения к *Кукчо орей*, «истинные записи» правлений (*силлок*), записи королевского секретариата (*Сынджонвон ильги*), подневные записи Министерства ритуалов (*Йедже тыннок* 厲祭膳錄) и сочинения чиновников. Содержатся в ней и описания конкретных случаев, связанных с выбором посмертных имен ванов (*сихо*) и награждением их дополнительными почетными титулами (*хвихо*); дарованием табличкам статуса «несдвигаемых»; выдворением табличек лиц, утративших королевский статус, и возвращением в Чонмё табличек реабилитированных ванов и королей; присвоением посмертно титула вана, особыми событиями в жизни королевской семьи и т.д. «Книга» неоднократно дополнялась (в 1741, 1819 и 1842 г.) и содержит многочисленные чертежи и рисунки.

Последние таблички

Последняя церемония высшего уровня в Чонмё состоялась 24 октября 1968 г., когда двери храма были впервые открыты после 1945 г. В этот день в его главном алтаре Чонджон была упокоена поминальная табличка императрицы Юн (1894–1966), супруги Сунджона, последней царствовавшей правительницы Чосона. Вот как описал церемонию один из близких друзей покойной писатель Эдвард Адамс:

«Был прохладный осенний день, моросил густой мелкий дождь. Двое мужчин медленно прошли через главные ворота Чонмё, неся ларец с ритуальными предметами*, завернутый в алую ткань. За ними несли маленький паланкин с поминальной табличкой. Приглушенные тона красных и желтых листьев в окружающем лесу сливались с блеском мокрых серых камней, создавая атмосферу печальной торжественности в час, когда последний царствовавший представитель королевского рода обретал свое место в Храме предков. Главным исполнителем церемонии был Ли Ку, внук императора Коджона. Он совершил официальные церемонии перед табличками всех ванов и королей в обоих алтарях. Еда и три чаши вина были предложены духу каждого из них. Начавшись в 7 часов утра, ритуал завершился к двум. Участвовали и другие потомки: господин Ли Понхун, потомок в 18-м поколении 14-го сына 9-го вана династии Сонджона (1469–1494), а также господин Ли Пондок – потомок в 16-м поколении 4-го сына 11-го вана династии Чунджона (1506–1544)»²⁶.

* С некрологом и посмертной печатью

6 мая 1973 г. в 16-й камере дополнительного алтаря Ённён-джон в Чонмё была помещена поминальная табличка последнего официального наследного принца Чосона Ёнчхин-вана (1897–1970). На ней было запечатлено его посмертное имя «Императорский наследник Ёймин» (Ёймин хвантхэджа) и титул «Образованность – Гуманность – Сила – Величие – Сверхшение – Почтительность – Лучезарность» (Мун – Ин – Му – Чан – Чи – Хё – Мён – Хви 文仁武莊至孝明暉). Оно теперь стоит в конце генеалогической линии монархов Кореи. В 1991 г. рядом была упокоена поминальная табличка его супруги Ли Панджа (принцесса Масако, посмертный титул Ёймин тхэджаби 懿愍太子妃, 1901–1989). Скончавшийся в 2005 г. их сын Ли Ку этой чести уже удостоен не был. Начавшаяся в предках Ли Сонге в XII в. физическая жизнь династии завершилась.

Чонмё и рождение конфуцианского государства

История строительства чонмё в Корее

Чонмё – это не только самый старый архитектурный комплекс в южнокорейской столице, но и ровесник династии. С его строительства начались история Чосона и эпоха неоконфуцианства как господствующей религии в Корее. Первым пунктом в первом указе Ли Сонге после восшествия его на трон (*чыгви кёсо* 即位敕書), обнародованном в конце июля 1392 г., заявлялось о немедленном начале возведения храма его предков – *чонмё*. Главными государственными божествами отныне становились его отец, дед, прадед и прапрадед, награжденные посмертно титулами ванов и храмовыми именами: Мокчо, Икчо, Тоджо и Хванджо. Воздвигая храм, Ли Сонге всенародно заявлял о своем праве на власть, через соответствие классическим образцам ставил себя в один ряд с китайскими правителями древности и делал заявку на признание его как главы государства китайским императором. Правитель «окраинного государства», не имевший китайской инвеституры, был, с точки зрения образованных корейцев, узурпатором. Положения о Чонмё и первых государственных ритуалах Чосона содержались в *Чосон кёнгук чон* (朝鮮經國典) – первом (1394) своде законов государства, где его составитель Чон Тоджон, подчеркивая их политическую важность, писал: «Когда правитель, получив веление Небес, основывает

новое государство, он строит в первую очередь Чонмё, где почитает предков. Укрепление основ путем почитания предков – в этом Путь (*то* 道) и Закон (*ли* 理) вана».

Первый *чонмё* Чосона был временный. Его поставили в Кэсоне на месте снесенного храма предков династии Корё. Когда было выбрано место для новой столицы Ханьян, одновременно с городской стеной там в декабре 1394 г. началось строительство Чонмё. Оно завершилось в мае 1395 г., раньше Кёнбоккуна, и туда были перенесены таблички предков основателя. Так новая династия стала «деревом с глубокими корнями» (*ппури кипхын наму*) и «колодезем с глубоким источником» (*сэми кипхын муль*).

Чосонский Чонмё был первый полностью соответствующий канону конфуцианский храм в истории своей страны. В Корее первые алтари в честь легендарных основателей государств *сиджомё* (始祖廟), где проводились ритуалы перед их поминальными табличками, были воздвигнуты в Когурё, Пэкче и Силла еще в первые века новой эры. В Когурё поклонялись *кодынсину* (高等神) – воплощению зачатого от солнечного луча вана-основателя Чумона, в Пэкче – ипостаси Чумона, совершенномудрому Тонмёну, а в Силла – родившемуся из пурпурного яйца Пак Хёккосе. С восшествием на престол вана Мичху (262–284) власть в Силла перешла к клану Кимов, и его потомки приносили ему жертвы в отдельном «дворце духа» (*сингун* 神宮). Эти ритуалы были направлены на сплочение клана, подчеркивали его особое положение, но мало соответствовали китайским образцам.

Китайские поминальные архитектура (система «пяти алтарей» *исо имок*) и ритуалы стали распространяться в Корее в правление Синмуна (681–692), второго вана Объединенного Силла. В 687 г. этот ван построил алтарь в честь четырех своих ближайших предков по отцовской линии, а также вышеупомянутого вана Мичху, подчеркнув, таким образом, древность своей родословной. Алтарь был устроен по китайскому образцу, предписывавшему «удельному князю» помянуть четырех предков основателя и его самого, и назывался «чонмё». В этом сказался рост культурного влияния танского Китая, оказавшего Силла большую помощь в разгроме Когурё и Пэкче в середине VII в. Ожесточенная война, которую вело Силла против Тан в 668–676 гг., утверждая свое монопольное право на захваченную территорию, этому влиянию не помешала. В Корё поминальный храм династии по китайскому образцу был воздвигнут в правление Сонджона (981–997), внука вана-основателя Тхэджо (личное имя Ван Гон, 918–943), при котором Корё стало крепким централизованным бюрократическим государством. Сонджон был шестым корёским государем,

что свидетельствует о том, что для его предшественников сооружение *чонмё* не имело столь большого значения, какое приобрело в Чосоне.

Создание новой династии не было просто сменой имени царствующего дома с Ван на Ли. Это была также смена главенствующей религии с буддизма на конфуцианство. В уже упоминавшемся первом королевском указе Тхэджо (Ли Сонге) изложил свою программу создания нового порядка в стране. Она состояла из 17 пунктов, среди которых было строительство Чонмё, создание новых пантеона государственных божеств и системы церемоний, внедрение конфуцианских норм поведения (*орюн* 五倫) и поощрение преданных подданных (*чхунсин* 忠臣), почтительных детей (*хёджа* 孝子), достойных мужей (*ыйбу* 義夫) и верных жен (*чольбу* 節婦). Основой государственного порядка отныне провозглашалась система «пяти ритуалов», и процесс ее создания стал, по сути, процессом оформления политической идеологии Чосона.

Приход конфуцианского ритуала в Корею

«**Р**итуал есть основа движения небес, закон устройства земли и порядок жизни людей», «Для умиротворения монарха и обеспечения порядка в народе нет ничего лучше, чем церемонии». Так говорили древние. Понятие ритуала (*йе* 禮, кит. *ли*) – центральное в конфуцианстве. Ритуал устанавливал связь между миром ныне живущих и миром ушедших, определял место человека в обществе и в истории как бесконечной чреде сменяющихся друг друга поколений и отделял «своих» от «чужих». Он осознавался как воплощение идеальной ценности, каковой считалась вежливость *йе*. Нарушить его означало прервать связь между мирами и тем самым нарушить вселенский баланс и основы государства, и потому его соблюдению придавалось огромное значение. Чосон был «царством ритуалов», и жизнь королевской семьи во главе с ваном была настолько тесно с ними переплетена, что границу между ними было практически невозможно провести.

Фундамент представлений о ритуале как понятии и разнице в его отправлении между правителем и подданными был заложен в периоды Борющихся царств (475–221 г. до н.э.) и Ранней Хань (206 г. до н.э.–25 г. н.э.) в так называемом «Ритуальном троекнижии» – *Чжоу ли* (кор. *Чуре* – «Чжоуский этикет»), *Или* (儀禮, кор. *Ыльре* – «Образцовые церемонии и правила благопристойности») и *Лицзи* (кор. *Йеги* – «Записи о ритуале»). По одной из традиционных версий, автором *Или* был Чжоу-гун (? – 1105 г. до н.э.) –

младший брат основателя династии Чжоу У-вана, по другой – сам Конфуций. Считается, что первоначальный текст *Лицзи* был составлен самим Конфуцием, был уничтожен по приказу Цинь Ши-хуанди вместе с другими древними книгами в 213 г. до н.э., а затем восстановлен по памяти конфуцианскими учеными.

На этих канонических трудах были основаны все последующие трактаты о ритуале. В них была описана система «пяти ритуалов» (五禮, кит. *ули*, кор. *оре*) как основа политического управления, и все последующие китайские династии ее неустанно развивали и совершенствовали. Окончательная система «пяти ритуалов» утвердилась как государственная в танское время (唐, 618–907 гг.), когда были составлены пятая из 24 династийных историй Китая *Цзинь шу* (晉書, «История [династии] Цзинь») и трактаты *Чжэнь-гуан ли* (貞觀禮, «Ритуалы годов правления Чжэнь-гуань») и *Да Тан кай-юань ли* (大唐開元禮, «Ритуалы годов правления Кай-юань Великой Тан»²⁷). Эти «пять ритуалов» были следующие (в порядке значимости для китайцев):

- *цзи-ли* (吉禮, кор. *килле*) – жертвоприношения духам Неба (*чхонсин* 天神), Земли (*чиги* 地祇) и людей (*ингви* 人鬼),
- *сюн-ли* (凶禮, *хюнне*) – похоронные ритуалы,
- *бинь-ли* (賓禮, *пинне*) – ритуалы в связи с приемом иностранных послов,
- *цзунь-ли* (軍禮, *кунне*) – военные ритуалы и
- *цзя-ли* (嘉禮, *каре*) – ритуалы в связи со значительными событиями (бракосочетаниями и рождениями) в монаршей семье.

Как можно заключить из этого перечня, ритуалы делились на религиозные и светские. В действительности же никогда не существовало абсолютно обмирщенных ритуалов. По сути, «пять ритуалов» объединяли два типа священной коммуникации: один – только между людьми, другой – между людьми и духами. «С глубокой древности ученых мужей Китая преследовал образ ритуальной обители владыки Поднебесной, так называемого “Сиятельного зала” (*мин тан* 明堂), который мыслился зданием с квадратным, как Земля, основанием и круглой, как Небо, крышей, где государь в соответствии с качеством момента должен был находиться в определенной комнате, есть определенную пищу и совершать множество других

* «История Цзинь» – государства, существовавшего в 266–420 гг., была составлена в 130 цзюанях в 635 г. *Чжэнь-гуань* – девиз правления второго императора Танской династии Тай-цзуна (627–649). *Кай-юань* – девиз второго периода (713–741) правления танского императора Сюань-цзуна (712–756).

предписанных этикетом действий, так что вся его жизнь превращалась по существу в одну нескончаемую церемонию»²⁸. Эту модель стремились реализовать в Чосоне, где конфуцианский ритуал стал главной обязанностью вана, а бесконечно повторяемые им церемонии в честь предков династии, духов стихий и крупнейших географических объектов Кореи, китайских императоров и мудрецов утверждались как гарант мира, благосостояния и цивилизованности страны, порядка в обществе и его единства.

В Корее система «пяти ритуалов» (в первую очередь *килле*) была впервые воспринята династией Корё, взявшей за образец ритуалы Тан периода Кай-юань (713–741). В правление корёского Сонджона (宣宗, 1083–1094) в Кэсоне был воздвигнут круглый алтарь Неба (*вонгу* 圓丘), разбиты жертвенные поля и заново создан пантеон божеств-хранителей государства. Система конфуцианских ритуалов в Корё начала складываться в правление Инджона (1123–1146), когда конфуцианский ученый Чхве Юный (崔允儀, 1102–1162) составил книгу «Старинный и нынешний ритуал в подробном изложении» (*Санджон когым ый* 詳定古今儀), включавшую описание ритуалов как Китая, так и Кореи начиная с периода Трех государств. Записей о ритуалах в правление шести после Инджона ванов Корё не обнаружено, но о них часто упоминают хроники ванов Чхуннёля (1274–1308), Чхунсона (1308–1313), Чхунсука (1313–1330 и 1332–1339) и Конмина (1351–1374), т.е. времен монгольского вмешательства. Известно, что в корёском *вонгу* жертвоприношения Небу были соединением древних местных обрядов, отправлявшихся еще со времен Когурё, и конфуцианских ритуалов Китая. Следующая книга ритуалов после Чхве Юного – *Оре* (五禮 «Пять ритуалов») была составлена в Чосоне при четвертом ване Седжоне, но подготовка ее началась уже в первые дни династии.

Рождение чосонских ритуалов

Движимые патриотизмом мелкие и средние янбаны-неоконфуцианцы, составлявшие главную социальную опору Ли Сонге, стремились к обновлению страны после века интенсивной «монголизации» и к утверждению ее как «цивилизованного государства» на основе «расширенного знания», т.е. максимального соответствия «истинно ханьским» стандартам, носителем которых была для них новая китайская династия Мин (1368–1644). Важнейшее место отводилось вану, который, четко определив свой статус как вассала минского императора, должен был первым делом поставить

и страну в контекст мировой истории, центром которой был Китай. Способом достижения этой цели стало создание нового пантеона святых и государственной системы ритуалов, вписывающейся как составная часть в ритуалы минского Китая.

Первым шагом в этом направлении стал отказ от ритуалов с участием вана в посвященном Небу круглом алтаре вонгу. Как сообщает *Тхэджо силлок*, уже 11 августа 1392 г. чиновник Министерства ритуалов Чо Пак предложил: «Система жертвоприношений в круглом алтаре должна быть отменена, потому что это прерогатива императора». Он основывался на канонической формуле, что китайский император проводит жертвоприношения духам Неба, Земли, самых высоких гор и длинных рек, а «удельный князь» (им соответствовал корейский ван) – духам-хранителям и духам важнейших гор и рек в пределах своих владений. Но полностью отказаться от ритуалов в честь Неба, от которого зависел урожай, было невозможно, поэтому был найден компромисс: круглый алтарь переименовали из *вонгу* в *вондан* (圓壇), что означало то же самое, но не было связанным с китайским императором понятием. В нем и поклонялись небесным духам в первые годы, причем уже Тхэджон в них не участвовал, что было еще одним способом выражения пиетета по отношению к китайскому императору.

Известно, что поначалу ритуалы в *вондан* были обращены к Небу, «Трем Властителям» и «Пяти императорам», а потом – только к одному из «Трех Властителей» – покровителю земледелия Шэньуну. Потом об урожае стали молиться в Алтаре духов ветра, облаков, грома и дождя (Пхун Ун Нве У 風雲雷雨), которые, согласно древним мифам, помогали еще родоначальнику корейцев Тангуну распоряжаться земными делами²⁹. Изменения в ритуале происходили в первые годы династии очень часто в зависимости от расстановки сил при дворе, где сложились две группировки, из которых одна считала, что никто, кроме императора, ни при каких условиях не может совершать жертвоприношения небесным духам, а другая опасалась, что если в *вондан* ритуалы не проводить, то страну постигнет паводок или засуха. Чтобы преодолеть разногласия, в 1411 г. был сделан запрос в Министерство ритуалов минского Китая. Во время засухи 1413 г., когда моления о дожде в *вондан* не дали результата, Тхэджон воспринял это как личное себе наказание, посланное Небом за нарушение субординации, и они были отменены (*Тхэджон силлок*. 5 июля 1413 г.). Вместо этого ван приказал построить в восточном пригороде столицы отдельный алтарь для моления об урожае и почитать в нем духов колосьев (остевой части

и волосков), конюшен, ночи и тьмы, а также женские божества земли и зерна. В 1417 г., когда после очередной долгой засухи чиновник Пён Керян (卞季良, 1369–1430) предложил Тхэджону лично провести жертвоприношение в *вондан*, тот решительно отказался. «Император приносит жертвы Небу и Земле, а удельные князья – горам и рекам в их пределах. Я знаю только этот ритуал и не осмеливаюсь и помыслить, чтобы делать жертвы Небу», – таков был его ответ (*Тхэджон силлок*, 4 декабря 1417 г.).

Последние жертвоприношения в *вондан* были сделаны при Седжоне в 1426 г., во время сильнейшей засухи. Когда на следующий год она продолжилась, шаманы молились о дожде на Хангане, а чиновники – в Алтаре ветра, облаков, грома и дождя и в Алтаре дождя (*Седжон силлок*, 8, 9, 11 июля 1427 г.). С этого времени моления об урожае проходили в этих алтарях. В 1443 г., когда власть Седжона достаточно укрепилась, он предложил сановникам восстановить ритуал в честь Неба, чтобы подчеркнуть, что чосонский монарх – не «удельный князь, чьи земли находятся в китайских пределах». Тому был прецедент: «Северные династии» Ляо и Цзинь также проводили чеса в честь Неба*. Но сановники выступили против, и жертвоприношение Небу в *вонгу* было окончательно исключено из обсуждения (*Седжон силлок*, 10 июля 1443 г.).

С первых дней династии при дворе существовал своего рода исследовательский институт (*Бйре санджонсо* 儀禮詳定所), задачей которого было изучение и обобщение предшествовавшего опыта китайских династий и Корё в области ритуала. При Седжоне (1418–1450) началась работа по составлению государственного уложения о ритуалах. Она была поручена ученым из Академии мудрецов (Чипхёнджон). Опираясь на вышеупомянутые три канонических книги и трактаты танского времени, а также 200-томную энциклопедию государственного управления «Всеобщее уложение» (*Тундянь*, кор. *Ту-сси тхонджон* 杜氏通典) Ду Ю (735–812) и составленное в начале династии Мин уложение «Церемониал годов Хун-у» (洪武禮制, кор. *Хонму йедже*)**, они составили первую версию государственного уложения о ритуалах *Оре*, которая при жизни

* Ляо (遼, кор. Ё) – китайское название кочевого народа киданей и правящей династии их государства, существовавшего в Северо-Восточном Китае в 907–1125 гг. Чжурчжэньская империя Цзинь (金, кор. Кым, 1115–1234) пришла Ляо на смену, вытеснив киданей в Среднюю Азию.

** Хун-у – «Великая воинственность», девиз правления основателя династии Мин Тай-цзу (Чжу Юаньчжана, 1368–1398), которого иначе именовали императором Хун-у (洪武帝).

Седжона стала руководством по исполнению ритуалов правящим домом, а после его смерти вошла приложением в хроники его правления. К середине XV в. новый пантеон божеств (адресатов церемонии *килле*) Чосона выглядел следующим образом:

Категория килле	Адресат – духи Неба (天)	Адресат – духи Земли (地)	Адресат – духи людей (人)
Большие церемонии (<i>тэса</i> 大師).		«Первый земледелец» Соннон (Шэньнун) [в Саджиктан].	Четыре предка Основателя; усопшие ваны династии-хранители государства [в Чонмё].
Средние церемонии (<i>чунса</i> 中師).	Духи ветра, облаков, грома, дождя (Пхун Ун Нве У 風雲雷雨).	Духи крупнейших гор, морей, рек (Ак Хэ Ток 岳海濱).	Богиня шелководства Сонджам (Сяньцань); Дух дождя Уса (雲祀); Конфуций (Мунсон-ван); Тангун; Киджа; Тонмён-ван; Ван Гон.
Малые церемонии (<i>соса</i> 小師).	Духи восьми направлений (сторон света), неба, облаков, созвездий; дух холода.	Известные горы и большие реки; семь жертвенных церемоний, предотвращающих несчастья.	Маджу* (馬主, кит. Мацзу, «Лошадиный предок»); Сонмок (кит. Сяньму) – первый на земле пастух.

В *Оре* для укрепления престижа центральной власти личные жертвоприношения крупнейшим горам, большим рекам и морям были запрещены и переданы в ведение государства. Причем число этих объектов поклонения росло по мере увеличения территории страны в первой половине XV в., когда Корея и приобрела на карте те очертания, которые имеет сейчас. Например, духа реки Амноккан стали почитать в ритуалах в правление Тхэджона, а реки Туманган – в 1437 г., при Седжоне. Через ритуал утверждалась неприкосновенность территории страны перед соседними государствами.

* Маджу – покровитель лошадей. Звезде Чхонсасон, охраняющей дух Маджу, начиная с X в. в середине весны во 2-ю луну совершалось государственное жертвоприношение у алтаря к югу от столицы.

Как предка государства во времена Тхэджо и Тхэджона почитали, прежде всего, легендарного китайского мудреца Цзи-цзи (кор. Киджа), основателя государства Чосон Киджа (箕子朝鮮, 1122–194 г. до н.э.)*. Причины объяснялись в первом своде законов *Чосон кёнгук чон* (1394) так: «Тангун, Киджа и Ви Ман называли свою страну Чосон. Наиболее прекрасной она была в правление Киджа. Он составил законы и превратил ее в цивилизованное государство, признанное У-ваном, правителем Чжоу. Заимствуя это название и вдохновляясь примером древности, мы стремимся к созданию нового цивилизованного государства»³⁰. При Седжоне был повышен статус национального первопредка Тангуна, основателя самого первого на полуострове государства. Если ранее его почитали в алтаре Киджа, то теперь для него был возведен отдельный алтарь с мемориальной табличкой «Тангун династии Чосон». В том же алтаре Седжон приказал почитать легендарного основателя Когурё Тонмён-вана. В их честь каждые весну и осень свершались средние церемонии.

В *Оре* также оговаривался статус церемоний в Чонмё, определялось, кто и каким образом в нем почитается, приводились стандарты ритуальных даров, посуды, символических предметов, описания их изготовления, планы сервировки ритуальной еды, чертежи музыкальных инструментов и схемы расположения музыкантов во время церемонии, излагались требования к участникам церемонии, связанные с их физической и моральной подготовкой к ней, описывались их головные уборы и процесс исполнения ритуала в деталях.

«Пять государственных церемоний»

Полностью работа над созданием системы ритуалов Чосона была завершена в правление Сонджона (1469–1494). Изданное в 1474 г. в восьми томах и шести квонах «Уложение о пяти государственных церемониях» (*Кукчо орей* 國朝五禮義) стало главным законом страны наравне с «Великим уложением по управлению государством» (*Кёнгук тэджон*). Согласно ему, основные государственные ритуалы были следующими:

1. *килле* – самые важные 12 поминальных церемоний, подчеркивавших сакральную сущность правящего

---

* С XI в., когда в Корё активизировался процесс освоения конфуцианских принципов государственного устройства, легенда о Киджа вновь приобрела популярность как свидетельство «исконной» принадлежности Кореи к китайскому цивилизационному ареалу.

вана как наследника получившего Мандат Неба основателя династии, как вассала Китая (т.е. истинно конфуцианского монарха) и как главного посредника между народом и духами-хранителями государства. Оформились в Чосоне первыми. Делились по значимости (в зависимости от объекта поклонения и главного исполнителя) на большие, средние и малые. Ритуалы в Чонмё и Саджиктан относились к «большим церемониям» (*тэса*), их главным исполнителем был ван.

2. *пинне* – 8 ритуалов, связанных со встречаей, приемом и проходами иностранных послов, в первую очередь китайских, в соответствии с *садэ* – «почитанием старшего [государства]». Это служило еще одним подтверждением легитимности правления как для соседних государств, так и для собственных подданных, было важной составляющей престижа правящего дома и залогом мира для страны. Китайскому посланнику в Чосоне оказывался самый торжественный прием. Для встречи его ван лично выезжал к Западным воротам столицы в сопровождении наследника, членов королевской семьи и высших сановников. Множество церемоний сопровождали получение императорских эдиктов, писем и даров и банкеты в честь китайских послов. Японских, рюкюйских и прочих послов встречали чиновники Министерства ритуалов, а ван давал им аудиенцию.
3. *хюнне* – 5 видов похоронных и траурных ритуалов, главными из которых были «государственные похороны» (*куксан*) вана и королевы и соблюдение траура по ним наследником (новым ваном) и членами его семьи, а также чиновниками и народом. Значение этих ритуалов было в том, что они определяли правила наследования трона: от вана-отца – к самому достойному из сыновей независимо от того, был ли он от законной жены или наложницы, а также подчеркивали особое положение правящего дома в обществе. В служилых семьях наследование в соответствии с «Книгой семейных ритуалов» Чжу Си (*Чуджа каре*) шло от отца к старшему сыну от законной жены.
4. *кунне* – 5 военных ритуалов, из которых главным считалась официальная церемония стрельбы, во время которой правитель лично четырежды стрелял из лука, сделанного из рога носорога, в цель (размером 5 кв. м) с расстояния в 90 шагов. Каждый выстрел

сопровождался музыкой. Результаты тщательно регистрировались. Затем в порядке, определяемом должностью, стреляли сановники. Их выстрелы также сопровождала музыка, и каждый стреляющий, сделав 4 выстрела, поворачивался к вану и кланялся. По окончании церемонии ван награждал участников в соответствии с их результатами. Эта церемония служила утверждением порядка в обществе (социальной иерархии) и подчеркивала личные достоинства вана.

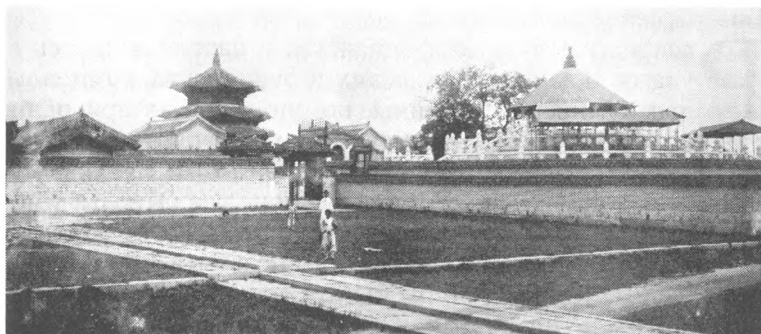
Известно, что Конфуций считал стрельбу из лука одним из «шести искусств», которым должен в совершенстве владеть «достойный муж», и многие чосонские ваны были прекрасными стрелками, особенно Тхэджо, Тхэджон и Чонджо. Существовала еще и неофициальная церемония, когда ван практиковался в стрельбе из лука в специально отведенном месте дворца. Летописи сообщают, что впервые такое место было устроено во дворце в 1424 г. в правление Седжона. Сановники воспротивились, потому что увидели в этом попытку правителя укрепить единоличную власть, но ван настоял на своем.

Прочими ритуалами этого типа были большие парады, военные маневры под руководством вана, битье в барабаны во время солнечного и лунного затмений и отправка армии на войну. В первые годы династии формой упражнений в боевых искусствах считалась охота, и во время одного из ритуалов в Чонмё в качестве жертвенной пищи подавалась дичь, добытая таким образом. Но Седжон не любил охоту, и в его правление вместо дичи духам стали подавать мясо коров и овец. Военные ритуалы были не слишком популярны у чосонской династии, в чем проявлялся принцип *мунчхиджуый* 文治主義, при котором главную роль в управлении играет конфуцианское гражданское, а не военное, чиновничество. Хотя по традиции военные ритуалы следовало проводить весной и осенью, их отменяли, когда прибывал китайский посол, или ван неважно себя чувствовал, а также в неурожайные годы, чтобы не вызвать недовольство у народа. Со временем количество военных ритуалов стало уменьшаться – в первую очередь, в связи с представлением, что утонченный ум и достоинство вана более важны для хорошего правления, чем военная сила.

Как сообщал в *Самгук саги* Ким Пусик, до того времени, когда в 788 г. в Силла впервые была введена система экзаменов для отбора на конфуцианскую службу, где главным критерием служило знание конфуцианской классики, «люди отбирались [на службу] по [искусству] стрельбы из лука»³¹.

5. *каре* – 6 ритуалов, связанных с радостными событиями в монаршей семье. *Мангволле* – церемония, когда совершался поклон в сторону дворца минского императора в день зимнего солнцестояния и в первый день года – в важный календарный период, когда световое время начинало увеличиваться. Проводил церемонию ван, участвовали наследник и сановники. *Ёнджовый* была церемонией получения эдикта от минского императора. Она относилась не к *пинне*, а к *каре*, потому что была связана с организацией пира во дворце в честь китайского посланника. К другим ритуалам этой группы относились: королевские аудиенции, встреча наследника с министрами и прочими официальными лицами, встреча королевы с наложницами и членами их семей, выбор королевы, бракосочетание наследника и принцев; передача приказов вана, экзамены на чин во дворце, банкеты для старейшин и пр. Церемонии бракосочетания принцев и принцесс были весьма похожи на те, что проводило служилое сословие, а имевшиеся различия подчеркивали исключительное положение правящей семьи. Например, когда выбирали супругу кронпринцу, в стране запрещали все бракосочетания. Большой пышностью отличались церемонии, связанные с поступлением принцев в школу и их совершеннолетием («надевание шапки»).

Главный смысл церемоний в Чонмё заключался в том, что через них в народе утверждались социальная иерархия, представления о том, что государство – это ван, что социальный порядок и всеобщее процветание зависят от прочности его власти, что государственное – выше личного и пр. Хотя ритуалы в Корее отправлялись еще на заре ее государственности, *Кукчо орей* было первым в истории страны официальным сводом ритуалов, полностью основанным на конфуцианской традиции. Проведенная тогда унификация системы ритуалов служила укреплению контроля государства над обществом и усилению единомыслия в народе. Дополнения и приложения к *Кукчо орей* регулярно издавались на протяжении правления династии. Особенно существенные поправки в систему государственных ритуалов были внесены после провозглашения в 1897 г. Корейской империи, когда был повышен их уровень и составлено «Уложение об императорских церемониях» (*Тэхан йеджон* 大韓禮典). Тогда же в Сеуле был воздвигнут Алтарь Неба (Вонгудан 圓丘壇), ставший на 13 лет главным храмом страны.

Алтарь Неба – Вонгудан
в 1907 г.

Вонгудан в 1927 г.
В колониальные годы
его площадь
значительно
уменьшилась, а сам он
оказался на территории
крупнейшего в городе
отеля «Чосон»,
став его лучшим
украшением.
*Фото из архива
С.В. и Н.Н. Чиркиных*

Вонгудан сегодня.
Фото 2008 г.

Утверждение ритуала в народе

Распространение конфуцианства в народе началось с указов о замене шаманских и буддийских поминальных кумирен на семейные поминальные алтари: один для каждого рода. Их строительство означало утверждение на практике системы наследования от отца к старшему сыну от законной жены. Прежде в Корё все сыновья имели право на равную долю наследования, чему сопутствовал обычай проводить поминальные ритуалы в честь предков в разных местах, что было неизбежно, если взрослых сыновей было несколько. Отказ от древней традиции, затрагивавшей устои семьи, проходил трудно, и главным орудием борьбы с ней и насаждения новых ритуалов и идеологии стала в Чосоне «Книга семейных ритуалов» Чжу Си. С 1419 г., когда «посольство благодарности», возглавлявшееся принцем Кённёнгуном, привезло из Китая подаренное императором «Четверокнижие» (*Сышу* 四書, кор. *Сасо*), «Пятикнижие» (*Уцзин* 五經, кор. *Огён*) и собрание «Неоконфуцианская классика в новой редакции» (*Синьсю синли дадянь* 新修性理大典, кор. *Синсу сонни тэджон*)*, распространение этой книги осуществлялось на государственной основе систематически. Она была утверждена как базовый учебник в «пяти школах» в Сеуле и школах в провинции и вынесена на экзамены первой ступени на чин. Начиная с 3-го года Тхэджона (1403), всем чиновникам ниже 7-го ранга было предписано сдать экзамен по ней экзамен. В 1427 г. ее стали сдавать на экзаменах на ученую степень в университете Сонгюнган наряду с *Сохах* (*Сяосюэ*). Но несмотря на усилия государства, строительство семейных алтарей продвигалось медленно, о чем свидетельствует запись Министерства ритуалов за 10 февраля 1428 г.:

«Хотя создание системы семейных поминальных алтарей чиновниками высокого и низкого рангов много раз предписывалось в монарших эдиктах, довольно много из них не построили поминальных алтарей предков и не почитают их таблички. Пусть здание главного алтаря передается тому потомку, кто совершает

* «Четверокнижие» включает: *Дасюэ*, *Лунъюй*, *Мэн-цзы* и *Чжунюнь* («Учение о середине»). «Пятикнижие» включает: *Ицзин*, *Шуцзин*, *Шицзин*, *Лицзи*, *Чунъюю*. В 1313 г. были составлены неоконфуцианские версии «Четверокнижия» и «Пятикнижия» – *Сышу да цюань* (四書大全 «Четверокнижие в великой полноте», кор. *Сасо тэджон*) и *Уцзин да цюань* (五經大全 «Пятикнижие в великой полноте», кор. *Огён тэджон*), получившие в минском Китае и Чосоне официальное признание. *Синли* (性理, кор. *сонни*) – природа человека и мир идей, вечные законы природы, как категория неоконфуцианской философии.

жертвоприношения. Пусть Ведомство главного инспектора в Сеуле и губернаторы провинций обнаруживают и наказывают тех, что не построил поминальных алтарей»³².

Приказ, по которому имущество отца наследовал тот сын, кто совершал по нему жертвоприношения, вызвал множество серьезных конфликтов в служилых семьях между сводными братьями. В июне 1428 г. государство вмешалось в такой конфликт из-за наследования собственности между сыновьями соратника Ли Сонге Чо Ёнму (趙英茂, ?–1414). Сын наложницы был уволен с должности, наказан сотней ударов палкой и сослан, а сын от первой жены обласкан и награжден. Практиковалось такое и в дальнейшем. В правление Чунджона (1506–1544) в Алтаре Конфуция был канонизирован видный сановник и «преданный подданный» династии Корё Чон Монджу (1337–1392) за то, что одним из первых (еще в Корё) построил поминальный алтарь и практиковал трехлетний траур по родителям согласно «Книге семейных ритуалов» Чжу Си.

Правящая фамилия побуждала подданных к исполнению новых ритуалов не только приказами, но и собственным примером. При Тхэджоне во время жертвоприношений в Чонмё духам стали подносить мясо, в то время как раньше ограничивались, по буддийскому обычаю, овощами. Когда

«Окпэ изгоняет тигра». Рассказ о спасшей мужа образцовой супруге из «Книги о “трех отношениях” с иллюстрациями...»

(Тонгук синсок самган хэнсылъдо 東國新釋三綱行實圖) 1619 г.

Примеры добродетелей представлены в ней тремя способами: на ханмуне (для образованных), на национальной азбуке (для грамотных женщин и простолюдинов) и в картинках (для неграмотных)

в 1420 г. скончалась мать Седжона королева Мин (Вонгён ванху), государь отказался от старинного обряда *ёгволь тансандже* (易月短喪制), который позволял ограничиться 36-дневным трауром, и, согласно *Чуджа каре*, соблюдал траур в течение трех лет. Также он приказал соблюдать траур и наследнику, будущему вану Мунджону, когда скончалась его мать королева Сим (Сохон ванху, 1395–1446). Аналогично было и со свадебными церемониями, в которых новое государство, основываясь на *Чуджа каре*, стремилось искоренить древний обычай, по которому молодой муж в первые годы брака жил в доме жены. Как аргументировали теоретики, в старом обряде *ян* 陽 следовало за *ым* (陰, кит. *инь*), что противоречило доктрине неоконфуцианства. Первым бракосочетанием по новому образцу была свадьба дочери Седжона от наложницы принцессы (*онджу*) Суксин (淑愼翁主) в марте 1435 г. Так же Седжон женил и девяти своих сыновей. Внедрение новых ритуалов было направлено на «отсечение лишнего» и унификацию служилого сословия как опоры государства, но в реальности имело куда более широкие последствия, оказав глубочайшее влияние на культуру страны в последующие времена.

Составляя после смерти Седжона хроники его правления, придворные историографы называли его «Яо и Шунем Восточного государства». Современные историки видят главную заслугу этого признанного «самым выдающимся из ванов Чосона» правителя в том, что он «с помощью конфуцианских ритуалов привел страну к процветанию, добившись баланса между “почтением к старшему” и самостоятельностью, моральным долгом и практической пользой, идеалом и реальностью, разумом и чувствами»³³.

Изучение смысла и деталей ритуала стало главенствующей задачей для ученых мужей Чосона в XVII в., и треть канонизированных корейских мудрецов чосонского времени, чьи поминальные таблички были упокоены в государственном Алтаре Конфуция Мунмё, прославились исследованиями именно в этом направлении. Они создали течение, вошедшее в историю как «школа ритуалов» (*йехак* 禮學), и не раз проявляли негибкую стойкость, когда дело шло о соблюдении ритуальных правил. Приведу краткие сведения о них.

Ким Чансэн (金長生, псевдоним Саче 沙溪 – «Песчаная Долина», 1548–1631), основатель «школы ритуалов». Поступил на службу в 30 лет и всю жизнь служил на небольших должностях. Во время Имджинской войны и маньчжурского нашествия 1627 г. заведовал снабжением войск. Руководитель группировки «западных» при дворе, последователь Ли И, один из основателей Кихо хакпха 畿湖學派 –

философской школы Кихо (т.е. провинций Кёнги и Чхунчхон), которая противостояла школе Ённама 嶺南學派 (провинций Северная и Южная Кёнсан) во главе с великим Ли Хваном (李滉, псевд. Тхвеге 退溪, 1501–1570). Автор нескольких трудов по ритуалу, из которых особо знаменито «Толкование семейных ритуалов» (*Каре чимнам* 家禮輯覽) – свод комментариев разных авторов к *Чуджа каре* с рисунками, в котором основной упор был сделан на похоронные ритуалы, поскольку, по мнению автора, в то время большинство корейцев отправляло их весьма формально. Слава его была так велика, что после кончины его поминали в десяти «храмах славы» (*совон*) по всей стране. Канонизирован в 1717 г.

Ким Чип (金集, псевдоним Синдокчэ 慎獨齋 – «Мансарда Одинокого Ученого», 1574–1656), продолживший дело своего отца сын Ким Чансэна. Его труды стали учебниками ритуала для корейцев. Ким Чип получил первую должность в 1610 г. и дослужился к концу жизни до члена Госсовета, хотя сложная обстановка при дворе неоднократно заставляла его покидать службу. Столько же бурной, как и его карьера при жизни, была история его канонизации, которая обсуждалась с 1759 г., но состоялась лишь в 1883 г. Это последний канонизированный мудрец Кореи.

Сон Сиёль (宋時烈, псевдоним Уам 尤庵 – «Еще Более Скрытый», по аналогии с псевдонимом Чжу Си 晦庵 – «Скрытый в тени», 1607–1689) – ученик Ким Чансэна, за обширную эрудицию в 28 лет был назначен наставником кронпринца (будущего вана Хёджона, 1650–1659). Занимавший немало видных постов при дворе, он отказался от должности в знак протеста против заключения мира с маньчжурами (династией Цин) в 1637 г. и принципиально не служил вплоть до восшествия Хёджона на престол. Вернувшись на службу, стал одним из самых рьяных сторонников так называемого «похода на север», предполагавшего «наказание» цинского Китая, но в реальности обернувшегося подневольным участием корейских отрядов на китайской стороне в военных столкновениях Китая с Россией на Амуре в 1654 и 1658 г. Руководитель группировки «западных» и активный участник фракционной борьбы при дворе, Сон Сиёль находился в самом эпицентре дискуссий о ритуалах в 1659 и 1674 г. В первой ему удалось одержать верх, во второй он потерпел поражение и был сослан в северные районы. Его непримиримая позиция в напрямую связанном с ритуалом вопросе (о назначении наследника) стоила ему жизни. В 1689 г. он был казнен. Опубликованное в 1717 г. по приказу Сукчона собрание сочинений Сон Сиёля насчитывало 215 томов комментариев к неоконфуцианской классике. Почитался в 70 «храмах славы». Посмертное имя (*сихо*) Мунджон (文正, «Образованный и преданный [князь]»). Канонизирован в 1756 г.

Сон Чунгиль (宋浚吉, псевдоним Тончхундан – «Тот же Весенний Павильон», 1606–1672), ученик Ким Чансэна, родственник

Портрет Сон Сиёля кисти Ким Чханопя (1658–1721).

Фрагмент.

Хранится в алтаре Хванган 黃江影堂 (г. Чхунджу, пров. Северная Чхунчхон)

Портрет Пак Сечхэ
кисти неизвестного
художника периода
Чосон. Фрагмент.
*Из коллекции
Музея г. Ёнин,
пров. Кёнги*

и единомышленник Сон Сиёля, придворный чиновник, чья карьера типична для эпохи, в которую фракционная борьба достигла кульминации. Обычно занимал должности, которые перед этим занимал Сон Сиёль, и был его сторонником в придворных дискуссиях о ритуалах, в частности, споре о трауре для вдовствующей королевы Чо (Чаннёл ванху, 1624–1688). В 1624 г. получил первую должность, но спустя несколько лет ушел в отставку, чтобы заняться наукой. Считался главой «школы ритуалов». Знаменитый каллиграф и писатель. Канонизирован в 1756 г. *Сихо* – Мунджон (тот же, что и у Сон Сиёля).

Пак Сечхэ (朴世采, псевдоним Намге 南溪 – «Южная Долина», 1631–1695) – один из видных деятелей «школы ритуалов», ученик Ким Чансэна. Принимал участие во всех основных политических диспутах своего времени, был лидером группировки «молодых» (少論 *сорон*) и одновременно прилагал усилия к преодолению фракционной борьбы. Автор многих трудов, известный каллиграф. Канонизирован в 1764 г.³⁴

Ключ к пониманию корейской культуры

Недавно я получила письмо от молодого коллеги, который с туристической группой сопровождал видного южнокорейского историка, научного руководителя своей диссертации, в поездке во Владимир и Суздаль. «Девочка-экскурсовод была очень милая и по-своему знающая, – писал он, делюсь впечатлениями. – Только вот, “за деревьями леса не было видно”, что ли? Она подробно рассказывала о том, когда что было построено, в каком веке здесь был пожар, в каком году что пристраивалось и перестраивалось, обращала внимание на различные детали архитектуры... а вот простые вопросы: “Какую роль это место играет в русской культуре? Что в нём такого, из-за чего любой русский должен здесь побывать? Почему именно сюда нужно непременно свозить и иностранца, если он хочет лучше понять нашу историю и нашу культуру? Почему, наконец, это место было занесено в список памятников культурного наследия ЮНЕСКО – какое значение оно имеет для мировой цивилизации?” – привели её в замешательство».

Вопросы это закономерные, но и чрезвычайно трудные. Особенно, когда речь идет о храмах, которые были не только знаковыми сооружениями минувшей эпохи и давно ушедшей в прошлое культуры, но и символами веры,

которую мы, их потомки, уже в значительной степени утратили. Большинству русских сегодня требуется пояснение специалиста, чтобы понять содержание и эстетику объектов поклонения в русских храмах – наших знаменитых икон. Что же говорить о соборах, где, кроме живописи, была еще архитектура – загадочный ныне уже для большинства ключ к проводимым здесь богослужениям, где переплелись символика пространства, ценности времени, истории создававших его людей – спонсоров и строителей. Проходя каждый день мимо соборов и церквей по знакомым улицам, много ли мы можем о них рассказать? Еще труднее с храмами зарубежными, символами культуры для нас незнакомой и непонятной, тем более если и на родине она постепенно уходит в небытие.

Как пишет искусствовед Ким Поннёнль, «Чонмё – вышедшая на поверхность могила, корни которой находятся в гробницах. Погруженное во мрак и молчание, это “пространство мертвых”, но не “мертвое пространство”. Просто в нем становятся бессмысленными необходимые на этом свете удобства и условия. В день жертвоприношений предки выходили из своего царства и входили в мир живых. Можно сказать и так: живые, приоткрыв тяжелую дверь в царство мрака, соприкасались с миром мертвых. Это не было простым делом. Контакт осуществлялся через мучительную процедуру ритуала и длительное, требовавшее терпения время ожидания. Так создавалось переходное пространство между двумя царствами. Чонмё было реальным местом этого контакта, ритуал – виртуальным. Воплотить смерть в архитектуре значит создать пространство, где остановилось или бесконечно замедлилось время. Через бесконечные повторы создатели Чонмё показали безграничность времени и его конец. Это мир света и тени, символизирующий жизнь и смерть, молчание и покой. Обиталище духов усопших ванов, Чонмё не роскошен, как Пульгукса, не реалистичен как скульптуры Соккурама, не живописен как Хувон в Чхандоккуне. Чонмё прост, но не скучен, метафизичен, но не устрашает, величествен, но не подавляет. Именно в этом и заключается классическая красота Чонмё. Его архитектура в совершенстве отразила порядок и смысл ритуалов. Чонмё – не столько архитектура, сколько философия»³⁵.

На протяжении пяти столетий Чонмё воплощал блеск и великолепие чосонских монархов и являлся местом, где отправлялись самые сложные ритуалы, являвшиеся квинтэссенцией конфуцианской культуры. Социальной основой религиозных верований средневековых корейцев была большая семья. Ныне южнокорейское

общество стремительно меняется. На глазах рушатся традиционные ценности супружества. За последние 30 лет в десять раз выросло число разводов³⁶. Растет число международных браков, все больше корейцев выезжают на постоянное место жительства за рубеж, резко падает рождаемость. Если в 1970 г. на одну кореянку фертильного возраста приходилось в среднем 4,5 ребенка, в 2000 – 1,5, то в 2008 г. – 1,26. Это примерно половина того уровня, который необходим для сохранения численности населения. Другими словами, поколение детородного возраста через 25 лет будет по численности составлять половину от того, что имеется сегодня. Уровень рождаемости в Японии – 1,3.

Известный демограф Николай Эберштадт из American Enterprise Institute делает вывод: изменение рождаемости означает разрушение традиционной восточноазиатской семьи, история которой насчитывает 2500 лет, и оно произойдет уже при жизни следующего поколения³⁷. У людей больше не будет дядьев, теток, двоюродных братьев и сестер. Традиционная семья умирает, и почитание предков, составлявшее суть религиозных верований корейцев с ранних лет истории, а в Чосоне превратившееся в упорядоченную религиозно-идеологическую систему, может вскоре стать лишь воспоминанием. В этих условиях сохраненный для потомков Чонмё всегда будет зримым символом прошлого, ключом к пониманию древней культуры, которая составила фундамент современной Кореи.

Но справедливо ли считать конфуцианские ритуалы исключительно отмирающим пережитком патриархальной старины? Как показывают социологические опросы последних лет, в Южной Корее их отправляет большинство населения: около 79% семей проводят их регулярно в годовщины смерти предков, и 78% – в дни праздника осеннего урожая (*чхусок*) и нового года по лунному календарю (*соллаль*)³⁸. И это при том, что при переписи 2005 г. верующими себя назвали только 53,1% населения РК*.

В настоящее время в Южной Корее сосуществуют большое число верований: от буддизма, христианства, шаманизма, конфуцианства и ислама до так называемых «новых религий». На конец 1990-х годов последних официально было зарегистрировано в этой стране 69, и их формирование активно происходит и сегодня. Английский

---

* Согласно справочнику «Республика Корея: цифры и факты» (Сеул, 2009. С. 194), численность последователей буддизма – 10, 726 млн. человек (43% всех верующих), протестантов – 8,616 млн. (34,5%), католиков – 5, 146 млн. (20,6%). Остальные верующие, доля которых составляет 1,9%, – это в основном последователи конфуцианства, шаманизма, ислама и учения Небесного пути (Чхондогё).

религиовед Джеймс Грейсон назвал Корею «лабораторией религий»³⁹. Это значит, что религиозные ритуалы не только не изживают себя, но и приобретают новое содержание. Преимущественно развивавшееся в XIV–XIX вв. неоконфуцианство оказывает немалое влияние на этот процесс. Возрождением ритуалов занялись в последние годы городские и региональные администрации, а также и правительство страны, которые видят в них важный способ привлечения туристов и пополнения бюджетов. Краеведы и общественные организации, сознающие роль ритуалов в воспитании новых поколений в патриотическом духе и сохранении культурного наследия народа, также проявляют к ним интерес. Есть поучительны примеры, когда ритуалы стали способом примирения групп населения, долгое время враждовавших между собой. Так произошло на о. Чеджудо, где снятие в 1990-х годах запрета на поминальные ритуалы в честь жертв прокоммунистического восстания в апреле 1948 г. и массовых чисток среди сочувствующих «красным» в начале Корейской войны, привело к существенному улучшению социального климата на острове, а в дальнейшем и к созданию «алтарей примирения», где вместе отправляют службы потомки погибших по обе стороны баррикад⁴⁰.

Продолжают извлекать максимум пользы из ритуалов современные корейские политические лидеры. На Севере каждый – от школьника до рабочего – должен уметь выражать почтение к вождям страны, и тысячи людей месяцами тренируются, чтобы принять участие в грандиозных церемониях. Хотя и в более завуалированном виде, ритуалы монархических времен нашли свое продолжение и на Юге, где они также служат для пропаганды отстаиваемых правительством или определенными социальными группами общественных и моральных ценностей и рассматриваются как свидетельство социального единства. К таким ритуалам западные исследователи относят официальные презентации в честь выдающихся людей, изысканные церемонии по случаю открытия алтарей, монументов, фестивалей или широко освещаемые прессой визиты членов правительства на родину предков, дни общенациональной посадки деревьев, где главным садоводом выступает президент, и др.⁴¹

В последние годы ритуалы, не только корейские, но и в целом, привлекают все большее внимание западного научного сообщества. На конференции 2006 г. в Вашингтоне Американской академии религиоведения (AAR) им было посвящено семь пленарных заседаний, на которых присутствовали 5437 человек.

VII

Гробницы ванов Чосона

В моих глазах остался вечный след
Тех давних дней – и образ государя.
Чон Чхоль, XVI в.

Каменный тигр (*хосок*),
охраняющий верхнюю
границу между мирами
мертвых и живых

Редкий памятник государственной культуры

В 2009 г. в список «Всемирное наследие» ЮНЕСКО были включены 40 гробниц чосонских ванов «за уникальные строительные особенности и расположение на основе конфуцианских и геомантических принципов». Была также подчеркнута их связь с обрядами и ритуалами и прекрасная сохранность. Это не первый памятник погребальной корейской культуры под охраной ЮНЕСКО. В ее списке также значатся южнокорейские дольмены периода бронзы (I тысячелетие до н.э.), комплекс когурёских гробниц (III – VII в. н.э.) на территории КНДР и курганы правителей государства Силла добуддийской эпохи (III – начала VI в. н.э.) – как одна из главных достопримечательностей исторического заповедника Кёнджу.

Все захоронения правителей Кореи, начиная с периода Когурё (37 г. до н.э. – 668 г.), имеют между собой несомненное сходство, ибо следуют китайскому образцу, восходящему, как считается, ко временам У-вана (武王), основавшему династию Чжоу в XII в. до н.э. Есть у них и особенности, и каждая эпоха вносила в их облик и устройство

свои изменения. В Объединенном Силла (с IX в.) могилы стали ориентировать на юг, в выборе места все большее значение стали приобретать идеи *пхунсу*, что вызвало их перемещение в горы, в места с источником воды и хорошей почвой. В Корё около гробниц стали строить Т-образные алтари и ставить каменные изваяния и шесты, что нашло воплощение в 19 королевских захоронениях этой династии, сохраняющихся и ныне в окрестностях Кэсона в Северной Корее. Самой известной из них является величественная гробница освободителя Кореи от монгольского ига Конмин-вана (1351–1374). Она стала образцом для гробниц правителей Чосона, которые корейцы считают самыми совершенными из всех видов захоронений, существовавших когда-либо в их стране.

С сайта Управления культурного наследия РК:

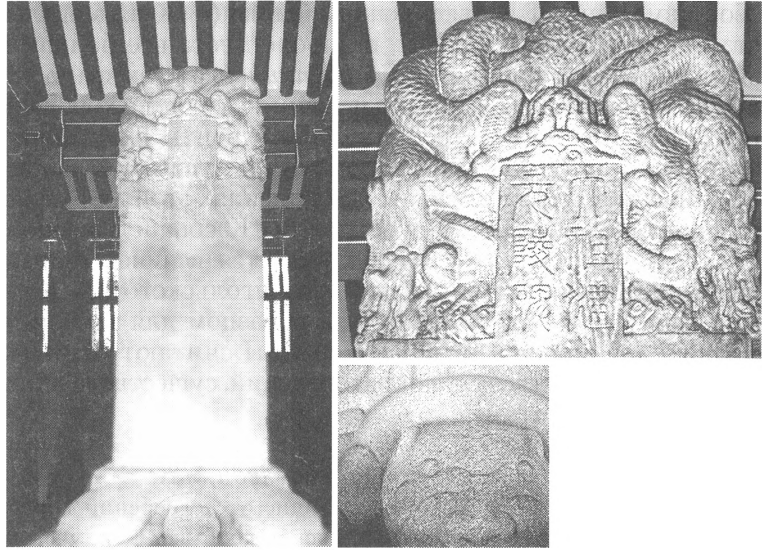
«Гробницы ванов Чосона в отличие от погребений корейских монархов других эпох сохранились полностью. Если учесть, что время правления династии – 518 лет, то это очень редкое явление. Это важное национальное наследие, имеющее и универсальное мировое значение.

Художественная ценность чосонских гробниц заключается, в первую очередь в их уникальности. Примененный в них способ формирования надмогильного холма и планировка погребального комплекса в целом не имеют аналогов в соседних странах. Своеобразием отличаются их каменные скульптуры и ограждения. Их территория от входных ворот до поминального алтаря, внешне простого и аскетичного, – это особый мир, почувствовать который можно только здесь.

Культурная ценность гробниц весьма велика с нескольких точек зрения. Во-первых, в них нашла наивысшее воплощение национальная форма фэншуй – *пхунсухак*, специфика которой определяется географией Корейского полуострова и потому является уникальной. Если в Китае недостатки ландшафта при строительстве компенсировали искусственными постройками, то корейские архитекторы старались максимально сохранить его естественные формы, приспособивая к нему здания.

В семье государя похороны и поминальные церемонии осуществлялись в соответствии со строгим регламентом. Используемые в ритуалах многообразные предметы, меняясь со временем, представляют собой важный источник для изучения общественной мысли и культуры. Порядок церемоний, включая и постройку гробниц, подробно описан в «книгах установленного ритуала» (*ыйгве*), составлявшихся специальным ведомством по возведению гробницы (*саннин тогам*). Они очень подробны и включают не только полные описания процесса постройки, планы и сметы, но даже имена рывших землю рабочих и являются важнейшим справочным материалом при реставрации гробниц. Эти *ыйгве* сохранились полностью

Синдоби – поминальная стела в гробнице основателя Чосона. На ней высечен восхваляющий деяния усопшего панегирик, написание которого было важной составляющей государственного похоронного ритуала, этапом на пути превращения правителя в «отца-предка» государства.

Ису (螭首) – безрогий дракон, венчающий поминальную стелу.

Квибу (龜趺) – черепаха в основании поминальной стелы из той же гробницы.

Памятные камни на могилах в Китае начали ставить в эпоху Хань, а высекать на них надписи – в Цзинь (晋, 266–420) и Сун (宋, 420–479). В Корее они существовали уже в Трех государствах, но особое распространение приобрели в Чосоне, где подобные стелы ставили и на могилах знати

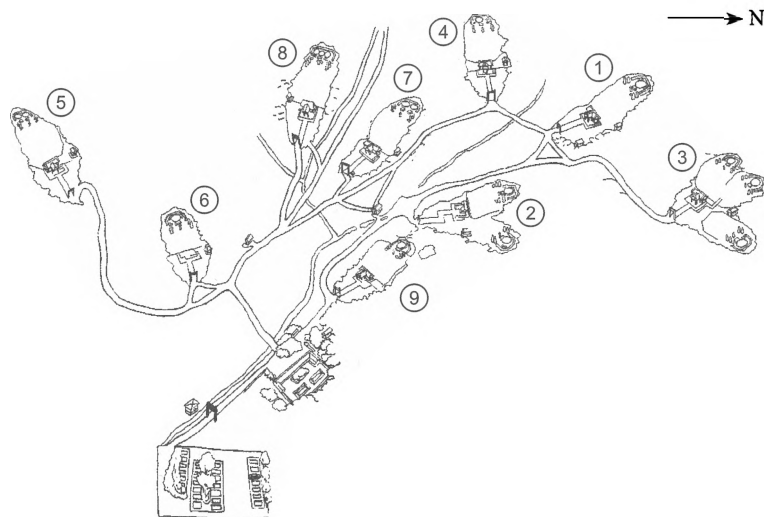
и уже сами по себе имеют культурное значение. Жизнь и смерть ванов, порядок похорон, строительство гробниц – изучение этого вносит существенный вклад в понимание государственной культуры и идеологии прошлого.

Королевские поминальные ритуалы, которые регулярно совершались перед гробницами, имеют 600-летнюю историю и отправляются и сегодня, спустя 100 лет после гибели династии»¹.

Церемония в Парке девяти гробниц

Говорят, что человек живет и после смерти. Столько, сколько его помнят. В этом плане ваны Чосона поистине бессмертны. И никакие современные президенты и лидеры не могут с ними сравниться, потому что память их почитается постоянно: в дни солнцестояний, рождения и кончины, по особым случаям в жизни семьи и государства. Более пяти веков ритуалы в их честь были главными государственными церемониями. Они проводились в столице в храме предков правящего рода Чонмё, и это было событие общенародной значимости. Проводились они на «домашнем уровне» – перед портретами в дворцовых алтарях. Еще одним местом, где регулярно проводились такие церемонии – уже не в узком семейном, а в расширенном семейно-родственном составе, были гробницы. Сохраняется эта традиция и сегодня.

27 июня 2008 г. мне довелось принять участие в уникальном событии – поминальных жертвоприношениях в «Гробнице Заложенных основ» (*Конволлын 健元陵*) основателя династии Чосон Тхэджо (1392–1398; годы жизни: 1335–1408) по случаю 600-летия со дня его кончины. Она расположена в погребальном комплексе *Тонгурын (東九陵)*. Это название буквально означает «Девять королевских гробниц на востоке», поскольку он расположен к востоку от Сеула, на окраине молодого города Кури. В нем находятся шесть семейных захоронений и три – единичные, в которых покоятся 17 монарших особ. Это, кроме основателя, еще пять ванов (Мунджон, Сонджо, Хёнджон, Ёнджо, Хонджон) и один наследный принц (Хёмён седжа, 1809–1830; посмертно – Мунджо 文祖) – с одной или двумя супругами, и две королевы без супругов.

План Парка девяти гробниц из путеводителя «Блокнот для похода по гробницам ванов Чосона» (Сеул, 2006). Автор благодарит владелицу издательства «Мисуль мунхваса» госпожу Чи Миджон за любезное разрешение пользоваться его материалами

① Конволлын (建元陵) – гробница Тхэджо;	④ Хвирын (徽陵) – гробница второй супруги Инджо королевы Чаннэль;	⑦ Воллын (元陵) – гробница Ёнджо и его второй супруги королевы Чонсун;
② Хёллын (顯陵) – гробница Мунджона и королевы Хёндок;	⑤ Суннын (崇陵) – гробница Хёнджона и королевы Мёнсон;	⑧ Кённын (景陵) – гробница Хонджона и двух его супруг королев Хёхён и Хёджон;
③ Моннын (穆陵) – гробница Сонджо и двух его жен королев Ёйин и Инмок;	⑥ Херын (惠陵) – гробница первой супруги Кёнджона королевы Таный;	⑨ Сурын (綏陵) – гробница Мунджо и королевы Синджон.

Хонсальмун
на входе в Тонгурын
венчает 21 стрела,
что подчеркивает
их высший статус
и связь с энергией *ян*
(нечетное).
Тройственный *тхэгык*
в центре –
космогоническая
комбинация
«Небо–Земля–Человек».
Кроме гробниц,
такие ворота
(с 9, 11 или 13 стрелами)
ставили у входов
в важные постройки
во дворцах и ведомствах,
знаменитых совах,
сельских школах-*хянгё*,
буддийских монастырях,
перед мемориальными
стелами
и как прижизненные
памятники
особо почтительным
сыновьям
и верным женам
в местах их проживания.
Фото Ли Сонджона

Тонгурын – парк гробниц, с которого началась традиция хоронить чосонских ванов в лесу. Всего таких лесов в окрестностях Сеула тринадцать. Это было священное место, куда простому смертному вход был запрещен. Об этом извещали стелы с предостерегающими надписями, стоявшие в радиусе 12–16 километров. В таком лесу не пилили деревья и не охотились. За этим бдительно следили постоянно жившие здесь и ухаживавшие за гробницами смотрители. Чиновники Министерства ритуалов и губернаторы провинции регулярно совершали объезды и подавали доклады вану. Ухаживают за ними и сегодня. Не удивительно поэтому, что парки вокруг гробниц, которые пять веков были главным украшением окрестностей столицы, прекрасно сохранились до наших дней. Раскинувшийся на 190 гектарах Тонгурын – крупнейший и старейший из них. Ему 600 лет, и его древность и заповедность чувствуется сразу, когда вступаешь через главные ворота на безупречно подметенную центральную дорогу, видишь могучие старые сосны и вдыхаешь воздух, напоенный их густым ароматом. Начало священного пространства обозначают «ворота красных стрел» (*хонсальмун*), или «ворота духов». Их особенностью – отсутствие обычной крыши, которую заменяет перекладина с заостренными колыями и изображением «великого предела» (*тхэгык*). *Хонсальмун* ставились у входа во все гробницы, были красного цвета (от злых духов) и выполняли ту же символическую роль, что и ворота во «внешнюю» зону дворцового комплекса.

Ощущение как в храме. Тишину нарушают лишь стрекотание сорок да изредка проезжающие автокары со зрителями и уборщиками, бдительно оглядывающими окрестности в поисках мусора, шумящих и курящих людей

и прочих нарушений. Некоторые сосны под грузом лет клонятся к земле, и под них заботливой рукой поставлены металлические подпорки. На многих деревьях таблички с указанием даты, когда им были сделаны инъекции от болезней и какие именно. Пни – во избежание распространения инфекций – накрыты целлофаном. Сверху – табличка с записью, почему дерево было спилено. Газоны на могильных холмах – в идеальном состоянии. Их площадь составляет многие сотни квадратных метров, и уход в значительной мере производится вручную. Такое под силу только государству, которое только в 2007 г. потратило на консервацию и содержание культурного наследия свыше 300 млн. долларов².

В старину на содержание в течение года одной гробницы шел в среднем урожай с суходольного поля площадью 80 га, т.е. примерно 480 котлов риса. В пересчете на нынешние деньги это 100 млн. вон или примерно 90 тыс. долларов. Средства немалые, но для этой цели их не жалели. В Южной Корее сохранилось 109 захоронений представителей королевской семьи Чосона: 44 *нын* (陵, т.е. ванов и их главных супругов, а также тех, кто был удостоен титула вана посмертно, и их супруг), 13 *вон* (園 – кронпринцев, их главных супругов, а также биологических отцов ванов, если ван был усыновлен) и 52 *мё* (廟 прочих детей от главной жены, второстепенных жен и наложниц). Почти все они расположены в радиусе 80 *ли* (42 км) от Сеула в провинции Кёнги, все в прекрасном состоянии и превратились в наши дни в центры народной жизни, куда приходят, чтобы погулять с детьми, отдохнуть, насладиться пейзажем, прикоснуться к прошлому, почувствовать гордость и ощутить крепость своих корней. По словам служителей, гробница основателя

Священные леса вокруг королевских гробниц – свидетели многих событий чосонской истории. *Фрагмент памятной открытки, выпущенной Институтом национального наследия РК*

Ручей перед входом на территорию гробницы.

Мосты через такие потоки назывались *кымчхонгё* («мост над запретным потоком»), как и за главными воротами дворцов, и имели ту же функцию: пройдя по такому мосту, человек очищался от суетных мыслей

Чосона – самая посещаемая. Надо отметить, что она не первая в истории династии. Первыми являются находящиеся в КНДР, пров. Южная Хамгён, восемь гробниц четырех предков Ли Сонге и их супруг, которым был пожалован титул ванов посмертно, сразу после его восшествия на престол. Соответственно статус их могил был повышен до *нын* и им были присвоены подобающие королевским захоронениям почетные имена *нынхо*, заимствованные у гробниц минских императоров.

В тот день у входа в обычно погруженный в тишину парк гробниц царило большое оживление. Подъезжавшие автомобили и автобусы выгружали все новых людей. Их были сотни, и все мужчины

носили фамилию Ли и были родственниками в разных коленах, поскольку принадлежали к одному клану Ли из Чонджу, в котором сейчас насчитывается 123 рода. Это самый большой клан с такой фамилией в Корее. «Нас, членов клана, четыре миллиона», – с гордостью сказал мне пожилой человек, окинув взглядом толпу, в которой мы шли с ним рядом от входа к гробнице. Я вспомнила, что этот клан был основан, по преданию, силласким сановником Ли Ханом, который был женат на дочери потомка в 10-м поколении объединителя Трех государств Тхэджон-Муёля (654–661), т.е. жил примерно в IX веке. Реально ли, чтобы число потомков человека за тысячелетие с небольшим достигло такой цифры? Судить сама не берусь, но что касается живущих ныне потомков чосонских ванов во всех коленах, то исследователь дальневосточных элит историк С.В. Волков оценивает их число в несколько сот человек.

От того же спутника я узнала, что день смерти Тхэджо отмечается кланом каждый год, но в разные дни, после пересчета даты с лунного на солнечный календарь. Вокруг были в основном мужчины. Испокон веков только они имели право участвовать в поминальных церемониях, они же готовили жертвенную пищу и раскладывали ее перед поминальными дощечками в алтаре. В последние годы традиция стала меняться. Несколько лет назад право проводить церемонии в семейных поминальных алтарях было дано и женщинам, но в старинных знатных кланах это новшество не прижилось. Хотя я явно не принадлежала к роду Ли, отношение ко мне было очень доброжелательное. Почтенные старцы в черных костюмах и галстуках

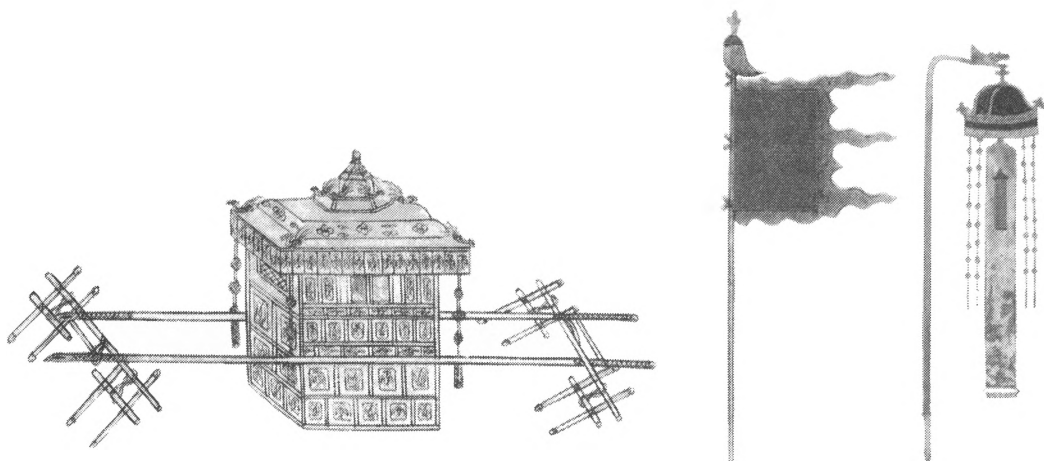
приветливо помахали мне рукой. Потом подарили красочный буклет с краткими сведениями о предстоящей церемонии – «приветствие в день кончины» (*кисин чхинхяанне* 忌辰親享禮). Вот что о ней рассказывалось:

«Согласно “Уложению о пяти государственных ритуалах” (*Кукчо орейи*), данная церемония проводится в память об усопших монархах и их главных супругах и принадлежит к разряду главных государственных церемоний (*килле*). В раннем Чосоне ее проводил в обычной одежде перед портретом усопшего правящий ван или его наследник в домашнем алтаре *Мунсоджон* в Кёнбоккуне. Первый раз – в день снятия траура, а затем в пять главных ритуальных дней (*охян тэдже* 五享大祭): в 1-й день нового года, в “день холодной пищи” (*хансик* 寒食), который приходится на 105-й день после зимнего солнцестояния и отмечается в начале апреля, в 5-й день 5-го лунного месяца (*тано* 端午), в 15-й день 8-го месяца (*чхусок* 秋夕) и день зимнего солнцестояния (*тонджи* 冬至). После Имджинской войны, когда *Мунсоджон* был разрушен, *кисин чхинхяанне* стали проводить у гробниц, причем только в день *хансик*. В наши дни подобные церемонии проводятся в дни кончины ванов».

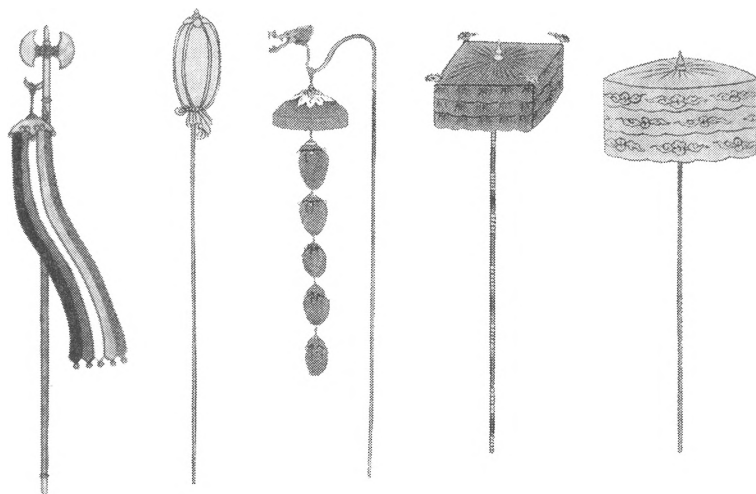
Действо началось с торжественного шествия – «прибытие вана к месту церемонии». Прошли в ярких желтых одеждах и высоких широкополых шляпах с перьями музыканты «придворного оркестра». За ними последовали знаменосцы в красных колпаках и куртках и носильщики ритуального оружия: топоров *пу* 斧, символизировавших побеждающую зло силу династии; металлических «дынь» на шестах (вертикальных – *ипква* 立瓜 и горизонтальных *хвенгва* 橫瓜) и прямоугольных вертикальных, завернутых в голубой шелк, пластин (*пхиль* 畢 – с острыми углами и *хан* 罕 – с закругленными) на высоком древке. Несли вымпелы, девятиярусные «абажуры» из коровьих и птичьих хвостов (*чоль* 節), каскадом свисавшие с изогнутых палок. Такие *чоль* были у китайских, а затем корейских императоров, ванам полагались семиярусные. Несли веера из перьев фазана с изображением фениксов (*сон* 扇) на шестах. По легенде, первый такой веер был изготовлен более трех тысяч лет назад, во времена чжоуского У-вана. Были тут и зонты разных конфигураций: узкие «торшеры» *кэ* 蓋 – копии, как считается, тех, что устанавливали в древнем Китае на колесницах; декоративные квадратные *тан* 幢 со многими оборками и пышными кистями; плоские

Носильщики
кирьиджан.
Современная
реконструкция

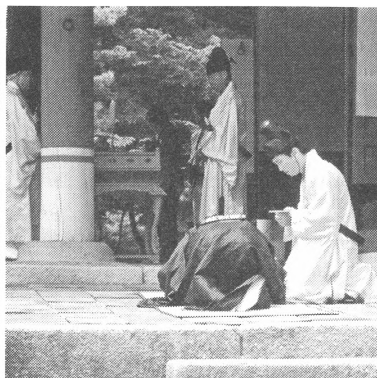

Виды *кырьиджан*: носилки, штандарт, два жезла распорядителей разного уровня, ритуальное оружие *ипква*, зонты. Из «Книги установленного ритуала Ведомства по проведению похорон императрицы Мёнсон» (1897 г.), где в целом представлены 53 рисунка на эту тему, причем фонари и сосуды опущены

и широкие, квадратные и круглые на спицах – от солнца и дождя *сан* 傘, и т.д. Общее название атрибутов, использовавшихся в королевских процессиях, – *ыйджан* 儀仗. Они делились на две группы: *кырьиджан* 吉儀仗 – общего назначения, и *хюныйджан* 凶儀仗 – исключительно для похорон.

Далее шествовали «высшие сановники» почтенного возраста с табличками *холь* в руках и в черных церемониальных шапках *кван* 冠 с тиснеными золотом орнаментом и вертикальными полосками – знаками отличия. Потом «чиновники меньших рангов» в повседневных официальных костюмах с нашивками *хюнбэ* на груди и в *само* 紗帽 – самом распространенном головном уборе служилого чосонца, напоминающем сбоку стул с выпуклым сидением. Он тоже был черный, поскольку это цвет ума и концентрации.

Участники
церемонии-гости –
«члены Госсовета
и главы министерств»
в первом ряду
и «чиновники рангом
ниже» во втором

Непосредственные
исполнители церемонии
в траурных костюмах
типа *чхондамбок*

Рядовые участники
церемонии

Потом появился гигантский красный зонт, который несли над головой главного жреца церемонии – «вана». Прибывший к месту церемонии в «королевском паланкине» (*ога* 御駕), он был облачен так же, как Тхэджо на известном официальном портрете, ныне хранящемся в Музее королевской культуры г. Чонджу, – в синий королевский костюм второго разряда *коллёнпхо* 袞龍袍 с изображениями золотых пятипалых драконов на груди, спине и плечах и соответствующий ему головной убор *иксонгван* 翼善冠 с верхом в форме крыльев цаикады. Это насекомое, как считается, питается росой и потому является символом чистоты и умеренности – важнейших достоинств конфуцианского мужа. Обычно *коллёнпхо* был красного цвета, у императоров Коджона и Сунджона – желтого и только у основателя династии – синего. Так что во время этой церемонии ее главный жрец становился его живой ипостасью. Затем шли «офицеры». Всего проследовали 216 человек в костюмах. Замыкали шествие люди в национальных платьях *ханбок* и обычной одежде.

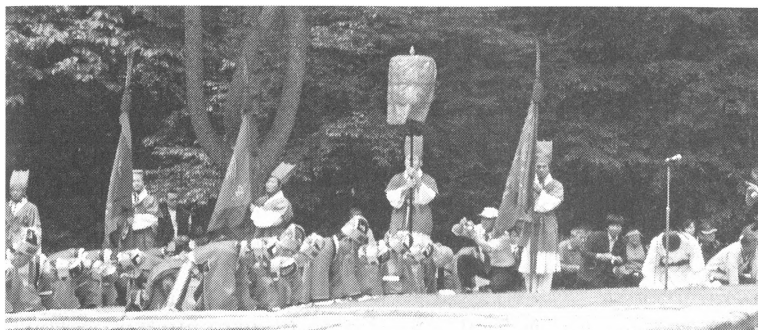
Потомок императора.
Главный жрец
церемонии –
правнук
Коджона Ли Вон

Музыканты дошли до «ворот красных стрел», остановились и перестали играть. Остальные проследовали «дорогой паломника» внутрь и встали согласно регламенту на широкой поляне перед Т-образным поминальным алтарем: знаменосцы по периметру, «чиновники» в ритуальных костюмах спереди, остальные – сзади. Перед каждым рядом были расстелены холщовые половики, чтобы можно было делать земные поклоны, не запачкав одежду. Позаботились об этом женщины, небольшой группой стоявшие теперь поодаль у входа.

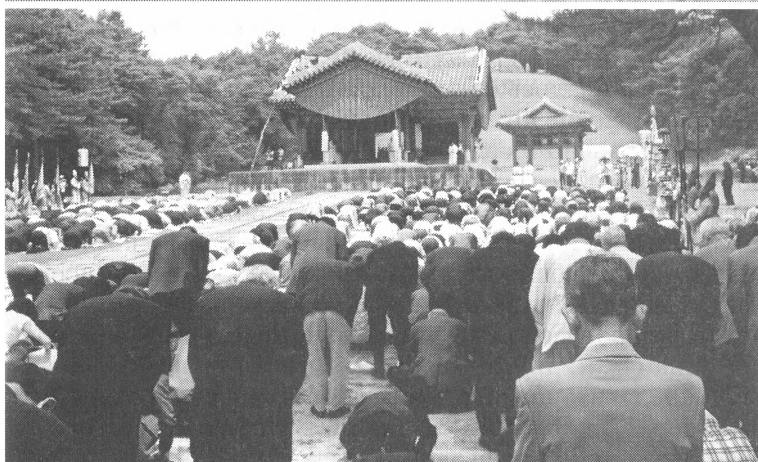
«Ван» проследовал к западной части алтаря и скрылся в особой, только для него предназначенной палатке. В ней он пробыл значительную часть церемонии, выходя только в определенные правилами моменты. Кроме него, непосредственными исполнителями ритуала были «первый министр», «министр правой руки», «министр ритуалов» и другие, рангом поменьше: «королевские секретари» и «придворные историки» (3-й ранг), «чиновники» Министерства ритуалов 3–6-го рангов и Ведомства по наблюдению за правильностью исполнения ритуалов (6–7-го рангов), «смотритель гробницы» (9-й ранг) – всего около 20 человек. Ранги с указанием обязанностей в церемонии были указаны в буклете. Все исполнители были в светло-голубых халатах с черными поясами – *чхондамбок* 淺淡服, которые в Чосоне носили во время трехлетнего траура по государю, родителям или мужу в течение 100 дней после первой годовщины со дня кончины. Церемония длилась около двух часов и шла точно по описанному в буклете регламенту, который совпадал в целом с тем, что был описан в главе о Чонмё. Он состоял из следующих этапов:

- 1) троекратное воскуривание благовоний;
- 2) встреча духа поминаемого;
- 3) троекратное поднесение вина с зачитыванием приветствия после первой чары;
- 4) проводы духа;
- 5) сжигание текста приветствия, зачитанного на церемонии.

По знакам распорядителя, чей голос, усиленный микрофоном, разносился далеко окрест, исполнители по очереди восходили на платформу алтаря по одной лестнице, спускались по другой. Несколько сот рядовых участников то стояли неподвижно ровными рядами, то склонялись до земли в большом поклоне. На преисполненных достоинства лицах я читала гордость за свой род, сознание значимости момента, удовлетворение от выполняемого долга. Жесты были привычные, отточенные многими годами практики. В обычной жизни они были гражданами республики и вполне современными людьми: адвокатами, учителями,

Большой поклон

строителями, предпринимателями, пользовались автомобилями, компьютерами, мобильными телефонами. Что заставляет их тратить столько сил, времени и денег на эти пышные, яркие и этнографически интересные, но вроде бы отжившие свой век церемонии?

Трудно судить о чужой вере. Возможно, только я из всех присутствовавших воспринимала происходящее как театральную постановку о прошлом, к которому нет возврата. Предки есть предки. Долг потомков их почитать и увековечивать их память, ибо от этого зависит общественный престиж рода в целом и процветание каждого его члена в отдельности. Так повелось с древности, и многие корейские семьи, особенно знатного происхождения, также проводят сегодня поминальные церемонии в семейных алтарях или просто у могил, хотя и не в таком масштабе, как клан Ли из Чонджу. У него более широкая задача: возродить интерес в обществе к монархическому прошлому своей страны, напомнить ему, что в пятитысячелетней истории, которой гордится Корея, десятая часть приходится на Чосон.

«В то время как другие королевские дома в мире, например, Британская монархия, вызывают огромный интерес в обществе, и ее членов преследуют толпы ученых и папарацци, в Корее нет реального интереса к потомкам империи. Он ограничен фактически учебниками, да и те рассказывают в основном о проблемах чосонской династии, – сказал в интервью одной из газет 46-летний Ли Санхёп (принц Ли Вон, род. в 1962 г.), правнук Коджона и оспариваемый глава Корейского императорского дома. – Я ощущаю себя частью традиции, которая должна быть не только моей, но и общества в целом».

Ли Вон и был «ваном», главным действующим лицом увиденной мной церемонии. Ли Вон 李源 – имя дворцовое, присваивалось обычно при вписывании сына вана в генеалогические книги правящего рода. В данном случае было присвоено в связи с назначением Ли Санхёпа главой клана бывшего правящего дома Чосона. В прошлом он выпускник факультета телерадиовещания нью-йоркского Технологического института, а ныне менеджер компании «Хёндэ хоум шоппинг» и один из трех основных претендентов на главенство в бывшем королевском клане, расколотом на противоборствующие группировки. Внук принца Ли Кана (李垞, другое дворцовое имя Ёйчхин-ван 義親王, 1877–1955), второго из доживших до взрослого возраста сыновей Коджона, он не является прямым потомком династии, где наследование шло по линии старшего сына. Однако именно его признает главой Корейского императорского дома самая богатая и влиятельная в клане Ассоциация потомков чосонского правящего рода Ли из г. Чонджу (*Чонджу Ли сси Тэдон Чонъягвон*), которая с 1969 г. регулярно проводит на собственные средства и силами своих членов поминальные ритуалы в Храме предков Чонмё и в алтарях у королевских гробниц. Представители этой организации и

были участвовавшими в церемонии «министрами», «чиновниками», «солдатами» и «носильщиками». Они выбрали Ли Вона потому, что он был усыновлен внуком Коджона, последним всеми признанным 29-м «прямым потомком императорского рода» (*хвансесон* 皇世孫) Ли Ку (李玖, 1931–2005), который своих детей не имел. Надо отметить, что Ли Ку «усыновил» Ли Вона уже после своей смерти 16 июля 2005 г. по решению членов совета клана. Затем ему присвоили титул «продолжатель императорского рода» (*хвансасон* 皇嗣孫), и он три года носил траур по приемному отцу.

Но есть в клане люди, которые законность этого усыновления ставят под сомнение, так как оно не было одобрено всеми членами бывшей императорской фамилии. Кроме того, согласно новому корейскому законодательству, с 2004 г. приемный сын не является продолжателем рода после смерти приемных родителей. В первую очередь, претензии Ли Вона оспаривает самая старшая из ныне живущих внуков императора Коджона 90-летняя Ли Хэвон (李海瑗, род. в 1919 г.), которую в противовес Ли Вону 29 сентября 2006 г. двенадцать потомков из Ассоциации членов корейской императорской фамилии короновали как символическую императрицу. На этой церемонии она провозгласила воссоздание Корейского императорского дома. Правительство Южной Кореи к этим событиям осталось безучастным³. Есть еще Фонд культуры Императорского дома, который считает, что больше всего прав на главенство в нем имеет Ли Ёнгиль (более известен как принц Ли Сок 李錫, 1940 г. р.), единственный из четырех здравствующих внуков Коджона, живущий в Корее.

Глава Корейского императорского дома Ли Вон и активисты Ассоциации потомков чосонского правящего рода Ли из Чонджу. После церемонии

Гробницы ванов и *пхунсу*

Церемония закончилась. Всего несколько минут ушло у ее участников на памятное фото с главой Императорского дома в центре, уборку холщовых дорожек и мусора. Люди споро покинули территорию гробницы и направились на близлежащую лужайку, где все теми же заботливыми женщинами для них были приготовлены столики с угощением. Им надо было торопиться: через два часа в Доме молодежи г. Кури открывалась выставка «Оттиски с надписей на стелах в гробницах ванов Чосона» и начиналась научная конференция с участием видных ученых – директоров Института королевских гробниц Чосона, Музея истории города Сеула и Государственного музея королевской культуры при Центральном национальном музее. Темы докладов сообщал все тот же буклет: «Особенности династии Чосон и ее эпиграфическое наследие»; «Трактовка надписей на эпиграфических памятниках из захоронений чосонской знати»; «Культурное наследие Правящего дома Чосона»; «Социальная роль и значение династии Чосон».

Поляна перед алтарем опустела. Оглядевшись (не видит ли кто), я поднялась на вершину крутого холма – к кургану. Хотя это делать не разрешается, я не могла упустить возможность увидеть вблизи самую первую, самую величественную и знаменитую из гробниц ванов Чосона.

С высоты открылся замечательный вид на священный парк и гряды холмов. Здесь господствовали Покой и Природа, многоэтажные дома вдалеке казались миражом. Этим пейзажем восхищается и множество корейцев, но, похоже, что наше с ними восхищение имеет разную основу: у нас – более эмоциональную, у них – более реалистическую. Как написано в одной корейской книге, «западным взглядом нельзя оценить нашего и увидеть то, что видим в нем мы»⁴. В книгах о *пхунсу* «Парк девяти гробниц» Тонгурын называют шедевром *мёндан* 明堂 – «идеального места», где наличие места выхода положительной земной энергии сочетается с наиболее благоприятной формой гор, а это и есть, в сущности, природная красота. Постараюсь передать толкование этой красоты хотя бы приблизительно, потому что понятий, которыми оперируют специалисты корейского фэншюя-*пхунсу*, в русском языке не найти. Это важно, потому что именно соответствие его принципам было, как и для дворцов, главным критерием при определении места гробницы. От того, насколько «правильно» захоронен предок правящего рода, зависело будущее государства. Вот что пишет толкователь ландшафта и историк гробниц Чан Ёнхун:

Конволлын – вид
с холма

«Гробницы были у каждой династии, начиная с Трех государств, и главное их различие заключалось в том, какое место: равнину или горы, – считали в ту эпоху самым благоприятным для строительства столь важного государственного сооружения. В Силла они в основном находились на равнине, в Корё предпочитали горы. Чосонские гробницы – среднее, “не горы, не долина” (*писан тия* 非山非野). Главным при их создании принципом было представление о жизненной энергии почвы (*чи ки* 地氣). Именно ее стремились использовать средневековые геоманты и потому местом для захоронений служили земляные насыпи, в которых, как считалось, концентрировалась *чи ки*. Чосонские королевские гробницы *нын* “питались” энергией “малых гор” *кан* (岡), а те, в свою очередь, получали энергию от стоявших за ними “больших гор” *пэсан* (背山). *Сэн ки* (生氣) – это жизненная энергия предметов, в том числе и объектов местности. Задача *пхунсу* – поставить эту энергию на пользу человеку. Так было и в строительстве могил.

Горы – место наивысшей концентрации земной энергии, ее еще называют *сан ки* (山氣). Те из них, где эта концентрация достигает максимума, называются *сесан* 勢山 – “главные горы”. Подобно тому, как человеческое тело имеет кости и плоть, они делятся на “горы-кость” (*кольсан* 骨山) и “горы-плоть” (*юксан* 肉山). Примером первых являются Сорахсан и Пукхансан, где особенностью пейзажа являются острые пики скал. Примером вторых, более округлых, считаются Собэксан и Чирисан. Все они обладают слишком большой энергией, и потому не имеют *хёль* (穴) – мест выхода благоприятной для человека энергии.

Зато они имеются в горах типа *хёнсан* (形山) – “образцовые”. Они пологие, мягко охватывают место *хёль*, отличаются красотой форм, полностью лишены “энергии смерти” *саль ки* (殺氣). Их энергия значительно меньше, чем у “главных гор”. Для сравнения можно сказать, что если горы *сесан* – это 50 000 вольт, которые убивают, то *хёнсан* – 220 вольт, которые служат человеку. Другими словами, место выхода благотворной энергии *хёль* может существовать лишь в “объятиях” образцовых гор-*хёнсан* (220 вольт), над которыми высятся главные горы-*сесан* (“линия передач высокого напряжения”).

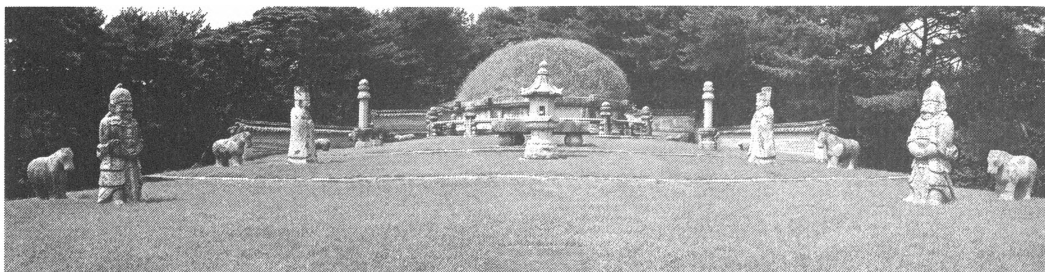
Образцовое, с точки зрения *пхунсухак*, королевское захоронение в Тонгурын. Вздвигающиеся на заднем плане вершины гряды Пурамсан – «главная гора» (*сесан*), «50 тысяч вольт». От нее отрогами отходят «малые горы» Комамсан. Это горы «образцового» типа *хёнсан* («220 вольт»). Место в долине посреди этих гор, где видна одна из гробниц, – это *хёль*, место выхода благотворной жизненной энергии земли.
Фото из книги Чан Ёнхуна

Эти понятия *сесан* – *хёнсан* – *хёль* являются ключевыми для понимания *пхунсу*, а заодно и эстетики, которую находят корейцы в созерцании горного пейзажа. Еще одним важным моментом, который учитывали при выборе места будущей гробницы, было наличие водного потока, который должен был течь таким образом, чтобы не преграждать доступ к постройке жизненной энергии. Если отсутствовал естественный поток, его создавали искусственно»⁵.

Планировка и устройство гробниц

Н*ын* – это предназначенное для жизни в загробном мире самое пышное из всех возможных «жилище во тьме» (*ымтхэк*), отражение в царстве духов самого лучшего, величественного и красивого «жилища на свету» (*янтхэк*), т.е. дворца. Дворцы и гробницы *нын* и строили по единой схеме. И те, и другие делились на «внутреннюю» и «внешнюю» зоны. В обоих случаях главной постройкой являлись резиденции вана и королевы, составлявшие «сердце» «внутренней» зоны. В гробнице роль резиденции выполняла усыпальница, представляющая собой подземный склеп с венчающим его небольшим курганом (вместе – *нынчим*, на схеме это № 2).

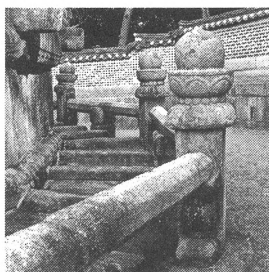
- 548

Гробница Тхэджо
типа «одиночная».
Общий вид могильного
холма. Отчетливо видны
три террасы –
пространства вана,
гражданских и военных
чиновников.

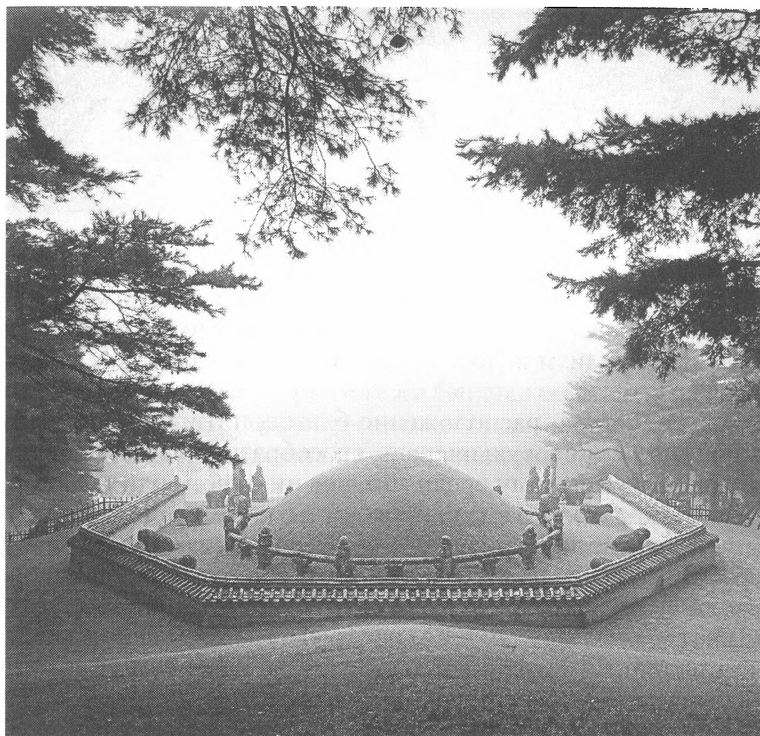
Фото Ли Сонджона

«Каменная ширма»
(*пёнххунсок*).
У Тхэджо ее «створки»
покрыты рельефами
с изображениями
бодхисатв

Каменная балюстрада
(*нангансок*)

Особенностью королевского могильного кургана являются две детали. Во-первых, это «каменная ширма» (№ 3) из 12 «створок»-плит, окружающая его нижнюю часть и украшенная изображениями животных – символов дальневосточного зодиака, что отражало представление о вана – центре мира, хозяине Времени и Повелителе сторон света. В гробнице Тхэджо эти образы имеют вид бодхисатв с лицами животных, парящих среди клубящихся облаков. О буддийской вере напоминает в ней и декор каменной балюстрады вокруг кургана (№ 4). Эта балюстрада – второй признак королевской гробницы. В дальнейшем буддийская иконография из декора гробниц стала постепенно исчезать, и этот переход – одна из иллюстраций того, как при стандартности устройства чосонских гробниц в целом, каждая из них была продуктом своего времени. Вместо бодхисатв появились триграммы – символы четырех стихий, а также иероглифы, обозначавшие 24 направления. Но, например, каменные фонари (№ 14) из «зоны чиновников», заимствованные из буддийской монастырской архитектуры и стоявшие в гробнице Конминвана, сохранились как неперменный элемент до времен империи.

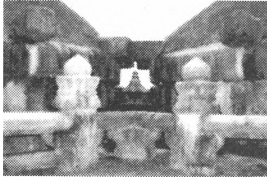
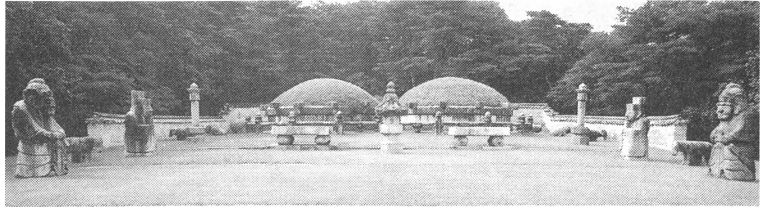

Гробница Ённын 英陵
типа «один курган –
два склепа, совместная»,
где покоятся Седжон
Великий и королева
Сохон (уезд джу,
пров. Кёнгй).
Она была воздвигнута
в 1450 г. согласно
государственному
уложению
о ритуалах *Оре*
и в дальнейшем стала
считаться образцовой

Много буддийских символов в гробнице принца-страдальца Садо, построенной в 1789 г. и реконструированной до уровня королевской в 1799 г. Историки видят в ее особо пышном, не характерном для строгой эпохи конфуцианского «Ренессанса» убранстве «сыновнюю почтительность» Чонджо, желавшего утешить отца хотя бы после смерти. Воплощенное в каменной скульптуре буддийское представление о воздаянии за страдания в полной мере отвечало этому желанию. Как уже говорилось, в 1777 г. Садо получил от сына высокий посмертный титул (*сихо*) Чанхон, но ваном стал только в 1899 г., при Коджоне. Юннын (隆陵, что значит «Большая королевская гробница»), где покоится принц Садо, была возведена в 1789 г. и первоначально именовалась Хёллюнвон (顯隆園), что соответствовало статусу кронпринца, но по убранству она была государевой. Средствами искусства Чонджо реабилитировал своего отца и утверждал его ваном. Он был третьим из ванов Чосона (после Седжона и Седжо), кто не только был глубоко верующим буддистом, но и не скрывал свою веру. По его приказу рядом с гробницей отца был построен большой Храм драконовой жемчужины (Ёнджуса 龍珠寺), стоящий и сегодня. Веровали и другие ваны, хотя и тайно, не говоря

Каннын –
«двойная» гробница,
где похоронены
13-й ван Мёнджон
и королева
Инсун

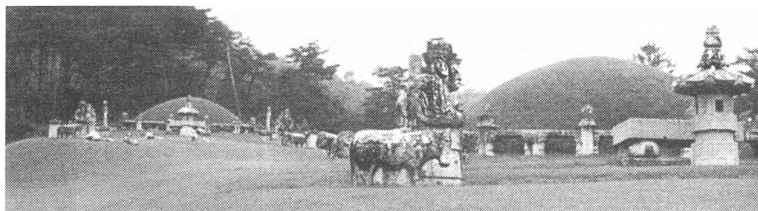
Соприкасающиеся
балюстрады курганов
в Каннын 康陵 (Сеул)

уже об их женах и дворцовых женщинах, и это, по мнению Дж. Грейсона, одна из причин, почему, несмотря на преследования, буддизм в Чосоне все же сохранился, а в XX веке пережил новое рождение⁶.

Размеры и расположение благоприятного места *хёль* определяли, в первую очередь, своеобразие королевских захоронений, и потому среди них нет ни одного одинакового, несмотря на то, что строились они в соответствии с жесткими стандартами. Есть, например, «двойные» (*ссаннын* 雙陵) гробницы, когда на верхней террасе одного холма на одном уровне в ряд устраивали два могильных кургана; «совместные» (*хапчан нын* 合葬陵), когда вана и королеву хоронили под одним могильным холмом. Еще один тип гробниц «один исток – два холма» (*тонвон иган нын* 同原二岡陵) представлял собой два могильных кургана на двух холмах, с полным набором традиционных каменных изваяний у каждого. К нему прибегали в случае, если горный склон, выбранный как «идеальное место», разделялся на две части. Есть гробницы, где курган вана расположен выше, чем у королевы. Они называются «один исток – [могилы] сверху вниз» (*тонвон санха нын* 同原上下陵). Бывали случаи, когда вана и двух его жен хоронили под одним курганом, но в трех смежных склепах (*тонбон самсиль нын* 同封三室陵)⁷.

С к л е п под курганом назывался «сумеречный дворец» (*хёнгун* 玄宮). Как и любое традиционное жилье, он смотрел фасадом на юг, и туда же должен был быть обращен и лик усопшего. Хёнгун был каменным. Так повелось со времен Тхэджона, хотя это и противоречило «Книге семейных ритуалов» Чжу Си, предписывавшей выкладывать погребальную яму известию. Первым шагом при ее возведении было рытье ямы (*кван* 壙) размером 11×8×3 м. Ее стены облицовывали каменными плитами толщиной в один метр, причем в южной части устанавливали двухстворчатую каменную «дверь», которая могла открываться. Через нее во время «государственных похорон» (*кукчан*) сотни людей втягивали в склеп гробы. *Кван* разделял на две равные части массивный камень (*кёксок* 隔石) с отверстиями-«окнами», чтобы души усопших супругов могли общаться. Поскольку

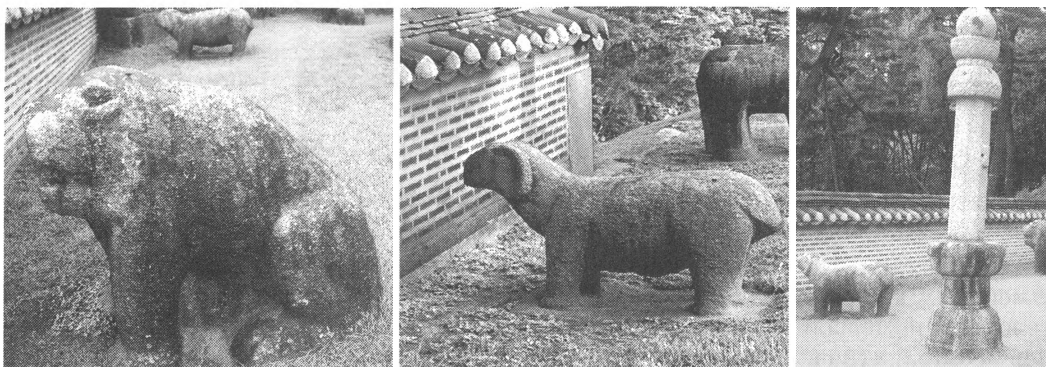
у мертвых, как считалось, запад господствует над востоком, тело вана помещали лицом к югу слева (на западе), а королеву – справа (на востоке).

Потолком камеры служили две каменные плиты размером $4,5 \times 3 \times 1$ м, обтесанные таким образом, чтобы вода не скапливалась на их поверхности. Они были столь тяжелы и велики, что ошибка при их водружении могла привести к обрушению конструкции. Чтобы этого избежать, обе части поначалу наполнялись мешками с землей, песком и гравием, затем их засыпали землей. После этого потолочные камни втягивались на место, а мешки и землю убирали. Окончательный размер каждой камеры был $3,12 \times 1,72 \times 1,72$ м.

На потолке рисовали ламповой сажей небеса: Солнце – на востоке, Луна – на западе, бесчисленные звезды и Млечный путь. На стенах изображали животных-оберегов и символы сторон света: голубого дракона, белого тигра, красного феникса, черную черепаху. Пространство между стенами гробницы и погребальной ямой заполняли известняком и углем. Уголь снижал влажность, защищал от насекомых и червей, а известняк со временем твердел, превращаясь в саркофаг и придавая конструкции большую прочность. Поверх потолочной плиты насыпали смесь извести, мелкого песка и земли, устанавливали по периметру защитные каменные ширмы и формировали поверх земляной курган высотой примерно четыре метра. Проникнуть внутрь было очень трудно, поэтому за всю историю династии были разграблены (во время Имджинской войны) только две гробницы: Соллын (宣陵) – Сонджона и его супруги, и Чоннын (靖陵) – Чунджона.

Усыпальница с курганом были священным центром и самым потаенным местом гробницы. Курган не был виден снизу идущему «дорогой паломника» (№ 22), поскольку ее закрывали собою Т-образный павильон для жертвоприношений (№ 20) и сбоку – крутой склон естественного холма. Особенно высок этот холм в гробнице Тхэджо. С востока, севера и запада *нынчим* окружала невысокая ограда (№1), защищавшая от ветра и служившая верхней границей между миром мертвых и миром живых. Вдоль

Ённын 寧陵 – гробница типа «один исток – [могилы] сверху вниз», где в двух отдельных курганах на некотором расстоянии друг от друга захоронены 17-й ван Хёджон и королева Инсон (Йджу, пров. Кёнги). На этой фотографии – вид на гробницу вана со стороны гробницы королевы. У последней нет ограды кокчан, что показывает единство двух захоронений

Конволлын.

«Пространство вана».

По тигру и паре баранов охраняют курган с востока и запада.

Передний край

«пространства вана»

обозначен парой шестов

(*манджусок*) –

«маяков души»

нее, спинами к кургану стояли по периметру животные-обереги: по две пары тигров (№ 10) и баранов (№ 9). Если с тигром все ясно: он известен на Дальнем Востоке как самое сильное и храброе животное, то о баране пишут, что он «символизирует дух сыновней почтительности и отгоняет зло и коварство»⁸, а также что он «воплощает пожелание вечной жизни»⁹. Образ явно напоминает об одной из священных мясных жертв, которые традиционно подносили предкам в конфуцианских алтарях. Возможно также, что это – воспоминание о древних международных контактах корейцев. Очень похожее изображение каменного барана я увидела как-то в журнале «Восточная коллекция», где было указано, что это надгробия XIV–XV вв., которые были распространены у туркменских племенных союзов – одной из ветвей тюркских народов Центральной Азии, почитавших барана как древний тотем. Только в отличие от кротких корейских баранов, у их туркменских собратьев на боку изображены кривые сабли, и автор описал их как «могучих самцов» и «символ кочевой стихии»¹⁰.

Каменный стол

(*хонюсок*) –

для «прогулок души» – помещался между

«маяками».

В центре под ним –

барабан-камень (*косок*),

звук которого,

как и вырезанное

на нем изображение

демона (*квисин*),

отгоняло, по поверию,

злые силы

Другими элементами верхней террасы гробницы являются каменный стол (№ 12) и пара высоких каменных шестов (№ 11). Если в гробнице похоронены супруги, то столов было два. Такие столы устанавливали и перед могилами обычных людей, но если там на них раскладывали жертвенное угощение, то у ванов его подавали в поминальном алтаре *чонджагак*, и потому столы перед их курганами имеют иную функцию. Это «место для прогулок души». Шесты – это «маяки», по которым блуждающие души находят дорогу домой¹¹.

Так же, как и во дворце, в планировке сооружений на территории гробницы царил принцип строгой иерархии. Она также была образом конфуцианского общества, о чем, в частности, свидетельствует деление ее «внутренней» зоны на три нисходящие террасы-ступени,

Светильник (*чанмёндын*)

выложенные по краю камнями. Верхняя (с курганом) – «пространство вана» (№6), средняя – «пространство гражданского чиновника /ученого мужа – *мунина* 文人» (№7) и последняя – «пространство военного чиновника – *муина* 武人» (№8). Они так названы потому, что главным их элементом являются стоящие друг напротив друга каменные статуи двух чиновников – *мунсогин* (№15) и двух генералов – *мусогин* (№16). Чиновники держат таблички *холь*, символизирующие готовность внимать словам и указаниям государя. Генералы опираются на рукоятки вынутых из ножен мечей. «Как будто верой и правдой послужив государю, они теперь встали в почетный караул у его могилы»¹². За каждой фигурой – по маленькой каменной

Военные и гражданские чиновники у кургана Тхэджона.

На могиле Тхэджона стоят не два генерала, как обычно, а четыре. В их облике историкам видятся черты его любимого соратника, свирепого воина Чо Ёнму (?–1414), чья поминальная табличка почитается в Алтаре заслуженных сановников в Чонмё как «лучшего человека» той эпохи

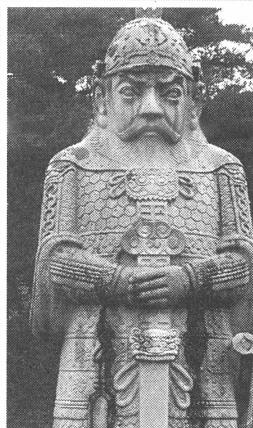
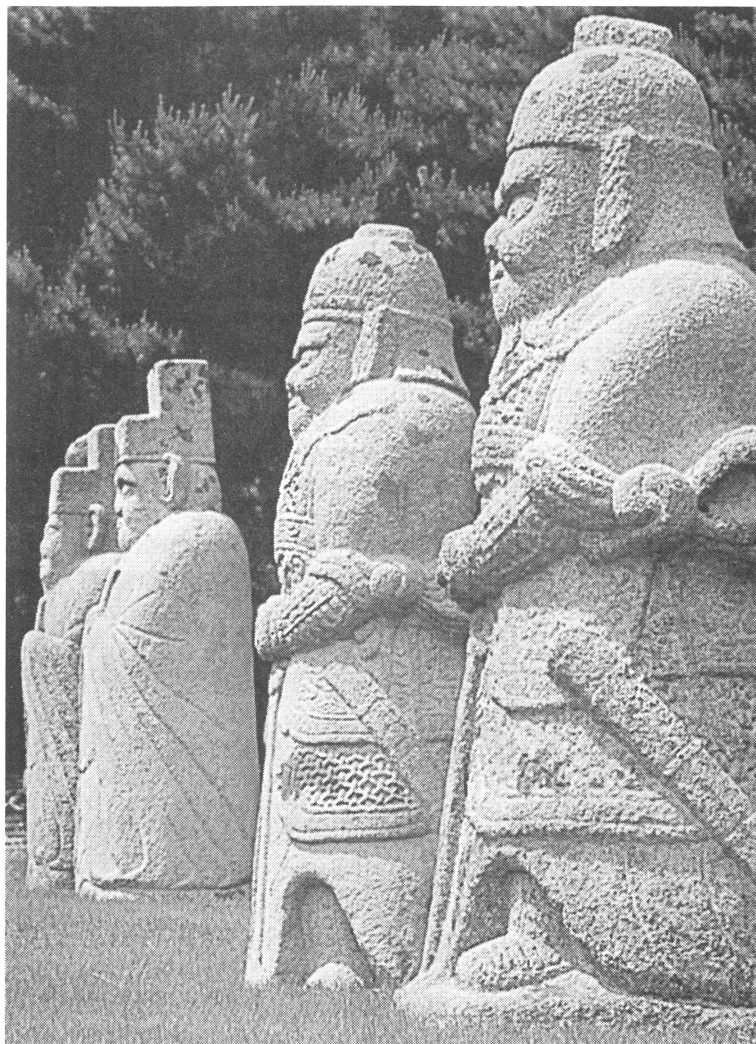

Генерал и лошадка – хранители усыпальницы Тхэждо

«Служака» – так именуют в народе генерала из гробницы Хонджона

«Внушительный» – генерал из гробницы Чхольчона

«Расчетливый» – *мин* из гробницы Сунджона

лошадке (всего четыре, № 17). То, что первые стоят выше, чем вторые, – это образное воплощение господствовавшего в Чосоне принципа *мунхиджуый* («превосходства гражданского чиновничества над военным»). Вместе три террасы – это образ высшего сословия как основы общества. Между *мунсогин* – каменный светильник *чанмёндын* (№ 14) – «пожелание вечной жизни» (именно так, а не вечного покоя).

Каменные изваяния чиновников и генералов особенно популярны сегодня у туристов, фотографов и прочей публики, возможно потому, что в большинстве своем они разные: и по качеству изготовления, и по росту, и по одежде, и по чертам лица. И это несмотря на то, что «облик, размер, позы и др. подобных изваяний были строго прописаны в соответствующих ритуальных книгах». Пока нет единого мнения, почему это так. Историки считают, что «это зависело от мастерства и стиля выполнявшего их скульптора» и что немалую роль здесь играли «определенные факторы исторического и экономического характера»¹³. Эксперты *пхунсу* уверены, что эти фигуры – важный геомантический элемент, варьируя размеры и местоположение которого улучшали свойства местности. Но в целом вопрос остается открытым.

В гробницах Чунджона и его третьей супруги королевы Мунджон статуи гражданских чиновников-*мунин* имеют особо крупные носы. По мнению народных историков, это связано с тем, что после свержения Чунджоном в 1506 г. тирана Ёнсангуна роль *мунин* в чосонском обществе еще более возросла

Чиновник-*мунин* из гробницы Юннын, где покоится принц Садо, имеет на голове корону (*кымгван*), а не *покту* и *само* – традиционные головные уборы чиновников, как у других аналогичных скульптур

«Преисполненный достоинства» из гробницы Хонджона

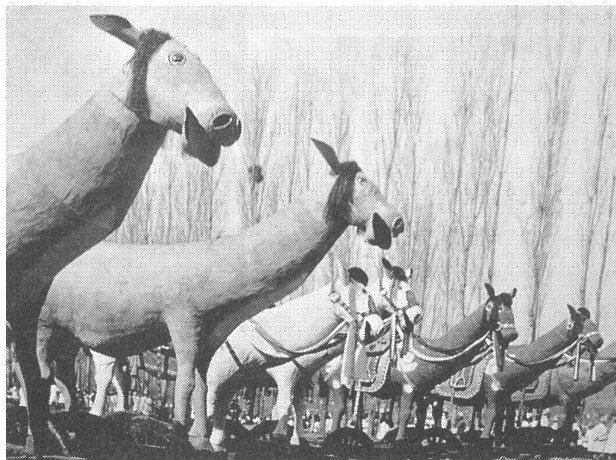
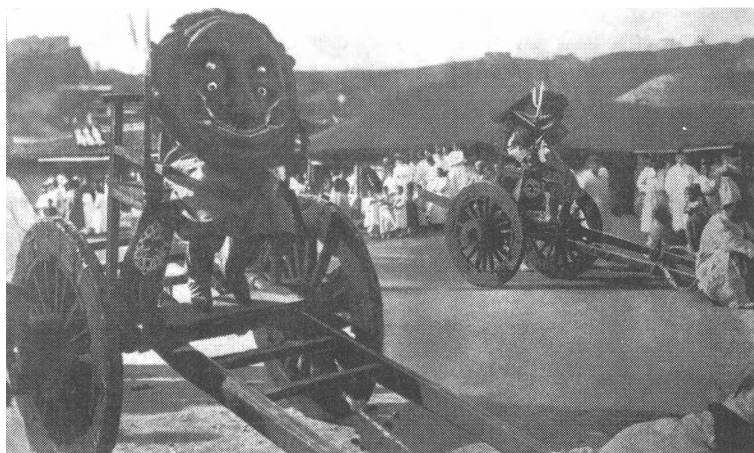
«Охваченный страхом» – *мунин* из гробницы Сунджона. На голове у него корона – деталь, подчеркивающая императорский статус захоронения.

Государственные похороны

На возведение гробницы уходило в среднем около пяти месяцев – столько, сколько проходило между кончиной монарха и его похоронами. В строительстве участвовали около пяти тысяч человек, в основном крестьяне, выполнявшие таким образом трудовую повинность. Захоронение в гробнице было последним этапом «государственных похорон», которые были самой сложной, поистине гигантской церемонией в Чосоне. Подготовка к ним также длилась около пяти месяцев и состояла из множества этапов. Тщательному соблюдению регламента уделялось огромное внимание. Достойному правлению требовалось достойное завершение, и любые отклонения воспринимались как удар по престижу династии.

Атрибуты-хюныйджан
королевских похорон:
демон Пансан 方相氏
и «бамбуковые
лошади»
(чуганма 竹鞍馬)
из дерева и бумаги
в натуральную
величину.
Считалось, что они
после сжигания
в конце похорон
понесут душу усопшего
в небеса.
Старинные фото

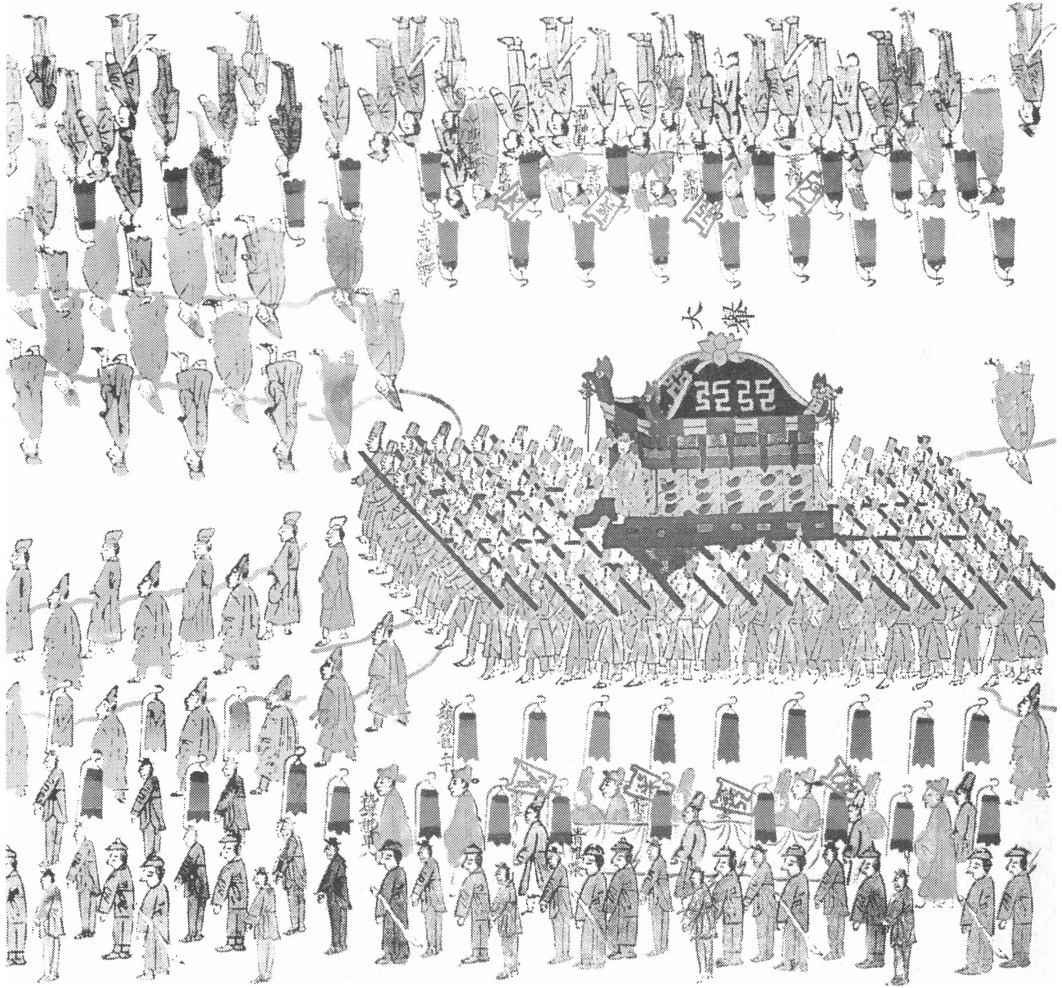

Согласно принятому в 1474 г. «Государственному уложению о пяти церемониях» (*Кукчо орей*), сразу после смерти вана в стране объявлялось чрезвычайное положение. Войска окружали дворец, всем чиновникам отдавался приказ ночевать на рабочих местах, создавались временные ведомства:

- 1) по надзору за проведением государственных похорон;
- 2) по строительству королевской гробницы;
- 3) по строительству временного «дворца высочайшего упокоения» (*пинджон* 殯殿), где гробу с усопшим (он назывался *чэгун* 梓宮 – «каштановый дворец») предстояло стоять до погребения.

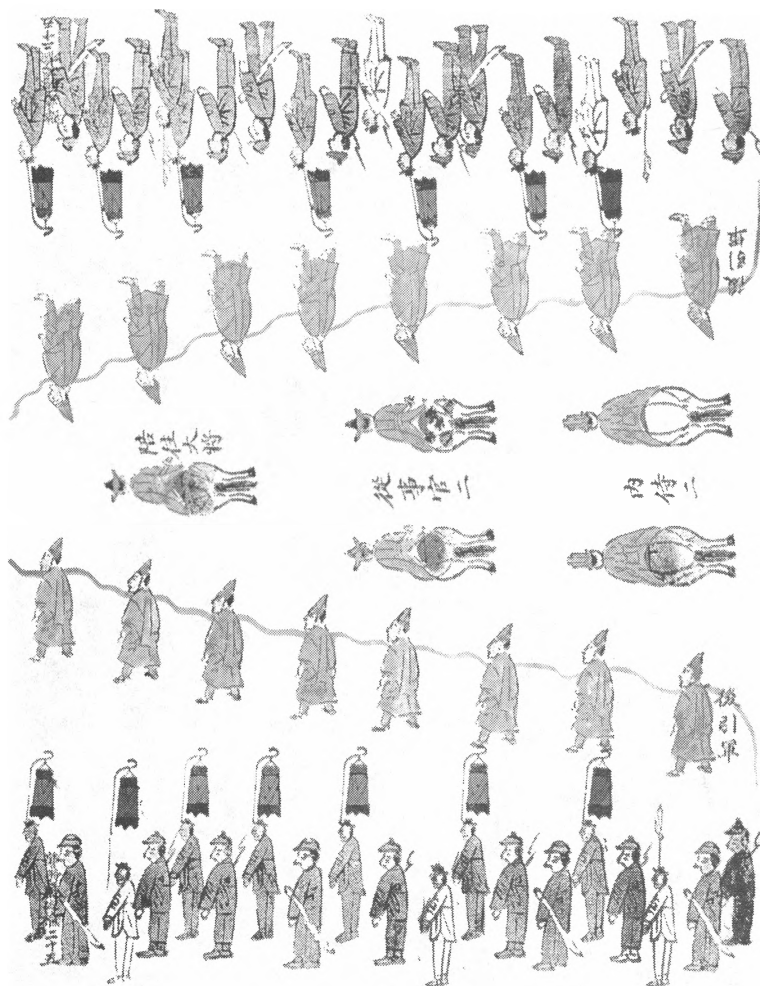
Гроб этот был двойным. Его внутреннюю часть изготавливали в год восшествия вана на престол и затем регулярно, все время его правления, наносили на него лак, слой за слоем, так что ко времени кончины монарха он становился прочным, как если бы был сделан из камня. До похорон новый ван жил в крытом соломой доме рядом с «дворцом высочайшего упокоения», регулярно в него приходил и участвовал в ритуале оплакивания, который делился на несколько этапов. В это время высшие сановники и придворные историки, сверяясь с записями, выносили вердикт о завершившемся правлении, выбирали покойному посмертные имена, названия гробницы и алтаря *хонджон*, где его поминальная табличка должна была храниться со дня похорон и до окончания траура.

По поверьям корейцев, человек имеет две души. После смерти одна улетает в загробный мир (*хон* – духовная суть человека), вторая (*нэк* – животная, или низшая душа) остается в могиле вместе с умершим. Все эти метаморфозы происходят с душами в последний день похорон. Он начинался, когда по сигналу премьер-министра, возглавлявшего Ведомство по надзору за проведением государственных похорон, выносили гроб и грузили на гигантскую платформу. Около 10 тыс. человек участвовали в процессии. Впереди шли военные отряды численностью в 800 человек и 150 знаменосцев. 210 человек (или больше) несли королевские регалии: документы, подтверждающие возведение на престол и присвоение почетных титулов на всех этапах жизни; панегирик с восхвалением заслуг и знамена с траурными надписями. Центр процессии составляли катафалк с гробом и паланкины с «книгой плача» (*эчхэк*), поминальными табличками *уджу* и *хонбэк*. Также несли прижизненные печати и документы в связи с возведением в тот или иной статус; печать посмертную *сибо* и поминальную «книгу» (*сичхэк*); носилки с благовониями и личными вещами покойного (книги, одежду и украшения, туалетные принадлежности и пр.), а также атрибуты-*кирыйджан* и пр.

Восемьсот носильщиков, сменяясь по 200, по очереди несли/катали платформу с гробом. Перед ними ехали в повозках и сотрясали копьями, отгоняя злых духов, чиновники в одежде демона Пансана, т.е. в медвежьих шкурах и масках с четырьмя сверкающими, из золота, глазами. Такие использовали в похоронах еще в древнем Чжоу¹⁴. Внутри процессии шли носильщики свечей, а по бокам – еще 500 носильщиков фонарей, чтобы освещать путь в ночное время. Во главе плакальщиц, за катафалком, следовал ван в паланкине, который несли 60 человек. За ним на лошадях – кронпринц, близкие родственники государевой семьи и высокопоставленные сановники. Замыкали процессию военные, аналогично головному отряду. Оставшиеся в столице чиновники прощались с усопшим, желая ему благополучного

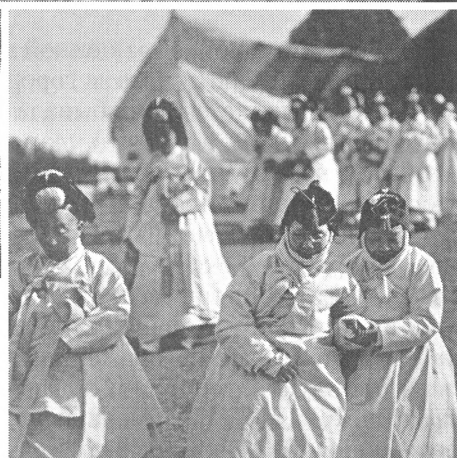
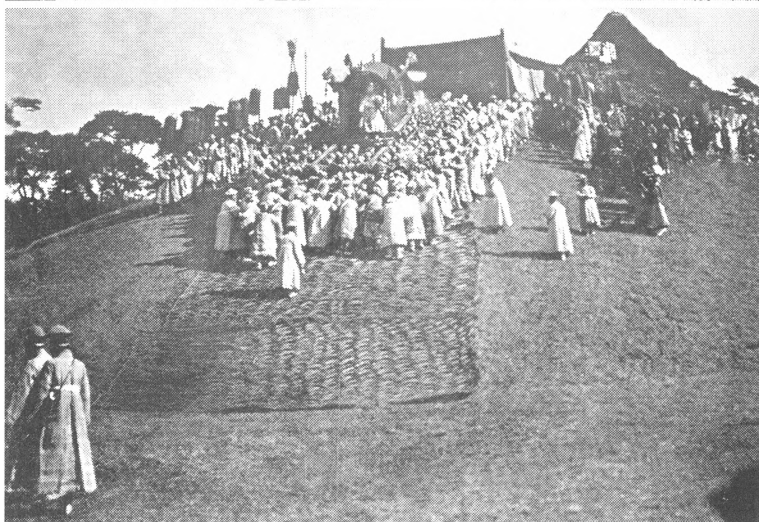
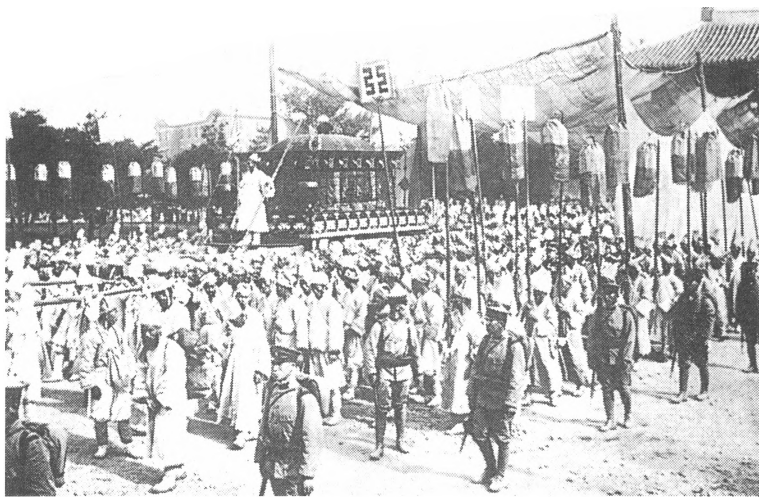

Платформа с гробом императрицы Мёнсон следует к месту захоронения. Впереди и сзади – «представители народа», придерживающие гроб за протянутые от него веревки. По сторонам – носильщики фонарей (их было 2700 человек) и военный эскорт. Фрагменты картины-панчадо из *ыйгве* 1897 г.

пути в специальной, обращенной к сыну Желтого императора, церемонии на дороге за городскими воротами.

Когда процессия прибывала к гробнице, чиновники-пансаны входили в склеп и ударяли в его углы копьями, чтобы изгнать злых духов, которые могли там притаиться. После последнего прощания с усопшим гроб на специальных дрогах вкатывали горизонтально по глубокой траншее, прорытой в склоне горы с южной стороны к входу в склеп. Там его накрывали вымпелом с титулом и рангом усопшего. Рядом помещали «книгу плача», нефритовую табличку и веера с изображениями символов смерти: перевернутых луков, топоров и облаков. Вокруг раскладывали *пуджанпхум* 副葬品 – уменьшенные реплики сосудов для зерна, посуды, а также одежду и разные мелочи, которыми

Похороны Коджона
3 марта 1919 г.
В эскорте –
японские солдаты.
Со дня смерти Коджона
и вплоть до окончания
похорон в Кёнсоне
(Сеуле) было объявлено
чрезвычайное
положение,
были мобилизованы
армия и полиция.
Из дневника
Кондо Сиросукэ:
«Когда были завершены
погребальные обряды
во дворце и большие
носилки с телом старого
императора двинулись
через город к месту
погребения,
образовалась
процессия –
7-8 тысяч человек
в траурных одеждах.
Вдоль всего пути
от ворот Тондэмун
к Кымгоку
протяженностью 6 *ли*
(2,5 км) стояли
на коленях скорбящие
и причитающие люди.
Когда наступила ночь,
разожгли костры,
и торжественное
прощание продолжалось
в свете их пламени.
Когда процессия
достигла Кымгока,
в ней уже было свыше
15 тысяч человек».
Архивные фото

покойный будет пользоваться в загробном мире. Если они не помещались в склепе, для них заранее готовили в нем дополнительную комнату. После этого склеп закрывали, и глава похоронного ведомства бросал на него девять лопат земли. Катафалк, паланкин для гроба и другие предметы, использовавшиеся для похорон, сжигали тут же, чтобы не допустить их осквернения простолюдинами¹⁵.

Самыми грандиозными в истории Чосона были, судя по всему, похороны Мёнсон хванху (королевы Мин) в ноябре 1897 г. – единственные «императорские». Организованные с беспрецедентной роскошью и размахом, они не только утверждали империю как новый этап национальной государственности, но и были политической демонстрацией, ответом династии проискам погубивших «мать страны» внешних врагов.

Похороны бывшего императора Коджона в 1919 г. вызвали беспрецедентные волнения в народе не только потому, что он был «отцом страны» на протяжении почти полувека, главным символом утраченной независимости, но и потому что обряды были проведены японцами со многими отклонениями от традиции. Это было воспринято как оскорбление всеобщего предка, знаменовавшее ритуальный конец национального государства.

Гробницы ванов и судьба

Влияли на облик гробницы не только рельеф, но и обстановка в стране, и вкусы строителей, и идеология, и мода, и качество строительного материала, и мастерство исполнителей, и степень легитимности и характер преемника, а также личность и судьба ее владельца. Именно судьба сыграла роль в том, почему дважды официально женатый Ли Сонге оказался похоронен в одиночестве. Его могила относится к типу *таннын* 單陵 – «одиночная», что очень редко для вана, и это напоминает о бурных событиях его жизни: ревности детей от первого брака к любимой второй жене, «войне принцев» 1398 г. и неприязни, которая возникла тогда между Ли Сонге и его пятым сыном Панвоном (будущим Тхэджоном), в кровавой схватке утвердившим свои права на трон. Одинокое захоронение отца – зримое воплощение тех немалых усилий, которые предпринял Тхэджон для обоснования законности своей власти.

Первая жена Ли Сонге и мать Панвона (посмертное имя Синий ванху 神懿王后, 1337–1391), скончалась за год до восшествия мужа на престол и была похоронена в Хамхыне – на их общей родине*. Ли Сонге женился вторично на молодой честолюбивой женщине из влиятельного рода Кан, которую очень любил. Вошедшая в историю под именем королевы Синдок, она родила троих детей, старший из которых Пансок был провозглашен по ее настоянию наследником. В 1396 г. Синдок умерла. Тхэджо был безутешен. В нарушение правил, запрещавших хоронить в пределах городских стен, он воздвиг ее гробницу Чоннын (貞陵) неподалеку от Кёнбоккуна – так, чтобы ее курган был виден ему из дворца, и завещал похоронить себя там же. Но пришедший к власти в 1400 г. Тхэджон не оставил ему на это надежды.

Желая отомстить за то, что не его, столько сделавшего для утверждения династии на престоле, а мальчишку Пансока отец назначил наследником, и стремясь уничтожить даже память о том, что встало между ним и троном, он выбрал самый болезненный и верный способ. Воцарившись, он в 1401 г. лишил Синдок титула королевы. Ее поминальная табличка была вынесена из Чонмё, гробница разрушена, прах перенесен в провинцию, а украшавшие могильный холм каменные плиты пущены на строительство моста, чтобы их мог топтать каждый прохожий. Таким образом, он показал еще здравствовавшему тогда отцу, что его надеждам покоиться рядом с любимой женой сбыться не суждено. Летописи свидетельствуют, что ван-отец плакал, узнав о бесчинствах на могиле супруги, и завещал похоронить себя на родине в Хамхыне. Но и это было невозможно. Для династии было важно, чтобы могила основателя была рядом со столицей, как один из важнейших символов государственности и преемственности. Так и получилось, что Тхэджо был похоронен один в местечке Комам (儉岩) – ныне г. Кури, где покоится и ныне.

Курган над могилой, по традиции, должен был иметь форму «крупа лошади» и покрыт тщательно выщипанным коротким травяным покровом. Уход за этим газоном – одна из важнейших обязанностей потомков, и по тому, насколько это хорошо делалось, судили о степени их «сыновней почтительности». Но могила Тхэджо заросла высокой травой с жесткими стеблями разной высоты, которая придает холму «непричесанный» вид. Считается, что этой траве 600 лет. Рассказывают, что поскольку Тхэджо завещал похоронить себя в хамхынской земле, а Тхэджон по политическим причинам не считал возможным выполнить этот

* В дальнейшем могила была перенесена в Кэсон.

завет, он прибегнул к хитрости, чтобы и престижу власти не повредить, и «непочтительным» не прослыть. Он приказал привезти из Хамхына землю и семена мискантуса (ботаники еще называют его «китайский камыш»). Из этой земли воздвигли курган и засеяли его семенами. Они взошли, и с тех пор эта трава растет на могильном холме Тхэджо, самообновляясь ежегодно. Ее не выщипывают и не подрезают. В её высоких стеблях всегда гуляет ветер. Они качаются, и в их шорохе люди слышат голос беспокойного духа чосонского основателя.

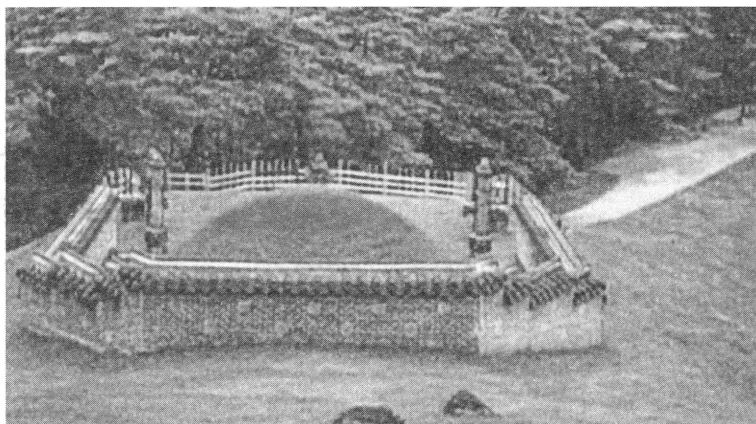

Хамхынский камыш
над могилой Тхэджо

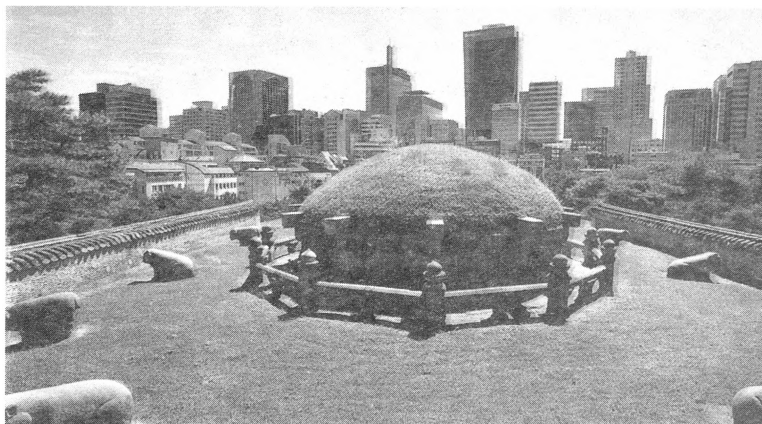
Что касается гробницы Синдок, то два века спустя по приказу Хёнджона (1659–1674) ее восстановили и вернули ей статус королевской. Ее владелицу вновь стали считать королевой, а ее поминальную табличку возвратили в Чонмё. Сделано это было под давлением конфуцианских ортодоксов в ходе кампании по укреплению законности, потому что Синдок была законно избранной государыней. Один из самых известных исторических районов Сеула, где находится, в том числе, и российское посольство, носит название *Чондон* (貞洞). Это память о королеве Синдок, так как здесь расположена ее гробница *Чоннын*.

Одиночные могилы имеют еще два вана Чосона: Танджон (1452–1455) и Чунджон (1506–1544). Тело первого после казни было брошено в воды реки, подобрано преданным подданным и тайно захоронено, естественно, не в «лучшем месте», а просто у подножия горы. Когда в 1698 г. он был признан ваном и получил храмовое имя, перезахоранивать его не стали. Могилу его просто переименовали в королевскую (Чаннын 莊陵) и спешно установили на ней все обязательные для такого сооружения атрибуты: поминальный алтарь, павильон-*нигак* с поминальной стелой, «ворота духов», каменные обереги. Сделаны они весьма небрежно, так что гробница Танджона в Йнволе остается и ныне красноречивым свидетельством одной из самых трагических страниц чосонской истории.

Чаннын, гробница
Танджона в уезде
Йонволь, пров. Канвон, –
одна из самых
отдаленных от столицы.
Она именуется с 1698 г.
«королевской»,
но не имеет
ни каменной ширмы
в основании кургана, ни
балюстрады-*нангансок*,
ни статуй чиновников.
Нельзя назвать удачным
и ее расположение

Трижды официально женатый Чунджон захоронен в одиночестве совсем по другой причине. Это результат загадочных трансформаций, которые произошли с этим местом вскоре после его смерти. По мнению экспертов *пхунсу*, они были связаны с жестокой междоусобицей в его семье, в центре которой стояла его третья жена королева Юн (Мунджон ванху, 1501–1565) – одна из зловещих фигур династийной истории. Народная молва прямо называет ее убийцей Инджона, который правил меньше всех в Чосоне – всего 8 месяцев (с ноября 1444 г. по июль 1545 г.). Наличие не только трех, но и даже двух королей было чревато проблемами в правящем доме, ибо оно порождало соперничество их сыновей в борьбе за власть. Наибольшие права признавались за тем сыном, чья мать захоронена «по левую руку от мужа», т.е. в одной с ним гробнице. Борьба за это и посвятила Мунджон свою жизнь.

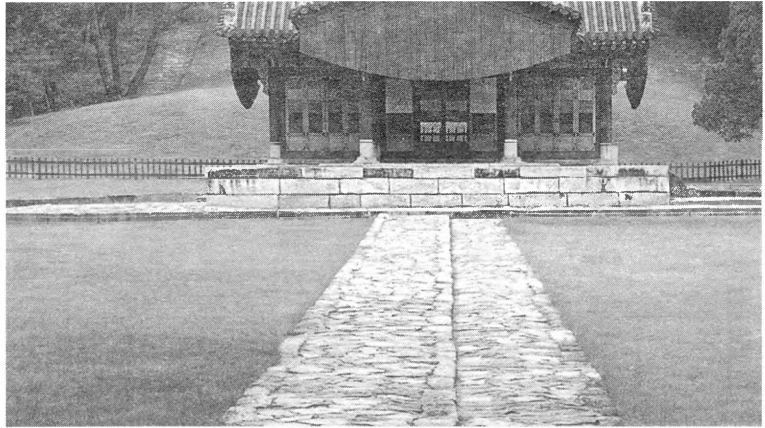
Чоннын 靖陵 –
гробница Чунджона –
среди сеульских
небоскребов.
Парк трех гробниц,
округ Каннам.
Памятная открытка

Инджон был старшим сыном Чунджона. Его мать – королева (*кеби*) Чангён ванху (章敬王后, 1491–1515) скончалась сразу после его рождения. Жалея сироту, Чунджон назначил его наследником очень рано (в 5-летнем возрасте) и составил завешание, по которому рядом с ним в гробнице должна была лежать его мать – Чангён. Поскольку наследник уже имелся, третья королева Мунджон рассчитывать на значимое положение при дворе не могла и выступала на вторых ролях приемной матери Инджона, что никак не отвечало ее властной натуре. Все изменилось, когда через 17 лет после выхода замуж (в 1534 г.) она родила своего сына. Это укрепило ее позиции, вокруг нее стала спланиваться дворцовая группировка – «клика младших Юнов» (так называли братьев королевы). Тогда-то и зародился в ее голове план посадить на трон сына вместо Инджона. Она привела его в исполнение в июле 1545 г., когда поднесла пасынку отравленный паровой хлебец (*тток*) и он в одночасье умер. Летописи об этом умалчивают, но слухи стойко держатся вот уже почти пять веков. Ее 11-летний сын (посмертное имя Мёнджон, 1545–1567) стал ваном, а она – регентом при нем и фактически главой государства. Официально ее правление длилось восемь лет, но и в дальнейшем она продолжала бесконтрольно вмешиваться в государственные дела, заботясь, прежде всего, о выгоде собственной и своих клевретов. Эпоха Мёнджона стала временем разгула коррупции и беспредела. Государственный аппарат был парализован. Вымогательства доводили провинцию в неурожайные годы до массового голода и эпидемий, множилось число «разбойников», но не это заботило Мунджон. Когда в 1544 г. ее муж скончался, она добилась, чтобы его не хоронили рядом со второй женой. Но когда подошел и ее срок, оказалось, что положить ее рядом с

Тхэрын (泰陵), гробница королевы Мунджон в сеульском округе Новон-гу, – самая величественная из одиночных захоронений чосонских королев. Сегодня эту правительницу называют «чосонской У Цзэтянь», сравнивая ее с наложницей танского императора Тайцзуна, которая фактически правила Китаем на протяжении сорока лет (665–705 гг.), а в 690 г. официально приняла титул императрицы

Генерал из гробницы Тхэрын. «Грубый и дикий – такой же, как и вся история королевы Мунджон», – таков народный вердикт

Чунджоном невозможно из-за регулярного подъема в этом месте вод Хангана. «Когда Чунджона хоронили – это было прекрасное место (*кильджи* 吉地), однако потом оно изменилось к худшему, поскольку в стране происходили только несчастья, и во многом по вине королевы. В результате Мунджон упокоилась в одиночной гробнице. Она просчиталась», – пишет Чан Ёнхун¹⁶. Сегодня эту правительницу называют «чосонской У Цзэтянь», сравнивая ее с наложницей танского императора Тайцзуна, которая фактически правила Китаем на протяжении сорока лет (665–705 гг.), а в 690 г. официально приняла титул императрицы.

Редкий и далекий от стандарта тип гробницы – «один исток – два холма» – являет гробница Хёллын (顯陵), которую считают зримым воплощением трагедии похороненных здесь родителей многострадального Танджона: Мунджона и королевы Хёндок из рода Квон (1418–1441). Хёндок скончалась сразу после рождения сына. Поскольку тогда она была женой наследника, то ей присвоили посмертное имя Хёндок *пин* 顯德嬪 и похоронили в Ансане в гробнице класса *вон*. Королевский титул-имя она получила с восшествием мужа на престол в 1450 г. Тогда же была повышена до королевской и ее гробница, которую стали именовать Сорын. Когда в 1452 г. ваном стал ее сын Танджон, Хёндок была перезахоронена в Хёллын вместе с Мунджоном, но в 1457 г. лишена королевского статуса и места рядом с мужем в гробнице. По легенде, причиной стал ее призрак, который после смерти Танджона стал являться узурпатору Седжо и довел до кончины его старшего сына и наследника принца Ыйгёна. По мнению историков, наследник умер сам, а причиной лишения Хёндок титула королевы стал заговор ее родственников, желавших восстановить

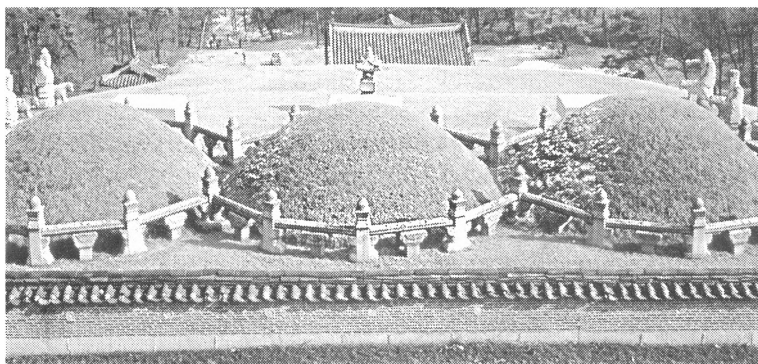

Танджона на престоле. Хёндок окончательно воссоединилась с мужем (хотя и в отдельном склепе на значительном расстоянии от него) в Хёллын в 1513 г., когда было признано, что нельзя почитать вана в Чонмё без главной супруги.

Гробница Хёллын
типа «один исток –
два холма».
Слева (на западе) –
могила 5-го вана
Мунджона,
справа – королевы
Хёндок.
Парк девяти
гробниц,
г. Кури

Главным при возведении гробницы было уместить усыпальницу с курганом точно в «благоприятное место» *хёль*, которое обычно имеет яйцевидную форму и не превышает размерами 3 метра в ширину и 5 метров в длину. Хотя известна *хёль* шириной в 9 метров, это большая редкость, и потому одной из самых «проблемных» называют эксперты единственную «тройную» (*самённын* 三緣陵) гробницу – Кённын (景陵) 24-го вана Хонджона (1834–1849), находящуюся в комплексе Тонгурын.

Кённын –
единственная
«тройная» гробница
24-го вана Хонджона
(курган справа)
и королев Хёхён
и Хёджон

Ширина ее достигает 15 метров, поскольку она состоит из трех вытянутых в цепочку и стоящих вплотную курганов – самого вана и его двух жен, и, как это совершенно очевидно, две крайние могилы никак не могут находиться

в границах *хёль*. Хонджон, согласно правилу *усан чваха* (右上左下 – «старший справа, младший слева»), захоронен справа (если встать лицом к «воротам красных стрел»). В центре захоронения, а следовательно и «благоприятного места», находится могила его первой жены королевы Хёхён ванху (1828–1843) из рода Андонских Кимов – того самого, чье безраздельное влияние при дворе в 1800–1863 гг. привело страну, в конце концов, на грань развала. «Захоронение Хонджона с точки зрения *пхунсу* никак не назовешь правильным, – пишет Чан Ёнхун. – Оно принесло удачу только Андонским Кимам. Это столь очевидно, что возникает мысль о том, не было ли здесь с их стороны умысла, поскольку преемником Хонджона на троне стал деревенский парень, крестьянин с Канхвадо»¹⁷. Имеется в виду Чхольчон (1849–1863), которого нередко называют «самым неспособным» из чосонских государей. Но дело было не столько в его способностях, сколько в жестоких преследованиях, которым подвергли Андонские Кимы всех представителей королевского рода, кто мог бросить вызов их господству. Спасаясь от них, родители будущего Чхольчона бежали в провинцию, где жили в полной нищете. Им было не до образования сына. Но Андонские Кимы наказали самих себя. Уничтожив всех дееспособных потенциальных претендентов на трон, они вынуждены были в 1849 г., после кончины бездетного Хонджона, выбрать (руками вдовствующей королевы Сунвон, происходившей из их же клана) того из них, кто еще остался в живых. Их власть продлилась еще на 13 лет. Ей положили конец перемены, которые принесло с собой восшествие на престол нового аутсайдера – Коджона. Но маятник часов, отсчитывавших последние годы династии, уже набирал ход.

Гробницы ванов и история

С гробницами связаны многие эпизоды корейской истории. Из них особенно известна, в том числе и в Европе, так называемая «авантюра Опперта», состоявшаяся в 1868 г., в период, когда Япония и западные державы предпринимали упорные попытки к «открытию» Кореи, остававшейся последней «страной-отшельницей» на Дальнем Востоке. Одним из тех, кого эта идея захватила целиком, был выходец из Гамбурга, шанхайский торговец Эрнст Опперт (1832–1903), надеявшийся таким образом поправить свои пошатнувшиеся финансовые дела, а заодно и прославиться. Его вдохновлял пример американского

коммодора М. Перри, в 1853 г. заключившего первый договор с Японией. Дважды снаряжал он корабли. В первый раз из-за отсутствия достоверных карт ему не удалось найти устье р. Ханган, чтобы подняться по реке к столице Кореи. Во второй раз он Хангана достиг и передал свое обращение с предложением о торговле местным властям, но ответа не дождался. Эти экспедиции, несмотря на их неудачи, снискали Опперту славу «эксперта» по Корее и помогли найти кредиторов для организации нового предприятия.

В апреле 1868 г. Опперт вышел из Шанхая, взяв курс на Чосон. На этот раз на борту зафрахтованного им корабля «Грета» (он шел под немецким флагом), кроме команды из 120 китайцев, 21 филиппинца и десяти европейцев, были один из спонсоров предприятия – бывший переводчик американского консульства в Шанхае Ф. Дженкинс, а также французский миссионер Ферон и несколько корейских католиков, бежавших из своей страны от преследований. Они-то и предложили Опперту план ее «безопасного» открытия. Он заключался в том, чтобы вскрыть гробницу князя Намёнгуна – отца Великого князя Тэвонгуна, который правил тогда Чосоном как регент при малолетнем Коджоне, и похитить его останки. Корейские попутчики убеждали Опперта, что Тэвонгун сделает все, чтобы их вернуть: пойдет на переговоры, откроет порты для торговли и даже разрешит свободную проповедь христианства, потому что корейцы более всего на свете дорожат своими предками.

Дело казалось беспроектным. Гробница находилась в горах Каясан недалеко от побережья (ныне уезд Тэдок, пров. Южная Чхунчхон), специально не охранялась, поскольку не была королевской (*нын*), а тревожить мертвых было в стране делом немыслимым. Опперт подготовил текст соглашения с Тэвонгуном, деньги и подарки, которые, как он надеялся, сделают корейцев еще более сговорчивыми. Английским компаниям, вложившим деньги в предприятие, было обещано, что они получают по одному центу с каждого проданного в Корею товара, если общая сумма будет до 500 тыс. таэлей, и по 75 центов, если сумма составит 500–750 тыс. Эти расчеты говорят о том, насколько мало представляли тогда европейцы экономические возможности Кореи.

Сначала все шло по плану. «Грета» успешно достигла места, вооруженная ружьями и лопатами часть команды высадилась на берег, но задержалась в пути и добралась до гробницы лишь к пяти часам вечера. К ночи им удалось раскопать курган. Саркофаг же оказался слишком прочным, и внутрь него проникнуть не удалось, хотя, как пишут корейские историки, зная они об устройстве его каменной двери, это сделать не составило бы труда. К этому времени

прибыл отряд корейских войск, и гробокопателям пришлось срочно ретироваться. По возвращении в Шанхай Опперт был обвинен в том, что скомпрометировал немецкий флаг, используя его в «ограблении могил». Суд над ним состоялся в Гамбурге. Он был признан виновным, приговорен к трем месяцам тюрьмы, наказание отбыл 20 лет спустя, в 1889 г. В 1880 г. он издал книгу «Запретная страна: путешествия в Корею»¹⁸, где оправдывал свои действия. С тех пор книга регулярно переиздается на разных языках. На русском языке извлечения из нее были опубликованы в 1886 г.¹⁹ Интересно, что Опперт был женат на некоей Ольге Бункер, дочери немецкого торговца, у которого было свое предприятие в Москве. Судили и Дженкинса – за участие в подготовке экспедиции с целью «нелегальной эксгумации и похищения останков покойного суверена Кореи», но поскольку дело затрагивало честь американской дипломатии, его замяли. Что до чосонцев, то для них этот эпизод стал лишним доказательством того, что европейцы – не более чем «варвары, не умеющие даже уважать чужих могил», и изоляция страны усилилась²⁰.

Могила разряда *мё*
князя Намёнгуна –
объект вожделений
Э. Опперта. По легенде,
она сыграла важнейшую
роль в возведении
Коджона на престол.
Современное фото

Надо добавить, что гробница Намёнгуна считается в Корее выдающимся примером того, как удачное в смысле расположения захоронение предка может послужить возвышению потомков. В начале 1850-х годов геоманты посоветовали Ли Хаыну, будущему Тэвонгуну, перенести могилу отца из Йончхона (пров. Кёнги) в горы Каясан (пров. Чхунчхон), где особое расположение двух горных вершин сулило одному из потомков захороненного в этом месте человека восхождение на трон в течение десяти лет.

Сама мысль об этом была кощунственной и приравнивалась к государственной измене первой степени. Но предсказание не давало Ли Хаыну покоя. Вскоре в условиях строгой секретности он перенес тело отца туда, куда сказали геоманты. А на следующий год у него родился сын Мёнбок, которому было суждено стать Коджоном, 26-м ваном Чосона²¹.

Учитывают место захоронения родителей и современные политики. Победу на президентских выборах 1997 г. Ким Тэджунa многие связывали с тем, что в 1995 г. он перенес могилу родителей в более благоприятное место близ Сеула. Оно было выбрано знаменитым геомантом Сон Согу как «земля, способствующая просветлению»²². Национальная геомантия *пхунсу* сыграла свою роль и в карьере южнокорейского президента в 2003–2008 гг. Но Мухёна (1946–2009). После его избрания в прессе не раз писали, что успех ему принесло именно удачное расположение его дома и могил его родителей, отчего они стали местами массового паломничества²³.

Оказали гробницы влияние и на историю национальной кухни. Именно в них начали в Корее готовить говядину, потребление которой было в Чосоне строго регламентировано. Забой быков разрешался в основном только для поминальных церемоний, поскольку их мясо входило в набор обязательных блюд на жертвенном столе. Память о том, где чосонцы узнали по-настоящему его вкус, сохраняется сегодня в названиях фирменных ресторанов: *Тхэрын кальби* («Говяжьи ребра из гробницы Тхэрын»), *Хоннын кальби* («Говяжьи ребра из гробницы Хоннын») и т.д. Но гурманы говорят, что эти блюда – лишь слабое воспоминание о деликатесе прошлого. Разжигание угля и приготовление говядины в гробницах требовало большого времени, а сегодня их можно заказать и съесть в ресторане всего за 30 минут.

Памятью о преданности Коджона убитой в 1895 г. жене – королеве Мин (с октября 1897 г. – императрица Мёнсон) стала первая в Корее и вторая в Восточной Азии линия трамвая, открывшаяся в Хансоне (Сеуле) 17 мая 1899 г. и положившая начало развитию общественного транспорта в стране. Протяженностью около 10 км, она соединяла центральную улицу Чонно (Колокольную) и гробницу королевы Хоннын (洪陵) в местечке Чхоннян-ни. Император туда ездил очень часто и, поскольку его несли в паланкине, дорога отнимала много времени. Новое средство передвижения, несмотря на то, что скорость его не превышала 6 км в час, существенно сэкономило время на дорогу.

Хоннын в Кымгоке – первая императорская гробница в Корее. В отличие от гробниц предшествующего периода, изваяния чиновников и животных тут стоят не рядом с могильным холмом, а выстроились в два ряда между «воротами красных стрел» и поминальным алтарем. Необычен и алтарь. Он не в форме буквы Т, а имеет вид, свойственный минским императорским захоронениям.

Фото Ли Пёнсона

Первый трамвайный парк состоял из девяти трамваев, из которых один был построен и оборудован со всей возможной роскошью специально для монарха. Этот королевский трамвай, похоже, не имеет аналогов в мировой истории, но просуществовал он недолго, поскольку в 1903 г. у Коджона появился автомобиль²⁴.

С гробницей императрицы Мёнсон связана и необычная история захоронения самого Коджона. Тут удивляет то, что его гробница тоже называется Хоннын, хотя расположена в другом месте и имеет статус первой в Корее императорской, несмотря на то, что в 1919 г. Коджон уже главой государства не являлся. Разъяснения дал в своих воспоминаниях работавший в дворцовом ведомстве в первые колониальные годы и хорошо знавший суть дела японский чиновник Кондо Сиросуке:

«Эту гробницу (ту, что сейчас называется *Хоннын*) Коджон, заглядывая в будущее на века, начал возводить сразу после принятия титула императора – в начале 1898 г. Придворные геоманты выбрали для нее место в Кымгоке в 6 *ли* (около 2,5 км) от сеульских Больших восточных ворот (Тондэmun) по дороге в Чхунчхон. За образец были взяты гробницы минских императоров, для знакомства с которыми отец высокого чиновника специально ездил в Китай. Она воздвигалась в течение долгого времени, на нее пошли огромные средства, и император лично следил за ходом работ. Первоначально она называлась *Поннын* (封陵), т.е. «огороженное место для королевской гробницы», поскольку настоящее имя она могла

приобрести только после кончины владельца. Затеяливо раскрашенное ее изображение он хранил в своей опочивальне. В последние годы жизни все чаще его разворачивал и рассматривал, обсуждая с фрейлинами детали, а в дни болезни клал себе в изголовье. В целом Поннын была построена уже при его жизни. Это была первая имперская гробница в Корее, и ее грандиозные масштабы, сложная символика, изысканное убранство, причудливые, невиданные раньше в Корее каменные скульптуры поражали воображение. Необычной была даже дорога к Поннын. Это была обсаженная плакучими ивами величественная аллея беспрецедентной – четыре *кана* (7,3 метра) – ширины.

Когда Коджон скончался, ни у кого не было сомнения, что он должен быть похоронен именно в Поннын. Но встал вопрос о названии его гробницы и статусе захоронения. После аннексии Кореи отец-ван больше не имел права на захоронение высшего уровня. Вместе с тем гробница скончавшейся до аннексии императрицы Мёнсон именовалась именно *нын* – Хоннын. В конце концов, благодаря изобретательности родни и старых сановников, удалось и выполнить волю покойного, похоронив его в Кымгоке, и сохранить статус его могилы, подобающий главе государства, хотя о полном соблюдении ритуалов речь, конечно, идти не могла. 24 января 1919 г. гроб с прахом императрицы Мёнсон был извлечен из ее гробницы и на 4-й день перезахоронен в Кымгоке – в императорской гробнице, которую строил себе Коджон. Таким образом, это новое место автоматически приобрело статус императорского захоронения. Название осталось то же – Хоннын. 4 марта 1919 г. Коджон воссоединился здесь навечно со своей супругой»²⁵.

Юрын 裕陵 – гробница Сунджона и двух его жен – вторая и последняя императорская гробница в Корее. Она очень похожа на отцовскую и расположена рядом. Только скульптуры животных-хранителей в ней более реалистичны. Сказался опыт, накопленный корейскими мастерами при строительстве Хоннын.

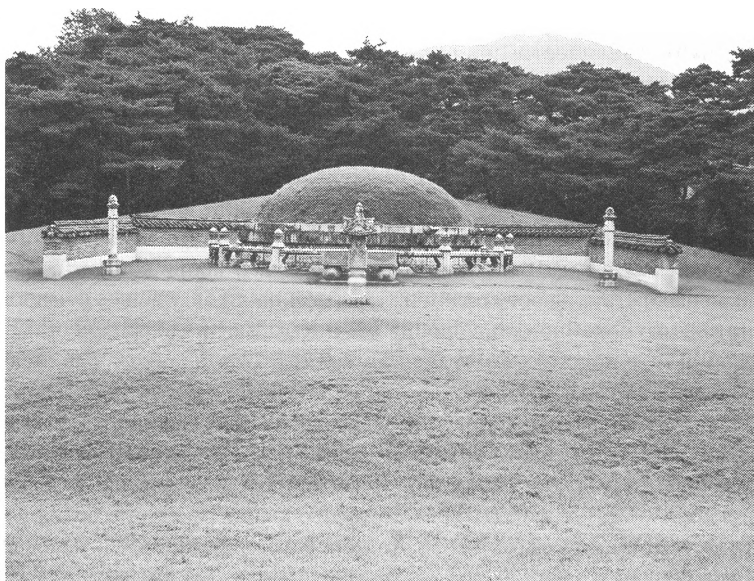
Фото Ли Сонджона

Невиданные ранее
в Корее
хранители гробницы
Хоннын

В дальнейшем то же произошло и с захоронением Сунджона. Его первая супруга госпожа Мин (посмертный титул с 1907 г. – Сунмёнхё хванху 純明孝皇后, 1872–1904) скончалась в 1904 г. и была захоронена в гробнице Юрын (裕陵), которая тогда находилась в сеульском округе Кванджин. Когда 24 марта 1926 г. Сунджон скончался, гробницу вскрыли и перенесли останки императрицы в место, выбранное для его захоронения. Поэтому, когда 10 июня 1926 г. в ней был захоронен и Сунджон, его гробница получила статус *нын* – захоронения главы государства. В Юрын была захоронена и вторая супруга Сунджона императрица Юн (*Сунджонхё хванху*), скончавшаяся в 1966 г. «Это был позор, что после утраты власти наши ваны, которых хоронили в их же землю, даже название своей гробницы не могли выбрать по собственному желанию», – с горечью пишет геомант Чон Ёнхун.

Под этим холмом нашла
упокоение
императорская чета –
Коджон и Мёнсон.
Фото Ли Сонджона

VIII

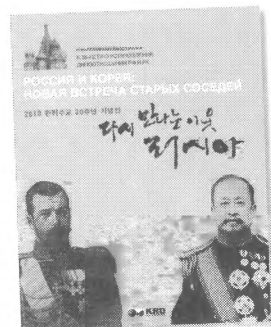
Забывтый принц. *Вместо эпилога*

«Храня тепло древности, открывать новое», – этот завет содержался еще в Конфуциевом *Луньюе*. Как свидетельствуют исследования историков¹, в период образования ранних государств именно осознание единства исторической традиции и ее усиление было главным консолидирующим фактором, на основе которого в начале новой эры формировались раннефеодальные народности Когурё, Пэкче и Силла. Оно же стало базой для создания первого объединенного государства на полуострове в VII в. Два тысячелетия спустя так же, обращаясь к прошлому, Корея входит в глобализирующийся мир и готовится загодя объединение Корейского полуострова.

Историческая память приобрела в современной Корее особое значение и новое звучание. Огромным многолетним трудом историков и усилиями не жалеющего средств государства она стала важной составляющей общественного сознания, волнующей и государственных мужей, и обычного гражданина. «Культурное наследие – источник силы Кореи и ее мечта»*.

---

* Этими словами открывается сайт Управления культурного наследия <http://english.cha.go.kr/>.

Два императора.
Обложка буклета
фотовыставки,
посвященной
20-летию
дипотношений между
Россией
и Республикой Корея.
Сеул – Москва, 2010 г.

Как пишут теоретики, «в начале XXI века мир захлестнула волна глобализации. Не стала здесь исключением и Корея, перед которой встала задача искать способы, как ответить на вызовы иностранной культуры и вместе с тем не остаться в стороне от главного пути мирового развития. Необходимо сохранить специфику национальной культуры, сообщить миру о ее достижениях и найти в ней то, что может служить на общее благо человечества. В этих условиях важнейшей задачей становится продолжение и развитие корейских традиций и национального духа, отражением которых являются исторические записи и памятники традиционной Кореи. Подлинная глобализация заключается в том, чтобы защитить исконно корейское, сохранить его и показать его значимость всему человечеству. Наши памятники важны не только для нас. Они получили признание во всем мире, когда были взяты под охрану ЮНЕСКО. И это большой успех, достигнутый в процессе глобализации корейской культуры»².

Как очевидно из сказанного, глобализация понимается пока односторонне – «себя показать». «На людей посмотреть» – это, видимо, будет ее следующий этап. Такое восприятие этого процесса, похоже, характерно не только для Кореи. «Не кажется ли вам, что, возвышая корейскую культуру, вы невольно принижаете русскую?» – такой вопрос мне был задан в ходе консультаций по данной книге в связи с именованием мною главных зданий в дворцовых комплексах Сеула «дворцами». Мои оппоненты горячились: «Любой дальневосточный дворцовый ансамбль – это архитектурный комплекс из множества построек, каждая из которых несёт определённую функцию. Любой европейский (и русский) дворец – это многоэтажное здание, в котором находится множество помещений, каждое из которых тоже несёт определённую функцию: гостиная, столовая, кабинет, будуар, спальня. А ещё бывают тронный зал, парадный зал, приёмный зал, зал заседаний... Так давайте же каждое из этих помещений называть дворцом! Андреевский дворец Большого Кремлёвского дворца! Дворец “Парадная спальня Павла I” Михайловского замка!!! Тронный дворец Михайловского замка!!!! Звучит? Не нравится слово “павильон”? Но, скажем, для обозначения места, где изволит почивать Его Величество, в русском языке существуют и другие слова: “покои”, например. Есть слово “опочивальня”, наконец. Но не дворец же! Вы можете восторгаться Кореей сколько угодно, но с точки зрения русского языка, логики и простого здравого смысла называть дворцом отдельный корпус/павильон/постройку в дворцовом комплексе просто безграмотно!».

Я остаюсь при своем мнении. Описывая в положительном смысле одну культуру, другую тем самым принизить невозможно. Культурное наследие ни в коем случае не может быть объектом соперничества, как нельзя спорить о том, чьи родители лучше. «По своей природе люди друг другу близки, а по своим привычкам друг от друга далеки». Эта фраза тоже из Конфуция, и ЮНЕСКО сделала ее одним из своих девизов. При определенном сходстве все народы разные, и в признании этого многообразия и есть залог их взаимопонимания. Андреевский (тронный) зал Большого Кремлевского дворца не имел отделявших его от всего остального дворцового пространства высоких стен, собственных хозяйственных построек, штатного расписания, бухгалтерии, кухни, стражи и пр. Жилые комплексы в чосонских дворцах считались особым счетным словом – *тон*, подчеркивавшим их самостоятельное существование. В Кёнбоккуне в XIX в. «тонов» было 330. Проживший в Пекине 14 лет отец Иакинф* тоже называл комплекс построек, где жила цинская государыня, «дворцом». «Дворец императрицы во дворце Гугун». Называл он дворцом и место заседаний правительства, а тронные залы (тоже *дьянь*, кор. *чон*) именовал «тронная» (видимо, палата): «первая тронная», «вторая тронная» и пр.³

Русский император был абсолютным монархом и свободно мог пользоваться любым дворцом семьи. Корейские монархи – мужчины и женщины, молодые/и старые – были строго разделены и вторгаться в пространство другого не имели права. Дело в восприятии понятия внутри самой культуры и в ощущении пишущего о нем. Мы не говорим: «Андреевский дворец Большого Кремлёвского дворца», а корейцы о своих дворцах так говорят, и мне хотелось это передать. Приходилось слышать и о том, что корейцы «заполонили» ЮНЕСКО своими памятниками. Но что в этом плохого? Чтобы это сделать, памятник нужно привести в порядок, досконально его изучить, на этой основе

---

* Отец Иакинф (Бичурин Никита Яковлевич, 29.08/9.09.1777 – 11/23.05.1853) — великий российский востоковед, путешественник, писатель. Начальник IX Русской духовной миссии в Китае (1808–1821). Собрал, исследовал и перевел на русский язык ряд китайских исторических и географических трудов, опубликовал 14 книг по истории, географии и культуре народов Китая, Центральной и Средней Азии, Южной Сибири и Дальнего Востока. Считается основоположником научного корееведения в России. Он первым среди русских приступил к изучению корейского языка (в 1810 г.). Разделы, имеющие отношение к корееведению, содержатся в ряде его трудов. В частности, в его «Статистическом описании Китайской империи» (СПб., 1840) есть раздел о Чосоне – «Королевство Чао-сянь».

доказать его значимость перед экспертами из разных стран, а потом бережно его сохранять. К этому должна стремиться каждая страна.

Целый месяц летом 2008 г. я ходила по старому Сеулу: по дворцам, старым и вновь открытым музеям, паркам и историческим местам, знакомилась с наследием чосонских ванов и поражалась масштабами работы по его восстановлению, вложенных в нее средств и человеческого труда. Особенно часто я ходила в Кёнбоккун, первый и самый большой дворец Чосона. В 1996 г. с его территории было снесено здание бывшего японского генерал-губернаторства. Я тогда еще жила в Сеуле и ходила смотреть, как исчезает эта реликвия колониального прошлого, которую Корея уже больше не могла терпеть. Входя в новый век, она хотела избавиться от болезненных воспоминаний. С тех пор Кёнбоккун сильно изменился. Возведены множество палат, которые отсутствовали в 1990-х, возрождена церемония смены дворцового караула – яркое красочное зрелище, привлекающее по утрам толпы туристов. Их почти не было еще в начале 1990-х годов. Когда я впервые приехала в Сеул в 1993 г., Национальная организация туризма при Министерстве культуры и туризма РК ставила задачей привлечь в страну 1 млн. иностранных туристов. В 2006 г. их число достигло 6 млн., а в 2010 г., по прогнозам, перевалит за 10 млн.⁴ Туризм стал важной частью растущей экономики страны, а сохранение и восстановление культурного наследия имеет не только духовный и идеологический, но и положительный финансовый эффект. Например, с тех пор, как в 2007 г. вулканический остров Чеджудо был внесен в список всемирного природного наследия, количество посещающих его туристов выросло на 20%⁵.

В кассе Кёнбоккуна за три тысячи вон (меньше 3 долл.) можно взять напрокат наушники и слушать аудиолекцию, ходя по дворцу. К наушникам прилагается на вид обычная бумажная карта. Но если прикоснуться карандашиком к месту, около которого ты оказался, то начинается рассказ именно о нем. Очень удобно и приятно. Особенно часто диктор повторяет имя Коджона, и это неудивительно. Пролежавший после Имджинской войны в руинах два с половиной века Кёнбоккун был восстановлен в начале правления именно этого вана, когда приобрел особенный блеск и великолепие.

«Вы проходите через ворота Хыннемун. Восстановлены в правление Коджона». «Вы находитесь в Тронном зале Кынджонджон, построен в настоящем виде в правление

---

* *Хыннемун* 興禮門, «Ворота распространяющейся вежливости»

Коджона». «Вы находитесь в Чагёнджоне – резиденции вдовствующей королевы. Возведена в правление Коджона» и т.д. и т.п. На берегу пруда в дворцовом парке вырос «особый дворец» (*нёльгун*) Кончхонгун, за высокими стенами которого юный Коджон отдыхал от чрезмерной опеки отца – Великого князя Тэвонгуна. В нем он жил с королевой Мин, в нем в 1895 г. она была убита. В 1990-х годах об этом трагическом событии во дворце напоминала только стела с памятной надписью, выполненной рукой президента Ли Сынмана. Скромная и малозаметная, она стояла на задворках какого-то технического здания, рядом с картиной, где современный художник изобразил кульминацию того трагического события: в ночной мгле убийцы в черных повязках на головах и с закатанными рукавами сжигают тело королевы. Кончхонгун начал строиться осенью 2007 г. и открылся для туристов к лету 2008 г., так что я побывала в нем одной из первых. Запись на экскурсию проводилась только по интернету, а посещение – строго по часам. Я записалась, и хотя в других палатах Кёнбоккуна специальные «живые» экскурсоводы не предусмотрены, здесь миловидная девушка, проверив входивших по именам, рассказывала в течение получаса об устройстве и истории дворца, именуя Коджона *имгымним-ккесо* – это примерно «уважаемый господин монарх». Когда я училась в середине 1990-х на историческом факультете Сеульского университета, таких подчеркнуто почтительных упоминаний о правителях мне слышать не приходилось.

Зная, что еще живы внуки Коджона, я задавалась вопросом: «Каково быть потомком такого человека в наши дни?», и в один из последних дней моей командировки друзья организовали мне встречу с принцем Ли Соком, единственным живущим в Корее из четырех еще здравствующих внуков (мужского пола) первого корейского императора.

Коротко расскажу о потомках империи и месте Ли Сока в генеалогии рода. У Коджона было девять сыновей и четыре дочери, но большинство его детей умерли в младенчестве. До взрослого возраста дожили всего четверо: император Сунджон (наследный принц Чхок 拓, 1874–1926), принц Кан (鋼, еще одно дворцовое имя Ыйчхин-ван**, 1877–1955), наследный принц Ын (垠, также Ёнчхин-ван, 1897–1970) и принцесса (*онджу*) Токхе (德惠翁主, 1912–1989). У Сунджона детей не было. У его младшего сводного брата и наследника Ёнчхин-вана было

** Дворцовое имя с окончанием -ван стало присваиваться корейским принцам после провозглашения империи в 1897 г.

двое сыновей. Первый Ли Чин умер в 8-месячном возрасте (18 августа 1922 – 11 мая 1923 г.). Второй Ли Ку (1931–2005) потомков не имел. Если бы монархия в Корее не рухнула, именно он был бы ее 29-м правителем, и потому наиболее известен. Его кончина и похороны, ознаменовавшие конец физической жизни династии Чосон, широко освещались в корейской печати. Принцесса Токхе была замужем за японским аристократом маркизом Со, имела дочь, но она умерла вскоре после Второй мировой войны. По слухам, покончила жизнь самоубийством. У Ыйчхин-вана было очень много детей. Сколько именно – неизвестно. Официально признано, что 21 (12 сыновей и 9 дочерей), но есть достаточно авторитетные мнения, что их было 22, или «около 40», или 29. На 2006 г. из них здравствовали 11.

Здесь тоже есть «русский след». Восьмой сын принца Ыйчхин-вана Ли Кёнгиль (дворцовое имя – Ли Он, 1922–1996) был, по воспоминаниям, особенно красив. Отличаясь белой кожей и правильностью черт лица, он выглядел совершенным европейцем. Ходили слухи, что его матерью была некая «супруга русского дипломата», с которой принц Кан имел непродолжительный, но бурный роман. Легенда эта весьма живуча, хотя старые придворные это опровергали и клялись, что его матерью была госпожа Ким (дворцовый титул Сугёндан), шестая наложница Ыйчхин-вана из тех, что числились в дворцовых списках. Ли Кёнгиль всю жизнь прожил холостяком и скончался в доме престарелых. В его некрологе, который опубликовала одна из газет в 1996 г., рассказывалось, что он провел детство в Японии, по возвращении на родину так и не смог приобрести профессию и устроиться на работу и жил до 1989 г. в Наксонджэ по приглашению главы бывшего Корейского императорского дома Ли Панджа. После ее смерти скитался, пока его не приютил провинциальный католический храм, при котором он и провел последние годы жизни.

Из детей принца Ыйчхин-вана в родовые книги правящего рода (*хванджок* 皇籍) уже в колониальные годы были записаны (т.е. официально признаны как принцы) только двое старших сыновей: Ли Кон (李鍵, 1909–1991) и Ли У (李齔, 1912–1945). Ли Сок – тоже дворцовое имя, но, являясь десятым сыном Ли Кана, он официально его не получал, хотя и известен многим именно под ним. Основное имя (*пымён*) – Ли Хэсок. Взрослое имя (*ча*) – Ли Ёнгиль, но больше всего его в Корее знают как «поющего принца». В юности, учась на испанском отделении Университета иностранных языков в Сеуле, он подрабатывал тем, что пел в ресторанах. В 1961 г. его заметили на конкурсе, который проводился на дислоцированной в Корее базе 8-й

американской армии, и он стал профессиональным певцом. Особенно известна в его исполнении песня «Дом голубей» (*Пидульги чип*) – популярный шлягер 1960-х годов. Сейчас об этой песне, похоже, знают лишь понаслышке. Я обошла несколько музыкальных магазинов и развалов в Сеуле в поисках ее записи, но найти не смогла. Вершиной карьеры Ли Сока стали выступления в отеле «Уокер Хилл» в 1963–1964 гг.

Встреча была назначена на 10 часов утра воскресенья, 13 июля 2008 года. Ли Сок живет в последние годы в Чонджу – административном центре провинции Северная Чолла, старинном городе, откуда вел свое происхождение правящий дом Чосона. Путь от Сеула неблизкий, и чтобы успеть, я выехала первым автобусом. Успела вовремя, но у входа в дом мне сказали подождать еще час. Я восприняла это как должное: ведь речь шла об аудиенции у принца!

Дом Ли Сока расположен в самой старой части Чонджу – *ханок маиль*, что означает «деревня из традиционных домов». Здесь есть дома действительно старые, построенные более столетия назад, есть и новые *ханок*. Принц живет как раз в новом (на тот день даже мешки с цементом и мусор во дворе еще не успели убрать), и история этого дома необычна. В 2003 г. по телевидению показали репортаж о том, что Ли Сок, внук Коджона, живет в сауне, снимая в ней угол. Зрелище вызвало в народе шок. Возникло движение в поддержку принца. «Если пренебрежение нашего правительства к потомкам бывшей королевской фамилии вызвано тем, что она несет ответственность за гибель государства, то почему же японцы не забросали камнями своего императора за проигранную войну? Да, японцы называли наших ванов Лиджо и тем самым унижали их по статусу, но когда мы сами отрицаем наше прошлое, становится стыдно за наше правительство», – писали в блогах. По предложению городской администрации, в Чонджу был построен «Дом распространяющегося света» (*Сынгванджэ 承光齋*), в котором разместился Музей быта императорской семьи (*Хвансиль тхема сэнхвальгван*). Ли Сок стал его «живым экспонатом».

Дом большой, традиционной для средневековых корейских усадеб планировки, и состоит из нескольких окруженных стенами групп построек различного назначения. Мы с сопровождавшим меня другом моих друзей господином Хо, было, заблудились в их лабиринтах, но потом увидели калитку, у которой стояли фанерные ярко раскрашенные клоуны и спортсмен в черном (кажется, Джэки Чанг) и, вспомнив об артистическом прошлом Ли Сока, поняли, что цель близка. Пройдя внутрь, мы оказались

Ли Кан,
также Ёйчхин-ван
(1877–1955) –
пятый сын Коджона
(от наложницы Чан),
отец Ли Сока.
*Снимок середины
1900-х годов*

во дворике, где под карнизами стоявших по его периметру домиков в красивых рамках под стеклом висели старинные фотографии: свадебное фото Ёйчхин-вана с главной супругой, его же парадный портрет в мундире с эполетами, отдельные фото его старших сыновей и остальных детей вместе, императрицы Юн, Ли Панджа и Джулии Маллок в корейском национальном платье. Многозначительным показалось то, что Ли Панджа была изображена без мужа Ёйчхин-вана.

Постучали в дверь под портретом. Она отодвинулась, и оттуда выглянул молодой человек. Следом – его супруга. Оказалось, туристы, снимают здесь комнату на выходные. Приехали ради интереса, чтобы пожить в настоящем *ханокэ*, да еще принадлежащем лицу королевской крови. Сдача комнат в наем туристам – одна из статей дохода фонда, т.е. самого господина Ли Сока. На наши голоса отворилась дверь в соседней постройке, и навстречу нам неспешно вышел сам хозяин в нарядном золотисто-коричневом национальном костюме – статный, подтянутый

и моложавый в свои 68 лет. Сдержанно улыбаясь, он пригласил нас к себе, и мы оказались в небольшой, метров 20, комнате, заставленной традиционной мебелью и коробками, словно после переезда. Значительную ее часть занимали манекены: два в королевских мужских ярко-желтых костюмах с вышитыми на плечах и груди драконами и два женских, красных. Бросились в глаза кипы книг, старинная ширма «Горы Кымгансан», плакат «Сорок восемь Тангунов» в рамке и большой парадный портрет хозяина в черном фраке на полу. Принц сразу включил магнитофон. Зазвучала музыка, напоминающая нашу отечественную эстраду 1970-х годов, и мягкий мужской голос запел печальное.

– Это я пою, – сказал он. – Только что записал песню в одной студии в Сеуле. Называется «Суннемун». Для меня это был настоящий шок, когда ворота сгорели.

Мы сочувственно кивали, разделяя его чувства. 10 февраля 2008 г. городские ворота Намдэmun (прежнее название – Суннемун) – старейшая в Сеуле, построенная в 1398 г., деревянная постройка, без которой этот город невозможно представить, сгорела дотла в результате действий страдавшего психическим расстройством 69-летнего Чхэ Чонги. Он признался, что совершил поджог в знак протеста против недобросовестных застройщиков, недоплативших ему при покупке земли. До этого Чхэ уже задерживали в

2006 г. за поджог во дворце Токсугун, но тогда его деяние не имело таких катастрофических последствий. Пожарные ничего не могли сделать, и прекрасное сооружение, помнившее еще первых ванов Чосона, догорало несколько часов на глазах тысяч стоявших вокруг в молчании и со слезами на глазах горожан.

Когда песня закончилась, я решила блеснуть своим знакомством с биографией собеседника.

– Знаю, ваша лучшая песня называлась «Дом голубей». О ней в Корее помнят еще и сегодня.

– У меня были и другие песни. Всего я написал шесть песен. Только к одной из них слова написал не я сам. Остальные все полностью мои... 47 лет назад я был признан лучшим на конкурсе певцов, устроенном на американской военной базе. Я и сейчас еще выступаю. Много хороших песен пою, в том числе на английском.

Тут принц указал на свой парадный портрет во фраке, с белым уголком платка, выглядывающего из кармашка.

– Этот фотопортрет был сделан во время моего выступления в прошлом году.

Ли Сок на портрете был моложе и похож на старых звезд американской эстрады. Дом был неуютен. Веяло неустроенностью и одиночеством. Перехватив мой взгляд, Ли Сок сказал, что еще не обжился – недавно переехал.

– Наш народ не помнит истории, вот в чем проблема, – сказал он, когда отзвучала песня. К этой мысли он потом возвращался еще несколько раз.

Из рассказа Ли Сока:

«Я родился в Сеуле в районе Ангуктон в 1940 г., в отдельном дворце *пёльгун*. Там мы жили до Корейской войны, а когда она началась, с потоком беженцев ушли в Пусан в 1950 г. У отца было 10 жен*. Главная из них (официальная) детей не имела. Тс жены, которые имели дворцовые имена, жили с отцом во дворце, они имели землю. Другие (их было две, в том числе и моя мать) жили отдельно, в *пёльгуне*. Родители познакомились в 1940 г., когда отцу было 63 года. В Чхандоккуне была телефонная станция, там мама и работала. Ее звали Хон Чонсун. Ей было 19 лет. Дважды в год во дворце устраивали вечера, куда приглашали всех его сотрудников с родителями. На одной такой встрече отец и увидел маму.

* По другим данным, признанных обществом жен у Ыйчхин-вана было 15. Это те, кто имел от него детей.

Ли Сок
у каллиграфической
картины
кисти своего отца –
принца Ли Кана.
Фото автора,
2008 г.

Она ему понравилась, и он обратился к ее родителям с предложением о браке. Они согласились. Отец поселил ее в Ангуктоне. Я же рос в Чхандоккуне, в основном – на попечении главной жены отца.

Мой отец был настоящий ван, а вану надо иметь много детей. Только тогда династия сильна. Отец думал только о стране. У него было национальное сознание (*минджок ыйсик*), поэтому нас так много было у него. Всего у отца и моей матери было четверо детей, я старший. Отец хорошо знал английский язык, потому что в 1900-х годах пять лет посещал в Америке колледж Роанок (Roanoke), штат Вирджиния*. По утрам он приветствовал меня фразой "Good morning, son!" Участвовал он и в движении за независимость, жил в Корее, поэтому у корейцев к нему было больше уважения...».

В последней фразе я слышала намек на Ёнчхин-вана, который прожил всю жизнь в Японии. Отец Ли Сока был пятым сыном Коджона и следующим по старшинству братом бездетного императора Сунджона. Тем не менее наследником выбрали не его, а седьмого (любимого) сына Ёнчхин-вана.

– Ли Сынман был ужасен. Он забрал все. Мы превратились в пауперов. Он хотел уничтожить королевскую семью. Вот все, что осталось у меня после смерти отца в 1955 году.

Принц указал на большой каллиграфический свиток под стеклом в раме.

– Мы остались без средств к существованию. Тогда я и стал зарабатывать пением, чтобы поддержать мать и младших: двух сестер и брата.

Как пишет автор книги «Потомки империи» Чон Помджун, после освобождения все королевское имущество и дворцы перешли в управление американской военной администрации, а после провозглашения республики, когда президентом стал Ли Сынман, были национализированы по закону «Об имуществе бывшей королевской семьи» (8 апреля 1950 г.). Согласно одному из дополнений к нему, прямым потомкам династии должны были отчисляться средства на проживание, но выплаты, и без того скудные, проводились нерегулярно. Находившиеся в Японии бывший наследный принц Ёнчхин-ван с супругой и принцесса Токхе не получали ничего.

Королевское имущество стало лакомым куском для алчных людей и недобросовестных чиновников. Особенно много неприятных воспоминаний оставил у потомков династии шесть лет управлявший им близкий сподвижник Ли Сынмана Юн Угён, выходец из семьи полицейских

---

* Основан в 1842 г. при участии Евангелической лютеранской церкви. Один из старейших колледжей Америки.

начальников колониальных времен. Как сказал о нем Чон Помджуну один из потомков, «этот человек присвоил себе все». В 1959 г. началось полицейское разбирательство финансовых махинаций Юна и его сотрудников, из которых двое попали в тюрьму за хищение 6,5 млн. хван^{**}. Юн Угён заключения избежал, хотя и был уволен с поста управляющего. Ревизия дворцового имущества показала, что учет практически не велся. Была составлена опись, но через несколько дней она сгорела в пожаре во дворце Чхандоккун. Никто не сомневался, что это был поджог.

После Апрельской революции 1960 г., когда Ли Сынман был свергнут и на смену ему пришло правительство Чан Мёна^{***} – лидера оппозиции, известного честностью и неподкупностью, Юн Угён был уличен в нарушениях во время избирательной кампании 1959–1960 гг. и незаконном использовании в ходе нее на поддержку Ли Сынмана нескольких сот миллионов хван, полученных в результате махинаций с имуществом королевской семьи. В декабре 1961 г. состоялся суд, на котором Юн Угён признал себя виновным по многим пунктам. Обвинители требовали приговорить его к бессрочной каторге, но суд ограничился 10 годами, а полгода спустя срок был сокращен до 5 лет.

Во время следствия Юн Угён утверждал, что действовал исключительно по приказу Ли Сынмана. Возможно, так оно и было. Как уже упоминалось, он сам был из королевского рода Ли из Чонджу. Его предок принц Яннён тэгун (讓寧大君, 1394–1462) был старшим сыном и наследником Тхэджона. В 1418 г. этого титула отец его лишил и на трон вззошел его младший брат – Седжон. Как пишет идеолог монархического движения Ан Чхон, Ли Сынман считал, что с его назначением на пост президента была восстановлена нарушенная в XV в. «историческая справедливость». Это была одна из причин, почему к потомкам прежней династии он относился непримиримо отрицательно. В глазах клана он был выскочкой. Он это знал и игнорировал клановые правила, позиционируя себя как современного правителя западного, т.е. американского, образца. И тем не менее, посещая дворцы, он любил садиться на королевский трон и говорил, что призван судьбой «начать все с начала». По сообщению Ан Чхона, желание стать «новым ваном» у президента Ли было сильно с молодых лет, и потому, живя в Шанхае и будучи первым президентом

---

^{**} Хван – так называлась денежная единица Республики Корея в 1953–1962 гг.

^{***} Чан Мён (張勉, 1899–1966) – премьер-министр Республики Корея в период «Второй республики» при президенте Юн Посоне (23 августа 1960 – 16 мая 1961 г.).

созданного корейскими эмигрантами 13 апреля 1919 г. Временного правительства в изгнании, он сватался к жившей там же Мин Кабван (1897–1968) – отвергнутой невесте императорского наследника Ёнчхин-вана⁶.

После национализации дворцового имущества потомки Коджона впали в бедность. В японское время они получали часть доходов от собственности династии от Ливанджик (Ведомство по делам ванов рода Ли) и не нуждались. С приходом к власти Либеральной партии (*Чаюдан*) Ли Сынмана они в мгновение ока превратились «из принцев в нищих». Выросшие во дворце, совершенно не знавшие жизни за его пределами и не имевшие обычного для простых граждан образования, зарабатывать сами на жизнь они были неспособны. Чон Помджун глухо упоминает о драке, возникшей при выдворении их из дворца, о вражде между братьями, пьянстве и несчастных смертях. Непросто складывалась и жизнь Ли Сока:

– После войны я поступил учиться на отделение испанского языка в университете Хангук в Сеуле. Надеялся поехать дипломатом в Испанию, чтобы меня признали наследником династии, хотел там найти принцессу в жены. Но не сбылось. Провел несколько лет в буддийском монастыре в Пусане. Просто жил, не как монах. В 1966–1967 гг. воевал во Вьетнаме, пошел туда добровольцем. Это было после смерти императрицы Юн. Когда ее хоронили, я нес ее портрет. Я ее очень уважал, а она признавала мои наследственные права. Именно из-за нее я пошел на вьетнамскую войну – очень переживал в связи с ее смертью. Девять раз пытался покончить жизнь самоубийством. Тогда я был одиноким, без жены. Почему хотел покончить с собой? Люди не знают истории. Они не знают обо мне. Я много пил, пел в ночных клубах, встречался с кем попало. Я был конченный человек (*порёджди́н мом*). Корейцы легко забывают. В 1979 г. уехал в Америку, где прожил 10 лет. Там у меня брали интервью “New York Times” и “Wall Street Journal”, и я им так и говорил: «Корея – страна с древней историей и глубокими корнями, но ее народ легко забывает».

Младший брат Ли Сока Чонгиль живет в Лос-Анджелесе, работает автослесарем. Ему уже за 60, но он все еще холостяк. Живут в США и его сестры Хэран и Хэрён. По его словам, они «не любят людей» и скрывают свое происхождение. Когда в 1979 г. в эмиграцию уезжал его сводный брат, девятый сын Ёйчхин-вана Ли Чхунгиль, он пришел в Наксонджэ попрощаться с Ли Панджа и привел с собой двух сыновей (старшему было 17 лет), которые только тогда и узнали, чьими потомками являются.

Ли Сок вернулся в Корею в 1989 г. на похороны Ли Панджа и принцессы Токхе. Вскоре попал в автомобильную

катастрофу, десять дней лежал в коме. По выздоровлении принял решение добиться официального признания как принца корейской королевской семьи. «Мне нужно, чтобы правительство дало мне титул, – сказал он в 1999 г. в интервью одной из газет. В тот год Корею посетила английская королева Елизавета II, что вызвало в Корее некоторое возрождение интереса и к своим собственным монархам. – Люди забыли свою историю. Если меня признают принцем, уверен, через пять лет люди изменятся и будут больше ею гордиться».

Министерство культуры и туризма идея Ли Сока не заинтересовала, и мечта «дворцового профессора» Хон Сунмина «услышать эхо шагов ванов в мертвых дворцах» осталась неосуществленной. Научное сообщество высказалось сдержанно: «Он, может, и имеет право на титул принца, но если он будет выполнять какие-то официальные функции в таком качестве, вряд ли это будет хорошо для Кореи, которая стремится к развитию демократии». Ли Сок, однако, подчеркивал, что его амбиции весьма скромны и он согласится на самую скромную роль в качестве принца, какую только можно представить.

«Мне не нужно политическое влияние, – говорил он. – Я хочу очень малого, лишь небольшое содержание и место проживания во дворце. Больше всего мне хотелось бы жить в Хувоне. Следующий возможный вариант – Токсугун и последний – Кёнбоккун. Я мог бы стоять на балконе и махать рукой туристам. Так они могли бы видеть живую историю».

Он повторял, что не собирается соперничать с Ли Ку – сыном Ёнчхин-вана и Ли Панджа (Масако), который в 1989–2005 гг. официально был признан главой Корейского императорского дома.

– У него место свое, и меня – свое. Но я на сто процентов кореец. Я весь целиком – то звено, которое связывает Корею с ее гордой историей... В мире существуют прецеденты возрождения монархий. Покойный диктатор Испании Франко назначил Хуана Карлоса своим преемником и королем страны в 1969 г. Когда в 1975 г. Франко умер, Карлос стал конституционным монархом, который воспринимается как символ национального единства и пользуется широким международным признанием, выполняя важную представительскую функцию. Я хочу быть как Карлос. Быть символической фигурой и служить благу страны, помогать бедным, служить опорой национального духа – вот то, что я должен делать.

Есть у него и горячие сторонники. Несколько лет назад известный врач случайно увидел Ли Сока выступавшим по телевидению. Узнав, что у того нет офиса,

он немедленно снял его и несколько лет платил ежемесячно за аренду большой двухкомнатной квартиры с четырехметровыми потолками.

– Ли Сынман нанял прояпонских ученых, которые писали искаженную историю, где говорилось, что корейские ваны «сдали» страну Японии, что Корея была неспособна иметь собственное сильное правительство. Все это ложь. К счастью, в последние годы, наконец-то, началось движение за восстановление исторической правды и престижа монархии. Вот посмотрите.

Он открыл одну из картонных коробок, стоявших в беспорядке на полу, и извлек толстый «Сборник научных исследований, связанных с Императорским домом» (*Хвансильхак нончхон*). Развернул и размашисто подписал по-английски и по-корейски: “Happy life, Татьяна Симбирцева”. Я посмотрела. Выпуск значился девятый. Значит, выходит уже девять лет. Датирован по календарю от Тангуна* 4340 годом, издатель и составитель – Научное общество по изучению корейского Императорского дома (*Хангук хвансиль хакхве*).

– Люди устали от нынешней власти. Сами знаете, что сейчас происходит**.

– А если бы возникла такая возможность, вы бы согласились в наши дни взойти на престол?

– Нет, с меня довольно. Я не взялся бы за такое.

В 2006 г. были живы четыре сына Ли Кана (Ыйчхин-вана) и семь дочерей. Пятеро из них живут в США, остальные – в Корее. Из сыновей открыто утверждает себя потомком императорского рода только Ли Сок.

– Некоторые люди сравнивают меня с Дон Кихотом. Но я не могу заснуть по ночам, думая о будущем Кореи⁷.

Вышедшая в 2006 г. книга журналиста Чон Помджуна «Потомки империи» была первой в Корее, где на основе архивной прессы, воспоминаний и личных впечатлений рассказывалось о судьбах всех прямых потомков императора Коджона, за исключением правившего Сунджона. В 1969–1985 гг. выходили мемуары Ли Панджа (четыре книги на корейском и три – японском), была книга «Мой отец Ыйчхин-ван» (1997) пятой дочери Ли Хэвон, но они не ставили целью рассказать обо всех. Немало разных публикаций с 1950-х годов было в прессе, но они были разноречивы и неточны. Во-первых, потомков было много, и авторы в них путались. Во-вторых, потомки ванов

* Т.е. с 2333 г. до н.э.

** Намек на многотысячные демонстрации против импорта американской говядины, потрясавшие Корею в те дни.

избегали публичности. Как сказал Чон Помджуну один из них, «все приходившие к нам журналисты просили об одном: рассказать о постигших нас несчастьях, – от чего возникло желание отказаться от интервью. Перед миром надо появляться, лишь если ты преуспел, а мы чувствовали, что интерес публики сводится к одному: узнать, как принцы стали нищими. Вопрос о восстановлении истинной истории Императорского дома никого не интересовал».

Чон Помджун решил исправить ситуацию. Его работа со множеством противоречивых свидетельств была подобна составлению сложнейшего паззла, и он, по его словам, даже представить не мог, к каким выводам это его приведет. Чем же заканчивается его книга? Приведу фрагменты из эпилога:

«В наши дни монархии существуют в более чем 30 странах, и повсюду о них много пишут в прессе и говорят между собой люди. Надо признать, что существуют идея восстановления монархии и в Корее при условии ограничения ее конституцией. Ее сторонники говорят, что в странах, где символом национального единства является здравствующий монарх, не бывает такой поляризации в обществе, какая есть у нас. Он служит залогом социального спокойствия и стабильности. В их словах есть резон. В 1981 г., когда в Испании возникла угроза переворота, король Хуан Карлос выступил в прямом эфире по телевидению и заявил: “Заговорщикам не победить, пока я жив”. И те отказались от своих планов. В 1992 г. аналогичная ситуация возникла в Таиланде. Военные и оппозиция склонили голову перед монархом, и это зрелище, показанное по телевидению, свело действия заговорщиков на нет. У нас в стране по-иному. У нас отняли страну, а мы не сделали толком ни одного выстрела. Мы никогда не слышали о том, чтобы члены Корейского императорского дома умирали бы за Родину или вели бы за нее борьбу, рискуя жизнью. Наше общее национальное несовершенство всему, конечно, виной, но финальная ответственность за потерю государственного суверенитета лежит на Коджоне, Сунджоне и министрах их двора. Восстановление династии потребовало бы больших расходов, что легло бы бременем на налогоплательщиков. Это сложный вопрос, требующий всестороннего обсуждения. Лично я еще не решил его для себя, но вот что думается.

В процессе работы над этой книгой я узнал много нового и в первую очередь то, что нет на свете другой страны, где бы были так безразличны к своим монархам, как в Корее. Я сам тому пример. До недавнего времени я не только не знал, сколько детей было у императора Коджона, где они, чем занимаются, но и знать не хотел. Не было интереса.

В нашей стране клан Ли из Хвасана считает своим основателем Ли Ёнсана 李龍祥, происходившего из вьетнамской королевской фамилии. Спасаясь от преследований, он покинул родину и приехал в Корё во времена Коджона (1213–1259). После того как в 1992 г.

Республика Корея и Вьетнам установили дипломатические отношения, его прямой потомок Ли Чхангын посетил Вьетнам и был принят самым радушным образом. Тогда вьетнамские старейшины вспоминали старинное пророчество: “Если на месте срубленного леса вырыть источник, потянутся новые ростки”. Члены клана Ли из Хвасана и сейчас регулярно ездят во Вьетнам, где их встречают как самых дорогих гостей. Там по-другому.

Еще я узнал о том, как много было людей, желавших использовать бывшую императорскую семью в своих корыстных целях. Так поступал Ли Сынман, не отличался от него и Пак Чонхи. Когда им было нужно, они отнимали у этой семьи собственность, манипулировали ею для обработки общественного мнения в свою пользу. Не могу сказать, что сегодня уже нет таких людей. Чтобы угодить вкусам публики, как попало освещали их жизнь и средства массовой информации. В результате возникло много искажений.

Пока я писал эту книгу, летом 2005 г. в токийском отеле скончался Ли Ку, последний прямой потомок корейского императорского рода. Узнав об этом, я отправился в Наксонджэ, куда привезли его тело, и принес соболезнования, на следующий день участвовал в панихиде, затем – в церемонии прощания у входа в Чонмё. Последовав за гробом Ли Ку до места его последнего упокоения в Кымгоке, я тогда впервые посетил и расположенные там же могилы Коджона, Сунджона и Ёнчхин-вана. Низко им поклонившись, я пожелал усопшим монархам покоем с миром и осудил себя за то, что я, кореец, сделал это только сейчас»⁸.

P.S. *Из ответов представительницы Дома Романовых княгини Марии Владимировны на вопросы газеты «Российские вести», 26 июня 2008 г.*

«Не кажется ли вам, что после семи десятилетий советской власти, нити, связывающие нас с прошлым, уже окончательно разорваны и возрождение былых традиций, исконного мировоззрения русского народа уже не реально?»

«Традиция не умирает никогда, потому что записана в генетической памяти народа. Ее можно на время приглушить, но нельзя искоренить. Традиционное мировоззрение – это далеко не всегда консерватизм. Традиция может воплощаться в новых формах и оставаться при этом неразрывно связанной с опытом предшествующих поколений. Мы должны не цепляться за старое и, тем более, не пытаться повернуть историю вспять, а двигаться вперед, не забывая о духовных, государственных и моральных устоях Отечества»⁹.

Из обращения к СМИ князя Дмитрия Романова, главы Фонда «Романовы для России» от 28 мая 2010 г.

«Как Романов, я твердо верю, что все члены нашей семьи должны ограничивать свои устремления тем, чтобы служить достойной исторической связью с прошлым, от которого не может отречься ни одна великая страна»¹⁰.

Приложение

ЛЕГЕНДАРНЫЙ, ДРЕВНИЙ И ИМПЕРАТОРСКИЙ КИТАЙ

Хронология

ЛЕГЕНДАРНАЯ ИСТОРИЯ

Эпоха Трех Властителей 三皇

XXX–XXVII вв. до н.э.

Фуси (伏羲/伏犧, кор. Покхи) – прародитель человечества (китайцев). Как и его жена Нюйва (女媧, кор. Ёва), имел человеческую голову и змеиное тело. Изобрел способ ловить зверей и выкармливать скот для употребления в пищу, дав народу источник постоянного пропитания. Ему же приписывается изобретение китайского письма и установление института брака. Царствовал, по преданию, 150 лет, вступив на престол в 3007 г. до н.э.

|
Шэньнун (神農, «Божественный земледелец», кор. Синнон, а также Соннон 先農 – «Первый земледелец») вступил на престол после Фуси в 2857 г. до н.э. Научил народ копать землю и сажать хлеб и, таким образом, положил начало земледелию. Ему же приписываются первые открытия по врачеванию.

|
Суйжэнь (燧人, кор. Суин) – научил людей добывать огонь трением и готовить пищу на огне.

Существует несколько вариантов триады: 1) Фуси, Нюйва и Шэньнун; 2) Фуси, Шэньнун и Хуанди и т. д.

Эпоха Пяти Императоров (五帝)

XXVII–XXIII вв. до н.э.

Хуанди (黃帝, Желтый Владыка, кор. Хвандже, правил, согласно одной из традиционных хронологий, в 2698–2599 гг. до н.э.). Этому государю приписывают изобретение многих вещей, необходимых в гражданском быту, как то: одежда, постройка жилищ, введение мер, весов, оружия, монеты, астрономии и пр.*

|
Чжуаньсюй (顓頊, кор. Чонук) – внук Хуанди, ввел установления, определяющие подчинённое положение женщины

в обществе, «был спокоен и глубок в помыслах, решал дела, вникнув в их суть. Умножал богатства, исходя из строения земли, действовал, сообразуясь со временами года, подражая Небу».

Ди-Ку (帝嚳, кор. Чегок) – правнук Хуанди, отец Яо; справедливый правитель, который «брал богатства у земли и бережно использовал его, ласково наставлял народ и учил их получать выгоду, исчислял движение солнца и луны, встречая и провожая их; распознавал духов и с почтением служил им. Действия его всегда были своевременны, а одежда – как у простого чиновника» (Сыма Цянь).

Яо (堯, кор. Ё) – первый законодатель в Китае, образцовый правитель, который «любовью к людям был подобен Небу, а мудростью – небесным духам. Правил, согласно одной из традиционных хронологий, в 2357–2258 гг. до н.э. Был богат, но не заносчив, знатен, но не надменен. Являл добродетели, которые приводят всех к повиновению, и так водворял в мире порядок и согласие. Одевался очень скромно, жил в простой хижине, крытой камышом, и питался отваром из диких трав и неочищенного риса». Был настолько бескорыстен, что передал трон не собственному сыну, а Шуню – человеку бедному, но мудрому. Впервые о нем рассказала «Книга истории» (Шуцзин).

Шунь (舜, кор. Сун) – второй законодатель в Китае, образец правителя и «сыновней почтительности». Правил, согласно одной из традиционных хронологий, в 2258–2208 до н.э. «Отец Шуня был склонен к порокам, мачеха сварлива, а младший брат заносчив, но он во всем слушался их, не нарушая сыновнего долга. Когда хотели убить Шуня, не находили его, когда же от него что-то требовалось, он всегда оказывался рядом...». Конфуций говорил о нем: «Шунь управлял Поднебесной, ничего не делая. Он с достоинством сидел лицом к югу – только и всего!». Как и Яо, передал трон достойнейшему из своих служащих – Юю.

Именно эти «Пять императоров» перечислены в корейском интернете. По другой версии, первым из «Пяти императоров» является не Хуанди, а Шао-хао (少昊, 2598–2515 до н.э.), а Хуанди в таком случае входит в число «Трех Властителей».

---

* Сведения о Фуси, Шэньнуне и Хуанди заимствованы из кн.: Бичурин И. Религии ученых // Все о Китае. М., 2008. С. 280–282.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ. Три [древние] династии 三代
рубеж XXIII/XXII в. – 221 г. до н.э.

Ся (夏, кор. Ха) – 2205–1766 гг. до н.э. Первая китайская династия. Легендарный основатель – Великий Юй (禹, кор. У, 2205–2197 гг. до н.э.), третий законодатель, усмиривший воды Хуанхэ. «Был неутомим в делах, сохранял величественный вид и для всех служил примером. Скромно одевался, питался простой пищей, жил в бедном жилище, но с почительностью служил духам».

Шан, или Инь, или Шан–Инь (商/殷, кор. Сан/Ын) – 1766–1122 гг. до н.э.

Чжоу (周, кор. Чу) – 1122–221 гг. до н.э.

Западная Чжоу (西周) – 1122–771 г. до н.э.

Восточная Чжоу (東周) – 770–221 гг. до н.э.

Период Чунцю (春秋時代, кор. Чхунчху сидэ, эпоха «Весен и Осеней») – 770–476 гг. до н.э.

Период Чжаньго (戰國時代, кор. Чонгук сидэ, эпоха Борющихся [Сражающихся] царств) – 475–221 гг. до н.э.

ИМПЕРАТОРСКИЙ КИТАЙ

Династия Цинь (秦, кор. Чин) – 221–206 гг. до н.э.

Династия Хань (漢, кор. Хан) – 206 г. до н.э. – 220 г. н.э.

Западная Хань (西漢) – 206 г. до н.э. – 25 г.

Восточная Хань (東漢) – 25–220 гг.

Троецарствие (三國, кор. Самгук) – 220–280 гг.

Вэй (魏, кор. Ви) – 220–266 гг.

Шу (蜀, кор. Чхок) – 221–263 гг.

У (吳, кор. О) – 222–280 гг.

Цзинь (晉, кор. Чин) – 266–420 гг.

Западная Цзинь (西晉) – 266–317 гг.

Восточная Цзинь (東晉) – 317–420 гг.

Южные и северные династии (南北朝) – 420–589 гг.

Южные династии (南朝) –
420–589 гг.

Сун (宋, кор. Сон) –
420–479 гг.

Ци (齊, кор. Че) –
479–502 гг.

Лян (梁, кор. Ян) –
502–557 гг.

Чэнь (陳, кор. Чин) –
557–589 гг.

Поздняя Лян
(後梁, кор. Ху Ян) –
555–587 гг.

Северные династии (北朝) –
386–581 гг.

Вэй (魏, кор. Ви), или Северная
Вэй (北魏) – 386–535 гг.

Западная Вэй (西魏, кор. Со Ви) –
535–557 гг.

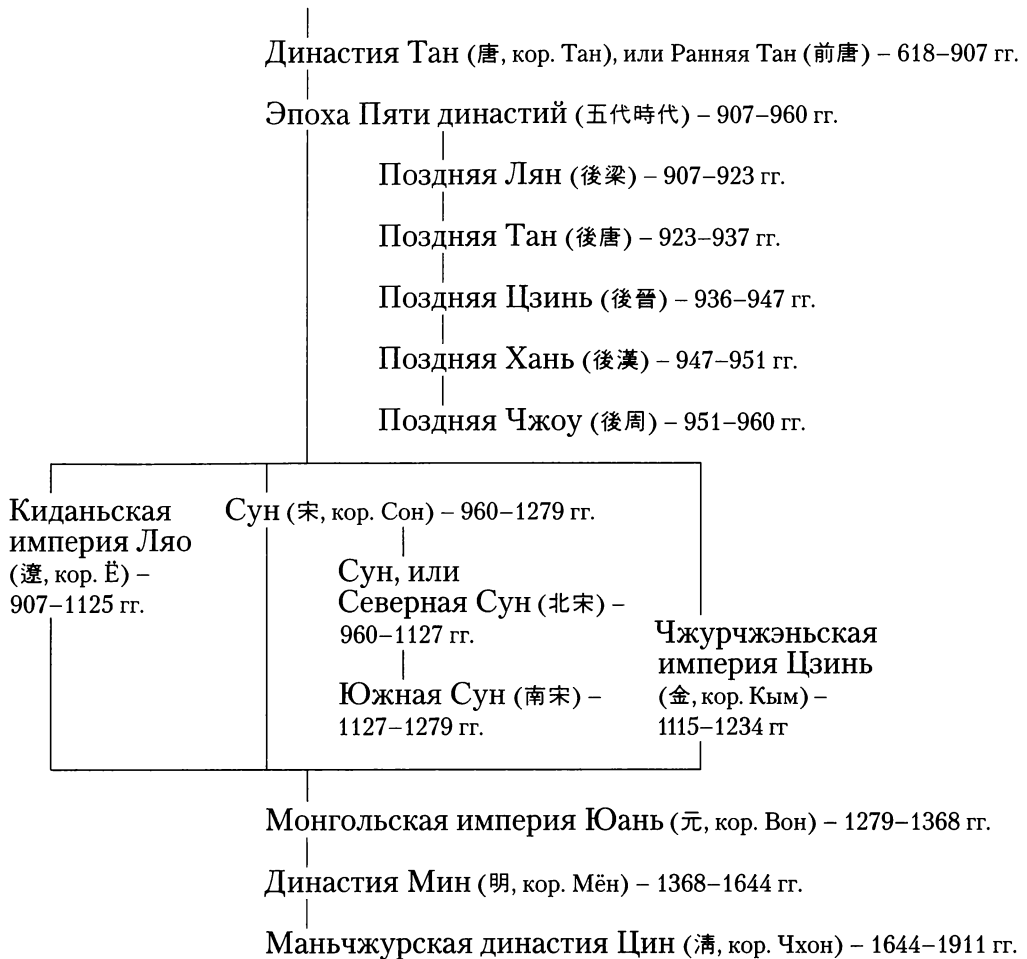
Восточная Вэй
(東魏, кор. Тон Ви) –
534–550 гг.

Северная Ци (北齊, кор. Пук Че) –
550–577 гг.

Северная Чжоу (北周, кор. Пук Чу) –
557–581 гг.

Династия Суй (隋, кор. Су) – 581–619 гг.

Таблица 1

ПРАВИТЕЛИ РАННИХ КОРЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ И КОРЕ

Хронология

ЛЕГЕНДАРНАЯ ИСТОРИЯ. Древний Чосон
Ко Чосон 古朝鮮

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД

Правление Тангуна (壇君, другое имя Тангун вангом
檀君王儉) и его наследников –
2333–1122 гг. до н.э.

ВТОРОЙ ПЕРИОД

Правление Цзи-цзы (箕子, кор. Киджа)
и его наследников –
1122–194 гг. до н.э.

ТРЕТИЙ ПЕРИОД

Правление Вэй Маня (衛滿, кор. Ви Ман)
и его наследников –
194–108 гг. до н.э.

ПЕРИОД ТРЕХ ГОСУДАРСТВ

Правители Когурё 高句麗

1. Тонмён-ван 동명왕/東明王	37–19 гг. до н.э.	15. Мичхон-ван 미천왕/美川王	300–331 гг.
2. Юри-ван 유리왕/琉璃王	19 г. до н.э. – 18 г. н.э.	16. Когугвон-ван 고국원왕/故國原王	331–371 гг.
3. Тэмусин-ван 대무신왕/大武神王	18–44 гг.	17. Сосурим-ван 소수림왕/小獸林王	371–384 гг.
4. Минджун-ван 민중왕/閔中王	44–48 гг.	18. Когугян-ван 고국양왕/故國壤王	384–391 гг.
5. Мобон-ван 모본왕/慕本王	48–53 гг.	19. Квангэтхо-ван 광개토왕/廣開土王	391–413 гг.
6. Тхэджо-ван 태조왕/太祖王	53–146 гг.	20. Чансу-ван 장수왕/長壽王	413–491 гг.
7. Чхадэ-ван 차대왕/次大王	146–165 гг.	21. Мунджа-ван 문자왕/文咨明王	491–519 гг.
8. Синдэ-ван 신대왕/新大王	165–179 гг.	22. Анджан-ван 안장왕/安藏王	519–531 гг.
9. Когукчхон-ван 고국천왕/故國川王	179–197 гг.	23. Анвон-ван 안원왕/安原王	531–545 гг.
10. Сансан-ван 산상왕/山上王	197–227 гг.	24. Янвон-ван 양원왕/陽原王	545–559 гг.
11. Тончхон-ван 동천왕/東川王	227–248 гг.	25. Пхёнвон-ван 평원왕/平原王	559–590 гг.
12. Чунчхон-ван 중천왕/中川王	248–270 гг.	26. Ёнъян-ван 영양왕/嬰陽王	590–618 гг.
13. Сочхон-ван 서천왕/西川王	270–292 гг.	27. Ённю-ван 영류왕/榮留王	618–642 гг.
14. Понсан-ван 봉상왕/烽上王	292–300 гг.	28. Поджан-ван 보장왕/寶藏王	642–668 гг.

Правители Пэкче 百濟

1. Онджо-ван 온조왕/祚王 18 г. до н.э. – 28 г. н.э.	16. Чинса-ван 진사왕/辰斯王 385–392 гг.
2. Тару-ван 다루왕/多婁王 28–77 г. н.э.	17. Асин-ван 아신왕/阿莘王 392–405 гг.
3. Киру-ван 기루왕/己婁王 77–128 гг.	18. Чонджи-ван 전지왕/腆支王 405–420 гг.
4. Кэру-ван 개루왕/蓋婁王 128–166 гг.	19. Куисин-ван 구이신왕/久爾辛王 420–427 гг.
5. Чхого-ван 초고왕/肖古王 166–214 гг.	20. Пию-ван 비유왕/毗有王 427–454 гг.
6. Кусу-ван 구수왕/仇首王 214–234 гг.	21. Кэро-ван 개로왕/蓋鹵王 454–475 гг.
7. Сабан-ван 사반왕/沙泮王 234 г.	22. Мунджу-ван 문주왕/文周王 475–477 гг.
8. Кои-ван 고이왕/古爾王 234–286 гг.	23. Самгын-ван 삼근왕/三斤王 477–479 гг.
9. Чхэкке-ван 책계왕/責稽王 286–298 гг.	24. Тонсон-ван 동성왕/東城王 479–501 гг.
10. Пунсо-ван 분서왕/汾西王 298–304 гг.	25. Мурён-ван 무령왕/武寧王 501–523 гг.
11. Пирю-ван 비류왕/比流王 304–344 гг.	26. Сон-ван 성왕/聖王 523–554 гг.
12. Ке-ван 계왕/契王 344–346 гг.	27. Видок-ван 위덕왕/威德王 554–598 гг.
13. Кынчхого-ван 근초고왕/近肖古王 346–375 гг.	28. Хе-ван 혜왕/惠王 598–599 гг.
14. Кынгусу-ван 근구수왕/近仇首王 375–384 гг.	29. Поп-ван 법왕/法王 599–600 гг.
15. Чхимню-ван 침류왕/枕流王 384–385 гг.	30. Му-ван 무왕/武王 600–641 гг.
	31. Ыйджа-ван 의자왕/義慈王 641–660 гг.
-

Правители Силла 新羅

1. Хёккосе 혁거세 / 赫居世	57 г. до н.э. – 4 г. н.э.	15. Кирим-ван 기림왕 / 基臨王	298–310 гг.
2. Намхэ-ван 남해왕 / 南解王	4–24 гг.	16. Хырхэ-ван 홀해왕 / 訖解王	310–356 гг.
3. Юри-ван 유리왕 / 儒理王	24–57 гг.	17. Нэмуль-ван 내물왕 / 奈勿王	356–402 гг.
4. Тхархэ-ван 탈해왕 / 脫解王	57–80 гг.	18. Сильсон-ван 실성왕 / 實聖王	402–417 гг.
5. Пхаса-ван 파사왕 / 婆娑王	80–112 гг.	19. Нульджи-ван 눌지왕 / 訥祗王	417–458 гг.
6. Чима-ван 지마왕 / 祗摩王	112–134 гг.	20. Чаби-ван 자비왕 / 慈悲王	458–479 гг.
7. Ильсон-ван 일성왕 / 逸聖王	134–154 гг.	21. Соджи-ван 소지왕 / 炤智王	479–500 гг.
8. Адалла-ван 아달라왕 / 阿達羅王	154–184 гг.	22. Чиджын-ван 지증왕 / 智證王	500–514 гг.
9. Порхю-ван 벌휴왕 / 伐休王	184–196 гг.	23. Попхын-тхэван 법흥태왕 / 法興太王	514–540 гг.
10. Нэхэ-ван 내해왕 / 奈解王	196–230 гг.	24. Чинхын-тхэван 진흥태왕 / 眞興太王	540–576 гг.
11. Чобун-ван 조분왕 / 助賁王	230–247 гг.	25. Чинджи-ван 진지왕 / 眞智王	576–579 гг.
12. Чомхэ-ван 침해왕 / 沾解王	247–261 гг.	26. Чинпхён-ван 진평왕 / 眞平王	579–632 гг.
13. Мичху-ван 미추왕 / 味鄒王	262–284 гг.	27. Сондок-ёван 선덕여왕 / 善德女王	632–647 гг.
14. Юре-ван 유례왕 / 儒禮王	284–298 гг.	28. Чиндок-ёван 진덕여왕 / 眞德女王	647–654 гг.

ПРАВИТЕЛИ ОБЪЕДИНЕННОГО СИЛЛА

Тхониль Силла

統一新羅

Династия Ким 金朝

29. Тхэджон-Муёль-ван 태종무열왕/太宗武烈王	654–661 гг.	43. Хиган-ван 희강왕/僖康王	836–838 гг.
30. Мунму-тэван 문무대왕/文武大王	661–681 гг.	44. Минэ-ван 민애왕/閔哀王	838–839 гг.
31. Синмун-ван 신문왕/神文王	681–692 гг.	45. Синму-ван 신무왕/神武王	839 г.
32. Хёсо-ван 효소왕/孝昭王	692–702 гг.	46. Мунсон-ван 문성왕/文聖王	839–857 гг.
33. Сондок-тэван 성덕대왕/聖德大王	702–737 гг.	47. Хонан-ван 헌안왕/憲安王	857–861 гг.
34. Хёсон-ван 효성왕/孝成王	737–742 гг.	48. Кёнмун-ван 경문왕/景文王	861–875 гг.
35. Кёндок-ван 경덕왕/景德王	742–765 гг.	49. Хонган-ван 헌강왕/憲康王	875–886 гг.
36. Хегон-ван 혜공왕/惠恭王	765–780 гг.	50. Чонган-ван 정강왕/定康王	886–887 гг.
37. Сондок-ван 선덕왕/宣德王	780–785 гг.	51. Чинсон-ёван 진성여왕/眞聖女王	887–897 гг.
38. Вонсон-ван 원성왕/元聖王	785–798 гг.	52. Хёгон-ван 효공왕/孝恭王	897–912 гг.
39. Сосон-ван 소성왕/昭聖王	798–800 гг.	53. Синдок-ван* 신덕왕/神德王	912–917 гг.
40. Эджан-ван 애장왕/哀莊王	800–809 гг.	54. Кёнмён-ван* 경명왕/景明王	917–924 гг.
41. Хондок-ван 헌덕왕/憲德王	809–826 гг.	55. Кёнэ-ван* 경애왕/景哀王	924–927 гг.
42. Хындок-ван 흥덕왕/興德王	826–836 гг.	56. Кёнсун-ван 경순왕/敬順王	927–935 гг.

* Носил фамилию Пак (朴).

ПРАВИТЕЛИ КОРЕЌ

高麗

Династия Ван (王朝)

1. Тхэджо 태조/太祖	918–943 гг.	22. Канджон 강종/康宗	1211–1213 гг.
2. Хеджон 혜종/惠宗	943–945 гг.	23. Коджон 고종/高宗	1213–1259 гг.
3. Чонджон 정종/定宗	945–949 гг.	24. Вонджон 원종/元宗	1259–1274 гг.
4. Кванджон 광종/光宗	949–975 гг.	25. Чхуннёль-ван	
5. Кёнджон 경종/景宗	975–981 гг.	충렬왕/忠烈王	1274–1308 гг.
6. Сонджон 성종/成宗	981–997 гг.	26. Чхунсон-ван	
7. Мокчон 목종/穆宗	997–1009 гг.	충선왕/忠宣王	1308–1313 гг.
8. Хёнджон 현종/顯宗	1009–1031 гг.	27. Чхунсук-ван	
9. Токчон 덕종/德宗	1031–1034 гг.	충숙왕/忠肅王	1313–1330 гг., 1332–1339 гг.
10. Чонджон 정종/靖宗	1034–1046 гг.	28. Чхунхе-ван	
11. Мунджон 문종/文宗	1046–1083 гг.	충혜왕/忠惠王	1330–1332 гг., 1339–1344 гг.
12. Сунджон 순종/順宗	1083 г.	29. Чхунмок-ван	
13. Сонджон 선종/宣宗	1083–1094 гг.	충목왕/忠穆王	1344–1348 гг.
14. Хонджон 헌종/獻宗	1094–1095 г.	30. Чхунджон-ван	
15. Сукчон 숙종/肅宗	1095–1105 гг.	충정왕/忠靖王	1348–1351 гг.
16. Ёеджон 예종/睿宗	1105–1122 гг.	31. Конмин-ван	
17. Инджон 인종/仁宗	1122–1146 гг.	공민왕/恭愍王	1351–1374 гг.
18. Ёйджон 의종/毅宗	1146–1170 гг.	32. У-ван 우왕/禑王	1374–1388 гг.
19. Мёнджон 명종/明宗	1170–1197 гг.	33. Чхан-ван 창왕/昌王	1388–1389 гг.
20. Синджон 신종/神宗	1197–1204 гг.	34. Конъян-ван	
21. Хиджон 희종/熙宗	1204–1211 гг.	공양왕/恭讓王	1389–1392 гг.

Таблица 3

РАЗМЕЩЕНИЕ ПОМИНАЛЬНЫХ ТАБЛИЧЕК ВАНОВ
ЧОСОНА (династия Ли) В АЛТАРЯХ ЧОНМЁ

ГЛАВНЫЙ АЛТАРЬ ЧОНДЖОН

正殿

Номер камеры / порядковый номер правления	Ваны – посмертное имя/имена (<i>мёхо</i>), годы жизни/правления; название гробницы, ее местонахождение	Королевы – посмертное имя/ имена (<i>сихо</i>); родовое имя (<i>сси</i>), годы жизни; название гробницы, ее местонахождение
		Местонахождение опускается, если королева похоронена в одной гробнице с мужем.
1/1	Тхэджо (太祖) / Тхэджо кохвандже (太祖高皇帝, с 1897 г.), 1335–1408 / 1392–1398; Конволлын (建元陵) – Парк девяти гробниц (<i>Тонгурын</i>), г. Кури, пров. Кёнги	Синий ванху (神懿王后) / Синий кохванху (神懿高皇后, с 1897 г.); Хан-сси (韓氏), 1337–1391; Черын (齊陵) – уезд Кэпхун, пров. Сев. Хванхэ (КНДР)
		Синдок ванху (神德王后) / Синдок кохванху (神德高皇后, с 1897 г.); Кан-сси (康氏), 1356–1396; Чоннын (貞陵) – Чондон, Сеул
2/3	Тхэджон (太宗), 1367–1422/ 1400–1418; Холлын (獻陵) – Комплекс гробниц <i>Хониллын</i> (獻仁陵), округ Сочхо, Сеул	Вонгён ванху (元敬王后); Мин-сси (閔氏), 1365–1420; Холлын (獻陵)
3/4	Седжон (世宗), 1397–1450/ 1418–1450; Ённын (英陵) – уезд Ёджу, пров. Кёнги	Сохон ванху (昭憲王后) / Сим-сси (沈氏), 1395–1446; Ённын (英陵)
4/7	Седжо (世祖), 1417–1468/1455–1468; Кваннын (光陵) – г. Нам Янджу, пров. Кёнги	Чонхи ванху (貞熹王后); Юн-сси (尹氏), 1418–1483; Кваннын (光陵)

Таблица 3

№/№	Ваны...	Королевы...
5/9	Сонджон (成宗), 1457–1494/ 1469–1494; Соллын (宣陵) – Парк трех гробниц (<i>Самнын конвон</i>), округ Каннам, Сеул	Конхе ванху (恭惠王后); Хан-сси (韓氏), 1456–1474; Суллын (順陵) – Парк трех гробниц, г. Пхаджу (坡州三陵), пров. Кёнги Чонхён ванху (貞顯王后); Юн-сси (尹氏), 1462–1530; Соллын (宣陵)
6/11	Чунджон (中宗), 1488–1544/ 1506–1544; Чоннын (靖陵) – Парк трех гробниц (<i>Самнын конвон</i>), округ Каннам, Сеул	Тангён ванху (端敬王后); Син-сси (愼氏), 1487–1557; Оллын (溫陵) – г. Янджу, пров. Кёнги Чангён ванху (章敬王后); Юн-сси (尹氏), 1491–1515; Хирын (禧陵) – Комплекс трех гробниц <i>Сосамнын</i> (西三陵), г. Коян, пров. Кёнги Мунджон ванху (文定王后); Юн-сси (尹氏), 1501–1565; Тхэрын (泰陵) – Комплекс гробниц <i>Тхэганнын</i> (泰康陵), округ Новон, Сеул
7/14	Сонджо (宣祖), 1552–1608/ 1567–1608; Моннын (穆陵) – Парк девяти гробниц (<i>Тонгурын</i>), г. Кури, пров. Кёнги	Ыйин ванху (懿仁王后); Пак-сси (朴氏), 1555–1600; Моннын (穆陵) Инмок ванху (仁穆王后); Ким-сси (金氏), 1584–1632; Моннын (穆陵)
8/16	Инджо (仁祖), 1595–1649/ 1623–1649; Чаннын (長陵) – г. Пхаджу, пров. Кёнги	Инёль ванху (仁烈王后); Хан-сси (韓氏), 1594–1635; Чаннын (長陵) Чаннёль ванху (莊烈王后); Чо-сси (趙氏), 1624–1688; Хвирын (徽陵) – Парк девяти гробниц (<i>Тонгурын</i>), г. Кури, пров. Кёнги
9/17	Хёджон (孝宗), 1619–1659/ 1649–1659; Ённын (寧陵) – уезд Ёджу, пров. Кёнги	Инсон ванху (仁宣王后); Чан-сси (張氏), 1618–1674; Ённын (寧陵)
10/18	Хёнджон (顯宗), 1641–1674/ 1659–1674; Суннын (崇陵) – Парк девяти гробниц (<i>Тонгурын</i>), г. Кури, пров. Кёнги	Мёнсон ванху (明聖王后); Ким-сси (金氏), 1642–1683; Суннын (崇陵)

№/№	Ваны...	Королевы...
11/19	Сукчон (肅宗), 1661–1720/1674–1720; Мённын (明陵) – Парк пяти гробниц (<i>Соорын</i>), г. Коян, пров. Кёнги	Ингён ванху (仁敬王后); Ким-сси (金氏), 1661–1680; Иннын (翼陵) – г. Коян, пров. Кёнги Инхён ванху (仁顯王后); Мин-сси (閔氏), 1667–1701; Мённын (明陵) Инвон ванху (仁元王后); Ким-сси (金氏), 1687–1757; Мённын (明陵)
12/21	Ёнджо (英祖), 1694–1776/1724–1776; Воллын (元陵) – Парк девяти гробниц (<i>Тонгурын</i>), г. Кури, пров. Кёнги	Чонсон ванху (貞聖王后); Со-сси (徐氏), 1692–1757; Хоннын (弘陵) – Парк пяти гробниц (<i>Соорын</i>), г. Коян, пров. Кёнги Чонсун ванху (貞純王后); Ким-сси (金氏), 1745–1805; Воллын (元陵)
13/22	Чонджо (正祖) / Чонджо сонхвандже (正祖宣皇帝, с 1899 г.), 1752–1800/1776–1800; Коннын (健陵) – Комплекс гробниц <i>Юнгоннын</i> (隆健陵), г. Сувон, пров. Кёнги	Хёый ванху (孝懿王后) / Хёый сонхванху (孝懿宣皇后, с 1899 г.); Ким-сси (金氏), 1753–1821; Коннын (健陵)
14/23	Сунджо (純祖) / Сунджо сукхвандже (純祖肅皇帝, с 1900 г.), 1790–1834/1800–1834; Иннын (仁陵) – Комплекс гробниц <i>Хониллын</i> , округ Сочхо, Сеул	Сунвон ванху (純元王后) / Сунвон сукхванху (純元肅皇后, с 1900 г.); Ким-сси (金氏), 1789–1857; Иннын (仁陵)
15/–	Мунджо (文祖) / Икчон (翼宗) / Мунджо икхвандже (文祖翼皇帝, с 1899 г.), 1809–1830; Сурын (綏陵) – Парк девяти гробниц (<i>Тонгурын</i>), г. Кури, пров. Кёнги	Синджон ванху (神貞王后) / Синджон икхванху (神貞翼皇后, с 1899 г.); Чо-сси (趙氏), 1808–1890; Сурын (綏陵)
16/24	Хонджон (憲宗) / Хонджон сонхвандже (憲宗成皇帝), 1827–1849/1834–1849; Кённын (景陵) – Парк девяти гробниц (<i>Тонгурын</i>), г. Кури, пров. Кёнги	Хёхён ванху (孝顯王后) / Хёхён сонхванху (孝顯成皇后); Ким-сси (金氏), 1828–1843; Кённын (景陵) Хёджон ванху (孝定王后) / Хёджон сонхванху (孝定成皇后); Хон-сси (洪氏), 1831–1903; Кённын (景陵)

Таблица 3

№/№	Ваны...	Королевы...
17/25	Чхольчон (哲宗) / Чхольчон чанхвандже (哲宗章皇帝), 1831–1863/1849–1863; Йерын (睿陵) – Комплекс трех гробниц <i>Сосамнын</i>, г. Коян, пров. Кёнги	Чхорин ванху (哲仁王后) / Чхорин чанхванху (哲仁章皇后); Ким-сси (金氏), 1837–1878; Йерын (睿陵)
18/26	Коджон (高宗) / Кванму хвандже (光武皇帝, 1897–1907) / Коджон тхэхвандже (高宗太皇帝), 1852–1919/1863–1907; Хоннын (洪陵) – Комплекс гробниц <i>Хонъюрын</i> (洪裕陵), г. Нам Янджу, пров. Кёнги	Мёнсон ванху 明成王后 / Мёнсон тхэхванху (明成太皇后, с 1897 г.); Мин-сси (閔氏), 1851–1895; Хоннын (洪陵)
19/27	Юнхи хвандже (隆熙皇帝) / Сунджон хёхвандже (純宗孝皇帝), 1874–1926/1907–1910; Юрын (裕陵) – Комплекс гробниц <i>Хонъюрын</i>, г. Нам Янджу, пров. Кёнги	Сунмён хёхванху (純明孝皇后); Мин-сси (閔氏), 1872–1904; Юрын (裕陵) Сунджон хёхванху (純貞孝皇后); Юн-сси (尹氏), 1894–1966; Юрын (裕陵)

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ АЛТАРЬ ЁННЁНДЖОН

永寧殿

Центр

Номер камеры	Предки основателя династии – посмертное имя; годы жизни; название гробницы; ее местонахождение	Жены предков – посмертное имя; родовое имя (<i>сси</i>); название гробницы; ее местонахождение
Все гробницы предков Тхэджо расположены в пров. Юж. Хамгён, КНДР.		
1	Мок-ван (穆王, 1392–1411) / Мокчо (穆祖), ?–1274; Тоннын (德陵) – уезд Йонгван-гун	Хёгон ванху (孝恭王后); Ли- <i>сси</i> (李氏)*; Аллын (安陵) – уезд Йонгван-гун
2	Ик-ван (翼王, 1392–1411) / Икчо (翼祖), ?–?; Чирын (智陵) – уезд Анбён-гун	Чонсук ванху (貞淑王后); Чхве- <i>сси</i> (崔氏); Суннын (淑陵) – уезд Мунчхон-гун
3	То-ван (度王) / Тоджо тэван (度祖大王), ?–1342; Ёйрын (義陵) – г. Хамхын	Кёнсун ванху (敬順王后); Пак- <i>сси</i> (朴氏); Суллын (純陵) – г. Хыннам
4	Хван-ван (桓王) / Хванджо тэван (桓祖大王), 1315–1361; Чоннын (定陵) – г. Хамхын	Ёйхе ванху (懿惠王后); Пак- <i>сси</i> (崔氏); Хварын (和陵) – г. Хамхын

* Единственная чосонская королева с фами-
лией Ли. При Седжоне был наложен запрет
на браки членов правящей фамилии с пред-
ставителями кланов с этой фамилией.

Западный придел (西夾)

Номер камеры / порядковый номер правления	Ваны – посмертное имя/имена (<i>мёхо</i>), годы жизни/правления; название гробницы, ее местонахождение	Королевы – посмертное имя/ имена (<i>сихо</i>); родовое имя (<i>сси</i>), годы жизни; название гробницы, ее местонахождение
5/2	Чонджон (定宗, с 1681 г.), 1357–1419/1398–1400; Хурын (厚陵) – г. Кэсон, КНДР	Чонан ванху (定安王后, с 1681 г.), Ким-сси (金氏); 1355–1412; Хурын (厚陵)
6/5	Мунджон (文宗), 1414–1452/1450–1452; Хёллын (顯陵) – Парк девяти гробниц (<i>Тонгурын</i>), г. Кури, пров. Кёнги	Хёндок ванху (顯德王后, до 1457 г. и с 1699 г.); Квон-сси (權氏), 1418–1441; Сорын (昭陵, до 1457 г.) – Хёллын (顯陵, с 1512 г.)
7/6	Танджон (端宗大王, с 1698 г.), 1441–1457/1452–1455; Чаннын (莊陵) – уезд Йонволь, пров. Канвон	Чонсун ванху (定順王后, с 1698 г.); Сон-сси (宋氏); 1440–1521; Сарын (思陵) – г. Нам Янджу, пров. Кёнги
8/–	Токчон (德宗, с 1469 г., отец Сонджона); 1438–1457; Кённын (敬陵) – Парк пяти гробниц (<i>Соорын</i>), г. Коян, пров. Кёнги	Сохе ванху (昭惠王后); Хан-сси (韓氏), 1437–1504; Кённын (敬陵)
9/8	Йеджон (睿宗), 1450–1469/ 1468–1469; Чханнын (昌陵) – Парк пяти гробниц (<i>Соорын</i>), г. Коян, пров. Кёнги	Чансун ванху (章順王后, с 1469 г.); Хан-сси (韓氏), 1445–1461; Коннын (恭陵) – Парк трех гробниц, г. Пхаджу, пров. Кёнги
		Ансун ванху (安順王后); Хан-сси (韓氏), 1445?–1498; Чханнын (昌陵)
10/12	Инджон (仁宗), 1515–1545/ 1544–1545; Хёрын (孝陵) – Комплекс трех гробниц <i>Сосамнын</i> , г. Коян, пров. Кёнги	Инсон ванху (仁聖王后); Пак-сси (朴氏), 1514–1577; Хёрын (孝陵)

Восточный придел (東夾)

Номер камеры / порядковый номер правления	Ваны – посмертное имя/имена (<i>мёхо</i>), годы жизни/правления; название гробницы, ее местонахождение	Королевы – посмертное имя/ имена (<i>сихо</i>); родовое имя (<i>сси</i>), годы жизни; название гробницы, ее местонахождение
11/13	Мёнджон (明宗), 1534–1567/ 1545–1567; Каннын (康陵) – Комплекс гробниц <i>Тхэганнын</i> , округ Новон, Сеул	Инсун ванху (仁順王后); Сим-сси (沈氏), 1532–1575; Каннын (康陵)
12/–	Вонджон (元宗, отец Инджо), 1580–1619; Чаннын (章陵) – г. Кимпхо, пров. Кёнги	Инхон ванху (仁獻王后); Ку-сси (具氏), 1578–1626; Чаннын (章陵)
13/20	Кёнджон (景宗), 1688–1724/ 1720–1724; Ыйрын (懿陵) – округ Сонбук, Сеул	Таный ванху (端懿王后); Сим-сси (沈氏), 1686–1718; Херын (惠陵) – Парк девяти гробниц (<i>Тонгурын</i>), г. Кури, пров. Кёнги.
		Соный ванху (宣懿王后); О-сси (魚氏), 1705–1730; Ыйрын (懿陵)
14/–	Чинджон (眞宗, с 1776 г., приемный отец Чонджо) / Чинджон сохвандже (眞宗昭皇帝, с 1908 г.), 1719–1728; Ённын (永陵) – Парк трех гробниц, г. Пхаджу, пров. Кёнги	Хёсун ванху (孝純王后); Чо-сси (趙氏), 1715–1751; Ённын (永陵)
15/–	Чанджо (莊祖, с 1899 г., отец Чонджо) / Чанджо Ыйхвандже (莊祖懿皇帝, с 1903 г.), 1735–1762; Юннын (隆陵) – Комплекс гробниц <i>Юнгоннын</i> , г. Сувон, пров. Кёнги	Хонгён ванху (獻敬王后, с 1899 г.) / Хонгён Ыйхванху (獻敬懿皇后, с 1903 г.); Хон-сси (洪氏), 1735–1815; Юннын (隆陵)
16/–	Ыймин хвантхэджа (懿愍皇太子); 1897–1970; Ёнвон (英園) – Комплекс гробниц <i>Хонъюрын</i> (洪裕陵), г. Нам Янджу, пров. Кёнги	Ыймин тхэджаби (懿愍太子妃); Ли-сси (李氏) / Насимотономия Масако (梨本宮方子), 1901–1989; Ёнвон (英園)

I. От «первого среди равных» к «первому среди людей»

- ¹ http://en.wikipedia.org/wiki/Rulers_of_Korea#Je.
- ² <http://imperia.lirik.ru/index.php/content/view/167/20/1/20/>
- ³ *Ким Бусик*. Самгук саги (Исторические записи трех государств). Кн. 1. С. 179.
- ⁴ *Джарылгасинова Р.Ш.* Древние когурёсцы. С. 47; *Глухарева О.Н.* Искусство Кореи с древнейших времен до конца XIX века. С. 36.
- ⁵ *Ким Бусик*. Самгук саги (Исторические записи трех государств). Кн. 2. С. 74–76.
- ⁶ Там же. С. 171.
- ⁷ Там же. С. 44.
- ⁸ *Тихонов В.М.* История Кореи... С. 333; То же в кн.: *Тихонов В.М., Кан Мангиль*. История Кореи. В 2-х тт. Том 1. С древнейших времен до 1904 года (Тихонов В.М.). С. 278–79.
- ⁹ Описание Кореи. Изд. 2-е, сокр. С. 257.
- ¹⁰ *Grayson J.* Korea – A Religious History. P. 107.
- ¹¹ *Palmer S.J.* Confucial Rituals in Korea. P. 15.
- ¹² *Kang Sook Ja.* The Role of King Sejong in Establishing the Confucian Ritual Code... P. 78.
- ¹³ *Grayson J.* Ibid. P. 109.
- ¹⁴ Цит. по: *Moon Joong-Yang.* Re-Thinking “Independence” of Science and Technology during King Sejong’s Reign. P. 40.
- ¹⁵ *Концевич Л.Р.* Корееведение. Избранные работы. С. 62.
- ¹⁶ Там же. С. 62.
- ¹⁷ *Пак Ёнгу.* Летописи династии Чосон в одном томе. С. 71.
- ¹⁸ *Moon Joong-Yang.* Ibid. P. 42.
- ¹⁹ http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/DA_TUN-VELIKOE_EDINENIE.html
- ²⁰ *Конрад Н.И.* Очерки истории китайской литературы... С. 121.
- ²¹ *Moon Joong-Yang.* Ibid. Pp. 51–59.
- ²² *Кукчо погам*. Квон 52. Цит. по кн.: *Ланьков А.Н.* Политическая борьба в Корее в XVI–XVIII вв. С. 137.
- ²³ *Ланьков А.Н.* Политическая борьба в Корее XVI–XVII вв. С. 108.
- ²⁴ Там же. С. 177.
- ²⁵ Ёнджо – <http://kr.dictionary.search.yahoo.com/>
- ²⁶ *Хан Ёну.* Восьмидневное шествие Чонджо в Хванскую крепость. С. 76.
- ²⁷ *Цунода Фусако.* Убийство королевы Мин. С. 53.
- ²⁸ *Choe, Ching Young.* The Rule of the Taewon’gun 1864–1873. Pp. 62–63.
- ²⁹ Там же. С. 68–69.
- ³⁰ *Grayson J.* Ibid. P. 136.
- ³¹ *Choe, Ching Young.* Ibid. P. 76, 213.
- ³² Interview with James Palais // *Pioneers of Korean Studies.* P. 577.
- ³³ Изложение истории корейско-японских отношений приводится по кн.: *Choe, Ching Young.* Ibid. Pp. 134–165.

- ³⁴ *Ён Кансу*. Чосон-гва Росиа-ый куккён сурип-ква Чосон чонбу-ый тэын (Установление корейско-русской границы и отклик корейского правительства) // Хангуг-есой Росиа имиджи... (Образ России в Корее...). Материалы международной научной конференции. Новосибирский ГУ, 2009.
- ³⁵ Цит. по кн.: *Пак Б.Д.* Россия и Корея. М., 1979. С. 77, 58.
- ³⁶ *Lee Yur-Bok*. West Goes East. Paul Georg von Mollendorff and Great Power Imperialism in Late Yi Korea. P. 95.
- ³⁷ *Хо Тонхён*. Кындэ (1876–1945) хангугин-ый Росиа инсик // Хангуг-есой Росиа имиджи... (Образ России в Корее...).
- ³⁸ *Песоцкий В.* Корея накануне аннексии. Император Кореи и его двор. С. 11–12, 2–3.
- ³⁹ Там же. С. 2.
- ⁴⁰ *Ким Гван Чжин, Ким Ген Ин*. Русско-японская война и падение династии Ли... С. 134–186.
- ⁴¹ *Зенина Л. В.* Из истории национально-освободительного движения в Корее в 1900–1917 гг. С. 58–61.
- ⁴² *Пак Б.Д.* Освободительная борьба корейского народа накануне Первой мировой войны. С. 39.
- ⁴³ Стенографический отчет судебного процесса над Ан Чунгыном 7–16 февраля 1910 г. // РГИА. Фонд 560. Опись 28. Дело 422. Листы 11, 117. Цит по кн. *Пак Б.Д.* Возмездие на Харбинском вокзале. С. 95–96.
- ⁴⁴ *Grayson J.* Ibid. P. 204.
- ⁴⁵ *Тихонов В.М., Кан Мангиль*. История Кореи. В 2-х тт. Том 2 – XX век. 1905–1945 гг. (*Тихонов В.М.*). С. 89.
- ⁴⁶ *Хонда Сечхыко (Хонда Сецуко)*. Пирён-ый хвантхэджа пи (Супруга наследника – разбитая судьба). Пер. с японского. Сеул: Помуса, 1989. Цит. по кн.: *Чон Помджун*. Потомки империи. С. 75.
- ⁴⁷ *Чон Помджун*. Указ. соч. С. 81.
- ⁴⁸ Там же. С. 107–117.
- ⁴⁹ Там же. С. 125.
- ⁵⁰ *Yi Pangja*. The World is One. Princess Yi Pangja's Autobiography. Pp. 55–56.
- ⁵¹ *Neilan Edward*. The next King of Korea? Korea Herald, 20–01–1996.
- ⁵² «Известия». 9 октября 2010 г. <http://www.vsesmi.ru/news/4556159/7458032/>
- ⁵³ <http://russian.people.com.cn/31521/7175120.html>
- ⁵⁴ *Забровская Л.В.* Китай и КНДР: курс на сохранение регионального статус-кво. С. 26–33. II.

II. Живое наследие ванов

- ¹ Korea Herald (Seoul). January 17, 1996.
- ² *Cho Uhn*. Positioning the Korean Wave in the Nexus between Globalization and Localization. P. 144.
- ³ *Cho Hae-Joang*. Reading the «Korean Wave» as a Sign of Global Shift. P. 168.

- ⁴ http://world.lib.ru/k/kim_o_i/aaaaaa.shtml
- ⁵ http://www.korea.net/News/News/NewsView.asp?serial_no=20080821001
- ⁶ Хэве хангукхак пэксо (Белая книга зарубежного корееведения). Сеул: Ырю мунхваса, 2007. Рр. 391–400.
- ⁷ http://en.wikipedia.org/wiki/Princess_Hours
- ⁸ Чунан ильбо. 25 ноября 2008 г. <http://joongangdaily.joins.com/article/view.asp?aid=2897762>.
- ⁹ Син Пёнджу. Выдающиеся литературные памятники Чосона. С. 5.
- ¹⁰ Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия. М., 1951. С. 570.
- ¹¹ Gale G. Korea in Transition; Kemp E.G. The Face of Korea. 1911. Gilmore George. Korea from Its Capital. Philadelphia, 1892, и др.
- ¹² Карнеев и др. Росиа чангё Чосон ёхэнги (Путешествие русских офицеров по Чосону). Пер. А. Иргебаева и Ким Чонхва. Сеул: Тая мидио, 1994. См. также: Карнеев и др. Не-га пон Чосон, чосонин (Корея и корейцы, которых я видел). Сеул: Каянет, 2003.
- ¹³ Кореа. 1903нён каыль, Росиа хакча Серосепхысыкхи-ый Тэхан Чегук кёнмуннок (Корея. Записки наблюдений русского ученого Серошевского: Империя Тэхан, осень 1903 г.). Пер. Ким Чинён. Сеул: Кэма ковон, 2006.
- ¹⁴ Пак Порисы. Росиа Чегук сог-ый ханиндыль (Кыктонги) [Пак Б. Д. Корейцы в Российской Империи (Дальний Восток)]. Пер. Ли Ёнбом, Ли Ёнджа. Изд-во университета г. Чхоньджу, 2001.
- ¹⁵ Сурём пихва (Хангук ясэнь тонмульги) [Рассказы о секретах охоты (Дикие животные Кореи)]. Сеул: Пагуса, 1965. С. 152–153); Ли Санно. Великие охотники мира. Сеул: Чиммундан, 1969. С. 10–13.
- ¹⁶ Хон Сумин. Рассказ о наших дворцах. С. 7.
- ¹⁷ Пак Ёнгю. Указ. соч. С. 3–4.
- ¹⁸ Пён Вонним. Ёкса сог-ый Хангук ёин (Женщины в корейской истории). Сеул: Ыльчиса, 1995; Ее же. Коджон-гва Мёнсон (Коджон и Мёнсон). Сеул: Кукхак чарёвон, 2002.
- ¹⁹ Пён Вонним. Королевы Чосона. Сеул, 2006. С. 3–4.
- ²⁰ Чхве Мунхён и др. Убийство императрицы Мёнсон. Сеул, 1992.
- ²¹ Тэхан мэиль. 10 июня 2002 г.
- ²² Кан Мангиль. Кочхё ссын Хангук хёндэса (Исправленная новейшая история Южной Кореи). Сеул: Чанби, 2007. С. 255.
- ²³ Lee Chanhun. History of Korean–Russian Relations in the Period of King Kojong (1863–1907) // Search of Ways for Improvement Historical Text-Books in Order to Develop Mutual Understanding Between the ROK and Russia. KEDI, 1992. Рр. 31, 62.
- ²⁴ Син Нью. Кут ёк Пукчон ильги (Подневные записи о служении в северных землях в переводе на современный корейский язык). Пер. и коммент. Пак Тхэгына. Соннам: Академия корееведения, 1980.
- ²⁵ Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. Том 1. 1608–1683. М.: ИВ АН СССР, 1969.

- ²⁶ Они были опубликованы в журнале «Тона» (1974. № 8) и в Сборнике материалов международной конференции «19сеги хубан-ый Хан-Ён-Но кванге (Комундо сакон)» [Отношения Кореи, Англии и России во второй половине XIX века (события на Комундо 1885 г.)] / Институт им. вана Седжона. Сеул, 1987.
- ²⁷ *Пак Тхэгын*. Росиа-ый тонбан кённик-ква сугё иджон-ый ханно кёсоп (1861нён иджон) [Россия в чужих землях на Востоке и корейско-русские контакты до установления отношений (до 1861 г.)] // Ханно кванге 100нёнса (Столетняя история корейско-российских отношений). Сеул, 1984. См. также: *Симбирцева Т.М.* Российско-корейские контакты в Пекине в конце XVII – середине XIX вв. (по дневникам корейских послов) // Проблемы Дальнего Востока. 1998, № 6. С. 84–96.
- ²⁸ *Park Tae-keun*. Reflections on the Encounter between Korean and the Third Civilization (Russian) in China // *Sungkyun Journal of East Asian Studies*. Vol. 3. No. 1. Feb. 2003. P. 183.
- ²⁹ Росиа куннип мунсо погвансо соджан Хангук кванге мунсо ёяк-чип (The Catalogue of Abridged Materials, Preserved in Russian Archives and Related to Korea). Сост. и пер. Пак Чонхё / Корейский Фонд. Сеул, 2002.
- ³⁰ *Пак Чонхё*. Россия и Корея. 1895–1898. М., 1993. *Его же*. Русско-японская война 1904–1905 гг. и Корея. М., 1997.
- ³¹ Росиа Ёнбан вемусон Тэхан чончхэк чарё (Документы МИД Российской Федерации о Корейской Империи). Тт. I, II. Сеул: Сонин, 2010.
- ³² *Lensen G.A.* Balance of Intrigue. International Rivalry in Korea & Manchuria. 1884–1899. In 2 vol. University Press of Florida, 1983.
- ³³ *Чхве Мунхён*. Росиа-ый намха-ва Ильбон-ый Хангук чхимняк (Русская политика «продвижения на юг» и японская агрессия в Корею). Сеул: Чисик санопса, 2007. Рр. 28–29.
- ³⁴ *Покотилов Д.Д.* Корейский ван Коджон в русской миссии // Корея глазами россиян (1895–1945). М., 2008. С. 33–34.
- ³⁵ *Пак Чонхё*. Россия и Корея. 1895–1898. С. 11.
- ³⁶ *Троцевич А.Ф.* За время дипломатической службы... С. 69.
- ³⁷ http://ru.wikipedia.org/wiki/Вебер,_Карл_Иванович
- ³⁸ *Пак Чонхё*. Россия и Корея. 1895–1898. С. 32.
- ³⁹ *Ким Чондон*. Хангук кындэ кончхуг-е исосо соян кончхуг-ый чони-ва кы ёнхян-е кванхан ёнгу (Изучение проникновения западной архитектуры и его влияния на корейскую архитектуру нового времени). Рукопись докторской диссертации. Сеул: Ун-т Хоник, 1990. С. 196.
- ⁴⁰ *Крашенинников А.Ф.* Русский архитектор-самоучка в Корею // Дальний Восток: проблемы развития архитектурно-строительного комплекса. Третьи чтения памяти проф. Даниловского / Гос. техн. ун-т. Хабаровск, 2000. С. 81–83. То же, испр.: *Его же*. Раскопки в пропасти забвения. Воспоминания о XX веке. М.: Совпадение, 2008. С. 255–258.

- ⁴¹ *Чу Сигён*. Тэхан куго мунбоп (Грамматика корейского языка [страны Тэхан]) (1906); *Его же*. Куго мунджон ымхак (國語文典音學, Грамматика и фонетика корейского языка) (1908), *Его же*. Куго мунбоп (Грамматика корейского языка) (1910).
- ⁴² *Мин Ёнхван*. Хэчхон чхубом 海天秋帆. 1896нён Мин Ёнхван-ый сеге ильчу (Парус в море под осенним небом. Кругосветное путешествие Мин Ёнхвана 1896 г.). Сост. и пер. с ханмуна Чо Чэгон. Сеул: Чхэк-ква хамкке, 2007.
- ⁴³ *Хван Хён*. Мэчхон ярок. Чисигин нун-ыро парапо-нын кэхва-ва мангуг-ый ёкса (Записки Мэчхона. Период «открытия» и международная история глазами интеллигента). Пер. с ханмуна Хо Кёнджин. Сеул: Сохе мунджип, 2006. С. 7.
- ⁴⁴ <http://cafe.daum.net/youngheecho>
- ⁴⁵ *Hamel H.* Hamel's Journal and a Description of the Kingdom of Korea. 1653–1666. Transl from the Dutch Manuscript Br. Jean-Paul Buys. RAS-KB, 1994 (2nd ed. 1998); *Deuchler M.* Confucian Gentlemen and Barbarian Envoys: the Opening of Korea. 1875–1885. 1977; *Clark D. & Grayson J.* Discovering Seoul: A Historical Guide. 1986; *Ledyard G.* The Dutch Come to Korea. 1971; *Palmer S.J.* Korea and Christianity: The Problem of Identification and Tradition, 1967; etc.
- ⁴⁶ *Bishop I.B.* Korea and Her Neighbours. RAS-KB, 1970 (2nd ed. – 1983); *Allen H.N.* Things Korean. RAS-KB, 1975; *Sands W.F.* Undiplomatic Memories. The Far East 1896–1904; *Underwood L.H.* Fifteen Years among the Topknots. *Underwood L.H.* Underwood of Korea. Seoul: RAS-KB, 1983; etc.
- ⁴⁷ *Harris Catherine.* Royal relics? // Arirang. Summer 2008. Pp. 38–41; *Underwood H.G.* The Korea Branch of the Royal Asiatic Society: The First One Hundred Years // Transactions of the RAS-KB. Centennial Edition. Vol. 75. 2000. Pp. 1–8.

III. Наследие ванов и государство

- ¹ *Grayson J.H.* Ibid. P. 50.
- ² *Елисеев Д.Д.* Заметки о Ким Пусике (1075–1151). С. 71.
- ³ Письмо Ким Пусика при подношении [вану] Исторических записей Трех Государств // *Ким Бусик*. Самкук саги. Кн. 1. Летописи Силла. М., 2001. С. 61–62.
- ⁴ *Tikhonov V.M.* Mikhail N. Pak // *Pioneers of Korean Studies*. Pp. 357–386.
- ⁵ A History of the Early Korean Kingdom of Paekche. With an annotated translation of The Paekche Annals of the Samguk Sagi by Jonathan W. Best. Harvard University Press, copyright 2006, 555 pages. (Harvard East Asian Monographs 256).
- ⁶ *Sin Myung-ho.* Joseon Royal Court Culture. P. 266; *Ланьков А.Н.* Указ. соч. С. 8.
- ⁷ *Син Пёнджу*. Выдающиеся литературные памятники Чосона. С. 261.
- ⁸ *Ким Кису*. Сагваны, писавшие историю на месте событий. С. 11.

-
- ⁹ Юн Ёнин. «Истинные записи династии Чосон». Море истины, где содержится все о Чосоне... С. 276, 280–283.
- ¹⁰ Подробно об этом см.: Симбирцева Т.М. Фрегат «Паллада» у корейских берегов // Восточная коллекция. 2002, № 3. С. 66–73.
- ¹¹ Пак Тхэгын. Россия в чужих землях на Востоке и корейско-русские контакты до установления отношений (до 1861 г.) // Столетняя история корейско-российских отношений. Сеул, 1984. С. 33–41.
- ¹² Пак Б.Д. Россия и Корея. М., 1979. Изд. 2-е, доп. М., 2004. *Его же.* Корейцы в Российской империи. Иркутск, 1994.
- ¹³ Shin Myung-ho. Effective Use of Information on the Web for Korean History Courses Taught in English... Р. 80.
- ¹⁴ Ко Херён. Деятельность Комитета по составлению национальной истории и сбор документов за рубежом... С. 153, 163–165.
- ¹⁵ Пак Хонган. Значение и методика составления «Подлинных записей династии Чосон». С. 8–15.
- ¹⁶ Юн Ёнин. Указ. соч. С. 278.
- ¹⁷ <http://www.cyworld.com/glassriver/263904>
- ¹⁸ <http://blog.naver.com/ranote/80033353558>
- ¹⁹ Сеульский вестник. Октябрь 2007.
- ²⁰ <http://imperia.lirik.ru/index.php/content/view/167/20/1/20/>
- ²¹ Ли Чханхва. Совершенство ландшафтного дизайна королевских мемориальных комплексов эпохи Чосон. С. 10.
- ²² Сайт российского Национального центра опеки наследия. <http://www.ntrust.ru/public.cms/?eid=688968>
- ²³ <http://www.unesco.ru/rus/pages/nac/Admin28032005172022.php>
- ²⁴ См. подробнее в кн.: Петров Л.А. Воссоздание героического прошлого: современная историография КНДР и древнее государство Когурё // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 8. СПб., 2005. С. 175–197; Байингтон М. (Гарвардский ун-т, США). Создание «малой народности» в древности (Когурё в китайской историографии). Пер. с англ. // Российское корееведение. Альманах. Вып. 4. М., 2004 С. 91–117.
- ²⁵ <http://www.rmhb.com.cn/chpic/htdocs/russia/200811/news/05.html>
- ²⁶ <http://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?NewsID=7771;>
<http://heritage.unesco.ru/index.php?id=44&L=9>
- ²⁷ <http://english.yonhapnews.co.kr/> (31 июля 2009 г.).
- ²⁸ <http://www.unesco.org/bpi/rus/pdf/03-83-Russe.pdf>
- ²⁹ http://www.cha.go.kr/korea/heritage/world_heritage/world_intangible_06.jsp?mc=KS_01_03_02

IV. Летописи династии Чосон

- ¹ Пак М.Н. Ким Бусик как историк // Ким Бусик. Самгук саги. Кн. 2. С. 11.
- ² Пак Хонган. Указ. соч. С. 13.
- ³ Юн Ёнин. Указ. соч. С. 277–297.

- ⁴ *Чхве Мунхен*. Хан-но сугё-ый пэгён-гва кёнви (Фон и обстоятельства установления корейско-российских отношений) // Хан-Но кванге 100нёнса (Столетняя история корейско-российских отношений) / Общество по изучению корейской истории. Сеул, 1984. С. 50; *Сон Джонхван*. Росиа-ый Чосон чхимнякса (История русской агрессии в Корее). Сеул, 1990. С. 45.
- ⁵ *Вон Джэён*. 19сеги Чосон-ый Росиа инсик-ква мунхо кэбаннон (Представление о России в Корее в XIX в. и теория «открытия дверей») // Хангук мунхва. 1999. Вып. 23. С. 199; *Key-Huik Kim*. Opening of Korea. A Confucian Response to the Western Impact. Seoul: Institute for Modern Korean Studies, Yonsei University, 1999; и др.
- ⁶ *Пак Б.Д.* Корейцы в Российской империи. Иркутск, 1994. С. 27.
- ⁷ *Петров А.И.* Корейская диаспора на Дальнем Востоке России 60–90-е годы XIX века. Владивосток: ДВО РАН, 2000. С. 83.
- ⁸ *Ён Кансу*. Тэвонгун чипквонги пугук канбён чончхэк ёнгу (Изучение политики «богатое государство – сильная армия» времен правления Тэвонгуна). СНУ, 2001.
- ⁹ Сообщение ЦТАК от 28 июля 2009 г. (<http://www.kcna.co.jp>).
- ¹⁰ *Син Пёнджу*. Указ. соч. С. 251, 279.
- ¹¹ Там же. С. 249–271.
- ¹² *Shin Byung Zu*. Culture in Documents from the Joseon Dynasty and Euigwe... P. 184.
- ¹³ *Малявин В.* Указ. соч. С. 182–187.
- ¹⁴ *Хан Ёну*. Восьмидневное шествие Чонджо в Хванскую крепость... С. 108–111.
- ¹⁵ Там же. С. 113.
- ¹⁶ Сообщение агентства Ёнхап от 18 августа 2010 г.
- ¹⁷ http://www.cha.go.kr/korea/heritage/world_heritage/record_treasure_05.jsp?mc=KS_01_03_03V

V. «Самый корейский из корейских дворцов»

- ¹ <http://whc.unesco.org/en/list/816>
- ² Ода хозяину пира // Шицзин (Избранные песни). Пер. А.А. Штукина. Предисловие Н. Конрада. М., 1957.
- ³ *Малявин В.* Указ. соч. С. 77.
- ⁴ *Хан Ёну*. Национальные особенности Восточного Дворца. С. 5. (далее – Хан Ёну. Указ. соч.).
- ⁵ Там же. С. 47.
- ⁶ *Bishop I. B.* Korea and Her Neighbours. Seoul: Yonsei University Press, 1970. P. 251.
- ⁷ *Чон Чхоль*. Вспоминаю о прошлом. Стихи в жанре сиджо // Одинокий журавль. С. 78.
- ⁸ *Choe, Ching Young*. The Rule of the Taewon'gun 1864-1873. P. 68.
- ⁹ Цит. по: *Хон Сунмин*. Указ. соч. С. 71.
- ¹⁰ *Пак Ёнгю*. Указ. соч. С. 267.
- ¹¹ Там же. С. 78.

-
- ¹² Хон Сунмин. Указ. соч. С. 260.
- ¹³ Ли Помджик. Что такое «ритуалы в Чонмё»? С. 85.
- ¹⁴ Koto B. An Orographic Sketch of Korea / Journal College of Sc. Imperial University. Tokyo, XIX,1,1903.
- ¹⁵ http://kr.ks.yahoo.com/service/ques_reply/ques_view.html?dnum=AAP&qnum=1550192
- ¹⁶ <http://100.empas.com/dicsearch/pentry.html?s=K&i=286924>
- ¹⁷ Тянь В.Д. Буддийские храмы средневековой Кореи. С. 65.
- ¹⁸ http://kr.ks.yahoo.com/service/ques_reply/ques_view.html?dnum=AAP&qnum=1550192
- ¹⁹ Grayson J.H. Ibid. Pp. 98–100.
- ²⁰ Пак Ёнъю. Указ. соч. С. 30.
- ²¹ Хон Сунмин. Чхандоккун-гва Хувон (Чхандоккун и Хувон). Предоставленная автору настоящей книги неопубликованная рукопись. С. 1. (далее – Хон Сунмин. Рукопись), см. также: Хон Сунмин. Рассказ о наших дворцах. С. 41. (Далее – Хон Сунмин. Указ. соч.).
- ²² Хон Сунмин. Рукопись.
- ²³ Некоторые разъяснения см. в кн.: Рю Сивон. Прогулка по истории последних лет Чосона. С. 21–22.
- ²⁴ Хон Сунмин. Указ. соч. С. 120.
- ²⁵ Бичурин И. Религии ученых // Все о Китае. Культура, религия, традиции. М., 2008. С. 293.
- ²⁶ Ли Кванхо и др. Кунгволь хёнпхан-гва чурён (Дворцовые таблички хёнпхан и чурён). В 3-х тт. Сеул, 2008.
- ²⁷ Хон Сунмин. Указ. соч. С. 117.
- ²⁸ Глухарева О.Н. Искусство Кореи с древнейших времен до конца XIX века. С. 149.
- ²⁹ Конрад Н.И. Очерки социальной организации и духовной культуры корейцев на рубеже XIX–XX вв. С. 84.
- ³⁰ Sin Myung-ho. Ibid. Pp. 24–30.
- ³¹ Хан Ёну. Указ. соч. С. 60–75; Хон Сунмин. Указ. соч. С. 168–170, 261–265.
- ³² Allen H.N. Things Korean. Seoul: Royal Asiatic Society Reprint Series, 6/д. Pp. 82–83.
- ³³ Пён Вонним. Королевы Кореи. С. 66.
- ³⁴ Koreana (на рус. яз.). Т. 4, № 2. Лето 2008. С. 44.
- ³⁵ Zitiert nach Rosalie von Möllendorff: P.G. von Möllendorff, ein Lebensbild. Otto Harrassowitz. Leipzig, 1930. Перевод на русский Ю. Игнатовой (неопубликованная рукопись).
- ³⁶ Пён Вонним. Указ. соч. С. 94–100.
- ³⁷ Ким Минсу. Основные государственные ритуалы правящего дома Чосона http://www.nodongilbo.com/index.php?doc=bbs/gnuboard.php&bo_table=people&wr_id=12
- ³⁸ Sin Myung-ho. Ibid. Pp. 91–96.
- ³⁹ Пён Вонним. Указ. соч. С. 93.
- ⁴⁰ Троцевич А.Ф. История корейской традиционной литературы. С. 174–175.
- ⁴¹ Пак Ёнъю. Указ. соч. С. 138–140.

- ⁴² Мнение историка Чо Хеджон цит. по кн. *Пён Вонним*. Указ. соч. С. 194–195.
- ⁴³ *Пён Вонним*. Указ. соч. С. 267.
- ⁴⁴ <http://www.inopressa.ru/article/28Sep2010/times/kim1.html>
- ⁴⁵ *Хон Сунмин*. Указ. соч. С. 170–171.
- ⁴⁶ Об Адаме фон Шалле см. в кн.: *Дубровская Д.В.* Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775 гг.). М.: «Крафт+», ИВ РАН, 2000. С. 112, 116, 130, 141 и пр.
- ⁴⁷ *Тихонов В.М.* История Кореи... С. 411; То же в кн.: *Тихонов В.М., Кан Мангиль*. История Кореи. В 2-х тт. Том 1. С древнейших времен до 1904 года (Тихонов В.М.). С. 342.
- ⁴⁸ *Рю Сивон*. Указ. соч. С. 89, 85, 76–78.
- ⁴⁹ *Син Мёнхо*. Цветы дворца – куннё. С. 33–40.
- ⁵⁰ См. например, <http://studioxga.net/902>
- ⁵¹ *Кондо Сиросуке*. Указ. соч. С. 106–107.
- ⁵² *Чон Помджун*. Потомки империи. С. 270.
- ⁵³ *Hamel Hendrik*. Hamel's Journal and a description of the Kingdom of Korea. 1653–1666. Trans. From the Dutch manuscript Br. Jean-Paul Buys, of Taizé. Seoul: RAS-KB, 1994. 2nd ed., revised, 1998.
- ⁵⁴ Horton-Underwood, Lilius. Fifteen Years among the Top-Knots. Seoul, 1977. (RAS-KB. Reprint Series). Pp. 10–11.
- ⁵⁵ *Кондо Сиросуке*. Указ. соч. С. 61.
- ⁵⁶ *Син Мёнхо*. Цветы дворца – куннё. С. 12.
- ⁵⁷ *Sin Myung-ho*. Ibid. Pp. 171–173; *Кондо Сиросуке*. Указ. соч. С. 59–63.
- ⁵⁸ *Хан Ёну*. Национальные особенности Восточного Дворца. С. 198.
- ⁵⁹ *Хон Сунмин*. Указ. соч. С. 281.
- ⁶⁰ *Хан Ёну*. Указ. соч. С. 27.
- ⁶¹ Habib House. The American Embassy Residence. Seoul (буклет, б/д); http://www.koreanhistory.org/board_upfile/view.php?uid=44
- ⁶² *Хан Ёну*. Указ. соч. С. 27, 280.
- ⁶³ *Хон Сунмин*. Рукопись. С. 5.

VI. Чонмё – Храм предков династии Чосон

- ¹ http://www.cha.go.kr/korea/heritage/world_heritage/culture_treasure_03.jsp?mc=KS_01_03_01
- ² *Bishop I. B.* Korea and Her Neighbours. Pp. 49–58.
- ³ *Adams E. B.* Palaces of Seoul. P. 162.
- ⁴ http://www.unesco.or.kr/whc/heritage5_6show.html
- ⁵ *Пак М.Н.* Описание корейских племен начала нашей эры (по «Сань-го чжи») // Российское корееведение. Вып. 2. С. 17–22.
- ⁶ Большой китайско-русский словарь. Т. 4. С. 434.
- ⁷ Цит. по: *Жданова Л.В.* Указ. соч. С. 40.
- ⁸ *Малявин В.* Указ. соч. С. 81.
- ⁹ Там же. С. 109–110.
- ¹⁰ *Ким Поннёлъ*. Чонмё: Живое здание для мертвых обитателей... С. 56.
- ¹¹ *Малявин В.* Указ. соч. С. 78.

- ¹² *Karlgren B.* Grammata Serica recensa. Stockholm: The Museum of Far Eastern Antiquities (1957). Billetin 29. Цит. по кн.: *Palmer S.J.* Ibid. P. 60.
- ¹³ *Sin Myung-ho.* Ibid. Pp. 227, 244. *Ким Поннёнль.* Указ. соч. С. 68.
- ¹⁴ *Сон Хеджин.* Ритуал и музыка Чонмё... С. 362–363.
- ¹⁵ *Sin Myung-ho.* Ibid. Pp. 260–262; *Ким Поннёнль.* Указ. соч. С. 59–76.
<http://www.unesco.or.kr/heritage/ich/korich.asp>
- ¹⁶ *Ли Панджа.* Севор-иё ванджо-ё (Время и династия). Цит по кн.: *Чон Помджун.* Указ. соч. С. 268–269.
- ¹⁷ http://www.unesco.or.kr/whc/heritage5_6.html
- ¹⁸ *Сон Хеджин.* Указ. соч. С. 357.
- ¹⁹ *Palmer S.J.* Ibid. Pp. 50–57.
- ²⁰ *Sin Myung-ho.* Ibid. Pp. 230–240.
- ²¹ *Pratt K. & R. Rutt.* Korea: A Historical and Cultural Dictionary. Pp. 307–308.
- ²² Там же. С. 204–208.
- ²³ Подробно о Ким Сисыпе см. в кн.: *Троцевич А.Ф.* История корейской традиционной литературы (до XX в.). С. 116–122.
- ²⁴ *Sin Myung-ho.* Ibid. P. 253.
- ²⁵ Там же. С. 258–259.
- ²⁶ *Adams E. B.* Palaces of Seoul. P. 155; *Adams E.B.* Korea Guide. A Glimpse of Corea's Cultural Legacy. P. 98.
- ²⁷ *Ли Помджик.* Что такое «ритуалы Чонмё». С. 84–86.
- ²⁸ *Малявин В.* Указ. соч. С. 80.
- ²⁹ Статьи по корейской мифологии // *Концевич Л.Р.* Корееведение. Избранные работы. С. 466.
- ³⁰ *Kang Suk Ja.* The Role of King Sejong in Establishing the Confucian Ritual Code... P. 85.
- ³¹ *Ким Пусук.* Самкук саги. Т. 1. М., 2001. С. 243.
- ³² *Kang Suk Ja.* Ibid. P. 93.
- ³³ Там же. С. 97–98.
- ³⁴ *Palmer S.J.* Ibid. Pp. 81–88.
- ³⁵ *Ким Поннёнль.* Указ. соч. С. 79, 84–85.
- ³⁶ http://asiatimes.narod.ru/story/003/korea_2.htm
- ³⁷ The Economist. September 25, 2008.
- ³⁸ *Kim Jongmyung.* Religious Rituals of Korea: Structure and Meaning... Pp. 5–9.
- ³⁹ *Grayson J.H.* Ibid. Pp. 204, 235.
- ⁴⁰ *Heonik Kwon.* Healing the Wounds of War: New Ancestral Shrines in Korea // The Asia-Pacific Journal, Vol. 24-4-09, June 15, 2009.
- ⁴¹ *Pratt K. & R. Rutt.* Ibid. P. 383.

VII. Гробницы ванов Чосона

- ¹ <http://royaltombs.cha.go.kr/>
- ² http://jikimi.cha.go.kr/english/about_new/budget.jsp
- ³ http://en.wikipedia.org/wiki/House_of_Yi
- ⁴ *Чан Ёнхун.* Геомантия королевских гробниц и история Чосона. С. 43.

- ⁵ Там же. С. 16–19.
- ⁶ *Grayson J.H.* Ibid. P.138.
- ⁷ Королевские мемориальные комплексы эпохи Чосон // *Koreana* на русском языке. Т. 5, № 1. [Весна, 2009].
- ⁸ Там же. С. 25.
- ⁹ Блокнот для похода по гробницам ванов Чосона. С. 121.
- ¹⁰ *Панченко К.* Вокруг озера Ван // Восточная коллекция. 2008, № 2. С. 69–79.
- ¹¹ Описание убранства могил дано по книгам: *Sin Myung-ho.* Ibid. Рр. 212–219, и *Чан Ёнхун.* Указ. соч. С. 32–44.
- ¹² Королевские мемориальные комплексы эпохи Чосон... С. 25.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Малявин В.* Указ. соч. С. 106.
- ¹⁵ *Sin Myung-ho.* Ibid. Рр. 221–227.
- ¹⁶ Там же. С. 166–169.
- ¹⁷ *Чан Ёнхун.* Указ. соч. С. 295.
- ¹⁸ *Oppert E.J.* A Forbidden Land: Voyages to the Korea. London: S. Low, Marston, Searle, and Rivington, 1880.
- ¹⁹ *Опперт Э.* Запретная страна. Извлечения // Сб. материалов по Азии. Вып. XXII. СПб., 1886. С. 118–130.
- ²⁰ *Wilson S.* Satanic Devils in the Hermit Kingdom // Transactions of the Royal Asiatic Society – Korea Branch. Рр. 143–160.
- ²¹ *Чан Ёнхун.* Указ. соч. С. 307–317.
- ²² *Kim Dukyu, An Yongbae.* Running for the Presidency after Secretly Moving Their Ancestral Graves to Auspicious Sites // *Sin Dong-a.* Vol. 45-2 [2002]. Рр. 183-4.
- ²³ *An Yongbae.* Correctly Predicted the Successful Election of Rho Muhyon // *Jungan Dong-a.* Vol. 365 [2002].
- ²⁴ *Lankov A.* The Dawn of Modern Korea. Рр. 77–82.
- ²⁵ *Кондо Сиросуке.* Указ. соч. С. 270–277.

VIII. Забытый принц. Вместо эпилога

- ¹ См., например, *Джарылгасинова Р.Ш.* Этническое самосознание корейцев в раннефеодальную эпоху. Автореферат докторской диссертации. Институт этнографии АН СССР, 1986.
- ² *Юн Ёнин.* «Истинные записи» династии Чосон... С. 277–297.
- ³ Все о Китае: культура, религия, традиции. М., 2003.
- ⁴ http://en.wikipedia.org/wiki/Tourism_in_South_Korea
- ⁵ *Korea Times*, June 28, 2009.
- ⁶ *Ан Чхон.* Изучение истории борьбы потомков корейского Императорского дома // Сборник научных исследований, связанных с Императорским домом. С. 267–268.
- ⁷ *Roger Dean du Mars.* Son of Choson Prince Seeking His Due//The Korea Herald, April 23, 1999.
- ⁸ *Чон Помджун.* Потомки империи. С. 525–527.
- ⁹ <http://www.imperialhouse.ru/rus/imperialhouse/succession.html>
- ¹⁰ <http://www.fontanka.ru/2010/05/28/093/>

Указатель – иероглифический словарь

Понятия и литературные произведения

- Тэх Ак Хэ Ток 岳海濱 514
 аак 雅樂 51, 482, 484
 аджэн 牙筭 485
 Аккён 樂經 (кит. Юэцзин)
 Акхак квебом 樂學軌範 61, 483
 амён 兒名 492
 ансан 案山 326
- ван 王 24
 ван седжа 85, 96, 403
 ван седже 王世弟 403
 ванби 王妃 369, 386
 ванджа 王子 85
 вандо 王道 41, 47–49, 276
 ванса 王師 324
 ванху 王后 85, 370
- веджо 外朝 347
 веджон 外殿 350
 виджон чхокса 衛正斥邪 62
 випхан 位版 486, 491
 вихо 位號 203
 вию 慰諭 65
 вон 園 67, 286, 479, 533, 564
 вонгу 園丘 356, 511–513
 вонгудан 園丘壇 356, 452, 518, 519
 вондан 園壇 512, 513
 Вонхэн ыльмё чонни ыйгве
 園幸乙卯整理儀軌 279–283, 285, 286
 Вэгван 倭館 75
- ёгволь тансандже 易月短喪制 522
 Ёккён 易經 (кит. Ицзин) 185, 324, 520
 Ёктэ кинён 歷代紀年 64
 Ёльсон одже 列聖御製 221
 Ёнбиочхонга 龍飛御天歌 130, 165
 ёнбок 練服 488
 ёнджеса 練祭祀 487
 ёнджо 燕朝 347, 350
- ёнджобый 延祚儀 518
 ёнджу 練主 486–489, 493
 ёнду 龍頭 342, 464
 ёндэги 年代記 203
 ёнсан 龍床 354
 Ёнхэннок 燕行錄 140
 ёнхо 年號 (кит. няньхао) 43
 Ёсасо 女四書 61
- Иа 爾雅 (кит. Эр я) 295
 игун 離宮 301, 302
 иду 吏讀 255, 457
 иксонгван 翼善冠 537
 ильги 日記 212, 278
 Ильсоннок 日省錄 66, 218, 221, 233, 263, 273, 274
 Ильчинхве 一進會 87
 иммёнджан 任命狀 428
 ин 人 324, 475
 ин 仁 41, 48, 297, 476
 инарон 引俄論 82
 Инджо панджон 仁祖反正 307
 инсин 印信 43
 Инхён ванху чон 仁顯王后傳 384
 ирволь обон пён 日月五峯屏 354, 355
 исагым 尼師今 32
 исо имок 二昭二穆 (кит. эр чжао эр му) 466, 503, 508
- йе 禮 (кит. ли) 27, 48, 55, 297, 475, 482, 509
 Йёги 禮記 (кит. Лицзи) 185, 321, 410, 465, 466, 509, 520
 Йёдже тыннок 厲祭膳錄 506
 Йемунгван 藝文館 354
 йесо 隸書 271
 йегах 禮學 522
 йечхиджуый 禮治主義 58
- кабо кэхёк 甲午改革 69, 72, 87
 каджан сачхо 家藏史草 214
 Какса тыннок 各司膳錄 230, 231
- камджогван 監造管 278
 кан 間 344
 кан 岡 543
 канджи 干支 205
 каннён 康寧 338
 каннёнбоп 看龍法 325
 кантхэк 揀擇 270
 капсин чонбён 甲申政變 92, 150, 169, 171
 каре 嘉禮 279, 360, 370, 510, 518
 Каре чимнам 家禮輯覽 523
 каягым 伽倻琴 48
 кваго 科擧 36, 45, 72, 265, 358
 кван 冠 536
 Квангванчхон 觀光廳 362
 Кванму 光武 44
 Квансангам 觀象監 362, 380
 Кванхевон 廣惠院 175, 179
 квиин 貴人 94, 415–416, 424
 квисок 貴石 347, 375, 378, 397, 400, 404
 квольве какса 闕外各司 365
 кволлэ какса 闕內各司 350, 361
 квольпхэ 闕牌 360
 квон 卷 (кит. цзюань) 197
 кеби 繼妃 18, 432, 563
 кемон ундон 啓蒙運動 83
 кепхум 啓稟 263
 Кечхук ыльги 癸丑日記 384
 кею чоннан 癸酉靖亂 500
 кёджи 教旨 45
 кёльпхиль 缺筆 491
 кёмён(мун) 救命(文) 65, 362
 кёмун 教文 65
 Кёнгук тэджон 經國大典 53, 54, 218, 265, 277, 371, 386, 401, 415, 427, 455, 458, 479, 515
 кёнчхон эмин 敬天愛民 60, 435
 Кёнёнчхон 經筵廳 411

- кёрин 交隣 74, 223
кёсо 敎書 45, 65
Кёсогван 校書館校 361
ки 氣 324, 543
килле 吉禮 510, 514, 515, 535
кильджи 吉地 564
кирыйджан 吉儀仗 535, 536
кисин чхинхяне 忌辰親享禮 535
Кихо хакпха 畿湖學派 522
ккот там 377
коджо 高祖 453
коджонмён 考終命 338
кодон 舉動 443, 444
кодынсин 高等神 508
коллёнпхо 袞龍袍 537
комён 顧命 43, 64
кон 功 477, 497, 502, 503
конгильджи 韃吉之 32
конджу 公主 412
конджобый 建儲議 401
кондо 公道 55
Консанчхон 供上廳 362
консин 功臣 40
Корё квонджи кукса 高麗權知國事 42
Корё тогён 高麗圖經 (кит. *Гаоли туцзин*) 189
Корё кукса 高麗國史 196, 199
Корё Тэджангён 高麗大藏經 238, 243
Корёса 高麗史 53, 189, 196–198, 202, 218, 224
Корёса чорё 高麗史節要 196
косоган 居西干 32
кугин 國印 45
куджанбок 九章服 480
кукса 國使 360
Кукса 國史 185
Куксагван 國史館 225
куксан 國喪 487, 489, 516
куксэ 國璽 45, 371, 422
Кукчагам 國子監 196
кукчан 國葬 280, 487, 488, 493, 548
Кукчо орей 國朝五禮義 277, 452, 453, 475, 489, 506, 515, 518, 535, 555
Кукчо погам 國朝寶鑑 66, 130, 218, 219, 281
Кукчо сок орей 國朝續五禮儀 61
кун 宮 67, 302
кунбан 宮房 300
кунгволь 宮闕 298, 300
Кунгвольджи 宮闕志 316
кунне 軍禮 610, 516
куннё 宮女 366, 412, 427
Куннэбу 宮內府 313
кунса 君師 62
Куунмон 九雲夢 180
кымбо 金寶 362
кымджи огёп 金枝玉葉 492
кымгван 金冠 553
кымнянгван 金梁冠 362
Кымо синхва 金鰲新話 500
кымчхонгё 禁川橋 346, 534
кынсеса 近世史 68
кэ 蓋 359, 535
кэхва ундон 開化運動 71, 82, 83
кю 圭 480, 481
Кюджан чонун 奎章全韻 65
Кюджангак 奎章閣 64, 65, 67, 218, 223, 228, 258, 259, 261, 271, 273, 291, 292, 361, 505
Ли ванга 李王家 313
Ливанджик 李王職 218, 225, 313, 429, 584
Лиджо силлок 李朝實錄 261
мангволле 望闕禮 358, 518
маннё 望燎 478
марипкан 麻立干 32
мё 廟 67, 479, 533, 568
мёллюгван 冕旒冠 480
мёндан 明堂 324, 325, 542
Мённюндан 明倫堂 196
Мёнсим погам 明心寶鑑 381
Мёнчхи юсин 明治維新 74
мёсо 墓所 67, 414
мёхо 廟號 34, 203, 212, 487–489, 493, 496–499
минджун 民衆 68
муин 武人 551
муму 武舞 477
мунан 問安 96
Мунвон побуль 文苑黼黻 65
мунджон муби 文尊武卑 99
мунин 文人 551, 553
Мунмё 文廟 191, 197, 285, 456–458, 522
мунму 文舞 477
Мунсоджон 文昭殿 387, 491, 535
мунчхиджуый 文治主義 517, 553
мусин чонквон 武臣政權 38
Мэчхон ярок 梅泉野錄 173, 175
набиль 臘日 449
наин 內人 429–430
намин 南人 56
нанчхон 郎廳 201, 278
Ноно 論語 (кит. *Луньюй*) 26, 410
Нонхён 論衡 (кит. *Лунхэн*) 129
нопхо 露布 65
норон 老論 58, 69, 414
Носангун ильги 魯山君日記 212, 500
нын 陵 86, 479, 533–534, 543–545, 548, 567, 571
нынджимун 陵誌文 205
нынхо 陵號 497, 534
самённый 三緣陵 565
ссаннын 雙陵 548
таннын 單陵 559
тонбон самсиль нын 同封三室陵 548
тонвон иган нын 同原二岡陵 548
тонвон санха нын 同原上下陵 548
хапчан нын 合葬陵 548
Нэбанвон 內班院 364
Нэбёнджо 內兵曹 362
Нэджаси 內資寺 415
нэджон 內殿 350, 366
Нэсамчхон 內三廳 362
нэси 內侍 364
Нэсуса 內需司 362
Нэхун 內訓 401
Нэыйвон 內醫院 362, 404
о 敵 485

- обо 御寶 45, 387
 обок 五福 367
 ога 御駕 342, 537
Огён тэджон 五經大全 (кит. *Уцзин да цюань*) 520
 огин 玉印 363
 одже 御製 289
Одже кёнсе мундап
 御製警世問答 61
Одже пэкхэвон 御製百行源 61
Одже часонпхён 御製自省篇 61
 оджин 御眞 60, 79, 314, 363
 оджон 御井 447
 одо 御道 352, 462
 оксэ 玉璽 45, 358, 391
 окчва 玉座 354
 окчхэк 玉冊 362, 496
 окчхэнмун 玉冊文 65, 370
 омун самджо 五門三朝 (кит. *у мынь сань чао*) 347
 онджу 翁主 412, 522, 577
 опхиль 御筆 221, 362
 орага 於羅瑕 32
 орамккон 御覽件 284
 оре 五禮 510
Оре 五禮 376, 511, 513–515, 547
 оро 御路 467
 орюн 五倫 26, 381, 457, 509
 осан 五常 297
 охэн(га) 五行(家) 41, 324, 345
 охян тэдже 五享大祭 535
 очхаго 御車庫 315
 оый 御醫 382
 оят ккот 84, 315
- пак 拍 483, 485
 пан 房 202, 278, 302
 панви 方位 324
 панго 頒敕 65
 пантхэк 方澤壇 452
 панхян 方響 484
 панчхадо 班次圖 276, 286, 488, 557
 пельгун 別宮 270, 301, 304, 577, 581
 пельмё 別廟 (кит. бемяо) 466, 503
 пёнъин яньё 丙寅洋擾 291
- пи (би) 妃 94, 113, 333
 пин 嬪 333, 389, 415, 416, 564
 Пибёнса 備邊司 71
Пибёнса тыннок 備邊司謄錄 198, 218, 221, 223, 230, 257, 263
 пинджон 殯殿 281, 359, 555
 пинне 賓禮 360, 510, 516, 518
 пинчхон 賓廳 315, 362
 писан пия 非山非野 543
 по 黼 481
 понбан наин 本房 – 人 423, 431
 понбо пуин 奉保夫人 428, 430
 понмён 本名 491, 578
 понхван 鳳凰 371
 попкун 法宮 299, 301–303
 потхэпхён 保太平 477, 478
 пу 富 338
 пу 斧 535
 пу 父 453
 пубу юбель 夫婦有別 26, 374
 Пувонгун 府院君 270
 пугин 北人 56
 пугук канбён 富國強兵 66
 пуджанпхум 副葬品 557
Пукхак ый 北學議 65
 пулломуи 不老門 164, 350
 пуль 黻 481
 пульчхонви 不遷位 502, 505
 пумёдже 耐廟祭 490
 пундан чончхи 朋黨政治 55
 пхальча 八字 412
 пхальчак 八作 340, 343, 344
 пханвидэ 版位臺 468, 469
 пхеби 廢妃 371
 пхебэк 幣帛 373, 476
 пхесыль 蔽膝 373, 480
 Пхеха 陛下 36, 38
 пхёнгён 編磬 484
 пхёнджон 便殿 334, 366, 401
 пхёнджон 編鍾 477, 484
 пхёнэк 扁額 164, 338, 342, 404
 пхённёнчхе 編年體 199
 пхумгесок 品階石 353
 Пхун Ун Нве У 風雲雷雨 512
 пхунсу(хак) 風水(學) 307, 324–331, 471, 529, 542–544, 553, 562, 566, 569
- пхунтхо пудоннон 風土不同論 51
 пэк 魄 476, 555
 Пэкту тэган 白頭大幹 322–325
 пэкхо 白虎 67, 326
 пэсан (имсу) 背山 (臨水) 326, 543
- рю/лю 旒 480
 са 社 486
 са 赦 38
 Саганвон 司諫院 361
 сагван 史官 196, 198, 205–208, 216, 219, 266, 268, 271
 Саги 史記 (кит. *Шицзи*) 28, 191
 саго 史庫 214
 садан 祠堂 337, 453
 сажиктан 社稷壇 133, 285, 295, 321, 330, 452, 454, 458, 514
 сажу пхальча 四柱八字 491
 сажемун 賜祭文 65
 садэ 事大 27, 38, 44, 46, 83, 205, 211, 223, 224, 309, 369, 516
 садэбу 士大夫 453, 466, 491
 саё 賜與 45
 саён 賜宴 407
 сам чхим – сам кун 三寢三宮 369
Самган хэнсильдо 三綱行實圖 281, 521
Самгук саги 三國史記 30, 31, 129, 130, 162, 188, 190–194, 197, 218, 328
Самгук юса 三國遺事 129, 130
Самгукчи 三國志 (кит. *Санъго чжи*) 129, 190, 192, 451
Санджон когым ый 詳定古今儀 511
 самин кукка 士民國家 66
 само 紗帽 536, 553
Самхан коги 三韓古記 190
 Санван Чонха 上王殿下 304
Сангёнпхё 山經表 322
 сангун 尙宮 380, 423, 428, 429
 сандже 祥祭 490
 санджу 喪主 487
 санне 喪禮 358
 саннянмун 上樑文 65, 317
 сансичхэк поый 上諡冊寶儀 497
 сансильчхон 產室廳 382

- сансо 上疏 263
Сансовон 尙瑞院 45, 362
сансомун 上疏文 390
Саныйвон 尙衣院 364
Саонвон 司饗院 364
Саре пхёллам 四禮便覽 475
сарим(пха) 士林(派) 54, 55, 500
сарюксин 死六臣 500
саси тхэхян 四時大享 449
сасин 四神 351, 352, 372
Сасо тэджон 四書大全 (кит. *Сышу да цюань*) 520
сасон 四聖 197, 456
сахак 私學 54
сахва 士禍 54, 55, 389
Сахонбу 司憲府 265, 361
сачхо 史草 198
седжа 世子 85, 333
Седжа квансок 世子官屬 406
седжа пин 世子嬪 366
седжаро 世子路 467
Седжа сиганвон 世子侍講院 406
седо чончхи 勢道政治 68
сейканрон 征韓論 77
сесан 勢山 543, 544
сибо 諡寶 497
Сигён 詩經 (кит. *Шицзин*) 185, 410, 455, 520
сиджан 諡狀 205
сиджо 時調 130
сиджомё 始祖廟 508
сиджонги 時政記 198, 199
Сиён мубо 時用舞譜 485
Силла коги 新羅古記 190
силлок 實錄 196–220, 224, 233, 278, 281, 410, 415, 494, 504, 506, 512, 513
сильмён 實名 267
симён чибо 施命之寶 45
син 信 49, 297
сингванне 晨裸禮 476
сингун 神宮 508
синджу 神主 486
синдоби 神道碑 530, 545
Синминхве 新民會 93
синмунго 申聞鼓 60
Синсу сонни тэджон 新修性理大典 (кит. *Синьсю синли дадянь*) 520
синхянно 神香路 467
сипчхоль 十哲 197, 457
сирхак 實學 58, 62, 65, 69, 322
сихо 諡號 46, 370, 487, 488, 491, 493, 494, 496, 497, 506, 523, 524, 547
сичхэк 諡冊 497
со Чунхва 小中華 57
собиинги 小氷期 254
совон 書院 54, 60, 72, 337, 409, 500, 523
Согён 書經 (кит. *Шуцзин*) 51, 60, 64, 185, 410, 520
Соги 書記 185
соджон 小篆 (кит. сяочжуань) 271
соён 書筵 406
сокчон 釋奠 197, 450
Сольмун хэджа 說文解字 (кит. *Шо вэнь цзе цзы*) 295
сонби 126, 173
сонбок 成服 358
сонван 聖王 48
Сонвон кебо 璿源系譜 492
Сонвон почхон 璿源譜牒 362
сонвонджон 璿源殿 334
Сонгюнгван 成均館 195–197, 241, 247, 285, 332, 456, 500, 505, 520
сонджи 宣旨 38
Сонджонгван чхон 宣傳官廳 362, 363
сонни(хак) 性理學 40, 520
сонхвандан 城隍堂 337
соный 誠意 404
соню 宣諭 263
сооль 庶孽 60, 65
сосан 西上 (кит. сишан) 466, 471, 503
сосин чибо 昭信之寶 45
Сохак 小學 (кит. *Сяосюэ*) 406, 409, 520
Сохак хуный 小學訓義 61
су 水 324
су 壽 338
сугё 受教 338
сурём чхонджон 垂簾聽政 388
сурибуджак 述而不作 206
сынджи 承旨 265, 446
Сынджонвон 承政院 265–267, 354, 361, 362, 493
Сынджонвон ильги 承政院日記 198, 199, 220, 230, 233, 243, 261–264, 268–274, 292, 506
Сынмунвон 承文院 198, 223, 361
сынын 承恩 415
сэннюксин 生六臣 500
тамдже 禪祭 490
тано 端午 535
танчхон 丹青 339, 345, 404
Таный тхонняк 黨議通略 59
тогам 都監 278, 279, 488–490, 529
ток 德 (кит. дэ) 41, 312, 405, 458–459, 462, 477, 478, 497, 502, 503
токчхиджуый 德治主義 41
Толлёнбу 敦寧府 270
Тонгвольдо 東闕圖 316, 317, 363, 370
Тонгук мунхон пиго 東國文獻備考 61, 65
тонгун 東宮 401
тондан исылъ 同堂異室 (кит. тун тан и ши) 466, 503
тонджокчон 東籍田 455
тондо соги 東道西器 83
Тонмон сонсыт 童蒙先習 381, 414
Тонмун хвиго 同文彙考 198, 223
Тоннип хёпхве 獨立協會 83, 92
тосынджи 都承旨 45
Тохвасо 圖書署/Тохвавон 圖書院 66, 168, 171
точхон 都廳 202, 278, 279
тугон 抖拱 341, 351
тханпхёнчхэк 蕩平策 60
тхаюльсон 他律性 224
тхыксубоп 得水法 326
тхэван 太王 313
тхэгё 胎教 381
тхэгык(ки) 太極(旗) 82, 532
Тхэнниджи 擇里志 61

- тхэпхёнсо 太平篇 485
 тхэсиль 太室 466, 471
 тхэсиль 胎室 279, 382
 Тхэхаг 太學 185, 196, 451
 тхэхвандже 太皇帝 313
 тынга 登架 483
 тыннок 膳錄 278, 279
 Тэ Хангук Хвандже Пхеха
     大韓國皇帝陛下 84
 Тэ Хангук кукче 大韓國國制 84
 тэби 大妃 333, 366, 386, 390,
     396, 398
 тэван тэби 大王大妃 387, 390,
     396
 тэгон чиджон 大公至正 64
 тэгун 大君 53, 69, 189, 405, 412,
     492, 493, 583
 тэгым 大金 485
 тэджон 大篆 (кит. дачжуань)
     271
 Тэджон тхонпхён 大典通編 54
 Тэджон хветхон 大典會通 54, 71
 тэджон чхаби 大殿準備 368
 тэджунхва 大衆化 231, 232, 257
 Тэдон 大同 (кит. Датун) 27, 51
 Тэдон тангёль сонон
     大同團結宣言 93
 тэдонми 大同米 308
 тэребок 大禮服 479
 тэса 大師 514, 516
 тэса 大祀 327
 тэсаре 大射禮 285
 Тэсонджон 大成殿 336, 423
 Тэхаг 大學 (кит. Дасюэ) 404,
     409, 457
 Тэхан йеджон 大韓禮典 85, 518
 тэчхаса 大差使 76

 Уса 雲祀 514
 усан чваха 右上左下 566
 уджу 虞主 486, 487, 489, 555
 Унянхо закон 雲揚號事件 78

 хактхон 學統 505
 Халлимвон 翰林院 190
 Ханджуннок 閑中錄, или
     恨中錄 384
 ханмун 漢文 69, 168, 255, 388, 521

 ханок 韓屋 168, 176, 418, 579, 580
 хансик 寒食 535
 Хансо 漢書 (кит. Ханьшу) 42
 харе 賀禮 358
 хвангук 換局 57
 хвангык 皇極 64
 Хвангык кёнсесо 皇極經世書
     (кит. Хуанцзи цзиншишу) 64
 Хвангык чипхёндо 皇極治平圖
     64
 хвандже 皇帝 84
     хвандже чисэ 皇帝之璽 45
 хванджок 皇籍 578
 хвансасон 皇嗣孫 541
 хвансесон 皇世孫 541
 хвантхэджа 皇太子 85, 94,
     471, 507
 хванху 皇后 36, 85
 хвачхун 華蟲 481
 хвегап 回甲 286
 хви 徽/諱 492
 хвихо 徽號 487, 488, 506
 хё 孝 26, 113, 410, 453, 486
 Хёгён 孝經 (кит. Сюэцзин) 406,
     410, 414, 456
 хёджа 孝子 66, 281, 509
 хёль 穴 324, 543, 544, 548, 565,
     566
 хёнгун 玄宮 545, 548
 хёнму 玄武 66, 298, 326
 хёнпхан 懸板 266, 334, 338, 342,
     350, 418, 420, 432, 436
 хёнсан 形山 543, 544
 холь 笏 481, 536, 551
 хон 魂 476, 555
 хонбэк 魂帛 486–488, 555
 хонга 軒架 483, 484
 хонджон 魂殿 281, 487, 488, 490,
     497, 555
 Хонджэ чонсо 弘齋全書 62
 Хонмунгван 弘文館 168, 188,
     361, 496
 хонсальмун 紅—門 532, 545
 хувон 喉院 265
 хугун 後宮 335, 366, 415, 417, 432
 Хунмин чоньм 訓民正音 49, 242
 хусу 蔽膝 480, 481
 хэгым 奚琴 485

 Хэдон коги 海東古記 190
 Хэдон сохак 海東小學 409
 Хэдон чхонджа 海東天子 36
 хэнгун 行宮 285, 301, 306
 хэнджан 行狀 205, 493
 хэннок 行錄 205
 хэнсо 行書 272
 хэсо 楷書 271
 хэтхэ 海陀 41. 164, 165, 328,
     344, 439
 Хэххон чхубом 海天秋帆 170
 хюнбэ 胸背 353, 536
 хюнне 凶禮 510, 516
 хюныйджан 凶儀仗 536, 554
 хян 享 450
 хянак 鄉樂 484
 хянгё 鄉校 72, 286

 ча 字 492
 Чанагвон 掌樂院 485
 чанвон 壯元 359
 чанпхунбоп 藏風法 325
 Чансогак 藏書閣 259, 274,
     291, 325, 382, 505
 чапсан 雜像 342, 344, 347,
     351, 464
 чвамё уса 左廟右社 (кит.
     цзомяо юсы) 321, 465
 чвахяннон 坐向論 326
 Чеван ёндэёк 諸王年代曆 191
 чеги 祭器 474
 чемун 祭文 65, 504
 чеса 祭祀 134, 135, 450
 чи 智 48, 297
 Чибон юсоль 芝峰類說 58
 Чим 朕 36
 Чинён ыйгвё 進宴儀軌 431
 Чинчхан ыйгвё 進饌儀軌 431
 Чишхёнджон 集賢殿 49, 53, 64,
     334, 361, 406, 449
 Чо-А тхонсан чояк
     朝俄通商條約 80
 чоджонсан 祖宗山 322
 Чогеджон 曹溪宗 327
 чольбу 節婦 509
 чонган 正幹 321
 чонгун 正宮 299
 чонджа 亭子 435

- чонджагак 丁字閣 45, 551
чонджи 傳旨 263
чонджон 正殿 334, 351
Чонджу Ли-сси Тэдон чонъяг-
вон 全州李氏大同宗約院 102,
136, 449, 540
чондэоп 定大業 477, 483, 485
чони 宗彝 481
чонмё 宗廟 295, 448, 465, 507–
509
Чонмё Саджик 宗廟社稷 454
Чонмё череак 宗廟祭禮樂
442, 482
Чонмё ыйгве 宗廟儀軌 476,
505, 506
чонмё хоран 丁卯胡亂 212
чонмэк 正脈 321, 328
чонпхум 正品 353
чонпхум 從品 353
чонса 政事 263
чонсим 正心 404
чонсо 篆書 271
Чонха 殿下 42, 410
чонхэльбоп 定穴法 326
чонхо 尊號 279, 487, 492–494
чончхо 正草 203
чончхон 政廳 362
Чоныйгам 典醫監 168
чосан 祖山 326
Чосон ванджо силлок
朝鮮王朝實錄 203, 216, 230–
233, 243, 248–50, 252–263,
269–271
Чосон кёнгук чон 朝鮮經國典
199, 507, 515
Чосон чхэнняк 朝鮮策略 78
Чосонгук Тэ Кунджу Чонха
朝鮮國大君主殿 42
Чосонса 朝鮮史 224
чохве 朝會 358
чубан 廚房 362
чубёнгун 奏變宮 428
Чуджа каре 朱子家禮 (кит. Чжу
Си цзя-ли) 452, 516, 522, 523
чуджак 朱雀 64, 326, 371
Чуджахак 朱子學 40
чунджон 中殿 334, 335, 369, 386
Чунджон мама 中殿媽媽 369
чунин 中人 83
чунса 中祀 514
Чуре 周禮 (кит. Чжоу ли) 321,
410, 465, 509
чурён 柱聯 338, 339, 420
чусан 主山 326
чусо 注書 266
чучхе 主體 107
чхачхаун 次次雄 32, 45
чхвиви 就位 468
чхвиду 鷺頭 342, 343, 404
чхиджо 治朝 347, 350
чхикса 勅使 360
чхикчо 勅詔 36
Чхильджонсан нэвепхён
七政算內外篇 50
чхимджон 寢殿 334, 366, 401
чхинван 親王 85
чхингённе 親耕禮 455
чхинджа камын 親子感應 325
чхинджамне 親蠶禮 285, 380
чхинён 親迎 270
чхинильпха 親日派 224
чхинйере 親刈禮 455
чхон чи ин 天地人 450
чхонвон чибан 天圓地方 435
чхондамбок 淺淡服 537, 538
Чхонджамун 千字文 (кит.
Цянь цзы вэнь) 381, 414
чхонджэгван 總裁官 201
чхонджи кётхэ 天地交泰 370
чхонмён 天命 41
чхоннён 靑龍 65, 326
Чхонно ёкчон 天路歷程 180
чхонси чонмёй 請諡 宗廟儀
497
чхончху 請推 263
чхосо 草書 271, 272
чхохонгван 初獻官 477
чхончхуджоль 千秋節 358
чхоудже 初虞祭 487
чхугиль пхихюн 追吉避凶 324
чхуджонван 追尊王 453, 471,
501
чхукчхэк(мун) 竹冊(文) 65, 363
чхульхян 黜享 499
чхун 忠 38
чхунсин 忠臣 281, 509
Чхунхунбу 忠勳府 168
Чхунхян чон 春香傳 437
Чхунчху 春秋 (кит. Чуньцю) 26,
184, 185, 206, 410
Чхунчхугван 春秋館 188, 196,
198, 214, 215, 217, 224, 225,
361
чхусок 秋夕 526, 535
чхухян 追享 499
чхэк 冊 197, 198
чхэкпи 冊妃 370
чхэкпон 冊封 358
чхэнне 冊禮 279
чыгви кёсо 卽位敎書 507
чыгвисик 卽位式 358
Чынбо мунхон пиго
增補文獻備考 496
чынджо 曾祖 453
чэгун 梓宮 555
ый 儀 48, 297
ыйбён 義兵 83, 174
ыйбу 義夫 509
ыйгве 儀軌 218, 243, 274–293,
317, 342, 380, 393, 449, 488,
529, 557
ыйджан 儀仗 289, 536
Ыйджонбу 議政府 71, 222, 365,
493
ыйджу 儀註 278
ыйнё 醫女 382
Ыйре 儀禮 (кит. Или) 509
Ыйре санджонсо 儀禮詳定所
513
ыльса оджосин 乙巳五賊臣 170
ыльса чояк 乙巳條約 159
ымбонне 飲福禮 478
ымдок 陰德 371
Ымзик пальги 飲食一記 431
ым-ян 陰陽 (кит. инь-ян) 354,
371, 475–477, 481, 483, 522
ымтхэк 陰宅 443, 544
эчхэн(мун) 哀冊文 65, 205, 555
югё 儒敎 26
Юги 留紀 185
юджо 遺詔 64

юкхён 六賢 197, 457	юмён 遺命 389	юходок 攸好德 338
юкчольсин 六節臣 501	Юнхи 隆熙 44	
юкчонъён 六宗英 501	юсин 維新 70	янбан 兩班 53, 353, 377
юльджу 栗主 488	юсо чибо 論書之寶 45, 222	янтхэк 陽宅 443, 544

Имена

А Чикки 阿直岐 185	Инвон ванху 仁元王后 374, 390	Киджа 箕子 (кит. Цзи-цзы) 25, 42, 514, 515
Аллен Г. 175, 365	Инджо 仁祖 56, 69, 127, 205, 217, 220, 223, 262, 272, 273, 302, 307, 310–311, 317, 338, 370, 390, 407, 408, 417, 435, 498, 501, 504	Киль Чэ 吉再 500
Ан Хян 安珣 55, 457		Ким Инху 金麟厚 406
Ан Чунгын 安重根 88, 90, 91, 144		Ким Ир Сен 金日成 43, 106, 107, 412
Ан Чханхо 安昌浩 93		Ким Манджун 金萬重 180
Анджа 顔子 (кит. Янь-цзы) 456	Инджон 仁宗, ван Корё 37, 38, 189, 511	Ким Мёнгиль 金命吉 423, 427, 430
Андон Ким-сси 安東金氏 68, 70, 169, 413, 446, 566	Инджон 仁宗, ван Чосона 47, 374, 401, 406, 471, 498, 562, 563	Ким Оккюн 金玉均 71, 92, 163, 171, 175
Бичурин Н.Я. 141, 451, 575	Инмок ванху 仁穆王后 307, 309, 384, 390, 392, 531	Ким Пусик 金富弼 38, 162, 188–191, 194, 195, 197
Ван Гон 王建 35–37, 44, 301, 503, 508, 514	Инсон ванху 仁宣王后 370, 397, 549	Ким Сисып 金時習 500
Ван Ин 王仁 185	Инсу тэби 仁粹大妃 387, 389, 396, 401	Ким Тэмун 金大問 190
Ви Ман 衛滿 (кит. Вэй Мань) 25, 514	Инсун ванху 仁順王后 395, 548	Ким Хонджип 金弘集 71, 82
Вольсан тэгун 月山大君 306	Инпхён тэгун 麟坪大君 69	Ким Хондо 金弘道 66, 216, 286
Вонгён ванху 元敬王后 48, 376, 487, 522	Ирён 一然 129	Ким Хончхан 金憲昌 44
Вонсон-ван 元聖王 35	Ито Хиробуми 伊藤博文 87, 88, 95, 98, 144, 160	Ким Чансэн 金長生 522–524
Ё 堯 (кит. Яо) 27, 48, 50, 51, 455, 502, 522	Йеджон 睿宗, ван Корё 482	Ким Чен Ир 金正日 106, 107, 395
Ён Капсу 16, 78, 79, 104, 149, 150, 233, 258, 271, 455, 472	Йеджон 睿宗, ван Чосона 47, 386, 392, 396, 471, 494, 495, 498, 499	Ким Чип 金集 523
ёнбин Ли-сси 嬪李氏 414		Ким Чонхи 金正喜 69, 420
Ёнджо 英祖 44–46, 54, 59–61, 69, 71, 221, 222, 257, 268–270, 273, 275, 276, 278, 302, 358, 374, 390, 395, 402, 414, 471, 475, 498, 505, 531	Квангэтхо-ван 廣開土王 44, 185, 186, 241	Ким Чонхо 金正浩 331
Ёнсангун 燕山君 47, 54, 75, 117, 211, 249, 307, 358, 371, 383, 389, 401, 432, 453, 493, 498, 553	Кванджон 光宗 36, 44	Ким Чонын 金正恩 106, 395
Ёнчхан тэгун 永昌大君 307	Кванхэгун 光海君 47, 56, 127, 211–214, 243, 249–351, 259, 261, 281, 305–310, 330, 371, 383, 390, 392, 412, 453, 475, 493, 498	Ко Хын 高興 (кит. Гао Син) 185
Ёнчхин-ван 英親王 85, 89, 94–101, 160, 423, 425, 453, 479, 480, 507, 577, 580, 582, 584, 585, 588	Квон Чунхён 權重顯 170, 224	Коджон 高宗, ван Чосона 12, 13, 15, 17, 18, 44, 47, 48, 68, 69, 79, 80–84, 86–92, 94, 95, 98, 99, 103, 106, 110, 113, 127, 134, 135, 144, 150–154, 156, 158–160, 166, 169–171, 173–175, 178, 223–225, 230–233, 249, 256, 268, 269, 272, 280, 285, 302, 304, 310–313, 317, 330, 358, 367, 374, 383, 388, 390, 392, 393, 401–404, 409, 410, 412–414, 421, 424, 427, 453, 454, 471, 496, 498, 506, 537, 540, 541, 547, 558, 559, 566–572, 576, 577, 579, 580, 582, 587, 588
Икчон 翼宗 413, 471, 501	Кебэк 階伯 31	
Имхэгун 臨海君 307	Кёнджон 景宗, ван Чосона 47, 54, 208, 232, 266, 383, 401, 403, 471, 531	
	Кёнсун-ван 敬順王 35, 301	

- Кои-ван 古爾王 30
 Кондо Сиросуке 權藤四郎介 429, 558, 570
 Конмин-ван 恭愍王 39, 41, 282, 327, 468, 474, 482, 511, 546
 Конджа 孔子 (Конфуций) 26, 27, 41, 42, 51 168, 184, 185, 187, 191, 195, 197, 201, 238, 459, 463, 482, 510, 514, 517, 521, 522
 Консон ванху 恭聖王后 309
 Конхе ванху 恭惠王后 389
 Концевич Л.Р. 16, 18, 47, 193
 Кото Бундзиро 小藤文次郎 324
 Кочхильбу 居柒夫 185
 Курода Киётака 黒田清隆 78
 Кынгусу-ван 近仇首王 185
 Кынчхого-ван 近肖古王 185
- Ли ванга 李王家 313
 Ли Ванён 李完用 169, 170, 224
 Ли Вон 李源 537, 540, 541
 Ли Ёнсан 李龍祥 587
 Ли И 李珣 168, 458, 522
 Ли Инджва 李麟佐 59
 Ли Кан 李堉 85, 106, 540, 577, 578, 580, 581, 586
 Ли Кваль 李适 56, 212, 217, 262, 310
 Ли Ку 李玖 99, 100, 103, 425–427, 479, 480, 506, 507, 541, 578, 585, 588
 Ли Кюбо 李奎報 130, 442
 Ли Мёнбок 李命福 69, 70, 169, 410, 569
 Ли Онджок 李彦迪 55
 Ли Панвон 李芳遠 206, 303, 304, 559, 560
 Ли Панджа 李方子 (Масако) 96, 97, 99–103, 425, 479, 480, 507, 578, 580, 584–586
 Ли Сок 李錫 106, 541, 577–582, 584–586
 Ли Сонге 李成桂 39–42, 301, 327, 454, 507, 509, 511, 521, 534, 559, 560
 Ли-сси ван 李氏王 17
 Ли Сугван 李暁光 58
- Ли Сынман 李承晩 100, 104, 167, 177, 577, 582–584, 586, 588
 Ли Хан 李翰 52, 534
 Ли Ханно 李恒老 83
 Ли Хаын 李呈應 69, 568, 569
 Ли Хван 李滉 55, 61, 523
 Ли Хэвон 李海瑗 541, 586
 Ли Чагём 李資謙 37, 189
 Ли Ын 李垠 94, 577
 Лю Хёнвон 柳馨遠 58
- Ма Цинчунь 馬建忠 82
 Маджу 馬主 (кит. Мацзу) 514
 Маллок Дж. 425, 426
 Масако 方子 96, 97, 99, 100–102, 425, 585
 Мёллендорф, П.Г. фон 80, 375
 Мёнджон 明宗, ван Чосона 388, 395, 471, 503, 505, 548, 563
 Мёнсон ванху 明聖王后 (жена Хёнджона) 432, 531
 Мёнсон хванху 明成皇后 110, 112–113, 133, 488, 489, 496, 536, 557, 559, 569–572
 Мин Ёнхван 閔泳煥 144, 163, 170, 171, 266, 454
 Мин Кабван 閔甲完 95, 584
 Мин би 閔妃, королева, жена Коджона 14, 15, 91, 92, 88, 94, 95, 113, 127, 132–137, 144, 160, 169–171, 174, 175, 223, 311, 312, 335, 339, 374, 375, 383, 404, 421, 429, 432, 496, 569, 577
 Миура Горо 三浦梧樓 102, 113, 136, 160
- Мичхон-ван 美川王 29, 30
 Мичху-ван 味鄒王 508
 Мокчон-ван 穆宗王 118, 201
 Мунджо 文祖 413, 531
 Мунджон 文宗, ван Корё 37
 Мунджон 文宗, ван Чосона 258, 257, 387, 401, 413, 471, 522, 531, 564, 565
 Мунджон ванху 文定王后 395, 553, 562–564
- Мунму-ван 文武大王 34
 Мунхё седжа 文孝世子 335, 383, 403
 Мурён-ван 武寧王 31
 Мухак [тэса] 無學 [大師] 327, 328
 Мэнджа 孟子 (кит. Мэн-цзы) 26, 41, 457
 Мэчхон 梅泉 173–175
- Ногук тэджан 魯國大長公主 474
 Носангун 魯山君 212, 500
 Нульджи-ван 訥祗王 33
- О Юнджун 魚允中 71
 Ом би 嚴妃, королева 89, 94, 96, 99, 102, 303, 421, 422
 Опперт Э. 127, 566–568
- Пак Ён 朴堧 51, 52
 Пак Ёнхё 朴泳孝 82, 169, 175, 224
 Пак Кюсу 朴珪壽 71, 174, 175, 454
 Пак Сечхэ 朴世采 524
 Пак Тхэгын 朴泰根 140, 141, 210
 Пак Хёккосе 朴赫居世 32, 508
 Пак Чега 朴齊家 65
 Пак Чивон 朴趾源 71, 141, 175
 Пак Чонхё 朴鍾淳 142–145, 153, 156
 Пак Чонхи 朴正熙 101, 104, 111, 141, 226, 588
 Пак Ынстик 朴殷植 93
- Песоцкий В. 318, 319
 Подставин В.Н. 319
 Попхын-ван 法興王 33, 44
 пхеби Ю-сси 廢妃 柳氏 309
- Садо седжа 思悼世子 61, 62, 66, 67, 278, 384, 385, 397, 412–414, 501, 547, 553
 Седжо 世祖 53, 54, 203, 205, 211, 212, 386, 388, 396, 401, 449, 471, 483, 494, 495, 498–500, 547, 564

- Седжон 世宗 43, 48–53, 64, 74, 168, 203, 204, 214, 219, 242, 250, 259, 261, 295, 304, 334, 374, 376, 405, 406, 412, 415, 449, 459, 471, 472, 482, 484, 485, 492, 493, 497, 499, 503, 504, 511, 513–515, 517, 522, 547, 583
- Середин-Сабатин А.И. 156–162, 402
- Син Кёнджун 申景濬 322
- Син Нью 申瀏 140
- Син Саимдан 申師任堂 168
- Син Юнбок 申潤福 416
- синбин Ким-сси 愼嬪金氏 415–417
- Синджон ванху 神貞王后 70, 174, 390, 393, 531
- Синдок ванху 神德王后 303, 376, 560, 561
- Синый ванху 神懿王后 560
- Соджи-ван 炤智王 33
- Соль Чхон 薛聰 197, 457
- Сон-ван 聖王 31
- Сон Сиёль 宋時烈 47, 57, 58, 406, 496, 523, 524
- Сон Чунгиль 宋浚吉 523
- Сонджо 宣祖 47, 55, 56, 69, 208, 220, 232, 249, 251, 258, 305–307, 377, 388, 390, 395, 410, 417, 433, 465, 498, 531
- Сонджон 成宗, ван Корё 37, 508, 509
- Сонджон 宣宗, ван Корё 511
- Сонджон 成宗, ван Чосона 54, 131, 188, 258, 305, 315, 370, 376, 382, 387–389, 396, 398, 411, 471, 501, 504, 506, 515, 549
- Сондок ёван 善德女王 119
- Синнон 神農/Соннон 先農 (кит. Шэньнун) 455, 502, 512, 514
- Сосури-ван 小獸林王 185
- Сохе ванху 昭惠王后 386, 387
- Сохён седжа 昭顯世子 47, 407–409
- Сохон ванху 昭憲王后 376, 387, 415, 472, 522, 547
- Сукчон 肅宗, ван Корё 189
- Сукчон 肅宗, ван Чосона 46, 48, 54, 57, 208, 212, 221, 273, 275, 295, 302, 324, 358, 388, 390, 401, 403, 436, 438, 471, 523
- Сун 舜 (кит. Шунь) 27, 48, 50, 51, 312, 372, 440, 455, 482, 502, 522
- Сунвон ванху 純元王后 383, 395, 418, 420, 446, 566
- Сунджо 純祖 67, 222, 271, 292, 316, 317, 358, 383, 385, 388, 390, 395, 397, 403, 413, 417, 438, 446, 471, 498
- Сунджон 純宗 12, 44, 48, 68, 85–88, 91, 94, 96, 99, 106, 134–136, 151, 159, 160, 174, 219, 225, 232, 233, 249, 260, 262, 265, 268, 272, 273, 313, 315–318, 367, 370, 379, 383, 397, 402, 421–423, 447, 453, 471, 504, 506, 537, 552, 572, 577, 582, 586–588
- Сунджонхё хванху 純貞孝皇后 421, 572
- Сунмёнхё хванху 純明孝皇后 572
- Суян тэгун 首陽大君 53, 387
- Тангун 檀君 24, 25, 43, 103, 134, 512, 514, 515, 586
- Танджон 端宗 47, 48, 53, 203, 211–213, 307, 387, 396, 401, 471, 499, 500, 562, 564, 565
- Таный ванху 端懿王后 531
- Тихонов В.М. 16, 84, 181, 193, 408
- Токхе (онджу) 德惠(翁主) 423, 424, 577, 578, 582, 584
- Токчон 德宗 387, 501
- Тонмён-ван 東明王 28, 32, 106, 129, 130, 508, 514, 515
- Тосон 道詵 324, 328
- Троцевич А.Ф. 193, 275, 437
- Тхархэ-ван 脫解王 32
- Тхэджо 太祖, ван Корё 35–37, 44, 248
- Тхэджо 太祖, ван Чосона 39–42, 48, 52, 130, 206, 213, 220, 248–250, 260, 265, 303, 314, 376, 413, 471, 473, 474, 492, 493, 497, 501–503, 509, 512, 517, 531, 534, 537, 546, 549, 552, 560, 501
- Тхэджо-ван 太祖王 32
- Тхэджон 太宗, ван Чосона 42, 45, 48, 74, 130, 200, 206, 207, 213, 214, 250, 301, 304, 315, 376, 405, 412, 415, 416, 471, 473, 487, 496, 503, 512–514, 517, 520, 521, 548, 552, 559, 560, 583
- Тхэджон Муёль-ван 太宗武烈王 34, 35, 52, 502, 534
- Тэвонгун 大院君 14, 54, 69–74, 77, 134, 169, 174, 199, 222, 268, 299, 302, 350, 567, 568
- У 禹 (кит. Юй) 27, 455, 502
- Хван Хён 黃玹 173, 174
- Хегёнгун 惠慶宮 286, 384, 385, 394, 397, 414
- Хеджон 惠宗, ван Корё 503
- Хеджон 惠宗 213
- Хёджон 孝宗 47, 57, 211, 220, 232, 317, 338, 358, 370, 390, 406, 408, 418, 420, 493, 523, 549
- Хёджон ванху 孝定王后 383, 420, 531, 565
- Хёккосе-ван 赫居世 32
- Хёмён седжа 孝明世子 47, 383, 403, 406, 411, 412, 408, 501, 531
- Хёнджон 顯宗, ван Корё 503
- Хёнджон 顯宗, ван Чосона 57, 251, 338, 358, 370, 388, 390, 397, 401, 432, 471, 531, 561
- Хёндок ванху 顯德王后 387, 531, 564, 565
- Хёхён ванху 孝顯王后 383, 565, 566
- Хёый ванху 孝懿王后 390
- Хон Ёнрик 洪英植 71
- Хон Сунмин 16, 130, 314, 391, 437, 441, 460

- Хонгён ванху 獻敬王后 385
Хонджон 獻宗, ван Корё 37
Хонджон 憲宗, ван Чосона 46, 67, 208, 219, 257, 316, 367, 383, 390, 393, 395, 413, 418, 420, 421, 471, 501, 504, 531, 552, 565, 566
Хуан Цзуньсянь 黃遵憲 78, 82
Худжик 后稷 (кит. Хоу-цзи) 455
Чаби-ван 慈悲王 33
Чангён ванху 章敬王后 563
Чаннёлъ ванху 莊烈王后 390, 524, 531
Чанхон 莊獻 67, 547
Часа 子思 (кит. Цзы Сы) 41, 409, 457, 26, 41, 457
Чехон ванху 齋獻王后 389
Чиджын-ван 智證王 33
Чиндок-ёван 眞德女王 44
Чиркины В.С., Н.Н., К.С. 319, 320, 519
Чо Ёнму 趙英茂 521, 552
Чо Инён 趙寅永 141
Чо Кванджо 趙光祖 168
Чо Чиннян 曹直亮 256, 257
Чон Монджу 鄭夢周 457, 458, 500, 521
Чон Сон 鄭散 451, 455
Чон Тоджон 鄭道傳 196–199, 206, 277, 295, 303, 327, 328, 507
Чон Ягён 丁若鏞 58
Чонан ванху 定安王后 386
Чонджо 正祖 45, 47, 48, 62–67, 71, 113, 114, 115, 213, 216, 219, 221–223, 273, 274, 278, 282, 285, 286, 292, 300, 335, 374, 383–385, 394, 397, 403, 404, 413, 414, 417, 432, 433, 437, 438, 446, 497, 498, 501, 504, 517, 547
Чонджон 定宗, ван Чосона 48, 206, 207, 213, 250, 259, 386, 473, 497, 503
Чонджу Ли-сси 全州李氏 52
Чонсун ванху 定順王后, жена Танджона 499
Чонсун ванху 貞純王后, жена Ёнджо 270, 276, 414, 531
Чонхён ванху 貞顯王后 389
Чонхи ванху 貞熹王后 387–389, 393, 396
Чу Сигён 周時經 165
Чуджа 朱熹 (кит. Чжу Си) 40, 47, 55, 58, 68, 199, 409, 453, 457, 516, 520, 521, 523, 548
Чумон 朱蒙 23, 28–30, 120, 123, 185, 508
Чунджон 中宗 121, 168, 205, 258, 304, 395, 471, 498, 506, 521, 549, 553, 562, 563
Чхве Намсон 崔南善 224
Чхве Чхивон 崔致遠 190, 191, 457
Чхве Чхун 崔沖 201
Чхве Юный 崔允儀 511
Чхок, принц 李拓 151, 159, 160, 312, 421, 577
Чхольчон 哲宗 18, 59, 67–70, 169, 219, 248, 257, 272, 273, 358, 370, 383, 390, 392, 395, 398, 401, 412, 462, 471, 552, 566
Чхорин ванху 哲仁王后 383, 390, 398
Чхуннёлъ-ван 忠烈王 38, 301, 511
Чхуннён тэгун 忠寧大君 405
Чынджа 曾子 (кит. Цзэн-цзы) 409, 456
Ыйгён седжа 懿敬世子 387, 388, 564
Ыйджа-ван 義慈王 31
Ыйджон 毅宗 38
Ыйин ванху 懿仁王后 284, 531
Ыймин хвантхэджа 懿慰皇太子 471, 507
Ыйчхин-ван 義親王 85, 106, 540, 577, 578, 580, 581, 584, 586
Юань Шикай 袁世凱 92
Юн, императрица 91, 99, 421–423, 426, 427, 430, 506, 580, 584
Юн пхеби 尹廢妃 388
Юн Тогён 尹德榮 422, 423
Юн Тхэгён 尹澤榮 521, 522
Юри-ван 琉璃王 23
Яннён тэгун 讓寧大君 405, 415, 583

Имена собственные объектов архитектуры

- Ёнджэгё 永濟橋 346
Ённёнджон 永寧殿 453, 459, 461, 464, 468, 471, 483, 490, 503, 505, 507
Ённын 英陵 547
Ённын 寧陵 549
Ёнхвадан 映花堂 435
Ёнчхумун 迎秋門 298
Ёнчхунхон 迎春軒 417
Ёнынмун 迎恩門 156
Ингёнгун 仁慶宮 307, 311
Инджонджон 仁政殿 313, 314, 351
Инджонмун 仁政門 350, 352
Каннёнджон 康寧殿 335, 367–369
Каннын 康陵 548
Квалламджон 觀瀾亭 337, 436
Кванхвамун 光化門 298–300, 332, 365, 372
Кёнбоккун 景福宮 72, 134, 136, 150, 164, 166, 176, 219, 225, 267, 284, 295, 300, 303–306, 310, 311, 316, 317, 319, 330–333, 335, 336, 338, 343, 344, 346, 351, 357, 365, 366, 370, 372, 379, 387, 392, 393, 401–404, 407, 420, 441, 508, 535, 560, 575–577, 585
Кёнгиджон 慶基殿 214
Кёндоккун 慶德宮 307, 310, 311

- Кённын 景陵 565
Кёнсонджон 慶成殿 335
Кёнунгун 慶運宮 154, 159, 299, 306, 307, 312, 330, 331, 342
Кёнхверу 慶會樓 336, 344
Кёнхигун 慶熙宮 164, 165, 310, 311, 316, 317, 330, 331, 402, 441
Кёнчхунджон 景春殿 397
Кётхэджон 交泰殿 334, 370, 371, 375, 376, 378, 379
Конволлын 健元陵 531, 550
Консиндан 功臣堂 454, 468, 473, 490
Консунгак 建順閣 397
Кончхонгун 乾清宮 311, 312, 335, 339, 577
Кончхунмун 建春門 298
Кымчхонгё 錦川橋 346
Кынджонджон 勤政殿 310, 313, 343, 351, 352, 576
Кынджонмун 勤政門 352
Кюджангак 奎章閣 334, 349, 380, 433, 437
Манвольмун 滿月門 348, 421
Манмёру 望廟樓 468, 473, 474
Мёнджонджон 明政殿 330
Мохвагван 慕華館 360
Наксонджэ 樂善齋 339, 350, 418–420, 423–427, 578, 584, 588
Намдэму 南大門 297, 580
Окхору 玉壺樓 335, 339
Оннючхон 玉流川 435
Осумун 漁水門 349
Оыйгун 於義宮 270, 302
Пандоджи 半島池 411
Пивон 秘苑 411, 441
Понмодан 奉謨堂 219
Пуёнджи 芙蓉池 433, 437
Пуёнджон 芙蓉亭 433
Пхёнвонну 平遠樓 419, 420
Саджиктан 社稷壇 321, 330, 331, 454–456
Саджонджон 思政殿 366
Согодан 昔御堂 306
Содэмун 西大門 298, 360
Сонвонджон 璿源殿 314
Сонджонгак 誠正閣 404, 405
Сонджонджон 宣政殿 366, 367
Соннын 成陵 309
Соллын 宣陵 549
Суганджэ 壽康齋 420
Сукчхонмун 肅清門 298
Сунмундан 崇文堂 397
Суннемун 崇禮門 298, 580
Токсугун 德壽宮 86, 93, 159, 299, 304, 313, 314, 581, 585
Тонгволь 東闕 305, 311, 332
Тонгурын 東九陵 531, 532, 542, 544, 656
Тондокчон 惇德殿 160, 412, 432
Тондэмун 東大門 298
Тонниммун 獨立門 156, 157
Тонхвамун 敦化門 332, 348
Тоныймун 敦義門 298
Тхэгыкчон 太極亭 433
Тхэрын 泰陵 564
Тэбодан 大報壇 435
Тэджоджон 大造殿 313, 316, 370, 371, 379
Унхёнгун 雲峴宮 134, 169, 176, 302, 424
Хамвонджон 含元殿 398
Хёллын 顯陵 564, 565
Хёнмумун 玄武門 298
Хиджондан 熙政堂 345, 367, 370
Хоннын 洪陵 569, 570
Хонхвамун 弘化門 330
Хувон 後苑 294, 332, 345, 349, 350, 411, 412, 432, 433, 435–437, 440, 441, 585
Хынинмун 興仁門 298
Чангунчхон 將軍塚 29
Чаннын 莊陵 562
Часондан 資善堂 402
Чибокчэ 集玉齋 336
Чипсанджон 集祥殿 370, 397
Чонджон 453, 459, 467, 469–471, 490, 503, 506
Чонмё 宗廟 219, 236, 239, 245, 267, 284, 291, 321, 442–446, 448, 449, 450–455, 458–466, 468, 474, 480–491, 497, 499, 500–509, 514, 515, 517, 518, 521, 525, 526, 530, 538, 552, 560, 565, 588
Чоннын 貞陵 560, 561
Чоннын 靖陵 549, 563
Чунмёнджон 浚明殿 159
Чунхидан 重熙堂 335, 403, 404
Чухамну 宙合樓 335, 433, 437
Чхангёнвон 昌慶園 441
Чхангёнгун 昌慶宮 278, 299, 304–306, 311, 317, 330, 331, 382, 396–399, 400, 415, 438, 441
Чхандоккун 昌德宮 166, 172, 175, 304–307, 311, 312, 314–318, 320, 330–332, 335, 338, 345, 348, 351, 357, 359, 361, 365, 367, 393, 396, 397, 402, 403, 411, 418, 420, 421, 438–440
Чханъёммун 蒼葉門 446
Чханынгун 彰義宮 302
Чхильгун 七宮 303
Чхильсadan 七祀堂 454, 468, 473
Чхонвадэ 靑瓦臺 344
Чхонмачхон 天馬塚 33
Чхоныйджон 清漪亭 434, 435
Чхунданджи 春塘池 435
Ыйдухап 倚斗閣 411
Эрёнджон 愛蓮亭 436
Юккун 六宮 303
Юннын 隆陵 547, 553
Юрын 裕陵 571, 572

Литература на корейском языке

- Ан Чхон.* Тэхан Хвансиль хвантхон чэнтхуса ёнгу (Изучение истории борьбы потомков Корейского Императорского Дома) // Хвансильхак нончхон (Сборник научных исследований, связанных с Императорским Домом). Вып. 9. Чонджу, 2007.
- Видэхан сонин Конджа* (Великий святой Конфуций). Буклет. Сеул: Сонгюнган, 1993.
- Ёкса инмуль чхосанхва саджон* (Словарь исторических деятелей с портретами). Сост. Институт по изучению культуры одежды. Сеул: Хёнамса, 2003.
- Кёнджу.* 2000нён-ый ёкса-га сар-а сум сви-нын Силла-ый ет судо (Кёнджу. Древняя столица Силла, где жива двухтысячелетняя история). Сеул: Уджин мунхваса, 1979.
- Ким Кису.* Кыль ссы-нын чонмун чигобин сагван: чикпхилло Чосонса-рыль кироххара! (Сагваны, писавшие историю на месте событий) // Мунхваджэ саран (Любовь к культурному наследию). Т. 43. [Июнь, 2008].
- Ким Минсу.* Чосон вансир-ый кукка унён вончхик оре (Основные государственные ритуалы правящего дома Чосона) http://www.nodongilbo.com/index.php?doc=bbs/gnuboard.php&bo_table=people&wr_id=12
- Ким Поннёнль.* Чонмё. Чуг-ын ча-рыль вихан, сар-а ин-нын кончхук (Чонмё: Живое здание для мертвых обитателей) // ЮНЕСКОга похо-ханын ури мунхва юсан ёль ту каджи (Двенадцать памятников нашей культуры, охраняемые ЮНЕСКО). Сеул: Сигонса, 2007. С. 350–379.
- Ким Суниль.* Токсугун (Кёнунгун). Фото – Ким Чонсоп. Сеул: Тэвонса, 1995. (Питккаль ин-нын чхэк-дыль. – Цветные книжки. Т. 108).
- Ким Тонук.* Чонмё-ва Саджик (Чонмё и Саджик). Фото – Ким Тонук, Ким Чонсоп. Сеул: Тэвонса, 1990 (Цветные книжки. Т. 102-15).
- Ко Херён.* Кукса пхёнчхан вивонхве хёнхван-гва хэве сарё суджип (Деятельность Комитета по составлению национальной истории и сбор документов за рубежом) // International Conference on Korean Historical Materials and the History of Koreans in Europe. Bonn: Gustav-Stresemann-Institute, 2004. С. 151–184.
- Кондо Сиросуке.* Тэхан Чегук Хвансиль писа (Тайная история Императорской семьи государства Тэхан). Пер. Ли Онсук. Ред., коммент. Син Мёнхо. Сеул: Имаго, 2007.
- Ли Кангын.* Кёнбоккун. Фото – Ли Кангын. Сеул: Тэвонса, 2000. (Цветные книжки. Т. 219).
- Ли Минвон.* Мёнсон хванху сихэ-ва агван пхачхон (Убийство королевы Мин и бегство Коджона в русскую миссию). Сеул: Кукхак чарёвон, 2002.
- Ли Минвон.* Хангуг-ый хвандже (Императоры Кореи). Сеул: Тэвонса, 2001. (Цветные книжки. Т. 243).
- Ли Помджик.* Чонмё ыйре-ран муосинга? (Что такое «ритуалы Чонмё»?) // Чонмё тэдже мунмуль (Мир чонмёских государственных ритуалов). Сеул: Йемэк, 2004.
- Ли Хонджик* (李弘植). Чынбо сэ кукса саджон (Новый исторический словарь, дополненный). Сеул: Кёхакса, 1990.
- Ли Чханхван.* Совершенство ландшафтного дизайна королевских мемориальных комплексов эпохи Чосон // Кореана на русском языке. Т. 5, № 1. [2009, весна].
- На Хонджу.* Минби амсаль пипхан (Критика [книги] «Убийство королевы Мин»). Сеул: Мирэ мунхваса, 1990.
- Пак Ёнгу.* Хан квон-ыро иль-нын Чосон ванджо силлок (Летописи династии Чосон в одном томе). Сеул: Тыллёк, 1996.

- Пак Хонган.* Значение и методика составления «Подлинных записей династии Чосон» // Когеапа на русском языке. Т. 4, № 3. [2008, осень]. С. 8–15.
- Пён Вонним.* Чосон-ый ванху (Королевы Кореи). Сеул: Ильчиса, 2006.
- Рю Сивон.* Пхунун-ый Хан маль ёкса санчхэк (Прогулка по истории последних лет Чосона). Сеул: Хангук мунхавон, 1996.
- Саджин-ыро пон 100нён чон-ый Хангук (Корея столетней давности в фотографиях). Фотоальбом. Сеул: Католическое изд-во, 1997.
- Саджин-ыро по-нын кындэ Хангук I (Корея нового времени в фотографиях. Т. 1). Фотоальбом. Пояснительный текст – Ли Кюхон. Сеул: Сомундан, 1994.
- Саджин-ыро по-нын Чосон сидэ. Сэнхваль-гва пхунсок I, II (Эпоха Чосон в фотографиях. Жизнь и обычаи. В 2 тт.). Фотоальбом. Пояснительный текст – Чо Пхунён. Сеул: Сомундан, 1993–1994.
- Син Мёнхо.* Кунгвор-ый ккот куннё (Цветы дворца – куннё). Сеул: Сигонса, 2004.
- Син Пёнджу.* Сынджонвон ильги. Ван-ый сумгёль ккади ночхиди ан-нын кирок («Подневные записи королевского секретариата». Записи, фиксировавшие даже дыхание вана) // Двенадцать памятников нашей культуры, охраняемые ЮНЕСКО. Сеул, 2007. С. 248–275.
- Син Пёнджу.* Чосон чхвего-ый мёнджо-дыль (Выдающиеся литературные памятники Чосона). Сеул: Humanist, 2006.
- Сон Хеджин.* Чонмё череак (Ритуал и музыка Чонмё) // Двенадцать памятников нашей культуры, охраняемые ЮНЕСКО. Сеул: Сигонса, 2007. С. 350–379.
- Ссынода Хусако* (Цунода Фусако 雨田房子). Минби амсаль (閔妃暗殺, «Убийство королевы Мин»). Пер. с япон. Сеул: Чунан ильбоса, 1988; 2-е изд.: Мёнсон хванху – чхвеху-ый сэбёк (Императрица Мёнсон – последний рассвет). Перевод с японского Ким Ынсу. Сеул: Чосон ильбоса, 1999.
- Токсугун. Погвон чонби кибон кехвек (Основной план восстановления Токсугуна). Сборник исторических и рабочих материалов. Сеул: Управление культурным наследием, 2005.
- Тэхан Чегук 1907 Хеиг тхыкса (Специальные посланники Корейской империи на конференции в Гааге 1907 г.). Иллюстрированный каталог выставки. Сеул: Управление культурным наследием РК, 2007.
- У Тонсон, Чо Чэмо.* Чхандоккун. Орэн ёкса-рыль хамкке хан ури кунгволь (Чхандоккун. Дворец, проживший с нами вместе долгие годы истории) // Двенадцать памятников нашей культуры, охраняемые ЮНЕСКО. Сеул, 2007. С. 86–127.
- «Халлю»-ва Асиа-ый тэджун мунхва (Корейская волна «халлю» и азиатская массовая культура). Сб. ст. Сеул: Ун-т Ёнсе, 2003.
- Хан Ёну.* Мёнсон хванху-ва Тэхан Чегук (Императрица Мёнсон и Корейская империя). Сеул: Хёхён чхульпхан, 2001.
- Хан Ёну.* Чонджо-ый Хвасон хэнчха кы 8иль (Восьмидневное шествие Чонджо в Хванскую крепость. Ренессанс династии). Сеул: Хёхён чхульпхан, 1998.
- Хан Ёну.* Чосон-ый чип Тонгвор-е тыльда (Национальные особенности Восточного Дворца). Сеул: Ёльхвадан, 2006.
- Хан Чонсу.* Чосон сидэ ыйгве (儀軌)-ва кы тхыкчын (Ыйгве периода Чосон и их особенности). http://yoksa.aks.ac.kr/jsp/ee/HajeView.jsp?gb=1&cd=001-007&ee93no=kh2_je_e_eha_000_001
- Хангуг-есой Росиа имиджи: 17сеги путхо 20сеги ккаджи Хан-Но кванге 4сеги-ый чэчомён (Образ России в Коре: четыре века российско-корейских отношений в новом освещении – XVII–XX вв.). Материалы международной научной конференции в НГУ, 17 ноября 2009. Новосибирск, 2009.

- Хангуг-ыль саранхан соянин (Европейцы, любившие Корею). Сеул: Ильчогак, 2004 (Хангукса симин канджва – Народные лекции по корейской истории. Т. 34).
- Ханян-есо Соуль-ккаджи. Соуль 600нён тоси мунхва кихэн (От Ханяна до Сеула. Путешествие в 600-летнюю историю Сеула). Буклет выставки, посвященной 600-летию Сеула. Сеул: Тона ильбоса, 1993.
- Хон Сунмин. Ури кунгволь ияги (Рассказ о наших дворцах). Пхаджу: Чхоннёнса, 2007.
- Чан Ёнхун. Ваннын пхунсу-ва Чосон-ый ёкса (Геомантия королевских гробниц и история Чосона). Сеул: Тэвонса, 2006.
- Чан Кёнхи. Когун-ый помуль (Сокровища Когун). Иллюстрированный каталог экспозиции Музея королевской культуры Когун. Сеул, 2009.
- Чан Сунён. Чхандоккун. Фото – Ким Чонсоп. Сеул: Тэвонса, 1990. (Цветные книжки. Т. 32).
- Чон Помджун. Чегуг-ый хуе-дыль (Потомки империи). Сеул: Хвансо чари, 2006.
- Чонмё тэдже мунмуль (Мир чонмёских государственных ритуалов). Сб. статей. / Администрация культурного комплекса Чонмё, Ассоциация потомков королевского рода Ли и др. Сеул: Ёемэк, 2004.
- Чосон вансир-ый помуль (Сокровища королевского двора Чосона). Сеул: Сост. Государственный музей королевской культуры Когун и др., 2008.
- Чосон ваннын тапса сучхоп (Блокнот для похода по гробницам ванов Чосона). Текст: Управление культурным наследием РК. Фото – Ли Сонджон. Сеул: Мисуль мунхваса, 2006.
- Чу Намчхоль. Пивон (Секретный сад). Фото – Чу Намчхоль, Ким Чонсоп. Сеул: Тэвонса, 1992. (Цветные книжки. Т. 35).
- Чхве Мунхён и др. Мёнсон хванху сихэ сакон (Убийство [императрицы] Мёнсон хванху). Сеул: Минымса, 1992.
- Чхве Мунхён. Мёнсон хванху сихэ-ый чинсир-ыль палкхинда (Открывая истину об убийстве императрицы Мёнсон хванху). Сеул: Чисик санопа, 2001.
- Чхве Чунсик и др. ЮНЕСКОга похо-ханын ури мунхва юсан ёль ту каджи (Двенадцать памятников нашей культуры, охраняемые ЮНЕСКО). Сеул: Сигонса, 2007.
- Ю Хонджун. На-ый мунхва юсан тхапсаги (По местам моего культурного наследия). Сеул: Чханджак-ква пипхёнса, 1993.
- Юн Ёнин. Чосон ванджо силлок. Чосон-ый модын кос-ыль там-ын чинсир-ый пада («Истинные записи династии Чосон». Море истины, где содержится все о Чосоне) // Двенадцать памятников нашей культуры, охраняемые ЮНЕСКО. Сеул, 2007. С. 276–298.

Литература на русском языке

- Бичурин И. Религии ученых // Все о Китае. Культура, религия, традиции. М. Профит Стайл, 2008. С. 278–304. (Цивилизации).
- Большой китайско-русский словарь. Под ред. И.М. Ошанина. В 4-х томах. М.: ГРВЛ, 1983.
- Большой корейско-русский словарь. В 2-х томах. Около 150 тыс. слов. Под ред. Л.Б. Никольского и Цой Ден Ху. М.: Русский язык, 1976.
- Ванин Ю.В. Корея и Гаагская мирная конференция 1907 г. // Восток. 2008, № 6. С. 45–56.
- Вебер К.И. Записка о Корее до 1898-го года и после // Российское корееведение. Альманах. Вып. 2. М.: МЦК МГУ – Муравей, 2001. С. 133–148.
- Верная Чхунхян. Корейские классические повести XVII–XIX вв. — М. – Л.: Худож. лит., 1990.

- Верная Чхунхян: корейские повести XIX в. В 2-х тт. СПб.: Гиперион, 2009. (серия «Золотой фонд корейской литературы»).
- Волков С.В. Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке. М., 1999.
- Воробьев М.В. «Правдивые хроники» чжурчжэньских императоров («шилу») // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник-1968. М.: ГРВЛ, 1970. С. 199–207.
- Все о Китае: культура, религия, традиции. М.: Профит Стайл, 2003 (Цивилизации).
- Георгиевский С., Грубе В. Конфуцианство // Все о Китае. Культура, религия, традиции. М. Профит Стайл, 2008. С. 11–108. (Цивилизации).
- Глухарева О.Н. Искусство Кореи с древнейших времен до конца XIX века. М.: Искусство, 1982.
- Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия. М.: Географгиз, 1951.
- Дворец Кёнбоккун (подборка статей) // Кореана на русском языке. Т. 6, № 4. [2010, зима].
- Джарылгасинова Р.Ш. Древние когурёсцы (К этнической истории корейцев). М.: ГРВЛ, 1972.
- Джарылгасинова Р.Ш. Немеркнущая красота росписей государства Когурё // Восточная коллекция. 2007. № 4 (31). С. 98–107.
- Джарылгасинова Р.Ш. Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики («Стела Квангэтхо-вана»). М.: ГРВЛ, 1979; 2-е изд. М.: Первое марта, 2010.
- Духовная культура Китая. Энциклопедия. Т. 2. Мифология. Религия. М., 2007.
- Елисеев Д.Д. Заметки о Ким Пусике (1075–1151) // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 2 / СПбГУ. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. С. 68–80.
- Елисеев Д.Д. Черной тушью по белой бумаге // Восточная коллекция. 2007, № 4. С. 126–134.
- Елисеева И.А. Искусство и культура Кореи. Путеводитель по постоянной экспозиции. М.: Государственный музей Востока, 2010.
- Ермаков К.В. «Блистающая крепость» вана Чонджо // Восточная коллекция. 2007, № 4. С. 52–63.
- Жданова Л.В. Поэтическое творчество Чхве Чхивона. СПб.: «Петербургское востоковедение», 1998. (Orientalia).
- Забровская Л.В. Китайский миропорядок в Восточной Азии и формирование межгосударственных границ (на примере китайско-корейских отношений в XVII–XX вв.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000.
- Забровская Л.В. Китай и КНДР: курс на сохранение регионального статус-кво // Проблемы Дальнего Востока. 2009, № 9. С. 26–33.
- Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Корейская классическая проза в пер. Г.Е. Рачкова, Д.Д. Елисеева, А.Ф. Троцевич. Л.: Худ. лит., 1985.
- Зенина Л. В. Из истории национально-освободительного движения в Корею в 1900–1917 гг. Отклики на революционную борьбу кит. народа. (По материалам Архива внеш. политики России) // Ученые записки ЛГУ. 1959, № 281. Серия востоковедных наук. Вып. 10. С. 52–64.
- Изучение Кореи на Западе: От первого лица. Сб. интервью и эссе. Пер с английского. Под науч. ред. Т.М. Симбирцевой. М.: Изд-во РГГУ, 2011.
- Исторические памятники Кореи. Фотоальбом. Пхеньян: Изд-во «Памятники культуры», 1980.
- Ким Бусик. Самкук саги (Исторические записи трех государств). Кн. 1. Летописи Силла. Изд. текста, пер., вступит. статья и коммент. М.Н. Пака / Отв. ред. А.М. Рогачев. М.: ИВЛ, 1959. 384, VI с.; 202, VII с. факс (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия. I); Изд. 2-е, стереотипн. М.: Вост. лит., 2001.

- Ким Бусик.* Самгук саги (Исторические записи трех государств). Кн. 2. Летописи Когурё. Летописи Пэкче. Хронологические таблицы. Изд. текста, пер., вступит. ст. и коммент. М.Н. Пака / Отв. ред. Л.Р. Концевич. М.: Вост. лит., 1995. 405, VIII с.; 344, VII с., факс. (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия I, 2).
- Ким Бусик.* Самгук саги. Кн. 3. Разные описания. Биографии. Изд. текста, пер., предисл., вступит. ст., коммент., прил. [коллектива авторов] под общей ред. М.Н. Пака и Л.Р. Концевича. М.: Вост. лит., 2002. 444, XVIII с.; 217, VI с. факс., ил., карты (Памятники литературы народов Востока: Тексты: Большая серия; 1,3).
- Ким Г.Н., Ибраева Ж.Н.* Южнокорейские телесериалы в Казахстане: «халлью» и зрительская реакция (По материалам пилотных опросов) // http://world.lib.ru/k/kim_o_i/aaaaaa.shtml
- Ким Гван Чжин, Ким Ген Ин.* Русско-японская война и падение династии Ли // Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа. Пер. с кор. М.Н. Пака, Н.С. Кима, Ю.Н. Мазура. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953. С. 134–186.
- Ким Рехо.* Гибель королевы Мин. Новая версия // Корея. Сб. ст. К 80-летию со дня рождения проф. М.Н. Пака. М.: МЦК МГУ, 1998. С. 123–136.
- Ким Си Сып.* Новые рассказы, услышанные на горе Золотой Черепахи. Средневековая проза Кореи. Пер. с вэньяня (ханмуна) Дм. Воскресенского и Вл. Сорокина; подстроч. пер. стихов К.Монголова и В. Таскина, стихи в поэтич. переводе А. Штейнберга; коммент. К. Монголова, Б.Л. Рифтина. М.: Худ. лит., 1972.
- Китайская философия. Энциклопедический словарь. М.: Мысль, 1994.
- Конрад Н.И.* Очерки истории китайской литературы // *Конрад Н.И.* Неопубликованные работы. Письма. М.: РОССПЭН, 1996. С. 119–168.
- Конрад Н.И.* Очерки социальной организации и духовной культуры корейцев на рубеже XIX–XX вв. // Там же. С. 17–106.
- Концевич Л.Р.* Источниковедение Кореи. Рабочая программа курса. РГГУ, 2008. (Рукопись).
- Концевич Л.Р.* Корееведение. Избранные работы. М.: ИД «Муравей – Гайд», 2001.
- Концевич Л.Р.* Наставления народу о правильном произношении // Восточная коллекция. 2007. № 4. С. 33–45.
- Концевич Л.Р.* О развитии традиционного корееведения в царской России (Историко-библиографический очерк) // Энциклопедия корейцев России. 140 лет в России. Ред. Цой Броня. М.: РАЕН, 2003. С. 77–102 (библиография – С. 96–102).
- Концевич Л.Р.* Хронология стран Восточной и Центральной Азии. М.: ИФ «Вост. лит.» РАН, 2010. 806 с.
- Корейские предания и легенды из средневековых книг. Пер. с ханмуна. М.: Худ. лит., 1980.
- Корейский император // Вестник иностранной литературы (СПб.). 1904. № 2 (февраль). С. 250–254.
- Корея глазами россиян (1895–1945). Сост.: Ю.В. Ванин, Б.Д. Пак. М.: Первое марта, 2008. (Российское корееведение в прошлом и настоящем. Т. V).
- Королевские мемориальные комплексы эпохи Чосон // Кореана на русском языке. Т. 5, № 1. [2009, весна]. С. 8–36.
- Курбанов С.О.* Отражение категории почтительности к родителям хё в корейских конфуцианских сочинениях XII–XV вв. // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 7. СПб., 2004. С. 61–113.
- Ланьков А.Н.* Корейская монархия: расцвет и закат династии Ли // Сеульский вестник. 18.07.2002 (<http://vestnik.kr/article/historypage/3405.html>)

- Ланьков А.Н.* Политическая борьба в Корее XVI–XVII вв. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1995.
- Малявин В.* Конфуций. М.: Молодая гвардия, 1992 (Жизнь замечательных людей).
- Мещеряков А.Н.* Император Мэйдзи и его Япония. 1-е изд. М., 2006. 2-е изд. М.: Наталис, 2009.
- Описание Кореи. В 3 тт. / Министерство финансов Российской империи. СПб., 1900. Изд. 2-е, сокр. М., 1960.
- Описание корейских племен начала нашей эры (по *Сань-го чжи*). Пер. и коммент. М.Н. Пака // Российское корееведение. Альманах. Вып. 2. С. 17–22.
- Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа. Пер. с кор. М.Н. Пак, Н.С. Ким, Ю.Н. Мазур. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953.
- Пак Б.Б.* Карл Иванович Вебер и Корея после 1897 г. // Корея: история и современность. К 90-летию со дня рождения проф. М.Н. Пака. Сб. ст. Москва-Сеул, 2008. С. 104–116.
- Пак Б.Д.* Возмездие на Харбинском вокзале. М.–Иркутск, 1999.
- Пак Б.Д.* Освободительная борьба корейского народа накануне Первой мировой войны. М.: ГРВЛ, 1967.
- Пак Б.Д.* Россия и Корея. М., 1979. Изд. 2-е, испр. и доп. – 2004.
- Пак М.Н.* Ким Бусик как историк // *Ким Бусик*. Самгук саги (Исторические записи трех государств). Кн. 2. М.: Вост. лит., 1995. С. 7–32.
- Пак Чонхё.* Россия и Корёя. 1895–1898. М.: МЦК МГУ, 1993.
- Пак Чонхё.* Русско-японская война 1904–1905 гг. и Корея. М.: ИФ «Вост. лит.» РАН, 1997 (Исследования по Корее).
- Песоцкий В.Д.* Корея накануне аннексии. Император Кореи и его двор. СПб., 1910.
- Пострелова М.Н.* Мифический основатель Кореи Тангун и его восприятие в различные исторические периоды // Вопросы истории Кореи. Петербургский научный семинар–2001. СПб., 2002. С. 137–158.
- Республика Корея. Путеводитель. Пер. с англ. яз. Т.М. Симбирцева. М.: Национальная организация туризма Кореи, 2005.
- Роза и Алый Лотос. Корейские повести (XVII–XIX вв.). Пер. М.И. Никитиной, А.Г. Васильева, Г.Е. Рачкова, Лим Су, А.Ф. Троцевич. Сост. и коммент. Л.Концевич. М.: Худ. лит., 1974.
- Россия и Корея: новая встреча старых соседей. Каталог юбилейной выставки к 20-летию установления дипотношений РФ и РК. Сост. Korea – Russia Dialogue. Сеул, 2010. (на рус. и кор. яз.).
- Симбирцева Т.М.* Королева Мин (биографический очерк по книге Цунода Фусако «Убийство королевы Мин» // Вопросы истории Кореи-2004. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 68–85.
- Симбирцева Т.М.* «Сеульский строитель» // Восточная коллекция. 2009, № 3. С. 57–71.
- Симбирцева Т.М.* Убийство во дворце Кёнбоккун // Восточная коллекция. 2004, № 4. С. 127–142.
- Симбирцева Т.М.* Фрегат «Паллада» у корейских берегов // Восточная коллекция. 2002, № 3. С. 66–73.
- Тихонов В.М.* Буржуазная революция сверху? Реформы 1894–1895 годов в Корее // Корея: история и современность. Москва-Сеул, 2008. С. 117–130.
- Тихонов В.М.* История Кореи Т. 1. С древнейших времен до 1876 года. М.: Муравей, 2003.
- Тихонов В.М., Кан Мангиль.* История Кореи. В 2-х тт. Редактор, сост. хрон. таблиц и указателей Т.М. Симбирцева. Том 1. С древнейших времен до 1904 года (*Тихонов В.М.*); Том 2 – XX век. 1905–1945 гг. (*Тихонов В.М.*); 1945–1992 гг. (*Кан Мангиль*. Пер. с корейского Т.М.Симбирцева. Ред. В.М. Тихонов). М.: Наталис, 2011. (серия *Orientalia et classica PGGU*).

- Ткаченко Г.А. Культура Китая. Словарь-справочник. М.: Муравей, 1999.
- Троцевич А.Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.). СПбГУ, 2004.
- Троцевич А.Ф. За время дипломатической службы... Коллекция корейских книг в Санкт-Петербурге // Восточная коллекция. 2007, № 4. С. 68–77.
- Троцевич А.Ф., Гурьева А.А. Описание письменных памятников корейской традиционной культуры. Вып. I: Корейские письменные памятники в фонде китайских ксилографов восточного отдела Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007.
- Троцевич А.Ф., Гурьева А.А. Описание письменных памятников корейской традиционной культуры. Вып. II: Корейские письменные памятники в рукописном отделе Института восточных рукописей Российской академии наук. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009.
- Тягай Г.Д. Общественная мысль Кореи в эпоху позднего феодализма / ИВ АН СССР. М.: ГРВЛ, 1971.
- Тян В.Д. Буддийские храмы средневековой Кореи. М.: Вост. лит., 2001.
- Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата. М.: Русский путь, 2006.
- «Чосонвангчжонсиллок», или «Подлинные записи династии Чосон» // Корея на русском языке. Т. 4, № 3. [2008, осень]. С. 6–31.
- Чон Чхоль. Одинокий журавль: Из корейской поэзии XVI века. Поэтический перевод А.Л. Жовтиса; подготовка текста, вступит. статья и примеч. Л.Р. Концевича; науч. пер. стихов со старокор. яз. Л.Р. Концевича, Н.Л. Ицковой. 2-е доп. изд. М.: Наталис, 2009. (Восточная коллекция).
- Шицзин (Избранные песни). Пер. А.А. Штукина. Предисл. Н.И. Конрада. М.: Худ. лит, 1957.
- Янковский В.Ю. Янковские и корейцы // Российское корееведение. Альманах. Вып. 5. М., 2007. С. 413–420.

Литература на английском языке

- Adams E.B. Korea Guide. A Glimpse of Korea's Cultural Legacy. Seoul International Publishing House, 1988.
- Adams E.B. Palaces of Seoul. Yi Dynasty Palaces in Korea's Capital City. Seoul, 1987.
- Allen H.N. Things Korean. Seoul: Kyung-in Publishing Co., 1975 (RAS Korea Reprint Series). [1st ed.: New York – London: Fleming H. Revell Company, 1908].
- Bishop I. B. Korea and Her Neighbours. Seoul: Yonsei University Press, 1970 (A Series of Reprints of Western Books on Korea. 4). 2nd ed. – 1983. [original 1st ed. – New York, 1898].
- Cho Hae-Joang. Reading the “Korean Wave” as a Sign of Global Shift // Korea Journal. Vol. 45, No. 4. [Winter 2005]. Pp. 147–182.
- Cho Uhn. Positioning the Korean Wave in the Nexus between Globalization and Localization // Korea Journal. Vol. 45, No. 4. [Winter 2005].
- Choe, Ching Young. The Rule of the Taewon'gun 1864–1873. Restoration in Yi Korea. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1972. (Harvard East Asian Monographs. 45).
- Grayson J.H. Korea – A Religious History. London: RoutledgeCourzon, 2002.
- Heonik Kwon. Healing the Wounds of War: New Ancestral Shrines in Korea // The Asia-Pacific Journal. Vol. 24, 2009.
- Horton-Underwood, Liliás. Fifteen Years among the Top-Knots. Seoul, 1977 (RAS Korea Reprint Series). 2nd ed. 1987. [original 1st ed. – 1904, 2nd ed. – 1908].

- Hyegyŏng, Lady.* The Memoirs of Lady Hyegyŏng. The Autobiographical Writings of a Crown Princess of Eighteenth-century Korea. Transl., Introduction and annotations by JaHyun Kim Haboush. Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 1996.
- Jo Yoon-hee.* New Directions for Research and the Tradition of Yeonhaengrok // The Review of Korean Studies. Vol. 13, No. 2. [Summer 2010]. Pp. 135–157.
- Kang Suk Ja.* The Role of King Sejong in Establishing the Confucian Ritual Code // The Review of Korean Studies. Vol. 9, No. 3. [September 2006]. Pp. 71–102.
- Kim Jongmyung.* Religious Rituals of Korea: Structure and Meaning // The Review of Korean Studies. Vol. 10, No. 1. [March 2007]. Pp. 5–9.
- Lankov A.* The Dawn of Modern Korea. Seoul: EunHaeng NaMu, 2008.
- Lee Yur-Bok.* West Goes East. Paul Georg von Mollendorff and Great Power Imperialism in Late Yi Korea. Honolulu: University of Hawaii Press, 1988.
- Moon Joong-Yang.* Re-Thinking “Independence” of Science and Technology during King Sejong’s Reign // The Review of Korean Studies. Vol. 9, No. 3. [September 2006]. Pp. 39–70.
- National Museum of Korea. Illustrated Catalogue. Seoul, 2005.
- Oppert E.J.* A Forbidden Land: Voyages to the Korea. London: S. Low, Marston, Searle, and Rivington, 1880.
- Park Hyunmo.* How and When the Gyeongju Daejeon System Dismantled? A Study on Political Meaning of the Daehan Empire’s Birth // The Review of Korean Studies. Vol. 12, No. 3. [September 2000]. Pp. 197–222.
- Park Tae-keun.* Reflections on the Encounter between Korean and the Third Civilization (Russian) in China // Sungkyun Journal of East Asian Studies. Vol. 3, No. 1. [February 2003].
- Palmer S.J.* Confucian Rituals in Korea. Berkeley – Seoul, 1992 (Religions of Asia Series. 3).
- Pioneers of Korean Studies. Ed. by Kim Keong-il / The Review of Korean Studies; The Academy of Korean Studies. Seoul: Orom Systems, 2004.
- Pratt K. & R. Rutt,* with additional material by *J. Hoare.* Korea: A Historical and Cultural Dictionary. Dept. of East Asian Studies, University of Durham. Richmond (England): Curson Press, 1999 (Durham East Asia Series. 4).
- Shin Byung Zu.* Culture in Documents from the Joseon Dynasty and Euigwe (儀軌) // The Review of Korean Studies. Vol. 10, No. 3. [September 2007]. Pp. 173–184.
- Shin Myung-ho.* Effective Use of Information on the Web for Korean History Courses Taught in English // The Review of Korean Studies. Vol. 13, No. 2. [Summer 2010]. Pp. 77–94.
- Shin Myung-ho.* Joseon Royal Court Culture. Ceremonial and Daily Life. Transl. by Timoty V. Atkinson. Seoul: Dolbegae Publishers, 2004.
- The Last Empress. Musical Program. Seoul: A-Com International, Inc., 2002.
- The National Institute of Korean History. Gwacheon-Si, 2004 (Illustrated booklet).
- Tikhonov V.M.* Interview with Mikhail N. Pak // Pioneers of Korean Studies. Ed. by Kim Keong-il. Seoul, 2004. Pp. 357–386, photo.
- Wilson S.* Satanic Devils in the Hermit Kingdom // Transactions of the Royal Asiatic Society – Korea Branch. Vol. 77, 2002. Pp. 143–160.
- Women of Korea. A History from Ancient Times to 1945 / The Committee for the Compilation of the History of Korean Women. Ed. and trans. by Yung-Chung Kim. Seoul: Ewha Womans University Press, 1976.
- Won Chang-ae.* Royal Genealogical Records of the Joseon Royal Family // The Review of Korean Studies. Vol. 11, No. 2. [June 2008]. Pp. 141–160.
- Underwood H.G.* The Korea Branch of the Royal Asiatic Society: The First One Hundred Years // Transactions of the RAS-KB. Centennial Edition. Vol. 75, 2000. Pp. 1–8.
- Yi Pangja.* The World is One. Princess Yi Pangja’s Autobiography. Transl. by Kim Sukkyu. Seoul & Los Angeles, 1973.

Труды классиков западного корееведения по Чосону

- Culture and the State in Late Choson Korea. Kim Haboush JaHyun & Deuchler M., eds. Cambridge, Massachusetts and London, 1999 (Harvard-Hallym Series on Korean Studies, 182).
- Deuchler M.* Confucian Gentlemen and Barbarian Envoys. The Opening of Korea. 1875-1885. Seattle – London: University of Washington Press, 1977. 2nd ed. Seoul, 1983.
- Deuchler M.* Neo-Confucianism in Early Yi Korea: Some Reflections on the Role of Ye // Korea Journal. Vol. 15. No. 5. [May 1975].
- Deuchler M.*: The Tradition: Women During the Yi Dynasty // Virtues in Conflict: Tradition and the Korean Woman Today. S. Mattioli ed. Seoul: RAS-KB, 1977.
- Deuchler M.* Neo-Confucianism: The Impulse for Social Society Action in Early Yi Korea // Journal of Korean Studies. 1980, Vol. 2.
- Deuchler M.* Introduction // Korean Women, View from the Inner Room. L. Kendall and M. Peterson eds. New Haven: East Rock Press, 1983.
- Deuchler M.* Reject the False and Uphold the Straight: Attitudes toward Heterodox Thought in Early Yi Korea // The Rise of Neo-Confucianism in Korea. Wm. Th. De Bary and JaHyun Kim Haboush eds. New York: Columbia University Press, 1985.
- Deuchler M.* Heaven Does not Discriminate: A Study of Secondary Sons in Joseon Korea // Journal of Korean Studies. 1988–1989, Vol. 6.
- Deuchler M.* The Confucian Transformation of Korea: A Study of Society and Ideology. Cambridge: Harvard University Press, 1992.
- Deuchler M.* Propagating Female Virtues in Joseon Korea // Gender and Text in Pre-Modern China, Korea, and Japan: The Making and Unmaking of Confucian Worlds. Dorothy Ko, JaHyun Kim Haboush, and Joan Piggott eds. Berkeley: University of California Press, 2003.
- Palais J.* Politics and Policy in Traditional Korea. Cambridge: Harvard University Press, 1976.
- Palais J.* Confucian Statecraft and Korean Institutions: Yu Hyeongwon and the Late Joseon Dynasty. Seattle: University of Washington Press, 1996. 1308 pp.
- Wagner E.W.* The Literati Purges: Political Conflict in Early Yi Korea / East Asian Research Center. Cambridge, MA, 1974 (Harvard East Asian Monographs, 58).

Интернет-ресурсы

- Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО: <http://www.unesco.ru/>
- ООН, главная страница, Центр новостей: <http://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?NewsID=7771>
- ООН, «Всемирное наследие»: <http://heritage.unesco.ru/index.php?id=44&L=9>
- Association of Asian Studies (Ann Arbor, USA) <http://www.aasianst.org/bassub.htm> – интернет-библиография по азиатским исследованиям на европейских языках Bibliography of Asian Studies-on-line (BAS), которая содержит (по состоянию на осень 2010 г.) около 760 000 ссылок на книги, статьи в журналах, авторские монографии, главы в сборниках, материалы конференций, антологии и т.д., изданных в мире с 1971 до сего дня. Доступна по подписке – как организациям, так и частным лицам во всем мире.
- Academy of Korean Studies <http://www.aks.ac.kr/aks/>
- Academy of Korean Studies, The Center for Information on Korean Culture <http://www.ikorea.ac.kr/english>
- Academy of Korean Studies, Jangseogak Royal Library Digital Archive http://yoksa.aks.ac.kr/jsp/ee/HajeView.jsp?gb=1&cd=001-007&ee93no=kh2_je_e_eha_000_001

- Academy of Korean Studies, Gateway to Korean studies: <http://www.aks.ac.kr/Gateway/> – представлены, кроме базы данных «Успешно сдавшие экзамены кваго в Чосоне» и прочих первоисточников, и оригинальные тексты и переводы материалов из лекций Кюджангака и Чансогака, в том числе 203 книги «Подневных записей королевского секретариата» (Сынджонвон ильги) в переводе на современный корейский язык http://www.aks.ac.kr/Gateway/gateway_detail.asp?i_code=21&d_code=40
- Chandeokkung Home page <http://www.cdg.go.kr>, http://www.cdg.go.kr/guide/guide_course_01.htm
- Cultural Heritage Administration (Мунхваджэ чхон) www.cha.go.kr
- Independence Hall of Korea (Тоннип кинёмгван) www.independence.or.kr
- Institute for the Translation of Korean Classics, Database of Korean classics: <http://db.itkc.or.kr/> – представлены «Собрание избранных “Пекинских дневников” в переводе на современный корейский язык» (Кугёк Ёнхэннок сонджип) в 12 тт.; Собрание сочинений Чон Тоджона (Самбон чип) и пр.
- Joseon Royal Tombs: <http://royaltombs.cha.go.kr/>
- Korea Knowledge Portal (Кукка чисик пхотхол) <http://www.knowledge.go.kr> – обеспечивает доступ всем желающим к документам и изображениям, хранящимся в государственных учреждениях. Управляется Министерством информации и коммуникаций.
- Korean Heritage Books: www.e-coreana.or.kr
- Korean History On-Line (Объединенная система информации по истории Кореи): www.koreanhistory.or.kr
- Korean Studies Advancement Center (Хангук кукхак чинхынвон) www.koreastudy.or.kr
- Korean Studies Internet Discussion List: <http://koreaweb.ws/ks/>
- Kyujanggak Institute for Korean Studies (Кюджангак хангукхак ёнгувон), Seoul National University: <http://kyujanggak.snu.ac.kr/>, <http://e-kyujanggak.snu.ac.kr/>, <http://kyuarchive.snu.ac.kr/>
- Ministry of Patriots and Veterans Affairs (Кукка похунчхо) <http://www.mpva.go.kr/>
- National Archives of Korea (Кукка кирогвон) www.archives.go.kr/
- National Assembly Library (Кукхве тосогван) www.nanet.go.kr
- National Institute of Korean History (Кукса пхёнчхан вивонхве) www.history.go.kr
- National Institute of Korean History, the Annals of the Joseon Dynasty: <http://sillok.history.go.kr>
- National Institute of Korean History, Korean History Data-Base (Хангук ёкса чонбо тхонхап систем): <http://db.history.go.kr/>
- National Library of Korea (Куннип чунан тосогван) www.nl.go.kr
- National Research Foundation of Korea (Хангук ёнгу чэдан) www.nrf.go.kr
- National Treasures of South Korea (Wikipedia, the free encyclopedia): http://en.wikipedia.org/wiki/National_Treasures_of_South_Korea
- Royal Asiatic Society – Korea Branch (RAS-KB) <http://www.raskb.com/>
- UNESCO World Heritage List: <http://whc.unesco.org/en/list/>
- Библиотека старых книг по Кореи на английском языке: <http://hompi.sogang.ac.kr/anthony/BooksKorea.htm>
- Ваны Корё: http://ko.wikipedia.org/wiki/고려의_역대_임금
- Исторический словарь <http://kr.dictionary.search.yahoo.com/search/>
- Нейтхы хангукхак (NATE – Энциклопедия по корееведению): <http://100.nate.com/>; <http://koreandb.nate.com/>
- Список названий силлок отдельных чосонских монархов: <http://kr.dictionary.search.yahoo.com>
- Хронология правителей Кореи http://en.wikipedia.org/wiki/Rulers_of_Korea#Je

Татьяна Михайловна Симбирцева в 1980 г. окончила корейское отделение Института стран Азии и Африки МГУ (кафедра истории Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии). Во время работы в 1984–1991 гг. в Отделе вещания на корейском языке Гостелерадио СССР училась в Университете им. Ким Ир Сена в Пхеньяне (1989) и стажировалась на пхеньянском радио (1990). В 1993–1996 гг. по правительственному гранту Республики Корея училась на факультете отечественной истории Сеульского национального университета, где защитила магистерскую диссертацию на корейском языке на тему «Процесс установления границы между Россией и Кореей во второй половине XIX в. и его особенности (Критика мифа о “русской угрозе” Корее)». Кандидат исторических наук (2003). Диссертацию на тему «Современная (1894–2001 гг.) южнокорейская историография о характере раннего периода русско-корейских отношений (до 1895 г.)» защитила в Институте востоковедения РАН. С 2005 г. преподает историю и культуру Кореи в Институте восточных культур и античности РГГУ, доцент. Автор около семидесяти научных статей по истории русско-корейских отношений, русского и мирового корееведения, новой истории и историографии Кореи на русском, английском и корейском языках и двух научно-популярных книг – «Корея на перекрестке эпох» (М., 2000) и карманной энциклопедии «Республика Корея» в соавторстве (М., 2000); составитель «Биобиблиографического словаря современных российских корееведов» (М., 2006); редактор двухтомной «Истории Кореи» В.М. Тихонова и Кан Мангиля (М., 2011) и переводчик раздела Кан Мангиля.

Tatiana Mikhailovna Simbirtseva specializes in the early history of Russian-Korean relations, the modern history and historiography of Korea. She received a M.A. in 1980 from the Department of the History of the Far East and Southeast Asia (Korean Section) of the Institute for Asian and African Studies at Moscow State University, and between 1984 and 1991, worked for the Korean Language Broadcasting Division of Radio Moscow World Service. During that period, she studied Korean at Kim Il Sung University in Pyongyang (1989) and was trained at the Pyongyang Radio (1990). In 1994 – 1996, with a grant from the government of the Republic of Korea, she studied in the Faculty of Korean History at Seoul National University, where she received the degree of M.A. in Korean History. In 2003, Simbirtseva was awarded the degree of Candidate of Historical Sciences (Ph.D.) by the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences in Moscow. Her doctoral dissertation was entitled “Contemporary (1984 – 2001) South Korean Historiography on the Character of the Early Period of Russian-Korean Relations (up to 1895)”. At present, Simbirtseva is an associate professor in the Institute of Oriental and Classical Studies of the Russian State University for the Humanities (Moscow), where she teaches Korean history, culture and religion. She is the author of seventy scholarly articles, and is the compiler of “The Biobibliographical Dictionary of Modern Scholars of Korean Studies in Russia” (2006) and the editor of the two-volume “History of Korea” by Vladimir Tikhonov and Kang Man-gil (Moscow, 2011), in which she also translated the part by Kang Man-gil. In addition, she is the author of two popular books: the travelogue “Korea at the Crossroad of Times” (Moscow, 2000) and “The Republic of Korea: Pocket Encyclopedia” (Moscow, 2000) in col.

Contents

[From the Author]	11
The Chosŏn Dynasty. <i>Genealogical Tree</i>	20
I	
From the “First Among Equals” to the “First Among Men”	23
The Ancient Kings	23
The Kings of Koryŏ (935 – 1392)	36
The Kings of Chosŏn and the Emperors of Taehan Cheguk (1392 – 1910)	40
<i>The Symbols of Power</i>	40
<i>The “King’s Way” and the History of Chosŏn</i>	47
From the Monarchy to the Republic	86
The Descendants of the Dynasty	94
Who Will Be the Next Monarch of Korea?	104
II	
The King’s Legacy and Modern Korean Society	108
The Great Rise of Interest in Korea’s Royal Legacy	108
The “Korean Wave” (Hallyu)	114

The New Literature	124
Chosŏn and Russian-Korean Relations	137
Karl Waeber	150
Architect A.I. Seredin-Sabatin	156
A New 'Old' Seoul	164
An Unusual Guide	172
The Oldest Korean Studies Society	177
III	
The King's Legacy and the Modern Korean State	184
A History of Annals in the Far East	184
The "Herodotus of Korean History"	188
The Chosŏn Dynasty Annals	195
<i>Two Types of Chosŏn Annals</i>	198
<i>Compilation of the Sillok</i>	201
<i>The "Objective Nature" of the Sillok</i>	205
<i>The Chosŏn Archives</i>	213
<i>The Other "Kings" Chronicles' of Chosŏn</i>	218
The Annals in the Twentieth Century	224
<i>The Annals During the Colonial Period</i>	224
<i>The National Institute of Korean History</i>	225
<i>A New Life for the Chosŏn Annals:</i>	
<i>Their Digitalization</i>	230
The Chosŏn Monuments in the UNESCO Lists	235
<i>The Cultural Heritage Administration of Korea</i>	235
<i>The UNESCO "World Heritage" and Korea</i>	236
<i>The UNESCO "Memory of the World" and Korea</i>	242
<i>The UNESCO "Memory of the World" and Korea</i>	244
IV	
The Chosŏn Dynasty Chronicles	248
"The Veritable Records of the Chosŏn Dynasty"	
(Chosŏn Wangjo Sillok)	248
<i>"Embodiment of the Outstanding Historical</i>	
<i>Consciousness"</i>	248
<i>"Universal Significance for Mankind"</i>	252
<i>A Historian Said</i>	256
<i>The Preserved Texts of the "Chosŏn Wangjo Sillok"</i>	258
<i>The Publication of the "Chosŏn Wangjo Sillok"</i>	259
"The Diary of the Royal Secretariat"	
(Sŭngjŏngwŏn Ilgi)	261
<i>"The Most Valuable Source for Studying</i>	
<i>the Monarchy in the Far East"</i>	261
<i>About the King's Secretariat</i>	265

<i>The Distinction between the “Chosŏn Wangjo Sillok” and the “Sŭngjŏngwŏn Ilgi”</i>	269
<i>“Royal Diaries” for Everyone</i>	271
<i>Other “Royal Diaries”</i>	273
The State Event Manuals (Ŭigwe)	274
<i>The ‘Ŭigwe’ as a Notion</i>	274
<i>The Compilation of the Ŭigwe</i>	278
<i>The History of the Ŭigwe</i>	282
<i>The Best of the Ŭigwe</i>	285
<i>The Ŭigwe in the Modern World</i>	291

V

“The Most Korean of All the Korean Palaces”	294
The “Palace” as a Notion	295
The Two Palaces System and Chosŏn History	303
Materials on the History of the Palaces	316
The “Paektusan Big Stem” and the Location of the Palaces	320
The Palace as an Image of Class Society	333
The Architecture of the Chosŏn Palaces	339
The Structure of the Palaces and Their Inhabitants	345
<i>The Throne Hall</i>	351
<i>The Inner Administrative Zone</i>	361
<i>The State Council Palace</i>	366
<i>The King’s Palace</i>	367
<i>The Queen’s Palace</i>	369
<i>The Dowager Queen’s Residences</i>	386
<i>The Crown Prince’s Palace</i>	401
<i>The Concubines</i>	415
<i>The Nakseonjae Mansion and the End of the Dynasty</i>	421
<i>The Ladies in Waiting and the Female Servants</i>	427
<i>The Secret Garden</i>	432
“The Real Significance of the Ch’andŏkkung Palace and the Secret Garden”	440

VI

The Chosŏn Dynastys Ancestral Temple – Chongmyo	442
The Road to the Temple	443
“Chongmyo” as a Notion	448
Features of Chongmyo Spirit Worship	450
Other State Shrines of Chosŏn	454
The Symbol of the King	458
The “Parthenon of the East”	463
The Structure of Chongmyo	467
The Chongmyo Ritual Order	476

The Ritual Clothes	479
Chongmyo Music and Dance	482
Spirit Tablets	486
<i>The Categories of Spirit Tablets</i>	486
<i>The King's Name</i>	491
<i>The Laws of Relocating the Spirit Tablets</i>	499
<i>The "Immutable" Tablets</i>	501
<i>The Last Tablets</i>	506
The Chongmyo Temple and the Birth of the Confucian State	507
<i>The History of Chongmyo in Korea</i>	507
<i>The Advent of Confucian Ritual in Korea</i>	509
<i>The Birth of the Chosŏn Rituals</i>	511
<i>The Five State Ceremonies</i>	515
<i>Bolstering Ritual in Society</i>	520
A Key to Korean Culture	524
 VII	
The Royal Tombs	528
 A Rare Monument of State Culture	528
A Ceremony in the "Nine Tombs Park"	530
The Royal Tombs and P'ungsu	542
The Location and Structure of the Tombs	544
State Funerals	554
The Royal Tombs and Destiny	559
The Royal Tombs and History	566
 VIII	
A Forgotten Prince. <i>Instead of an Epilogue</i>	573
 <i>Appendix</i>	
<i>Table 1. Legendary, Ancient and Imperial China.</i>	
<i>A Chronology</i>	590
<i>Table 2. Rulers of the Early Korean States and Koryŏ.</i>	
<i>A Chronology</i>	595
<i>Table 3. The Location of the Chosŏn Kings' Spirit</i>	
<i>Tablets in the Chongmyo Altars</i>	601
 <i>Notes</i>	608
<i>Index and Chinese Character Glossary</i>	
Notions and Literary Works	619
Names	625
Buildings, Ponds, and Parks	628
<i>Bibliography</i>	630
<i>About the author</i>	641

Simbirtseva Tatiana M.

The Rulers of Old Korea.

This book is the first attempt by a Russian historian to introduce the cultural legacy (the chronicles, palaces, royal ancestral temple and tombs) of the Confucian Chosŏn dynasty, which ruled Korea from 1392 to 1910. The Chosŏn dynasty was the last legitimate government of a unified Korea. Who were the rulers of old Korea, what values did they cherish, how did they live, what was the nature of their family relations, for what they are remembered and for what are they criticized, and how do their descendants live today? These are the questions, which Tatiana M. Simbirtseva, an adjunct professor of the Russian State University for the Humanities, seeks to answer. The dynasty's 26th ruler, King Kojong (1864–1907), is known as a 'pro-Russian monarch'. Many significant events of his long reign were related to Russia and their echo is still being heard.

For students and the general readers.

Симбирцева Т.М.

С 37 Владыки старой Кореи. М.: РГГУ, 2012. 640 с. (Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности, вып. 35)

ISBN 978-5-7281-1289-1

Эта книга впервые в России рассказывает о памятниках истории и культуры Кореи времен конфуцианской династии Чосон (1392–1910): летописях, дворцах, храме предков и гробницах правящего дома, – и об удивительном «историческом буме», который породило наследие чосонских монархов в наши дни. Чосон правила 518 лет и погибла столетие назад – в 1910 г., став последним легитимным правительством единой Кореи. Какими людьми были правители старой Кореи, что считали высшей ценностью, как был обустроен их быт, как складывались их семейные отношения, за что их сегодня помнят и за что судят, что привело правящий дом Чосона к гибели, как живут ныне его потомки? Это некоторые из вопросов, на которые доцент РГГУ Т.М. Симбирцева стремится ответить. В позднем Чосоне зародились русско-корейские отношения. Предпоследний правитель Чосона – Коджон (1864–1907) – вошел в историю как «прорусский» монарх. С Россией связаны многие значительные события его долгого правления, и их эхо звучит и поныне.

Для студентов и широкого круга читателей.

УДК 951.9
ББК 63.3(5Ко)

Научное издание

Симбирцева Татьяна Михайловна

ВЛАДЫКИ СТАРОЙ КОРЕИ

Редактор *С.В. Веснина*
Художественный редактор *М.К. Гуров*
Компьютерная верстка
М.К. Гуров, М.Л. Гурова

Подписано в печать 23.04.2012

Формат 70×100 ¹/₁₆

Уч.-изд. л. 53,5 Усл. печ. л. 52,7

Тираж 1000 экз. Заказ № 8674.

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993 Москва, Миусская пл., 6
Тел. 8-499-973-42-06

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.oaompk.pf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

朝鮮王